114043

2 91/VII-82 9714

Пр. 2010

814043

[illegible]

З. К.
30К

ф 30965

НОВОЕ

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАПОЛЕОНА I.

9(44)

Историческій трудъ профессора Вилліана Слóона.

СЪ МНОЖЕСТВОМЪ ПОРТРЕТОВЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЙ

(съ картинъ: Верне, Давида, Деларош, Детайля, Жерара, Жерома, Жерарде, Ивона, Изабея, Кормона, Лефевра, Мейсонье, Прюдона, Стейбена, Фламенга, Шарле и др.).

Ср.-18

Переводъ съ англійскаго В. Л. Ранцова.

Областная Библиотека

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
«ВѢСТНИКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

Проверено 1936 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1895.

9(И)
С488

Дозволено цензурою. Спб. 16 Декабря 1894 года.

Уральский индустриальн. ин-тут
имени С. М. Кирова
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Государственного
университета
г. Свердловск

Пр. 1940

814093

ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ НАПОЛЕОНА I.

Революціонная эпоха въ Европѣ.—Корсиканская политика и возстанія въ Корсикѣ.—Буонапарты на этомъ островѣ.—Рожденіе и дѣтство Наполеона.—Пребываніе его въ учебныхъ заведеніяхъ.—Жизнь въ Парижѣ и въ Валансѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изслѣдованія, результаты которыхъ изложены на этихъ страницахъ, начались задолго до того времени, когда можно было предвидѣть, что жизнь Наполеона I станетъ вызывать къ себѣ такой всеобщій интересъ и сдѣлается снова столь популярной исторической темой. Побудительнымъ поводомъ къ этимъ изслѣдованіямъ служило убѣжденіе, что карьера Наполеона являлась сама по себѣ исторической силой, а не просто на просто метеоромъ, сверкнувшимъ во мракѣ революціи. За послѣднее двадцатипятилѣтіе, небольшая группа людей, посвятившихъ себя изученію исторіи, занялась научнымъ изслѣдованіемъ карьеры Наполеона. Трудъ ихъ сравнительно облегчила либеральная готовность, съ какою европейскіе архивы, охранявшіе прежде столь тщательно ввѣренныя имъ тайны, раскрыли за послѣднее врéмя свои двери изслѣдователямъ. Нѣтъ почти ни одной частицы наполеоновской эпохи, которая не была бы подвергнута критической провѣркѣ на основаніи новыхъ изысканій, произведенныхъ въ архивахъ. Почти во всѣхъ случаяхъ документы, на которые ссылается авторъ, были напечатаны. Нѣкоторые, сравнительно немногіе, архивы оффиціально издали многотомную дипломатическую переписку, относящуюся до иззѣстныхъ важныхъ періодовъ. Въ историческихъ журналахъ появилось множество спеціальныхъ монографій. По мѣрѣ того, какъ возрасталъ интересъ къ наполеоновской эпохѣ, начали пересматриваться также семейные архивы,—разыскиваться и обнародоваться весьма цѣнные мемуары.

Купель въ церкви города Аяччіо, гдѣ крестили Наполеона. (Рисунокъ Папа съ гравюры, найденной въ Корсикѣ).

Такимъ путемъ, впервые еще до сихъ поръ, собрался запасъ

матеріаловъ для біографіи Наполеона I. Безпощадное изслѣдованіе нелицепріятной критики въ значительной степени подорвало вѣру въ легендарные разсказы, выдававшіеся до сихъ поръ за біографію этого феноменальнаго человѣка. Надлежало сдѣлать попытку замѣны подтасованныхъ мотивовъ и лживыхъ прикрасъ трезвымъ изложеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Ласкаемъ себя надеждой, что намъ удалось выяснить не только фигуру Наполеона въ общемъ ея очертаніи и подробностяхъ, но также и отношеніе этой фигуры къ всемірной исторіи. Въ сравнительно краткій промежутокъ времени сдѣланы были уже три такихъ попытки. Французскій біографъ Ланфрей скончался, не завершивъ свой, хотя блестящій, но далеко не безпристрастный трудъ. Извѣстный англійскій историкъ Сали написалъ философскій очеркъ, который при всей своей художественности долженъ считаться, однако, неполнымъ и небезпристрастнымъ и, наконецъ, австрійскій ученый Фурнье составилъ краткую популярную біографію Наполеона. Она является наиболѣе удачною изъ всѣхъ упомянутыхъ трехъ попытокъ, хотя кое-гдѣ искажена очевиднымъ вліяніемъ національныхъ предразсудковъ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, сравнительно съ другими западными державами, состояли въ менѣе непосредственныхъ отношеніяхъ съ первой французской имперіей. Однако же въ Новомъ Свѣтѣ нисколько не менѣе чѣмъ въ Старомъ интересовались личностью и дѣяніями Наполеона I. Гражданамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, равно какъ и всѣмъ говорящимъ на англійскомъ языкѣ, большинство новѣйшихъ изслѣдованій оставались неизвѣстными. Болѣе же доступная для нихъ литература наполеоновской эпохи или до чрезвычайности устарѣла, или же носитъ слишкомъ яркую окраску предразсудковъ, вызванныхъ международной борьбою. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, назрѣла необходимость написать сызнова исторію этой эпохи. Авторъ, американецъ, можетъ надѣяться, что, благодаря двойной перспективѣ, создаваемой для него временемъ и разстояніемъ, будетъ въ состояніи изобразить истину безъ всякаго искаженія. Соображенія эти давно уже побудили автора предпринять такой трудъ и подсказали издателю „Century Magazine“ рѣшеніе помочь его завершенію. Вполнѣ сознавая свои недостатки и отвѣтственность, какую беретъ на себя предпринимающій столь грандіозный трудъ, авторъ, въ виду вышеизложеннаго, увѣренъ тѣмъ не менѣе, что публика отнесется къ нему снисходительно. Къ тому же сочетаніе своеобразныхъ многосложныхъ причинъ сдѣлало какъ разъ теперь обсужденіе наполеоновской эпохи болѣе чѣмъ когда-либо популярнымъ въ Америкѣ. Наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ вопросы соціальнаго порядка въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ представляютъ болѣе чѣмъ когда-либо тѣсную аналогію съ положеніемъ ихъ во французской республикѣ, зачатки нынѣшнихъ соціальныхъ условій въ этой послѣдней пріобрѣтаютъ соотвѣтственно болѣе чѣмъ когда-либо высокую цѣнность для сравнительнаго изслѣдованія.

Революціонная эпоха въ Европѣ.

Наполеонъ Бонапартъ былъ представителемъ переходной эпохи, служившей преддверіемъ въ девятнадцатое столѣтіе. Эпоха эта является самою бурной и все-таки самой плодотворной во всей

Графъ Этьенъ Франсуа де Шуазель, министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XV. (Съ картины ванъ-Лоо въ Версальскомъ музеѣ).

всемірной исторіи. Достигнутый ею прогрессъ не обладалъ, однако, характеромъ видимой непрерывности. Онъ напоминалъ собою скорѣе странствованіе путника, несущагося на всѣхъ парахъ по извилистымъ тоннелямъ, ведущимъ черезъ Сенъ-Готардъ изъ Германіи въ Италію. Могучій поѣздъ уноситъ его отъ суровой сѣверной зимы въ благорастворенный южный итальянскій климатъ. Изъ мрака, насыщеннаго сѣрнистыми испареніями, онъ вынырнетъ снова на чистый воздухъ. На первый взглядъ, однако, можетъ показаться, что во время этого „переходного состоянія“ путникъ не приближается къ цѣли. Поѣздъ мчитъ его иногда какъ будто назадъ къ сѣверу. Небо тамъ, гдѣ оно открывается взорамъ путника, имѣетъ еще болѣе грозный пасмурный видъ, а холодъ становится еще болѣе суровымъ. Только послѣ нѣсколькихъ попытокъ пробиться впередъ, за которыми каждый разъ слѣдовали повороты вспять, удается, наконецъ, до-

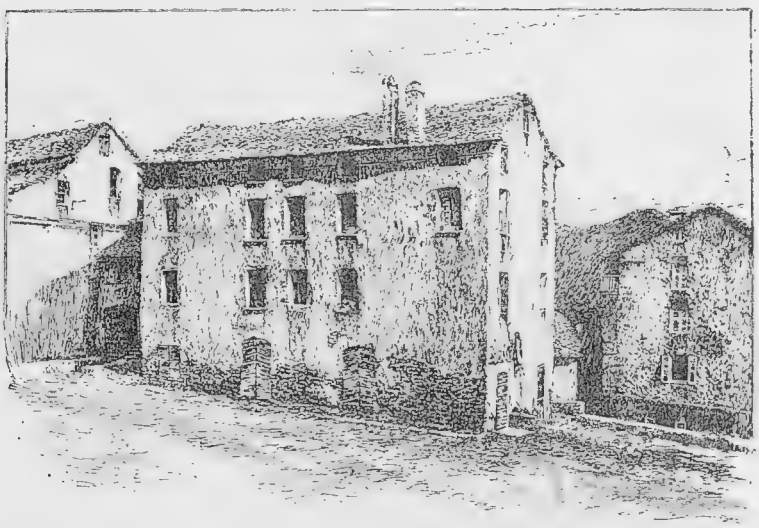
стигнуть вершины перевала и увидѣть передъ собою перспективу южныхъ равнинъ, залитыхъ благодѣтельнымъ сіяніемъ солнца. Расѣ доводится переживать такія переходныя состоянія несравненно чаще, чѣмъ отдѣльной личности. Муза исторіи обязана заносить ихъ на свои скрижали съ спокойствіемъ, бодростью духа и вѣрой въ будущее, почерпнутыми ею изъ многократнаго прежняго опыта.

Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія движеніе цивилизаціи въ Европѣ, вообще говоря, направлялось вверхъ и впередъ, но по временамъ ходъ ея являлся не только до крайности затруднительнымъ и словно сбивавшимся съ пути, но также и безплоднымъ, по крайней мѣрѣ, въ непосредственныхъ своихъ результатахъ. Необходимо изучить эпоху и народъ, къ которымъ принадлежалъ великій историческій дѣятель, если мы искренно желаемъ ознакомиться съ истиной относительно его достоинствъ и недостатковъ,—цѣлей и врожденныхъ стремленій,—успѣховъ и неудачъ, —случайныхъ инцидентовъ и дѣйствительныхъ прочныхъ заслугъ, ознаменовавшихъ его карьеру. Все это является еще болѣе необходимымъ по отношенію къ Наполеону I, чѣмъ къ какой-либо другой героической личности. Подъ вліяніемъ благоговѣйной преданности, его иногда возносили до небесъ, а, съ другой стороны, безпощадная ненависть зачастую пыталась низвергнуть его въ преисподнюю. Каждый народъ,—каждая политическая партія въ его собственной странѣ и за границей, судили о немъ съ точки зрѣнія личныхъ своихъ выгодъ и цѣлей самооправданія. Возможность разоблаченія тайнъ жизненной драмы Наполеона заключается во всякомъ случаѣ скорѣе въ разсмотрѣніи отношеній этого историческаго дѣятеля къ его эпохѣ, относительно которой извѣстно многое, чѣмъ въ попыткѣ чисто психологическаго анализа загадочной натуры, о которой, несмотря на обиліе фактическихъ данныхъ, мы знаемъ сравнительно очень мало. Дѣйствительно, факты, относящіеся до личной жизни Наполеона, при всемъ своемъ обиліи, не могуть вовсе считаться таковыми, если ихъ не разсматривать въ освѣщеніи не только жизни отдѣльнаго народа, но и могучаго движенія на материкѣ Европы, увлекавшаго съ собою всю современную ему цивилизацію.

Корсиканскіе политическіе дѣятели и возстанія.

На островѣ Корсикѣ уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка встрѣчается фамилія Буонапарте, не выдѣлявшаяся ничѣмъ изъ среды другихъ подобныхъ ей фамилій. Трудно было бы представить себѣ въ восемнадцатомъ вѣкѣ страну и семью болѣе удаленныя отъ главнаго русла европейской исторіи. Между тѣмъ уединенному острову Корсикѣ и невѣдомой семьѣ Буонапарте предстояло не только принять участіе въ общемъ теченіи событій, но и отмѣтить наиболѣе характерныя его фазы. Руссо, словно предчувствуя судьбы Корсики, объявилъ, что это единственная страна въ Европѣ, способная къ прогрессу и мирному возрожденію законо-

дательнымъ путемъ. Сравнительно небольшой и отдаленный островъ дѣйствительно чуть не послужилъ примѣромъ осуществленія любимаго и наиболѣе существеннаго догмата политической доктрины женевскаго философа о человѣкѣ въ естественномъ его состояніи,—порядкѣ, возникающемъ изъ конфликта,—правительствѣ, опирающемся на общее согласіе и на договоръ съ управляемыми. Вниманіе всей Европы долгое время было обращено поэтому на Корсику. Сценическая постановка міровой драмы, разумѣется, въ миніатюрѣ, оказывалась тамъ полнѣе, чѣмъ гдѣлибо, и въ послѣднюю четверть восемнадцатаго столѣтія дѣйствіе



Домъ въ Корте, гдѣ родился Жозефъ Бонапарте.
(Рисунокъ Папа съ фотографіи).

этой драмы быстро развивалось, раскрывая интригу, представлявшую собою общій міровой интересъ.

Высокій горный хребетъ дѣлитъ Корсику на два округа: восточный и западный. Первый изъ нихъ обладаетъ болѣе отлогими склонами и сравнительно большимъ плодородіемъ. Имѣя, такъ сказать, естественный уклонъ къ Италіи, онъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Аппенинскимъ полуостровомъ. Сравнительно болѣе богатый, чѣмъ западный округъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ доступнѣе внѣшнимъ вліяніямъ и вслѣдствіе этого самаго обладалъ болѣе свободными учрежденіями. Гористый западный округъ, населеніе котораго состояло въ духовномъ, а отчасти также и въ кровномъ родствѣ съ греками, римлянами, сарацинскими и германскими элементами во Франціи и въ Испаніи, подчинилось въ несравненно большей степени игу феодализма. Тѣмъ не менѣе система общиннаго

управленія, установившаяся на восточномъ склонѣ, одержала верхъ также и на западномъ. Различія, обусловленныя происхожденіемъ, богатствомъ и родомъ занятій, хотя по временамъ и вызывали междуусобные раздоры, но все же оказывались ничтожными по сравненію съ общими характерными чертами, объединяющими народъ всего острова въ національный организмъ, столь же индивидуальный, какъ и обитаемая имъ страна, являвшаяся, несмотря на свой горный хребетъ, единымъ островомъ.

Населеніе этой маленькой обособленной страны должно быть главнымъ образомъ признано по своему происхожденію итальянцами. Оно поддерживало все еще кое-какія связи съ метрополіей частью въ формѣ торговыхъ сношеній, частью же посылая свое юношество заканчивать профессіональное образованіе въ итальянскихъ школахъ. Сравнительно немногіе корсиканцы занимались торговлею и мореплаваніемъ. Главная масса населенія добывала себѣ хлѣбъ насущный земледѣліемъ. Разсматриваемые, какъ нація, корсиканцы давно уже перестали участвовать въ общемъ теченіи западно-европейской культуры. Они послѣдовательно находились въ подданствѣ у грековъ, римлянъ, арабскихъ калифовъ, императора и пизанской республики. Послѣднею ихъ властительницей была генуезская республика, выродившаяся въ недостойную олигархію. Первоначально Корсика была соединена съ генуезской республикой на условіяхъ, обезпечивавшихъ острову особаго заступника, засѣдавшаго въ генуезскомъ сенатѣ, и оставлявшихъ въ силѣ наиболѣе излюбленные обычаи смѣлаго, безхитростнаго и первобытнаго по характеру корсиканскаго населенія. Не желая владычествомъ надъ Корсикой причинять себѣ лишнія хлопоты, генуезская республика предоставила корсиканцевъ на жертву ихъ собственнымъ слабостямъ. Земледѣліе все болѣе приходило въ упадокъ и чрезмѣрное раздробленіе участковъ удобной земли сдѣлало его подъ конецъ до чрезвычайности безвыгоднымъ. Среди народа, обособленнаго не только въ качествѣ островитянъ, но и въ качествѣ горцевъ, старинныя учрежденія оказываются до чрезвычайности живучими. Такимъ образомъ кровомщеніе (вендетта) съ сопровождающей его племенной организаціей, сходной съ шотландскими кланами, никогда совершенно не исчезало изъ корсиканскихъ обычаевъ. За время генуезскаго владычества мѣстныя власти смотрѣли сквозь пальцы на ношеніе оружія. Ссоры разрѣшались междуусобицей. Зачастую союзы нѣсколькихъ клановъ, охватывавшіе значительную часть Корсики, вели другъ съ другомъ безпощадныя войны, непризнававшіяся оффиціально таковыми. Генуезскія власти смотрѣли на эти войны сквозь пальцы. Малочисленное феодальное дворянство не пользовалось авторитетомъ, который-бы признавался закономъ. Оно не старалось, по примѣру дворянства другихъ странъ, дать въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ пріютъ зарождавшейся промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе участки земли, не принадлежавшіе дворянству, постепенно захватывались монастырями. Генуезскія власти покровительствовали этимъ за-

хватамъ, разсчитывая облегчить себѣ такимъ путемъ управленіе безпокойнымъ народомъ. При всемъ томъ корсиканецъ, съ чисто

Отецъ Наполеона, Карло Буонапарте.
(Оригиналъ, писанный Жироде, въ городской ратушѣ Аяччіо).

зоологической точки зрѣнія, развивался и совершенствовался. Средняго роста и могучаго сложенія, черноволосый, одаренный острымъ зрѣніемъ, — изящными, ловкими, жилистыми членами,— неукротимымъ мужествомъ и другими первобытными доблестями, корсиканецъ пользовался всюду репутаціей отличнѣйшаго солдата и встрѣчался въ арміяхъ всѣхъ южно-европейскихъ государствъ.

Въ происходившихъ отъ времени до времени возстаніяхъ противъ тиранніи и захватовъ генуезской республики корсиканцы выставили цѣлый рядъ національныхъ героевъ. Одинъ изъ нихъ, Сампіеро, поставилъ на короткое время въ шестнадцатомъ столѣтіи Корсику подъ покровительство французскихъ королей. Онъ лично могъ считаться весьма типичнымъ корсиканцемъ. Мрачный, воинственный и мстительный, Сампіеро обладалъ мощнымъ умомъ и большой разсудительностью. Простота его костюма и нравовъ не поддались вліянію роскоши, которою щеголяли въ то время при дворахъ въ Флоренціи и въ Парижѣ. Ему пришлось долгое время жить при этихъ дворахъ и, несмотря на это, онъ оказался въ состояніи безъ содроганія убить жену, когда она, съ своимъ ребенкомъ, передалась въ руки его враговъ. Гостепріимный и великодушный, но вмѣстѣ съ тѣмъ ужасный въ своемъ гнѣвѣ,—рѣзкій въ обращеніи,—властный, неспособный руководствоваться состраданіемъ и жалостью, этотъ національный корсиканскій герой являлся воплощеніемъ своей эпохи и своего народа,— превосходнымъ образчикомъ первобытной физической и умственной энергіи.

Величайшимъ изъ корсиканскихъ героевъ былъ, однако, послѣдній изъ нихъ, Паскаль Паоли. Предназначенный для своей роли происхожденіемъ, способностями и прекраснымъ образованіемъ, онъ, въ 1755 году, на двадцать девятомъ году отъ роду, былъ провозглашенъ генералъ-капитаномъ, т. е. настоящимъ диктаторомъ Корсики. Достигнутые имъ успѣхи были столь же замѣчательны, какъ и мудрость его мѣропріятій. Благодаря упорядоченію выборовъ, демократическія учрежденія, слабость которыхъ препятствовала единству дѣйствія, необходимому въ смутныя времена, получили прочную организацію. Нестройныя скопища добровольцевъ были преобразованы въ народную армію, а разбойничество подавлено. Мудрые законы не только провозглашались, но проводились также и въ жизнь. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, законъ, по которому кровомститель объявлялся убійцею, тогда какъ онъ передъ тѣмъ признавался героемъ. Въ городѣ Корте, естественной столицѣ западнаго округа, служившемъ цитаделью либеральной партіи, такъ какъ онъ соединенъ трудно проходимыми, но удобно обороняемыми тропинками со всѣми мысами, бухтами и извилинами скалистаго прибрежья, заложены были основы университета. Генуэзцы, постепенно вытѣсненные со всего острова, подъ конецъ удержали за собой всего лишь три приморскихъ портовыхъ города.

Благодаря искусной своей дипломатіи, Паоли удалось добиться временнаго разрыва между генуэзцами и Ватиканомъ. Хотя этотъ

разрывъ былъ не продолжителенъ, но все-таки онъ далъ Паоли возможность вернуть государству обширныя захваченныя монастырями помѣстья и воспрепятствовалъ католическому духовенству воспользоваться могущественнымъ своимъ вліяніемъ на суевѣрныхъ крестьянъ, чтобы окончательно подавить движеніе, клонившееся

Мать Наполеона, Летиція Буонапарте, рожденная Рамолина.
(Съ портрета, находящагося въ комнатѣ, гдѣ родился Наполеонъ).

къ ихъ освобожденію. Необычайно просвѣщенный либерализмъ Паоли высказывается между прочимъ и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ обратился къ евреямъ съ приглашеніемъ поселиться на островѣ Корсикѣ, гдѣ имъ предоставлялась гражданская полноправность и обезпечивалась свобода вѣроисповѣданій. „Свобода,—объявилъ Паоли,—не признаетъ никакихъ религіозныхъ

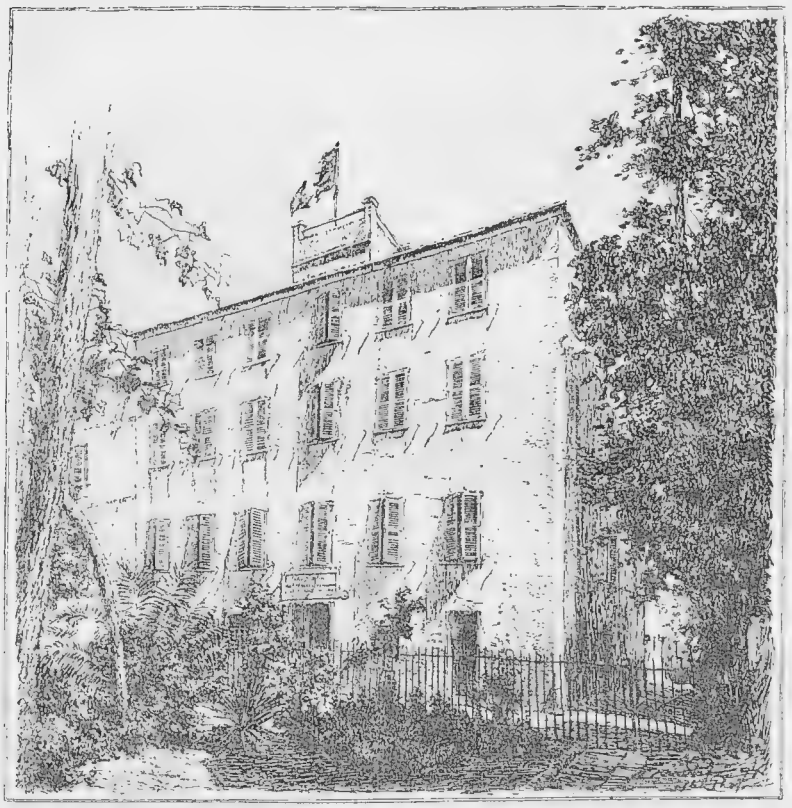
различій. Предоставимъ ихъ инквизиціи". При такихъ обстоятельствахъ торговля начала процвѣтать. Новые портовые города были заложены и усилены укрѣпленіями, а постройка нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ для ихъ обороны являлась какъ бы зачаткомъ національнаго корсиканскаго флота. Высокомѣрные корсиканцы, временно измѣнивъ традиціоннымъ своимъ обычаямъ, принялись собственноручно работать вмѣстѣ съ женами и наемными работниками. Земледѣлію, промышленности и искусствамъ сообщенъ былъ такимъ образомъ импульсъ, воздѣйствіе котораго обѣщало, повидимому, быть прочнымъ.

Нельзя сказать, чтобы Паоли удавалось править Корсикой совершенно спокойно. Отъ времени до времени на островѣ возгорались противъ него возстанія или, лучше сказать, бунты, вызывавшіеся мелкими фракціями. Таковъ, напримѣръ, бунтъ, во главѣ котораго стоялъ Матра, завистливый соперникъ Паоли. Въ сущности всѣ эти возстанія не имѣли серьезнаго значенія. До самаго 1765 года дѣло національной партіи шло весьма успѣшно. Корсиканцы одерживали разъ за разомъ побѣды надъ генуезскими войсками, значительно превосходившими ихъ въ численности. Это обусловливалось воинственнымъ характеромъ корсиканцевъ, ставившихъ честь выше всего остальнаго и способныхъ, выражаясь словами средневѣковой хроники, „безъ ропота выносить безсонныя ночи и труды, голодъ и холодъ, безстрашно глядя въ очи смерти для того только, чтобы добыть себѣ честь и славу". Въ виду столь необычайной успѣшности во внутреннихъ корсиканскихъ дѣлахъ возникла для острова необходимость обзавестись также и внѣшнею политикой. Паоли находилъ всего удобнѣе заключить съ Франціей наступательный и оборонительный союзъ съ тѣмъ, чтобы Корсика признавалась независимой. Франціи предоставлялось, на условіи взаимности, право безпошлинной торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ корсиканцы обязались выставлять вспомогательный корпусъ войскъ и выплачивать на его содержаніе ежегодно извѣстную сумму французскому казначейству. Большинство корсиканскихъ патріотовъ соглашалось признать французскій протекторатъ, не предоставляя, однако, Франціи никакой административной власти на островѣ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Людовика XV, графъ Шуазель, былъ вовсе не расположенъ задаваться такими безкорыстными цѣлями по отношенію къ Корсикѣ. Очевидно, что генуезская республика оказывалась безсильной удержать за собой этотъ островъ, а потому Шуазель рѣшилъ присоединить его къ Франціи. Удобнымъ орудіемъ для осуществленія его цѣлей явился сынъ корсиканскаго эмигранта Буттафуоко, который пріобрѣлъ себѣ этимъ путемъ печальную извѣстность. Умѣя угодить и нашимъ и вашимъ, онъ поддерживалъ пріятельскія отношенія съ старыми друзьями отца, а въ то же время, въ теченіе многихъ уже лѣтъ, пользовался симпатіями французскихъ оффиціальныхъ кружковъ. Захватъ Корсики долженъ былъ служить удовлетвореніемъ французской національной гордости за утрату Канады. Въ 1764 году подписано было 6-го августа временное соглашеніе между ге-

нуезской республикой и Франціей: Генуя уступала на четырехлѣтній срокъ французскому королю верховную свою власть надъ Корсикой и немногіе укрѣпленные города, которыми владѣла еще на этомъ островѣ, взамѣнъ чего Франція обязалась возстановить тамъ спокойствіе и порядокъ.

Къ тому времени Паоли пріобрѣлъ себѣ блестящую всемірную извѣстность. Въ качествѣ государственнаго дѣятеля, онъ



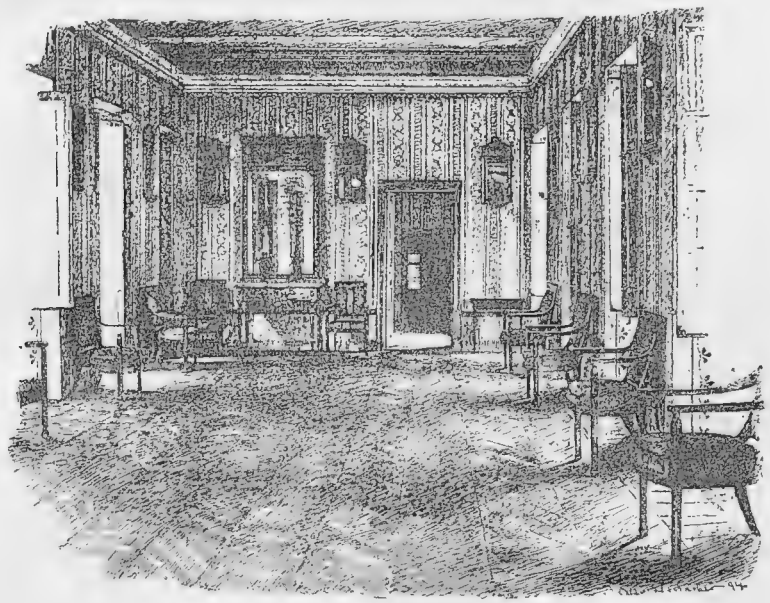
Домъ Буонапарте въ Аяччіо, гдѣ родился Наполеонъ.
(Рисунокъ Папа съ фотографіи).

искусно воспользовался политическими усложненіями, возникшими какъ изъ бурбонско-габсбургскаго договора, заключеннаго въ 1756 году, такъ и изъ союзовъ, послѣдовавшихъ за семилѣтней войною, чтобы обезпечить возможно большія выгоды корсиканцамъ и національному ихъ дѣлу. Въ качествѣ полководца, онъ, если и не всегда одерживалъ побѣды, то умѣлъ извлекать полезные для себя уроки изъ самыхъ пораженій,—обнаруживалъ благоразуміе, твердость духа и блестящія воинскія способности. Малочисленная его армія обладала превосходной организаціей и необычай-

ной боевою пригодностью. Личный характеръ Паоли являлся вполнѣ безупречнымъ, такъ что могъ смѣло считаться образцомъ, достойнымъ подражанія. Паоли былъ хорошимъ ораторомъ и мудрымъ законодателемъ. Полный сочувствія къ своимъ соотечественникамъ, отставшимъ до такой степени въ развитіи отъ передовыхъ западно-европейскихъ народовъ, онъ зналъ слабыя ихъ стороны и не давалъ этимъ сторонамъ проявляться невыгодными ихъ послѣдствіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался развивать у корсиканцевъ врожденныя ихъ доблести и самымъ широкимъ образомъ пользовался таковыми. Ко всему этому присоединялся у него обширный кругозоръ философа—мыслителя, отдающаго себѣ ясный отчетъ въ соотношеніяхъ и взаимодѣйствіяхъ различныхъ временъ и народовъ. Паоли старался поэтому укрѣпить и возвысить Корсику не только въ ея собственныхъ національныхъ интересахъ, но и для того, чтобы ея возрожденіе послужило опорною точкой для поднятія всего человѣчества къ высшему уровню. Онъ являлся до того симпатичной, вліятельной, дальновидной и всеобъемлющей личностью, что Вольтеръ называлъ его „законодателемъ и славою своего народа“, а Фридрихъ Великій прислалъ ему въ подарокъ кинжалъ съ надписью: „Libertas, Patria“. Умственная и физическая дѣятельность Паоли казалась до такой степени необычайной, что врачи предполагали, будто онъ, подобно Цезарю, Магомету и Кромвелю, былъ одаренъ сверхчеловѣческой стойкостью и энергіей. Тѣневой стороной въ характерѣ этого замѣчательнаго общественнаго дѣятеля являлась властная повелительность, нетерпѣвшая себѣ никакого сопротивленія, пріучившая корсиканцевъ совершенно ввѣряться ихъ вождю и подчиняться его благоусмотрѣнію. Тѣмъ самымъ Паоли подорвалъ у своихъ согражданъ способность къ самопомощи и личной самостоятельности. Ожидая импульса отъ обожаемаго своего вождя, корсиканцы утратили способность принимать самостоятельныя энергическія рѣшенія и оказались не на высотѣ положенія, выпавшаго имъ на долю. Паоли и въ разлукѣ съ своимъ народомъ остался все-таки философомъ, тогда какъ безъ Паоли народъ его сдѣлался только пустымъ звукомъ и почти безъ борьбы подчинился несравненно менѣе благородной чужеземной власти. Сравненіе между Паоли и Вашингтономъ, которое такъ часто проводятъ, оказывается въ этомъ отношеніи совершенно несостоятельнымъ.

„Корсика,—писалъ въ 1790 году юноша, которому предстояло въ еще большей степени чѣмъ Паоли прославить имя корсиканцевъ,—Корсика была добычей честолюбія своихъ сосѣдей,—жертвою ихъ политики и своего собственнаго самодурства... Мы видѣли, какъ она взялась за оружіе, низвергла жестокое иго генуезцевъ, возвратила себѣ независимость и жила вътеченіе одного мгновенья счастливо и благополучно. Затѣмъ, однако, преслѣдуемая непреодолимымъ рокомъ, она снова впадаетъ въ невыносимо бѣдственное состояніе. Въ продолженіе двадцати четырехъ столѣтій она служитъ ареной, на которой разыгрываются все тѣ же сцены. Не-

смотря на всѣ перемѣны, мы видимъ тамъ тѣ же самыя бѣдствія, —встрѣчаемъ то-же самое мужество,—ту же рѣшимость, смѣлость и бодрость духа... Было мгновенье, когда она трепетала передъ гидрой феодализма, но оно длилось лишь до тѣхъ поръ, пока народъ не распозналъ и не раздавилъ это чудовище. Слѣдуя естественному влеченію чувствъ, Корсика, подобно рабынѣ, лобызала цѣпи римскаго владычества, но не замедлила порвать ихъ. Правда, она склоняла голову передъ лигурійской аристократіей и, уступая подавляющему превосходству силъ, двадцать лѣтъ томилась въ деспотическихъ когтяхъ версальскаго правительства, но за-



Гостиная въ домѣ Бонапартовъ въ Аяччіо.
(Съ фотографіи).

тѣмъ сорокъ лѣтъ бѣшеной войны изумили Европу и привели въ смущеніе враговъ Корсики".

То же самое перо заявляло, что Паоли, слѣдуя традиціонной корсиканской политикѣ, не только обнаружилъ, въ конституціи, выработанной для Корсики, высокое пониманіе исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣлъ пріискать въ несравненной своей дѣятельности,—пламенномъ убѣдительномъ краснорѣчіи,—гибкой и дальновидной геніальности—средства къ огражденію этой конституціи отъ нападковъ злонамѣренныхъ враговъ.

Такова была страна, судьбами которой до такой степени интересовался „вѣкъ просвѣщенія". Монтескье воспользовался исторіей Корсики, чтобы иллюстрировать наглядымъ примѣромъ утрату и возвращеніе правъ и привиллегій. Руссо полагалъ, что

этотъ маленькій островъ современемъ „наполнитъ Европу изумленіемъ“. Когда женевскому философу пришлось вслѣдствіе неосторожной пропаганды спасаться бѣгствомъ, Паоли предлагалъ ему убѣжище на островѣ Корсикѣ, но Руссо предпочелъ удалиться въ Англію. Маттье Буттафуоко, отстаивавшій убѣжденіе, что Корсика, для собственнаго своего блага, должна не только состоять подъ французскимъ протекторатомъ, но и быть присоединена къ Франціи, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ тоже приглашалъ Руссо прибыть въ Корсику и набросать въ общихъ чертахъ для нея конституцію. Коварный маневръ Буттафуоко не удался. Руссо, ссылаясь на плохое состояніе своего здоровья, вѣжливо отклонилъ отъ себя такую задачу и присовокупилъ:

„Я увѣренъ, что корсиканцамъ, при нынѣшнемъ ихъ вождѣ, нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться генуезской республики. Увѣренъ также, что имъ нечего опасаться и войскъ, которыя Франція, по слухамъ, перевозитъ къ нимъ на островъ. Увѣренность эту упрочиваетъ во мнѣ то обстоятельство, что, несмотря на перевозку войскъ, такой пламенной патріотъ, какимъ вы кажетесь, остается по прежнему на французской службѣ“.

Паоли держался того же мнѣнія, какъ и Руссо, до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему не пришлось въ 1768 году внезапно пробудиться къ сознанію бѣдственной дѣйствительности.

Бонапарты на островѣ Корсикѣ.

Французская оккупація, о которой упоминаетъ Руссо, какъ будто задавалась сперва цѣлью выполнить единственно только для соблюденія внѣшнихъ приличій оффиціальное соглашеніе, состоявшееся между версальскимъ кабинетомъ и генуезской республикой. Мало по малу, однако, она стала утрачивать такой чисто-формальный характеръ. Укрѣпленные приморскіе города, занятые передъ тѣмъ генуезскими гарнизонами, оказались взамѣнъ того переполненными французскими войсками. Тогда лишь Шуазель впервые сообщилъ Паоли текстъ франко-корсиканской конвенціи. Хитрый дипломатъ, объяснивъ черезъ своего агента, что первымъ отдѣломъ конвенціи французскій король обезпечивалъ корсиканцамъ безопасность и свободу, безъ сомнѣнія, забылъ указать на двусмысленность редакціи второго отдѣла, гдѣ, въ итальянской версіи, корсиканцы обязались взамѣнъ „принять надлежащія и справедливыя мѣры, предписываемыя собственнымъ ихъ чувствомъ справедливости и естественной скромностью, дабы обезпечить государственное достоинство и интересы генуезской республики“, тогда какъ въ французской версіи они должны были „уступить генуезцамъ все, что найдено будетъ нужнымъ для обезпеченія государственнаго достоинства и интересовъ республики“. Вся суть заключалась здѣсь, очевидно, въ томъ, кѣмъ именно будетъ это „найдено“. Вниманіе Паоли было исключительно обращено на фактъ признанія корсиканской независимости. Его совершенно успокоили насчетъ измѣнническої двусмыслен-

ности во второмъ отдѣлѣ конвенціи, значеніе которой, по дипломатическимъ обычаямъ, опредѣлялось не итальянской переводной, а первичной французскою версіей, прямо противорѣчившей обѣщанію свободы и самостоятельности, данному въ первомъ отдѣлѣ.

Прошло четыре года, повидимому, не ознаменовавшихся важными событіями, но въ дѣйствительности Шуазель умѣлъ ловко воспользоваться этимъ временемъ. Черезъ посредство Буттафуоко онъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ меньшинствомъ національной корсиканской партіи, желавшимъ присоединенія къ Франціи. Благодаря искусному и щедрому употребленію секретныхъ денежныхъ суммъ, отпускавшихся французскому министру иностранныхъ дѣлъ, меньшинство это не замедлило превратиться

Комната, въ которой родился Наполеонъ.
(Рисунокъ Гриньи).

въ большинство. Уже къ концу 1767 года Шуазель началъ отчасти раскрывать свои карты, потребовавъ совершенной уступки французамъ, по крайней мѣрѣ, двухъ укрѣпленныхъ городовъ. Паоли возразилъ, что это неожиданное требованіе надо представить сперва на разсмотрѣніе народа. Ему отвѣтили на это, что французскій король долженъ же извлечь для себя какія-либо выгоды изъ вмѣшательства въ корсиканскія дѣла. Чтобы выиграть время, Паоли, избравъ своимъ уполномоченнымъ Буттафуоко, отправилъ его въ Версаль и такимъ образомъ попалъ въ ловушку, столь тщательно подстроенную для него Шуазелемъ. Въ заключеніе онъ согласился, чтобы Корсика присоединилась къ бурбонско-габсбургскому союзу. Любовь къ своимъ соотечественникамъ,—свободнымъ дикарямъ-корсиканцамъ, не дозволяла ему идти на дальнѣйшія уступки. Онъ втайнѣ ласкалъ себя убѣжденіемъ, что Генуя окажется не въ силахъ возвратить себѣ

владычество надъ Корсикой, а Франція не допуститъ вмѣшательства никакой другой державы въ корсиканскія дѣла и такимъ образомъ въ интересахъ сохраненія мира, согласится на предлагаемый имъ компромиссъ.

Шуазель былъ, однако, слишкомъ тонкимъ дипломатомъ для того, чтобы выпустить трепетавшую уже въ его когтяхъ добычу. Онъ зналъ, что въ его видахъ на Корсику нечего опасаться международной оппозиціи. Ему было извѣстно, что англійская политика связана по рукамъ и ногамъ борьбою парламентскихъ партій и смутами въ американскихъ колоніяхъ Великобританіи. Сардинская монархія была тогда слишкомъ слаба и трепетала за собственную свою независимость, на которую зарились мощные противники. Австрія не могла вступиться за корсиканцевъ, не разрушая этимъ союза съ Франціей, столь необходимаго въ то время для ея благосостоянія. Бурбонскіе дворы въ Испаніи и Неаполѣ должны были благосклонно отнестись къ усиленію родственнаго французскаго королевства. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало же что-нибудь сдѣлать для поднятія престижа Франціи, утратившей значительнѣйшія изъ американскихъ своихъ колоній въ такой историческій моментъ, когда блестящая внѣшняя политика Императрицы Екатерины и послѣдующія побѣды русскихъ на Востокѣ угрожали совершенно разрушить тамъ французское вліяніе. Представлялся благопріятный случай къ успѣшному соперничеству съ Англіей. Можно было овладѣть на большой дорогѣ въ Индію морскою станціей, столь же цѣнной, какъ Гибралтаръ или Портъ-Магонъ и пробудить такимъ образомъ опять надежды къ возвращенію Франціи если не колоніальнаго преобладанія, то, по крайней мѣрѣ, равенства съ Англіей въ колоніальномъ могуществѣ, казавшагося въ то время нарушеннымъ. Переговоры съ Паоли были поэтому немедленно же прекращены и Буттафуоко отосланъ обратно съ уклончивымъ отвѣтомъ. Въ 1768 году 15 мая была окончательно условлена цѣна, за которую генуезская республика согласилась уступить свои права на Корсику французскому королю. Договоръ былъ подписанъ, и Корсика перешла въ руки Франціи. Паоли тщетно протестовалъ противъ него передъ великими державами.

Франція немедленно-же приступила къ завоеванію Корсики. Буттафуоко съ немногими корсиканцами поступилъ на службу французскаго короля, изъявивъ готовность сражаться съ своими соотечественниками, тогда какъ Королевскій корсиканскій полкъ, сформированный еще благодаря стараніямъ его отца, наотрѣзъ отказался отъ этого. Находившіяся на островѣ французскія войска были усилены новыми подкрѣпленіями, но тѣмъ не менѣе, въ первый годъ послѣдней борьбы за самостоятельность, всѣ выгоды оказывались на сторонѣ патріотовъ, одержавшихъ между прочимъ крупную побѣду, которая вызвала въ Версали очень непріятное впечатлѣніе. У Паоли возникла еще разъ надежда на заступничество другихъ державъ, преимущественно же Англіи, либеральныя тенденціи, равно какъ и личныя выгоды которой требовали, чтобы Корсика не доставалась въ руки французамъ. Дѣйствительно,

изъ Великобританіи присланы были корсиканцамъ деньги и оружіе, но этимъ все и ограничилось.

Весною въ слѣдующемъ году Франція отправила армію въ

Наполеонъ и его мать, въ комнатѣ, гдѣ онъ родился. (Рисунокъ Кастэня).

20.000 человѣкъ для того, чтобы окончательно сломить сопротивленіе корсиканскихъ патріотовъ и закончить дѣло завоеванія ихъ острова. Кровопролитная, ожесточенная война, которая происхо-

дила въ предшествовавшемъ году, въ значительной степени разстроила малочисленныя вооруженныя силы корсиканскихъ патріотовъ. Съ трудомъ лишь удавалось собирать небольшіе отряды горныхъ крестьянъ для какихъ-либо совмѣстныхъ операцій и отвлекать ихъ отъ все болѣе настоятельно необходимой обороны ихъ собственныхъ деревень и хуторовъ. Несмотря на такую разрозненность и подавляющій численный перевѣсъ хорошо обученыхъ непріятельскихъ войскъ,—несмотря на недостатокъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, малочисленная армія Паоли продолжала геройски сопротивляться. Лишь послѣ многихъ мѣсяцевъ опустошительной, невыносимо тяжелой безнадежной борьбы, вождь патріотовъ, разбитый на голову въ бою, извѣстномъ у французовъ подъ названіемъ битвы при Понте-Нуово, отказался отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Утомленный этой борьбою и не располагавшій денежными средствами Паоли могъ бы легко достаться въ руки французамъ, но они были слишкомъ благоразумны, чтобы навязать себѣ на шею такого плѣнника, а потому не препятствовали ему бѣжать 12 іюня 1769 года на материкъ Европы. Они предоставили Англіи служить тюрьмою для корсиканскаго героя. Поѣздка Паоли изъ Ливорно, черезъ Германію и Голландію, въ Англію была длиннымъ торжественнымъ шествіемъ. Въ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, сторонники либеральныхъ воззрѣній осыпали его почестями, оказываемыми обыкновенно побѣдителямъ, а не побѣжденнымъ. Въ Англіи онъ встрѣтилъ радушный пріемъ и прожилъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ въ Лондонѣ, получая отъ британскаго правительства ежегодную пенсію въ 1.200 фун. стерлинговъ.

Къ наступленію слѣдующаго 1770 года французскій король, казалось, сталъ уже мирнымъ обладателемъ Корсики, которую онъ, якобы, купилъ у генуезской республики. Французская администрація на этомъ островѣ вскорѣ установилась на прочныхъ основаніяхъ и не встрѣтила къ этому ни малѣйшаго препятствія со стороны иностранныхъ державъ. Человѣколюбивая Англія выплачивала, какъ уже упомянуто, Паоли ежегодную пенсію, но этимъ и ограничилась, такъ какъ была слишкомъ занята дѣломъ внутренняго преобразованія политическихъ своихъ партій. Старая партія виговъ распадалась, а новые тори энергически проявляли свое вліяніе, заставляя парламентъ одобрять совершенно нераціональныя мѣры, стѣснявшія свободу американскихъ колоній. Великобританіи предстояла вскорѣ вооруженная борьба съ этими колоніями, долженствовавшая превратиться въ войну, которая охватила оба полушарія. Англійскіе интересы въ Корсикѣ и на Средиземномъ морѣ необходимо должны были отойти на задній планъ. При всемъ томъ установленіе французской администраціи на островѣ, недавно пріобрѣтенномъ королевской политикой, встрѣчало кое-какія затрудненія. Партія, благопріятствовавшая присоединенію Корсики къ Франціи, возросла и, въ виду естественнаго стремленія примыкать къ тѣмъ, кто одерживаетъ верхъ, надо полагать, значительно уже превосходила численностью на-

тріотовъ стараго закона. Впрочемъ, сперва и эти патріоты поддерживали завоевателей, пытаясь сохранить въ новомъ административномъ строѣ возможно большую часть системы, созданной Паоли. Существенной чертой новыхъ порядковъ неминуемо должно было, однако, служить назначеніе королемъ губернатора, облеченнаго правомъ налагать вето на постановленія мѣстнаго законодательнаго собранія. Это само по себѣ уже ниспровергало прежній демократическій строй, такъ какъ губернаторъ, не находя себѣ опоры въ народныхъ обычаяхъ и доброжелательствѣ массъ, долженъ былъ опираться на французскіе штыки и на какую-нибудь аристократію. Все это сознавалось до такой степени ясно французскимъ правительствомъ, что оно немедленно же приступило къ возстановленію сословныхъ правъ и привиллегій прежняго кор-

Зданіе Бріеннскаго военнаго училища во время поступленія туда Наполеона.

сиканскаго дворянства, а затѣмъ изъ среды этого дворянства избрало совѣтъ двѣнадцати, долженствовавшій служить опорой и поддержкой авторитету губернатора. Наиболѣе вліятельныя должности были вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, замѣщены французами, а главныя правительственныя учрежденія перенесены изъ Корте, столицы горныхъ округовъ, въ города Бастію и Аяччіо, лежащіе на низменномъ прибрежьѣ. Это послужило къ воскрешенію исконной вражды между горцами и обитателями низовьевъ. Въ возникшихъ отсюда волненіяхъ патріоты, первоначально враждебные Франціи, утратили прежнее свое вліяніе, но зато многіе изъ сторонниковъ новаго правительства отшатнулись отъ него. Старинныя ссоры ожили вновь ожесточеннѣе чѣмъ когда-либо, и, наконецъ, вспыхнуло открытое возстаніе. Оно было, безъ сомнѣнія, подавлено, но съ такою звѣрской энергіей, воспоминаніе о которой долгое время препятствовало возникновенію на островѣ естественныхъ дружескихъ чувствъ къ Франціи. Люди, которые

питали, или дѣлали видъ, будто питаютъ такія чувства, не пользовались среди своихъ соотечественниковъ особеннымъ уваженіемъ.

Паоли быть можетъ ошибся, игнорируя неразрывныя узы единства расы и языка, которые могущественно влекли Корсику къ Италіи, не смотря на симпатіи къ Франціи, обнаруживавшіяся въ домократическихъ горныхъ округахъ. Дѣйствительно, корсиканскіе города вообще сочувствовали Италіи. Паоли могъ бы поэтому воспользоваться своимъ вліяніемъ для укрѣпленія естественнаго союза между островными и материковыми итальянцами. Тѣмъ не менѣе, бросивъ взглядъ на сосѣдній съ Корсикой островъ Сардинію, надлежало бы признать, что время, повидимому, оправдало предположенія Паоли. Оба смежныхъ острова по отношенію къ общему развитію своего населенія находятся въ довольно прискорбномъ состояніи, но французскій департаментъ Корсики никоимъ образомъ не отсталъ отъ итальянской области Сардиніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное сліяніе отечества Паоли съ Франціей, явившееся какъ бы результатомъ его стремленій опереться на французскій протекторатъ, неразрывно связало Корсику съ теченіемъ великихъ событій и работой могущественныхъ историческихъ дѣятелей. Извѣстно, что Паоли, въ своемъ изгнаніи, мечталъ для Корсики о второмъ Самніеро, способномъ служить воплощеніемъ физической мощи, тогда какъ онъ самъ взялъ бы на себя роль Ликурга. Замѣчательно, что желаніе Паоли наполовину исполнилось, Корсика дѣйствительно произвела на свѣтъ воителя, несравненно болѣе великаго чѣмъ Самніеро. Благодаря объединенію Корсики съ Франціей, противъ котораго такъ упорно боролся Паоли, этотъ корсиканскій военный геній сталъ повелителемъ Франціи и пріобрѣлъ достаточное могущество для того, чтобы потрясти тираническій деспотизмъ и такимъ образомъ расчистить почву для законодательства, состоящаго въ непосредственномъ родствѣ съ справедливыми и мудрыми законодательными принципами самаго Паоли.

Этотъ могучій корсиканскій отпрыскъ долженъ былъ вырости отъ древа, носившаго имя „Бонапартъ“, или, какъ это выяснила впослѣдствіи геральдическая этимологія—„Буонапарте“. Развѣтвленія отъ этого самаго корня, или по крайней мѣрѣ однофамильцы корсиканскихъ Буонапарте, существовали во многихъ другихъ мѣстностяхъ Италіи. Каково бы ни было происхожденіе корсиканскихъ Бонапартовъ, они, безъ сомнѣнія, вели свой родъ не отъ Желѣзной Маски (якобы, брата-близнеца Людовика XIV), а также не отъ Юлія Цезаря, византійскихъ грековъ или сарацинъ, какъ это заявлялось въ нѣкоторыхъ впослѣдствіи изобрѣтенныхъ лживыхъ генеалогіяхъ. Въ дѣйствительности они были итальянцами и, повидимому, патриціями такъ какъ въ 1780 году тосканскій Буонапарте оставилъ маленькое наслѣдство дальнему своему корсиканскому родственнику. Надо полагать, что самымъ стариннымъ мѣстожительствомъ этой семьи былъ тосканскій городъ Сарцана, гдѣ Буонапарте съ незапамятныхъ временъ занимались адвокатурой. Не подлежитъ сомнѣнію, что

корсиканскіе Бонапарты пользовались извѣстнымъ вліяніемъ въ мѣстахъ своего жительства. Это обусловливалось отчасти ихъ связями съ Италіей, отчасти же крупной поземельной собственностью и оффиціальнымъ положеніемъ, которое они зачастую занимали въ городѣ Аяччіо. Въ качествѣ обитателей низменнаго прибрежья и горожанъ они сочувствовали итальянцамъ и генуезской республикѣ. Въ послѣдніе годы шестнадцатаго столѣтія республика эта разрѣшила Жерому Буонапарте, бывшему тогда главою

Аллея во дворѣ Бріеннскаго училища. Любимое мѣсто прогулки Наполеона. (Рисовано съ фотографіи).

фамиліи, присоединить къ своему имени аристократическую частицу „ди“, но старинный итальянскій обычай противился употребленію этой почетной приставки. Оно вскорѣ было упразднено и хотя впослѣдствіи возобновилось, но лишь на весьма короткое время.

По прошествіи почти двухъ столѣтій, великій герцогъ тосканскій призналъ формальными дворянскими грамотами благородное происхожденіе корсиканскихъ Буонапарте. Грамоты эти были выданы дѣду Наполеона, Жозефу. Вскорѣ затѣмъ Жозефъ Буонапарте

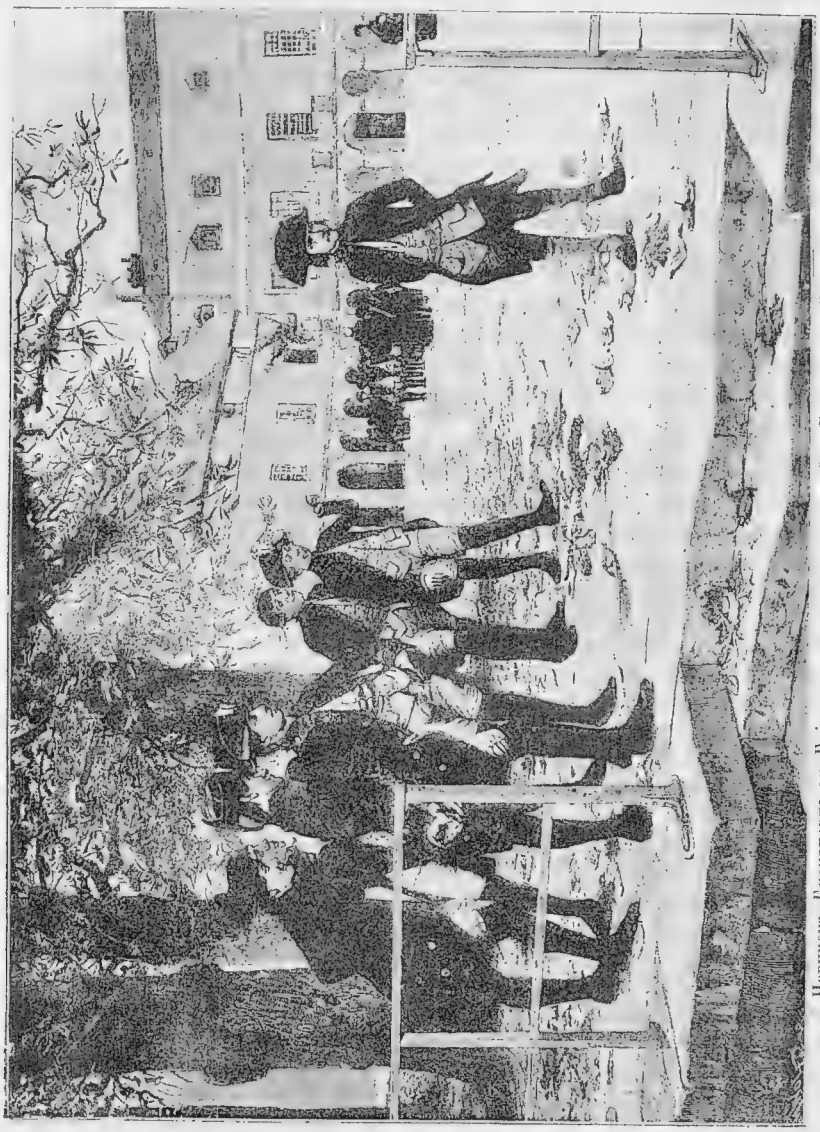
объявилъ, что семейный его гербъ имѣетъ графскую корону надъ щитомъ, разсѣченнымъ двумя полосами и двумя звѣздами съ буквами B, P., означающими Buona Parte. Поле щита—червленое, полосы и звѣзды—лазурныя, буквы и корона—желтыя.

Такого рода геральдическая чепуха свидѣтельствуетъ, что какъ монархъ, подписавшій грамоту, такъ и дворянинъ, получившій ее, были плохо знакомы съ основными началами науки о гербахъ. Какъ бы то ни было, дворянскія грамоты и гербъ выданы корсиканскимъ Бонапартамъ въ 1757 г., а въ 1759 г. тосканскій великій герцогъ призналъ за Жозефомъ Буонапарте титулъ патриція. Сынъ Жозефа, Карло получилъ въ 1769 году таковой же титулъ отъ пизанскаго архіепископа. Факты эти имѣютъ въ данномъ случаѣ существенное историческое значеніе, такъ какъ, по милости ихъ фамилія Бонапартовъ признана была дворянской французскими властями въ 1771 году, а благодаря этому знаменитѣйшій изъ, ея отпрысковъ сдѣлался, восемь лѣтъ спустя, пансіонеромъ французскаго казеннаго учебнаго заведенія (замѣтимъ, что Франція пребывала тогда еще монархическимъ государствомъ). Читая между строкъ въ этомъ изложеніи историческихъ фактовъ, можно придти къ заключенію, что семья не долговѣчныхъ корсиканскихъ юристовъ встрѣчала нѣкоторое затрудненіе сохранить за собой вліяніе, соотвѣтственное происхожденію, а потому старалась, по сколько возможно, опереться на прежнее величіе, о которомъ такъ легко забывали сосѣди, очевидцы скромной жизненной обстановки современныхъ имъ Бонапартовъ.

Паоли принималъ близко къ сердцу объединеніе двухъ фракцій, на которыя дѣлились его соотечественники, и возсозданіе изъ нихъ корсиканскаго народа. Поэтому, когда въ Корте явился по его приглашенію Карло ди Буонапарте, единственный тщедушный отпрыскъ, отъ котораго зависѣло продленіе родословнаго древа вліятельной низовой семьи, новоприбывшій былъ встрѣченъ съ самымъ лестнымъ радушіемъ и, повидимому, вскорѣ назначенъ на почетный и выгодный постъ личнаго секретаря Паоли. Новый патрицій, слѣдуя обычаю, котораго держались тогда корсиканцы, причислявшіе себя къ аристократіи, изучалъ юридическія науки въ Римѣ и Пизѣ и въ 1769 году получилъ отъ пизанскаго университета ученую степень доктора правъ. Разсказываютъ много интересныхъ анекдотовъ, долженствующихъ свидѣтельствовать о дружескихъ отношеніяхъ Карла Буонапарте къ товарищамъ-студентамъ, но они имѣютъ столь же миѳическій характеръ, какъ и повѣствованія объ убѣдительномъ его краснорѣчіи и вліяніи, которымъ онъ яко бы пользовался среди корсиканскихъ патріотовъ. Дѣло въ томъ, что систематическія усилія безсовѣстныхъ льстецовъ прославить всю семью Бонапартовъ, чтобы устроить такимъ образомъ пьедесталъ для славы самого Наполеона, привели къ изобрѣтенію такого множества басенъ и къ такому искаженію фактовъ, что сдѣлали почти невозможнымъ выяснить теперь истину касательно характера и личныхъ свойствъ Карло Буонапарте.

Существуютъ однако нѣкоторые безспорные факты, бросающіе

яркій свѣтъ на личность отца Наполеона. Соотечественники его были горды и бѣдны. Карло обладалъ тѣмъ же свойствомъ и бодро выносилъ лишенія, которыя налагались на него бѣдностью.



Новичекъ Буонапарте въ Бріенскомъ военномъ училищѣ. (Съ картины Ріалье-Дюма).

Въ первое время онъ обнаруживалъ стремленіе къ честолюбію и, чтобы придать себѣ большій вѣсъ, именовался въ своихъ дипломахъ патриціемъ городовъ: Флоренціи, Санъ-Миніато и Аяччіо. Съ другой стороны, однако, онъ, при вступленіи въ бракъ, руко-

водствовался не какими либо разсчетами, а единственно только личною склонностью, и въ 1764 году, въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ, поступивъ быть можетъ неосмотрительно, но во всякомъ случаѣ честно и благопристойно, женился на красивой пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ простого происхожденія, Летиціи Рамолино. Богатствомъ она, впрочемъ, равнялась своему мужу—или быть можетъ даже превосходила его. До послѣдняго дня долгой своей жизни Летиція осталась настоящей корсиканской крестьянкой: смѣлой, неспособной къ сантиментальности, нетерпѣвшей роскоши и излишества въ пищѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно разборчивой въ выборѣ средствъ къ достиженію цѣли. Гостепріимство въ ея домикѣ въ Аяччіо отличалось всегда истинно-корсиканскою щедростью, а потому славилось. Въ числѣ лицъ, пользовавшихся этимъ гостепріимствомъ, былъ между прочимъ и генералъ Марбефъ, командовавшій первой французской оккупаціонной арміей въ Корсикѣ. Долго послѣ того ходила сплетня, называвшая этого французскаго генерала отцомъ Наполеона. Репутація Летиціи ди-Буонапарте и наиболѣе выдающихся изъ ея дѣтей подвергалась ожесточеннымъ нападкамъ, но ея собственное доброе имя, сколько можно судить, вышло изъ нихъ все-таки незапятнаннымъ. Умыселъ, очевидно, проглядывающій въ сплетнѣ, самъ по себѣ уже лишаетъ ее всякаго правдоподобія. Необычайная красота Летиціи Рамолино никогда не подвергалась сомнѣнію. Крестьянка эта была женщиной героическаго типа, напоминавшей величественную Юнону. Она не измѣнилась ни подъ вліяніемъ благоденствія, ни подъ ударами судьбы. Очень можетъ быть, что знаменитый ея сынъ обязанъ матери, на которую сильно походилъ въ дѣтствѣ, своей необычайной, или, если можно такъ выразиться, колоссальной физической выносливостью. Мать Наполеона воспроизводила собою типъ римской матроны, а ему самому суждено было обладать доблестями и энергіей древнихъ полководцевъ-императоровъ.

Послѣ свадьбы молодая чета жила въ Корте, ожидая, пока ходъ событій дозволитъ ей вернуться въ Аяччіо. Одаренный отъ природы пассивнымъ темпераментомъ, Карло былъ сперва увлеченъ смѣлостью предпріятій Паоли и примкнулъ къ нимъ съ энтузіазмомъ, который, однако, не замедлилъ охладѣть. Болѣе чѣмъ за годъ до окончательнаго крушенія этихъ предпріятій онъ совершенно отчаялся въ успѣхѣ. Въ 1769 году, 23 мая, за нѣсколько недѣль до бѣгства Паоло, онъ, во главѣ отряда патріотовъ, приписывавшихъ себѣ тоже благородное происхожденіе, удалился на Монте-Ротондо. Дворяне эти изъявили покорность французскимъ генераламъ Марбефу и Во, объяснивъ черезъ посредство Буонапарте, что Паоли увлекъ ихъ обѣщаніемъ помощи со стороны иностранныхъ державъ. Такъ какъ эта обѣщанная помощь на самомъ дѣлѣ не явилась, то они, признавая невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе, выразили готовность подчиниться новому правительству, вернуться домой и снова заняться частными своими дѣлами. Поспѣшность, съ которой Карло Буонапарте перешелъ во французское подданство, сдѣлала фран-

цузомъ и его сына, увѣнчавшаго себя впослѣдствіи императорской короной. Менѣе чѣмъ три мѣсяца спустя, 15 августа, къ семьѣ Карло, или, какъ онъ началъ тогда себя называть, Шарля ди-Буонапарте, прибавился еще четвертый ребенокъ, названный при крещеніи Наполеономъ.

Несмотря на многочисленную уже семью и большія ожиданія, Шарль Буонапарте фактически обладалъ лишь скудными средствами къ существованію. Женѣ его Летиціи достались въ на-

Бонапартъ, въ Бріеннскомъ училищѣ, осыпаетъ проклятіями портретъ Шуазеля. (Рисунокъ Кастенья).

слѣдство послѣ ея отца домъ и виноградники въ городскомъ предмѣстьѣ, такъ какъ другихъ дѣтей у Рамолино не было, а его вдова вступила во второй бракъ съ швейцарцемъ, состоявшимъ на службѣ генуезской республики. Чтобы жениться, швейцарцу этому пришлось перейти въ католицизмъ. Впослѣдствіи у него родился сынъ, Жозефъ Фешъ, доводившійся Летиціи ди-Буонапарте единоутробнымъ братомъ. Ея мужъ, Шарль, владѣлъ довольно большими помѣстьями, но они были заложены, такъ что почти весь доходъ съ нихъ шелъ на уплату процентовъ. Родной дядя Шарля, богатый помѣщикъ, умеръ бездѣтнымъ, оставивъ все свое имущество

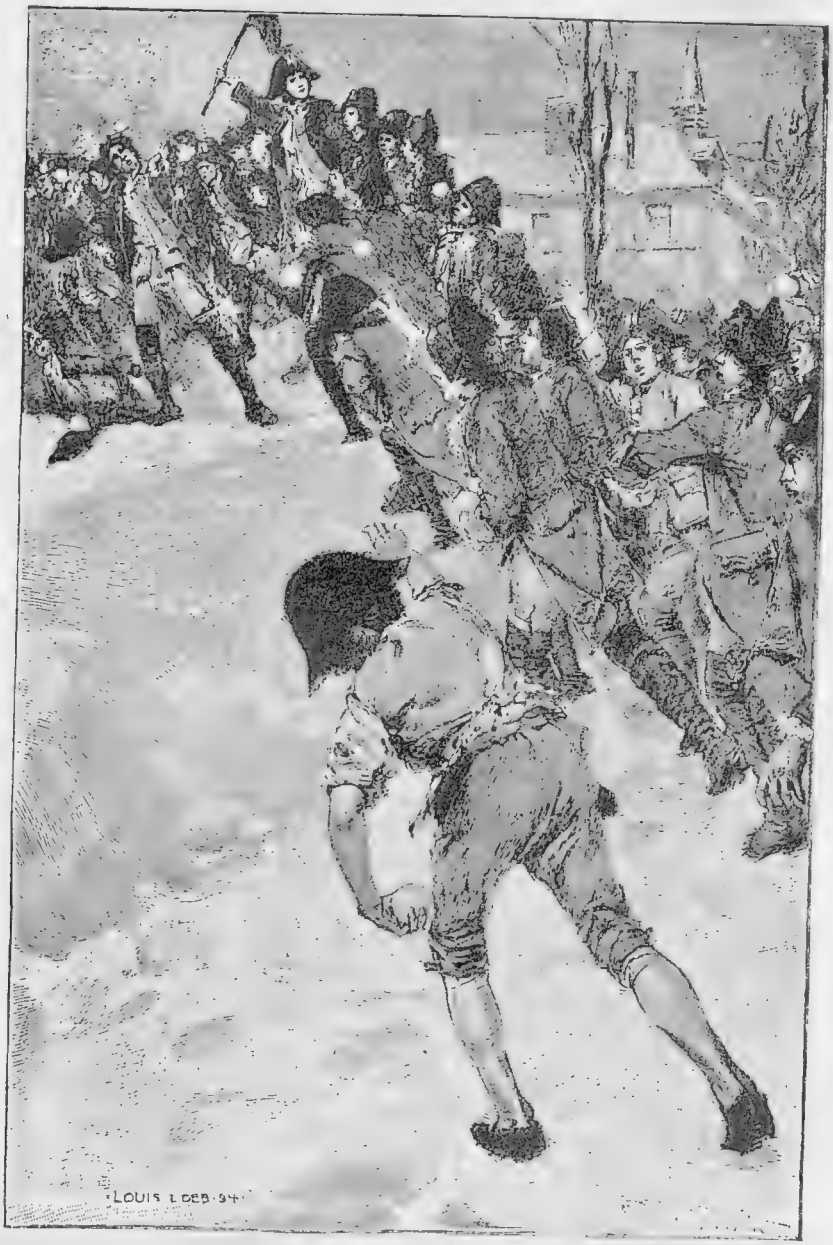
іезуитамъ, которые и поспѣшили немедленно же вступить во владѣніе. Между тѣмъ существовало завѣщаніе, въ силу котораго дядя Шарля былъ не въ правѣ такимъ образомъ распорядиться своимъ помѣстьемъ. Въ случаѣ его смерти оно, за отсутствіемъ у него дѣтей, должно было перейти къ матери Шарля, а по ея кончинѣ къ самому Шарлю. Отецъ Шарля, Жозефъ ди-Буонапарте, велъ въ теченіе многихъ лѣтъ тяжбу съ іезуитами, которая обошлась ему очень дорого и поглотила большую часть его состоянія. Несмотря на это, Шарль по смерти отца продолжалъ вести оставленный ему въ наслѣдство безнадежный процессъ. Самому Шарлю и всей его семьѣ приходилось фактически существовать на доходы съ маленькаго наслѣдства жены. Послѣ своего примиренія съ французскимъ владычествомъ онъ вскорѣ былъ назначенъ ассесоромъ корсиканскаго апелляціоннаго суда, а въ 1772 году приглашенъ въ верховный совѣтъ, состоявшій, какъ уже упомянуто, изъ представителей корсиканскаго дворянства. Впослѣдствіи Шарль ди-Буонапарте состоялъ делегатомъ этого совѣта.

Жена его, крестьянка, оказалась очень плодовитой. Старшій изъ ея дѣтей, сынъ, родившійся въ 1765 году, умеръ въ младенчествѣ; въ 1767 году родилась дочь Марія-Анна, имѣвшая ту-же участь; въ 1868 году—сынъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Іосифа, но при крещеніи нареченный Набуліоне, а въ 1769 году—геніальный сынъ, Наполеонъ, послѣ котораго родилось еще девятеро дѣтей. Шестеро изъ нихъ, а именно три сына: Люсьенъ, Луи и Жеромъ, и три дочери: Элиза, Полина и Каролина, остались въ живыхъ и воспользовались, въ большей или меньшей степени, выгодами высокаго положенія, завоеваннаго себѣ ихъ братомъ. Самъ Шарль, подобно недолговѣчнымъ своимъ предкамъ, пятеро изъ которыхъ умерли въ продолженіе одного и того-же столѣтія, скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, доживъ всего только до тридцативосьмилѣтняго возраста. Летиція ди Буонапарте, благодаря своей могучей крестьянской натурѣ, дожила до 86 лѣтъ, сохранивъ до самой смерти всѣ свои способности и удержавъ за собою прозвище госпожи Матери (Madame Mère).

Рожденіе и дѣтство Наполеона.

Голь, какъ говорится, хитра на выдумки, а потому бѣдность вынуждала семью Буонапарте къ изворотливости. Впослѣдствіи возникли подозрѣнія, будто Шарль Буонапарте, желая пристроить своихъ сыновей въ казенное учебное заведеніе, не отступилъ передъ маленькимъ подлогомъ въ ихъ метрическихъ свидѣтельствахъ. До сихъ поръ еще нѣкоторые авторитетные изслѣдователи полагаютъ, что Набуліоне и Наполеонъ составляютъ одно и тоже лицо, родившееся 7 января 1768 года, и считаютъ Жозефа въ дѣйствительности годомъ моложе великаго его брата. Имѣющіеся документы ограничиваются метрическимъ свидѣтельствомъ, хранящимся въ архивахъ французскаго военнаго

министерства, и копіей съ метрическаго свидѣтельства, найденной въ архивахъ города Аяччіо. Первое изъ нихъ, помѣченное 1782 годомъ, удостовѣряетъ, что Набуліоне родился 7 января 1768 года

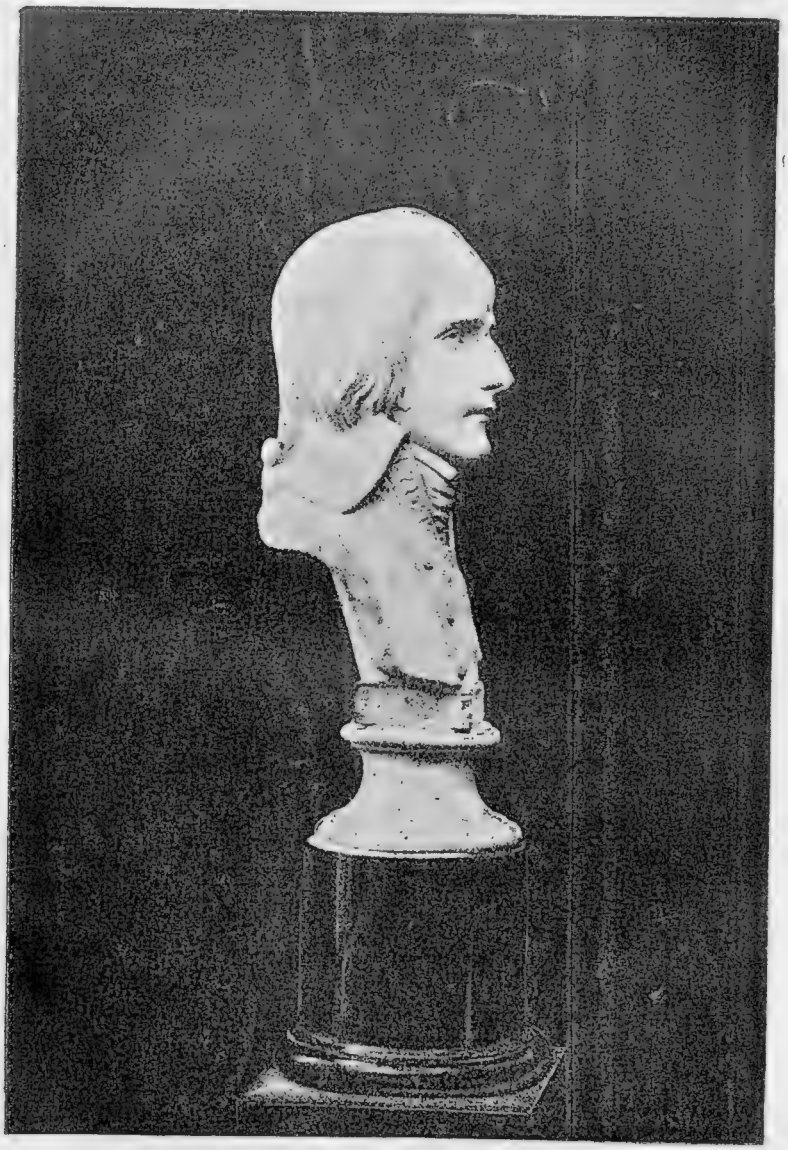


Бонапартъ штурмуетъ снѣговыя укрѣпленія въ Бріеннскомъ училищѣ.

и крещенъ января 8, второе же является копіей съ документа, удостовѣряющаго, что января 7 родился Жозефъ Набуліонъ. Ни одинъ изъ этихъ двухъ документовъ не имѣетъ рѣшающаго значенія, но присоединеніе Жозефа къ имени новорожденнаго и примѣненіе къ этому имени двухъ французскихъ лингвистическихъ формъ во второмъ документѣ, значительно ослабляя его цѣнность, побуждаетъ признать болѣе авторитетнымъ первый документъ. Предположеніе, будто Наполеонъ и Набуліоне одно и то же лицо, согласуется съ брачнымъ свидѣтельствомъ Наполеона, гдѣ заявляется, что онъ родился въ 1768 году 8 февраля. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ брачномъ контрактѣ Жозефа упомянуто, что онъ родился не въ Корте, а въ Аяччіо. Тѣмъ не менѣе означенное предположеніе опровергается другими несравненно болѣе вѣскими фактами. Такъ, въ архивахъ французскаго военнаго министерства имѣется помѣченная 21 іюля 1771 года выписка изъ свидѣтельства о крещеніи, въ которой значится, что Наполеонъ родился 15 августа 1769 года. Найдена также просьба Шарля ди-Буонапарте объ опредѣленіи двухъ старшихъ его сыновей въ Бріеннское училище. Къ просьбѣ этой приложены копіи съ ихъ метрическихъ свидѣтельствъ, соотвѣтствующія по годамъ и числамъ тѣмъ даннымъ, которыя вообще теперь признаются вѣрными. Тѣмъ самымъ выясняется также несостоятельность утвержденій, будто отецъ Наполеона учинилъ подлогъ въ метрическомъ свидѣтельствѣ своего сына для того, чтобы можно было опредѣлить этого юношу въ военное училище. Прошеніе было подано въ 1776 году и въ немъ ходатайствовалось объ опредѣленіи въ военное училище обоихъ сыновей ранѣе достиженія ими десятилѣтняго возраста. Единственно только промедленіе французскихъ властей выполнить эту просьбу, вслѣдствіе котораго она пролежала болѣе трехъ лѣтъ подъ сукномъ, сдѣлало то, что Жозефъ вышелъ тѣмъ временемъ изъ лѣтъ. Шарлю Буонапарте не было въ 1776 году ни малѣйшей причины учинять подлогъ, а позднѣе подлогъ становился даже и немыслимымъ, такъ какъ документы находились уже въ рукахъ правительства. Тѣмъ не менѣ обвиненіе въ такомъ подлогѣ было высказано еще при жизни Наполеона. Братъ императора, Жозефъ, положительно опровергалъ фактъ подлога, а Бурріенъ, знавшій Наполеона еще девятилѣтнимъ мальчикомъ, столь же категорически отрицалъ этотъ фактъ. Необходимо замѣтить, что въ той средѣ, къ которой принадлежали сперва Буонапарте, имена членовъ семьи не отличались неизмѣннымъ постоянствомъ. Такъ, трое сестеръ Наполеона именовались Маріями-Аннами. Одна изъ нихъ называлась впослѣдствіи Элизой.

Что касается до имени Наполеона, то и съ нимъ обнаруживается довольно курьезная, хотя и не особенно существенная путаница. Оно принимало, какъ уже упомянуто, формы: „Набуліоне“, „Наполеоне“ и „Наполеонъ“. Въ нѣкоторыхъ документахъ встрѣчается, кромѣ того, еще форма: „Napoloeone“, а въ брачномъ свидѣтельствѣ стоитъ „Наполіоне“. На Вандомской колоннѣ было начертано: „Napolio. Imp.“, какъ если бы императоръ носилъ имя

священно-мученика Неопола. Проказники, школьные товарищи Наполеона въ Отенскомъ и Бріеннскомъ училищахъ,



Наполеонъ въ юности.
(Съ мраморнаго бюста неизвѣстнаго скульптора, въ музеѣ въ Аяччіо).

дали ему прозвище „Носъ въ соломѣ“ — „paille-au-nez“. Na-paille-au-uez“, вѣроятно, являлось искаженіемъ „Napouillone“. Это хамс-

леоно-подобная измѣнчивость имени вполнѣ соотвѣтствовала таковому же характеру самого человѣка,—его времени,—родины и страны, которая его усыновила. Корсиканскій дворянинъ и французъ-роялистъ именовался „Наполеоне ди-Буонапарте"; корсиканскій республиканецъ и патріотъ, скрывавшійся подъ предшествовавшей маской, именовался Наполеоне Буонапарте. Французъ-республиканецъ сталъ Наполеономъ Буонапартомъ, побѣдоносный генералъ—просто напросто Бонапартомъ, а императоръ—Наполеономъ. Одновременно съ измѣненіями національности и политическихъ воззрѣній мѣнялся также и почеркъ. Весьма вѣроятно, что усыновленный Франціей корсиканецъ, желая скрыть плохое свое знакомство съ тонкостями французскаго языка, счелъ нужнымъ, въ бытность свою республиканцемъ, консуломъ и императоромъ, отказаться отъ четкаго почерка, которымъ писалъ въ ранней молодости, и вернуться къ совершенно неразборчивому, почерку своего дѣтства. Впослѣдствіи онъ всегда придерживался этого ребяческаго почерка.

Наполеонъ родился въ бурныя времена среди народа, въ которомъ еще не улеглись волны отчаянной борьбы за существованіе. Самъ онъ говоритъ: „Я родился въ то время, какъ моя страна была при смерти. Тридцать тысячъ французовъ, извергнутыхъ на наши берега, потопляли въ волнахъ крови престолъ свободы! Таково было страшное зрѣлище, представившееся младенческимъ моимъ взорамъ. Вокругъ моей колыбели раздавались крики умирающихъ, стоны и жалобы обиженныхъ, лились слезы отчаянія".

Съ такими именно словами обратился въ 1789 году юный Наполеоне Буонапарте къ Паоли. Въ нихъ слегка насилуется ради краснаго словца хронологія, но тѣмъ не менѣе они совершенно правильно изображаютъ обстоятельства, при которыхъ произошло зачатіе Наполеона. Придуманная впослѣдствіи легенда утверждаетъ, будто мать Наполеона была у обѣдни, когда почувствовала родовыя боли и тотчасъ же поспѣшила домой. Едва успѣла она добраться до спальни, какъ тутъ же на коврѣ, изображавшемъ юнаго Ахиллеса, разрѣшилась отъ бремени великимъ военнымъ геніемъ, столь бурно спѣшившимъ явиться на свѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ былъ дѣтищемъ своего времени. Онъ и самъ смотрѣлъ на себя такъ. Въ Лонгудѣ изгнанникъ-императоръ, бесѣдуя на смертномъ одрѣ съ своимъ врачемъ, тоже корсиканцемъ, вспоминалъ про свое дѣтство и говорилъ: „Я не отступалъ ни передъ чѣмъ и не боялся ничего: колотилъ одного, —царапалъ другого и наводилъ страхъ на всѣхъ моихъ сверстниковъ. Больше всего доставалось отъ меня моему старшему брату, Жозефу. Онъ всегда оказывался избитымъ, искусаннымъ, исцарапаннымъ и получалъ, сверхъ того, еще выговоръ, такъ какъ я сваливалъ на него вину, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ одуматься и сообразить въ чемъ дѣло. Если бы у меня не хватило находчивости обвинить Жозефа, то мамаша, Летиція, мигомъ угомонила бы мои воинственныя наклонности. Она не простила бы мнѣ такихъ буйныхъ шалостей. Будучи любящей, но

вмѣстѣ съ тѣмъ строгою матерью, она одинаково добросовѣстно распредѣляла наказанія и награды, причемъ принимала во вниманіе, какъ заслуги, такъ и проступки".

О своемъ первоначальномъ образованіи Наполеонъ тогда же заявлялъ: „Подобно всему остальному въ Корсикѣ, оно было самымъ жалкимъ". Двоюродный дѣдъ мальчика, Люсьенъ Буонапарте, каноникъ и человѣкъ состоятельный (получавшій въ годъ до 5.000 ливровъ), взялся сообщить ему первые начатки знаній. Надо полагать, что каноникъ все-таки обладалъ кое-какими свѣдѣніями, достаточными съ точки зрѣнія католической церковной іерархіи. „Дядюшка" Фешъ, отецъ котораго получилъ у себя на родинѣ сравнительно порядочное образованіе, какое дается обыкновенно въ Швейцаріи протестантскому юношеству, обучилъ кое-чему своего сына, который былъ пріятелемъ и товарищемъ маленькаго шалуна Буонапарте. Каноникъ ознакомилъ Наполеона съ Священной Исторіей и Катехизисомъ, а отъ своего одиннадцатилѣтняго дядюшки мальчикъ выучился грамотѣ. На шестомъ году его опредѣлили въ частную школу, которую содержала одна дама. Другіе ученики смѣялись тамъ надъ нимъ, потому что онъ постоянно терялъ подвязки и чулки у него спускались. Утверждали также, будто онъ засматривается на дѣвочекъ, въ особенности же на какую-то Джіакометту. Онъ отвѣчалъ на насмѣшки ударами, пуская въ ходъ палки, осколки кирпичей и вообще все, что попадалось подъ руку. Самъ Наполеонъ разсказываетъ, что въ такихъ случаяхъ никогда не обращалъ вниманія на преимущество вражескихъ силъ. Въ то время онъ не зналъ ни слова по французски. Обученіе въ школѣ велось на его родномъ корсиканскомъ нарѣчіи итальянскаго языка.

Этимъ исчерпываются всѣ скудныя свѣдѣнія, имѣющіяся о дѣтствѣ Наполеона. Они сводятся почти исключительно къ тому, что самъ Наполеонъ разсказывалъ про себя въ послѣдній періодъ жизни, когда у него, какъ и у всѣхъ вообще людей, должно было выработаться сильное стремленіе къ строго логической послѣдовательности. Безъ сомнѣнія, онъ входилъ при этомъ даже непроизвольно въ сдѣлки съ совѣстью, пригоняя свои воспоминанія къ принципу, что ребенокъ является отцомъ взрослаго и что онъ лично родился именно такимъ, какимъ всегда былъ впослѣдствіи.

Корсика находилась въ теченіе уже шести лѣтъ подъ владычествомъ Франціи. По наружности тамъ все было спокойно. Тѣмъ не менѣе Паоли и его друзья, пребывавшіе въ изгнаніи, все еще поддерживали сношенія съ оставшеюся на островѣ горстью искреннихъ корсиканскихъ патріотовъ. Французское правительство, желая устранить возможность какихъ-либо, хотя бы даже ничтожныхъ волненій, въ случаѣ возстанія этихъ немногочисленныхъ и къ тому же разбросанныхъ патріотовъ, могло бы, впрочемъ, найти поддержку въ недовольствѣ ихъ согражданъ новыми порядками, которымъ пришлось подчиниться, начало, хотя немного поздновато, запгрывать съ Паоли, съ цѣлью зару-

БИБЛІОТЕКА

читься его нейтралитетомъ, или даже добиться отъ него признанія существующаго факта. Всѣ такія попытки оказались, однако, тщетными. Изгнанникъ остался непримиримымъ. Уровень національнаго патріотизма въ Корсикѣ подвергался безпрерывнымъ колебаніямъ, которыя можно уподобить приливамъ и отливамъ. Имѣется указаніе на то, что Наполеонъ въ дѣтствѣ былъ подъ вліяніемъ патріотическаго движенія. Онъ, вѣроятно, слушалъ съ большимъ интересомъ сочувственные разсказы и анекдоты о Паоли и геройской его борьбѣ за корсиканскую свободу. Въ то время такіе разсказы и анекдоты были до чрезвычайности распространены среди его соотечественниковъ. Что касается до Шарля ди-Буонапарте, то присоединеніе Корсики къ Франціи принесло ему кое-какія изъ выгодъ, на которыя онъ разсчитывалъ, рѣшаясь примириться съ новымъ порядкомъ вещей. Дворянское достоинство и оффиціальное положеніе были за нимъ обезпечены. Онъ стоялъ даже на пути къ болѣе высокимъ почестямъ, но что могли значить такія почести безъ соотвѣтственнаго богатства? Между тѣмъ средства къ существованію становились все болѣе скудными, а расходы возростали, вслѣдствіе увеличенія семьи и необходимости въ представительствѣ, сообразномъ съ почетными должностями, которыя приходилось занимать. Изъявленіе Шарлемъ Буонапарте покорности было весьма благосклонно встрѣчено въ высшихъ французскихъ правительственныхъ сферахъ. Тамъ знали объ его притязаніяхъ на родовыя помѣстья, захваченныя іезуитами. Хотя іезуиты были изгнаны изъ Франціи, а слѣдовательно также съ острова Корсики, но Шарлю все-таки не возвращали помѣстьевъ, о которыхъ онъ хлопоталъ. Это представлялось даже болѣе чѣмъ когда-либо затруднительнымъ, такъ какъ жилыя зданія въ прежнихъ іезуитскихъ помѣстьяхъ были обращены въ школы, а доходы съ земельныхъ участковъ получили совершенно опредѣленныя назначенія. Прошло уже достаточное число лѣтъ для того, чтобы Шарль убѣдился личнымъ опытомъ въ безнадежности выиграть свою тяжбу. Какимъ же образомъ, спрашивается, могъ онъ обезпечить себѣ существенныя выгоды отъ своего вѣрноподданничества французскому королю? Пріятели Шарля, особенно же генералъ Марбефъ, полагали, что онъ можетъ вознаградить себя, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, обезпечивъ дѣтямъ воспитаніе на казенный счетъ. Необходимые для этого шаги были вскорѣ сдѣланы и въ 1776 году отправлено было въ Парижъ прошеніе объ опредѣленіи двухъ старшихъ сыновей Шарля ди Буонапарте полными пансіонерами въ военноучебныя-заведенія. Немедленно же истребовали отъ Шарля доказательства, что его предки въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четырехъ поколѣній состояли въ дворянскомъ достоинствѣ. Почтовыя сообщенія отличались въ тѣ времена чрезвычайной медленностью, оффиціальные же документы пересылались еще медленнѣе частныхъ писемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ снятіе засвидѣтельствованныхъ копій съ документовъ было сопряжено съ большой проволочкою времени.

Событія шли пока своимъ чередомъ, Шуазель впалъ въ немилость, а 10 мая 1774 года скончался престарѣлый король Людовикъ XV и вступилъ на престолъ Людовикъ XVI. Неподвижность, характеризовавшая блестящій періодъ упадка бурбонской монархіи, была, наконецъ, преодолѣна. Новыя соціальныя силы начали освобождаться изъ подъ сдерживавшаго ихъ гнета. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ приступили къ разсмотрѣнію фактовъ и къ уясненію себѣ ихъ значенія. Государственное банкротство становилось уже не призракомъ, а угрозой самаго серьезнаго свойства. Въ правительственныхъ сферахъ только и было рѣчи, что о сбереженіяхъ и реформахъ. Неккеръ пытался осуществить свои многообѣщавшіе проекты. Однимъ изъ нихъ являлся созывъ именитыхъ представителей трехъ сословій, т. е. дворянства, духовенства и горожанъ, чтобы разрѣшить по возможности къ общему удовольствію щекотливый вопросъ объ увеличеніи налоговъ. Швейцарскій финансистъ надѣялся такимъ путемъ подорвать враждебное ему подпольное вліяніе королевскихъ интендантовъ. Корсиканскій губернаторъ и интендантъ были оба достаточно опытными, чтобы не попасть въ ловушку, которую устраивалъ имъ, по ихъ мнѣнію, Неккеръ. Представителями всѣхъ трехъ сословій корсиканской области были назначены люди, являвшіеся ихъ вѣрными слугами и послушными орудіями. Все еще не покончившаго съ своей тяжбой и нуждавшагося въ деньгахъ Шарля де Буонапарте пригласили ѣхать въ Версаль въ качествѣ депутата отъ корсиканскаго дворянства. Мѣстныя власти не ошиблись. Тщеславіе Шарля было затронуто. Несмотря на свое безденежье, онъ счелъ долгомъ принять столь лестное для себя приглашеніе и въ 1778 году отправился въ путь съ двумя своими сыновьями: Жозефомъ и Наполеономъ. Съ ними ѣхалъ Жозефъ Фешъ, долженствовавшій поступить въ семинарію (въ городѣ Э), и Вареза, двоюродный братъ Летиціи, выхлопотавшій себѣ въ Отенѣ мѣсто поддіакона. Во Флоренціи великій герцогъ тосканскій далъ своему „пріятелю“, Карло ди-Буонапарте, рекомендательное письмо къ своей сестрѣ королевѣ Маріи Антуанеттѣ. Тѣмъ не менѣе, если прошеніе, поданное Шарлемъ де-Буонапарте, было, наконецъ, принято во вниманіе, то онъ былъ обязанъ этимъ главнымъ образомъ вліянію Марбефа. Племянникъ этого генерала, отенскій епископъ, согласился принять къ себѣ Жозефа, ставшаго уже слишкомъ великовозрастнымъ для поступленія въ королевское военное училище, и подготовить этого юношу къ священническому сану. Впослѣдствіи онъ взялъ къ себѣ также и Люсьена. Весьма вѣроятно, что департаментъ герольдіи, тоже лишь благодаря вліянію Марбефа, согласился признать законность документовъ, свидѣтельствовавшихъ о старинномъ дворянскомъ достоинствѣ Буонапарте. Какъ бы ни было, 23-го апрѣля 1779-го года, Наполеона приняли въ Бріенское военное училище. Онъ самъ признавалъ впослѣдствіи, что обязанъ этимъ генералу Марбефу.

Въ день новаго 1779 года Буонапарте пріѣхали въ Отенъ. Юнаго Наполеона въ теченіе трехъ мѣсяцевъ учили тамъ гово-

рить и писать по французски. Несмотря на свои яко бы феноменальныя способности, мальчикъ, очевидно, не успѣлъ въ столь короткій срокъ совладать съ многоразличными трудностями этого изящнаго и прекрасно обработаннаго языка. Наполеонъ явился въ Бріеннъ къ будущимъ своимъ товарищамъ, владѣя имъ еще очень плохо и къ тому же съ самымъ ужасающимъ выговоромъ. Число воспитанниковъ въ Бріеннскомъ училищѣ доведено было до полутораста, хотя ихъ полагалось держать тамъ всего только сто двадцать, и всѣ приспособленія были разсчитаны именно на эту норму. Половина нормальнаго числа воспитанниковъ состояла королевскими пансіонерами. Воспитателями и преподавателями въ Бріеннскомъ училищѣ были монахи минорітскаго ордена. Предполагалось, что ихъ питомцы будутъ подготовляться къ военной службѣ суровымъ и строгимъ образомъ жизни. Въ дѣйствительности, однако, все въ училищѣ имѣло аристократическій, щеголеватый видъ. Воспитывавшіеся тамъ подъ надзоромъ неопытныхъ и полуобразованныхъ монаховъ молодые дворянчики франтили соразмѣрно съ количествомъ получавшихся ими изъ дома карманныхъ денегъ. Между ними существовали весьма рѣзкія разграниченія, соотвѣтственно рангу, общественному положенію и вліянію ихъ родителей. Извѣстно, до какой степени нехорошо относятся сплошь и рядомъ пансіонеры закрытыхъ заведеній къ новопоступающимъ туда мальчикамъ, а потому легко можно представить себѣ, какъ долженъ былъ чувствовать себя въ Бріеннскомъ училищѣ Наполеонъ ди-Буонапарте, дворянское достоинство котораго считалось въ Франціи спорнымъ, а денежныя средства оказывались крайне скудными.

Повидимому, путешествіе съ острова Корсики черезъ Флоренцію и Марсель произвело уже въ мальчикѣ изумительную перемѣну. Учитель Наполеона въ Отенѣ заявляетъ, что его питомецъ сразу же обнаружилъ весьма сдержанный, вдумчивый характеръ. Онъ не принималъ участія въ играхъ и прогуливался одинъ, поодаль отъ сверстниковъ. Онъ обладалъ хорошими способностями и тщеславился этимъ. Въ три мѣсяца онъ изучилъ начатки французскаго языка,—довольно бойко справлялся въ разговорѣ съ употребительнѣйшими фразами и могъ писать ихъ безъ грубыхъ ошибокъ. „Желая подразнить Наполеона, отенскіе мальчуганы принялись какъ-то разъ,—говоритъ этотъ учитель, аббатъ Шардонъ,—обвинять всѣхъ вообще корсиканцевъ въ трусости“.

— Если бы васъ было всего только въ четверо больше чѣмъ насъ, вы никогда бы не овладѣли Корсикой,—спокойно и флегматически отвѣтилъ десятилѣтній мальчикъ,—но вы, вѣдь, напали десятеро на одного...

— За то у васъ имѣлся отличный генералъ, Паоли!—прервалъ его самъ аббатъ.

— Совершенно справедливо, сударь,—угрюмо подтвердилъ мальчикъ, и затѣмъ, въ порывѣ честолюбія, добавилъ: — Мнѣ бы очень хотѣлось съ нимъ сравняться!

Внѣшность Наполеона, какъ описываетъ ее тогда аббатъ,

представлялась далеко непривлекательной. Онъ производилъ впечатлѣніе какого-то дикаго звѣрька. Цвѣтъ лица у него былъ смуглый, волосы на головѣ стояли торчкомъ, вся фигура была до чрезвычайности худощавой. Само собой разумѣется, что онъ не умѣлъ изящно выражаться и не обладалъ внушительными манерами. Какъ уже упомянуто, Наполеонъ говорилъ по французски довольно плохо и съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ.

Пока сынъ подготовлялся такимъ образомъ въ Отенѣ къ поступленію въ военное училище, отецъ хлопоталъ въ Версалѣ о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Онъ подалъ еще нѣсколько просьбъ на высочайшее имя, въ одной изъ которыхъ ходатайствовалъ объ уплатѣ ему изъ королевской шкатулки добавочной субсидіи къ скудному депутатскому содержанію, а въ другой—о скорѣйшемъ разрѣшеніи пресловутой его тяжбы. Первая изъ двухъ просьбъ была выполнена не только по отношенію къ самому г-ну де-Буонапарте, но и къ обоимъ его сотоварищамъ, въ виду „прекраснаго поведенія“ корсиканской делегаціи въ Версали, или, иными словами, ввиду того, что она вполнѣ сообразовалась съ распоряженіями двора. Когда получено было, кромѣ того, оффиціальное сообщеніе о принятіи Наполеона въ Бріеннское училище, Шарль де-Буонапарте отвезъ туда сына и снабдилъ мальчика всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго обзаведенія, а затѣмъ почтенный депутатъ корсиканскаго дворянства могъ безъ хлопотъ получать небольшія суммы для удовлетворенія настоятельныхъ и безотложныхъ своихъ потребностей, но не больше.

Жизнь Наполеона въ училищѣ.

Вслѣдствіе давнишнихъ жалобъ на то, что сыновья небогатыхъ дворянъ, готовящіеся служить въ артиллеріи, воспитываются какъ принцы, признано было нужнымъ открыть, именно въ качествѣ протеста противъ роскоши, водворившейся въ парижской и Ла-Флешской военныхъ школахъ, Бріеннское училище съ девятью другими училищами, устроенными по одной съ нимъ системѣ. Эти школы были временно закрыты въ виду невозможности добиться инымъ путемъ ихъ преобразованія. Вослѣдствіи Парижская школа открылась опять въ качествѣ высшаго военнаго училища. Надзоръ за новыми учебными заведеніями былъ порученъ монахамъ различныхъ орденовъ. Предполагалось, что монахи будутъ обучать своихъ питомцевъ простотѣ жизни и обращенія,—позаботятся о томъ, чтобы выработать у нихъ характеръ и т. п. Все это оказалось, однако, лишь благими пожеланіями, которыя не осуществились по той простой причинѣ, что въ тогдашней Франціи нельзя было пріискать среди чернаго духовенства порядочныхъ воспитателей и учителей, необходимыхъ для выполненія правительственной программы. Образованіе въ военныхъ училищахъ сильно хромало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное воспитаніе будущихъ офицеровъ осталось крайне неудовлетворительнымъ. Идеалами его служили прежнія понятія объ

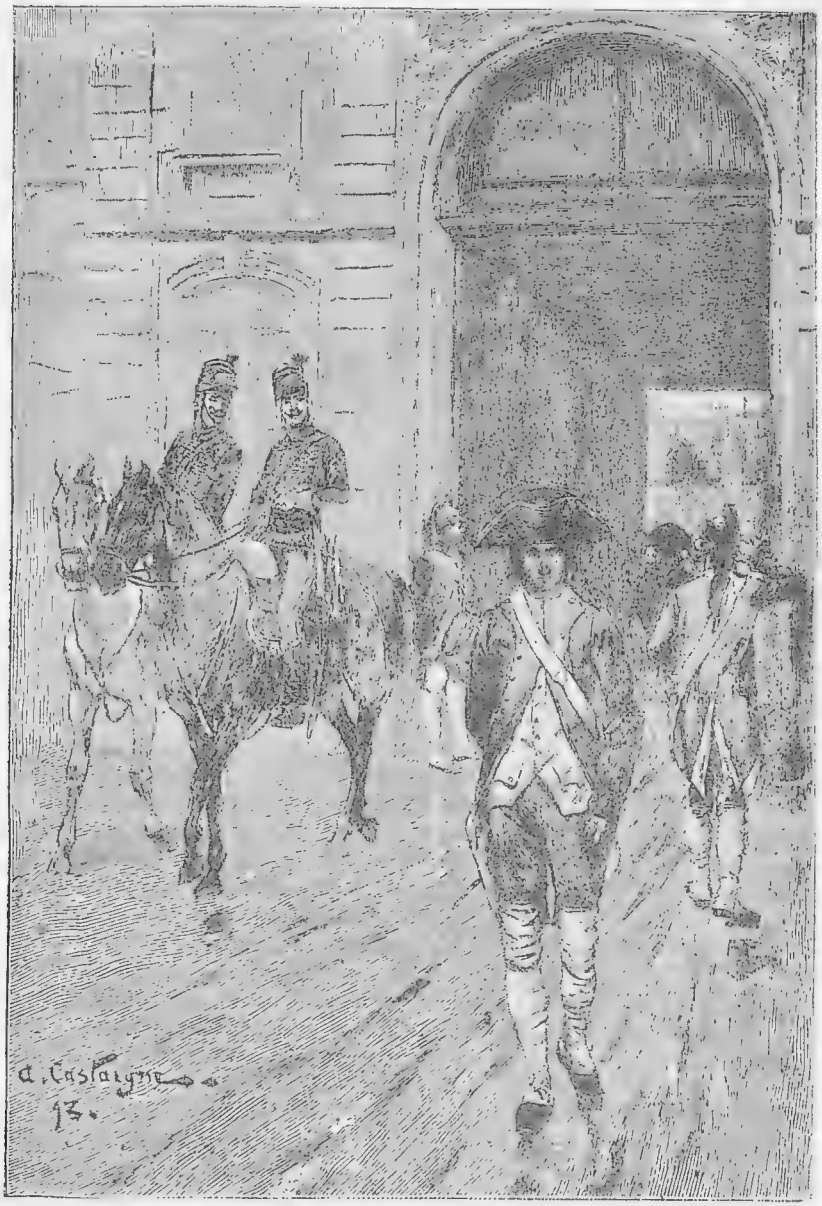
условныхъ приличіяхъ и безсодержательной внѣшней вѣжливости. При такихъ обстоятельствахъ новичекъ могъ разсчитывать на хорошій пріемъ со стороны товарищей лишь при условіи обладанія деньгами и хорошими манерами. Ни того, ни другого какъ разъ не имѣлось у корсиканскаго мальчика, поступившаго казеннымъ пансіонеромъ въ Бріеннское военное училище. Невѣжественные, отрекшіеся отъ мірскихъ дѣлъ патеры монастырскаго ордена не могли ни предусмотрѣть, ни облегчить бѣдственнаго положенія, созданнаго Наполеону неблагопріятными обстоятельствами, при которыхъ ему пришлось поступить въ училище.

Въ Отенѣ у Наполеона имѣлся, по крайней мѣрѣ, другъ и товарищъ въ лицѣ его брата, Жозефа, обладавшаго добродушнымъ, спокойнымъ, уживчивымъ характеромъ, въ Бріеннѣ же онъ оказывался въ первое время совсѣмъ одинокимъ. Его приводили въ величайшее озлобленіе грубыя задиранія и насмѣшки, которыми школьная молодежь имѣетъ привычку встрѣчать новичковъ и изъ которыхъ зачастую какимъ-то непонятнымъ образомъ выростаетъ пріязнь и дружба. На подшучиванія по поводу покоренія Корсики французами, начавшіяся почти съ перваго же дня поступленія его въ училище, Наполеонъ холодно возражалъ: „Надѣюсь, что мнѣ когда-нибудь удастся вернуть Корсикѣ свободу“. Онъ не зналъ, что въ одной изъ парадныхъ залъ училища висѣлъ портретъ Шуазеля. Войдя случайно въ эту залу, онъ отшатнулся назадъ и затѣмъ принялся осыпать врага своей родины проклятіями и горькими укоризнами, за что и былъ подвергнутъ строгому наказанію.

Отличительныя черты характера, обнаруживавшіяся у Наполеона уже въ Отенѣ, очевидно, встрѣтили въ Бріеннскомъ училищѣ благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія. Мрачный одинокій новичекъ оставался дикимъ и непокорнымъ корсиканскимъ звѣрькомъ. Оскорбленное тщеславіе заставило его носить личину равнодушія ко всему окружающему. Онъ презиралъ игры и забавы своихъ товарищей, страстно полюбилъ чтеніе, а если ему все-таки приходилось быть въ обществѣ другихъ воспитанниковъ, то выказывалъ къ нимъ презрѣніе, приводившее ихъ въ справедливое негодованіе. Возникали ссоры и драки, причемъ Наполеонъ уподоблялся Измаилу, „руки котораго подымались на всѣхъ и руки всѣхъ на него“. Иногда онъ приходилъ при этомъ въ такое неистовство, что наносилъ серьезныя раны товарищамъ. Подъ конецъ даже учителя—монахи принялись надъ нимъ насмѣхаться и смѣстили его съ должности капитана училищнаго батальона, которой пришлось его удостоить за успѣхи въ наукахъ.

Положеніе Наполеона сдѣлалось особенно бѣдственнымъ, когда ему вздумалось вызвать на дуэль одного изъ воспитанниковъ, позволившаго себѣ смѣяться надъ его происхожденіемъ и называть его отца „полицейскимъ крючкомъ“. За этотъ вызовъ корсиканскій звѣрекъ былъ запертъ въ клѣтку, т. е. посаженъ подъ арестъ, тогда какъ его обидчикъ остался безнаказаннымъ. Только благодаря личному заступничеству Марбефа, пріѣхавшаго нарочно

въ Бріеннъ, молодой его пріятель былъ выпущенъ на свободу. Измученный и оскорбленный до глубины души мальчикъ охотно бы вышелъ тогда же изъ училища, но родители его были слишкомъ бѣдны, чтобы согласиться на столь невыгодную въ эко-



Бонапартъ въ парижской военной школѣ въ 1785 году.
Рисунокъ Кастэнья.

номическомъ отношеніи мѣру. Неизвѣстно, изъ разговора-ли съ Наполеономъ, или изъ весьма драматично составленнаго, но недостовѣрнаго письма, яко бы написаннаго юношей своимъ корсиканскимъ друзьямъ и сохранившагося до сихъ поръ, Марбефъ узналъ, что главнѣйшей причиной всѣхъ ссоръ и недоразумѣній между молодымъ корсиканцемъ и сыновьями французскихъ дворянъ являлся недостатокъ карманныхъ денегъ у островитянина. Добродушный генералъ великодушно помогъ этому горю, давъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мальчику строгій выговоръ за чрезмѣрную обидчивость. Кромѣ того, онъ познакомилъ Наполеона съ мѣстною помѣщицей, г-жей де-Бріеннъ, замокъ которой находился невдалекѣ отъ училищнаго зданія. Эта дама сдѣлалась какъ бы второю матерью одинокому корсиканскому мальчику. Онъ проводилъ у нея праздники и вакаціи. Нѣжное ея участіе смягчило суровый его характеръ. Будучи умной женщиной, она отлично понимала, какое громадное значеніе имѣютъ для воспитанника закрытаго заведенія карманныя деньги и, въ случаѣ надобности, щедро снабжала ими юношу.

Участіе, съ какимъ относилась къ Наполеону г-жа де-Бріеннъ, не было, впрочемъ, единственнымъ просвѣтомъ въ мрачной картинѣ первыхъ временъ училищной его жизни. Каждому изъ ста пятидесяти воспитанниковъ былъ отведенъ въ училищномъ саду маленькій клочекъ земли. Буонапарте страстно ухаживалъ за своимъ участкомъ. Насильственно присоединивъ къ нему заброшенные участки двухъ сосѣдей, онъ устроилъ себѣ тамъ убѣжище, отдѣленое отъ остальнаго сада высокой и прочной живой изгородью. Въ эту цитадель, неприкосновенность которой онъ защищалъ съ бѣшенствомъ, доходившимъ иногда чуть что не до изступленія, Наполеонъ удалялся зимою и лѣтомъ въ хорошую погоду, забирая туда съ собою всѣ книги, которыя удавалось достать. Въ обществѣ этихъ книгъ онъ чувствовалъ себя счастливымъ и такимъ образомъ проводилъ многіе часы полезно и пріятно. Чувство національнаго корсиканскаго патріотизма развилось у молодого Наполеона еще сильнѣе вслѣдствіе ненависти, которую онъ питалъ къ своимъ школьнымъ товарищамъ-французамъ и которая распространялась у него тогда на всю Францію. „Я никогда не прощу своему отцу, — воскликнулъ однажды мальчикъ, — участія, какое онъ принималъ въ присоединеніи Корсики къ Франціи!“ Паоли сдѣлался любимымъ его героемъ. Вообще же Наполеонъ въ то время съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ о великихъ дѣяніяхъ людей и народовъ. Обильный матеріалъ для такого чтенія онъ находилъ въ „Жизнеописаніяхъ“ Плутарха. Необходимо замѣтить также, что училищное начальство, разжаловавъ Наполеона изъ капитановъ въ рядовые, неумышленно оказало ему этимъ большую услугу, значительно улучшивъ его положеніе въ товарищескомъ кружкѣ. Духъ оппозиціи противъ начальства, встрѣчающійся сплошь и рядомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, заставилъ товарищей Наполеона сблизиться съ корсиканцемъ и добровольно предоставлять ему роль ихъ предводителя въ играхъ. Извѣстный эпизодъ игры въ штурмъ и обо-

рону крѣпости какъ нельзя лучше характеризуетъ естественныя наклонности корсиканскаго юноши. Когда вслѣдствіе дурной погоды ему приходилось покидать свое убѣжище въ саду и присоединяться въ общей залѣ къ товарищамъ, онъ зачастую устраивалъ игры, въ которыхъ, раздѣлившись на двѣ партіи—грековъ и персовъ, или же римлянъ и карѳагенянъ—питомцы Бріеннскаго училища завязывали сраженіе и подымали такой гвалтъ, что монашествующей братіи приходилось ихъ разнимать. Однажды Наполеонъ предложилъ воспользоваться выпавшимъ глубокимъ снѣгомъ для того, чтобы построить изъ него укрѣпленія, которыя можно будетъ штурмовать и защищать, дѣйствуя въ качествѣ оборонительнаго и наступательнаго оружія снѣжками. Игра эта, довольно обыкновенная среди юношества другихъ странъ, являлась въ Бріеннскомъ училищѣ до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной. Предложеніе Наполеона было принято его товарищами съ восторгомъ, и всѣ приготовленія къ ней производились подъ его руководствомъ съ истинно-научнымъ усердіемъ. Воздвигнутые по его указанію форты, бастіоны и редуты приводили въ изумленіе всѣхъ сосѣдей. Зима стояла суровая, а потому можно было вести въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль эту военную игру. Бонапартъ попеременно командовалъ осаждающими и осажденными. Онъ выказалъ при этомъ такія способности, такое умѣнье и распорядительность, что въ Бріеннскомъ училищѣ долго еще послѣ того вспоминали зимнія его игры въ крѣпость.

Всѣмъ и каждому вѣдомо, что алмазы можно шлифовать единственно только алмазной же пылью. Не смотря на чрезвычайную грубость процессовъ, которымъ подвергалась адамантовая натура юнаго корсиканца, получились въ концѣ концовъ замѣчательные результаты. Наполеонъ не долюбливалъ латинскій языкъ и относился къ нему съ презрительнымъ равнодушіемъ. Онъ обладалъ особенными способностями къ исторіи и математикѣ и съ большимъ успѣхомъ занимался этими учебными предметами. Впрочемъ, онъ вездѣ и во всемъ отличался быстрой сообразительностью. Замѣчательная зрѣлость ума, достигнутая чтеніемъ и размышленіемъ, бросалась въ глаза всѣмъ товарищамъ Наполеона, не исключая даже и враждебно къ нему настроенныхъ. Эта же ранняя зрѣлость сужденія фактически иллюстрируется письмомъ Наполеона къ Жозефу Фешу. Письмо это, написанное въ 1783 году, когда Наполеону было всего лишь четырнадцать лѣтъ, трактуетъ о семейныхъ дѣлахъ. Въ немъ разсказывается, что братъ Наполеона, Іосифъ, подготовляется въ Отенѣ къ духовному званію, а сестра Элиза (она же Марія Анна) помѣщена казенной пансіонеркой въ Сенъ-сирскій институтъ, Люсьена же стараются опредѣлить въ Бріеннское училище, гдѣ находился и Наполеонъ. Элиза и Люсьенъ пріѣхали вмѣстѣ съ отцомъ въ Версаль, и Люсьенъ остался тамъ, чтобы быть наготовѣ, какъ только откроется вакансія. Вообще все обстоитъ благополучно, за исключеніемъ того, что Жозефъ недоволенъ своей участью и выражаетъ желаніе опредѣлиться тоже въ военную службу. Особенно замѣчательнымъ съ психологической точки зрѣ-

нія является тонъ этого посланія. Начиная письмо легонькой общей характеристикой Люсьена, въ такомъ вкусѣ, въ какомъ старшіе братья зачастую аттестуютъ младшихъ, Наполеонъ переходитъ къ обстоятельному анализу способностей и наклонностей Жозефа. Въ результатѣ этого тщательнаго и весьма правильнаго анализа, подкрѣпленнаго тонкими доводами и наглядными фактическими данными изъ предшествовавшей жизни брата, заявлялось, что и для семьи и для самого Жозефа карьера въ духовномъ званіи окажется несравненно выгоднѣе. Отенскій епископъ, безъ сомнѣнія, снабдитъ выгодной бенефиціей Жозефа, который со временемъ и самъ будетъ посвященъ въ епископы. Позволимъ себѣ отмѣтить въ этомъ письмѣ въ качествѣ курьеза презрительное отношеніе къ пѣхотѣ какъ роду оружія. Трудно представить себѣ, чѣмъ именно вызвано было тогда это презрительное отношеніе. Письмо отличается полнымъ отсутствіемъ досужей болтовни, восторженности, или хотя бы даже намековъ на чувства или принципы. Это дѣловой документъ, вышедшій изъ-подъ пера холодной, разсчетливой, властной натуры. Въ немъ приведены стихи, очень талантливые по мысли, но весьма плохіе въ стилистическомъ отношеніи. Слогъ письма, вообще говоря, недуренъ, но все таки далеко не такъ хорошъ, какъ этого можно было бы ожидать отъ юноши, способнаго къ такому интенсивному мышленію, изучавшаго въ теченіе уже трехъ лѣтъ французскій языкъ и говорившаго исключительно на немъ ежедневно.

Въ августѣ мѣсяцѣ первая награда по математикѣ была присуждена Буонапарте и Бурріену. Вскорѣ послѣ того, въ томъ же 1783 году, прибылъ въ Бріеннъ инспекторъ военныхъ училищъ де-Кераліо, чтобы убѣдиться въ успѣхахъ казенныхъ пансіонеровъ. Маленькій Буонапарте очень ему понравился. Кераліо объявилъ въ своемъ донесеніи, что лично не знакомъ съ семействомъ этого мальчика, но все-таки, найдя въ немъ искру, которую было бы жаль потушить, даетъ о юномъ корсиканцѣ слѣдующую лестную аттестацію:

„Г-нъ де-Бонапартъ (Наполеонъ) родился 15 августа 1769 г.; ростомъ 4 фута 10 дюймовъ 10 линій (1 метръ 59 сантиметр. 73 миллиметра), отличается хорошимъ сложеніемъ, превосходнымъ здоровьемъ и кроткимъ характеромъ; окончилъ уже четвертый классъ; натура честная и благодарная. Поведеніе его было все время въ высшей степени удовлетворительнымъ. Особенно отличается онъ прилежаніемъ и успѣхами въ математикѣ, обладаетъ отличными свѣдѣніями изъ исторіи и географіи, но слабъ въ рисованіи, танцахъ, музыкѣ и другихъ предметахъ изящнаго образованія. Изъ мальчика этого выйдетъ превосходный морякъ, а потому онъ вполнѣ заслуживаетъ перевода въ парижское морское училище“.

Къ несчастью для видовъ Наполеона относительно службы во флотѣ, де-Кераліо, который могъ бы оказать ему необходимую протекцію, умеръ вскорѣ послѣ инспекторской своей поѣздки.

Съ помощью неустаннаго низкопоклонничества и настойчивыхъ всеподданнѣйшихъ просьбъ Шарль де-Буонапарте добился нако-

нецъ опредѣленія не только Люсьена, но также и Жозефа, казенными пансіонерами въ военное училище. Несправедливо лишенный наслѣдства, злополучный дипломатъ, которому пришлось именно вслѣдствіе этого задаваться честолюбивыми планами и жертвовать для осуществленія ихъ спокойствіемъ и удобствами жизни у себя дома въ родной своей Корсикѣ, выбился къ тому времени почти окончательно изъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истощилъ послѣднія свои денежныя средства. Правда, что Наполеонъ былъ уже назначенъ къ переводу въ морское училище. Благодаря настояніямъ Кераліо (бывшаго директора этого училища), его предполагалось отправить въ Парижъ, а по окончаніи курса въ морскомъ училищѣ, перевести въ тулонскій портъ, находящійся въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ Корсикой. Кераліо, однако, умеръ, а служба во флотѣ пользовалась такимъ почетомъ среди французской аристократіи, что въ морское училище старались попасть очень многіе молодые дворяне, за которыхъ хлопотали весьма вліятельныя лица. Юноша, оставшійся безъ покровителя, навряд-ли могъ удержать за собой обѣщанную ему вакансію. Начальство пошло съ нимъ, впрочемъ, на компромиссъ. Рѣшено было, что Люсьенъ станетъ продолжать образованіе въ Бріеннскомъ училищѣ, а Жозефъ поступитъ туда же или въ морское училище, чтобы пополнить свои пробѣлы въ математическихъ наукахъ и сдать экзамены для опредѣленія въ королевскую службу вмѣстѣ съ Наполеономъ, въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній откажется отъ службы во флотѣ и выберетъ себѣ какой угодно родъ службы во французской арміи.

Письмо, въ которомъ юноша сообщаетъ отцу о принятомъ имъ рѣшеніи, столь же замѣчательно, какъ и предшествовавшее. Заботливый и старательный родитель выбился подъ конецъ изъ силъ, расхворался и вынужденъ былъ на многотрудномъ обратномъ пути въ Корсику взять Жозефа себѣ въ провожатые. Наполеонъ тѣмъ же самымъ дѣловымъ, чуждымъ всякой сантиментальности слогомъ, признается, безъ обиняковъ, что упомянутый компромиссъ для него лично крайне непріятенъ. Затѣмъ онъ объявляетъ въ повелительной формѣ, подкрѣпленной логическими доводами, что Жозефу слѣдуетъ поступить въ бріеннское, а не въ мецское училище. Тѣмъ не менѣе, въ письмѣ этомъ обнаруживается новая характерная черта—нѣжное, сердечное выраженіе привязанности къ семьѣ и теплое воспоминаніе о друзьяхъ. Наиболѣе поразительнымъ фактомъ, въ виду послѣдующаго хода событій, слѣдуетъ признать просьбу Наполеона достать ему „Описаніе Корсики“ Босуэля и другія историческія сочиненія и мемуары, относящіеся до роднаго его острова. „Я привезу ихъ обратно, если бы мнѣ пришлось даже вернуться въ Корсику не ранѣе, какъ черезъ шесть лѣтъ“, писалъ Наполеонъ. Въ эту минуту онъ, повидимому, не думалъ, что хочетъ воспользоваться образованіемъ, полученнымъ на казенный счетъ во Франціи, для того, чтобы лишить эту державу Корсики, являвшейся послѣднимъ и наиболѣе цѣннымъ ея пріобрѣтеніемъ. Если же онъ не забывалъ про

это, то руководствовался тѣми же соображеніями, какъ стрѣлокъ, снабжающій свою стрѣлу перьями, выпавшими изъ крыла намѣченной имъ жертвы. Очевидно, что униженія, вынесенныя Наполеономъ въ школѣ, ознакомленіе съ исторіей свободы, наслѣдственныя наклонности и послѣднее разочарованіе заставляли юношу сосредоточивать вниманіе на родинѣ, какъ предопредѣленной для него сферѣ дѣйствія.

Спустя четыре дня послѣ того, какъ было написано это письмо, Наполеонъ вторично выдержалъ выпускной экзаменъ изъ Бріеннскаго училища и объявилъ, что намѣренъ служить въ артиллеріи и черезъ мѣсяцъ былъ отправленъ въ парижское военное училище, именовавшееся академіей. Училище это не только успѣло уже пріобрѣсти себѣ прежнюю извѣстность, но пользовалось теперь лестной репутаціей заведенія, въ которое поступаютъ лишь лучшіе изъ кандидатовъ на офицерское званіе. Рѣшеніе служить въ артиллеріи было, повидимому, принято Наполеономъ просто-на-просто путемъ логическаго процесса исключенія всѣхъ другихъ родовъ службы. Пѣхота представлялась ему слишкомъ уже неинтеллигентной и пассивной, кавалерія—слишкомъ дорогой и аристократической, служба же въ инженерномъ вѣдомствѣ не продставляла никакихъ преимуществъ передъ службою въ артиллеріи. Производство и въ инженерныхъ войскахъ шло заведеннымъ порядкомъ по старшинству, причемъ богатство и связи не оказывали особеннаго вліянія. Выборъ палъ на артиллерію, повидимому, оттого, что о ней было сперва упомянуто въ роковомъ письмѣ, сообщавшемъ молодому человѣку о крайне затруднительномъ положеніи семьи и о необходимости для него лично отказаться отъ службы во флотѣ.

Въ кондуитномъ спискѣ, посланномъ вмѣстѣ съ Наполеономъ изъ Бріенна въ Парижъ, значилось: „характеръ властолюбивый, требовательный и упрямый“.

Въ Парижѣ и Валансѣ.

Наполеонъ прибылъ въ Парижъ осенью 1784 года, когда ему шелъ всего только шестнадцатый годъ. Онъ былъ полнѣйшимъ невѣждой во всемъ, что въ то время причислялось къ „гуманитарному“ образованію, но обладалъ основательными свѣдѣніями изъ исторіи, географіи и математическихъ наукъ. Свѣдѣнія эти, подобно всему складу его мышленія, имѣли скорѣе практическій, чѣмъ теоретическій характеръ. Онъ зналъ гораздо обстоятельнѣе фортификацію, чѣмъ какую-нибудь отвлеченную метафизику, былъ знакомъ съ историческими фактами обстоятельнѣе, чѣмъ съ философіей исторіи. Недовѣрчивое презрительное отношеніе къ товарищамъ и привычка, отдалясь отъ нихъ, заниматься серьезнымъ чтеніемъ, одновременно возростали. Они не нашли себѣ пока иного исхода, кромѣ довольно таки безтактной докладной записки военному министру о надлежащей организаціи воспитанія и обученія юношества

во французскихъ военныхъ школахъ. Тѣмъ не менѣе, въ Парижѣ Наполеонъ встрѣтилъ, быть можетъ, еще впервые друга-сверстника въ лицѣ де-Мази, товарища своего по компатѣ. Это былъ юноша благородный не только по происхожденію,

Наполеонъ Бонапартъ въ 1785 г. (шестнадцати лѣтъ отъ роду).
Съ рисунка двуцвѣтными карандашами на синей бумагѣ, сдѣланнаго однимъ изъ его товарищей. Оригиналъ находится въ Луврѣ въ архивахъ. Прежде хранился въ «Музеѣ государей».

но и по характеру, состоявшій также, какъ и Наполеонъ, казеннымъ пансіонеромъ. Юный корсиканецъ имѣлъ, кромѣ того, удовольствіе пользоваться обществомъ жившаго теперь въ Версали отенскаго епископа,—навѣщалъ свою сестру Элизу, воспитывавшуюся въ Сенъ-сирскомъ институтѣ и пріятельницу семьи Буонапарте красавицу, г-жу Пермонъ, мать будущей герцогини Аб-

рантесъ. Госпожа Пермонъ хотя и родилась въ Корсикѣ, принадлежала къ одной изъ отраслей извѣстной греческой фамиліи Комненовъ.

Шарль де-Буонапарте скончался весною 1785 года въ Монпелье, въ домѣ г-жи Пермонъ. Смерть его, казалось, наносила послѣдній смертельный ударъ благосостоянію Буонапарте, такъ какъ вмѣстѣ съ нею рушились надежды и ожиданія всей семьи. Обстоятельства, при которыхъ умеръ отецъ Наполеона, совершенно подходящимъ образомъ закончили его карьеру. Чувствуя, что ему сдѣлалось немного лучше и, отчаиваясь закончить когда-нибудь свою тяжбу изъ-за родового помѣстья обыкновеннымъ путемъ судопроизводства, онъ рѣшился еще разъ отправиться въ Версаль, чтобы подать новую просьбу на высочайшее имя и выѣхалъ вмѣстѣ съ Жозефомъ. Еще во время морского переѣзда ему стало много хуже. Болѣзненное состояніе продолжало все болѣе обостряться, такъ что отецъ съ сыномъ сочли за лучшее съѣздить въ Монпелье и посовѣтоваться съ знаменитыми спеціалистами тамошняго медицинскаго факультета. Измученный, разочарованный и упавшій духомъ отецъ Наполеона умеръ въ этомъ городѣ подъ гостепріимнымъ кровомъ подруги своего дѣтства, вышедшей замужъ за богатаго подрядчика, занимавшагося поставками для военнаго вѣдомства. Ненависть къ іезуитамъ повлекла за собою у Шарля де-Буонапарте отвращеніе ко всей вообще католической религіи. Онъ умеръ невѣрующимъ, отклоняя съ напряженіемъ послѣднихъ своихъ силъ дружескія услуги Феша, который, будучи тогда уже рукоположенъ въ священники, поспѣшилъ къ смертному одру своего родственника, чтобы преподать ему послѣднія утѣшенія. Не смотря на неудачи въ жизни, Шарль все-таки, служилъ для своей семьи опорою въ надеждахъ на будущее благосостояніе. Враги называли его перебѣжчикомъ изъ одного лагеря въ другой, но семья, интересамъ которой онъ усердно служилъ, была ему благодарна за неутомимую энергію, съ какою онъ о ней заботился, и совершенно искренно скорбѣла объ его смерти. Онъ оставилъ семью безъ гроша и въ долгахъ, но умеръ буквально на службѣ ей. Письмо, съ которымъ Наполеонъ обратился по этому поводу къ матери, является весьма приличнымъ по тону и очень симпатичнымъ. Въ немъ, между прочимъ, упоминается, какъ много обязаны матери всѣ дѣти за поддержку, которую она имъ оказывала. Тѣмъ не менѣе, какъ будто для выясненія, что Наполеонъ все еще оставался въ сущности ребенкомъ, это коротенькое грустное письмецо заканчивается чрезвычайно страннымъ и совершенно неумѣстнымъ добавленіемъ, въ которомъ сообщается, что за два дня передъ тѣмъ французская королевская семья увеличилась рожденіемъ герцога Нормандійскаго.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ генералъ Марбефъ женился, съ чѣмъ вмѣстѣ прекратились, повидимому, съ его стороны и денежныя субсидіи юному его пріятелю. Г-жа Буонапарте осталась вдовою съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, младшему изъ которыхъ, Жерому, исполнилось всего только три мѣсяца. Двою-

родный ихъ дѣдъ, архидіаконъ Люсьенъ, оказывалъ имъ, однако, кое-какую помощь, а Жозефъ, отрекшись отъ всѣхъ честолюбивыхъ своихъ замысловъ, вернулся на родину, чтобы служить по мѣрѣ силъ и возможности опорой семьѣ. Съ тѣхъ поръ Наполеону приходилось жить уже не въ относительной или воображаемой, а въ дѣйствительной суровой бѣдности. Замыкаясь полнѣе чѣмъ когда-либо въ себѣ самомъ, онъ принялся еще съ большимъ усердіемъ читать и учиться. Особенно страстно зачитывался онъ въ то время сочиненіями Руссо, политическія теоріи котораго глубоко проникали въ холодную кровь злополучнаго кадета и отравляли ее своимъ ядомъ.

Начальство парижской военной школы, желая по возможности облегчить несчастное положеніе бѣдствовавшаго молодого человѣка, или (какъ утверждаютъ въ нѣкоторыхъ біографіяхъ) желая избавиться отъ строптиваго пансіонера, постоянно ссорившагося съ товарищами, сократило для него пребываніе въ школѣ, насколько это оказывалось вообще возможнымъ, и допустило Буонапарте въ августѣ 1785 года, т. е. меньше чѣмъ черезъ годъ по вступленіи въ школу, къ выпускному изъ нея экзамену. Онъ выдержалъ этотъ экзаменъ далеко не блистательно, а именно сорокъ вторымъ, но все же лучше своего товарища по камерѣ, который оказался по списку пятьдесятъ шестымъ. Немедленное зачисленіе на службу въ артиллерію обусловливалось для обоихъ молодыхъ людей обиліемъ имѣвшихся тамъ вакансій, что въ свою очередь объяснялось нежеланіемъ французскаго дворянства нести сравнительно тяжелую службу артиллерійскаго офицера. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ достигъ требуемаго закономъ возраста и доказалъ, что обладаетъ свѣдѣніями, которыя требовались тогда отъ артиллерійскаго офицера. Въ кондуитномъ спискѣ, препровожденномъ изъ парижской военной школы въ артиллерійское вѣдомство, говорится о Наполеонѣ, какъ о молодомъ человѣкѣ, скромномъ и прилежномъ, но мало сообщительномъ, который предпочитаетъ научныя занятія забавамъ, съ особенной охотой читаетъ классическихъ авторовъ, прилежно занимается отвлеченными науками, но мало интересуется всѣмъ остальнымъ, обладаетъ основательными свѣдѣніями изъ математики и географіи, молчаливъ, любитъ уединеніе, капризенъ, высокомѣренъ, чрезвычайно наклоненъ къ эгоизму, говоритъ мало, но чрезвычайно энергиченъ, находчивъ и рѣзокъ въ своихъ возраженіяхъ, обладаетъ большимъ самолюбіемъ, безгранично честолюбивъ, и вообще заслуживаетъ поощренія.

Оба товарища по камерѣ просили о зачисленіи ихъ въ одинъ и тотъ же артиллерійскій полкъ Ла Фера, стоявшій въ Валансѣ. Въ полку этомъ служилъ родной братъ Де-Мази, молодому же корсиканцу хотѣлось быть по возможности ближе къ своей родинѣ, а находясь въ Валансѣ онъ могъ разсчитывать, что будетъ, пожалуй, даже командированъ на островъ Корсику. Производство въ офицеры состоялось 1-го сентября. Что касается до назначенія въ полкъ, то оно затянулось до конца октября мѣсяца. Это долгое промедленіе окончательно истощило денежныя средства поручика

де-Буонапарте. Наполеонъ отправился въ Валансъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ и на его счетъ. Имѣвшійся у нихъ на дорогу небольшой запасъ денегъ оказался по прибытіи изъ Ліонъ совсѣмъ уже истощеннымъ, и юные поручики вынуждены были идти оттуда до Валанса пѣшкомъ.

Усиленіе неограниченной монархической власти въ западной Европѣ было въ значительной степени обусловлено учрежденіемъ постоянныхъ армій, установившимъ тѣсную связь между королемъ, который выплачивалъ жалованье солдатамъ, и народомъ, поставлявшимъ таковыхъ. Между королевской властью и дворянствомъ происходили безпрерывныя ссоры изъ-за привиллегій, а между дворянствомъ и народомъ тоже возникали непріятности изъ-за феодальныхъ отношеній. Упорная, долговременная борьба между этими тремя элементами закончилась, наконецъ, полною побѣдой королевской власти. Съ теченіемъ времени армія стала не только опорою монархіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы частью духовнаго ея организма,—усвоила себѣ и дурныя, и хорошія качества монархіи—слабыя и сильныя ея стороны. Въ арміи, какъ въ зеркалѣ, отражалось истинное состояніе государства, но сколько государство олицетворялось въ королѣ. Въ 1785 году французская армія находилась въ прискорбномъ положеніи. Въ такомъ старинномъ монархическомъ государствѣ, какъ Франція, между сословіями установились сравнительно прочныя рамки. При такихъ условіяхъ и при существовавшей системѣ пополненія рядовъ арміи преимущественно добровольцами, въ рекруты шли, если можно такъ выразиться, только подонки общества. Казармы и лагери стали разсадниками и училищами всевозможныхъ пороковъ. Одинъ изъ тѣхъ, кому пришлось впослѣдствіи принять дѣятельное участіе въ преобразованіи арміи, восклицаетъ: „Найдется-ли отецъ, способный безъ трепета и содроганія покинуть своего сына на жертву не то чтобы случайностямъ войны, но въ тысячу разъ болѣе опасному обществу негодяевъ послѣдняго разбора?“ Мы имѣемъ уже нѣкоторое понятіе о характерѣ офицеровъ. На первомъ планѣ у нихъ стояло общественное положеніе и удовольствія. Что же касается до выполненія долга и до занятія своей спеціальностью, то этому не придавалось почти ни малѣйшаго значенія. Также плохо обстояли дѣла и въ центральномъ управленіи военнаго вѣдомства. Организація арміи, устройство матеріальной и продовольственной части, обмундировка и т. п. были далеко не въ такомъ положеніи, чтобы обезпечить точность и быстроту дѣйствія военнаго механизма. Артиллерійскій полкъ Ла Фера былъ не хуже и не лучше другихъ. Приглашая рекрутъ поступать въ этотъ полкъ, объявляли: „У насъ три раза въ недѣлю танцы, два раза въ недѣлю игры на вольномъ воздухѣ, остальное же время солдаты играютъ въ кегли, въ чехарду, ходятъ въ караулъ и на ученье. Почти все время посвящается удовольствіямъ. Жалованье платится большое и обращаются съ нижними чинами хорошо.“ Поручику Буонапарте причиталось въ годъ 1120 ливровъ. За квартиру и столъ онъ долженъ былъ платить 720 ливровъ, вслѣдствіе чего

на одежду и карманныя деньги ему оставалось ежемѣсячно 35 ливровъ, т. е. около девяти рублей золотомъ. Для офицера безъ протекціи служба въ артиллеріи представляла хотя и обезпечен-

Бонапартъ—поручикъ артиллеріи.
Съ картины Грёза изъ собранія маркиза Ласъ-Казасъ.

ную, но не особенно завидную карьеру. Поручикъ, прослуживъ лѣтъ пятнадцать въ этомъ чинѣ, могъ разсчитывать на производство въ капитаны, а затѣмъ, прослуживъ пятнадцать лѣтъ капитаномъ, получалъ отставку съ полной пенсіей и орденомъ.

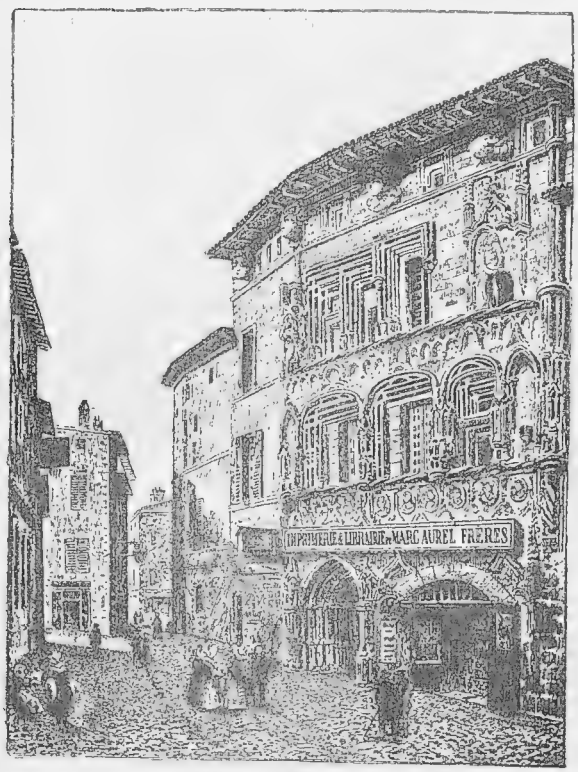
Въ первые мѣсяцы, по прибытіи своемъ въ полкъ, Буонапарте совершенно сбросилъ съ себя прежняго человѣка. Вмѣсто того, чтобы чуждаться общества, онъ принялся усердно пить изъ

чаши наслажденія. Новое для него сознаніе полной самостоятельности, независимое положеніе, въ которомъ онъ не подвергался болѣе такимъ обидамъ и оскорбленіямъ, какъ въ бытность свою кадетомъ, благопріятныя извѣстія изъ Корсики, гдѣ его семья опять ласкала себя оптимистическими надеждами на полученіе крупнаго наслѣдства, все это вмѣстѣ могло до извѣстной степени вскружить голову шестнадцатилѣтнему мальчику. Самая твердая воля не въ силахъ навсегда подавить бурные порывы расцвѣта возмужалости. Въ Валансѣ давались балы, на которыхъ молодому поручику пришлось впервые придти въ близкое соприкосновеніе съ дѣвицами и дамами. Онъ счелъ даже умѣстнымъ взять нѣсколько уроковъ танцованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ гостиной аббата Сенъ-Руфъ и его пріятелей, Наполеонъ имѣлъ впервые случай ознакомиться съ манерами и разговоромъ утонченнаго аристократическаго общества, безъ сомнѣнія, провинціальнаго, но все-таки принадлежавшаго къ высшимъ сферамъ. Оказаннымъ ему тамъ сердечнымъ пріемомъ онъ былъ обязанъ рекомендаціи отенскаго епископа, монсиньора Марбефа. Мѣстныя вліятельныя лица, съ которыми познакомился въ Валансѣ поручикъ де-Буонапарте, были впослѣдствіи награждены сторицей за благосклонность, съ какою тогда отнеслись къ юному корсиканцу. Онъ не сходился особенно близко съ своими товарищами-офицерами не потому, чтобы они его чуждались, но оттого, что у него самого былъ плохо развитъ духъ товарищества. Онъ принесъ съ собою въ полкъ сложившуюся уже привычку холодно относиться къ товарищамъ.

Періодъ наслажденія жизнью былъ у Наполеона, однако, непродолжительнымъ. На основаніи имѣющихся данныхъ нельзя рѣшить, являлся-ли онъ данью общечеловѣческой слабости и отступленіемъ отъ твердо опредѣленной программы, или же, напротивъ того, служилъ самъ частью этой программы. Первое предположеніе кажется болѣе правдоподобнымъ, если принять во вниманіе послѣдовавшее затѣмъ, какъ бы подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти, внезапное возвращеніе къ труду. Впрочемъ, даже за время съ ноября по апрѣль мѣсяцъ, онъ не покидалъ окончательно любимыхъ своихъ занятій, причемъ Руссо оставался по прежнему любимымъ его товарищемъ и руководителемъ. Весною, однако, онъ сдѣлался восторженнымъ почитателемъ аббата Рейналя. На первый взглядъ можетъ показаться, будто научныя занятія Буонапарте отличались крайней безпорядочностью и отсутствіемъ всякой руководящей нити. Обыкновенно дѣтству и молодости приписываютъ недостаточную наблюдательность и малую способность задаваться опредѣленными цѣлями. Вообще, по отношенію къ массѣ, такое сужденіе можетъ быть признано вѣрнымъ. Несмотря на это, чѣмъ обстоятельнѣе мы знакомимся съ психологіей, при помощи автобіографій, тѣмъ достовѣрнѣе становится для насъ, что во многихъ случаяхъ планъ цѣлой жизни былъ выработанъ еще раньше чѣмъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ и затѣмъ съ неуклонной строгостью приводился въ исполненіе. Сознательнымъ или безсознательнымъ образомъ располагалъ Буонапарте ходъ своихъ

научныхъ занятій и чтенія, во всякомъ случаѣ въ нихъ можно усмотрѣть съ самаго начала и до конца строгое единство плана.

Послѣ первыхъ основныхъ ихъ зачатковъ, занятія Наполеона располагаются, если можно такъ выразиться, по двумъ почти параллельнымъ линіямъ. Къ первой изъ нихъ относится пріобрѣтеніе практически необходимыхъ профессіональныхъ свѣдѣній, строго ограниченныхъ рамками этой необходимости. Нельзя быть хорошимъ воиномъ-спеціалистомъ въ сухопутной арміи или во флотѣ,



Улица, гдѣ жилъ Бонапартъ въ Валансѣ.
Домъ д-цы Бу—второй по лѣвой рукѣ.

не обладая практическими свѣдѣніями изъ исторіи и географіи, такъ какъ земля и ея обитатели являются въ извѣстномъ смыслѣ сценою военной дѣятельности. Нельзя укрѣплять города, располагать войска лагеремъ и выполнять разнообразныя обязанности полководца безъ нѣкотораго знакомства съ науками о числахъ и количествахъ протяженія. Угрюмый честолюбивый мальчикъ изучалъ именно только эти науки и притомъ лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онѣ примѣняются на практикѣ. Просодія, грамматика, риторика и философія его не интересовали. Самъ Наполеонъ и его сестра Элиза, наиболѣе энергичные изъ всѣхъ членовъ семьи Буона-

парте, не умѣли сколько-нибудь изящно и бойко говорить или писать ни на какомъ языкѣ. Въ частныхъ бумагахъ Наполеона, относящихся къ годамъ его молодости, имѣется всего лишь одно сколько-нибудь серьезное математическое изслѣдованіе. Все остальное или не заслуживаетъ вниманія, или же имѣетъ прямое практическое соотношеніе съ артиллерійской спеціальностью. Еще въ бытность Наполеона въ Бріеннѣ начальство его находило, что онъ не интересуется пріобрѣтеніемъ какихъ-либо изящныхъ талантовъ и не обладаетъ таковыми.

Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣрнымъ себѣ до конца. Существовала, однако, другая отрасль свѣдѣній, тоже имѣющихъ практическое примѣненіе, но необходимыхъ столь немногимъ, что они не вошли въ учебныя программы и не изучаются въ школахъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ политическихъ наукахъ.

Научныя занятія и гарнизонная жизнь.

Въ извѣстномъ смыслѣ совершенно вѣрно, что первый императоръ французовъ былъ человѣкомъ, не принадлежащимъ какому-либо опредѣленному времени, или же опредѣленной странѣ. Въ другомъ же смыслѣ онъ оказывался болѣе, чѣмъ кто-либо, порожденіемъ окружающей среды и сыномъ своего вѣка. Онъ самъ пришелъ къ рѣшенію изучать политическія науки, но матеріалъ, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло, и самый методъ изученія обусловливались личными его отношеніями къ европейской мысли минувшаго столѣтія. Наполеонъ, очевидно, надѣялся, что занятія военными и политическими науками приведутъ его когда-нибудь къ блистательной, грандіозной карьерѣ. Годы его жизни, представляющіеся какъ бы подготовкой въ осуществленію этихъ предположеній, были на самомъ дѣлѣ употреблены далеко не особенно удачнымъ образомъ. Недоброкачественность учителей, къ которымъ обращался Наполеонъ въ области политики, и общее настроеніе политическихъ воззрѣній въ концѣ минувшаго столѣтія въ значительной степени помѣшали юному поручику дать себѣ такую подготовку, какъ это представлялось ему желательнымъ съ точки зрѣнія честолюбивыхъ его замысловъ.

Руссо обладалъ для тогдашней молодежи положительно непреодолимымъ чарующимъ обаяніемъ. Увлекательный стиль, убѣдительная логика, глубокое поэтическое чувство и вдохновеніе пророка невольно заставляли вѣрить ему насильно. Молодого корсиканца могло привлекать къ Руссо также сочувствіе женевскаго философа къ романическому острову. Сидя у ногъ такого Гамаліила, юный ученикъ долженъ былъ узнать, при посредствѣ весьма убѣдительныхъ доводовъ, дурныя и слабыя стороны существующаго государственнаго и общественнаго порядка. Такихъ обстоятельныхъ познаній по этой части онъ не могъ бы пріобрѣсти ни у кого другого. Съ помощью Руссо юноша проникался сознаніемъ опасности, которой угрожаютъ обществу авторитетъ духовенства, феодальныя привиллегіи и принципъ не-

ограниченной монархической власти,—опасности, отражающейся въ упадкѣ не только общественной, но и частной нравственности. Онъ освоивался съ мыслью о необходимости преобразованія учрежденій, какъ единственномъ средствѣ къ возрожденію общества. Поученія эти неизбѣжно должны были оказать громадное вліяніе, хотя и весьма одностороннее. Дѣйствительно, какъ только отъ всеразрушающаго отрицанія безпощадной критики учитель переходитъ къ попыткамъ положительнаго созиданія, онъ не сооб-

Замокъ Колонбье, близъ Валанса.

щаетъ своимъ ученикамъ ничего сколько-нибудь цѣннаго, но за то преподаетъ имъ массу опасныхъ заблужденій. Совершенно игнорируя здравый историческій методъ, онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ новаго политическаго сооруженія фикцію, въ высшей степени опаснаго свойства. Буонапарте, въ замѣткахъ, писанныхъ въ то время, когда онъ упивался чтеніемъ Руссо, уяснилъ себѣ эту фикцію и очень ясно указываетъ на нее, опровергая основную ошибку Руссо относительно первобытнаго „естественнаго“ состоянія. Юный поручикъ говоритъ: „Полагаю, что человѣкъ въ естественномъ состояніи обладалъ такою-же способностью чувствовать

и разсуждать, какъ и теперь". Не соглашаясь съ посылками, онъ тѣмъ не менѣе съ обычнымъ пыломъ молодости присоединялся къ нѣкоторой части заключенія и притомъ какъ-разъ къ той, которая являлась самымъ опаснымъ пунктомъ во всей политической системѣ Руссо. Именно онъ признавалъ, что всяческая власть исходитъ отъ народа, не вслѣдствіе исторической эволюціи, обусловленной свойствами семейной и племенной организаціи, но въ силу добровольнаго соглашенія между отдѣльными личностями, проникнутыми желаніемъ обезпечить общественное спокойствіе и порядокъ. Разъ что согласіе дано добровольно, оно можетъ быть взято назадъ, а потому созданные народомъ общественные и государственные порядки могутъ быть имъ и разрушены. Въ этомъ тезисѣ содержались не только зародышъ крайняго радикализма, но и цѣлая система этого радикализма, являвшагося духовной и матеріальной сущностью всей французской революціи въ ея крайнихъ доктринерскихъ увлеченіяхъ.

Руссо былъ пророкомъ и предтечей новаго общественнаго переустройства. Программа примѣненія принциповъ этого переустройства изложена въ книгѣ, подписанной именемъ человѣка, не выдававшагося изъ среды посредственностей, а именно, аббата Рейналя. Этотъ аббатъ пользовался одно время въ обширныхъ кружкахъ блестящею репутаціей, державшейся, сколько можно судить, лишь на весьма шаткомъ основаніи дружбы съ нѣсколькими выдающимися личностями и незаслуженнаго преслѣдованія. Въ 1770 году вышла за его подписью книга, относительно которой онъ являлся не авторомъ, а только компиляторомъ. „Философская и политическая исторія европейскихъ поселеній и торговли въ обѣихъ Индіяхъ" была чѣмъ-то вродѣ сборника выдержекъ изъ различныхъ авторитетныхъ произведеній и краткихъ очерковъ, написанныхъ геніальными пріятелями и знакомыми Рейналя на такія жгучія темы, какъ, напримѣръ, суевѣріе, тираннія и т. п. Рейналь и передъ тѣмъ много писалъ. Онъ издалъ уже нѣсколько томовъ своихъ произведеній, ни одно изъ которыхъ не обратило на себя вниманія публики. Изумительный успѣхъ послѣдней его книги не представлялъ собою, однако, ничего удивительнаго, если (какъ это полагаютъ теперь опытные спеціалисты), по меньшей мѣрѣ, третья часть ея вышла изъ подъ пера Дидро. Положеніе самозваннаго автора въ ряду современныхъ французскихъ писателей немедленно же сдѣлалось выдающимся. Книга его пошла такъ бойко въ ходъ и заставила такъ о себѣ говорить, что французскія власти, наконецъ, встревожились. Въ 1781 году слава Рейналя пріобрѣла драматическую окраску, благодаря тому, что его книгу предписано было сжечь, а самъ авторъ вынужденъ былъ бѣжать за-границу. Впослѣдствіи буря улеглась, и Рейналь вернулся во Францію. Онъ былъ друженъ съ г-жей дю-Колонбье, покровительствовавшей молодому артиллерійскому поручику. Черезъ нее установились сношенія между великимъ человѣкомъ и восторженнымъ его читателемъ. Въ письмѣ Буонапарте къ Рейналю встрѣчаемъ слѣдующую изумительную тираду: „Мнѣ

еще не исполнилось восемнадцати лѣтъ, а я уже писатель въ такомъ возрастѣ, когда надлежало бы еще учиться. Не сдѣлаетъ-ли меня такая моя смѣлость предметомъ вашихъ насмѣшекъ?

Д-ца дю Колонбье — предметъ первой любви Наполеона.

Нѣтъ, не сдѣлаетъ! Я въ этомъ увѣренъ. Если снисходительность является характерной чертой истиннаго генія, то вы должны обладать большою дозой снисходительности. Посылаю вамъ съ этимъ письмомъ первую и вторую главу исторіи Корсики съ краткимъ конспектомъ остального сочиненія. Если вы одобрите начало, то я буду продолжать, если же вы посовѣтуете оста-

новиться, то я не пойду дальше". Эти первыя главы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ попали къ Рейналю, сколько извѣстно, болѣе не существуютъ, а потому потомство не можетъ составить себѣ понятія о томъ, до чего монументальной являлась самоувѣренность юнаго ихъ автора. Аббатъ благосклонно отвѣтилъ юному своему сотоварищу по перу, но посовѣтовалъ ему сперва пополнить наличный запасъ фактовъ дальнѣйшими изслѣдованіями, а затѣмъ уже написать обѣ первыя главы съизнова. Буонапарте выказалъ готовность воспользоваться данными ему совѣтами. Вскорѣ послѣ того, а именно въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ обратился къ одному изъ женевскихъ книгопродавцевъ съ двумя заказами книгъ, относящихся до Корсики и мемуаровъ г-жи де-Варансъ и ея слуги Клода Ане, являющихся какъ бы прибавленіемъ къ „Исповѣди Руссо". Письмо молодого историка отличается плохимъ стилемъ и множествомъ грамматическихъ ошибокъ, но за то проникнуто тогдашнимъ духомъ времени.

Молодой офицеръ располагалъ большимъ количествомъ свободнаго времени. Впослѣдствіи, сдѣлавшись императоромъ, онъ сознавался г-жѣ Ремюза, что часть этого времени тратилась на чтеніе романовъ. Въ дѣйствительности дѣло этимъ не ограничивалось. Буонапарте не только читалъ романы, но пробовалъ даже и писать таковые. Говорятъ, будто „Страданія молодого Вертера" произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ прочелъ ихъ пять разъ подъ рядъ. (Это случилось съ нимъ, впрочемъ, въ первый и послѣдній разъ). Въ массѣ ребяческаго его бумагомаранья сохранился достаточный матеріалъ для выясненія, какимъ фантастическимъ грезамъ въ сферахъ любви и славы онъ предавался. Многіе подозрѣваютъ, что въ продолженіе сезона зимнихъ развлеченій въ Валансѣ Наполеонъ влюбился, или вообразилъ себя влюбленнымъ, но былъ отвергнутъ. По крайней мѣрѣ, въ его „Разговорѣ о любви", написанномъ пять лѣтъ спустя, заявляется: „Я тоже когда-то любилъ!" Нѣсколькими строками ниже онъ описываетъ чувство любви, какъ нѣчто весьма зловредное, отъ чего Богу надлежало бы избавить людей. Повидимому за эти пять лѣтъ на долю Наполеона не выпадало такого удобнаго случая ухаживать за особами прекраснаго пола, какой представлялся ему въ гостиныхъ г-жи дю Колонбье. Какъ бы ни было, благодаря такому предположенію, эта милая и очаровательная дама пріобрѣла себѣ мѣстечко въ исторіи въ качествѣ не только вліятельной покровительницы Наполеона, но также и матери предмета его первой любви.

Все это служило молодому поручику единственно только забавой и развлеченіемъ въ часы досуга, тогда какъ главнымъ образомъ время его было посвящено серьезнымъ занятіямъ. Онъ не только перечиталъ главныя произведенія Руссо и усердно изучилъ книгу аббата Рейналя (являвшагося тогда любимымъ его авторомъ), но прочелъ также многое въ сочиненіяхъ Вольтера, Филанджіери, Неккера и Адама Смита. Вооружившись записной книжкой и карандашемъ, онъ дѣлалъ извлеченія, под-

строчныя указанія и критическія замѣтки, свидѣтельствовавшія, что его умъ усердно работалъ и всѣми силами старался овладѣть предметомъ изслѣдованія. Къ понятію о государствѣ, какъ частной корпораціи, заимствованному Наполеономъ у Руссо, присоединилось теперь убѣжденіе, что французскія учрежденія не соотвѣтствуютъ болѣе занятіямъ, вѣрованіямъ и этическимъ воззрѣніямъ французскаго народа, вслѣдствіе чего революція является необходимой. Судя по мемуару, представленному нѣсколько лѣтъ спустя ліонской академіи, молодой артиллерійскій офицеръ почти всецѣло проникся теоріями, которыя проводились въ книгѣ объ „Обѣихъ Индіяхъ“.

Улица Пероллери въ Валансѣ. Налѣво трактиръ «Трехъ Голубей», гдѣ столовался Наполеонъ.

Пламенное усердіе, съ какимъ учился этотъ загадочный молодой человѣкъ, является почти безпримѣрнымъ. Ознакомившись еще въ дѣтствѣ съ Плутархомъ, онъ зачитывается теперь Геродотомъ, Страбономъ и Діодоромъ Сицилійскимъ. Китай, Аравія и обѣ Индіи особенно сильно дѣйствуютъ на его воображеніе. Все, что ему удавалось достать касательно этихъ таинственныхъ странъ Востока, тотчасъ же прочитывалось и усвоивалось. Затѣмъ Наполеонъ сосредоточилъ свое вниманіе на Англіи и Германіи, а къ концу подготовительныхъ своихъ занятій изучилъ исторію Франціи въ обстоятельнѣйшихъ ея подробностяхъ. Необходимо замѣтить, что его интересовала не литературная, а исключительно научная сторона исторіи,—такіе сухіе факты, какъ цифры поступленія государственныхъ доходовъ, подробности организаціи учрежденій и т. п. Онъ ознакомился съ исторіей Сорбонны, съ буллой „Unigenitus“ и вообще съ церковной исторіей. Характеръ народовъ, происхожденіе учрежденій, философія законодательства,—все это служило

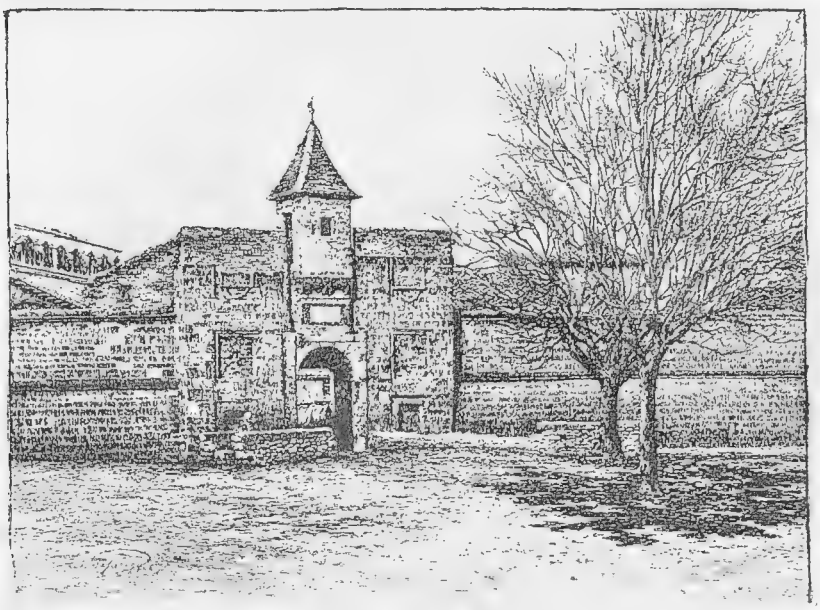
для него предметомъ изученія, и если признать подлинность собственноручныхъ замѣтокъ Наполеона, изученіе это имѣло довольно серьезный характеръ. При всемъ томъ молодой офицеръ нашелъ время прочесть образцовыя произведенія французской литературы и ознакомиться съ наиболѣе дѣльными критическими о нихъ отзывами.

Этой пріятной и столь полезно занятой жизни въ Валансѣ суждено было вскорѣ окончиться. Въ началѣ августа 1787 года въ Ліонѣ вспыхнуло маленькое возстаніе, извѣстное подъ именемъ „Бунта Двухсотъ“ и вызванное попыткой возстановить старинное феодальное, давно уже вышедшее изъ употребленія, право относительно продажи вина. Сосѣднимъ войскамъ предписано было выслать команды для подавленія этого бунта. Отъ артилерійскаго полка, въ которомъ служилъ Буонапарте, послана была въ Ліонъ рота въ полномъ составѣ, но когда она туда прибыла, волненія оказались уже подавленными. Наполеонъ провелъ въ Ліонѣ цѣлый мѣсяцъ. Жизнь тамъ ему до такой степени понравилась, что въ письмѣ къ своему дядѣ Фешу онъ говоритъ о сожалѣніи, съ которымъ оставляетъ этотъ городъ, подчиняясь волѣ судьбы. Полкъ его тѣмъ временемъ былъ переведенъ на сѣверъ Франціи и расположенъ въ Дуэ, во Фландріи. Въ половинѣ октября мѣсяца прибылъ туда къ своему полку и Наполеонъ.

Короткое время, проведенное поручикомъ Буонапарте въ неблагопріятномъ климатѣ этой пограничной крѣпости, было для него также и весьма грустнымъ. Извѣстія изъ дома оказывались весьма нерадостнаго свойства. За нѣсколько времени передъ тѣмъ Жозефъ подумывалъ о возможности составить карьеру въ Тосканскомъ великомъ герцогствѣ. Чтобы уяснить себѣ шансы успѣха, на которые можно разсчитывать тамъ при дворѣ, онъ обратился къ великому герцогу съ просьбой о пожалованіи ему ордена, не дававшаго никакихъ правъ и преимуществъ. На эту просьбу было отвѣчено всемилостивѣйшимъ разрѣшеніемъ Жозефу доказать тосканскую свою національность, что, разумѣется, являлось равносильнымъ отказу. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ найти себѣ какое-нибудь занятіе на островѣ Корсикѣ и не возлагая никакихъ надеждъ на Францію, Жозефъ собирался теперь сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку и съ орденомъ, или же безъ таковаго, лично отправиться во Флоренцію, чтобы пріискать тамъ хотя какое-нибудь занятіе. Архидіаконъ Люсьенъ былъ серьезно боленъ, а генералъ Марбефъ, послѣдній изъ вліятельныхъ друзей семьи Буонапарте, умеръ. Брату Наполеона, Луи, было обѣщано мѣсто пансіонера въ одномъ изъ королевскихъ военныхъ училищъ, но можно было опасаться, что со смертью Марбефа обѣщаніе это такъ и останется невыполненнымъ. Въ довершеніе всего денежныя дѣла матери молодого поручика, госпожи де-Буонапарте, сильно запутались и пришли, повидимому, въ безнадежное состояніе. Въ теченіе нѣкотораго времени она получала казенную субсидію за разведеніе шелковичныхъ деревьевъ, такъ какъ французское правительство покровительствовало развитію въ

Корсикѣ шелководства. На этотъ разъ инспектора забраковали новую тутовую плантацію Летиціи де-Буонапарте и задержали субсидію, слѣдовавшую ей къ выдачѣ. Письмо матери временно прервало всѣ занятія Наполеона какъ историческими, такъ и политическими науками. Выполняя ея желаніе, онъ немедленно подалъ просьбу объ увольненіи въ отпускъ. Онъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать домой, чтобы помочь матери чѣмъ-нибудь, но просьба его не была уважена. Поручику Буонапарте объявили, что онъ не можетъ быть уволенъ въ отпускъ ранѣе января мѣсяца.

Тревожное безпокойство и упадокъ духа чрезвычайно вредно подѣйствовали на Наполеона. У него сдѣлалось нѣчто вродѣ силина



Цитадель въ Валансѣ (теперь срыта).

и въ довершеніе онъ схватилъ легкую болотную лихорадку, которая въ продолженіе слѣдующихъ затѣмъ шести или семи лѣтъ никогда вполнѣ его не покидала. Страницы его дневника въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ недѣль свидѣтельствуютъ, до какой степени онъ упалъ духомъ. На нихъ, между прочимъ, занесена длинная, довольно безтолковая, пессимистическая рапсодія, въ которой идетъ рѣчь о самоубійствѣ. Авторъ жалуется на вырожденіе человѣчества и разрушеніе первобытной простоты нравовъ въ Корсикѣ, вслѣдствіе французской оккупаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ сѣтуетъ на собственное свое одиночество и говоритъ о пламенномъ желаніи свидѣться хоть еще разъ съ друзьями. Жить дольше, по его мнѣнію, положительно не стоитъ. Разъ что отечество погибло, патріоту не для чего больше жить, особенно если жизнь обѣщаетъ ему, вмѣсто удовольствій, одни

только страданія. Къ тому же характеры всѣхъ окружающихъ отличаются отъ его собственнаго, какъ лунный свѣтъ отъ солнечнаго. Если бы поперекъ дороги стояла всего только одна чья-либо жизнь, то онъ не задумался бы вонзить въ грудь тирана клинокъ и такимъ образомъ отмстить за свою отчизну и попранные законы... Нѣкоторыя изъ его сѣтованій оказывались въ еще большей степени безсвязными. Было бы, разумѣется, неумѣстнымъ серьезно относиться къ подобнымъ жалобамъ, но во всякомъ случаѣ онѣ интересны въ томъ отношеніи, что обличаютъ въ авторѣ жертву сантиментальнаго эгоизма, въ который выродились научно-психологическія стремленія восемнадцатаго столѣтія. Это намекаетъ на существовавшую для молодого офицера возможность сдѣлаться при нѣсколько иныхъ условіяхъ не императоромъ, а Вертеромъ.

Недѣли, которыя надо было проводить въ грустномъ ожиданіи, наконецъ истекли, и 1-го февраля 1887 года Наполеонъ де-Буонапарте былъ уволенъ въ отпускъ. Онъ отправился на родину черезъ Валансъ и Марсель, причемъ въ первомъ изъ этихъ городовъ навѣстилъ пожилого своего друга, аббата Сенъ-Руфъ, и просилъ его похлопотать о Люсьенѣ, который, хотя и поступилъ въ бріеннскую военную школу, но занимался тамъ исключительно лишь такъ называемыми гуманитарными науками, обнаруживая твердую рѣшимость поступить въ семинарію въ Э и сдѣлаться священникомъ. Въ Марсели Наполеонъ навѣстилъ аббата Рейналя, безъ сомнѣнія, для того, чтобы попросить его совѣта и поощренія къ историческимъ изслѣдованіямъ, которыми предполагалъ заняться.

Попытки литературной дѣятельности.

Прибывъ въ Аяччіо и вернувшись послѣ восьми-лѣтняго отсутствія опять на лоно семьи, Наполеонъ нашелъ положеніе дѣлъ на родинѣ настолько плохимъ, насколько это вообще было возможно. Всѣ прежнія должностныя лица были замѣщены новыми, тоже французами. Дипломатическая снисходительность, проявлявшаяся въ первыя времена оккупаціи, замѣнилась оффиціальною строгостью и непреклонностью власти, сознававшей подъ собою твердую почву. Соотвѣтственно съ этимъ негодованіе патріотовъ, уцѣлѣвшихъ еще среди корсиканскаго населенія, медленно и постепенно разрослось въ широко раскинувшееся по всему острову недовольство. Жозефъ де-Буонапарте, являвшійся по старшинству главою семьи, которая стояла на сторонѣ Франціи и которую считали сочувствующей Франціи, тѣмъ болѣе, что она ожидала отъ короля дальнѣйшихъ милостей, все еще оставался роялистомъ самой высокой пробы. Честолюбивые его замыслы потерпѣли въ Тосканѣ крушеніе и ему удалось завязать съ Италіей единственно лишь коммерческія сношенія, благодаря которымъ представлялось возможнымъ заняться торговлею прованскимъ масломъ. Скромное

начало этихъ торговыхъ операцій должно было безотлагательно состояться. Медлить съ нимъ было нельзя, такъ какъ единствен-

Наполеонъ въ Валансѣ въ 1785 году.

ной поддержкой для г-жи Буонапарте и ея дѣтей, въ виду фіаско съ шелковичной плантаціей, оказывался доходъ старика архидіакона, не выходившаго уже болѣе изъ комнаты и чувствовавшаго себя съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, вслѣдствіе жестокихъ

приступовъ подагры. Къ несчастію, старанія Жозефа и на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ.

Поведеніе блѣднаго молодого поручика, страдавшаго лихорадкой и властолюбіемъ, далеко не заслуживало похвалы. Онъ прожужжалъ всѣмъ въ домѣ уши новомодной своей философіей и невыносимо важничалъ. Въ числѣ его писемъ, относящихся къ этому времени, одно было адресовано въ Лозанну, извѣстному доктору Тиссо. Наполеонъ упоминалъ въ этомъ письмѣ о томъ, что очень интересуется Паоли, и просилъ совѣта относительно леченія подагры, которою страдалъ архидіаконъ. Знаменитый врачъ не удостоилъ это нелѣпое письмо отвѣта, и оно найдено въ его бумагахъ съ помѣткой: „Неинтересно и не заслуживаетъ вниманія“. Престарѣлый каноникъ слушалъ патріотическія тирады своего племянника и даже одобрялъ ихъ. Летиція де-Буонапарте, напротивъ того, холодно высказывала неодобреніе. Она предпочла бы встрѣтить у сына болѣе спокойный и дѣльный здравый смыслъ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы Наполеонъ не хлопоталъ объ ея интересахъ. Напротивъ того, онъ дѣятельно обращался ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ въ областной администраціи и добился болѣе доброжелательнаго отношенія къ семьѣ де-Буонапарта, выразившагося даже кое-какими мелочными уступками. Существеннымъ успѣхомъ, однако, хлопоты его не увѣнчались, такъ какъ субсидія за разведеніе шелковицы осталась невыплаченной. Видя, что отпускъ его уже истекаетъ, поручикъ просилъ о продленіи его еще на пять съ половиною мѣсяцевъ, ссылаясь на нездоровье. Просьба Наполеона была уважена. Семейныя заботы шли для него своимъ чередомъ, дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а положеніе нимало не улучшалось. Молодой офицеръ былъ несомнѣнно боленъ и, быть можетъ, ему не здоровилось въ достаточной степени для того, чтобы оправдать продленіе отпуска, но физическое страданіе отъ лихорадки значительно усиливалось неудачами и пораженіями, которыя постоянно испытывало его честолюбіе. Страсть къ писательству возродилась у него опять съ нисколько неослабѣвшей энергіей. Онъ снова принялся за исторію Корсики, передѣлалъ первыя главы и усердно работалъ надъ слѣдующими, но въ тоже самое время онъ написалъ коротенькую повѣсть, озаглавленную „Графъ Эссексъ“, дѣйствіе которой, разумѣется, происходитъ въ Англіи, и другую, чисто корсиканскую повѣсть. Эта послѣдняя изобилуетъ озлобленными выходками противъ Франціи. Самымъ могущественнымъ средствомъ къ развитію дѣйствія является въ ней кинжалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ законченъ также и маленькій разсказъ или скорѣе повѣсть въ вольтеровскомъ стилѣ, подъ заглавіемъ „Замаскированный пророкъ“.

Тѣмъ временемъ стали приходить тревожныя извѣстія о передвиженіяхъ полка, въ которомъ служилъ авторъ этихъ литературныхъ произведеній. На самомъ дѣлѣ они до него вовсе не касались, но онъ воспользовался ими какъ благовиднымъ предлогомъ для своихъ собственныхъ цѣлей и, не дождавшись конца отпуска, уѣхалъ изъ Корсики. Прибывъ въ Парижъ въ октябрѣ,

двумя недѣлями раньше срока, онъ нашелъ свой полкъ не далеко отъ столицы, въ Сенъ Дени, на пути къ западнымъ окраинамъ, гдѣ начинались уже мѣстныя волненія, являвшіяся предвѣстниками приближавшейся бури. Французскіе генеральные штаты, собиравшіеся въ послѣдній разъ передъ тѣмъ въ 1614 году, когда распущеніе ихъ сопровождалось безпорядками, были созваны опять, по прошествіи ста семидесяти пяти лѣтъ. Къ нимъ прибѣгали теперь какъ къ послѣднему, неиспробованному еще средству

Бонапартъ въ Озоннѣ, за работой.

выпутаться изъ все болѣе ухудшавшаго затруднительнаго финансоваго положенія, причемъ, однако, не возлагали и на него особенныхъ надеждъ. Правительство опасалось даже усиленія безпорядковъ, а потому заранѣе готовилось къ подавленію таковыхъ въ округахъ, гдѣ проявлялось наиболѣе сильное недовольство. Для Буонапарте все это было, однако, дѣломъ второстепенной важности. Онъ намѣревался лишь воспользоваться критическимъ положеніемъ въ интересахъ своей семьи. Бѣдственное ея положеніе по смерти Шарля Буонапарта заставило уже разъ Наполеона заступить мѣсто отца въ качествѣ просителя. Теперь онъ рѣшился сдѣлать это вторично. На этотъ разъ онъ обратился изъ Парижа къ мѣстному корсиканскому интенданту съ прошеніемъ объ удовлетвореніи требованій Лецидіи де-Буонапарте. Прошеніе это, хотя и составлено съ соблюденіемъ требуемыхъ закономъ формальностей, но вовсе

не походитъ на скромныя и униженныя просьбы отца Наполеона. Оно является скорѣе требованіемъ, чѣмъ просьбою, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ еще другою своеобразною чертою, проявляющейся въ томъ, что содержитъ въ себѣ безцеремонную ложь, или по крайней мѣрѣ полуистину, способную ввести въ заблужденіе. Молодой офицеръ заявляетъ, будто крайняя бѣдность матери заставила его раньше срока вернуться изъ отпуска. На самомъ дѣлѣ оно было подано уже по истеченіи отпуска, и Наполеонъ вовсе не имѣлъ въ виду вернуться въ полкъ, какъ намекалось въ прошеніи, а напротивъ того, хлопоталъ о разрѣшеніи ему вторичнаго отпуска. Дисциплина была до такой степени распущена, что онъ провелъ весь ноябрь и первую половину декабря мѣсяца въ Парижѣ, живя тамъ до тѣхъ поръ, пока ему не удалось заручиться и въ самомъ дѣлѣ разрѣшеніемъ провести еще полгода на островѣ Корсикѣ. Въ просьбѣ своей къ военному министру юный поручикъ столь же безцеремонно обращался съ истиной, какъ и въ прошеніи на имя корсиканскаго интенданта. Онъ заявлялъ, что, въ виду предстоящаго собранія корсиканскихъ штатовъ, присутствіе его необходимо для огражденія важныхъ интересовъ, которые иначе могли бы серьезно пострадать. На какія бы хитрости, впрочемъ, Наполеонъ ни пускался, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ серьезно считалъ себя главою семьи и всегда старался выполнять вытекавшія отсюда обязанности. Какъ и слѣдовало ожидать, Луи не былъ принятъ на обѣщанную ему вакансію, хотя еще не перешагнулъ за предѣльный возрастъ и вышелъ уже изъ лѣтъ для того, чтобы ожидать слѣдующей вакансіи. Люсьенъ съ своей стороны рѣшился во что бы ни стало покинуть Бріеннъ и ожидать въ Э первой вакансіи въ семинаріи. Наполеонъ принялъ какія-то мѣры (неизвѣстно, въ чемъ именно онѣ состояли), чтобы пристроить Луи еще на нѣкоторое время въ Бріеннѣ, и захвативъ Люсьена съ собой, довезъ его въ Э. Продолжая затѣмъ путь, Наполеонъ къ Рождеству прибылъ опять въ Аяччіо.

Дѣла его семьи пришли въ самое отчаянное положеніе и долженствовали, повидимому, въ будущемъ еще ухудшиться, прежде чѣмъ окажется возможнымъ для нихъ какое-либо улучшеніе. Престарѣлому архидіакону становилось съ каждымъ днемъ все хуже. Несмотря на молву объ его богатствѣ, онъ самъ упорно отрицалъ, чтобы у него имѣлись какія-либо наличныя деньги. Со смертью почтеннаго каноника прекращалась также и уплата духовнымъ вѣдомствомъ слѣдовавшаго ему содержанія. Семья Буонапарте должна была, разумѣется, наслѣдовать движимое и недвижимое имущество и всѣ сбереженія архидіакона, но общая сумма, въ какую можно было оцѣнить это наслѣдство, представлялась неопредѣленной и, по всѣмъ вѣроятіямъ, недостаточной для удовлетворенія потребностей семьи, нуждавшейся въ то время, какъ уже упомянуто, до чрезвычайности. Субсидія за шелковичную плантацію все еще не выплачивалась, а всѣ надежды на возвращеніе родоваго помѣстья, попавшаго въ руки іезуитовъ, исчезли.

Жозефъ все еще не пріискалъ себѣ мѣста ввиду такого безвыходнаго положенія, изучалъ юридическія науки, чтобы сдать, по крайней мѣрѣ, экзаменъ на адвоката. Содержаніе Луи и Люсьена являлось при этихъ условіяхъ тяжелымъ бременемъ для семьи. Жалованье Наполеона, даже при условіи строжайшей бережливости, являлось недостаточнымъ для удовлетворенія его собственныхъ скромныхъ потребностей. Принимая во вниманіе, что на этого юношу, недостигшаго еще девятнадцати-лѣтняго возраста, снѣдаемаго честолюбіемъ и пропитаннаго до мозга костей тогдашней романтической сантиментальностью, обрушились такія тяжелыя заботы, можно найти совершенно естественнымъ его отчаяніе. Никто не рѣшится, вѣроятно, бросить въ него камнемъ за то, что онъ позволялъ себѣ при такихъ условіяхъ маленько лукавить. Можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находился тогда Наполеонъ де-Буонапарте, представивъ себѣ въ общихъ чертахъ душевное его состояніе и фактическія условія окружающей среды. Будучи пламеннымъ республиканцемъ - революціонеромъ, онъ былъ связанъ могущественнѣйшими узами съ самою деспотической изъ европейскихъ монархій. Корсиканскій патріотъ въ душѣ, онъ состоялъ на службѣ притѣснителей его родины. Сознавая въ себѣ могучій талантъ, онъ искалъ выхода для этого таланта въ литературномъ трудѣ, къ которому на самомъ дѣлѣ вовсе не имѣлъ способностей. Глава и опора большой семьи, онъ былъ почти безъ гроша и понималъ, что если вздумаетъ поступать по своимъ убѣжденіямъ, то и ему самому и его ближнимъ придется голодать. Въ тотъ жизненный періодъ, когда другіе выбираютъ себѣ карьеру и производятъ необходимые для этого опыты, Наполеонъ оказывался осужденнымъ идти по опредѣленному безславному пути и чувствовалъ себя закованнымъ въ цѣпи неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Какова бы ни была нравственная фальшь въ его безсильныхъ попыткахъ выбиться изъ такого невыгоднаго положенія, въ нихъ обнаруживается трогательнымъ образомъ роковая зависимость человѣка отъ окружающей обстановки.

Сампіеро.

Неизвѣстно, давно-ли было имъ принято это рѣшеніе, или же оно явилось у него сравнительно недавно, но только Наполеонъ рѣшилъ, какъ говорится, убить однимъ камнемъ двухъ воробьевъ, а именно пріобрѣсти себѣ за-разъ и славу, и барыши. По возвращеніи въ Аяччіо онъ словно забылъ о предстоящемъ собраніи корсиканскихъ штатовъ и принялся за литературную работу не

столько съ пламеннымъ усердіемъ писателя по призванію, сколько съ энергическою стойкостью ремесленника. Удовольствія, которыя позволялъ себѣ Наполеонъ въ часы досуга, оказались бы для большинства его современниковъ вполнѣ достаточнымъ серьезнымъ занятіемъ. Уладивъ, по возможности, отношенія между своей матерью и мѣстными властями, онъ, по случаю поступленія Жозефа въ адвокаты, съѣздилъ въ Бастію, выработалъ проекты укрѣпленій для обороны Сенъ-Флорана, Ламортиллы и залива Аяччіо, составилъ докладъ объ организаціи корсиканскаго ополченія и записку о стратегическомъ значеніи Маделенскихъ острововъ. Это являлось для него забавой, серьезной же работой считалъ онъ исторію Корсики. Закончивъ ее скорѣе, чѣмъ ожидалъ, Наполеонъ уѣхалъ въ началѣ мая во Францію, чтобы хлопотать о напечатаніи своего труда, отъ котораго разсчитывалъ пріобрѣсти большія денежныя выгоды. Несмотря на то, что исторія Корсики была посвящена могущественному покровителю, тогдашнему санскому епископу, монсиньору Марбефу, она, подобно многимъ произведеніямъ, вышедшимъ изъ подъ пера геніевъ, до сихъ поръ еще остается въ рукописи. Необходимо сознаться, что эта исторія представляетъ собою трудъ скромныхъ размѣровъ и невыдающійся особыми достоинствами. Составленная въ формѣ писемъ къ аббату Рейналю, она не обнаруживаетъ у автора особенной начитанности, или же способности къ критическому изслѣдованію. Самое изложеніе бьетъ на популярность и должно быть признано скорѣе драматическимъ, чѣмъ описательнымъ. Въ исторіи Корсики, какъ вообще во всѣхъ литературныхъ попыткахъ Наполеона, относившихся къ тогдашней эпохѣ, онъ высказываетъ сильнѣйшую ненависть къ Франціи, соединенную съ пламенной любовью къ родинѣ и національнымъ ея героямъ. Чтобы вполнѣ охарактеризовать эту книгу, достаточно привести изъ нея нѣсколько фразъ. Изложивъ въ общихъ чертахъ карьеру Сампіеро (это, быть можетъ, лучшая глава во всей исторіи) и описавъ дипломатическія его неудачи при всѣхъ европейскихъ дворахъ, за исключеніемъ константинопольскаго, гдѣ корсиканскому герою удалось, по крайней мѣрѣ, возбудить къ себѣ сочувствіе и гдѣ ему обѣщали помочь, авторъ рисуетъ картину внезапнаго возвращенія Сампіеро, при извѣстіи о томъ, что его жена измѣнила отчизнѣ. Лицомъ къ лицу съ виновной своей супругой, не внимая мольбамъ о пощадѣ и не давая себя растрогать нѣжными ласками дѣтей, корсиканскій герой произноситъ ей приговоръ: „Сударыня,—строго объявилъ онъ,—изъ преступленія и позора не можетъ быть иного выхода кромѣ смерти“. Ваннина сперва было лишилась сознанія, но затѣмъ, придя въ чувство, воскресила у себя въ памяти прежнюю свою доблесть и мужественно рѣшилась подчиниться неизбѣжной участи. Она ходатайствовала лишь, въ качествѣ послѣдней для себя милости, чтобы презрѣнный палачъ не касался гадкими своими руками до жены Сампіеро, и просила мужа выполнить надъ ней собственный приговоръ. Поведеніе Ваннины тронуло ея супруга, но не смягчило его сердца. „Жалость и состраданіе, которыя она

могла бы къ себѣ возбудить, встрѣтили душу, облекшуюся уже въ броню, неприступную для какого бы то ни было чувства. Ваннина умерла и притомъ отъ руки Сампіеро".

Книгопродавцы-издатели въ Валансѣ, Долѣ и Озоннѣ не согласились выпустить въ свѣтъ такую книгу. Въ Парижѣ, послѣ долгихъ хлопотъ, удалось, наконецъ, найти издателя, согласившагося

Паскаль Паоли.

Съ портрета, писаннаго въ Парижѣ въ 1791 г. Дреллингомъ.

принять на себя половину расходовъ по ея напечатанію. Авторъ, хотя и успѣлъ уже слегка разочароваться, но все еще былъ до такой степени полонъ сангвиническихъ надеждъ, что чуть было не согласился на эти условія и занимался уже отысканіемъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, когда санскій епископъ внезапно впалъ въ немилость. Рукопись была тогда немедленно пересмотрѣна, вновь переписана начисто, по всѣмъ вѣроятіямъ, для того, чтобы придать сочиненію еще болѣе сильный національный корсиканскій колоритъ, такъ какъ ее предполагалось теперь посвятить уже Паоли. Начинающій литераторъ, по всѣмъ вѣроятіямъ,

предвидѣлъ наступавшую катастрофу и ожидалъ, что изгнаннику придется выступить вновь въ роли освободителя и быть можетъ даже властелина родного острова. Во всякомъ случаѣ, онъ отказался отъ мысли о немедленномъ обнародованіи своего сочиненія, быть можетъ, лаская себя зарождавшейся надеждой, что въ качествѣ помощника Паоли съумѣетъ лучше созидать корсиканскую исторію, чѣмъ писать таковую. Сохранилась именно эта копія, которую имѣлось въ виду посвятить Паоли. Исторія Корсики въ первоначальной ея рукописи, надо полагать, уничтожена самимъ авторомъ.

Другія литературныя попытки Наполеона, относившіяся къ той же лихорадочной эпохѣ, являлись сравнительно еще менѣе успѣшными. Повѣсти его оказывались дикими и грубыми по замыслу и выполненію. Всего лишь одна изъ нихъ: „Замаскированный пророкъ“ представляетъ еще хотя какой-либо интересъ. Сравнительно съ другими она должна считаться болѣе законченной, но стиль ея тоже до чрезвычайности отрывистый и полный всяческихъ неожиданностей. Сценическая обстановка и характеры—въ восточномъ вкусѣ, фабула же—является чрезвычайно бѣдной по вымыслу. Честолюбивый и непокорный эмиръ, внезапно пораженный слѣпотою, прибѣгаетъ къ серебряной маскѣ, чтобы обмануть своихъ послѣдователей. Убѣдившись, что это ему не удается, онъ отравляетъ ихъ всѣхъ,—бросаетъ ихъ тѣла въ ямы, наполненныя ѣдкой известью, а затѣмъ прыгаетъ самъ въ такую же яму, чтобы обмануть своихъ враговъ и совершенно безслѣдно исчезнуть изъ земной жизни. Дѣйствительно, враги эмира приходятъ къ убѣжденію, что онъ и всѣ его послѣдователи взяты живыми на небо. Въ этой повѣсти какъ бы просвѣчиваетъ туманное предвѣдѣніе, а заключительныя ея строки казались впослѣдствіи пророческими людямъ, склоннымъ вѣрить предвѣщаніямъ. „Какой, подумаешь, невѣроятный фактъ. До чего можетъ доводить страсть къ самопрославленію! (Jusqu'où peut porter la fureur de l'illustration!) Въ бумагахъ Наполеона, относящихся къ этому періоду, имѣется также уставъ „Калотты“ *), (тайнаго общества, образовавшагося въ арміи) и много замѣтокъ политическаго содержанія. Одна изъ нихъ представляла собою проектъ разсужденія о королевской власти. Авторъ намѣревался разсмотрѣть происхожденіе этой власти и разоблачить ея захваты. Проектъ заканчивается словами: „Лишь немногіе изъ королей не заслуживаютъ быть свергнутыми съ престола“.

Безпрерывныя отлучки Буонапарте изъ полка совершенно не согласуются съ современными нашими воззрѣніями на обязанности военной службы, послѣдующія же затѣмъ отлучки кажутся необъяснимыми даже и при той распущенности дисциплины, какою отличались послѣдніе годы царствованія династіи Бурбоновъ. Поручикъ де-Буонапарте явился въ Озоннъ, гдѣ расположенъ былъ артиллерійскій полкъ Ла-Фера, лишь въ концѣ мая мѣсяца 1788 г.

*) „Calotte“ шишечка на рукояткѣ шпаги.

Пробывъ тамъ менѣе полутора года, онъ снова выхлопоталъ себѣ увольненіе въ отпускъ съ 10 сентября 1782 по февраль мѣсяцъ 1791 года и несомнѣнно разсчитывалъ на этотъ разъ совершенно покончить съ французской военной службой. Этотъ второй періодъ гарнизонной жизни Наполеона въ провинціальномъ городкѣ не богатъ инцидентами, но уже самое отсутствіе ихъ представляется многозначительнымъ фактомъ въ послѣдовательной эволюціи характера Буонапарте. Онъ сразу вернулся къ чтенію, научнымъ занятіямъ и размышленіямъ о прочитанномъ. Испытанныя разочарованія сдѣлали его еще болѣе замкнутымъ въ самомъ себѣ, еще въ большей степени молчаливымъ и нелюдимымъ. Ему было поручено наблюдать за какими-то пустячными работами на укрѣпленіяхъ, но онъ выказалъ себя до такой степени некомпетентнымъ, что начальство оказалось вынужденнымъ посадить его на короткое время подъ арестъ. Судьба все еще продолжала преслѣдовать семью Буонапарте. Мальчикъ, котораго помѣстили въ Бріенскую школу на вакансію, обѣщанную Луи, внезапно умеръ. Летиція, вѣрная семейнымъ традиціямъ, немедленно же подала просьбу объ опредѣленіи ея сына на освободившееся мѣсто пансіонера, но хлопоты ея оказались и на этотъ разъ безуспѣшными. Люсьена все еще не принимали въ семинарію. Жозефъ обладалъ адвокатскимъ дипломомъ, но никому и въ голову не приходило поручать ему вести какія-либо тяжебныя дѣла. Наполеонъ въ послѣдній разъ съ видимымъ нетерпѣніемъ, граничившимъ даже съ дерзостью, принялъ на себя тогда роль просителя, но получилъ на свою просьбу отвѣтъ въ шутливомъ, уклончивомъ тонѣ. Тѣмъ временемъ стали уже слышаться первые отдаленные еще раскаты

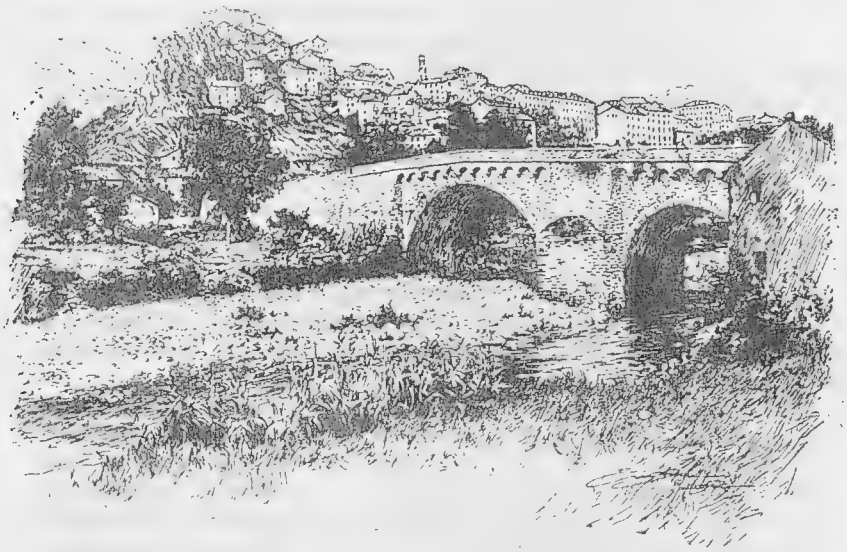
Домъ Паоли.

революціонной бури. Какіе-то словно судорожные безпорядки, сами по себѣ мелочные, но весьма зловѣщіе, возникали не только въ народѣ, но и среди королевскихъ войскъ. Одинъ изъ такихъ безпорядковъ вызванъ былъ въ Серрѣ извѣстіемъ, что ненавистное общество скупщиковъ хлѣба, дѣйствовавшее съ королевскаго разрѣшенія (возбудившаго страшный скандалъ и прозваннаго разрѣшеніемъ на право морить народъ голодомъ) сдѣлало значительныя закупки зернового хлѣба у двухъ мѣстныхъ торговцевъ. Это происходило въ апрѣлѣ 1789 г. Поручика де-Буонапарте назначили командовать ротой, посланной для подавленія возникшихъ тамъ безпорядковъ. Они, однако, прекратились еще до его прибытія, такъ что 1-го мая онъ вернулся въ Озонпъ.

Четырьмя днями позднѣе собрались въ Версали генеральные штаты. Въ настоящее время намъ хорошо извѣстно, что происходило тогда въ душѣ непосѣдливаго, ожесточеннаго и разочарованнаго корсиканца. Знаменитое письмо къ Паоли, которому Наполеонъ посвящалъ исторію Корсики, помѣчено 12-мъ іюня. Въ этомъ письмѣ онъ заявляетъ, что рѣшился написать исторію Корсики, видя въ этомъ для человѣка въ такомъ, какъ онъ, злополучномъ положеніи, являющагося рабомъ обстоятельствъ, единственное средство вызвать французскую администрацію на судъ общественнаго мнѣнія, сравнивая ее съ администраціей Паоли. Изъявляя готовность принять на себя послѣдствія этого шага, авторъ обращается къ Паоли съ просьбою о нравственной поддержкѣ и заканчиваетъ пламенными увѣреніями въ преданности отъ лица всей своей семьи, своей матери и себя самого. Многія слова и фразы этого письма звучатъ, однако, не совсѣмъ искренно и напоминаютъ звонъ фальшивой монеты. „Позоръ“ измѣнившихъ Корсикѣ былъ вѣдь позоромъ роднаго его отца. Семья Буонапарте дѣйствительно отличалась „преданностью“, но только преданностью французскимъ интересамъ и притомъ съ цѣлью обезпечить своимъ дѣтямъ образованіе и воспитаніе на французскій государственный счетъ. „Восторженный патріотизмъ“ Наполеона былъ на самомъ дѣлѣ холоднымъ и вовсе не сантиментальнымъ рѣшеніемъ улучшить положеніе семьи Буонапарте, принявъ сторону корсиканскихъ патріотовъ, что само по себѣ, при другой психической подкладкѣ, и могло бы быть довольно честнымъ поступкомъ. Впослѣдствіи Люсьенъ разсказывалъ, что ему пришлось переписать въ двухъ экземплярахъ исторію Корсики. Возможно, что одна изъ этихъ копій была отправлена въ Лондонъ. Неизвѣстно, прочелъ-ли Паоли сочиненіе Наполеона и держалъ-ли онъ даже сочиненіе это въ рукахъ, но во всякомъ случаѣ его отвѣтъ на письмо молодого поручика кажется не въ такомъ тонѣ, чтобы поощрить начинавшаго исторіографа. Въ числѣ прочихъ совѣтовъ, высказанныхъ въ отеческомъ тонѣ, мы читаемъ: „Вы еще слишкомъ молоды, чтобы писать исторію. Къ такому предпріятію надо подготовляться медленно и постепенно. Тщательно собирайте подлинные документы. Къ мнѣніямъ другихъ писателей относитесь осторожно и подвергая ихъ всесторонней критической провѣркѣ“.

Какъ бы желая смягчить суровую строгость своихъ совѣтовъ, Паоли скромно умаляетъ свои собственныя заслуги и говоритъ: „Хорошо было бы, чтобы другіе знали меня меньше, а я самъ зналъ бы себя больше. „Probe diu vivimus“; дай Богъ нашимъ потомкамъ жить такъ, чтобы они говорили обо мнѣ лишь какъ о человѣкѣ, задававшемся благими намѣреніями“.

Послѣдняя продѣлка, которую учинилъ тогда Буонапарте съ своей исторіей Корсики, была до чрезвычайности недостойной и мелочной. Нуждаясь въ деньгахъ, а не въ совѣтахъ, авторъ, подстрекаемый отчаяніемъ, переработалъ эту исторію въ третій разъ, изложивъ ее теперь въ формѣ отрывочныхъ преданій, разсказываемыхъ корсиканскимъ горцемъ. Въ этой формѣ она была



Мостъ и цитадель въ Кортэ.

посвящена знаменитому швейцарцу Неккеру, который, въ качествѣ французскаго министра финансовъ, тщетно старался разрѣшить задачу равномѣрнаго распредѣленія налоговъ и собрать надлежащую долю таковыхъ съ привиллегированныхъ сословій. Одинъ изъ списковъ былъ отправленъ на предварительный просмотръ къ бывшему учителю, который, однако, высказался весьма неблагопріятно о слогѣ и стилѣ наполеоновскаго произведенія. Онъ просилъ автора обратить особенное вниманіе на нелѣпость вкладывать въ уста простого крестьянина-горца собственныя свои метафизическія обобщенія и хитроумную критику французскихъ монархическихъ учрежденій. Прежде чѣмъ закончилась завязавшаяся по этому поводу переписка между учителемъ и молодымъ поручикомъ, подготовительный періодъ жизни Наполеона, характеризующійся стремленіемъ обогащать себя свѣдѣніями, способными впо-

слѣдствіи пригодиться, неожиданно пришелъ къ концу. Неккеръ бѣжалъ. Французская революція надвигалась со скоростью, которая все болѣе возростала, и юный искатель приключеній, отчаявшись въ успѣхѣ на литературномъ поприщѣ, ухватился за представлявшійся ему случай стать человѣкомъ дѣла.

Взрывъ революціи.

Идеи восемнадцатаго столѣтія объявили, наконецъ, открытую войну его учрежденіямъ. Въ духовной сферѣ онѣ завоевали уже почти весь материкъ Европы, но первую попытку къ ихъ осуществленію надлежало сдѣлать во Франціи по той причинѣ, что линія наименьшаго сопротивленія оказывалась не у наиболѣе подавленной, а среди самой образованной европейской націи. Дворянство и духовенство во Франціи привыкли уже къ поглощенію старинныхъ ихъ феодальныхъ правъ королевской властью. Они довольствовались почетными и доходными важными должностями въ церковной іерархіи, въ арміи и гражданской администраціи, а также свободой отъ платежа податей,—наслаждались литературой, изящными искусствами и радостями жизни въ превосходно отшлифованномъ, расточительномъ обществѣ, снисходительно относившемся къ себѣ самому,—обществѣ, до такой степени проникнутомъ искусственностью и условностью, что изученіе и примѣненіе его мелочныхъ, но многосложныхъ обычаевъ и уставовъ, являлось, для большинства его членовъ, уже само по себѣ достаточнымъ занятіемъ.

Серьезные умы въ высшихъ сословіяхъ Франціи не уступали по части развитія и образованія наиболѣе просвѣщеннымъ умамъ въ другихъ странахъ. Они были хорошо знакомы съ ходячими философскими теоріями и относились съ чувствомъ живѣйшаго состраданія къ бѣдствіямъ, которымъ не могли помочь, такъ какъ не обладали необходимой для этого силой. Къ искреннему ихъ отчаянію, всѣ попытки облегчить эти бѣдствія приводили только къ усиленію таковыхъ. Въ высшихъ сословіяхъ во Франціи обнаруживалась даже готовность принести значительныя жертвы. Хорошія стороны характера Людовика XVI являются лишь отраженіемъ благорасположенія, умѣренности и совершенно искренняго доброжелательства, которыми были одушевлены многіе изъ дворянъ. Королевская власть проявлялась въ кроткой и мягкой формѣ. Никакихъ особенныхъ низостей ея именемъ не учинялось, за исключеніемъ развѣ сдѣлокъ съ поставщиками (вродѣ, напримѣръ, пресловутаго „разрѣшенія на право морить голодомъ“), въ которыхъ самъ король былъ не причемъ, такъ какъ не считалъ даже возможной какую-либо иную комбинацію. Низшее духовенство, вообще говоря, честно исполняло свой долгъ, чего нельзя было сказать о прелатахъ, интересы которыхъ, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, совпадали съ интересами дворянства. Духъ отрицанія и сомнѣнія, характеризовавшій восемнадцатый вѣкъ, коснулся также и высшаго французскаго духовенства. Въ числѣ его пред-

ставителей обрѣтались люди безъ принциповъ и убѣжденій,—невѣрующіе и подчинявшіеся духу времени. Юристы и лица, принадлежавшія къ другимъ ученымъ профессіямъ, сосредоточивались преимущественно въ Парижѣ и въ городахъ. Юристы и адвокаты, снискивая себѣ пропитаніе отъ ссоръ и разногласій между своими согражданами, вообще придерживались старинныхъ традицій и существующихъ общественныхъ обычаевъ. Принадлежа по происхожденію главнымъ образомъ къ третьему сословію, они являлись на самомъ дѣлѣ паразитами перваго и служили при немъ чѣмъ-то въ родѣ почетныхъ челядинцевъ. Подобное же положеніе занимало, впрочемъ, и мелкое дворянство относительно богатыхъ вліятельныхъ аристократическихъ фамилій.

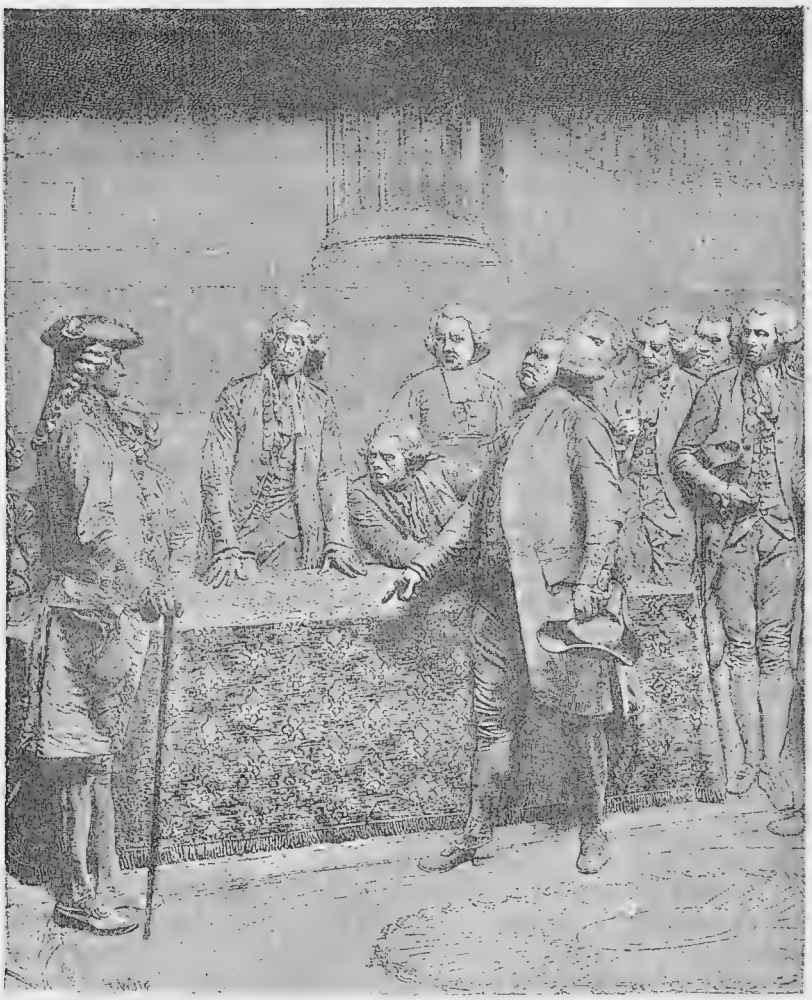
Габріель-Оноре Рикетти, графъ Мирабо.

Если среди обоихъ сословій, духовенства и дворянства, обнаруживалась такая внутренняя рознь интересовъ и воззрѣній, то эта рознь выступала еще рѣзче въ рядахъ третьяго сословія, среди такъ называемыхъ горожанъ (буржуа). Къ концу среднихъ вѣковъ, а именно въ 1614 году между третьимъ сословіемъ и земледѣльческимъ трудомъ не существовало почти ни малѣйшаго соотношенія. Напротивъ того, въ восемнадцатомъ столѣтіи крѣпостное право было распространено во Франціи менѣе чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Почти цѣлая треть и во всякомъ случаѣ больше четверти всѣхъ земель находились въ рукахъ крестьянъ или другихъ мелкихъ владѣльцевъ. Въ экономическомъ отношеніи это было, разумѣется, чрезвычайно невыгодно, такъ какъ раздѣленіе полей на мелкіе участки влечетъ за собою увеличеніе расходовъ по ихъ обработкѣ и слѣдовательно уменьшаетъ барыши отъ нея. Между тѣмъ эти-то именно мелкіе землевладѣльцы и оказывались плательщиками податей. Еще болѣе рѣзкая перемѣна произошла среди самихъ городскихъ обывателей. За послѣднія два столѣтія богатые буржуа еще болѣе обогатились, благодаря расширенію торговой и промышленной дѣятельности.

Многимъ изъ нихъ удалось выдвинуться изъ мѣщанской среды и купить себѣ мѣста въ рядахъ дворянскаго сословія. Мелкіе ремесленники-хозяева остались такими же, какъ и прежде, чопорными, чистенькими буржуа, обладавшими большимъ запасомъ косности и враждебно относившимися къ всякимъ нововведеніямъ. Кромѣ нихъ, однако, причислялась къ третьему сословію значительная масса люда, который въ прежнее время былъ несравненно малочисленнѣе, а потому почти совершенно не принимался во вниманіе. Теперь же, съ увеличеніемъ народонаселенія, его численность съ каждымъ годомъ все болѣе возростала. Къ нему принадлежали интеллигентные и неинтеллигентные подмастерья, полуобразованные приказчики и конторщики на фабрикахъ, въ лавкахъ и мастерскихъ. Ряды ихъ постоянно пополнялись изъ сельскаго населенія, стремившагося въ городъ искать себѣ хотя бы временныхъ занятій. Тогда, какъ и въ настоящее время, самые низшіе слои этого необезпеченнаго люда являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе опасными. Склонные къ лѣности и кутежамъ, они лишь въ слабой степени обладали понятіемъ о долгѣ, но въ тоже время оказывались достаточно развитыми, чтобы обсуждать и распространять опасныя ученія. Многіе изъ нихъ умѣли бойко говорить и выказали большую находчивость, когда пришлось впослѣдствіи перейти отъ словъ къ дѣлу.

Уже въ 1739 году во французскомъ государственномъ бюджетѣ обнаружился дефицитъ. Ежегодные займы, къ которымъ надо было прибѣгать для сведенія концовъ съ концами, постепенно росли и къ 1787 году превышеніе государственныхъ расходовъ надъ доходами простиралось уже до ста шестидесяти милліоновъ франковъ. Эта финансовая неурядица всецѣло обусловливалась мотовствомъ придворныхъ сферъ и высшей аристократіи. Въ большинствѣ случаевъ онѣ тратили значительно больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ получали и что могли, не кривя душой, признавать законнымъ своимъ доходомъ. При этомъ на повѣрку у нихъ не оказывалось даже правильнаго представленія о томъ, что именно должно считаться законнымъ доходомъ. Двѣ трети всѣхъ земель принадлежали дворянству, а между тѣмъ поземельный налогъ (taille) ложился всецѣло на послѣднюю треть земель, принадлежавшую крестьянамъ и мѣщанамъ. При такихъ обстоятельствахъ даже самые честные и порядочные изъ числа тогдашнихъ французскихъ дворянъ считали себя въ правѣ не платить поземельнаго налога и, такимъ образомъ, фактически присвоивать себѣ сумму, равную двумъ третямъ всего налога, выплачивавшагося мелкими владѣльцами. Въ правительственныхъ сферахъ возникали предположенія отмѣнить монополію хлѣбной торговли, а также личную дорожную повинность, являвшуюся для народа ненавистнѣе всяческихъ податей, такъ какъ она приводила его въ непосредственное столкновеніе съ возмутительнымъ чванствомъ и высокомѣріемъ низшаго чиновнаго люда. Неккеръ, Калоннъ и Ломени де-Бріеннъ, предлагавшіе эти реформы, каждая изъ которыхъ такъ или иначе угрожала нанести ущербъ эконо-

мическимъ интересамъ дворянства, потерпѣли однако фіаско. Дворянство усматривало во всѣхъ невыгодныхъ для него преобразованіяхъ единственно только убыточность ихъ для себя. Собраніе именитыхъ людей, созванное въ 1781 году, не хотѣло и



Мирабо возражаетъ маркизу де-Дрё Брезе на повелѣніе короля третьему сословію засѣдать отдѣльно отъ другихъ сословій.

слышать о предложеніяхъ, носившихъ столь самоубійственный, по его мнѣнію, характеръ. Король, уступивъ воплямъ и жалобамъ придворной партіи, вслѣдствіе этого началъ утрачивать довѣріе и любовь своего естественнаго союзника—народа. Дворянство такъ таки и не пожелало раскошелиться. Королевское казначейство оказалось вслѣдствіе этого фактически обанкротившимся. Дворяне

мучились опасеніями, что имъ самимъ угрожаетъ въ непродолжительномъ времени банкротство. Что касается до народа, то онъ сознавалъ себя не только доведеннымъ до несостоятельности и нищеты, но въ то же время чувствовалъ, что голодаетъ и терпитъ множество несправедливыхъ притѣсненій.

Король, убѣдившись въ бѣдственномъ состояніи народа, принялся, наконецъ, собственной своей властью производить реформы, не обращая вниманія на сословные интересы. Такимъ образомъ, онъ установилъ гербовый сборъ и предписалъ равномѣрно распредѣлить поземельный налогъ. Парижскій парламентъ, высшее судебное учрежденіе, которое было реорганизовано самимъ королемъ, не пожелалъ занести въ протоколъ королевскіе указы объ этихъ реформахъ. Упорное сопротивленіе парламента заставило короля выслать его изъ столицы. Необходимо замѣтить, что парламенты оставались во Франціи какъ бы послѣднимъ слабымъ оплотомъ противъ произвола королевской власти и, въ качествѣ такового, пользовались народными симпатіями. Въ данномъ случаѣ, несмотря на то, что Людовикъ XVI былъ воодушевленъ самыми благими намѣреніями и старался провести вполнѣ справедливыя мѣры, крутыя средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ для осуществленія этихъ мѣръ, вызвали въ народѣ еще большее къ нему охлажденіе. Парижскій парламентъ, стараясь оправдать свою оппозицію, объявилъ, что налоги во Франціи могутъ устанавливаться только генеральными штатами. Въ народныхъ массахъ изгладилось къ тому времени уже всякое воспоминаніе о генеральныхъ штатахъ и о томъ значеніи, какое надлежало связывать съ этимъ словомъ. Существовало, однако, туманное представленіе, что эти штаты, подобно англійскому парламенту, или американскому конгрессу, должны быть чѣмъ-то вродѣ законодательнаго собранія. Ввиду всего этого начали явственно раздаваться повсемѣстно во Франціи голоса, требовавшіе созванія генеральныхъ штатовъ. Король внялъ этимъ требованіямъ и, отступивъ отъ первоначальной своей системы энергическаго почина со стороны монаршей власти, призвалъ обратно въ Парижъ парламентъ, сосланный въ Труа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ возбудилъ среди членовъ парламента еще большее негодованіе, настаивая на необходимости заключить крупный заемъ, признать гражданскую равноправность протестантовъ и католиковъ и ограничить полномочія не только парижскаго парламента, но и всѣхъ вообще парламентовъ во Франціи. Парижскій парламентъ счелъ нужнымъ тогда заявить, что Франція представляетъ собою государство съ монархической ограниченной формой правленія, обладающее конституціонными учрежденіями, ограничивающими произволъ королевской власти. Возбужденіе умовъ дошло до того, что изъ провинціи начали толпами съѣзжаться въ Парижъ защитники парламентской свободы, намѣревавшіеся протестовать противъ ослабленія и униженія власти всѣхъ вообще парламентовъ королевскими мѣропріятіями относительно парижскаго парламента. Пріѣзжіе изъ Бретани образовали общество, которое вскорѣ приняло въ свою среду также и

другихъ членовъ и преобразовалось въ пресловутый клубъ „Якобинцевъ“, названный такъ оттого, что собирался въ бывшемъ монастырѣ на улицѣ С.-Оноре, переведенномъ туда съ улицы св. Іакова.

Созывъ генеральныхъ штатовъ былъ равносиленъ признанію, что неограниченная монархическая власть во Франціи отжила уже свой вѣкъ. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія совѣщанія каждаго изъ трехъ сословій происходили отдѣльно. Предложенія, служившія предметомъ этихъ совѣщаній, вносились исключительно только самимъ правительствомъ и сводились главнымъ образомъ къ ассигнованію денежныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Рѣшеніе постановлялось большинствомъ двухъ сословій противъ третьяго. Предложеніе верховной власти принималось, или же отвергалось, такъ что генеральные штаты на самомъ дѣлѣ имѣли характеръ не законодательнаго, а лишь совѣщательнаго собранія. Людовикъ XVI надѣялся, что и въ восемнадцатомъ столѣтіи они будутъ имѣть такой же характеръ. Онъ разсчитывалъ съ помощью коаліціи дворянъ и духовенства противъ мѣщанъ, или иного соглашенія между двумя сословіями противъ третьяго, обезпечить себѣ разрѣшеніе генеральныхъ штатовъ на заключеніе займа и проведеніе необходимыхъ реформъ. Эта попытка опереться на общественное мнѣніе не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ въ 1789 году Франція оказывалась уже не той, что въ 1614 г. Какъ только разосланы были указы о созывѣ генеральныхъ штатовъ и такимъ образомъ сдѣланъ со стороны правительства рѣшительный шагъ, появилось множество политическихъ брошюръ, наводнившихъ всю Францію. Большинство изъ нихъ носили характеръ злобы дня, но одна пріобрѣла важное историческое значеніе. Авторъ ея, аббатъ Сіейсъ, задавалъ вопросъ: „Что такое третье сословіе?“ и отвѣчалъ на него въ смыслѣ, благопріятномъ для все болѣе распространявшагося убѣжденія, что это третье сословіе на самомъ дѣлѣ и представляетъ собой настоящій французскій народъ. Король, лично убѣжденный въ справедливости этого тезиса, согласился на то, чтобы третье сословіе выбрало въ генеральные штаты столько же представителей, сколько ихъ пришлютъ остальныя два сословія, т. е.

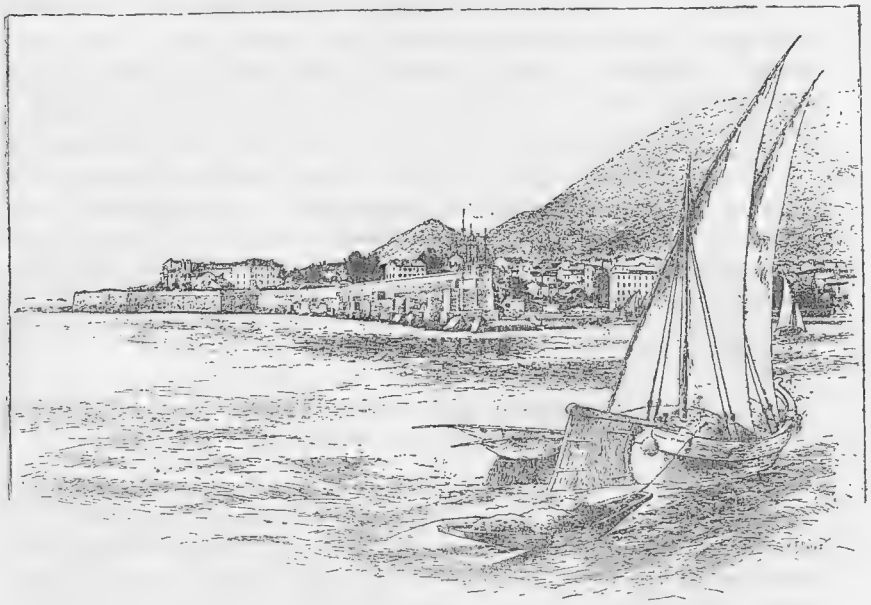
Буттафуоко (съ гравюры, найденной на о-вѣ Корсикѣ).

дворянство и духовенство вмѣстѣ. Выборы были произведены совершенно спокойно и 5-го мая 1789 года французскіе генеральные штаты собрались въ Версали подъ сѣнью королевскаго двора. При этомъ немедленно выяснилась невозможность перевести стрѣлки часовъ на два вѣка назадъ, такъ какъ новосозванные генеральные штаты рѣзко отличаются своимъ характеромъ отъ всѣхъ такихъ же предшествовавшихъ собраній. Дѣйствительно, они были воодушевлены стремленіемъ не только высказать чувства и желанія народнаго большинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществить эти желанія. 17-го іюня, послѣ долгихъ колебаній и препирательствъ, представители третьяго сословія объявили себя представителями всего народа и послали своимъ сотоварищамъ отъ дворянства и духовенства приглашеніе присоединиться къ нимъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія зала, отведенная для совѣщаній третьяго сословія, была заперта впредь до дальнѣйшаго распоряженія, но, не ожидая таковаго, народные представители собрались 20-го іюня въ королевской залѣ для игры въ мячъ и поклялись не расходиться до тѣхъ поръ, пока не установятъ новый порядокъ вещей. Людовику XVI едва не удалось, однако, добиться того, чтобы засѣданія всѣхъ трехъ сословій происходили отдѣльно. Планъ его рушился единственно лишь благодаря краснорѣчію и мужеству Мирабо. Большинство представителей обоихъ высшихъ сословій рѣшило 27-го іюня уступить и присоединилось къ делегатамъ третьяго сословія, какъ къ представителямъ всего народа.

При такомъ положеніи вещей придворная партія вступила на путь пагубной политики, которую, въ концѣ концовъ, и слѣдуетъ признать отвѣтственной за большинство самыхъ ужасающихъ насилій французской революціи. Она настояла на изгнаніи Неккера и призывѣ въ Версаль войскъ, присутствіе которыхъ долженствовало, по ея мнѣнію, внушать спасительный страхъ генеральнымъ штатамъ, превратившимся въ Національное собраніе. Король, съ той же самой неустойчивостью въ рѣшеніяхъ, какую выказалъ передъ тѣмъ, уступивъ собранію, далъ свое согласіе также и на эти мѣры. Впослѣдствіи оказалось невозможнымъ полагаться даже на офицеровъ, принадлежавшихъ къ дворянскому сословію. Что же касается до рядовыхъ, то они сплошь и рядомъ отказывались повиноваться приказаніямъ стрѣлять въ народъ. Самые что ни на есть подонки французскаго населенія давно уже стекались въ столицу. Вожди ихъ принялись раздувать пламя народнаго недовольства до тѣхъ поръ, пока дѣло не дошло, наконецъ, до насилій. 12-го іюля парижскія заставы были сожжены, и чернь нанесла на Вандомской площади пораженіе регулярнымъ войскамъ. 14-го іюля Бастилія, въ представленіи о которой воплощался типъ самаго тиранническаго произвола и безчеловѣчнаго притѣсненія, въ какихъ только можно обвинять деспотизмъ королевской власти, была взята приступомъ и срыта до основанія. Крайніе консерваторы среди высшаго дворянства, поставившіе своими совѣтами и настояніями короля въ такое опасное положеніе, по-

кинули его и бѣжали, словно задавшись цѣлью достойно увѣнчать такимъ поступкомъ низость своего образа дѣйствій.

Людовикъ XVI склонился подъ конецъ передъ бурей и въ знакъ своей покорности переселился изъ Версаля въ Парижъ, чтобы жить тамъ „среди парижскаго своего народа“. Столичнымъ городскимъ головой назначенъ былъ Бальи, человѣкъ разсудительный, справедливый и вообще обладавшій рѣдкими достоинствами ума и сердца. Лафайетъ, съ еще свѣжими американскими его лаврами, былъ назначенъ командиромъ новоорганизованной военной силы, которую назвали національной гвардіей. 17-го іюля король призналъ національными французскими цвѣтами: крас-



Видъ Аяччіо съ моря.

ный, бѣлый и синій, которые были передъ тѣмъ уже признаны цвѣтами свободы. Символъ принципа замѣнилъ такимъ образомъ эмблему династіи. Подобное же преобразованіе произведено было повсемѣстно. Административная власть всюду совершенно спокойно перешла въ руки народниковъ. Дворяне, бѣжавшіе изъ Версаля въ свои замки, убѣдились, что попали, какъ говорится, изъ огня да въ полымя. Приходилось не только распрощаться съ старинными феодальными привиллегіями, но и съ прежними феодальными пожалованіями, невыгодными для народа, хотя бы эти пожалованія удостовѣрялись хартіями, составленными съ соблюденіями всѣхъ юридическихъ формальностей. Въ опьяненіи минуты крестьяне иногда хватали черезъ край и посягали на законную собственность господъ, которыхъ считали своими вра-

гами. Зачастую помѣщикамъ не представлялось иной альтернативы, какъ смерть или же утрата почти всего состоянія. Такимъ образомъ оказывалось на повѣрку, что дворянскія усадьбы не могли служить хотя бы даже временнымъ убѣжищемъ для стародавнихъ своихъ владѣльцевъ. Многіе дворяне уѣхали уже заграницу. Эмиграція эта усиливалась и продолжала все болѣе возростать. Дворяне, принадлежавшіе къ умѣренной партіи, — честные патріоты, которыхъ не могла удовлетворить жизнь въ изгнаніи, убѣдились, наконецъ, что ихъ сословіе неизбѣжно должно уступить. 4-го августа, въ ночномъ засѣданіи, прозванномъ Варѳоломеевской ночью сословныхъ привиллегій, они разомъ отказались отъ всѣхъ этихъ привиллегій. Всѣ слѣды не только феодальныхъ, но и всѣхъ иныхъ особыхъ правъ и преимуществъ, подтвержденныхъ королевскими хартіями, были, если можно такъ выразиться, сметены съ лица Франціи. Даже личныя королевскія охотничьи угодья были урѣзаны до нормы, опредѣленной для другихъ частныхъ землевладѣльцевъ. Рѣшено было, что всѣ безъ исключенія французы отрекутся отъ условныхъ произвольныхъ различій, создававшихъ неравенства въ гражданской и политической жизни и признаютъ полную равноправность всѣхъ вообще гражданъ. Свобода и братство должны были служить устоями новаго гражданскаго строя, вѣнцомъ котораго предполагалось равенство. Національное собраніе постановило 23-го августа полную свободу религіозныхъ мнѣній, а на слѣдующій день провозгласило свободу печати.

Первые отголоски революціи въ Корсикѣ и вліяніе ихъ на отношенія Бонапарта къ Франціи.

Таковы были событія, разыгравшіяся на всемірно-исторической сценѣ, въ то время какъ поручикъ Бонапарте находился въ штабъ-квартирѣ своего полка — Озоннѣ. Въ городѣ этомъ ожидали большихъ волненій и дѣйствительно, 19-го іюля 1789 года, тамъ произошла вспышка безпорядковъ и насилій, направленная, какъ и большинство другихъ тогдашнихъ народныхъ бунтовъ, противъ сборщиковъ податей. Вспышка эта была безъ труда подавлена и затѣмъ, въ теченіе еще нѣсколькихъ недѣль, правильное однообразіе жизни молодого артиллерійскаго поручика, посвященной научнымъ занятіямъ, не нарушалось никакими измѣненіями, кромѣ тѣхъ, которыя вызывались крайней бѣдностью, заставлявшей его придавать своей жизни все болѣе строгій, аскетическій характеръ. „Единственнымъ моимъ прибѣжищемъ служитъ умственный трудъ,—пишетъ онъ матери.—Я одѣваюсь въ мундиръ всего лишь разъ въ недѣлю (вѣроятно, для воскресныхъ парадовъ?), и, со времени моей болѣзни, сплю очень мало,—до невѣроятности мало: ложусь спать въ десять часовъ, а встаю въ четыре часа утра, ѣмъ же всего разъ въ день, а именно въ три часа пополудни, и нахожу такой режимъ полезнымъ для своего здоровья». Изъ Корсики отъ семьи поручика, получались по прежнему не-

благопріятныя извѣстія. Голодающій патріотъ серьезно захворалъ и впродолженіе нѣкотораго времени жизнь его висѣла на волоскѣ. Къ 8-му августа ему стало, однако, настолько уже легче, что онъ могъ помышлять объ отъѣздѣ и, не теряя ни минуты, подалъ просьбу объ увольненіи въ шестимѣсячный отпускъ. По существовавшимъ тогда во французскомъ военномъ вѣдомствѣ порядкамъ, поручикъ де-Буонапарте, несмотря на предшествовавшіе отлучки и прогулы, имѣлъ въ этомъ году законное право на увольненіе въ отпускъ, но только не ранѣе октября мѣсяца. Въ просьбѣ о немедленномъ увольненіи онъ ссылался, что зимнее время неблагопріятно для переѣзда въ Корсику. Доводъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что его нельзя признать и вполнѣ вѣрнымъ, и совершенно ложнымъ. Молодой офицеръ былъ несомнѣнно еще боленъ. Извѣстія о смутахъ и волненіяхъ въ Корсикѣ усиливали у него лихорадочное возбужденіе, а безпокойство за семью вызывало желаніе какъ можно скорѣе прибыть на мѣсто. Желаніе это и могло бы служить искреннимъ, вполнѣ достаточнымъ поводомъ къ просьбѣ объ увольненіи въ отпускъ. Нельзя отрицать, впрочемъ, что виды на благополучный переѣздъ моремъ изъ Франціи въ Корсику оказывались болѣе благопріятными въ августѣ, чѣмъ въ октябрѣ. Этотъ очевидный фактъ, вѣроятно, имѣвшій въ глазахъ самого Наполеона второстепенное значеніе, быть можетъ, показался начальству особенно убѣдительнымъ. Оно положило резолюцію въ благопріятномъ смыслѣ, и Наполеонъ уѣхалъ 16-го октября изъ Озонна. Тѣмъ временемъ въ полку Ла Фера дѣло дошло до бунта. Солдатамъ давно уже не выплачивалось жалованье, и они требовали выдачи имъ на руки избытковъ, накопившихся отъ разныхъ пожертвованій въ полковую кассу и употреблявшихся до тѣхъ поръ исключительно въ пользу только однихъ офицеровъ. Офицеры вынуждены были уступить.

Фактъ этотъ самъ по себѣ показываетъ, до какой степени революціонное своевольство успѣло уже взять перевѣсъ надъ королевскимъ и военнымъ авторитетомъ. Дѣйствительно, вскорѣ должна была начаться повсюду во Франціи революціонная оргія. Повидимому, за эти послѣдніе дни окончательно сложился и созрѣлъ въ умѣ Наполеона проектъ освобожденія Корсики, собственно говоря и заставившій молодого Бонапарта выступить на политическое поприще. Фешъ вернулся въ Корсику и давно уже сообщалъ своему племяннику обстоятельныя подробности о положеніи дѣлъ на островѣ. Анархія, распространявшаяся всюду кругомъ во Франціи и начинавшая охватывать также Корсику, раскрыла глаза Наполеону на шансы, предоставляемые революціей человѣку, умѣющему надлежаще воспользоваться быстрыми перемѣнами въ существующемъ порядкѣ вещей.

Наружность поручика Буонапарте, которому шелъ тогда всего лишь двадцатый годъ, не представлялась особенно эффектной и внушительной. Голова его была по своимъ очертаніямъ довольно красива, хотя и немножко велика сравнительно съ худощавымъ туловищемъ, но эта непропорціональность не особенно бросалась

въ глаза. Широкій его лобъ, средней величины, обрамлялся съ обѣихъ сторонъ длинными темнорусыми волосами, сколько можно судить по его собственнымъ словамъ, не особенно густыми и ниспадавшими на худощавыя щеки длинными прямыми прядями. Большіе глаза, цвѣта голубой стали, проницательно выглядывали изъ подъ крутой дуги нависшихъ надъ ними бровей, мастерски скрывая все, что происходило въ душѣ ихъ владѣльца. Носъ у Наполеона былъ прямой и красивый, ротъ большой, губы полныя и чувственныя, хотя крупный выдававшійся впередъ подбородокъ нѣсколько маскировалъ толщину нижней губы. Цвѣтъ лица у молодого поручика былъ смуглый, а тѣлосложеніе—сухощавое и тонкое. Особенно миніатюрными казались у него руки и ноги, но за то высокая грудь и короткая шея были развиты несоразмѣрно мощнымъ образомъ. Это отсутствіе пропорціональности не мѣшало походкѣ быть совершенно твердой и ровной. Спеціалистъ по части изученія характеровъ призналъ бы этого юношу самоувѣреннымъ и склоннымъ держать свои замыслы въ тайнѣ,—честолюбивымъ и разсчетливымъ,—властолюбивымъ, но добродушнымъ. Въ эпоху, когда всѣ были помѣшаны на френологіи, адепты ея находили на черепѣ Наполеона органы того, что у нихъ называлось способностями воображенія, причинности, индивидуальности, сравненія и локализаціи. На общечеловѣческомъ языкѣ это значило, что они приписывали ему большую способность образнаго и индуктивнаго мышленія,—знаніе людей, мѣстъ и вещей. Жизнь молодого офицера протекала до тѣхъ поръ такъ заурядно, что не подавала основаній возлагать большія ожиданія на его будущее. Несмотря на свою бѣдность и крайнюю бережливость въ расходахъ, онъ, подобно прочимъ своимъ сверстникамъ-офицерамъ, дѣлалъ до извѣстной степени поблажки юношескимъ своимъ страстямъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ воздерживался отъ кутежей и не былъ никому долженъ ни гроша. Зная, какое воспитаніе онъ получилъ и что именно онъ читалъ, можно съ увѣренностью заключить, что ему обстоятельно было извѣстно лишь существеннѣйшее въ его собственной профессіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ обладалъ, въ большей степени, чѣмъ кто-либо до него или послѣ него, способностью охватывать однимъ взглядомъ массу подробностей. Онъ располагалъ обширнымъ запасомъ свѣдѣній, вмѣщавшихся въ рамку историко-философскихъ теорій, набросанныхъ изящно и въ тоже время размашисто. Въ сущности онъ не далеко ушелъ по философіи, хотя и былъ въ совершенствѣ знакомъ съ принципами Руссо и Рейналя. Сужденія его о политикѣ и людяхъ не имѣли научнаго характера, но отличались отчетливостью и практичностью. Военная служба была ему не по вкусу. Онъ искренно ненавидѣлъ рутину и отъ всего сердца презиралъ мелочныя свои служебныя обязанности. Профессія офицера являлась, однако, для него средствомъ къ достиженію цѣли. До сихъ поръ еще онъ не обнаруживалъ ничѣмъ великихъ своихъ способностей въ области стратегіи и тактики и даже не выказывалъ особеннаго интереса къ этимъ отдѣламъ военнаго ис-

кусства. Его увлекали, однако, подвиги великихъ завоевателей. Онъ тщательно обдумывалъ и анализировалъ ихъ походы. Особенно ослѣплялъ его блескъ великолѣпія Востока, представлявшагося единственнымъ поприщемъ, на которомъ могъ бы еще, какъ ему казалось, проявиться новый Александръ Великій. Наполеону извѣстна была истина, выяснившаяся въ то время лишь немногимъ великимъ умамъ. Юный поручикъ зналъ, что энергія міровой жизни обусловливалась дѣятельными сношеніями между Востокомъ и Западомъ. Онъ понималъ, что могущество Англіи зависитъ въ значительной степени отъ распространенія ея владѣній въ обоихъ полушаріяхъ.

До этого времени Наполеонъ былъ теоретикомъ и могъ бы безплодно затратить выдающіяся свои способности, занимаясь и впредь блестящими обобщеніями, какъ это случается съ столькими молодыми людьми, на долю которыхъ не выпадаетъ случая провѣрить свои гипотезы путемъ наблюденія и опыта. Теперь, однако, ему не предстояло уже опасности впасть въ подобное искушеніе. Его проектъ учрежденія на островѣ Корсикѣ выборнаго совѣта (долженствовавшаго замѣнить верховный дворянскій совѣтъ), а также планъ организаціи національнаго корсиканскаго ополченія давно уже созрѣли. Съ самаго своего отъѣзда изъ Озонна Наполеонъ превратился въ осторожнаго практическаго экспериментатора. До сихъ поръ еще ему не случалось примѣнять на практикѣ результаты собственнаго своего мышленія или же уроковъ, вычитанныхъ изъ книгъ. Бѣдственное положеніе семьи заставило Буонапарте выступить въ роли просителя монаршихъ милостей и если бы не послѣдовали такія рѣзкія перемѣны въ политическомъ положеніи, онъ остался бы вѣрнымъ этой роли. Личныя склонности и способности Наполеона дѣлали изъ него прилежнаго, любознательнаго юношу, но въ тоже время плохого офицера. Если бы передъ нимъ не открылась арена болѣе широкой дѣятельности, онъ могъ бы остаться тѣмъ, чѣмъ былъ. Въ Корсикѣ его образъ дѣйствій не обнаруживалъ рѣзкихъ переходовъ и скачковъ. Возможность совершенія крупныхъ событій давала тамъ себя чувствовать постепенно, а по мѣрѣ развитія событій выдвигались также и шансы примѣненія давно уже выработанныхъ Наполеономъ проектовъ и предначертаній. Во всемъ этомъ не было ни малѣйшей аналогіи съ сіяніемъ солнца, внезапно выглянувшаго изъ-за тучи.

Проѣзжая черезъ Э, Наполеонъ захватилъ съ собою неудачника Люсьена. Этотъ младшій братецъ, отличавшійся упрямствомъ и независимостью характера, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, появившихся въ печати, о дурномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него холодный пріемъ со стороны старшаго брата еще въ бытность Наполеона пансіонеромъ въ Бріеннской военной школѣ. Люсьенъ, очевидно, не принялъ во вниманіе обычнаго презрительнаго отношенія учениковъ старшихъ классовъ къ мальчамъ, состоящимъ или несостоящимъ съ ними въ кровномъ родствѣ. Покинувъ Бріеннское военное училище, вопреки со-

вѣтамъ старшаго брата, который взялъ на себя по отношенію къ нему роль ментора, Люсьенъ убѣдился въ тщетности своихъ попытокъ опредѣлиться въ Э, въ семинарію. Отсутствіе средствъ къ дальнѣйшему тамъ существованію побуждало его вернуться на родину. Оба брата, которымъ впослѣдствіи пришлось опять разойтись другъ съ другомъ, были во время этого путешествія, если можно такъ выразиться, первый и послѣдній разъ въ жизни неразлучными товарищами въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени. Нельзя сказать, чтобы такая короткость повлекла за собою установленіе между ними большей солидарности въ образѣ мыслей. Единственнымъ интереснымъ инцидентомъ этого путешествія былъ визитъ, сдѣланный Наполеономъ въ Марсели аббату Рейналю. Было бы очень пріятно узнать, о чемъ именно шла рѣчь между учителемъ и ученикомъ, но у насъ не имѣется на этотъ счетъ ровно никакихъ свѣдѣній.

По прибытіи на родину Наполеонъ нашелъ, что въ положеніи семьи Буонапарте не послѣдовало никакого существеннаго измѣненія. Престарѣлый архидіаконъ все еще оставался въ живыхъ и въ данную минуту вся семья, за исключеніемъ Элизы, оказывалась въ сборѣ. Матеріально она нуждалась больше чѣмъ когда-либо. По смерти покровителя этой семьи, Марбефа, послѣдовалъ окончательный отказъ въ выдачѣ казенной субсидіи за разведеніе шелковицы. Фактъ этотъ, совмѣстно съ оппозиціоннымъ образомъ мыслей архидіакона, постепенно отдалялъ семью Буонапарте отъ правительственной клики. Населеніе острова дѣлилось на тѣ же самыя партіи, какъ и передъ тѣмъ, а именно: на французскую партію и патріотовъ. По смерти Шарля де-Буонапарте первая изъ нихъ имѣла Буттафуоко своимъ представителемъ въ Версали. Этотъ Буттафуоко, служившій для Шуазеля орудіемъ къ завладѣнію Корсикой, оставался и теперь по прежнему эгоистомъ, заботившимся исключительно о собственныхъ своихъ интересахъ и не пользовавшимся никакимъ вліяніемъ. Французская партія состояла исключительно изъ аристократовъ, державшихся въ политикѣ роялистскихъ воззрѣній. Высшее корсиканское духовенство, раздѣлявшее тѣ же воззрѣнія, избрало своимъ представителемъ аббата Перетти, какъ нельзя лучше годившагося въ товарищи недостойному Буттафуоко. Приходскіе священники были, какъ и во Франціи, на сторонѣ народа. Оба элемента правительственной французской партіи оказывались сравнительно немногочисленными. Несмотря на двадцатилѣтній миръ, которымъ пользовался островъ подъ владычествомъ Франціи, они оказались чрезвычайно непопулярными и не находили себѣ въ народѣ ни малѣйшей поддержки. Во всей партіи имѣлся всего одинъ человѣкъ съ вліятельнымъ именемъ, а именно сынъ стариннаго корсиканскаго патріота Гаффери. Корсиканцы за это время остались почти такими же, какими были до временъ французскаго владычества. Среди нихъ существовали патріоты стараго закала, желавшіе для своей отчизны полной независимости и называвшіеся „паолистами“. Затѣмъ имѣлись патріоты новой формаціи, именовавшіе себя просто патріотами,—по преимуществу изъ

числа молодежи, соглашавшейся на протекторатъ Франціи, при которомъ Корсика могла-бы пользоваться самостоятельностью и благами мира. Въ портовыхъ городахъ на восточномъ склонѣ острова проявлялось тоже самое миролюбивое, покорное правительству настроеніе, какъ и въ прежнія времена, на западномъ же, напротивъ того, обнаруживался обычный воинственный непокорный духъ. Центральнымъ пунктомъ паолистскаго вліянія служилъ Корте, а средоточіе французскаго вліянія находилось въ Кальви. Населеніе Бастіи придерживалось радикальныхъ воззрѣній, Аяччіо же дѣлилось почти поровну между прежней и новой патріотическими партіями, причемъ тамъ чувствовалось также довольно сильное правительственное вліяніе. Оба корсиканскихъ народныхъ представителя въ національномъ конвентѣ принадлежали къ умѣренной партіи. Одинъ изъ нихъ, Саличетти, обладалъ способностью къ политической интригѣ и былъ расположенъ къ семьѣ Буонапарте. Ему было впослѣдствіи суждено значительно повліять на ходъ дѣлъ. Онъ и его товарищъ Колонна настаивали въ національномъ собраніи на принятіи мѣръ къ преобразованію мѣстной администраціи острова. Умѣреннымъ патріотамъ въ такой же степени, какъ и непримиримой фракціи, было ясно, что Корсика можетъ воспользоваться благодѣяніемъ новой эры лишь въ томъ случаѣ, если обѣ партіи согласятся дѣйствовать сообща подъ руководствомъ Паоли. Какъ молодые, такъ и старо-патріоты желали коренного преобразованія прежней варварской системы судопроизводства. Они хотѣли наравнѣ со всѣми прочими французскими подданными пользоваться свободой печати, свободой торговли и промышленности, отмѣной всѣхъ особыхъ правъ и привиллегій, равномѣрностью податного обложенія, равноправностью въ смыслѣ отмѣны сословныхъ преимуществъ при замѣщеніи должностей и требовали отчисленія нѣкоторой части монастырскихъ доходовъ въ пользу народнаго образованія. Понятно, что всѣ эти реформы являлись всего легче осуществимыми въ странѣ, только что выходившей изъ состоянія варварства, гдѣ прежнія учрежденія исчезали, а новыя не успѣли еще окрѣпнуть. Самъ Паоли пришелъ тѣмъ временемъ къ убѣжденію въ возможности обезпечить независимость и самостоятельность Корсики при посредствѣ и содѣйствіи возрожденной Франціи скорѣе чѣмъ путемъ вооруженнаго возстанія, которое могло бы пробудить у генуезцевъ надежду на возстановленіе прежняго ихъ владычества надъ этимъ островомъ.

Естественными друзьями и товарищами Буонапарте были молодые люди: Массерія, семья котораго отличалась національнымъ корсиканскимъ патріотизмомъ, Поццо ди-Борго, Перальди, Кунео, Рамолини и другіе (менѣе вліятельные). Въ качествѣ единственнаго корсиканца, обладавшаго высшимъ военнымъ образованіемъ, Наполеонъ являлся у себя на родинѣ чрезвычайно выдающейся личностью, особенно же въ виду неопредѣленнаго будущаго, чреватаго всяческими возможностями, начинавшимися уже показываться на горизонтѣ. Къ проектамъ молодыхъ патріотовъ пору-

чикъ Буонапарте присоединилъ съ своей стороны весьма многозначительное предложеніе: поддержать центральный административный комитетъ, учрежденія котораго такъ пламенно желали политическіе его друзья, организаціей мѣстнаго корсиканскаго ополченія. Проектъ этотъ былъ встрѣченъ очень сочувственно всѣми политическими фракціями. Радикалы усматривали въ немъ средство снабдить снова народъ оружіемъ. Болѣе умѣренныя партіи припоминали, что парижская чернь взяла штурмомъ Бастилію и разсчитывали предотвратить съ помощью надлежаще организованнаго ополченія возможность подобныхъ инцидентовъ въ Аяччіо и другихъ мѣстностяхъ. Буонапарте, въ качествѣ единственнаго корсиканца съ высшимъ военнымъ образованіемъ, могъ тогда, пожалуй, мечтать о томъ, что покинетъ французскую военную службу и сдѣлается прямо главнокомандующимъ всѣми корсиканскими военными силами. Необходимо замѣтить, что французскія власти въ Корсикѣ разрѣшали носить оружіе нѣкоторымъ корсиканцамъ, пользовавшимся репутаціей благонамѣренныхъ, т. е. сочувствующихъ французскому владычеству. Многіе имѣли у себя оружіе втайнѣ, безъ разрѣшенія властей. Тѣмъ не менѣе огнестрѣльныхъ, которые такъ или иначе успѣли запастись оружіемъ, оказывалось сравнительно немного, такъ что сколько-нибудь энергическое или же успѣшное сопротивленіе вооруженной силѣ представлялось почти всюду немыслимымъ. Военное министерство въ Парижѣ руководилось въ своихъ отношеніяхъ къ проекту организаціи корсиканскаго ополченія взглядами Буттафуоко, который, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся къ этому коварному проекту самымъ несочувственнымъ образомъ. Военный министръ передалъ поэтому предложеніе патріотовъ на разсмотрѣніе того самого учрежденія, противъ котораго проектъ былъ направленъ, а именно ненавистнаго корсиканцамъ дворянскаго совѣта двѣнадцати. Нелѣпый сарказмъ такого шага имѣлъ характеръ почти преступнаго вызова.

Неудивительно, если при такихъ обстоятельствахъ въ Корсикѣ возгорѣлось пламя недовольства. Агенты Паоли начали снова обнаруживать чрезвычайную дѣятельность. Во многихъ городахъ вспыхнули возстанія. Народъ пытался овладѣть цитаделями и казармами и захватить власть въ свои руки. Это удалось ему только въ Бастіи, гдѣ патріотами предводительствовалъ Арена, и въ Изолѣ—Росса (подъ начальствомъ Мурати). Въ Аяччіо Наполеонъ де-Буонапарте не замедлилъ выступить въ роли естественнаго вождя народнаго движенія. Имѣвшійся уже демократическій клубъ быстро образовалъ изъ себя кадры мѣстнаго ополченія и пополнилъ эти кадры многочисленными добровольцами. Въ окрестностяхъ Аяччіо не было, однако, преданныхъ Паоли горцевъ, которые могли бы оказать содѣйствіе невоинственнымъ горожанамъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ Бастіи. Гаффери пытался успокоить расходившихся демократовъ, но престижъ его имени, поддержка французскихъ войскъ и увѣщанія членовъ городской управы, которыхъ онъ привелъ съ собой, оказались не въ силахъ усмирить недовольство. Помѣщеніе клуба было тогда за-

крыто по распоряженію французскихъ властей и въ городѣ объявлено военное положеніе. Агитаторамъ пришлось поневолѣ разсѣяться. Передъ тѣмъ, однако, они, 31 октября 1789 года, устроили въ одной изъ церквей сходку и обратились къ національному собранію съ протестомъ, который и переслали Саличетти и Колоннѣ для представленія по принадлежности. Онъ былъ собственноручно написанъ и затѣмъ прочитанъ вслухъ самимъ Наполеономъ. Впослѣдствіи Жозефъ Буонапарте утверждалъ, будто тоже принималъ нѣкоторое участіе въ составленіи означеннаго документа, но энергическій стиль, многочисленные промахи въ орѳографіи и синтаксисѣ, мощная мысль и лаконичность выраженія вполнѣ соотвѣтствуютъ манерѣ самого Наполеона. Въ протестѣ грубо, но весьма убѣдительно, указывается на право предъявленія петиціи и обжалованія несправедливыхъ административныхъ дѣйствій,—выставляются на видъ незаконные поступки верховнаго дворянскаго совѣта, учиненныя имъ насилія и неосновательность предлоговъ, которыми мотивированъ былъ отказъ выполнить просьбу объ организаціи корсиканскаго ополченія. Протестъ заканчивался требованіемъ удалить изъ Аяччіо регулярныя войска и удовлетворить справедливыя желанія патріотовъ. Документъ этотъ являлся предвѣстникомъ революціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что надлежаще организованная, мощная правительственная власть подвергла бы строгой карѣ какъ составителя протеста, такъ и тѣхъ, кто скрѣпилъ подобный мятежный протестъ своими подписями. Впрочемъ, даже и при той анархіи, въ которой находилась тогда Франція, со стороны офицера, состоявшаго на дѣйствительной службѣ, было до крайности рисковано принимать въ такомъ дѣлѣ выдающееся участіе.

Тѣмъ временемъ въ Національномъ конвентѣ обсуждался вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ выразить въ королевскомъ титулѣ положеніе, опредѣленное для монарха новою конституціей. Съ прекращеніемъ неограниченной власти Людовикъ XVI не могъ болѣе называться „королемъ Франціи“, такъ какъ современники считали такой титулъ выражающимъ якобы право собственности на Францію. Въ виду этихъ соображеній рѣшено было провозгласить Людовика XVI королемъ французовъ. Вопросъ шелъ о томъ, слѣдовало-ли сохранить въ королевскомъ титулѣ упоминовеніе о Наваррѣ. Саличетти, обнаружившій въ этомъ дѣлѣ замѣчательный дипломатическій тактъ, обратилъ уже вниманіе нѣсколькихъ своихъ сотоварищей-депутатовъ на возможность англійскаго вмѣшательства въ корсиканскія дѣла, при которомъ Франція могла бы совершенно утратить островъ, поставлявшій ей въ такомъ изобиліи хорошихъ солдатъ. Своимъ соотечественникамъ онъ, напротивъ того, доказывалъ, что французскій протекторатъ является для корсиканцевъ самымъ надежнымъ средствомъ къ достиженію не только условной, но впослѣдствіи даже и полной самостоятельности и независимости. Въ засѣданіи конвента Саличетти объявилъ, что если Національное собраніе признаетъ въ Наваррѣ особую народность, упомянувъ о таковой въ королевскомъ титулѣ, то

придется сдѣлать тоже самое и для Корсики, тѣмъ болѣе, что островъ этотъ предоставленъ въ 1768 году генуезской республикой лишь временно, какъ бы на храненіе, французскому королю. Какъ разъ въ это самое время Вольней представилъ отъ лица корсиканскихъ патріотовъ нѣсколько петицій, въ которыхъ ходатайствовалось о точномъ опредѣленіи отношеній ихъ родины къ Франціи. Одна изъ такихъ петицій прислана была изъ Бастіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ, вѣроятно, представленъ и протестъ за подписями патріотовъ изъ Аяччіо. Маневръ этотъ являлся завершеніемъ искусной революціонной агитаціи, которая была начата и ведена Массеріей сообразно съ видами Паоли. Непормальное положеніе Корсики и Наварры краснорѣчиво выяснялось уже самымъ фактомъ представленія подобныхъ петицій. „Если наваррцы не французы, то какое намъ дѣло до нихъ, или же имъ до насъ?“— освѣдомлялся Мирабо. Аргументъ этотъ являлся въ одинаковой степени неопровержимымъ какъ для Наварры, такъ и для Корсики, а потому рѣшено было ихъ обѣихъ объявить нераздѣльными частями французскаго королевства. Такое окончательное присоединеніе Корсики къ Франціи состоялось 30 ноября по предложенію Саличетти. Внося это предложеніе, ловкій корсиканскій делегатъ держалъ себя такъ, какъ если бы дѣйствовалъ противъ собственнаго своего желанія, подчиняясь лишь давленію необходимости. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ достигалъ этимъ предложеніемъ цѣли давнишнихъ своихъ стремленій. Дюмурье, впослѣдствіи прославившійся какъ полководецъ, и Мирабо, великій государственный дѣятель и ораторъ, служили оба во французской оккупаціонной арміи, на которую было возложено окончательное покореніе Корсики. Мирабо съ грустью и глубокимъ раскаяніемъ упоминалъ теперь объ этомъ и съ жаромъ требовалъ провозглашенія амнистіи для всѣхъ корсиканскихъ политическихъ преступниковъ, не исключая и Паоли. Несмотря на ожесточенную оппозицію, которую встрѣтило предложеніе амнистіи, великому оратору удалось его провести.

Извѣстіе объ этомъ было встрѣчено на островѣ Корсикѣ изъявленіями самой восторженной радости. На горахъ зажигали потѣшные огни, а въ церквахъ служили благодарственные молебны.—Паоли вернется опять къ своимъ единомышленникамъ! Чего большаго могли желать безкорыстные патріоты?—Корсика объявлена нераздѣльною частью Франціи! Развѣ могла честолюбивая ея молодежь какимъ-либо инымъ путемъ обезпечить для своихъ талантовъ болѣе обширную арену дѣйствій съ перспективой достиженія болѣе высокихъ цѣлей? Такимъ образомъ, желанія обѣихъ фракцій, на которыя дѣлились корсиканскіе патріоты, были въ данный моментъ выполнены. Имена Мирабо, Саличетти и Вольнея привѣтствовались восторженными рукоплесканіями, тогда какъ Буттафуоко и Перетти вызывали самое энергическое порицаніе. Гаффери, вмѣстѣ съ регулярными войсками, удалился изъ Аяччіо, и либералы торжествовали по всей линіи.

Безсильная генуезская республика сочла тогда необходимымъ

все-таки же напомнить о своемъ существованіи. Она объявила, что не продавала верховныхъ своихъ правъ на Корсику, а только уступила ихъ въ пользованіе французскому королю. Франція не

Возвращеніе Наоли на островъ Корсику.

должна забывать, что состоитъ лишь на положеніи временной владѣлицы, а потому, хотя и можетъ управлять Корсикой по собственному усмотрѣнію, но никоимъ образомъ не должна присое-

динять ее къ себѣ окончательно. При такихъ обстоятельствахъ генуезская республика обращалась для огражденія своихъ правъ, санкціонированныхъ договорами, къ добросовѣстности короля и національнаго собранія. Протестъ этотъ былъ составленъ въ довольно энергическихъ выраженіяхъ, но генуезская республика была не въ силахъ его поддержать, а потому онъ оказался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ національномъ собраніи онъ произвелъ впечатлѣніе масла, подлитаго въ огонь. Въ оживленномъ засѣданіи, происходившемъ тамъ 21 января 1790 года, вопросъ о правахъ генуезской республики на Корсику обсуждался самымъ обстоятельнымъ образомъ. Происходившія при этомъ пренія интересны въ томъ отношеніи, что указываютъ настроеніе французскихъ политическихъ партій и образъ ихъ дѣйствій въ этотъ періодъ революціи. Мирабо, по обыкновенію, принялъ на себя руководящую роль. Онъ и его друзья негодовали не только на дерзость, съ которой генуезская республика продолжала предъявлять права на островъ, завоеванный Франціей, но и на предположеніе генуэзцевъ, будто письменные договоры могутъ имѣть обязательную силу тамъ, гдѣ они идутъ въ разрѣзъ съ принципами народнаго права. Ораторы оппозиціи скромно, но въ тоже время настоятельно напоминали о существованіи, кромѣ французовъ, также и другихъ націй, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на пагубныя послѣдствія недобросовѣстности въ международныхъ сдѣлкахъ. Инцидентъ этотъ закончился принятіемъ ловкой и дерзкой комбинаціи обоихъ предложеній, внесенныхъ представителями революціоннаго большинства и оппозиціи: „положить протестъ генуезской республики на министерскій столъ“ и „объявить, что нѣтъ основанія вдаваться въ его разсмотрѣніе“. Фактъ этотъ самъ по себѣ представляетъ извѣстный интересъ, также и при сопоставленіи его съ безцеремоннымъ послѣдующимъ хозяйничаньемъ Наполеона въ Италіи.

Въ данную минуту самъ Наполеонъ Буонапарте находился въ довольно щекотливомъ положеніи. Его проектъ организаціи мѣстнаго ополченія клонился къ тому, чтобы распространить начавшееся во Франціи революціонное движеніе также и на островъ Корсику. Въ протестѣ, обращенномъ къ національному собранію, Наполеонъ требовалъ для корсиканцевъ только права поступать такъ, какъ поступали во Франціи одинъ за другимъ всѣ города и округа, т. е. установить у себя мѣстное самоуправленіе, организовать національную гвардію и распустить—красное съ синимъ и бѣлымъ—знамя свободы. Въ протестѣ этомъ не упоминалось о присоединеніи Корсики къ Франціи. Требованіе это было предъявлено изъ Бастіи повстанцами по распоряженію Паоли, подъ вліяніемъ попытки, произведенной въ Аяччіо, а также совѣтовъ Саличетти. Нѣсколько позже Буонапарте старался выяснить, что положеніе дѣлъ въ Корсикѣ оказалось бы несравненно болѣе выгоднымъ, если бы былъ приведенъ въ исполненіе его собственный проектъ. Въ такомъ случаѣ, организовавъ народное ополченіе подъ знаменемъ свободы, корсиканцы могли бы сами призвать обратно Паоли и выжидать дальнѣйшаго хода событій, причемъ сохранили бы

за собой возможность отвергнуть предложенія роялистовъ (если бы эта партія одержала верхъ), или же принять рѣшенія французскаго національнаго собранія безъ принужденія, а по доброй волѣ. До сихъ поръ Наполеонъ Буонапарте не упускалъ ни единаго удобнаго случая высказать свою ненависть къ Франціи. Очень можетъ быть, что онъ помышлялъ о провозглашеніи корсиканской независимости, предоставляя себѣ роль освободителя отечества, или по крайней мѣрѣ, второго Сампіеро,—фактическаго исполнителя предначертаній Паоли. Тѣмъ не менѣе недомолвки въ протестѣ, предъявленномъ патріотамъ Аяччіо, и нелюбовь Наполеона къ французамъ, не служатъ еще неопровержимымъ доказательствомъ того, что онъ и въ самомъ дѣлѣ питалъ такіе замыслы. Какъ бы то ни было, присоединеніе Корсики стало существующимъ фактомъ. Островъ этотъ сдѣлался французской областью, и корсиканцы были внѣ себя отъ радости.

Первые уроки революціонной дѣятельности.

Какая будущность могла ожидать человѣка, проявлявшаго до сихъ поръ столь враждебныя чувства къ націи, съ судьбами которой онъ оказывался теперь неразрывно связаннымъ? Не имѣется никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы заключить, что Буонапарте когда-либо задавалъ себѣ вопросы такого тревожнаго свойства. Судя по всему поведенію молодого поручика, онъ не испытывалъ ни малѣйшаго смущенія. Ясно сознавая, что почти повсемѣстно во Франціи государственный и общественный строй охваченъ разложеніемъ, отъ котораго не уцѣлѣло и военное вѣдомство, Наполеонъ, располагавшій еще на два мѣсяца отпускомъ, считалъ излишнимъ размышлять о непріятныхъ усложненіяхъ, прежде чѣмъ ему придется на самомъ дѣлѣ съ ними встрѣтиться. Молодые корсиканскіе патріоты, демократическаго пошиба, сдѣлали все, что могли. Мѣстное управленіе въ Аяччіо было совершенно реорганизовано. Одинъ изъ родственниковъ семьи Буонапарте назначенъ былъ городскимъ головою, и пристроилъ Жозефа при себѣ въ качествѣ секретаря. Корсиканская національная гвардія была набрана, обмундирована и вооружена. Сдѣлавшись изъ корсиканца французомъ, Наполеонъ не могъ занять въ ней никакой должности, такъ какъ состоялъ офицеромъ въ артиллерійскомъ полку Ла-Фера. Тѣмъ усерднѣе агитировалъ онъ въ демократическомъ клубѣ, который почти немедленно возродился.

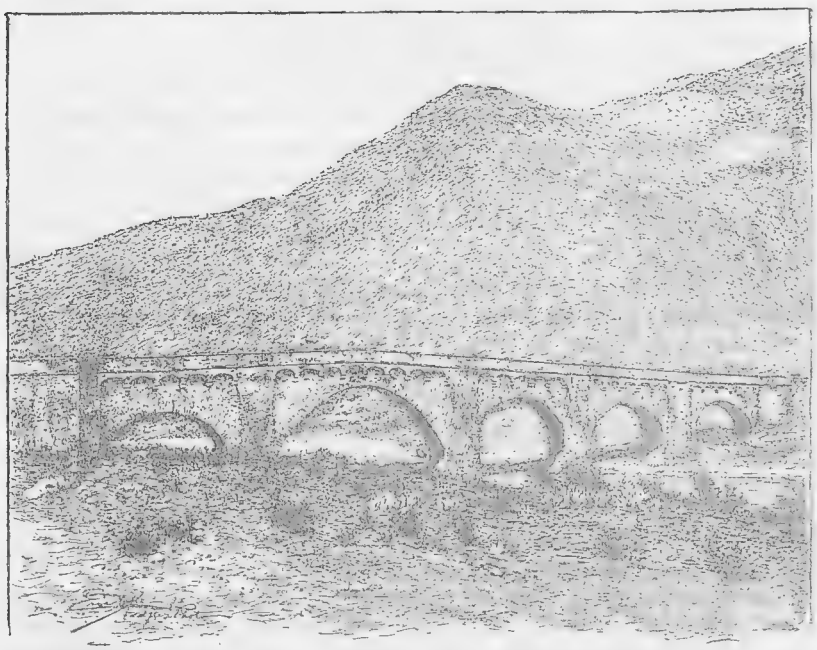
За невозможностью приступить къ болѣе серьезной практической дѣятельности, Наполеонъ вернулся къ литературному труду. Исторія Корсики была снова пересмотрѣна, причемъ, однако, не подверглась дальнѣйшимъ смягченіямъ. Авторъ посвятилъ ее теперь Рейналю. Онъ составилъ также, въ сотрудничествѣ съ своимъ дядюшкой Фешомъ, докладную записку по поводу присяги, требовавшейся отъ священниковъ, а затѣмъ написалъ весьма ядовитый памфлетъ, направленный противъ Буттафуоко и прочелъ этотъ памфлетъ въ Аяччіо, въ засѣданіи демократическаго клуба. Означенный пам-

флетъ удостоился нѣсколькихъ изданій. Онъ помѣченъ январемъ мѣсяцемъ 1790 года изъ грота, находившагося въ Миллели, одномъ изъ маленькихъ родовыхъ помѣстьевъ Буонапарте, гдѣ Наполеонъ устроилъ себѣ нѣчто вродѣ отшельнической кельи. Гротъ этотъ, изсѣченный самой природой въ скалѣ, высившейся надъ Аяччіо, былъ нѣсколько обдѣланъ внутри и украшенъ самимъ Наполеономъ, который пользовался имъ, какъ въ прежнія времена бріеннскимъ своими садикомъ, въ качествѣ убѣжища, чтобы уединяться для размышленій и научныхъ занятій.

Не стоитъ особенно распространяться объ упомянутомъ памфлетѣ. Достаточно отмѣтить въ немъ нѣсколько большее умѣніе со стороны Наполеона выражать юношескія свои бурныя чувства и принимать въ разсчетъ усложненія обстановки, что въ свою очередь указываетъ на извѣстный прогрессъ въ развитіи характера. Не подлежитъ сомнѣнію, что духъ памфлета былъ мятежный и несдержанный. Пылкая его сочность обличала молодость автора, которому только что исполнилось двадцать лѣтъ. Несомнѣнно также, что Наполеонъ писалъ съ предвзятой цѣлью пріобрѣсти себѣ извѣстность. Въ памфлетѣ выясняется, что авторъ, отдавая себѣ ясный отчетъ въ радикальномъ характерѣ революціи, окончательно и публично отрекся отъ роялистскихъ принциповъ своего отца, Карла де-Буонапарте. Здѣсь же встрѣчается въ послѣдній разъ исповѣданіе нравственныхъ принциповъ, такъ охотно высказывающееся въ молодости, до тѣхъ поръ, пока цинизмъ собственной жизни не станетъ слишкомъ очевиднымъ для того, чтобы было позволительно упрекать другихъ въ эгоизмѣ и неискренности. По существу своему памфлетъ противъ Буттафуоко имѣетъ характеръ заслуженнаго порицанія, высказываемаго по адресу эгоиста, который ради личныхъ выгодъ помогалъ притѣснителямъ своей родины. Бурные порывы негодованія, выражавшагося, если можно такъ выразиться, съ пѣной у рта, слѣдуетъ приписать скорѣе духу времени и обстоятельствамъ, чѣмъ самой личности автора. Въ памфлетѣ не упоминается уже о возможности различія судебъ Франціи и Корсики. Безразсудно сравнивать его хотя бы даже съ самыми плохими произведеніями Руссо, но столь же безразсудно отрицать за нимъ извѣстнаго рода цѣнность и признавать его пустою болтовней, лишенной всякаго значенія.

При первомъ извѣстіи объ амнистіи, дарованной по настояніямъ Мирабо, и о томъ, что національное собраніе провозгласило Корсику французскимъ департаментомъ, Паоли былъ глубоко тронутъ и обрадованъ. Врожденное благородство тотчасъ же выяснило Паоли, что онъ не вправѣ долѣе пользоваться пенсіей отъ англійскаго правительства, и даже жить въ Англіи. Онъ былъ убѣжденъ, что его отчизна можетъ достигнуть болѣе совершенной степени самоуправленія подъ владычествомъ Франціи, чѣмъ подъ эгидой какой-либо другой державы, и что онъ самъ, въ качествѣ патріота, обязанъ всячески выставлять это на видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Паоли понималъ, что его возвращеніе можетъ повре-

дить дѣлу. Бывшій диктаторъ опасался, что пылкіе горцы станутъ требовать обезпеченія своей самостоятельности такими крайними мѣрами, на принятіе которыхъ онъ не рѣшится. Обитатели низовьевъ въ свою очередь окажутся недовольными сочувствіемъ, съ которымъ онъ непремѣнно долженъ отнестись къ прежнимъ своимъ друзьямъ и сторонникамъ. Онъ приготовился поэтому замѣнить удобное свое мѣсто ссылки другимъ, менѣе для себя выгоднымъ и пріятнымъ. Французское національное собраніе, не обладавшее такой дальновидностью, какъ Паоли, считало, однако, въ высшей степени желательнымъ личное его присутствіе въ новомъ департаментѣ. Паоли, начинавшій уже стариться, уступилъ настоянію



Понте-Нуово (на островѣ Корсикѣ).

неблагоразумныхъ корсиканскихъ своихъ друзей и французскихъ поклонниковъ. Возвращаясь на родину черезъ Францію, онъ былъ задержанъ тамъ цѣлыхъ два мѣсяца овапіями, которыя ему устраивали противъ собственнаго его желанія. Въ Парижѣ Людовикъ XVI хотѣлъ во что бы ни стало осыпать Паоли всевозможными почестями, но корсиканскій патріотъ энергически отъ нихъ уклонился. Онъ самъ, однако, признаетъ самымъ лестнымъ для себя событіемъ пріемъ, устроенный ему, отъ лица Свободы, французскимъ національнымъ собраніемъ. Въ Ліонѣ народъ толпился на улицахъ, чтобы привѣтствовать Паоли. Депутаціи отъ всѣхъ приморскихъ городовъ родного его острова просили его каждая отъ имени своего города высадиться на берегъ именно у нихъ, а не въ

другомъ мѣстѣ. Въ 1790 году, 14 іюля, послѣ изгнанія, продолжавшагося двадцать одинъ годъ, престарѣлый уже герой снова ступилъ на корсиканскую землю въ Мачинейо, близъ мыса Корсо. Прежде всего онъ преклонилъ колѣни и поцѣловалъ землю. Ближайшимъ сосѣднимъ городомъ оказывалась Бастія. Тамъ его встрѣтилъ взрывъ общей народной радости, о пламенной демонстративности котораго можно составить себѣ понятіе, если принять въ разсчетъ горячія сердца итальянской народности, мало затронутыя культурой и крайнюю экспансивность ея характера, побуждающую выражать чувства не только словами, но и дѣйствіями. Каждый истинный корсиканецъ считалъ для себя священнымъ долгомъ не только взглянуть на Паоли, но также прикоснуться рукою, по крайней мѣрѣ къ его платью и собственными ушами послушать его голосъ. Тѣмъ не менѣе все, что предусматривалъ Паоли, сбылось на самомъ дѣлѣ. Не прошло и мѣсяца, а уже его образъ дѣйствій до такой степени неправильно и дурно истолковывался какъ друзьями, такъ и противниками, что пришлось защищать его въ Парижѣ противъ обвиненія въ интригахъ съ цѣлью передать Корсику въ руки англичанъ.

Неизвѣстно въ точности, гдѣ именно находился Наполеонъ Буонапарте въ теченіе этого времени. Разсказываютъ, будто его видѣли въ послѣднихъ числахъ января въ Валансѣ, и приводятъ этотъ фактъ въ доказательство глубокаго коварства со стороны молодого поручика, задумавшаго обезпечить себѣ возможность дальнѣйшей карьеры и во Франціи, и въ Корсикѣ, смотря по тому, гдѣ окажется для него выгоднѣе. Принимая во вниманіе лѣта Наполеона, можно было бы столь же удовлетворительно объяснить поѣздку его въ Валансъ сердечными дѣлами, на которыя онъ намекаетъ въ упомянутомъ уже своемъ разсужденіи о любви. Во всякомъ случаѣ, онъ очень недолго пробылъ въ отсутствіи. Серьезныя разногласія между французскимъ національнымъ собраніемъ и исполнительною властью, проявились, между прочимъ, и относительно Корсики въ весьма некрасивой попыткѣ, произведенной въ мартѣ мѣсяцѣ. 18 марта неожиданно появилась въ виду Сенъ-Флорана французская флотилія подъ начальствомъ Рюлли, пламеннаго роялиста, состоявшаго долгое время на службѣ въ Корсикѣ. У него имѣлись тайныя инструкціи забрать съ собою всѣ французскія войска и предоставить Корсику собственной ея участи. Выполненіе этихъ инструкцій оказалось бы тяжкимъ ударомъ для республиканцевъ въ національномъ собраніи. Можно было ожидать, что съ прекращеніемъ оккупаціи непримиримая фракція корсиканскихъ патріотовъ произведетъ возстаніе, одержитъ верхъ надъ сторонниками Франціи, призоветъ на помощь англичанъ, и такимъ образомъ уменьшитъ на единицу число демократическихъ департаментовъ. Могло случиться также, что генуезская республика сочтетъ тогда удобнымъ вмѣшаться въ корсиканскія дѣла и предъявить снова свои права на верховное владычество надъ Корсикой. Болѣе умѣренная фракція патріотовъ въ Санъ-Флоранѣ не дала себя однако провести. Между гражданами и войсками

возникли рѣзкія, бурныя препирательства относительно умѣстности повиноваться подобнымъ приказаніямъ. Обѣ стороны дошли при этомъ до крайней степени возбужденія. Дѣло дошло до столкновенія между горожанами и войсками, при которомъ самъ Рюлли былъ убитъ. Найденные при немъ документы доказали, что его единомышленники съ радостью предоставили бы Корсику собственной ея участи. Съ этой минуты корсиканскіе младо-патріоты стали обнаруживать большую чѣмъ когда-либо преданность Паоли, такъ какъ выполненіе ихъ собственныхъ плановъ становилось мыслимымъ лишь при посредствѣ его ходатайства передъ французскимъ національнымъ собраніемъ.

Разногласіе въ мнѣніяхъ относительно принциповъ и средствъ къ осуществленію таковыхъ, какъ въ общихъ чертахъ, такъ и въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ, доходило до такой степени, что рѣшительно все въ данную минуту во Франціи находилось какъ бы въ хаотическомъ состояніи. 16 апрѣля поручикъ Буонапарте ходатайствовалъ о продленіи ему отпуска до будущаго октября мѣсяца, ссылаясь на то, что здоровье его все еще плохо и требуетъ „вторичного“ пользованія орецкими минеральными водами, которыя, будто бы, очень помогаютъ въ случаяхъ упорной лихорадки. Пользовался-ли онъ когда-нибудь на самомъ дѣлѣ орецкими водами или нѣтъ, сказать утвердительно нельзя. Несомнѣнно, однако, что лихорадка у него еще не прошла, хотя, съ другой стороны, трудно опредѣлить, въ какой именно степени страдалъ отъ нея его организмъ. Можетъ быть, что болѣзнь Наполеона дѣлала его неспособнымъ къ выполненію служебныхъ обязанностей въ полку, но во всякомъ случаѣ она не мѣшала ему упражняться въ литературной дѣятельности и заниматься политической агитаціей.

20 мая поручику Буонапарте было сообщено, что его просьба уважена. Исторія Корсики подверглась тогда окончательному пересмотру и была снабжена новымъ посвященіемъ, которое, съ нѣсколькими первыми главами, было препровождено по почтѣ къ Рейналю. Жозефъ, назначенный членомъ депутаціи, посланной встрѣтить Паоли, долженъ былъ проѣздомъ черезъ Марсель передать Рейналю окончаніе «Исторіи», если бы аббатъ пожелалъ ознакомиться съ таковымъ. Текстъ этого злополучнаго историческаго произведенія не подвергся на этотъ разъ существеннымъ измѣненіямъ. Авторъ руководствовался, повидимому, убѣжденіемъ, что исторія вездѣ и всюду является лишь послѣдовательностью великихъ именъ, а потому должна имѣть скорѣе характеръ отдѣльныхъ біографій, чѣмъ связнаго, послѣдовательнаго разсказа. Посвященіе, приложенное къ „Исторіи Корсики“, представляетъ собою, однако, новый шагъ на трудномъ пути къ большей опредѣлительности мышленія и болѣе удовлетворительному способу выраженія мыслей. Также и въ прибавленіяхъ къ „Исторіи“ содержатся среди множества общихъ мѣстъ и незрѣлыхъ сужденій нѣкоторыя здравыя и хорошо выработанныя мысли. Страстное увлеченіе Буонапарте такимъ ребячествомъ, какимъ являлся въ сущности его историческій трудъ, имѣло въ данномъ случаѣ опять характеръ заблужденія геніаль-

наго человѣка, не выяснившаго себѣ своего истиннаго призванія, и не было на этотъ разъ загрязнено стремленіемъ къ денежнымъ барышамъ, которое передъ тѣмъ играло въ немъ видную роль. Мы не знаемъ въ точности тогдашняго финансоваго положенія Буонапарте, но такъ или иначе оно должно было сравнительно улучшиться. Такимъ только образомъ и можно объяснить многочисленныя и дорого стоившія путешествія, которыя онъ предпринималъ. Разсказываютъ также, что въ это время у него водились въ карманѣ деньги. Извѣстно, что въ завѣщаніи, составленномъ Наполеономъ на островѣ св. Елены, онъ отказалъ 100.000 франковъ своему родственнику, „который былъ въ Аяччіо первымъ городскимъ главою, выбраннымъ самимъ народомъ“. Можетъ быть, что этотъ пунктъ завѣщанія обусловливался благодарнымъ воспоминаніемъ о субсидіяхъ, которыя молодой поручикъ получалъ въ былое время отъ своего родственника. Существуетъ, однако, и другое правдоподобное объясненіе. Демократическій клубъ въ Аяччіо рѣшилъ отправить къ Паоли депутацію (въ составъ которой вошелъ и Жозефъ Буонапарте), чтобы сопровождать его изъ Франціи въ Корсику. На покрытіе путевыхъ издержекъ депутаціи муниципалитетъ предложилъ мѣстной духовной семинаріи раскошелиться, и она, скрѣпя сердце, вынула изъ своего сундука болѣе 2.000 франковъ. Наполеонъ могъ позаимствоваться нѣкоторой частью суммы, ассигнованной его брату. Если дѣло происходило именно такимъ образомъ, то это напомнило бы намъ, разумѣется, не безъ нѣкоторой натяжки, о томъ, что случилось нѣсколько лѣтъ спустя, когда голодные оборванцы, служившіе въ войскахъ республики, двинулись подъ предводительствомъ Наполеона въ плодоносныя долины Ломбардіи.

Презрительное отношеніе корсиканскихъ либераловъ къ католицизму значительно охладило къ нимъ симпатіи суевѣрнаго простонародья. Однажды самъ Наполеонъ подвергся на городской площади въ Аяччіо оскорбленіямъ со стороны процессіи организованной для демонстраціи противъ образа дѣйствій національнаго собранія въ вопросѣ о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ. Одинъ изъ немногихъ роялистовъ, оставшихся еще на службѣ въ корсиканскомъ департаментѣ, воспользовался отсутствіемъ порядка и опредѣленной власти, чтобы откровенно выразить свое мнѣніе о поступкахъ означеннаго собранія. Его арестовали и предали въ Аяччіо суду, гдѣ онъ былъ, однако, оправданъ, такъ какъ судья оказался тоже сочувствующимъ его принципамъ. Либералы тогда серьезно встревожились. Ихъ клубъ и должностныя лица, принадлежавшія къ либеральной партіи, сперва протестовали противъ оправдательнаго приговора, а затѣмъ рѣшились, прикрываясь авторитетомъ національнаго собранія, перейти сами въ наступленіе. Казалось, что явился удобный случай послѣдовать примѣру большинства французскихъ городовъ. Для этого надлежало только организовать изъ собственной своей среды самостоятельную мѣстную администрацію, захватить съ помощью національной гвардіи городскую цитадель и посадить ненавистныхъ роялистовъ въ тюрьму. Приготовленія къ этой революціонной вспышкѣ велись, однако, слишкомъ уже

открыто. Губернаторъ города и большинство его пріятелей своевременно укрылись въ цитадель и сняли подъемный мостъ, соединявшій ее съ городомъ. Агитаторамъ удалось арестовать всего

Свиданіе Бонапарта съ Паоли (въ Ростино, 9-го Сентября 1790 г.). Рис. Эрика Папа.

лишь четырехъ своихъ враговъ, въ томъ числѣ оправданнаго роялиста, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, судью и одного изъ офицеровъ французскаго гарнизона. Ничтожность достигнутыхъ результатовъ вызвала среди радикаловъ такое раздраженіе, что они оказывались не прочь сорвать его на злополучныхъ арестантахъ. Жизнь ихъ была спасена лишь благодаря заступничеству офицеровъ ополченія. Французскій гарнизонъ на самомъ дѣлѣ сочувствовалъ Буонапарте и его пріятелямъ, а потому не соглашался сдѣлать вылазку и подавить революціонное движеніе силою оружія. Ссылаясь на свои симпатіи къ либеральному движенію, солдаты потребовали освобожденія ихъ офицера. Волненіе, наконецъ, улеглось. Главные зачинщики революціонной попытки были приговорены къ заключенію въ тюрьму, или изгнанію изъ Аяччіо. Французская администрація въ этомъ городѣ могла, однако, съ тѣхъ поръ разсчитывать на самую энергическую поддержку не только со стороны должностныхъ лицъ, но и преданнаго католицизму простонародья съ священниками во главѣ.

Столь неудачный результатъ революціоннаго движенія являлся для Наполеона Буонапарте вторичнымъ пораженіемъ. Молодой поручикъ держался наготовѣ принять на себя, при первомъ удобномъ случаѣ, роль верховнаго руководителя судьбами родного края, но обстоятельства сложились опять такимъ образомъ, что надежды на успѣхъ народнаго движенія, которое могло бы хотя на время обезпечить Корсикѣ самостоятельность и доставить самому Буонапарте главное начальство надъ корсиканскими войсками, совершенно рушились. Нисколько не смущаясь этимъ, Наполеонъ повѣсилъ саблю опять на стѣнку и взялся за перо, чтобы написать прокламацію, оправдывавшую образъ дѣйствій городскихъ властей. Онъ самъ и другіе руководители революціонной вспышки, въ томъ числѣ и городской голова, не побоялись подписать этотъ документъ. Въ прокламаціи Наполеона рѣзко осуждаются сочувствующіе прежнему порядку вещей во Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней восхваляется національное собраніе и все, что имъ было сдѣлано. Проклиная тѣхъ, кто продалъ Корсику Франціи, которая могла предложить несчастному острову лишь конецъ цѣпи, сковывавшей ее самоё, патріоты города Аяччіо предупреждаютъ враговъ новой конституціи о невозможности долго торжествовать надъ либеральными принципами. Въ прокламаціи заявляется о желательности идеальнаго самоуправленія, которое могла бы обезпечить неудавшаяся, къ сожалѣнію, попытка. Она не нуждалась, впрочемъ, ни въ какихъ оправданіяхъ, такъ какъ являлась только стремленіемъ къ осуществленію принциповъ новой конституціи. Въ этой прокламаціи обнаруживалась таже энергія мысли, подобное же лишь съ трудомъ сдерживаемое бѣшеное возбужденіе чувства,—такая же пламенная реторика и безсвязность выраженія, какъ и въ предшествовавшемъ протестѣ демократическаго клуба, вышедшемъ также изъ подъ пера Наполеона. Оба документа проникнуты двумя вдохновляющими элементами: метафизикой восемнадцатаго вѣка

и могучей, необработанной еще должнымъ образомъ энергіей самого автора. Понятно, что послѣ такой прокламаціи настроеніе умовъ въ Аяччіо не сдѣлалось миролюбивѣе и спокойнѣе. Волненія продолжались, и дѣло дошло даже до маленькаго столкновенія между гарнизономъ и гражданскими властями.

При такихъ обстоятельствахъ немудрено, если въ Аяччіо и католики, и военные ненавидѣли поручика Буонапарте и считали его подозрительнымъ. Несмотря на то, что онъ числился офицеромъ французской военной службы, всѣ въ Корсикѣ считали его просто-на просто корсиканскимъ революціонеромъ. Среди своихъ единомышленниковъ онъ неуклонно продолжалъ отличаться пламеннымъ, свободомыслящимъ патріотизмомъ. Онъ самъ составилъ и прочелъ адресъ, поднесенный городомъ Аяччіо Паоли, съ которымъ ему суждено было встрѣтиться лишь нѣсколько позже. Съ прибытіемъ великаго освободителя давленіе французской администраціи ослабѣло, и немногіе корсиканцы, разбогатѣвшіе на королевской службѣ, перестали задирать носъ. Національное собраніе окончательно восторжествовало надъ прежнимъ порядкомъ вещей, и новый корсиканскій департаментъ долженъ былъ получить такую же организацію, какъ и всѣ прочіе департаменты. Немедленно приняты были мѣры къ тому, чтобы подъ эгидой временныхъ властей приступить къ выборамъ мѣстной администраціи въ духѣ новой правительственной системы. Выборы эти имѣли для Корсики въ высшей степени важное значеніе, такъ какъ отъ нихъ должна была непосредственно зависѣть ея будущность.

Въ странахъ, обладающихъ чисто демократическимъ строемъ, избиратели собираются на сходки, чтобы совѣщаться другъ съ другомъ и достигать такимъ образомъ общихъ рѣшеній. Подобный характеръ имѣли мѣстныя корсиканскія окружныя сходки. Дѣло шло тамъ о выборѣ представителей въ центральное департаментское собраніе, долженствовавшее открыться въ Орецціѣ 9 сентября 1790 года. Въ числѣ представителей отъ Аяччіо были Жозефъ Буонапарте и Фешъ. Цѣлебными водами, которыми Наполеонъ особенно пламенно желалъ пользоваться въ Орецціѣ, были именно засѣданія департаментскаго собранія. По молодости лѣтъ онъ самъ не могъ быть туда выбранъ, но тѣмъ не менѣе рѣшился присутствовать въ Орецціѣ для того, чтобы вліять на ходъ совѣщаній. Всѣ трое родственниковъ ѣхали въ Орецціу вмѣстѣ. Жозефъ восхищался живописными мѣстностями, а Наполеонъ изучалъ ихъ стратегическое значеніе. Надлежало проѣхать, между прочимъ, черезъ деревню Ростино, которую Паоли избралъ временной своей резиденціей. Онъ руководился при этомъ обычной своей совѣстливостью, не дозволявшей ему въ данномъ случаѣ явиться въ Орецціо и присутствіемъ своимъ тамъ лично вліять на ходъ событій. Въ Ростино впервые свидѣлись другъ съ другомъ оба великихъ корсиканца: человѣкъ идеи и человѣкъ дѣйствія. Безъ сомнѣнія, Паоли очень хотѣлось склонить на свою сторону такую вліятельную семью, какъ Буона-

парте, фактическимъ главой которой являлся столь пламенный патріотъ. Какъ бы ни было, онъ пригласилъ трехъ молодыхъ людей осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ поле роковой битвы при Понте-Нуово. Если Наполеону, дѣйствительно, хотѣлось командовать корсиканской національной гвардіей, которой теперь суждено было, безъ сомнѣнія, получить надлежащую организацію и вооруженіе, то онъ, вѣроятно, старался заручиться расположеніемъ единственнаго человѣка, способнаго выполнить такое желаніе. Императоръ Наполеонъ въ воспоминаніяхъ, которыя диктовалъ въ послѣдніе годы своей жизни, говоритъ о своемъ свиданіи съ Паоли и утверждаетъ, что въ бесѣдѣ о людяхъ и событіяхъ, завязавшейся по поводу сраженія при Понте-Нуово, Паоли призналъ въ немъ человѣка стариннаго типа, въ жанрѣ древнихъ героевъ Плутарха.

Засѣданія учредительнаго собранія въ Орецдѣ длились ровно мѣсяцъ и не представляли почти никакихъ важныхъ инцидентовъ, кромѣ перваго появленія Наполеона на ораторской трибунѣ. Онъ не имѣлъ законнаго права говорить рѣчи, но для него сдѣлано было исключеніе изъ общаго правила. Молодой поручикъ первоначально смутился, но вскорѣ оправился и подъ конецъ вызвалъ рукоплесканія слушателей. Неизвѣстно, что именно говорилъ при этомъ случаѣ Наполеонъ, но онъ говорилъ по итальянски и выполнилъ свое намѣреніе играть хотя нѣкоторую роль въ событіяхъ такой первостепенной важности для его родины. Обѣ фракціи корсиканскихъ патріотовъ принимали дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ учредительнаго собранія. Изъ Корсики организованъ былъ всего одинъ департаментъ. Предсѣдателемъ департаментскаго управленія и главнокомандующимъ національною гвардіей выбранъ былъ Паоли, который, благодаря совмѣщенію этихъ должностей, становился фактически опять диктаторомъ. Онъ неохотно согласился принять это избраніе, но категорически отказался отъ ежегодной пенсіи въ 50.000 франковъ и отъ сооруженія въ честь его статуи, хотя эти рѣшенія и были почти единодушно вотированы собраніемъ. Фракція паолистовъ провела избраніе: каноника Бельче — товарищемъ предсѣдателя, Панатери — секретаремъ, Арены — замѣстителемъ Саличетти, Поццо ди Борго и Джантили — членами департаментскаго управленія. Колонна, одинъ изъ корсиканскихъ депутатовъ въ національномъ собраніи, былъ тоже избранъ въ число директоровъ департамента. Фракція младо-патріотовъ, или младо-корсиканцевъ, какъ ихъ вѣроятно назвали бы теперь, имѣла представителями въ департаментскомъ управленіи своего делегата и вождя Саличетти, который былъ избранъ уполномоченнымъ на мѣсто Буттафуоко, а также директоровъ Мультедо, Джантили и Помпеи. Въ данную минуту, однако, вся Корсика воплощалась, если можно такъ выразиться, въ Паоли. Правда, что младо-корсиканцы заручились какъ будто нѣкоторымъ вліяніемъ на управленіе, но это вліяніе было скорѣе кажущимся. Когда собранію предложено было вотировать порицаніе образу дѣйствій Буттафуоко и Перетти, обнаружилось нѣкоторое

разногласіе, не имѣвшее, однако, существеннаго значенія и свидѣтельствовавшее лишь о существованіи политическихъ теченій также и противоположнаго характера. Какъ бы ни было, Поццо ди Борго и Джантили было поручено заявить національному собранію о сочувствіи корсиканцевъ его стремленіямъ и реформамъ, являвшимся воплощеніемъ этихъ стремленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были заручиться какъ разрѣшеніемъ организовать корсиканскую національную гвардію, такъ и средствами, необходимыми для ея снаряженія, вооруженія и уплаты ей жалованья.

Наполеону было, разумѣется, обидно, что такое важное порученіе было возложено не на его брата Жозефа Буонапарте. Для того-ли, чтобы разсѣять дурное расположеніе духа, или-же задаваясь болѣе дальновидными цѣлями, онъ въ то время, когда не присутствовалъ на совѣщаніяхъ, совершалъ въ окрестностяхъ Ореццы маленькія прогулки, имѣвшія на самомъ дѣлѣ характеръ искусной агитаціи. Наполеонъ посѣщалъ при этомъ преимущественно хижины бѣдняковъ и, частью благодаря врожденной способности нравиться, частью же благодаря дипломатическому такту, склонялъ къ себѣ ихъ сердца и знакомился съ самыми затаенными ихъ чувствами. Кошелекъ Наполеона, въ то время полный деньгами, оказывался открытымъ для щедротъ, производившихъ глубокое впечатлѣніе на его соотечественниковъ. Состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль были въ продолженіи многихъ уже лѣтъ воспрещены, такъ какъ признавалось опаснымъ развивать у корсиканцевъ умѣнье владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. Пользуясь возвращеніемъ острову самоуправленія, Наполеонъ добился возстановленія многихъ старинныхъ сельскихъ празднествъ, наиболѣе выдающеюся чертою которыхъ были такія состязанія, причемъ назначалъ изъ собственныхъ своихъ денегъ призы лучшимъ стрѣлкамъ изъ деревенской молодежи.

Буонапарте до такой степени удалось ознакомиться этимъ путемъ съ воззрѣніями народной массы и, если можно такъ выразиться, съ біеніемъ ея пульса, что это послужило ему на всю жизнь хорошимъ урокомъ. Вскорѣ послѣ того онъ продѣлалъ тотъ же экспериментъ въ окрестностяхъ Валанса и затѣмъ до самаго конца своей карьеры всегда искалъ сближенія съ людьми, принадлежавшими къ низшимъ классамъ населенія. Это не только обезпечивало ему популярность, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставляло и въ высшей степени цѣнныя указанія относительно настроенія духа народныхъ массъ.

Характерныя черты тогдашняго Наполеона.

По возвращеніи въ Аяччіо молодой агитаторъ продолжалъ по прежнему посѣщать свой клубъ. Рѣшительный шагъ, сдѣланный въ Ореццѣ учредительнымъ собраніемъ, лишившимъ Буттафуоко должности корсиканскаго уполномоченнаго, вызвалъ у занимавшейся политикою молодежи новый приливъ негодованія противъ

этого „измѣнника“ родному краю. Негодованіе это еще болѣе возросло, когда выяснилось, что, принимая делегатовъ корсиканскаго учредительнаго собранія, французское національное собраніе, руководимое Мирабо, отнеслось къ Буттафуоко съ самымъ подавляющимъ презрѣніемъ. Памфлетъ Буонапарте, направленный противъ Буттафуоко, былъ снова прочитанъ въ клубѣ демократовъ въ тотъ самый вечеръ, когда были получены такія благопріятныя вѣсти изъ Парижа. Онъ былъ встрѣченъ взрывомъ восторженныхъ рукоплесканій, и клубъ постановилъ безотлагательно его напечатать. Это было для молодого поручика первымъ успѣхомъ на литературномъ поприщѣ. Ноябрь приближался къ концу, а между тѣмъ срокъ его отпуска истекъ 15 октября. Какое было до этого дѣло самонадѣянному начинавшему литератору? Одному изъ его произведеній предстояло безотлагательно появиться въ печати, а въ тоже время онъ почти заканчивалъ уже другое, мысль о которомъ запала ему въ душу, по всѣмъ вѣроятіямъ, тогда, когда деньги въ кошелькѣ начали истощаться. Быть можетъ, удастся выпустить въ свѣтъ одновременно оба сочиненія, если второе будетъ встрѣчено съ такимъ же сочувствіемъ, какъ и первое! Правда, что присяжные, долженствовавшіе произнести на этотъ разъ приговоръ, оказывались совершенно иными, чѣмъ тѣ, которые одобрили первое литературное произведеніе. Это было уже не бурное собраніе молодыхъ пылкихъ политическихъ агитаторовъ, а общество пожилыхъ зрѣлыхъ людей, привыкшихъ къ спокойному критическому мышленію,—именно ліонская академія. Ей надлежало присудить премію въ 1.500 франковъ, назначенную еще въ 1780 году Рейналемъ за лучшее сочиненіе по вопросу: „Было ли открытіе Америки полезнымъ, или же вреднымъ для человѣческой расы? Если оно полезно, то какимъ образомъ лучше всего сохранить и пріумножить получающіяся отъ него выгоды, если же вредно, то какъ устранить возникающее изъ него зло?“ Американцамъ остается только пожалѣть, что почтенная академія рѣшила измѣнить тему и предложила вмѣсто того вопросъ: „Какія именно истины и идеи умѣстнѣе всего внѣдрять въ умы для надлежащаго споспѣшествованія счастью человѣчества?“

Изумительное сочиненіе Наполеона на эту замѣчательную тему было окончено въ декабрѣ мѣсяцѣ. Вездѣ и всюду: въ стилѣ, содержаніи и неточности ссылокъ оно носитъ слѣды безпечности, торопливости и чрезмѣрной самоувѣренности автора. „Вопросъ, о которомъ мнѣ предстоитъ разсуждать, Рейналь, достоенъ вашего рѣзца, но, не приписывая себѣ обладанія столь же хорошо закаленнымъ орудіемъ, я осмѣлился взяться за эту тему, ободряя себя мыслью, что вѣдь и я тоже граверъ“, пишетъ молодой поручикъ. Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе между Ликургомъ и Паоли. Счастье для насъ заключается въ томъ, чтобы жить соотвѣтственно съ нашей организаціей. Богатство является бѣдствіемъ, а право первородства—остаткомъ варварства. Эти тезисы обсуждаются еще довольно связно, а потому оказываются наиболѣе удовлетворительной частью сочиненія, значительная часть котораго

представляетъ собою хаотическую смѣсь безсодержательнѣйшей реторики съ напыщенными фразами, напоминающую мѣстами бредъ сумасшедшаго. Авторъ говоритъ, обращаясь къ Разуму: „Пусть при звукахъ твоего голоса замолчатъ враги природы и въ бѣшенствѣ проглотятъ змѣиныя свои жала". „Глаза Разума удерживаютъ человѣчество на краю бездны страстей. Рѣшенія его заставляютъ людей измѣнять также и степень сознанія своихъ правъ". „Какъ пожалѣлъ бы я о человѣкѣ, неспособномъ меня понимать и никогда не ощущавшемъ электричества природы". Тотъ фактъ, что эти фразы приведены здѣсь отрывочно, не только не искажаетъ ихъ смысла, но даже напротивъ того дѣлаетъ ихъ какъ бы менѣе туманными. Впослѣдствіи самъ авторъ счелъ нужнымъ предать огню рукопись сумасброднаго своего произведенія, но въ Ліонѣ найдена съ нея копія, снятая, вѣроятно, по распоряженію критика, который, не прочитавъ еще присланнаго ему на разсмотрѣніе литературнаго труда, полагалъ, что трудъ этотъ во всякомъ случаѣ написанъ человѣкомъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Существуютъ вѣсскія доказательства того, что эта копія въ точности сходна съ подлинникомъ. Можно только удивляться тому, что автору удалось выработать себѣ такой ясный, краткій и энергическій слогъ впослѣдствіи, когда его слова стали служить какъ бы дополненіемъ къ подвигамъ.

Между тѣмъ получилось извѣстіе о томъ, что французское національное собраніе не желаетъ организовать на островѣ Корсикѣ національную гвардію, а министерство съ своей стороны не обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ склонности къ принятію какихъ-либо мѣръ для того, чтобы обойти законъ. При такихъ обстоятельствахъ для молодого поручика становилось очевиднымъ, что всѣ его надежды сдѣлаться помощникомъ Паоли пошли прахомъ. По совѣту самого бывшаго директора, Буонапарте рѣшился снова уѣхать въ Францію и обождать тамъ дальнѣйшихъ событій.

Положеніе Корсики представлялось тогда далеко не завиднымъ. Французскій чиновникъ, командированный военнымъ министромъ для представленія доклада объ этомъ положеніи, указываетъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, на стремленіе къ независимости и на враждебное французамъ настроеніе ума корсиканскаго населенія. „Итальянцы, — говоритъ онъ, — уживаются съ существующимъ фактомъ, но ничего не прощаютъ и не забываютъ. Честолюбецъ не держитъ слово и считаетъ, что живетъ лишь тогда, когда приводитъ въ исполненіе властолюбивые свои замыслы". Онъ изображаетъ корсиканцевъ до того привыкшими къ анархіи за послѣднія сорокъ лѣтъ, что „они съ радостью ухватятся за первый же случай къ низверженію владычества законовъ, налагающихъ еще нѣкоторую узду на противниковъ общественнаго спокойствія и порядка. Фракція, къ которой принадлежалъ Буонапарте, имѣла во главѣ патріота Цампальини. Французскій чиновникъ называетъ этого патріота бандитомъ, а его сторонниковъ „презрѣннѣйшими людьми, лишившимися честнаго имени и всяческаго кредита".

Принимая во вниманіе оффиціальный характеръ этихъ заявленій, слѣдуетъ признать ихъ въ высшей степени лестнымъ комплиментомъ самому Паоли и его политическимъ единомышленникамъ. Они не обладали наличными денежными средствами и приняли на себя крупный долгъ, образовавшійся за время французской администраціи. Даже и теперь, въ эпоху преобразованій, многія завѣтныя ихъ мечты и намѣренія не осуществлялись, такъ какъ этому мѣшало присутствіе во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ французскихъ солдатъ и офицеровъ, которые, несмотря на связи, установившіяся у нихъ съ мѣстнымъ населеніемъ, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія на островѣ все-таки въ силу традицій и духа дисциплины, сохраняли прежнюю преданность оффиціальной бюрократіи. Могущество этой бюрократіи не было еще въ то время сломлено революціей. При такихъ обстоятельствахъ пламеннѣйшимъ желаніемъ всѣхъ корсиканскихъ патріотовъ являлась замѣна французскихъ войскъ хорошо организованной и вооруженной мѣстной національною гвардіей. Желаніе Наполеона играть выдающуюся роль въ дѣлѣ формированія корсиканскаго народнаго ополченія по образцу французской національной гвардіи само по себѣ не представляло ничего достойнаго порицанія. Тѣмъ не менѣе, французское правительство ни подъ какимъ видомъ не хотѣло дать свое согласіе на эту мѣру. Многократныя разочарованія, которыя приходилось разъ за разомъ испытывать Наполеону, сломили бы энергію обыкновеннаго заурядnаго человѣка. Юный поручикъ не терялъ, однако, бодрости духа. Въ портфелѣ Наполеона имѣлись рукописи собственныхъ его литературныхъ произведеній, одно изъ которыхъ онъ могъ напечатать, такъ какъ ему были отпущены на это необходимыя средства. Какъ нельзя лучше зная неурядицу, охватившую весь французскій государственный организмъ, въ томъ числѣ также и военное вѣдомство, поручикъ Буонапарте не придавалъ ни малѣйшаго значенія грозному приказу по арміи, отъ 2-го декабря 1790 года, направленному противъ офицеровъ, находившихся въ безвѣстной отлучкѣ. Ему было извѣстно, что этотъ приказъ имѣлъ непосредственно въ виду молодыхъ дворянъ, цѣлыми толпами покидавшихъ армію. Не падая духомъ, поручикъ Буонапарте отправился во Францію и выѣхалъ 1-го февраля 1791 года изъ Аяччіо. Онъ, по своему умственному складу, какъ нельзя лучше приспособился къ тому, чтобы пользоваться всѣми благопріятными случайностями, какія только могли представиться. Въ качествѣ хорошаго сына и брата, Наполеонъ и на этотъ разъ позаботился о своей семьѣ, положеніе которой нельзя сказать чтобы особенно улучшилось. Правда, что старшій братъ его Жозефъ, наконецъ, пристроился и могъ разсчитывать на дальнѣйшіе успѣхи въ служебной дѣятельности, но младшіе братья подростали и содержаніе ихъ обходилось дороже, а Люсьенъ не хотѣлъ воспользоваться предоставленной ему вакансіей пансіонера въ военной школѣ. Надлежало позаботиться также и о Луи, непосредственно слѣдовавшемъ за Люсьеномъ по старшинству. Наполеонъ рѣшился

поэтому взять Луи съ собою во Францію. У молодого поручика не было опредѣленныхъ плановъ, или хотя бы даже надеждъ помѣстить куда-нибудь своего брата и обезпечить ему хотя какое-либо образованіе, но онъ считалъ все-таки умѣстнымъ держать подростка брата при себѣ въ ожиданіи благопріятнаго случая. Тѣмъ временемъ Наполеонъ, не смотря на скудныя свои средства, старался доставить мальчику наилучшее воспитаніе и образованіе, какое только оказывалось возможнымъ при существующихъ обстоятельствахъ. Довѣріе, съ которымъ относился Луи къ старшему своему брату, являвшемуся для него единственнымъ прибѣжищемъ, само по себѣ совершенно понятно. Тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться стойкой рѣшимости и самоувѣренности двадцатилѣтняго Наполеона. По прибытіи въ Озоннъ поручикъ Буонапарте не былъ подвергнутъ взысканію за самовольную просрочку отпуска. Напротивъ того, начальство отнеслось къ нему очень благосклонно и нѣсколько позднѣе признало его даже достойнымъ производства въ слѣдующій чинъ. Братья ѣхали не спѣша,—останавливались на нѣкоторое время въ Марсели,—пробыли денекъ-другой въ Э, чтобы навѣстить пріятелей и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней странствовали по Дофине, въ окрестностяхъ Валанса. Поручикъ Буонапарте старался при этомъ сближаться съ поселянами (подобно тому, какъ дѣлалъ это на островѣ Корсикѣ) и собиралъ себѣ такимъ путемъ матеріалы для предположеній о дальнѣйшемъ ходѣ событій. Онъ опять началъ переписываться съ своимъ дядею Фешемъ и сообщалъ ему наиболѣе интересныя новости, преимущественно по части внутренней французской политики. Особенно обстоятельно разсказывалъ онъ о сформированіи во всѣхъ французскихъ городахъ патріотическихъ обществъ для совмѣстнаго дѣйствія съ цѣлью обезпечить выполненіе декретовъ національнаго собранія. Начинавшаяся такимъ путемъ „федерація въ пользу революціи“, какъ ее вообще называли, не замедлила охватить собою всю Францію, не исключая должностныхъ гражданскихъ и даже военныхъ сферъ. Многое изъ послѣдующаго объясняется присутствіемъ Наполеона тамъ, гдѣ она какъ разъ именно тогда зарождалась. Онъ прибылъ въ полкъ не ранѣе 13 февраля.

Несмотря на сравнительно кратковременное отсутствіе Буонапарте изъ Франціи, тамъ все, не исключая даже арміи, измѣнилось и продолжало измѣняться. Одна за другой производились полезнѣйшія реформы, каждая изъ которыхъ являлась уже сама по себѣ существенно важною. Производство въ низшихъ чинахъ должно было исключительно регулироваться старшинствомъ, въ высшихъ же—предоставлялось, кромѣ того, и на королевское усмотрѣніе. Вооруженныя силы Франціи дѣлились на регулярную армію, резервныя войска и національную гвардію. Ряды первыхъ двухъ по прежнему пополнялись рекрутами изъ добровольцевъ. Прежнія жандармскія команды, занимавшія привиллегированное положеніе, и многія другія старинныя, малопригодныя военно-полицейскія организаціи были упразднены, а взамѣнъ ихъ введена нынѣшняя система жандармеріи. Военные суды были тоже преобразованы,

военнымъ законамъ по возможности придавъ характеръ безпристрастія и нелицепріятія. Полки стали различаться по нумерамъ, вмѣсто прежнихъ прозвищъ по фамиліямъ шефовъ. Жалованье, пенсіи и награды опредѣлялись уставами, затруднявшими возможность выдвинуться, благодаря протекціи. При разработкѣ этой военной реформы заявляли о необходимости введенія всеобщей воинской повинности, но такую мѣру признали слишкомъ уже деспотической и потому отвергли. Въ національномъ собраніи происходили оживленныя пренія о томъ, кто именно въ новой системѣ государственнаго строя долженъ верховно распоряжаться военною силой. Не будучи въ состояніи разрѣшить удовлетворительнымъ образомъ этотъ вопросъ, французское народное представительство остановилось на компромиссѣ, который, въ качествѣ слабохарактерной полумѣры, въ значительной степени подорвалъ вліяніе Мирабо, являвшагося главнымъ виновникомъ ея принятія. Вообще весь трудъ военной коммиссіи былъ временно обезцѣненъ вкравшимися въ него двумя существенными недостатками: отсутствіемъ надежной системы рекрутскаго набора и властной руки, которая управляла бы всею военной организаціей.

Въ 1790 году, когда пришлось испытать новую французскую военную систему на дѣлѣ, она привела къ самымъ прискорбнымъ результатамъ. Къ тому времени всѣ европейскія монархіи съ неограниченною формой правленія были до чрезвычайности возбуждены противъ Франціи. Лишь горсть просвѣщенныхъ людей въ Англіи и еще меньшее число таковыхъ же людей въ другихъ странахъ сочувственно относились къ либеральнымъ французскимъ стремленіямъ. Недальновидный здравый смыслъ остальныхъ видѣлъ для Франціи впереди только одну гибель и все съ большимъ недовѣріемъ относился къ идеализму, лежавшему въ основѣ революціонныхъ увлеченій. Французскіе дворяне, не сочувствовавшіе реформамъ, продолжали толпами бѣжать за границу. Сосѣднія державы, подготовлявшіяся къ сопротивленію силою оружія распространенію революціи, поощряли ихъ къ такой преступной и безразсудной эмиграціи. Въ пограничныхъ пунктахъ устроены были агентства для вспомоществованія дезертирамъ, благодаря чему во французской арміи бѣгство изъ подъ знаменъ приняло ужасающіе размѣры. Къ началу 1791 года въ рядахъ ея обнаруживалась уже страшная убыль. О дисциплинѣ не было и рѣчи. Военное вѣдомство радовалось, если могло удержать на службѣ человѣка, сколько-нибудь способнаго командовать, или повиноваться. Средство къ выходу изъ этой неурядицы имѣлось, однако, тутъ же подъ рукою. Въ помѣченномъ отъ 8 января 1791 года письмѣ къ Фешу (часть котораго уже приведена) Наполеонъ, сообщая о своихъ наблюденіяхъ относительно образа мыслей простонародья, пишетъ: „Всюду, преимущественно же въ Дофине, крестьяне оказываются вполнѣ благонадежными. Я нашелъ у нихъ поголовную готовность защищать конституцію до послѣдней капли крови. Въ Валансѣ я встрѣтилъ народъ, одушевленный энергической рѣшимостью,—солдатъ-патріотовъ и офицеровъ-аристократовъ.

Впрочемъ, нѣтъ правила безъ исключеній и, между прочимъ, президентомъ патріотическаго клуба состоитъ капитанъ дю Корбо. Онъ служилъ въ полку Форе, стоящемъ теперь въ Валансѣ. Всѣ приходскіе священники въ Дофине приняли требуемую отъ нихъ конституціей присягу, надъ сѣтованіями же и протестами епископовъ здѣсь смѣются. Такъ называемое высшее общество на три четверти аристократы, т. е. притворяется сторонникомъ англійской конституціи. Женщины всюду роялистки. Это и не удивительно, такъ какъ Свобода, въ качествѣ болѣе очаровательной дамы, затмѣваетъ ихъ красоту".

Письмо это является изящнымъ и въ тоже время до чрезвычайности мѣткимъ, немногословнымъ очеркомъ подъема народнаго чувства, долженствовавшаго вскорѣ исправить всѣ недостатки и пополнить всѣ пробѣлы новой французской военной системы,— подчинить армію національному собранію, объявивъ ее вооруженнымъ народомъ,—сплотить регулярныя войска, резервы и національную гвардію въ одно общее цѣлое и доставить необходимую нравственную поддержку принципу общеобязательной воинской повинности.

Движеніе это оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ видамъ Наполеона Буонапарте. Вернувшись въ полкъ, онъ объявилъ, что со времени истеченія своего отпуска дважды пытался переправиться съ острова Корсики во Францію. Представивъ въ подтвержденіе этого свидѣтельство мѣстныхъ властей города Аяччіо, онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему жалованья за все время безъ всякихъ вычетовъ. Ходатайство это было удовлетворено. Трудно рѣшить, въ какой именно степени заслуживали довѣрія заявленія Наполеона и подтверждавшіе ихъ документы. Возможно, что и тѣ, и другіе имѣли только характеръ болѣе или менѣе правдоподобнаго поддѣлыванія истины. У Наполеона къ тому времени развилась привычка выражаться казуистически, такъ что его слова могли быть истолкованы на нѣсколько ладовъ. Интереснымъ образчикомъ этого служитъ письмо, посланное имъ тогда въ Шалонъ къ одному знакомому, съ которымъ Жозефъ Буонапарте состоялъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Въ письмѣ этомъ содержится фраза, которую можно истолковать въ томъ смыслѣ, что Жозефъ „разсчитываетъ въ будущемъ году явиться въ качествѣ депутата въ національное собраніе". Это толкованіе слѣдуетъ признать и на самомъ дѣлѣ правильнымъ, такъ какъ Жозефъ, несмотря на то, что еще не достигъ установленнаго закономъ возраста, засѣдалъ уже въ корсиканскомъ учредительномъ собраніи. Фраза эта, однако, позволяетъ также заключить, будто Жозефъ состоитъ уже депутатомъ и разсчитываетъ въ будущемъ году навѣстить своего пріятеля. (Qui espère venir lui-même l'année prochaine, député á l'Assemblée nationale, renouveller votre connaissance).

Поручику Буонапарте пришлось вскорѣ разстаться съ своимъ полкомъ. Онъ прибылъ туда 13-го февраля, а 14-го іюня снова его покинулъ. Принимая въ разсчетъ эти четыре мѣсяца, най-

демъ, что молодой корсиканецъ прослужилъ въ артиллерійскомъ полку Ла-Фера пять лѣтъ и девять мѣсяцевъ, но большую половину этого времени онъ провелъ въ отлучкахъ: частью съ разрѣшенія, частью же безъ разрѣшенія начальства. Неизвѣстно, имѣлись-ли у него въ полку (за время пребыванія въ Озоннѣ) какіе-либо пріятели. Во всякомъ случаѣ, надо полагать, что они были немногочисленны. Товарищамъ поручика Буонапарте, безъ сомнѣнія, надоѣло нести за него службу. Кромѣ того, между Наполеономъ и другими офицерами его полка существовала такая большая разница во вкусахъ, политическихъ стремленіяхъ и матеріальномъ положеніи, что имъ трудно было бы сойтись особенно коротко. Вернувшись въ Озоннъ, онъ за четырехмѣсячное тамъ пребываніе обзавелся нѣсколькими новыми пріятелями, но, вообще говоря, велъ по прежнему отшельническую жизнь. Вся мебель въ комнатѣ, которую онъ занималъ въ казармахъ, состояла изъ плохенькой кровати безъ занавѣсокъ, стола и двухъ стульевъ. Братъ Наполеона, Луи, спалъ на скамейкѣ въ маленькомъ сосѣднемъ чуланчикѣ. Оба брата не теряли бодрости духа, несмотря на то, что имъ приходилось отказывать себѣ во всяческихъ удовольствіяхъ, за исключеніемъ надежды, въ теченіе всего времени, пока Луи, при содѣйствіи Наполеона, подготовлялся къ экзамену на офицерскій чинъ. Молодой поручикъ старался по возможности сократить свои расходы, чтобы какъ-нибудь только одѣть и прокормить младшаго своего брата. Наполеонъ разсказываетъ, что самъ чистилъ тогда свой мундиръ и прочія принадлежности костюма, для того, чтобы они могли прослужить дольше. Ужинать ему зачастую приходилось однимъ только хлѣбомъ. Онъ никуда не ходилъ въ гости и посѣщалъ только политическій клубъ. Единственнымъ удовольствіемъ, которое онъ себѣ разрѣшалъ отъ времени до времени, являлась покупка какой-нибудь книги у мѣстнаго книгопродавца.

Само собой разумѣется, что за это время Наполеонъ Буонапарте не оставлялъ литературныхъ занятій и хлопоталъ о напечатаніи прежнихъ произведеній своего пера. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ были написаны двѣ коротенькія вещицы: „Бесѣда о любви“ и остроумныя „Размышленія объ естественномъ состояніи человѣка“. Здѣсь были уже приведены выдержки изъ обоихъ этихъ произведеній. Въ первомъ изъ нихъ Наполеонъ говоритъ о самомъ себѣ: „И я тоже когда-то любилъ!“ Это навряд-ли могло приключиться съ нимъ въ Аяччіо. По всѣмъ вѣроятіямъ, грустная исповѣдь относится ко временамъ пребыванія въ Валансѣ,—къ минувшей уже для юнаго корсиканца скоротечной эпохѣ наслажденія жизнью. Обликъ будущаго Наполеона смутно выступаетъ въ антитезѣ: „Я не только отрицаю любовь, но иду еще далѣе. Я считаю ее вредной для всего человѣчества вообще и для каждаго человѣка въ отдѣльности“. Въ своихъ разсужденіяхъ „Объ естественномъ состояніи человѣка“ Наполеонъ безпощадно разбиваетъ излюбленную гипотезу Руссо. Въ этомъ разсужденіи часто указывали на пророческое якобы заявленіе: „Съ тѣхъ поръ,

какъ Земля оказалась не въ силахъ безъ воздѣлыванія доставлять человѣку необходимое количество пищи, народились собственность и вызываемыя ею общественныя отношенія. Вскорѣ послѣ того возникли правительственныя учрежденія. Происходили разныя перемѣны... Руководителями толпы становились люди, обладавшіе самоуваженіемъ, неудержимой склонностью къ власти и гордостью. Нашлись блѣднолицые честолюбцы (самъ Наполеонъ или Поццо ди-Борго, прозванный „блѣднолицымъ)“, которые съумѣли захватить бразды правленія“.

Драгоцѣнныя рукописи, привезенныя изъ Корсики, были отосланы въ городъ Доль, къ единственному издателю, имѣвшемуся по сосѣдству. Онъ наотрѣзъ отказался печатать столько разъ уже пересмотрѣнную исторію Корсики. Что касается до другой рукописи, то она была издана иждивеніемъ демократическаго клуба въ Аяччіо, или же на собственныя деньги автора, ввидѣ тоненькой книженки (въ 22 страницы въ восьмую долю листа) подъ заглавіемъ: „Письмо Буонапарте къ Буттафуоко“.

Къ временамъ этого послѣдняго пребыванія Буонапарте въ Озоннѣ относятся также факты, бросающіе нѣкоторый свѣтъ на его отношенія къ религіи. Въ бытность Наполеона въ бріеннской военной школѣ, онъ исповѣдовался у католическаго патера, который послѣ того удалился на покой и переѣхалъ въ Доль. Извѣстно, что, сдѣлавшись первымъ консуломъ, Наполеонъ письменно изъявлялъ этому патеру свою признательность и закончилъ письмо слѣдующей фразой: „Безъ религіи не можетъ быть ни счастья, ни будущности. Прошу васъ молиться за меня“. Находясь въ Озоннѣ, Наполеонъ частенько хаживалъ пѣшкомъ къ достопочтенному патеру. Разсказываютъ также, что онъ шутя освѣдомился разъ у навѣстившаго его пріятеля: „Были-ли вы сегодня у обѣдни?“ и съ этими словами открылъ сундукъ, въ которомъ находилось полное священническое облаченіе. Полковой священникъ, бывшій, надо полагать, въ дружескихъ отношеніяхъ съ Наполеономъ, оставилъ ему этотъ сундукъ на храненіе. Наконецъ, именно въ эти мрачные, никогда не изгладившіеся изъ памяти Наполеона дни тяжкихъ испытаній, братъ его, Луи, тоже исповѣдовался и пріобщался Св. Тайнъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, по совѣту и съ согласія будущаго императора. Такимъ образомъ, хотя Наполеонъ и составлялъ вмѣстѣ съ Фешомъ докладную записку о необходимости привести всѣхъ священниковъ къ присягѣ въ вѣрности конституціи и хотя съ нимъ самимъ чуть не расправилось по свойски, какъ съ врагомъ церкви, корсиканское простонародье, онъ питалъ, повидимому, къ религіи и священству чувство глубокаго уваженія и почтенія.

Наполеонъ и революція.

Значеніе этой эпохи въ жизни Наполеона.—Революція въ долинѣ Роны.—Бонапартъ въ роли корсиканскаго якобинца.—Бонапартъ—французскій якобинецъ.—Якобинская эра.

Значеніе революціонной эпохи въ жизни Наполеона.

Извилистое теченіе жизни Наполеона за послѣдующіе четыре года (1791—1795) не описывалось сочувствовавшими ему біографами и даже не было, сколько можно судить, ими понято. Онъ самъ желалъ, чтобы его біографіи начинались съ возвращенія Тулона подъ владычество Конвента. Съ другой стороны, враги Наполеона излагали этотъ періодъ его жизни съ такой очевидной недобросовѣстностью, что безпристрастные читатели не могли останавливаться на этомъ. Тѣмъ не менѣе, означенный періодъ жизни Наполеона самъ по себѣ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ именно тогда многія изъ наиболѣе характерныхъ свойствъ и качествъ будущаго императора пріобрѣли закалку и выправку, которую сохранили потомъ на всю жизнь. Утлая ладья молодого поручика, увлеченная въ бурный океанъ политическаго хаоса, плавала тамъ, казалось, безъ руля и безъ вѣтрилъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ею управлялъ замѣчательно ловкій кормчій, какъ нельзя лучше знавшій, куда именно надлежитъ держать путь. Слѣдуетъ-ли приписать это игрѣ случая, или хорошо обдуманному плану, но несомнѣнно, что, съ точки зрѣнія искателя приключеній, инстинктъ, заставлявшій Наполеона пользоваться попутнымъ вѣтромъ благосклонности якобинцевъ, былъ настолько же безошибочнымъ, какъ и стремленіе замаскировать по возможности такой свой образъ дѣйствій впослѣдствіи, когда якобинцы возбудили къ себѣ общую ненависть.

Бонапартъ подполковникъ національной гвардіи.

Революція въ долинѣ Роны.

Реорганизація французской арміи вызвала въ первое время большое движеніе по службѣ, которое зачастую не обусловливалось личными заслугами офицеровъ, удостоивавшихся повышенія. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе бѣгства многихъ офицеровъ за-границу открылась масса вакансій, заставлявшая дорожить каждымъ хоть сколько-нибудь пригоднымъ офицеромъ. При такихъ обстоятельствахъ поручикъ Буонапарте былъ произведенъ (около 1 іюня 1791 года) въ штабсъ-капитаны, съ назначеніемъ ему годичнаго жа-

лованья въ 1300 франковъ и переведенъ въ четвертый артиллерійскій полкъ, расположенный въ Валансѣ. Извѣстіе это вызвало у Наполеона смѣшанное чувство радости и недовольства. Ему, разумѣется, улыбалось производство въ слѣдующій чинъ, но онъ вовсе

Бонапартъ. Подполковникомъ во второмъ баталіонѣ Корсиканской Національной гвардіи
Съ картины Филиппото (въ Версальскомъ музеѣ).

не былъ расположенъ возвращаться въ Валансъ. Ссылаясь на неудобства, которыя могутъ возникнуть для воспитанія Луи, въ случаѣ перевода туда изъ Озонна, Наполеонъ обратился въ военное министерство съ просьбой о разрѣшеніи остаться въ прежнемъ полку. Вѣроятно, истинной причиной нежеланія Наполеона

вернуться въ Валансъ являлось опасеніе, что пребываніе тамъ растравитъ сердечныя раны, которыя время уже нѣсколько залечило. Военное министерство оказалось, однако, неумолимымъ, и 14-го іюня оба брата выѣхали изъ Озонна, причемъ Наполеонъ впервые еще въ жизни оставилъ за собою неуплаченные долги. Онъ задолжалъ около ста пятнадцати франковъ за дрова, за шпагу и портпому.

По прибытіи въ Валансъ, штабсъ капитанъ Буонапарте не нашелъ уже тамъ прежняго высшаго общества. Мѣстный епископъ и аббатъ Сенъ Руфъ оба скончались. Г-жа дю-Колонбье уѣхала съ дочерью въ свое помѣстье. Наполеонъ и его братъ могли, поэтому жить въ Валансѣ совершенно такимъ же образомъ, какъ и въ Озоннѣ. Луи продолжалъ готовиться къ экзамену на офицера. Наполеонъ давалъ брату уроки и посѣщалъ политическій клубъ. Имъ приходилось жить въ бѣдности, и по всѣмъ вѣроятіямъ, выносить лишенія, такъ какъ жалованье офицерамъ стали вскорѣ уплачивать крайне неаккуратно. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Наполеонъ радовался, что ему не приходилось поддерживать въ Валансѣ прежнія знакомства. Онъ сближался теперь единственно только съ людьми средняго и низшаго сословія, имущественное положеніе которыхъ болѣе походило на его собственное и политическія воззрѣнія которыхъ онъ вполнѣ раздѣлялъ.

Лѣтомъ 1791-го года для Франціи почти уже миновала первая фаза преобразованій. Періодъ умѣренности и сдержанности въ реформахъ заканчивался. Національное собраніе поняло величіе задачи, выпавшей на его долю, но не уяснило въ достаточной степени ея сущность и оказалось не въ состояніи дать себѣ отчета въ послѣдствіяхъ составленной имъ новой конституціи. Народъ въ достаточной степени освоился съ понятіемъ о королѣ, какъ главѣ исполнительной власти, но до сихъ поръ исполнительная власть была въ то же время и законодательной. Поэтому ни самъ Людовикъ XVI, ни его народъ не знали хорошенько, какимъ именно образомъ долженъ король повиноваться народной волѣ. Между тѣмъ королю, воспитанному въ школѣ неограниченнаго самодержавія, не дозволялось по конституціи ни въ чемъ проявлять монаршей воли. Въ свою очередь народъ долженъ былъ отдавать властныя свои приказанія чрезъ посредство одной палаты, способной поддаваться массовымъ увлеченіямъ,—палаты, которую не сдерживала никакая другая власть, надѣленная правомъ налагать абсолютное вето на рѣшеніе народнаго представительства. Сознаніе отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ тоже не могло служить уздою для многочисленнаго собранія, постановляющаго свои рѣшенія большинствомъ голосовъ. Согласованіе функцій исполнительной и законодательной власти становилось при такихъ условіяхъ до чрезвычайности затруднительнымъ, а между тѣмъ его надлежало во что бы ни стало достигнуть при обстановкѣ самой неблагопріятной, какую только можно себѣ представить.

Уже за годъ передъ тѣмъ, осенью, голодъ, если можно такъ

выразиться, стучался въ двери Франціи. Низшіе классы парижскаго населенія бѣдствовали и глухо волновались. Въ Версали, напротивъ того, царило изобиліе, и этотъ контрастъ еще болѣе усиливался безце-

Элиза, старшая сестра Наполеона Бонапарта, принцесса Піомбинская, великая герцогиня Тосканская, графиня Компиньяно.
Съ картины Прюдона.

ремонностью, съ какою онъ выставлялся напоказъ. Дѣло въ томъ, что французской королевской фамиліи измѣнилъ одинъ изъ ея членовъ, презрѣнный Филиппъ Эгалите, старавшійся побудить къ

бунту подонки общества, въ надеждѣ, что неурядица, которая при этомъ произойдетъ, выдвинетъ его самого къ кормилу правленія. Голодающій Парижъ, возбужденный слухами, которые распространялъ герцогъ Орлеанскій и взятками, которыя онъ разсыпалъ щедрою рукою, двинулся 6-го октября съ Лафайетомъ во главѣ къ воротамъ королевской резиденціи, чтобы обратить вниманіе монарха на контрастъ между страданіями столичнаго населенія и роскошью, въ которой утопали придворные челядинцы. Людовикъ XVI и національное собраніе уступили передъ этой угрозой. Королевскій дворъ вернулся въ Парижъ. Разногласія въ области внутренней политики сдѣлались жарче и ожесточеннѣе. Парижская чернь, не смотря на отсутствіе у нея сколько-нибудь опредѣленныхъ воззрѣній, становилась все болѣе могущественнымъ факторомъ. Клубъ якобинцевъ началъ вскорѣ пріобрѣтать тоже все болѣе сильное вліяніе, и по мѣрѣ того, какъ росло это вліяніе, онъ склонялся все болѣе на сторону крайнихъ революціонныхъ стремленій.

Въ теченіе долгой томительной зимы народныя массы въ Парижѣ оставались, однако же, въ спокойномъ выжидательномъ положеніи. Произносились рѣчи самаго зажигательнаго характера, но отъ словъ не переходили еще къ дѣлу, такъ какъ національное собраніе продолжало усердно заниматься разрѣшеніемъ своей задачи и выработывало для Франціи конституцію, которая, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, казалась дѣйствительно великолѣпной. Къ несчастью, постановленія этой конституціи не состояли ни въ малѣйшей связи съ политическими обычаями французскаго народа. Выработавшіе ее законодатели не сочли нужнымъ руководствоваться опытомъ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, являвшихся тогда единственными державами съ либеральною формой правленія. Феодальныя привиллегіи, границы и наименованія областей были упразднены,—вся Франція раздѣлена на административные департаменты, обладавшіе вмѣсто историческихъ границъ географическими. Казалось совершенно естественнымъ, что церковныя имущества, владѣльцы которыхъ могли разсматриваться единственно лишь какъ опекуны, подвергнутся подобному же процессу секуляризаціи. Могущество аристократіи и прелатовъ было такимъ образомъ сломлено однимъ росчеркомъ пера. Конституція отняла у короля всяческую инціативу, предоставивъ ему только право временно пріостанавливать своимъ вето выполненіе рѣшеній народнаго представительства. Реформа судопроизводства подорвала также могущественное нѣкогда вліяніе судебнаго сословія. Всѣ виды опеки, къ которымъ народъ привыкъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, рушились разомъ. Народъ почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ власти короля, аристократіи, духовенства и магистратуры. Не пріученный къ самообладанію, онъ проявилъ такую-же способность къ сумасброднымъ увлеченіямъ, какую обнаруживали германскіе анабаптисты послѣ реформаціи, или же англійскіе сектанты послѣ того, какъ совершена была казнь надъ королемъ Карломъ I.

„Мы уже упоминали о безпорядкахъ въ Озоннѣ и другихъ мѣстностяхъ,—объ эмиграціи дворянства,—окончательномъ разрывѣ, происшедшемъ въ Дофинэ между приходскими священниками и епископами. Тоже самое происходило повсемѣстно во Франціи. Когда 14-го іюля король подписалъ конституцію, въ силу кото-

Наполеонъ въ Валансѣ (во время вторичной своей стоянки).
Съ картины Реалье-Дюма

рой долженствовало послѣдовать коренное преобразованіе всей церковной іерархіи, такъ какъ священники и епископы должны были избираться плательщиками податей, двѣ трети всего французскаго духовенства отказались присягнуть этой конституціи. Всѣ попытки введенія новой системы администраціи и судопроизводства оказывались тщетными и порождали только все

большее недовольство среди должностныхъ лицъ и юристовъ. Единственно лишь въ Парижѣ удалось провести съ нѣкоторымъ успѣхомъ предположенныя преобразованія. Столица была раздѣлана на сорокъ восемь секцій, въ каждой изъ которыхъ имѣлось особое „первичное собраніе“. Они-то и дали впослѣдствіи Буонапарте случай выступить на подобавшее поприще. Вліяніе клуба якобинцевъ росло съ часа на часъ, по мѣрѣ того какъ большинство его членовъ проникалось все болѣе радикальными воззрѣніями. Неккеръ сообразовался съ мнѣніями этого клуба, но утратилъ свою популярность вслѣдствіе того, что безпрерывно обращался къ народному представительству съ требованіями объ ассигнованіи денежныхъ суммъ на покрытіе государственныхъ расходовъ, и въ сентябрѣ долженъ былъ выйти въ отставку. Ему съ величайшимъ лишь трудомъ удалось благополучно проѣхать черезъ Францію къ себѣ домой, на берега Женевскаго озера. Мѣсто его заступилъ Мирабо, являвшійся единственно возможной еще поддержкой для пошатнувшагося престола. Умѣренная монархическая фракція, признававшая своимъ вождемъ Мирабо, отдѣлилась отъ якобинцевъ и получила впослѣдствіи прозвище фейльяновъ, оттого что члены ея собирались въ монастырѣ фейльянскаго ордена. Такимъ образомъ прежде чѣмъ національное собраніе успѣло закончить свой трудъ, Франція раздѣлилась уже на двѣ партіи: сторонниковъ и противниковъ монархіи. Какъ бы для того, чтобы сдѣлать этотъ разладъ еще болѣе бѣдственнымъ и роковымъ, національное собраніе, въ которомъ засѣдали почти всѣ имѣвшіеся во Франціи сколько-нибудь опытные политическіе дѣятели, учинило неслыханное безразсудство, устранивъ себя отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ. Дѣйствительно, оно постановило, что ни одинъ изъ его членовъ не можетъ быть избранъ вновь въ народные представители.

Смерть Мирабо, послѣдовавшая 2 апрѣля 1791 года, дала новый импульсъ революціонному движенію. Поминки по немъ справлялись во многихъ французскихъ городахъ и мѣстечкахъ. Самъ онъ былъ родомъ провансалецъ, а потому неудивительно, если въ Валансѣ поминки эти были обставлены особой торжественностью. Церковь была убрана трауромъ, причемъ штабсъ-капитанъ Буонапарте распоряжался ея убранствомъ. Траурныя драпировки были расположены такъ, чтобы изображать погребальную урну, рядомъ съ которой красовалась большими буквами надпись: „Вотъ все, что осталось отъ французскаго Ликурга!“ Мирабо дѣйствительно проявилъ крупныя политическія дарованія и сформировалъ энергическое министерство изъ рядовъ самого народнаго представительства. Выказанный имъ при этомъ замѣчательный тактъ весьма рельефно отличался отъ слабохарактерности Неккера, который уговорилъ Людовика XVI довольствоваться правомъ временнаго вето и выбрать себѣ министровъ, непринадлежавшихъ къ парламентскому большинству. Въ молодости Мирабо кутилъ напропалую и долженъ былъ поплатиться за эти безумные кутежи смертью какъ разъ въ самую критическую ми-

путу для Франціи. Король и умѣренная монархическая фракція одновременно утратили тогда всякое присутствіе духа. Людовикъ XVI, измученный до послѣдней крайности, пришелъ, наконецъ, къ

Бонапартъ произноситъ рѣчь въ клубѣ Корешанскихъ якобинцевъ. Рис. Кастелья.

убѣжденію, что игра не стоитъ свѣчъ и рѣшился въ іюнѣ мѣсяцѣ бѣжать. Попытка эта не удалась. Его по дорогѣ изловили и привезли обратно въ Парижъ, чтобы по прежнему разыгрывать тамъ невозможную роль демократическаго монарха. Бѣгство это скомпро-

метировало въ конецъ патріотовъ, желавшихъ руководиться въ дѣлѣ управленія государствомъ традиціями и указаніями опыта. Вся Франція наглядно убѣдилась въ трусости и ненадежности королевской власти, которую конституція имѣла въ виду для нея сохранить. Народныя массы проникались убѣжденіемъ, что власть эта, даже если будетъ существовать только по имени, окажется не только безполезной, но даже опасной. Такія воззрѣнія на королевскую власть особенно сильно распространились въ долинѣ Роны и въ сосѣднихъ округахъ, бывшихъ всегда очагами крайняго радикализма. Необходимо замѣтить, что въ юго-восточной Франціи давно уже проявлялось большое сочувствіе къ Корсикѣ и корсиканцамъ. На нихъ не смотрѣли какъ на чужеземцевъ, а потому, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ Людовикъ XVI вторично скрѣпилъ своею подписью на этотъ разъ пересмотрѣнную и дополненную конституцію, послѣ чего въ Валансѣ и въ другихъ городахъ организовались общества защитниковъ этой конституціи, Буонапарте, несмотря на корсиканское свое происхожденіе, былъ назначенъ сперва секретаремъ, а затѣмъ предсѣдателемъ общества „Друзей конституціи“ въ Валансѣ.

Друзья эти становились тамъ съ каждымъ днемъ все многочисленнѣе, могущественнѣе и радикальнѣе. Когда пришлось торжественно присягать новой конституціи, 32 такихъ же общества изъ сосѣднихъ округовъ признали поэтому умѣстнымъ собраться въ Валансѣ. Съѣздъ ихъ состоялся 3 іюля 1791 года, оффиціальное же приведеніе къ присягѣ гражданскихъ, военныхъ, судебныхъ властей и духовенства послѣдовало 14 іюля. Передъ большимъ алтаремъ, воздвигнутымъ на военномъ плацу,—въ присутствіи всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ,—подъ аккомпаниментъ пушечныхъ выстрѣловъ, патріотическихъ возгласовъ и пѣсенъ, лица, занимавшія оффиціальное положеніе, являлись группами, а народъ—цѣлой толпою, присягать, поднявъ руки къ небу, что будутъ отстаивать конституцію и повиноваться національному собранію. Всѣ клялись въ готовности умереть, защищая французскую территорію противъ непріятельскаго вторженія. Такія драматическія, внушительныя сцены разыгрывались тогда повсемѣстно во Франціи. Онѣ сильно вліяли на воображеніе народа и производили могущественное впечатлѣніе. Упоминая о торжественномъ принесеніи присяги, Буонапарте говоритъ: „Если бы мнѣ отданъ былъ передъ тѣмъ приказъ повернуть пушки противъ народа, то безъ сомнѣнія, что привычка, сословные предразсудки, воспитаніе и престижъ королевскаго имени заставили бы меня повиноваться. Теперь, послѣ принесенія національной присяги, дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Между инстинктивными моими чувствами и сознаніемъ долга установилась полная гармонія“.

Положеніе офицеровъ, принадлежавшихъ къ либеральной партіи, оказывалось все-таки до чрезвычайности тяжелымъ. На улицахъ и среди народа они находились какъ бы въ сочувственной атмосферѣ, но въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, въ обществѣ дамъ, или же среди товарищей по службѣ, ихъ встрѣчало препебреже-

ніе, недовѣріе и непріязненная холодность. Въ народныхъ массахъ проявлялся самый восторженный оптимизмъ, но въ домахъ людей, принадлежавшихъ къ бывшимъ привиллегированнымъ сословіямъ, всѣ сердца томились горемъ и опасеніемъ. Впрочемъ, какъ въ народѣ, такъ и въ аристократіи распространялись слухи о войнѣ, въ которой французскіе эмигранты явятся союзниками чужеземцевъ. Многіе полагали, что эта война усложнится, кромѣ того, еще и междуусобицей. Что касается до Наполеона, то онъ ошибочно считалъ эти опасенія совершенно неосновательными.

Но въ письмѣ Наполеона къ его пріятелю Нодену (2 іюля 1791 г.)

Цитадель въ Аяччіо. Рис. Кастенья.

содержится очень интересное извѣстіе. Сообщая объ усердіи и бодрости духа, всюду выказываемыхъ патріотами, и о томъ, что на послѣдней патріотической сходкѣ въ Валансѣ составлена просьба предать короля суду, Наполеонъ увѣряетъ, что четвертый артиллерійскій полкъ „вполнѣ благонадеженъ“, за исключеніемъ офицеровъ, „изъ числа которыхъ можно разсчитывать развѣ лишь на половину“. Онъ добавляетъ въ особой припискѣ: „Южная кровь струится въ моихъ жилахъ столь же быстро, какъ Рона. Прошу извинить, если мои каракули произведутъ на васъ тяжелое впечатлѣніе“.

Всѣмъ вообще политическимъ агитаторамъ свойственна непо-

сѣдливость, и Буонапарте не представлялъ собою исключенія изъ общаго правила. Пробывъ всего лишь два мѣсяца въ Валансѣ онъ началъ уже томиться желаніемъ оттуда уѣхать. Жизнь его тамъ, хотя и полная лихорадочнаго возбужденія, была, однако, незавидной. Къ тому же, вѣроятно, онъ предчувствовалъ, что въ Корсикѣ будетъ вскорѣ организована національная гвардія. Все это заставило его рѣшиться подать снова просьбу объ увольненіи въ отпускъ. Командиръ полка, принадлежавшій къ числу не особенно горячихъ сторонниковъ конституціи, былъ весьма недоволенъ популярностью, которую пріобрѣлъ себѣ одинъ изъ его оберъ-офицеровъ, и подалъ по начальству жалобу на штабсъ-капитана Буонапарте, обвиняя его въ нерадѣніи къ службѣ и неуваженіи къ дисциплинѣ. При такихъ обстоятельствахъ онъ не считалъ себя въ правѣ уволить Наполеона въ отпускъ. Полковой командиръ былъ по строгому смыслу военныхъ законовъ совершенно правъ, но тѣмъ не менѣе Буонапарте, съ обычной своей ловкостью, съумѣлъ перенести дѣло въ высшую инстанцію и обратился къ генералу-инспектору департамента, оказавшемуся къ тому же старымъ его знакомымъ. Этотъ генералъ-инспекторъ отнесся благосклонно къ просьбѣ Наполеона и далъ ей надлежащій ходъ.

Въ ожиданіи рѣшенія изъ Парижа Буонапарте испытывалъ сильнѣйшее душевное безпокойство. Онъ говорилъ своимъ пріятелямъ, что вскорѣ очутится въ Парижѣ, а двоюродному дѣду писалъ: „Съ нетерпѣніемъ жду присылки пятидесяти франковъ, которые должна мнѣ уплатить мать. Я въ нихъ до чрезвычайности нуждаюсь“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Пришлите мнѣ триста франковъ. Съ этою суммой я въ состояніи буду пріѣхать въ Парижъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно себя показать и преодолѣть препятствія, которыя встрѣтятся на пути. Все мнѣ говоритъ, что я буду имѣть успѣхъ. Неужели вы, изъ а какихъ-нибудь трехсотъ франковъ, заставите меня упустить такой прекрасный случай“. Нетерпѣніе это объясняется чрезвычайно просто. Провинціальныя общества друзей конституціи одно за другимъ сливались съ вліятельными парижскими якобинцами, оказывавшимися теперь наиболѣе мощной во всей Франціи политической силой. Буонапарте былъ признаннымъ вождемъ патріотовъ ронской долины, сочувствовавшихъ якобинцамъ. Понятно, что ему хотѣлось побывать самому въ главной квартирѣ и лично уяснить себѣ положеніе дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ думалъ, что, опираясь на такую поддержку, на какую можно было разсчитывать у якобинцевъ, онъ несомнѣнно получитъ давно желанный постъ главнокомандующаго корсиканской національной гвардіей.

Для Буонапарте было большимъ счастьемъ, что ему не довелось тотчасъ же попасть въ кипящій котелъ тогдашней французской политики. Для него не настало еще время играть въ ней сколько-нибудь замѣтную роль. Штурмъ Бастиліи являлся символомъ ниспроверженія сословныхъ привиллегій и неограниченной

монархической власти. Попытка бѣгства, учиненная Людовикомъ XVI, оказалась равносильной ниспроверженію даже и конституціонной монархіи. Исполнительная власть, установленная конституціей, рушилась. Законодательная власть находилась въ рукахъ демократическаго народнаго представительства, совершенно незнакомаго съ механизмомъ государственнаго управленія. Судебная власть была тоже совершенно разстроена; армія же—преобразовалась въ патріотическую организацію. Слѣдовало-ли ожидать въ будущемъ дальнѣйшей неурядицы? Безъ сомнѣнія, слѣдовало. До сихъ поръ, несмотря на самыя благонамѣренныя попытки замѣнить прежніе одряхлѣвшіе устои французскаго государственнаго общественнаго строя новыми, въ результатѣ получалось единственно только одно разрушеніе. Всему прежнему надлежало обратиться въ прахъ, прежде чѣмъ изъ этого праха начнетъ сооружаться новое зданіе. Сила сцѣпленія между раздробленными и разрозненными частицами могла обнаружиться лишь подъ вліяніемъ извнѣ,—подъ давленіемъ, обусловленнымъ угрозами эмигрировавшихъ роялистовъ. Вѣглецы эти обѣщали вернуться при содѣйствіи заграничныхъ штыковъ. Иностранныя державы дѣйствительно обнаруживали намѣреніе вмѣшаться во внутреннія французскія дѣла и по собственному усмотрѣнію уладить распрю между королемъ и народомъ. Вскорѣ со стороны эмигрантовъ послѣдовали дѣятельныя демонстраціи и, наконецъ, начались внѣшнія войны. Надлежало произойти всѣмъ этимъ событіямъ для того, чтобы изъ хаотическаго правленія черни выработалась сперва незаконная временная диктатура Конвента, а затѣмъ тираннія Директоріи. Означенныя событія должны были согрѣть пламенемъ любви къ отечеству всю массу французскаго народа. Народъ этотъ въ первое время казался словно ошеломленнымъ и безпомощнымъ. У него не было вождей, но онъ тѣмъ не менѣе выказалъ честную могучую энергію. Народъ, находящійся въ такомъ критическомъ положеніи, ощущаетъ потребность въ вождѣ, способномъ заставить иностранцевъ уважать его отчизну. Народъ предпочтетъ тогда искусное энергическое единоличное управленіе слабохарактернымъ и непослѣдовательнымъ мѣропріятіямъ правительства многихъ, или же нѣсколькихъ лицъ. Необходимо присовокупить, что и самъ Наполеонъ не былъ въ то время еще подготовленъ къ своей исторической роли. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ намѣревался показать себя въ Парижѣ и преодолѣть тамъ всѣ препятствія въ качествѣ не француза, а истаго корсиканскаго патріота.

Національное собраніе постановило 22-го іюля 1791-го года организовать національную гвардію изъ ста тысячъ добровольцевъ, долженствовавшихъ получать жалованье. Для нихъ назначался годичный срокъ службы. Четыре батальона такихъ добровольцевъ предполагалось сформировать на островѣ Корсикѣ. Буонапарте думалъ, что часъ осуществленія давнишнихъ его стремленій наконецъ таки пробилъ. Безъ сомнѣнія, у него имѣлось много шансовъ выхлопотать себѣ въ Парижѣ назначеніе на видный постъ во французско-корсиканской національной гвардіи.

Получивъ извѣстіе о томъ, что ее рѣшено сформировать, онъ немедленно составилъ докладную записку о снаряженіи и вооруженіи корсиканскихъ гвардейцевъ и съ обычной самоувѣренностью отправилъ эту записку къ военному министру. Тѣмъ не менѣе, когда три недѣли спустя (30-го августа 1791-го года) Наполеону разрѣшенъ былъ отпускъ, онъ тотчасъ же отказался отъ всякой мысли служить въ франко-корсиканской гвардіи. Неурядица въ то время достигала уже такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что Буонапарте, продолжая числиться въ спискахъ французской арміи, могъ попытать счастье непосредственно въ корсиканской службѣ. Прежде чѣмъ будетъ достигнуто тамъ выдающееся положеніе, незачѣмъ отказываться отъ болѣе скромной, но за то совершенно надежной карьеры французскаго артиллерійскаго офицера. Подготовляясь къ новымъ предпріятіямъ, Наполеонъ, въ продолженіи нѣкотораго времени забиралъ у полкового казначея жалованье впередъ и такимъ образомъ скопилъ себѣ двѣсти девяносто франковъ, являвшихся въ его положеніи довольно крупною суммой. Формальное заявленіе объ отъѣздѣ въ отпускъ могло бы подать поводъ къ щекотливымъ объясненіямъ съ начальствомъ, а потому молодой офицеръ уѣхалъ въ тихомолку, захвативъ съ собою брата и вторично оставивъ послѣ себя крупные, неуплаченные долги. Онъ прибылъ 6-го сентября 1791 года въ Аяччіо пока еще не въ качествѣ дезертира, но несомнѣнно, сдѣлавъ смѣлый шагъ наперекоръ непосредственному своему начальству во французской военной службѣ.

Бонапартъ въ роли корсиканскаго якобинца.

За послѣдніе четыре года Бонапартъ въ третій разъ уже пріѣзжалъ домой. Въ первый пріѣздъ онъ, ссылаясь на дурное состояніе здоровья, пробылъ годъ и два мѣсяца на родинѣ, причемъ имѣлъ полную возможность удовлетворить своимъ чувствамъ корсиканскаго патріотизма и личнаго честолюбія, побывавъ въ Ореццѣ и лично агитируя въ народѣ. Во второй разъ онъ прожилъ въ Корсикѣ годъ и четыре мѣсяца, причемъ съумѣлъ всякими кривдами и неправдами остаться на службѣ. Военное министерство, какъ уже упомянуто, вынуждено было тогда силою обстоятельствъ смотрѣть сквозь пальцы на такой образъ дѣйствій молодого артиллерійскаго офицера, но, безъ сомнѣнія, Наполеонъ Буонапарте не могъ находиться на особенно хорошемъ счету. Онъ позволилъ себѣ открыто выступить противъ французскихъ королевскихъ властей, разсчитывая, что предстоящая революціонная буря замаскируетъ его поведеніе, если таковое окажется предосудительнымъ, или доставитъ ему желанную награду, если Корсикѣ будетъ возвращена свобода. Нѣтъ основанія полагать, что Наполеонъ и при третьемъ своемъ посѣщеніи задавался какими-либо иными цѣлями, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ различныхъ побудительныхъ причинъ вернуться на родину играла роль и обычная его забота о матери, братьяхъ и сестрахъ.

Въ продолженіе полугодичнаго отсутствія Наполеона изъ Корсики въ положеніи его семьи не послѣдовало существеннаго измѣненія. Вскорѣ послѣ прибытія молодого офицера на родину скончался престарѣлый архидіаконъ, маленькое состояніе котораго осталось въ наслѣдство семьѣ Буонапарте. Жозефъ былъ все время занятъ выполненіемъ своихъ обязанностей секретаря у городского головы въ Аяччіо, а потому Фешъ, въ качествѣ старѣйшаго по лѣтамъ мужчины въ семьѣ,—брата Летиціи Буонапарте и, сверхъ того, священника, разсчитывалъ, что ему будетъ поручено завѣдываніе всѣми ея дѣлами, но не замедлилъ въ этомъ разочароваться, такъ какъ Наполеонъ принялъ на себя роль дик-

Гротъ въ Милелли, родовое помѣстье Буонапарта. Рис. Эрика Папа.

татора. Вообще молодой офицеръ очень важничалъ въ семейномъ своемъ кружкѣ, охотно толковалъ тамъ о величіи характеровъ героевъ классической древности, и спрашивалъ: „Кто не согласился бы съ радостью умереть подъ ударами кинжаловъ, если бы ему удалось передъ тѣмъ сыграть роль Цезаря? Одинъ лучъ славы выпавшей на долю великаго человѣка, явился бы достаточнымъ вознагражденіемъ за внезапную насильственную смерть“. Не подлежитъ сомнѣнію, что имѣвшіеся на островѣ Корсикѣ шансы для такой роли съ каждымъ днемъ становились все болѣе благопріятными.

Религіозное волненіе постоянно возростало. Набожные католики были ожесточены фактическимъ изгнаніемъ прежняго духовенства и замѣной его новыми священниками, принесшими присягу кон-

стиціи. Благодаря административной неурядицѣ, многимъ корсиканцамъ удалось запастись оружіемъ. Они, какъ и въ прежнія времена, являлись въ собраніе подъ предводительствомъ вождей, ежеминутно готовые перейти отъ словъ къ дѣлу и завязать кровопролитную схватку. Отсюда оставался всего только одинъ шагъ до вооруженныхъ безпорядковъ. Населеніе города Бастіи безъ всякаго иного вызова, кромѣ возбужденія со стороны религіознаго чувства, покушалось за послѣднее время убить новаго своего епископа. Даже Арена, недавно еще овладѣвшій Бастіей во главѣ паолистовъ, считался тамъ теперь французскимъ радикаломъ. Въ качествѣ таковаго онъ подвергся со стороны народа оскорбленіямъ и былъ изгнанъ вмѣстѣ съ своими сторонниками въ Италію. Предстояли новые выборы. Борьба между паолистами и крайней демократической партіей разгоралась все сильнѣе. Надлежало выбрать депутатовъ въ новое собраніе и офицеровъ на высшія должности въ новой національной гвардіи. Буонапарте въ качествѣ штабсъ-капитана не могъ по закону разсчитывать при переводѣ въ національную гвардію болѣе чѣмъ на капитанскій чинъ и на соотвѣтствующее этому чину жалованье. Ради такихъ пустяковъ не стоило, по его мнѣнію, покидать французскую военную службу. Поэтому онъ рѣшился хлопотать о своемъ избраніи на одну изъ высшихъ должностей, а именно на должность батальоннаго командира. Тогда онъ прямо махнулъ бы изъ штабсъ-капитановъ въ подполковники и, въ силу послѣднихъ узаконеній, сохранилъ бы за собой этотъ чинъ и въ случаѣ возвращенія въ ряды регулярной арміи.

Въ Аяччіо имѣлись теперь два политическихъ клуба: корсиканскихъ якобинцевъ,—преимущественно изъ поселянъ, и корсиканскихъ фейльянцевъ, къ которому главнымъ образомъ принадлежали горожане и чиновники. Буонапарте сдѣлался душою перваго изъ этихъ клубовъ и рѣшился во что бы то ни стало подавить политическое вліяніе второго. Двѣ предшествовавшія попытки радикаловъ овладѣть городомъ Аяччіо, какъ уже упомянуто, не увѣнчались успѣхами. Возбужденъ былъ вопросъ объ умѣстности третьей попытки. Новый вождь началъ уснащать свои рѣчи ловкими, красивыми фразами, которыя съ тѣхъ поръ употреблялъ каждый разъ въ своихъ заявленіяхъ во время революціонныхъ кризисовъ. Онъ писалъ тогда: „Законъ подобенъ статуямъ боговъ, которыя иногда приходится окутывать завѣсою“. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Наполеону нечего было дѣлать дома, такъ какъ избирательная агитація долженствовала начаться значительно позже. Онъ заручился поэтому разрѣшеніемъ сопровождать присланнаго національнымъ собраніемъ комиссара, Вольнея, въ путешествіи по острову. Этотъ Вольней, которому поручено было представить докладъ о положеніи Корсики, впослѣдствіи участвовалъ въ египетской экспедиціи и пріобрѣлъ себѣ литературную извѣстность. Для политическаго агитатора, мѣтившаго въ кандидаты, поѣздка съ такимъ авторитетнымъ лицомъ, какимъ считался тогда комиссаръ національнаго собранія,

являлась драгоцѣннымъ средствомъ пополнить имѣвшійся уже запасъ наблюденій и завербовать себѣ новыхъ сторонниковъ.

Данный Наполеону отпускъ истекъ еще до окончанія этой поѣздки. Дѣло въ томъ, что четвертый артиллерійскій полкъ былъ приведенъ на военное положеніе и всѣ находившіеся въ отпуску офицеры получили предписаніе вернуться къ Рождеству на службу. Юный корсиканскій патріотъ, задавшись многообѣщавшими для него лично цѣлями, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на обязательства свои во Франціи и самовольно остался на родинѣ. Онъ снова подчинился обаянію охватывавшей его вольной корсиканской жизни и выставилъ свою кандидатуру на должность батальоннаго командира въ мѣстной національной гвардіи, хотя не имѣлъ ни денегъ, ни общественнаго положенія, съ помощью которыхъ можно было бы разсчитывать на ея успѣхъ. Разсужденіе „О счастьѣ“, представленное Наполеономъ въ ліонскую академію, какъ и слѣдовало ожидать, не было удостоено преміи. Судьи признали его „слишкомъ плохо составленнымъ, неровнымъ, безсвязнымъ и слишкомъ дурно написаннымъ для того, чтобы стоило обращать на него вниманіе“. Приговоръ этотъ являлся для автора двойнымъ ударомъ, обрушившимся какъ разъ въ такую минуту, когда и слава, и деньги оказались бы какъ нельзя болѣе кстати. Наслѣдство, полученное послѣ покойнаго архидіакона, осталось для семьи Буонапарте единственнымъ средствомъ для покрытія расходовъ на щедрое гостепріимство, которое, въ силу установившихся съ незапамятныхъ временъ полуварварскихъ традицій, признается въ Корсикѣ обязательнымъ для каждаго кандидата.

Тѣмъ временемъ французское военное министерство отдало строжайшій приказъ, чтобы всѣ армейскіе офицеры, служащіе въ національной гвардіи съ чиномъ ниже подполковника, вернулись обратно въ армію не позже 1-го апрѣля 1792 года. Буонапарте сейчасъ же сообразилъ, что можетъ воспользоваться этимъ приказомъ. Въ качествѣ офицера, находящагося въ отпуску, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ немедленно вернуться къ 25 декабря въ свой полкъ, но въ качествѣ капитана національной гвардіи ему представлялась бы возможность сослаться на новый приказъ. Положимъ, что рекруты въ національную гвардію еще не поступали, а потому нельзя было сформировать гвардейскихъ ротъ, но тѣмъ не менѣе существовала возможность воспользоваться предполагавшимся формированіемъ этихъ ротъ, чтобы прикрыть свой образъ дѣйствій нѣкоторой маской законности. Командовавшій войсками, расположенными въ Корсикѣ, генералъ-маіоръ, заручившись изъ Парижа надлежащимъ разрѣшеніемъ, зачислилъ Наполеона Буонапарте въ національную гвардію на должность адъютанта съ капитанскимъ чиномъ. Оградивъ себя такимъ образомъ отъ обвиненія въ дезертирствѣ, Буонапарте принялся, съ большимъ чѣмъ когда-либо усердіемъ, хлопотать объ избраніи его въ подполковники національной гвардіи. Успѣхъ въ данномъ случаѣ былъ до чрезвычайности важенъ какъ для кармана, такъ

и для служебной репутаціи и честолюбивыхъ видовъ Наполеона. Въ случаѣ успѣха онъ имѣлъ возможность сослаться, что не явился своевременно въ полкъ, такъ какъ исполнялъ въ это время обязанности адъютанта корсиканской національной гвардіи, вслѣдствіе чего командиръ четвертаго артиллерійскаго полка былъ даже и не въ правѣ требовать его возвращенія къ 25-му декабря, а если не вернулся къ 1 марта, то потому лишь, что былъ избранъ въ подполковники. Такимъ образомъ въ случаѣ удачи ему предоставлялась возможность выдти, какъ говорится, сухимъ изъ воды.

Тѣмъ не менѣе, Буонапарте, не имѣя полной увѣренности въ успѣхѣ, мучился тревожными опасеніями. Онъ прислалъ за это время Вольнею два очень любопытныхъ письма. Въ первомъ изъ нихъ, написанномъ черезъ пять недѣль по истеченіи разрѣшеннаго отпуска, Наполеонъ совершенно спокойно сообщаетъ о личныхъ своихъ дѣлахъ и занятіяхъ, упоминая словно вскользь, что непредвидѣнныя обстоятельства воспрепятствовали ему вернуться на службу и что священнѣйшій долгъ въ свѣтѣ заставилъ его остаться на родинѣ. Во второмъ письмѣ Буонапарте заявляетъ безъ всякихъ околичностей, что въ опасныя времена честный корсиканецъ не можетъ покинуть отчизну и что онъ лично помышлялъ уже о выходѣ въ отставку, но друзья временно избавили его отъ этой необходимости, назначивъ его адъютантомъ въ національную гвардію. Благодаря такой комбинаціи, онъ можетъ теперь одновременно выполнять обязанности воина и патріота. Освѣдомляясь о томъ, что происходило тогда во Франціи, Наполеонъ пишетъ какъ бы въ качествѣ посторонняго зрителя: „Если вашъ народъ утратитъ въ настоящую минуту мужество, то все для него кончено“.

Къ концу марта мѣсяца начали прибывать въ Аяччіо съ горъ добровольцы, зачислившіеся въ національную гвардію и долженствовавшіе приступить къ выбору себѣ командировъ. У Наполеона имѣлись могущественные и ожесточенные соперники, но за время послѣдней поѣздки онъ очевидно съумѣлъ пріобрѣсти себѣ популярность среди сельскаго населенія. Такимъ образомъ для него существовали извѣстные шансы успѣха. Тѣмъ не менѣе результаты выборовъ зависѣли въ значительной степени и отъ вліянія трехъ комиссаровъ, назначенныхъ департаментской директоріей для организаціи и снаряженія батальона. Ловко сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, Буонапарте объявилъ, что не станетъ хлопотать о своемъ избраніи въ батальонные командиры, такъ какъ кандидатомъ на эту должность выступилъ Перетти, другъ и пріятель Паоли, а ограничится кандидатурой на должность младшаго штабъ-офицера, тоже съ чиномъ подполковника. При такой комбинаціи ему было обезпечено доброжелательство двухъ комиссаровъ, третій же относился къ нему враждебно, являясь сторонникомъ оппозиціоннаго кандидата Перальди. Самъ Перетти отказался отъ кандидатуры въ пользу своего зятя Квенцы, совершенно неизвѣстной и вовсе невыдающейся личности.

По корсиканскому обычаю выборы имѣли очень бурный характеръ и сопровождались множествомъ противузаконныхъ, насильственныхъ мѣропріятій. Такъ, напримѣръ, третій комиссаръ (враждебный Бонапарту), гостившій у Перальди, былъ изловленъ въ день выборовъ толпою пріятелей Наполеона и запертъ подъ замокъ въ домѣ ихъ собственнаго кандидата. „Мы поступили такимъ образомъ, чтобы обезпечить вамъ полную свободу дѣйствій. Пребываніе въ домѣ Перальди лишало васъ этой свободы",—объяснилъ комиссару зачинщикъ этого насилія. Такимъ образомъ, къ употребленію ловкихъ фразъ присоединилось теперь безцеремонное пользованіе насиліемъ, оставшееся у Буонапарте характерною чертой всей дальнѣйшей его карьеры. Разсказываютъ, будто въ дракѣ, происходившей по случаю выборовъ, бонапартисты свалили на земь одного изъ членовъ семейства Поццо ди-Борго и порядкомъ помяли ногами. Какъ бы ни было, Буонапарте былъ выбранъ въ младшіе штабъ-офицеры и съ этой минуты фамиліи Перольди и Поццо ди-Борго стали смертельными его врагами.

Квенца, выбранный по желанію Перетти въ батальонные командиры съ чиномъ подполковника, оказался ничтожной, безхарактерной личностью, такъ что Буонапарте фактически командовалъ теперь мужественной, хорошо вооруженной легальной военною силой. Числившись передъ тѣмъ адъютантомъ корсиканской національной гвардіи и будучи теперь законнымъ порядкомъ выбранъ въ подполковники, онъ, съ искусно разсчитанной наглостью, обратился къ казначею четвертаго артиллерійскаго полка, требуя уплаты себѣ жалованья за все время пребыванія своего въ Корсикѣ. Требованіе это было сперва отклонено, такъ какъ Наполеона Буонапарте тѣмъ временемъ исключили изъ службы за самовольное отъ нея уклоненіе. Неурядица въ военномъ вѣдомствѣ въ тогдашнюю революціонную эпоху достигала, однако, столь невѣроятныхъ размѣровъ, что въ концѣ концевъ жалованье Наполеону было выплачено, хотя онъ въ дѣйствительности оказывался дезертиромъ. Вообще Буонапарте умѣлъ замѣчательно ловко пользоваться всѣми представлявшимися ему выгодными случайностями. Совмѣстительство нѣсколькихъ должностей никогда его не тревожило. Вслучаѣ надобности онъ могъ всегда оказаться опять офицеромъ французской арміи, но въ тоже самое время былъ корсиканскимъ патріотомъ и фактическимъ командиромъ батальона корсиканской національной гвардіи, вполнѣ подготовленнаго къ тому, чтобы произвести антифранцузскую демонстрацію. Наполеонъ разсчитывалъ, что теперь ему, пожалуй, и удастся сыграть роль Сампіеро, освободителя своей родины. Для этого надо было выждать подходящій случай, или же создать таковой. Необходимые для этой комбинаціи элементы имѣлись на лицо.

Въ городъ Аяччіо постепенно собралось значительное число вѣрующихъ католиковъ, отказывавшихся признать новый порядокъ вещей. Въ числѣ городскихъ властей имѣлись также и крайніе радикалы, но тѣмъ не менѣе большинство симпатизировало

правовѣрнымъ консерваторамъ. Благодаря происканъ пріятелей Буонапарте въ городской управѣ, второй батальонъ національной гвардіи, въ которомъ онъ числился младшимъ штабъ-офицеромъ, былъ подъ какимъ-то предлогомъ собранъ въ городѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ управѣ возбудили запросъ о томъ, по какому случаю монахи капуцинскаго ордена (которыхъ до тѣхъ поръ оставляли въ покоѣ) не очищаютъ своего монастыря, недавно упраздненнаго постановленіемъ національнаго собранія. Запросъ этотъ тотчасъ же взволновалъ весь городъ и раздѣлилъ его на два враждебныхъ лагеря. Крайними фракціями съ одной стороны являлись религіозные фанатики, а съ другой — радикалы, подстрекаемые политическими агитаторами. Обѣ эти фракціи обмѣнивались угрозами и были готовы ежеминутно прибѣгнуть къ насилію. Посреди, между двумя огнями, находилась масса населенія, сочувствовавшая духовенству, но во что бы ни стало желавшая сохраненія спокойствія и порядка. Буонапарте началъ съ того, что захватилъ капуцинскій монастырь, находившійся какъ разъ у подошвы скалы, на которой расположена городская цитадель и занялъ этотъ монастырь отрядомъ своихъ національныхъ гвардейцевъ. Овладѣніе самою цитаделью было давно уже завѣтной цѣлью его стремленій. Онъ разсчитывалъ на разрѣшеніе ввести въ цитадель хотя бы только небольшой отрядъ національной гвардіи, послѣ чего корсиканцы, служащіе въ регулярныхъ войскахъ, изъ которыхъ состоитъ гарнизонъ, не замедлятъ побрататься съ своими соотечественниками и съ теченіемъ времени весь гарнизонъ перейдетъ на его сторону.

Захватъ монастыря привелъ крайнюю католическую партію (такъ называемыхъ ультрамонтанъ) въ величайшее негодованіе и на Пасхѣ, 8-го апрѣля, они устроили до такой степени серьезную демонстрацію, что сметливый подполковникъ нашелъ въ ней для себя желанный предлогъ къ вооруженному вмѣшательству. Въ уличной дракѣ, затѣянной ультрамонтанами, былъ убитъ одинъ изъ его офицеровъ. На слѣдующее утро жители Аяччіо нашли городъ занятымъ національною гвардіей. Благоразумнымъ горожанамъ посовѣтовали сидѣть дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію Буонапарте, городской голова и члены управы собрались на чрезвычайное совѣщаніе для обсужденія вопроса объ умѣстности разрѣшить національной гвардіи завладѣніе также и цитаделью. Члены управы были не въ состояніи придти по этому вопросу къ какому-либо соглашенію другъ съ другомъ и разстались, а на слѣдующее утро выяснилось, что самъ городской голова и его единомышленники укрылись въ цитадели. Разсчитывая на неприступность ея укрѣпленій, они предложили крайнимъ радикаламъ покончить распрю третейскимъ судомъ, назначивъ съ каждой стороны по два арбитра, и предоставивъ рѣшающій голосъ коменданту, на котораго возлагалось въ тоже время и предсѣдательство на судѣ. Предложеніе это однако, не было принято, и не привело къ ожидаемому соглашенію.

Одинъ изъ офицеровъ гарнизона, которому надоѣли всѣ эти

проволочки, и безплодные переговоры, приказалъ подполковнику Буонапарте отвести національныхъ гвардейцевъ куда-нибудь подальше. Смѣлый агитаторъ наотрѣзъ отказался выполнить это требованіе. Ночь прошла въ приготовленіяхъ къ вооруженному столкновенію, казавшемуся совершенно неизбѣжнымъ. Къ счастію, рано утромъ прибыли въ Аяччіо комиссары корсиканскаго департамента, которыхъ прислалъ Паоли, чтобы обезпечить сохраненіе мира. Ихъ радостно привѣтствовало большинство городского населенія. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, они вывели національныхъ гвардейцевъ изъ города и расположили батальонъ на квартирахъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Общественное мнѣніе тотчасъ же признало Буонапарте виновникомъ всѣхъ безпорядковъ. Командиръ гарнизона цитадели былъ до чрезвычайности раздраженъ образомъ дѣйствій молодого подполковника и въ своемъ донесеніи военному министру выставилъ этотъ образъ дѣйствій въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Буонапарте счелъ умѣстнымъ обнародовать въ свою защиту нѣчто въ родѣ манифеста, которымъ еще болѣе раздражилъ городское населеніе Аяччіо. Дѣйствительно, тамъ заявлялось, что вся организація городского управленія не стоитъ выѣденнаго яйца и должна быть замѣнена новою, болѣе патріотическаго характера.

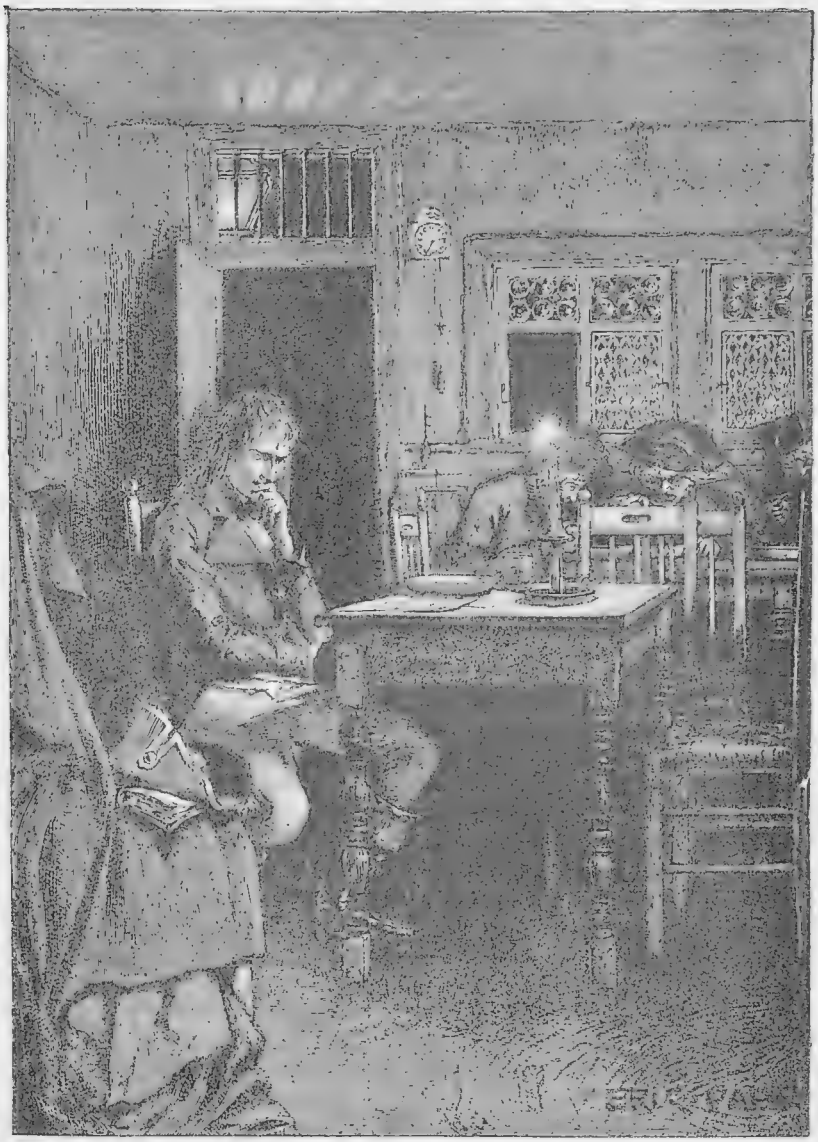
Престарѣлый Паоли находилъ свое положеніе съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ. Онъ ласкалъ себя надеждами на то, что его родина можетъ пользоваться фактическимъ самоуправленіемъ подъ эгидой конституціонной монархіи. Будучи искреннимъ поклонникомъ конституціоннаго режима, который тщательно изучалъ въ Англіи, онъ полагалъ, что этотъ режимъ установится также и во Франціи. Между тѣмъ бунты и безпорядки, происходившіе во всѣхъ корсиканскихъ городахъ, должны были въ самомъ непродолжительномъ времени выяснить полнѣйшую неспособность его соотечественниковъ къ самоуправленію и повлечь за собою водвореніе тамъ опять французской администраціи. Для тѣхъ цѣлей, которыми задавался Паоли, надлежало заботиться о сохраненіи во что бы ни стало мира и спокойствія на островѣ Корсикѣ и, если возможно, удалить оттуда полковника Буонапарте. Этотъ безпокойный юноша былъ, однако, сыномъ стараго пріятеля Паоли и главою семьи, все еще вліятельной въ Аяччіо, а потому надо было удалить его съ соблюденіемъ извѣстныхъ приличій, такъ, чтобы онъ лично не могъ обидѣться. Французское правительство, безъ сомнѣнія, останется совершенно довольнымъ, узнавъ, что артиллерійскій офицеръ, состоявшій до сихъ поръ въ отпуску, вернется, наконецъ, въ свой полкъ, а если, по отъѣздѣ Буонапарте, Квенце придется на самомъ дѣлѣ командовать вторымъ батальономъ корсиканской національной гвардіи, то, разумѣется, не будетъ ни малѣйшаго основанія опасаться возникновенія новыхъ безпорядковъ въ Аяччіо.

При такихъ обстоятельствахъ для скомпрометированнаго революціонера было до чрезвычайности легко добыть себѣ отъ мѣстныхъ корсиканскихъ властей всѣ документы, необходимые,

чтобы выставить его самого и его поступки въ наилучшемъ свѣтѣ. Подъ условіемъ, что онъ немедленно уѣдетъ изъ Корсики, ему выдали превосходнѣйшіе аттестаты. Подполковникъ Буонапарте заручился надлежаще удостовѣреннымъ свидѣтельствомъ о томъ, какія должности занималъ и въ теченіе какого именно времени состоялъ въ нихъ (obligation de résidence), а также свидѣтельствомъ о своемъ „цивизмѣ", т. е. преданности революціонному дѣлу. Первый изъ этихъ документовъ былъ, повидимому, составленъ со словъ самого Наполеона и оказывался не вполнѣ согласующимся съ дѣйствительными фактами. Буонапарте считалъ во всякомъ случаѣ неудобнымъ для себя вернуться въ Валансъ, гдѣ полковой командиръ (придерживавшійся роялистскихъ воззрѣній) смотрѣлъ на него, какъ на дезертира. Единственно только въ Парижѣ представлялось тогда возможнымъ выхлопотать возвращеніе въ ряды французской регулярной арміи съ утвержденіемъ въ чинѣ подполковника и уплатою жалованья по этому чину, такъ какъ для этого надлежало прежде всего вычеркнуть все, что стояло въ полковомъ кондуитномъ спискѣ противъ фамиліи Буонапарте. Наполеонъ предусмотрительно заручился поэтому и рекомендательными письмами къ наиболѣе вліятельнымъ изъ корсиканцевъ, проживавшихъ въ Парижѣ. Занявъ на дорогу денегъ, онъ уѣхалъ 2-го мая 1799 года изъ Бастіи. Виды на будущее складывались тогда для него настолько неблагопріятно, что человѣкъ болѣе слабохарактерный непремѣнно упалъ бы духомъ. Представителемъ Корсики въ національномъ собраніи былъ какъ разъ Перальди, братъ выступившаго противъ Наполеона кандидата-неудачника. Недовольство Паоли поведеніемъ юнаго подполковника бросалось въ глаза. Ненависть значительной части населенія города Аяччіо къ Буонапарте тоже не подлежала сомнѣнію. Отвергнутый Корсикою, онъ удалялся во Францію, не зная, согласятся-ли тамъ его принять. Могло вѣдь случиться, что немногіе друзья, оставшіеся у Наполеона во Франціи, тоже отшатнутся отъ него, узнавъ про его послѣднія продѣлки. Наконецъ, нельзя было разсчитывать на возможность вычеркнуть изъ оффиціальныхъ документовъ четвертаго артиллерійскаго полка дѣло о самовольномъ невозвращеніи штабсъ-капитана Буонапарте изъ отпуска, снабженное справками, свидѣтельствами, что онъ не состоялъ тогда еще на службѣ въ національной гвардіи. Во всякомъ случаѣ очевидно, что у Наполеона было немного лишь видовъ на успѣхъ въ обширной столицѣ, впавшей словно въ какое-то сумасшествіе, — среди судорожныхъ содроганій революціи, находившейся тогда въ самомъ разгарѣ. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключалась для Боунапарте единственная надежда на успѣхъ. Революціонный хаосъ одинъ только и могъ выпутать молодого подполковника изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставили его собственныя интриги.

Король отказался утвердить декретъ о конфискаціи имуществъ, принадлежавшихъ эмигрантамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства,

уклонившимся отъ принесенія присяги на вѣрность конституціи. Якобинцы отвѣтили на это открытою враждою къ монархіи.



Бонапартъ въ трактирѣ въ Парижѣ.

Тайныя сношенія дворянъ и принцевъ, бѣжавшихъ за-границу, съ особами королевской фамиліи и другими заговорщиками, явля-

лись два года тому назадъ преступленіемъ противъ короля и сторонниковъ конституціонной монархіи, такъ какъ ставили на карту не только послѣдніе ихъ шансы на успѣхъ, но и подвергали опасности самую ихъ жизнь. То, что за послѣдніе два года представлялось преступнымъ со стороны эмигрантовъ, казалось теперь самому королю единственно возможнымъ еще средствомъ къ самосохраненію, за которое онъ и хватался, какъ утопающій хватается за соломинку. Сторонники конституціонной монархіи сознавали, что, послѣ того какъ самъ король пришелъ къ такому рѣшенію, исчезла послѣдняя надежда на разрѣшеніе мирнымъ путемъ въ высшей степени трудной ихъ задачи. Всѣмъ было извѣстно и вѣдомо, что Людовикъ XVI велъ лично переговоры съ иностранными государями. Чтобы разрушить его планы и предупредить послѣдствія таковыхъ, надо было немедленно начать военныя дѣйствія противъ его тайныхъ союзниковъ. Поэтому 20-го апрѣля 1792 года друзья короля настояли на объявленіи Австріи войны. Чернь, устрашенная созывомъ войскъ, первое время относилась къ правительству съ молчаливымъ, угрожающимъ недовѣріемъ, которое смѣнилось бѣшенымъ взрывомъ негодованія, когда получено было извѣстіе о пораженіи французскихъ армій въ австрійскихъ Нидерландахъ.

Умѣренные республиканцы, называвшіеся жирондистами (вслѣдствіе того, что ядромъ этой партіи являлись представители департамента Жиронды), составляли какъ бы посредствующее звено между сторонниками конституціонной монархіи и крайними республиканцами. Чтобы усмирить народное негодованіе, нѣкоторые изъ нихъ были назначены министрами. Одному изъ такихъ республиканскихъ министровъ пришлось, между прочимъ, разсматривать и жалобу на Буонапарте, присланную комендантомъ Аяччіо. По строгому смыслу военнаго устава Буонапарте оказывался виновнымъ почти во всѣхъ преступленіяхъ, подлежащихъ вѣдѣнію военнаго суда: въ дезертирствѣ, — неповиновеніи начальству,—ложныхъ донесеніяхъ,—вооруженномъ нападеніи на законную власть и злоупотребленіи собственной своей властью. Министръ призналъ образъ дѣйствій Квенцы и Буонапарте „крайне предосудительнымъ“ и объявилъ, что если бы ихъ поступки имѣли чисто военный характеръ, то онъ передалъ бы дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда.

Узнавъ лишь по прибытіи въ Марсель, что война началась и что полкъ его распредѣленъ по ротно въ различныхъ лагеряхъ и состоитъ уже на дѣйствительной службѣ, Буонапарте призналъ умѣстнымъ, какъ можно поспѣшнѣе, прибыть во французскую столицу. Дорогою онъ убѣдился, что умы народа охвачены вновь страстнымъ чувствомъ, свидѣтельствовавшимъ объ еще болѣе мощномъ пробужденіи патріотизма. Тамъ, гдѣ всего лишь годъ тому назадъ рѣчь шла всюду о федераціи, теперь говорили единственно только объ единомъ народѣ. Этотъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи произошелъ какъ нельзя болѣе кстати. Прежде чѣмъ нашъ путешественникъ достигъ до своего мѣста назначенія,

французская армія претерпѣла новое бѣдствіе. Цѣлый полкъ перешелъ съ оружіемъ въ рукахъ къ непріятелю. Изъ другихъ полковъ солдаты бѣжали толпами. Изъ числа офицеровъ четвертаго артиллерійскаго полка добрая половина вышла въ отставку или же дезертировала. Всюду распространился ужасъ. Повсемѣстно обвиняли высшее начальство въ измѣнѣ и неспособности. Франціи угрожала не только внѣшняя, но и междуусобная война, а между тѣмъ ея армія оказывалась словно парализованной! Опасались, что эмигрировавшіе принцы вернутся и что Францію закуютъ въ цѣпи въ десятеро болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ она старалась освободиться.

Паоли (въ преклонныхъ лѣтахъ).

Прибывъ въ Парижъ 21-го мая 1792 года, Буонапарте нашелъ, что для просителя безъ денегъ и съ весьма сомнительной репутаціей тамъ въ данную минуту имѣется очень мало шансовъ успѣха. Онъ не терялъ, однако, мужества и тотчасъ же обратился въ военное министерство съ просьбой о зачисленіи его на службу. Всего лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенъ былъ новый военный министръ (въ продолженіи шести мѣсяцевъ ихъ смѣнилось ровно шестеро). Товарищъ министра, завѣдывавшій артиллерійскими департаментами, былъ расположенъ благопріятно отнестись къ просьбѣ Буонапарте и хотѣлъ было зачислить его прежнимъ чиномъ обратно въ полкъ, но военныя событія смѣнялись слишкомъ быстро одно другимъ и болѣе сложныя дѣла заставляли откладывать разрѣшеніе просьбы офицера, обладавшаго, по справкамъ, не вполнѣ благовидной репутаціей. Буонапарте сразу сообразилъ, что дѣло его можетъ быть выиграно единственно лишь терпѣніемъ и надоѣдливостью, и принялся обдумывать, какимъ именно образомъ заручиться средствами, необходимыми для того, чтобы прожить возможно дольше въ столицѣ. Имѣвшіяся у него наличныя деньги всѣ уже вышли, когда онъ розыскалъ Бурьена, бывшаго своего товарища по Бріенской военной школѣ. Бурьенъ бѣдствовалъ также, какъ и самъ Буонапарте, тоже поджидая благопріятной случайности, которая могла бы поправить его дѣла. Закусывая вмѣстѣ въ дешевомъ трактирѣ на улицѣ Сентъ-Оноре они обсуждали сообща разныя средства и способы зашибить деньгу. Они серьезно намѣревались снять квартиру и отдавать ее въ наймы по комна-

тамъ. Бурьенъ былъ вскорѣ назначенъ секретаремъ посольства въ Штутгартъ, такъ что его школьному товарищу пришлось одному перебиваться кое-какъ со дня на день, закладывая немногія цѣнныя вещи, которыя еще у него имѣлись.

Дни и недѣли, проведенные молодымъ корсиканцемъ въ Парижѣ, были полны грозныхъ и многознаменательныхъ событій. Такъ, 29 мая національное собраніе предписало упразднить королевскую дворцовую гвардію; 14-го іюня жирондистовъ удалили изъ министерства, а 17 сформированъ былъ новый кабинетъ болѣе умѣреннаго и консервативнаго оттѣнка. Три дня спустя начался народный бунтъ, а 28 іюня Лафайетъ сдѣлалъ попытку остановить грозное теченіе, обнаруживавшееся въ національномъ собраніи. Попытка эта оказалась столь же безплодной, какъ если бы дѣло шло о томъ, чтобы остановить приливъ океана, и 11 іюня отечество было объявлено въ опасности. Послѣ того въ революціонномъ движеніи произошла какъ бы временная остановка. Выдался спокойный моментъ, во время котораго король 14 іюля праздновалъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ взятіе Бастиліи. Тѣмъ временемъ былъ полученъ адресъ отъ мѣстнаго марсельскаго собранія, требовавшій низложенія Людовика XVI и отмѣны монархической формы правленія во Франціи. Марсельцы обнаружили при этомъ такое нетерпѣніе, что, не дождавшись постановленія резолюціи относительно ихъ адреса, рѣшили устроить въ Парижѣ демонстрацію. 30-го іюля прибыла въ окрестности французской столицы депутація изъ пятисотъ марсельцевъ. 3-го августа она вступила въ Парижъ, распѣвая безсмертный гимнъ, который носитъ до сихъ поръ названіе Марсельезы, хотя былъ на самомъ дѣлѣ сочиненъ въ Страсбургѣ инженернымъ офицеромъ Руже де-Лилемъ. Пылкій южный темпераментъ новоприбывшихъ разжегъ снова огонь бунта въ Парижѣ, а радикалы старались раздувать пламя по мѣрѣ силъ и возможности. Наконецъ, 10-го августа, подготовленная такимъ образомъ буря разразилась невиданнымъ еще до тѣхъ поръ возстаніемъ всѣхъ отверженцевъ и отщепенцевъ, составлявшихъ подонки столичнаго населенія. Къ нимъ присоединились недовольные и завистники,—легкомысленный и скучающій людъ,—зѣваки и праздношатающіеся,—однимъ словомъ, всѣ неустойчивые элементы столицы. На этотъ разъ король утратилъ всякое присутствіе духа. Въ отчаяніи онъ искалъ убѣжища въ залѣ національнаго собранія. Не сочувствуя королю и вмѣстѣ съ тѣмъ относясь весьма отзывчиво къ бѣшенымъ завываніямъ черни, бушевавшей кругомъ на улицахъ, оно признало бѣглеца недостойнымъ высокаго его поста. Въ тотъ же вечеръ королевское достоинство во Франціи было упразднено, а бывшій король со всѣмъ его семействомъ заключенъ въ Тампль.

Нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы молодой корсиканецъ игралъ въ это время какую-нибудь иную роль, кромѣ роли до крайности заинтересованнаго зрителя. Разсказываютъ, что онъ навѣщалъ свою сестру Элизу, воспитывавшуюся въ Сенъ-Сирскомъ институтѣ. Ей предстояло вскорѣ лишиться изящнаго форменнаго

костюма, установленнаго г-жею де-Мэнтенонъ для благородныхъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ этомъ королевскомъ институтѣ, и состоявшаго изъ хорошенькаго шелковаго платья, черныхъ перчатокъ и бронзовыхъ туфелекъ. Разсказываютъ также объ его странствованіяхъ по городу, гдѣ онъ слѣдилъ за все болѣе грозными демонстраціями черни. Говорятъ, будто онъ присутствовалъ при попыткѣ черни ворваться въ Тюльерійскій дворецъ и видѣлъ, какъ толпа уже въ самыхъ дверяхъ дворца отхлынула назадъ передъ спокойнымъ мужествомъ и собственнымъ достоинствомъ, которое проявилъ тогда король. Существуетъ даже, вѣроятно, выдуманный впослѣдствіи, анекдотъ о томъ, будто Наполеонъ открыто высказалъ тогда свое презрѣніе къ подобнымъ мятежнымъ попыткамъ. „Съ чего это вздумалось королю впустить такихъ негодяевъ во дворецъ? Слѣдовало перестрѣлять нѣсколько сотенъ, остальные разбѣжались бы сами“, — говорилъ будто бы Наполеонъ *).

Въ письмѣ отъ первыхъ чиселъ іюля мѣсяца, адресованномъ Люсьену, или, можетъ быть, Жозефу и, безъ сомнѣнія, предназначавшемся для прочтенія въ якобинскомъ клубѣ города Аяччіо содержатся драгоцѣнныя указанія относительно тогдашняго настроенія духа самого Наполеона. Тамъ говорится съ спокойной разсудительностью о проектѣ реформы народнаго образованія. Появленіе Лафайета въ Національномъ собраніи (объявившемъ отечество въ опасности и засѣдавшемъ денно и нощно безъ перерывовъ) признается шагомъ, быть можетъ, даже необходимымъ, чтобы удержать народное представительство отъ крайнихъ и опасныхъ мѣропріятій. Наполеонъ считаетъ французовъ болѣе уже не заслуживающими хлопотъ, потраченныхъ на нихъ порядочными людьми, такъ какъ это одряхлѣвшій народъ, безъ надлежащей внутренней связи, которая могла бы сплотить его въ одно могучее цѣлое **). Тогдашнихъ вождей французскаго народа онъ

*) Разсказъ этотъ, подобно всѣмъ сообщеніямъ Бурьена, не внушаетъ особеннаго довѣрія. Означенный анекдотъ, къ тому же, согласуется съ воззрѣніями скорѣе диктатора Наполеона, чѣмъ искателя приключеній Буонапарте.

**) Являющаяся теперь библіографической рѣдкостью интересная брошюра, озаглавленная „Рукопись съ острова Эльбы“ и содержащая конспектъ десяти главъ, продиктованныхъ 22-го февраля 1815 года Наполеономъ на островѣ Эльбѣ, приписывается графу Монтолону и, вѣроятно, была издана Эдуардомъ О'Меара. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: Бурбоны вступили, въ лицѣ Генриха IV, на престолъ, побѣдивъ такъ называемую Священную лигу противъ протестантовъ и съ согласія народа. Такимъ образомъ, вторая королевская династія смѣнилась третьей. Затѣмъ явилась на сцену республика, права которой были санкціонированы побѣдами, а также властною волей народа и признаны всѣми европейскими державами. Республика создала новую Францію, освободивъ галловъ отъ владычества франковъ. Народъ, чтобы упрочить новые свои интересы, возвелъ вождя республики на императорскій престолъ. Такимъ образомъ воцарилась во Франціи четвертая династія и т. д. и т. д. Въ предположенномъ сочиненіи имѣлось въ виду обстоятельно разработать идею о народѣ, проходящемъ черезъ послѣдовательныя фазы развитія. Въ концѣ каждой изъ нихъ онъ является одряхлѣвшимъ и обезсиленнымъ, но затѣмъ новая форма правленія возрож-

считалъ людьми весьма недалекими и запутавшимися въ пошлыхъ интригахъ, причемъ указывалъ, что подобное зрѣлище можетъ служить для честолюбца весьма полезнымъ холоднымъ душемъ. Очевидно, что урокъ умѣренности преподается въ данномъ случаѣ Наполеономъ совершенно искренно, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни. Проповѣдникъ, сколько можно судить изъ его собственныхъ словъ, являлся тогда не французомъ и не демагогомъ, а просто напросто корсиканцемъ, которому хотѣлось бы жить возможно дальше отъ буйнаго сумасбродства черни и безсодержательной пустоты такъ называемой славы.

Утверждали, будто въ грозный день, 10-го августа, Буонапарте снялъ съ себя маску этой напускной философіи и выступилъ на баррикадахъ въ роли предводителя мятежной черни. Собственный его разсказъ о событіяхъ этого дня не согласуется съ такими утвержденіями: „Я сознавалъ, что сталъ бы защищать короля, если бы отъ меня этого потребовали, такъ какъ принципіально расходился съ воззрѣніями людей, желавшихъ, опираясь на чернь, провозгласить республику. Кромѣ того, меня возмущало уже само по себѣ нападеніе разночинцевъ на военные мундиры". Въ настоящее время нельзя установить ни самый фактъ инцидента, ставящагося въ вину Наполеону, ни подлинность только что приведеннаго, яко бы собственнаго его заявленія.

Неправдоподобно, чтобы такой пламенный и передовой радикалъ, какъ Буонапарте, пользовавшійся извѣстностью и вліяніемъ въ долинѣ Роны, держался совершенно въ сторонѣ отъ марсельской депутаціи. Жозефъ въ своихъ мемуарахъ прямо заявляетъ, что его братъ былъ очевидцемъ столкновенія между народомъ и войсками, происшедшаго 10-го августа. Наполеонъ писалъ ему по этому поводу: „Если бы самъ Людовикъ XVI сѣлъ верхомъ на коня, онъ непремѣнно одержалъ бы верхъ. Послѣ того, какъ марсельцы одержали побѣду, я увидѣлъ одного изъ нихъ, собиравшагося убить гвардейскаго солдата и сказалъ:—Южанинъ, пощадимъ этого несчастливца. — Развѣ ты тоже съ юга? — Да. — Ну ладно, оставимъ его въ живыхъ.—Извѣстно, кромѣ того, что Сантерръ, предводительствовавшій въ этотъ день чернью, оказалъ три года спустя, а именно 13-го Вандемьера, большія услуги Буонапарте. Лишенный генеральскаго чина, который носилъ въ революціонной арміи, Сантерръ былъ въ 1800 году, по распоряженію перваго консула, признанъ опять генераломъ. Все это согласуется съ заявленіями Наполеона и не доказываетъ положительно личнаго его участія въ бунтѣ, но, принимая во вниманіе рѣшающее значеніе, какое имѣли событія 10-го августа для карьеры Буонапарте, нельзя отрицать существованія въ данномъ случаѣ нѣкоторыхъ основаній къ подозрѣніямъ.

Прежнее министерство пало съ королемъ, а мѣсто его засту-

даетъ его къ молодости, заставляя, такъ сказать, сбросить старую затвердѣвшую кору и расчищая мѣсто для новой жизни. Любопытно отмѣтить условія, при которыхъ зарождались идеи Наполеона и стойкость, съ какою онъ потомъ ихъ придерживался.

пило новое, состоявшее изъ радикаловъ. Въ теченіе всего только одного дня Парижъ находился въ состояніи опьяненія. На другой же день всѣ магазины снова открылись. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье театръ Большой Оперы былъ переполненъ публикой, явившейся на благотворительный спектакль въ пользу вдовъ и сиротъ патріотовъ, павшихъ въ столкновеніи съ королевскими войсками. Нѣсколько дней спустя Лафайетъ, въ качествѣ главнокомандующаго въ Сѣверной Франціи, издалъ прокламацію противъ народныхъ смутъ и позволилъ себѣ даже арестовать комиссаровъ національнаго собранія, присланныхъ, чтобы, смѣстивъ его, руководить по собственному усмотрѣнію военными дѣйствіями. Онъ не замедлилъ, однако, убѣдиться въ утратѣ прежняго своего престижа. Бѣшеный порывъ общественнаго мнѣнія оставилъ Лафайета далеко назади, и онъ не обладалъ уже теперь ни малѣйшимъ вліяніемъ лично, или же какъ бывшій командиръ національной гвардіи. Преданный суду и объявленный внѣ закона, онъ, подобно королю, утратилъ должное самообладаніе и бѣжалъ на нейтральную лютихскую территорію. Австрійцы не поцеремонились нарушить этотъ нейтралитетъ и захватили Лафайета, подобно тому, какъ Наполеонъ нарушилъ впослѣдствіи нейтралитетъ баденской территоріи, чтобы захватить тамъ герцога Энгіенскаго. Крѣпость Лонгви сдалась 23-го августа пруссакамъ. Сдачу ея приписали измѣнѣ французскихъ офицеровъ.

Буонапарте въ роли француза-якобинца.

Новое военное министерство составило 20-го августа докладъ въ пользу Буонапарте. Десять дней спустя Наполеона снова приняли на службу, или лучше сказать все дѣло объ исключеніи его изъ таковой было кассировано и предано, сколько можно судить, забвенію. Дѣйствительно, онъ былъ произведенъ въ капитанскій чинъ, со старшинствомъ отъ 6-го февраля 1792 года, совершенно такимъ образомъ, какъ если бы состоялъ все время на лицо въ своемъ полку. Съ этого же числа предписано было выплатить ему жалованье по капитанскому чину. Подобный успѣхъ могъ, разумѣется, подѣйствовать на молодого человѣка опьяняющимъ образомъ. Великій математикъ Монжъ, бывшій его учитель въ парижской военной школѣ, занималъ теперь постъ морского министра. Вѣрный своей природѣ, съ необдуманностью искателя приключеній и дерзкимъ безстыдствомъ игрока, Буонапарте тотчасъ же подалъ просьбу о назначеніи его подполковникомъ въ морскую артиллерію. Начальство сочло повидимому эту просьбу шуткою, такъ какъ эта просьба препровождена была прямо въ архивъ съ помѣткою: „S. R.“ (sans réponse) безъ отвѣта.

Вѣроятно, что, со стороны молодого капитана, она являлась вполнѣ серьезной и, быть можетъ, вызывалась непобѣдимымъ отвращеніемъ къ полку, гдѣ его исключили изъ службы. Необходимо замѣтить, что тамъ оставался прежній полковой командиръ, нерасположенный потакать Наполеону.

Капитанъ Буонапарте не замедлилъ найти благовидный предлогъ, чтобы увильнуть отъ службы и вернуться къ прежней своей агитаторской дѣятельности въ Корсикѣ. Въ числѣ королевскихъ учрежденій, упраздненныхъ 18-го августа національнымъ собраніемъ, оказался, между прочимъ, также и Сенъ-Сирскій институтъ, формально именовавшійся „Заведеніемъ Св. Людовика". Его постановлено было теперь закрыть, разославъ всѣхъ воспитанницъ по домамъ. Пансіонеркамъ ассигнованы были прогоны въ размѣрахъ по одному франку на каждую милю. Сестрѣ Наполеона, Элизѣ, причиталось получить 352 франка. Нельзя же было отправить молодую дѣвушку одну въ такой дальній путь. Умѣстнѣе всего представлялось назначить ей въ провожатые родного ея брата, какъ естественнаго покровителя и защитника. Поэтому, 1-го сентября, братъ и сестра явились вмѣстѣ къ властямъ за полученіемъ прогоновъ. Неизвѣстно, какіе именно таланты и свѣдѣнія пріобрѣла дѣвица де-Буонапарте въ институтѣ св. Людовика, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что правописаніе и синтаксисъ хромали у нея совершенно въ такой же степени, какъ и у ея братца. Собственноручныя прошенія, поданныя ими обоими, сохранились до сихъ поръ. Они написаны такъ, что могли бы довести до бѣлаго каленія всякаго, сколько-нибудь добросовѣстнаго учителя начальной городской школы. Въ данномъ случаѣ, однако, прошенія эти оказались вполнѣ удовлетворительными. Требуемые прогоны были выплачены на слѣдующій же день и въ тотъ же вечеръ капитанъ Буонапарте съ сестрою переѣхалъ въ парижскій отель Патріотовъ, гдѣ и прожилъ съ ней цѣлую недѣлю. Часть этого времени была употреблена капитаномъ на хлопоты объ увольненіи въ отпускъ. Послѣдующія событія позволяютъ, однако, предположить, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ постарался тогда сблизиться съ вліятельными парижскими якобинцами и снискать ихъ расположеніе. Впрочемъ, если онъ даже и дѣлалъ съ этою цѣлью какіе-либо авансы, онъ все-таки не скомпрометировалъ себя сколько-нибудь серьезнымъ образомъ. Быть можетъ, за послѣднія нѣсколько недѣль Наполеону выяснился дѣйствительный фактъ, что Франція для него—и самъ онъ для Франціи—пока еще не готовы.

Существуетъ обстоятельство, свидѣтельствующее, повидимому, что интересъ, который питалъ въ то время Наполеонъ Буонапарте къ французской революціи, былъ не особенно пламеннымъ и сердечнымъ. Какъ только разрѣшено было ему уѣхать въ отпускъ, онъ, не ожидая даже уплаты тысячи пятисотъ франковъ жалованья, долженствовавшей послѣдовать приблизительно лишь черезъ мѣсяцъ, отправился въ десятыхъ числахъ сентября вмѣстѣ съ сестрою на родину. Доѣхавъ въ дилижансѣ до Ліона, они отплыли оттуда на пассажирской баркѣ внизъ по Ронѣ въ Марсель. Въ Валансѣ, гдѣ эта барка стояла нѣсколько часовъ, Наполеона навѣстили его пріятели, въ томъ числѣ нѣкоторые изъ кредиторовъ, очевидно, не особенно сѣтовавшіе на неаккуратность своего должника Бывшая квартирная хозяйка Наполеона, г-жа Бу, по-

лучившая сравнительно лишь очень немного въ счетъ должной ей суммы, принесла ему въ подарокъ корзину фруктовъ, которыми

Наполеонъ съ своей сестрой Элизой на пути въ Корсику. Въ Валансѣ бывшая его квартирная хозяйка подноситъ ему въ подарокъ фрукты.

въ это время года изобилуютъ окрестности Валанса. Четвертый артиллерійскій полкъ тамъ уже не стоялъ. Большая его часть находилась на сѣверо-западной границѣ, въ арміи Дюмурье, дол-

женствовавшей сдерживать побѣдоносные австрійскіе и прусскіе легіоны. Четырнадцатаго сентября путники прибыли уже въ Марсель,—на слѣдующій день отплыли въ Корсику, а семнадцатаго —Буонапарте оказался снова въ Аяччіо. Быть можетъ, онъ не питалъ уже такой увѣренности, какъ прежде, что ему удастся сдѣлать блестящую карьеру на родинѣ, но тѣмъ не менѣе рѣшилъ еще разъ попытать счастья. Это было уже четвертое его возвращеніе на островъ Корсику. Онъ нашелъ, что Люсьенъ и Фешъ стоятъ во главѣ радикальнаго клуба, Жозефъ оказывался тоже на своемъ посту; Луи, по обыкновенію, былъ безъ опредѣленныхъ занятій и тунеядствовалъ; г-жа Буонапарте и младшія ея дѣти находились въ добромъ здоровьѣ; самъ Наполеонъ, разумѣется, чувствовалъ подъемъ духа, благодаря незаслуженному своему производству. Наличныя деньги, полученныя по наслѣдству отъ покойнаго архидіакона, были, разумѣется, почти уже издержаны, но превосходные виноградники, фруктовые сады и тутовыя плантаціи въ родовыхъ помѣстьяхъ Буонапарте приносили хорошій доходъ. Наполеонъ могъ, кромѣ того, разсчитывать на полученіе отъ полкового своего казначея крупной суммы жалованья, причитавшагося чуть не за цѣлый годъ.

Событія, происходившія во Франціи, существенно измѣнили общій характеръ политическаго положенія въ самой Корсикѣ. Оно стало несравненно болѣе благопріятнымъ для революціонной попытки, чѣмъ когда-либо передъ тѣмъ. По распущеніи учредительнаго собранія Саличетти вернулся обратно въ Корсику со многими новыми идеями, навѣянными образомъ дѣйствій парижской городской управы. Идеи эти онъ усердно распространялъ среди своихъ единомышленниковъ, оказавшихся способными учениками. Они быстро усвоили себѣ характерные пріемы демагогіи, а также взяточничество, продажность и расхищеніе общественныхъ суммъ. Еще до прибытія Буонапарте Саличетти вернулся во Францію въ качествѣ депутата въ новоизбранное національное собраніе, но дурное его вліяніе продолжало обнаруживаться въ Корсикѣ съ полною силой и послѣ его отъѣзда. Вліятельные сторонники Саличетти всюду проявляли энергическую наглую дѣятельность. Паоли оказывался въ самомъ безпомощномъ положеніи и приходилъ въ отчаяніе. Онъ состоялъ главнокомандующимъ всѣхъ регулярныхъ войскъ на островѣ Корсикѣ, но должность эта была ему навязана противъ воли и ослабляла его вліяніе среди патріотовъ. Стойкій сторонникъ Паоли и врагъ Буонапарте, Поццо ди-Борго, былъ назначенъ взамѣнъ Саличетти генералъ-прокуроромъ. Необходимо замѣтить, что Паоли состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнокомандующимъ добровольцевъ національной гвардіи, а потому въ рукахъ его сосредоточивалась вся какъ военная, такъ и административная власть на островѣ Корсикѣ. Зато на немъ лежала также всецѣло отвѣтственность за сохраненіе тамъ спокойствія и порядка. Между тѣмъ, корсиканцы были менѣе чѣмъ когда-либо расположены повиноваться властямъ. Имъ казалось совершенно нелогичнымъ, что ихъ кумиръ пользуется та-

кими широкими полномочіями не въ качествѣ корсиканца, но отъ имени Франціи. Настроеніе обѣихъ главныхъ корсиканскихъ партій

Бонапартъ закладываетъ свои часы.

поэтому существенно измѣнилось и хотя воззрѣнія ихъ тоже отчасти перемѣнились, но онѣ оказывались болѣе чѣмъ когда-либо ожесточенными одна противъ другой.

Само собой разумѣется, что Наполеонъ Буонапарте не могъ при такихъ обстоятельствахъ оставаться нейтральнымъ. Это было не въ его натурѣ и не соотвѣтствовало бы условіямъ обстановки, въ которую онъ попалъ. Тотчасъ же по возвращеніи, онъ снова занялъ должность подполковника національной гвардіи и, подъ предлогомъ осмотра занятыхъ ею постовъ, совершилъ путешествіе по Корсикѣ. Вторымъ его шагомъ была, произведенная для соблюденія приличій, попытка примиренія съ Паоли. Въ клубахъ, а также среди своихъ пріятелей и подчиненныхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были расположены добровольцы національной гвардіи, Наполеонъ говорилъ теперь весьма рѣшительно и самымъ повелительнымъ тономъ. Манеры его стали также весьма горделивыми и величественными. Въ письмѣ, съ которымъ онъ обратился къ одному изъ поручиковъ національной гвардіи, искреннему корсиканскому патріоту, Костѣ, заявляется, что подполковнику не дозволяетъ прибыть въ Сенъ-Бонифачіо полученный отъ генерала (Паоли) приказъ явиться въ Корте. При первой возможности онъ, однако, пріѣдетъ и положитъ конецъ всѣмъ безпорядкамъ и противузаконностямъ. „Кланяйтесь нашимъ друзьямъ,—говоритъ Наполеонъ,—и увѣрьте ихъ въ моемъ желаніи споспѣшествовать ихъ желаніямъ“. Письмо написано по итальянски, но фактъ этотъ представляется несущественнымъ сравнительно съ совершенно новымъ тономъ, которымъ говорится о Франціи: „Непріятель, покинувъ Верденъ и Лонгви, переправился черезъ рѣку, чтобы вернуться во свояси, но наши тоже не дремлютъ“. Люсьенъ пояснилъ въ припискѣ, что послалъ дражайшему Костѣ брошюру какъ къ своему пріятелю, а не какъ къ сотруднику, такъ какъ Коста уклонился отъ сотрудничества. Сколько можно судить, оба брата предусматривали уже тогда возможность покинуть Корсику противъ собственнаго своего желанія.

Въ предшествовавшемъ апрѣлѣ (1792 г.) объявлена была Франціей война Австріи, причемъ немедленно обнаружилось, что пограничныя съ Франціей державы пришли уже другъ съ другомъ къ соглашенію и собирались составить коалицію, долженствовавшую охватить республику со всѣхъ сторонъ кольцомъ стальныхъ штыковъ. Австрійскіе Нидерланды (Бельгія) оказывались до такой степени проникнуты революціоннымъ духомъ, что оттуда навряд-ли можно было ожидать сколько-нибудь серьезнаго нападенія. Зато имперскія государства, въ томъ числѣ и Пруссія, а также Испанія и Голландія, несомнѣнно разсчитывали примкнуть къ коалиціи. Если бы итальянскія государства, съ Сардинскимъ королевствомъ во главѣ, послѣдовали ихъ примѣру, то Франція оказалась бы въ критическомъ положеніи. При такихъ обстоятельствахъ въ національномъ собраніи рѣшено было нанести ударъ Савойскому дому для того, чтобы застращать какъ его самого, такъ и прочіе итальянскіе дворы и такимъ образомъ принудить ихъ къ бездѣйствію. Мысль произвести съ этой цѣлью нападеніе на островъ Сардинію возникла въ Корсикѣ среди единомышленниковъ Саличетти, который и хлопоталъ объ ея осуществленіи. Чтобы заручиться влія-

ніемъ Паоли не только на родномъ его островѣ, но и въ Сардиніи, гдѣ онъ пользовался тоже большою извѣстностью и почетомъ, министры назначили бывшаго диктатора, противъ всякаго его желанія, генералъ-лейтенантомъ регулярной арміи и поручили его пріятелю Перальди наблюдать за снаряженіемъ въ Тулонѣ дессантной флотиліи.

Событія 10 августа положили временно конецъ конституціонному монархическому правленію во Францію. Комиссары парижскихъ секцій одолѣлигородскую управу и Дантонъ, добравшись до власти въ качествѣ представителя простонародья, сдѣлался руководителемъ новой якобинской коммуны, которой вскорѣ удалось присвоить себѣ верховную власть надъ всей Франціей. Назначены были выборы въ Національный Конвентъ путемъ всеобщаго голосованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ организовался Комитетъ Общественной Безопасности, въ которомъ главной дѣйствующей пружиной оказывался кровожадный Маратъ. По иниціативѣ этого комитета многіе роялисты, сторонники конституціонной монархіи и другія лица, подозрѣваемыя въ сочувствіи консервативнымъ политическимъ убѣжденіямъ, были арестованы и засажены въ тюрьмы. Новое Національное собраніе, выполнивъ формальности, необходимыя для подтвержденія этихъ деспотическихъ мѣропріятій, а также признавъ новую организацію парижской коммуны и яко-

Кристофано Саличчетти.
(Съ старинной гравюры на мѣди).

бинское министерство, въ которомъ Дантонъ состоялъ министромъ юстиціи, разошлось. 2 сентября началась общая очистка тюремъ, сводившаяся просто на просто къ поголовной рѣзнѣ заключенныхъ и продолжавшаяся пять дней. Версаль, Ліонъ, Мо, Реймсъ и Орлеанъ подверглись подобной же очисткѣ. Среди этихъ звѣрскихъ сценъ, непорочный Робеспьеръ, руки котораго не были запятнаны кровью, пролитой 10 августа, игралъ роль спокойнаго государственнаго дѣятеля, сдерживавшаго дикіе порывы грубаго и страстнаго, но не эгоистическаго и неразсчетливаго Дантона. Оба они, съ Филиппомъ Эгалите и Колло д'Эрбуа, принадлежали къ числу депутатовъ, выбранныхъ городомъ Парижемъ въ Національный Конвентъ, собравшійся 21 сентября. Въ амфитеатрѣ, гдѣ засѣдалъ этотъ Конвентъ, жирондисты, или умѣренные республиканцы, составлявшіе значительное большинство, заняли мѣсто по правую сторону президентскаго кресла. На самомъ верху,—на крайней лѣвой,—расположились якобинцы, образуя такъ называемую „гору". Между ними и правой сидѣли робкіе и нерѣшительные депутаты, которыхъ, смотря по уровню демократическихъ ихъ чувствъ, причисляли къ „равнинѣ" или къ „болоту". Само собой разумѣется, что всѣ безъ исключенія члены Конвента оказались республиканцами. Конвентъ началъ свою дѣятельность съ упраздненія монархіи и провозглашенія Франціи республикой. Слѣдующимъ его шагомъ было учрежденіе совѣта, облеченнаго исполнительной властью, и постановленіе о томъ, что 22 сентября 1792 года должно считаться первымъ днемъ перваго года республики. Жирондисты, предводимые Бриссо и Ролланомъ, пользуясь тѣмъ, что представляли собою большинство въ Конвентѣ, пытались возстановить порядокъ въ Парижѣ и обуздать крайнихъ якобинцевъ. Несмотря на сравнительную свою многочисленность и благоразуміе политическихъ своихъ воззрѣній, жирондисты не съумѣли, однако, удержать за собою власть. Прежде чѣмъ минуло три мѣсяца первому году республики, неразборчивые въ средствахъ къ достиженію цѣли якобинцы захватили съ помощью парижской коммуны власть въ свои руки.

Провозглашеніе республики только ускорило выполненіе замысловъ Саличетти противъ Сардиніи. Конвентъ дѣйствовалъ энергичнѣе, чѣмъ Національное собраніе. Десантная эскадра была тотчасъ же снаряжена. Французскимъ войскамъ, долженствовавшимъ отплыть на ней, предписали собраться въ Вильфраншѣ, куда надлежало прибыть изъ Корсики также вспомогательному отряду, составленному частью изъ регулярныхъ войскъ, частью же изъ національной гвардіи. Бывшему батальону Буонапарте предстояло участвовать въ этой экспедиціи. Паоли съ самаго начала не сочувствовалъ проекту нападенія на Сардинію. Сторонники этого проекта, обнаруживавшіе усердіе не по разуму, не принадлежали къ числу его пріятелей. Тѣмъ не менѣе онъ занималъ въ Корсикѣ постъ главнокомандующаго какъ регулярными войсками, такъ и волонтерами; французское правительство рѣшило произвести экспедицію, а потому всѣ распоряженія, не-

обходимыя для ея осуществленія, долженствовали дѣлаться самимъ Паоли. Возвращеніе Буонапарте въ прежній его батальонъ являлось, безъ сомнѣнія, противузаконнымъ. Въ качествѣ капитана, состоящаго на дѣйствительной службѣ въ четвертомъ артиллерійскомъ полку и получающаго полностью жалованье, онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть подполковникомъ корсиканской національной гвардіи, которому тоже полагалось по штатамъ жалованье. Наполеонъ былъ, впрочемъ, не такимъ человѣкомъ, чтобы смущаться подобными мелочными формальностями. Въ данномъ случаѣ онъ, очевидно, имѣлъ въ виду ухватиться разомъ за оба рога представлявшейся ему диллемы.

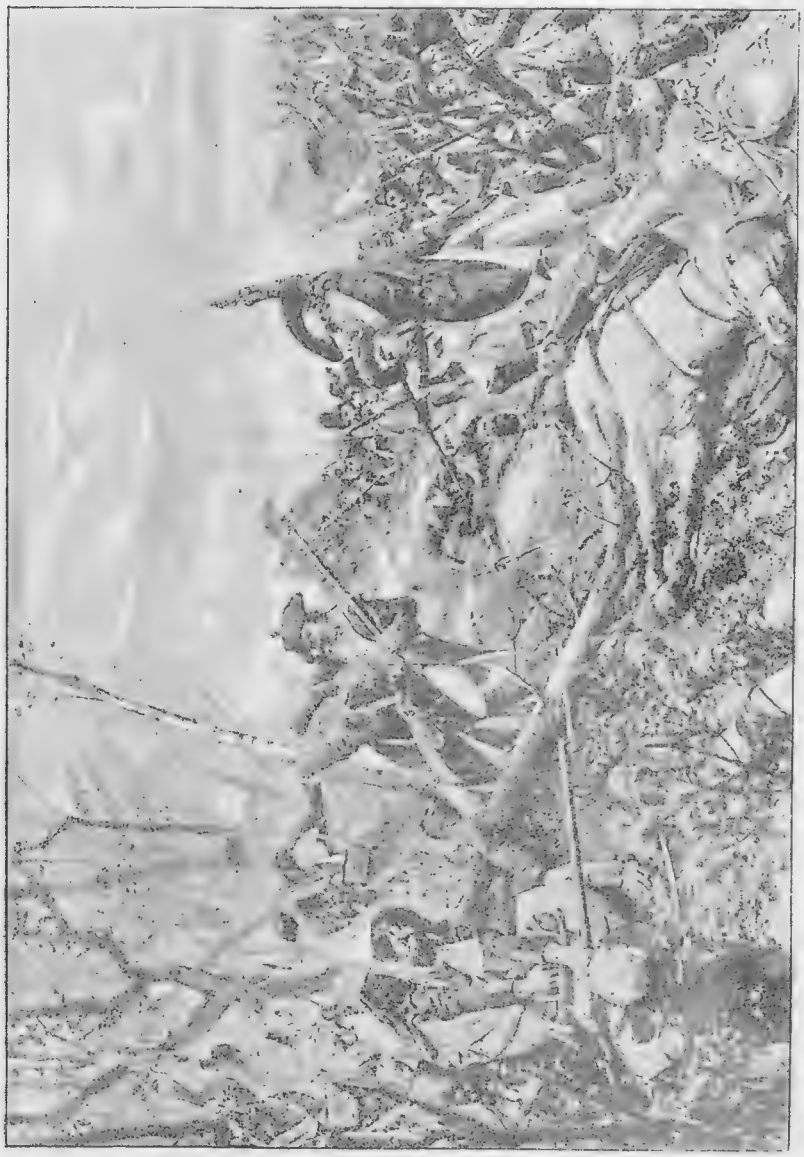
Паоли, въ качествѣ французскаго должностнаго лица, разумѣется, не имѣлъ права допустить даже и на минуту такую противозаконность. Съ другой стороны, въ качествѣ патріота, старающагося сохранить за собой возможно большее вліяніе, и стариннаго пріятеля семьи Буонапарте, ему не хотѣлось отсылать юнаго капитана назадъ во Францію, къ мѣсту служенія. Свиданіе въ Корте, между Наполеономъ и Паоли, имѣло по этому нерѣшительный характеръ. Бывшій диктаторъ доброжелательно, но стойко заявилъ, что не можетъ дать артиллерійскому капитану формальнаго разрѣшенія участвовать въ экспедиціи; капитанъ въ свою очередь дѣлалъ видъ, будто негодуетъ на отказъ въ признаніи законныхъ его правъ. Говорятъ, будто онъ даже угрожалъ жаловаться въ Парижъ на антинаціональный образъ дѣйствій прежняго своего героя и полубога. Какъ бы ни было, но Буонапарте вернулся въ Аяччіо, заручившись лишь неформальнымъ дозволеніемъ принять участіе въ экспедиціи. Встрѣченный съ восторгомъ національными гвардейцами, онъ принялъ на себя должность командира, занимать которую не имѣлъ ни малѣйшаго права. Паоли счелъ возможнымъ закрыть глаза на это вопіющее нарушеніе дисциплины. Многіе полагали, будто въ нѣдрахъ французской партіи существовалъ заговоръ съ цѣлью предоставить Буонапарте возможность захватить себѣ, благодаря экспедиціи въ Сардинію, главное начальство, по меньшей мѣрѣ, надъ корсиканскими войсками, и такимъ образомъ заступить мѣсто Паоли. Если предположеніе это основательно, то Паоли или не зналъ о заговорѣ, или же поступилъ такъ, какъ считалъ наиболѣе умѣстнымъ, ввиду того, что собственные его планы еще не созрѣли. Драма личныхъ его политическихъ недоразумѣній и тщетныхъ попытокъ выбраться изъ нихъ быстро приближалась къ развязкѣ. Логика событій оказывалась не по силамъ искреннему, но совершенно сбитому съ толка старому патріоту, и до окончанія послѣдняго акта политической его карьеры предстояло сыграть всего только одну или двѣ сцены.

Проектъ высадки въ Сардинію оказывался черезчуръ сложнымъ и построеннымъ на слишкомъ тонкихъ разсчетахъ. Часть эскадры получила предписаніе идти вдоль итальянскихъ береговъ,—произвести демонстрацію въ нѣсколькихъ портахъ, и въ одномъ изъ нихъ, именно въ неаполитанскомъ,—потребовать публичное удо-

вленіе за нанесенное тамъ оскорбленіе новому французскому трехцвѣтному флагу, являвшемуся, вмѣстѣ съ тѣмъ, эмблемой свободы. Другая часть эскадры должна была взять въ Аяччіо французскія войска и корсиканскихъ національныхъ гвардейцевъ,—идти оттудавъ Пальмскую бухту на соединеніе съ первою частью эскадры, а затѣмъ—вмѣстѣ двинуться на Кальяри. Французскія войска, назначенныя въ эту экспедицію изъ Варской арміи генерала Ансельма, существовали только на бумагѣ. Единственною военной силой, оказывавшейся на лицо, была марсельская національная гвардія, состоявшая преимущественно изъ необученыхъ, дурно снаряженныхъ и неопытныхъ юношей. Посадивъ часть этой гвардіи на суда, командиръ эскадры направился къ Аяччіо, причемъ ему пришлось бороться съ противными вѣтрами и волненіемъ. Два изъ его судовъ потерпѣли крушеніе, а одно судно, хотя и достигло порта, но явилось туда въ состояніи полной негодности. Остальныя суда потерпѣли аваріи, и экипажъ ихъ обнаружилъ признаки сильнѣйшей деморализаціи. По прибытіи эскадры въ Аяччіо, нѣсколько буяновъ, отпущенныхъ на берегъ, побратались съ французскими солдатами мѣстнаго гарнизона. Во время происшедшей при этомъ попойки завязалась ссора съ корсиканскими національными гвардейцами, двое изъ которыхъ были убиты. Мстительные корсиканцы страшно расходились и грозили кровавой местью. Кое-какъ удалось водворить порядокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась невозможность посадить французовъ и корсиканцевъ на одинъ и тотъ же корабль, безъ того, чтобы это не послужило поводомъ къ бунту, дракѣ и кровопролитію.

Наполеону показалось, что для него представляется благопріятный случай дѣйствовать самостоятельно. Онъ тотчасъ же предложилъ единственно возможную комбинацію, заключавшуюся въ томъ, чтобы снарядить особую корсиканскую экспедицію. Предложеніе его было принято и вслѣдствіе этого французскій флотъ, забравъ съ собой регулярныя войска, отплылъ изъ Аяччіо, оставивъ тамъ корсиканскихъ національныхъ гвардейцевъ съ Наполеономъ Буонапарте. Подобныя же сцены происходили и въ Сенъ-Флоранскомъ портѣ. Произведенное французами нападеніе на Кальяри не удалось, сколько можно судить, частью вслѣдствіе плохого снаряженія флота и недоброкачественности войскъ, частью же оттого, что обѣ половины эскадры, или, лучше сказать, остатки ихъ не прибыли въ условленное время на сборный пунктъ. Имъ удалось соединиться лишь 14-го февраля 1793 года. Нижніе чины дессантнаго отряда жаловались, что ихъ дурно кормятъ и плохо повиновались офицерамъ. Когда войска высадили на берегъ и двинули на штурмъ крѣпости, они пришли въ паническій ужасъ и побросали бы оружіе, если бы ихъ не поторопились посадить опять на суда. Дорого стоившее предпріятіе увѣнчалось всего лишь въ одномъ мѣстѣ успѣхомъ. Демонстрація въ Неаполѣ произвела желаемое дѣйствіе. Испуганный неаполитанскій дворъ обѣщалъ оставаться нейтральнымъ и дать удовлетвореніе за обиду, нанесенную трехцвѣтному флагу.

Корсиканская экспедиція оказалась столь же неудачной, какъ и французская. Паоли одобрилъ проектъ Наполеона Буонапарте, но поручилъ начальство надъ экспедиціей не ему, а Чезаре Ко-



Сраженіе подъ Жемаппомъ, близъ Монса, въ Бельгіи, 6-го Ноября 1792 года.
Взятіе редута Ламьеромъ. Штурмующія войска поютъ Марсельезу.

лоннѣ. Разочарованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ стойкій и энергическій молодой честолюбецъ остался въ подчиненномъ положеніи младшаго штабъ-офицера при первомъ батальонѣ корсиканской

національной гвардіи. Пришлось ждать цѣлый мѣсяцъ, пока французскій корветъ, съ сопровождавшими его фелукками, приготовился къ отплытію. Наконецъ, 20-го февраля 1793 года, экспедиціонная эскадра была окончательно снаряжена и снабжена необходимымъ запасомъ продовольствія. Экспедицію предполагалось отправить къ Маделенскимъ островамъ (на одномъ изъ которыхъ, а именно Капрерѣ, жилъ впослѣдствіи Гарибальди). Взявъ на бортъ десантный отрядъ, флотилія вышла въ море, но вѣтеръ почти тотчасъ же стихъ. Штиль продолжался двое сутокъ, вслѣдствіе чего пришлось выдавать матросамъ и нижнимъ чинамъ уменьшенную порцію и въ войскахъ, когда, наконецъ, эскадра достигла мѣста назначенія, обнаружился упадокъ духа. Первая аттака, произведенная на островъ Св. Стефана, увѣнчалась успѣхомъ. Буонапарте съ своими пушками высадился тамъ и принялся обстрѣливать черезъ узенькій проливъ Магдалену, главный городъ главнаго острова. Непріятельскія орудія вскорѣ вынуждены были замолчать и корвету оставалось только потихонько обогнуть лежавшій на пути островъ Капреру, для того, чтобы занять городъ. Какъ разъ въ это время, однако, экипажъ корвета взбунтовался и завладѣлъ кораблемъ. При такихъ обстоятельствахъ артиллеріи и ея командиру съ трудомъ лишь удалось размѣститься на оставшихся близъ Св. Стефана фелуккахъ и вернуться 27 мая на островъ Корсику въ портъ Св. Бонифачіо. Весьма характернымъ симптомомъ существовавшей въ то время анархіи является тотъ фактъ, что никто не былъ наказанъ за постыдное фіаско этой экспедиціи. Буонапарте, сойдя на берегъ, немедленно же простился съ своими добровольцами. Прибывъ 3-го марта въ Аяччіо, онъ нашелъ, что не можетъ болѣе, хотя бы даже и съ натяжками, считаться подполковникомъ. Дѣйствительно, въ теченіе его кратковременнаго отсутствія, вся корсиканская національная гвардія была распущена и взамѣнъ того сформированы два батальона легкой пѣхоты. Назначеніе офицеровъ въ эти батальоны предоставлено было мѣстному корсиканскому департаментскому управленію.

До ушей Наполеона Буонапарте доходили странныя извѣстія. Правда, что онъ уже зналъ многое изъ случившагося послѣ его отъѣзда изъ Парижа. Во Франціи была истреблена съ корнями и отпрысками тираннія феодальныхъ привиллегій, вслѣдствіе чего соціальный ея строй расползался по всѣмъ швамъ, а между тѣмъ не находилось мощной руки, способной наложить новые скрѣпы, тѣмъ болѣе, что король, интригуя съ иностранными дворами, фактически измѣнилъ своему народу. При такихъ обстоятельствахъ монархія рушилась, но прежде чѣмъ она успѣла пасть, сторонники ея вызвали заграничную войну, въ которой видѣли для монархическаго принципа послѣдній якорь спасенія. Побѣда, одержанная въ началѣ этой войны австрійцами и пруссаками, довела французскій народъ до умоизступленія. Диктатура попала въ руки Робеспьера и Дантона, послѣ чего объ умѣренной политикѣ не могло быть и рѣчи. Исполнительный комитетъ Конвента, чтобы успокоить бурю народнаго негодованія, рѣшился сдѣлать энер-

гическое усиліе и выставилъ разомъ въ поле три большихъ арміи. Къ общему удивленію, 6 ноября 1792 года Дюмурье выигралъ сраженіе подъ Жемаппомъ, благодаря которому завоевалъ австрійскіе Нидерланды до самаго Люттиха. Шельда, судоходство по которой было закрыто съ 1748 года, вслѣдствіе происковъ Англіи и Голландіи, была теперь снова объявлена свободной, и торговое движеніе пошло естественнымъ своимъ путемъ. Въ сангвиническомъ порывѣ народной радости приняты были мѣры къ немедленному провозглашенію бельгійской республики. Другія двѣ арміи подъ начальствомъ Кюстина и Келлермана дѣйствовали менѣе успѣшно. Первая заняла было Франкфуртъ, но затѣмъ ее оттѣснили опять къ Рейну. Келлерманъ разбилъ союзниковъ подъ Вальми, но не успѣлъ придти своевременно на помощь къ Кюстину для совмѣстнаго съ нимъ дѣйствія. Между тѣмъ, агитація въ Парижѣ приняла форму личной вражды къ „Луи Капету“, какъ называли короля вожди буйной черни. Въ ноябрѣ Конвентъ вызвалъ бывшаго короля для снятія съ него допроса. Когда затѣмъ рѣчь зашла о преданіи его суду, жирондисты, желая спасти жизнь Людовику XVI, заявили, что онъ не подсуденъ Конвенту и что для суда надъ бывшимъ королемъ надо испросить предварительно у народа необходимыя полномочія. Якобинцы, напротивъ того, утверждали, что Конвентъ обладаетъ и самъ суверенными правами. Робеспьеръ протестовалъ отъ имени Франціи противъ обращенія къ народу. Радикалы, поддержанные бурными демонстраціями не только парижской черни, но и своихъ сторонниковъ въ департаментахъ, одержали верхъ. Смертный приговоръ надъ королемъ былъ произнесенъ 17 января 1793 года большинствомъ 366 голосовъ противъ 355 и выполненъ—шесть дней спустя. Такой поступокъ являлся дерзновеннымъ вызовомъ всѣмъ монархамъ, или, иными словами,—всей тогдашней Европѣ.

Первымъ министромъ въ Англіи былъ тогда Питтъ младшій. Подобно большинству своихъ соотечественниковъ, онъ, до 1789 г., благодушно одобрялъ общій ходъ французской революціи. Съ тѣхъ поръ, однако, его мнѣніе и мнѣніе большинства англійскаго народа совершенно измѣнилось. Благодаря софистическому, но тѣмъ не менѣе мастерскому краснорѣчію Бурке, англичане постепенно пришли къ убѣжденію, что сущностью революціоннаго движенія являются якобинство, насилія и всяческія преступленія, для которыхъ конституціонныя реформы служатъ только предлогомъ. Съ 1789 по 1792 годъ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи обнаруживалось такое сильное и быстрое теченіе, враждебное французской революціи, что Питтъ былъ не въ состояніи за нимъ слѣдовать. Казнь Людовика XVI заставила замолчать умѣренную партію въ Англіи. Извѣстіе объ этой казни было встрѣчено криками ужаса и негодованія. Англійскій народъ требовалъ объявленія войны. Развѣ можно позволить, чтобы королямъ рубили головы и чтобы республиканскія идеи, поддерживаемыя штыками республиканскихъ армій, разлились словно пожаръ по всему лицу Европы? Монархическіе англійскіе либералы были ошелом-

лены казнью Людовика XVI и провозглашеніемъ бельгійской республики и не могли пріискать оправданія этимъ фактамъ. Англійскіе анти-якобинцы дошли до такой же степени фанатизма, какъ и французскіе якобинцы. Будучи не въ силахъ противустоять теченію и сознавая неизбѣжность войны, Питтъ рѣшился убить, какъ говорится, однимъ камнемъ двухъ воробьевъ, а именно достигнуть того, чтобы зачинщицей оказалась Франція и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь упрочить почти исчезнувшій уже свой авторитетъ въ парламентѣ. Съ замѣчательной въ дипломатическомъ отношеніи ловкостью Францію довели до того, что она сама объявила войну Англіи. Энтузіазмъ въ Парижѣ пылалъ словно огонь въ грудѣ сухого хвороста. Республиканцы заявляли, что, вслучаѣ надобности, Франція готова сразиться со всѣмъ остальнымъ міромъ. Религія ея: свобода и равенство. Вся Франція обратится въ лагерь, а весь народъ ея въ армію. Триста тысячъ человѣкъ немедленно же будутъ призваны подъ знамена, снаряжены и обучены!

Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы страшныя извѣстія о сентябрскихъ убійствахъ, или даже о незаслуженной казни короля, произвели особенное впечатлѣніе на Буонапарте, но объявленіе войны англичанамъ, безъ сомнѣнія, могло сильно заинтересовать юнаго капитана. Спрашивалось, что будетъ дѣлать теперь Паоли? Движимый благодарностью къ Англіи, онъ многократно и совершенно серьезно заявлялъ, что никогда не подыметъ противъ нея оружія. Между тѣмъ онъ оказывался теперь генералъ-лейтенантомъ на службѣ враждебной англичанамъ французской республики. Дивизія его была причислена къ слабой и разстроенной итальянской арміи, которую номинально привели уже на военное положеніе и собирались поставить подъ его начальство. Радикалы въ Конвентѣ давно уже знали о преданности Паоли принципамъ конституціонной монархіи и думали, что нашли удобный способъ избавиться отъ такого опаснаго врага. Уже трое главнокомандующихъ итальянской арміей подверглись опалѣ за свои попытки выгнать съ недостаточными для того силами сардинскія войска изъ горныхъ проходовъ въ приморскихъ Альпахъ. Припоминая ихъ участь и свои обязательства по отношенію къ Англіи, Паоли категорически отказался отъ предложенной ему чести. 17 апрѣля онъ получилъ предписаніе явиться для объясненій въ Конвентъ и вслѣдствіе этого сталъ на нѣкоторое время опять популярнѣйшимъ человѣкомъ во всей Корсикѣ. Онъ сохранилъ себѣ многихъ искреннихъ друзей даже и въ рядахъ радикальной партіи. Что касается до роялистовъ, то они навсегда отшатнулись отъ правительства, позволившаго себѣ умертвить короля. Церковь тоже не могла ожидать покровительства отъ безбожниковъ, стоявшихъ въ то время у кормила правленія Франціи. Эти три элемента немедленно примкнули къ протесту паолистовъ противъ самовластнаго образа дѣйствій Конвента. Члены Горы давно уже подозрѣвали, что на островѣ Корсикѣ существуетъ „англійская“ партія. Дѣло въ томъ, что половина корсиканской делегаціи

въ Конвентѣ подала голоса противъ смертнаго приговора Людовика XVI. Когда неудачная сардинская экспедиція вернулась въ Тулонъ, якобинцы взвалили на Паоли всю отвѣтственность за ея фіаско. Саличетти, пользовавшійся тогда среди парижскихъ воротилъ фактическимъ вліяніемъ, поспѣшилъ вернуться въ Корсику, чтобы по возможности вліять на предстоявшія тамъ событія и всячески старался поддерживать сохранившіяся еще кое-гдѣ симпатіи къ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ прислана была особая коммиссія, чтобы наблюдать въ Корсикѣ за выполненіемъ декретовъ Конвента. Все это вмѣстѣ вызвало хаосъ, безпримѣрный даже въ странѣ, до такой степени привыкшей къ безпорядкамъ, какъ злополучная Корсика.

Наполеонъ Буонапарте былъ одно время ревностнѣйшимъ сторонникомъ Паоли и написалъ въ Конвентъ страстную петицію въ его пользу. Четвертый артиллерійскій полкъ состоялъ къ тому времени уже около пяти мѣсяцевъ на дѣйствительной службѣ. Если бы Наполеонъ увлекался единственно только военною славой, то ему, разумѣется, было бы вѣрнѣе всего искать этой славы въ рядахъ этого полка на поляхъ сраженій. Очевидно, однако, что страсть къ политической дѣятельности, въ смыслѣ стремленія играть политическую роль, брала у него верхъ. Гдѣ, спрашивается, можно было удобнѣе удовлетворять это стремленіе, какъ не въ Корсикѣ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился тогда этотъ островъ? Личность молодого искателя приключеній оставалась въ теченіе долгаго времени замѣчательно двойственной. Ему посчастливилось удержать за собой во Франціи должность артиллерійскаго офицера, но онъ чуть не утратилъ рангъ корсиканскаго патріота вслѣдствіе назойливыхъ и неудачныхъ своихъ интригъ. Имѣлась-ли теперь, спрашивается, возможность успѣха въ этой роли, или же она осуждена была роковымъ образомъ на неудачу? Каковы бы ни были планы Наполеона и принципы его поведенія, но, сколько можно судить на основаніи имѣющихся теперь данныхъ, рѣшающій отвѣтъ на этотъ вопросъ не состоялъ ни въ малѣйшемъ соотношеніи съ означенными планами и принципами. Отвѣтъ этотъ обусловливался случайнымъ ходомъ событій, которыя Наполеонъ не могъ предвидѣть, и которыми онъ былъ не въ состояніи управлять.

Неизвѣстно, кто изъ двухъ, самъ-ли Наполеонъ, или же Саличетти, сдѣлалъ первый шагъ къ переговорамъ о взаимной поддержкѣ, начавшимся, повидимому, прежде, чѣмъ успѣли засохнуть чернила на петиціи, поданной въ Конвентъ въ интересахъ Паоли. Во всякомъ случаѣ, двѣ недѣли спустя, принято было уже категорическое рѣшеніе. Послѣдовалъ внезапный и необъяснимый, но открытый и окончательный разрывъ между Паоли и семьею Буонапарте. Патрономъ и покровителемъ этой семьи сталъ Саличетти. Жозефъ поступилъ къ нему въ секретари; Люсьена онъ отправилъ съ конфиденціальнымъ порученіемъ въ Тулонъ, чтобы возбудить тамошнихъ якобинцевъ противъ Паоли, а Наполеона назначили главнымъ инспекторомъ артиллеріи въ Корсикѣ.

Саличетти согласился на то, чего не могъ допустить Паоли. Наполеону предоставлено было сдѣлать попытку къ захвату въ свои руки владычества надъ Корсикой. Онъ принялъ быстрыя и энергическія мѣры къ постановкѣ послѣдней сцены корсиканскихъ своихъ приключеній. Нѣсколько большихъ пушекъ, спасенныхъ съ военныхъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ самомъ портѣ Аяччіо, лежали безъ лафетовъ на берегу. Буонапарте лицемѣрно заявилъ, что пушки эти могутъ служить искушеніемъ для инсургентовъ и угрозой общественному спокойствію, а потому должны быть доставлены въ цитадель. Онъ хотѣлъ воспользоваться моментомъ перевозки этихъ тяжелыхъ пушекъ черезъ подъемный мостъ, чтобы, во главѣ своихъ сторонниковъ, захватить цитадель, на которую такъ долго зарился и которой ему никакъ не удавалось владѣть. Если бы на этотъ разъ попытка его увѣнчалась успѣхомъ, и онъ смогъ бы, прикрываясь полномочіями Конвента, удержать цитадель за собою, то блестящая карьера въ Корсикѣ оказалась бы обезпеченной.

Наполеону суждено было, однако, и на этотъ разъ потерпѣть неудачу. Прежній гарнизонъ цитадели состоялъ изъ французскихъ солдатъ, но послѣ неудачной экспедиціи въ Сардинію, ихъ высадили въ Тулонѣ, гдѣ они и остались. Новый гарнизонъ, набранный изъ корсиканцевъ, состоялъ подъ начальствомъ паолиста, который не далъ себя провести и объявилъ, что безъ разрѣшенія главнокомандующаго не согласится на перевозку въ цитадель упомянутыхъ пушекъ. Политическое значеніе захвата цитадели обусловливалось, главнымъ образомъ, безотлагательностью выполненія такой мѣры. Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ достигнуть своей цѣли обманомъ, инспекторъ артиллеріи предложилъ своимъ сторонникамъ что-нибудь изъ двухъ: или соорудить баррикаду, подъ прикрытіемъ которой можно было бы установить орудія на лафеты, а затѣмъ неожиданно подвезти ихъ къ цитадели, или же (что казалось ему болѣе удобоисполнимымъ) перетащить какую-либо пушку на удобное мѣсто передъ крѣпостными воротами и разломать ихъ нѣсколькими выстрѣлами. Оба эти проекта признаны были, при болѣе обстоятельномъ обсужденіи, неосуществимыми и взамѣнъ того рѣшено прибѣгнуть къ подкупу, чтобы обезпечить себѣ, если возможно, такимъ путемъ, содѣйствіе нѣкоторой части гарнизона. Подкупъ не удался вслѣдствіе того, что въ числѣ лицъ, которыхъ намѣревались подкупить, нашелся честный человѣкъ. Весь инцидентъ представляетъ интересъ лишь въ томъ отношеніи, что является первой попыткой Наполеона въ искусствѣ, къ которому онъ впослѣдствіи такъ охотно прибѣгалъ. Слухи объ опасныхъ интригахъ Буонапарте не замедлили дойти до Паоли, который тотчасъ же вызвалъ инспектора артиллеріи для объясненій въ Корте. Корсиканцы были до такой степени ожесточены противъ Наполеона за его измѣну Паоли, что будущему императору пришлось переодѣтымъ бѣжать въ Бастію, куда онъ и прибылъ 10 мая 1793 года.

Желаніе отмстить корсиканскимъ своимъ врагамъ сдѣлалось

теперь для Буонапарте дополнительнымъ стимуломъ въ страстномъ стремленіи овладѣть цитаделью города Аяччіо. Составленный имъ новый проектъ былъ представленъ комиссарамъ Конвента и одобренъ ими. Расположенные близъ Аяччіо остатки полка швейцарцевъ надлежало двинуть въ городъ какъ бы для посадки на суда. Затѣмъ, два французскихъ фрегата, стоявшихъ на сенъ-флоранскомъ рейдѣ, должны были немедленно явиться передъ Аяччіо и, застращавъ съ помощью швейцарцевъ городъ, овладѣть цитаделью. Въ ходѣ дѣлъ на островѣ Корсикѣ наступилъ критическій моментъ. Дѣйствительно, подобный поступокъ со стороны Конвента былъ равносиленъ объявленію войны. Паоли истолковалъ его себѣ именно такимъ образомъ. Съ обѣихъ сторонъ начали приниматься мѣры, свидѣтельствовавшія о взаимномъ недовѣріи. Французскіе комиссары отставили отъ службы всѣхъ должностныхъ лицъ, сочувствовавшихъ Паоли. Въ свою очередь паолисты поспѣшили усилить гарнизонъ Аяччіо и всячески старались привлечь на свою сторону и безъ того уже сочувствовавшія имъ народныя массы.

Черезъ два мѣсяца послѣ объявленія республикой войны Англіи, т. е. 2 апрѣля, Паоли получилъ предписаніе явиться въ Парижъ, а чтобы управлять Корсикой присланы были Конвентомъ комиссары, враждебные бывшему диктатору. Извѣстіе объ этомъ получено было въ Корсикѣ двумя недѣлями позднѣе. Паоли немедленно же отправилъ чрезъ посредство двухъ симпатизировавшихъ ему депутатовъ письмо, въ которомъ весьма сдержанно изъявлялъ Конвенту готовность сложить съ себя всѣ полномочія и уѣхать за-границу. Посланцы Паоли, ѣхавшіе съ этимъ письмомъ, были арестованы и содержались одно время въ заключеніи, но подъ конецъ все-таки достигли Парижа и были встрѣчены тамъ благосклонно. 29 мая письмо Паоли было представлено Конвенту и произвело благопріятное впечатлѣніе. Прежній декретъ былъ отмѣненъ 5 іюня, а два дня спустя отправилась въ Корсику новая коммиссія изъ двухъ народныхъ представителей, расположенныхъ къ Паоли. Въ городѣ Э они попались въ руки роялистской черни и были арестованы. Не зная о благопріятной для себя перемѣнѣ, происшедшей въ настроеніи Конвента, Паоли написалъ и отправилъ 14 мая второе письмо того же содержанія, какъ и первое. Оно не дошло, однако, до мѣста назначенія, такъ какъ посланецъ Паоли былъ задержанъ въ городѣ Бастіи, сдѣлавшемся теперь фокусомъ, откуда исходило вліяніе Саличетти.

Якобинская Геджра.

Весьма вѣроятно, что именно въ концѣ мая мѣсяца Паоли, утративъ всякое довѣріе къ французскому правительству, ухватился въ качествѣ послѣдняго средства къ спасенію за мысль поставить Корсику подъ покровительство Англіи и обезпечить такимъ образомъ себѣ возможность выполненія миссіи, къ которой

чувствовалъ себя призваннымъ Провидѣніемъ. Эта сперва туманная мысль приняла совершенно опредѣленную форму, когда изъ Сенъ-Флорана дѣйствительно отплыла подъ начальствомъ Наполеона экспедиція противъ Аяччіо. Отправленіе этой экспедиціи до такой степени воспламенило страсти консервативной партіи въ означенномъ городѣ, что вся семья Буонапарте вынуждена была бѣжать, покинувъ свои дома, пожитки, сады и виноградники на разграбленіе врагамъ. Сторонники Буонапарте были изгнаны, или же посажены въ тюрьму. Семья Буонапарте временно укрылась у одного изъ своихъ родственниковъ въ Кальви. Экспедиціонная флотилія, задержанная почти на цѣлую недѣлю бурей, достигла Аяччіо лишь 29 мая и застала патріотическое возбужденіе тамъ въ самомъ разгарѣ. Благопріятный моментъ для завладѣнія городомъ былъ пропущенъ. Малочисленныя французскія войска, находившіяся на берегу, были до такой степени запуганы, что не посмѣли двинуться на присоединеніе къ отряду, высаженному съ кораблей на берегъ. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ и его добровольцы, встрѣченные дружнымъ ружейнымъ огнемъ, оказались въ критическомъ положеніи. Проведя весьма безпокойную ночь въ захваченной ими башнѣ, находившейся за городомъ, они очень обрадовались на другой день тому, что имъ удалось опять сѣсть на суда и благополучно удалиться. Самъ Наполеонъ уѣхалъ къ своей семьѣ въ Кальви. Якобинскіе комиссары имѣли совѣщаніе, на которомъ рѣшили отправить Саличетти въ Парижъ, чтобы оправдать тамъ ихъ образъ дѣйствій. Саличетти повезъ съ собою документъ, отличавшійся многословіемъ и испещренный множествомъ грамматическихъ и простыхъ орѳографическихъ ошибокъ. Этотъ документъ, писанный самимъ Наполеономъ, содержитъ въ себѣ ожесточенную выходку противъ Паоли, которая какъ бы придаетъ нѣкоторое основаніе обвиненію въ томъ, что авторъ ея былъ съ самаго начала шіономъ и наушникомъ, движимымъ вовсе не возвышенными побужденіями патріотизма, а единственно только низменнымъ честолюбивымъ стремленіемъ заступить мѣсто престарѣлаго президента корсиканскаго департамента, а затѣмъ поступать, соображаясь съ обстоятельствами, т. е. доставить Корсикѣ полное самоуправленіе, или же предать островъ окончательно въ руки Франціи, если это окажется выгоднѣе съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ Наполеона Буонапарте.

Въ этомъ компрометирующемъ документѣ Наполеонъ рисуетъ въ пламенныхъ фразахъ восторгъ, въ какой привело сперва республиканцевъ возвращеніе Паоли и послѣдующее ихъ разочарованіе, когда онъ окружилъ себя продажными людьми — вродѣ Поццо ди-Борго, — родственниками — вродѣ своего племянника Леонетти, и тому подобными низкими тварями. Неудавшаяся экспедиція въ Сардинію, постоянные безпорядки на островѣ Корсикѣ и, наконецъ, неудача, понесенная комиссарами въ попыткѣ обезпечить за Франціей Аяччіо,—все это приписывалось Паоли... „Неужели подобное коварство можетъ гнѣздиться въ человѣческомъ

сердцѣ?.. Какое пагубное честолюбіе снѣдаетъ этого сѣдобородаго шестидесятигосьмилѣтняго старца?... На его лицѣ начертаны благодушіе и кротость, въ сердцѣ же таятся ненависть и мщеніе. Глаза его теплятся чувствительностью и милосердіемъ а душа переполнена желчью, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишена твердаго характера и энергіи". Подобный отзывъ о Паоли былъ, впрочемъ, совершенно естественнымъ со стороны тогдашняго радикала и былъ встрѣченъ полнымъ довѣріемъ въ Парижѣ вождями якобинской партіи. Люди, придерживавшіеся болѣе умѣренныхъ воззрѣній, всячески старались предупредить угрожавшій разрывъ, но усилія ихъ оказались тщетными. Корсика находилась сравнительно далеко отъ французской столицы. Сообщенія съ ней происходили медленно и неправильно. Все это, при существовавшихъ условіяхъ, неизбѣжно должно было привести къ недоразумѣніямъ. Паоли узналъ лишь 1 іюля о миролюбивыхъ декретахъ, постановленныхъ болѣе чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ Конвентомъ. Извѣстіе это оказалось тогда уже запоздалымъ. Блуждая во мракѣ и не получая никакихъ достовѣрныхъ извѣстій изъ Парижа, Паоли долженъ былъ руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ тѣмъ, что дѣлалось комиссарами Конвента въ Корсикѣ и вслѣдствіе этого рѣшился окончательно перемѣнить свою политику. Необходимо замѣтить, что Паоли, какъ и большинству благоразумныхъ его современниковъ, весь соціальный, финансовый и политическій строй Франціи казался до безнадежности расшатаннымъ. Въ Вандеѣ вспыхнула междуусобная война. Въ Бретани самые ужасающіе эксцессы оставались безнаказанными. Большіе города, какъ напримѣръ Марсель, Тулонъ и Ліонъ находились въ состояніи анархіи. Въ Парижѣ былъ учрежденъ революціонный трибуналъ. Верховная власть фактически сосредоточивалась въ рукахъ Комитета Общественной Безопасности. Та Франція, которой Паоли ввѣрилъ судьбы Корсики, фактически уже не существовала. Паоли велъ въ то время черезъ своего повѣреннаго въ Италіи переговоры съ англійскими дипломатами. Саличетти прибылъ 10 іюля въ Парижъ, а 17—Паоли былъ объявленъ государственнымъ измѣнникомъ, находящимся внѣ закона, сторонниковъ же его постановлено было предать суду. Къ тому времени, однако, англійская эскадра находилась уже въ Средиземномъ морѣ и хотя британскій протекторатъ надъ островомъ Корсикой установился лишь въ слѣдующемъ году, французамъ и немногимъ оставшимся у нихъ на островѣ сторонникамъ удалось удержать тамъ за собою всего лишь три города: Бастію, Сенъ-Флоранъ и Кальви.

Послѣдняя неудачная попытка овладѣть цитаделью города Аяччіо временно поставила всю семью Буонапарте въ самое отчаянное положеніе. Саличетти позаботился о томъ, чтобы обезпечить себѣ возвращеніе въ Парижъ, гдѣ могъ разсчитывать на полную безопасность. Что касается до Наполеона, то онъ какъ нельзя лучше понималъ, что для него лично и для его семьи единственное спасеніе заключается въ бѣгствѣ. Поэтому, 18 іюня, т. е. тремя днями раньше, чѣмъ его покровитель Саличетти,

онъ, вмѣстѣ съ Фешемъ, Жозефомъ, матерью своею Летиціей и младшими дѣтьми семьи Буонапарте, сѣлъ на корабль, чтобы отправиться въ Тулонъ, къ находившемуся еще тамъ Люсьену *).

Тулонскіе якобинцы встрѣтили Люсьена съ почестями, подобавшими корсиканскому ихъ единомышленнику. Не подлежало сомнѣнію, что семья Буонапарте, лишившаяся за свою преданность республикѣ крова и всего имущества, имѣла право разсчитывать на содѣйствіе и поддержку французскихъ республиканцевъ до тѣхъ поръ, пока дѣла не примутъ благопріятный оборотъ. Тогда, по возвращеніи острова Корсики подъ власть Франціи, семьѣ этой будетъ возвращено не только все, что принадлежало ей прежде, но сверхъ того еще она получитъ соотвѣтственное вознагражденіе за принесенныя ею патріотическія жертвы и долговременную преданность дѣлу республики. Сколько можно судить, Наполеонъ держался въ общихъ чертахъ именно такихъ воззрѣній. Онъ заручился юридически оформленнымъ свидѣтельствомъ, что семья Буонапарте принадлежала къ числу самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ въ корсиканскомъ департаментѣ. Наполеону было извѣстно, что Конвентъ обѣщалъ вознаградить всѣхъ пострадавшихъ за вѣрность республикѣ.

Дѣйствительно, Буонапарте были встрѣчены по прибытіи во Францію весьма сочувственно. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры къ матеріальному ихъ обезпеченію. Въ силу изданнаго Конвентомъ декрета, женщинамъ и старикамъ, потерпѣвшимъ за республику, выплачивалось по 75 франковъ въ мѣсяцъ, а дѣтямъ по 45 франковъ. Юноши, достигшіе возмужалости, получали только единовременное пособіе въ размѣрѣ 25 франковъ. Семьѣ Буонапарте пришлось тотчасъ же по прибытіи въ Тулонъ получить полтораста франковъ, такъ что матеріальное ея положеніе оказалось болѣе благопріятнымъ, чѣмъ на родинѣ. Присвоивъ себѣ метрическое свидѣтельство Наполеона, чтобы числиться старше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, Люсьенъ, обратившійся въ бойкаго, краснорѣчиваго демагога, выхлопоталъ себѣ вскорѣ мѣсто въ комиссаріатскомъ

*) Такимъ образомъ возникаетъ возможность до нѣкоторой степени примирить противорѣчивыя сообщенія Наполеона и Люсьена касательно этой эпохи ихъ жизни. Люсьенъ въ своихъ „Мемуарахъ“ (т. 1, стр. 89) даетъ совершенно вымышленный разсказъ о собственныхъ своихъ похожденіяхъ. На самомъ дѣлѣ въ настоящее время нельзя даже съ полной увѣренностью утверждать, выѣхалъ-ли онъ въ Тулонъ встрѣтить свою семью. Можно доказать существующими документами и на основаніи общепризнанныхъ фактовъ, что заявленіе о томъ, будто Люсьенъ прибылъ изъ Корсики прямо въ Марсель, совершенно неосновательно. Одно изъ двухъ: или то, о чемъ онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, принадлежитъ къ области чистаго вымысла, или же это случилось съ нимъ въ Тулонѣ. Надо полагать, что, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, семья Буонапарте состояла въ весьма тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ якобинцами и что впослѣдствіи пришлось прибѣгать къ самымъ отчаяннымъ усиліямъ для сокрытія этихъ отношеній. Можно догадываться, что Люсьену дано было порученіе обратиться къ содѣйствію парижскихъ якобинцевъ, но что, приведенный въ ужасъ ихъ поступками, онъ удовлетворился обезпеченіемъ Саличетти и своему брату доброжелательства тулонскихъ якобинцевъ.

департаментѣ итальянской арміи, доставлявшее ему довольно, впрочемъ, скромное содержаніе. Фешу удалось пристроиться къ тому же департаменту. Жозефъ безцеремонно воспользовался бумагами Наполеона, чтобы выдать себя за подполковника національной гвардіи и благодаря этому получилъ порядочное мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ. Власть Конвента признавалась тогда всюду во Франціи. Вездѣ были установлены революціонныя судилища, а делегаты Конвента, облеченные диктаторскими полномочіями, представляли собою во всѣхъ военныхъ лагеряхъ высшую инстанцію, заставлявшую преклоняться передъ собою даже главнокомандующихъ. При такихъ обстоятельствахъ шутить съ военной дисциплиной было не особенно удобно и Наполеонъ, съ удостовѣреніемъ отъ Саличетти, что его присутствіе въ Корсикѣ въ теченіе минувшаго полугода было необходимо въ интересахъ республики, отправился въ Ниццу, въ главную квартиру арміи, все еще, повидимому, ласкал себя надеждой, что ему представится тамъ случай къ новой, на этотъ разъ болѣе успѣш ной экспедиціи противъ цитадели города Аяччіо. Несомнѣнно, что такой проектъ занималъ досуги Наполеона въ продолженіи цѣлыхъ почти двухъ лѣтъ, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока его навсегда не вытѣснили честолюбивые замыслы, задавшіеся рамками гораздо болѣе широкими, чѣмъ обладаніе надъ Корсикой.

Ошибочно было бы заключить отсюда, что изгнанникъ Буонапарте все еще считалъ себя исключительно корсиканцемъ. Трудно представить себѣ болѣе жалкую участь и болѣе упорную незадачу, чѣмъ то, что выпадало до сихъ поръ на долю Наполеона. По наслѣдству къ нему не могли перейти сколько-нибудь твердые нравственные принципы, да и воспитаніе оказалось не въ силахъ доставить ему таковыхъ. Онъ не былъ человѣкомъ религіознымъ и не обладалъ даже искреннимъ суевѣріемъ. Воспитываясь при прежнемъ режимѣ въ военномъ французскомъ училищѣ, гдѣ товарищи относились къ нему презрительно, какъ къ бѣдняку-иностранцу, онъ проникся горькою ненавистью къ странѣ, весь строй которой казался неразрывно связаннымъ съ громаднѣйшими привиллегіями для богатыхъ и подавляющимъ презрѣніемъ къ бѣднымъ. Нельзя сказать даже, что ему удалось получить тамъ порядочное образованіе. Его возмущалъ религіозный формализмъ духовенства, и онъ съ негодованіемъ отворачивался отъ схоластической мякины поверхностныхъ свѣдѣній, которыми учителя-монахи пытались меблировать его голову. Если онъ пріобрѣлъ все-таки кое-какія знанія, то это обусловливалось врожденными его дарованіями,—настойчивымъ, хотя и безпорядочнымъ, чтеніемъ и столь же безпорядочнымъ размышленіемъ въ бріенискомъ садикѣ, пещерѣ близъ Аяччіо и въ артиллерійскихъ казармахъ. Совершенно естественно, что при такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ прежде всего обратился къ своей родинѣ въ надеждѣ оказаться ей полезнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ снискать себѣ не только обезпеченное положеніе, но быть можетъ даже и славу. Поэтому Наполеонъ до крайности обидѣлся выясненіемъ того изумительнаго

факта, что, возмужавъ, онъ оказывался черезчуръ французомъ для Корсики, подобно тому, какъ въ отроческихъ лѣтахъ былъ черезчуръ корсиканцемъ для Франціи.

Пріемъ, оказанный Наполеону на островѣ Корсикѣ и похожденія его тамъ не представляютъ сами по себѣ захватывающаго интереса. Въ нихъ не содержится ни малѣйшей примѣси героическаго или сатанинскаго элемента. Повѣствованіе вращается исключительно въ области будничнаго, заурядnаго реализма, составляющаго такую значительную часть обыденной жизни. Трудно отыскать даже въ дѣятельности Наполеона на родинѣ совершенно опредѣленное, стойкое направленіе. Быть можетъ, что по отношенію къ фактической цѣли оно и существовало, но во всякомъ случаѣ не проявлялось въ образѣ дѣйствій, или хотя бы даже въ теоретическихъ воззрѣніяхъ будущаго императора. Мы встрѣчаемъ у него свойственное южанину страстное, восторженное восхищеніе героемъ, какимъ Наполеонъ рисовалъ себѣ Паоли, — встрѣчаемъ также свойственную южанину способность воспламеняться сильной, но скоропреходящей ненавистью. Любовь къ драматическимъ эффектамъ проглядываетъ на каждомъ шагу: въ искусственно подогрѣтомъ стилѣ произведеній его пера,—въ напыщенномъ тонѣ декрета, помѣченнаго: „Изъ Милелліской пещеры“,—въ фиктивности подполковничьяго чина, съ которымъ не было соединено дѣйствительнаго командованія и въ еще болѣе фиктивномъ званіи инспектора артиллеріи тамъ, гдѣ въ его распоряженіи имѣлось на самомъ дѣлѣ лишь нѣсколько валявшихся на берегу пушекъ безъ лафетовъ.

Самой выдающейся, характерною чертой молодого Наполеона являлась способность его къ быстрымъ перемѣнамъ фронта какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ ея значеніи. Онъ лопнулъ бы съ досады, если бы не имѣлъ въ запасѣ подходящаго маневра для каждаго представлявшагося ему случая. Какъ только практическая жизнь разбивала его идеалъ, или же когда возникала неожиданная возможность воспользоваться непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, онъ не колебаясь мѣнялъ свою точку зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ даже многократныя неудачи были не въ состояніи лишить его бодрости духа. Ненавидя гарнизонную жизнь въ полку, онъ пренебрегалъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей и подвергался взысканіямъ, но все-таки добился производства наравнѣ съ сверстниками. Несмотря на многократныя неудачи въ попыткахъ овладѣть цитаделью города Аяччіо, онъ каждый разъ съ непреклонной энергіей обнаруживалъ готовность снова попытать счастья при другихъ условіяхъ, или инымъ способомъ.

Наполеонъ не былъ мотомъ, но не придавалъ деньгамъ особой цѣнности и въ денежныхъ дѣлахъ обнаруживалъ большую безцеремонность. Гордясь тѣмъ, что считался главою семьи, онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ, когда надо было доставить ея членамъ матеріальное обезпеченіе, или же порядочное мѣсто. Нелюдимый въ отрочествѣ, онъ сталъ потомъ хорошимъ вождемъ и товарищемъ, но дружился на самомъ дѣлѣ не съ рав-

ными себѣ по общественному положенію (онъ ихъ презиралъ), а съ низшими себя, чувства и стремленія которыхъ отлично понималъ. Въ сущности онъ сталъ космополитомъ,—человѣкомъ безъ родины. Дѣйствительно, онъ утратилъ родину, такъ какъ Корсика оттолкнула его отъ себя, Францію же, которая никогда вполнѣ его не усыновляла, онъ ненавидѣлъ *). У него не было даже настоящей профессіи, такъ какъ военною службой онъ пренебрегалъ, а въ качествѣ писателя и политическаго дѣятеля потерпѣлъ фіаско. Онъ не имѣлъ, повидимому, также никакихъ руководящихъ принциповъ. Жизнь отнеслась къ нему какъ суровая мачиха, отъ которой онъ не могъ позаимствоваться честностью и не видѣлъ къ себѣ добросердечной ласки. У него выработалась единственно только способность искусно пользоваться всѣмъ, что подвертывалось подъ руку. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы онъ былъ много хуже или лучше окружавшей среды. По части безцеремонности и безсовѣстности онъ не уступалъ большинству своихъ современниковъ, но значительно превосходилъ ихъ проницательностью, ловкостью, стойкостью и умѣніемъ примѣняться къ условіямъ обстановки. Въ періодъ, предшествовавшій изгнанію Бонапартовъ изъ Корсики, эти драгоцѣнныя для предводителя качества, безъ сомнѣнія, существовали у Наполеона, но не проявили еще себя особенно замѣтнымъ образомъ. Молодой артиллерійскій капитанъ по наружности все еще казался худенькимъ, непропорціонально сложеннымъ юношей, отъ котораго трудно было ожидать чего-нибудь путнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, уже обладалъ житейской опытностью значительно болѣе пожилого человѣка. Не сознавая самъ, въ чемъ именно заключался истинный его геній, Наполеонъ зачастую предавался несбыточнымъ грезамъ и пріобрѣлъ привычку хвастливо говорить о себѣ въ семейномъ кругу, но, вполнѣ сознавая опасность своего положенія и неустановившіяся условія окружавшей среды, онъ, въ присутствіи посторонникъ, велъ себя чрезвычайно осторожно и сдержанно.

По прибытіи Наполеона въ Ниццу къ нему не стали приставать ни съ какими щекотливыми разспросами. Французы недавно только овладѣли этимъ городомъ и нуждались въ людяхъ, чтобы удержать его за собой. Корсиканскій эмигрантъ былъ вскорѣ назначенъ въ капитанскомъ чинѣ на береговую батарею. Поверхностному наблюдателю могло показаться, что онъ совершенно доволенъ подчиненнымъ своимъ положеніемъ.

*) По словамъ Люсьена (Мемуары, т. I, стр. 74), Наполеонъ за нѣсколько недѣль до бѣгства семьи Буонапарте съ Корсики говорилъ съ большимъ увлеченіемъ объ Индіи,—объ англійскомъ тамъ владычествѣ, долженствовавшемъ съ каждымъ годомъ все болѣе распространяться и о блестящей карьерѣ, которая вслѣдствіе этого открывается тамъ для хорошихъ артиллерійскихъ офицеровъ. „Такихъ офицеровъ вѣдь мало не только между англичанами, но и вездѣ, гдѣ бы ни было Если я выберу себѣ эту карьеру, —сказалъ Наполеонъ,—то вы, надѣюсь, про меня услышите. Черезъ нѣсколько лѣтъ я возвращусь оттуда богатымъ набобомъ и привезу съ собой хорошее приданое тремъ моимъ сестрамъ“.

Наполеонъ въ роли французскаго патріота-якобинца.

„Бокерскій ужинъ“.—Первый рѣшительный успѣхъ въ Тулонѣ.—Генеральскій чинъ.—Якобинская командировка въ Геную.—Послѣдствія паденія Робеспьера.

«Бокерскій ужинъ».

Семья Буонапарте не нашла себѣ въ Провансѣ желаемаго тихаго пристанища. Она попала, если можно такъ выразиться, „изъ огня да въ полымя“. Ускользнувъ отъ бурь корсиканской революціи, она была захвачена ураганомъ французской анархіи. Жирондисты, вовлекши Францію въ отчаянную внѣшнюю войну, оказались неспособными вести ее съ надлежащимъ упорствомъ. Имъ пришлось поэтому стушеваться передъ якобинцами, которые, благодаря откровенно-деспотическому своему образу дѣйствій, были въ состояніи обнаружить никогда еще не слыханную энергію на театрѣ войны. Тиранніи ихъ неизбѣжно должна была, однако, вызвать протестъ. Провинціальное умѣренные республиканцы и роялисты возстали заодно противъ этой тиранніи и междоусобная война вспыхнула во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, въ Вандеѣ, въ долинѣ Роны и на юго-востокѣ Франціи. Монтескье утверждаетъ, будто характерной чертой аристократіи является чувство чести. Между тѣмъ эмигрировавшіе аристократы первые во Франціи показали примѣръ нарушенія долга чести и патріотизма. Тѣ же аристократы, которые предпочли остаться на родинѣ, пошли еще далѣе, обнаруживъ въ Вандеѣ и другихъ мѣстностяхъ, возставшихъ противъ Конвента, самую дьявольскую мстительность. Вся междуусобная война, возгорѣвшаяся тогда во Франціи, отличалась позорнѣйшей безпощадностью. Ожесточеніе повстанцевъ и жестокость, съ которой были усмирены возстанія въ Марсели, Ліонѣ, Тулонѣ и другихъ мѣстностяхъ, обезчестили бы даже дикарей доисторической эпохи.

Бонапартъ лѣтомъ 1795 г.

Западные склоны Альпъ были заняты такъ называемой альпійской арміей подъ командой Келлерманна. Далѣе къ югу и востоку расположилась итальянская армія подъ начальствомъ Брюна. Предполагалось, что обѣ эти арміи будутъ получать продовольствіе изъ плодоносной страны, лежавшей у нихъ въ тылу и станутъ дѣйствовать сообща противъ сардинскихъ и австрійскихъ войскъ, которыя, занимая горные проходы нижняго Піемонта, заграждали французамъ путь въ Ломбардію. Тѣмъ временемъ введена уже была во Франціи общеобязательная воинская повинность, но чрезвычайное возбужденіе и страшныя неправильности въ дѣй-

ствіи административной машины, неизбѣжно сопровождающія слишкомъ быстрыя перемѣны въ общественномъ и правитель-

«Вокресни ужинъ».
Съ картины Леконта-дю-Нуи.

ственномъ строѣ, вызвали не только неудачу экспедиціи въ Сардинію, но также воспрепятствовали пополненію обѣихъ упомянутыхъ армій людьми, равно какъ обезпеченію ихъ надлежащимъ снаряженіемъ и продовольственными запасами. Возгорѣв-

шееся къ западу отъ мѣста расположенія обѣихъ армій вооруженное возстаніе временно парализовало, къ тому же, ихъ дѣйствія, особенно послѣ того какъ жирондисты одержали въ Марсели верхъ надъ якобинцами. Возстаніе этого города затруднило тогдашнимъ регулярнымъ войскамъ Конвента возможность добывать себѣ продовольствіе и держаться на занятой уже ими территоріи.

Марсельскіе инсургенты рѣшили двинуться къ Парижу и на первой недѣлѣ іюля мѣсяца дошли до Авиньона, разсчитывая на дальнѣйшемъ пути соединиться съ дѣйствовавшими сперва столь же успѣшно ліонскими ихъ единомышленниками. Конвентъ съ замѣчательной энергіей и быстротой организовалъ для борьбы съ ними особую армію. Главнокомандующимъ ея былъ назначенъ Карто, не спеціалистъ по военной части, но человѣкъ, обладавшій весьма рѣшительнымъ характеромъ. Выполняя полученныя изъ Парижа инструкціи, онъ быстро двинулся впередъ, чтобы занять Валансъ, являвшійся важнымъ стратегическимъ пунктомъ, такъ какъ, находясь тамъ, армія Конвента препятствовала предположенному непріятелемъ соединенію силъ. Маневръ этотъ увѣнчался успѣхомъ, Ліонцы отказались отъ провансальныхъ инсургентовъ, а въ половинѣ іюля мѣсяца армія Конвента стояла уже подъ авиньонскими стѣнами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того прибылъ въ лагерь Карто Наполеонъ Буонапарте, которому пришлось пробираться проселочными дорогами и тропинками, чтобы не попасть въ руки повстанцевъ. На этотъ разъ онъ отлучился съ своего поста по предписанію начальства. Береговыя укрѣпленія въ Ниццѣ и защищавшія ихъ орудія оказались настолько плохими, или даже окончательно негодными, что Наполеону было поручено привезти по взятіи Авиньона имѣвшійся въ этомъ городѣ шанцевый инструментъ и артиллерійскій паркъ. Генералъ Карто, командовавшій войсками Конвента подъ Авиньономъ, терпѣлъ такой недостатокъ въ офицерахъ, что тотчасъ же, по прибытіи къ нему капитана Буонапарте, назначилъ его начальникомъ батареи легкой артиллеріи. Въ первомъ же послѣдовавшемъ затѣмъ дѣлѣ Карто потерпѣлъ серьезное пораженіе. Инсургенты были, однако, до того обезкуражены угрожающимъ отношеніемъ къ нимъ окрестнаго населенія, что, несмотря на одержанную побѣду, отступили. Между тѣмъ, эта побѣда могла бы открыть имъ дорогу въ Марсель, Карто неблагоразумно разбросалъ свои войска, стараясь занимать всѣ города и большія селенія, которыя были очищены инсургентами. Буонапарте, баттарея котораго оказала въ бою большія услуги, шелъ сперва съ главными силами, но затѣмъ получилъ предписаніе заняться въ тылу арміи реорганизаціей матеріальной части артиллерійскаго парка, значительно пострадавшаго въ бою и отъ быстрыхъ переходовъ.

Первый боевой опытъ произвелъ на Наполеона глубокое впечатлѣніе и побудилъ молодого капитана принять рѣшеніе, окончательно опредѣлившее послѣдующую его карьеру. Онъ чувствовалъ себя въ то время довольно плохо, такъ какъ при-

хварывалъ вслѣдствіе возврата давнишней болотной лихорадки. Къ тому времени его семья была вынуждена покинуть Тулонъ, гдѣ восторжествовала партія, враждебная Конвенту. Летиціи

Изъ парижской жизни въ 1793 году (Весѣда).
Съ картины Франсуа Фламенга.

Буонапарте и младшимъ ея дѣтямъ приходилось чуть что не побираться.

Въ Корсикѣ возстаніе тоже одерживало верхъ. По имѣвшимся оттуда свѣдѣніямъ имя Буонапарте сдѣлалось столь же ненавистно корсиканцамъ, какъ и фамилія Буттафуоко. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ совершенно серьезно задавалъ

себѣ вопросъ, какимъ образомъ слѣдуетъ ему устроиться, чтобы выдвинуться впередъ въ бушевавшихъ вокругъ него волнахъ революціонной бури. Мечтательный юноша успѣлъ уже превратиться въ разсудительнаго практическаго дѣятеля. Молодой капитанъ принялъ во вниманіе, что французскія войска, сражаясь съ внѣшними врагами, покрывали себя славой и что, въ числѣ ихъ вождей, увѣнчанныхъ уже лаврами, были люди, которыхъ онъ зналъ въ Бріеннѣ и къ которымъ относился съ презрѣніемъ, какъ, напримѣръ, къ Пишегрю. Бродившіе передъ тѣмъ въ головѣ Наполеона планы: поступить на англійскую службу,—сдѣлать себѣ блестящую карьеру въ Индіи и вернуться оттуда богатымъ набобомъ—были навсегда покинуты. Вмѣсто всего этого Наполеонъ обратился по начальству съ просьбой о переводѣ его изъ итальянской арміи въ рейнскую. Слѣдовало ожидать, что возстаніе на югѣ Франціи будетъ вскорѣ подавлено, а затѣмъ итальянская армія окажется въ теченіе нѣкотораго времени осужденной на бездѣйствіе, тогда какъ на сѣверо-восточной французской границѣ происходили серьезныя военныя операціи. Наполеонъ чувствовалъ, что если ему удастся обратить на себя вниманіе начальства, то онъ будетъ имѣть возможность обезпечить себѣ быстрое производство въ чины и сдѣлаться, пожалуй, даже выдающимся полководцемъ.

Прежде всего надлежало, однако, чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе. Какимъ образомъ достигнуть этого результата? Прежній инстинктъ писательства пробудился у Наполеона съ неудержимою силой и молодой капитанъ, пользуясь имѣвшимися въ его распоряженіи досугами, написалъ „Бокерскій ужинъ“, первое изъ дѣйствительно удачныхъ литературныхъ своихъ произведеній. Стиль Наполеона оказывается тутъ измѣнившимся словно какимъ-то волшебствомъ. Авторъ „Бокерскаго ужина“ выражается совершенно ясно, правильно и опредѣленно. Воззрѣнія, высказываемыя Наполеономъ, успѣли тоже радикально измѣниться и обнаруживаютъ у него не только разсудительность въ политическихъ взглядахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательное пониманіе военнаго дѣла. Содержаніе этой маленькой повѣсти выхвачено авторомъ изъ тогдашней злобы дня: „Пятеро путешественниковъ—нимскій уроженецъ, фабрикантъ изъ Монпелье, двое марсельскихъ купцовъ и солдатъ изъ Авиньона,—случайно встрѣчаются вмѣстѣ за столомъ,—въ трактирѣ небольшого города Бокера, вокругъ котораго свирѣпствуетъ какъ разъ междуусобная война. Разговоръ за ужиномъ естественно обращается къ событіямъ, происходящимъ по сосѣдству. Солдатъ, объясняя, при какихъ обстоятельствахъ взятъ былъ недавно Авиньонъ, приписываетъ бѣгство инсургентовъ неспособности новобранцевъ выносить томительное неопредѣленное положеніе, въ которомъ всегда чувствуютъ себя осажденныя войска. Одинъ изъ марсельскихъ купцовъ замѣчаетъ на это, что успѣху, одержанному подъ Авиньономъ войсками Конвента, не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія, и перечисляетъ средства, которыми располагаютъ еще умѣренные республиканцы. Солдатъ обстоятельно возражаетъ ему на это. Держась сперва на почвѣ политики, онъ

показываетъ, что инсургенты поставили себя въ ложное положеніе крайней безпощадностью своего образа дѣйствій, вслѣдствіе котораго утратили всѣ симпатіи республиканскаго населенія". Затѣмъ, въ качествѣ военнаго спеціалиста, онъ указываетъ на стратегическую слабость занимаемой ими позиціи и чрезвычайное легкомысліе операціоннаго ихъ плана, причемъ пересыпаетъ свою рѣчь мѣткими лаконическими фразами, какъ, напримѣръ: „Самомнѣніе худшій изъ совѣтниковъ", „Хорошія четырехфунтовыя и восьмифунтовыя пушки не уступаютъ въ полѣ орудіямъ болѣе

Эдуардъ-Луи-Алексисъ де-Крансэ, реорганизовавшій вмѣстѣ съ Карно французскую армію.

тяжелаго калибра и во многихъ отношеніяхъ имѣютъ надъ ними преимущество". „Въ военномъ дѣлѣ считается аксіомой, что армія, сидящая за укрѣпленіями, все равно что разбита. Указанія практическаго опыта совершенно согласуются здѣсь съ теоріей".

Бесѣда за ужиномъ заканчивается блистательнымъ доказательствомъ, что дѣло инсургентовъ уже проиграно. Въ приведенныхъ доводахъ утверждается, что они на самомъ дѣлѣ стремятся не къ торжеству умѣренно республиканскихъ принциповъ, а къ контръ-революціи, задающейся эгоистическими интересами, причемъ обнаруживаютъ готовность брать примѣръ съ вандейцевъ и призывать къ себѣ на помощь чужеземцевъ. Замѣчательно, что солдатъ въ одномъ мѣстѣ соглашается въ неправотѣ „Горы". Она, въ собственныхъ своихъ эгоистическихъ интересахъ, можетъ быть, и оклеветала жирондистовъ, пробуя объявить ихъ внѣ закона,—

засаживала ихъ въ тюрьмы и даже рубила имъ головы. Авторъ присовокупляетъ, однако, что жирондисты были все равно осуждены на погибель своею неспособностью вести войну съ внѣшнимъ врагомъ Франціи. Затѣянная ими теперь междуусобица оказывается на самомъ дѣлѣ выгодной единственно лишь для внѣшняго врага. Если бы жирондисты были достойны прежней своей репутаціи истинныхъ патріотовъ, то они сложили бы оружіе передъ конституціей и пожертвовали бы собственными своими интересами ради общаго блага. Гораздо легче, однако, цитировать Дедія, чѣмъ ему подражать. Теперь жирондисты выказали себя виновными въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ и своимъ поведеніемъ вполнѣ оправдали всѣ предварительно принятыя противъ нихъ мѣры. Кровь, которую пришлось изъ-за нихъ пролить, смыла услуги, которыя были передъ тѣмъ оказаны ими Франціи. Фабрикантъ изъ Монпелье держится того мнѣнія, что въ данную минуту Конвентъ представляетъ собою во всякомъ случаѣ націю, а потому правъ-ли онъ, или нѣтъ, а неповиновеніе ему является во всякомъ случаѣ бунтомъ и контръ-революціей. Трудно было бы отыскать въ исторіи болѣе категорическое заявленіе о томъ, что сила сама по себѣ является правомъ.

Наполеону удалось здѣсь выказать, что онъ обладаетъ способностями, необходимыми для политическаго вождя, а именно: умѣньемъ схватывать выдающіеся элементы запутаннаго положенія вещей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, какъ практическій дѣятель, выработалъ надлежащій стиль для изложенія ясно формулированныхъ своихъ идей. Когда отливъ смѣняется приливомъ, уровень воды безостаночно идетъ на прибыль. Едва успѣлъ Буонапарте дописать свой памфлетъ, какъ значеніе этого памфлета было уже оцѣнено по достоинству. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время прибыла къ арміи Карто одна изъ делегацій, служившихъ всюду представительницами верховной власти Конвента. Она состояла изъ трехъ весьма вліятельныхъ комиссаровъ: Эскюдье, Рикора и Робеспьера-младшаго. Ихъ сопровождала добавочная комиссія изъ двухъ членовъ, на которую возложена была обязанность снабдить всѣмъ необходимымъ немногія французскія войска, остававшіяся еще на островѣ Корсикѣ. Во главѣ этой комиссіи стоялъ Саличетти, а другимъ ея членомъ былъ Гаспаренъ. Само собой разумѣется, что Саличетти представилъ своего соотечественника Буонапарте другимъ комиссарамъ. Они внимательно прочли и обсудили „Бокерскій ужинъ“. Достоинства этого памфлета были тотчасъ же признаны Гаспареномъ и младшимъ Робеспьеромъ и черезъ нѣсколько дней „Бокерскій ужинъ“ былъ напечатанъ на казенный счетъ, въ значительномъ числѣ экземпляровъ.

Первый рѣшительный успѣхъ подъ Тулономъ.

Генералъ Карто тѣмъ временемъ овладѣлъ 25-го августа 1793 года взбунтовавшимся Марселемъ. Взятіе этого города было отпраздновано одною изъ самыхъ кровавыхъ оргій въ этомъ ужас-

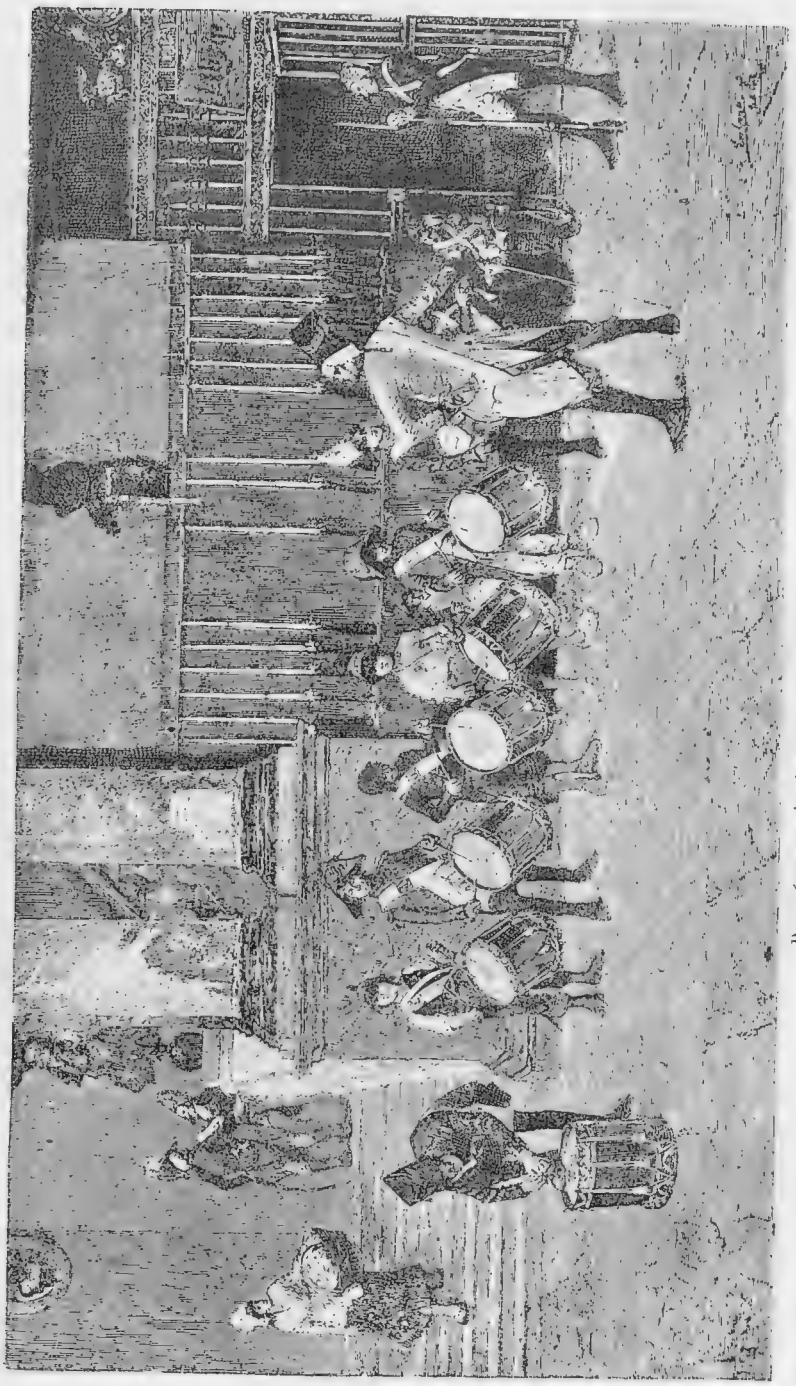
номъ году. Участь марсельскихъ жирондистовъ служила для тулонскихъ ихъ единомышленниковъ явственнымъ указаніемъ, что имъ нечего разсчитывать на пощаду. Если бы державы,

Военный министръ Карно (Лазарь-Николай-Маргеріетъ), дѣдъ Сади-Карно, покойнаго президента французской республики.
Съ картины Лежёня.

участвовавшія въ коалиціи противъ Франціи, искренно желали пресѣчь звѣрское хозяйничанье якобинцевъ, они могли бы въ первое время безъ труда овладѣть Парижемъ. Вмѣсто того Австрія и Пруссія обнаруживали въ войнѣ съ французами самую эгоистичную апатію. Онѣ были слишкомъ заняты препирательствами

другъ съ другомъ и съ Россіей изъ-за участковъ Польши, которую собирались между собою подѣлить. Берлинскій и вѣнскій кабинеты уяснили себѣ опасность якобинскаго движенія лишь тогда, когда французскій народъ, задѣтый за живое вмѣшательствомъ иностранцевъ и туманно сознававшій цѣнность нѣкоторыхъ пріобрѣтеній, доставленныхъ ему революціей, собрался вокругъ единственнаго смѣло и рѣшительно поднятаго знамени, а именно — знамени Конвента, и далъ такимъ образомъ конвенту, возможность развить въ невѣроятно короткій промежутокъ времени по истинѣ громадное количество энергіи. Англію охватилъ паническій страхъ, заставившій Питта принять дѣятельныя мѣры къ войнѣ съ французами. Субсидіи, обѣщанныя союзникамъ на материкѣ Европы, были безотлагательно выплачены и заставили германскія державы вести нѣсколько оживленнѣе военныя дѣйствія на Рейнѣ. Въ тоже самое время Англія покрыла всѣ моря своими эскадрами. Одна изъ нихъ крейсеровала на Средиземномъ морѣ, въ виду французскаго прибрежья. Командиръ ея съ радостью ухватился за предложеніе тулонцевъ овладѣть не только великолѣпными арсеналами этого города, но и стоявшимъ въ тулонскомъ портѣ военнымъ флотомъ, единственнымъ, которымъ въ то время располагала Франція. Англійскій адмиралъ Гутъ, безъ всякаго колебанія и промедленія, выполнилъ желаніе тулонскихъ жирондистовъ и вскорѣ испанскія, неаполитанскія и сардинскія военныя суда явились на тулонскій рейдъ, чтобы содѣйствовать оборонѣ города противъ войскъ, которыя собирался двинуть противъ него Конвентъ. Въ непродолжительномъ времени прибыли также жирондисты, которымъ удалось бѣжать изъ Марселя. Они, разумѣется, встрѣтили въ Тулонѣ самый сочувственный пріемъ. Городъ былъ въ изобиліи снабженъ продовольствіемъ, жители заперли ворота и приготовились къ самому упорному сопротивленію.

„Измѣна Тулона“ была для Конвента тѣмъ болѣе тяжкимъ ударомъ, что одновременно съ этимъ и многія другія обстоятельства складывались для него неблагопріятно. Осажденный Ліонъ все еще сопротивлялся. Сардинцы снова заняли часть Савойи, недавно завоеванной французами и переименованной въ Монблансскій департаментъ. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ большихъ городовъ, Бордо, оставался совершенно пассивнымъ и „окутался зловѣщимъ молчаніемъ“, какъ доносили коммиссары Конвента; побѣда въ Вандеѣ временно склонялась на сторону роялистовъ; въ Нормандіи обнаруживалось волненіе, а въ Бретани происходили безпорядки. На сѣверо-восточной границѣ французамъ пришлось очистить Мецъ, Валансьенъ и Конде, а Дюнкирхенъ былъ осажденъ герцогомъ Іоркскимъ. Утрата Тулона завершила бы этотъ кризисъ, подорвавъ въ конецъ довѣріе къ республикѣ, какъ въ самой Франціи, такъ и за границей, что повлекло бы, пожалуй, за собой возвращеніе Бурбоновъ. Тѣмъ временемъ на помощь къ Комитету общественной безопасности явился Карно. Талантливый военный организаторъ и вліятельный политическій дѣятель, онъ тотчасъ же пробудилъ во всей Франціи еще большее вооду-



Республиканскіе барабанщики. Съ картины Луиса Хименеса.

шевленіе, обезпечивъ своимъ предначертаніямъ сочувствіе и довѣріе народа. Онъ нашелъ себѣ въ Дюбуа Крансе отличнаго помощника. Имѣлось въ виду выставить четырнадцать армій, долженствовавшихъ дѣйствовать сообща, руководствуясь однимъ и тѣмъ же планомъ. Военную дисциплину предполагалось упрочить, сдѣлавъ войско вооруженнымъ народомъ и поручивъ верховный контроль надъ дисциплиной самой націи въ лицѣ ея представителей. Делегаты Конвента должны были поддерживать постоянныя сношенія между нимъ и арміями, воспламеняя энтузіазмъ въ войскахъ и представителяхъ исполнительной власти, обезпечивая такимъ образомъ необходимую для успѣха общую солидарность дѣйствій. Въ то время, однако, чудеса эти не успѣли еще осуществиться и, въ случаѣ утраты Тулона, осуществленіе ихъ могло бы, пожалуй, оказаться немыслимымъ.

Черезъ нѣсколько дней по выходѣ въ свѣтъ „Бокерскаго ужина“ Буонапарте снова пустился въ загадочное странствованіе. Быть можетъ, ему было дано конфиденціальное порученіе, какъ на это кое гдѣ и намекаютъ, не приводя, впрочемъ, никакихъ вѣскихъ доказательствъ. Въ августѣ и первыхъ числахъ сентября онъ побывалъ въ Валансѣ, Ліонѣ, Озоннѣ и Парижѣ. Очевидно, онъ потерпѣлъ неудачу въ намѣреніи перевестись въ рейнскую армію, или же получить какое-нибудь повышеніе въ итальянской арміи. Возвращаясь къ своему посту въ этой послѣдней, онъ остановился въ Марсели, повидаться съ матерью и сестрами. Арміи Карто предписано было въ то время двинуться къ Тулону. Разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ капитанъ повидимому лишь неохотно и послѣ долгаго упрашиванія согласился остаться на время осады въ распоряженіи Карто.

Городъ Тулонъ былъ обложенъ войсками Конвента, но обложеніе это являлось скорѣе формальнымъ и номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, такъ какъ было произведено шаблоннымъ порядкомъ, не обращая вниманія на особенности мѣстоположенія, значеніе которыхъ могутъ всецѣло уяснить себѣ лишь геніальные умы. Обширная двойная тулонская бухта защищена съ юго-запада широкимъ полуостровомъ, примыкающимъ къ материку весьма узкимъ перешейкомъ, а на юго-востокъ открывается въ Средиземное море. Самъ укрѣпленный городъ расположенъ на восточной окраинѣ внутренняго порта, вдающагося глубоко внутрь материка. Съ сухого пути городъ огражденъ амфитеатромъ высокихъ холмовъ, между которыми и моремъ тянутся справа и слѣва лишь узкія полосы пересѣченной мѣстности. Западнымъ проходомъ командуетъ Олліулъ, гдѣ генералъ Карто рѣшилъ устроить себѣ главную квартиру. Авангардъ его захватилъ 29-го августа этотъ укрѣпленный пунктъ, но былъ почти тотчасъ же выбитъ оттуда двинутыми изъ Тулона союзными войсками, состоявшими преимущественно изъ англичанъ, доставленныхъ съ Гибралтара. Тѣмъ не менѣе 7-го сентября французы снова овладѣли Олліуломъ. Во время приступа они потеряли всего только одного офицера, но этотъ смертельно раненый офицеръ былъ какъ разъ артил-

лерійскимъ капитаномъ. Военный министръ поручилъ Саличетти и его товарищамъ позаботиться о гражданинѣ Наполеонѣ, хло-

Видъ Тулонскаго порта съ холмовъ Six-Fours.
Съ картины Гастона Рулье.

потавшемъ о переводѣ въ рейнскую армію. Это обстоятельство и собственныя ихъ симпатіи къ Наполеону побудили делегатовъ

Конвента сдѣлать рѣшительный шагъ. Капитанъ, прибывшій къ осадному корпусу, собственно говоря, въ качествѣ посѣтителя—добровольца, былъ назначенъ на открывшуюся вакансію. Въ то же время матери его выдали денежную субсидію, а Феша и Люсьена назначили смотрителями интендантскихъ складовъ.

Буонапарте сразу же рѣшительно и энергически принялся за дѣло. Для надлежащей организаціи артиллерійской службы требовались артиллерійскіе офицеры, а ихъ въ арміи Карто почти не было. За время поперемѣннаго подъема и упадка въ народномъ энтузіазмѣ къ дѣлу революціи многіе республиканцы, напуганные буйными увлеченіями партій, временно отшатнулись отъ Конвента, въ которомъ хозяйничали якобинцы. Наполеонъ, не признававшій себя открыто солидарнымъ съ якобинцами, съумѣлъ отыскать себѣ способныхъ помощниковъ среди республиканцевъ этой категоріи. Личная его потребность къ дѣятельности нашла себѣ исходъ въ сооруженіи баттарей и постановкѣ орудій. Примѣръ Наполеона до такой степени сильно дѣйствовалъ на подчиненныхъ, что какъ офицеры, такъ и простые рядовые обнаруживали во все время осады Тулона необычайное усердіе. Тѣмъ не менѣе осадныя работы не могли производиться съ надлежащимъ успѣхомъ, такъ какъ этому препятствовали невѣжество и медлительность генерала Карто, который хотя и былъ пламеннымъ патріотомъ самаго энергическаго пошиба, но оказывался въ военномъ дѣлѣ совершеннымъ профаномъ. Необходимо замѣтить, что онъ по своей спеціальности былъ живописецъ, а не воинъ. Вообще въ тогдашнія смутныя времена судьба играла людьми самымъ прихотливымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, инсургентами, сражавшимися подъ Авиньономъ съ арміей живописца, командовалъ портной. При такихъ обстоятельствахъ умѣлое перо Буонапарте оказало ему опять-таки услугу. Онъ отправилъ въ военное министерство докладную записку, въ которой, обстоятельно изложивъ положеніе дѣлъ, просилъ о назначеніи въ тулонскую армію артиллерійскаго генерала съ надлежащими полномочіями. Комиссары препроводили эту докладную записку въ Парижъ и назначили ея составителя командующимъ всею артиллеріей тулонской арміи. Тѣмъ не менѣе недостатокъ въ орудіяхъ и боевыхъ припасахъ не дозволялъ Наполеону проявить надлежащую энергію.

Генералъ—живописецъ, Карто, проявилъ подъ конецъ такую очевидную неспособность, что признано было умѣстнымъ замѣнить его въ должности главнокомандующаго—врачемъ. Медикъ этотъ былъ тоже пылкимъ патріотомъ и отличился личною храбростью при осадѣ Ліона (который былъ взятъ войсками Конвента 9-го октября). По прибытіи къ Тулону этотъ гражданинъ-воинъ убоялся, однако, трудности предстоявшей ему задачи и по собственному желанію былъ переведенъ на менѣе отвѣтственный постъ въ арміи, наблюдавшей за горными проходами въ Пиренеяхъ. Послѣ того назначили главнокомандующимъ военнаго спеціалиста, Дюгоммье, а начальникомъ артиллеріи при немъ избрали расположеннаго къ Наполеону генерала Дютейля. Одновременно съ этимъ прибыли

въ Тулонскій лагерь изъ Ліона большіе транспорты пороха, артиллерійскихъ снарядовъ и другихъ принадлежностей. 20-го ноября новое начальство вступило въ должность. Два дня спустя произвели общую рекогносцировку и вскорѣ послѣ того обложеніе Тулона было закончено. 30-го ноября устремилась изъ города вылазка противъ баттарей Буонапарте. Войска Конвента успѣшно ее

Осада Тулона въ 1793 г. Редутъ Мюльгреви (Малый Гибралтаръ).
Съ картины Симеона Фора въ Версальскомъ музеѣ.

отразили. Стычкѣ этой приписали важное значеніе благодаря тому обстоятельству, что въ ней участвовалъ командовавшій англійскими войсками генералъ О'Гара, который и былъ при этомъ захваченъ французами въ плѣнъ. Въ „Монитерѣ" отъ 7-го декабря впервые упоминается имя Буона Парте въ числѣ офицеровъ, наиболѣе отличившихся при отраженіи вылазки.

До прибытія Дюгоммье неоднократно собирались шумные военные совѣты, но принятый на нихъ планъ дѣйствій годился бы, съ грѣхомъ пополамъ, развѣ лишь вслучаѣ осады города, непри-

легающаго къ морю и расположеннаго гдѣ-нибудь далеко отъ морского прибрежья. Буонапарте съ самаго начала старался объяснить своимъ сотоварищамъ характерныя особенности задачи, которую надлежало въ данномъ случаѣ разрѣшить, но всѣ его усилія оставались тщетными. Онъ утверждалъ, что сила сопротивленія Тулона заключается главнымъ образомъ въ войскахъ и военныхъ эскадрахъ союзниковъ, и что, вслѣдствіе этого, аттаку надлежитъ вести противъ укрѣпленій, прилегающихъ къ морю. Англичане какъ нельзя лучше понимали, что тамъ именно и находится ключъ позиціи, а поэтому запяли и укрѣпили извѣстный подъ названіемъ Малаго Гибралтара редутъ, лежавшій на узкой косѣ, которая съ западной стороны отдѣляла внутреннюю бухту отъ внѣшней. Буонопарте видѣлъ необходимость взять прежде всего этотъ редутъ. Эта простая сама по себѣ, но весьма благоразумная руководящая идея была тотчасъ же доведена Наполеономъ до свѣдѣнія новаго начальника артиллеріи, генерала Дютейля, одобрившаго ее вмѣстѣ съ нѣсколькими другими предположеніями Буонапарте. Одновременно было рѣшено раздѣлить силы противника, направивъ аттаку также и на два другія важныя передовыя укрѣпленія, одно изъ которыхъ лежало къ сѣверу, а другое—къ сѣверо-востоку отъ города.

Послѣ тщательной артиллерійской подготовки произведено было 17 декабря общее нападеніе на всѣ три пункта. Оно всюду увѣнчалось успѣхомъ. Непріятель былъ не только оттѣсненъ во внутреннюю ограду, но съ паденіемъ Малаго Гибралтара убѣдился, что выходъ въ открытое море можетъ быть ему отрѣзанъ. Эскадры союзниковъ сочли невозможнымъ оставаться въ такомъ опасномъ положеніи и тотчасъ же изготовились къ отплытію, захвативъ съ собой войска и многихъ наиболѣе скомпрометированныхъ жителей города. Черезъ нѣсколько дней по взятіи Малаго Гибралтара чужеземныя войска и суда удалились изъ Тулона. Донесеніе объ этой рѣшительной побѣдѣ было безотлагательно отправлено Конвенту. Дюгоммье въ своихъ письмахъ называетъ Салічетти, Робеспьера, Рикора, Фрерона и Барраса въ числѣ отличившихся во время осады, но даже не упоминаетъ о Буонапарте. Это умолчаніе объяснялось нѣкоторыми завистью къ заслугамъ Наполеона, которыя, быть можетъ, слишкомъ уже выставлялись на видъ имъ самимъ и его льстецами. Утверждали также, будто участіе Наполеона во взятіи Тулона вовсе не было столь выдающимся, какъ обыкновенно предполагаютъ. Самъ Наполеонъ заявлялъ на островѣ Св. Елены, что при осадѣ Тулона подъ нимъ убито три лошади. Онъ показывалъ также Ласъ-Казасу большой рубецъ на бедрѣ, полученный имъ тогда во время аттаки въ штыки. „Меня вообще считали неуязвимымъ, и я поддерживалъ это мнѣніе, скрывая легкія раны, выпадавшія мнѣ на долю“, говорилъ онъ. Предположеніе о незначительности роли Наполеона подъ Тулономъ кажется неправдоподобнымъ въ виду мемуаровъ, оставленныхъ современниками и участниками этого событія и обстоятельныхъ традицій послѣдующаго затѣмъ поколѣнія. Оно

категорически опровергается также сдѣланнымъ со стороны коммиссаровъ Конвента, на другой же день по взятіи Тулона, пред-

Военный совѣтъ подъ Тулономъ въ 1793 году.
Рисунокъ Картэнья.

ложеніемъ назначить Наполеона Буонапарте бригаднымъ генераломъ. Въ донесеніи своемъ отъ 19 декабря военному министру

генералъ Дютейль тоже отзывается о Буонапарте съ величайшею похвалою. Онъ говоритъ: „Большія научныя свѣдѣнія, замѣчательный умъ и чрезмѣрная даже храбрость, — таковъ въ общихъ чертахъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера. Отъ васъ, г-нъ министръ, зависитъ употребить эти достоинства съ возможно большею пользою для славы республики".

Конвентъ получилъ 24 декабря извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ Тулономъ. Для тогдашнихъ заправилъ побѣда эта была спасеніемъ, такъ какъ извѣстіе о пораженіи могло бы сразу пресѣчь дальнѣйшую ихъ карьеру. Они естественно должны были обрадоваться неожиданно-быстрому успѣху, но радость ихъ имѣла дикій, чисто адскій характеръ. Съ поспѣшностью вампировъ они немедленно отправили двухъ коммиссаровъ Конвента въ Тулонъ съ порученіемъ стереть имя этого города съ географической карты, а его жителей — съ лица земли. Фуше, бывшій впослѣдствіи при Наполеонѣ начальникомъ полиціи и герцогомъ Отрантскимъ, пріѣхалъ нарочно изъ Ліона полюбоваться на эту операцію и писалъ своему пріятелю, архи-убійцѣ Колло Д'Эрбуа, что они разсчитываютъ по-свойски отпраздновать побѣду: „Сегодня же вечеромъ мы посылаемъ 213 мятежниковъ подъ огонь молніи, которая ихъ скоситъ". Въ дѣйствительности теперь нельзя выяснить, сколько именно сотенъ или даже тысячъ тулонскихъ жирондистовъ было согнано тогда вмѣстѣ и разстрѣляно изъ пушекъ и ружей. Одинъ изъ коммиссаровъ, Фреронъ, совершенно серьезно намѣревался не оставить въ живыхъ ни одного мятежника, но Дюгоммье отказался быть пособникомъ въ такомъ массовомъ избіеніи. По словамъ Мармона, Буонапарте и его артиллеристы просили избавить ихъ отъ непріятной обязанности разстрѣливанія жирондистовъ, но просьбы ихъ о помилованіи этихъ несчастливцевъ были оставлены безъ вниманія.

Пока всѣ эти событія шли своимъ чередомъ, среди корсиканскихъ выходцевъ замышлялась новая экспедиція на островъ Корсику. Въ лагерѣ подъ Тулономъ и потомъ, по взятіи этого города, они играли вліятельную роль и показали себя, какъ говорится, лицомъ. Саличетти, Буонапарте, Арена и Червони стали теперь видными личностями. Двое послѣднихъ были произведены въ офицеры, хотя и не занимали въ военной іерархіи такого высокаго положенія, какое удалось пріобрѣсти Наполеону Буонапарте. Саличетти, въ письмѣ отъ 28-го декабря, сообщаетъ, что они старались пріискать нѣсколько кораблей, на которыхъ можно было бы отправить въ Корсику достаточно сильный десантный отрядъ. Усилія ихъ оказались тогда тщетными, и Саличетти съ тѣхъ поръ, повидимому, совсѣмъ пересталъ интересоваться корсиканскими дѣлами. За то его все больше и больше втягивалъ въ себя бѣшеный водоворотъ событій во Франціи.

Тутъ не было, впрочемъ, ничего удивительнаго. Обыкновенный, заурядный политическій дѣятель понятно не могъ сохранить своего хладнокровія и ограничиться ролью простого зрителя, въ виду свирѣпствовавшей тогда во Франціи злодѣйской анархіи.

Массовая рѣзня въ Ліонѣ, Марсели и Тулонѣ являлась отвѣтомъ на такіе же, или еще худшіе ужасы, учиненные въ Вандеѣ роялистами. Дантонъ воспользовался парижскими секціями, чтобы застращать жирондистское большинство Конвента и далъ возможность Марату набрать буйную шайку санкюлотовъ, которыхъ науськивалъ на самыхъ выдающихся членовъ этой партіи. Одни изъ жирондистовъ лишили себя жизни, другіе бѣжали, нѣкоторые же были арестованы и казнены. Наконецъ, кровожадная карьера Марата закончилась и сама подъ кинжаломъ Шарлотты Корде. Страсти разыгрались до того, что даже Дантонъ казался слишкомъ спокойнымъ, умѣреннымъ и вялымъ по сравненію съ откровеннойкровожадностью Гебера, стоявшаго во главѣ крайней партіи,такъ называемыхъ Exagérés. Стремленія этой партіи одержали верхъ и послѣ того, какъ вандейцы потерпѣли пораженіе, хозяйничавшій въ Нантѣ гражданинъ Картье, въ тримѣсяца умертвилъ пятнадцать тысячъ человѣкъ дьявольски изобрѣтательной своей системой массовыхъ казней, съ помощью потопленія и разстрѣливанія. Короче сказать, Франція находилась въ хаотическомъ состояніи и тогдашніе Саличчетти, увлеченные общимъ теченіемъ, охотно подвергали себя риску, въ надеждѣ поймать рыбку въ мутной водѣ.

Карто, генералъ изъ живописцевъ.

Человѣкъ, подобный Буонапарте, держался совершенно иной тактики. Инстинктъ подсказывалъ ему необходимость остановиться на перекресткѣ, пока не пронесется бѣшеный ураганъ. Пу ть другіе, если угодно, лѣзутъ впередъ. Онъ лично держалъ себя такъ, какъ если бы совершавшіяся событія не производили на него никакого впечатлѣнія. Внимательно слѣдя за ними, онъ оглядывался, однако, и на Корсику, постоянно готовясь сдѣлать, въ интересахъ своей карьеры, или же самосохраненія, новую попытку захватить этотъ островъ и подчинить его

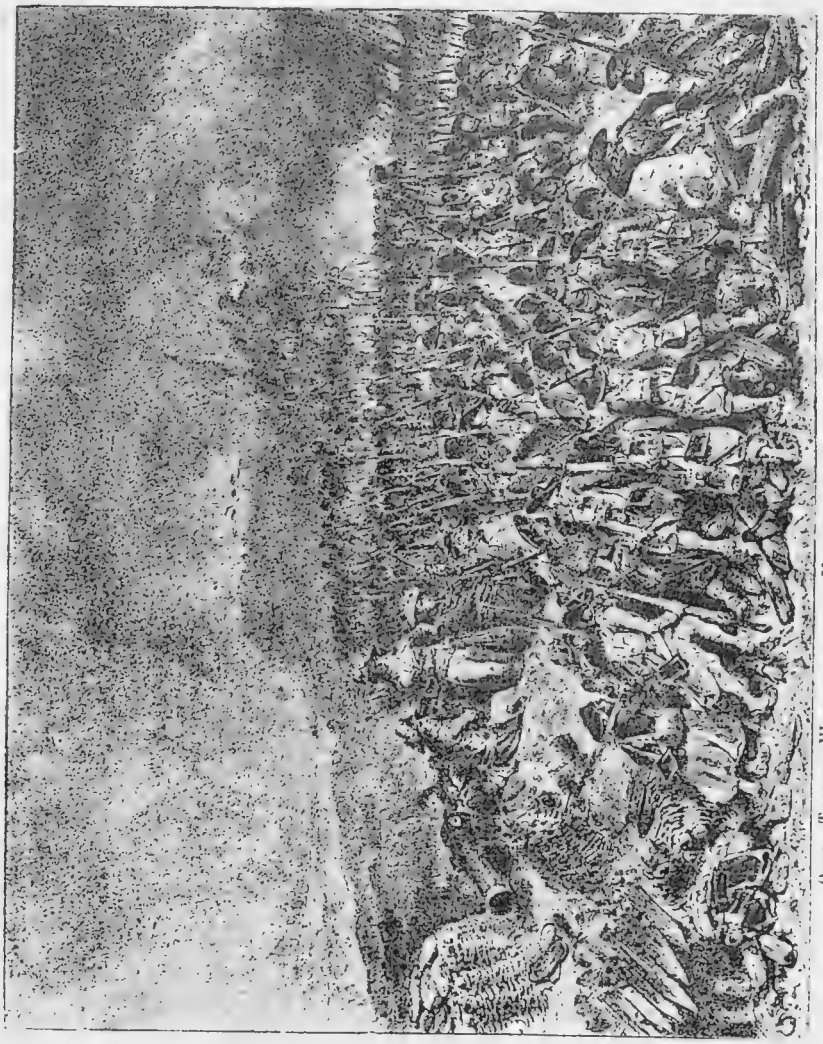
своей власти. Если Наполеонъ пользовался смутнымъ временемъ во Франціи, то единственно лишь для подготовленія средствъ къ выполненію этого предпріятія и притомъ въ размѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ дѣйствительной трудности таковаго.

Генералъ-якобинецъ.

Благоразуміе не было до сихъ поръ характерною чертою Буонапарте. Смѣлыя его продѣлки и грѣшки противъ дисциплины, выставляли его скорѣе дерзкимъ и безшабашнымъ искателемъ приключеній. Все это, однако, измѣнилось со времени послѣдняго бѣгства Наполеона во Францію. Въ образѣ его дѣйствій сталъ обнаруживаться новый, опредѣленный планъ: обратить на себя вниманіе пунктуальной исполнительностью, граничившей иногда съ совершенно ребяческой осторожностью. Семья Буонапарте все еще оставалась безъ крова и безъ обезпеченныхъ средствъ къ существованію. Надежды свои на матеріальное преуспѣяніе она возлагала на якобинцевъ, вліяніе которыхъ возрозстало, повидимому, съ каждымъ часомъ. Благодаря вліятельнымъ друзьямъ, которыхъ пріобрѣлъ себѣ Наполеонъ въ лицѣ представителей Конвента,—какъ, напримѣръ, Робеспьеру-младшему, Фрерону и Баррасу, были уже достигнуты кое-какіе осязательные результаты. Почти не подлежало сомнѣнію, что самого Наполеона Буонапарте утвердятъ въ чинѣ бригаднаго генерала, остальное же должно было приложиться само собою. Благодаря врожденному умѣнью сообразоваться съ обстоятельствами, Наполеонъ за послѣднія нѣсколько недѣль пользовался своей способностью очаровывать сердца, чтобы привлечь къ себѣ Мармона, Жюно и многихъ другихъ храбрыхъ и даровитыхъ офицеровъ.

Ввиду столь благопріятныхъ шансовъ Буонапарте считалъ совершенно излишнимъ оставлять на пути къ своему производству въ генеральскій чинъ какіе либо камни преткновенія. Поэтому, въ послужномъ спискѣ, посланномъ въ Парижъ, онъ показываетъ, будто вступилъ въ службу болѣе чѣмъ годомъ раньше, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ,—не упоминаетъ о такихъ фактахъ, которые могли бы быть истолкованы въ неблагопріятную для него сторону,—утверждаетъ, будто, при взятіи Магдалены, командовалъ батальономъ и въ концѣ-концовъ категорически отрицаетъ, что когда-либо считался дворяниномъ. Чиновники военнаго министерства, заваленные работой, не дали себѣ труда провѣрить по документамъ этотъ послужной списокъ и 6-го февраля 1794 года Наполеонъ Буонапарте былъ утвержденъ законнымъ порядкомъ въ генеральскомъ чинѣ, съ назначеніемъ на дѣйствительную службу, въ новую, совершенно преобразованную итальянскую армію. Она, словно по мановенію волшебнаго жезла, замѣнила собою толпы дурно снаряженныхъ, голодавшихъ, босоногихъ оборванцевъ, которые въ прошломъ году, стоя въ Ниццѣ и ея окрестностяхъ, тоже именовались этимъ громкимъ титуломъ. Наполеону Буонапарте не удалось пока еще

выудить въ лотереѣ счастья первый выигрышъ, но того, что выпало ему на долю, было достаточно, чтобы оправдать его образъ дѣйствій и возбудить у него довѣріе къ Фортунѣ. Прослуживъ номинально всего лишь восемь лѣтъ и три мѣсяца, изъ



Осада Тулона. Штурмъ редута «Малый Гибралтаръ». Съ литографіи Раффе.

которыхъ четыре года и десять мѣсяцевъ проведено частью въ отпуску, частью же въ самовольной отлучкѣ, онъ оказывался бригаднымъ генераломъ! Такую изумительно блестящую карьеру нельзя приписывать слѣпому счастью, или же смутному революціонному времени, или, наконецъ, выдающимся способностямъ самого Наполеона. Она была обусловлена взаимодѣйствіемъ всѣхъ

этихъ элементовъ. Замѣчательно, что достигнутые успѣхи не опьянили молодого генерала, а, напротивъ того, какъ будто сдѣлали его еще трезвѣе и сдержаннѣе. Это обусловливалось отчасти вынесеннымъ имъ какъ разъ тогда изъ собственнаго личнаго опыта убѣжденіемъ, что гораздо легче стряхнуть съ себя цѣпи какой угодно привычки, чѣмъ высвободиться изъ сѣтей, въ которыя запутываютъ человѣка его приближенные. Дѣйствительно, въ промежутокъ между производствомъ своимъ въ генералы и утвержденіемъ въ этомъ чинѣ, Наполеонъ, по винѣ своихъ родственниковъ, подвергся очень серьезному риску. Братья его: Жозефъ, Люсьенъ и Луи, подобно Саличетти, словно обезумѣли отъ радости и, тотчасъ же, по взятіи Тулона, начали самымъ безцеремоннымъ и безсовѣстнымъ образомъ хлопотать о захватѣ себѣ возможно большей доли, при дѣлежкѣ якобинцами общественнаго пирога. Жозефъ, воспользовавшись корсиканскими документами своего брата, выдалъ себя за подполковника и добился такимъ образомъ производства въ оберъ-интенданты перваго класса. Луи, не смотря на крайнюю свою молодость, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ при артиллерійскомъ управленіи, съ производствомъ въ капитанскій чинъ, но, впрочемъ, не долго лишь сохранилъ за собою эту должность, такъ какъ вскорѣ послѣ того былъ опредѣленъ въ шалонское военное училище простымъ кадетомъ. Все это помогло, однако, семьѣ Буонапарте кое-какъ пережить кризисъ. Люсьенъ удержалъ за собою постъ смотрителя интендантскихъ складовъ въ Сенъ-Максименѣ, гдѣ разыгрывалъ роль передового якобинца, именовался Люціемъ Брутомъ и считалъ весьма лестнымъ для себя прозвище маленькаго Робеспьера.

Положеніе Люсьена и Луи, ввиду крайней молодости обоихъ этихъ отроковъ, представлялось даже и въ революціонныя времена до чрезвычайности страннымъ. Наполеонъ какъ нельзя лучше сознавалъ опасность, какою оно могло угрожать ему самому вслучаѣ разгрома якобинцевъ, а потому держалъ себя до крайности осторожно. Весьма вѣроятно, что онъ самъ выхлопоталъ себѣ 26-го декабря 1793-го года назначеніе на должность инспектора береговыхъ укрѣпленій и тотчасъ же отправился осматривать прибрежье Средиземнаго моря на протяженіи отъ Тулона до Ментоны. Командировка эта высвободила Наполеона изъ щекотливаго положенія, въ которомъ ему пришлось бы выказывать восторженную радость или негодованіе по поводу безжалостной расправы съ побѣжденными жирондистами. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему представлялся новый случай обнаружить военные свои таланты. Онъ и въ самомъ дѣлѣ мастерски выполнилъ свою задачу, но при этомъ усердіе военнаго спеціалиста оказало ему плохую услугу. Прозорливая сообразительность искуснаго генерала увлекла его до забвенія осторожности, необходимой въ революціонныя времена. Въ своемъ докладѣ военному министру онъ представилъ обстоятельный проектъ усиленія береговыхъ укрѣпленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ и на необходимости усиленія флота, безъ содѣйствія котораго нельзя было приступить къ осуществле-

нію геніальнаго плана военныхъ дѣйствій въ Италіи, смутно носившагося, повидимому, тогда уже въ головѣ молодого генерала. Продовольствіе не только итальянской арміи, но въ сущности даже и всего юго-востока Франціи зависѣло въ данную минуту отъ торговли съ Генуезской республикой. Республика эта считалась государствомъ нейтральнымъ и дружественнымъ Франціи. Для огражденія генуезской торговли надлежало позаботиться о томъ, чтобы всякое вооруженное вмѣшательство со стороны англичанъ и испанцевъ стало невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, затруднительнымъ. Прибывъ въ Марсель и занявшись исключительно стратегическими соображеніями, Буонапарте нашелъ положеніе этого города крайне опаснымъ. Испанскій и англійскій флоты хозяй-

Медаль, выбитая въ честь Робеспьера младшаго.

ничали на морѣ и фактически блокировали французскія гавани. Какъ уже упомянуто, они одно время владѣли Тулономъ и удалились оттуда единственно лишь по взятіи французами редута, построеннаго на косѣ, командующей выходомъ изъ порта. Марсельскій портъ расположенъ подобнымъ же образомъ, какъ и тулонскій, но Буонапарте нашелъ тамъ укрѣпленіе, защищавшее входъ въ гавань, срытымъ. Помышляя лишь о выполненіи инспекторскихъ своихъ обязанностей, Наполеонъ, вполнѣ правильно съ стратегической точки зрѣнія, составилъ 4-го января 1794-го года докладную записку о желательности возстановить это укрѣпленіе такъ, чтобы оно „могло командовать городомъ“. Фраза эта оказывалась въ политическомъ отношеніи до чрезвычайности неосторожной. Безъ сомнѣнія, Буонапарте имѣлъ въ виду попытку со стороны союзниковъ овладѣть городомъ и портомъ, или же предусматривалъ возможность вторичнаго захвата города контръ-революціонерами,

но въ данномъ случаѣ оказалось, что марсельцы смотрѣли на это укрѣпленіе какъ на свою Бастилію. Укрѣпленіе это было срыто марсельскими республиканцами изъ соревнованія съ своими столичными единомышленниками. При такихъ обстоятельствахъ выраженія, употребленныя въ докладной запискѣ инспектора береговой обороны, показались марсельскимъ республиканцамъ подозрительными. Въ Марселѣ поднялась буря негодованія противъ Буонапарте и ближайшаго его начальника, генерала Лапоипа. На нихъ обоихъ поданъ былъ Конвенту доносъ, вслѣдствіе котораго ихъ и вызвали туда для представленія объясненій. Тѣмъ временемъ Буонапарте былъ утвержденъ въ чинѣ бригаднаго генерала и приказъ объ этомъ былъ 16-го февраля полученъ въ Марселѣ. Обстоятельство это не только не увеличило популярность Наполеона, но даже, напротивъ того, марсельцы стали относиться къ нему еще болѣе несочувственнымъ и угрожающимъ образомъ. Генералъ Боунапарте поспѣшилъ поэтому вернуться подъ охрану Саличетти и Робеспьера младшаго въ Тулонъ, откуда, по ихъ совѣту, отправилъ въ Парижъ съ нарочнымъ довольно нелѣпое извинительное письмо, въ которомъ соглашался съ заявленіями парижскихъ воротилъ, будто возобновленіе форта въ Марселѣ представлялось необходимымъ единственно лишь для того, чтобы держать городъ въ уздѣ. Сознавшись такимъ образомъ въ проступкѣ, въ которомъ на самомъ дѣлѣ былъ вовсе неповиненъ, Наполеонъ, по совѣту Саличетти и Робеспьера, отказался явиться въ Конвентъ для представленія устныхъ объясненій. Могущественные покровители Буонапарте обратились къ парижскимъ своимъ друзьямъ съ энергическими представленіями и такимъ образомъ спасли молодого генерала. 1-го апрѣля 1794-го года онъ прибылъ въ Ниццу и вступилъ въ исполненіе обязанностей начальника артиллеріи итальянской арміи. Генералъ Лапоипъ, явившійся передъ судилище Конвента, съумѣлъ благополучно оправдаться.

Благодаря взятію Тулона войсками Конвента, французская революція успѣла стать изъ догмата сравнительно немногочисленной партіи настоящимъ народнымъ движеніемъ. Организаторская дѣятельность Карно довела менѣе чѣмъ въ два года дѣйствительную численность французской арміи съ 112.000 до изумительной силы въ 730.000 человѣкъ. Въ арміи этой установилась строгая дисциплина, и республиканскія войска представляли собою превосходный по тогдашнему времени боевой механизмъ, отлично подчинявшійся своимъ руководителямъ, хотя, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, снаряженіе войскъ и оставляло желать много лучшаго. Въ итальянской арміи насчитывалось почти 67.000 человѣкъ, включая въ эту цифру резервныя войска и гарнизоны на островѣ Корсикѣ. Организація управленія этой арміи (какъ и остальныхъ французскихъ вооруженныхъ силъ) была значительно упрощена, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла гораздо большую прочность. Она состояла изъ главнокомандующаго, начальника штаба, трехъ дивизіонныхъ генераловъ (въ томъ числѣ Массены) и три-

надцати бригадныхъ генераловъ, одинъ изъ которыхъ, Буонапарте, состоялъ, какъ уже упомянуто, командиромъ и инспекторомъ всей артиллеріи.

Сцена изъ возстанія Вандеи. 1792—94.
Съ картины Бутиньи.

„Представителями народа“ при арміи состояли: Робеспьеръ младшій, Рикоръ и Саличетти. Сколько можно судить, первый изъ нихъ являлся по внѣшности руководителемъ, вдохновляв-

шимъ итальянскую армію. Генералъ Буонапарте поставленъ былъ въ необходимость опираться преимущественно на его поддержку. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ молодого бригаднаго генерала считали въ Ниццѣ отъявленнымъ „горцемъ“, т. е. крайнимъ якобинцемъ. Во всякомъ случаѣ Огюстенъ Робеспьеръ вскорѣ началъ слышать и видѣть глазами и ушами корсиканскаго своего пріятеля, въ вѣрности котораго Франціи служили порукой ненависть его къ Паоли и желаніе вернуть себѣ родовыя помѣстья Буонапарте. Каковы-бы ни были связи, установившіяся у Наполеона съ Робеспьеромъ младшимъ, не подлежитъ сомнѣнію, что молодой бригадный командиръ пріобрѣлъ, по ихъ милости, большое вліяніе. Отъ него исходилъ починъ всѣхъ политическихъ и военныхъ предпріятій: онъ выработывалъ планы операцій и онъ же придумывалъ способы заручиться средствами, необходимыми для ихъ осуществленія. По всѣмъ вѣроятіямъ, планъ, на которомъ окончательно остановились, былъ принятъ именно по его совѣту. Выбравъ изъ войскъ лучшую треть личнаго состава, раздѣлили ихъ на три дивизіи, которымъ было предписано двинуться подъ предводительствомъ Массены на неприступныя почти позиціи австрійцевъ и сардинцевъ въ Верхнихъ Апенинахъ. Остальная часть арміи образовала собою резервъ, на которомъ лежало отчасти также и удержаніе въ надлежащемъ повиновеніи республиканскимъ властямъ недавно завоеваннаго департамента, главнымъ городомъ котораго была Ницца.

Генуя находилась въ своеобразныхъ, довольно странныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Генуезская олигархія, несмотря на республиканскую форму правленія, представляла собою, по духу, прямую противоположность французской демократіи. Торговля съ Генуей была для Франціи, какъ уже упомянуто, чрезвычайно важна, но въ генуезскомъ сенатѣ преобладало англійское вліяніе. Въ октябрѣ 1793 года французское транспортное судно было захвачено англійскою эскадрой какъ разъ въ генуезской гавани. Вскорѣ послѣ того французскій посланникъ въ Генуѣ намекнулъ, что въ виду невозможности для республиканской арміи проникнуть въ Ломбардію прямымъ путемъ черезъ Апенины, она вынуждена будетъ, пожалуй, пройти береговою дорогой черезъ генуезскую территорію. Весьма вѣроятно, что заявленіе это служило дипломатическимъ маневромъ, имѣвшимъ цѣлью обмануть бдительность непріятеля, такъ какъ въ апрѣлѣ 1794 года французскія войска энергически аттаковали сардинцевъ и австрійцевъ. 6-го апрѣля Массена овладѣлъ Винтимильей. Двинувшись оттуда черезъ Онелью и Ормею въ долину Стуры, онъ обошелъ расположеніе союзныхъ австрійскихъ и сардинскихъ войскъ и заставилъ ихъ покинуть одну за другой всѣ неприступныя ихъ позиціи, такъ что, наконецъ, 7 мая, они очистили даже Тендское ущелье, ведущее прямо въ Ломбардію.

Это удачное стратегическое движеніе до чрезвычайности подняло духъ итальянской арміи, освободивъ вмѣстѣ съ тѣмъ для наступательныхъ дѣйствій значительное число войскъ, остававшихся передъ тѣмъ въ резервѣ, для обороны пунктовъ, кото-

рымъ угрожало непріятельское нападеніе. Массена съ восторгомъ доносилъ объ усердіи и выносливости, выказанныхъ его войсками

Бонапартъ подъ арестомъ (въ августѣ 1794 г.).
Рисунокъ Папа.

на службѣ священному дѣлу свободы. „Они умѣютъ побѣждать и никогда не жалуются! Босикомъ и зачастую впроголодь, они

не позволяютъ себѣ никакихъ насилій, но мужественно идутъ впередъ, распѣвая любимый свой гимнъ: „Ça ira“—„Дѣло пойдетъ на ладъ“! Оно у насъ и дѣйствительно на ходу. Мы заставимъ тварей, окружающихъ туринскаго деспота, плясать карманьолу!“ Онъ намекалъ здѣсь на сардинскаго короля, Карла-Эммануила, являвшагося прекраснымъ образчикомъ доброжелательнаго самодержца. Огюстенъ Робеспьеръ писалъ въ Парижъ своему брату Максимиліану, что при наступательномъ движеніи французскія войска нашли всю страну передъ собой покинутою населеніемъ. Изъ одной Онелійской долины бѣжало 40.000 душъ, напуганныхъ разсказами о звѣрскихъ насиліяхъ, совершаемыхъ будто бы французами надъ женщинами и дѣтьми и о святотатственномъ разграбленіи ими церквей и монастырей.

Трудно судить въ настоящее время, былъ-ли изумительный успѣхъ этой краткой кампаніи, длившейся всего только мѣсяцъ, предусмотрѣннымъ, или неожиданнымъ. Во всякомъ случаѣ не сдѣлано было ничего, чтобы имъ воспользоваться. Наступленіе французскихъ войскъ внезапно остановилось, какъ если бы съ цѣлью вызвать убѣжденіе въ возможности дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій лишь инымъ путемъ, а именно черезъ генуезскую территорію, Очень можетъ быть, что никакихъ серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій не предполагалось, такъ какъ въ противномъ случаѣ Буонапарте непремѣнно бы принялъ личное участіе въ кампаніи. Въ данномъ случаѣ его участіе ограничивалось лишь распоряженіемъ о перевозкѣ изъ Онельи захваченнаго тамъ непріятельскаго склада продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. Весь май и іюнь мѣсяцы Наполеонъ жилъ въ Ниццѣ съ своей матерью и сестрами, заканчивая проектъ береговой обороны. Этотъ хорошенькій изящный городъ сталъ сборнымъ пунктомъ веселаго республиканскаго общества, въ которомъ молодой генералъ и его недурненькія сестры играли видную роль. У нихъ постоянно бывали Робеспьеръ младшій и Рикоръ. Изумляясь колоссальной умственной дѣятельности своего друга, дальновидности его плановъ и страшной энергіи, съ которой онъ подготовлялъ ихъ осуществленіе, Огюстенъ Робеспьеръ писалъ о Наполеонѣ: „Этотъ человѣкъ одаренъ сверхъестественными достоинствами“. Мармонъ говоритъ въ свою очередь о чарующемъ вліяніи Наполеона на всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сближаться: „Въ немъ было такъ много предвѣдѣнія... Онъ пріобрѣлъ надъ народными представителями неописуемое вліяніе“. Мармонъ заявляетъ, а Саличетти многократно подтверждаетъ, что Буонапарте былъ для Робеспьеровъ вдохновителемъ, выработывавшимъ всѣ военныя и дипломатическія соображенія.

Такое впечатлѣніе было, безъ сомнѣнія, вызвано рѣшеніями, принятыми 20-го мая на военномъ совѣтѣ предводителями двухъ армій: альпійской и итальянской, съѣхавшимися для того, чтобъ выработать сообща планъ совмѣстныхъ дѣйствій. Понятно, что каждая группа генераловъ желала предоставить главную роль своей собственной арміи. Несмотря на всѣ предъявленныя ему возраженія, генералу Буонапарте удалось добиться принятія пол-

постью всего выработаннаго имъ проекта военныхъ дѣйствій. Тѣмъ временемъ, однако, положеніе дѣлъ въ Генуѣ пріобрѣло такой угрожающій характеръ, что французскимъ властямъ пришлось по неволѣ сосредоточить на немъ все свое вниманіе. Австрійскія

Юлія Клари, супруга Іосифа Бонапарте.
Съ картины неизвѣстнаго художника, находящейся въ Ратушѣ въ Аяччіо.

войска безцеремонно нарушали нейтралитетъ генуезской республики и позволяли себѣ проходить по ея территоріи. Въ генуезскихъ владѣніяхъ укрывалось множество французскихъ дезертировъ; англійское правительство, возобновляя маневръ, употребленный имъ съ такимъ успѣхомъ противъ французовъ во времена

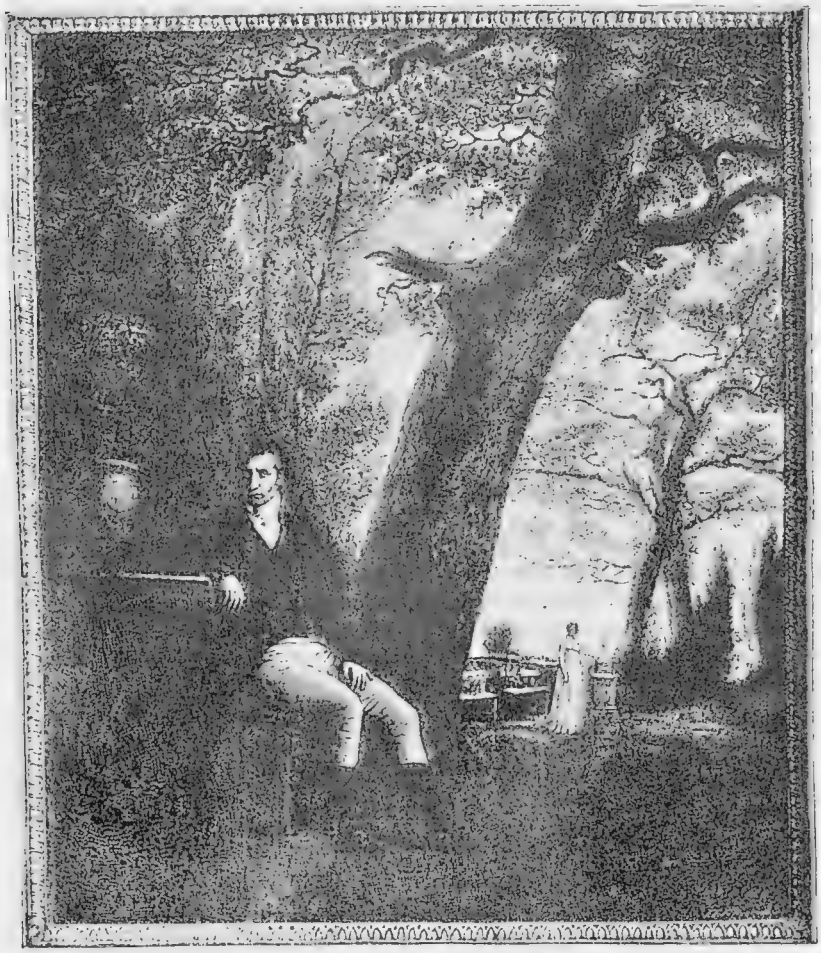
американской революціи, устроило въ Генуѣ фабрикацію фальшивыхъ французскихъ ассигнацій, которыя пересылались оттуда секретнымъ образомъ нѣсколькимъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ марсельскимъ торговцамъ и черезъ ихъ посредство выпускались въ обращеніе. Въ виду всего этого было вскорѣ рѣшено значительно расширить планъ кампаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить въ Геную особое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ Буонапарте. Такимъ образомъ онъ сдѣлался фактическимъ руководителемъ обѣихъ операцій: противъ Сардиніи и Генуи.

Посольство въ Геную.

Усложненія со стороны Генуи побудили генерала Буонапарте значительно измѣнить и расширить выработанный имъ передъ тѣмъ планъ военныхъ операцій. Окончательные результаты изложены въ сохранившемся до сихъ поръ-наскоро набросанномъ документѣ, въ которомъ проводится параллель между итальянской и испанской границей, выясняющая необходимость держаться на этихъ границахъ прямо противоположнаго образа дѣйствій. Наполеонъ указываетъ также на недостатокъ офицеровъ, способныхъ руководить совмѣстными дѣйствіями въ военныхъ операціяхъ на широкую ногу. Между прочимъ тамъ употреблена фраза, содержащая въ себѣ сущность всей наполеоновской военной системы. „На войнѣ, какъ и при осадѣ крѣпости, надо направить всѣ свои силы на одинъ пунктъ. Разъ, что пробита брешь, равновѣсіе у непріятеля нарушено, всѣ оборонительныя его приготовленія въ другихъ пунктахъ оказываются безполезными и крѣпость взята. Не разбрасывайте силъ съ намѣреніемъ скрыть пунктъ аттаки, а всячески старайтесь обезпечить себѣ на немъ численное превосходство“. Переходя на почву политическихъ соображеній, Наполеонъ усматриваетъ въ Германіи главную опору стремленій враждебныхъ демократіи. На испанской границѣ онъ считаетъ нужнымъ держаться оборонительнаго, а на итальянской—наступательнаго образа дѣйствій. Въ противность тому, что дѣлалъ самъ въ слѣдующемъ же году, Наполеонъ совѣтуетъ не выдвигаться слишкомъ далеко въ Піемонтъ, дабы непріятель не могъ воспользоваться преимуществами охватывающей позиціи. Робеспьеръ младшій, вызванный своимъ братомъ въ Парижъ, чтобы оказать диктатору содѣйствіе ввиду все громче и громче высказывавшагося противъ него недовольства, везъ съ собою въ карманѣ этотъ документъ.

Рикоръ остался въ Ниццѣ, чтобы номинально руководить операціями обѣихъ армій и дѣйствіями генуезскаго посольства. Настоящимъ распорядителемъ оставался на самомъ дѣлѣ Буонапарте. Военныя дѣйствія были пріостановлены, чтобы выждать результата порученныхъ ему дипломатическихъ переговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ инструкціи, составленныя для Буонапарте Рикоромъ, были написаны такъ, чтобы нисколько не стѣснять свободу его дѣйствій. Генералъ Буонапарте выѣхалъ 11-го іюля изъ Ниццы

и черезъ три дня прибылъ въ Геную. Онъ пробылъ тамъ всего только недѣлю, такъ какъ выѣхалъ обратно 21-го іюня, но въ этотъ короткій промежутокъ времени добился всего, что только считалъ желательнымъ. Онъ обратился къ генуезскому правительству съ энергическими представленіями и предъявилъ ульти-



Іосифъ Бонапарте род. 1768. Король Неаполитанскій 1806. Король Испанскій 1808. † во Флоренціи 1844 г.
Съ картины неизвѣстнаго художника, находящейся въ Ратушѣ въ Аяччіо.

матумъ, требовавшій, чтобы генуезская республика обязалась сохранять на будущее время строжайшій нейтралитетъ, не дозволяя ни чьимъ войскамъ проходить черезъ ея территорію и не помогая никому строить военныя дороги (въ чемъ ее секретно обвиняли). Этотъ ультиматумъ серьезно застращалъ генуезскую олигархію и ея дожъ письменно обязался выполнить всѣ требованія

правительства французской республики. 28-го іюля Буонапарте снова прибылъ въ Ниццу. Можно представить себѣ, что, возвращаясь по живописной дорогѣ, пролегающей по „Карнизу“ между горами и моремъ, юный генералъ и дипломатъ предавался самымъ розовымъ мечтамъ, чувствуя у себя на плечахъ уже эполеты главнокомандующаго. На самомъ дѣлѣ его ожидала опала, которая могла, чего добраго, окончиться приговоромъ къ смертной казни. Черезъ недѣлю по его возвращеніи получено было извѣстіе о совершившемся въ Парижѣ новомъ изумительномъ государственномъ переворотѣ. Въ самый день радостнаго въѣзда генерала Буонапарте въ Ниццу, пала на гильотинѣ голова Робеспьера. Грозная „Гора“ рушилась и Франціи снова приходилось возстанавливать какъ-нибудь равновѣсіе, нарушенное словно землетрясеніемъ.

Это былъ страшный ударъ, причины котораго, впрочемъ, непосредственно коренились въ возроставшей неурядицѣ якобинской администраціи. Такъ называемая республика установила 24 ноября 1793 года суровый и энергическій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, непрочный порядокъ вещей. Она обзавелась, какъ извѣстно, новымъ календаремъ, въ которомъ 1-й годъ начинался 22-го сентября 1792 года, въ день провозглашенія во Франціи республики. Всѣ мѣсяцы республиканскаго календаря имѣли по тридцати дней, имена которыхъ были заимствованы отъ виноградарства, тумановъ, морозовъ, дождя, снѣга, вѣтровъ, листьевъ, цвѣтовъ, сѣмянъ, луговъ, жары и жатвы, но годъ заканчивался весьма непоэтически пятью или шестью дополнительными днями, которые назывались санкюлоттидами (въ честь простонародія, не носившаго штановъ). Эти дополнительные дни считались въ республиканскомъ календарѣ праздничными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые еще въ исторіи цивилизованныхъ народовъ, осуществился странный фактъ, казавшійся передъ тѣмъ фантастическою грезой. Французскій народъ обратился въ армію, воевавшую одновременно почти со всѣми европейскими державами. Положеніе это было въ сущности создано жирондистами, но якобинцы съ свирѣпымъ юморомъ безстрашно смотрѣли теперь въ лицо логическимъ послѣдствіямъ дерзости ихъ предшественниковъ у кормила правленія. Карно положилъ въ основу республиканской стратегіи принципъ энергическаго нападенія на врага,—нападенія, разсчитаннаго такъ, чтобы располагать на полѣ сраженія перевѣсомъ въ численности. Возбужденіе, которымъ были проникнуты народныя массы во Франціи, придавало республиканскимъ войскамъ неудержимое бѣшеное мужество. Еще не успѣлъ 1793 годъ придти къ концу, а внѣшніе враги Франціи, хотя и не потерпѣли еще рѣшительнаго пораженія, но все-таки были уже отброшены отъ французской границы; возстаніе въ Вандеѣ было временно подавлено, а взбунтовавшіеся города усмирены.

Якобинцы могли быть только всѣмъ, или ничѣмъ. Въ виду этого они прибѣгли къ неслыханной, ужасающей мѣрѣ, а именно къ террору, свирѣпствовавшему съ самымъ безпощаднымъ звѣрствомъ противъ враждебныхъ имъ партій. Подъ конецъ онъ какъ будто

истощилъ свои силы, хотя одно время раскидывался все больше въ ширь и въ глубь. Подъ давленіемъ террора „Гора“ распалась и сама на три фикціи. Вначалѣ 1794 года въ Конвентѣ осталась лишь горсть откровенныхъ и все еще яростныхъ террористовъ, а именно Геберъ съ его сотоварищами. Это были атеисты, которые, упразднивъ христіанскую религію и все прошлое, преклонялись передъ созданнымъ ими самими фетишемъ, называвшимся у нихъ Разумомъ. Они были арестованы и казнены 27-го марта. Затѣмъ остались только приверженцы Дантона и Робеспьера. Первые изъ нихъ именовали себя умѣренными и проповѣдывали необходимость успокоенія умовъ, вторые же не придерживались никакихъ опредѣленныхъ принциповъ, за исключеніемъ слѣпой преданности человѣку, утверждавшему, что онъ возродитъ общество. Поклонники этого полубога одержали одно время верхъ. Дантонъ, подобно Геберу, погибъ на гильотинѣ и послѣ этого безразсуднаго юридическаго убійства Робеспьеръ остался одинъ фактическимъ диктаторомъ Франціи. Безтактная ходульность его образа дѣйствій, выразившаяся въ декретѣ, которымъ предписывалось признавать бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души, равно какъ и въ балаганныхъ празднествахъ, долженствовавшихъ заступить мѣсто богослуженія, въ концѣ ожесточили противъ него какъ атеистовъ, такъ и религіозныхъ людей. Неудача эта привела его въ такое неистовое озлобленіе, что, снявъ съ себя маску пророка и благодушнаго праведника, онъ сдѣлался настоящимъ дьяволомъ.

Въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ во Франціи свирѣпствовала опять кровавая оргія, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Великаго террора. Менѣе чѣмъ въ семь недѣль казнено было болѣе 1.200 человѣкъ. Разнузданная алчность гильотины становилась все неразборчивѣе въ выборѣ жертвъ. Сперва падали головы аристократовъ, затѣмъ королевской четы и ея сторонниковъ, затѣмъ—ненавистныхъ богачей,—просто состоятельныхъ людей, а подъ конецъ—всѣхъ и каждаго, кто не пресмыкался передъ деспотизмомъ Робеспьера. Внезапно проявившаяся реакція противъ террора вызвана была чувствомъ страха, которое онъ возбуждалъ повсемѣстно. Несмотря на свои диктаторскія замашки, Робеспьеръ оказался человѣкомъ безхарактернымъ и не на шутку перепугался, когда встрѣтилъ серьезное сопротивленіе. 27 го іюля (9-го термидора) Конвентъ позволилъ себѣ противъ него возмутиться. Крайніе радикалы и умѣренные консерваторы соединились вмѣстѣ, чтобы низложить диктатора. Въ самомъ Конвентѣ разыгрывались страшныя сцены. Между парижскими секціями тоже обнаружился разладъ: нѣкоторыя изъ нихъ стояли за Конвентъ, другія же за Робеспьера. Диктаторъ приказалъ артиллеристамъ разгромить пушечными выстрѣлами ту часть Тюльерійскаго дворца, гдѣ засѣдали его враги, но артиллеристы послѣ нѣкотораго колебанія отказались повиноваться. Отказъ этотъ послужилъ сигналомъ къ прекращенію всякаго сопротивленія декретамъ Конвента. Диктаторъ, когда явились его арестовать, хотѣлъ самъ лишить себя

жизни, но рука ему измѣнила и, вмѣсто того, чтобы разможжить себѣ голову, онъ только прострѣлилъ челюсть. Онъ, съ своимъ братомъ и наиболѣе близкими сторонниками, былъ арестованъ и на слѣдующее же утро казненъ. Съ паденіемъ Робеспьера исчезли послѣдніе слѣды соціальнаго или же политическаго авторитета. Французскій народъ не питалъ ни малѣйшаго довѣрія къ Конвенту. Единственной организованной силой, опиравшейся на поддержку общественнаго мнѣнія, оставалась армія.

Послѣдствія паденія Робеспьера.

Извѣстіе о новомъ совершившемся во Франціи государственномъ переворотѣ, распространившись на югъ Франціи, достигло наконецъ Тулона, Марселя и Ниццы, — городовъ, гдѣ самые завзятые приверженцы Робеспьера хвастались своимъ вліяніемъ и могуществомъ. Неудивительно, если у большинства простыхъ смертныхъ внезапная катастрофа вызвала въ первую минуту нѣчто вродѣ умопомѣшательства. Прежнія политическія партіи на мгновенье исчезли какъ дымъ. Одержавшая верхъ надъ Робеспьеромъ коалиція въ Конвентѣ, извѣстная подъ названіемъ термидорцевъ, объединяла, какъ уже упомянуто, радикаловъ съ умѣренными консерваторами. Она имѣла притязанія на то, чтобы служить представительницей всей Франціи. Политическія фракціи, смѣнявшіяся до тѣхъ поръ у кормила правленія, никогда еще не предъявляли подобныхъ притязаній. Во всякомъ случаѣ для дѣятельныхъ сторонниковъ прежней администраціи возникалъ настоятельный и весьма щекотливый вопросъ, куда и къ кому должны они теперь обратиться? Гдѣ искать себѣ крова и пристанища? Корсиканцы, бѣжавшіе изъ отечества одновременно съ Саличетти и Буонапарте, почти всѣ были такъ или иначе пристроены къ итальянской арміи. Нельзя сказать, однако, чтобы они пользовались особенно большимъ расположеніемъ со стороны французскихъ патріотовъ. Это представлялось совершенно естественнымъ, ввиду неудачности ихъ попытокъ сохранить островъ Корсику за Франціей. Въ комитетѣ общественной безопасности указывали уже передъ тѣмъ, что у корсиканскихъ выходцевъ патріотизмъ проявляется не столь явственно, какъ стремленіе къ наживѣ. Того же мнѣнія держались и собственные ихъ соотечественники, преимущественно же тѣ, кому пришлось остаться въ укрѣпленныхъ городахъ Бастіи и Кальви, признававшихъ еще себя принадлежащими Франціи. Саличетти, обладавшій драгоцѣнной для политическаго авантюриста способностью къ быстрымъ перемѣнамъ фронта, съумѣлъ найтись и въ данномъ случаѣ. Онъ выказалъ себя замѣчательно ловкимъ негодяемъ и, принявъ на себя роль наушника, втерся въ довѣріе термидорцевъ. Онъ донесъ на своего бывшаго кліента и пособника генерала Буонапарте, въ которомъ начиналъ смутно сознавать недюжинную, крупную личность. Движимый частью страхомъ, частью же, быть можетъ, и завистью, онъ объявилъ, что молодой генералъ состоялъ въ близ-

кихъ сношеніяхъ съ Робеспьеромъ и принималъ участіе въ лично ему, Саличетти, неизвѣстной подозрительной интригѣ.

Посольство Буонапарте въ Геную имѣло по внѣшности чисто политическій характеръ, но втайнѣ являлось чѣмъ-то въ родѣ военной рекогносцировки. Конфиденціальныя инструкціи послу, выработанныя фактически самимъ же Буонапарте, дошли, съ паденіемъ Робеспьера, до свѣдѣнія новаго французскаго правительства. Оказывалось, что Наполеону поручено было осмотрѣть укрѣпленія въ Савойѣ, Генуѣ и окрестностяхъ,—ознакомиться съ состояніемъ генуезской артиллеріи,—провѣрить образъ дѣйствій французскаго посланника по отношенію къ правительству генуезской республики,—вывѣдать какъ можно обстоятельнѣе намѣренія генуезской олигархіи, короче сказать,—собрать всѣ справки, которыя могли бы оказаться полезными на случай, если бы дѣло дошло до войны, „послѣдствія которой теперь невозможно предвидѣть“. Не зная еще о коварствѣ Саличетти, но чувствуя, что въ противузаконныхъ, тайныхъ сношеніяхъ своихъ съ Робеспьеромъ подвергался серьезному риску, и, вѣроятно, предусматривая надвигавшуюся бурю, генералъ Буонапарте поспѣшилъ склонить голову передъ грозою. Тотчасъ-же по прибытіи въ Ниццу онъ обратился къ французскому посланнику въ Генуѣ съ письмомъ, о которомъ предполагалось, что оно не замедлитъ достигнуть Парижа. Онъ заявлялъ тамъ: „Катастрофа съ Робеспьеромъ отчасти меня потрясла, такъ какъ я его любилъ и считалъ непорочнымъ. Если бы, однако, онъ былъ мнѣ даже роднымъ отцомъ и началъ стремиться къ тиранніи, я не задумался бы вонзить ему въ сердце кинжалъ“. Это отреченіе отъ якобинства не произвело ожидаемаго дѣйствія. Генерала Буонапарте сперва отрѣшили отъ командованія артиллеріей итальянской арміи, а затѣмъ, 10-го августа арестовали и, къ величайшему для него счастью, заключили двумя днями позднѣе въ фортъ Карре (близъ Антибовъ), вмѣсто того, чтобы отправить въ Парижъ, какъ сдѣлали съ нѣкоторыми изъ его пріятелей. Этимъ заключеніемъ въ крѣпость, спасшимъ ему жизнь, Буонапарте былъ обязанъ Саличетти, который не колебался жертвовать пріятелемъ ради своей личной безопасности, но безъ крайней необходимости все-таки не желалъ губить его окончательно.

Съ выясненіемъ истиннаго положенія дѣлъ въ Корсикѣ, общественное мнѣніе Франціи расположено было признать достойными порицанія и кары вліятельныхъ корсиканскихъ агитаторовъ, вызвавшихъ на своей родинѣ кризисъ, вслѣдствіе котораго окончательная утрата Корсики представлялась въ данную минуту весьма правдоподобной. Саличетти, Мультедо и т. п. поторопились свалить всю вину на Буонапарте, такъ что у него въ Парижѣ оказалось множество враговъ. Благодаря суровости, съ какою Саличетти отнесся къ Буонапарте, котораго все еще продолжалъ считать своимъ подчиненнымъ, самъ онъ вышелъ сухъ изъ воды, хотя и былъ въ дѣйствительности главнымъ виновникомъ. Убѣдившись, что его лично оставятъ въ покоѣ, Саличетти удовлетво-

рился униженіемъ, которому подвергся его соперникъ и благосклонно отнесся къ семейству Буонапарте. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, его образъ дѣйствій относительно Луи Буонапарте, который, подобно своему брату, оказался безъ мѣста и въ опалѣ, но, по ходатайству Саличетти, былъ назначенъ офицеромъ ницкой національной гвардіи. Жозефу удалось въ самый разгаръ бури подцѣпить себѣ богатую невѣсту. Онъ и Фешъ не были арестованы и благополучно пережили грозу. Люсьенъ, разыгрывавшій изъ себя маленькаго Робеспьера, женился тоже на дѣвушкѣ изъ порядочнаго круга. За нею онъ не взялъ, однако, никакого приданаго, а потому его не на шутку пугала мысль о возможности потерять мѣсто, доставлявшее необходимыя средства къ существованію. Люсьену угрожалъ было арестъ, но, убѣдившись въ совершенной ничтожности этого юнаго Буонапарте, термидорцы оставили его въ покоѣ.

Самого Наполеона держали подъ арестомъ всего только тринадцать дней. Сколько можно заключить, для Саличетти оказалось несравненно легче, чѣмъ онъ самъ этого ожидалъ, выпутаться изъ обвиненія въ робеспьеровскомъ заговорѣ и въ неосторожныхъ интригахъ на островѣ Корсикѣ. Сверхъ того, онъ оказался на отличномъ счету у термидорцевъ, среди которыхъ пользовались большимъ уваженіемъ давнишніе его пріятели,—Баррасъ и Фреронъ. При такихъ обстоятельствахъ не трудно было выручить изъ бѣды и генерала Буонапарте, заручившись только отъ него надлежащимъ исповѣданіемъ принциповъ. Догадливый арестантъ не ожидалъ, пока къ нему обратятся съ требованіемъ представить такое исповѣданіе. Онъ написалъ вѣрному своему Жюно коротенькое ласковое письмецо, въ которомъ наотрѣзъ отказался воспользоваться услугами пріятелей, хотѣвшихъ взять штурмомъ фортъ, гдѣ онъ содержался и такимъ образомъ насильственно освободить молодого генерала, къ которому питали самыя пламенныя симпатіи. Понятно, что подобная попытка, даже въ случаѣ удачи, могла бы только еще болѣе скомпрометировать Наполеона въ глазахъ тогдашняго правительства. Отклонивъ ее, онъ обратился къ народнымъ представителямъ съ письмомъ, въ которомъ категорически высказывалъ свои политическія убѣжденія. Онъ объяснилъ, что въ революціонную эпоху граждане дѣлятся всего только на два разряда: на патріотовъ и подозрительныхъ. Не трудно усмотрѣть, къ какому изъ этихъ двухъ разрядовъ надлежитъ причислить человѣка, сражавшагося и съ внутренними и съ внѣшними врагами. „Я пожертвовалъ пребываніемъ въ родномъ моемъ департаментѣ,—покинулъ тамъ все свое имущество и не пожалѣлъ ничего ради республики. Съ тѣхъ поръ я служилъ не безъ отличія подъ Тулономъ и удостоился раздѣлить съ итальянскою арміей лавры, добытые взятіемъ Саорджіо, Онельи и Танаро. При обнаруженіи робеспьеровскаго заговора я велъ себя какъ человѣкъ, привыкшій руководиться единственно только принципами.“ Письмо заканчивалось страстнымъ воззваніемъ къ каждому изъ комиссаровъ въ

отдѣльности. Генералъ Буонапарте чувствовалъ себя оскорбленнымъ несправедливыми подозрѣніями и требовалъ безпристрастнаго разсмотрѣнія взведенныхъ на него обвиненій. Высказывая полную увѣренность, что будетъ оправданъ, онъ присовокупилъ: „Часомъ позднѣе, если злодѣямъ потребуется моя жизнь, я съ радостью отдамъ ее имъ. Я такъ мало интересуюсь жизнью, что зачастую она меня даже тяготитъ. Одна лишь мысль о томъ, что жизнь эта можетъ еще оказаться полезной отечеству, заставляетъ меня мужественно выносить столь тяжкое бремя."

Самъ Саличетти выполнилъ формальность разсмотрѣнія документовъ, на которые ссылался генералъ Буонапарте въ своихъ заявленіяхъ. Онъ нашелъ ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ достаточной степени удовлетворительными, и комиссары Конвента признали умѣстнымъ возвратить на извѣстныхъ условіяхъ свободу столь благонамѣренному патріоту, оставивъ его, однако, не у дѣлъ. Ему предписали безотлучно находиться при главной квартирѣ арміи, откуда будутъ посылаться все еще грозному комитету общественной безопасности еженедѣльно донесенія объ его поведеніи. Все это оказывалась, впрочемъ, лишь маскою. Вскорѣ прибыли отъ термидорцевъ комиссары съ предписаніями пріостановить на время наступательныя дѣйствія въ Италіи, чтобы сосредоточить всѣ силы итальянской арміи для морской экспедиціи въ Римъ, или въ Корсику. Планъ такой экспедиціи былъ давно уже выработанъ. Буонапарте сталъ тотчасъ же хлопотать о разрѣшеніи участвовать въ ней и, благодаря вліянію Саличетти, добился назначенія на важный постъ инспектора артиллеріи экспедиціоннаго корпуса. На него была возложена обязанность снарядить и подготовить къ экспедиціи нѣсколько артиллерійскихъ баттарей, и онъ разсчитывалъ разгромить ими, въ личныхъ своихъ интересахъ, англійскую партію, торжествовавшую тогда въ Корсикѣ. Это происходило въ половинѣ сентября мѣсяца. Прежде чѣмъ сдѣлать дессантъ въ Корсику, итальянская армія учинила энергическую демонстрацію, для обезпеченія передовыхъ своихъ позицій. Во время подготовленія къ этой коротенькой кампаніи произошелъ слѣдующій характерный инцидентъ. Наполеонъ Буонапарте давно уже уяснилъ себѣ могущественное вліяніе женщинъ и необходимости жить съ ними въ ладу. Въ дни диктатуры Робеспьера молодой генералъ выказывалъ самую пылкую внимательность поочередно Шарлоттѣ Робеспьеръ и г-жѣ Рикоръ. Онъ самъ говорилъ: „Нравиться имъ для меня очень важно, такъ какъ въ смутныя времена народный представитель облеченъ нешуточной властью". Супруга одного изъ новыхъ комиссаровъ, г-жа Тюрро, была теперь восходящимъ свѣтиломъ, къ которому генералъ Буонапарте обращался съ галантными своими ухаживаніями. Однажды, прогуливаясь съ ней подъ ручку, близъ перевала въ Тендскомъ ущельѣ, Буонапарте вздумалъ показать ей маленькую сценку изъ настоящей войны и приказалъ передовымъ постамъ аттаковать австрійскіе пикеты. Аттака эта являлась не только без-

полезной, но даже положительно вредной, такъ какъ подняла у непріятеля тревогу по всей линіи. Тѣмъ не менѣе она была выполнена и дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Самъ Наполеонъ на закатѣ дней говорилъ объ этомъ инцидентѣ тономъ раскаянія, но съ очевиднымъ самоуслажденіемъ.

Буонапарте присутствовалъ при послѣдующихъ побѣдахъ итальянской арміи, но единственно только въ качествѣ хорошо освѣдомленнаго зрителя и совѣтчика, такъ какъ номинально все еще находился въ опалѣ. Въ пятидневный срокъ непріятель, отброшенный по всей линіи, вынужденъ былъ оставить открытыми для французовъ два самыхъ важныхъ пути въ Италію: черезъ долину Бормиды—въ Алессандрію и по береговой дорогѣ—въ Геную. Удобное для обороны Тендское ущелье находилось на всемъ протяженіи въ рукахъ французовъ. Англичане лишились возможности безпрепятственно высаживать на берегъ войска и такимъ образомъ подкрѣплять союзниковъ. Между Генуей и Марселью возстановилось сухопутное торговое сообщеніе. Комиссары Конвента писали въ Парижъ своимъ сотоварищамъ: „Мы отпраздновали пятую санкюлоттиду третьяго года республики, (21 сентября 1794 г.) способомъ, достославнымъ для нея самой и для національнаго Конвента". 24-го сентября генералъ Буонапарте былъ освобожденъ комиссарами отъ обязательнаго пребыванія въ главной квартирѣ и снова сталъ свободнымъ, полноправнымъ гражданиномъ. Онъ немедленно же отправился въ Тулонъ, чтобы ускорить приготовленія къ корсиканской экспедиціи, причемъ ласкалъ себя надеждами, направить еще разъ могущество великой націи противъ своей родины и лично воспользоваться результатами этого предпріятія, въ которомъ разсчитывалъ играть выдающуюся роль.

Стараясь по возможности вернуть утраченное свое вліяніе среди корсиканцевъ, генералъ Буонапарте вступилъ уже и передъ тѣмъ въ сношенія съ прежними своими знакомыми въ Аяччіо. Въ письмѣ, съ которымъ Наполеонъ обратился тотчасъ же послѣ своего освобожденія изъ подъ ареста въ сентябрѣ 1794 года къ корсиканскому депутату Мультедо, онъ указываетъ на свою родину, Аяччіо, какъ на слабѣйшій пунктъ острова Корсики, неспособный сопротивляться энергичной аттакѣ открытою силой. Соображенія Наполеона оказывались въ данномъ случаѣ совершенно правильными. Паоли хотѣлъ было усилить Аяччіо новыми укрѣпленіями, но ему не удалось выполнить свое намѣреніе. „Правительству необходимо обратить самое серьезное вниманіе на экспедицію, которая имѣетъ цѣлью прогнать англичанъ съ позиціи, дѣлающей ихъ хозяевами Средиземнаго моря..., надо освободить отъ политическаго гнета до сихъ поръ еще многочисленныхъ въ корсиканскомъ департаментѣ патріотовъ и вернуть ва прежнее пепелище искреннихъ республиканцевъ, великодушно пострадавшихъ за отечество, а потому заслуживающихъ, чтобы и оно, въ свою очередь, о нихъ позаботилось, заявлялось въ этомъ письмѣ", писалъ Наполеонъ. Можетъ быть, что передъ изстрадавшимся и разочарованнымъ молодымъ генераломъ

снова рисовались прежнія перспективы благодарной роли національнаго корсиканскаго героя. Это представляется, однако, неправдоподобнымъ. Честолюбію Наполеона Буонапарте открылись настолько широкіе горизонты, что онъ уже не могъ удовлетвориться тѣсными рамками родного своего острова. Экспедиція, въ приготовленіи къ которой онъ принималъ такое дѣятельное участіе, служила, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ собственныхъ его глазахъ только средствомъ выпутаться изъ немилости, въ которой онъ временно находился.

Наполеонъ въ роли французскаго патріота.

Послѣднее корсиканское предпріятіе.—Реакція послѣ террора.—Пріемъ, оказанный Буонапарте въ парижскомъ обществѣ.—Бонапартъ какъ генералъ Конвента.—Усмиреніе парижскихъ секцій.—Бракъ одновременно по разсчету и по любви.

Послѣднее корсиканское предпріятіе.

Безпорядки и междуусобицы въ самой Франціи заставляли правителей французской республики воздерживаться въ теченіе многихъ уже мѣсяцевъ отъ вмѣшательства въ корсиканскія дѣла. Положеніе этихъ дѣлъ тѣмъ временемъ все ухудшалось. Паоли былъ не въ силахъ управиться съ своими соотечественниками и возлагалъ единственныя надежды на поддержку могущественной иностранной державы. Онъ инстинктивно обратился къ содѣйствію Англіи, и англійскій флотъ, прогнанный изъ Тулона, дѣйствительно явился къ нему подъ конецъ на помощь. 17 февраля 1794 года англійская эскадра прибыла въ превосходную Сенъ-флоранскую бухту и безъ труда овладѣла городомъ. Занявъ Сенъ-Флоранъ сильнымъ гарнизономъ и прервавъ такимъ образомъ прямое сообщеніе между остальными двумя центрами французскаго вліянія, а именно Кальви и Бастіей, командовавшій флотомъ адмиралъ осадилъ эту послѣднюю. Бастія храбро защищалась и держалась болѣе трехъ мѣсяцевъ до тѣхъ поръ, пока 24 мая, капитанъ Нельсонъ, двое сутокъ уже распоряжавшійся дѣйствіями противъ этого укрѣпленнаго города, принялся такъ энергически его обстрѣливать, что городъ сдался на капитуляцію. Условія этой капитуляціи являются до чрезвычайности мягкими, такъ какъ защитникамъ города дозволено было удалиться со всѣми воинскими почестями. Ближайшимъ непосредственнымъ результатомъ взятія Бастіи было созваніе корсиканскихъ штатовъ. Они объявили островъ конституціонной монархіей, состоящей подъ покровительствомъ Англіи. Корсиканскимъ вице-королемъ былъ назначенъ сэръ Жильбертъ Элліотъ, Паоли же, по распоряженію Георга III, отозвали въ Англію. 1 августа въ томъ же году взято было Кальви, послѣдняя французская твердыня на островѣ Корсикѣ, считавшаяся до тѣхъ поръ неприступною.

Близкое сосѣдство, въ которомъ оказывались англичане съ итальянскимъ прибрежьемъ, немедленно вызвало въ Тоскапѣ и Ломбардіи реакцію въ пользу французской революціи и ультралиберальныхъ ея воззрѣній. Комитетъ общественной безопасности хотѣлъ воспользоваться этой благопріятной перемѣной въ настроеніи умовъ, чтобы наказать Римъ за оскорбленіе, нанесенное республикѣ и остававшееся еще неотмщеннымъ, а именно за умерщвленіе французскаго посланника чернью въ 1793 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду также прогнать, если возможно, англичанъ съ острова Корсики. Этими именно соображеніями объясняется присылка въ Ниццу комиссаровъ съ предписаніемъ остановить военныя дѣйствія противъ Сардиніи и Австріи, чтобы, взамѣнъ того, нанести ударъ англійскому вліянію въ Италіи, а если можно, то и въ Корсикѣ.

Снарядить такую экспедицію было бы не трудно, если бы имѣлся подъ руками необходимый для нея флотъ. Въ данномъ случаѣ, однако, предстояло создать этотъ флотъ заново. Тулонскимъ верфямъ и арсеналамъ пришлось проявить необычайную дѣятельность, для того, чтобы выставить эскадру, способную помѣряться съ крейсировавшимъ въ Средиземномъ морѣ англійскимъ флотомъ. Этотъ гигантскій трудъ былъ законченъ лишь 19 февраля 1795 года. Можно вообразить себѣ, какую энергію обнаруживалъ за это время такой человѣкъ, какъ Наполеонъ, задававшійся къ тому же цѣлью вернуть себѣ утраченное вліятельное положеніе. Дѣйствительно, въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ генералъ Буонапарте проявлялъ такое усердіе и такую громадную способность къ труду, что даже непримиримѣйшіе хулители великаго корсиканца не рѣшаются отрицать столь очевидный фактъ. Когда отдано было приказаніе приготовиться къ отплытію, артиллерійская часть экспедиціи оказалась превосходно организованной и вполнѣ исправной. Мать Наполеона, съ младшими дѣтьми, поселилась, тѣмъ временемъ, въ хорошенькомъ домикѣ близъ арсенала. Туда зачастую являлся также и самъ Наполеонъ, очевидно начинавшій цѣнить удовольствія, доставляемыя обществомъ. Благодаря ловкой дипломатіи, обнаруженной сметливой семьею Буонапарте, все шло въ теченіе нѣкотораго времени какъ по маслу, даже и для Люсьена. Луи, которому минуло всего только шестнадцать лѣтъ, былъ произведенъ въ артиллерійскіе поручики. Самъ Наполеонъ считалъ себя наверху благополучія, когда пришло извѣстіе о томъ, что экспедиція отправляется въ Корсику. Тѣмъ временемъ съ Тосканой заключенъ былъ миръ. Что касается до Рима, то прежде, чѣмъ попасть туда, надлежало бы разбить на голову англійскій флотъ. Прежде всего слѣдовало поэтому сразиться съ англійской эскадрой, крейсировавшей вокругъ Корсики. Побѣда надъ этой эскадрой, разумѣется, открыла бы французамъ всѣ корсиканскіе порты.

Вновь снаряженный французскій флотъ отплылъ изъ Тулона 11 марта, но первая же его встрѣча съ англичанами окончилась крайне неудачно. Двое изъ лучшихъ французскихъ кораблей попа-

лись въ руки непріятеля, остальные же бѣжали къ Гіерскимъ островамъ. Дессантныя войска пришлось высадить на берегъ и отослать на прежніе ихъ посты.

Еще разъ Буонапарте оказался жертвой совершенно независѣвшихъ отъ него обстоятельствъ. Безъ мѣста, лишившись даже и того небольшого вліянія, которое съумѣлъ вернуть себѣ за послѣдніе полгода, онъ теперь въ седьмой разъ оказывался въ положеніи человѣка, вышвырнутаго за бортъ. Шансы успѣха представлялись для него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже менѣе благопріятными, чѣмъ въ самомъ началѣ карьеры, такъ какъ ему предстояло загладить составленное въ правительственныхъ сферахъ неблагопріятное впечатлѣніе. Весна 1795 г. могла бы показаться стороннему наблюдателю самымъ критическимъ періодомъ въ жизни Буонапарте. Онъ самъ смотрѣлъ на дѣло болѣе оптимистически и вскорѣ, повидимому, совсѣмъ забылъ про эту неудачную экспедицію. По крайней мѣрѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ на островѣ Св. Елены онъ не заикнулся о ней ни единымъ словомъ. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что Наполеонъ вообще не любилъ вспоминать про свои мелкіе и крупные промахи и неудачи. Онъ преимущественно задавался намѣреніемъ выставить себя въ лѣтописяхъ исторіи человѣкомъ, руководившимся самыми непорочными принципами и самыми возвышенными цѣлями. Безразсудная затрата многихъ милліоновъ франковъ на экспедицію, неудачу которой можно было предсказать заранѣе, разумѣется, не ставилась имъ себѣ въ вину. Дѣйствительно, онъ утверждаетъ, что въ тайнѣ не одобрялъ этой морской экспедиціи и стоялъ за энергическое веденіе войны на сухомъ пути.

Въ мѣстной корсиканской администраціи имѣлся всегда, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ природный французъ. Однимъ изъ послѣднихъ французскихъ чиновниковъ на островѣ Корсикѣ былъ Лакомбъ Сенъ-Мишель, попавшій затѣмъ въ члены комитета общественной безопасности. Между нимъ и партіей Саличетти никогда не существовало сколько-нибудь дружескихъ отношеній. Общественное мнѣніе во Франціи, какъ уже упомянуто, не особенно благопріятно относилось къ корсиканскимъ выходцамъ. Поговаривали, будто они, на берегу Средиземнаго моря, оказываются въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ роднымъ своимъ островомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ обвиняли въ безцеремоннѣйшихъ интригахъ съ цѣлью набить собственные свои карманы. Въ данномъ случаѣ, въ силу какихъ-то невѣдомыхъ и необъяснимыхъ причинъ, но, сколько можно судить, подъ вліяніемъ этихъ самыхъ выходцевъ, предпринята была въ Корсику дорого стоившая экспедиція, потерпѣвшая неудачу. Злополучные искатели приключеній едва успѣли сойти обратно на французскій берегъ, какъ Лакомбъ выхлопоталъ уже для Наполеона назначеніе въ западную армію съ предписаніемъ немедленно же отправиться къ новому мѣсту служенія. Предписаніе это было получено Наполеономъ еще въ апрѣлѣ въ Марсели, куда переѣхала уже вся семья Буонапарте. До чрезвычайности обиженный этимъ распоряженіемъ генералъ, въ со-

провожденіи своего брата Луи, а также Жюно и Мармона, выѣхалъ 2 мая въ Парижъ. Прибывъ туда недѣлей позднѣе, онъ нанялъ плохенькую меблированную квартирку въ улицѣ Монмартрскихъ Рвовъ (нынѣшней Абукирской улицѣ). Домъ, въ которомъ нанята была эта квартира, носилъ громкое имя „Отеля Свободы".

Съ этимъ моментомъ совпадаетъ, если можно такъ выразиться, окончаніе ученическихъ годовъ Буонапарте. Онъ фактически сдѣлался тѣмъ самымъ человѣкомъ, какимъ оставался потомъ до самой смерти. Корсиканецъ родомъ, онъ сохранилъ свойственную его соотечественникамъ чуткость воспріятій и громадную, какъ физическую, такъ и умственную выносливость, которыя соединялись у него съ непреклоннымъ упорствомъ, отличавшимъ средневѣковыхъ корсиканцевъ. Любовь къ семьѣ и къ соотечественникамъ имѣла у него характеръ античной доблести, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ готовъ пожертвовать, по крайней мѣрѣ, чувствомъ корсиканскаго патріотизма, своему честолюбію. Что касается до нравственнаго чувства, то оно въ дѣйствительности отсутствовало у Наполеона. Воспитаніе не содѣйствовало развитію у него этого чувства. Напротивъ того, хватавшая черезъ край чувствительность Руссо и хаотическія времена, вызванныя попытками воплощенія теорій этого революціоннаго предтечи, могли только еще болѣе отуманить совѣсть молодого генерала. Враждебное чувство, которое питалъ отецъ Наполеона къ католической религіи и непріятности, которыя ему самому пришлось вынести отъ своихъ воспитателей—монаховъ, были не въ силахъ окончательно искоренить у него суевѣріе, которое онъ, впрочемъ, въ глубинѣ души, считалъ религіозностью. Иногда онъ позволялъ себѣ подшучивать надъ религіей, подобно тому, какъ это зачастую дѣлаютъ люди, необладающіе прочными религіозными убѣжденіями, но вообще говоря относился къ католической церкви съ формальнымъ внѣшнимъ почтеніемъ. Теоретическое образованіе у Наполеона было узкимъ и одностороннимъ, но чтеніе и попытки литературнаго творчества, несмотря на свой поверхностный и безпорядочный характеръ, доставили ему кое-какія широкія и точно опредѣленныя понятія изъ области исторіи и политики. Зато Наполеонъ пріобрѣлъ такое практическое воспитаніе, какимъ могли похвастать развѣ лишь очень немногіе. Современный ему міръ вращался съ изумительной быстротой, невиданной ни раньше, ни позже. Эта необычайная быстрота вращенія, если можно такъ выразиться, до тонкости отшлифовала и отточила корсиканца, которому предстояло играть такую крупную роль въ міровой исторіи. Онъ въ совершенствѣ изучилъ искусство междуусобной войны, такъ какъ, въ теченіе пяти лѣтъ, не только присматривался къ этой войнѣ въ качествѣ заинтересованнаго наблюдателя, но и принималъ въ ней личной участіе: во Франціи и въ Корсикѣ. Ему приходилось терпѣть отъ интригъ болѣе коварныхъ, чѣмъ его собственныя, а потому онъ, постепенно совершенствуясь въ интригахъ, сталъ и самъ до чрезвычайности коварнымъ дипломатомъ. Онъ былъ честолюбцемъ, политическіе принципы котораго, какъ и слѣдовало ожидать, не отличались

солидностью, но, по сколько въ нихъ обнаруживается нѣкоторая тѣнь устойчивости, ихъ слѣдуетъ признать республиканскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ обладалъ существенными и основательными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ. Далекій отъ педантизма по части дисциплины, онъ въ тоже время не былъ и сторонникомъ

Бонапартъ въ Ниццѣ, въ 1793 г., объясняетъ Тюрро и Вольнею планъ итальянской кампаніи, выполненный имъ самимъ три года спустя, а именно въ 1796 г.
Съ картины Вуальконта, бывшей въ Парижскомъ салонѣ 1894 г.

распущенности, — не зналъ многихъ мелочныхъ подробностей военнаго ремесла и между прочимъ не усвоилъ даже и самъ привычки къ повиновенію, но въ пониманіи стратегіи стоялъ несравненно выше существовавшихъ до тѣхъ поръ традицій и практическихъ пріемовъ. Вообще, онъ замѣтно превосходилъ окружающую его среду разнообразными способностями и талантами, въ

особенности же умѣньемъ комбинировать,—оригинальностью и предусмотрительностью. Не умѣя какъ слѣдуетъ говорить и писать, онъ обладалъ замѣчательными способностями по части прикладной математики. Города и деревни, горы и равнины, моря и рѣки являлись у него количествами, какъ нельзя лучше укладывавшимися въ уравненія. Лично не заслуживая довѣрія, онъ пытался, однако, возбудить таковое въ окружающихъ и привязать ихъ къ себѣ. Самъ онъ отлично умѣлъ лицемѣрить и скрывать свои замыслы, но читалъ въ чужихъ сердцахъ, какъ въ открытой книгѣ. До сихъ поръ ему еще не случалось обнаруживать сколько-нибудь серьезной, искренней привязанности къ мужчинамъ или женщинамъ, но не доводилось и самому быть предметомъ такой привязанности. Тѣмъ не менѣе онъ изучилъ въ достаточной степени искусство ухаживанья и былъ хорошо знакомъ со всѣми рычагами и наивыгоднѣйшими точками приложенія силъ, дѣйствовавшихъ въ обществѣ. Если добавить къ этимъ способностямъ, частью находившимся еще въ зародышѣ, частью успѣвшимъ уже сформироваться, тотъ фактъ, что Наполеонъ оказывался теперь космополитомъ, можно наглядно представить себѣ главнѣйшія очертанія, общій рельефъ и окраску его характера. Самъ онъ говорилъ о себѣ приблизительно въ этотъ періодъ времени: „Я теперь какъ разъ въ такомъ настроеніи духа, въ какомъ чувствуешь себя обыкновенно наканунѣ сраженія. Твердая увѣренность въ томъ, что двухъ смертей не бывать, а одной не миновать, вызываетъ убѣжденіе въ безразсудствѣ задумываться о будущемъ. Все складывается такъ, что заставляетъ меня бравировать судьбой и смертью. Если обстоятельства не перемѣнятся, то кажется, другъ мой, что я перестану даже сворачивать съ дороги передъ ѣдущимъ мнѣ на встрѣчу экипажемъ. Мой собственный разсудокъ иногда изумляется такому результату, но означенный результатъ вызывается у меня зрѣлищемъ нравственнаго положенія э т о й с т р а н ы („ce pays—ci“, а не „patrie“) и привычкой рисковать“. Таковы были способности и темпераментъ человѣка, который, по мнѣнію коротко знавшаго его пріятеля, не могъ остановиться иначе какъ только взойдя на тронъ, или на эшафотъ.

Реакція послѣ террора.

Низверженіе Робеспьера было обусловлено союзомъ между наиболѣе радикальными и наиболѣе консервативными элементами Конвента. И тѣ и другіе принадлежали къ якобинской партіи, такъ какъ жирондисты давно уже утратили всякое политическое вліяніе и были умерщвлены, или же вынуждены бѣжать и скрываться. При такихъ обстоятельствахъ, во главѣ послѣдующаго движенія сталъ не Конвентъ, а городъ Парижъ. Соціальный складъ Франціи оказался настолько крѣпкимъ, а самая нація была до того однородной, что политическіе перевороты производили на нее сравнительно менѣе пагубное дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе терроръ съумѣлъ нанести жестокій ударъ почти каждой вліятельной семьѣ

во французской столицѣ и привести своими ужасами парижанъ въ негодованіе. Тотчасъ же по низверженіи самозваннаго диктатора начала подыматься волна реакціи. Пріятное сознаніе личной безопасности и возможности помышлять, наконецъ, объ удовольствіяхъ жизни охватило общество, къ которому вернулось обычное у французовъ безпечное веселье. Впрочемъ, подъ такимъ весельемъ лишь отчасти скрывалось застращавшее Конвентъ энергическое рѣшеніе не поступаться больше этими благами. Медленно, но безповоротно якобинцы утрачивали власть. Когда-то вся Франція увлекалась идеей федераціи. Впослѣдствіи чувство патріотизма заставило восторжествовать идею національности, теперь же у всѣхъ на устахъ были человѣчность и милосердіе. Даже національныя пѣсни предшествовавшихъ періодовъ: Ça ira и Карманьола, уступили мѣсто новымъ, болѣе мягкосердечнымъ гимнамъ. Если Парижъ оказывался въ такомъ настроеніи, само собой разумѣется, что изгнанникамъ открывалась возможность вернуться, а Конвенту, скомпрометированному слишкомъ несдержанной суровостью, предстояло сложить съ себя власть.

Понятно, что для этого надо было произвести новый политическій экспериментъ, но такая перспектива не особенно пугала французовъ, бывшихъ въ то время сангвиническими почитателями Руссо. Нынѣшняя конституція третьей республики во Франціи считается весьма удачной многими изъ тѣхъ, кому приходится жить подъ ея кровомъ. Она далека отъ совершенства (въ смыслѣ полнаго удовлетворенія нуждамъ націи), но во всякомъ случаѣ хорошія качества, которыми она обладаетъ, являются въ ней не игрою случая, или же выводами изъ теоретическихъ соображеній, а результатами вѣкового опыта. Надо принять во вниманіе, что Франція въ восемнадцатомъ столѣтіи была практически незнакома съ конституціонной формой правленія и что духъ времени всецѣло склонялся въ пользу примѣненія теоретическихъ воззрѣній въ области внутренней политики. Демократическая монархія 1792 года пала вслѣдствіе безпочвенности своихъ учрежденій, выработанныхъ чисто теоретическимъ путемъ. Конституція, измышленная жирондистами, и смѣнившая ее якобинская конституція подверглись такой же участи. Вполнѣ довѣряя воззрѣніямъ Руссо, утверждавшимъ, что правительство зиждется на соціальномъ договорѣ между отдѣльными личностями, народъ послѣдовательно клялся въ вѣрности всѣмъ этимъ конституціямъ и каждый разъ обставлялъ свою присягу соотвѣтственными торжествами. Теперь возникали уже сомнѣнія въ абсолютной правильности означенныхъ воззрѣній. Довѣріе къ нимъ падало подобно тому, какъ спадается надутый пузырь, проколотый иголкой. Тѣмъ не менѣе слѣдовало-ли удивляться рѣшимости Конвента продѣлать прежній, столько разъ уже неудававшійся опытъ? Ничуть не слѣдовало. Тогдашніе французскіе законодатели находились еще въ значительной степени подъ обаяніемъ прежняго принципа и полагали, что погрѣшность заключается не въ основной идеѣ, а въ подробностяхъ исполненія. Они считали возможнымъ улучшить дѣло своихъ предшественниковъ

соотвѣтственными измѣненіями въ деталяхъ. Сознавая, что утрачиваютъ вліяніе, они рѣшили, передъ распущеніемъ Конвента, надѣлить Францію новой, усовершенствованной формой правленія. Трудъ этотъ былъ порученъ комитету изъ одиннадцати членовъ, большею частью жирондистовъ, призванныхъ именно для отвода глазъ. Рѣшено было обособить другъ отъ друга исполнительную, судебную и законодательную власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлить законодательную власть между двумя палатами, дабы народное чувство успѣло до извѣстной степени охладиться, прежде чѣмъ приметъ форму закона. Избѣгая ямы, вырытой для себя самого національнымъ собраніемъ, члены Конвента обезпечили себѣ право избранія въ члены народнаго представительства.

Если бы можно было одновременно возстановить во Франціи монархическую форму правленія, то эта конституція оказалась бы довольно сходной съ англійской и очевидно смягчила бы негодованіе европейскихъ государей. Возстановленіе монархіи во Франціи въ какой бы ни было формѣ оказывалось, однако, тогда немыслимымъ. Бурбоны окончательно подорвали обаяніе королевской власти. Побѣды, увѣнчавшія за послѣднее время республиканскія знамена, были куплены отчасти деньгами, щедро раздававшимися въ непріятельскихъ лагеряхъ тайными агентами радикальныхъ демократовъ,—частью же восторженной храбростью убѣжденныхъ республиканцевъ. Могучая, твердая организація народной арміи была создана якобинцами и если „Гора“ оказывалась дискредитованной въ Парижѣ, то она все-таки не утратила своего вліянія въ провинціяхъ. Кромѣ того, большая часть арміи, находившейся подъ ружьемъ, была на сторонѣ якобинцевъ. Большинство французовъ до того ненавидѣло королевскую власть, что даже печальная участь малолѣтнаго дофина, медленно умиравшаго въ Тамплѣ, не вызывала у нихъ чувства состраданія. Ближайшимъ затѣмъ претендентомъ на престолъ являлся ненавистный народу добровольный эмигрантъ. Дворянство, изъ котораго можно было бы составить французскую палату пэровъ, измѣнило отечеству и служило подъ знаменами его враговъ. Національное чувство во Франціи имѣло тогда характеръ страстнаго возбужденія. Людовикъ XVI былъ сперва довольно популяренъ, но утратилъ эту популярность, повелѣвъ французскому духовенству пребывать въ повиновеніи у Ватикана, и обратившись затѣмъ къ иностраннымъ державамъ съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ. Эмигрировавшее французское дворянство словно умышленно старалось выразить свое презрѣніе къ національному французскому чувству, братаясь съ иностранной аристократіей и сражаясь въ рядахъ чужеземцевъ съ республиканскими французскими арміями. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло революціи нельзя было повернуть назадъ также и во многихъ чисто-матеріальныхъ отношеніяхъ. Помѣстья эмигрантовъ и церковныя земли были конфискованы и раздѣлены между приверженцами новаго порядка вещей, или, наконецъ, получили иное примѣненіе, подсказанное государственными нуждами. О возвращеніи этихъ земель не могло быть и рѣчи, такъ какъ новые владѣльцы обнаруживали

полную готовность отстаивать имущественныя свои права и обладали для этого достаточнымъ могуществомъ.

ЗАВОЕВАНІЕ ГОЛЛАНДІИ.
Французы, подъ начальствомъ Пишегрю, переходятъ въ 1795 году по льду черезъ замерзшіе каналы.
Съ картины Франсуа Фламенга.

Конституціонная монархія во Франціи оказывалась такимъ образомъ немыслимой. Республиканская форма правленія, съ президентомъ во главѣ, подобная той, какая существовала тогда уже

въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, была тоже непримѣнима. Французы предчувствовали или, лучше сказать, инстинктивно сознавали необходимость предварительно свыкнуться съ гражданской и политической свободой и были убѣждены, что при отсутствіи у народныхъ массъ такого навыка избранный ими единоличный представитель исполнительной власти не замедлитъ обратиться въ тирана. Существованіе такого убѣжденія бросается въ глаза каждому, кто всматривается въ исторію первой французской революціи. Впрочемъ, пережитый французами режимъ двухъ имперій побуждаетъ сторонниковъ республиканской формы правленія во Франціи придерживаться и до сихъ поръ тѣхъ же воззрѣній, какихъ держались ихъ предшественники въ эпоху первой революціи. Они считаютъ даже теперь неудобнымъ обзаводиться такимъ президентомъ, который былъ бы облеченъ фактической властью. Хотя во главѣ французской республики и стоитъ теперь президентъ, но онъ назначается на эту должность путемъ косвенныхъ выборовъ. Права и обязанности его являются какъ бы безличнымъ и безцвѣтнымъ отраженіемъ политическихъ правъ англійской короны и вообще постъ президента французской республики является скорѣе декоративнымъ. Составители конституціи не могли воспользоваться примѣромъ предшествовавшихъ формъ свободнаго правленія, такъ какъ во Франціи ихъ не было. Деспотизмъ прежней королевской власти устранялъ возможность постепенныхъ измѣненій государственнаго строя, такъ какъ пробужденіе народа изъ парализованнаго состоянія всегда сопровождается судорогами. Политическія теоріи Руссо оказались несостоятельными, а между тѣмъ не имѣлось достаточно выясненныхъ разумныхъ философскихъ принциповъ, которыми можно было бы ихъ замѣнить. Опытъ былъ тогда не позади, а еще впереди. Надлежало заплатить за него цѣною тяжкихъ страданій.

Термидорцы въ Конвентѣ вынуждены были такимъ образомъ печальною необходимостью произвести новую попытку преобразованія государственнаго строя. Въ чемъ же именно должна была заключаться эта попытка? Во Франціи всегда жило глубокое сознаніе непрерывной исторической ея связи съ Римомъ. Система юриспруденціи, языкъ, религія, все это было заимствовано отъ римлянъ. Составители конституціи знали это какъ нельзя лучше, но вмѣстѣ съ тѣмъ припоминали также, что Римъ, отъ котораго сдѣланы были означенныя заимствованія, находился подъ властью императоровъ. Тѣмъ курьезнѣе и страннѣе представлялась попытка воскресить во Франціи республиканскія римскія формы правленія. Стремленіе это побудило поручить управленіе внѣшними и внутренними государственными дѣлами нѣсколькимъ равноправнымъ представителямъ исполнительной власти. Подражаніе римскимъ порядкамъ не было, впрочемъ, въ этомъ отношеніи проведено съ достаточной строгостью, такъ какъ исполнительная власть поручалась не двумъ консуламъ, а пяти директорамъ. Имъ надлежало, по общему соглашенію, назначать министровъ, офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства, замѣщать немногіе посты въ

департаментской администраціи, оставшіеся невыборными, но министерство финансовъ изъято было изъ ихъ вѣдѣнія. Директора не уполномочивались кассировать постановленія народнаго представительства и заключаемые ими мирные договоры вступали въ силу лишь по ратификаціи парламентами, но объявлять войну они могли сами, по собственному усмотрѣнію. Вся исполнительная власть, за исключеніемъ финансовой, сосредочивалась въ ихъ рукахъ. Представители судебной власти должны были избираться непосредственно народомъ, приблизительно на годичный срокъ. Законодательную власть предполагалось раздѣлить между сенатомъ изъ 250 членовъ, который долженъ былъ именоваться „Совѣтомъ старѣйшинъ“ и національнымъ собраніемъ— „Совѣтомъ молодыхъ“ или, какъ его называли по числу членовъ, „Совѣтомъ пятисотъ“, которому принадлежало право инціативы въ законодательствѣ. Въ члены совѣта старѣйшинъ могли избираться только женатые, не моложе сорока лѣтъ отъ роду, тогда какъ въ совѣтъ пятисотъ можно было избрать каждаго француза, достигшаго двадцатипятилѣтняго возраста и незапятнавшаго себя предосудительными поступками. Выборы въ обѣ палаты должны были происходить путемъ всеобщаго голосованія, но тѣмъ не менѣе косвенно, такъ какъ народъ назначалъ непосредственно лишь выборщиковъ, долженствовавшихъ удовлетворять извѣстному образовательному и имущественному цензу. Вообще въ эту конституцію внесено было значительное число полезныхъ, регулирующихъ механизмовъ.

Какъ уже упомянуто, проектъ конституціи былъ выработанъ подъ вліяніемъ жирондистовъ, приложившихъ все стараніе сдѣлать ее пригодной для всей вообще націи, а не для одной какой-либо политической партіи. Несмотря на многіе свои недостатки, конституцію эту можно было бы съ теченіемъ времени исправить согласно съ указаніями опыта настолько, что она стала бы дѣйствовать удовлетворительно. Для этого необходимо было, однако, чтобы ей съ самаго начала оказали сочувственную поддержку. Этой-то поддержки она и не встрѣтила. Термидорцы, остававшіеся въ глубинѣ души якобинцами, предписали выбрать по меньшей мѣрѣ двѣ трети членовъ въ обоихъ совѣтахъ изъ числа членовъ Конвента, причемъ ссылались на то, что одни только члены Конвента обладаютъ въ данный моментъ достаточной опытностью въ государственныхъ дѣлахъ. Быть можетъ, что эта мѣра должна была служить противовѣсомъ закрытію клуба якобинцевъ, послѣдовавшему 12 ноября 1794 года ввиду угрозъ такъ называемой золотой молодежи, принадлежавшей къ высшимъ слоямъ парижскаго общества. Съ другой стороны, роялисты видѣли въ новой конституціи удобное для себя орудіе, которымъ можно будетъ воспользоваться, въ случаѣ если общественное мнѣніе, жаждавшее спокойствія и порядка, отшатнется отъ революціи еще дальше того, насколько оно уже отшатнулось при термидорскомъ движеніи. Образъ дѣйствій роялистовъ вполнѣ оправдывалъ мѣры предосторожности, къ которымъ считали нужнымъ прибѣгнуть якобинцы.

Послѣ термидорскихъ событій отъ времени до времени приговаривали наиболѣе дѣятельныхъ террористовъ къ ссылкѣ, а менѣе виновныхъ сажали въ тюрьмы. 7 мая въ 1795 года, за три дня до прибытія Буонапарте въ Парижъ, были казнены Фукье-Тенвилль и пятнадцать другихъ террористовъ, являвшихся лишь орудіями и, если можно такъ выразиться, палачами революціоннаго судилища. Національная гвардія получила новую организацію. Пишегрю, отозванный изъ сѣверной арміи, долженъ былъ принять начальство надъ всѣми вооруженными силами въ Парижѣ и выполнять распоряженія парламентскаго комитета, во главѣ котораго стоялъ Баррасъ.

Такимъ путемъ имѣлось въ виду застращать парижскихъ гражданъ, враждебныхъ якобинцамъ. Парижане прекрасно это понимали и, разумѣется, были недовольны подобными мѣропріятіями. За время внутренней неурядицы и внѣшнихъ войнъ экономическое положеніе Франціи все болѣе ухудшалось. Зимою съ 1794 на 1795 годъ рабочіе въ Парижѣ опять едва не умирали съ голода. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они обвиняли въ бѣдственномъ своемъ положеніи правительство и ежеминутно проявляли готовность взбунтоваться. Весною 1795 года, а именно 1-го апрѣля и 20-го мая, массы голоднаго рабочаго люда, остававшагося безъ занятій, и въ самомъ дѣлѣ производили вооруженныя попытки низвергнуть Конвентъ, но въ обоихъ случаяхъ эти попытки были безъ труда подавлены войсками. Парижская чернь, пользовавшаяся въ секціяхъ могущественнымъ вліяніемъ, до чрезвычайности возмущалась подобнымъ употребленіемъ военной силы противъ народа и начала волноваться. Термидорцы еще болѣе усилили ея недовольство, установивъ новые порядки городского управленія, значительно ограничившіе прежнія полномочія секцій, не разрушая, впрочемъ, ихъ организаціи. Такимъ образомъ столичное населеніе было готово къ возстанію. Парижская чернь помнила, что 10 августа 1792 года ей удалось взять штурмомъ Тюльерійскій дворецъ и низвергнуть королевскую власть. Тѣмъ легче булетъ, казалось ей, освободиться отъ тиранніи якобинцевъ.

Кризисъ въ Парижѣ легко могъ бы произойти до прибытія туда Буонапарте. Наступленіе этого кризиса замедлилось, однако, подъ вліяніемъ событій, происходившихъ внѣ столицы. 1794 годъ оказывался до чрезвычайности блестящимъ для республиканскаго оружія и республиканской дипломатіи. Пишегрю, съ сѣверною арміей, не только прогналъ чужеземцевъ, вторгнувшихся во французскіе предѣлы, но завоевалъ также австрійскіе Нидерланды. Журданъ, командовавшій самбро-маасской арміей, разбилъ австрійцевъ подъ Флерюсомъ, гдѣ мужество генерала Марсо рѣшило побѣду. Многіе другіе французскіе генералы тоже увѣнчали себя лаврами. Гошъ, въ предшествовавшемъ еще году разбившій австрійскаго генерала Вурмзера подъ Вейсенбургомъ и вытѣснившій австрійцевъ изъ Эльзаса, увѣнчалъ себя новою славой, благодаря успѣхамъ, одержаннымъ въ борьбѣ съ инсургентами на западѣ

Франціи. Сенъ-Сиръ, Бернадоттъ, Клеберъ и многіе другіе сверстники Буонапарте, тоже успѣли выдвинуться впередъ и обратить на себя вниманіе. Освобожденная французская нація подъ управленіемъ якобинцевъ обнаружила на военномъ поприщѣ энергію „безпримѣрную въ лѣтописяхъ исторіи“, какъ заявлялъ Фоксъ въ англійской палатѣ общинъ. Двадцать семь побѣдъ, изъ которыхъ восемь въ генеральныхъ сраженіяхъ и сто двадцать удачныхъ схватокъ доставили французамъ въ теченіе одного года 90.000 плѣнныхъ, 116 городовъ и большихъ крѣпостей, 230 фортовъ и редутовъ, 3.800 пушекъ, 70.000 ружей, 60.000 пуд. пороха и 90 знаменъ. Съ этими изумительно блестящими результатами состояло въ тѣсной связи также и существенное улучшеніе качества арміи. Она была очищена отъ непригодныхъ элементовъ съ такою же безпощадностью, съ какою производится эта операція въ благоразумно управляемомъ частномъ коммерческомъ учрежденіи. Зачастую утверждали, будто французскія республиканскія и наполеоновскія арміи являлись въ сущности арміями бурбоновъ. На самомъ дѣлѣ это совершенно невѣрно. Законъ о конскрипціи, несмотря на свое несовершенство (восполнявшееся, впрочемъ, общимъ энтузіазмомъ), совершенно измѣнилъ составъ арміи. Вмѣсто наемщиковъ стоялъ подъ знаменами вооруженный народъ. Одновременно и весь строй военной организаціи подвергся коренному преобразованію. Съ 1-го января 1792 по 20-е января 1795 года вышло въ отставку, отрѣшено отъ должности и уволено отъ службы всего въ общей сложности 110 генералъ-лейтенантовъ, 263 генералъ-маіора и 138 старшихъ штабъ-офицеровъ.

Франція какъ будто рѣшилась признать естественною границей для себя и революціонной своей системы рѣку Рейнъ. Съ юга французскую территорію должны были округлить Ницца и Савойя. Предполагалось, что новое французское республиканское правительство обязано обезпечить Франціи эту границу, за предѣлами которой революція, способная возникнуть благодаря импульсу, полученному изъ Франціи, должна будетъ устраиваться какъ знаетъ, не разсчитывая на матеріальное содѣйствіе французскаго народа. Такимъ образомъ создалось совершенно новое дипломатическое положеніе, въ силу котораго Голландія, обратившаяся съ помощью арміи Пишегрю въ Батавскую республику, уступила Франціи голландскую Фландрію. Пруссія въ свою очередь отказалась отъ коалиціи и подписала 5-го апрѣля 1795 года базельскій договоръ, по которому вся сѣверная Германія признана была нейтральною, а Франція пріобрѣтала лѣвый берегъ Рейна, взамѣнъ чего Пруссія вознаграждалась секуляризаціей католическихъ церковныхъ владѣній въ средней Германіи. Испанія, Португалія, а также мелкія итальянскія и германскія государства утратили всякое желаніе продолжать борьбу съ Франціей, тѣмъ болѣе, что пропаганда либеральныхъ идей дѣлала у нихъ большіе успѣхи. Всѣ они, кромѣ Португаліи, спустя нѣсколько недѣль по заключеніи базельскаго договора сочли умѣстнымъ для себя къ нему присоединиться. Англія и Австрія остались такимъ образомъ

фактически однѣ въ войнѣ съ Франціей. Имъ оказывалъ, впрочемъ, въ этой войнѣ значительную поддержку римскій папа, побуждавшій вандейское духовенство упорствовать въ сопротивленіи республиканскимъ властямъ.

Во внутренней междоусобной войнѣ республика одержала тоже замѣчательные успѣхи. Уже къ концу 1794 года бретонскіе крестьяне, которые, подъ именемъ шуановъ, обратились просто напросто въ разбойниковъ, были совершенно обузданы и усмирены. Англійская экспедиція, отправленная въ слѣдующемъ затѣмъ году въ Квиберонъ, съ намѣреніемъ возобновить междуусобицу, потерпѣла полнѣйшее фіаско. Возстаніе въ Вандеѣ продолжалось съ прежнимъ упорствомъ, но и оно было потушено въ іюнѣ 1795 года въ крови болѣе чѣмъ семисотъ эмигрантовъ, вернувшихся на англійскихъ корабляхъ для поддержанія роялистской контръ-революціи.

Пять лѣтъ тому назадъ роялисты питали паническій страхъ передъ революціей, но теперь на нихъ нельзя было уже повліять даже безпощаднѣйшими мѣрами террора. Вандейскій вождь Шареттъ отвѣтилъ на казнь семисотъ эмигрантовъ избіеніемъ двухъ тысячъ захваченныхъ въ плѣнъ республиканцевъ, но эта рѣзня еще болѣе скомпрометировала и безъ того уже безнадежное дѣло вооруженной контръ-революціи.

Послѣ термидорскихъ событій Конвентъ отперъ двери тюремъ, прекратилъ казни и провозгласилъ амнистію. Фактически доказанное могущество парижанъ,—умѣренно-либеральный характеръ, приданный жирондистами новой конституціи,—повсемѣстно обнаруживавшееся стремленіе къ миру, благоденствію и спокойствію,—ободряли роялистовъ попытать счастья мирнымъ путемъ. Имъ и дѣйствительно сперва было удалось вызвать въ пользу своихъ принциповъ энергическую реакцію на югѣ Франціи. Роялистская пропаганда не съумѣла, однако, удержаться тамъ на легальной почвѣ. Сторонники ея производили во многихъ мѣстностяхъ вооруженныя возстанія, причемъ безжалостно умерщвляли своихъ сосѣдей-республиканцевъ, захваченныхъ врасплохъ. Этотъ такъ называемый бѣлый терроръ сопровождался еще болѣе ужасающими сценами и болѣе кровопролитной рѣзней, чѣмъ все, что омрачило собою самые ужасные дни революціоннаго движенія въ Парижѣ.

Въ виду столь опаснаго положенія якобинцы, не безъ нѣкотораго основанія, рѣшились сами примѣнить новую конституцію. Роялисты, съ своей стороны, видѣли въ ея постановленіяхъ средства, пригодныя къ достиженію контрреволюціонныхъ цѣлей. Разсчитывая на враждебное отношеніе къ якобинскому правительству какъ черни, такъ и именитыхъ парижскихъ горожанъ, они задумали устроить государственный переворотъ и низложить якобинцевъ, а потому принялись дѣятельно агитировать въ военныхъ и въ политическихъ кружкахъ. Лѣтомъ 1795 года республиканскія арміи оказались охваченными какимъ-то страннымъ бездѣйствіемъ. Полагаютъ, что Пишегрю умышленно парализовалъ

какъ свои собственныя войска, такъ и армію Журдана. Совершенно безцѣльное перемиріе, заключенное ими съ австрійцами, какъ будто подтверждаетъ это предположеніе. Впослѣдствіи выяснилось, что нѣкоторые изъ членовъ Конвента поддерживали дѣятельныя сношенія съ роялистами. Въ числѣ роялистскихъ агентовъ въ республиканскомъ лагерѣ имѣлось довольно вліятельное лицо, нѣкто Обри, который, вернувшись въ Конвентъ послѣ термидорскихъ событій, даже не считалъ нужнымъ скрывать свои роялистскія симпатіи. Онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ военнаго комитета и состоялъ въ этой должности въ то время, когда карьера генерала Буонапарте значительно пострадала вслѣдствіе перевода изъ артиллеріи въ пѣхоту. По этому самому Обри въ теченіе долгаго времени несправедливо считали виновникомъ перемѣщенія Наполеона изъ итальянской арміи на Западъ Франціи.

Конвентъ смутно сознавалъ подготовлявшуюся попытку произвести государственный переворотъ. Могущественный, грозный комитетъ общественной безопасности, дѣйствовавшій съ успѣхомъ, обыкновенно сопровождающимъ энергію, которая не стѣсняется угрызеніями совѣсти, былъ упраздненъ, но 9-го августа пришлось учредить для борьбы съ надвигавшеюся опасностью, опять нѣчто вродѣ этого комитета. Уступая духу времени, признали, однако, умѣстнымъ подчинить дѣйствія этого центральнаго комитета контролю шестнадцати другихъ коммиссій. Такое раздробленіе исполнительной власти долженствовало фактически ее парализовать. Конституція была принята двумя недѣлями позднѣе, и именно 22-го августа. Въ парижскихъ секціяхъ немедленно же обнаружилось недовольство, вызванное ограниченіемъ свободы выбора новыхъ представителей. Подобное же недовольство обнаруживалось и въ провинціи, такъ что крайніе реакціонеры заранѣе торжествовали побѣду. Къ счастью для Франціи, Карно временно стоялъ по прежнему во главѣ военнаго министерства. Его удалили оттуда лишь въ мартѣ слѣдующаго года.

Пріемъ, оказанный Бонапарту парижскимъ обществомъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ и, поселившись въ дешевой, плохенькой меблированной квартирѣ (за неимѣніемъ денегъ, чтобы нанять себѣ болѣе приличное помѣщеніе), генералъ Буонапарте нашелъ въ столицѣ большую, изумившую его перемѣну. Самъ онъ твердо рѣшился ни подъ какимъ видомъ не принимать поста, на который его назначили въ западной арміи и, въ крайнемъ случаѣ, даже выйти въ отставку. При такихъ обстоятельствахъ расположеніе его духа оказывалось довольно мрачнымъ и вовсе несоотвѣтствовавшимъ жизнерадостному веселью, охватившему Парижъ. Наполеонъ уяснилъ себѣ путемъ горькаго опыта, что въ междуусобной войнѣ результаты побѣды и пораженія оказываются одинаково безславными. Общественное мнѣніе зачастую подвергается такимъ колебаніямъ, что сегодняшній герой-мститель ока-

зывается завтра извергомъ, которому порядочный человѣкъ не можетъ подать руки. Популярность, пріобрѣтенная подъ Тулономъ, отчасти уже разсѣялась, а въ Вандеѣ погибли бы, чего добраго, и послѣдніе ея остатки. Наполеонъ понималъ, что ему слѣдуетъ ждать и не скрывалъ принятаго рѣшенія. Весь вопросъ заключался для него пока въ томъ, чтобы раздобыть себѣ хлѣбъ насущный.

Парижскіе салоны открылись словно волшебствомъ передъ „сезамомъ“ Термидора и рѣшимостью директоріи возстановить общественную безопасность. Парижане ходили другъ къ другу въ гости,—задавали обѣды, ужины и вечера съ танцами,—наряжались,—кутили,—интриговали,—ухаживали,—прогуливались пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ. Все это дѣлалось съ увлеченіемъ, свойственнымъ людямъ, только что освободившимся изъ подъ ужасающаго гнета кроваваго прошлаго, сдерживавшаго прирожденную ихъ страсть къ наслажденіямъ и роскоши. Въ состояніи общественной нравственности не замѣчалось, сравнительно съ дореволюціонной эпохой, никакого улучшенія, такъ какъ новое общество представляло собою странную смѣсь всевозможныхъ элементовъ. Люди, стоявшіе у кормила правленія, являлись представителями разнообразнѣйшихъ традицій. Немногіе изъ нихъ принадлежали къ старинной аристократіи. Несравненно больше насчитывалось именитыхъ горожанъ, къ которымъ примыкало нѣсколько богатыхъ креоловъ изъ Вестъ-Индіи и другихъ колоній. Рядомъ съ ними выдвинулись многочисленные искатели приключеній, въ томъ числѣ нѣсколько выходцевъ изъ городской черни и крестьянства. Составные элементы этой изумительной, странной смѣси должны были еще свыкнуться другъ съ другомъ и выработать себѣ оффиціальный, общепонятный языкъ. Тонкости языка, жестовъ и выраженій, имѣвшія вполнѣ опредѣленное значеніе въ прежнихъ правительственныхъ кружкахъ, надлежало приспособить къ идеямъ новаго смѣшаннаго общества и, если можно такъ выразиться, перечеканить въ новую ходячую монету. Въ подобную безпорядочную переходную эпоху пороку незачѣмъ прикрываться маскою лицемѣрія,—добродѣтель оказывается безпомощной за отсутствіемъ организаціи въ рукахъ ея сторонниковъ,—а потому характерной чертой поведенія представляется распущенность нравовъ. Грубоватая порядочность многихъ новыхъ элементовъ и привычное уваженіе къ внѣшнимъ формамъ порядочности у ветерановъ были въ данную минуту одинаково парализованы, такъ какъ, не успѣвъ еще сплотиться въ общую массу, долженствовали пройти какъ бы черезъ броженія.

Масса эта, несмотря на свою разношерстность, обнаруживала замѣчательную способность къ энергическому соціальному дѣйствію. Энергія эта не бросалась до такой степени въ глаза, какъ безпримѣрная мощь, обнаруженная республикой въ дѣлѣ національной обороны, но тѣмъ не менѣе, пожалуй, не уступала ей по своему значенію. Въ революціонную эпоху дѣятельно обсуждался вопросъ о реформѣ народнаго образованія. Въ 1794 году

Монжу удалось наконецъ основать знаменитую политехническую школу, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшую особенностямъ французскаго національнаго характера. Учрежденіе ея еще болѣе усилило естественную склонность французовъ къ прикладнымъ наукамъ, проявляющуюся, къ сожалѣнію, въ ущербъ многимъ существенно гуманитарнымъ отраслямъ знанія. Вскорѣ послѣ того состоялось преобразованіе музыкальной консерваторіи и академіи наукъ; положено было основаніе коллекціямъ музея искусствъ и ремеслъ и открыты публичныя лекціи, какъ при этомъ музеѣ, такъ и при національной библіотекѣ,—ботаническомъ саду,—медицинской академіи и другихъ ученыхъ учрежденіяхъ. Почти немедленно же возродились философская литература и живопись. Театры тоже открылись и начали ставить новыя, довольно сносныя пьесы, соотвѣтствовавшія измѣнившимся условіямъ общественнаго быта. Въ самый разгаръ войны сдѣлали даже попытку возстановить свободу печати, но она до такой степени невыгодно отразилась на ходѣ военныхъ дѣйствій, что пришлось на будущее время подчинить газеты еще болѣе строгой цензурѣ.

Устроивъ кое-какъ свою жизнь въ Парижѣ и начавъ осматриваться кругомъ, Буонапарте былъ, повидимому, сильно огорошенъ ненавистью къ Конвенту, обнаружившейся всюду безъ всякихъ стѣсненій совершенно открыто. Провинціи считали революцію уже вполнѣ законченной. Парижъ относился къ ея представителямъ съ такимъ очевиднымъ недоброжелательствомъ, что дѣло республики казалось совершенно проиграннымъ. Раздраженные демагоги парижскихъ секцій прямо говорили: „Хотятъ, чтобы двѣ трети членовъ нынѣшняго Конвента были выбраны въ новые законодательные совѣты. Нѣтъ-съ, извините! Эти люди по собственному своему сознанію являлись въ теченіе минувшихъ трехъ лѣтъ трусливыми орудіями террористовъ, съ которыми не въ силахъ были сладить, а теперь называютъ себя благоразумными, умѣренными либералами! Долой ихъ! Намъ не надо такихъ законодателей!“ Парижскія секціи постепенно подготовлялись къ вооруженному бунту. Быть можетъ, тутъ дѣйствовало чужеземное золото, вліяніе роялистовъ, безработица, голодъ, стремленіе окончательно освободиться отъ якобинскаго режима, или же всѣ эти условія вмѣстѣ. Какъ бы ни было вскорѣ выяснилось, что національная гвардія вполнѣ сочувствуетъ секціямъ. Конвентъ не на шутку встревожился и принялся готовиться къ вооруженному сопротивленію. Онъ располагалъ нѣсколькими стами артиллеристовъ и пятитысячнымъ отрядомъ регулярныхъ войскъ, готовыхъ скорѣе служить національному дѣлу, чѣмъ мѣстнымъ парижскимъ интересамъ. Одновременно съ этимъ центральный распорядительный комитетъ Конвента поспѣшилъ собрать и вооружить особую армію изъ полуторытысячи головорѣзовъ, служившихъ когда-то вѣрными приспѣшниками Гебера и Робеспьера.

Въ продолженіи мѣсяца, или нѣсколько долѣе, Буонапарте оставался постороннимъ, хотя, безъ сомнѣнія, и заинтересованнымъ зрителемъ происходившихъ передъ его глазами событій, взвѣшивая

и обсуждая всѣ шансы, подобно тому, какъ дѣлалъ это три года тому назадъ. Военное министерство благосклонно отнеслось къ поданной имъ просьбѣ о разрѣшеніи остаться въ Парижѣ, пока не будетъ закончено предпринятое уже, къ счастью для него, новое распредѣленіе высшихъ военныхъ должностей. Спустя нѣсколько недѣль получены были съ юга Франціи извѣстія о происшедшей тамъ реакціи въ пользу якобинцевъ. Съ каждымъ днемъ все болѣе выяснялось, что у Конвента имѣется, если не въ Парижѣ, то внѣ его, достаточно надежная нравственная поддержка. При такихъ обстоятельствахъ оказалось возможнымъ устроить даже и въ самой столицѣ нѣчто вродѣ якобинскаго салона. Многіе якобинцы, недовольные новымъ настроеніемъ умовъ въ Парижѣ, особенно же корсиканцы, собирались у г-жи Пермонъ, гдѣ ихъ принимала сама хозяйка и ея красавица дочь, вышедшая потомъ замужъ за Жюно и сдѣлавшаяся герцогиней Абрантесъ. Саличетти, у котораго сынъ г-жи Пермонъ состоялъ личнымъ секретаремъ, разумѣется, пользовался въ этомъ салонѣ особеннымъ вліяніемъ. Сдѣлана была попытка воскресить прежнее заченіе якобинцевъ. Вооруженная толпа голодной черни ворвалась 20-го мая въ Конвентъ и принялась требовать возстановленія конституціи 1793 года. Крайніе радикалы Конвента примкнули къ этому требованію, что, разумѣется, еще болѣе увеличило наглость мятежниковъ. Спокойствіе удалось возстановить лишь благодаря мужеству и присутствію духа Буасси д'Англа. Онъ принадлежалъ къ умѣренной фракціи Конвента и состоялъ единственнымъ отвѣтственнымъ комиссаромъ по снабженію города Парижа продовольствіемъ. Чернь только что умертвила одного изъ его товарищей Феро, но, не смотря на это, Буасси д'Англа безстрашно занялъ среди общей сумятицы президентское кресло. Его думали застращать, размахивая передъ нимъ окровавленной головою Феро, но онъ снялъ передъ нею шляпу и держалъ себя съ такимъ спокойнымъ мужествомъ, что импонировалъ вожакамъ мятежной шайки, ворвавшейся въ Конвентъ. Они удалились изъ залы засѣданія вмѣстѣ съ сопровождавшей ихъ чернью. Эта неудавшаяся попытка повела 22-го мая къ окончательному разгрому Горы. Комитеты Конвента были упразднены, артиллеристы временно распущены, а конституція 1793 года окончательно отмѣнена.

Генералъ Буонапарте бывалъ почти только у г-жи Пермонъ. Хотя онъ отчасти уже и разочаровался, но все-таки оставался еще по убѣжденіямъ якобинцемъ. Необходимо замѣтить, что онъ находился тогда въ отчаянномъ положеніи, отражавшемся даже на его внѣшности. Онъ страшно отощалъ отъ недостатка порядочнаго питанія. Неувѣренность въ будущемъ проявлялась въ выраженіи исхудавшаго его лица и безпокойно бѣгавшихъ глазъ. Во всемъ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ личныя и семейныя его дѣла казались совершенно безнадежными. Братья Наполеона были тоже теперь безъ мѣста и легко могли попасть, какъ и онъ самъ, въ списки подозрительныхъ. Вся семья Буонапарте, за исключеніемъ Жозефа, терпѣла крайнюю

нужду. Глава ея не успѣлъ еще пріискать себѣ могущественнаго покровителя, а потому наврядъ-ли оказывался пригоднымъ, какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по настроенію духа, къ тому, чтобы съ честью показываться хотя бы даже въ обществѣ друзей. Г-жа Пермонъ описываетъ его такъ: „У него рѣзкія, угловатыя черты лица,—маленькія руки съ длинными худощавыми пальцами и длинные растрепанные волосы. Онъ ходитъ безъ перчатокъ, носитъ дурно сшитые и плохо вычищенные башмаки, имѣетъ болѣзненный видъ, обусловленный худобою и желтоватымъ цвѣтомъ лица, скрашеннаго лишь глазами, которые сверкаютъ умомъ и твердостью духа". Буррьенъ, вернувшись изъ дипломатической своей командировки, весьма неблагосклонно отзывался о наружности и настроеніи духа бывшаго своего школьнаго товарища. По его словамъ: „Буонапарте одѣвается плохо и неряшливо. Характеръ его сдѣлался еще холоднѣе и загадочнѣе, чѣмъ прежде. Улыбка у него фальшивая и зачастую неумѣстная. По временамъ на него находятъ припадки какой-то озлобленной веселости, при которыхъ чувствуешь себя крайне неловко и утрачиваешь дружеское къ нему расположеніе".

Немудрено, если Наполеонъ чувствовалъ себя въ дурномъ расположеніи духа. Какъ только съ разгромомъ Горы вліяніе ея окончательно рушилось, самыя худшія опасенія Буонапарте осуществились. Изъ всѣхъ прежнихъ якобинскихъ вождей уцѣлѣлъ одинъ только Карно, прозванный организаторомъ побѣды. Саличетти былъ слишкомъ выдающимся сторонникомъ Горы, для того, чтобы раздраженные термидорцы оставили его въ покоѣ. Онъ временно скрывался у г-жи Пермонъ въ парижскомъ ея домѣ, а затѣмъ, переодѣтый лакеемъ, благополучно выбрался вмѣстѣ съ нею изъ столицы, когда она уѣхала на Югъ, гдѣ разсчитывала найти для себя и своихъ дѣтей болѣе безопасное убѣжище. Вообще всѣ сторонники Горы, неуспѣвшіе своевременно бѣжать, были арестованы. То обстоятельство, что Буонапарте не тронули, свидѣтельствуетъ, повидимому, лишь о ловкости, съ какою онъ умѣлъ скрыть свои связи съ Горою. Разсказы о томъ, будто онъ сватался какъ разъ тогда за г-жу Пермонъ, не подтверждаются положительными доказательствами, но сами по себѣ довольно правдоподобны. Дѣйствительно, отчаяніе могло побудить бѣдствовавшаго генерала искать себѣ поддержку хотя бы даже въ бракѣ съ женщиной однихъ лѣтъ съ его матерью. Къ тому же существуетъ письмо Наполеона къ г-жѣ Пермонъ, которое, хотя и въ загадочныхъ выраженіяхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ испытывалъ тогда странное чувство, являвшееся смѣсью оскорбленной гордости съ дѣйствительной или притворною ревностью.

Письмо это помѣчено 18 іюня 1795 года. Наполеонъ заявляетъ, что г-жа Пермонъ сочтетъ его одураченнымъ, если онъ не сообщитъ ей о фактѣ, который давно ему извѣстенъ. Хотя и не сочли умѣстнымъ удостоить его своимъ довѣріемъ, онъ все-таки знаетъ, что г-жа Пермонъ скрываетъ у себя въ домѣ Саличетти. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ этому соотечественнику,

очевидно, долженствующее снять съ самаго Наполеона всякое подозрѣніе въ якобинствѣ: „Я могъ бы тебя выдать, но воздержался, хотя съ моей стороны это было бы только справедливымъ отмщеніемъ. Кто изъ насъ, спрашивается, избралъ себѣ лучшую часть? Иди, ищи себѣ въ мірѣ убѣжище, гдѣ бы ты могъ вернуться къ лучшимъ помысламъ о твоей родинѣ. Мои уста никогда не произнесутъ твоего имени! Раскайся, а главное оцѣни по достоинству причины, руководящія моимъ образомъ дѣйствій. Я этого заслуживаю, такъ какъ онѣ благородны и великодушны".

Обращаясь къ политическому бѣглецу, Наполеонъ употребляетъ обычное тогда республиканское выраженіе „ты", тогда какъ въ началѣ и концѣ письма бесѣдуетъ съ г-жею Пермонъ на „вы". „Васъ и вашу дочь, г-жа Пермонъ, будутъ сопровождать наилучшія мои пожеланія. Вы слабыя беззащитныя существа. Да охранятъ васъ Провидѣніе и молитвы искренняго друга! Главное —будьте благоразумны и не задерживайтесь долго въ большихъ городахъ. Прощайте! Примите дружескій мой привѣтъ".

Посланіе это можно понимать различнымъ образомъ. Его толкуютъ иногда въ такомъ смыслѣ: „Г-жа Пермонъ, я васъ любилъ и могъ бы безъ угрызеній совѣсти погубить покровительствуемаго вами моего соперника, который не можетъ отпираться въ томъ, что причинилъ мнѣ много умышлено зла. Тѣмъ не менѣе прощайте и будьте счастливы. Искренно желаю вамъ этого". Можетъ быть, впрочемъ, что оно имѣетъ значеніе лишь простого указанія перемѣны политической погоды, заставляющей флюгера поворачиваться по вѣтру: „Въ качествѣ истиннаго патріота, относящагося съ омерзеніемъ къ минувшимъ ужасамъ, я могъ бы выдать тебя, Саличетти, но не сдѣлалъ этого, припоминая прошлыя времена и нынѣшнее твое безпомощное состояніе, а также желая благородствомъ моихъ поступковъ побудить тебя къ раскаянію и исправленію". Это второе толкованіе вполнѣ согласуется съ послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ того съ замѣчательной быстротою и легкостью отреченіемъ самого Наполеона отъ якобинства, а также съ усиліями Буонапарте доказать, что въ Бокерскомъ ужинѣ онъ вовсе не отождествлялъ себя съ солдатомъ-якобинцемъ, а единственно лишь хотѣлъ предотвратить дальнѣйшее кровопролитіе, убѣдивъ марсельцевъ, путемъ безпристрастнаго изложенія фактовъ, въ безнадежности предпринятаго ими возстанія.

Пересмотръ списковъ арміи и новое распредѣленіе высшихъ должностей привели къ результатамъ, непріятнымъ для генерала Буонапарте. Предсѣдатель комитета, Обри, дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, повидимому, совершенно безпристрастно, не обнаруживая личнаго недоброжелательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не проявляя никакихъ симпатій къ бывшему якобинцу, который, къ тому же, стоялъ по старшинству послѣднимъ въ спискѣ артиллерійскихъ генераловъ. По заведенному порядку, если въ какомъ-либо родѣ оружія оказывался излишекъ офицеровъ, ихъ надлежало переводить въ другіе роды службы на открывающіяся тамъ вакансіи. Поэтому генералъ Буонапарте, въ качествѣ сверхштатнаго,

былъ 13-го іюня снова назначенъ въ западную армію съ переводомъ въ пѣхоту. Наполеонъ до такой степени этимъ обидѣлся, что въ продолженіи всей своей жизни негодовалъ на Обри, котораго считалъ главнымъ виновникомъ нанесеннаго ему оскорбленія. Повидимому онъ сердился на Обри больше, чѣмъ на кого-либо другого изъ всѣхъ, съ кѣмъ ему вообще доводилось приходить въ столкновеніе. На самомъ дѣлѣ пересмотръ списковъ арміи былъ произведенъ до такой степени строго и основательно, что преувеличенныя притязанія, подкрѣпленныя хотя бы документами, не принимались въ разсчетъ. Въ виду этого, между прочимъ, Жозефъ потерялъ свое мѣсто въ интендантствѣ и собирался поселиться съ женою въ Генуѣ. Луи, разжалованнаго изъ поручиковъ артиллеріи въ кадеты, отправили въ Шалонское военное училище. Бѣдняга Люсьенъ былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, такъ какъ разгромъ радикальной фракціи якобинцевъ заставлялъ его ожидать лично для себя всего худшаго, а между тѣмъ на его попеченіи оставались жена и ребенокъ. Прочіе члены семьи Буонопарте временно бѣдствовали, но все же могли кое-какъ перебиваться.

Для нихъ это оказалось, разумѣется, не новымъ, но все таки же послѣдовательный рядъ неудачъ могъ вызвать у кого угодно упадокъ духа. Наполеону необходимо было принять безотлагательно какое-нибудь рѣшеніе. Онъ такъ и сдѣлалъ. Къ счастію, онъ не замедлилъ захворать отъ перенесенныхъ лишеній и разочарованій. Во всякомъ случаѣ, запасшись свидѣтельствомъ о болѣзни, онъ просилъ о разрѣшеніи ему отпуска и получилъ таковой. Слѣдующимъ затѣмъ шагомъ было со стороны Наполеона ходатайство о выдачѣ ему прогоновъ, такъ какъ онъ прибылъ въ Парижъ вслѣдствіе предписанія отъ 29-го марта отправиться въ западную армію къ мѣсту служенія. Какъ и слѣдовало ожидать, Наполеонъ, сообразуясь съ обычными своими житейскими инстинктами и правилами, разсчиталъ прогоны не отъ Марсели, откуда дѣйствительно выѣхалъ, а отъ Ниццы, вслѣдствіе чего ему и была выдана потомъ гораздо болѣе крупная сумма, чѣмъ бы слѣдовало на самомъ дѣлѣ получить. За время отпуска дѣятельный умъ Наполеона одновременно занимался нѣсколькими проектами, въ томъ числѣ спекуляціей съ помѣстьями, конфискованными у эмигрантовъ и монастырей, а также разработкой двухъ монографій: исторіи событій съ 9-го фруктидора II-го года по IV-й годъ республики (съ 26-го августа 1794-го по 1795 годъ) и докладной записки о задачахъ итальянской арміи. Первый изъ этихъ проектовъ былъ несомнѣнно вызванъ свирѣпствовавшей тогда спекулятивной горячкой, напоминавшей увлеченіе акціями Миссисипской компаніи во времена Лоу, или же лондонской биржевой горячки съ акціями дутаго общества торговли и судоходства въ южныхъ моряхъ. Жозефу было и въ самомъ дѣлѣ послано предложеніе купить одно изъ такихъ имѣній, обѣщавшее оказаться очень выгоднымъ помѣщеніемъ для капиталовъ, полученныхъ имъ въ приданое за женой, но этотъ проектъ рушился вслѣдствіе не-

ожиданной отмѣны прежняго закона о продажѣ конфискованныхъ имѣній на льготныхъ условіяхъ. Обѣ монографіи были написаны и, сверхъ того, набросана третья, озаглавленная: „Этюдъ изъ области политики.—Изслѣдованіе причинъ волненій и безпорядковъ". Этотъ этюдъ такъ и остался незаконченнымъ. Мемуаръ о задачахъ итальянской арміи являлся въ сущности тѣмъ самымъ проектомъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій, который былъ уже представленъ Робеспьеру младшему. Его пришлось, впрочемъ, вновь пересмотрѣть и затѣмъ препроводить къ высшимъ распорядительнымъ военнымъ властямъ въ новый центральный комитетъ, назначенный Конвентомъ взамѣнъ прежняго комитета общественной безопасности. Все это, разумѣется, было само по себѣ хорошо, но срокъ отпуска быстро истекалъ, а между тѣмъ никакихъ благопріятныхъ комбинацій для генерала Буонапарте не подвертывалось. Какъ нельзя болѣе кстати у него сдѣлался опять возвратъ лихорадки, благодаря чему удалось продлить срокъ отпуска до 4-го августа, когда третья часть членовъ коммиссіи по распредѣленію офицерскихъ должностей выходила изъ состава коммиссіи. Въ числѣ другихъ выбылъ изъ нея и ненавистный Обри.

Вспоминая на островѣ Св. Елены про эти дни, Наполеонъ говоритъ: „Я проживалъ тогда безъ опредѣленныхъ занятій на парижскихъ улицахъ и въ сущности рѣдко бывалъ въ обществѣ, такъ какъ посѣщалъ только домъ Барраса, гдѣ встрѣчалъ радушный пріемъ... Я ходилъ туда потому, что у меня не было никакихъ шансовъ чего-нибудь добиться въ другомъ мѣстѣ и уцѣпился за Барраса, за отсутствіемъ другихъ вліятельныхъ знакомыхъ. Робеспьера казнили, Баррасъ же игралъ видную роль, а мнѣ въ моемъ положеніи непремѣнно надо было уцѣпиться за кого-нибудь и за что-нибудь".

Дѣло въ томъ, что Баррасъ и Фреронъ, находившіеся при осадѣ Тулона вмѣстѣ съ Буонапарте, были сперва сторонниками Дантона. Послѣ термидорскихъ событій они окончательно отреклись отъ якобинства и вступили въ союзъ съ умѣренными элементами парижскаго общества. Квартира Барраса въ Люксембургскомъ дворцѣ служила центромъ блеска и веселья тогдашней развращенной и безпечной столичной жизни. Понятно, что тамъ собирались также блестящія, вліятельныя и во всякомъ случаѣ не особенно чопорныя красавицы. Царицей ихъ была г-жа Таліенъ, прозванная „Термидорской богиней". Навряд-ли много уступали ей въ красотѣ и граціи вдова Богарне и г-жа Рекамье. Баррасъ принадлежалъ по происхожденію къ прежней аристократіи и, благодаря сохранившимся у него сословнымъ традиціямъ, прекрасно выполнялъ обязанности хозяина дома.

Наполеонъ излагалъ въ письмахъ къ неизмѣнно вѣрному Жозефу результаты своихъ впечатлѣній и наблюденій. Письма эти служатъ точнымъ выраженіемъ душевныхъ чувствъ молодого генерала, въ которыхъ преобладающей нотой является восхищеніе парижанками. „Единственно только лишь здѣсь женщины и въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ держать въ рукахъ своихъ кормило

правленія. Мужчины сходятъ по нимъ съ ума, думаютъ только о нихъ и живутъ единственно лишь благодаря ихъ вліянію". Тогда онъ не встрѣчался еще съ г-жею Богарне. Общій тонъ писемъ жизнерадостный и свидѣтельствуетъ, что старанія Буонапарте заручиться вліятельнымъ покровительствомъ увѣнчались успѣхомъ,—что дѣла его идутъ на поправку и что въ семъ измѣнчивомъ мірѣ усматривается кое-что весьма интересное. По мѣрѣ того, какъ обстоятельства складывались благопріятнѣе для генерала Буонапарте, расположеніе духа у него улучшалось, и онъ сталъ сравнительно чаще бывать въ обществѣ. При случаѣ онъ позволялъ себѣ даже слегка ухаживать за прелестными республиканками. Его представили г-жѣ Таліенъ и послѣ того онъ часто посѣщалъ ея вечера. Сперва онъ былъ робокъ и застѣнчивъ, но мало по малу становился смѣлѣе и развязнѣе. Однажды, когда общество, собравшееся у г-жи Таліенъ, начало распредѣляться на небольшія группы для лучшаго обмѣна шутками и крылатыми словцами, ему удалось окончательно преодолѣть свою робость. Принявъ на себя роль вѣщаго кудесника, онъ сталъ внимательно всматриваться въ очертанія руки у хозяйки дома и остроумно предрекать ей такія несбыточныя вещи, что заинтересовалъ все остальное общество.

За послѣднее время положеніе семейства Буонапарта тоже нѣсколько улучшилось. Его мать и сестры съумѣли кое-какъ устроиться въ Марсели и сводили концы съ концами. Впослѣдствіи ходили по этому поводу странные слухи весьма обиднаго для нихъ свойства, но весьма вѣроятно, что единственнымъ основаніемъ къ этимъ слухамъ служило недоброжелательство. Наполеону отпущена была изрядная сумма (около 2.700 франковъ) въ возвратъ прогоновъ и, онъ, въ качествѣ примѣрнаго сына, безъ сомнѣнія, подѣлился этими деньгами съ своимъ семействомъ. За Элизой и молоденькою Паулиной теперь сильно ухаживали. Фешъ, про котораго Люсьенъ пишетъ, что онъ всегда свѣжъ, хотя напоминаетъ цвѣтомъ лица не розу, а добропорядочную редиску, жилъ въ городѣ Э, въ домѣ старыхъ своихъ знакомыхъ, выжидая случая вернуться въ Корсику. Жозефъ почти уже закончилъ свои приготовленія къ переѣзду въ Женеву, а Луи состоялъ на казенномъ иждивеніи въ Шалонской военной школѣ. Одинъ только бѣдняга „Брутъ,"—Люсьенъ, все еще пребывалъ въ несчастномъ положеніи. Опасенія его осуществились. Вслѣдствіе поступившаго на него доноса онъ былъ засаженъ въ тюрьму города Э, гдѣ съ ужасомъ ожидалъ, что его постигнетъ та же участь, какъ и его пріятелей якобинцевъ, которыхъ казнили тогда цѣлыми дюжинами.

Бонапартъ въ роли спасителя Конвента.

Новый комитетъ общественной безопасности вступилъ 5-го августа въ исполненіе своихъ обязанностей. Въ числѣ первыхъ документовъ, представленныхъ на его разсмотрѣніе, находилась просьба генерала Буонапарте о переводѣ обратно въ артиллерію.

Она дышетъ негодованіемъ и переполнена голословными заявленіями о прежнихъ заслугахъ. Между прочимъ, Буонапарте смѣло приписываетъ себѣ тамъ честь обезпеченія успѣха послѣдней кратковременной, но удачной итальянской кампаніи. Просьба была передана на разсмотрѣніе военнаго департамента и двѣ недѣли спустя Буонапарте было прислано строгое предписаніе безотлагательно отправиться въ западную армію къ мѣсту служенія. Трудно представить себѣ что-нибудь забавнѣе и въ то же время характернѣе для обрисовки настойчивости Наполеона, какъ письмо его къ Жозефу, помѣченное слѣдующимъ же днемъ (20 августа): „Я прикомандированъ теперь къ топографическому депо комитета общественной безопасности, чтобы вырабатывать взамѣнъ Карно планы операцій для нашихъ армій. Если захочу, могу получить казенную командировку въ Турцію въ качествѣ артиллерійскаго генерала. Я буду пользоваться тамъ хорошимъ жалованьемъ и громкимъ титуломъ, за хлопоты по реорганизаціи турецкой артиллеріи". Затѣмъ слѣдуютъ предположенія насчетъ возможности для Жозефа быть назначеннымъ въ консулы. Наполеонъ изъявляетъ желаніе свидѣться съ своимъ братомъ въ Ливорно и представляетъ соображенія относительно выгодной спекуляціи съ конфискованными помѣстьями. Въ концѣ этихъ соображеній, обнаруживающихъ не только большую наблюдательность, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующихъ также о замѣчательной всегдашней готовности Наполеона при неудачѣ одного плана выдвинуть на сцену другую комбинацію, онъ добавляетъ: „Теперь все спокойно, но кажется, что готовится буря. Вскорѣ должны начаться засѣданія первичныхъ собраній... Если меня отправятъ въ Турцію, я возьму съ собою пятерыхъ, или шестерыхъ офицеровъ... Декретъ комитета общественной безопасности, въ которомъ высказывается мнѣ благодарность за составленіе директивъ для арміи и плановъ кампаніи, написанъ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ что, чего добраго, мнѣ не позволятъ ѣхать въ Турцію. Ну что же, посмотримъ, что будетъ дальше! Быть можетъ, мнѣ на-дняхъ придется отломать и здѣсь кампанію... Пиши ко мнѣ, однако, такъ, какъ если бы я отправлялся въ Турцію".

Все это было наполовину вѣрнымъ. Ходатайствуя у Барраса и Дусе де-Понтекулана, другого вліятельнаго своего доброжелателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ мозоля глаза Фрерону, находившемуся тогда въ апогеѣ своего могущества, но вскорѣ доказавшему полнѣйшую свою непригодность, Буонапарте дѣйствительно добился назначенія въ члены комиссіи изъ четырехъ лицъ, выработывавшей директивы для армій, а на его мѣсто въ западную армію былъ отправленъ Дюто. Кромѣ того, у Наполеона имѣлись шансы осуществить мечты, съ которыми онъ носился еще въ дѣтствѣ, и пріобрѣсти себѣ славу въ странахъ Востока. Какъ разъ тогда политическія отношенія въ Восточной Европѣ стали очень натянутыми и Франція усматривала возможность, заключивъ союзъ съ Турціей, принудить Австрію къ войнѣ на два фронта. Турція была, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно не подготовлена

къ войнѣ и просила прислать ей французскихъ офицеровъ для устройства пушечныхъ заводовъ и улучшенія какъ матеріальной,

Бонапартъ гадаетъ г-жѣ Таліенъ. (Рисунокъ Папа).

такъ и боевой организаціи артиллеріи. Узнавъ объ этомъ, Буонапарте тотчасъ же представилъ двѣ докладныхъ записки: одну о турецкой артиллеріи, а другую о мѣрахъ къ огражденію Турціи отъ посягательствъ со стороны европейскихъ державъ. Онъ подалъ обѣ докладныя записки вмѣстѣ съ просьбою назначить его начальникомъ артиллерійской комиссіи въ Константинополь. Къ просьбѣ были приложены похвальные отзывы о необыкновенномъ артиллерійскомъ искусствѣ генерала Буонапарте, за подписью Дусе и Дебри, котораго Наполеону недавно тоже удалось расположить въ свою пользу.

Заманчивыя грезы блестящей карьеры на Востокѣ временно разсѣялись. Новая конституція, принятая, какъ уже упомянуто, 22-го августа, могла вступить въ дѣйствіе лишь послѣ выборовъ. Выработанный генераломъ Буонапарте проектъ будущей итальянской кампаніи былъ прочитанъ 31-го августа распорядительнымъ комитетомъ Конвента, признанъ удовлетворительнымъ и принятъ. Онъ остается въ многихъ отношеніяхъ грандіознѣйшимъ изъ стратегическихъ плановъ Наполеона. Единственнымъ его недостаткомъ являлось то обстоятельство, что онъ требовалъ для своего исполненія наполеоновской-же геніальности. Нѣсколько дней спустя генералъ Буонапарте узналъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ его проектомъ. Онъ вообразилъ себѣ, что держитъ уже въ рукѣ синицу, стоющую цѣлой дюжины восточныхъ журавлей, а потому, написавъ Жозефу, что разсчитываетъ остаться въ Парижѣ, добавилъ вскользь: „Здѣсь мнѣ удобнѣе будетъ слѣдить за вакансіями, открывающимися на должности консуловъ и, если возможно, обезпечить тебѣ такую вакансію“.

Мечты о восточной роскоши и великолѣпіи смѣнились у Наполеона иными грезами. Въ дальнѣйшихъ своихъ посланіяхъ къ брату (къ которому писалъ почти каждый день), генералъ Буонапарте излагаетъ цѣлый рядъ въ высшей степени изумительныхъ проектовъ, гдѣ идетъ, между прочимъ, рѣчь о законномъ бракѣ,—городскомъ домѣ и дачѣ съ кабріолетомъ и тройкою лошадей. Трудно уяснить себѣ теперь, какимъ именно образомъ предполагалось всего этого добиться. Относительно законнаго брака онъ совершенно ясно высказываетъ, впрочемъ, свои замыслы. Жозефъ былъ женатъ на одной изъ дочерей довольно богатаго купца, и Наполеонъ поручилъ справиться, нельзя-ли будетъ ему самому жениться на другой дочери,—знаменитой Дезире Клари, вышедшей потомъ замужъ за Бернадотта. Двухъ лошадей онъ разсчитывалъ получить отъ казны взамѣнъ тѣхъ, которыхъ ему слѣдовало бы держать въ Ниццѣ по чину артиллерійскаго генерала и которыхъ потомъ онъ былъ бы обязанъ продать по распоряженію начальства ввиду морской экспедиціи въ Корсику. Изъ какихъ средствъ онъ разсчитывалъ обзавестись третьей лошадью, домомъ и дачей, вѣдаетъ теперь одинъ только Аллахъ. Фактически вѣрно, однако, что Наполеонъ покинулъ уже плохенькую свою квартиру и переѣхалъ въ несравненно лучшее помѣщеніе, на улицѣ Мишодьеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хлопоталъ

о покупкѣ хорошенькаго загороднаго домика, находившагося по

Наполеонъ Бонапартъ, главнокомандующій Итальянской арміей.
Съ картины Рульяра, въ Версальскомъ музеѣ.

сосѣдству съ дачей Буррьена, которому счастье тоже начало улыбаться. Понятно, что, ставъ такимъ важнымъ лицомъ, Напо-

леонъ долженъ былъ обзавестись секретаремъ. Должность эту занялъ неизмѣнно преданный ему Жюно.

Поданная генераломъ Буонапарте просьба о выдачѣ натурой или деньгами вознагражденія за лошадей привела къ нешуточнымъ послѣдствіямъ и поставила искателя приключеній еще разъ въ самое безвыходное положеніе. Содержавшіяся въ этой просьбѣ заявленія не подтвердились наведенными справками. Жестокосердый военный департаментъ отнесся къ нимъ съ самымъ безпощаднымъ недовѣріемъ (которое было, впрочемъ, совершенно заслуженнымъ). Тѣмъ временемъ изъ центральнаго комитета опять выбыла очередная треть членовъ, въ числѣ которыхъ оказался и Дусе, такъ что некому было вступиться за Буонапарте. Исторія съ лошадьми вызвала въ весьма вліятельныхъ кружкахъ очень непріятные для него толки. Почти одновременно съ этимъ военный департаментъ представилъ свое заключеніе относительно просьбы Наполеона о переводѣ его обратно въ артиллерію. Заключеніе это, задержанное выполненіемъ различныхъ канцелярскихъ формальностей, было весьма неблагопріятно для молодого генерала и содержало, сверхъ того, добавочную конфиденціальную замѣтку, строго порицавшую многіе противузаконные поступки генерала, въ особенности же упорный его отказъ повиноваться приказаніямъ департамента и уѣхать изъ Парижа въ западную армію. При такихъ обстоятельствахъ фамилія генерала Буонапарте была оффиціально вычеркнута 15-го сентября изъ списка генераловъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, причемъ пояснялось, что это сдѣлано ввиду отказа отправиться къ мѣсту служенія. Казалось, что Наполеону такъ уже на роду написано вѣчно испытывать муки Тантала. Словно намѣреваясь надъ нимъ подшутить, судьба рѣшила, чтобы подкомиссія иностранныхъ дѣлъ внесла въ тотъ самый день предложеніе отправить генерала Буонапарте съ подобающей торжественностью и въ сопровожденіи многочисленной свиты въ Константинополь, гдѣ онъ будетъ уполномоченъ состоять на службѣ турецкаго султана. Между тѣмъ этотъ генералъ только что былъ оставленъ за штатомъ и оказался въ опалѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что генералъ Буонапарте не особенно упалъ духомъ. Наполеонъ лучше чѣмъ кто-либо сознавалъ громадное значеніе политическихъ вліяній для военной карьеры. Онъ не только умѣлъ напрягать лукъ Ахилла, но всегда держалъ про запасъ для этого лука лишнюю тетиву. Въ продолженіи всей десятилѣтней своей службы Буонапарте всего только разъ былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ по старшинству. Всѣ остальные чины онъ получилъ благодаря протекціи или разнымъ подвохамъ. Онъ былъ прежде всего корсиканецъ, а затѣмъ ужъ французъ,— сперва политическій интриганъ, а затѣмъ уже воинъ. Неужели такой ветеранъ, какъ онъ, дозволитъ свалить себя съ ногъ хотя бы даже самымъ тяжкимъ ударомъ, тогда какъ у него оставались еще три могущественныхъ покровителя: Баррасъ, Таліенъ и Фреронъ? Генералъ Буонапарте презрительно отвернулся поэтому

отъ несочувствовавшихъ ему высшихъ должностныхъ лицъ военнаго департамента,—безхитростныхъ воиновъ съ холодными умами и безпощадною разсудительностью. Вѣрнѣйшимъ средствомъ снова перевестись въ артиллерію несомнѣнно представлялась казенная командировка въ Константинополь, за которую уже высказалась подкомиссія комитета общественной безопасности. Наполеонъ дѣятельно ходатайствовалъ о томъ, чтобы заключеніе подкомиссіи было утверждено. Его еще уволили въ отставку и онъ надѣялся выдвинуться опять впередъ, благодаря своему умѣнью пользоваться удобнымъ случаемъ, которое обнаруживалось всегда, когда приходилось дѣйствовать по собственному почину, не стѣсняясь имѣвшимися инструкціями. Надежды его возрастали, такъ какъ на его просьбу о командировкѣ еще не послѣдовало отказа. Наполеонъ писалъ 26-го сентября Жозефу, что вопросъ о командировкѣ въ Турцію уже назрѣлъ, и присовокупилъ: „Въ данную минуту, однако, обнаруживаются нѣкоторые тревожные симптомы подготовляющагося мятежа“. Онъ оказался совершенно правымъ въ обоихъ своихъ предположеніяхъ. Комитетъ общественной безопасности разсматривалъ какъ разъ тогда докладъ о зачисленіи генерала Буонапарте на службу къ его величеству турецкому султану и въ тоже самое время политическое положеніе какъ въ Парижѣ, такъ и на границахъ Франціи становилось критическимъ.

Французскіе роялисты и клерикалы дѣятельно продолжали интриговать. Событія революціи ничему ихъ не выучили, такъ что у нихъ не составилось даже и туманнаго понятія о собственномъ своемъ дѣйствительномъ положеніи. Въ то время, какъ они были вполнѣ увѣрены, что борьба ихъ съ республикой имѣетъ честный характеръ самообороны, отъ нихъ отрекались даже и самые стойкіе ихъ союзники. Наиболѣе уважаемые англійскіе государственные дѣятели, какъ, напримѣръ, Гранвиль и Гаркортъ, думали и говорили, что невозможно навязать Франціи форму правленія, не нравящуюся ея народу, но регентъ Великобританіи и французскій претендентъ, который со смертью злополучнаго своего племянника, дофина, былъ признанъ европейскими дворами законнымъ французскимъ королемъ Людовикомъ XVIII, упорно держались стариннаго бурбонскаго девиза: „Все или ничего“. Перемѣны, происшедшія въ Конвентѣ, въ парижскомъ обществѣ и даже въ самомъ народѣ, долженствовавшемъ вскорѣ отречься отъ крайнихъ якобинскихъ принциповъ и подавляющимъ большинствомъ голосовъ принять новую конституцію,—все это обмануло роялистовъ и вызвало у нихъ надежду однимъ ударомъ вернуть утраченное. Сколько можно теперь судить, въ то время сдѣланы были всѣ приготовленія къ энергическому вторженію во Францію со стороны рейнской границы. Пишегрю, развернувъ королевское бѣлое знамя, долженъ былъ двинуться съ своими войсками на Парижъ, а роялисты одновременно съ этимъ предполагали произвести возстаніе во всѣхъ французскихъ департаментахъ. Близъ сѣверныхъ береговъ Франціи появился 4-го октября

англійскій флотъ, на которомъ находился графъ Артуа съ многочисленнымъ отрядомъ эмигрантовъ и вспомогательнымъ англійскимъ корпусомъ, состоявшимъ частью изъ регулярныхъ войскъ, частью же изъ волонтеровъ. Этимъ заканчивались подготовительныя мѣры контръ-революціи.

Тѣмъ не менѣе роялисты принимали лишь косвенное участіе въ первомъ крупномъ столкновеніи, которымъ должна была начаться предположенная борьба. Къ тому времени парижскія секціи успѣли вполнѣ реорганизоваться, очистивъ свои комитеты отъ крайнихъ демократическихъ элементовъ, преобладавшихъ передъ тѣмъ въ предмѣстьяхъ. Граждане секцій были порядочно вооружены, обучены и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты восторженной рѣшимостью во что бы ни стало сопротивляться декрету Конвента о принудительномъ избраніи его членовъ въ новыя законодательныя собранія. Національная гвардія относилась съ такимъ же ожесточеніемъ къ этой мѣрѣ. Въ Парижѣ находилось тогда трое способныхъ военныхъ спеціалистовъ, готовыхъ встать во главѣ движенія противъ Конвента, а именно: Даникопъ, Дюгэ д'Отривъ и Лаффонъ. Всѣ они были въ глубинѣ души роялистами, а послѣдній даже эмигрантомъ, чего, впрочемъ, и не скрывалъ. Конвентъ, съ своей стороны, тоже пополнилъ ряды вооруженныхъ своихъ защитниковъ и принялъ нѣкоторыя другія оборонительныя мѣры, но у него не имѣлось надежнаго главнокомандующаго. Изъ четырнадцати генераловъ, находившихся тогда въ Парижѣ, онъ могъ положиться всего только на двухъ. Къ тому же оба они не отличались выдающимися военными способностями и не пользовались особеннымъ авторитетомъ въ рядахъ войскъ.

Эти войска входили въ составъ такъ называемой внутренней арміи, состоявшей подъ начальствомъ генерала Мену. Къ 23-му сентября признаки открытаго возстанія въ Парижѣ стали до такой степени явственными, что не было уже ни малѣйшей возможности ихъ игнорировать. За день передъ тѣмъ (1-го вандемьера) была торжественно провозглашена новая конституція. Ночью собралась въ театрѣ Одеона массовая сходка парижскихъ секцій, чтобы выработать планъ открытаго сопротивленія. Секція Лепеллетье, которая помѣщалась, такъ сказать, въ самомъ сердцѣ Парижа и состояла преимущественно изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ торговцевъ, собралась въ своей ратушѣ и обнародовала воззваніе, приглашавшее народъ взяться за оружіе. Она принадлежала къ числу такихъ враговъ, пренебрегать которыми было бы неумѣстно. Въ достопамятный день 10-го августа выставленный ею батальонъ національной гвардіи легъ почти до послѣдняго человѣка вмѣстѣ съ швейцарцами, обороняя Тюльерійскій дворецъ. Мену, получивъ отъ Конвента предписаніе обезоружить возмутившіяся секціи, выступилъ противъ вооруженныхъ гражданъ, но это было ему, очевидно, не по вкусу. Послѣ кратковременныхъ переговоровъ въ ратушѣ секціи Лепеллетье, онъ удовлетворился словеснымъ обѣщаніемъ гражданъ вести себя добропорядочно,—приказалъ войскамъ вернуться въ казармы и оставилъ вооруженныя и раздраженныя секціи

полными хозяевами дѣлать, что имъ заблагоразсудится. При такихъ обстоятельствахъ быстрыя и энергическія мѣры становились болѣе чѣмъ когда-либо необходимыми. Руководители Конвента потратили уже нѣсколько дней на безплодныя разсужденія. Наконецъ, Карно и Таліенъ согласились съ мнѣніемъ Барраса относительно умѣстности поручить дѣятельную роль генералу Буонапарте. Повидимому, они не рѣшались, однако, вполнѣ довѣриться этому генералу, вслѣдствіе чего главнокомандующимъ внутреннею арміей назначили самаго Барраса. „Корсиканскій офицерикъ, нерасположенный особенно церемониться“, какъ онъ называлъ генерала Буонапарте, былъ номинально данъ ему въ помощники. 4-го октября Буонапарте пригласили на совѣщаніе. На другой день утромъ онъ явился на квартиру Барраса и принялъ возложенное на него порученіе, выговоривъ себѣ право распоряжаться по собственному благоусмотрѣнію.

Онъ не терялъ ни минуты и въ тотъ же день принялъ самыя энергическія мѣры къ обезпеченію Конвенту побѣды надъ вооруженнымъ возстаніемъ парижанъ. На парижскихъ улицахъ Буонапарте оказался такимъ же искуснымъ и дѣятельнымъ боевымъ вождемъ партіи, какъ и въ улицахъ Аяччіо. Онъ обнаруживалъ даже въ данномъ случаѣ сравнительно большую лихорадочную энергію, такъ какъ оборона Тюльери и сосѣдняго манежа, гдѣ засѣдалъ Конвентъ, была сама по себѣ болѣе крупной задачей, чѣмъ все время неудававшійся захватъ корсиканской цитадели. Улицы и переулки большого города до нѣкоторой степени напоминаютъ главныя и побочныя долины горнаго хребта. Война въ Парижѣ представляетъ больше сходства съ маневрированіемъ въ узкихъ ущельяхъ Аппенинъ, чѣмъ можно было бы предположить на первый взглядъ. По крайней мѣрѣ, Буонапарте слѣдовалъ въ обоихъ случаяхъ почти одинаковымъ стратегическимъ пріемамъ. Мѣры, принятыя имъ въ Парижѣ, обнаруживали глубокое пониманіе дѣла. Непріятельскія силы, разбросанныя въ городѣ по обоимъ берегамъ рѣки, были разрѣзаны на двѣ части благодаря занятію военными отрядами мостовъ черезъ Сену. Мосты эти были укрѣплены баррикадами. Всѣ улицы, ведущія къ Тюльери, тоже оборонялись. Кромѣ того, въ узенькихъ переулкахъ размѣстилась артиллерія, доставлявшая главнымъ улицамъ фланговую оборону. Резервъ, которому обезпечена была возможность дѣйствовать по обоимъ берегамъ рѣки, стоялъ на нынѣшней площади Согласія, имѣя за собою открытый путь отступленія къ Сенъ-Клу. Всѣ предписанія отдавались отъ имени Барраса. Секціи ничего не знали о новомъ главнокомандующемъ и припоминали себѣ только нерѣшительный образъ дѣйствій Мену. Безъ артиллеріи и, не имѣя даже опредѣленнаго плана, онѣ рѣшились разогнать Конвентъ, подавивъ его защитниковъ численнымъ перевѣсомъ. Набережныя по лѣвую сторону Сены были заняты сильнымъ отрядомъ національныхъ гвардейцевъ, готовыхъ ударить въ тылъ войскамъ Конвента въ тотъ моментъ, когда главная аттака, направленная съ сѣверной стороны черезъ лабиринтъ улицъ и глухихъ переулковъ тогдашняго

предмѣстья Сентъ-Оноре и короткую, широкую аллею, такъ называемой „Лѣстницы“, отвлечетъ туда эти войска.

Бой съ парижскими секціями.

Утромъ 5-го октября (13-го вандемьера) вооруженныя силы Конвента и парижанъ стояли другъ противъ друга, словно не рѣшаясь начать враждебныя дѣйствія. Въ половинѣ четвертаго послѣ полудня роковой моментъ наконецъ наступилъ. Какъ бы инстинктивно, но въ дѣйствительности по сигналу, поданному Даниканомъ, отряды секцій изъ сѣверныхъ кварталовъ столицы потянулись сквозь узкую главную улицу предмѣстья Сентъ-Оноре позади манежа, направляясь къ главному входу въ Тюльери. Инсургенты чувствовали себя, безъ сомнѣнія, безопаснѣе позади манежа, въ улицѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ высокими домами, чѣмъ на площадяхъ, черезъ которыя слѣдовало бы пройти вслучаѣ фронтальной аттаки. Дойдя до церкви Св. Роша, сплошная масса инсургентовъ остановилась, внезапно убѣдившись, что въ переулкахъ, пересѣкавшихъ эту улицу съ правой стороны, расположена артиллерія Конвента. Возбужденные граждане смутились и начали безпорядочную ружейную пальбу. Въ отвѣтъ на нее раздался изъ орудій, заряженныхъ, по распоряженію Буонапарте, картечью, отчетливый залпъ, разомъ очистившій улицу. Бой продолжался въ этомъ пунктѣ около часа, такъ какъ народъ и національная гвардія нѣсколько разъ пытались прорваться впередъ, но каждую такую попытку отражала смертоносная картечь. Подъ конецъ инсургенты совершенно упали духомъ и отступили. На лѣвомъ берегу Сены происходила подобная же схватка, закончившаяся такимъ же результатомъ. Три раза Лаффонъ, во главѣ національныхъ гвардейцевъ и вооруженнаго народа, пытался штурмовать Королевскій мостъ и три раза его отражали перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Грозное возстаніе парижанъ мгновенно разсѣялось тогда, словно миражъ. Извѣстіе о неудачахъ, понесенныхъ инсургентами на обоихъ берегахъ Сены, быстро распространилось по всему городу. Національные гвардейцы и вооруженный народъ безотлагательно разошлись по домамъ и вечеромъ еще засвѣтло полное торжество Конвента не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію. Драматическій эффектъ одержаннаго такимъ образомъ блестящаго успѣха еще болѣе усиливался появленіемъ Буонапарте верхомъ на конѣ всюду, гдѣ только кипѣлъ бой. Передъ тѣмъ и послѣ того онъ оставался невидимымъ. День этотъ производилъ впечатлѣніе перваго урока по части употребленія артиллеріи, даннаго мастеромъ своего дѣла изумленному міру, которому до тѣхъ поръ еще и не снилось, какими вѣсскими доказательствами на болѣе обширныхъ поляхъ сраженій выяснитъ Наполеонъ боевое значеніе любимаго своего оружія. Въ данную минуту онъ считалъ всего умѣстнѣе выставлять себя простымъ исполнителемъ. Въ донесеніи объ усмиреніи возстанія онъ старается не упоминать про собственную свою особу.

Очевидно, что онъ все время старался держать себя такъ, какъ если бы дѣйствовалъ сообща съ якобинцами лишь оттого, что они стояли за правое дѣло, хотя въ сущности онъ съ ними вовсе не солидаренъ.

Опасенія, что царство террора возобновится, не оправдались. Правда, нѣкоторые выдающіеся вожди возстанія, въ томъ числѣ Лаффонъ, были казнены. Политическое положеніе вернувшихся во Францію эмигрантовъ значительно ухудшилось вслѣдствіе принятыхъ противъ нихъ суровыхъ мѣръ предосторожности. Тѣмъ не менѣе Конвентъ, въ своемъ образѣ дѣйствій, обнаружилъ неожиданное мягкосердечіе. Ратуши, въ которыхъ собирались мятежные комитеты секцій, были закрыты и національная гвардія была еще разъ реорганизована. Порядокъ и спокойствіе возстановились въ столицѣ безъ всякихъ хлопотъ и усилій. Впечатлѣніе, произведенное извѣстіемъ объ этомъ во всей остальной Франціи, было до чрезвычайности могущественнымъ. Графъ Артуа, впослѣдствіи Карлъ X, высадившійся всего только за три дня передъ тѣмъ на островъ Дье, поспѣшно вернулся опять на корабль и отплылъ назадъ въ Англію. Прочіе вожди роялистовъ благоразумно удержали своихъ сторонниковъ отъ всякихъ попытокъ къ возстанію, представлявшихся теперь несвоевременными. Новая конституція вскорѣ послѣ того была представлена на утвержденіе народа и принята большинствомъ голосовъ. Члены Конвента обезпечили себѣ такимъ образомъ преобладаніе въ новыхъ законодательныхъ совѣтахъ. Въ непродолжительномъ времени возстанія въ Вандеѣ и Бретани были усмирены настолько, что оказалось возможнымъ послать оттуда 80.000 войска на восточную и юго-восточную границу Франціи. Конвентъ постарался щедро отблагодарить офицеровъ и генераловъ, содѣйствовавшихъ подавленію парижскаго мятежа. Всѣ они были произведены въ слѣдующіе чины. Буонапарте былъ назначенъ помощникомъ командующаго внутренней арміей, т. е. утвержденъ въ должности, на которой такъ отличился. Баррасъ, числившійся главнокомандующимъ этой арміи, почти немедленно же вышелъ въ отставку, а потому генералъ Буонапарте оказался фактически произведеннымъ въ главнокомандующіе.

Достопамятный „день секцій“, какъ его обыкновенно называютъ, несомнѣнно былъ несчастнымъ днемъ для Франціи и ея свободы. Впервые еще со временъ революціи армія послужила пригоднымъ орудіемъ для поддержанія политическаго авторитета. Этимъ положено было начало процессу, который, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сдѣлалъ главнокомандующаго арміей диктаторомъ судебъ Франціи. Всѣ чисто-политическіе органы власти начали постепенно ослабѣвать, очищая такимъ образомъ путь будущему военно-государственному строю. Временная тиранія Конвента основывалась все-таки до нѣкоторой степени на согласіи народа. Въ то самое время, когда она готовилась уступить мѣсто строго законной гражданской и политической администраціи, мятежъ парижскихъ секцій заставилъ поручить солдат-

скимъ штыкамъ охрану новыхъ учрежденій. Безпочвенность ихъ выяснилась чрезъ это съ самаго начала. Вѣроятности успѣха для директоріи оказались зависѣвшими не отъ фактическихъ достоинствъ новой административной системы, или ея примѣнимости къ существовавшимъ тогда условіямъ, но единственно лишь отъ поддержки заинтересованныхъ вліятельныхъ лицъ, преимущественно же генераловъ, командовавшихъ войсками. Послѣ подавленія мятежа секцій прежній Конвентъ продолжалъ засѣдать подъ именемъ первичнаго собранія, якобы занимаясь назначеніемъ изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые подлежали избранію въ новые законодательные совѣты. Въ законахъ не былъ предусмотрѣнъ случай подобнаго временнаго правленія. Въ результатѣ получилось бездѣйствіе власти. Весь высшій административный строй во Франціи напоминалъ собою прилично убранную и чисто подметенную меблированную квартиру, ожидавшую нанимателя.

Такъ какъ армія, а не народъ обусловливаетъ въ данномъ случаѣ возможность будущей администраціи, то исполнительная власть оказывается съ самаго же начала подъ вліяніемъ военной силы. Въ конституціи не установлено никакихъ законныхъ способовъ компромисса между директоріей и законодательными совѣтами на случай возникновенія между ними серьезныхъ недоразумѣній. Подобный конфликтъ могъ закончиться лишь торжествомъ болѣе сильной стороны. Армія, на поддержку которой опиралась директорія, должна была въ концѣ концовъ одержать верхъ, а ея главнокомандующему предстояло роковымъ образомъ сдѣлаться властелиномъ директоріи и фактическимъ правителемъ государства. Кромѣ того, свободной можетъ быть только нація, въ которой преданность государству и его учрежденіямъ стоитъ для гражданина на первомъ мѣстѣ, интересы же отдѣльныхъ партій играютъ сравнительно второстепенную роль. Внутреннее политическое положеніе Франціи имѣло совершенно иной характеръ. Народъ дѣлился на непримиримые лагери, между которыми существовала рѣзкая принципальная рознь, устранявшая возможность всякаго соглашенія на конституціонной почвѣ. Многіе умѣренные республиканцы до такой степени отчаявались въ возможности республиканскаго строя для Франціи, что открыто заявляли о желательности возвращенія къ монархической формѣ правленія. По наружности, новая конституція казалось самою свободной изъ всѣхъ, выработанныхъ до тѣхъ поръ. На самомъ дѣлѣ, однако, она была испорчена въ корень тремя гибельными пунктами, сдѣлавшими изъ нея превосходнѣйшее орудіе тиранніи: она долженствовала въ теченіе долгаго времени не подвергаться никакимъ измѣненіямъ; рѣшеніе конфликта между законодательной и исполнительной властью предоставлено было исключительно силѣ, а исполнительная власть опиралась на армію.

Нѣтъ никакой возможности доказать, что Буонапарте уже въ то время обстоятельно понималъ все это. На островѣ Св. Елены онъ высказывался въ утвердительномъ смыслѣ, но его позднѣйшія письменныя и словесныя заявленія, при всей своей цѣнности въ

качествѣ психологическаго матеріала, къ сожалѣнію, не представляютъ, съ исторической точки зрѣнія, никакого серьезнаго значенія. Они изобилуютъ невѣрностями, обусловленными частью давностью времени и слабостью памяти, но частью также умышленными. Желая по возможности предать забвенію цѣликомъ весь эпизодъ своей дружбы съ Робеспьеромъ и Саличетти, Наполеонъ старается выставить въ своихъ мемуарахъ дѣло такъ, какъ если бы Конвентъ предписалъ ему принять подъ Тулономъ начальство надъ осадною артиллеріей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ, находясь въ Марсели проѣздомъ въ Ниццу, временно прикомандировался по собственному желанію къ арміи Карто, осаждавшей Тулонъ. Если Буонапарте удалось играть во время этой осады выдающуюся роль, то это слѣдуетъ приписать: частью счастливому случаю, частью же—протекціи могущественныхъ друзей, видѣвшихъ въ немъ политическаго своего единомышленника. Подобнымъ же образомъ Наполеонъ въ своихъ воспоминаніяхъ о днѣ секцій придумываетъ басню, предназначенную замаскировать его собственные происки у вліятельныхъ членовъ Конвента и по возможности скрыть выдающуюся роль Барраса, которому въ сущности и былъ обязанъ назначеніемъ на постъ какъ бы главнокомандующаго внутренней арміей. Басня эта сохранилась въ трехъ послѣдовательныхъ стадіяхъ своего развитія, записанная въ разныя времена разными лицами. Въ окончательной своей формѣ она сообщается Ласъ-Казасомъ, рукопись-котораго исправлена самимъ Наполеономъ. Тамъ заявляется: „Въ ночь на 3-е октября генералъ Буонапарте былъ въ театрѣ. Услышавъ въ фойе, что Мену струсилъ передъ распорядительными комитетами секцій и что его хотятъ за это арестовать, Буонапарте отправился прямо изъ театра въ засѣданіе Конвента, гдѣ, находясь среди зрителей, слышалъ, что упомянули про него въ числѣ возможныхъ преемниковъ Мену. Въ продолженіе получаса онъ разсуждалъ съ самимъ собою, какимъ именно образомъ надлежитъ поступить, если его и въ самомъ дѣлѣ назначатъ главнокомандующимъ. „Въ случаѣ неудачи я навлеку на себя ненависть всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, но и побѣда сдѣлаетъ меня почти въ такой же степени ненавистнымъ,—говорилъ самъ съ собою Наполеонъ. Съ какой стати умышленно становиться козлищемъ отпущенія за преступленія, въ которыхъ онъ, лично, былъ совершенно неповиненъ? Чего ради станетъ онъ по собственной волѣ и, если можно такъ выразиться, собственноручно вносить свое имя въ списокъ именъ, которыя произносятся не иначе, какъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ. Съ другой стороны: если Конвентъ потерпитъ пораженіе, что станется съ великими истинами нашей революціи? Всѣ одержанныя нами побѣды,—собственная наша пролитая кровь, явятся тогда просто напросто позорными дѣяніями. Чужеземцы, которыхъ мы до тѣхъ поръ били, восторжествуютъ надъ нами и станутъ презрительно на насъ глядѣть. Неспособная династія, окруженная тщеславными эмигрантами, доказавшими свою неспособность любить отчизну, съ торжествомъ вернется во Францію, чтобы упрекать насъ въ

томъ, что окажется тогда преступленіемъ, заслуживающимъ кары. Въ концѣ концовъ мы обратимся въ илотовъ, которыми станутъ управлять чужеземцы. Пораженіе Конвента будетъ такимъ образомъ равносильно торжеству чужеземцевъ,—покроетъ нашу родину позоромъ и предастъ ее въ рабство. Эти мысли, въ связи съ свойственной двадцатипятилѣтнему возрасту вѣрой въ себя самого и въ свою судьбу, заставили генерала Буонапарте исполнить то, что онъ считалъ патріотическимъ своимъ долгомъ".

Разумѣется, нельзя довѣрять вполнѣ такимъ заявленіямъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, однако, въ нихъ содержится извѣстная крупица истины. Если бы въ день секцій Наполеонъ оказался такимъ же самымъ человѣкомъ, какимъ былъ на островѣ Св. Елены,—если бы онъ руководствовался по преимуществу только любопытствомъ, оставаясь въ сущности равнодушнымъ къ торжеству того или другого принципа и увлекаясь до извѣстной степени развѣ лишь инстинктами воина,—если мы вообразимъ себѣ его именно такимъ и вспомнимъ, что онъ уже не юный корсиканскій патріотъ, а зрѣлый космополитъ, снѣдаемый личнымъ честолюбіемъ, то мы съ увѣренностью заключимъ, что такой генералъ Буонапарте могъ-бы и въ самомъ дѣлѣ руководиться вышеприведенными соображеніями. Очень можетъ быть, впрочемъ, что и настоящій генералъ Буонапарте, не смотря на отсутствіе у него твердыхъ политическихъ принциповъ, склонялся 13-го вандемьера въ пользу поддержанія революціонныхъ принциповъ въ томъ видѣ, какъ онъ представлялъ ихъ себѣ тогда. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усматривалъ въ тогдашнихъ усложненіяхъ давно желанный случай къ осуществленію личныхъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ. По крайней мѣрѣ, его поведеніе послѣ 4-го октября вполнѣ соотвѣтствуетъ такой программѣ. Генералъ Буонапарте становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Когда счастье ему везло, онъ вообще дѣлался пылкимъ, несдержаннымъ оптимистомъ, но теперь у него проявляются, кромѣ того, дерзость, высокомѣріе и самоувѣренность въ такой степени, какой они никогда еще до сихъ поръ не достигали.

Буонапарте прежде всего привелъ на военное положеніе внутреннюю армію, которая была передъ тѣмъ разбросана по нѣсколькимъ департаментамъ и находилась въ состояніи самаго плачевнаго неустройства. Вслѣдъ затѣмъ онъ застращалъ и обуздалъ низменные элементы парижскаго населенія, по прежнему ожесточеные безработицей и голоданіемъ,—организовалъ національную гвардію и сформировалъ отборный военный отрядъ спеціально для охраны законодательныхъ собраній. Затѣмъ онъ задался цѣлью выказать себя могущественнымъ покровителемъ всѣхъ находившихся въ немилости,—человѣкомъ, непомнящимъ зла и неувлекающимся чрезмѣрно интересами отдѣленныхъ партій. Въ тоже самое время онъ дѣятельно занимался финансовыми спекуляціями и посылалъ невѣроятно громадныя суммы денегъ членамъ своей семьи. Въ его письмахъ упоминается, между прочимъ, объ одной изъ такихъ посылокъ въ четыреста тысячъ франковъ. Люсьенъ

былъ освобожденъ изъ тюрьмы и возвращенъ въ объятія своей небогатой, но вѣрной и любящей жены, и отправленъ въ Марсель къ матери и сестрамъ. Луи выписали изъ Шалона въ Парижъ и произвели въ поручики, Жерома помѣстили въ Парижское военное училище, а Жозефа обнадежили назначеніемъ на консульскій постъ. Отрѣшившись отъ прежней своей застѣнчивости, генералъ Буонапарте сдѣлался какъ нельзя болѣе общительнымъ человѣкомъ и даже до извѣстной степени великосвѣтскимъ львомъ. Онъ не чуждался теперь рѣшительно никого. Остатки прежней аристократіи,—богатые парижскіе горожане,—вернувшіеся жирондисты, многіе изъ которыхъ превратились въ искреннихъ роялистовъ,—вновь избранные народные представители,—офицеры, которымъ почему-либо не везло (какъ одно время и ему самому), но затѣмъ, благодаря его покровительству, получившіе опять хорошія мѣста на дѣйствительной службѣ, всѣ одинаково пользовались его вниманіемъ. Онъ ухаживалъ за всѣми, льстилъ всѣмъ и старался привлечь всѣхъ на свою сторону.

Понятно, что такая дѣятельность не могла пройти незамѣченной. Новое правительство организовалось безпрепятственно. Избраны были члены директоріи и оба законодательныхъ совѣта. Всѣ пять директоровъ: Баррасъ, Ревбель, Карно, Летурнеръ де ла Маншъ и Ларевельеръ-Лепо подали въ свое время голосъ за исполненіе смертной казни надъ Людовикомъ XVI и, слѣдовательно, принадлежали къ такъ называемымъ цареубійцамъ. Они значительно отличались другъ отъ друга характерами и способностями, но всѣ, за исключеніемъ Барраса, оставались вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Они навряд-ли сознавали переворотъ, который произошелъ съ тѣхъ поръ въ народныхъ симпатіяхъ къ республиканскимъ принципамъ и совершенно игнорировали невозможность для самихъ себя стройнаго совмѣстнаго дѣйствія, а потому ласкали себя надеждой проявить величайшую умѣренность въ пользованіи властью и такимъ образомъ обезпечить новой конституціи общее сочувствіе. Ихъ до крайности смущало поведеніе генерала Буонапарте, старавшагося сближаться съ людьми самыхъ различныхъ политическихъ убѣжденій, но они не рѣшались правильно истолковывать это поведеніе. При Конвентѣ внутренняя армія была орудіемъ въ рукахъ комитета общественной безопасности, а командиръ ея являлся простою маріонеткой, теперь же, лицомъ къ лицу съ исполнительной властью оказывалась личная самостоятельность и независимость, угрожавшая совершенно перемѣнить прежнія роли. Правда, что генералъ директоріи былъ одно время способнымъ и послушнымъ начальникомъ полиціи. Въ числѣ многихъ другихъ неоцѣненныхъ услугъ, оказанныхъ имъ правительству, онъ самолично закрылъ грозный клубъ Пантеона, служившій сборнымъ пунктомъ для недовольныхъ. Впродолженіи цѣлой зимы, не смотря на безработицу и голодъ, въ столицѣ не произошло сколько-нибудь серьезныхъ безпорядковъ. Одновременно съ этимъ начало проявляться, преимущественно же въ низшихъ слояхъ парижскаго населенія, чувство зависти и недовольства новымъ главнокоман-

дующимъ внутренней арміей, происхожденіе и карьера котораго были извѣстны всему Парижу.

Къ концу года въ манерахъ и поведеніи генерала Буонапарте произошла опять перемѣна. Онъ сдѣлался молчаливымъ и несообщительнымъ,—обращеніе его стало неловкимъ и натянутымъ. Перемѣну эту приписываютъ дѣйствію самыхъ разнообразныхъ причинъ. Многіе объясняютъ ее пробудившимся у Наполеона сознаніемъ отсутствія у него надлежащаго свѣтскаго лоска. Враги Наполеона прямо утверждаютъ, что великосвѣтская парижская жизнь предъявляла требованія, которыя онъ, при всей своей самоувѣренности, долженъ былъ признать для себя непосильными. Они указываютъ на перемѣну въ почеркѣ и стилѣ,—на періодическое чередованіе молчаливости и разговорчивости, какъ на доказательство того, что Наполеонъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Угрюмая задумчивость, въ которую онъ тогда зачастую погружался, и несдержанныя грубыя угрозы, которыя онъ себѣ иногда позволялъ, являлись, по ихъ мнѣнію, маской, за которой скрывалось чувство оскорбленной гордости. Послѣдовавшую затѣмъ вскорѣ женитьбу молодого генерала они считаютъ, съ его стороны, отчаянной попыткой обезпечить себѣ общественное положеніе, соотвѣтственное карьерѣ, открывавшейся передъ нимъ на политическомъ и военномъ поприщѣ. У простого смертнаго, котораго не находятъ нужнымъ подвергать столь тщательному микроскопическому изслѣдованію, такое поведеніе приписали бы тому, что онъ влюбился, какъ говорится, по уши, и послѣдовавшую затѣмъ женитьбу признали бы естественнымъ и совершенно приличествующимъ послѣдствіемъ подобной пламенной любви.

Бракъ по любви и по разсчету.

Припоминая, что Буонапарте въ ранней своей молодости объявилъ любовь зловредною страстью, отъ которой Господу Богу слѣдовало бы защищать разумныя существа, заключаютъ отсюда, и на основаніи другихъ столь же вѣскихъ данныхъ, что онъ былъ неспособенъ къ безкорыстной любви. При этомъ упускаютъ, однако, изъ вида, что, перечисляя преступленія, совершенныя Буттафуоко, Наполеонъ упрекаетъ его, между прочимъ, также въ женитьбѣ и съ корыстной цѣлью усилить политическое свое вліяніе». Приходится по этому задать себѣ вопросъ: которое изъ двухъ воззрѣній Наполеона на любовь и женитьбу является искреннимъ и соотвѣтственнымъ истинному его характеру. По всѣмъ вѣроятіямъ, оба они были въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ искренними и сообразовались съ измѣнчивостью внѣшняго душевнаго его настроенія. Подобная внѣшняя измѣнчивость зачастую служитъ у сильныхъ натуръ маскою для скрывающейся за нею непоколебимой стойкости въ стремленіи къ предположеннымъ цѣлямъ, особенно же когда эти натуры не обладаютъ чрезмѣрно развитой совѣстливостью и считаютъ возможнымъ для себя говорить каждый разъ наиболѣе удобнымъ для нихъ языкомъ, нисколько не смущаясь происходящимъ отсюда

кажущимся отсутствіемъ послѣдовательности. Необходимо принять во вниманіе, что настоящій корсиканецъ является существомъ одновременно грубымъ и ласковымъ. Его легко иной разъ растрогать до слезъ, но зато порою ничѣмъ не проймешь. Онъ въ данный моментъ является эгоистомъ, а въ слѣдующую затѣмъ минуту щедрымъ до расточительности. При всемъ томъ характерной чертой корсиканца является стойкость въ стремленіи къ поставленной себѣ

Жозефина (Мари-Жозефъ-Розъ Таше де-ла-Пажери), впослѣдствіи французская императрица.

цѣли. Наполеонъ въ послѣдующее время не любилъ, чтобы его называли корсиканцемъ, но тѣмъ не менѣе былъ типическимъ представителемъ корсиканской расы. Презирая любовь, онъ охотно позволялъ заковывать себя въ ея цѣпи и, не смотря на властную непреклонность своего характера, оказывался, какъ говорила про него Жозефина, нѣжнѣе и уступчивѣе, чѣмъ это могло бы кому-

либо пригрезиться. Обсуждая его женитьбу, необходимо принять все это во вниманіе. Безъ сомнѣнія, въ ней имѣлись элементы безкорыстной романтической страсти, но въ то же время она заключала въ себѣ также достаточную примѣсь хитраго, разсчетливаго эгоизма. Въ суровомъ періодѣ юношества Наполеона отношенія его къ особамъ прекраснаго пола имѣли исключительно ребяческій, болѣзненный, или же безнравственный характеръ. Возмужавъ, онъ въ первое время обнаруживалъ болѣе стремленіе учиться, чѣмъ ухаживать за дѣвицами и дамами. Ставъ якобинцемъ, Буонапарте усердно старался заручиться доброжелательствомъ женщинъ, находившихся въ родственныхъ или близкихъ сношеніяхъ съ вліятельными вожаками партій, а въ качествѣ французскаго патріота, дѣятельно хлопоталъ о томъ, чтобы поправить свои дѣла выгодною женитьбой и, между прочимъ, несомнѣнно искалъ руки богатой красавицы Дезире Клари. Кажется даже, что онъ сватался за г-жу Пермонъ, которая, хотя и была ровесницей его матери, но обладала хорошимъ состояніемъ. Необходимо принять во вниманіе, что онъ находился тогда въ самомъ бѣдственномъ положеніи, изъ котораго богатая женитьба представлялась почти единственнымъ выходомъ. Получивъ отказъ, какъ отъ г-жи Пермонъ, такъ и отъ Дезире, генералъ Буонапарте до извѣстной степени упалъ духомъ и чувствовалъ себя очень скверно до тѣхъ поръ, пока одержанный имъ военный и политическій успѣхъ не вернулъ ему самоувѣренности, достаточной для того, чтобы еще разъ попытать счастья. Ставъ твердою ногою на лѣстницѣ честолюбія, онъ былъ не прочь обезпечить себѣ блестящей женитьбой возможность дальнѣйшаго подъема по этой лѣстницѣ, но въ то же время его сердце до такой степени жаждало тогда любви, что онъ оказывался особенно воспріимчивымъ къ искреннѣйшему страстному чувству.

Дѣйствительно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, что генералъ Буонапарте былъ влюбленъ,—влюбленъ до безумія. Въ 1779 году, когда кадеты бріеннской военной школы еще безпощадно приставали къ малорослому худощавому корсиканскому дикарю и заставляли его искать уединенія въ своемъ садикѣ, гдѣ онъ, читая Плутарха, забывалъ до извѣстной степени объ ихъ задираніяхъ и насмѣшкахъ, пріѣхалъ въ Парижъ съ острова Мартиники богатый тамошній плантаторъ, французскій дворянинъ хорошей фамиліи,—Таше-де-ла-Пажери. Онъ привезъ съ собою въ столицу также и свою дочь Жозефину, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, не отличавшуюся ни красотой, ни образованіемъ, но весьма уже зрѣлую для своихъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря живому уму и характеризующей креолокъ изящной гибкости движеній, она была до чрезвычайности привлекательна. Съ десятилѣтняго до четырнадцатилѣтняго возраста Жозефина воспитывалась въ Поръ-Рояльскомъ монастырѣ, а затѣмъ, проживъ всего лишь два года на родимомъ своемъ островѣ, должна была вступить въ бракъ, улаженный ея родственниками во Франціи. Ее выдавали замужъ за младшаго сына маркиза Богарне, одного изъ старин-

ныхъ друзей семьи. Невѣста прибыла во Францію 20-го октября, а свадьба состоялась 13-го декабря. Молодой виконтъ жилъ съ своею супругой въ Парижѣ въ весьма приличной обстановкѣ. У нихъ родилось двое дѣтей: Евгеній и Гортензія, но, еще до рожденія дочери, супруги поссорились другъ съ другомъ. Изъ-за чего

Бонапартъ закрываетъ клубъ Пантеона. (Рисунокъ Мирбаха).

именно произошла ссора въ точности неизвѣстно. Королевскій дворъ призналъ за г-жею де-Богарне право разойтись съ мужемъ и получать отъ него содержаніе. Спустя нѣсколько лѣтъ она вернулась на островъ. Мартинику къ отцу. Мужъ ея отправился въ Америку съ отрядомъ Буйле и оставался тамъ до тѣхъ поръ,

пока во Франціи не вспыхнула революція. Тогда онъ вернулся на родину и былъ выбранъ депутатомъ въ генеральные штаты. Маркизъ Богарне сдѣлался до того пламеннымъ республиканцемъ, что національное собраніе нѣсколько разъ выбирало его своимъ предсѣдателемъ. Его домъ былъ весьма вліятельнымъ центромъ тогдашней внутренней французской политики. Тесть маркиза, Таше де ла-Пажери, скончался въ 1790 году, и Жозефина съ своими дѣтьми вернулась во Францію, надо полагать, по просьбѣ мужа, такъ какъ немедленно пріѣхала къ нему въ помѣстье, гдѣ они и жили „какъ братъ и сестра“ до тѣхъ поръ, пока гражданина Богарне не назначили главнокомандующимъ рейнской арміей. Надвигались кровавые дни террора, когда всѣ граждане благороднаго происхожденія находились въ серьезной опасности. На генерала Богарне поданъ былъ тоже доносъ. Его засадили въ тюрьму и вскорѣ признали умѣстнымъ арестовать также его жену. Дѣти ихъ остались на попеченіи тетушки, г-жи Эгле, которая считалась передъ тѣмъ и впослѣдствіи вліятельной въ обществѣ великосвѣтскою дамой, но тогда временно вынуждена была искать покровительства у одного изъ старинныхъ своихъ знакомыхъ, прежняго аббата, сдѣлавшагося членомъ парижской коммуны. Сорокъ девять подозрѣваемыхъ вызваны были заразъ въ революціонный судъ, который оправдалъ всего лишь четырехъ изъ нихъ. Храбрый молодой генералъ не принадлежалъ къ числу оправданныхъ и былъ казненъ 23-го іюня 1794 года. Онъ умеръ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ и въ прощальномъ письмѣ къ женѣ объявилъ, что питаетъ къ нѣй братскую привязанность. Торжественно поручая ей заботу о своемъ добромъ имени, онъ просилъ ее не щадить ничего, чтобы доказать его преданность Франціи. У нея остаются въ утѣшеніе дѣти, которыя заглалятъ пятно его казни своими добродѣтелями и гражданскими доблестями...

Во время своего пребыванія въ тюрьмѣ, г-жа Богарне пріобрѣла себѣ тамъ очень пригодившуюся впослѣдствіи пріятельницу и подругу. Эта политическая арестантка, одаренная отъ природы несравненно богаче Жозефины, была рожденная де-Фонтенэ, носила потомъ фамилію Кабаррю, но болѣе всего извѣстна подъ именемъ г-жи Таліенъ. 9-е термидора спасло ихъ обѣихъ отъ гильотины. Въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ возрожденія жизнерадостнаго парижскаго веселья онѣ имѣли случай выказать себя, какъ говорится, лицомъ, и сдѣлались хотя до нѣкоторой степени вѣтренными, но несомнѣнно очень милыми „гражданками“. Вырвавшись изъ-за рѣшетокъ тюрьмы, г-жа Богарне и ея пріятельница расправили свои крылышки и начали порхать какъ настоящія бабочки. Жозефина была креолкой и рано достигла зрѣлости, а потому въ физическомъ отношеніи начинала уже отцвѣтать. Живость ума тоже перешла уже у нея черезъ свой зенитъ. По крайней мѣрѣ, сама Жозефина въ тогдашнихъ письмахъ утверждаетъ, будто чувствуетъ умственную усталость и затрудняется сосредоточивать на чемъ-либо вниманіе. Съ другой стороны, однако, въ тѣхъ же самыхъ письмахъ несомнѣнно просвѣчиваетъ остроуміе

и своеобразная дѣловитость. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы г-жа Богарне такъ коротко подружилась съ Баррасомъ, что эта короткость казалась довольно подозрительной. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей приходилось ежедневно вращаться въ обществѣ людей, пославшихъ ея мужа на гильотину. Она успѣшно занималась политическими и сердечными интригами, умѣла очаровательно кокетничать и одѣваться къ лицу и служила для нуждавшихся честолюбцевъ ловкою посредницей, ходатайствуя за нихъ у вліятельныхъ термидорцевъ. Разсказывая, что предпочитаетъ руководиться во всѣхъ случаяхъ не собственной своей, а болѣе могущественной волей, Жозефина не особенно заботилась о дѣтяхъ и о завѣщанномъ ей мужемъ возстановленіи добраго его имени. Она, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, выказывала такое же вѣтренное легкомысліе и отсутствіе всякихъ принциповъ, какимъ щеголяло тогдашнее безнравственное и жадное до наслажденій парижское общество. Друзья Жозефины считали ее, тѣмъ не менѣе, добросердечной и добродѣтельной женщиной. Какова бы ни была на самомъ дѣлѣ г-жа Богарне, по во всякомъ случаѣ она занимала видное мѣсто въ первомъ ряду веселой женской котеріи, устроившей у Барраса нѣчто вродѣ старинныхъ придворныхъ вечеровъ и собраній. Жозефина пользовалась тамъ вліяніемъ, которое подъ конецъ стало не совсѣмъ пріятнымъ безнравственному провансальскому дворянину, расплачивавшемуся за сумасбродную роскошь и кутежи, которые устраивала эта котерія. Очень можетъ быть, что именно такія сумасбродныя выходки томной креолки приходились Баррасу не по сердцу въ такой же степени, какъ впослѣдствіи Наполеону, когда онъ добился чести стать вторымъ ея мужемъ.

Первое свиданіе Наполеона съ Жозефиной представлялось ему самому событіемъ первостепенной важности. Наполеонъ дважды разсказываетъ, что вскорѣ послѣ обезоруженія секцій къ парижскому коменданту явился очаровательно красивый мальчикъ, весь въ слезахъ, просить о возвращеніи шпаги его отца. Просьба эта была выполнена, а на другой день мать очаровательнаго мальчика, г-жа Богарне, пріѣхала благодарить генерала за его снисходительность. Плѣненный чарующей ея прелестью, означенный генералъ сдѣлался съ тѣхъ поръ вѣрнымъ ея рабомъ. Холодный и безпристрастный біографъ Наполеона долженъ, однако, принять во вниманіе, что послѣ событій 5-го октября никакого обезоруженія секцій не происходило. Приписывая мятежъ главнымъ образомъ вліянію эмигрантовъ, Конвентъ ограничился лишь декретомъ, въ которомъ объявлялось, что эмигранты, вернувшіеся во Францію, не могутъ быть выбраны въ члены законодательныхъ совѣтовъ. Наполеонъ въ своемъ повѣствованіи приписываетъ судьбѣ то, чему онъ былъ въ дѣйствительности обязанъ дружбѣ Барраса. Весьма вѣроятно, что онъ охотно желалъ забыть фактъ этой дружбы, или, по крайней мѣрѣ, вычеркнуть его изъ своей автобіографіи. Кромѣ того, сохранилась составленная самимъ же Наполеономъ замѣтка, въ которой онъ сообщаетъ, что встрѣтился впервые

съ будущей своей женою въ домѣ Барраса. Это же подтверждаетъ и братъ Наполеона, Люсьенъ, въ своихъ мемуарахъ. Страстная любовь, которую возчувствовалъ генералъ Буонапарте къ г-жѣ де-Богарне не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это была весьма сложная эмоція, въ составъ которой входили не только искреннія чувства, но также и себялюбивые разсчеты. Люди, которымъ приходилось вращаться въ грубыхъ и сравнительно простыхъ жизненныхъ условіяхъ, зачастую чувствуютъ себя словно очарованными дивнымъ этикетомъ и таинственными условными формальностями великосвѣтскаго общества. Наполеонъ никогда не старался дѣлать видъ, будто усвоилъ себѣ уже по наслѣдству манеры этого общества. Онъ не ощущалъ потребности придать себѣ лживый поверхностный лоскъ, характеризовавшій обхожденіе старинной французской аристократіи, и не особенно интересовался доказываніемъ своего умѣнія состязаться въ легкой свѣтской болтовнѣ съ корифеями аристократическихъ салоновъ. Весьма вѣроятно, однако, что онъ считалъ великолѣпіе и сложный этикетъ старинаго дворянства, отъ которыхъ ему самому пришлось сначала вынести такъ много непріятностей, наилучшей и удобнѣйшей опорой престола.

Люсьенъ, присматривавшійся съ большимъ интересомъ къ житью-бытью своего брата, находилъ, что въ теченіе цѣлой зимы ухаживали скорѣе за Наполеономъ, игравшимъ положительно роль баловня счастья. Въ своихъ мемуарахъ Люсьенъ наивно спрашиваетъ, что сталъ бы дѣлать Наполеонъ въ Азіи, на службѣ англійской остъ-индской кампаніи, или ея враговъ (такъ какъ онъ помышлялъ и объ этой комбинаціи),—вообще, что сталъ бы онъ дѣлать безъ женской протекціи, въ могущество которой такъ непоколебимо вѣровалъ, если бы ему не удалось, подобно второму Магомету, отыскать себѣ Хадиджу, по меньшей мѣрѣ, десятью годами старше себя и, благодаря этой Хадиджѣ выступить сразу на приличествовавшемъ для него грандіозномъ поприщѣ. Въ разныхъ современныхъ документахъ встрѣчаются подтверждающіеся обстоятельствами дѣла намеки на то, что Баррасъ игралъ въ данномъ случаѣ роль легкаго свата. Сохранилось будто бы собственноручное письмо Жозефины, бросающее на сватовство Наполеона яркое освѣщеніе. Г-жа Богарне обращается къ кому-то изъ своихъ пріятельницъ съ просьбою дать ей добрый совѣтъ: слѣдуетъ-ли выходить замужъ за генерала Буонапарте, или нѣтъ? Разсказывая шутливымъ тономъ, что ея женихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ стремится стать отцомъ дѣтей и мужемъ вдовы Александра Богарне, Жозефина пускается въ насмѣшливый, но безпощадный анализъ собственнаго своего характера и объявляетъ, что, не чувствуя любви къ Наполеону, не питаетъ къ нему также и отвращенія. Можетъ-ли она при такихъ условіяхъ выполнить его желаніе и принять его предложеніе? „Я восхищаюсь мужествомъ генерала,—громадностью его свѣдѣній рѣшительно обо всемъ, выражающейся въ умѣньѣ увлекательно и авторитетно говорить на какую угодно тему,—восхищаюсь необыкновенной живостью и

проницательностью его ума, дозволяющей ему улавливать чужія мысли еще прежде, чѣмъ онѣ высказаны, но, признаюсь, что побаиваюсь власти, которую онъ, повидимому, во что бы ни стало хочетъ пріобрѣсти надъ всѣми окружающими. Въ дальновидной его проницательности есть что-то странное и непонятное, устрашающее даже членовъ директоріи. Можете представить себѣ поэтому, въ какой ужасъ долженъ онъ приводить меня, слабую женщину". Жозефину пугаетъ также и пламенная страсть ея жениха. Первая молодость для нея уже миновала. Вправѣ-ли она надѣяться на возможность сохранить себѣ эту страстную нѣжность, граничащую почти съ сумасбродствомъ? Что, если онъ вскорѣ перестанетъ ее любить и станетъ каяться въ томъ, что связалъ себя съ ней узами брака? Въ такомъ случаѣ единственнымъ ея прибѣжищемъ будутъ слезы. Это, разумѣется, печальный исходъ, но лучшаго она для себя не вправѣ предвидѣть! „Баррасъ объявилъ, что если я выйду замужъ за генерала, то онъ выхлопочетъ ему назначеніе главнокомандующимъ въ итальянскую армію. Вчера Бонапартъ, говоря объ этомъ назначеніи, которое, хотя еще и не состоялось, вызываетъ уже ропотъ среди его сотоварищей—генераловъ, сказалъ: „Неужели они думаютъ, что я нуждаюсь въ протекціи, чтобы пробить себѣ дорогу? Настанетъ день, когда они сочтутъ большимъ для себя счастьемъ возможность пользоваться моей протекціей! Я разсчитываю больше всего на свою саблю и знаю, что она меня выведетъ въ люди"! Что вы думаете о такой увѣренности въ успѣхѣ? Не служитъ-ли она доказательствомъ чрезмѣрнаго самомнѣнія? Какой-то бригадный генералъ позволяетъ себѣ толковать о томъ, что нынѣшніе вожди государства будутъ вскорѣ нуждаться въ его покровительствѣ! Не знаю, почему именно, но это смѣшное самомнѣніе дѣйствуетъ на меня такъ, что я начинаю считать возможнымъ для этого страннаго человѣка рѣшительно все, что ему заблагоразсудится. Между тѣмъ онъ обладаетъ до чрезвычайности пылкимъ воображеніемъ, не дозволяющимъ предвидѣть заранѣе его предпріятія и поступки". Письмо это, на которое часто ссылаются, до такой степени замѣчательно, что многіе считаютъ его позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ. Если оно дѣйствительно подложное, то все же позволительно приписать подлогъ самой Жозефинѣ.

„Божество", которому удалось возжечь такой пламень въ сердцѣ Наполеона, было на самомъ дѣлѣ шестью годами старше своего жениха. Находя Жозефину на десять лѣтъ старше Наполеона, Люсьенъ свидѣтельствуетъ этимъ, что она казалась старѣе своихъ лѣтъ. У нея не было состоянія, хотя она и съумѣла въ качествѣ ловкой женщины устраиваться такъ, что генералъ Буонапарте могъ думать, будто она располагаетъ большими средствами. У нея не было также и соціальнаго положенія. Ея салоны, правда, посѣщались родовитыми и вліятельными людьми, но жены ихъ тамъ не бывали. Даже домъ, гдѣ жила г-жа Богарне, пользовался сомнительной репутаціей. Онъ былъ подаренъ женѣ Тальмы однимъ изъ ея любовниковъ, а затѣмъ пріобрѣтенъ Баррасомъ,

который временно уступилъ его Жозефинѣ. У нея были жидкіе темнорусые волосы, не слишкомъ свѣжій, но и не вполнѣ еще полинявшій цвѣтъ лица, выразительные глазки, маленькій вздернутый носикъ, хорошенькій ротикъ и голосъ, очаровывавшій всѣхъ слушателей. Роста она была ниже средняго, но, благодаря замѣчательной пропорціональности сложенія, производила впечатлѣніе высокой и стройной дамы. Тогдашній модный костюмъ почти не скрывалъ прирожденныхъ ея прелестей. Онъ сдерживался въ таліи единственно только поясомъ, почти совершенно обнажая плечи и хорошенькія ножки. Сколько можно судить, впрочемъ, генерала Буонапарте очаровали не одни только физическія преимущества Жозефины. Ему нравились въ ней также изящество и аристократичность манеръ. По его собственнымъ словамъ, все ея обращеніе дышало спокойствіемъ и достоинствомъ, напоминавшими времена прежняго режима.

Въ точности неизвѣстно, какія именно побудительныя причины заставили Жозефину преодолѣть имѣвшіяся у нея возраженія противъ брака съ Наполеономъ. Быть можетъ, она руководилась любовью къ приключеніямъ,—или пробуждавшимся честолюбивымъ стремленіемъ къ успѣхамъ на иномъ поприщѣ, тѣмъ болѣе желательнымъ, что она сознавала себя уже состарѣвшейся. Ей было извѣстно, что у генерала Буонапарте нѣтъ за душою ни гроша, но она знала также изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ, что, выходя за него замужъ, доставитъ ему высокое положеніе и богатство. Какъ бы ни было генералъ, поставившій себѣ цѣлью завоевать ея руку и сердце, велъ зимнюю свою кампанію очень успѣшно и къ концу января мѣсяца имѣлъ уже полную увѣренность въ побѣдѣ. Любовныя его посланія, судя по сохранившемуся ихъ образчику, были столь же краснорѣчивы, какъ и приказы по арміи, которые вскорѣ начали такъ сильно электризовать его войска и всю Францію. „Я проснулся, полный тобою,—пишетъ онъ.—Твой портретъ и опьяняющее очарованіе прошлаго вечера не давали моимъ чувствамъ покоя. Милая, несравненная Жозефина, какимъ страннымъ и могучимъ вліяніемъ обладаете вы надъ моимъ сердцемъ! Если вы сердитесь, если я вижу васъ печальной. если вамъ отчего либо не по себѣ... моя душа томится горемъ и вѣрный вашъ другъ не находитъ себѣ ни минуты покоя! Но развѣ могу я чувствовать себя покойнѣе, когда, уступая непреодолимому желанію, вызываю изъ вашихъ устъ,—изъ вашего сердца пожирающее меня пламя? Вотъ хотя бы сегодня ночью: какъ горько я сознавалъ, что вашъ портретъ все-таки же не вы сами! Ты встаешь въ полдень—значитъ, черезъ три часа я тебя опять увижу. Тѣмъ временемъ mio dolce amor шлю тебѣ тысячу поцѣлуевъ, ты же не цѣлуй меня, такъ какъ твои поцѣлуи вызываютъ во мнѣ жгучее пламя“. Не правда-ли, какая искренная пылкая страсть? „Ты“ и „вы“ безпорядочно перемѣшаны другъ съ другомъ; грамматическія формы не вездѣ отличаются желательной правильностью, но все письмо проникнуто такою мощью обожанія,

которая неизбѣжно должна удовлетворить даже и самую требовательную женщину.

9-го февраля 1796 года заявлено было въ мэріи о предстоящемъ бракосочетаніи гражданина Буонапарте съ вдовою Богарне. 2-го марта женихъ получилъ уже приданое въ формѣ своего назначенія главнокомандующимъ итальянскою арміей. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что назначеніе это состоялось по предложенію не Барраса, а Карно, и притомъ на имя генерала Буонапарте. 7-го марта новому главнокомандующему вручены всѣ необходимые документы, 9-го исполненъ обрядъ гражданскаго бракосочетанія, 11-го же, — молодой супругъ отправился уже къ своему посту. Въ брачномъ свидѣтельствѣ женихъ показываетъ себѣ 28 лѣтъ отъ роду, тогда какъ въ дѣйствительности ему было всего 27, невѣста же вмѣсто законныхъ 33 лѣтъ признается въ неполныхъ 29. Она подписалась рожденная Деташе, а онъ—Бонапартъ. Такимъ образомъ, начиная новую карьеру и воздымаясь въ новыя, высшія сферы дѣятельности, Наполеонъ отрекся отъ Корсики и корсиканскаго своего имени, подобно тому, какъ передъ тѣмъ отрекся отъ якобинства. Бракосочетаніе совершено было очень скромно и, можно сказать, имѣло болѣе чѣмъ слѣдуетъ интимный характеръ, такъ какъ на немъ не присутствовалъ никто изъ родственниковъ жениха и невѣсты. Мать Наполеона была до чрезвычайности раздражена его женитьбой и предсказывала, что при такой разницѣ въ лѣтахъ между супругами бракъ непремѣнно останется безплоднымъ.

Во время свадьбы можно было бы подмѣтить еще и другое зловѣщее предвѣщаніе, на которое, впрочемъ, не обратили тогда никакого вниманія. На обручальномъ кольцѣ были вырѣзаны слова Au destin (Судьбѣ). Въ этихъ многозначительныхъ словахъ высказывался цѣлый планъ дѣйствій, котораго Наполеонъ держался потомъ всегда совершенно открыто съ предвзятымъ намѣреніемъ обмануть не только Жозефину, но и весь остальной міръ. Женихъ, вручившій это кольцо своей невѣстѣ, собирался играть новую роль „человѣка судебъ“ и стараться такимъ образомъ вліять на воображеніе и суевѣріе современниковъ. Иногда ему случалось на мгновеніе забывать эту роль и тогда изъ подъ маски человѣка судебъ выглядывалъ хитрый, разсчетливый, неутомимый труженикъ, который былъ скорѣе не фаталистомъ, а олицетвореннымъ фатумомъ,—не баловнемъ Фортуны, а творцомъ и созидателемъ ея. „Великія событія,—писалъ онъ вскорѣ по своемъ прибытіи въ Италію,—висятъ всегда, если можно такъ выразиться, на волоскѣ. Ловкій человѣкъ пользуется рѣшительно всѣмъ, не пренебрегая ничѣмъ, что могло бы увеличить его шансы успѣха; менѣе ловкій не обращаетъ иной разъ вниманія на который-нибудь изъ этихъ шансовъ и вслѣдствіе этого губитъ все“. Въ этихъ словахъ высказывается философская подкладка всей жизни Бонапарта. Если ему и случалось говорить совершенно искренно что-нибудь иное, то единственно лишь потому, что онъ не нахо-

дилъ болѣе подходящаго выраженія для тѣхъ психическихъ своихъ факторовъ, которые соотвѣтствовали у другихъ людей романтическому настроенію.

Главнокомандующій съ своимъ адъютантомъ благополучно прибылъ въ Марсель. Прибытію этому давно уже предшествовали извѣстія о блестящей карьерѣ Наполеона, вслѣдствіе чего домъ г-жи Буонапарте стали посѣщать многіе изъ самыхъ выдающихся и наиболѣе честолюбивыхъ людей южной Франціи. Элизѣ исполнилось двадцать лѣтъ. За нею очень ухаживали, но она выказывала очевидное предпочтеніе молодому небогатому корсиканцу Пасколе Баччіоки, за котораго потомъ и вышла замужъ. Шестнадцатилѣтняя Полина была настоящей красавицей и занималась серьезнымъ флиртомъ съ Фрерономъ, который, не попавъ въ Совѣтъ Пятисотъ, былъ назначенъ въ Марсель на выгодную, но невліятельную должность департаментскаго комиссара. Младшая изъ сестеръ, Каролина, обѣщала со временемъ сдѣлаться еще очаровательнѣе Полины. Наполеонъ остановился на нѣсколько дней у матери для того, чтобы уладить семейныя дѣла и по возможности разсѣять неудовольствіе Летиціи. 22-го марта онъ прибылъ въ главную квартиру итальянской арміи. Онъ принялъ начальство надъ этой арміей безъ особой торжественности, но съ соблюденіемъ должнаго церемоніала. Краткое донесеніе директоріи, сообщавшее объ этомъ важномъ событіи, было подписано: „Бонапартъ“. Корсиканскій дворянинъ ди-Буонапарте успѣлъ уже совершенно превратиться во французскаго генерала Бонапарта. Превращеніе это шло долгимъ и труднымъ путемъ. Изъ честнаго корсиканскаго патріота выработался продажный космополитъ, готовый служить въ качествѣ искуснаго артиллерійскаго офицера гдѣ угодно и подъ какимъ угодно знаменемъ. Этотъ космополитъ превратился за послѣднее время въ французскаго либерала и революціонера. До сихъ поръ въ каждой изъ своихъ ролей Наполеонъ оставался вѣренъ самому себѣ. Теперь ему предстояло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставаться искреннимъ французскимъ патріотомъ, разумѣется, не упуская при этомъ изъ вида личнаго своего интереса. Затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода событій, въ немъ снова начался процессъ преобразованія. „Ловкій“ человѣкъ, пользуясь всѣми представлявшимися ему благопріятными случаями, обратился снова въ космополита, но уже не въ воина, а въ государственнаго дѣятеля. Это уже не наемный слуга, а „imperator universalis“, для котораго одна Франція оказывается слишкомъ тѣсной. Онъ принимаетъ рѣшеніе объединить еще разъ всѣхъ западныхъ христіанъ и, подобно германцу Карлу Великому, жившему за тысячу лѣтъ до него, отождествить границы имперіи и западнаго христіанства. Основой могущества этой имперіи долженъ былъ служить, однако, не тевтонскій, а латинскій элементъ. Центръ ея тяжести долженъ былъ лежать не въ Германіи, а во Франціи. Воплощеніемъ ея величія предполагалось сдѣлать не Вѣчный Городъ, а Парижъ. Всемірная имперія не задавалась цѣлью содѣйствовать установленію царства Божія на землѣ во славу Всевыш-

няго. Она должна была представлять собою искусную систему государственнаго равновѣсія во славу наполеоновской династіи,— равновѣсія, благодѣтельнаго для всѣхъ, а по тому самому устойчиваго.

Первые шаги великаго полководца.

Европа и директорія.—Бонапартъ на аренѣ, соотвѣтствующей его талантамъ.—Завоеваніе Піемонта и Миланской области.—Непокорный освободитель.—Военная дипломатія въ Средней Италіи.—Борьба за Мантую.—Арколе.

Европа и директорія.

Образовавшаяся противъ Франціи въ 1793 году грозная европейская коалиція обладала сравнительно слабою внутренней связью. Уже въ 1795 году Пруссія, Испанія и Тоскана, вслѣдствіе причинъ, о которыхъ было упомянуто въ предшествовавшей главѣ, отстали отъ коалиціи и постарались заключить съ Франціей миръ на возможно выгодныхъ для себя условіяхъ. Что касается до Голландіи, то она завоевана была зимою съ 1794-го на 1795-ый годъ. Въ дѣтскихъ книжкахъ для первоначальнаго чтенія, принятыхъ въ качествѣ учебныхъ пособій для школъ нынѣшней французской республики, помѣщена картинка, показывающая, какимъ образомъ французскіе гусары овладѣли тогда голландскимъ флотомъ. Дѣло въ томъ, что тогдашняя зима отличалась неслыханными холодами. Сѣверное море, у береговъ, покрылось льдомъ и корабли, стоявшіе въ портахъ, замерзли тамъ, такъ что были не въ состояніи сколько-нибудь успѣшно сопротивляться французской кавалеріи, совершенно свободно маневрировавшей по льду. Свободная Батавская республика, какъ называлась теперь Голландія, фактически принадлежала Франціи. Австрія и Англія были такимъ образомъ покинуты могущественнѣйшими изъ своихъ союзниковъ, но, несмотря на это, оставались для республиканской Франціи все еще грозными врагами. Англія, захвативъ себѣ преобладаніе на моряхъ, парализовала морскую торговлю Франціи и въ то же время, уплачивая субсидіи роялистамъ, поддерживала безпорядки и междуусобицу на французской территоріи. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ дѣятельность ея оказывалась успѣшной. Британскіе

Бонапартъ въ 1796 году, въ мундирѣ главнокомандующаго итальянской арміей.

флоты являлись словно вездѣсущими. Изъ года въ годъ повторялись возстанія шуановъ и въ Вандеѣ. Вооруженные отряды подъ предводительствомъ эмигрантовъ угрожали со всѣхъ сторонъ вторгнуться во Францію. Австрія, въ свою очередь, задавалась иными цѣлями. Потерпѣвъ въ Семилѣтней войнѣ пораженіе и лишившись Силезіи, которую Фридрихъ Великій присоединилъ къ протестантской Пруссіи, попавшей, благодаря ему, въ великія державы, Австрія находила, что политическое равновѣсіе нарушено ей во вредъ и серьезно подумывала о томъ, нельзя-ли будетъ возстановить прежнее свое вліяніе соотвѣтственными территоріальными пріобрѣтеніями. Императоръ Францъ II и хитрый его министръ Тугутъ рѣшили во что бы ни стало заручиться такимъ пріобрѣтеніемъ и выхватить себѣ лакомый кусочекъ изъ кипящаго котла войны съ революціонерами. Они помышляли о вознагражденіи въ Баваріи, Польшѣ, Турціи, а также, и даже въ особенности, въ Италіи. Венеціанская республика доживала тамъ, казалось, свой вѣкъ, а великолѣпныя ея владѣнія на материкѣ могли несомнѣнно съ лихвою замѣнить Силезію. Что касается до Россіи, то она считала для себя выгоднымъ ослабленіе какъ Турціи, такъ и средне-европейскихъ державъ, а потому не считала нужнымъ противодѣйствовать австрійской политикѣ.

Колоссальныя для тогдашнихъ временъ арміи французской республики создалъ Карно при содѣйствіи искуснаго своего помощника Дюбуа де-Крансе. Организація этихъ армій и общее управленіе ихъ дѣйствіями были дѣломъ одного Карно. Французскія войска, являясь первыми еще въ Европѣ народными арміями, превосходили всѣ другія чувствомъ любви къ отчизнѣ, въ основѣ котораго лежалъ не одинъ только инстинктъ, но также и сознательный принципъ. Онѣ охотно сражались за установленіе, подтвержденіе и расширеніе человѣческихъ правъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій ихъ патріотизмъ, вскормленный теоріями Руссо, выдвинулъ на первый планъ его-же теорію необходимости заручиться естественными границами. По вопросу объ естественныхъ границахъ не обнаруживалось у французовъ ни малѣйшаго разногласія. Всѣ они находили, что Ницца, Савойя и западный берегъ Рейна должны принадлежать Франціи. Относительно того, что лежало внѣ черты французскихъ естественныхъ границъ, мнѣнія были раздѣлены. Нѣкоторые считали умѣстнымъ продолжать войну съ цѣлью вооруженной пропаганды республиканскихъ принциповъ, другіе же, оказывавшіеся въ значительномъ большинствѣ, относились равнодушно къ подобной пропагандѣ, или даже утверждали, что народъ вправѣ сражаться лишь за пріобрѣтеніе себѣ естественной границы. Это послѣднее воззрѣніе находило могущественную поддержку въ общемъ желаніи мира, постепенно охватывавшемъ всю Францію.

Никакой еще народъ не приносилъ такихъ жертвъ дѣлу свободы, какія приносили французы. Въ продолженіе многихъ лѣтъ терпѣли они съ суровой рѣшимостью голодъ и въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній организмъ ихъ не могъ поправиться отъ

вынесенныхъ тогда лишеній, вслѣдствіе чего сложилась даже поговорка: „Худощавъ, какъ французъ". Болѣе столѣтія находились они подъ гнетомъ системы, противной ихъ духу и характеру, а именно—системы абсолютизма поддерживавшейся заграничными войнами и заигрываніемъ съ національнымъ тщеславіемъ. Теперь французское народное хозяйство казалось въ концѣ подорваннымъ. Казначейство обанкротилось,—ассигнаціи были обезцѣнены,—земледѣліе и промышленность парализованы, а заграничная тор-

Бонапартъ на пути изъ Парижа въ Ниццу пишетъ почти съ каждой почтовой станціи посланіе Жозефинѣ.

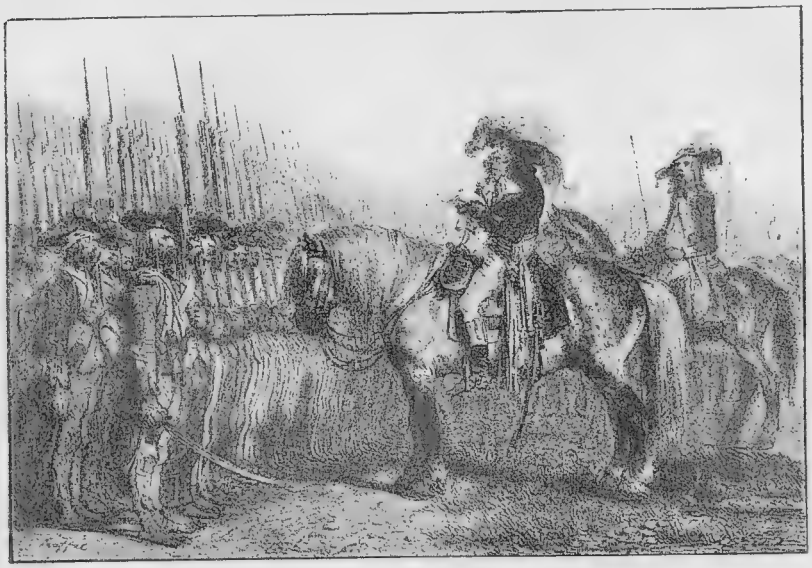
говля—совершенно прекратилась. Зато французы обезпечили себѣ гражданскую и политическую свободу. Солдаты ихъ были плохо накормлены, плохо одѣты и плохо вооружены, но сознавали себя свободными людьми и подчинялись дисциплинѣ такъ, какъ это возможно единственно лишь свободнымъ людямъ. Отчего бы, казалось, имъ не одерживать такихъ же блестящихъ успѣховъ въ мирной промышленности, какъ и въ удачныхъ войнахъ, которыя они вели съ такою для себя славою? Ввиду всего этого, какъ въ самой Франціи, такъ и среди ея правительства, образовалась вліятельная партія, требовавшая заключенія мира, съ тѣмъ, однако, чтобы этотъ миръ обезпечилъ Франціи естественныя ея границы. Другая, весьма малочисленная, впрочемъ, партія считала заключеніе мира желательнымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы націи пришлось довольствоваться прежними границами.

Подобная благоразумная и умѣренная политика оказывалась невозможной по двумъ причинамъ. Радикальная группа республиканцевъ, одержавшая 13-го вандемьера побѣду, все еще оставалась у кормила правленія и завѣдывала всѣмъ административнымъ механизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на кажущееся торжество умѣренныхъ принциповъ, роялисты оставались по прежнему непримиримыми. При такихъ обстоятельствахъ можно было до извѣстной степени сдерживать внутреннія безпорядки единственно лишь наступательной внѣшней политикой, способной внушить мятежнымъ элементамъ преувеличенное понятіе о могуществѣ правительственной власти. Естественно, что пребывавшая въ Парижѣ центральная администрація лѣзла, какъ говорится, изъ кожи вонъ, дабы хоть кое-какъ накормить, одѣть и обуть выставленныя ею арміи и уплатить имъ хоть часть жалованья. Пока эти арміи будутъ еще въ состояніи двигаться и сражаться, Франція не перестанетъ довѣрять могуществу директоріи.

Эта директорія оказывалась далеко не однородной. Сомнительно, былъ-ли Баррасъ искреннимъ республиканцемъ и вообще имѣлись-ли у него какія-либо искреннія стремленія, кромѣ пламеннаго желанія держаться на поверхности и не упускать изъ рукъ пирога, до котораго ему удалось дорваться. Многіе полагали, будто онъ, надѣясь на возстановленіе монархіи, разсчитывалъ, что республика не замедлитъ опротивѣть народу нескончаемыми своими смутами и неурядицами. Дружескія его чувства къ генералу Буонапарте тоже наврядъ-ли были совершенно искренними. Онъ, несомнѣнно, желалъ обезпечить государству на случай возможнаго кризиса поддержку такого способнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ расположенъ пользоваться Наполеономъ, какъ орудіемъ, для достиженія собственныхъ цѣлей. Вліяніе Барраса обусловливалось слѣдующими фактами: Онъ былъ сторонникомъ Дантона,—служилъ при прежнемъ режимѣ во флотѣ, а потому его назначили главнокомандующимъ внутренней арміей, когда надлежало усмирить мятежъ парижскихъ секцій. Воспользовавшись обаяніемъ побѣды, одержанной Бонапартомъ, онъ являлся единственнымъ представителемъ директоріи въ веселье и кутежахъ, стремленіе

къ которымъ охватило тогдашнее парижское общество. Пристрастіе къ роскоши и сластолюбію дѣлало его, какъ нельзя болѣе, пригоднымъ для этой роли, тогда какъ остальные члены директоріи были строгими, скромными и бережливыми республиканцами.

Главнымъ сторонникомъ Барраса въ директоріи оказывался Ревбелль,—энергическій эльзасецъ,—искренній демократъ, восторженно преданный дѣлу революціи и стремившійся ее пропагандировать. Онъ былъ самъ не французъ, а нѣмецъ, и полагалъ, что германскія страны: Голландію, Швейцарію и Германію должно включить въ сферу революціоннаго движенія. Баррасу не нравилась новая конституція, такъ какъ онъ желалъ продленія внутреннихъ безпорядковъ, способныхъ помочь осуществленію его



Приказъ по арміи: «Нижне-луарскія батальонъ за отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ получаетъ по парѣ деревянныхъ башмаковъ на человѣка».
(Съ литографіи Раффе).

орлеанистскихъ цѣлей и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить ему ловлю рыбы въ мутной водѣ. Ревбеллю конституція эта тоже не нравилась, но по иной причинѣ. Онъ находилъ ее безтолковой и непрактичной, такъ какъ она чрезмѣрнымъ раздробленіемъ власти слишкомъ ослабляла таковую. Онъ преимущественно занимался финансовой частью администраціи и его подозрѣвали (впрочемъ, совершенно несправедливо) въ противузаконныхъ сдѣлкахъ съ биржевыми игроками и съ поставщиками для арміи. Ларевельеръ былъ тоже доктринеромъ и притомъ, по сравненію съ Ревбеллемъ, крайнимъ теоретикомъ. Онъ принадлежалъ къ жирондистской группѣ, принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новой конституціи и былъ добропорядочнымъ гражданиномъ, но ему недоставало практическаго здраваго смысла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ

питалъ къ католической церкви чисто фанатическую ненависть, и подобно Робеспьеру, хотѣлъ не только упразднить христіанство, но и замѣнить его религіей разума и гуманности. Четвертый членъ директоріи, Летурнеръ, бывшій инженерный офицеръ, пользовался заслуженной репутаціей весьма здравомыслящаго, прямодушнаго и стойкаго человѣка. Искренній республиканецъ, онъ отличался большою терпимостью къ чужимъ убѣжденіямъ. Въ дѣйствительности Летурнеръ былъ умѣреннымъ республиканцемъ, подобно своему пріятелю Карно, съ которымъ впослѣдствіи, когда директорія окончательно распалась на двѣ непримиримыхъ группы, онъ постоянно вотировалъ въ меньшинствѣ двухъ противъ остальныхъ трехъ директоровъ.

Извѣстный аббатъ Сіейсъ могъ бы тоже попасть въ члены директоріи. Это былъ несомнѣнно умный, ловкій интриганъ, вродѣ Бонапарта, которому онъ, впослѣдствіи, и оказалъ весьма существенныя услуги. Знаменитый памфлетъ, которымъ Сіейсъ въ 1789 году блистательно доказалъ, что третье сословіе олицетворяло собою ни болѣе, ни менѣе, какъ весь французскій народъ, побудилъ многихъ считать его радикаломъ. Съ теченіемъ времени онъ пріобрѣлъ громадный авторитетъ. Его признавали настоящимъ оракуломъ, и онъ пользовался величайшимъ вліяніемъ даже при террорѣ, предотвратить который ему не удалось, хотя онъ относился къ его ужасамъ съ гадливымъ отвращеніемъ. Каковы бы ни были первоначальныя убѣжденія Сіейса, онъ, вскорѣ послѣ 13-го вандемьера, былъ, по крайней мѣрѣ, одно время орлеанистомъ и стоялъ во главѣ партіи, которая, не желая возвращенія къ строго-наслѣдственной абсолютной монархіи, видѣла въ сынѣ Филиппа Эгалите человѣка, достойнаго возсѣдать на престолѣ конституціонно монархической Франціи. Быть можетъ, по этой причинѣ, а можетъ быть, и по той, на которую онъ сослался, заявивъ, что не считаетъ новую конституцію достаточно пригодной для Франціи, онъ наотрѣзъ отказался отъ предложенія вступить въ директорію.

Взамѣнъ этого опаснаго интригана и доктринера назначили директоромъ Карно. Онъ былъ тогда какъ разъ въ цвѣтѣ лѣтъ, такъ какъ ему шелъ лишь сорокъ третій годъ. Въ немъ воплощались всѣ умѣренные, здоровые, а по тому самому прочные элементы французской республики. Онъ былъ серьезнымъ ученымъ и его трактатъ о метафизикѣ исчисленія безконечно малыхъ представляетъ собою цѣнный вкладъ въ философію математики. Онъ служилъ съ большимъ отличіемъ въ инженерномъ вѣдомствѣ, а въ качествѣ военнаго министра выказалъ себя первокласснымъ организаторомъ и стратегомъ. Высшею для себя цѣлью онъ считалъ, однако, быть образцовымъ французскимъ гражданиномъ. Дѣйствительно, онъ являлся образцовымъ сыномъ, мужемъ и отцомъ, а въ публичной своей дѣятельности совершенно искренно стремился къ осуществленію высшихъ идеаловъ XVIII столѣтія. Подобно Чэтэму, онъ презиралъ духъ партій, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался до такой степени пламеннымъ республиканцемъ, что

въ случаѣ надобности готовъ былъ мириться для блага Франціи съ самымъ ненавистнымъ ему человѣкомъ, или самой ненавистной партіей. При всякой формѣ правленія во Франціи, Карно остался бы любящимъ сыномъ своей родины, но тѣмъ не менѣе завѣтною его мечтой было видѣть Францію обновленной евангеліемъ гуманности и пробудившейся къ неустанной дѣятельности благодаря равенству всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ взаим-

Членъ директоріи
Шарлъ-Лун-Франсуа-Онорэ Летурнеръ.
(Съ портрета, писаннаго Дезоріемъ, въ Версальскохъ музеѣ).

ное чувство братской любви долженствовало объединить всѣхъ гражданъ узами великодушнаго самоотверженія, фактически устраняющаго необходимость въ карательныхъ мѣрахъ правосудія.

При всемъ этомъ Карно нельзя было назвать мечтателемъ. Засѣдая въ національномъ собраніи, онъ выказалъ себя такимъ практичнымъ и здравомыслящимъ знатокомъ въ вопросахъ, относившихся до военнаго дѣла, обсужденіе которыхъ избралъ своей

спеціальностью, что въ 1793 году Комитетъ общественной безопасности поручилъ ему верховный контроль надъ военнымъ вѣдомствомъ. Всѣ прежніе порядки въ этомъ вѣдомствѣ подверглись коренному преобразованію. Право на производство въ чины и занятіе высшихъ должностей обусловливалось уже не происхожденіемъ, или даже выслугой лѣтъ, а единственно только отличіемъ. Конскрипція доставляла въ ряды французской арміи цѣлыя орды рекрутъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о военномъ ремеслѣ и своей многочисленностью приводившихъ въ изумленіе Европу. На обязанности Карно лежала организація и обученіе всей этой массы сырого матеріала. Онъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы хотя какъ-нибудь одѣть и накормить толпы вооруженнаго народа, придумать для нихъ по возможности безхитростную новую тактику и выработать для созданныхъ такимъ образомъ четырнадцати грозныхъ армій соотвѣтственные военные планы, обезпечивавшіе возможность совмѣстнаго дѣйствія. При Карно выдвинулись впервые молодые генералы на самые выдающіеся посты. Благодаря его поддержкѣ, начальство надъ французскими войсками поручено было плеядѣ способныхъ воиновъ, такъ долго изумлявшихъ Европу своими подвигами. Моро, Макдональдъ, Журданъ, Бернадоттъ, Клеберъ, Мортье, Ней, Пишегрю, Дезэ, Бертье, Ожеро и самъ Бонапартъ, всѣ они были порожденіемъ системы Карно. Онъ являлся истиннымъ творцомъ армій, превративъ на нѣкоторое время Европу въ данницу Франціи.

Карно жилъ въ такую эпоху, когда низменныя стороны характеровъ сплошь и рядомъ проявлялись во всей наготѣ, но съумѣлъ сохранить свое доброе имя незапятнаннымъ. Онъ выступилъ на поприще общественной дѣятельности еще при прежнемъ режимѣ, написавъ и обнародовавъ похвальное слово Вобану, когда этотъ знаменитый инженеръ подвергся опалѣ за гражданское мужество, съ которымъ высказалъ истину королю Людовику XIV. Приглашенный къ участію въ управленіи государствомъ, Карно отстаивалъ національные французскіе интересы, нелицепріятную справедливость внутренней администраціи и стойкое мужество въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Въ бытность военнымъ министромъ онъ однажды счелъ долгомъ покинуть свой постъ и поспѣшить въ Мобежъ, гдѣ арміи Журдана грозило пораженіе. Тамъ онъ придумалъ на мѣстѣ новый планъ дѣйствій для этой арміи, лично руководилъ побѣдоноснымъ его выполненіемъ и вернулся въ Парижъ, чтобы вдохновить народъ и войска извѣстіями о побѣдѣ. Все это казалось ему самому лишь обыденнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, выставлять которыя на видъ не было ни малѣйшаго основанія. Робеспьеру не разъ случалось болѣзненно ежиться подъ бичемъ ѣдкой ироніи Карно, котораго онъ охотно послалъ бы на гильотину, если бы у него хватило на это смѣлости. Послѣ термидорскихъ событій имѣлось сперва въ виду казнить, за исключеніемъ Карно, всѣхъ членовъ правительства, допускавшихъ кровавый режимъ террора. Карно воспрепятствовалъ этому, вставъ съ своего мѣста и объявивъ, что дѣйствовалъ

за одно съ товарищами, раздѣляя вмѣстѣ съ ними убѣжденіе въ невозможности спасти отчизну иными средствами, а потому долженъ раздѣлить ихъ участь.

Со вступленіемъ въ дѣйствіе новой конституціи Карно имѣлъ случай обнаружить величайшую терпимость по отношенію къ политическимъ принципамъ, которые лично не раздѣлялъ. Эта терпимость придаетъ еще болѣе рельефный оттѣнокъ благородству, съ которымъ онъ объявлялъ о своей солидарности съ товарищами въ суровыхъ мѣрахъ, запятнавшихъ царство террора. Слава французскаго оружія за послѣдній годъ нѣсколько омрачилась. Карно задался цѣлью возстановить ее сперва въ полномъ блескѣ, а затѣмъ заключить почетный миръ, который дозволилъ бы Франціи расцвѣсти обновленной жизнью подъ эгидой новыхъ своихъ доброжелательныхъ и разумныхъ законовъ. Если бы онъ былъ облеченъ диктаторской властью, то, безъ сомнѣнія, выполнилъ бы эту трудную задачу, но, оставаясь съ Летурнеромъ въ меньшинствѣ двухъ противъ трехъ директоровъ, онъ не могъ проводить своихъ возрѣній и, въ вопросахъ, касавшихся общаго управленія государственными дѣлами, вынужденъ былъ уступать такому проходимцу, какъ Баррасъ, который съумѣлъ привлечь на свою сторону обоихъ доктринеровъ: Ревбеля и Ларевельера-Лепо. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи объ единствѣ исполнительнойвласти, столь необходимомъ для успѣшнаго ея функціонированія.

Искушеніе.
(Съ литографіи Раффе).

Въ началѣ 1796-го года положеніе Франціи оставалось поэтому до чрезвычайности затруднительнымъ, а правительственныя ея учрежденія оказывались въ своихъ основахъ болѣе чѣмъ когда либо шаткими. Между высшими представителями исполнительной власти обнаруживалась непримиримая рознь, не предусмотрѣнная конституціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ не было никакихъ способовъ къ разрѣшенію на законной почвѣ конфликтовъ между исполнительной и законодательной властью, которая, въ свою очередь, не могла считаться дѣйствительной представительницей народа. Въ каз-

начействѣ не было денегъ, голодъ свирѣпствовалъ всюду, администрація фактически не существовала. Войска упали духомъ отъ предшествовавшихъ неудачъ и неполученія слѣдовавшаго имъ жалованья. Для голодающихъ армій немыслимо строгое соблюденіе дисциплины, а между тѣмъ временной ея упадокъ подорвалъ нравственный духъ республиканскихъ войскъ. При всемъ томъ для спасенія конституціи надлежало отвлечь вниманіе общественнаго мнѣнія отъ внутреннихъ государственныхъ дѣлъ побѣдами надъ внѣшнимъ врагомъ. Для этого слѣдовало отыскать какія-либо денежныя средства для покрытія настоятельнѣйшихъ надобностей армій и правительства, заставить германскаго императора уступить Франціи рейнскую границу. Обезпечивъ Франціи естественныя границы и заключивъ миръ съ своими врагами на материкѣ Европы, республика могла бы надѣяться на успѣхъ также и въ борьбѣ съ Англіей.

Бонапартъ на аренѣ, соотвѣтствующей его талантамъ.

Неизбѣжно предстоявшая борьба имѣла для Франціи характеръ азартной игры, въ которой ставкой являлось національное ея существованіе. Многіе смутно сознавали поэтому, что въ такой борьбѣ дозволительно прибѣгать къ революціоннымъ мѣрамъ не только въ дѣлѣ снабженія войскъ продовольствіемъ и управленія дѣйствіями армій, т. е. въ вопросахъ высшей стратегіи, которые предстояло такъ или иначе разрѣшать Франціи, но также и по отношенію къ ея собственному государственному строю и къ другимъ европейскимъ націямъ. Чтобы оказаться дозволительными, такія мѣры должны были, однако, являться цѣлесообразными, а въ то же время неожиданными и радикальными. Въ чемъ именно надлежало имъ состоять? Эдипъ, способный разрѣшить для Франціи эту загадку, долженъ былъ стать властелиномъ ея судебъ. Такимъ именно Эдипомъ и оказался Бонапартъ. Какое значеніе, спрашивается, имѣли широковѣщательныя слова приказа по арміи, отданнаго имъ въ Ниццѣ 27-го марта 1796-го года и столь могущественно отозвавшіяся среди голодавшихъ французскихъ храбрецовъ и въ ушахъ изумленнаго міра? „Солдаты, вы наги и васъ кормятъ впроголодь. Правительство много вамъ задолжало и не въ состояніи ничего вамъ уплатить. Долгія ваши страданія,—мужество, выказываемое вами среди этихъ утесовъ, несомнѣнно блестящи, но не приносятъ вамъ славы. Ни одинъ лучъ ея до васъ не достигаетъ. Я приведу васъ въ плодороднѣйшія равнины на всемъ свѣтѣ. Богатыя области, большіе города, окажутся въ вашихъ рукахъ. Тамъ ждутъ васъ почести, слава и богатство. Солдаты итальянской арміи! Развѣ можетъ, ввиду такой цѣли, оказаться у васъ недостатокъ въ доблести, мужествѣ и стойкости, необходимыхъ для ея достиженія“? Такое заявленіе могло быть истолковано только въ одномъ смыслѣ. Въ силу предварительнаго соглашенія съ директоріей французская армія должна была уплатить себѣ жалованье и пополнить опустѣвшіе сундуки государственнаго казначейства за счетъ той страны, гдѣ

ей предстояло вести войну. Корсиканцевъ, состоявшихъ на французской службѣ, давно уже подозрѣвали въ томъ, что они подчасъ жертвуютъ интересами пріемной своей отчизны ради достиженія личныхъ выгодъ. Такія подозрѣнія высказывались и иногда сительно генерала Бонапарта, который по этому чувствовалъ потребность оправдываться. Такъ, напримѣръ, онъ очень старался доказать, что своей женитьбой еще болѣе скрѣпилъ узы, связывавшія его съ республикой.Сколько можно судить, однако, назначеніе Бонапарта главнокомандующимъ, обязательства, принятыя имъ относительно членовъ директоріи, и даже его преданность республикѣ были прежде всего направлены къ удовлетворенію цѣлямъ личнаго честолюбія, хотя они во второй инстанціи случайно и содѣйствовали упроченію правительства, державшагося на почвѣ революціи. У Наполеона обнаруживаются уже съ первыхъ шаговъ самостоятельной его карьеры замашки будущаго диктатора. Наполеоновскій приказъ по арміи равносиленъ обѣщанію безнаказанности грабежа и хищенія. Онъ представлялъ солдатамъ перспективу наживы на счетъ врага и служилъ указаніемъ на совершенно опредѣленную программу дѣйствій, обозначавшуюся все обстоятельнѣе въ каждой послѣдующей прокламаціи. Такія обѣщанія повторялись каждый разъ, когда надо было воодушевить колебавшіяся колонны новою энергіей, когда, для достиженія таинственной цѣли, требовалось отъ солдатъ необычайное сверхестественное усиліе и, наконецъ, завершились откровеннымъ заявленіемъ, что каждый рядовой будетъ при возвращеніи во Францію имѣть въ карманѣ достаточно денегъ для покупки себѣ порядочнаго участка земли.

Членъ директоріи
Луи-Мари де-Ларевельеръ-Лепо.
(Съ портрета, писаннаго Жераромъ, въ Версальскомъ музеѣ).

Эти заклинанія оказались и въ самомъ дѣлѣ могущественными чарами и привели къ желаемому результату. Съ перваго такого наполеоновскаго приказа по арміи начался въ ней процессъ преобразованія. Вмѣсто того, чтобы воевать изъ-за принциповъ, она стала сражаться ради славы, побѣды и добычи. Естественно, что ея побѣдоносный вождь, изъ генерала, повинующагося законамъ,

превратился въ завоевателя—деспота. По внѣшности ласковый съ своими подчиненными и обладавшій въ тоже время большимъ талантомъ генералъ Бонапартъ обнаруживалъ снисходительность и милосердіе во всѣхъ случаяхъ, когда это могло оказаться полезнымъ для доставленія ему выгодной репутаціи. Какъ нельзя лучше сознавая вліяніе драматическаго положенія, или же мѣткаго, своевременно сказаннаго словца, на обыкновенные дюжинные умы, онъ мастерски пользовался обоими этими пріемами. Вмѣстѣ съ тѣмъ могущественный стимулъ страсти къ наживѣ, къ которому такъ безцеремонно обращался Бонапартъ, пособилъ ему не только выказать себя геніальнѣйшимъ генераломъ, способнымъ законодателемъ и организаторомъ покоренныхъ странъ и народовъ, но также сдѣлалъ его кумиромъ арміи, которая не была уже, какъ въ прежнія времена, служительницей народа, а стала отождествляться подъ вліяніемъ республиканскихъ принциповъ съ самимъ народомъ. Это послѣднее обстоятельство оказало чрезвычайно сильное вліяніе на всю дальнѣйшую карьеру Наполеона.

Еще въ 1794 году, когда генералъ Бонапартъ былъ начальникомъ артиллеріи итальянской арміи, онъ, благодаря поддержкѣ со стороны комиссаровъ Конвента, фактически уже управлялъ ея дѣйствіями. Не принимая личнаго участія въ побѣдоносной тогдашней кампаніи, онъ имѣлъ законное основаніе приписывать одержанные въ ней успѣхи своимъ планамъ. За время неудачной зимней экспедиціи въ Корсику, отвѣтственность за которую было бы несправедливо полностью на него возлагать, австрійцы и сардинцы въ Піемонтѣ воспользовались отсутствіемъ значительной части французскихъ войскъ для того, чтобы исторгнуть у нихъ результаты предшествовавшей кампаніи. Лѣтомъ въ 1795 году Испанія и Пруссія заключили съ Франціей миръ, вслѣдствіе котораго вся сѣверная Европа была объявлена нейтральною. Театръ войны на Рейнѣ ограничивался такимъ образомъ центральною полосою Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ французскія войска, составлявшія пиренейскую армію, передвинулись оттуда въ приморскіе Альпы. Въ 1796 году надлежало прежде всего рѣшить вопросъ, которая изъ двухъ армій: рейнская или же итальянская должна служить главнымъ наступательнымъ орудіемъ противъ Австріи.

Вопросъ этотъ самъ по себѣ представлялся чрезвычайно запутаннымъ и усложнялся къ тому же массой личныхъ и партійныхъ интересовъ. Мнѣнія поэтому раздѣлились и каждая изъ сторонъ съ ожесточеніемъ отстаивала свои воззрѣнія. Не подлежало сомнѣнію, что рейнская армія значительно превосходила численностью итальянскую и что для противодѣйствія ей императоръ сосредоточилъ главныя свои силы. Люди, свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ, понимали, однако, возможность ударить Австріи во флангъ со стороны Италіи. Проходъ въ Ломбардію, между Альпами и моремъ охранялся храброй небольшой арміей короля Виктора Амедея при содѣйствіи малочисленнаго корпуса австрійскихъ войскъ. Если бы удалось разбить сардинцевъ и принудить къ сепаратному миру савойскій домъ, державшій у себя за поясомъ

ключи отъ Альпъ, то оказалось бы возможнымъ разбить австрійскую армію и проложить себѣ удобный путь въ Вѣну черезъ равнины Ломбардіи, а оттуда, сквозь австрійскій Тироль, или же венеціанскіе Альпы. Замѣчательно, что одинъ изъ проживавшихъ въ Лондонѣ эмигрантовъ, нѣкто Дютейль, изложилъ весьма обстоятельно и наглядно въ докладной запискѣ, которой должны были воспользоваться австрійцы и англичане, возможность осуществленія такого плана его соотечественниками. Союзники не вняли этому предостереженію, а тѣмъ временемъ Бонапартъ убѣдилъ директорію въ умѣстности нанести австрійцамъ ударъ со стороны Италіи. Онъ самъ и члены директоріи, отдавая предпочтеніе дѣйствіямъ на итальянскомъ театрѣ войны, руководились весьма сложными соображеніями. Сдѣланный передъ тѣмъ уже первый шагъ къ наступательной войнѣ въ Италіи оказался удачнымъ. Генералъ Бонапартъ, хорошо изучившій Италію и ея населеніе, зналъ какъ нельзя лучше, съ кого и сколько именно можно будетъ взыскать контрибуціи. Рейнская армія придерживалась якобинскихъ воззрѣній и прекрасно понимала, что представляетъ собою силу, съ которой необходимо считаться. Въ виду всего этого, не только личныя честолюбивыя мечты Бонапарта, но и самое существованіе директоріи зависѣли отъ одержанія блестящаго военнаго успѣха не въ средней Европѣ, а на иномъ театрѣ войны.

Италія, въ теченіе уже многихъ вѣковъ служившая полемъ битвы для враждовавшихъ династій, представляла собою въ географическомъ отношеніи прекрасно обособленную страну, надѣленную въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая опредѣленными географическими границами. Населеніе ея оказывалось весьма однороднымъ по своему происхожденію, языку и учрежденіямъ. При всемъ томъ, однако, оно не составляло одной націи, или хотя бы даже федераціи. Италія оказывалась по этому скопленіемъ самыхъ разнохарактерныхъ государственныхъ организмовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Венеція и Генуя, носили громкій титулъ республикъ, но оказывались въ дѣйствительности олигархіями, въ худшемъ значеніи этого слова, не обладавшими здравой политической жизнью и промышлявшими торгашествомъ, или даже грабежомъ. Папа, подобно другимъ мелкимъ итальянскимъ державцамъ, былъ настоящимъ свѣтскимъ государемъ и даже не могъ назваться просвѣщеннымъ деспотомъ, какимъ являлся, напримѣръ, великій герцогъ Тосканскій. Неаполь и Ломбардія томились подъ игомъ чужеземнаго владычества. Единственнымъ сколько-нибудь сноснымъ во всей Италіи слѣдовало признать правительство савойскаго дома въ Піемонтѣ и Сардиніи, гдѣ революціонныя стремленія къ свободѣ были особенно распространены и проявлялись съ наибольшей энергіей. Дворы мелкихъ государствъ, вродѣ, напримѣръ, пармскаго и моденскаго, служили гнѣздилищемъ интригъ и разврата. Разумѣется, повсюду можно было отыскать нѣсколькихъ благородно мыслящихъ людей, которыхъ Провидѣніе всегда оставляетъ про запасъ, какъ бы для того, чтобы доброе сѣмя не переводилось въ концѣ, но итальянскій

народъ, разсматриваемый въ массѣ, оказывался крайне невѣжественнымъ и слабоумнымъ. Тѣмъ не менѣе богатства, накопившіяся въ теченіе многихъ вѣковъ, благодаря обширной прибыльной торговлѣ и воздѣлыванію плодородной почвы, были еще не вполнѣ растрачены плохимъ съ ними хозяйничаньемъ. Во многихъ старинныхъ и все еще великолѣпныхъ городахъ имѣлись большія количества золота и серебра въ звонкой монетѣ и разныхъ драгоцѣнностяхъ. За то въ этихъ прежнихъ центрахъ римской культуры и древняго римскаго республиканскаго духа, воспоминаніе о которомъ сдѣлалось такимъ моднымъ во Франціи, можно было подмѣтить развѣ лишь слабое отраженіе французскихъ революціонныхъ принциповъ. Естественныя права человѣка по республиканскому ученію служили во многихъ городахъ Аппенинскаго полуострова пріятными темами для бесѣды, но почти нигдѣ въ Италіи нельзя было подмѣтить даже и слѣда одушевлявшей французовъ энергической рѣшимости добиться осуществленія этихъ правъ.

Бонапартъ заранѣе уже взвѣсилъ всѣ означенныя условія и сообразилъ, какимъ именно образомъ можетъ ими воспользоваться. Въ качествѣ патентованнаго республиканца онъ объявитъ себя возродителемъ общества и освободителемъ народа. Существуетъ предположеніе, что онъ тогда уже мечталъ о престолѣ. Если у него дѣйствительно имѣлись такіе замыслы, то гдѣ же, спрашивается, можно было найти среду, болѣе благопріятную для ихъ осуществленія? Завоевавъ Италію, онъ имѣлъ бы у своихъ ногъ несплоченный, безпомощный, богатый народъ. Если прежнее пламя корсиканскаго патріотизма таилось еще у Наполеона подъ пепломъ, то ему должна была улыбаться перспектива отмстить Генуѣ, вѣковой притѣснительницѣ корсиканскаго народа, эксплоатировавшей этотъ народъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Приготовленія Наполеона къ наступательной кампаніи въ Италіи начались еще осенью 1795-го года, когда, при содѣйствіи Карно, на соединенныя итальянскую и пиренейскую арміи возложено было порученіе овладѣть снова путями сквозь горы и вдоль морского прибрежья въ Ломбардію и среднюю Италію. Выигранная этими арміями битва подъ Лоано обезпечила французамъ снова обладаніе приморскими Альпами. Однако же войскамъ было чрезвычайно тяжело занимать всю зиму позиціи въ суровой гористой мѣстности, тѣмъ болѣе, что снабженіе одеждой и продовольствіемъ оставляло желать много лучшаго. Директоріи было очень трудно прокормить зимой даже и внутреннюю армію, расположенную въ самой Франціи. Единственнымъ исходомъ для итальянской арміи являлся при такихъ обстоятельствахъ переходъ въ наступленіе. Поэтому еще въ январѣ мѣсяцѣ присланъ былъ ей изъ Парижа обстоятельно разработанный планъ наступательныхъ дѣйствій. Тогдашній главнокомандующій этой арміей. Шереръ, и его штабъ отнеслись крайне несочувственно къ присланному плану кампаніи, объявили выполненіе его непосильнымъ для арміи и отказались даже отъ подробнаго разсмотрѣнія

смѣлыхъ и рискованныхъ операцій, требовавшихся для завоеванія Ломбардіи, путемъ котораго имъ предлагалось удовлетворить нужды арміи.

Бонапартъ, придумавшій этотъ планъ, одинъ только и могъ его осуществить. На него дѣйствительно и возложили, какъ уже упомянуто, главное начальство надъ итальянскою арміей. Въ продолженіе ближайшихъ затѣмъ десяти недѣль приняты были къ обезпеченію успѣха всѣ подготовительныя мѣры, какія только въ данномъ случаѣ оказывались возможными. Для этого въ конецъ опорожнены и передъ тѣмъ уже почти совершенно пустые сундуки французскаго государственнаго казначейства. Новому главнокомандующему вручили 47.500 франковъ деньгами и 20.000 франковъ надежными векселями. Кромѣ того, заключены были въ Тулонѣ и Марселѣ, на сравнительно крупную сумму, принудительные займы у состоятельныхъ гражданъ. Саличетти, выполняя проектъ, выработанный Наполеономъ еще во времена Робеспьера, взялъ съ генуезцевъ контрибуцію зерновымъ хлѣбомъ и фуражомъ. Къ тому времени, когда Бонапартъ двинулъ, наконецъ, впередъ свою армію, она представляла собою отличную военную машину. Неотложнѣйшія ея потребности были удовлетворены. Испытанные въ бояхъ солдаты и офицеры пылали готовностью исполнить свой долгъ, а надежда на обѣщанную добычу доводила эту готовность до настоящаго энтузіазма. Ко всему этому молодой главнокомандующій обнаруживалъ такую изумительную осторожность и осмотрительность, на какую могъ быть способенъ единственно только человѣкъ, обладающій первоклассными военными дарованіями, если онъ собирается поставить на карту собственную свою жизнь, а потому намѣренъ играть, по сколько возможно, навѣрняка. Генералы, командовавшіе у него дивизіями: Массена, Ожеро, Лагарпъ и Серрюрье были и сами выдающимися личностями. Во всякомъ случаѣ все, что надлежало совершить, было сдѣлано такъ ловко и отчетливо, что даже и они оказывались не въ состояніи усмотрѣть въ дѣйствіяхъ своего главнокомандующаго ни малѣйшей ошибки. Поэтому, встрѣтивъ его сперва довольно холодно и какъ бы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, они вскорѣ поддались и сами чувству восторженнаго къ нему уваженія. Этимъ чувствомъ была, впрочемъ, проникнута вся атмосфера, которой они дышали.

Тогдашняя Франція, не принимая въ разсчетъ національной гвардіи, обладала боевой и сухопутной морской силою болѣе чѣмъ въ полмилліона штыковъ и сабель. Карно распредѣлилъ сухопутныя войска на девять армій, но въ данную минуту ихъ оставалось только семь. Къ тому же четыре арміи оказывались сравнительно ничтожными. Малочисленная внутренняя армія состояла почти изъ однихъ только кадровъ. Западная армія, находившаяся подъ начальствомъ Гоша, имѣла нѣсколько лучшую организацію, но была лишь вдвое сильнѣе внутренней арміи. По сравненію съ ними представлялись уже довольно крупными массами сѣверная армія Макдональда и альпійская Келлермана (у кото-

раго дивизіями командовали Бертье и Вобуа). Эта послѣдняя армія поступила тоже вскорѣ въ распоряженіе Бонапарта. Означенныя четыре второстепенныя арміи должны были охранять спокойствіе и порядокъ внутри государства и противодѣйствовать замысламъ Англіи. Остальнымъ тремъ большимъ арміямъ предстояло согласовать свои дѣйствія такъ, чтобы разгромить сообща Австрію. На Рейнѣ стояли двѣ дѣйствующія арміи: одна близь Дюссельдорфа подъ начальствомъ Журдана, а другая близь Страсбурга подъ командой Моро. У воротъ Италіи находился Бонапартъ съ третьей арміей, незамедлившей выказать себя наиболѣе дѣятельною. Въ началѣ у него было подъ ружьемъ въ общей сложности около 45.000 человѣкъ, но дѣйствія въ Италіи приняли къ концу кампаніи такіе грандіозные размѣры, что въ итальянской арміи, несмотря на понесенныя ею потери, кромѣ гарнизонныхъ войскъ и больныхъ, оказывалось въ строю почти вдвое большее число людей. По оффиціальнымъ отчетамъ военнаго вѣдомства армія эта значилась еще сильнѣе, но много людей (иногда до трети всего наличнаго состава), постоянно лежало въ лазаретахъ, а сверхъ того зачастую до 20.000 человѣкъ приходилось оставлять въ тылу, въ гарнизонахъ крѣпостей. Бонапартъ, по причинамъ, которыя понять не трудно, показывалъ въ свою очередь наличное число войскъ, имѣвшихся у него подъ ружьемъ, гораздо меньшимъ чѣмъ въ дѣйствительности и неустанно бомбардировалъ директорію требованіями о присылкѣ подкрѣпленій. Тщательно и безпристрастно подводя итоги, можно съ увѣренностью сказать, что въ кампаніи 1796 года полевая армія генерала Бонапарта никогда не имѣла въ строю менѣе 35.000 и значительно болѣе 80.000 человѣкъ.

Въ кампаніи этой игралъ роль также и другой весьма существенный факторъ. Бонапарту удалось совершенно освободиться отъ контроля, которому недовѣрчивая домократія всегда подчиняла до тѣхъ поръ своихъ генераловъ, предписывая имъ каждый шагъ и такимъ образомъ фактически связывая ихъ по рукамъ и по ногамъ. Бонапартъ, въ качествѣ человѣка, близкаго къ Робеспьеру, какъ нельзя лучше умѣлъ пользоваться этой системой, обращавшей главнокомандующаго въ маріонетку. Сдѣлавшись теперь самъ главнокомандующимъ, онъ настоялъ на безусловной необходимости единоначалія, безъ котораго армія сплошь и рядомъ подвергается риску упустить благопріятный случай. Требованіе это было выполнено, и всѣ приготовленія къ кампаніи закончены. Какъ уже упомянуто, еще въ 1794 году Наполеонъ объяснилъ вліятельнымъ своимъ покровителямъ, что войну слѣдуетъ вести приблизительно также, какъ и осаду крѣпости. Сосредоточивъ всѣ силы для удара на одинъ пунктъ, можно пробить тамъ брешь и, прорвавшись сквозь линію вражеской обороны, разстроить эту оборону въ конецъ. Къ этому общему принципу сосредоточенія силъ для нападенія онъ, по соглашенію съ директоріей, присовокупилъ другой принципъ: захвата войсками территоріи, достаточной для ихъ прокормленія. У него имѣлся еще и третій руководящій прин-

ципъ, заключавшійся въ томъ, что войну слѣдуетъ вести возможно дѣятельнѣе и безпощаднѣе, чтобы окончить ее возможно скорѣе и тѣмъ самымъ сдѣлать ее менѣе бѣдственною. Хотя всѣ эти руководящіе принципы представляются теперь избитыми истинами, они являлись тогда новыми и оригинальными, по крайней мѣрѣ, въ энергическомъ примѣненіи ихъ Бонапартомъ. Традиціи рыцарскихъ временъ, безпрерывныя войны предшествовавшихъ двухъ съ половиной вѣковъ, гуманное ученіе церкви, уваженіе къ человѣческой жизни, плохіе пути сообщенія, недостатокъ оружія и боевыхъ припасовъ, а также и многіе другіе факторы заставляли посредственныхъ полководцевъ смотрѣть на войну какъ на торжественный церемоніалъ и побуждали ихъ по возможности избѣгать вооруженныхъ столкновеній съ непріятелемъ. Сраженія происходили при такихъ условіяхъ лишь послѣ тщательнаго подготовленія,—какъ бы по общему соглашенію между врагами, подчинявшимися непріятной необходимости и обставлявшими ее всѣмъ церемоніаломъ поединка.

Тюреннь, Марльборо и Фридрихъ Великій, отличавшіеся холоднымъ и безсердечнымъ темпераментомъ, были въ свое время величайшими полководцами. Одержанные ими успѣхи находились въ прямомъ соотношеніи съ ихъ безчувственностью и неуваженіемъ къ общепринятымъ приличіямъ. Въ воззрѣніяхъ и образѣ дѣйствій этихъ полководцевъ обнаруживались тѣ же инстинкты, какъ и у Бонапарта, развитые и окрѣпшіе изученіемъ тѣхъ же классическихъ кампаній, которое воспитало прирожденный его геній и дало ему возможность развить этотъ геній до такой степени совершенства. Необходимо замѣтить, что Бонапартъ долженъ былъ вести войну приблизительно въ тѣхъ же матеріальныхъ условіяхъ обстановки, въ которыхъ дѣйствовали и они. Со временъ тридцатилѣтней войны солдаты европейскихъ арміи очень мало измѣнились относительно роста, вѣса, общаго уровня образованія и нравственности. Состояніе дорогъ съ тѣхъ поръ нѣсколько улучшилось. Топографическія условія расположенія горъ, холмовъ и долинъ были лучше изслѣдованы, и Бонапартъ, подобно великимъ своимъ предшественникамъ, умѣлъ пользоваться географическими картами, которыми, вообще говоря, пренебрегали его современники. Тѣмъ не менѣе въ передвиженіи и маневрированіи войскъ особыхъ перемѣнъ тоже не послѣдовало. Извѣстія распространялись медленно. Проворнѣйшимъ курьерамъ нужна была цѣлая недѣля, чтобы доѣхать изъ Ниццы въ Парижъ, или изъ Парижа въ Берлинъ. Ружья и вообще ручное огнестрѣльное оружіе мало усовершенствовались. Пруссія фактически утверждала, что была вынуждена начать мирные переговоры съ республикой недостаткомъ въ ружейныхъ кремняхъ, добывавшихся преимущественно во Франціи. Въ изготовленіи артиллерійскихъ орудій сдѣланы были нѣкоторыя улучшенія и вообще артиллерія пріобрѣла болѣе высокую степень пригодности. Во Франціи произведены были многія перемѣны къ лучшему въ снаряженіи войскъ и употребленіи ихъ въ бою, остальная же Европа

держалась въ этомъ отношеніи старинныхъ традицій, болѣе пригодныхъ на плацъ-парадѣ, чѣмъ на полѣ сраженія. Церемоніалъ при дворѣ и въ лагеряхъ игралъ тамъ преобладающую роль. Рутина давила пробивавшіеся ростки молодой энергіи. Полководцы, съ которыми приходилось сражаться Бонапарту, были въ большинствѣ случаевъ люди уже пожилые, пропитанные до мозга костей традиціями и неумѣвшіе быстро приспособиться къ маневрамъ и аттакамъ, основаннымъ на принципахъ, совершенно расходившихся съ ихъ собственнымъ міровоззрѣніемъ. Новому блестящему военному свѣтилу было по временамъ положительно обидно, что его противники оказывались такими неспособными, ископаемыми субъектами. Молодой и въ тоже время высокоталантливый генералъ, умѣвшій, какъ нельзя лучше, пользоваться мѣстностью и мужествомъ своихъ войскъ,—обладавшій должной рѣшимостью, замѣчательной наблюдательностью и вѣрностью въ сужденіяхъ,—чувствовавшій себя свободнымъ отъ всякаго контроля, не исключая даже контроля собственной совѣсти,—располагалъ превосходнѣйшей арміей и великолѣпнѣйшимъ театромъ войны во всей Европѣ. Благодаря тщательному развитію и совершенствованію врожденнаго военнаго генія, онъ выработалъ себѣ воззрѣнія на стратегію и тактику, въ которыхъ какъ бы объединялся опытъ великихъ его предшественниковъ. Въ то время какъ генералы, командовавшіе непріятельскими арміями, не считали возможнымъ смотрѣть на выставленнаго противъ нихъ двадцатисемилѣтняго „мальчишку“, какъ на серьезнаго полководца, Наполеонъ совершалъ подвиги, казавшіеся чудесными и невѣроятными даже по сравненію съ подвигами Гоша, Журдана и Моро, вызвавшими такое общее изумленіе.

По прошествіи одиннадцати дней послѣ начала кампаніи оборонительная линія австро-сардинской арміи оказалась прорванной въ центрѣ, сардинцы были разбиты на голову и вынуждены подписать перемиріе. Давъ войскамъ двухдневный отдыхъ, Наполеонъ двинулся въ Ломбардію и побѣдоносно вступилъ въ Миланъ. Спустя двѣ недѣли послѣ этой двухнедѣльной кампаніи, онъ двинулся впередъ и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ подчинилъ себѣ большую часть средней Италіи. Слѣдующія затѣмъ дѣйствія противъ врага, доведеннаго до отчаянія и поставленнаго въ безвыходное положеніе, состояли изъ четырехъ отдѣльныхъ наступательныхъ операцій. Первая, длившаяся девять дней,—противъ Вурмзера и Квазданович; вторая, шестнадцатидневная,—противъ Вурмзера; третья, двѣнадцатидневная,—противъ Альвинчи, и, наконецъ, четвертая—тридцатидневная,—опять-таки противъ Альвинчи, закончившаяся овладѣніемъ Мантуей и горными проходами въ Тиролѣ и Каринтіи. Черезъ двѣ недѣли по открытіи военныхъ дѣйствій противъ папы Наполеонъ принудилъ его подписать толентинскій миръ, а черезъ тридцать шесть дней послѣ того, какъ армія Наполеона двинулась отъ Мантуи къ Вѣнѣ, она достигла уже Леобена и въ какихъ-нибудь полутораста верстахъ отъ австрійской столицы заставила императора Франца заключить миръ съ республикой. Въ те-

ченіе года (съ 27-го марта 1796 по 7 апрѣля 1797 года) Бонапартъ заставилъ смириться самую гордую династію въ Европѣ, разстроилъ существовавшую до тѣхъ поръ систему среднеевропейскаго политическаго равновѣсія и такимъ образомъ положилъ начало процессу, доставившему теперь, сколько можно судить, окончательное преобладаніе Пруссіи, считавшейся тогда въ нѣкоторомъ родѣ выскочкой.

Нельзя въ точности опредѣлить размѣровъ колоссальныхъ денежныхъ суммъ, которыя Италіи пришлось уплатить Наполеону, въ вознагражденіе за издержки войны, веденной будто-бы ради ея освобожденія. Уже съ самаго своего вступленія въ Миланъ французская армія заново обмундировалась и обезпечилась продовольствіемъ. Солдатамъ не только сполна выплатили недоданное жалованье, но и разрѣшили грабить малую толику мѣстное населеніе. Дѣло дошло до того, что эти грабежи угрожали компрометировать блестящіе результаты, достигнутые кампаніей. Тогда они были безотлагательно прекращены, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе грубой ихъ формѣ, строжайшими карательными мѣрами. Пустые сундуки казначейства французской директоріи, а также карманы генераловъ и офицеровъ итальянской арміи наполнялись деньгами, которыя съ тѣхъ поръ болѣе уже не истощались. Короче сказать, Франція достигла вершины революціоннаго своего величія. Она являлась могущественнѣйшей державой на материкѣ Европы и пошатнувшимся сосѣднимъ монархіямъ пришлось снова заняться обсужденіемъ вопросовъ, которые, въ 1795 году, казались уже навсегда улаженными. Судьбы Европы, какъ это и предвидѣлъ Бонапартъ, дѣйствительно, зависѣли отъ участи Италіи.

Въ теченіе немногихъ предшествовавшихъ лѣтъ Европа привыкла уже къ военнымъ неожиданностямъ. Арміи французской республики, одушевленныя патріотизмомъ и преданностью республиканскимъ принципамъ, совершали чудеса. При всемъ томъ никогда еще имъ не удавалось достигать результатовъ, которые могли бы хоть сколько-нибудь подготовить воображеніе къ изумительной первой итальянской кампаніи генерала Бонапарта. Она сразу возбудила такое же общее любопытство, какое внушаетъ еще и теперь. Военные спеціалисты принялись тщательнѣйше всматриваться въ способы и средства, путемъ которыхъ совершены были такія чудеса. И сами изслѣдователи и читатели ихъ спеціальныхъ научныхъ трудовъ были однако до такой степени подавлены грандіознымъ зрѣлищемъ наполеоновской кампаніи и ея результатовъ, что оказались не въ состояніи уяснить себѣ истину. Геній Бонапарта внушалъ имъ положительно ужасъ, подъ вліяніемъ котораго до сихъ поръ еще не вполнѣ разсѣялось предположеніе, будто Бонапарту помогали какія-то сверхъестественныя вліянія. Дѣйствительные факты свидѣтельствуютъ, что въ данномъ случаѣ все сводилось къ борьбѣ военнаго таланта съ неспособностью,—невиданной до тѣхъ поръ энергіи съ вялостью,—воплощенія правильныхъ живучихъ принциповъ съ безжизненной ходульною системой. По-

слѣдствія такой борьбы были при всей своей изумительности совершенно логичными, подробности же ея дѣйствительно напоминаютъ волшебную сказку.

Побѣда надъ Піемонтомъ и завоеваніе Милана.

Сардинскому королю Виктору-Амедею было не впервые утрачивать сѣверныя окраины своихъ владѣній, такъ какъ съ незапамятныхъ уже временъ его домъ старался промѣнять живописныя, но безплодныя заальпійскія области на плодородныя равнины, разстилавшіяся у подошвы горъ. Понятно, что ему тяжела была утрата Савойи, которая дала свое имя савойскому дому и живописной Ниццы, обладавшей важнымъ стратегическимъ значеніемъ. До сихъ поръ, однако, каждое серьезное общеевропейское столкновеніе доставляло существенныя территоріальныя пріобрѣтенія его предшественникамъ, считавшимъ Италію артишокомъ, который надо съѣдать отдѣльными чешуйками. Представлялось весьма правдоподобнымъ, что и на этотъ разъ, при заключеніи мира, ему удастся поживиться изрядnымъ кусочкомъ Ломбардіи. За время своего царствованія, онъ постоянно заботился объ усиленіи сардинской арміи. Сардинія дѣйствительно являлась въ военномъ отношеніи самымъ могущественнымъ изъ итальянскихъ государствъ. Теперь она, при содѣйствіи Австріи, защищала горные проходы въ свою территорію. Дорога изъ Турина въ Савону, лежащую уже на берегу моря, проходитъ черезъ Чеву и Миллезимо, пересѣкая главный хребетъ Аппенинскихъ горъ, на гребнѣ котораго соединяется съ большою дорогой, направляющейся чрезъ Каиро, Дего и Александрію въ Миланъ. Піемонтцы, подъ начальствомъ Колли, охраняли доступы къ собственной своей столицѣ, австрійцы же, подъ командой Больe, защищали дорогу въ Миланъ. Австрійскія и сардинскія войска въ общей сложности не уступали численностью французамъ.

Больe началъ военныя дѣйствія 10-го апрѣля нападеніемъ на французскую дивизію Лагарпа, выдвинутую впередъ къ Вольтри. Австрійцы, подъ начальствомъ Аржанто, должны были ударить ей въ тылъ изъ Монтенотте, селенія, лежащаго верстахъ въ пятнадцати къ сѣверу отъ Савоны. Предполагалось, что этотъ маневръ принудитъ правое крыло арміи Бонапарта къ поспѣшному отступленію по береговой дорогѣ подъ огнемъ англійскаго флота. Эскадры Нельсона не оказалось, однако, по близости, а потому Лагарпъ благополучно отошелъ къ Савонѣ. Тогда Бонапартъ, въ свою очередь, неожиданно перешелъ въ наступленіе. Аржанто, временно задержанный геройскимъ сопротивленіемъ малочисленнаго французскаго отряда, подъ командой полковника Рампона, былъ внезапно аттакованъ 12-го апрѣля въ Монтенотте и выбитъ оттуда превосходными силами французовъ. На другой день Массена и Ожеро оттѣснили къ Дего австрійскую дивизію, дошедшую до Миллезимо и намѣревавшуюся соединиться съ сардинцами, 15-го самъ Бонапартъ уничтожилъ близъ Дего остатки корпуса

Аржанто. На слѣдующій день Болье покинулъ свои позиціи въ горахъ и отступилъ на равнину къ Асти. Такимъ образомъ австрійскія войска были не только оттѣснены, но и совершенно отрѣзаны отъ сардинцевъ.

Директорія, которой пришла было фантазія вернуться къ прежней системѣ распоряженія дѣйствіями главнокомандующихъ, прислала Наполеону какъ нельзя болѣе нелѣпый планъ дальнѣйшихъ операцій. Ему предписывалось безотлагательно двинуться впередъ въ Ломбардію, оставивъ на лѣвомъ своемъ флангѣ враждебныхъ піемонтцевъ, а на правомъ Генуезскую республику, на нейтралитетъ которой полагаться было нельзя. Онъ повидимому безъ всякаго колебанія положилъ присланные ему директивы подъ сукно и, двинувъ свои войска на сѣверо-западъ къ Чевѣ, гдѣ стояли піемонтцы, заставилъ генерала Колли отступить. Сардинцы были, однако, настигнуты 22-го апрѣля близъ Мондови и разбиты тамъ на голову, причемъ лишились большей части своей полевой артиллеріи и обозовъ, не говоря уже о жестокомъ уронѣ убитыми, ранеными и плѣнными. Три дня спустя Бонапартъ прибылъ въ Кераско, верстахъ въ сорока отъ Турина, куда вела чрезвычайно удобная хорошая дорога, оказывавшаяся теперь совершенно открытой. 27-го апрѣля сардинцы, запертые въ горномъ амфитеатрѣ и утратившіе всякую надежду на помощь со стороны разбитыхъ своихъ союзниковъ, обратились къ французскому главнокомандующему съ просьбой о перемиріи, за которымъ должно было слѣдовать заключеніе мира. Бонапартъ охотно согласился на перемиріе, хотя не имѣлъ на это полномочія отъ директоріи. Повидимому, ему даже не приходила въ голову мысль, что такое своеволіе можетъ не понравиться французскому правительству, на инструкціи котораго, какъ тогда уже, такъ и впослѣдствіи, онъ считалъ совершенно излишнимъ обращать какое-либо вниманіе. Перемиріе, по которому французы выговорили себѣ занятіе Кони и Тортоны, этихъ знаменитыхъ „ключей отъ Альпъ“, а также нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ крѣпостей и право безпрепятственнаго прохода во всякое время по піемонтской территоріи было подписано 28-го апрѣля. Покончивъ такимъ образомъ съ

Маршалъ Андре Массена,
герцогъ Риволи, князь Эсслингскій.
(Съ портрета, писаннаго Гро).

Амедеемъ, Бонапартъ имѣлъ полную возможность обратить все свое вниманіе на Болье.

Только что описанное краткое начало кампаніи могло бы показаться неимѣющимъ важнаго значенія, особенно же по сравненію съ послѣдовавшими затѣмъ грандіозными и талантливѣйшими. Несмотря на это, Монтенотте, Миллезимо, Дего, Мондови и Кераско оставались всегда дороги Наполеону и всегда упоминались въ надписяхъ на воздвигнутыхъ имъ монументахъ. Амедей доводился тестемъ Людовику XVIII, и дворъ его служилъ притономъ для французскихъ эмигрантовъ, замышлявшихъ заговоры противъ отечества. Съ потерей крѣпостей онъ утрачивалъ возможность вредить Франціи и въ тоже время по условіямъ мирнаго договора обязался изгнать французскихъ роялистовъ изъ своихъ владѣній. Лишившись такимъ образомъ за-разъ и фактическаго могущества и престижа, онъ не долго пережилъ этотъ тяжкій ударъ и скончался, оставивъ своему сыну, Карлу-Эммануилу, въ дѣйствительности только островъ Сардинію, такъ какъ въ самомъ Піемонтѣ хозяйничали французы. Необходимо принять сверхъ того во вниманіе, что въ этой завязкѣ итальянской кампаніи у Бонапарта было поставлено рѣшительно все на карту. Это была первая его попытка дѣйствовать самостоятельно на военномъ и политическомъ поприщѣ. Отъ ея исхода зависѣла вся его дальнѣйшая карьера. Со стороны могло показаться, что все ему удавалось словно чудомъ. Можно сказать, что въ ранніе весенніе дни атмосфера, окружавшая Бонапарта, была проникнута успѣхомъ, обусловленнымъ, однако, не случайностью, но геніальной предусмотрительностью и тщательнѣйшимъ разсчетомъ. Французскіе генералы, воодушевленные своимъ вождемъ, старались перещеголять другъ друга смѣлостью и мужествомъ. Отчаянная храбрость, благодаря которой отряду Рампона удалось отстоять редутъ близъ Монтенотте, приводится до сихъ поръ въ лѣтописяхъ военнаго искусства, какъ замѣчательный образецъ упорной обороны.

Вождь побѣдоносной и преданной ему теперь арміи могъ показать съ высотъ Чевы солдатамъ и офицерамъ, проникнутымъ въ одинаковой степени энтузіазмомъ, плодоносную и хорошо орошенную обѣтованную страну: знаменитую въ исторіи равнину Ломбардіи. Во Франціи, не смотря на плодородіе ея почвы, нельзя указать ничего подобнаго этой неистощимой житницѣ. Огражденная съ сѣвера и запада величественными массивами Альпъ, а съ юга менѣе возвышенными, но все-таки солидными бастіонами Аппенинъ, равнина эта обязана горамъ не только своимъ плодородіемъ и благоденствіемъ, но даже и самымъ существованіемъ. Безчисленные ручейки, вытекающіе изъ снѣговыхъ вершинъ высокихъ горъ и съ менѣе возвышенной аппенинской цѣпи, постепенно соединяются въ рѣчки и рѣки, воды которыхъ питаютъ величественное По и медленно катятся въ широкомъ и глубокомъ его руслѣ. Таяніе снѣговъ и проливные дожди дозволяютъ этимъ ручьямъ и рѣчкамъ размывать горныя породы и превращать ихъ въ плодоносный илъ, ежегодно об-

повляющій созданную изъ него равнину. Благодатный климатъ и плодородіе почвы сторицею вознаграждаютъ труды населенія, среди котораго земледѣліе давно уже стоитъ на высокомъ уровнѣ развитія. Въ самый разгаръ лѣтней жары путешественникъ, останавливаясь, слышитъ нѣжное журчаніе воды, медленно текущей сквозь шлюзы оросительныхъ каналовъ, которые повсемѣстно тамъ восполняютъ недостатокъ дождя. Пшеница, ячмень, рисъ, кукуруза, великолѣпные фрукты и виноградъ родятся всюду въ изобиліи. Большіе хутора, окруженные громадными амбарами, сараями и скирдами, свидѣтельствующими о блестящемъ состояніи ломбардскаго земледѣлія, группируются въ поселки, встрѣчающіеся чуть не на каждомъ шагу. Съ вершины горъ, окутанныхъ въ солнечные дни легкою дымкой тумана, города и мѣстечки ломбардской равнины кажутся словно разсыпанными рукою сѣятеля. Изумленіе, вызываемое этимъ зрѣлищемъ, еще болѣе усиливается, если вспомнить, что этотъ садъ Италіи служилъ яблокомъ раздора, изъ-за котораго въ самой глубокой древности уже сражались европейскіе народы и что въ стѣнахъ и украшеніяхъ многихъ тысячъ зданій, театровъ, дворцовъ и церквей, лежащихъ такъ спокойно въ ломбардской равнинѣ, изображена неизгладимыми чертами лѣтопись этихъ войнъ. Такое зрѣлище, безъ сомнѣнія, должно было вызвать никогда не испытанныя прежде ощущенія даже у самаго тупоумнаго санкюлотта въ арміи Бонапарта. Можно лишь представить себѣ, какія розовыя мечты возбуждало оно въ душѣ самого полководца.

Послѣ покоренія Піемонта французская армія, не теряя ни минуты, спустилась въ богатыя равнины Ломбардіи. „Аннибалъ взялъ Альпы штурмомъ, мы же обошли ихъ съ фланга“, — сказалъ при этомъ главнокомандующій своему штабу. Остановившись единственно для того, чтобы донести въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ директоріи о своихъ подвигахъ и представить къ наградамъ наиболѣе отличившихся, въ томъ числѣ Ланна и Ланюсса, Бонапартъ продолжалъ 30-го мая наступательныя свои операціи. Надлежало вести ихъ съ такою быстротой, чтобы Генуя, Тоскана и Венеція не успѣли вооружиться. Слѣдовало разбить Больe, прежде чѣмъ войска его успѣютъ очнуться отъ нанесеннаго имъ пораженія и прежде чѣмъ они будутъ усилены новыми подкрѣпленіями. Дѣйствительно тридцатитысячная армія подъ командою Вурмзера спѣшила уже въ Италію для поддержанія тамъ австрійскаго владычества. Что касается до Больe, то онъ представлялъ собою прекраснѣйшій типъ тогдашняго австрійскаго генерала. Это былъ все еще крѣпкій старикъ, несмотря на то, что ему шелъ уже семьдесятъ второй годъ. Онъ признавалъ только практическій опытъ и строго придерживался традицій. Полагаясь на принципы современной ему стратегіи, Больe занялъ для обороны Милана позицію, которую считалъ весьма крѣпкой, разсчитывая защищать линію Тичино, начиная съ Валенцы, гдѣ, по слухамъ, распространеннымъ самимъ Бонапартомъ, французы намѣревались форсировать переправу. Слухи эти вполнѣ согласо-

вались съ предположеніями престарѣлаго, опытнаго и осторожнаго австрійскаго главнокомандующаго, который остался на своей позиціи съ твердой рѣшимостью дать мужественный отпоръ дерзновенному врагу. Тѣмъ временемъ молодой и смѣлый искатель приключеній, стоявшій во главѣ французской арміи, быстро спустился по правому берегу По, верстъ на 80 ниже къ Піаченцѣ, гдѣ и переправился 7-го мая на обыкновенныхъ паромахъ и съ помощью понтоннаго моста, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія отъ малочисленнаго отряда австрійской кавалеріи, случайно посланнаго туда на рекогносцировку. Благодаря столь дерзкому маневру Наполеона, австрійская армія оказалась обойденной и поставленной въ весьма опасное положеніе. Болье едва успѣлъ сняться съ лагеря и поспѣшно отступилъ на сѣверо-востокъ къ Лоди, гдѣ, укрывшись за быстрой рѣкою Аддой, рѣшился принять бой для обороны Милана, являвшагося центральнымъ пунктомъ австрійскаго владычества въ сѣверной Италіи. Обѣ арміи шли съ такою поспѣшностью, что авангарды ихъ неожиданно встрѣтились другъ съ другомъ 8-го мая близъ Фомбіо, гдѣ завязался горячій бой, окончившійся побѣдой французовъ. Лагарпъ, выказавшій въ этомъ бою обычное свое мужество, былъ по ошибкѣ убитъ нѣсколько часовъ спустя собственными своими солдатами во время стычки съ передовыми постами другого австрійскаго отряда. 9-го мая герцоги Пармскій и Піаченцскій изъявили покорность французскому главнокомандующему и подписали договоры, которыми ему заблагоразсудилось ихъ обязать. Одновременно съ этимъ выѣхалъ изъ Милана управлявшій тамъ австрійскій эрцгерцогъ. На слѣдующій день французская армія, продолжая тѣснить передъ собою австрійскіе посты, была уже въ Лоди.

Бонапартъ въ донесеніи своемъ директоріи писалъ, что переправа черезъ По казалась ему наиболѣе труднымъ и смѣлымъ маневромъ во всей кампаніи. Только что переправившись черезъ эту рѣку, онъ выказалъ себя опять знатокомъ военнаго искусства, маневрируя такъ, чтобы избѣгать битвы, имѣя непосредственно въ тылу эту большую рѣку. Теперь ему приходилось пріискать средства къ преодолѣнію новаго, въ высшей степени серьезнаго затрудненія. Черезъ Адду иногда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно, хотя съ трудомъ, переправляться въ бродъ. Близъ Лоди существовалъ тогда черезъ эту рѣку деревянный мостъ шаговъ въ триста длиною, на мѣстѣ котораго воздвигнутъ теперь прочный желѣзный мостъ на каменныхъ быкахъ. Болье укрѣпилъ подступы къ этому мосту. Къ сѣверо-западу оттуда находился Миланъ, а къ востоку—почти неприступная Мантуя. Разбитые при Лоди австрійцы имѣли всегда возможность отступить къ тому, или другому изъ этихъ укрѣпленныхъ городовъ и принять тамъ новый бой съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ. Бонапартъ задался поэтому цѣлью разгромить непріятельскую армію такъ, чтобы сдѣлать для нея подобный исходъ немыслимымъ. Французскія войска сосредоточились 10-го мая для рѣшительнаго удара и столь бы-

стро двинулись впередъ, что настигли австрійскій аръергардъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ укрыться за древними готическими стѣнами города Лоди и запереть ворота. Французы ворвались туда вмѣстѣ съ отступавшими австрійцами и послѣ упорнаго боя въ городскихъ улицахъ вынудили непріятеля отступить за мостъ на восточный берегъ Адды, которая являлась теперь единственною надежной защитой для разстроенной австрійской арміи. Генералъ Болье, какъ нельзя лучше уяснилъ себѣ это, и, расположивъ на противуположномъ берегу нѣсколько орудій, приказалъ имъ обстрѣливать мостъ учащеннымъ огнемъ.

Безъ сомнѣнія, мостъ этотъ вскорѣ бы загорѣлся, а между тѣмъ неизвѣстно еще, удалось-ли бы французамъ отыскать гдѣ-нибудь бродъ, или же инымъ способомъ переправиться черезъ рѣку, обладающую ненадежнымъ грунтомъ и очень быстрымъ теченіемъ. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Наполеона съ изумительной быстротой были расположены французскія баттареи, открывшія, въ свою очередь, адскій огонь по австрійской артиллеріи и подступамъ къ мосту. Въ порывѣ усердія самъ главнокомандующій бросился, подъ градомъ гранатъ и картечи исправлять наводку двухъ орудій, которымъ, второпяхъ, дали невѣрное направленіе. Подъ такимъ страшнымъ огнемъ съ обоихъ береговъ австрійцамъ не было ни малѣйшей возможности подойти къ мосту, чтобы его поджечь. Тѣмъ временемъ три тысячи французскихъ гренадеръ, скрытно расположенные въ лощинѣ, ждали только сигнала, чтобы устремиться на мостъ. Вскорѣ наступила рѣшительная минута. Французскій кавалерійскій отрядъ, отыскавъ бродъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ ниже моста, переправился черезъ рѣку. Сквозь пороховой дымъ видно было, какъ онъ обходитъ правый флангъ австрійской пѣхоты, стоявшей позади артиллеріи, въ довольно значительномъ разстояніи отъ берега. Уловивъ самый подходящій для этого моментъ, Бонапартъ, съ быстротою мысли, подалъ сигналъ и гренадеры бросились на мостъ. По словамъ очевидцевъ, австрійская артиллерія еще больше участила тогда огонь, а пѣхотинцы, скрывавшіеся до тѣхъ поръ въ прибрежныхъ домахъ, принялись осыпать пулями голову аттаковавшей колонны. На одно, роковое, мгновенье она замялась. Бертье и Массена, съ нѣсколькими столь же храбрыми офицерами, устремились тогда впередъ и увлекли гренадеръ за собою. Еще нѣсколько мгновеній, и геройскій подвигъ совершенъ. Французы овладѣли мостомъ, австрійскія баттареи замолчали, и непріятель началъ отступать по всей линіи.

Разбитыя, ошеломленныя, пораженныя ужасомъ и совершенно упавшія духомъ австрійскія войска были глубоко убѣждены, что противъ такаго врага, какъ французы, предводимые Бонапартомъ, ничего не подѣлаешь. Болье счелъ умѣстнымъ при такихъ обстоятельствахъ отвести войска свои за Минчіо,—параллельный Аддѣ притокъ По, проходящій черезъ Гардское озеро. Приэтомъ онъ позволилъ себѣ нарушить нейтралитетъ Венеціанской республики, захвативъ укрѣпленный городъ Пескьеру, расположенный при вы-

ходѣ Минчіо изъ упомянутаго озера. Прикрывшись рѣкою, онъ растянулъ свою армію отъ Пескьеры до крѣпостныхъ верковъ Мантуи, являвшейся передовымъ австрійскимъ укрѣпленнымъ постомъ, не допустивъ такимъ образомъ Бонапарта выполнить одинъ изъ главнѣйшихъ своихъ плановъ. Что касается до итальянцевъ, то они, казалось, совсѣмъ потеряли голову и почти всюду словно въ какомъ-то ошеломленіи безропотно выполняли все, что требовали отъ нихъ завоеватели. Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ происходили маленькія вспышки сопротивленія взиманію громадной контрибуціи, наложенной французами. Въ самомъ Миланѣ чуть не произошло возстаніе, но тамъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, оно было еще въ началѣ подавлено съ самой суровой безпощадностью. Павія, населеніе которой дѣйствительно взбунтовалось и отперло городскія ворота, лишь убѣдившись въ невозможности сопротивленія, была предана солдатамъ на разграбленіе.

Нравственное впечатлѣніе боя подъ Лоди было неисчислимымъ. Бонапартъ пользовался уже и передъ тѣмъ репутаціей искуснаго стратега, но у него не было еще случая доказать личное свое мужество. Вмѣстѣ съ тѣмъ поле настоящей битвы до нѣкоторой степени отличается отъ обстановки кабинета, въ которой разыгрывается сраженіе на бумагѣ, и многіе сомнѣвались въ способности молодого генерала распоряжаться войсками въ бою также мастерски, какъ онъ руководилъ стратегическими ихъ операціями на театрѣ военныхъ дѣйствій. Тактическіе его таланты и личная храбрость оставались еще невыясненными. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ бой при Лоди вознесъ Бонапарта, такъ сказать, превыше звѣздъ. Безъ сомнѣнія, онъ въ этомъ бою страшно рисковалъ собою и потерялъ массу людей. Критики-спеціалисты указывали впослѣдствіи иныя болѣе безопасныя средства, съ помощью которыхъ Наполеонъ могъ бы, по ихъ мнѣнію, достигнуть тѣхъ же матеріальныхъ результатовъ, но они упускаютъ приэтомъ изъ вида драматическое впечатлѣніе, получить которое инымъ путемъ очевидно было бы нельзя. Франція не помнила себя отъ радости. Итальянскіе народы преклонились передъ необыкновеннымъ человѣкомъ, который одновременно ихъ парализовалъ и очаровывалъ. Австрія упала духомъ, а ея арміи заранѣе уже считали себя разбитыми. Пять дней спустя, когда Бонапартъ среди молчаливой толпы народа, смотрѣвшей на него, однако, съ чувствомъ почтительнаго изумленія и симпатіи, торжественно вступилъ въ качествѣ освободителя Ломбардіи въ Миланъ во главѣ побѣдоносныхъ своихъ войскъ, его осѣнялъ уже нѣкоторый отблескъ сверхъестественнаго сіянія, предсказывавшій все возроставшему числу его сторонниковъ славу, которой ему предстояло блистать въ воображеніи столькихъ милліоновъ. Послѣ Лоди солдаты, обожавшіе Наполеона, дали ему прозвище „маленькаго капрала“, которое такъ за нимъ и осталось въ рядахъ арміи. Самъ Бонапартъ признавался, что послѣ битвы при Лоди у него впервые зародилась мысль о предстоявшихъ ему высокихъ судьбахъ.

Непокорный освободитель.

Когда извѣстія объ успѣхахъ, одержанныхъ въ Піемонтѣ, дошли до Парижа, ихъ торжествовали тамъ по распоряженію директоріи народными празднествами. Демократическій духъ членовъ республиканскаго правительства не могъ, однако, примириться съ презрительнымъ ослушаніемъ Бонапарта, отказавшагося сообразоваться съ присланнымъ ему планомъ дѣйствій. Столь же непростительнымъ казалось имъ дерзкое самовольство молодого генерала, позволившаго себѣ дѣйствовать такъ, какъ если бы онъ обладалъ дипломатическими полномочіями. Зная, что населеніе Піемонта проникнуто въ довольно сильной уже степени революціонными воззрѣніями, французскіе директора намѣревались учредить тамъ республику. Вмѣшательство Бонапарта показалось имъ тѣмъ обиднѣе, что вынуждало ихъ заключить миръ опять таки съ монархіей. Имъ пришлось подписать 15-го мая мирный договоръ съ сардинскимъ королемъ, но передъ тѣмъ они уже рѣшились подрѣзать крылья слишкомъ проворному для нихъ соколу, поручивъ Келлерману командовать совмѣстно съ Бонапартомъ побѣдоносною арміей и назначивъ при ней Саличетти дипломатическимъ своимъ уполномоченнымъ. Извѣстіе объ этихъ мѣрахъ получено было Наполеономъ въ Лоди наканунѣ тріумфальнаго его вступленія въ Миланъ. Онъ немедленно же объявилъ директоріи: „При существующихъ условіяхъ главнокомандующимъ здѣсь долженъ быть генералъ, пользующійся вполнѣ вашимъ довѣріемъ. Если я долженъ совѣщаться о каждомъ своемъ шагѣ съ правительственными комиссарами, если они облечены будутъ правомъ отмѣнять мои распоряженія и двигать войска по собственному ихъ благоусмотрѣнію, не ожидайте тогда ничего путнаго“. Одновременно съ этимъ онъ писалъ къ Карно: „Я убѣжденъ, что плохой генералъ, да одинъ, лучше двухъ хорошихъ... Въ войнѣ, какъ и въ администраціи, тактъ играетъ главную роль... Я не хочу, чтобы мнѣ мѣшали. Кампанія начата мною недурно, и я желалъ бы продолжать ее такъ, чтобы выказать себя достойнымъ васъ, гражданинъ“. Вѣроятно, сознавая, что собственныя его республиканскія доблести навряд-ли долго устоятъ противъ представлявшихся ему всюду искушеній, онъ началъ письмо свое къ Карно, какъ бы извиняясь и предупреждая возможныя обвиненія: „Клянусь, что я имѣю въ виду исключительно лишь благо отчизны. Вы всегда найдете меня на прямомъ пути. Считаю долгомъ жертвовать республикѣ всѣми моими личными воззрѣніями. На всѣ попытки уронить меня въ вашемъ уваженіи найдется отвѣтъ въ моемъ сердцѣ и совѣсти“. Безъ сомнѣнія, незачѣмъ присовокуплять, что директорія уступила не только въ вопросѣ о единствѣ командованія, но также въ роковомъ и столь существенномъ для нея вопросѣ признанія за главнокомандующимъ полномочія вести всѣ дипломатическіе переговоры.

Дѣлая этотъ послѣдній шагъ, исполнительная власть фактически отреклась отъ своихъ правъ. Восторженное возбужденіе парижской черни и солдатъ достигло однако до такой высокой степени, что разжалованіе побѣдоноснаго диктатора, или хотя бы даже увольненіе его отъ должности, неизбѣжно повлекло бы за собой паденіе директоріи. Она не посмѣла протестовать даже и черезъ нѣсколько дней, когда получена была отъ Бонапарта депеша, извѣщавшая: „Симъ увѣдомляемъ о полученіи „Нами“ копіи съ условій достославнаго мира, заключеннаго вами съ королемъ сардинскимъ“. Въ концѣ депеши стояло многозначительное заявленіе о томъ, что войска чувствуютъ себя довольными, такъ какъ жалованье имъ выплачено наполовину звонкой монетой. Кое-гдѣ въ Парижѣ говорили тогда, что автора такой депеши слѣдовало бы по настоящему разстрѣлять. Очень можетъ быть, что тѣ, кто истолковывалъ въ наиболѣе дурномъ смыслѣ невинныя, какъ будто, выраженія, проскользнувшія въ депешѣ генерала Бонапарта, руководствовались совершенно вѣрнымъ чутьемъ. На самомъ дѣлѣ директорія уже съ октября предшествовавшаго года опиралась единственно лишь на поддержку арміи. Умышленный намекъ на это обстоятельство былъ бы для правителей до чрезвычайности обиднымъ и оскорбительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не рѣшались усматривать подобный намекъ тамъ, гдѣ имѣлась еще возможность придать словамъ иное толкованіе.

Фарсъ этотъ длился въ теченіе еще нѣкотораго времени, причемъ Бонапартъ замѣчательно искусно игралъ свою роль. Онъ послалъ въ Савойю милліонъ двѣсти тысячъ франковъ звонкой монетой генералу Келлерману прямо отъ своего имени, а не черезъ посредство правительственныхъ органовъ. Пока директорія не мѣшала Наполеону дѣлать, что ему заблагоразсудится, его депеши къ ней имѣли правдивый характеръ, приличествующій донесеніямъ съ театра войны, хотя послѣ переправы французской арміи черезъ По въ нихъ начала обнаруживаться извѣстная напыщенность и стали въ изобиліи появляться излюбленныя имъ прежде странныя и зачастую не совсѣмъ правильныя цитаты изъ древне-классическихъ и болѣе новыхъ авторовъ. Если же ему осмѣливались въ чемъ-нибудь перечить,—если къ нему не прибывали потребованныя подкрѣпленія, или же въ Парижѣ обнаруживались симптомы стремленія къ независимости, депеши главнокомандующаго итальянской арміей становились рѣзкими чуть не до дерзости. Бонапартъ начиналъ тогда жаловаться на дурное состояніе своего здоровья, угрожалъ сложить съ себя командованіе войсками и требовалъ присылки нѣсколькихъ человѣкъ, „дабы замѣнить его во многихъ должностяхъ, которыя онъ до тѣхъ поръ выполнялъ одинъ“. Разумѣется, эти выходки зачастую не производили желаемаго дѣйствія, но, съ другой стороны, не дѣлалось также сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ къ обузданію ихъ автора. Относящіеся къ тому же періоду приказы и прокламаціи Бонапарта, если ихъ читать теперь, черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ они были написаны, кажутся при свѣтѣ холодной, безпристрастной

критикѣ ходульными, напыщенными и театральными *). Въ нихъ можно разыскать, впрочемъ, между строками, извѣстную долю сантиментальности, а въ тогдашній вѣкъ романтической преданности идеаламъ подобные туманные намеки могли сойти за настоящее чувство. Каковы бы ни были, впрочемъ, ихъ стилистическіе недостатки, эти литературныя произведенія обладали весьма важнымъ достоинствомъ: они вполнѣ достигали цѣли, предположенной ихъ авторомъ, такъ какъ приводили французскихъ солдатъ въ состояніе самаго восторженнаго энтузіазма. При такихъ обстоятельствахъ, если директорія опиралась на армію, эта армія, въ свою очередь, принадлежала Бонапарту. Въ самый день вступленія побѣдоносныхъ французскихъ войскъ въ Миланъ Мармонъ слышалъ изъ устъ своего вождя знаменательныя слова: „Фортуна тоже, вѣдь, женщина, а потому, чѣмъ больше она для меня дѣлаетъ, тѣмъ больше я долженъ отъ нея требовать... Въ наше время никто не составлялъ великихъ замысловъ. Надо будетъ подать въ этомъ отношеніи примѣръ!“ Безъ сомнѣнія, Мармонъ сообщилъ о слышанномъ также и сво-

*) Приводимъ приказъ отъ 20 мая, считавшійся въ свое время чуть-ли не верхомъ совершенства. „Вы устремились подобно потоку съ вершинъ Аппенинскихъ горъ, обрушились оттуда и разнесли вдребезги все, что замышляло вамъ противиться. Вы дали возможность Піемонту питать естественныя для него чувства мира и дружбы къ Франціи. Миланъ уже вашъ и знамя республики развѣвается надъ всею Ломбардіей. Армія, столь гордо угрожавшая вамъ, не знаетъ теперь, гдѣ укрыться отъ вашего мужества. Ваши матери, жены и сестры радуются этимъ успѣхамъ и гордятся родствомъ съ вами. Солдаты! Вы сдѣлали многое, но развѣ можно сказать, что для васъ теперь не остается уже ничего болѣе дѣлать? Неужели позволительно будетъ утверждать, что, выигрывая сраженіе, мы не умѣли пользоваться побѣдами! Неужели потомство станетъ упрекать насъ въ томъ, что мы въ Ломбардіи нашли себѣ Капую! Нѣтъ! Я вижу, что вы хватаетесь уже за оружіе. Васъ тяготитъ позорный отдыхъ! Дни, потерянные для славы, утрачены для вашего счастія! Воспрянемъ же снова для новыхъ подвиговъ! Намъ предстоитъ еще совершать успѣшные переходы, побѣждать враговъ, пожинать лавры и мстить за оскорбленія!

«Пусть же трепещутъ тѣ, кто точилъ кинжалы междуусобной войны во Франціи! Пусть трепещутъ убійцы нашихъ пословъ и поджигатели нашихъ кораблей въ Тулонѣ! Часъ мщенія уже пробилъ!

«Народы могутъ оставаться совершенно спокойными! Мы друзья каждаго народа, въ особенности же потомковъ Брута, Сципіона и другихъ великихъ мужей, которыхъ беремъ себѣ за образецъ! Плодомъ нашихъ побѣдъ должно быть возстановленіе Капитолія, торжественное сооруженіе тамъ статуй героямъ, прославившимъ себя подвигами, и пробужденіе къ новой жизни римскаго народа, усыпленнаго многовѣковымъ рабствомъ. Побѣды эти начнутъ для потомства новую историческую эпоху! На вашу долю выпадетъ безсмертная слава измѣненія судебъ прелестнѣйшей страны въ Европѣ“.

Прокламація эта долго считалась художественнѣйшимъ произведеніемъ Безъ сомнѣнія, она лучше всѣхъ бонапартовскихъ приказовъ и прокламацій, изданныхъ во время итальянской кампаніи. Тѣмъ не менѣе, фигуральныя выраженія, въ которыхъ Наполеонъ сравниваетъ свою армію съ опустошающимъ горнымъ потокомъ и намеки на пораженіе, понесенное Аннибаломъ послѣ одержанныхъ имъ успѣховъ, навряд-ли могутъ считаться особенно умѣстными. Еще менѣе раціональными можно было бы признать теперь угрозы мести по адресу нѣкоторой части французскаго народа и презрительное отношеніе къ итальянцамъ.

имъ товарищамъ. Съ самаго вступленія въ Миланъ большая часть жалованья и содержанія уплачивалась въ итальянской арміи звонкою монетой. Вслѣдствіе этого въ положеніи офицеровъ произошла значительная перемѣна, отразившаяся въ нѣкоторой степени и на ихъ привычкахъ. Самъ Бонапартъ отличался неподкупностью и безкорыстіемъ. Хитрецъ Саличетти предложилъ было ему ловкій способъ обогатиться на счетъ Моденскаго герцога, но предложеніе это было отвергнуто съ благороднѣйшимъ негодованіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, самъ главнокомандующій дѣлалъ подобныя же предложенія своимъ подчиненнымъ. Обладая сравнительно меньшимъ благоразуміемъ, они попадали въ ловушку: брали все, что плохо лежало и въ концѣ-концовъ оказывались закрѣпощенными добродѣтельному своему полководцу. Ходили слухи, будто нѣкоторые генералы, не смѣя отослать во Францію свои незаконно пріобрѣтенные капиталы и не имѣя возможности пріискать для нихъ болѣе надежное помѣщеніе, возили по нѣсколько сотъ тысячъ франковъ звонкою монетой въ походныхъ своихъ чемоданахъ. Подобный подкупъ генераловъ составлялъ, впрочемъ, лишь часть финансово-политической системы побѣдоноснаго полководца. Бонапартъ объявилъ Директоріи, что общая сумма военной контрибуціи простиралась, примѣрно, до двадцати милліоновъ франковъ. При томъ безденежьѣ, въ какомъ находились тогда правители Франціи, сумма эта казалась имъ, безъ сомнѣнія, громадною. Слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что конфискація коронныхъ помѣстьевъ и секуляризація церковныхъ имуществъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ французскими войсками, доставили всего лишь такую сравнительно ничтожную сумму? Понятно, что за нихъ въ дѣйствительности было выручено гораздо больше. Казна итальянской арміи оказывалась столь же неистощимою, какъ кружка библейской вдовицы и одному лишь Бонапарту извѣстно было въ точности имѣвшееся тамъ количество денегъ. При началѣ кампаніи въ Пьемонтѣ главнокомандующій словно хвастался тѣмъ, что денежные ящики военной казны были совершенно пусты; теперь они ломились подъ грузомъ золота и уже не выставлялись болѣе на показъ, а, напротивъ того, благоразумно припрятывались. Бонапартъ былъ совершенно правъ, заявляя Міо въ іюнѣ мѣсяцѣ: „Комиссарамъ Директоріи нѣтъ дѣла до моей политики“!

Со вступленіемъ въ Миланъ начинается новая эпоха дѣятельности необыкновеннаго человѣка, личность котораго мы задались цѣлью изобразить въ общихъ чертахъ. Выяснилось, что военный геній занялъ главное мѣсто въ ряду талантовъ и способностей бывшаго корсиканскаго патріота и французскаго якобинца. Если непослѣдовательность человѣческой природы и выдвигала у него по временамъ на первый планъ опять прежнія качества, то это имѣло только временный, скоропроходящій характеръ. Завоеванная миланская область была, словно по мановенію волшебнаго жезла, снабжена временнымъ правительствомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы тотчасъ же, по полученіи на то согласія Директоріи (которое по обыкновенію запоздало), можно было образовать изъ Ломбардіи

Транспаданскую республику подъ покровительствомъ Франціи. Административная организація новой республики, до самыхъ мелочныхъ ея подробностей, выработана была Бонапартомъ или, по крайней мѣрѣ, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ мѣстныя условія, естественныя богатства страны, характеръ ея населенія, взаимныя отношенія сосѣднихъ государствъ и личныя особенности ихъ правителей. Въ депешахъ Бонапарта обнаруживаются такая вѣрная и замѣчательная точность анализа, такое короткое знакомство и съ общими характерными чертами, и съ второстепенными особенностями,—такая отчетливость и ясность пониманія, такая опредѣленность и стойкость замысловъ, что представлялось и на самомъ дѣлѣ простительнымъ предположить, будто на землѣ явился герой: полубогъ или демонъ. И передъ тѣмъ уже у Наполеона обнаруживались недюжинныя способности, но онѣ оказываются совершеннымъ ничтожествомъ, по сравненію съ олимпійской геніальностью, которая начала у него обнаруживаться съ тѣхъ поръ и продолжала затѣмъ проявляться въ теченіе многихъ лѣтъ. Мышцы у него становятся словно желѣзными, а нервы—стальными, глаза не нуждаются въ снѣ, а мозги—въ спокойствіи. Ветеранъ-венгерецъ, взятый въ плѣнъ въ битвѣ при Лоди, говорилъ о военной дѣятельности Наполеона:—Онъ совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе стратегическихъ и тактическихъ правилъ. Онъ оказывается у насъ то передъ фронтомъ, то на флангѣ, а то и въ тылу. Такое грубое нарушеніе всякихъ правилъ положительно сбиваетъ съ толка. Мы этого выносить не можемъ.—Совершенно то же самое можно было бы сказать и о политической неутомимости Наполеона. Казалось, что его разумъ и ясновидѣніе не подчинялись общечеловѣческимъ ограниченіямъ. Они дѣйствовали въ тылу, съ фланга и съ фронта замѣчательно отчетливо, хотя зачастую и одновременно. Удивительно-ли, если при такихъ обстоятельствахъ французскій народъ, только что пробуждавшійся отъ опьяненія безбожіемъ и анархіей, началъ мало по малу поддаваться очарованію такой обаятельной личности. Солдаты итальянской арміи недавно еще были, по словамъ миланскихъ газетъ, толпою голодныхъ оборванцевъ, постоянно обращавшихся въ бѣгство передъ оружіемъ его величества императора, теперь же они оказывались побѣдителями, предводимыми вторымъ Цезаремъ, или Александромъ. Ихъ прекрасно кормили, одѣвали и платили имъ жалованье за счетъ побѣжденныхъ. Этотъ феноменальный полководецъ объявлялъ пламеннымъ французскимъ республиканцамъ, а также итальянскому населенію, что задается единственною цѣлью—расторгнуть цѣпи рабства. Между тѣмъ въ ту же самую минуту онъ, такъ сказать, другою своею рукой, писалъ Директоріи, что взимаетъ двадцать милліоновъ франковъ контрибуціи со страны, которая, хотя отчасти истощена пятилѣтними войнами, но все-таки остается богатѣйшей во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Не упущено было изъ вида также французское національное тщеславіе и страсть парижанъ къ украшенію столицы. Начался грабежъ, который, если не по своему характеру, то, по размѣрамъ, являлся

до тѣхъ поръ неслыханнымъ въ современномъ мірѣ,—грабежъ научныхъ коллекцій, рукописей, картинъ, статуй и другихъ художественныхъ произведеній. Трудно выяснить теперь, на кого, собственно говоря, слѣдуетъ возложить отвѣтственность за этотъ грабежъ. Въ предшествовавшемъ году взято было нѣсколько художественныхъ произведеній изъ Бельгіи и Голландіи. Директорія неоднократно посылала формальныя предписанія относительно захвата лучшихъ художественныхъ произведеній изъ папскихъ картинныхъ галлерей и музеевъ. Тѣмъ не менѣе существуетъ всеобщее почти убѣжденіе, что самый проектъ этой формы грабежа былъ задуманъ генераломъ Бонапартомъ и улаженъ въ принципѣ еще до отъѣзда его въ армію между нимъ и Директоріей. Нельзя отрицать, что такая гипотеза представляется сама по себѣ очень правдоподобной. Во всякомъ случаѣ Бонапартъ предложилъ правительству выслать коммиссію ученыхъ и экспертовъ для изслѣдованія достопримѣчательностей, которыя найдутся въ итальянскихъ городахъ. Просьба эта была безотлагательно уважена и вскорѣ послѣ того величайшія сокровища изящныхъ искусствъ, науки и литературы начали стекаться въ парижскіе музеи, картинныя галереи и библіотеки. Въ тогдашнихъ французскихъ художественныхъ кружкахъ нѣсколько голосовъ высказалось, правда, противъ такаго святотатственнаго грабежа, но ихъ нельзя было разслышать среди общаго восторга и ликованія народныхъ массъ, словно обѣзумѣвшихъ отъ радости. Рафаель, Леонардо, Микель-Анджело, Кореджіо, Джорджіоне, Поль Веронезъ, съ картинами другихъ, менѣе выдающихся великихъ художниковъ, отправлялись цѣлыми возами къ сѣверу, черезъ Альпы, въ новый Римъ; тѣмъ временемъ Монжъ съ Бертолэ осматривали миланскій и пармскій музеи и отсылали самые рѣдкіе экземпляры изъ тамошнихъ научныхъ коллекцій во французскую столицу. Наукѣ предстоялъ на берегахъ Сены никогда еще не виданный разсвѣтъ. Великимъ итальянскимъ изслѣдователямъ надлежало, забывъ свою отчизну, пріобрѣсти право гражданства въ первоклассномъ научномъ центрѣ, возникшемъ въ столицѣ европейской свободы. Самъ Бонапартъ высказался такъ, по крайней мѣрѣ, въ бесѣдѣ съ астрономомъ Аріани. Обстоятельство это указываетъ, что у него тогда уже зародилась мысль о всемірномъ федеративномъ государствѣ, частями котораго оказывались бы отдѣльныя національныя республики.

Военная дипломатія въ Средней Италіи.

Подавивъ возстаніе въ Италіи, возбудивъ во Франціи пламенный энтузіазмъ, обезпечивъ деньгами не только французское правительство, но и свою армію, и упрочивъ положеніе Директоріи, Бонапартъ пріобрѣлъ возможность развивать и выполнять дальнѣйшіе свои планы. Передъ нимъ лежала территорія Венеціанской республики, нѣкогда могущественной и грозной, но теперь ослабѣвшей и сравнительно мягко управлявшей, по крайней мѣрѣ, сель-

скимъ населеніемъ. Недолго раздумывая, онъ приказалъ одному изъ своихъ наблюдательныхъ отрядовъ захватить Бресчію, откуда можно было удобно слѣдить за выходами изъ тирольскихъ ущелій. Французамъ, разумѣется, не было ни малѣйшаго основанія играть въ руку австрійцамъ, уважая нейтралитетъ Венеціанской республики, разъ что сами австрійцы не церемонились его нару-

Бонапартъ въ Италіи. (Съ картины Детайля).

шать. Дѣйствительно, Болье не постѣснился захватить укрѣпленный венеціанскій городъ Пескьеру, который, по своему положенію при самомъ выходѣ Минчіо изъ Гардскаго озера, обладалъ весьма важнымъ стратегическимъ значеніемъ. Австрійская армія стояла теперь лицомъ къ лицу съ преслѣдовавшими ее французами, занимая сильную оборонительную линію, тянувшуюся вдоль всего

Минчіо, при чемъ вовсе не принимались въ разсчетъ территоріальныя границы. Таково было положеніе на сѣверномъ и восточномъ фронтахъ французской арміи. На юго-восточномъ фронтѣ,—на болотистыхъ берегахъ Минчіо, близъ впаденія его въ По, лежитъ Мантуя. Городъ этотъ, являющійся при обыкновенныхъ условіяхъ почти неприступной крѣпостью, былъ занятъ усиленнымъ гарнизономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, австрійцы, для большей безопасности, затопили съ помощью искусственныхъ вододѣйствій сосѣднія низменности. Бонапартъ намѣревался отбросить Болье и овладѣть линіей Адижа, гораздо болѣе удобною, чѣмъ линія Минчіо, для обороны отъ австрійскаго вторженія съ сѣвера. Какое значеніе могъ имѣть для него нейтралитетъ безсильной республики или принципъ международнаго права, поддержанной единственно только нравственной санкціей. Австрія имѣла по международнымъ договорамъ право двигать свои войска по двумъ большимъ военнымъ дорогамъ въ венеціанскихъ предѣлахъ и разбитая ея армія воспользовалась для отступленія одной изъ этихъ дорогъ. Разумѣется, нельзя было ожидать, чтобы преслѣдующій ее побѣдитель остановился на венеціанской границѣ единственно лишь за отсутствіемъ документальнаго права на переходъ черезъ эту границу. Съ помощью демонстраціи на лѣвомъ своемъ крылѣ Бонапартъ вызвалъ у австрійцевъ увѣренность, будто намѣревается овладѣть съ боя Пескьерой и горными проходами къ сѣверу отъ Гардскаго озера. Болье стянулъ поэтому главныя свои силы къ Пескьерѣ и разсчитывалъ дать французамъ энергическій отпоръ. Вмѣсто того, чтобы аттаковать его тамъ, они быстрыми усиленными переходами, сосредоточились близъ Боргетто противъ ослабленнаго непріятельскаго центра. Кавалерія Бонапарта, бывшая въ началѣ кампаніи на плохихъ лошадяхъ, дѣйствовала тогда сравнительно робко, но теперь она была реорганизована и успѣшно выполнила поставленную ей легкую задачу. Подъ предводительствомъ Мюрата она прорвалась сквозь австрійскій кордонъ и, ободренная блестящими своими успѣхами, начала съ тѣхъ поръ отличаться своими подвигами. Бонапартъ съ главными силами поспѣшно двинулся мимо Мантуи, защитою отъ которой служили ему австрійскія же наводненія. Армія Болье оказалась такимъ образомъ разрѣзанной на двѣ части. Правое ея крыло бросилось въ горы, а лѣвое очутилось фактически въ западнѣ. Не объявляя венеціанцамъ войны, французы тотчасъ заняли Верону, а черезъ нѣсколько дней захватили и Леньяго. Покинутая австрійцами, Пескьера была укрѣплена, а Пиччигетоне занятъ съ такою же безцеремонностью, съ какой передъ тѣмъ поступлено было съ Бресчіей. Въ то же самое время французы взимали въ венеціанскихъ владѣніяхъ всевозможныя контрибуціи, при чемъ стѣснялись еще менѣе, чѣмъ въ Миланской области. Съ занятіемъ французскими войсками упомянутыхъ пунктовъ Мантуя оказывалась болѣе изолированной, чѣмъ если бы она была на самомъ дѣлѣ обложена. Тѣмъ не менѣе, нѣсколькими недѣлями позже, признано было болѣе благоразумнымъ не оставлять запершимся въ нихъ австрійцамъ ни малѣйшей лазейки,

а потому передъ выходами изъ Мантуи расположился восьмитысячный французскій отрядъ.

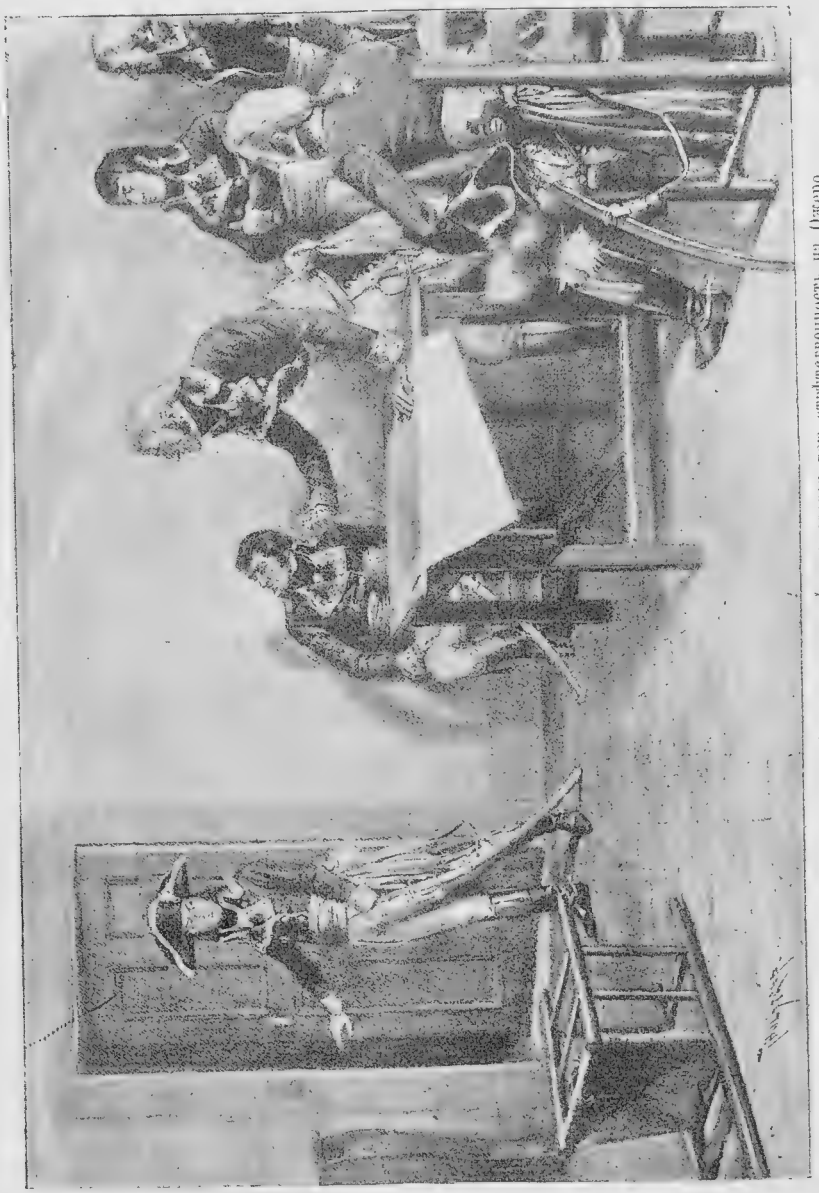
Не подлежало сомнѣнію, что черезъ нѣсколько недѣль вторгнется черезъ Альпійскіе горные проходы сильная австрійская армія. Подаваться далѣе впередъ черезъ венеціанскую территорію было для французовъ весьма опасно. При такихъ обстоятельствахъ не оставалось другого исхода, какъ заняться осадою Мантуи, взятіе которой долженствовало обезпечить владычество французовъ надъ всей средней Италіей. Казалось, что главнокомандующій французской арміей могъ бы воспользоваться представлявшимся ему свободнымъ промежуткомъ времени для отдыха, тѣмъ болѣе, что стояли страшнѣйшіе лѣтніе жары, но въ дѣйствительности этотъ именно періодъ былъ для Бонапарта періодомъ самой неутомимой дѣятельности. Какъ уже упомянуто, Директорія имѣла первоначально ввиду раздѣлить начальство надъ войсками въ Италіи. Келлерману тогда было бы поручено организовать республики въ Пьемонтѣ и Миланской области, а затѣмъ защищать ихъ отъ вторженія австрійцевъ съ сѣвера сквозь Тирольскіе проходы; Бонапарта же съ его арміей хотѣли двинуть на югъ вдоль берега, чтобы произвести послѣдовательныя революціи въ Генуѣ, Тосканѣ, Папской области и въ Неаполѣ. Бонапартъ съ негодованіемъ отвергъ этотъ планъ и блестящими своими успѣхами вынудилъ Директорію не только извинить это неповиновеніе, но и фактически одобрить его образъ дѣйствій. Теперь ему представлялся случай доказать свою предусмотрительность. Директорія не понимала, но самъ онъ какъ нельзя лучше понималъ, что единственнымъ грознымъ врагомъ Франціи на сухомъ пути являлась Австрія, могущество которой служило вмѣстѣ съ тѣмъ могущественнымъ оплотомъ для всей тогдашней Италіи. Могущество это было теперь сломлено, по крайней мѣрѣ, временно, и вся итальянская политическая система, съ уничтоженіемъ поддерживавшей ее подпоры, сперва расшаталась, а затѣмъ рухнула. Это случилось какъ разъ въ промежутокъ времени, свободный отъ военныхъ операцій. Бонапарту такимъ образомъ представлялся удобный случай и онъ немедленно рѣшилъ имъ воспользоваться.

Съ фронта Бонапартъ временно чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ, такъ какъ Венеціанская республика была фактически въ его власти. Зато въ его тылу образовались отряды повстанцевъ, носившихъ названіе собаченокъ (barbets). Отряды эти сформировались на Генуезской территоріи на средства французскихъ эмигрантовъ и угрожали недавно завоеваннымъ проходамъ во Францію въ самомъ опасномъ мѣстѣ, а именно тамъ, гдѣ Лигурійскія Альпы встрѣчаются съ Аппенинами. Бонапартъ, во-первыхъ, заставилъ безпрекословно ему повиновавшійся Піемонтъ заключить дополнительное соглашеніе, по которому въ руки французовъ была передана сильная крѣпость Александрія. Вторымъ его шагомъ было отправленіе къ Генуѣ Мюрата и Ланна съ достаточно сильнымъ летучимъ корпусомъ, чтобы устранить у Генуезской республики всякую мысль о сопротивленіи. Имъ было

поручено схватить и разстрѣлять бунтовщиковъ, укрывшихся на Генуезской территоріи послѣ ломбардскаго возстанія, пригрозить сенату дальнѣйшими репрессаліями и потребовать немедленной высылки австрійскаго полномочнаго министра изъ Генуезскихъ владѣній. Отъ Директоріи получено было предписаніе прогнать англійскій флотъ изъ Ливорнскаго порта, гдѣ, несмотря на мирный договоръ между Тосканой и Франціей, великогерцогское правительство дозволяло англичанамъ устроивать даже арсеналы. Предписаніе это было выполнено. Неаполь не осмѣлился ожидать вторженія французской арміи и просилъ пощады. Бонапартъ, не считавшій умѣстнымъ дробить свои силы, удовлетворился отреченіемъ неаполитанскаго короля отъ коалиціи противъ Франціи; неаполитанскія суда отдѣлились отъ союзной эскадры и вернулись въ свои порты; подобнымъ же образомъ неаполитанская конница, находившаяся при австрійской арміи, покинула знамена императора и вернулась во-свояси. Самый Римъ рѣшено было временно оставить въ покоѣ. Центръ тяжести папскихъ владѣній лежитъ въ Болоньѣ и другихъ заапеннинскихъ легатствахъ, занимавшихъ плодороднѣйшіе округа во всей Италіи. Тамъ можно было нанести папской власти тяжелый и небезвыгодный для французовъ ударъ.

На моденскомъ тронѣ возсѣдалъ австрійскій эрцъ-герцогъ. Бонапартъ обошелся съ его правительствомъ очень безцеремонно и фактически лишилъ его всякой власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ съ него контрибуцію въ десять милліоновъ франковъ, не считая двадцати лучшихъ картинъ, имѣвшихся тогда въ герцогствѣ. Пармскій великій герцогъ принадлежалъ къ испанскому царствующему дому, съ которымъ Франція заключила уже мирный договоръ и надѣялась придти къ еще болѣе выгодному для себя соглашенію. Великому герцогу было поэтому милостивѣйше разрѣшено заключить перемиріе, уплативъ громадную, но все же сносную еще контрибуцію въ два милліона франковъ деньгами, за то онъ долженъ былъ передать французамъ продовольственные свои запасы и кавалерійскихъ лошадей. Въ числѣ двадцати картинъ, захваченныхъ французами въ Моденѣ, имѣлся Св. Іеронимъ работы Корреджіо; эрцъ-герцогъ неоднократно предлагалъ за нее выкупъ въ милліонъ франковъ, въ который ее оцѣнили, но предложеніе это было отвергнуто. Затѣмъ дошла очередь до Болоньи и окружавшей ее территоріи. Тираннія теократической администраціи въ папскихъ владѣніяхъ съумѣла вызвать къ себѣ такую ненависть, что населеніе этого стариннаго университетскаго города привѣтствовало французовъ съ непритворной радостью. Лучшая часть папской области по собственному желанію ея населенія свергла съ себя иго римскаго первосвященника. Преемникъ Св. Петра радъ былъ и тому, что ему дозволили сохранить за собой столицу, уплативъ за нее выкупъ въ двадцать одинъ милліонъ франковъ. На самомъ дѣлѣ пришлось уплатить гораздо больше, такъ какъ папскіе музеи и картинныя галлереи были ограблены, совершенно также какъ въ Моденѣ. Кромѣ того,

французы не стѣснялись взимать контрибуціи не въ счетъ выкупа и присваивали себѣ всюду суммы, принадлежавшія



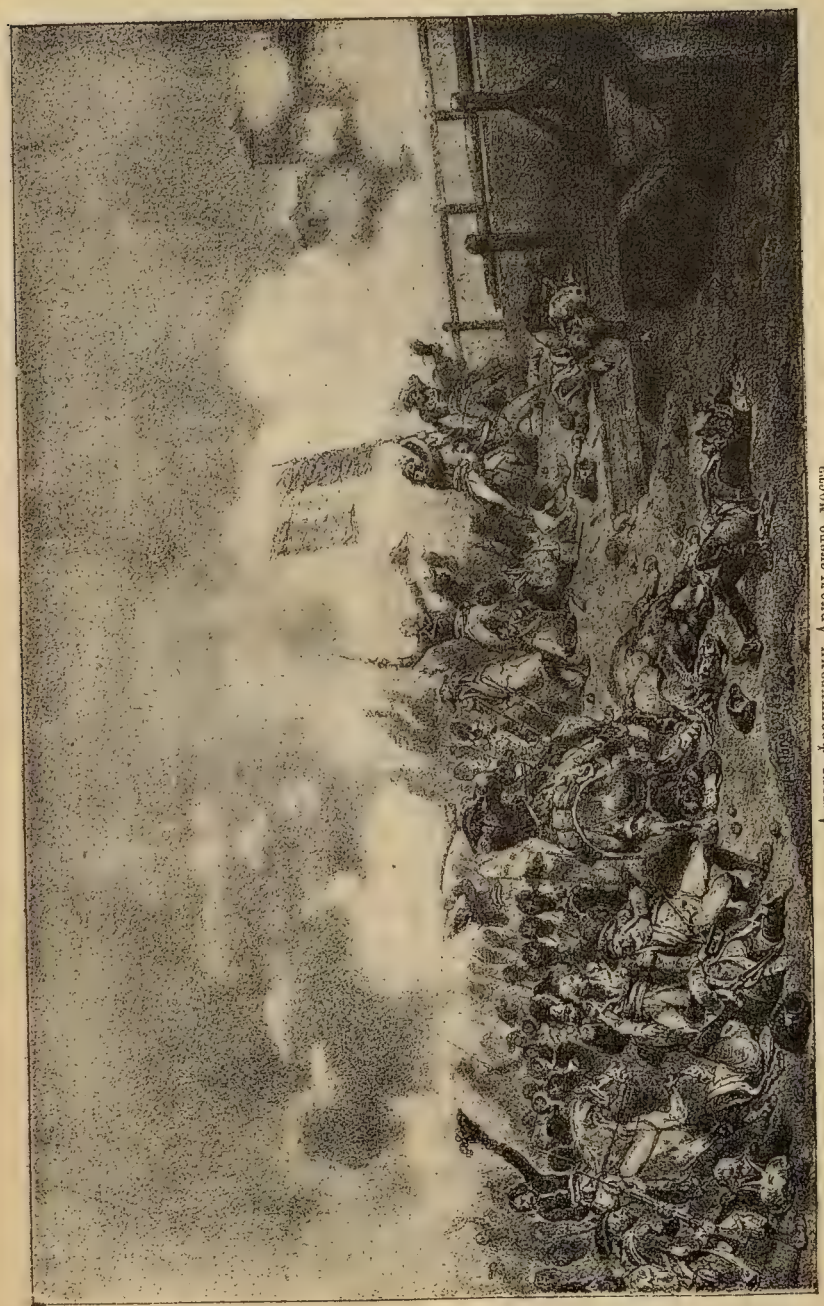
Бонапартъ уходитъ изъ засѣданія военнаго совѣта, возлагая всю отвѣтственность на Ожеро.

папскому казначейству. Короче сказать, они хозяйничали въ папскихъ владѣніяхъ такимъ образомъ, что сумма, полученная въ

одномъ только Парижѣ, превышала вдвое номинальную сумму контрибуціи. Бонапартъ объяснялъ Директоріи, что все это только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди и что достигнутые имъ финансовые результаты должны разсматриваться лишь какъ плоды лѣтнихъ вакацій. Онъ писалъ въ Парижъ, отъ 21-го іюня 1796 года: „Мы заключили перемиріе скорѣе съ лѣтними жарами, чѣмъ съ папскою арміей, а потому вамъ, какъ мнѣ кажется, незачѣмъ торопиться заключеніемъ мира. Тогда въ сентябрѣ мѣсяцѣ, если въ Германіи и сѣверной Италіи все будетъ благополучно, намъ никто не помѣшаетъ занять Римъ".

Въ дѣйствительности можно было думать, что талантливый генералъ обнаруживаетъ замѣчательную умѣренность. Таково было, повидимому, собственное его мнѣніе; то же самое думали и запуганные итальянцы, сознававшіе полнѣйшую свою беззащитность. Каково бы ни было первоначальное соглашеніе между главнокомандующимъ итальянской арміей и Директоріей, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что она начала ожидать и требовать отъ Италіи всяческихъ благъ. Не довольствуясь тѣмъ, что было уже получено, французскіе директора предписывали теперь Бонапарту ограбить ливорнскіе верфи и арсеналы, раздобыть въ Генуѣ мачты, канаты и прочія принадлежности снаряженія судовъ, вытребовать изъ Милана лошадей, запасы провіанта и фуража и взять съ царствующихъ итальянскихъ государей дополнительную контрибуцію золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Что касается до свѣтской власти папы, то французскіе радикалы упразднили бы ее съ радостью. Они помнили, что дипломатическій агентъ французской республики былъ убитъ въ Римѣ на улицѣ и что со стороны папскаго правительства не послѣдовало за это убійство никакого вознагражденія, хотя бы даже въ формѣ наказанія убійцъ. Они признавали папу истиннымъ зачинщикомъ страшной междуусобной войны, вызванной во Франціи отказомъ значительной части духовенства признать республику, а эта война все еще продолжала свирѣпствовать. Слѣдуетъ замѣтить также, что всѣ вообще сторонники тогдашняго сантиментальнаго и философскаго движенія, какъ въ самой Франціи, такъ и за-границей, считали теократическую централизацію и тиранію папской власти даже въ церковныхъ дѣлахъ опаснымъ остаткомъ абсолютизма. Бонапартъ оказывался, однако, значительно дальновидиѣе такихъ „теоретиковъ".

Правда, онъ взималъ съ Италіи страшныя контрибуціи, но дѣлалъ это съ такимъ разсчетомъ, что ихъ все-таки можно было выплатить и по истеченіи нѣкотораго времени оправиться въ достаточной степени для новаго кровопусканія. Онъ зналъ также, что итальянскій либерализмъ значительно разнится отъ воззрѣній французскихъ радикаловъ и что римскій папа, обратившійся въ послушное орудіе, окажется для французовъ несравненно полезнѣе, какъ въ самой Италіи, такъ и въ Европѣ, чѣмъ непримиримый папа, бѣжавшій изъ Вѣчнаго города. Ослабивъ и унизивъ папу, какъ свѣтскаго государя, Бонапартъ, тѣмъ не ме-



Аттака французами Аркольскаго моста.
(Съ литографіи Белланже).

нѣе, пощадилъ его, быть можетъ, руководствуясь разсчетомъ, что папа, какъ глава католицизма, съ теченіемъ времени пригодится ему самому; кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что главнокомандующій итальянской арміи прекрасно сознавалъ громадное нравственное вліяніе своей умѣренной и, повидимому, нелицепріятной политики. Будучи отъ природы человѣкомъ страстнымъ и не любящимъ отказывать себѣ въ удобствахъ безъ особенной въ томъ надобности, онъ, въ качествѣ выдающагося представителя республиканскихъ принциповъ, усиленно старался теперь вести самую простую жизнь, одѣвался болѣе, чѣмъ скромно, такъ какъ ходилъ въ сильно поношенныхъ мундирахъ и, руководствуясь вѣрнымъ разсчетомъ, продолжалъ хладнокровно отказываться отъ колоссальныхъ взятокъ, которыя постоянно предлагались ему разными итальянскими державцами. Генералы и состоявшіе при арміи правительственные агенты оказывались всѣ въ его рукахъ, такъ какъ они всѣ по его милости страшно разбогатѣли; самъ же онъ остался сравнительно бѣднякомъ, чуть что не нищимъ, если принять во вниманіе высокое его положеніе. Армія была ему предана беззавѣтно; Италія и весь міръ должны были наглядно убѣдиться, въ какой степени его умѣренность отличалась отъ ненасытной жадности республики и ея орудій, которыми служили такіе вандалы, какъ правительственные комиссары Гаро и Саличетти.

Таковы были досуги генерала, который, по внѣшности, производилъ впечатлѣніе совершенно обыкновеннаго, дюжиннаго человѣка. На медаляхъ, выбитыхъ въ память перваго отдѣла итальянской компаніи, онъ остается тѣмъ же самымъ худощавымъ юношей съ жиденькими волосами, какимъ былъ въ предшествующемъ году, когда пріѣхалъ въ Парижъ. Можно было подмѣтить, впрочемъ, что прежнее выраженіе равнодушнаго спокойствія приняло нѣсколько преувеличенный, а слѣдовательно искусственный характеръ; взглядъ сдѣлался прямѣе и проницательнѣе, чѣмъ въ былыя времена, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся окружающая атмосфера казалась проникнутой авторитетной повелительностью, на половину умышленной, на половину безсознательной. Честолюбіе Бонапарта давно уже развилось до крайнихъ предѣловъ: властныя манеры, служившія ему внѣшнымъ воплощеніемъ, выработывались сравнительно медленно и постепенно, но тѣмъ не менѣе въ генералѣ Бонапартѣ обрисовывался уже императоръ Наполеонъ *).

Борьба за Мантую.

Тѣмъ временемъ наступилъ уже конецъ іюля мѣсяца. Вурмзера, котораго Австрія считала лучшимъ своимъ полководцемъ, вызвали съ береговъ Рейна въ Вѣну и послали съ 30,000 свѣжихъ войскъ собрать разбросанные въ Тиролѣ остатки арміи

*) Замѣчаніе Виктора Гюго: см. Saint—Beuve «Portraits Contemporains» I, 384.

Болье. Принявъ затѣмъ надъ этою арміей главное начальство, онъ долженъ былъ двинуться на выручку Мантуи. Сообразно съ инструкціями гофкригсрата и слѣдуя общепринятой тогда ошибочной системѣ кабинетнаго веденія войны,—системѣ, отъ которой такъ энергически открещивался Бонапартъ, Вурмзеръ спускался съ альпійскихъ горъ тремя колоннами, въ которыхъ оказывалось въ общей сложности подъ ружьемъ около 53.000 человѣкъ, не считая гарнизона Мантуи, простиравшагося приблизительно до 15.000 человѣкъ. Армія Бонапарта была несравненно слабѣе, такъ какъ въ ней имѣлось подъ ружьемъ всего 42.000 человѣкъ, изъ которыхъ 8.000 осаждали Мантую. Вурмзеръ былъ полководцемъ старой школы, исполнявшимъ съ точностью автомата предписанія своего монарха, двора и министровъ. Подъ его начальствомъ состояли прекрасно снаряженные батальоны, гдѣ каждый рядовой обходился государству до такой степени дорого, что слѣдовало избѣгать кровопролитныхъ сраженій ужь для того, чтобы не вводить казну въ чрезмѣрные расходы. При такихъ обстоятельствахъ Вурмзеръ, подобно всѣмъ лучшимъ генераламъ одной съ нимъ категоріи, старался свести войну, по мѣрѣ возможности, къ маневрированію. Противникомъ его былъ геній, не признававшій мертвую букву какихъ бы то ни было правилъ для себя обязательною и обезпечившій себѣ полнѣйшую свободу дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу революціонныхъ традицій, вполнѣ согласовавшихся съ традиціями Фридриха Великаго, геній этотъ считалъ войну не игрою, а въ высшей степени серьезной распрей, долженствовавшей разрѣшиться на поляхъ сраженій. Чѣмъ быстрѣе можно было достигнуть окончательнаго ея рѣшенія, тѣмъ лучше. Національная конскрипція, устроенная по системѣ Дюбуа де-Крансе, обезпечила возможность пополнять убыль въ рядахъ армій новобранцами, обходившимися сравнительно дешево. Организаціонный планъ, придуманный Карно, облегчивъ механизмъ управленія большими массами войскъ, сдѣлалъ эти массы гораздо болѣе подвижными. Бонапарту предстояло показать, какихъ результатовъ можно достигнуть съ помощью оружія, даннаго ему въ руки.

Обладаніе Мантуей оказывалась рѣшающимъ по отношенію къ судьбамъ Италіи, такъ какъ всѣ мелкія итальянскія государства должны были подчиниться вліянію владѣльца этой крѣпости. Если Бонапарту удастся ее взять и сохранить за собою, Австрія будетъ окончательно вытѣснена изъ Италіи и утратитъ весь свой престижъ. Въ Вѣнѣ понимали какъ нельзя лучше необходимость во что бы то ни стало спасти Мантую, такъ какъ потеря ея повлекла бы за собою не только утрату австрійскаго политическаго вліянія па Аппенинскомъ полуостровѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нанесла бы тяжкій ударъ положенію Австріи въ Европѣ. Задавшись этою цѣлью и слѣдуя установленнымъ стратегическимъ правиламъ, австрійцы двинулись тремя отрядами на французскую оборонительную линію, тянувшуюся отъ Бресчіи черезъ Пескьеру и Верону къ Леньяго на Адижѣ. Два изъ этихъ отрядовъ, насту-

павшіе по восточному и западному берегамъ Гардскаго озера, должны были охватить съ обоихъ фланговъ численно слабѣйшаго непріятеля, окружить его и взять въ плѣнъ. Третій отрядъ, долженствовавшій идти на выручку Мантуи, стоялъ на Адижѣ передъ Вероной. Между этой рѣкой и Гардскимъ озеромъ подымается грандіозный массивъ Монте-Бельдо, обрывистый на восточномъ и болѣе отлогій на западномъ своемъ склонѣ. Этотъ послѣдній, на которомъ имѣлось нѣкоторое пространство для маневрированія, являлся дѣйствительно ключемъ отъ двери въ Италію. Первый натискъ австрійцевъ въ этомъ направленіи былъ настолько силенъ, что французскіе полки въ Лонато и Риволи были оттѣснены. Одно время можно было опасаться, что лѣвый флангъ французской арміи потерпитъ окончательное пораженіе. Ему удалось, однако, удержаться и воспрепятствовать дальнѣйшему наступленію праваго крыла австрійцевъ. Въ теченіе цѣлаго дня Бонапартъ и Вурмзеръ стояли другъ противъ друга. Тѣмъ временемъ лѣвая австрійская колонна шла къ Веронѣ, а крайняя, правая, подъ начальствомъ Квазданович, овладѣла Бресчіей, захватила большую дорогу на Миланъ и отрѣзала французамъ путь отступленія. Первый отдѣлъ стратегическаго плана Вурмзера былъ выполненъ совершенно удачно. Имѣлся моментъ, когда можно было ожидать, что и остальная часть плана увѣнчается такимъ же успѣхомъ. Французская армія казалась поставленной въ критическое положеніе.

При такой обстановкѣ разыгралась первая изъ странныхъ, чтобы не сказать болѣе, сценъ, случавшихся иногда въ жизни Бонапарта. Нѣкоторые, а именно очевидцы, приписывали ихъ просто напросто паническому страху. Приказавъ снять осаду Мантуи и заклепать стоявшую уже на контръ-батареяхъ осадную артиллерію, Наполеонъ тотчасъ же направилъ къ Бресчіи освободившуюся такимъ образомъ дивизію; численность ея была, однако, слишкомъ ничтожна для того, чтобы столь слабое подкрѣпленіе могло существенно измѣнить общее положеніе дѣлъ. Собранъ былъ поэтому военный совѣтъ, дабы рѣшить, должна-ли французская армія сдѣлать рискованную попытку и дать при такихъ условіяхъ сраженіе непріятелю, располагавшему превосходными силами, или же надлежитъ ей отступать? Главнокомандующій казался до чрезвычайности возбужденнымъ и совѣтовалъ отступить. Правда, австрійцы стояли уже между французскою арміею и Аддой, такъ что пришлось бы уходить низовьями и переправиться черезъ По, при чемъ отступленіе легко могло превратиться въ безпорядочное бѣгство. Тѣмъ не менѣе за эту комбинацію высказались всѣ генералы, кромѣ одного Ожеро, который объявилъ, что считаетъ позорнымъ и неумѣстнымъ отступленіе въ какую бы ни было сторону и съ негодованіемъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ происходило засѣданіе совѣта. Бонапартъ до поздней ночи прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, но подъ конецъ какъ будто присоединился къ мнѣнію Ожеро и продиктовалъ диспозицію къ сраженію. Первыя наступательныя движенія, произведенныя на основаніи

этой диспозиціи, оказались неудачными и Бонапартъ, повидимому, счелъ это неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ, а потому снова созвалъ своихъ генераловъ. Ожеро открылъ засѣданіе совѣта рѣчью, которая, не смотря на театральный и декламаторскій свой тонъ, была въ высшей степени дѣльною. Ободряя своихъ товарищей, онъ указывалъ на неизбѣжную необходимость дать сраженіе. На этотъ разъ изъ комнаты удалился Бонапартъ, находившійся, казалось, въ состояніи полнѣйшаго отчаянія. Удаляясь, онъ поручилъ главное начальство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю отвѣтственность смѣлому Ожеро, восторженный энтузіазмъ котораго, повліялъ на всѣхъ другихъ генераловъ. Рискованное предпріятіе удалось притомъ какъ разъ по диспозиціи, выработанной Наполеономъ. Ожеро отдалъ необходимыя приказанія и быстро сосредоточившаяся французская армія устремилась въ Лонато, чтобы ударить на Квазданович. Въ результатѣ получилась побѣда, одержанная безъ особыхъ усилій. Непріятель вынужденъ былъ отступить на благородную дистанцію, очистилъ 3-го августа Бресчію, а затѣмъ войска Квазданович отошли за Гардское озеро, чтобы присоединиться къ Вурмзеру, находившемуся на другомъ берегу этого озера. Подобно маятнику, возвращающемуся послѣ размаха въ прежнее положеніе, французы быстро двинулись назадъ и въ тотъ же вечеръ встрѣтились съ войсками австрійскаго центра. Теперь вся французская армія была въ сборѣ, а во главѣ ея стоялъ Бонапартъ, тогда какъ австрійскія войска, спѣшившія поддержать Квазданович, достигли Лонато въ числѣ приблизительно 25.000. Оказалось, что Вурмзеръ, увѣренный въ побѣдѣ, потерялъ въ Мантуѣ цѣлый день. Французамъ пришлось дать вторичный бой почти на томъ же самомъ полѣ сраженія и они вторично одержали побѣду. Австрійцы были на этотъ разъ такъ разгромлены, что отдѣльныя массы ихъ бродили безцѣльно, не зная куда отступать. Одна изъ такихъ блуждающихъ колоннъ, силою въ 4.000 человѣкъ, дойдя до Лонато, нашла его почти уже покинутымъ французами. Тамъ оставался только Бонапартъ съ своимъ штабомъ, подъ прикрытіемъ всего лишь 1.200 человѣкъ. Полковникъ, командовавшій австрійской колонной, послалъ парламентера требовать сдачи города. Парламентеру завязали на аванпостахъ глаза, поспѣшно собрали всѣхъ имѣвшихся на лицо представителей побѣдоносной арміи, построили ихъ въ каре и приведя парламентера въ середину этого каре, сняли съ него повязку. Ослѣпленный сотнями блестящихъ мундировъ, австрійскій парламентеръ положительно остолбенѣлъ, увидѣвъ передъ собою Бонапарта и услышавъ повелительный голосъ, приказывавшій ему вернуться и объявить своему командиру, что французскій главнокомандующій считаетъ присланное ему предложеніе сдаться личнымъ оскорбленіемъ, а потому австрійская колонна будетъ безпощадно уничтожена, если тотчасъ не положитъ оружіе. Дерзкая самоувѣренность Бонапарта произвела желаемое впечатлѣніе; четырехъ-тысячная австрійская колонна безпрекословно сдалась въ плѣнъ. Вурмзеръ, потерявъ такимъ образомъ въ однихъ только частныхъ бояхъ 14.000

человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, рѣшилъ дать на слѣдующее утро генеральное сраженіе и двинулся впередъ, примыкая правое свое крыло къ Гардскому озеру. Бонапартъ направилъ рѣшительный ударъ въ центръ его растянутой, а вслѣдствіе того слабой боевой линіи, находившейся въ Кастильоне. Упорная битва окончилась еще за свѣтло поспѣшнымъ отступленіемъ австрійцевъ въ Тироль. Если бы рискованныя операціи, съ помощью которыхъ Бонапартъ высвободилъ французскую армію изъ критическаго ея положенія, закончились вмѣсто успѣха катастрофой, то въ отвѣтѣ за нее, разумѣется, остался бы никто иной, какъ сумасбродъ Ожеро, во что бы ни стало хотѣвшій драться. Теперь же, разумѣется, вся слава осталась за Бонапартомъ, составившимъ диспозицію даже къ первому рѣшительному бою подъ Лонато. Паническій страхъ Бонапарта оказывается поэтому не лишеннымъ благоразумнаго разсчета и производитъ впечатлѣніе ловко сыгранной роли. Вскорѣ послѣ того французы заперли уже опять всѣ выходы изъ Мантуи, и хотя не обложили вполнѣ этой крѣпости, но держали ее въ блокадѣ. Вурмзеру удалось снабдить Мантую запасами продовольствія и гарнизонъ ея былъ усиленъ, тогда какъ осаждающимъ пришлось заклепать свою артиллерію Тѣмъ не менѣе, французы, потерявъ всего лишь около 10.000 человѣкъ, владѣли линіями Минчіо и Адижа, тогда какъ Австрія, потерявъ за время кампаніи до 40.000 солдатъ и офицеровъ, обманулась и на этотъ разъ въ своихъ надеждахъ. Обѣ арміи, и французская, и австрійская, были теперь истощены и ослаблены, но распря между ними оставалась еще не рѣшенной, такъ какъ Мантуя все-таки продолжала держаться.

Съ величайшей поспѣшностью двинуты были къ обѣимъ арміямъ подкрѣпленія изъ Вѣны и изъ Парижа. Вмѣстѣ съ войсками, прибывшими изъ австрійской столицы, Вурмзеръ получилъ положительнѣйшія предписанія идти вторично на выручку Мантуи. По приказанію императора двадцатитысячный корпусъ подъ командою Давидовича оставленъ былъ въ австрійскомъ Тиролѣ у Ровередо, близъ Тріента, чтобы остановить наступленіе французовъ, которые, получивъ подкрѣпленіе, направлялись сквозь тирольскіе горные проходы, словно съ намѣреніемъ пройти въ Мюнхенъ на соединеніе съ Моро. Главныя силы австрійской арміи, подъ предводительствомъ самого Вурмзера, перешли въ долину Бренты и направлялись оттуда къ Мантуѣ. На случай, если бы Вурмзеру пришлось повернуть на западъ, чтобы ударить на французовъ, корпусъ Давидовича долженъ былъ двинуться къ нему на помощь въ долину Адижа. Бонапартъ не имѣлъ, однако, ни малѣйшаго желанія уходить изъ Италіи, оставляя ее на жертву австрійцамъ; въ его разсчеты тоже не входило быть запертымъ въ тирольскихъ долинахъ. Стремительно ударивъ на Давидовича, онъ разбилъ его подъ Ровередо и прогналъ далеко за Тріентъ въ горныя ущелья, но самъ пробылъ въ Тріентѣ лишь столько времени, сколько было необходимо, чтобы издать прокламацію, въ которой провозглашалась автономія Тироля подъ французскимъ

протекторатомъ. Неблагодарное тирольское мужичье предпочло ту автономію, которою фактически уже пользовалось и, укрѣпившись на гребняхъ отвѣсныхъ скалъ, упорно сопротивлялось тамъ мелкимъ французскимъ отрядамъ. Поспѣшно свернувъ въ долину Бренты, французы послѣ двухъ-дневнаго сильнаго перехода настигли близъ Примолано неожидавшій ихъ появленія арьергардъ Вурмзера и взяли въ плѣнъ часть этого арьергарда. На слѣдующій день, 8-го сентября, главныя силы Вурмзера были разбиты на голову близъ Бассано. Престарѣлому генералу не оставалось послѣ того иного выхода, какъ отступать и, если возможно, пробраться въ Мантую. Часть его арміи ушла уже изъ Бассано въ Фріуль, по дорогѣ въ Вѣну. Съ остававшимися въ его распоряженіи 16.000 человѣкъ Вурмзеръ, послѣ ряда замѣчательно ловкихъ контръ-маршей, пробрался мимо фланга блокировавшихъ Мантую французскихъ войскъ и укрылся въ стѣнахъ крѣпости, которую ему приказано было освободить.

Молніеносная быстрота дѣйствій Бонапарта довершила деморализацію австрійскихъ войскъ: укрѣпленныя ущелья и скалы, подъ прикрытіемъ которыхъ они пробовали держаться въ Тиролѣ, переходили въ руки аттаковавшихъ французовъ также легко, какъ укрѣпленія, воздвигнутыя на равнинѣ. У Вурмзера имѣлось въ Мантуѣ 26.000 человѣкъ, но половина ихъ лежала въ лазаретахъ, заболѣвши отъ страха и лихорадкой.

Тѣмъ временемъ на сѣверномъ театрѣ войны французскому оружію не везло: Журданъ переправился черезъ Рейнъ въ Дюссельдорфѣ, а Моро въ Келѣ; у каждаго изъ нихъ имѣлось около 75.000 человѣкъ, тогда какъ армія эрцъ-герцога Карла, ослабленная войсками, отправленными Вурмзеромъ въ Италію, оказывалась численно гораздо слабѣе. По плану кампаніи, одобренному директоріей, обѣ французскія арміи должны были идти параллельно другъ съ другомъ въ глубь Германіи, держась южнѣе нейтральной полосы, а затѣмъ, вступивъ черезъ Тироль въ связь съ арміей Бонапарта, надлежало всѣмъ сообща ударить на австрійскую столицу. Разбивъ австрійцевъ, Моро безпрепятственно дошелъ до Мюнхена; Вюртембергъ и Баденъ заключили тогда съ Франціей сепаратный миръ, а Саксонія, отозвавъ свои войска изъ коалиціонной арміи, объявила себя нейтральной по примѣру Пруссіи. Въ свою очередь Журданъ овладѣлъ Вюрцбургомъ и выигралъ сраженіе подъ Альтенкирхеномъ, но на пути къ Регенсбургу встрѣтился близъ Неймаркта съ арміей эрцъ-герцога Карла и былъ разбитъ на голову. Этотъ молодой эрцъ-герцогъ съумѣлъ ловко воспользоваться урокомъ, полученнымъ отъ Моро. Какъ бы то ни было, послѣ пораженія, понесеннаго Журданомъ, обѣимъ французскимъ арміямъ пришлось отступить за Рейнъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла всякая надежда на выполненіе первоначальнаго плана кампаніи. При такихъ обстоятельствахъ общее вниманіе должно было сосредоточиться на побѣдоносной итальянской арміи и молодомъ ея главнокомандующемъ, предсказывавшемъ заранѣе, что судьбы Европы будутъ зависѣть отъ исхода итальянской его кампаніи.

Арколе.

Императорское оружіе покрыло себя блестящею славой на сѣверномъ театрѣ войны. При такихъ обстоятельствахъ возникалъ вопросъ: неужели австрійцамъ не удастся выручить Мантую и возстановить свой престижъ также на южномъ театрѣ войны? Въ Вѣнѣ рѣшились не щадить никакихъ усилій для достиженія этого результата. Были созваны тирольскіе стрѣлки, въ Иллиріи и Хорватіи произведенъ усиленный рекрутскій наборъ и, кромѣ того, изъ арміи эрцъ-герцога Карла взяты кое-какія старыя, испытанныя въ бояхъ войска. По сосредоточеніи этихъ подкрѣпленій у генерала Кваздановича въ Фріулѣ оказалось подъ ружьемъ 35.000, а у Давидовича въ Тиролѣ—18.000 человѣкъ. Главное начальство надъ обѣими арміями поручено было Альвинци, пожилому, опытному генералу, принадлежавшему къ одной категоріи съ Вурмзеромъ. Приблизительно 1-го октября обѣ арміи одновременно двинулись впередъ, одна внизъ по Адижу, а другая вдоль по Піаве, съ тѣмъ, чтобы соединиться подъ Виченцой, а затѣмъ идти на выручку Мантуи. Бонапарту въ четвертый разъ приходилось сражаться почти на той же самой мѣстности, имѣя противъ себя врага, располагавшаго тѣмъ же самымъ численнымъ перевѣсомъ. Даже и цѣль борьбы оставалась прежняя, такъ какъ задача французовъ состояла опять таки въ томъ, чтобы не допустить австрійцевъ до освобожденія Мантуи. Положеніе Бонапарта, однако, слегка улучшилось. Дѣйствительно, изъ западной арміи прибыло къ нему въ подкрѣпленіе нѣсколько надежныхъ батальоновъ, безъ которыхъ можно было обойтись въ Вандахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его армія была въ изобиліи снабжена всѣмъ необходимымъ для энергическаго веденія войны и воодушевлена пламеннымъ энтузіазмомъ. Самъ Бонапартъ доносилъ директоріи отъ 1-го октября, что у него имѣется въ полѣ подъ ружьемъ всего лишь 30.000 человѣкъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, однако, истинная численность была нѣсколько болѣе, такъ какъ не вѣрится, чтобы 18.000 французскихъ солдатъ и офицеровъ лежало въ лазаретахъ, какъ это заявлялось въ упомянутомъ донесеніи. Населеніе въ тылу арміи и въ окрестныхъ мѣстностяхъ постепенно утрачивало довѣріе къ Австріи и становилось болѣе расположеннымъ къ Франціи. Изъ многихъ городовъ были поэтому выведены гарнизоны, получившіе иное назначеніе. Вообще за вычетомъ 8.000 человѣкъ, осаждавшихъ Мантую, у Бонапарта должно было оставаться до 40.000 человѣкъ для противодѣйствія австрійцамъ.

Тѣмъ не менѣе четвертый отдѣлъ итальянской кампаніи начался для него очень неблагопріятно. Чтобы воспрепятствовать соединенію двухъ непріятельскихъ армій, Наполеонъ приказалъ генералу Вобуа, оставленному въ долинѣ Адижа выше Тріента для охраны завоеванныхъ французами позицій, аттаковать Давидовича. Аттака эта была отбита и Давидовичъ, самъ перейдя въ наступленіе, послѣдовательно вытѣснялъ французовъ изъ всѣхъ позицій, на которыхъ они пробовали держаться. Вобуа вынужденъ

былъ уступить австрійцамъ сперва Тріентъ, а затѣмъ Роверед̀ъ. Съ трудомъ удалось ему удержаться на правомъ берегу Адижа, у Риволи, на плоскогорьѣ командовавшемъ южными склонами Монте-Бальдо; другой берегъ рѣки былъ въ австрійскихъ рукахъ и Давидовичъ могъ совершенно спокойно дебушировать со всею своей арміей на равнину. Достигнутые имъ успѣхи обусловливались преимущественно искуснымъ образомъ дѣйствій тирольскаго ополченія, набраннаго изъ горцевъ, превосходныхъ стрѣлковъ и охотниковъ. Тѣмъ временемъ Массена выступилъ вверхъ по Піаве изъ Бассано, чтобы наблюдать за Альвинци, а дивизія Ожеро сосредоточивалась въ Веронѣ. 4-го ноября Альвинци продолжалъ наступательное движеніе и занялъ Бассано, вынудивъ Массену податься назадъ. Бонапартъ, рѣшившись воспрепятствовать соединенію обѣихъ австрійскихъ армій, бросился съ дивизіей Ожеро на помощь Массенѣ, разсчитывая прогнать Альвинци обратно въ долину Піаве. 6-го ноября Ожеро и Массена цѣлый день сражались съ австрійцами; первый близъ Бассано, а второй у Читаделлы. Эти первыя битвы были не рѣшительны, но, получивъ ночью извѣстіе о пораженіи Вобуа, французы признали за лучшее на другой день отступить. Ничто не препятствовало теперь соединенію обѣихъ австрійскихъ армій. 9-го ноября Альвинци выступилъ къ Веронѣ, куда отошли французы 8-го ноября. Казалось, что армія Бонапарта будетъ аттакована одновременно съ обоихъ фланговъ и окончательно разбита.

Бонапартъ при Арколе.
(Съ портрета Гро).

Верона лежитъ на обоихъ берегахъ Адижа, черезъ который перекинуто нѣсколько мостовъ, но главная часть города расположена на правомъ берегу. Остатки дивизіи Вобуа собраны были у Риволи, въ нѣсколькихъ миляхъ выше Вероны. Бонапартъ всячески старался воспользоваться рѣкою, какъ естественною преградой. Альвинци, въ свою очередь, продолжая тѣснить французскіе передо-

вые посты, заняли выгодную позицію близъ Кальдіеро, на отлогомъ склонѣ, командующемъ лѣвымъ берегомъ. Давидовича удерживала стоявшая на риволійскомъ плато дивизія Вобуа. Наполеонъ далъ этой дивизіи строгій выговоръ и пристыдилъ ее такъ, что она горѣла жаждою отмстить австрійцамъ за прежнія свои пораженія. При такихъ обстоятельствахъ войска Давидовича оставались на правомъ берегу Адижа нѣсколько сѣвернѣе Риволи, причемъ слѣдовало ожидать, что они переправятся на противоположный берегъ для соединенія съ Альвинци. Чтобы воспрепятствовать этому, Массена было поручено 12-го ноября энергически аттаковать позицію Альвинци. Не смотря на геройское мужество, выказанное французскими войсками, нападеніе это было отбито съ большимъ урономъ: у нихъ выбыло изъ строя до 3.000 человѣкъ. Положеніе Бонапарта оказывалось теперь еще болѣе критическимъ, чѣмъ въ прошедшій разъ у Кастильоне: двѣ побѣдоносныя австрійскія арміи угрожали ему съ фланговъ, а Вурмзеръ съ третьей арміей стоялъ на готовѣ ударить изъ Мантуи ему въ тылъ. Если бы австрійскіе полководцы вздумали дѣйствовать сообща, то Бонапарту пришлось бы поспѣшно отступать. Онъ былъ, однако, вполнѣ убѣжденъ въ отсутствіи у его противниковъ общаго плана дѣйствій, а потому, составивъ изъ войскъ, собранныхъ подъ Вероной и блокировавшихъ Мантую 20.000 армію, рѣшился перейти съ нею, внизъ по теченію Адижа, въ болотистую мѣстность близъ Ронко, гдѣ надлежало переправиться черезъ рѣку и если возможно ударить близъ Вилановы на правый флангъ Альвинци. Маневръ этотъ былъ самъ по себѣ чрезвычайно опасенъ, но удался какъ нельзя лучше и считается военными спеціалистами одною изъ самыхъ лучшихъ комбинацій во всѣхъ вообще кампаніяхъ Бонапарта. Австрійцы, привыкшіе къ старинной системѣ методичной войны, оказывались среди болотъ, рвовъ и плотинъ въ чрезвычайно невыгодной обстановкѣ сравнительно съ французскими войсками, которыя дѣйствовали небольшими колоннами, а потому были гораздо подвижнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ построеніе колоннами придавало большую стойкость аттакамъ въ штыки, а потому являлось при тогдашней слабой дѣйствительности ружейнаго и артиллерійскаго огня весьма цѣлесообразнымъ, особенно же для наступательныхъ дѣйствій.

Въ то время когда австрійцы думали, что французская армія отступаетъ на западъ, удерживая за собою Верону сильнымъ арьергардомъ, она, перейдя черезъ Адижъ, быстро направилась къ Ронко, благополучно перешла тамъ снова на лѣвый берегъ и очутилась на флангѣ австрійской позиціи.

Первый отпоръ встрѣченъ былъ французами при Арколе, гдѣ не особенно длинный, но узкій мостъ соединялъ высокія насыпи и плотины, регулировавшія теченіе небольшой рѣки Альпона, впадающей въ Адижъ съ лѣвой стороны. Мостъ этотъ защищали два батальона хорватскихъ новобранцевъ. Командовавшій ими полковникъ Бравидо поставилъ два или три полевыхъ орудія такъ, чтобы продольно обстрѣливать и самый мостъ и подступы къ нему.

Французы наступали тремя колоннами по тремъ дорогамъ, средняя изъ которыхъ вела прямо на мостъ. Первая попытка перейти

Бонапартъ на аркольскомъ мосту.

черезъ него была отражена убійственнымъ огнемъ хорватовъ, расположившихся за надежными закрытіями. Ожеро съ своими гренадерами

былъ тоже отбитъ съ большими потерями, не смотря на то, что самъ съ знаменемъ въ рукахъ бросился впередъ на мостъ. Третья аттака оказалась столь же безуспѣшной, хотя во главѣ аттакующихъ шелъ на этотъ разъ Бонапартъ. Когда знаменщикъ былъ убитъ, Бонапартъ подхватилъ знамя и собственноручно водрузилъ его на мосту. Французскіе гренадеры ринулись было впередъ, но встрѣченные дружнымъ залпомъ хорватовъ смѣшались, были опрокинуты ударомъ въ штыки и отхлынули назадъ, причемъ увлекли съ собою главнокомандующаго. Неловко своротивъ въ сторону, Бонапартъ завязъ въ болотѣ, изъ котораго выбрался живымъ лишь благодаря тому, что гренадеры въ четвертый разъ бросились въ аттаку, прогнали австрійцевъ обратно за мостъ и высвободили „маленькаго капрала“. Одушевленные безстрашнымъ мужествомъ Бонапарта, французскія войска бросились снова штурмовать мостъ. Къ этому времени другой французскій отрядъ переправился уже нѣсколько ниже черезъ Альпонъ на паромѣ. Обстоятельство это неблагопріятно подѣйствовало на новобранцевъ, которые такъ мужественно отстаивали до тѣхъ поръ мостъ, вслѣдствіе чего, не смотря на значительныя подкрѣпленія, приведенныя самимъ Альвинци, новая аттака, произведенная французами, удалась и аркольскій мостъ былъ ими взятъ. Вслѣдъ затѣмъ они овладѣли городомъ Арколе и вышли въ тылъ непріятелю, отрѣзавъ его отъ артиллерійскихъ парковъ и резервовъ, находившихся еще въ долинѣ Бренты. Это не принесло, однако, Бонапарту ожидаемыхъ выгодъ, такъ какъ Альвинци искусно отступилъ съ кальдіерской своей позиціи по нѣсколькимъ проселочнымъ дорогамъ и мосту, находившемуся сѣвернѣе Арколе, овладѣть которымъ французамъ своевременно не удалось.

Наполеонъ поспѣшно вернулся въ Ронко и перешелъ на правый берегъ Адижа. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что Давидовичъ успѣлъ уже опрокинуть Вобуа и перешелъ въ энергическое наступленіе. На самомъ дѣлѣ австрійскій генералъ преспокойно стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, не обнаруживая никакихъ поползновеній къ дѣятельности. Отступленіе французовъ привело Альвинци въ заблужденіе. Полагая, что имѣетъ дѣло съ отрядомъ, прибывшимъ изъ подъ Мантуи, онъ быстро устремился, вслѣдъ за отступавшими французами и такъ энергически насѣдалъ на нихъ, что Бонапарту пришлось снова переправить свои главныя силы черезъ Адижъ на прибрежную болотистую низменность. Его противнику памятенъ былъ отчаянный бой за Аркольскій мостъ, а потому, видя, что имѣетъ дѣло съ цѣлой арміей и что пересѣченная, болотистая мѣстность неблагопріятна для маневрированія австрійскихъ войскъ широкимъ развернутымъ фронтомъ, онъ не рѣшился вступить въ борьбу съ французскими колоннами и предпочелъ благоразумно отойти къ Арколе. Тамъ австрійцы заняли свою прежнюю крѣпкую позицію. Бонапартъ съ своей стороны счелъ благоразумнымъ удержаться отъ новой фронтальной аттаки, которая была бы сопряжена съ громадными потерями, и пытался взамѣнъ того обойти непріятельскую пози-

цію, переправившись въ бродъ черезъ Альпонъ при сліяніи этой рѣчки съ Адижемъ. Попытка эта не удалась и французы, не пріобрѣтя никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, опять отступили къ Ронко. Неудачи эти, повидимому, еще болѣе изощряли настойчивость и предпріимчивость молодого французскаго главнокомандующаго. Къ утру 19-го числа онъ придумалъ новый планъ дѣйствій, который и былъ успѣшно приведенъ въ исполненіе. Одинъ изъ понтовъ моста, наведеннаго черезъ Адижъ, затонулъ. Австрійскій передовой отрядъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы напасть на мостовой караулъ, стоявшій на лѣвомъ берегу, безъ сомнѣнія, разсчитывая въ случаѣ удачи разрушить весь остальной мостъ. Нападеніе это было отражено и аттакующихъ погнали обратно къ болотамъ, которыми они прикрывали свой флангъ. Гарнизоны Арколе и сосѣдней деревушки, Порчиля, серьезно опасаясь за участь своихъ сотоварищей, устремились къ нимъ на выручку по тропамъ, пролегавшимъ черезъ болото, и такимъ образомъ фактически доказали проходимость этого болота. Къ тому же попытка спасти передовой отрядъ, неосторожно завязавшій бой съ полубригадой, охранявшей мостъ, не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ значительная часть дивизіи Массены, расположенная въ засадѣ въ лѣсу позади плотины, внезапно аттаковала этотъ отрядъ съ фланговъ и съ тыла и такимъ образомъ истребила его въ конецъ, захвативъ болѣе 2.000 плѣнныхъ.

Переведя большую часть дивизіи Ожеро черезъ Альпонъ по мосту на козлахъ, устроенному почью и не опасаясь болѣе наступательныхъ покушеній со стороны австрійцевъ, Бонапартъ рѣшился самъ аттаковать главныя силы Альвинци, не смотря на то, что они занимали весьма выгодную позицію, примыкавшую однимъ флангомъ къ Арколе, а другимъ къ обширному болоту и прикрытую съ фронта частью рѣкою Альпономъ, частью же болотами. Обойти ее съ фланга можно было не иначе, какъ по плотинѣ, тянувшейся между этими болотами и Адижемъ, что представлялось до чрезвычайности рискованной операціей. Бонапартъ поэтому на нее и не рѣшился, а взамѣнъ того прибѣгнулъ къ военной хитрости,ославъ въ обходъ по плотинѣ двадцать пять человѣкъ изъ собственнаго своего коннаго конвоя, со всѣми имѣвшимися въ наличности трубачами. Офицеру, командовавшему этимъ отрядомъ, приказано было, зайдя непріятелю во флангъ, трубить аттаку. Эта демонстрація напугала австрійцевъ, предположившихъ, себя обойденными значительными силами, тѣмъ болѣе, что и за другимъ ихъ флангомъ появились французы (небольшой отрядъ, высланный изъ Леньяго). Альвинци, въ строгости придерживаясь правилъ кабинетной стратегіи, поспѣшилъ ввиду такого двойного обхода, сняться съ позиціи и отступилъ по виченцскому шоссе. Благодаря этому, французы, занявъ Порчиль и Арколе, прервали прямое сообщеніе между обѣими австрійскими арміями. Результатъ этотъ былъ купленъ цѣною трехдневнаго боя, въ которомъ они потеряли до четырехъ съ половиной тысячъ человѣкъ выбывшими изъ строя. Почти всѣ французскіе генералы были ранены.

Тѣмъ временемъ Давидовичъ, выйдя, наконецъ, изъ своего загадочнаго бездѣйствія, рѣшился аттаковать дивизію Вобуа и, не смотря на упорное сопротивленіе, оттѣснилъ ее, сперва съ риволійскаго плато, а затѣмъ, — заставилъ переправиться за Минчіо.

Узнавъ о пораженіи Вобуа, Бонапартъ немедленно же устремился на Давидовича, намѣреваясь отрѣзать ему путь отступленія, но Давидовичъ, узнавъ о грозившей ему опасности, своевременно ретировался по долинѣ Адижа и ушелъ въ Тріентъ. Альвинци хотѣлъ было оказать ему помощь, перейдя снова въ наступленіе, но, узнавъ, что Бонапартъ съ значительными силами идетъ къ нему наперерѣзъ, отступилъ за Бренту.

Если бы Вурмзеръ, запертый въ Мантуѣ, выказалъ нѣсколько большую энергію, онъ могъ бы легко прорваться сквозь линію блокады. Вмѣсто того онъ пропустилъ удобный моментъ и сдѣлалъ вылазку изъ крѣпости лишь тогда, когда Бонапартъ, отразивъ Альвинци и Давидовича, прислалъ уже къ блокадному корпусу подкрѣпленіе. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ вылазка не могла имѣть никакого успѣха.

Въ концѣ 1796 года у Бонапарта имѣлось подъ ружьемъ опять уже до 44.000 человѣкъ. Изъ нихъ десять тысячъ, подъ начальствомъ Жубера, стояли въ окрестностяхъ Риволи, и десять же тысячъ блокировали Мантую. Сверхъ того, до одиннадцати тысячъ были размѣщены по крѣпостямъ для обезпеченія тыла арміи.

Наполеонъ завоеватель и дипломатъ.

Развитіе у Бонапарта стремленія повелѣвать.—Риволи и капитуляція Мантуи.—Папа и Венеція у ногъ Бонапарта.—Лобенскій миръ.—Паденіе Венеціанской республики.

Развитіе у Бонапарта стремленія повелѣвать.

Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, съ половины ноября 1796 и до половины января 1797 года, обнаруживаются въ характерѣ и поведеніи Бонапарта замѣтныя перемѣны. Послѣ Арколе онъ сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ новичекъ, выигравшій битву подъ Монтенотте. Военное его счастье дважды висѣло на волоскѣ: въ первый разъ его выручила отчаянная храбрость, съ которой Рампонъ съ своей полубригадой защищалъ редутъ на Монте-Леджино, а во второй — смѣлая рѣшимость, выказанная Ожеро въ битвѣ подъ Лонато. Дважды Бонапартъ чуть не попался въ плѣнъ: разъ при Валеджіо, а въ другой разъ подъ Лонато. Дважды его жизнь была спасена въ разгаръ боя, словно чудомъ (подъ Лоди и Арколе). Факты эти, повидимому, оставили въ его душѣ глубокое впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, Бонапартъ

постарался воспользоваться ими наивыгоднѣйшимъ образомъ для дальнѣйшаго шага къ самовозвеличенію. До тѣхъ поръ онъ рисковалъ собою въ такой же степени, какъ величайшій смѣльчакъ изъ его подчиненныхъ, не задумываясь ежечасно ставить свою жизнь на карту. Теперь онъ сталъ какъ будто въ большей степени сознавать личную свою цѣнность и сообразно съ этимъ взвѣши-

Наполеонъ Бонапартъ въ 1796 году.
(Съ портрета Понторини).

вать не только рискъ, которому можно было подвергнуть его особу, но также и умѣстность дозволять большую или меньшую короткость съ нею постороннимъ лицамъ. Постепенно и неоффиціально образовалось вокругъ его особы нѣчто вродѣ отряда тѣлохранителей. По мѣрѣ того, какъ начали свыкаться съ этимъ фактомъ, означенный отрядъ превращался, словно самъ собою, въ отборную часть войскъ, числиться въ которой считали для себя честью лучшіе офицеры и превосходнѣйшіе солдаты итальянской арміи. Главнокомандующій, постоянно окруженный своею гвардіей, тѣмъ са-

мымъ необходимо выдѣлялся изъ среды другихъ генераловъ, съ которыми находился до тѣхъ поръ въ товарищескихъ отношеніяхъ. Установилось нѣчто вродѣ формальнаго этикета, который затѣмъ уже самъ собою выработался и установился въ деталяхъ. Черезъ это всѣ прочіе генералы оказались еще дальше отодвинутыми отъ главнокомандующаго и, еще до наступленія 1797 года, у нихъ выработалась привычка обращаться къ нему въ выраженіяхъ, изъявлявшихъ высокую степень внѣшняго почтенія. Это повело къ фактическому пресѣченію прежняго панибратства съ человѣкомъ, который еще такъ недавно былъ для нихъ лишь первымъ между равными. Врожденное у Бонапарта стремленіе повелѣвать окрѣпло при такихъ обстоятельствахъ въ привычку къ властному до непреклонности авторитету. Принимая во вниманіе характеръ совершившихся событій, надлежитъ признать, что даже самый завзятый демократъ на мѣстѣ Наполеона былъ бы не въ силахъ задержать естественный ходъ этого процесса. Дѣйствительно, всѣ принципы, которыми руководствовался Бонапартъ, нашли себѣ въ этихъ событіяхъ блистательнѣйшее подтвержденіе.

Самъ Наполеонъ считалъ впослѣдствіи первую свою итальянскую кампанію, разсматриваемую какъ одно цѣлое, величайшимъ изъ военныхъ своихъ подвиговъ. Позднѣйшая критика военныхъ спеціалистовъ подтвердила это мнѣніе. Произвести переворотъ въ какой бы то ни было цѣльной системѣ—соціальной, политической, или же военной, является во всякомъ случаѣ гигантскимъ трудомъ. Между тѣмъ, Бонапартъ выполнилъ этотъ трудъ лѣтомъ и осенью 1796 года и притомъ не въ одной лишь системѣ, а во всѣхъ трехъ за-разъ. Какъ это и всегда бываетъ въ подобныхъ переворотахъ, дѣло сводилось преимущественно не къ качественнымъ, а скорѣе къ количественнымъ измѣненіямъ. Все обусловливалось, если можно такъ выразиться, степенью теоретическаго и практическаго примѣненія извѣстныхъ уже и передъ тѣмъ принциповъ. Такъ, напримѣръ, правило: „раздѣляй, чтобы побѣдить“, съ незапамятныхъ уже временъ вошло въ поговорку, но, тѣмъ не менѣе энергическое приложеніе его Бонапартомъ къ веденію войны и къ политикѣ въ Италіи являлось само по себѣ новшествомъ. Какъ уже упомянуто, существенное различіе между Наполеономъ и Фридрихомъ Великимъ заключалось въ отсутствіи у этого послѣдняго возможности ежемѣсячно расходовать по десяти тысячъ человѣкъ, понятіе же о томъ, что война должна быть короткой и грозной, было какъ нельзя болѣе яснымъ и для великаго пруссака. Организаціонные таланты Карно и другія условія обстановки въ концѣ восемнадцатаго столѣтія доставили еще болѣе великому корсиканцу случай доказать самымъ неопровержимымъ образомъ справедливость этого принципа. Необходимость сосредоточенія аттакующимъ всѣхъ его силъ для прорыва сквозь брешь въ стѣнѣ укрѣпленнаго города сознавалась всѣми и во всѣ времена, но побѣдоносное примѣненіе этого самаго правила къ непріятельской оборонительной линіи на театрѣ

войны, столь хорошо извѣстное Юлію Цезарю, пришло послѣ того въ забвеніе. Воскрешеніе его было характернѣйшей чертой наполеоновскаго военнаго генія. Военные спеціалисты XVII и XVIII столѣтія до такой степени преувеличили значеніе форма-

Бонапартъ въ Италіи въ 1796 г. (Съ литографіи Раффе).

листики, что упустили изъ вида необходимость должнаго соотношенія тѣхъ или иныхъ боевыхъ формъ съ полемъ сраженія. Основные законы этихъ соотношеній пришли почти окончательно въ забвеніе. Употребленіе карты и циркуля, изученіе рельефа мѣстности и т. п. привели въ рукахъ Бонапарта къ результатамъ, которые казались чуть что не чудомъ для людей, плохо уяснившихъ себѣ истинную суть дѣла. Однимъ изъ практическихъ принциповъ, выработавшихся этимъ путемъ у Наполеона, являлось противопоставленіе негибкому и сравнительно плохо подвижному строю прежней школы, неправильной, въ большей или меньшей степени разомкнутой, боевой линіи, расположенной въ каждомъ данномъ случаѣ соотвѣтственно съ мѣстными условіями, такъ, чтобы примѣняться къ нимъ возможно точнѣе и лучше. Первые два дня битвы подъ Арколе являлись наглядным доказательствомъ вѣрности этихъ принциповъ. Необходимо также замѣтить, что на французскихъ солдатъ производили извѣстнаго рода обаяніе также и черты первобытнаго дикаря, таившіяся въ ихъ генералѣ. Правда, что эти черты отчасти маскировались и сдерживались воспитаніемъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ всегда проглядывали до извѣстной степени въ желаніи дать своимъ воинамъ возможность обогатиться плодами одержанныхъ ими побѣдъ. Энергическая воля, соединенная съ такимъ характеромъ, заставляла Бонапарта презрительно относиться къ установленнымъ рамкамъ возможнаго въ требованіяхъ къ самому себѣ и къ своимъ войскамъ. Благодаря этой могучей волѣ, ему удавалось совершать съ ними подвиги, въ высшей степени лестные для свойственной французамъ любви къ необычайному, идеальному и великому. Въ удачномъ сочетаніи и развитіи всѣхъ упомянутыхъ элементовъ лежало нѣчто грандіозное, которое и самъ Бонапартъ, и каждый солдатъ его арміи, какъ нельзя лучше понималъ и цѣнилъ.

Обыкновенно полагаютъ, что у Бонапарта военная сторона генія была развита значительно сильнѣе другихъ сторонъ. Сколько можно судить на основаніи ближайшихъ послѣдствій и окончательно упрочившихся результатовъ, всего болѣе бросающихся въ глаза, заключеніе это кажется совершенно правильнымъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что таланты полководца являлись лишь одною изъ многихъ сторонъ его генія. Ближайшей къ нимъ по значенію, а можетъ быть даже и равноцѣнной, была его дѣятельность въ политикѣ и дипломатіи. Нѣтъ ничего легче критики, которая сводится къ брани. Обзывать итальянскіе народы и даже всѣ европейскія націи изнѣженными и развращенными, смѣяться надъ ихъ государственными учрежденіями, какъ надъ устарѣвшими и объявлять ихъ правителей идіотами, дѣло весьма не трудное. Съ помощью свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ опытомъ человѣчества за протекшее съ тѣхъ поръ столѣтіе, любой дилетантъ по части исторіи можетъ утверждать, что для ниспроверженія дряхлаго, подгнившаго зданія не было ни малѣйшей надобности обладать какимъ-либо необычайнымъ могуществомъ. Такого метода держатся порицатели Наполеона, если они

не предпочитаютъ въ добавленіе къ этому сперва преувеличить дурныя стороны Бонапарта, а потомъ еще болѣе исказить дѣйствительное соотношеніе, разсматривая его достоинства и таланты сквозь уменьшительное стекло. Намъ всѣмъ извѣстно, что все великое, разъ если оно уже совершено, представляется вовсе не труднымъ. Разгадка тайны, если она уже дана, кажется всегда изумительно простою. Разсматривая Бонапарта въ сферѣ нравственныхъ отношеній, не слѣдуетъ забывать, что это было дитя природы, предназначавшееся, повидимому, къ скромной долѣ. Ему пришлось съ ранней молодости много выстрадать отъ жестокой безсердечности общества,—прибѣгать уже въ юныхъ лѣтахъ ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ для самосохраненія и вести борьбу съ окружающей безсовѣстной средою ея собственнымъ же оружіемъ. Ему нельзя было измѣниться въ одно мгновеніе ока. Достиженіе славы и могущества не могло ослабить двоедушія въ его характерѣ, а, напротивъ того, должно было усилить таковое. Не подлежитъ сомнѣнію, что яркій свѣтъ, начинавшій уже падать на личность генерала Бонапарта, выставлялъ въ сравнительно болѣе рѣзкихъ чертахъ всѣ его недостатки и пороки. Несомнѣнно, что правдивость, честность и безкорыстіе теоретически признаются добродѣтелями во всѣхъ философскихъ системахъ и должны были бы служить основою взаимныхъ отношеній между христіанами, не позволительно задать себѣ вопросъ: откуда могъ явиться категорическій императивъ для выполненія означенныхъ добродѣтелей у молодого корсиканца, выросшаго въ полномъ невѣдѣніи нравственнаго и религіознаго чувства и попавшаго затѣмъ въ бурную атмосферу французской революціи? Соображенія эти являются особенно необходимыми при оцѣнкѣ политической дѣятельности Бонапарта. Заключенныя имъ сперва конвенціи съ среднеитальянскими державцами имѣли, по его собственнымъ словамъ, лишь временной характеръ. Созданное такимъ образомъ неопредѣленное положеніе являлось въ данную минуту до извѣстной степени пріятнымъ для директоріи. Она стремилась къ разрушенію существующихъ учрежденій, предоставляя затѣмъ порядку

Іосифъ Альвинци, баронъ фонъ-Барберекъ.

выработываться изъ хаоса какъ знаетъ. Въ качествѣ доктринеровъ, французскіе директора хотѣли бы уничтожить абсолютную монархію не только въ Италіи, но и вездѣ, гдѣ возможно, а затѣмъ опочить на лаврахъ, предоставляя освобожденнымъ народамъ устраиваться по собственному благоусмотрѣнію. Нѣкоторые изъ директоровъ наивно вѣрили, что изъ анархіи возникнетъ, въ силу законовъ природы, радикальнѣйшая демократія, тогда какъ другіе ласкали себя таковой же увѣренностью, что въ результатѣ получится конституціонная монархія. И тѣмъ и другимъ служило нѣкоторымъ извиненіемъ то обстоятельство, что въ перспективѣ, созданной разстояніемъ, всѣ отношенія кажутся болѣе простыми, чѣмъ при разсмотрѣніи ихъ вблизи. Искренность республиканскихъ убѣжденій Бонапарта, подобно искренности всего его поведенія, зависѣла отъ обстоятельствъ времени и мѣста, т. е. отъ реальныхъ фактовъ, а не отвлеченныхъ принциповъ. Онъ зналъ итальянскую чернь и вполнѣ вѣрно обрисовывалъ ее въ своихъ письмахъ, какъ тупоумную, невѣжественную, ненадежную, неподготовленную и совершенно неспособную къ самоуправленію. Онъ былъ не прочь установить въ Италіи формальный механизмъ конституціоннаго управленія, но видѣлъ, что этотъ механизмъ, не смотря на искреннюю поддержку со стороны многихъ сторонниковъ революціи, вѣроятно, или даже неизбѣжно, рухнетъ подъ собственной своей тяжестью, и былъ убѣжденъ въ необходимости, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, посторонняго властнаго протектората. Съ военной точки зрѣнія ему казалось неизбѣжно необходимымъ, чтобы итальянскіе народы помогли привести въ порядокъ разстроенные французскіе финансы и пополнить казну „итальянской“ арміи. Столь же необходимымъ представлялось ему для Франціи воскресить свою интеллектуальную энергію, взявъ съ освобожденныхъ ею народовъ дань также и сокровищами наукъ и искусствъ. На основаніи политическихъ своихъ соображеній онъ находилъ искусственныя границы подлежавшими уничтоженію, какъ это было сдѣлано и во Франціи, для достиженія однородности, являвшейся необходимымъ условіемъ національнаго и административнаго единства.

Что касается самихъ итальянцевъ, то они не понимали ни цѣлей французскаго правительства, ни политическихъ видовъ своего завоевателя. Переходное положеніе, въ которомъ онъ ихъ оставилъ, производило, вообще говоря, на умы тяжелое впечатлѣніе. Запуганныя мѣстныя власти всего болѣе желали въ данную минуту сохранить status quo, разсчитывая воспользоваться такъ или иначе дальнѣйшими событіями. Каждый одержанный австрійцами успѣхъ вызывалъ многочисленныя мѣстныя возстанія, которыя безпощадно подавлялись командирами французскихъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ тылу арміи. Временныя правительства вскорѣ утратили всякій авторитетъ, и враги Франціи не преминули воспользоваться возникавшей при этомъ неурядицей, чтобы уничтожить, по крайней мѣрѣ, отчасти, плоды одержанныхъ французами

побѣдъ. Такъ, напримѣръ, англичане взамѣнъ Ливорно овладѣли портомъ Ферайо. Римскій папа позволилъ себѣ еще болѣе смѣлый шагъ и, несмотря на перемиріе, заключенное имъ съ французами, дѣятельно набиралъ войска, съ помощью которыхъ разсчитывалъ вернуть себѣ Болонью, Феррару и прочія утраченныя легатства. Такимъ образомъ, въ промежуткахъ между затрудни-

Битва при Риволи 14 января 1797 г. (Съ картины Филиппото, въ Версальскомъ музеѣ).

тельнѣйшими военными операціями, шла въ умѣ Бонапарта въ высшей степени важная лихорадочная политическая дѣятельность, державшаяся на одномъ уровнѣ съ ухищреніями по части внутренней политики, къ которой ему приходилось прибѣгать въ Парижѣ для обезпеченія себѣ возможности успѣшнаго продолженія военныхъ дѣйствій

Съ самаго начала кампаніи обнаружился уже антагонизмъ между видами директоріи и стремленіями самого Бонапарта. Соблюдая установленныя формальности, главнокомандующій какъ будто и обращался за совѣтомъ къ директоріи, но дѣйствовалъ всегда по собственнымъ своимъ соображеніямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присланныя ему инструкціи и зачастую принималъ фактическія рѣшенія раньше, чѣмъ эти инструкціи могли быть ему высланы. Онъ зналъ какъ нельзя лучше несостоятельность и слабость директоріи и вытекавшую оттуда нелѣпость отношеній, въ которыхъ онъ оказывался поставленнымъ къ директорамъ. Они въ свою очередь тоже понимали это, хотя быть можетъ и не въ такой степени ясно. Какъ бы ни было, исторію завоеванія Италіи можно разсказать такимъ образомъ, какъ если бы генералъ Бонапартъ дѣйствовалъ по собственному своему усмотрѣнію и подъ своей собственной отвѣтственностью. Необходимо замѣтить, что въ своихъ прокламаціяхъ къ итальянцамъ онъ говорилъ однимъ языкомъ, въ письмахъ къ директоріи другимъ, а въ немногихъ сохранившихся конфиденціальныхъ замѣткахъ, предназначавшихся для членовъ семьи—третьимъ. На самомъ дѣлѣ онъ продолжалъ по прежнему руководствоваться всегдашнимъ своимъ принципомъ: неукоснительно пользоваться злобою дня для своихъ личныхъ выгодъ. По сколько онъ могъ обладать любовью къ какой-либо странѣ, онъ испытывалъ это чувство относительно Франціи. По сколько можетъ быть рѣчь о его принципахъ, они являлись воззрѣніями, вытекавшими изъ французской революціи. Въ окончательномъ результатѣ все складывалось, однако, такъ, какъ если бы преуспѣяніе Франціи и огражденіе революціонныхъ принциповъ съ каждымъ днемъ все болѣе обусловливалось умиротвореніемъ Италіи, побѣдой надъ Австріей и преобладаніемъ арміи. Достиженіе всѣхъ этихъ трехъ цѣлей оказывалось возможнымъ лишь для одного человѣка. Онъ одинъ только былъ въ состояніи придать должную устойчивость неопредѣленной и мечтательной политикѣ директоріи. Одинъ только онъ могъ сдерживать въ должныхъ рамкахъ безсовѣстное грабительство комиссаровъ и чиновниковъ, присланныхъ ею въ Италію. Онъ только одинъ могъ, не нарушая законовъ логической послѣдовательности, одной рукой, если можно такъ выразиться, усмирять Италію, а другою поднимать ее и ободрять къ энергической плодотворной дѣятельности. Только онъ одинъ могъ, наконецъ, обогатить и прославить Францію, сломивъ и унизивъ горделивое соперничество Габсбурговъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это удавалось передъ тѣмъ какой-либо изъ ея королевскихъ династій.

Эта обстановка дѣлала Бонапарта въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ податливѣйшимъ, ласковѣйшимъ и сговорчивѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, тогда какъ съ другой стороны она еще болѣе развивала въ немъ властную непреклонность. Всѣ эти качества отражаются въ тогдашней перепискѣ главнокомандующаго итальянской арміей. Каждое письмо къ директоріи изобилуетъ похвалами офицерамъ и солдатамъ, и требованіемъ наградъ для особенно

отличившихся. Въ письмѣ къ генералу Клерку изъ Вероны отъ 19-го ноября 1796 года онъ патетически заявляетъ: „Племянникъ вашъ Элліотъ убитъ въ сраженіи подъ Арколе. Этотъ юноша освоился съ военнымъ дѣломъ и не разъ уже шелъ во главѣ атакующихъ колоннъ. Изъ него выработался бы съ теченіемъ времени превосходный офицеръ. Онъ палъ славною смертью передъ лицомъ непріятеля и умеръ мгновенно, безъ всякихъ страданій. Какой разсудительный человѣкъ не позавидуетъ такой смерти? Въ виду превратности здѣшнихъ судебъ, кто не пожелалъ бы покинуть такимъ образомъ міръ, зачастую достойный единственно только презрѣнія! Кто изъ насъ не жалѣлъ уже стократно о томъ, что ему не удалось исчезнуть изъ сферы дѣйствія клеветы, зависти и всѣхъ ненавистныхъ страстей, почти всецѣло управляющихъ здѣсь поведеніемъ человѣка?“. Немногія строки, которыя онъ написалъ вдовѣ одного изъ своихъ генераловъ, слѣдуетъ признать, быть можетъ, еще трогательнѣе: „Мюиронъ убитъ возлѣ меня на полѣ сраженія подъ Арколе. Вы лишились нѣжно-любимаго супруга, а я — человѣка, къ которому давно уже питалъ искреннюю дружбу. Отчизна теряетъ, однако, болѣе чѣмъ мы оба со смертью офицера, отличавшагося столько же своими талантами, какъ и рѣдкимъ мужествомъ. Если я могу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ вамъ, или его ребенку, прошу васъ всецѣло на меня разсчитывать“. Все письмо ограничивалось этими немногими фразами, но онѣ оказывались вполнѣ достигавшими цѣли. По мѣрѣ того, какъ созрѣвалъ характеръ Наполеона, и вмѣстѣ съ возрастаніемъ лежавшей на немъ отвѣтственности онъ выработалъ себѣ стиль, къ пріобрѣтенію котораго давно стремился. Стиль этотъ воинственный и краткій почти до искусственности. Онъ не поддается переводу на иностранные языки и какъ нельзя лучше отражаетъ характеръ самого автора.

Такія мгновенія, когда главнокомандующій итальянской арміей чувствовалъ себя усталымъ,—утомленнымъ войною,—когда онъ испытывалъ, подобно другимъ смертнымъ, чувства скорби и нѣжнаго состраданія,—оставили лишь немного слѣдовъ въ его письмахъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ директоріей, онъ говоритъ повелительнымъ и даже, иногда, суровымъ тономъ, съ тѣхъ поръ, какъ чувствуетъ, что держитъ ее въ своихъ рукахъ. Съ Италіей Бонапартъ поступаетъ какъ бы по отечески, постановляя по собственному усмотрѣнію наказанія и награды. Съ Сардиніей былъ къ тому времени заключенъ окончательный миръ, и эта держава, хотя значительно урѣзанная и ослабленная, оказывалась по крайней мѣрѣ въ совершенно опредѣленномъ положеніи. Транспаданская республика, къ организаціи которой главнокомандующій приступилъ тотчасъ же по овладѣніи Миланомъ, тщательно поддерживалась, не смотря на очевидную искусственность правительственной ея системы. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что ея населеніе не имѣло даже и случая выказать свою пригодность или непригодность къ самоуправленію. Состоя подъ покровительствомъ властнаго авторитета, оно оказывалось лишеннымъ всякой само-

стоятельности. Республика эта состояла въ непосредственной зависимости не отъ французскаго правительства, а отъ генерала Бонапарта, издавшаго приказъ, по которому комиссары и чиновники, присланные директоріей, были всюду подчинены военнымъ властямъ, якобы ввиду своего хищничества. Такимъ образомъ Ломбардія фактически находилась подъ его владычествомъ. Папа заключилъ въ Болоньѣ перемиріе единственно для того, чтобы выиграть время,—въ надеждѣ, что французы потерпятъ, наконецъ, отъ австрійцевъ пораженіе. Правительству папы не трудно было найти предлогъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій въ нелѣпомъ, полученномъ изъ Парижа, предписаніи потребовать отъ преемника св. Петра, чтобы онъ призналъ законность образа дѣйствій той части французскаго духовенства, которая примкнула къ революціи и присягала послѣдовательнымъ республиканскимъ конституціямъ. Ватикану надлежало отречься отъ всѣхъ декретовъ, направленныхъ противъ священниковъ, присягнувшихъ республикѣ. Это безтактное требованіе дало папѣ, разсчитывавшему, что окончательная побѣда останется за Австріей, желанный поводъ прервать переговоры съ французской республикой. Бонапартъ увѣдомилъ французскаго агента въ Римѣ о необходимости принять какія-либо мѣры для избѣжанія безотлагательнаго разрыва. „Надо перехитрить какъ-нибудь старую лисицу и выиграть время“, писалъ онъ, обѣщая въ благопріятную минуту нагрянуть на Римъ и отплатить папѣ за все разомъ. Тѣмъ временемъ неаполитанское правительство тоже заупрямилось. Оно наотрѣзъ отказалось отъ уплаты добавочной контрибуціи, потребованной директоріей, и не только, подобно папѣ, собирало войска, но даже приступило къ сосредоточенію своей арміи. Венеціанская республика оставалась пока нейтральной, но выражала все болѣе энергически свое негодованіе по поводу безпрерывныхъ нарушеній французами неприкосновенности ея территоріи. Мантуя все еще продолжала держаться. При такихъ критическихъ обстоятельствахъ главнокомандующій счелъ необходимымъ усилить французское обаяніе въ Италіи, произведя государственный переворотъ тамъ, гдѣ населеніе казалось болѣе всего къ тому расположеннымъ и гдѣ правительственный строй представлялся болѣе всего расшатаннымъ.

Обратившись для соблюденія приличій къ директоріи съ просьбой о присылкѣ ему надлежащихъ инструкцій, Бонапартъ, не дождавшись отвѣта на эту просьбу и безъ согласія наиболѣе заинтересованныхъ сторонъ, нарушилъ заключенное съ моденскимъ герцогствомъ перемиріе, причемъ сослался на то, что изъ причитавшейся съ герцогства военной контрибуціи не дополучено еще полъ-милліона франковъ, и низложилъ герцога съ престола. Герцогство это должно было служить ядромъ для будущей циспаданской республики. Его населенію, вмѣстѣ съ жителями Реджіо, Болоньи и Феррары было предложено организовать таковую. Для преобразованія миланской области въ транспаданскую республику имѣлся, по крайней мѣрѣ, благовидный предлогъ освобожденія отъ чужеземнаго владычества. На этотъ разъ не было въ наличности даже и по-

добнаго предлога. Къ тому же директорія не сочувствовала столь дерзновенному политическому маневру Бонапарта и опасалась, что этотъ маневръ не встрѣтитъ сочувствія также въ самой Франціи. Французское правительство ласкало себя надеждой, что война вскорѣ кончится и что армія Бонапарта въ непродолжительномъ времени вернется на родину, предоставивъ итальянцамъ устраиваться какъ знаютъ. Главнокомандующій итальянской арміей безцеремонно продолжалъ дѣйствовать въ разрѣзъ этимъ видамъ и соображеніямъ. Онъ побудилъ либеральные элементы населенія будущей циспаданской республики до такой степени торопиться учрежденіемъ этого новаго государства, что директорія оказалась вынужденной противъ воли уступить. Возможно, хотя и неправдо-

Бонапартъ во время переговоровъ о сдачѣ Мантуи.

подобно, что онъ уже въ то время мечталъ окружить Францію поясомъ зависящихъ отъ нея государствъ, какъ заявляютъ объ этомъ нѣкоторые изъ его біографовъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что безпрерывное вмѣшательство въ итальянскія дѣла подрывало въ конецъ вліяніе Франціи на Аппенинскомъ полуостровѣ и побуждало итальянцевъ ненавидѣть прикрывавшееся маской либерализма владычество Франціи еще въ большей степени, чѣмъ открытую, но сравнительно мягкую тираннію державцевъ иностраннаго происхожденія, низвергнутыхъ французами съ престоловъ. Въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замѣчается въ письмахъ Бонапарта учащенное и нѣсколько театральное повтореніе заявленій объ его преданности Франціи и республиканскимъ принципамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ прежде всего хлопоталъ о своей арміи и объ успѣхѣ предстоявшей кампаніи. Онъ поступалъ, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ всякій

разсудительный генералъ, которому надо позаботиться объ упроченіи положенія ввѣренной ему арміи въ чужеземной странѣ. Ему пришлось для этого прибѣгать къ хитростямъ, имѣвшимъ внѣшнюю форму преданности политическимъ пріемамъ и формуламъ революціонной Франціи.

Учрежденіе циспаданской республики произвело ожидаемое дѣйствіе: неаполитанское королевство пріостановило свои вооруженія и поспѣшило примириться съ Франціей. Генуя вступила въ союзъ съ французской республикой, а происшедшее въ Корсикѣ возстаніе противъ англійскаго владычества дало французамъ возможность снова овладѣть этимъ островомъ.

Образъ дѣйствій генерала Бонапарта не дозволяетъ усматривать въ этомъ генералѣ болѣе и тѣни когда-то столь пламеннаго корсиканскаго патріота. Единственнымъ слабымъ отблескомъ корсиканскихъ воспоминаній является приказъ предать суду Поццо ди Борго и его пріятелей, если только они не успѣли бѣжать. Всѣ остальныя мѣропріятія относительно столь возлюбленнаго когда-то острова оказываются проникнутыми столь же тонкимъ холоднымъ разсчетомъ, какъ если бы дѣло шло о совершенно безразличномъ для Бонапарта итальянскомъ княжествѣ. Въ инструкціяхъ объ управленіи Корсикой онъ рекомендовалъ даже не замѣщать должностныхъ мѣстъ корсиканцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Бонапартъ является не корсиканскимъ и даже не французскимъ, а общеевропейскимъ гражданиномъ, обращаясь 2-го октября, къ императору съ предложеніемъ заключить миръ на благопріятныхъ для Франціи условіяхъ и угрожая, въ противномъ случаѣ, захватить Тріестъ и адріатическое прибрежье. Одновременно съ этимъ Бонапартъ напомнилъ директоріи о тѣхъ отношеніяхъ, какія должны были, по его мнѣнію, существовать между нимъ и ею. Письмо это содержитъ также интересный очеркъ его собственной политики. Онъ пишетъ: „Вамъ слѣдовало бы заботиться о томъ, чтобы уменьшать число вашихъ враговъ. Вліяніе, которымъ пользуется Римъ, неисчислимо. Разрывъ съ Ватиканомъ былъ крупной ошибкой, вслѣдствіе которой всѣ преимущества оказываются теперь на сторонѣ папы. Если бы посовѣтовались со мною, переговоры съ Римомъ не были бы прерваны и продолжали бы идти своимъ чередомъ, подобно тому, какъ это дѣлается у насъ съ Генуей и Венеціей. Вообще, какъ только главнокомандующій въ Италіи не служитъ опорной точкой для вашихъ тамъ предпріятій, вы подвергаетесь крупному риску. Надѣюсь, что эти заявленія не будутъ приписаны моему честолюбію. На меня и безъ того уже обрушивается слишкомъ много почестей, а между тѣмъ здоровье мое до такой степени разстроено, что слѣдовало бы, кажется, обратиться къ вамъ съ просьбою о назначеніи мнѣ преемника. Я не въ силахъ уже сидѣть на лошади. Во мнѣ сохранилась только бодрость духа, но ее одной недостаточно на мѣстѣ, которое я теперь занимаю“.

Главнокомандующій итальянской арміей фактически захватилъ себѣ диктаторскія полномочія, но очевидно сознавалъ всю труд-

ность двухъ главнѣйшихъ, лежавшихъ на немъ задачъ. Каждая изъ нихъ порознь была бы, пожалуй, не подъ силу обыкновенному человѣку,—каждая требовала для удовлетворительнаго своего разрѣшенія особыхъ способностей и талантовъ, отчасти противоположныхъ другъ другу, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно превышающихъ уровень обычной заурядности. Надлежало овладѣть Мантуей и уладить распрю съ папою въ смыслѣ наиболѣе выгодномъ для самого Бонапарта, для Франціи и для Европы. Для этого во всякомъ случаѣ необходимо было упрочить его авторитетъ, а не ослаблять таковой, что и было поставлено главнокомандующимъ на видъ директоріи. У нея сложилась уже привычка уступать Бонапарту, а потому она продолжала ему уступать по прежнему.

Риволи и капитуляція Мантуи.

Пятый отдѣлъ итальянской кампаніи вызванъ былъ четвертою попыткой Австріи вернуть прежнее свое преобладаніе въ Италіи. Императоръ и его министры были убѣждены, что оно является жизненнымъ вопросомъ, какъ для самой Австріи, такъ и для царствовавшаго тамъ Гасбургскаго дома. Повинуясь полученнымъ приказаніямъ, хотя и отчаяваясь въ успѣхѣ, Альвинци приготовился еще разъ къ наступательному движенію изъ Тріента внизъ по долинѣ Адижа. Приготовленія къ этому наступательному движенію производились въ Австріи съ величайшимъ усердіемъ. Созванные на защиту столицы батальоны вѣнскихъ добровольцевъ, знамя для которыхъ вышито было собственноручно императрицей, пожелали присоединиться къ дѣйствующимъ войскамъ, долженствовавшимъ вторгнуться въ Италію. Тирольцы, не взирая на грозную прокламацію, въ которой Бонапартъ, ссылаясь на право завоевателя, угрожалъ смертью каждому изъ нихъ, кто только осмѣлится поднять оружіе противъ Франціи, возстали опять на защиту своего императора. Слѣдуя прежнему пагубному операціонному плану, войска Альвинци были опять таки раздѣлены на двѣ части, долженствовавшія дѣйствовать отдѣльно одна отъ другой. Самъ Альвинци съ одною изъ нихъ разсчитывалъ напасть на главныя силы французской арміи, а его сотоварищу, Проверѣ, предписывалось идти вдоль Бренты въ низовья Адижа и, переправившись черезъ эту рѣку, освободить Мантую отъ блокады. Предполагалось, что Провера съумѣетъ ввести французовъ своими демонстраціями въ обманъ, и что они сочтутъ его отрядъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ оказывался въ дѣйствительности. Гофкригсратъ былъ убѣжденъ, что Бонапартъ непремѣнно попадется на эту удочку и сосредоточитъ большую часть своихъ войскъ гдѣ-нибудь у Леньяго, на нижнемъ теченіи Адижа. Къ Вурмзеру послали гонца съ письмами, собственноручно скрѣпленными императоромъ и содержавшими инструкцію на случай, если бы предпріятіе Проверы не увѣнчалось успѣхомъ. Вурмзеру предписывалось тогда покинуть Мантую, отступить въ Романью и присоединить къ себѣ

собранныя тамъ папою войска. Инструкція эта не дошла по назначенію, такъ какъ французы перехватили посланца и, давъ ему рвотнаго, ознакомились съ содержаніемъ депешъ, которыя онъ счелъ долгомъ проглотить.

7-го января 1797 года Бонапартъ, ввиду враждебныхъ демонстрацій, производившихся сторонниками папы, призналъ нужнымъ принять мѣры къ обезпеченію тыла своей арміи и, между прочимъ, сосредоточилъ въ Болоньѣ двухтысячный летучій отрядъ. На слѣдующій день передовыя австрійскія войска, расположенныя въ Падуѣ, внезапно аттаковали дивизію Ожеро и заставили ее отступить 9-го января въ Порто-Леньяго, составлявшій крайній правый флангъ французскаго расположенія. Такимъ образомъ Австрія послѣ двухмѣсячнаго отдыха возобновляла опять военныя дѣйствія. Нельзя было, однако, съ точностью предугадать, гдѣ именно разсчитываетъ она нанести главный ударъ. Бонапартъ находился 11-го января еще въ Болоньѣ и велъ тамъ переговоры съ уполномоченными тосканскаго великаго герцога. Не желая быть застигнутымъ врасплохъ, онъ выступилъ оттуда въ тотъ же вечеръ, —переправился черезъ Адижъ и началъ поспѣшно сосредоточивать войска къ Веронѣ.

Двѣнадцатаго числа, въ шесть часовъ утра, австрійцы аттаковали авангардъ Массены въ Санъ-микельскомъ предмѣстьѣ этого города, но были отбиты съ урономъ. Рано утромъ въ тотъ же день Жуберъ, дивизія котораго занимала хорошо знакомую уже французамъ передовую позицію у подошвы Монте-Бальдо, получилъ отъ своихъ передовыхъ постовъ донесеніе, что на него идутъ значительныя непріятельскія силы. Послѣ полудня одна изъ австрійскихъ колоннъ пыталась обойти позицію Жубера, завладѣвъ коронскимъ проходомъ, но была тоже отражена. На слѣдующій день, однако, Жуберъ убѣдился, что на него собираются ударить главныя силы австрійской арміи и что непріятель замышляетъ обходъ его лѣваго фланга.Ославъ объ этомъ донесеніе главнокомандующему, онъ притянулъ къ себѣ передовые посты и приготовился отступать.

Вечеромъ въ тотъ же день Провера, перекинувъ у Ангіяри, ниже Леньяго, понтонный мостъ черезъ Адижъ, переправился съ большею частью своихъ войскъ на правый берегъ и на слѣдующій день двинулся по направленію къ Мантуѣ. Противупоставленныя ему войска Ожеро и Гюйе задержали его наступленіе, такъ что онъ въ этотъ день дошелъ только до Ногары. Такимъ образомъ Бонапарту выяснилось, что Провера располагаетъ лишь сравнительно небольшими силами и что главнаго удара слѣдуетъ ожидать не въ низовьяхъ Адижа, а въ иномъ мѣстѣ.

Риволійское плато командуетъ всѣми путями, ведущими по долинѣ Адижа изъ Тироля въ Италію. Всѣ подъемы на него чрезвычайно обрывисты и только съ одной стороны, гдѣ самой высшей точкой является часовня св. Марка, ведетъ на плоскогорье дорога, извилистая и крутая, но все-таки пригодная для кавалеріи и артиллеріи. Подымающійся надъ общимъ уровнемъ плоско-

горья холмъ, на которомъ стоитъ часовня св. Марка, самъ по себѣ представляетъ нѣчто вродѣ естественной цитадели. Вечеромъ 13-го числа Жуберъ, въ отвѣтъ на свои донесенія, получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе занять прежнюю позицію и во что бы ни стало держаться на риволійскомъ плато. Бонапартъ догадывался, что главный ударъ будетъ нанесенъ ему именно съ этой стороны. Къ десяти часамъ вечера донесенія, полученныя отъ Жубера и собранныя черезъ шпіоновъ, вполнѣ подтвердили справедливость его догадки. Альвинци разсчитывалъ сломить Жубера и вынудить французскую армію къ поспѣшному отступленію. Тогда Провера, разумѣется, могъ бы безъ всякаго сопротивленія достигнуть Мантуи и соединиться тамъ съ Вурмзеромъ. Предусматривая возможность такой комбинаціи у австрійскаго главнокомандующаго, Бонапартъ заранѣе уже приготовился подкрѣпить свой лѣвый флангъ и въ ту же ночь двинулся къ Риволи приблизительно съ 20.000 человѣкъ. Для этого ему пришлось обнажить отъ войскъ все пространство между Дезенцано и Вероной, а также захватить съ собою дивизію Массены, занимавшую этотъ городъ. Движеніе было произведено съ такой быстротой, что Бонапартъ, съ передовыми частями войскъ, явился на риволійское плато къ двумъ часамъ утра, 14-го января. Не зная объ этомъ, Альвинци ждалъ только разсвѣта, чтобы выполнить первоначальное свое намѣреніе, а именно окружить и взять въ плѣнъ дивизію Жубера, въ которой насчитывалось, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ, не болѣе 10.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ

Жанъ-Маттье-Филиберъ, графъ Серюрье.
род. 8 декабря 1742 г., бригадный генералъ 1793 г., дивизіонный 1795 г., маршалъ имперіи—1804 г.
Скончался 21 декабря 1819 г.
(Съ картины Ланевилля въ Версальскомъ музеѣ).

его рукахъ оказалась бы тогда занятая французами естественная твердыня, которую сѣверные народы съ незапамятныхъ временъ признавали ключемъ отъ входа въ Италію.

Прибывъ на риволійское плато, Бонапартъ увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ пять непріятельскихъ отрядовъ, расположившихся лагеремъ внизу, полукругомъ. Бивачные огни этихъ отрядовъ свидѣтельствовали о томъ, что они находятся другъ отъ друга на довольно значительномъ разстояніи. Французскій главнокомандующій понялъ тогда, что его предположенія оказывались совершенно правильными. Передъ нимъ стояли главныя силы австрійцевъ и съ разсвѣтомъ должно было произойти генеральное сраженіе. Ночью Бонапартъ расположилъ имѣвшіяся у него подъ рукою войска для отраженія непріятельской аттаки, откуда бы она ни послѣдовала. Пикеты, передовые посты и резервы были размѣщены до такой степени искусно, что изученіе топографическихъ условій поля сраженія подъ Риволи и расположенія на немъ французскихъ войскъ признается теперь обязательнымъ во всѣхъ военныхъ академіяхъ, въ качествѣ классическаго образца.

Ущелье, которымъ Адижъ прорывается сквозь нижнія предгорья Альповъ въ ломбардскую низменность, славилось еще въ туманной древности важнымъ своимъ стратегическимъ значеніемъ. Римляне считали его воротами въ Кимврію. Въ германскихъ миѳахъ оно воспѣвалось подъ именемъ „Berner Klause“,—величественнаго прохода изъ суровой родины въ дивную чужбину,—теплую, залитую солнечнымъ свѣтомъ страну цвѣтущей культуры и роскоши, къ которой германцы чувствовали всегда такое стремленіе. Пропасти и нависшія надъ ними, словно бастіоны, отдѣльныя горныя кручи, были оноэтизированы въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ, таинственнымъ обаяніемъ которыхъ еще болѣе усиливалось грозное величіе этихъ естественныхъ укрѣпленій. Выше всѣхъ воздымалась гора, Монтебальдо, хмурясь мрачными своими кручами на холодныя вершины германскихъ горъ,—улыбаясь озаренными солнцемъ склонами голубымъ водамъ Гардскаго озера и плодоносной долинѣ рѣки По. Перемѣны, вызванныя въ военномъ дѣлѣ изобрѣтеніемъ пороха, перенесли мѣсто наибольшаго сопротивленія изъ самой узкой части ущелья въ его устье, гдѣ Риволи съ одной стороны, и Корона съ другой, командуютъ отлогими скатами, склоняющимися оттуда на Востокъ и Западъ къ равнинѣ. Альпы, дѣйствительно, смотрѣли подъ Риволи съ высоты своихъ вершинъ на маленькаго капрала, который, обойдя ихъ уже съ одного фланга, собирался теперь прорвать ихъ центръ съ тѣмъ, чтобы потомъ проникнуть сквозь восточные ихъ отроги на Дунай въ наслѣдственныя владѣнія германскихъ императоровъ.

Борьба, долженствовавшая рѣшить участь Мантуи, завязалась на самомъ разсвѣтѣ. Сначала произошла жаркая схватка у часовни св. Марка между лѣвой колонною австрійцевъ и правымъ крыломъ французской арміи. Вскорѣ, однако, загорѣлся бой по всей линіи до самаго Каприно. Въ продолженіи нѣкотораго времени

австрійцы одерживали верхъ, такъ какъ французское лѣвое крыло (у Каприно) вынуждено было на мгновенье уступить передъ натискомъ главныхъ силъ австрійской арміи. Ударъ на этотъ флангъ

Эрцгерцогъ Карлъ.
(Съ картины Леопольда Купельвизера, въ Лаксенбургскомъ дворцѣ, въ Австріи).

былъ нанесенъ согласно съ первоначальнымъ планомъ Альвинци, по которому предполагалось имѣть дѣло съ одною лишь дивизіей Жубера. Бертье, который, благодаря своему мужеству и хладнокровію, начиналъ уже пользоваться особымъ расположеніемъ Бонапарта, поспѣшилъ на выручку колебавшемуся лѣвому крылу.

За нимъ послѣдовалъ Массена съ только что прибывшими частями своей дивизіи и, благодаря искуснымъ распоряженіямъ, навсегда соединившимъ его имя съ риволійскимъ сраженіемъ, окончательно возстановилъ порядокъ во французскихъ рядахъ. Австрійцы разъ за разомъ съ ожесточеніемъ бросались въ аттаку, но ихъ натиски каждый разъ встрѣчали энергическій отпоръ, отбрасывавшій центръ и правое крыло въ постоянно возраставшемъ безпорядкѣ къ Монтебальдо. Бой длился почти цѣлыхъ три часа, прежде чѣмъ Альвинци уяснилъ себѣ, что передъ нимъ стоитъ не одна только дивизія Жубера, а почти вся армія Бонапарта. Тогда онъ принялъ энергическое рѣшеніе штурмовать по всей линіи кручи риволійскаго плато и такимъ образомъ ввести сразу въ дѣло возможно большую массу войскъ. Жуберъ неосторожно ринулся на встрѣчу аттаковавшимъ австрійцамъ, оставивъ дорогу къ часовнѣ св. Марка безъ надлежащаго прикрытія. Непріятель немедленно воспользовался этимъ промахомъ, устремился на холмъ и, казалось, овладѣлъ уже этой естественной цитаделью, командовавшей всѣмъ плоскогорьемъ. Одновременно съ этимъ, однако, устремились на противоположную сторону холма три французскихъ батальона и вскарабкались на него такъ проворно, что достигли его вершины раньше австрійцевъ. Благодаря этому, промахъ Жубера былъ заглаженъ и штурмующія колонны отброшены опять въ безпорядкѣ. Въ это мгновенье въ тылу Бонапарта появился австрійскій отрядъ, который, спустившись по лѣвому берегу рѣчки Тассо въ долину, переправился черезъ эту рѣчку съ намѣреніемъ ударить на Риволи въ тылъ праваго крыла французовъ. Если бы этотъ отрядъ, силою въ 4.000 человѣкъ (по французскимъ свѣдѣніямъ), явился къ мѣсту боя минутою раньше, холмъ св. Марка и все риволійское плато, безъ сомнѣнія, перешли бы въ руки австрійцевъ. Теперь же, вмѣсто того, чтобы аттаковать, австрійскій отрядъ подвергся самъ со всѣхъ сторонъ нападенію французовъ. Бонапартъ разгромилъ его сперва артиллерійскимъ огнемъ, на который австрійцы, неимѣвшіе при себѣ орудій, были не въ состояніи отвѣчать, и такимъ образомъ задержалъ натискъ колонны Лузиньяна до тѣхъ поръ, пока французскіе резервы не отрѣзали окончательно эту колонну отъ главныхъ силъ Альвинци, находившихся уже въ полномъ отступленіи, и не заставили ее положить оружіе. Взятіемъ ея въ плѣнъ закончилось риволійское сраженіе, оказавшееся самымъ бѣдственнымъ для австрійцевъ во все продолженіе итальянской кампаніи. Армія Альвинци потерпѣла такой разгромъ и была до такой степени деморализована, что разстроенныя ея колонны бѣжали въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Молодой французскій офицеръ, Рене, стоявшій съ пятьюдесятью солдатами въ деревушкѣ на берегу Гардскаго озера, воспользовался этой деморализаціей для того, чтобы повторить продѣлку самого Бонапарта въ Лонато и такъ дерзко потребовалъ сдачи отъ появившагося передъ деревушкой австрійскаго отряда въ полторы тысячи человѣкъ, что обезкураженные австрійцы вообразили, что имъ и въ самомъ дѣлѣ отрѣзанъ превосходными силами непрія-

теля путь отступленія и положили оружіе. На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, Мюратъ, шедшій безостановочно всю ночь, появился на склонахъ Монтебальдо выше Коронскаго ущелья и, соединившись съ Жубером, заставилъ австрійцевъ покинуть позицію, которую они тамъ занимали. Преслѣдованіе продолжалось до самаго Тріента. Французы взяли въ теченіе двухъ дней 13.000 плѣнныхъ.

Пока Мюратъ шелъ къ Монтебальдо, Бонапартъ, не давая ни малѣйшаго отдыха войскамъ Массены, двинулся съ ними на выручку блокаднаго корпуса. Тѣ самыя войска, которыя за два дня передъ тѣмъ выступили ночью изъ Вероны, вернулись уже обратно и, миновавъ этотъ городъ, быстро шли по великолѣпной дорогѣ, ведущей изъ отчизны Катулла и Капулетовъ къ Мантуѣ.

Провера переправился черезъ Адижъ въ Ангіари съ десятью тысячами человѣкъ. Его дважды уже аттаковали французы. Съ фронта на него нападалъ Гійе, а съ тыла Ожеро. Оба раза онъ понесъ большія потери, но тѣмъ не менѣе, въ то самое утро, когда Альвинци бѣжалъ въ Тироль, Провера, съ шеститысячнымъ отрядомъ, появился уже передъ Мантуей у предмѣстья св. Георгія. Всѣ его усилія проникнуть туда оказались тщетными. Войска блокаднаго корпуса задержали его передъ этимъ предмѣстьемъ цѣлыя сутки, а тѣмъ временемъ подоспѣлъ Бонапартъ съ подкрѣпленіями. На слѣдующее утро завязался упорный бой. Провера аттаковалъ съ фронта, а Вурмзеръ, по соглашенію съ нимъ, сдѣлалъ сильную вылазку и ударилъ въ тылъ французской позиціи подъ Фаворитой. Вылазка эта, послѣ ожесточеннаго боя на плотинѣ, по которой приходилось наступать австрійцамъ, была отражена генераломъ Серюрье, командовавшимъ блокаднымъ корпусомъ. Въ тоже самое время Викторъ, съ войсками, приведенными изъ подъ Риволи и, между прочимъ, съ 57-й полубригадой, которую Бонапартъ въ своихъ донесеніяхъ называлъ грозною, появился въ тылу у Проверы и энергическимъ натискомъ до такой степени разстроилъ ряды австрійцевъ, что Провера оказался вынужденнымъ положить со всѣмъ своимъ отрядомъ оружіе. Битва подъ Мантуей, происходившая 16 января, называется также боемъ при Фаворитѣ. Она доставила французамъ, какъ уже упомянуто, 6.000 человѣкъ плѣнныхъ и нѣсколько десятковъ пушекъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились также и вѣнскіе добровольцы съ знаменемъ, собственноручно вышитымъ для нихъ императрицей.

Бонапартъ доносилъ, что республиканская армія, состоявшая подъ его начальствомъ, выдержала въ продолженіи четырехъ дней два генеральныхъ сраженія, не считая шести менѣе серьезныхъ битвъ. Въ этихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ взято въ общей сложности 25.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ: одинъ генералъ-лейтенантъ, два генералъ-маіора и пятнадцать полковниковъ. Кромѣ того, непріятель потерялъ 20 знаменъ, 60 пушекъ и 6.000 человѣкъ убитыми и ранеными.

Риволійскій эпизодъ имѣлъ рѣшающее значеніе не только для

итальянской компаніи, но можно сказать, что онъ же опредѣлилъ, на цѣлое двадцатилѣтіе впередъ, и общій характеръ европейской исторіи. Нѣкоторые военные спеціалисты обращаютъ особенное вниманіе на одинъ изъ моментовъ боя за риволійское плато, когда австрійцы чуть не овладѣли командующимъ холмомъ св. Марка, и спрашиваютъ: чѣмъ бы окончился этотъ бой, если бы войска Лузиньяна явились пятью минутами раньше въ тылу риволійскаго плато? Какъ бы ни было, безпристрастная критика выяснила, что каждый шагъ въ успѣхахъ, одержанныхъ Бонапартомъ, обусловливался тщательнѣйшей предусмотрительностью и въ высшей степени искуснымъ употребленіемъ войскъ, находившихся у него подъ командой. Бонапартъ былъ до такой степени увѣренъ въ побѣдѣ, что нимало не смутился даже въ самый критическій моментъ боя, когда Массена съ трудомъ лишь отражалъ аттаки на лѣвомъ крылѣ, между тѣмъ какъ австрійцы, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ, казалось, одолѣвали уже французовъ на правомъ флангѣ. Дѣло въ томъ, что у французскаго главнокомандующаго оставались еще въ резервѣ свѣжія войска, съ помощью которыхъ онъ разсчитывалъ даже и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ возстановить бой. Новая система военныхъ дѣйствій, въ рукахъ самого ея изобрѣтателя, побѣдоносно доказала свою пригодность. Молодой главнокомандующій осыпалъ заслуженными похвалами мужественныя свои войска и ихъ вождей, но въ донесеніяхъ о своихъ побѣдахъ не упоминалъ о самомъ себѣ. Предоставлялось изумленному міру рѣшать: былъ-ли это человѣкъ, или же демонъ? Еще юношей онъ, въ первую же свою кампанію, смирилъ гордыню надменнѣйшаго государства на материкѣ Европы,—покорилъ Италію и воздвигнулъ на ея территоріи новыя государства, не испрашивая на это согласія у великихъ державъ, въ томъ числѣ и у самой Франціи. Неудивительно, если ему случалось иногда говорить: „Моя жизнь началась съ Риволи“. Сравнительно чаще, впрочемъ, онъ заявлялъ, что его военная карьера началась подъ Тулономъ.

Если Вурмзеру удалось въ сентябрѣ мѣсяцѣ удачно отступить въ Мантую, то онъ былъ этимъ обязанъ въ значительной степени многочисленности своей кавалеріи. Впрочемъ, онъ и держался цѣлыхъ четыре мѣсяца въ этой крѣпости единственно лишь благодаря тому, что распорядился убить и посолить 5.000 кавалерійскихъ лошадей, которыя послужили такимъ образомъ къ увеличенію имѣвшихся запасовъ продовольствія. Запасы эти все-таки подъ конецъ истощились, и храбрый старикъ Вурмзеръ, убѣдившись, что войскамъ его положительно нечего ѣсть, послалъ парламентера, которому поручилъ договориться о капитуляціи на возможно выгодныхъ для австрійцевъ условіяхъ. Само собой разумѣется, что онъ увѣрялъ при этомъ командира блокаднаго корпуса, будто можетъ долго еще держаться. По поводу прибытія австрійскаго парламентера въ главную квартиру блокаднаго корпуса разсказываютъ слѣдующій интересный анекдотъ, представляющійся очень правдоподобнымъ: „Явившись къ генералу

Серюрье, парламентеръ увидѣлъ, что за письменнымъ столомъ въ генеральской ставкѣ сидитъ какой-то офицеръ, закутавшись въ плащъ. Офицеръ этотъ, повидимому, не обращая ни малѣйшаго вниманія на парламентера, поспѣшно писалъ что-то на листкѣ бумаги. Послѣ того, какъ австрійскій посланецъ закончилъ обычное въ такихъ случаяхъ перечисленіе средствъ къ сопротивленію, какими располагалъ еще гарнизонъ осажденной крѣпости, незнакомецъ подошелъ къ нему и, подавая только что написанный листъ, сказалъ: „Вотъ мои условія! Если бы Вурмзеръ говорилъ о сдачѣ, располагая еще двадцатидневнымъ запасомъ продовольствія, то онъ не заслуживалъ бы почетной капитуляціи. Преклонныя лѣта, храбрость и несчастія фельдмаршала внушаютъ мнѣ уваженіе, а потому отворитъ-ли онъ ворота крѣпости завтра, или же черезъ двѣ недѣли; черезъ мѣсяцъ, или три мѣсяца,—я все-таки неотступлюсь отъ своихъ условій. Онъ можетъ, если угодно, ждать, пока въ Мантуѣ не будетъ съѣденъ послѣдній кусочекъ хлѣба“. Парламентеромъ былъ человѣкъ очень неглупый, доставившій впослѣдствіи почетную извѣстность своей фамиліи—Кленау. Онъ узналъ Бонапарта и, ознакомившись съ условіями капитуляціи, нашелъ ихъ весьма великодушными, а потому немедленно сознался, что гарнизонъ Мантуи находится въ отчаянномъ положеніи. Такъ разсказывается по крайней мѣрѣ въ мемуарахъ Наполеона. Въ тогдашнемъ донесеніи его къ директоріи не упоминается объ этомъ инцидентѣ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что Бонапартъ вообще не считалъ нужнымъ вдаваться въ своихъ донесеніяхъ въ такія подробности. Два другихъ оффиціальныхъ донесенія на первый взглядъ какъ будто не согласуются съ тѣмъ, что Наполеонъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ. Такъ, въ письмѣ къ директоріи изъ Болоньи, отъ 1 февраля, Бонапартъ заявляетъ, что откажется отъ предложенныхъ условій капитуляціи, если Вурмзеръ не сдастся до 3 февраля, но затѣмъ, въ другомъ письмѣ отъ того же самаго числа, онъ даетъ великодушный и весьма обстоятельный отзывъ о престарѣломъ австрійскомъ фельдмаршалѣ, изъявляя вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе выказать такому благородному врагу истинно-французское великодушіе. Кажущееся разногласіе объясняется въ данномъ случаѣ очень просто. Передавъ

Дагобертъ-Зигмундъ, графъ Вурмзеръ.

парламентеру условія капитуляціи, Бонапартъ тотчасъ же уѣхалъ изъ подъ Мантуи и вернулся въ Болонью заканчивать приготовленія къ римской экспедиціи. Онъ предоставилъ Серюрье вполнѣ заслуженную этимъ генераломъ честь командовать французскими войсками въ торжественный моментъ сдачи крѣпости, которая такъ упорно держалась. Тѣмъ временемъ Вурмзеръ прислалъ контръ-проектъ, по которому капитуляція оказалась бы еще выгоднѣе для австрійцевъ. Бонапартъ разсердился и сперва было хотѣлъ отказаться отъ первоначально предложенныхъ имъ самимъ условій, но въ тотъ же день принялъ великодушное рѣшеніе не измѣнять данному уже слову. Враги Наполеона привязываются рѣшительно ко всѣмъ мелочамъ и утверждаютъ даже, будто отсутствіе Бонапарта въ день сдачи Мантуи, 10 февраля, при выступленіи оттуда Вурмзера съ остатками австрійскихъ войскъ, являлось грубымъ нарушеніемъ общепринятыхъ правилъ вѣжливости. Обвиненіе это, очевидно, не выдерживаетъ критики. Защитники Наполеона имѣютъ полное основаніе заявлять, что уже неравенство въ лѣтахъ между представителями старой и новой военной системы сдѣлало бы, вслучаѣ присутствія Бонапарта при сдачѣ Мантуи, еще болѣе тяжелой и безъ того уже незавидную роль, которую приходилось играть престарѣлому Вурмзеру. Великодушіе, выказанное юнымъ побѣдоноснымъ вождемъ при капитуляціи Мантуи, было совершенно искреннимъ и дѣлаетъ Бонапарту величайшую честь. Такъ думалъ по крайней мѣрѣ и самъ Вурмзеръ, написавшій Бонапарту весьма симпатичное благодарственное письмо, въ которомъ предупреждалъ французскаго главнокомандующаго о составленномъ въ Болоньѣ заговорѣ. Бонапарта хотѣли отравить пресловутымъ ядомъ, акватофаной, котораго не видалъ въ глаза ни одинъ ученый и о которомъ не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, хотя по слухамъ онъ игралъ весьма выдающуюся роль въ итальянской исторіи.

Торжество надъ свѣтской властью папы и надъ Венеціанской республикой.

Генералъ Бонапартъ пришелъ, повидимому, къ убѣжденію, что человѣкъ, покрывшій французское оружіе блестящею славой, фактически опирается на симпатіи народныхъ массъ по меньшей мѣрѣ въ такой же степени, какъ и директорія, единственныя права которой на эти симпатіи заключались въ ея притязаніяхъ быть представительницей революціи. Между тѣмъ, притязанія эти съ самаго начала представлялись довольно сомнительными и со дня на день оспаривались все болѣе энергически даже убѣжденными республиканцами, такъ что наиболѣе бросавшеюся въ глаза и самой блестящей представительницей революціи несомнѣнно оказывалась армія Бонапарта. Побѣда подъ Риволи была одержана „вовсе не для этихъ негодяевъ-адвокатишекъ“, какъ вскорѣ послѣ того сталъ называть ихъ Наполеонъ. Принявъ все это во вниманіе, не трудно уяснить себѣ истинное значеніе начатой

имъ затѣмъ кампаніи противъ Пія VI, равно какъ и ея послѣдствія. Французскій главнокомандующій совершенно правильно заявилъ въ своей прокламаціи, что правительство папы не выполнило обязательствъ, принятыхъ на себя при заключеніи перемирія. Оно не только не уплатило полностью наложенную на него контрибуцію, но дѣятельно готовилось къ войнѣ и старалось вызывать повсемѣстно въ Италіи вооруженное сопротивленіе французамъ. Директоріи хотѣлось совершенно ниспровергнуть папскую власть, Бонапартъ совѣтовалъ отдать въ такомъ случаѣ Римъ Испаніи. Подъ предлогомъ осуществленія этого проекта онъ сосредоточилъ въ Болоньѣ экспедиціонный корпусъ изъ 11.000 человѣкъ, состоявшій наполовину изъ французскихъ войскъ, наполовину же изъ итальянскихъ добровольцевъ, пылавшихъ революціоннымъ рвеніемъ, и изъ поляковъ, которые, послѣ недавняго окончательнаго раздѣла ихъ родины, ухаживали за Франціей, какъ за единственной державой, отъ которой можно было еще ожидать содѣйствія возрожденію таковой. Главныя силы экспедиціоннаго корпуса двинулись къ Анконѣ, между тѣмъ какъ отдѣльный двухтысячный отрядъ направился сквозь Тоскану въ долину рѣки Тибра. Положеніе римскаго папы оказывалось въ высшей степени отчаяннымъ. Испанцы, бывшіе когда-то властелинами Италіи, являлись теперь естественными союзниками Франціи противъ Австріи. Снисходительность, обнаруженная Бонапартомъ по отношенію къ Пармѣ и Неаполю, еще прочнѣе скрѣпила этотъ союзъ. Царствовавшій въ Неаполѣ король Обѣихъ Сицилій, Фердинандъ IV, былъ самъ потомокъ испанскихъ бурбоновъ, но талантливая и властолюбивая его супруга доводилась родной дочерью Маріи-Терезіи. Положеніе Фердинанда представлялось поэтому довольно неловкимъ. Подчиняясь авторитету жены, онъ лично склонялся въ пользу австрійской политики и охотно послалъ бы на помощь папѣ свою армію, но, прекрасно понимая, что пораженіе было бы для него равносильно утратѣ всѣхъ владѣній на Аппенинскомъ полуостровѣ и ограниченію ихъ одною лишь Сициліей, онъ предпочелъ остаться нейтральнымъ и подобрать тѣ крохи, которыя удастся заполучить отъ стола Бонапарта. У него имѣлись основательнѣйшія причины держаться именно такого образа дѣйствій. Съ весны 1796-го года англійскому флоту, вообще говоря, не везло. Побѣды Бонапарта, совмѣстно съ дѣятельностью французскихъ крейсеровъ, сдѣлали пребываніе въ Средиземномъ морѣ затруднительнымъ для англійскихъ судовъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ англичане вынуждены были покинуть Корсику, а въ октябрѣ испанцы, въ буквальномъ смыслѣ слова, прогнали эскадру адмирала Манна въ Атлантическій океанъ. Фердинандъ не могъ поэтому разсчитывать на вооруженное содѣйствіе Великобританіи. Что касается до папскихъ наемныхъ войскъ, давно уже служившихъ посмѣшищемъ всей Европѣ, то они и на этотъ разъ оправдали свою репутацію. Французскій экспедиціонный корпусъ нигдѣ не встрѣтилъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Въ Анконѣ и Лоретто почти безъ выстрѣла сдались въ плѣнъ 1.200 папскихъ

гвардейцевъ, причемъ французы овладѣли сокровищами, оцѣненными въ семь милліоновъ франковъ, а 19-го февраля Бонапартъ предписалъ въ Толентино папскому правительству условія мирнаго договора.

Условія означеннаго договора были далеко не таковы, какъ могли ожидать этого папа и директорія. Правда, что кромѣ прежней контрибуціи Пію VI пришлось уплатить новую въ 15 милліоновъ франковъ, что, вмѣстѣ съ произведенными уже имъ платежами, составило кругленькую сумму въ 30 милліоновъ. Кромѣ того, онъ отказывался отъ всѣхъ правъ на легатства Болонью и Феррару со всею Романьей, соглашался на присоединеніе къ Франціи Авиньона и Венессенскаго графства (папскихъ владѣній въ долинѣ Роны, фактически уже слившихся съ Франціей), а въ залогъ выполненія этихъ обязательствъ временно уступалъ французамъ Анкону. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распускалъ свою армію и обязался дать удовлетвореніе за убійство французскаго уполномоченнаго Бассевилля римской чернью. Тѣмъ не менѣе отсюда было еще далеко до ниспроверженія папства, хотя бы даже и въ сферѣ свѣтской его власти. Болѣе того: жизненный вопросъ о папскомъ авторитетѣ въ церковныхъ дѣлахъ оказался затронутымъ единственно лишь въ смыслѣ его обезпеченія въ уступленныхъ папою легатствахъ. Въ конфиденціальныхъ своихъ донесеніяхъ директоріи Бонапартъ объяснялъ, что послѣ ампутацій, произведенныхъ имъ надъ папскою властью, она непремѣнно рушится сама собою, но въ тоже время оказывалъ могущественное свое покровительство французскимъ священникамъ, не пожелавшимъ присягнуть въ вѣрности республиканской конституціи и нашедшимъ себѣ убѣжище въ папскихъ владѣніяхъ. Бонапартъ объявлялъ, что дѣлаетъ это, руководствуясь принципами гуманности. Въ дѣйствительности это первое открытое и радикальное его уклоненіе отъ правительственной французской политики не только обезпечило личности Бонапарта безграничную популярность среди вѣрующихъ католиковъ въ самой Франціи и за-границей, но и послужило первымъ шагомъ къ послѣдующему его союзу съ римскою куріей. Народныя массы, непривыкшія вникать въ причины явленій, начали сравнивать угнетеніе католической церкви во Франціи, санкціонированное правительственными распоряженіями, съ совершенно иной участью, обезпеченной въ Римѣ вѣрнымъ ея послѣдователямъ, благодаря гуманности генерала Бонапарта. Кромѣ того, вѣдь не армія, а правительственные французскіе граждане-коммисары продолжали дѣятельно заниматься во всѣхъ итальянскихъ городахъ разграбленіемъ художественныхъ музеевъ и научныхъ коллекцій. Полагали, что изъ Италіи „взято уже все интересное или цѣнное за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, оставшихся еще въ Неаполѣ и Туринѣ“, между прочимъ, увезенъ былъ и знаменитый чудотворный образъ Лоретской Божіей Матери. Цитированная фраза была употреблена Бонапартомъ въ одной изъ его депешъ къ директоріи. Къ этой самой депешѣ приложенъ былъ интересный документъ совершенно иного характера.

Его святѣйшество Пій VI восчувствовалъ къ генералу Бонапарту такую благодарность за сохраненіе остатковъ папской власти, что отправилъ легата съ апостольскимъ своимъ благословеніемъ къ „милому сыну", спасшему эту власть отъ неизбѣжной повидимому гибели. Эпитетъ „милый сынъ" можно было, разумѣется, разсматривать какъ простую вѣжливость, а потому его святѣйшеству посланъ былъ изъ главной квартиры французской арміи учтивый отвѣтъ. Генералъ Бонапартъ препроводилъ копію съ этого отвѣта въ Парижъ, зная, что директорія сочтетъ весь инцидентъ за весьма забавную шутку. Находя дипломатію своего полководца какъ нельзя болѣе патріотической, директорія такъ именно и взглянула на означенный документъ, который, какъ, безъ сомнѣнія, предвидѣлъ это его авторъ, произвелъ совершенно иное впечатлѣніе на всю европейскую публику. Съ этой минуты не только во Франціи, но и вообще въ Европѣ каждый благочестивый католикъ, какъ бы враждебно ни относился онъ къ директоріи, сдѣлался или открытымъ союзникомъ Бонапарта, или же въ крайнемъ случаѣ сталъ по отношенію къ нему нейтральнымъ. „Что касается до римской куріи, то она съ этого времени обратилась въ послушное его орудіе. Одинъ изъ кардиналовъ подарилъ „милостивѣйшему покровителю и защитнику католицизма" бюстъ Александра Македонскаго. По заключеніи мира считалось въ порядкѣ вещей заявлять, что Бонапартъ, подобно Александру Македонскому, походитъ внѣшностью своей на грека, а силою характера уподобляется римлянину—Цезарю.

Въ бытность свою въ Анконѣ побѣдоносный полководецъ временно почувствовалъ опять прежнее стремленіе къ владычеству надъ Востокомъ. Въ донесеніи своемъ директоріи онъ объявилъ анконскій портъ единственнымъ, сколько-нибудь пригоднымъ на Адріатическомъ морѣ къ югу отъ Венеціи. Обладаніе имъ въ высшей степени важно для Франціи уже потому, что она заручится тогда могущественнымъ вліяніемъ на судьбы Турціи. Анкона имѣетъ удобное сообщеніе съ Константинополемъ и находится всего лишь на разстояніи двадцати четырехъ часовъ отъ Македоніи. При этомъ донесеніи препровождались письма гроссмейстеру Мальтійскаго ордена, найденныя у перехваченнаго курьера русскаго императора. При такихъ обстоятельствахъ Бонапартъ, въ силу естественной ассоціаціи представленій, началъ вскорѣ послѣ того серьезно помышлять о захватѣ Мальты и высадкѣ въ Египетъ. Въ сущности французская иностранная политика давно уже задавалось этими проектами, такъ что починъ изобрѣтенія ихъ принадлежитъ не Бонапарту. Онѣ оставались долгое время на заднемъ планѣ, да и на этотъ разъ имъ предстояло осуществиться главнымъ образомъ потому, что и новый диктаторъ и директорія усматривали въ ихъ осуществленіи единственный исходъ для взаимныхъ своихъ до чрезвычайности натянутыхъ отношеній.

Тѣмъ временемъ внѣшне-политическое положеніе Австріи стало до чрезвычайности незавиднымъ. Отплытіе англійскаго флота изъ

Средиземнаго моря облегчало успѣхи Бонапарта въ Италіи, а въ то же время обнаружилось, что и Россія намѣрена измѣнить свою политику въ смыслѣ невыгодномъ для монархіи Габсбурговъ. Если допускать вообще, что тогдашняя европейская государственная система имѣла въ своей основѣ какой-либо нравственный принципъ, то надо признать этимъ принципомъ теорію неприкосновенности территоріальныхъ границъ и національнаго существованія. Между тѣмъ, вопреки этому принципу, Пруссія, Россія и Австрія произвели въ 1772 году первый раздѣлъ Польши. Это пришлось имъ до такой степени по вкусу, что они учинили въ 1792-мъ году второй, а въ 1795-мъ—третій раздѣлъ, послѣ котораго Польша совершенно исчезла съ карты Европы. На этотъ разъ, между тремя державами, подѣлившими остатки Польши, состоялось соглашеніе, по которому Россія, въ вознагражденіе за полученную львиную долю, обязалась помочь осуществленію австрійскихъ замысловъ въ сѣверной Италіи. Не довольствуясь Миланской областью и протекторатомъ надъ Моденой, императоръ Францъ имѣлъ и тогда уже въ виду присоединить къ Австріи венеціанскія владѣнія на материкѣ Европы. Тѣмъ временемъ, однако, Екатерина Великая скончалась 17-го ноября 1796-го года, а ея преемникъ, Павелъ I не хотѣлъ и слышать о выполненіи принятыхъ ею на себя обязательствъ. Пруссія, въ свою очередь, все болѣе упрочивала свое положеніе какъ великой державы, и угрожала въ концѣ концовъ подорвать руководившее до тѣхъ поръ германской имперской политикой вліяніе Австріи на германскомъ сеймѣ. Такимъ образомъ обстоятельства складывались для Австріи весьма неблагопріятно.

Въ виду столь критическаго положенія талантливый министръ императора Франца, Тугутъ, рѣшился, наконецъ, сосредоточить всѣ военныя силы своего монарха въ Италіи и нанести тамъ ударъ французамъ. Молодого эрцгерцога Карла, успѣвшаго уже прославиться благодаря побѣдѣ, одержанной надъ Журданомъ, вызвали съ главными силами его арміи изъ Германіи. Онъ долженъ былъ двинуться черезъ Тироль въ Каринтію и Фріуль, чтобы препятствовать наступленію французовъ изъ сѣверной Италіи къ Вѣнѣ. Эрцгерцогу, родному брату императора Франца, исполнилось только двадцать пять лѣтъ, но онъ былъ несомнѣнно лучшимъ изъ австрійскихъ генераловъ, а по сравненію съ французскими полководцами уступалъ въ военныхъ талантахъ лишь Бонапарту. Замѣчательная стойкость, съ какою Австрія выставляла противъ Франціи одну большую армію за другой, вполнѣ согласовалась съ благородными традиціями Габсбургскаго дома. Арміи эти, даже и подъ командой ветерановъ старой школы, представляли собою грозную боевую силу. На этотъ разъ, по мнѣнію вѣнскаго кабинета, онѣ, подъ предводительствомъ такого искуснаго вождя, какъ эрцгерцогъ Карлъ, непремѣнно должны были одержать побѣду. Если бы эрцгерцога и его рейнскую армію двинули съ самаго начала въ Италію, дѣла тамъ приняли бы совершенно иной оборотъ. Такъ думали, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ австрійскихъ

сферахъ и очень можетъ быть, что эти предположенія и не были лишены основанія. Во всякомъ случаѣ австрійское правительство слишкомъ поздно хватилось за умъ. Эрцгерцогъ вызванъ былъ слишкомъ поздно, для того, чтобы его прибытіе могло принести ожидаемую пользу. Къ тому же гофкрихсратъ распорядился отправить его въ Фріуль,—итальянскую горную область на границахъ венеціанскихъ владѣній. Тамъ собиралась новая армія, шестая уже въ теченіе года. Она должна была прикрывать австрійскую границу и, выждавъ прибытія подкрѣпленій изъ Германіи, перейти затѣмъ въ наступленіе. До прибытія подкрѣпленій ей надлежало ограничиться одной обороной, такъ какъ она уступала численностью французамъ, усиленнымъ 15.000 старыхъ солдатъ, присланныхъ подъ начальствомъ Бернадотта, изъ самбромаасской арміи. Кромѣ того, самый составъ войскъ, находившихся подъ командой эрцгерцога Карла, былъ не особенно удовлетворителенъ. Значительная ихъ часть состояла изъ плохо обученныхъ рекрутъ и ополченцевъ.

Положеніе Бонапарта, при наступательномъ движеніи отъ Мантуи къ Альпамъ, оказывалось сильнѣе чѣмъ когда-либо до тѣхъ поръ. Директорія давно уже относилась къ нему съ недовѣріемъ и завистью, а потому отказывала итальянской арміи въ присылкѣ подкрѣпленій, которыхъ постоянно требовалъ ея главнокомандующій. За послѣднее время, однако, выяснилось, что предстоявшіе вскорѣ выборы совершенно подорвутъ вліяніе директоріи въ Совѣтѣ пятисотъ и что она вынуждена будетъ больше чѣмъ когда-либо опираться на армію. При такихъ обстоятельствахъ директорамъ пришлось, скрѣпя сердце, уступить и отправить Бонапарту требуемыя подкрѣпленія. Эта перемѣна въ правительственной политикѣ вызвала также благопріятную для Бонапарта реакцію въ Южной и Восточной Франціи. Личные счеты и недоразумѣнія съ командовавшими тамъ генералами вызывали для него массу затрудненій и усложненій каждый разъ, когда приходилось сноситься съ Парижемъ, а также при доставкѣ въ итальянскую армію необходимыхъ для ея пополненія людей, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ и т. п. Сознаваясь, что близится политическій кризисъ, въ которомъ судьба республики будетъ зависѣть отъ арміи, всѣ воинскіе начальники поняли необходимость ладить съ наиболѣе выдающимся ея вождемъ, побѣды котораго затмили даже подвиги Гоша въ Нидерландахъ и на западѣ Франціи. Италія была совершенно усмирена и въ тылу побѣдоноснаго полководца не было никакихъ вражескихъ силъ. Многіе изъ побѣжденныхъ питали къ нему даже симпатію. Такъ, напримѣръ, миланцы въ такой же степени интересовались житьемъ-бытьемъ Бонапарта и его приближенныхъ, какъ если бы онъ былъ у нихъ царствующимъ государемъ. Передъ фронтомъ дѣла обстояли, разумѣется, нѣсколько иначе. Положеніе, занятое войсками эрцгерцога Карла, оставляло венеціанскую территорію какъ разъ между обѣими арміями, вслѣдствіе чего французскому главнокомандующему неизбѣжно слѣдовало принять какое-нибудь кате-

горическое рѣшеніе касательно образа его дѣйствій по отношенію къ Венеціанской республикѣ.

Генералъ Бонапартъ очевидно считалъ на первое время излишнимъ раскрывать свои карты. Онъ не счелъ даже нужнымъ формально предложить заключеніе какого-нибудь договора итальянской олигархіи, которая оставалась по наружности совершенно такою же, какою была всегда до тѣхъ поръ, а именно: до нельзя высокомѣрной, любившей облекать всѣ свои дѣйствія въ непроницаемую таинственность, недобросовѣстной и ненадежной. Тѣмъ не менѣе вскорѣ выяснилась, въ поступкахъ съ нею французскаго главнокомандующаго, своеобразная систематичность. Методъ, которому онъ слѣдовалъ, не имѣлъ ничего общаго съ его образомъ дѣйствій относительно другихъ итальянскихъ державъ, но былъ отлично приспособленъ къ достиженію предположенныхъ цѣлей. Бонапартъ не разъ уже нарушалъ венеціанскій нейтралитетъ и очевидно намѣревался окончательно его игнорировать. Въ качествѣ маленькаго указанія на то, чего могла ожидать отъ него республика, французскимъ солдатамъ дозволено было грабить венеціанскіе города. Эти грабежи до такой степени возмутили мѣстное населеніе, что оно принялось защищаться. Нѣсколько грабителей были убиты, послѣ чего началась нескончаемая вереница жалобъ, взаимныхъ обвиненій и увѣщаній, такъ что въ концѣ концовъ оказалось уже трудно разобрать, на чьей сторонѣ была первая вина. Французскій главнокомандующій призналъ тогда необходимымъ дать предостереженіе тѣмъ, кто „пытается повредить дружественнымъ отношеніямъ между обѣими республиками“ и началъ занимать французскими гарнизонами одинъ венеціанскій городъ за другимъ. Операція эта производилась безпрерывно и съ такой безпощадной энергіей, что венеціанское правительство окончательно пришло въ отчаяніе. Всѣ возраженія оказывались тщетными, такъ какъ Бонапартъ не выказывалъ ни малѣйшаго уваженія къ самымъ грознымъ оффиціальнымъ документамъ. Убѣдившись, что онъ только смѣется надъ протестами, не поддерживаемыми вооруженной силой, негодующая венеціанская олигархія рѣшила, наконецъ, приступить къ вооруженіямъ и вскорѣ собрала подъ своими знаменами до 40.000 человѣкъ, по преимуществу наемниковъ изъ сосѣднихъ славянскихъ областей. Бонапартъ съ обычной своей притворной наивностью предложилъ тогда сенату заключить съ Франціей оборонительный и наступательный союзъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло шло, впрочемъ, не объ одномъ только дипломатическомъ и военномъ союзѣ. Предложенная Бонапартомъ комбинація затрогивала, какъ бы невзначай, вопросы, весьма существенные для Венеціанской республики. По нѣкоторымъ соображеніямъ олигархіи слѣдовало бы согласиться на эту комбинацію. Дѣло въ томъ, что между венеціанскими городами на материкѣ и самою Венеціей не существовало особенной симпатіи. Это обусловливалось отказомъ венеціанской аристократіи вносить въ Золотую свою Книгу фамиліи континентальныхъ магнатовъ. Къ тому же революціонное движеніе все болѣе усиливало

недовольство венеціанскими административными порядками. Недовольство это дошло до того, что нѣкоторые города, какъ напримѣръ, Бресчія, Бергамо и Пескьера, открыто благопріятствовали Бонапарту и совершенно искренно желали освободиться отъ венеціанскаго владычества. Необходимо замѣтить также, что, уже въ началѣ января мѣсяца, венеціанскій сенатъ получилъ отъ своего агента въ Парижѣ извѣстіе о слухѣ, будто, при заключеніи мира, Австрія вознаградитъ себя за утраченную Миланскую область присоединеніемъ венеціанской территоріи. Недовольство въ сосѣднихъ съ Ломбардіей городахъ въ значительной степени вызывалось стремленіемъ ихъ соединиться съ Транспаданской республикой. Они не знали, что Бонапартъ готовилъ имъ совершенно иную участь. Онъ и въ самомъ дѣлѣ занялъ эти города и окрестную мѣстность своими войсками, для того чтобы имѣть, такъ сказать, въ собственныхъ рукахъ вознагражденіе, способное удовлетворить Австрію. Венеція могла во всякомъ случаѣ съ увѣренностью разсчитывать, что утратитъ свои владѣнія на материкѣ. Въ качествѣ искуснаго дипломата Бонапартъ понималъ, что отказъ Венеціанской республики отъ союза съ Франціей позволитъ ему, по наружности съ меньшею несправедливостью, передать Австріи и Венецію и ея материковыя владѣнія въ обмѣнъ за уступку Бельгіи. Поэтому-то онъ и требовалъ въ качествѣ необходимой гарантіи, чтобы венеціанскіе граждане вписали въ Золотую Книгу фамиліи наиболѣе вліятельныхъ континентальныхъ своихъ магнатовъ.

Предположенія его дѣйствительно оправдались. Венеціанскій сенатъ, не смотря на всѣ предостереженія, отказался отъ союза, объявивъ, что будетъ держаться строжайшаго нейтралитета. Бонапартъ изъявилъ готовность принять это рѣшеніе къ свѣдѣнію, но въ то же время предписалъ Венеціи разоружиться, обѣщая въ такомъ случаѣ сдерживать агитацію либераловъ въ венеціанскихъ владѣніяхъ на материкѣ, оставя тамъ достаточно войскъ для огражденія спокойствія и порядка и обезпеченія своихъ собственныхъ сообщеній. Онъ предупредилъ сенатъ, что въ случаѣ какой-либо враждебной попытки въ тылу его арміи, со стороны венеціанцевъ, республика ихъ тотчасъ же перестанетъ существовать. Неизвѣстно, какая участь постигла бы гордую Венецію, если бы она вмѣсто того, чтобы остаться нейтральной, вступила въ союзъ съ Франціей. Бонапартъ всегда имѣлъ про запасъ нѣсколько добавочныхъ плановъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, однако, Венеціанскую республику постигла бы та же самая, заранѣе предопредѣленная имъ для нея, участь.

Леобенскій миръ.

Вѣнскій гофкригсратъ приготовилъ для эрцгерцога Карла директивы, являвшіяся лишь какъ бы видоизмѣненіемъ прежняго плана дѣйствій. Вся разница ограничивалась тѣмъ, что для наступленія двумя отдѣльными массами должны были служить долины

рѣкъ Піаве и Тальяменто, вытекающихъ изъ каринтійскихъ Альпъ и прорѣзающихъ въ верхнемъ своемъ теченіи обрывистыя кручи и груды доломитныхъ известняковъ. Обѣ эти рѣки направляются, подобно Адижу и Брентѣ, на югъ, но изливаются не въ По, а непосредственно въ Адріатическое море. Вспомогательный корпусъ Лузиньяна, составлявшій правое крыло австрійцевъ, стоялъ поэтому къ западу отъ главныхъ силъ, на берегахъ Піаве, тогда какъ эрцгерцогъ Карлъ, съ большей частью своей арміи, расположился, въ ожиданіи подкрѣпленій, эшелонами въ верхнемъ теченіи Тальяменто, гдѣ проходила прямая дорога въ Вѣну. На этотъ разъ австрійцы и французы помѣнялись ролями. Вмѣсто того, чтобы ожидать нападенія, Бонапартъ, усиливъ свою армію до 75.000 человѣкъ, рѣшился перейти въ наступленіе, прежде чѣмъ успѣютъ подойти къ противникамъ подкрѣпленія, ожидавшіяся съ Рейна. Этотъ послѣдній отдѣлъ итальянской кампаніи оказался непродолжительнымъ, такъ какъ французскія войска были гораздо многочисленнѣе австрійскихъ и къ тому же не встрѣчали со стороны мѣстнаго населенія того отпора, какой имъ, безъ сомнѣнія, оказали бы въ своихъ горахъ ожесточенные враги Бонапарта — тирольцы. Жуберъ, съ восемнадцатитысячнымъ отдѣльнымъ корпусомъ, остался для наблюденія за Тиролемъ. Небольшіе обсерваціонные отряды подъ начальствомъ Кильменя и Виктора были выдвинуты со стороны Венеціи и Рима, но вообще охраненіе спокойствія и порядка въ Италіи возлагалось на организованные тамъ Бонапартомъ туземные легіоны.

Двинувшись вверхъ по теченію Піаве противъ Лузиньяна, Массена отрѣзалъ и взялъ въ плѣнъ его арріергардъ. Самъ Лузиньянъ оказался отброшеннымъ къ сѣверу за Беллуно. Эрцгерцогъ, утративъ вслѣдствіе этого всякую связь съ правымъ своимъ крыломъ, въ свою очередь, отступилъ, чтобы прикрыть дорогу въ Карніолію. Бонапартъ, двигаясь съ обычной для него быстротой, явился несравненно раньше, чѣмъ его ожидали на правомъ берегу Тальяменто какъ разъ напротивъ австрійской позиціи, находившейся на лѣвомъ берегу этой рѣки. Французскія войска шли всю ночь съ 15-го на 16-ое число, но, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же сдѣлали видъ, будто собираются форсировать переправу. Австрійцы, занимавшіе на лѣвомъ берегу рѣки грозную позицію, на которой расположеніе войскъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ, совершенно спокойно ожидали нападенія. Казалось, что при первомъ столкновеніи между двумя молодыми генералами побѣда останется на сторонѣ эрцгерцога. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ далеко не обладалъ такимъ лукавствомъ и такой неутомимостью, какъ его противникъ. Французскія войска, ограничившись одною лишь демонстраціей, отступили и расположились биваками, словно разсчитывая переночевать, чтобы ударить на австрійцевъ утромъ съ свѣжими силами. Австрійцы, не ожидая болѣе нападенія, послѣдовали примѣру своихъ противниковъ и тоже расположились на ночлегъ. Между тѣмъ, черезъ какихъ-нибудь два часа вся французская армія внезапно поднялась, какъ

одинъ человѣкъ, — мгновенно выстроилась и бросилась къ рѣкѣ, черезъ которую, не смотря на быстроту ея теченія, можно было въ этомъ мѣстѣ перейти въ бродъ, благодаря сравнительной ширинѣ ея русла и тому, что грунтъ состоялъ изъ крупнаго песка.

Францъ I императоръ австрійскій.
(Съ картины Леопольда Купельвизера, въ Лаксенбургскомъ дворцѣ, въ Австріи).

Австрійцы едва успѣли построиться, для того чтобы встрѣтить ударъ французовъ, но мужественно держались въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ, пока ихъ не обошли съ фланга. Тогда они отступили въ порядкѣ, потерявъ, однако, много пушекъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Массена, ожидавшій за цѣпью сосѣднихъ холмовъ сигнала къ дальнѣйшему наступленію, двинулся при первыхъ же пушечныхъ выстрѣлахъ вверхъ по Тальяменто, переправился тоже черезъ эту рѣку и занялъ въ итальянскихъ Альпахъ проходы, черезъ которые пролегали удобнѣйшіе пути сообщенія эрцгерцога Карла съ австрійской столицей. Эрцгерцогъ, ставъ во главѣ отборныхъ войскъ, рѣшился отбросить Массену, но это ему не удалось. Не смотря на отчаянную личную храбрость австрійскаго главнокомандующаго и мужество его войскъ, всѣ ихъ усилія оказались тщетными. У него не оставалось иного выбора, какъ отступать прямо на востокъ, за горный узелъ, гдѣ Альпы загибаются къ Адріатическому морю, въ долину Изонцо и прикрыться этой глубокой многоводной рѣкой, которая, какъ онъ полагалъ, остановитъ преслѣдующихъ французовъ. Морозъ перебросилъ, однако, черезъ Изонцо во многихъ мѣстахъ ледяные мосты, которые и были вскорѣ розысканы непріятелемъ. Бернадоттъ и Серюрье взяли штурмомъ крѣпость Градишку и захватили въ плѣнъ 2.500 человѣкъ. Тѣмъ временемъ Массена, овладѣвъ фортомъ въ Кьюза-Венета, разсѣялъ цѣлую дивизію бѣжавшихъ передъ нимъ австрійцевъ и взялъ въ плѣнъ 5.000 человѣкъ со всѣмъ обозомъ и значительными продовольственными запасами. Вслѣдъ затѣмъ онъ аттаковалъ и разбилъ австрійскій отрядъ, охранявшій Понтеббскій проходъ,—овладѣлъ Тарвисомъ и такимъ образомъ отрѣзалъ сообщенія эрцгерцога Карла съ Пустской долиной, черезъ которую должны были придти ожидаемыя съ Рейна подкрѣпленія.

Бонапартъ обласкалъ изумленныхъ каринтійцевъ прокламаціями, въ которыхъ обѣщалъ мирному населенію свою дружбу и покровительство. Благодаря этому, передовыя французскія колонны не встрѣчали со стороны крестьянъ никакого сопротивленія и быстро подвигались впередъ. Войска Бонапарта не замедлили занять Клагенфуртъ, а также Тріестъ и Фьюме, единственные удобные порты на австрійскомъ берегу. Оттуда Бонапартъ съ главными своими силами направился черезъ Тарвисскій горный проходъ въ Германію и вступилъ въ Виллахъ. Тамъ обнародовалъ онъ прокламацію, въ которой заявлялъ: „Мы прибыли сюда не какъ враги, а какъ друзья, чтобы положить конецъ жестокой войнѣ, которую заставляетъ вести Англія, подкупившая своимъ золотомъ вашихъ министровъ“. Обольстительный голосъ этой сирены (если только можно приложить подобный эпитетъ къ генералу Бонапарту) произвелъ на народныя массы желаемое впечатлѣніе. Всѣ упомянутые результаты были достигнуты къ концу марта мѣсяца. Эрцгерцогъ Карлъ потерялъ къ тому времени уже четвертую часть своей арміи и держался за рѣкой Муръ къ сѣверу отъ передовыхъ французскихъ отрядовъ, заслоняя дорогу въ Вѣну измученными своими войсками, но со дня на день ожидая, что его вынудятъ къ дальнѣйшему отступленію.

Жуберъ дѣйствовалъ далеко не столь удачно. Выполняя данную ему инструкцію и двигаясь вверхъ по Адижу, онъ проникъ до Брик-

сена въ самую глубь враждебнаго французамъ Тироля. Австрійское правительство снова призвало горцевъ къ оружію и, подъ командою Лаудона, вскорѣ собрались достаточныя силы, для того чтобы съ помощью ихъ можно было причинить французамъ серьезныя непріятности. Между Бонапартомъ и директоріей было условлено, что Моро переправится черезъ Рейнъ и предприметъ опять энергическое наступленіе, на этотъ разъ для того, чтобы, соединившись съ Жубером, двинуться къ Вѣнѣ. Директорія не сочла это соглашеніе для себя обязательнымъ. Въ припадкѣ подозрительности она нарушила слово, данное Бонапарту, и, ссылаясь на недостатокъ денежныхъ средствъ, отказалась снарядить сѣверную армію для предположенныхъ первоначально наступательныхъ операцій. При такихъ обстоятельствахъ Жуберъ, достигнувъ Бриксена, убѣдился, что не можетъ разсчитывать на соединеніе съ Моро, который даже и не думалъ еще переправляться черезъ Рейнъ. Положеніе Жубера оказывалось критическимъ, такъ какъ противъ него возстало все тирольское населеніе. Съ трудомъ лишь прочищая себѣ путь, онъ, послѣ цѣлаго ряда жестокихъ стычекъ, въ которыхъ французы несли большой уронъ, пробился въ долину Дравы и отступилъ внизъ по теченію этой рѣки для соединенія съ Бонапартомъ. Тирольцы, не безъ нѣкотораго основанія, признавали себя побѣдителями. Извѣстіе о томъ, что имъ удалось прогнать Жубера, вызвало большую радость въ Венеціи и распространилось оттуда на востокъ въ австрійскія области, прилегающія къ Адріатическому морю. Въ Тріестѣ и Фьюме французы не оставили гарнизоновъ, а потому города эти были снова заняты австрійцами. Венеціанскій сенатъ, въ свою очередь, втайнѣ организовалъ вооруженное возстаніе, которое вспыхнуло одновременно во многихъ мѣстахъ и было подавлено лишь послѣ умерщвленія значительнаго числа французовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были перерѣзаны всѣ лечившіеся въ лазаретахъ больные и раненые французы.

Получивъ оффиціальное извѣщеніе, что не можетъ разсчитывать на немедленную поддержку со стороны рейнской арміи, Бонапартъ отправилъ 31-го марта изъ Клагенфурта къ эрцгерцогу Карлу письмо, которое самъ называетъ „философскимъ по содержанію“. Въ этомъ письмѣ онъ обращалъ вниманіе эрцгерцога на тотъ фактъ, что вражда между Франціей и Австріей имѣла чисто искусственный характеръ. Она вызвана единственно лишь англійскими интригами, такъ какъ обѣимъ державамъ нѣтъ ни малѣйшаго фактическаго повода ссориться другъ съ другомъ. Война между ними представляется поэтому совершенно безцѣльной. Не пожелаетъ-ли эрцгерцогъ, который, уже по своему августѣйшему происхожденію, вознесенъ столь высоко надъ мелочными предразсудками обыкновенныхъ чиновниковъ и министровъ, взять на себя роль спасителя Германіи и прекратить бѣдствія безполезной войны? „По сколько дѣло касается лично меня самого, смѣю увѣрить, что если заявленіе, которое я имѣю честь теперь высказать, спасетъ жизнь хотя бы одного только человѣка, то я буду гордиться заслу-

женнымъ за это гражданскимъ вѣнцомъ несравненно больше, чѣмъ прискорбною славой, купленной цѣною военныхъ успѣховъ.“ Тѣмъ временемъ Массена ломился впередъ въ долину Мура черезъ Нейманктскіе горные проходы и, менѣе чѣмъ въ недѣлю, овладѣвъ Санктъ-Михелемъ и Леобеномъ, отнялъ у герцога Карла послѣднюю надежду соединиться съ подкрѣпленіями, ожидавшимися съ Рейна. Австрійское правительство, съ всегдашней своей гордой рѣшимостью, энергически вело приготовленія къ упорной войнѣ. Эрцгерцогъ Карлъ мужественно, хотя и безуспѣшно, сражался съ тѣснившими его войсками Массены, но, когда Тугутъ получилъ письмо Бонапарта, немедленно препровожденное эрцгерцогомъ въ Вѣну, австрійское министерство съ радостью ухватилось за благопріятный случай высвободить габсбургскую монархію изъ тяжелаго положенія, въ которомъ она находилась. Австрійскіе уполномоченные не замедлили отправиться въ Леобенъ.

Положеніе Бонапарта въ Леобенѣ было въ свою очередь далеко не такъ хорошо, какъ можно было бы это себѣ представить въ виду того, что передовые его посты находились всего лишь въ полутораста верстахъ отъ Вѣны. Революціонное движеніе въ Венеціи, втайнѣ, но весьма энергически поддерживавшееся французскими гарнизонами, одержало верхъ въ Бергамо, Бресчіи и Сало. Венеціанскій сенатъ, доведенный до отчаянія, отправилъ Бонапарту въ Гериць пословъ. Французскій главнокомандующій отвѣтилъ имъ въ примирительномъ духѣ, но объявилъ, что окажетъ поддержку Венеціи лишь въ томъ случаѣ, если она, съ своей стороны, сдѣлаетъ давно желанную уступку относительно Золотой Книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ ежемѣсячной уплаты милліона франковъ, обѣщая зато воздержаться отъ всякихъ реквизицій на венеціанской территоріи. Хлопоты венеціанскаго посла въ Парижѣ тоже не увѣнчались успѣхомъ. Когда затѣмъ получено было извѣстіе объ отступленіи Жубера, вспыхнуло въ сѣверо-итальянскихъ владѣніяхъ Венеціи страшное возстаніе, во время котораго въ Веронѣ и другихъ мѣстностяхъ убито было много французовъ. Проектъ мирнаго договора съ Австріей былъ составленъ Бонапартомъ раньше полученія извѣстія объ этомъ возстаніи. Немудрено, что послѣ того миролюбивыя намѣренія молодого французскаго главнокомандующаго еще болѣе усилились. Имѣя въ тылу возстаніе въ Тиролѣ и Венеціи, угрожавшее его сообщеніемъ,—зная, что не можетъ разсчитывать на помощь Моро, и убѣждаясь, что населеніе наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣній, въ которыя онъ проникъ, становится съ каждымъ днемъ все болѣе враждебнымъ, Бонапартъ какъ нельзя лучше понималъ необходимость для себя быть сговорчивымъ. Впослѣдствіи онъ самъ объяснялъ: „Въ Леобенѣ я объяснялъ большой шлемъ, имѣя на рукахъ всего лишь двѣнадцать взятокъ“.

Генералъ Мерфельдтъ и маркизъ Галло съ надлежащими полномочіями отъ австрійскаго императора и генералъ Бонапартъ въ качествѣ представителя французской республики, хотя и не облеченнаго никакими формальными полномочіями, съѣха-

лись въ Леобенѣ въ Гесскомъ замкѣ. Они всѣ трое какъ нельзя лучше знали, что положеніе французовъ далеко незавидно и что договоръ, который предстоитъ заключить, не будетъ имѣть ничего общаго съ условіями, которыя могъ бы при нѣсколько иной обстановкѣ предписать торжествующій побѣдитель. Обѣ стороны нисколько не стѣснялись нарушить обычное европейское международное право уничтоженіемъ какого-либо независимаго государства, но все-таки нуждались для этого въ благовидномъ предлогѣ. Пока переговоры находились еще въ подготовительной стадіи, этотъ желанный предлогъ представился. Дѣйствительно, Бонапартъ получилъ 9 апрѣля донесеніе объ убійствахъ, учиненныхъ венеціанскими повстанцами и о вызванной самими французами стычкѣ близь Сало, въ которой горцы изъ окрестностей Бергамо захватили въ плѣнъ до 300 человѣкъ гарнизона этой крѣпостцы, состоявшаго преимущественно изъ поляковъ. Стычка эта была лишь немногимъ серьезнѣе другихъ ежедневныхъ столкновеній, характеризующихъ партизанскую войну, но для Бонапарта и этого было достаточно. Онъ обрушился на венеціанскій сенатъ съ такимъ негодованіемъ, какъ если бы считалъ фактически уже невозможнымъ сохраненіе мира съ Венеціей и требовалъ отъ нея совершенно невозможнаго удовлетворенія.

Жюно, отправленный въ Венецію съ этимъ ультиматумомъ, торжественно вручилъ его сенату 15 апрѣля, въ тотъ самый день, когда Бонапартъ заканчивалъ уже переговоры о передачѣ Австріи венеціанскихъ владѣній въ сѣверной Италіи. Партія мира въ Вѣнѣ стала до того вліятельной, а населеніе австрійской столицы пришло въ такой ужасъ, когда императорскій дворъ уложилъ свои сокровища и приготовился бѣжать въ Венгрію, что уполномоченные поспѣшили принять предложеніе Бонапарта и при этомъ съ трудомъ лишь въ состояніи были скрыть свою радость. Разногласіе обнаружилось лишь по отношенію къ одному пункту, а именно къ Моденѣ, которую императоръ Францъ хотѣлъ сохранить „для поддержанія чести Габсбургскаго дома“. На самомъ дѣлѣ австрійскіе уполномоченные какъ нельзя лучше понимали, что съ присоединеніемъ къ габсбургской монархіи Тосканы, Модены и венеціанскихъ владѣній въ сѣверной Италіи возвращеніе Миланской области окажется только вопросомъ времени. Бонапартъ категорически отказался, однако, отъ всякихъ уступокъ по этому пункту, а потому 18 апрѣля предварительныя условія мирнаго договора были приняты и подписаны въ томъ видѣ, какъ это представлялось ему желательнымъ. Франціи уступалась Бельгія „съ тѣми границами, какъ это установлено законами республики“. Такой неопредѣленный терминъ употребленъ былъ умышленно. Австрія получала взамѣнъ венеціанскія владѣнія въ сѣверной Италіи до рѣки Оліо, а также Истрію и Далмацію. Венеціанскую республику предполагалось номинально вознаградить уступкою ей трехъ папскихъ легатствъ: Болоньи, Феррары и Романьи. Модена соединялась съ Мантуей, Реджіо и Миланской областью въ большую центральную республику, дол-

женствовавшую находиться въ зависимости отъ Франціи, къ которой она непосредственно примыкала прибрежною полосой генуезской территоріи.

Въ письмѣ къ директоріи Бонапартъ увѣрялъ, что папскія владѣнія ни въ какомъ случаѣ не будутъ уступлены Венеціи и что они непремѣнно останутся подъ французскимъ протекторатомъ. Совершенно такое-же чистосердечіе обнаружилъ онъ и въ вопросѣ быть или не быть Венеціанской республикѣ. Условія заключеннаго имъ предварительнаго мирнаго договора считались въ самой Вѣнѣ весьма благопріятными и вызвали въ этой столицѣ величайшую радость. Необходимо отмѣтить, впрочемъ, что съ чисто формальной точки зрѣнія дипломаты старой школы были очень возмущены поведеніемъ военнаго своего соперника, который, хотя и былъ профаномъ въ оффиціальной дипломатіи, но тѣмъ не менѣе умѣлъ настоять на своемъ. Вообще австрійскимъ дипломатамъ при всемъ ихъ искусствѣ и опытности не удавалось импонировать этому новичку. Приступая къ переговорамъ, они предложили помѣстить въ качествѣ первой статьи предварительныхъ условій согласіе Австріи признать французскую республику (чего директорія давно уже домогалась). „Потрудитесь вычеркнуть эту статью,—сказалъ Бонапартъ.—Нашу республику можно сравнить съ солнцемъ, появившимся на горизонтѣ. Если кто-нибудь ея не видитъ, тѣмъ хуже для него самого!“ По этому началу можно было уже составить себѣ понятіе о рѣзкости пріемовъ, къ которымъ прибѣгалъ Бонапартъ въ своей дипломатіи. Впослѣдствіи, во время продолжительныхъ переговоровъ по заключенію окончательнаго мира, онъ позволялъ себѣ еще болѣе рѣзкія нарушенія общепринятыхъ традицій.

Въ самый день подписанія леобенскаго перемирія Гошъ нанесъ на Рейнѣ жестокое пораженіе австрійцамъ. Моро былъ не въ состояніи тронуться съ мѣста изъ-за того, что директорія отказывалась ассигновать ему сравнительно ничтожную сумму, о которой онъ ходатайствовалъ. Гошъ, армію котораго тоже хотѣли парализовать безденежьемъ, подъ конецъ не вытерпѣлъ. Ему хотѣлось во что бы ни стало загладить прошлогоднюю неудачу Журдана, а потому онъ двинулъ свои войска на непріятеля, хотя они и не были подготовлены къ такому наступленію. Переправившись черезъ Рейнъ въ Нейвидѣ, онъ быстро тѣснилъ передъ собою австрійцевъ, ослабленныхъ тѣмъ, что лучшіе ихъ полки выступили уже на присоединеніе къ эрцгерцогу Карлу. Подъ Геддерсдорфомъ произошло сраженіе, въ которомъ австрійцы были разбиты съ потерею 6.000 плѣнныхъ. Остатокъ изъ арміи оказывался почти уже окруженнымъ войсками Гоша, когда курьеръ изъ Леобена, прибывшій съ извѣстіемъ о заключеніи перемирія, заставилъ французовъ прекратить дальнѣйшее наступленіе. Подобное же разочарованіе испыталъ въ Шварцвальдѣ Дезе, который, переправившись съ арміей Моро ниже Страсбурга, тоже тѣснилъ передъ собою австрійцевъ. Эти блестящіе успѣхи одержаны были слишкомъ поздно. Они оказались безъ всякаго вліянія на условія мирнаго дого-

вора, и слава побѣды надъ Австріей осталась всецѣло за Бонапартомъ.

Необходимо замѣтить, что повсемѣстно во Франціи обнаруживалось недовольство выказанной имъ чрезвычайной умѣренностью. Крайніе республиканцы, особенно же въ самой директоріи, находили, что ему слѣдовало бы окончательно разрушить австрійскую монархію. Ларевельеръ и Ревбель категорически держались этого мнѣнія, которое раздѣлялъ отчасти и продажный Баррасъ, получившій съ венеціанскаго посла въ Парижѣ взятку въ 600,000 франковъ, чтобы побудить Бонапарта къ усмиренію либераловъ въ сѣверо-итальянскихъ владѣніяхъ Венеціи. Конфиденціальная переписка по этому вопросу была перехвачена въ Миланѣ и попала въ руки Бонапарта. Понятно, что послѣ этого директорія оказалась въ большей чѣмъ когда-либо зависимости отъ главнокомандующаго итальянской арміей. Въ своемъ донесеніи отъ 19 апрѣля онъ счелъ тѣмъ не менѣе умѣстнымъ заранѣе опровергнуть обвиненіе, которое можно было бы противъ него выставить, а потому говоритъ: „Если бы въ началѣ кампаніи я, упорствуя въ выполненіи правительственныхъ инструкцій, двинулся на Туринъ, мнѣ никогда не удалось бы переправиться черезъ По. Если бы я упорствовалъ идти въ Римъ, то утратилъ бы Миланъ, упорствуя же идти въ Вѣну, я, чего добраго, погубилъ бы республику". Онъ очень хорошо зналъ, что страхъ передъ возможными разоблаченіями вынудитъ директоровъ къ уступкамъ. Дѣйствительно, какъ только условія леобенскаго перемирія были получены въ Парижѣ, директорія поспѣшила ихъ утвердить, хотя переговоры велись неуполномоченнымъ на то лицомъ, позволившимъ себѣ подписать перемиріе самопроизвольно и ранѣе прибытія дипломатическаго агента, отправленнаго въ армію съ надлежащими инструкціями и полномочіями для веденія переговоровъ. Письменно заявляя генералу Бонапарту о полномъ своемъ согласіи съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, директорія объявила ему также, чего онъ ни подъ какимъ видомъ дѣлать не долженъ, а именно воспретила ему всякое дальнѣйшее вмѣшательство въ дѣла Венеціанской республики. Запрещеніе это было получено предпріимчивымъ главнокомандующимъ 8 мая, но ровно уже за недѣлю передъ тѣмъ Венеція перестала существовать въ качествѣ независимаго государства.

Катастрофа, закончившаяся крушеніемъ древней Венеціанской республики, была отчасти дѣломъ случая, хотя нельзя отрицать и того, что ее давно уже подготовляли умышленно. Общее вооруженное возстаніе въ сѣверо-итальянскихъ владѣніяхъ Венеціи и стычка близъ Сало дали Бонапарту желанный предлогъ распорядиться по собственному усмотрѣнію этими владѣніями. Вскорѣ послѣ того представился ему благопріятный случай окончательно разгромить венеціанскую олигархію.

Двигаясь въ Альпы, Наполеонъ предварительно предписалъ Венеціанской республикѣ разоружиться. Вслѣдствіе этого надлежало, между прочимъ, вывести также изъ Вероны вене-

ціанскій гарнизонъ. Веронское населеніе было страшно раздражено слухами о томъ, что городъ отдадутъ ненавистнымъ австрійцамъ и 17-го апрѣля, когда къ занимавшимъ уже Верону французскимъ войскамъ стало подходить подкрѣпленіе, горожане пришли въ такое негодованіе, что схватились за оружіе и прогнали французовъ въ цитадель. Въ слѣдующіе затѣмъ нѣсколько дней всѣ французы, которымъ не удалось укрыться въ цитадели, а именно до 300 безоружныхъ: старыхъ и малыхъ, здоровыхъ и больныхъ, были безпощадно перерѣзаны. Одновременно съ этимъ явился на соединеніе съ венеціанскимъ генераломъ Фіоравенти и его славянами австрійскій отрядъ подъ начальствомъ Лаудона. Возбужденіе умовъ еще болѣе возросло вслѣдствіе того, что французы начали тогда бомбардировать изъ цитадели городъ. Одно время австрійцы и союзники, пріобрѣтенные ими въ Италіи, разсчитывали овладѣть цитаделью и перебить засѣвшихъ тамъ французовъ. Преувеличенныя извѣстія, будто Жуберу едва удалось унести ноги изъ Тироля, тогда какъ Моро не можетъ тронуться съ мѣста, вызвали у веронцевъ необычайный подъемъ духа. Извѣстія, полученныя изъ Леобена, побудили, однако, австрійцевъ отступить въ верховья Адижа, а на выручку веронскаго гарнизона подоспѣлъ цѣлый ломбардскій полкъ. Венеціанскія войска были взяты въ плѣнъ, а населеніе Вероны обезоружено, подобно тому какъ это было сдѣлано въ Пескьерѣ, Кастельнуово и многихъ другихъ городахъ, гдѣ не было оказано французамъ никакого сопротивленія.

Черезъ два дня послѣ этого бѣшенаго взрыва народнаго негодованія (прозваннаго французами „Веронской вечерней“) произошелъ другой инцидентъ, который былъ самъ по себѣ гораздо менѣе существеннымъ, но представлялъ, пожалуй, еще большую цѣнность въ смыслѣ нагляднаго доказательства того, что рана, нанесенная Бонапартомъ Венеціанской республикѣ, оказывалась фактически смертельной. Французскій военный корабль, спасаясь отъ двухъ гнавшихся за нимъ австрійскихъ крейсеровъ, вошелъ въ Лидо и сталъ на якорь передъ арсеналомъ. Иностраннымъ военнымъ судамъ съ незапамятныхъ временъ запрещалось входить въ портъ и командиру французскаго корабля немедленно посланъ былъ приказъ сняться съ якоря. Онъ отказался повиноваться. Тогда, въ избыткѣ усердія, артиллерія венеціанскихъ фортовъ открыла по кораблю огонь. Значительная часть экипажа была перебита, оставшихся же въ живыхъ посадили въ тюрьму. Этотъ инцидентъ оказался какъ нельзя болѣе кстати для оправданія мѣропріятій, которыя были въ принципѣ уже рѣшены Бонапартомъ. При его главной квартирѣ въ Грацѣ находилось какъ разъ посольство отъ венеціанскаго сената, когда получено было тамъ извѣстіе о веронской рѣзнѣ. Немедленно призвавъ къ себѣ пословъ, Бонапартъ имѣлъ съ ними чрезвычайно рѣзкое объясненіе, причемъ потребовалъ немедленнаго освобожденія всѣхъ содержавшихся въ венеціанскихъ тюрьмахъ политическихъ арестантовъ и совершеннаго упраздненія инквизиціи. „Я не потерплю больше

инквизиціи и не позволю вашему сенату своевольничать! Я буду для Венеціи хуже Атиллы!.. Не нуждаюсь ни въ вашемъ союзѣ, ни въ вашихъ интригахъ, а заставлю васъ повиноваться моимъ приказаніямъ", объявилъ Бонапартъ. Послы удалились отъ разгнѣваннаго главнокомандующаго, охваченные мрачнымъ, но совершенно вѣрнымъ предчувствіемъ, что венеціанской республикѣ придетъ вскорѣ конецъ и что секретныя статьи заключеннаго въ Леобенѣ мирнаго договора несомнѣнно имѣютъ для нея роковое значеніе. Два дня спустя пришло извѣстіе объ учиненной въ самой Венеціи расправѣ надъ французскимъ кораблемъ. Венеціанскимъ посламъ приказано было тогда удалиться, причемъ ихъ не допустили даже къ прощальной ауділенціи. Имъ вручена была нота, авторъ которой заявилъ, что не можетъ ихъ принять, такъ какъ они „обагрены французскою кровью". 3-го мая, дойдя до Пальмы, Бонапартъ объявилъ войну венеціанской республикѣ. Сообразуясь съ общепринятымъ тогда пренебрежительнымъ обращеніемъ съ международнымъ правомъ, военныя дѣйствія начались въ дѣйствительности уже раньше. Французы съ итальянцами, бывшими съ ними въ союзѣ, начали возводить уже 30-го апрѣля укрѣпленія въ низменности между венеціанскими лагунами, а 1-го мая авангардъ арміи Бонапарта явился въ Фузине, ближайшемъ къ Венеціи пунктѣ на итальянскомъ материкѣ.

Паденіе венеціанской республики.

Со временъ Карѳагена не встрѣчается въ лѣтописяхъ исторіи такихъ правительственныхъ порядковъ, которые сколько-нибудь походили бы на венеціанскую олигархію. Въ самый цвѣтущій ея періодъ она отличалась мрачной безпощадностью и безсовѣстностью своего образа дѣйствій. Впослѣдствіи, въ періодъ упадка венеціанской республики, деспотизмъ ея олигархіи принялъ нѣсколько болѣе мягкую форму, но тѣмъ не менѣе дѣйствія его правительственныхъ совѣтовъ, не дававшихъ никому отчета, скрывались завѣсой непроницаемой таинственности. Нѣсколько сотъ аристократическихъ фамилій распоряжались республикой совершенно также, какъ если бы она была частнымъ ихъ помѣстьемъ. Такая правительственная система подавляла всякое умственное развитіе, свободу и личную самостоятельность. Въ венеціанскихъ владѣніяхъ на материкѣ, и даже въ самой столицѣ, наиболѣе просвѣщенные умы подверглись вліянію тогдашнихъ либеральныхъ идей и чувствовали себя до крайности неловко подъ гнетомъ олигархическаго правительства, хотя оно умѣло какъ нельзя лучше прятать концы въ воду и остерегалось обнаруживать свой деспотизмъ особенно рѣзкими проявленіями. Теперь, когда земля дрожала уже подъ ногами войскъ Бонапарта, правительство это оказывалось совершенно безпомощнымъ и крайней своей робостью навлекло на себя общее презрѣніе. Государственный переворотъ, который радикально измѣнилъ бы форму правленія, являлся безотложно необходимымъ для спасенія Венеціи. Сенатъ распола-

галъ могущественнымъ флотомъ, а также войскомъ изъ 3.000 венеціанцевъ и 11.000 наемниковъ. У него не хватило, однако, духа энергически сопротивляться. Все ограничилось одною ничтожною попыткой къ сопротивленію. Капитану, командовавшему канонерскими лодками, разрѣшено было открыть съ нихъ огонь по авангарду французской арміи, появившемуся на берегу. Немедленно же затѣмъ, какъ будто устрашившись собственной своей дерзости, венеціанское правительство отправило къ приближавшемуся французскому главнокомандующему посольство съ изъявленіемъ покорности. Желая склонить Бонапарта къ снисходительности, сенатъ послѣдовалъ примѣру моденскаго герцога и предложилъ ему взятку въ 7 милліоновъ франковъ, но Бонапартъ оказался и на этотъ разъ тоже неподкупнымъ. На другой день послѣ того созванъ былъ Великій совѣтъ, на которомъ патриціи почти единодушно, а именно большинствомъ 690 голосовъ противъ 21, изъявили готовность преобразовать свои учрежденія на демократическій ладъ. Блѣдный, испуганный дожъ видѣлъ въ такой уступкѣ послѣднюю надежду на спасеніе республики.

Генералъ Гошъ.

Находившіеся все время въ Венеціи французскіе дипломатическіе агенты, Лалльманъ и Вилльтаръ, ни на минуту не прекращали тамъ революціонной своей агитаціи. Безпорядки, которые она вызывала, становились все серьезнѣе, а между тѣмъ неувѣренность въ будущемъ словно парализивала патриціевъ и поддерживавшую ихъ партію. Дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ венеціанское правительство фактически сложило съ себя свои полномочія. Двое совершенно постороннихъ лицъ съ театральной наглостью явились у дверей Великаго совѣта и подали докладную записку, въ которой рекомендовали правительству республики внять вѣяніямъ духа времени, посадить на площади св. Марка дерево свободы и безотлагательно преобразовать весь

государственный венеціанскій строй въ самомъ либеральномъ духѣ. Гордая венеціанская аристократія была объята такимъ паническимъ страхомъ и до такой степени сознавала отсутствіе подъ собою сколько-нибудь прочной почвы, что совершенно растерялась. Вмѣсто того, чтобы, согласно съ безпощадными своими традиціями, наказать за такую дерзость смертью, она рѣшилась послѣдовать данному ей совѣту,—разоружила флотъ и распустила войска. Къ концу мѣсяца прежній венеціанскій государственный строй фактически рушился. Великій совѣтъ, съ перепуга принявшій возстаніе своихъ сторонниковъ за бунтъ, произведенный либералами, объявилъ всѣ дѣйствовавшія до тѣхъ поръ правительственныя учрежденія отмѣненными, поспѣшно организовалъ временное правительство и разошелся. Четырехтысячный французскій отрядъ занялъ тогда Венецію и между республиками—французской и новой венеціанской,—заключенъ былъ формальный мирный договоръ. Этотъ договоръ являлся въ сущности просто на просто бонапартовскимъ пронунсіаменто. Французскій главнокомандующій объявилъ общую амнистію, исключивъ изъ нея лишь коменданта форта въ Лидо, распорядившагося стрѣлять по французскому кораблю. Онъ гарантировалъ также уплату государственныхъ долговъ республики и обѣщалъ вывести войска изъ Венеціи, какъ только это можно будетъ сдѣлать безъ ущерба для сохраненія общественнаго порядка. Въ цѣломъ рядѣ секретныхъ статей, приложенныхъ къ этому договору, венеціанская республика обязалась подчиниться леобенскимъ постановленіямъ относительно ея владѣній, уплатить контрибуцію въ шесть милліоновъ франковъ, подарить Франціи три линейныхъ корабля и два фрегата, а также двадцать картинъ и пятьсотъ рукописей, которыя будутъ выбраны комиссарами французской республики въ венеціанскихъ галлереяхъ, музеяхъ и библіотекахъ. Какими бы соображеніями ни руководствовались члены временнаго правительства, согласившагося на такія жестокія условія, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣхъ поръ никто болѣе не признавалъ Венецію самостоятельнымъ государствомъ. Вскорѣ послѣ того отправлена была французская экспедиція, чтобы занять принадлежавшія венеціанской республикѣ острова на Средиземномъ морѣ. Все это было заранѣе подготовлено какъ разъ въ тотъ моментъ, когда временное правительство разсчитывало цѣной принесенныхъ имъ тяжкихъ жертвъ обезпечить республикѣ самостоятельное существованіе. Впрочемъ, еще раньше, а именно 27-го мая, за три дня до отреченія венеціанскихъ патриціевъ отъ власти, Бонапартъ предлагалъ уже Австріи всю венеціанскую республику въ томъ видѣ, въ какомъ она тогда еще существовала, въ обмѣнъ на германскія земли на лѣвомъ берегу Рейна.

Въ тотъ же день, въ письмѣ къ директоріи, предпріимчивый ея главнокомандующій объяснялъ, что Венеція пришла въ упадокъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ открытъ былъ морской путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды. Съ возвышеніемъ Тріеста и Анконы упадокъ этотъ обнаружился еще сильнѣе и теперь вене-

ціанская республика паврядъ-ли окажется въ силахъ пережить удары, которые онъ вынужденъ былъ ей нанести. Населеніе ея производитъ на него впечатлѣніе презрѣнныхъ трусовъ, неспособныхъ пользоваться гражданской и политической свободой. Оно лишилось своихъ владѣній на сухомъ берегу и на морѣ. При такихъ обстоятельствахъ естественнѣе всего было бы отдать Венецію тѣмъ, кому Франція уступила уже венеціанскія владѣнія на материкѣ. „Мы возьмемъ себѣ,—продожалъ Наполеонъ,—весь венеціанскій флотъ, опустошимъ венеціанскіе арсеналы, вывеземъ оттуда всю артиллерію и боевые припасы, очистимъ государственный банкъ, удержимъ за собой Анкону и островъ Корфу". Всего лишь за день передъ тѣмъ, а именно 26-го мая, генералъ Бонапартъ, въ письмѣ къ своимъ „друзьямъ" венеціанскаго временнаго правительства, утверждалъ, что сдѣлалъ все отъ него зависящее для упроченія свободы и независимости Венеціанской республики. Онъ добавлялъ: „Ничего въ свѣтѣ не желаю я до такой степени пламенно, какъ того, чтобы Италія, покрывшаяся теперь славою и освобожденная отъ всѣхъ чужеземныхъ вліяній, появилась опять на міровой сценѣ и заняла въ ряду великихъ державъ то мѣсто, на которое даютъ ей право сама природа, географическое положеніе, а также историческія ея судьбы". Невольно становишься въ тупикъ передъ коварствомъ и дерзостью, которыя, повидимому, предусмотрѣли и подготовили заранѣе всѣ условія, требовавшія для успѣшнаго выполненія плановъ, изумлявшихъ своимъ двоедушіемъ даже тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, наиболѣе зачерствѣлыхъ въ лицемѣріи и эгоизмѣ.

Неподалеко отъ Милана, на отлогомъ склонѣ холма, расположена знаменитая вилла Монтебелло. Передъ окнами ея виденъ пейзажъ рѣдкой красоты. Съ одной стороны высятся въ отдаленіи могучіе Альпы, вершины которыхъ увѣнчаны вѣчнымъ покровомъ льдовъ и снѣговъ. Съ трехъ другихъ сторонъ видъ открывается на самыя дивныя плодородныя равнины. Невдалекѣ, на переднемъ планѣ, раскидывается грандіозная столица Ломбардіи съ блестящей промышленной своей дѣятельностью, сокровищницами художественныхъ произведеній и шпицами храмовъ, воздвигнутыхъ еще во времена сѣдой древности. Неподалеко отъ виллы находится и волшебная страна итальянскихъ озеръ съ чарующими своими ландшафтами. Генералъ Бонапартъ избралъ себѣ эту царственную резиденцію. Ему предстояло заняться въ теченіе лѣта умиротвореніемъ Европы, а также упроченіемъ собственнаго своего вліянія въ Италіи, во Франціи и въ странахъ къ сѣверу отъ Альповъ. Достиженіе обѣихъ этихъ цѣлей шло у него рука объ руку. Всевозможные правительственные агенты военные и дипломатическіе, тайные и аккредитованные, толпами съѣзжались въ резиденцію неоффиціальнаго, но могущественнаго властелина судебъ Европы. Ихъ командировали туда изъ Австріи, Рима, Неаполя, Турина, Пармы, Швейцаріи и даже изъ мелкихъ германскихъ княжествъ, участь которыхъ зависѣла отъ новаго территоріальнаго разграниченія германскихъ земель, которое должно

было состояться на ближайшемъ сеймѣ. Курьеры прибывали отовсюду на виллу Монтебелло и разсылались оттуда по всѣмъ направленіямъ. Всѣ эти иностранные дипломатическіе и военные агенты являлись въ роли смиренныхъ просителей и старались перещеголять другъ друга въ воздаяніи почестей восходящему солнцу.

Бонапартъ какъ нельзя лучше понималъ тѣ выгоды, какія

Гренадеръ.
Съ картины Шарле въ Луврѣ.

можно извлечь изъ установленія строжайшаго этикета. Онъ цѣнилъ по достоинству ослѣпляющее могущество церемоніала, чарующую силу царственнаго снисхожденія и свойственную умнымъ женщинамъ способность улаживать съ величайшимъ тактомъ самыя затруднительныя дѣла. Онъ пользовался всѣми этими элементами успѣха въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какіе могло представить себѣ развѣ лишь только воображеніе восточнаго человѣка. Какъ бы задавшись одновременно цѣлью поражать

умы рѣзкимъ контрастомъ и символически представить вмѣстѣ съ тѣмъ торжество третьяго сословія, рыцаремъ котораго онъ яко бы выступалъ противъ тогдашней аристократіи и государей, генералъ Бонапартъ воплощалъ и олицетворялъ въ самомъ себѣ революціонную простоту нравовъ. Онъ щеголялъ умѣренностью въ пищѣ и питьѣ, презрѣніемъ къ нарядамъ, къ личному богатству и внѣшнимъ его проявленіямъ. Все это выдѣлялось еще рѣзче въ роскошной обстановкѣ, окружавшей этого скромнаго философа. Подобнымъ образомъ рамка, украшенная брилліантами, зачастую выставляетъ лишь ярче на видъ безпритязательную скромность, которой проникнуто выраженіе лица, изображеннаго на портретѣ.

Тѣмъ временемъ Англія не оставалась пассивною зрительницей событій, происходившихъ въ Италіи. Къ концу 1796 года министерство Питта находилось въ самомъ затруднительномъ положеніи. Торіи, на поддержку которыхъ оно опиралось, негодовали на неудачи его администраціи. Виги, состоявшіе въ оппозиціи, напротивъ того, радовались этимъ неудачамъ, вслѣдствіе которыхъ собственная ихъ партія дѣлалась съ каждымъ днемъ все сильнѣе и могущественнѣе. Англійскій флотъ, правда, не ударилъ еще въ грязь лицомъ, такъ какъ нигдѣ не потерпѣлъ серьезныхъ пораженій, но этимъ исчерпывалось все, что министерство могло сказать въ свою пользу. Надо было безотлагательно произвести реформы въ боевой тактикѣ, администраціи и снаряженіи сухопутныхъ и морскихъ британскихъ вооруженныхъ силъ. Франція сдѣлала несомнѣнные успѣхи во всѣхъ этихъ направленіяхъ и, не смотря на содѣйствіе, которое оказывала Англія французскимъ инсургентамъ, шуаны и возстаніе въ Вандеѣ были, сколько можно судить, окончательно уже подавлены. Недовольствуясь этимъ, Франція снарядила могущественную экспедицію подъ начальствомъ Гоша съ тѣмъ, чтобы отправить ее въ Ирландію, организовать тамъ возстаніе и такимъ образомъ отплатить Англіи ея-же монетой. Было очевидно, что виги восторжествуютъ на слѣдующихъ выборахъ, если торійское министерство не сдѣлаетъ какого-нибудь рѣшительнаго шага. При такихъ обстоятельствахъ Питтъ счелъ всего умѣстнѣе вступить съ французской директоріей въ переговоры о мирѣ. Веденіе этихъ переговоровъ онъ весьма неблагоразумно поручилъ лорду Мальмсбюри, самому отъявленному аристократу, отличившемуся на дипломатическомъ поприщѣ въ Голландіи тѣмъ, что организовалъ тамъ партію оранжистовъ для оказанія пруссакамъ поддержки противъ демократическихъ стремленій, все сильнѣе обнаруживавшихся въ народныхъ массахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайный посолъ Питта держался крайне консервативныхъ взглядовъ по отношенію къ французской революціи и былъ убѣжденъ, что въ западной Европѣ слишкомъ тѣсно для такихъ двухъ державъ, какъ Великобританія и великая ея соперница. Прочный миръ былъ, по его мнѣнію, возможенъ лишь при условіи предварительнаго полнаго разгрома Франціи. Буркъ съ ѣдкой ироніей замѣтили поэтому, что лорду Мальмсбюри слѣдовало бы отправиться въ Парижъ ползкомъ на колѣняхъ. Въ французской

столицѣ его дѣйствительно встрѣтили съ недовѣріемъ. Многіе полагали, что благородный лордъ прибылъ съ тайнымъ порученіемъ реорганизовать во Франціи партію роялистовъ. Къ довершенію бѣды министръ иностранныхъ дѣлъ, Делакруа, былъ человѣкъ пустой, тщеславный и весьма недалекій. Онъ оказался совершенно неспособнымъ тягаться съ ловкимъ и опытнымъ дипломатомъ на традиціонной почвѣ, или же, по примѣру Бонапарта, выработать новые методы для дипломатической борьбы. Англія предлагала возвратить Франціи всѣ колоніи, захваченныя во время войны, если республика въ свою очередь откажется отъ присоединенія къ себѣ Бельгіи. Надо принять во вниманіе, что Англія всегда придавала чрезвычайно важное значеніе свободѣ судоходства по Шельдѣ и что пріобрѣтеніе сильною враждебной морской державой портовыхъ нидерландскихъ городовъ угрожало серьезной опасностью британской транзитной торговлѣ съ среднею и сѣверной Европою. Директорія возразила, что основные конституціонные законы республики воспрещаютъ вдаваться въ обсужденіе подобныхъ предложеній, а когда Мальмсбюри продолжалъ и послѣ того на нихъ настаивать, ему приказали выѣхать не позже какъ черезъ двое сутокъ изъ французскихъ предѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гошу послано было предписаніе немедленно же отплыть въ Ирландію. Противный вѣтеръ и волненіе помѣшали ему выполнить это предписаніе. Онъ вернулся съ половины пути, чтобы занять должность главнокомандующаго одной изъ рейнскихъ армій, вмѣсто Журдана, впавшаго въ немилость за неудачныя свои дѣйствія въ Германіи.

Директорія, заботясь единственно лишь объ упроченіи республики, мало интересовалась Ломбардіей, но зато придавала большое значеніе Бельгіи и рейнской границѣ. Австрійскій министръ, въ свою очередь, не придавалъ большой цѣнности отдаленнымъ имперскимъ областямъ, но считалъ весьма существеннымъ присоединеніе къ габсбургской монархіи смежныхъ съ ея предѣлами венеціанскихъ владѣній. Успѣхи, одержанные въ 1796 году, дозволили Франціи заключить мирные договоры съ Пруссіей, Баваріей, Виртембергомъ, Баденомъ и двумя имперскими округами: Швабскимъ и Франконскимъ. Означенныя державы, въ силу этихъ договоровъ, отказывались отъ всѣхъ правъ и притязаній на земли по лѣвому берегу Рейна, принадлежавшія до тѣхъ поръ имъ самимъ, или же Германской имперіи. Цѣли, къ которымъ стремилась директорія, могли быть достигнуты съ помощью Австріи, и эта держава казалась не прочь содѣйствовать ихъ осуществленію. Весь вопросъ заключался лишь въ томъ: согласится-ли Франція вернуть императору Милапскую область? Карно категорически объявилъ такую уступку положительно необходимой, и всѣ прочіе директора согласились съ его доводами. Бонапарту послано было поэтому заявленіе о неумѣстности возбуждать у итальянцевъ надежды на самостоятельное политическое существованіе. Инструкція эта представлялась, однако, неудобовыполнимой по той простой причинѣ, что сама директорія была не въ состояніи снабжать своего генерала надлежащими под-

крѣпленіями и содержать его войска. Бонапарту удалось обольстить и завоевать Италію, кормить и одѣвать своихъ солдатъ и выплачивать имъ аккуратно жалованье, да кромѣ того еще посылать громадныя по тогдашнему времени суммы въ Парижъ единственно лишь благодаря тому, что онъ съ самаго начала кампаніи разыгрывалъ роль освободителя. Только поэтому онъ и увидѣлъ себя въ необходимости уничтожить Венеціанскую республику и предложить ея территорію Австріи въ вознагражденіе за Ломбардію. Директорія въ то время не могла, или не хотѣла согласиться съ геніальнымъ своимъ генераломъ и отказывалась понять дѣйствительное положеніе дѣлъ.

Нельзя признать также особенно благоразумнымъ принятое директоріей рѣшеніе послать, въ ноябрѣ 1796-го года, въ Вѣну своего собственнаго дипломатическаго агента. Она возложила это порученіе на генерала Кларка, человѣка добросовѣстнаго, но не блиставшаго особенными талантами. Ему, разумѣется, надо было предварительно столковаться съ Бонапартомъ, а потому онъ поѣхалъ въ австрійскую столицу черезъ Италію. Главнокомандующій итальянской арміи встрѣтилъ его очень радушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ обошелъ замѣчательно искусно, что было само по себѣ нисколько неудивительно, такъ какъ простодушный дипломатическій агентъ директоріи оказывался совершеннымъ младенцемъ по сравненію съ ловкимъ своимъ хозяиномъ. Бонапартъ продержалъ его подъ разными пустыми предлогами до сдачи Мантуи, послѣ чего Кларкъ, къ искреннему своему удивленію, получилъ изъ Парижа инструкціи не дѣлать безъ согласія Бонапарта австрійскому правительству никакихъ предложеній. Затѣмъ послѣдовала кончина императрицы Екатерины, оставившая Австрію безъ союзниковъ, а послѣ того началась наступательная кампанія, которая привела къ леобенскимъ переговорамъ. Тугуту вовсе не хотѣлось пускать въ Вѣну агитатора-якобинца, а потому онъ объявилъ, что Кларку незачѣмъ ѣхать въ австрійскую столицу, и что онъ можетъ, если угодно, вести переговоры о дипломатическомъ соглашеніи съ посланникомъ императора Франціи въ Туринѣ. Такимъ образомъ, Кларкъ былъ учтиво удаленъ съ театра войны въ продолженіи всего заключительнаго періода кампаніи и, къ величайшему удовольствію Бонапарта, не могъ своевременно прибыть въ Леобенъ для того, чтобы въ качествѣ аккредитованнаго дипломатическаго агента республики заключить съ австрійскими уполномоченными предварительный мирный договоръ. Ему поручено было, однако, вести сообща съ Бонапартомъ переговоры объ окончательныхъ условіяхъ мирнаго трактата, а потому онъ, разумѣется, пріѣхалъ въ Миланъ.

Дворъ въ Монтебелло далеко не представлялъ собою скопища однихъ только мужчинъ. Тамъ имѣлась также цѣлая плеяда блестящихъ дамъ, среди которыхъ ярче всѣхъ сіяла, разумѣется, г-жа Бонапартъ. Любовь, сомнѣніе, рѣшимость, свадьба и разлука: таковы были быстро смѣнявшіе другъ друга инциденты парижскаго ея знакомства съ Бонапартомъ. Она пламенно клялась въ вѣрности мужу, но тѣмъ не менѣе, въ первые дни послѣ разлуки, повиди-

мому, не придавала особеннаго значенія упомянутымъ клятвамъ. Ея супругъ, кажется, обнаруживалъ въ теченіе нѣкотораго, сравнительно, впрочемъ, короткаго времени, большее постоянство, но, убѣдившись въ вѣтрености своей Жозефины, тоже пустилъ супружескую вѣрность по боку. Тѣмъ не менѣе совокупность различныхъ эмоцій: честолюбія, личнаго интереса и физическаго влеченія, имѣвшагося, повидимому, у обоихъ, хотя и въ весьма неодинаковой степени, поддерживала у мужа нѣчто вродѣ настоящей любви, а у жены вызывала привязанность, достаточно искреннюю для того, чтобы по временамъ доходить до ревности. Извѣстія о побѣдахъ, которыя Бонапартъ одерживалъ одну за другой въ Италіи, сдѣлали изъ его жены въ Парижѣ модную героиню. Во всѣхъ салонахъ столицы, начиная съ раззолоченныхъ залъ директоріи въ Люксембургскомъ дворцѣ и оканчивая гостиными ея личныхъ знакомыхъ, болѣе аристократическихъ, но менѣе могущественныхъ, генеральшу Бонапартъ встрѣчали съ величайшимъ почетомъ, осыпали ласками и поздравленіями. Уже въ апрѣлѣ 1796 года мужъ потребовалъ ее къ себѣ въ Италію. Жозефина была очень довольна, когда догадливые пріятели объяснили ей, что у французовъ не принято брать съ собою въ походъ женъ. Она отвѣтила поэтому побѣдоносному своему мужу вѣжливымъ отказомъ. Такое сопротивленіе еще болѣе разожгло нѣжныя чувства молодого героя, и онъ началъ присылать въ Парижъ съ каждымъ курьеромъ самыя пламенныя любовныя письма. Жозефина пребывала, однако, непреклонною. Она показывала эти письма своимъ обожателямъ, но вполнѣ соглашалась съ ихъ заявленіями о необходимости прежде всего сообразоваться съ традиціями. Кромѣ того, чувствуя себя польщенной такою страстной пламенной любовью мужа, она вмѣстѣ съ тѣмъ и побаивалась немножко этой любви; совершенно также, какъ въ то время, когда Бонапартъ былъ еще только ея женихомъ.

По истеченіи нѣкотораго времени у генеральши Бонапартъ какъ будто обнаружились симптомы беременности. Увѣдомленный объ этомъ генералъ ласкалъ уже себя мыслью, что вскорѣ будетъ отцомъ и чуть не сходилъ съ ума отъ радости. Письмо его по этому поводу къ Жозефинѣ сохранилось вмѣстѣ съ грудой другихъ любовныхъ его посланій. Оно помѣчено изъ Тортоны отъ 15-го іюня 1796 года. Бонапартъ пишетъ, что жизнь является для него только пустымъ призракомъ, когда въ такое время онъ долженъ находиться въ разлукѣ съ своею милой. Страсть затмѣваетъ всѣ его способности, такъ что, если Жозефина чувствуетъ себя дурно, то онъ, куда ни шло, броситъ все и пріѣдетъ къ ней. Онъ утратилъ сонъ и аппетитъ, не въ состояніи помышлять о дузьяхъ, славѣ, или же родинѣ, такъ какъ мысль о женѣ затмѣваетъ для него весь остальной міръ. „Меня интересуютъ почести лишь потому, что ты ими интересуешься; стремлюсь къ побѣдѣ, потому, что это тебя обрадуетъ; въ противномъ случаѣ я покинулъ бы все, чтобы самому броситься къ твоимъ ногамъ. Милый другъ, будьте увѣрены и смѣло увѣряйте дру-

гихъ, что я люблю васъ превыше всякаго воображенія! Знайте, что каждое мгновеніе моего времени посвящено вамъ; что не бываетъ такого часа, когда бы я о васъ не думалъ; что мнѣ никогда не случалось думать о другой женщинѣ; что всѣ онѣ кажутся мнѣ некрасивыми, неграціозными и лишенными остроумія. Вы,—вы одна,—такая, какой я васъ вижу мысленными моими очами, можете мнѣ нравиться и поглотить всѣ способности моей души, пучины которой вы измѣрили. Въ моемъ сердцѣ не осталось затаенныхъ складокъ, которыя не были бы передъ вами раскрыты. Всѣ мои мысли подчинены вамъ, такъ какъ въ васъ заключается вся моя умственная и физическая энергія. Моя душа связана съ вами до такой степени, что тотъ день, когда вы перестанете меня любить, или когда жизнь ваша прекратится, будетъ также и днемъ моей смерти. Природа и весь земной шаръ облечены въ моихъ глазахъ прелестью единственно лишь потому, что вы здѣсь живете. Если вы не повѣрите всему этому,—если ваша душа не убѣждена до полнаго насыщенія увѣренностью въ моей любви, то вы приведете меня въ отчаяніе, такъ какъ у меня родится предположеніе, что вы меня не любите. Между любящими сердцами устанавливается какъ бы магнетическая связь. Вамъ извѣстно, что я не могу вынести даже и мысли о томъ, чтобы у васъ завелся любовникъ. Еще болѣе невозможнымъ было бы для меня терпѣть его присутствіе. Увидѣть его и вырвать сердце изъ его груди было бы для меня дѣломъ одного мгновенья и тогда, чего добраго, я могъ бы наложить разгнѣванную руку и на вашу священную особу... Впрочемъ, нѣтъ, я никогда не рѣшился бы этого сдѣлать, но тотчасъ же покинулъ бы міръ, гдѣ даже и добродѣтельнѣйшая изъ женщинъ все-таки меня обманула. На самомъ дѣлѣ я вѣрю въ вашу любовь и горжусь ею. Несчастія являются вѣдь только испытаніями, еще болѣе увеличивающими силу взаимной нашей привязанности. Младенецъ, столь же милый, какъ и его мать, увидитъ свѣтъ въ вашихъ объятіяхъ! Подумаешь, до чего доходитъ моя слабохарактерность! Я пожертвовалъ бы, кажется, всѣмъ за возможность увидѣться съ тобою хоть на одинъ день! Тысячу разъ цѣлую ваши глазки и губки. Восхитительная женщина! Какимъ могуществомъ ты обладаешь! Зная, что тебѣ нездоровится, я положительно чувствую себя больнымъ. Впрочемъ, у меня дѣйствительно лихорадочный жаръ. Не задерживай у себя курьера долѣе шести часовъ и отправь его тотчасъ же ко мнѣ съ драгоцѣннымъ письмомъ отъ царицы моего сердца".

Наконецъ въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣ того, какъ были одержаны первыя значительныя побѣды и когда симптомы беременности оказались несомнѣнно ложными, г-жа Бонапартъ, зная, что въ Италіи ожидаютъ ее царственныя почести, рѣшилась вырваться изъ кружка парижскихъ своихъ пріятелей и уступить все болѣе настоятельнымъ требованіямъ мужа. Путешествуя подъ охраной Жюно, она прибыла въ Миланъ, въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца и нашла тамъ въ своемъ генералѣ уже не искателя при-

ключеній, а торжествующаго диктатора, за которымъ ухаживали князья и короли,—котораго обожали народныя массы, и который дѣйствительно являлся рѣшителемъ ихъ судебъ. Поднявшись разомъ, повидимому, безъ малѣйшаго усилія, на высоту этого новаго для нея положенія, Жозефина начала и продолжала въ теченіе всего года соперничать своими успѣхами въ обществѣ съ побѣдами, которыя одерживалъ ея мужъ на поляхъ сраженій. Если онъ былъ кесаремъ, то она оказывалась достойной его соправительницей, Августѣйшія дамы заискивали ея расположенія. Вельможи низкопоклонничали передъ ней, чтобы заручиться ея поддержкой. Ей случалось иногда рисковать собою, когда грозила опасность возстанія. Присутствіе ея въ Венеціи обыкновенно смягчало негодованіе раздраженныхъ венеціанцевъ. Въ угоду пламенно-любившему ее мужу, Жозефинѣ пришлось перебывать съ нимъ во многихъ городахъ, причемъ нѣжная, симпатичная ея чувствительность до нѣкоторой степени сдерживала разнузданное честолюбіе, вызванное въ его душѣ одержанными уже неслыханными до тѣхъ поръ успѣхами. Самая арена этихъ успѣховъ должна была дѣйствовать на Бонапарта опьяняющимъ образомъ. На ней вѣдь подвизались великіе герои и поэты древняго Рима! Новый Цезарь раскрывалъ передъ нѣжно-любимой супругой всѣ грезы разгоряченнаго своего воображенія; объяснялъ чувства, какія возбуждало въ немъ туманное сознаніе присутствія вокругъ него этихъ знаменитыхъ тѣней и вмѣстѣ съ тѣмъ излагалъ, какимъ именно образомъ разсчитываетъ достигнуть одинаковой съ ними славы. При такихъ условіяхъ, царственный почетъ, окружавшій лѣтомъ, въ Монтебелло, Бонапарта и его супругу, оказывался совершенно въ порядкѣ вещей. Историческое значеніе этого лѣтняго сезона неисчислимо уже вслѣдствіе престижа, пріобрѣтеннаго во время переговоровъ личностью побѣдоноснаго генерала, являвшагося ихъ средоточіемъ. Самому Бонапарту пребываніе въ Монтебелло доставило случай выяснить и упрочить, какъ бы въ кристаллизованномъ видѣ, до тѣхъ поръ неясныя его грезы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ возможность придать особое характерное значеніе національному французскому республиканскому празднеству 14-го іюля. Въ виду политическихъ соображеній празднество это справлялось въ 1797 году итальянскою арміей такимъ блестящимъ и торжественнымъ образомъ, что поселило въ ней величайшую беззавѣтную преданность вождю. Эта именно преданность и сдѣлала для генерала Бонапарта возможной дальнѣйшую эпоху въ его карьерѣ.

Наполеонъ, выжидающій благопріятнаго случая.

Армія снова выручаетъ исполнительную власть во Франціи. — Кампо-формійскій договоръ.—Бонапартъ и Талейранъ.—Предвѣстники политической бури въ Европѣ. — Проекты египетской экспедиціи.—Высадка въ Египтѣ.

Армія снова выручаетъ исполнительную власть во Франціи.

Тщательно выработанная конституція, подъ эгидой которой Франція и Парижъ разсчитывали закончить революціонную эпоху и впервые еще успокоиться подъ крылышкомъ конституціоннаго правленія, начала какъ разъ въ это время обнаруживать слабыя свои стороны и фактически доказала свое безсиліе. Весною 1797 года произведены были впервые безъ всякихъ ограниченій, согласно съ новою конституціей, выборы народнаго представительства, причемъ якобинское большинство въ законодательныхъ собраніяхъ немедленно же исчезло. Новый директоръ Бартелеми, выбранный взамѣнъ Летурнера, оказался умѣреннымъ демократомъ, отчасти роялистскаго пошиба. Онъ, подобно своему предшественнику, сошелся съ Карно и всегда подавалъ голосъ за одно съ нимъ. Оба законодательныхъ совѣта: Старѣйшинъ и Пятисотъ, являлись теперь представителями большинства французскаго народа, которое ненавидѣло якобинство, вовсе не было расположено вести за границей республиканскую пропаганду и болѣе всего на свѣтѣ желало мира. Дѣйствительно, только съ прекращеніемъ войны Франція могла возстановить народное свое богатство и обезпечить себѣ надлежащій досугъ для своихъ забавъ и удовольствій. При такихъ обстоятельствахъ, въ законодательныхъ совѣтахъ начались ожесточенные нападки на политику исполнительной власти, которою руководили трое директоровъ, державшихся радикальныхъ воззрѣній. Рѣшительно всѣ правительственныя мѣропріятія подвергались безпощадной критикѣ. Народное представительство осуждало отношенія исполнительной власти къ эмигрантамъ и духовенству; порицало утрату французскихъ колоній; неумѣлое хозяйничанье государственными финансами, а въ особенности— внѣшнюю правительственную политику, клонившуюся, повидимому, къ увѣковѣченію войны съ цѣлью ниспроверженія монархическаго строя во всей Европѣ. Вожди большинства обоихъ совѣтовъ посѣщали находившійся въ кварталѣ Клиши клубъ, который служилъ центромъ роялистской интриги. Не будучи въ состояніи сравниться въ ловкости съ своими противниками, они, тѣмъ не менѣе, умѣли поддразнивать директорію ея безсиліемъ пресѣчь роялистскую агитацію. Внутреннія французскія дѣла находились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Среди офицеровъ французскаго флота зачастую случались самоубійства отъ крайней нужды, доходившей до голоданія, въ то время какъ офицеры итальянской арміи не только богатѣли, благодаря захваченной ими добычѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно зазнавались. Французскій главнокомандующій въ Италіи заключилъ съ Австріей миръ по соб-

ственному усмотрѣнію, а затѣмъ объявилъ, безъ вѣдома народнаго представительства, войну венеціанской республикѣ. Онъ не только позволялъ себѣ уничтожать дружественныя Франціи государства, но обнаружилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшее презрѣніе къ конституціи,—къ избранному законнымъ порядкомъ народному представительству и къ становившемуся все болѣе популярнымъ требованію окончить, наконецъ, серію республиканскихъ войнъ общимъ миромъ со всѣми державами. 23-го іюня 1797 года, по поводу достопамятнаго запроса, предъявленнаго правительству Дюмоларомъ, всѣ эти факты обстоятельно обсуждались въ Совѣтѣ Пятисотъ. Даже и бывшій покровитель Бонапарта, Понтекуланъ, присоединился къ резолюціи большинства, требовавшаго представленія объясненій. Парижъ и вся вообще Франція находились въ броженіи.

При такихъ именно обстоятельствахъ и организовалось въ Миланѣ празднованіе 14-го іюля. Всѣ подробности этого торжества разсчитаны были на то, чтобы усилить въ каждомъ солдатѣ чувство самоувѣренности и профессіональной военной гордости, а въ тоже время, чтобы внушить войскамъ предубѣжденіе противъ консервативныхъ партій, хлопотавшихъ о заключеніи мира, будто бы единственно лишь въ интересахъ возстановленія монархіи. Воины Бонапарта считали себя все еще солдатами той самой республики, представителями которой являлись Баррасъ, Ревбель и Ларевельеръ. Незаконное вмѣшательство законодательной власти въ распоряженіе директоріи являлось нарушеніемъ республиканской же конституціи. Въ виду такой путаницы немудрено было сбить съ толка людей, непривычныхъ къ діалектическимъ разсужденіямъ и довести ихъ до того, что они стали смѣшивать любовь къ военной славѣ съ энтузіазмомъ къ дѣлу свободы. „Солдаты! знаю, что васъ глубоко волнуютъ бѣдствія, угрожающія нашей странѣ, —говорилъ въ своей прокламаціи обожаемый ими генералъ.—На самомъ дѣлѣ отчизна наша вовсе не въ опасности. Она располагаетъ еще людьми, давшими ей возможность восторжествовать надъ соединенной Европой. Правда, что мы отдѣлены отъ Франціи горами, но если бы понадобилось, вы перелетѣли бы черезъ нихъ, какъ орлы, чтобъ поддержать конституцію,—защитить свободу,—отстоять правительство и республику. Солдаты! правительство ограждаетъ законы, ввѣренные его охранѣ. Для роялистовъ пробьетъ послѣдній часъ, какъ только они вздумаютъ поднять головы! Отбросьте же всяческія опасенія и поклянемся тѣнями героевъ, павшихъ возлѣ насъ, защищая дѣло свободы, поклянемся новыми нашими знаменами,—вести вѣчную войну—съ врагами республики и конституціи третьяго года!“

Прокламація эта произвела ожидаемое дѣйствіе. Отъ всѣхъ дивизій итальянской арміи и отрядовъ, содержавшихъ гарнизоны въ наиболѣе важныхъ пунктахъ, присланы были адресы съ изъявленіями преданности принципамъ революціи. Что касается до упрековъ за уничтоженіе Венеціанской республики, то Бонапартъ не придавалъ имъ серьезнаго значенія. Тѣмъ не ме-

нѣе, чтобъ по возможности пресѣчь дальнѣйшій скандалъ, онъ составилъ и напечаталъ нѣчто вродѣ объясненій, которыя хотя и не вполнѣ согласовались съ истиной, но весьма ловко и притомъ довольно саркастически опровергали взведенныя на него обвиненія. Настоящая громовая стрѣла, долженствовавшая сокрушить враговъ предпріимчиваго генерала, была выкована какъ разъ въ самой Венеціи. При ея паденіи взятъ былъ французами въ плѣнъ эмигрантъ графъ Д'Антрегъ, игравшій весьма видную роль. По распоряженію Наполеона съ нимъ обращались такъ ловко и съ такимъ тактомъ, что онъ подъ конецъ документально подтвердилъ подозрѣвавшееся, но не доказанное до тѣхъ поръ намѣреніе Пишегрю измѣнить за два года передъ тѣмъ республикѣ. Претендентъ на французскій престолъ, именовавшійся королемъ Людовикомъ XVIII, изъ замка Бланкенбурга въ Гарцѣ, гдѣ онъ проживалъ въ изгнаніи, реорганизовалъ втихомолку роялистскую партію во Франціи, которая называлась партіей Клиши, такъ какъ главная ея квартира находилась въ клубѣ, засѣдавшемъ въ этомъ предмѣстьѣ. Онъ переманилъ также на свою сторону генерала Пишегрю и устроилъ чрезвычайно сложный, хитросплетенный заговоръ, разсчитанный на то, что въ роковой, заранѣе предусмотрѣнный моментъ, когда директорія, доведенная до крайняго раздраженія и негодованія, рѣшится прибѣгнуть къ силѣ противъ враждебнаго ей большинства въ законодательныхъ собраніяхъ, Пишегрю, состоявшій предсѣдателемъ Совѣта Пятисотъ, явится передъ войсками въ своемъ генеральскомъ мундирѣ завоевателя Голландіи,—приметъ на себя главное начальство и заставитъ высказаться противъ директоріи армію, являвшуюся единственнымъ ея оплотомъ. Парижскіе роялисты держали себя до такой степени неосторожно и такъ откровенничали, что до свѣдѣнія правительства дошли многія подробности искусно составленнаго ихъ заговора. При всемъ томъ положеніе оказывалось для директоріи все-таки весьма опаснымъ. Радикальные ея члены считали необходимымъ, для спасенія самихъ себя и республиканской конституціи, какъ можно скорѣе назначить способнаго и преданнаго генерала главнокомандующимъ внутреннею арміею, т. е. парижскимъ комендантомъ. Они послѣдовательно обращались къ Моро, Гошу и, наконецъ, къ Бонапарту. Моро не обнаруживалъ особенной преданности къ радикальной республикѣ. Рейнская армія, состоявшая подъ его начальствомъ, давно уже не получала всего слѣдовавшаго ей жалованья. Солдаты бѣдствовали и, подобно своему вождю, были раздражены вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Моро относился къ директоріи до того холодно и до такой степени не сочувствовалъ правительственной ея системѣ, что, хотя имѣлъ въ рукахъ положительныя доказательства перехода Пишегрю на сторону роялистовъ, тѣмъ не менѣе не донесъ объ этой измѣнѣ и предпочелъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства. Блестящій полководецъ Гошъ согласился помочь директоріи и охотно принялъ на себя выполненіе придуманнаго Баррасомъ плана сосредоточить въ Парижѣ войска подъ предлогомъ одновременной

реорганизаціи обѣихъ армій, сѣверной и внутренней, причемъ должно было измѣниться прежнее расквартированіе дивизій. Для болѣе удобнаго выполненія этого проекта признано было умѣстнымъ назначить Гоша военнымъ министромъ. Оказалось, однако, что ему не исполнилось еще тридцати лѣтъ, а потому, на основаніи конституціи, онъ еще былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы занимать министерскій постъ. При такихъ обстоятельствахъ его нельзя было утвердить въ должности военнаго министра. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположенныя перемѣщенія войскъ съ одной стоянки на другую начали возбуждать подозрѣнія, вслѣдствіе которыхъ весь проектъ Барраса оказался неудобоисполнимымъ, а имя Гоша было такъ тѣсно связано съ этимъ проектомъ, что Гошъ утратилъ всякую популярность, а потому сталъ непригоднымъ къ выполненію предназначавшейся для него первоначально роли. При такихъ обстоятельствахъ директоріи не оставалось иного выбора, какъ обратиться къ Бонапарту, или къ одному изъ генераловъ его арміи. Директорія знала какъ нельзя лучше, что чрезмѣрное могущество Бонапарта угрожало ей самой опасностью, но все-таки, при существующихъ условіяхъ, должна была заручиться какимъ-нибудь генераломъ. Какъ ни былъ непріятенъ для нея этотъ шагъ, но ей, однако, пришлось просить Бонапарта о присылкѣ въ Парижъ надежнаго генерала, за котораго онъ самъ могъ бы поручиться. Бонапартъ заранѣе уже предвидѣлъ, что къ нему обратятся съ такимъ требованіемъ и фактически изъявилъ уже свою готовность помочь директоріи. Онъ отправилъ въ Парижъ депеши съ обѣщаніемъ выслать въ распоряженіе правительства еще три милліона франковъ,—заставилъ сильнѣйшую изъ боевыхъ французскихъ армій сдѣлать блестящую демонстрацію въ пользу директоріи и командировалъ въ Парижъ честолюбиваго, пылкаго и безстрашнаго генерала Ожеро, безъ того уже просившагося туда въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ. Ему поручено было передать директоріи восторженный адресъ отъ итальянской арміи, являвшійся финаломъ чествованія патріотическаго празднества 14 іюля. Трудно было избрать орудіе, болѣе пригодное для даннаго случая. Ожеро, не стѣсняясь, хвастался тѣмъ, будто его прислали въ Парижъ, чтобы передушить роялистовъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ столицу, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ внутренней арміей. За нѣсколько времени передъ тѣмъ сообщены были Баррасу черезъ Бернадотта показанія, снятыя съ д'Антрега и скрѣпленныя его подписью. Такимъ образомъ директорія чувствовала себя совершенно подготовленной къ предстоявшему кризису. Она и на этотъ разъ опять была обязана рѣшительно всѣмъ Бонапарту. Не мудрено поэтому, что онъ получилъ возможность по собственному усмотрѣнію вести дальнѣйшіе переговоры съ Австріей и переустраивать Италію.

Вооружившись, такимъ образомъ, директорія оказывалась въ данную минуту неуязвимой. Не принимая этого въ разсчетъ, роялистское большинство въ законодательныхъ совѣтахъ сумасброднымъ образомъ своихъ дѣйствій какъ бы умышленно вызывало

кризисъ. Раздраженное до бѣшенства сосредоточеніемъ невдалекѣ отъ Парижа значительнаго числа войскъ, вызванныхъ изъ самбромаасской арміи, народное представительство назначило командиромъ собственной своей стражи завѣдомаго роялиста, закрыло конституціонные клубы, организованные въ качествѣ противовѣса клубу въ Клиши, а въ засѣданіи 3-го сентября приняло съ восторженными рукоплесканіями предложеніе генерала Вильо произвести на другой день возстаніе и низвергнуть директорію. Тогда Ожеро ввелъ ночью въ Парижъ двѣнадцатитысячный корпусъ войскъ, занялъ военными постами всѣ улицы, а также помѣщеніе законодательныхъ собраній и такимъ образомъ закончилъ недолговѣчную первую попытку конституціоннаго управленія во Франціи. На слѣдующее утро (18-го фруктидора) директорія оказалась полновластной хозяйкой Парижа и Франціи. Разумѣется, все это дѣлалось будто бы для охраны общественной безопасности. Карно, ничего не знавшій объ интригѣ между Баррасомъ и Гошемъ, переписывался съ Бонапартомъ, приводя въ письмахъ такіе доводы, какъ если бы его корреспондентъ былъ и въ самомъ дѣлѣ добросовѣстнымъ, искреннимъ патріотомъ. Внезапно пробудившись отъ наивной иллюзіи и убѣдившись въ полной ошибочности предположеній своихъ о томъ, что другіе члены правительства—такіе же искренніе слуги отчизны, какъ и онъ самъ, Карно замѣтилъ уже слишкомъ поздно подготовленія къ государственному перевороту и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Другой оппозиціонный членъ директоріи, Бартелеми, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Вмѣсто Карно и Бартелеми назначены были директорами двое радикаловъ, Мерленъ и Невшато. Президентъ Совѣта Старѣйшинъ, роялистъ Барбе Марбуа, съ одиннадцатью членами этого совѣта, а также Пишегрю съ сорока двумя членами Совѣта Пятисотъ и 148 другихъ лицъ, по преимуществу публицистовъ, подверглись проскрипціи. Всѣ они, за исключеніемъ немногихъ успѣвшихъ бѣжать, были сосланы въ смертоносныя болоты Каенны, гдѣ томилась уже цѣлая колонія ссыльныхъ священниковъ. Возстановленія гильотины не послѣдовало, но тѣмъ не менѣе 18-ое фруктидора дало Франціи революціонное правительство, опиравшееся единственно лишь на матеріальную силу, хотя оно и прикрывалось маской конституціонныхъ порядковъ. Фруктидорцы утверждали, будто въ строгости придерживаются конституціи и выставляли себя такимъ образомъ передъ Франціей сторонниками законности. Факты оказываются, однако, убѣдительнѣе словъ. На самомъ дѣлѣ фруктидорцы группировались вокругъ директоріи, которая дважды уже обращалась за поддержкой къ арміи, являвшейся почти единственной ея опорой. Свобода печати была отмѣнена и военное положеніе провозглашено всюду, гдѣ только исполнительная власть признавала это нужнымъ. Необходимо принять во вниманіе, что государственный переворотъ 18-го фруктидора былъ произведенъ отчасти по указаніямъ Бонапарта, приславшаго радикальнымъ членамъ директоріи одного изъ надежнѣйшихъ своихъ генераловъ. Такимъ обра-

зомъ Бонапарту удался дальнѣйшій шагъ на пути, долженствовавшемъ сдѣлать его властелиномъ надъ арміей, а чрезъ ея посредство и надъ всею Франціей. При такихъ условіяхъ между директоріей и генераломъ Бонапартомъ должны были установиться натянутыя отношенія, породившія сперва взаимное недовѣріе, а затѣмъ ожесточенную вражду.

Ожеро, ласкавшій себя надеждою попасть въ члены директоріи, былъ назначенъ вмѣсто Моро главнокомандующимъ арміей, которой не предстояло въ ближайшемъ будущемъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Преждевременная смерть Гоша лишила почти тогда же Францію единственнаго генерала, который могъ своей геніальностью поспорить съ Бонапартомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавила Наполеона отъ опаснаго политическаго соперника. Альпійская армія была тѣмъ временемъ присоединена къ итальянской и, съ этимъ упрощеніемъ военнаго механизма, человѣкъ, которому впредь до заключенія мира поручено было распоряжаться означеннымъ механизмомъ, имѣлъ полное основаніе заявить своимъ врагамъ: „Я говорю отъ лица восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Миновало уже время, когда негодные адвокатишки и пустомели могли гильотинировать солдатъ“. Въ интимныхъ своихъ бесѣдахъ съ г-жей де-Ремюза Наполеонъ разсказывалъ, что тогда именно только онъ и сталъ видной въ Европѣ личностью. „Съ одной стороны, я своими приказами по арміи поддерживалъ революціонную правительственную систему, а съ другой,—втайнѣ сносился съ эмигрантами, дозволяя имъ ласкать себя нѣкоторыми надеждами. Эту партію не трудно было провести, такъ какъ она въ своихъ соображеніяхъ исходила не изъ дѣйствительныхъ фактовъ, а изъ того, что представлялось ей наиболѣе желательнымъ. Мнѣ лично дѣлали самыя блестящія предложенія на случай, если я согласшусь послѣдовать примѣру генерала Монка. Претендентъ на французскій престолъ писалъ мнѣ, въ обычномъ своемъ многословномъ цвѣтистомъ стилѣ, собственноручныя посланія. Я подчинилъ себѣ папу гораздо надежнѣе, держась въ сторонѣ отъ Рима, чѣмъ если бы сжегъ его столицу. Наконецъ-то я пріобрѣлъ вліяніе и могущество“.

Успѣхъ 18-го фруктидора могъ бы показаться большинству достаточнымъ на цѣлый сезонъ для славы и честолюбія. Неутомимая лихорадочная энергія Бонапарта не потерпѣла, однако, отъ этого успѣха ни малѣйшаго ослабленія. Кампанія въ области внутренней французской политики являлась только частью работы, заданной имъ себѣ на лѣто. Подготовляя себѣ господство во Франціи, онъ имѣлъ въ виду подчинить своему вліянію Италію, а за ней и всю вообще Европу. Параллельно съ интригами въ сферѣ внутренней французской политики шли не только переговоры съ императоромъ, но и выполненіе предначертаній Бонапарта въ Италіи. Для новорожденныхъ государствъ, получившихъ наименованіе Циспаданской и Транспаданской республикъ, надо было написать двѣ конституціи. Ни одна изъ этихъ республикъ не казалась ихъ организатору достаточно могущественной, а потому онъ

рѣшился подготовить слiяніе ихъ въ одно цѣлое. Слiяніе это было частью уже подстроено почти полной одинаковостью конституціонныхъ ихъ хартій, образцомъ для которыхъ послужила французская хартія третьяго года республики. На этотъ разъ, въ продолженіе лѣтняго сезона, означенныя конституціонныя хартіи были тщательно разработаны и проредактированы. Кромѣ того, всѣ должности въ администраціи обѣихъ республикъ были замѣщены, начиная съ высшей и до самой низшей, тщательно выбранными людьми, каждому изъ которыхъ дана была соотвѣтственная инструкція. Большинство этихъ новыхъ должностныхъ лицъ оказались людьми честными и благомыслящими, но тѣмъ не менѣе, обязанные своимъ назначеніемъ диктатору, они являлись сознательно или безсознательно его орудіемъ. Такимъ образомъ все было подстроено для того, чтобы Австрія могла, при заключеніи окончательнаго мира съ Франціей, признать объединенную цизальпинскую республику.

Надлежало затѣмъ распорядиться еще съ Генуей. Въ маѣ мѣсяцѣ Бонапартъ доносилъ уже директоріи, что генуезскій народъ жаждетъ освобожденія. На самомъ дѣлѣ генуезская республика должна была подвергнуться приблизительно той же участи, какъ и венеціанская. Эти аналогичные результаты достигнуты были примѣненіемъ почти одинаковыхъ средствъ. Французскій дипломатическій агентъ въ Генуѣ, Феймуль, агитировалъ въ томъ же смыслѣ, какъ дѣлалъ это Лаллеманъ въ Венеціи, хотя несомнѣнно уступалъ въ ловкости венеціанскому своему коллегѣ. Демократическій клубъ въ Генуѣ обратился сперва къ сенату съ требованіемъ упразднить аристократію, а когда требованіе это было отвергнуто, овладѣлъ арсеналомъ и портомъ. Чернь приняла сторону аристократіи, которая, благодаря этому, временно одержала верхъ. Въ надлежащій моментъ, однако, явился въ генуезскій сенатъ адъютантъ генерала Бонапарта, Ла-Валеттъ, съ категорическимъ предписаніемъ главнокомандующаго, напоминавшимъ посланіе, прочитанное храбрымъ Жюно, при такихъ же драматическихъ условіяхъ обстановки, венеціанскимъ патриціямъ. Тамъ заявлялось, что вмѣшательство Франціи имѣетъ единственною цѣлью оградить генуезцамъ ихъ имущественную и личную безопасность, а въ то же время обезпечить итальянской арміи ея пути сообщенія съ родиной. Въ виду всего этого предлагалось сенату освободить въ двухсуточный срокъ всѣхъ политическихъ арестантовъ, обезоружить народъ и выдать французскимъ властямъ завѣдомыхъ враговъ Франціи. Вслучаѣ невыполненія этихъ условій сенаторы должны пенять на себя, если отвѣтятъ за это жизнью. Запуганное такимъ образомъ генуезское правительство поспѣшило выполнить всѣ поставленныя ему требованія. Тогда Феймуль снова заявилъ сенату объ умѣстности замѣнить прежнюю генуезскую конституцію новой, составленной въ болѣе демократическомъ духѣ. Сознавая безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, сенатъ все-таки отправилъ пословъ въ Монтебелло. Тамъ они были приняты очень вѣжливо и, безъ сомнѣнія, не особенно

удивились, узнавъ, что генералъ Бонапартъ разработываетъ уже подробности конституціи, по которой ихъ отчизна должна преобразоваться въ Лигурійскую республику. Конституція эта была вскорѣ закончена и, съ принятіемъ ея, Генуя Великолѣпная фактически перестала существовать, какъ самостоятельное государство.

Что касается до Сардинскаго королевства, то постоянная агитація со стороны мѣстныхъ радикаловъ держала короля въ страхѣ и заставляла его благопріятно относиться къ предложеніямъ Бонапарта заключить съ Франціей оборонительный и наступательный союзъ. Бонапарту это было очень на руку, такъ какъ заключеніе этого союза предоставило бы въ его распоряженіе всѣ піемонтскія войска, обладавшія превосходными боевыми качествами. Здоровье папы до такой степени ослабѣло, что надо было въ самомъ непродолжительномъ времени ожидать его смерти. Бонапартъ воспользовался случаемъ обнаружить опять уваженіе къ духовной власти его святѣйшества своею просьбой отъ 3-го августа о примиреніи между французскимъ правительствомъ и духовенствомъ. Въ просьбѣ этой заявлялось, что такое примиреніе окажется какъ нельзя болѣе выгоднымъ какъ для государства, такъ и для церкви. Ссора между Вальтелиной и Граубюнденскими кантонами дала въ свою очередь великому человѣку, вкушавшему въ Монтебелло прелести дачной жизни, первый поводъ къ вмѣшательству въ швейцарскія дѣла, въ качествѣ арбитра, слово котораго должно служить закономъ. Такимъ образомъ, положено было начало переустройству и этой республики. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Англіи Леобенское перемиріе произвело глубокое впечатлѣніе. Питтъ болѣе чѣмъ когда-либо, былъ расположенъ хлопотать о заключеніи съ Франціей мира. Лордъ Мальмсбюри возобновилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ переговоры, на этотъ разъ въ Лиллѣ. Англія предлагала своей соперницѣ гораздо болѣе благопріятныя условія. Она соглашалась на окончательное присоединеніе Бельгіи къ французскимъ владѣніямъ и на вассальную зависимость Батавской республики отъ Франціи, съ тѣмъ, чтобы Франція отказалась отъ всякихъ притязаній на важнѣйшія изъ захваченныхъ Англіей голландскихъ колоній, въ томъ числѣ и на мысъ Доброй Надежды. Первоначально назначенные французскіе уполномоченные не обнаруживали сколько-нибудь искренняго желанія достигнуть миролюбиваго соглашенія съ англійскимъ посломъ, новые же уполномоченные, присланные послѣ 18-го фруктидора, оказались еще несговорчивѣе. Посольство лорда Мальмсбюри вернулось поэтому во-свояси, не достигнувъ желаемой цѣли.

Дѣятельность генерала Бонапарта на военномъ поприщѣ отличалась въ лѣтній сезонъ 1797 года такой же энергіей, какъ и на политической аренѣ. День и ночь кипѣла на отнятой у венеціанцевъ территоріи неустанная работа, чтобы превратить эту территорію въ хорошо устроенную операціонную базу. Ни одинъ стратегическій пунктъ тамъ, или вообще гдѣ-либо въ сферѣ дѣйствія итальянской арміи, не былъ оставленъ безъ вниманія.

Бонапартъ счелъ даже нужнымъ занять гарнизономъ въ 200 человѣкъ принадлежавшій Піемонту маленькій островокъ Св. Петра на Средиземномъ морѣ. Вообще предполагалось, что война можетъ съ минуты на минуту возгорѣться опять. Всѣ военныя контрибуціи, утвержденныя договорами, взыскивались съ неумолимѣйшей строгостью. Въ качествѣ образчика того, какъ поступали при этомъ французскіе комиссары, достаточно будетъ упомянуть, что сокровища, оцѣненныя папой въ десять милліоновъ франковъ, были приняты французскими экспертами всего лишь въ пять милліоновъ. Въ теченіе предшествовавшаго года Бонапартъ отослалъ въ Парижъ семь милліоновъ франковъ, изъ числа которыхъ два милліона онъ предназначалъ на снаряженіе флота. Это составляло приблизительно лишь половину всей собранной имъ тогда контрибуціи. Зато, въ теченіе лѣта, онъ счелъ умѣстнымъ удержать всѣ поступившія къ нему денежныя суммы и не послалъ правительству даже трехъ милліоновъ франковъ, обѣщанныхъ Баррасу. Весьма вѣроятно, что у Бонапарта имѣлось тогда до тридцати милліоновъ франковъ наличными, не считая продовольственныхъ и вещевыхъ запасовъ стоимостью тоже въ нѣсколько милліоновъ.

Численность его арміи трудно опредѣлить въ точности. По спискамъ военнаго министерства у него состояло на лицо въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 141.223 солдатъ и офицеровъ, изъ которыхъ 121.420 числились въ строю. Въ письмѣ отъ 3-го сентября, адресованномъ къ Карно, генералъ Бонапартъ увѣрялъ, будто у него имѣется подъ ружьемъ всего только 75.000 человѣкъ, да къ тому же изъ нихъ 15.000 занимаютъ гарнизоны въ крѣпостяхъ. Двѣ недѣли спустя онъ опредѣлялъ всю численность своей арміи въ 83.800 человѣкъ, изъ которыхъ, однако, можно было выставить въ поле лишь 49.000. Онъ присовокуплялъ, что, кромѣ упомянутыхъ уже французскихъ войскъ, имѣетъ подъ знаменами 1.000 итальянцевъ и 2.000 поляковъ. Само собой разумѣется, что всѣмъ этимъ численнымъ даннымъ нельзя придавать ни малѣйшаго значенія. По самымъ правдоподобнымъ разсчетамъ Наполеонъ Бонапартъ располагалъ тогда для полевыхъ дѣйствій 70.000 французскихъ солдатъ и 15.000 піемонтцевъ, цизальпинцевъ и поляковъ. Французскія войска состояли по преимуществу изъ закаленныхъ въ бояхъ ветерановъ, подобныхъ которымъ трудно было пріискать въ Европѣ. Цизальпинцы и поляки представляли собою военный матеріалъ средней доброкачественности, піемонтцы же оказывались очень недурными солдатами. Относящаяся къ этому времени переписка Бонапарта какъ будто свидѣтельствуетъ о намѣреніи принудить Австрію, вслучаѣ надобности, силою оружія къ заключенію мира на условіяхъ, установленныхъ въ Леобенѣ. Дѣйствительно, Австрія вооружалась почти также дѣятельно, какъ и самъ Бонапартъ и ему было положительно необходимо держаться въ постоянной готовности къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Послѣдующія обстоятельства выяснили, однако, что тѣ же самыя приготовленія оказались пригодными и для иныхъ цѣлей. Бонапартъ разсчитывалъ заключить на возможно благопріятныхъ условіяхъ

съ Австріей миръ и оставитъ въ Италіи достаточно сильную армію. Поладивъ такимъ образомъ съ однимъ изъ членовъ коалиціи, онъ, придерживаясь испытанной древне-римской политики, намѣревался разгромить другого ея члена. Дѣйствительно, его честолюбіе, повидимому, уже и тогда задавалось цѣлью нанести Англіи тяжкіе удары, которые лишили бы ее преобладанія на моряхъ и сдѣлали бы изъ нея второстепенную державу.

Кампо-формійскій договоръ.

Наполеонъ Бонапартъ родился на одномъ изъ острововъ Средиземнаго моря. Въ глазахъ его постоянно отражался блескъ сверкающихъ водъ этого моря, а мечты юнаго корсиканца о славѣ всегда состояли въ связи съ воспоминаніями о древнихъ цивилизаціяхъ, которыя такъ дивно расцвѣтали на его берегахъ. Прокламаціи Бонапарта изобилуютъ намеками на классическую древность, а его празднества обставлялись заимствованнымъ у нея церемоніаломъ. Въ дѣтствѣ своемъ онъ уже зналъ, что тиранически владѣвшая его родиной Венеціанская республика усилилась и окрѣпла, благодаря блестящимъ торговымъ своимъ предпріятіямъ, не только захватывавшимъ Левантъ, но и простиравшимся оттуда на дальній Востокъ. Въ отрочествѣ Наполеона его воображенію служила пищей исторія Александра Великаго и завоеваній, совершенныхъ этимъ македонскимъ героемъ на Востокѣ. Въ молодости, когда всѣ иные пути его честолюбію оказывались, повидимому, закрытыми, онъ помышлялъ о томъ, чтобъ поступить на службу Великобританіи и раздѣлить славу съ созидателями индійской ея имперіи. Разочаровавшись въ этомъ планѣ, онъ столь же безуспѣшно обращался съ предложеніемъ услугъ къ Россіи, которая уже и тогда являлась соперницей Англіи на азіатскомъ материкѣ. Неудивительно, если, и возмужавъ, онъ, въ первое время, возвращался иногда къ прежнимъ мечтамъ раздобыть себѣ на Востокѣ славу, богатство и почести. Такія мечты могли представляться осуществимыми завоевателю Италіи и побѣдителю Австріи. Онъ фактически владѣлъ теперь обѣими великими морскими республиками, которыя въ былое время дѣлили между собою всю торговлю съ Востокомъ. Вторженіе Англіи въ бассейнъ Средиземнаго моря было всегда какъ бѣльмо на глазу для всѣхъ государствъ, берега которыхъ омываетъ это море. Торговое преуспѣяніе Англіи и преобладаніе ея на моряхъ еще болѣе усиливали раздраженіе Франціи, угрожая склонить перевѣсъ въ старинномъ англо-французскомъ соперничествѣ на сторону Великобританіи. Со временъ перваго крестоваго похода французы вообще находили, что имъ должна принадлежать, по праву перваго почина, руководящая роль въ переустройствѣ Азіи. Пламенные республиканцы считали, кромѣ того, что задача Франціи окажется незаконченной, если ее ограничить единственно лишь освобожденіемъ материка. Французское морское министерство во времена директоріи печатало на всѣхъ своихъ бумагахъ девизъ „Свобода морей“. Такимъ образомъ предвзятыя идеи, революціонная система и націо-

нальное честолюбіе, дѣйствуя въ совокупности, создавали во Франціи всеобщее восторженное сочувствіе завоеваніямъ на Средиземномъ морѣ. Темпераментъ Бонапарта и вся предшествовавшая его подготовка послужили какъ бы искрой, которая воспламенила давно уже накопившійся взрывчатый матеріалъ. Директорія охотно выслушала первые его намеки относительно умѣстности завладѣнія островами, принадлежавшими передъ тѣмъ Венеціи, а также и дальнѣйшіе его планы захвата Мальты, за которымъ должно было послѣдовать нанесеніе смертельнаго удара морскому преобладанію Англіи. Этимъ смертельнымъ ударомъ должны были послужить овладѣніе Египтомъ и раздѣлъ Турціи.

Еще 14-го мая 1797 года Бонапартъ письменно увѣдомилъ директорію о количествѣ корабельныхъ запасовъ и матеріаловъ, которые можно будетъ присвоить себѣ въ Венеціи. Въ предшествовавшемъ году подобныя же соображенія были представлены относительно Генуи, Тосканы и Неаполя. Французско-венеціанская эскадра подъ начальствомъ Жантили установила французскую администрацію на Іоническихъ островахъ, населеніе которыхъ, недовольное тиранніей Венеціи, привѣтствовало его какъ освободителя. Наиболѣе развитые изъ числа іонійцевъ желали самоуправленія подъ французскимъ протекторатомъ. Невѣжественныя массы выражали свою благодарность тѣмъ, что покупали портреты генерала Бонапарта, помѣщали ихъ въ кіоты и жгли передъ ними лампады. Тѣмъ временемъ, грекамъ на Балканскомъ полуостровѣ, недовольнымъ турецкимъ владычествомъ, дано было понять, что великій истребитель тирановъ охотно явится на ихъ призывъ. Въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ шла дѣятельная секретная переписка между французской главной квартирой въ Италіи и всѣми недовольными элементами въ Турціи. Обсуждались наиболѣе подходящіе средства и способы къ расторженію старинной дружбы между Франціей и Блистательной Портой. Выработана была цѣлая политическая программа, въ основѣ которой лежали обиды, которымъ подвергались въ Левантѣ французскіе торговцы, а также скандальное хозяйничанье мамелюковъ въ Египтѣ. Первое формальное предложеніе занять страну фараоновъ сдѣлано было 13-го сентября 1797 года генераломъ Бонапартомъ Талейрану, состоявшему тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ. Центральная власть въ Парижѣ съ необычайной энергіей приступила къ приготовленіямъ, необходимымъ для достиженія этой цѣли.

Дѣйствительно, послѣ фруктидорскихъ событій, въ письмахъ Бонапарта, преимущественно же въ тѣхъ, которыя обращены къ Талейрану, проглядываютъ намеки, свидѣтельствующіе, что было бы чрезвычайно рисковано игнорировать невысказывавшіяся вполнѣ явственно, но и безъ того очевидныя его желанія. Два милліона франковъ, присланныхъ Бонапартомъ изъ Италіи въ предшествовавшемъ году для снаряженія флота, оказались израсходованными для другихъ цѣлей. Это до чрезвычайности раздражило главнокомандующаго итальянской арміей, и онъ, въ весьма энерги-

ческихъ выраженіяхъ, заявилъ о необходимости для Франціи возстановить морскія боевыя свои силы. Подъ конецъ и въ самомъ дѣлѣ удалось достигнуть въ этомъ отношеніи кое-какихъ результатовъ, благодаря корабельнымъ матеріаламъ, доставленнымъ изъ Италіи, и усиліямъ самого французскаго правительства. Адмиралъ Брюей находился въ Адріатическомъ морѣ съ эскадрой, которая, какъ полагали, могла бы помѣряться даже съ англійскимъ флотомъ. Искусная дипломатія Талейрана взаимно парализовала Испанію и Неаполь. За послѣднее время неаполитанское правительство набралось смѣлости и начало предъявлять неумѣренныя требованія. Директорія признала вслѣдствіе этого умѣстнымъ тѣснѣе прежняго сблизиться съ Испаніей. Она предложила отправить 5.000 французскихъ солдатъ на подкрѣпленіе испанской арміи, воевавшей съ португальцами, если таковое же число испанскихъ войскъ присоединится къ французамъ въ Италіи, для того чтобы, совмѣстно съ ними, завоевать испанскія владѣнія, которыя предполагалось тогда отдать великому герцогу пармскому взамѣнъ за его герцогство, долженствовавшее войти въ составъ новой республики.

Въ этомъ широко задуманномъ планѣ Наполеона, охватывавшемъ весь бассейнъ Средиземнаго моря и открывавшемъ, путемъ посылки въ Испанію вспомогательныхъ французскихъ войскъ, лазейку къ дальнѣйшему вмѣшательству въ испанскія дѣла, лежитъ въ зародышѣ вся дальнѣйшая наполеоновская политика по отношенію къ кастильской монархіи. Самъ Бонапартъ объяснялъ еще въ маѣ мѣсяцѣ, что средоточіемъ всего его проекта является занятіе острова Мальты, этой цитадели Средиземнаго моря. Великій магистръ мальтійскаго ордена находился при смерти. Неаполитанскій король, ссылаясь на старинныя владѣльческія свои права, хотѣлъ завладѣть этимъ островомъ, или, по крайней, мѣрѣ добиться избранія своего кандидата въ великіе магистры. Наиболѣе шансовъ на избраніе имѣлъ, повидимому, однако, германскій кандидатъ. Бонапартъ совѣтовалъ французскому правительству подкупить мальтійцевъ и побудить ихъ такимъ образомъ къ бунту. Тогда французская или же испанская эскадра могла бы овладѣть Валеттской крѣпостью, принудить рыцарей къ избранію въ великіе магистры испанца и такимъ образомъ обезпечить себѣ обладаніе почти неприступною крѣпостью посреди Средиземнаго моря, способною служить надежнымъ оплотомъ и противъ Турціи, и противъ Англіи.

Таково было лѣтнее времяпрепровожденіе главнокомандующаго французской арміей въ Италіи. Предполагалось, что серьезнымъ занятіемъ служатъ для него въ это время переговоры о заключеніи мира съ римскою имперіей. Австрія далеко не чувствовала себя, однако, истощенной. Вѣнское правительство усиленно вооружалось и, надѣясь, что въ Парижѣ восторжествуютъ подъ конецъ роялисты, приказывало своимъ дипломатическимъ агентамъ по возможности затягивать переговоры. До 18-го фруктидора эти промедленія оказывались отчасти на руку

и самому Бонапарту, ввиду того обстоятельства, что Карно требовалъ окончательнаго мира какъ разъ на основаніи предварительныхъ условій, постановленныхъ при заключеніи Леобенскаго перемирія. Это не мѣшало Наполеону все время играть остроумную комедію, причемъ онъ мистифицировалъ и одного изъ австрійскихъ уполномоченныхъ, Мерфельдта, и дипломатическаго агента директоріи, Кларка, котораго пришлось, наконецъ, допустить до участія въ переговорахъ. Бонапартъ окончательно сбивалъ ихъ съ толка то своими порывами притворнаго нетерпѣнія, то припадками столь же притворной довѣрчивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ кокетничалъ съ Галло, который хотя и состоялъ вторымъ австрійскимъ уполномоченнымъ, но былъ въ сущности неаполитанцемъ и представителемъ неаполитанскаго королевства при вѣнскомъ Дворѣ. Многіе считаютъ этого Галло креатурой Бонапарта, который будто бы давалъ ему взятки. Несомнѣнно, что съ обѣихъ сторонъ не было недостатка въ попыткахъ къ подкупу. Самъ императоръ Францъ предлагалъ генералу Бонапарту въ презентъ имперское княжество съ 250.000 подданныхъ и весьма изрядным ежегоднымъ доходомъ. Если бы императору были извѣстны замыслы его побѣдителя, онъ, разумѣется, сообразилъ бы всю неумѣстность предлагать такому честолюбцу, какимъ былъ тогда уже Наполеонъ, сравнительно столь ничтожную взятку. Въ маѣ мѣсяцѣ было рѣшено, что конгрессъ, долженствующій опредѣлить новыя территоріальныя разграниченія въ Германіи, соберется въ городѣ Раштаттѣ, въ баденскихъ владѣніяхъ. Побѣдитель предъявлялъ, однако, требованія, до такой степени превосходившія условія, постановленныя въ предварительномъ леобенскомъ договорѣ, что австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ усомнился въ добросовѣстности своихъ уполномоченныхъ и отозвалъ изъ Россіи самаго искуснаго изъ австрійскихъ дипломатовъ, графа Кобенцеля, въ надеждѣ возстановить такимъ путемъ, по крайней мѣрѣ, хоть равновѣсіе въ дипломатической борьбѣ. При такихъ обстоятельствахъ въ переговорахъ произошло временное затишье. Они тянулись, почти не подвигаясь впередъ, до тѣхъ поръ, пока, послѣ фруктидорскаго государственнаго переворота, не было получено отъ Барраса письмо съ заявленіемъ: „Заключайте же миръ, но только почетный и прочный. Не можетъ быть больше и рѣчи о нелѣпыхъ и несостоятельныхъ предположеніяхъ Карно!“

При такихъ обстоятельствахъ, когда въ началѣ сентября возобновились болѣе дѣятельные переговоры, Бонапартъ совершенно серьезно желалъ заключить хотя бы временный миръ. Онъ устроился такъ, что уполномоченные съѣхались въ Удино, не далеко отъ Пассаріано, гдѣ находилась главная квартира его арміи. Онъ обезпечивалъ себѣ этимъ возможность извлекать всѣ выгоды изъ своего положенія побѣдителя, ежеминутно готоваго возобновить военныя дѣйствія. Директорія, догадавшись, наконецъ, что Кларкъ являлся просто напросто послушнымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбиваго главнокомандующаго, предпочла окончательно его отозвать. Цѣлый мѣсяцъ длилось жаркое столк-

новеніе между дипломатами - формалистами и энергическимъ французскимъ генераломъ, не обращавшимъ ни малѣйшаго вниманія на общепринятыя традиціи. Даже и ветеранъ европейской дипломатіи, графъ Кобенцель, прибывшій лишь 1-го октября, оказался въ рукахъ Бонапарта чѣмъ-то вродѣ игрушки. Въ продолженіи переговоровъ Наполеонъ неоднократно прибѣгалъ къ излюбленному своему тактическому пріему варварской грубости, и однажды, когда переговоры близились уже къ концу, онъ въ припадкѣ притворнаго раздраженія, разбилъ въ дребезги фарфоровый сервизъ вмѣстѣ съ чайнымъ столикомъ, и ушелъ изъ залы засѣданія, объявивъ, что перемиріе прекращается. Леобенская редакція предварительныхъ условій мирнаго договора была, какъ уже упомянуто, довольно неопредѣленной и каждая изъ сторонъ, разумѣется, старалась истолковывать эти условія какъ можно для себя выгоднѣе. Предложенія и контръ-предложенія,—возраженія и отвѣты на нихъ,—слѣдовали одни за другими въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, столь чреватыхъ послѣдствіями для обѣихъ сторонъ. Дважды казалось, что такъ и не удастся достигнуть взаимнаго соглашенія и что неизбѣжно послѣдуетъ разрывъ. Наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, состоялся компромиссъ, на основаніи котораго и былъ 17-го октября подписанъ окончательный мирный договоръ въ Кампо-Форміо, деревушкѣ, которую нарочно объявили нейтральною.

Условія этого мира оказывались для Франціи гораздо болѣе выгодными, чѣмъ первоначально разсчитывалъ добиться самъ Бонапартъ. Императоръ уступалъ республикѣ австрійскіе Нидерланды и всю рейнскую границу отъ Базеля до Андернаха. Въ обезпеченіе выполненія своихъ обязательствъ онъ немедленно же передавалъ въ руки французовъ весьма важную въ стратегическомъ отношеніи майнцскую крѣпость. Взамѣнъ того, онъ получалъ всѣ итальянскія земли къ востоку отъ Адижа по Адріатическое море и до Турецкой границы съ самой Венеціей включительно. Франція удерживала за собой Іоническіе острова и венеціанскія факторіи на противулежащемъ берегу Балканскаго полуострова. Вся венеціанская территорія къ западу отъ Адижа, вмѣстѣ съ Мантуей, Моденой, Ломбардіей, Масса-Каррарой, Болоньей, Феррарой и Романьей, образовала новую Цизальпинскую республику. Генуя, которой императоръ уступилъ всѣ свои феодальныя права на окрестную страну, была преобразована въ Лигурійскую республику, получившую приблизительно такую же конституцію, какая была выработана для Цизальпинской республики. Перераспредѣленіе германскихъ земель, необходимое, чтобы вознаградить государей, утрачивавшихъ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, должно было состояться на Раштаттскомъ конгрессѣ. На этотъ конгрессъ были приглашены французскіе уполномоченные съ Бонапартомъ во главѣ. Первоначально имѣлось въ виду созвать конгрессъ въ Бернѣ, но затѣмъ предпочтеніе было отдано Раштатту по настоянію Бонапарта, находившаго этотъ городъ, лежащій близъ французской границы, болѣе выгоднымъ для французскихъ интересовъ.

Раштаттъ былъ объявленъ нейтральнымъ и, съ цѣлью болѣе надежнаго обезпеченія этого нейтралитета, австрійскій императоръ вывелъ свои войска изъ всѣхъ германскихъ земель, за исключеніемъ своихъ собственныхъ наслѣдственныхъ владѣній.

Извѣстіе о заключеніи Кампоформійскаго мира вызвало въ Вѣнѣ величайшую радость. Сторонники мира торжествовали, а народъ выражалъ свой восторгъ самымъ демонстративнымъ образомъ. Тугутъ, однако, не дался въ обманъ. „Всѣ здѣсь твердятъ о мирѣ,— говорилъ онъ,—гдѣ же, скажите на милость, миръ? Я, признаться, не усматриваю его въ Кампоформійскомъ договорѣ!“

Въ Парижѣ слѣдили за ходомъ переговоровъ не безъ нѣкотораго недовѣрія. Въ настоящее время вообще полагаютъ, будто фруктидорскій переворотъ былъ исключительно дѣломъ Бонапарта, или же, выражаясь точнѣе, утверждаютъ, что 13-е вандемьера устроилъ Баррасъ съ помощью Бонапарта, а 18-е фруктидора— Бонапартъ съ помощью Барраса. Это слѣдуетъ признать, однако, лишь на половину истиной. Дѣйствительно, въ основаніи упомянутыхъ заключеній лежитъ преувеличенная оцѣнка фактовъ. Правда, что Бонапартъ въ первое время былъ вообще доволенъ результатами новаго политическаго переворота, но тѣмъ не менѣе многое, состоявшее въ связи съ этимъ переворотомъ, являлось для него вовсе не желательнымъ. Такъ называемые фруктидорцы, въ томъ числѣ г-жа Сталь и ея пріятели относились къ Бонапарту до поры до времени благосклонно, но, будучи истинными республиканцами, считали государственный переворотъ побѣдой, одержанной не отдѣльною личностью, а принципомъ. Впослѣдствіи Бонапартъ высказывалъ сожалѣніе по поводу содѣйствія, оказаннаго имъ этому перевороту, такъ какъ радикальный республиканскій принципъ и немногіе уцѣлѣвшіе сторонники таковаго оказались враждебными личнымъ его честолюбивымъ замысламъ. Огульная проскрипція, послѣдовавшая за государственнымъ переворотомъ, подорвала популярность членовъ директоріи и ихъ друзей, усилила сторонниковъ монархіи и ослабила престижъ арміи, на которую въ сущности и опиралось революціонное правительство послѣ новаго государственнаго переворота. Посколько дѣло шло о подавленіи консерваторовъ-роялистовъ и устраненіи умѣреннаго вліянія въ директоріи и народномъ представительствѣ, интересы генерала Бонапарта совершенно совпадали съ итересами Барраса, Ревбеля и фанатика Ларевельера. Самъ Бонапартъ съ радостью пресѣкъ бы всяческую публичную агитацію въ народѣ, большинство котораго опять превратилось въ роялистовъ. Для достиженія такой цѣли онъ охотно изломалъ бы станки въ типографіяхъ, гдѣ печатались газеты, и закрылъ бы клубъ въ Клиши. Ему хотѣлось во что бы ни стало обезпечить существованіе во Франціи революціоннаго правительства до тѣхъ поръ, пока, выражаясь собственными его словами, „груша не окажется достаточно зрѣлой для него самого“. Фруктидорскія событія, съ одной стороны, утвердили сторонниковъ конституціоннаго режима въ умѣстности невмѣшательства въ дѣла другихъ госу-

дарствъ, а съ другой—положили конецъ восторженной преданности республиканскимъ принципамъ даже и среди радикальныхъ членовъ исполнительной власти, причемъ этотъ энтузіазмъ, разумѣется, долженъ былъ смѣниться самымъ откровеннѣйшимъ эгоизмомъ. Созданное такимъ образомъ новое положеніе, хотя и не оказывалось прямо враждебнымъ для интересовъ Бонапарта, но сдѣлало фруктидорцевъ рѣшительнѣйшими противниками честолюбивыхъ его замысловъ.

Почти тотчасъ же послѣ фруктидорскаго переворота новая директорія отправила въ Пассаріано инструкціи, въ которыхъ предписывалось ни подъ какимъ видомъ не отдавать городъ Венецію Австріи. Немедленно же затѣмъ послѣдовало отозваніе Кларка. Тотчасъ же началась между директоріей и ея главнокомандующимъ война на бумагѣ, вызванная различіемъ руководившихъ ими цѣлей. Бонапартъ изображалъ въ своихъ донесеніяхъ въ самомъ мрачномъ видѣ положеніе итальянскихъ народовъ, стараясь доказать полнѣйшую ихъ непригодность къ государственной самостоятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ въ каждомъ письмѣ на чрезвычайной слабости своего якобы разстроеннаго въ конецъ здоровья и требовалъ немедленнаго своего отозванія. Интересно было бы видѣть, какое именно выраженіе появлялось на его блѣдномъ лицѣ, когда онъ обстоятельно излагалъ свои соображенія относительно состава и обязанностей нѣсколькихъ комиссій, долженствовавшихъ его замѣнить для доведенія до конца многоразличныхъ дѣлъ, которыя онъ выполнялъ одинъ безъ всякихъ помощниковъ. Тѣмъ временемъ онъ сообщалъ механизму переговоровъ всю быстроту дѣйствія, къ какой только этотъ механизмъ оказывался способнымъ. Директорія категорически рѣшила, наконецъ, что вся итальянская территорія къ западу отъ Изонцо должна оставаться свободной, а Талейранъ взялся уговорить Бонапарта и заставить его подчиниться такому рѣшенію. Курьеръ изъ Парижа съ этимъ ультиматумомъ прибылъ въ Пассаріано какъ разъ черезъ двѣнадцать часовъ послѣ того, какъ Монжъ и Бертье уѣхали оттуда въ Парижъ съ подписаннымъ уже Кампоформійскимъ договоромъ, который Бонапартъ послалъ на утвержденіе директоріи. Для Барраса и его товарищей было, разумѣется, обидно уступать, но они находились въ такомъ положеніи, которое логически исключало всякую возможность сопротивленія. Стараясь по возможности сохранить за собой обаяніе власти, они одобрили то, чему нельзя было уже помѣшать. Такъ какъ война на материкѣ Европы благополучно прекратилась, Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей противъ Англіи, причемъ ему не дано было, однако, никакихъ опредѣленныхъ инструкцій. 30.000 отборныхъ солдатъ двинулись изъ Милана въ Пикардію къ берегамъ Ламанша и Па де Кале. Доведенные до отчаянія, венеціанцы просили разрѣшенія продолжать на собственный свой рискъ войну съ Австріей. Бонапартъ приказалъ арестовать депутатовъ, явившихся къ нему съ этой просьбой, а Серюрье передалъ Венецію австрійцамъ, предвари-

тельно уничтоживъ арсеналы и суда, непригодныя для военныхъ цѣлей. Въ числѣ этихъ послѣднихъ оказалась великолѣпная баржа, знаменитый „Буцентавръ“, на которомъ дожъ, съ незапамятныхъ временъ, обручался съ Адріатическимъ моремъ. Послѣдняго изъ венеціанскихъ дожей, Манина, заставили присягать отъ лица его соотечественниковъ въ вѣрности австрійскому императору. Скрѣпя сердце дожъ приготовился выполнить это требованіе, но въ то самое мгновеніе, когда онъ выступилъ впередъ, чтобы произнести роковыя слова присяги, силы ему измѣнили. Онъ упалъ безъ чувствъ къ ногамъ своихъ враговъ и вскорѣ послѣ того умеръ.

Бонапартъ и Талейранъ.

При такихъ обстоятельствахъ возвращеніе Бонапарта въ Парижъ представлялось дѣломъ весьма серьезнымъ, которое надлежало обставить дипломатическими предосторожностями, не упуская изъ вида также и желаемый драматическій эффектъ. Успокоивая директорію, Бонапартъ доносилъ въ своихъ депешахъ, что былъ вынужденъ сдѣлать бо̀льшія, чѣмъ она желала, уступки, такъ какъ Австрія, пользуясь продолжительнымъ перемиріемъ увеличила болѣе чѣмъ когда либо свою боевую готовность. Это было, надо полагать, совершенно справедливо, но за то, другой, представленный Бонапартомъ мотивъ, побудившій его, будто бы, поспѣшить заключеніемъ мира, оказывался просто напросто вымышленнымъ. Главнокомандующій утверждалъ, что раннее наступленіе зимы не оставляло ему иного выбора, устранивъ всякую возможность успѣшнаго веденія военныхъ дѣйствій, тогда какъ изъ дневника одного изъ его секретарей видно, что снѣгъ выпалъ на вершинахъ Альпъ лишь 13 октября, а Кампоформійскій договоръ былъ уже подписанъ 17-го числа. Продолжая играть роль освободителя Италіи, Бонапартъ пробылъ тамъ до ноября мѣсяца, чтобы упрочить новосозданныя республики и выждать съѣзда уполномоченныхъ на раштаттскій конгрессъ. Затѣмъ, путешествуя не спѣша, онъ проѣхалъ черезъ Туринъ, гору Сенисъ и Шамбери въ Женеву. Швейцарія созрѣла уже въ достаточной степени для его присутствія. Бонапартъ началъ съ того, что арестовалъ женевскаго банкира Бонтана, содѣйствовавшаго бѣгству Карно въ Ніонъ, гдѣ бывшій членъ директоріи все еще продолжалъ скрываться. Вторымъ его мѣропріятіемъ было усиленіе революціоннаго движенія въ Водскомъ кантонѣ, причемъ, устроивъ себѣ овацію въ Лозаннѣ, онъ тѣмъ самымъ значительно подвинулъ впередъ агитацію въ пользу ниспроверженія бернскаго владычества. Очевидно, что Бонапартъ держался тогда мудраго правила избѣгать всяческихъ крайностей, а потому не счелъ нужнымъ задерживаться долѣе въ Швейцаріи и выѣхалъ оттуда въ Раштаттъ, куда и прибылъ 25 ноября. Тамъ онъ немедленно же потребовалъ признанія за собой права активнаго вмѣшательства въ организацію конгресса. Шведскій король, въ качествѣ герцога Померанскаго и въ виду ручательства Швеціи за соблюденіе вестфаль-

скаго мира, считалъ себя обязаннымъ прислать на конгрессъ своего уполномоченнаго. Уполномоченнымъ онъ избралъ графа Ферзена, ловкаго дипломатическаго агента, который, въ бытность свою шведскимъ посломъ въ Парижѣ, состоялъ въ дружбѣ съ злополучною королевой Маріей-Антуанеттой и пользовался репутаціей пламеннаго сторонника Бурбоновъ. Бонапартъ призналъ выборъ такого делегата величайшею дерзостью, потребовалъ Ферзена къ себѣ и, пренебрегая общепринятыми, какъ онъ полагалъ, нелѣпыми формами вѣжливости, увѣдомилъ графа въ немногихъ хлесткихъ словахъ, что его присутствіе на конгрессѣ представляется нежелательнымъ. Шведскій уполномоченный выѣхалъ тѣмъ не менѣе изъ Раштатта лишь послѣ того какъ убѣдился, что Австрія относится къ нему столь же враждебно, какъ и Франція. Чувствуя тогда подъ собою отсутствіе всякой, сколько-нибудь прочной почвы, онъ вернулся въ Стокгольмъ. Еще болѣе непріятностей причиняло Бонапарту отсутствіе австрійскихъ уполномоченныхъ. Въ ожиданіи ихъ прибытія онъ проводилъ время, подшучивая надъ съѣхавшимися уже делегатами. Обращаясь къ вюрцбургскому канонику, онъ освѣдомился: „Скажите на милость, какимъ образомъ духовные имперскіе князья, въ лицѣ которыхъ соединяется особа воинственнаго свѣтскаго государя и мирнаго святителя, согласуютъ свое положеніе съ евангельскимъ ученіемъ, предписывающимъ духовенству бѣдность и смиреніе?“ Къ уполномоченному Майнцскаго архіепископа Бонапартъ въ свою очередь обратился съ вопросомъ: „Скажите на милость, гдѣ именно поселится его преосвященство послѣ того, какъ утратитъ нынѣшнюю свою резиденцію?“ Вообще онъ страшно шокировалъ своимъ поведеніемъ всѣхъ представителей и защитниковъ отжившихъ учрежденій. Наконецъ, съ прибытіемъ Кобенцеля, французскому главнокомандующему удалось быстро уладить наиболѣе важное дѣло, а именно,— передачу крѣпости Майнца французамъ. Тогда, оставивъ прочихъ французскихъ уполномоченныхъ въ первенствующемъ положеніи сравнительно съ прочими делегатами на конгрессѣ, Бонапартъ выѣхалъ въ Парижъ послѣ тріумфальнаго путешествія по сѣверной Франціи (съ которой онъ до тѣхъ поръ былъ сравнительно мало знакомъ) и пріѣхалъ 5 декабря въ столичную свою квартиру, въ улицу Шантеренъ. Парижскій муниципалитетъ, съ обычнымъ своимъ проворствомъ въ такихъ случаяхъ, не замедлилъ переименовать эту довольно ничтожную улицу въ Улицу Побѣдъ. Г-жа Бонапартъ, гостившая въ Римѣ у своего деверя Іосифа, состоявшаго тамъ французскимъ посланникомъ, вернулась на Рождество къ нетерпѣливо ожидавшему ее супругу.

Въ бумагахъ графа д'Антрега имѣется характеристика Бонапарта, относящаяся ко времени пребыванія Наполеона въ Венеціи. Безъ сомнѣнія, однако, этотъ портретъ оставался до извѣстной степени схожимъ (cum grano salis) и нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда Бонапартъ сдѣлался кумиромъ Парижа. Правительственный комиссаръ Сюси, пораженный грандіозностью происходившихъ передъ его глазами событій, писалъ въ августѣ

мѣсяцѣ одному изъ своихъ пріятелей, что не можетъ входить въ обстоятельныя подробности, потребныя для надлежащей обрисовки характера генерала Бонапарта и только считаетъ долгомъ предостеречь отъ ложной гипотезы, будто генералъ этотъ достигъ уже конечной цѣли честолюбивыхъ своихъ стремленій. Онъ добавилъ: „Могу присовокупить, что я не вижу для Бонапарта иного конца, какъ только престолъ или эшафотъ". Д'Антрегъ оказался къ счастію болѣе сообщительнымъ. Онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ французскаго главнокомандующаго: „Бонапартъ—человѣкъ маленькаго роста съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. Онъ обладаетъ проницательнымъ взглядомъ, въ которомъ, равно какъ и въ выраженіи рта, можно подмѣтить что-то жесткое, скрытное, измѣнническое. Онъ скупъ на слова, но оказывается очень сообщительнымъ, когда затронуто его тщеславіе, или когда онъ считаетъ себя чѣмъ-нибудь обиженнымъ. Здоровье его очень плохо вслѣдствіе испорченности крови. Кожа Бонапарта покрыта лишаями, и это болѣзненное состояніе держитъ его въ постоянномъ раздраженіи, словно усиливая природную его стремительную энергію. Онъ всегда разработываетъ какіе-нибудь проекты, не дозволяя себѣ ни малѣйшихъ развлеченій,—спитъ только три часа въ сутки и не принимаетъ лекарствъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда страданія становятся уже положительно невыносимыми. Этотъ человѣкъ хочетъ владычествовать надъ Франціей, а черезъ нее и надъ всей Европой. Все остальное, даже и въ нынѣшнихъ блестящихъ его успѣхахъ, представляется ему единственно только средствомъ къ достиженію цѣли. Онъ крадетъ совершенно открыто и грабитъ рѣшительно все, накопляя себѣ громадныя сокровища золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными вещами и самоцвѣтными камнями, но смотритъ на всѣ эти богатства лишь какъ на орудіе для осуществленія своихъ замысловъ. Генералъ Бонапартъ, способный ограбить какую-нибудь деревню до послѣдняго гроша, не задумываясь подаритъ милліонъ человѣку, который можетъ ему пригодиться. Если такой человѣкъ питаетъ къ кому-нибудь ненависть и жажду мести, Бонапартъ даетъ ему случай утолить эту жажду. Вообще Бонапартъ сдѣлаетъ рѣшительно все для человѣка, который можетъ, по его мнѣнію, оказаться ему полезнымъ. Сдѣлка съ нимъ можетъ состояться въ двѣ минуты и въ двухъ словахъ,—такъ велика его способность очаровывать и обольщать людей, съ которыми онъ хочетъ поладить. Затѣмъ, однако, обнаруживается и оборотная сторона медали: оказавъ кому-нибудь услугу, онъ требуетъ у человѣка полнѣйшаго себѣ подчиненія, или же становится непримиримымъ врагомъ этому человѣку. Подкупивъ кого-нибудь и заставивъ его измѣнить, Бонапартъ, по минованіи надобности въ измѣнникѣ, не заботится о томъ, чтобы сохранять его тайну. Человѣкъ этотъ ненавидитъ прежній монархическій режимъ и его представителей — Бурбоновъ. Онъ всячески старается отвратить отъ нихъ свою армію. Если бы во Франціи тѣмъ не менѣе царствовалъ кто-нибудь, кромѣ него самого, то Бонапартъ согла-

сился бы, пожалуй, играть роль полководца, возводящаго королей на престолъ съ тѣмъ, чтобы власть короля всегда опиралась на его собственный мечъ. Этого меча онъ ни подъ какимъ видомъ не отдастъ и не задумается пронзить имъ сердце короля при первой же попыткѣ монарха выйти изъ полнаго ему подчиненія".

Еще проѣздомъ черезъ Шамбери, гдѣ народъ, привѣтствуя Бонапарта, называлъ его, между прочимъ, отцомъ солдатъ, французскій главнокомандующій принялъ этотъ эпитетъ близко къ сердцу. Дѣло въ томъ, что въ письмахъ изъ арміи, расходившихся повсемѣстно во Франціи, главнокомандующаго сплошь и рядомъ аттестовали такимъ именно образомъ. Вслѣдствіе этого французскій народъ въ массѣ считалъ великаго своего полководца простодушнымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ, искренно преданнымъ отчизнѣ и готовымъ энергически отстаивать ея свободу. Въ числѣ другихъ блестящихъ своихъ талантовъ Бонапартъ обладалъ также прекрасными сценическими способностями и былъ превосходнымъ комедіантомъ. Онъ рѣшилъ, что въ данную минуту никоимъ образомъ не слѣдуетъ разбивать означенные народные идеалы. Поэтому онъ разыгрывалъ передъ французскою публикой ревностнаго сторонника принципа равенства, который революція считала краеугольнымъ камнемъ своихъ учрежденій. Въ тогдашней оффиціальной французской газетѣ „Moniteur" описывается въ подробности все, что онъ дѣлалъ. Вмѣсто того, чтобы ждать визитовъ отъ должностныхъ лицъ, стоявшихъ ниже его по положенію, онъ бралъ на себя первый починъ, — одѣвался и держалъ себя очень просто, но съ достоинствомъ, которое, однако, умѣрялось чувствомъ уваженія къ другимъ. Онъ не позволялъ себѣ ѣздить въ экипажѣ болѣе чѣмъ на парѣ лошадей и обыкновенно, какъ во время выѣздовъ, такъ и дома, не имѣлъ при себѣ адъютантовъ. Проходя по улицѣ, можно было видѣть побѣдоноснаго генерала, одиноко гулявшаго въ маленькомъ садикѣ скромнаго своего жилища, гдѣ онъ, очевидно, отдыхалъ отъ трудовъ предшествовавшихъ кампаній. Короче сказать, ничто не напоминало въ Наполеонѣ побѣдоноснаго властелина, окружавшаго себя въ Миланѣ такимъ блестящимъ и великолѣпнымъ Дворомъ, за исключеніемъ развѣ лишь напускной простоты его собственнаго образа жизни. Талейранъ, съ которымъ Бонапартъ поспѣшилъ познакомиться тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, пишетъ: „Съ перваго же взгляда онъ произвелъ на меня впечатлѣніе чарующей личности. Лавры двадцати побѣдъ какъ нельзя болѣе шли къ его молодости, красивымъ глазамъ, блѣдному цвѣту лица и своеобразному выраженію усталости". Изрѣдка выпадали случаи, когда Наполеону приходилось разыгрывать видную роль, что онъ и выполнялъ съ большимъ достоинствомъ. Такъ, напримѣръ, 10-го декабря 1797 года было организовано большое празднество въ классическомъ стилѣ. Дѣло шло о формальной передачѣ членамъ директоріи документовъ Кампо-формійскаго договора, заключившимъ его побѣдоноснымъ полководцемъ. Талейранъ произнесъ пламенное похвальное слово Бонапарту,

который съ весьма внушительнымъ выраженіемъ лица отвѣтилъ нѣсколькими краткими, но чрезвычайно мѣткими фразами и закончилъ свою рѣчь заявленіемъ: „Когда въ основѣ счастья французскаго народа будутъ лежать лучшіе органическіе законы, свобода сдѣлается достояніемъ всей Европы". Баррасъ произнесъ тогда въ свою очередь длинную и скучную апологію директоріи, а въ заключеніе запечатлѣлъ братскій поцѣлуй на челѣ молодого генерала. Прочіе члены директоріи послѣдовали, съ притворной искренностью, его примѣру. Обѣ палаты народнаго представительства участвовали на большомъ обѣдѣ, данномъ въ честь Бонапарта. Обнаружившаяся при этомъ случаѣ гармонія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ произвела большое впечатлѣніе въ Парижѣ и во всей Франціи. Напускная скромность Бонапарта могла бы уже сама по себѣ выяснить членамъ директоріи ложное положеніе, въ которомъ они находились по отношенію къ нему. Задолго до того времени, а именно еще Пепину, говорили, что королевскій титулъ принадлежитъ по праву тому, кто фактически располагаетъ властью. Въ данномъ случаѣ необходимо, впрочемъ, принять во вниманіе, что министромъ иностранныхъ дѣлъ состоялъ человѣкъ, не уступавшій въ ловкости юному побѣдоносному полководцу. Этотъ министръ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы сохранить высшимъ республиканскимъ правительственнымъ сферамъ, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ единодушія.

Величайшей опасностью для честолюбивыхъ замысловъ Бонапарта грозила возможность, что его отождествятъ по нечаянности съ какою-либо отдѣльной политической партіей. До сихъ поръ ему удавалось избѣгнуть этой западни главнымъ образомъ благодаря своему отсутствію съ арены административной дѣятельности. Парижское населеніе не отождествляло его даже съ фруктидорцами. Оно не вполнѣ забыло еще разгромъ секцій, но тѣмъ не менѣе толпилось всюду, гдѣ можно было хоть мелькомъ взглянуть на великаго человѣка. На вопросъ, пріятно-ли ему, что парижане до такой степени интересуются его особой, Бонапартъ отвѣчалъ: „Все это пустяки! Толпа стала бы глазѣть на меня также охотно, если бы меня вели на эшафотъ". Онъ сознавалъ, повидимому, что долгое пребываніе въ Парижѣ ослабитъ его престижъ, а потому старался вызывать такое впечатлѣніе, какъ если бы прибылъ въ столицу лишь на короткое время. Многіе, и въ томъ числѣ прусскій посланникъ Сандо-Голленъ, полагали, что солдатъ, присланныхъ изъ Италіи во Францію, имѣлось въ виду употребить въ дѣло въ самомъ Парижѣ. Въ чемъ именно заключались при этомъ правительственныя соображенія, посланникъ не зналъ, но во всякомъ случаѣ Бонапартъ, подобно Гошу, не достигъ еще тридцатилѣтняго возраста, а потому не могъ быть избранъ на основаніи существующей конституціи въ члены директоріи. Другое предположеніе сводилось къ тому, что Франція, одержавъ побѣду надъ Австріей, собиралась нанести ударъ Великобританіи, разбивъ сперва на морѣ англійскій флотъ, а затѣмъ высадивъ на берегъ Англіи многочисленный корпусъ вете-

рановъ, взятыхъ изъ итальянской арміи, подъ начальствомъ побѣдоноснаго ихъ вождя. Дѣйствительно, Монжъ открыто объявилъ 10 декабря, что великобританское правительство и французская республика не могутъ существовать одновременно. Въ продолженіи зимы Томасъ Пэйнъ писалъ многочисленные памфлеты на тему объ угрожающемъ Англіи банкротствѣ, а парижане сбѣгались толпами въ театръ любоваться живыми картинами, изображавшими вторженіе въ Англію. Сверхчеловѣческая дѣятельность Бонапарта дозволяла ему всегда располагать двумя или даже нѣсколькими вполнѣ разработанными планами дѣйствій, а потому очень можетъ быть, что у него имѣлось совершенно серьезно ввиду и непосредственное вторженіе въ Англію. Тѣмъ не менѣе образъ дѣйствій Наполеона съ итальянскими державами и съ Австріей свидѣтельствуетъ, что онъ отдавалъ предпочтеніе ударамъ, направленнымъ не въ самое сердце, а въ болѣе отдаленныя части тѣла. Онъ разсчитывалъ, что рана можетъ оказаться и тамъ смертельной, а между тѣмъ противникъ не будетъ приведенъ въ такое отчаяніе и не станетъ такъ яростно сопротивляться. Всѣ подготовительные шаги къ нанесенію Англіи косвеннаго, но тѣмъ не менѣе опаснаго удара были приняты французскимъ правительствомъ еще лѣтомъ 1797 года. Франція присвоила себѣ острова Корфу и Занте, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все вліяніе, которымъ пользовалась передъ тѣмъ Венеція въ Левантѣ. Благодаря добычѣ, собранной въ сѣверной Италіи, французамъ удалось снарядить на Средиземномъ морѣ сильный флотъ. Сопротивленіе, ожидавшееся со стороны Неаполя, было временно парализовано, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при содѣйствіи экспертовъ, въ числѣ которыхъ находился и Монжъ, директорія тщательно разработала проектъ завладѣнія Мальтой и отторженія Египта отъ Турціи.

При осуществленіи всѣхъ этихъ проектовъ Талейранъ игралъ роль блестящаго дипломатическаго агента, неспособнаго останавливаться передъ чѣмъ бы то ни было. Онъ происходилъ изъ благородной фамиліи, но вслѣдствіе своей хромоты не могъ разсчитывать при прежнемъ режимѣ на сколько-нибудь блестящую карьеру иначе какъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ аббатъ Талейранъ состоялъ въ дружбѣ съ пресловутой г-жей Дю-Барри и обязанъ былъ ея протекціи быстрымъ своимъ повышеніемъ въ церковной іерархіи. Когда Талейранъ, въ санѣ отенскаго епископа, состоялъ казначеемъ французскаго духовенства, Мирабо говорилъ, что этотъ прелатъ охотно продастъ собственную свою душу и во всякомъ случаѣ останется въ барышахъ, такъ какъ получитъ золото въ обмѣнъ на негоднѣйшее дрянцо. Въ первые годы революціи Талейранъ былъ вождемъ либеральной фракціи духовенства, причемъ, въ стремленіи своемъ къ секуляризаціи церкви, дошелъ до того, что папа призналъ умѣстнымъ отлучить его отъ таковой. Частная жизнь Талейрана съ самаго начала изобиловала скандалами. Завѣдомо извѣстно, что онъ былъ страстнымъ игрокомъ. Не подлежитъ сомнѣ-

нію, что онъ почувствовалъ большое облегченіе, скинувъ съ себя рясу и обратившись въ искуснѣйшаго изъ современныхъ ему дипломатовъ и самаго безцеремоннаго изъ государственныхъ дѣятелей. Талейранъ внесъ въ 1791 году въ законодательное собраніе блестящій проектъ народнаго образованія, принятый впослѣдствіи Наполеономъ. Предвидя надвигавшійся терроръ, онъ заблаговременно отправилъ себя самъ въ 1792 году въ Лондонъ, въ качествѣ секретнаго дипломатическаго агента. Онъ прожилъ въ англійской столицѣ два года, изрѣдка пріѣзжая оттуда въ Парижъ. Двуличность, съ которою держалъ себя Талейранъ въ Лондонѣ, скомпрометировала его, однако, до такой степени, что правительство Великобританіи выслало его изъ своихъ предѣловъ. Конвентъ же въ свою очередь включилъ его въ списокъ эмигрантовъ. При такихъ обстоятельствахъ Талейранъ счелъ для себя всего удобнѣе уѣхать въ Америку. Встрѣтивъ тамъ, и въ политическихъ, и въ общественныхъ кружкахъ, холодный пріемъ, онъ посвятилъ себя аналитическому изученію своеобразныхъ особенностей населенія и государственныхъ учрежденій въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Благодаря протекціи г-жи Сталь, послѣдовала въ 1796 году отмѣна декрета, объявлявшаго Талейрана эмигрантомъ, и онъ немедленно же вернулся во Францію. Характерной чертою этого человѣка является тотъ фактъ, что онъ въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ послѣдовательно состоялъ представителемъ короля, Дантона и директоріи.

За время своего отсутствія изъ Франціи Талейранъ былъ избранъ въ члены французскаго Института. Вернувшись на родину, онъ представилъ академіи наукъ блестящія свои изслѣдованія о колоніяхъ вообще и объ отношеніяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ къ двумъ соперничествующимъ державамъ: къ Франціи и Англіи. Тѣмъ не менѣе истиннымъ его призваніемъ оказывалась не литература, а политика. Онъ тотчасъ же принялся изучать положеніе дѣлъ въ своемъ отечествѣ. Одаренный большой наблюдательностью, Талейранъ безотлагательно замѣтилъ крайнюю непрочность существовавшей во Франціи формы правленія и безнадежность положенія директоріи. При такихъ условіяхъ онъ, считаясь сторонникомъ директоріи, назначившей его министромъ иностранныхъ дѣлъ, тотчасъ же сдружился съ Бонапартомъ. Самъ Талейранъ въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ, что имѣлъ въ виду воспользоваться побѣдоноснымъ полководцемъ, какъ орудіемъ, для возстановленія во Франціи монархической формы правленія. Бонапартъ, въ свою очередь, обладалъ достаточной предусмотрительностью, чтобы оцѣнить по достоинству Талейрана и, привязавъ его къ себѣ, располагалъ, такъ сказать, въ самомъ центрѣ правительственнаго механизма, до чрезвычайности талантливымъ своимъ человѣкомъ. Извѣстно, что Талейранъ всегда прилагалъ къ оффиціальнымъ своимъ депешамъ, адресованнымъ Бонапарту, неоффиціальныя записки, зачастую прямо противорѣчившія тому, что говорилось въ депешахъ. Такъ, напримѣръ, члены директоріи нашли чрезвычайно лестнымъ для себя

оффиціальное его сообщеніе о фруктидорскомъ переворотѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстно, что, въ приложенной къ этому сообщенію неоффиціальной запискѣ, Талейранъ безпощадно разбираетъ внутреннее политическое положеніе Франціи,—доказываетъ его неестественность и непрочность. Онъ хотѣлъ получить взятку съ американскихъ пословъ, Пинкнея, Маршалла и Герри, за то, чтобы выхлопотать особыя льготы для американской торговли. Приведенные въ негодованіе такимъ вымогательствомъ, посланники безпощадно разоблачили продѣлку Талейрана, который, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, оказался тогда вынужденнымъ сложить съ себя должность министра иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ, даже и очутившись какъ бы въ опалѣ, онъ продолжалъ фактически служить главной дѣйствующей пружиной французской политики до тѣхъ самыхъ поръ, пока Бонапартъ не пригласилъ его занять вновь должность министра иностранныхъ дѣлъ, въ которой онъ, впослѣдствіи, съ такимъ успѣхомъ разработывалъ въ деталяхъ и выполнялъ предначертанія своего повелителя.

Имѣлись еще два вліятельныхъ государственныхъ дѣятеля, положеніе которыхъ послѣ 18 фруктидора стало до чрезвычайности затруднительнымъ, а именно Баррасъ и Сіейсъ. Оба они оказывались до безпредѣльности продажными. Первый изъ нихъ, старинный пріятель Бонапарта, сталъ послѣ фруктидорскаго государственнаго переворота послушнымъ орудіемъ генерала. Онъ и Сіейсъ, подобно Талейрану, являлись въ данную минуту преданными сатрапами властелина, который былъ въ состояніи платить не только обѣщаніями будущихъ благъ, но и наличными деньгами. Баррасъ вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитывалъ въ концѣ концовъ воспользоваться Бонапартомъ для собственныхъ своихъ цѣлей возстановленія монархіи. Что касается до Сіейса, состоявшаго президентомъ Совѣта Старѣйшинъ, то онъ оказывался одновременно человѣкомъ слабохарактернымъ и тщеславнымъ. Выставляя себя чѣмъ-то вродѣ оракула въ вопросахъ, касавшихся конституціи, онъ, въ качествѣ таковаго, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ Талейрана и Барраса. Его тщеславію льстили, совѣтуясь съ нимъ объ устраненіи слабыхъ сторонъ какъ во французской конституціи, такъ и въ конституціяхъ итальянскихъ республикъ. Его приглашали даже совершить путешествіе въ Италію для изслѣдованія на мѣстѣ измѣненій, которыя казалось желательнымъ произвести, пока тамошнія учрежденія не успѣютъ еще окрѣпнуть. При такихъ обстоятельствахъ, благодаря умѣлому пользованію его тщеславіемъ и денежными интересами, Сіейсъ сталъ такимъ же пламеннымъ сторонникомъ Бонапарта, какъ Баррасъ и Талейранъ. Ревбель былъ до такой степени занятъ внѣшней революціонной политикой, а Мерлинъ внутренней администраціей по якобинской системѣ, что никто изъ нихъ не помышляль о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ фруктидорскаго переворота. Нефшато разыгрывалъ роль остроумца, а Ларевельеръ—пророка новой революціонной эпохи. Оба они, какъ государственные дѣятели, не заслуживали ни малѣйшаго вниманія. Ожеро, котораго распущеніе рейнской арміи

убѣдило, что онъ остался въ дуракахъ, разочаровался въ Бонапартѣ и былъ въ теченіе нѣкотораго времени непримиримымъ врагомъ прежняго своего начальника. Немногочисленные дюжинные люди на второстепенныхъ должностяхъ въ арміи и въ администраціи сочувствовали Ожеро, но, такъ какъ Англія оставалась единственнымъ врагомъ, съ которымъ Франція находилась еще въ войнѣ, то главнокомандующій арміей противъ Англіи фактически распоряжался всѣми вооруженными французскими силами. Ни одинъ изъ командировъ дивизій не позволилъ бы себѣ ослушаться его предписаній.

Предвѣстники политической бури въ Европѣ.

Въ продолженіи зимы 1797—1798 года Бонапартъ, въ качествѣ фактическаго главнокомандующаго, считалъ своей обязанностью участвовать въ совѣщаніяхъ различныхъ гражданскихъ властей. Иногда онѣ не охотно подчинялись его вліянію, но угроза выйти въ отставку сплошь и рядомъ заставляла ихъ уступать. Дѣло въ томъ, что каждая изъ политическихъ партій была убѣждена въ непрочности существующаго порядка вещей. Директорія нисколько не смягчалась по отношенію къ роялистамъ, эмигрантамъ и священникамъ. Всѣ были убѣждены, что такой образъ ея дѣйствій усилитъ во Франціи ненависть къ якобинскимъ принципамъ и доставитъ во время весеннихъ выборовъ 1798 года побѣду его врагамъ. Это представлялось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что печать была фактически подавлена. Въ теченіе одной зимы закрыты были административнымъ порядкомъ шестнадцать газетъ, не считая тѣхъ, съ которыми фруктидорское правительство покончило раньше. При такомъ положеніи дѣлъ позволительно было ожидать, что новое народное представительство сдѣлаетъ попытку возстановить законный порядокъ вещей путемъ государственнаго переворота. Тогда полнымъ властелиномъ положенія окажется опять-таки армія съ Бонапартомъ во главѣ. Въ виду этихъ соображеній роялисты сдѣлали снова попытку съ нимъ сблизиться, на этотъ разъ чрезъ посредство его супруги. Жозефина не давала имъ, однако, опредѣленнаго отвѣта и дипломатично оставляла ихъ въ выжидательномъ положеніи. На поверхности все казалось тихо и гладко. Парижскому населенію доставляли даже изрѣдка случай убѣдиться въ полнѣйшей гармоніи между всѣми органами власти, но подъ этою маской тишины и спокойствія копошились разнообразнѣйшіе заговоры и ковы. Парижанамъ очень нравился контрастъ между блестящими результатами Кампо-формійскаго мира и безпритязательнымъ поведеніемъ великаго полководца, который смирилъ Австрію и, по собственнымъ словамъ, высказаннымъ на одномъ изъ пиршествъ, привлекъ два центра европейской цивилизаціи,—лучшія страны во всей Европѣ, а именно Италію и Нидерланды,—въ сферу еще болѣе яркаго сіянія революціонныхъ французскихъ принциповъ.

Въ послѣдующіе годы безпримѣрная способность Бонапарта

къ интригамъ и махинаціямъ развилась до такой неслыханной степени, что въ наше время обыкновенно приписываютъ его замысламъ всѣ подробности тогдашней европейской исторіи. Это представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что событія, проис-

Дезире Клари, жена Бернадотта.
(Съ картины Жерара въ Версальскомъ музеѣ).

ходившія зимой 1797—1798 года внѣ предѣловъ Франціи до чрезвычайности содѣйствовали возникновенію политической бури, которая предшествовала окончательному занятію Наполеономъ преобладающаго положенія и полному переустройству европейской государственной системы. Между тѣмъ даже и остроумнѣйшіе

историки, въ погонѣ за тайными причинами событій, зачастую упускаютъ изъ вида наиболѣе явныя. Въ данномъ случаѣ эти явныя причины даютъ вполнѣ достаточное объясненіе всему послѣдующему. Начиная съ итальянской кампаніи республиканскія арміи перестали сражаться за неприкосновенность французской территоріи, за естественныя ея границы и даже за революціонную систему. Подъ вліяніемъ самообмана онѣ иногда и думали, будто пропагандируютъ революцію, но у большинства офицеровъ и простыхъ рядовыхъ главными побудительными поводами стало стремленіе къ славѣ и добычѣ.

То, что можно было предвидѣть заранѣе, случилось и на самомъ дѣлѣ. Осенью 1797 года Ожеро вздумалъ подражать въ юго-западной Германіи образу дѣйствій Бонапарта въ Италіи. Грубые промахи, которые онъ при этомъ надѣлалъ, заставили директорію его отозвать. Признано было, однако, умѣстнымъ смягчить эту мѣру, назначивъ Ожеро главнокомандующимъ пиренейскою арміей, которую предполагалось отправить въ Испанію, какъ только обстоятельства начнутъ благопріятствовать вмѣшательству въ испанскія дѣла. Движеніе, затѣянное въ Германіи, выразилось, по преимуществу, самымъ безсовѣстнымъ грабежомъ на обоихъ берегахъ Рейна. Этотъ грабежъ представлялся тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что война уже прекратилась, Крѣпость Майнцъ была передана французамъ, весь лѣвый берегъ находился въ ихъ власти, а въ Раштаттѣ засѣдалъ конгрессъ для рѣшенія вопроса о новомъ территоріальномъ разграниченіи имперскихъ земель съ цѣлью вознагражденія государей, утратившихъ свои владѣнія по ту сторону Рейна.

Событія въ Нидерландахъ оказались тоже до чрезвычайности пагубными съ точки зрѣнія революціоннаго престижа. Голландія вслѣдствіе насильственнаго своего включенія въ республиканскую систему не только потеряла всѣ свои колоніи, въ томъ числѣ и мысъ Доброй Надежды, но, кромѣ того, лишилась и своего флота, который былъ истребленъ 11-го сентября 1797 года въ битвѣ при Кампердоунѣ. Батавская республика утратила всякую самостоятельность и была теперь въ полной зависимости отъ Франціи. Граждане ея содержали уже 25.000 расположенныхъ у нихъ французскихъ солдатъ. Сверхъ того, отъ нея потребовали громадной субсидіи кораблями, деньгами и людьми для предположенной высадки въ Англіи. Делакруа завѣдывалъ гражданскимъ, а Жуберъ военнымъ отдѣломъ этого организованнаго грабежа.

Отъѣздъ Бонапарта изъ Италіи не произвелъ ни малѣйшаго измѣненія въ обращеніи съ нею со стороны Франціи. Венеціанскія владѣнія, прежде окончательной ихъ передачи Австріи, были до чиста ограблены генераломъ Бертье, донесшимъ, что не оставилъ тамъ ничего сколько-нибудь цѣннаго. Послѣ признанія Цизальпинской республики начаты были переговоры о заключеніи съ ней оборонительнаго и наступательнаго союза, что не помѣшало французскому правительству грабить новую республику совершенно также, какъ это дѣлалось въ періодъ завоеванія. По

союзному договору, заключенному къ тому же лишь въ мартѣ мѣсяцѣ 1798 года, новая свободная республика должна была содержать двадцатипятитысячный корпусъ французскихъ войскъ и ежегодно выплачивать имъ 18 милліоновъ франковъ. Что касается до новой Лигурійской республики, то безъ присоединенія къ ней Піемонта границы ея оказывались неудовлетворительными. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1798 года удалось съ помощью испытанныхъ уже старинныхъ методовъ разжечь въ Туринѣ пламя революціи, послѣ чего двѣ французскихъ арміи, подъ начальствомъ генераловъ якобинскаго пошиба, заняли Піемонтъ и присоединили его къ республикѣ, столь же свободной, какъ и Цизальпинская, т. е. соеди-

Наполеонъ въ Египтѣ. Переходъ черезъ пустыню.
(Съ литографіи Раффе)

ненной съ Франціей такими же тяжкими узами. Карлъ-Эммануилъ IV, утративъ всѣ свои владѣнія на материкѣ Европы, удалился въ Сардинію, гдѣ ему удалось подъ покровительствомъ англійскаго флота стать средоточіемъ новой коалиціи противъ Франціи.

Римскій папа пригласилъ къ себѣ на службу австрійскаго генерала Проверу, участвовавшаго въ послѣдней кампаніи, и поручилъ ему реорганизовать свою армію. Жозефъ Бонапартъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы потребовать своего отозванія. Для немногихъ энергическихъ либераловъ папской столицы это послужило желанной искрой. Вспыхнуло возстаніе, во время котораго былъ убитъ генералъ Дюфо, разсчитывавшій вскорѣ породниться съ Жозефомъ, женитьбой на его невѣсткѣ. Инсургенты потерпѣли пораженіе и вынуждены были искать убѣжище во фран-

цузскомъ посольствѣ. Папскія власти держали себя до такой степени скромно, что предлагали какое угодно вознагражденіе, но Жозефъ оказался непримиримымъ и потребовалъ свои паспорты. Мѣсяцъ спустя, а именно 10-го февраля 1798 года, Бертье съ своими солдатами вступилъ въ Вѣчный городъ и провозгласилъ римскую республику. Не принимая во вниманіе личныхъ почтенныхъ свойствъ папы Пія VI, дряхлаго и больного старца, агенты французской республики обобрали у него всѣ драгоцѣнности и собственноручно сняли съ его пальцевъ даже всѣ перстни. Было объявлено о прекращеніи папской власти, а кардиналамъ было запрещено выбирать папѣ преемника. Самому Пію разрѣшили удалиться въ Сіенну въ надеждѣ, что онъ скоро умретъ, но такъ какъ папа медлилъ выполненіемъ этихъ ожиданій, его принялись перевозить съ мѣста на мѣсто, пока, наконецъ, онъ не скончался въ слѣдующемъ затѣмъ году въ Валансѣ. Неаполитанское правительство не на шутку опасалось, что съ нимъ поступятъ также, какъ и съ римскою куріей, но его часъ пока еще не пробилъ.

Пламя революціи вспыхнуло, наконецъ, такъ же и въ Швейцаріи, гдѣ демократическій Водскій кантонъ объявилъ себя независимымъ отъ бернской аристократіи. Возстанію этому въ значительной степени содѣйствовала агитація либеральнаго базельскаго бургомистра Петра Окса, являвшагося агентомъ Бонапарта. Франція воспользовалась предлогомъ къ вмѣшательству, номинально съ цѣлью побудить Бернъ къ освобожденію всѣхъ политическихъ преступниковъ и къ эмансипаціи Водскаго кантона, но въ дѣйствительности,—чтобы ограбить Швейцарію и перестроить на свой ладъ государственные ея порядки. Армія, вступившая въ Швейцарію, грабила одинаково усердно и друзей и враговъ. Отчаянное сопротивленіе Берна, въ которомъ приняли участіе женщины и даже дѣти, оказалось тщетнымъ. Французы одержали верхъ и организовали Гельветскую республику, получившую конституцію по образцу готовыхъ уже конституцій: цизальпинской и батавской. Новая республика немедленно заключила оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей. Взамѣнъ контрибуціи съ Берна взятъ былъ запасной фондъ швейцарскаго союзнаго казначейства, простиравшійся до шести съ половиною милліоновъ франковъ. Изъ этой суммы три милліона были тотчасъ же отправлены въ Тулонъ, гдѣ въ арсеналахъ дѣятельно работали надъ снаряженіемъ сильной эскадры. Остальные три съ половиной милліона израсходованы были на нужды арміи и ея главнокомандующаго, генерала Брюна. Фрейбургъ, Золотурнъ и Цюрихъ были тоже ограблены французскими военными властями. Полагаютъ, что изъ громадныхъ суммъ, захваченныхъ такимъ образомъ французами, не поступило ни гроша въ національное французское казначейство.

Еще серьезнѣе оказывались предположенныя директоріей территоріальныя измѣненія. Вальтелина была уже присоединена къ Цизальпинской республикѣ. Фрикскую долину, вмѣстѣ съ Иннфиртелемъ, предположено было отдать Австріи, а Женеву, съ верхней долиною Роны,—присоединить къ самой Франціи, для того, чтобы

ея арміи могли проникать въ Италію черезъ Симплонскій горный проходъ, вслучаѣ если бы сообщеніе по прибрежью Средиземнаго моря оказалось для нихъ закрыто.

Все это въ совокупности подѣйствовало на европейскую политику приблизительно также, какъ могъ бы подѣйствовать зажженный факелъ на ворохъ сухой соломы. Священная германскоримская имперія представляла собою отжившее уже учрежденіе. Пруссія пріобрѣла важное значеніе въ качествѣ представительницы новой протестантской германской національности. Фридрихъ Великій, унаслѣдовавшій отъ своего далеко неглупаго родителя превосходную армію и политику, какъ нельзя лучше понималъ, что для достиженія цѣлей этой политики необходимо сломить римско-католическую Австрію и низвести ее до второстепеннаго положенія. Одержанный имъ успѣхъ не могъ назваться полнымъ, но тѣмъ не менѣе произвелъ извѣстнаго рода впечатлѣніе. Отношенія между обѣими соперничествующими державами въ предѣлахъ одной и той же священной имперіи оказывались до такой степени натянутыми, что Пруссія, питая враждебныя чувства къ Австріи, естественно склонялась въ пользу Франціи. При всемъ томъ, захватъ германскихъ земель не только на лѣвомъ, но частью также и на правомъ берегу Рейна, равно какъ поведеніе французскихъ армій въ югозападной Германіи и въ Швейцаріи, привели берлинскіе политическіе кружки положительно въ ужасъ. Сіейса отправили въ прусскую столицу, чтобъ успокоить по возможности опасенія Фридриха Вильгельма III и уговорить его къ союзу съ Франціей. Тѣмъ временемъ французская директорія, въ силу радикальныхъ своихъ принциповъ считавшая анахронизмомъ существованіе духовныхъ государствъ въ составѣ германской имперіи, замышляла окончательную ихъ секуляризацію, которая могла бы послужить также и вознагражденіемъ для свѣтскихъ государствъ. Какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи относились очень благопріятно къ такому разрѣшенію задачи. Съ другой стороны Бонапартъ, усматривая, что подобная мѣра послужитъ, по крайней мѣрѣ, къ временному объединенію общественнаго мнѣнія въ Германіи и отниметъ у Франціи всякій поводъ къ дальнѣйшему вмѣшательству въ германскія дѣла, заявилъ, еще въ бытность свою въ Италіи, что если бы не существовалъ тогдашній германскій государственный строй, то его слѣдовало бы создать уже въ интересахъ самой Франціи. Онъ растолковалъ также французскимъ уполномоченнымъ въ Раштаттѣ необходимость во что бы ни стало помѣшать полной секуляризаціи духовныхъ курфюршествъ.

Это было первое яблоко раздора, брошенное делегатамъ, собравшимся на конгрессъ. Австрія вскорѣ начала приходить къ убѣжденію, что Кампо-формійскій миръ былъ въ дѣйствительности только перемиріемъ и притомъ на очень короткій срокъ. Бонапартъ сформировалъ въ Италіи польскій легіонъ изъ 5.000 человѣкъ, который все еще оставался подъ ружьемъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Вѣнскому кабинету было извѣстно, что французскіе агенты стараются возбуждать недовольство и въ

Польшѣ, и въ Венгріи. Во время наступательнаго своего движенія къ Леобену итальянская армія вела себя примѣрно. Всѣ покушенія на грабежъ въ наслѣдственныхъ императорскихъ земляхъ строжайше наказывались, и Бонапартъ въ своихъ манифестахъ объявлялъ, что Франція воюетъ не съ народами, къ которымъ, напротивъ того, питаетъ наилучшія чувства, а единственно лишь съ государями, угнетающими эти народы. При такихъ условіяхъ даже и въ Каринтіи революціонная пропаганда имѣла нѣкоторый успѣхъ. Опасаясь присутствія республиканца среди удобовоспламеняемыхъ элементовъ австрійской столицы, Тугутъ благоразумно отказалъ Кларку въ разрѣшеніи прибыть въ Вѣну. Точно также австрійскій императоръ не пожелалъ при заключеніи мира отправить въ Парижъ дипломатическаго агента. Императору, очевидно, не хотѣлось допускать пребываніе въ Вѣнѣ французскаго посла и такимъ образомъ создавать въ своей столицѣ очагъ революціонной агитаціи, возникавшей всюду, куда республиканская Франція присылала свое посольство. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ были до чрезвычайности смущены внезапнымъ сообщеніемъ о томъ, что французская республика аккредитовала генерала Бернадотта посломъ при императорскомъ Дворѣ. Талейранъ поручилъ послу освѣдомиться, не благоугодно-ли будетъ императору согласиться на раздѣлъ Турціи, взамѣнъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ вознагражденій, на которыя онъ разсчитывалъ, а также разузнать, каково будетъ его мнѣніе относительно возстановленія Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ послу дана была инструкція предупредить со стороны Австріи всякое вмѣшательство въ пользу римскаго папы и требовать себѣ при императорскомъ Дворѣ такихъ же правъ и преимуществъ, какими пользовались въ прежнее время французскіе королевскіе послы. Съ другой стороны, въ интересахъ даже и наиболѣе радикальной группы фруктидорцевъ, ему слѣдовало дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Дѣйствительно, для Франціи было въ высшей степени необходимо ознакомиться съ закулисными пружинами вѣнскаго Двора, прежде чѣмъ возгорится новая война съ Австріей, особенно же если директорія пожелаетъ вести эту войну безъ геніальнаго своего полководца, изъ-подъ зависимости у котораго ей очень хотѣлось освободиться. Существуетъ предположеніе, будто Баррасъ, Сіейсъ, или же Талейранъ, подъучили Бернадотта довести дѣло до разрыва между Франціей и Австріей. На это не имѣется, однако, даже и тѣни доказательствъ. Къ тому же Бернадоттъ былъ въ то время еще грубымъ неотесаннымъ солдатомъ, а не такимъ ловкимъ дѣльцомъ, какимъ сталъ впослѣдствіи. Можно было заранѣе предвидѣть, что онъ потерпитъ полнѣйшее фіаско уже вслѣдствіе неумѣлости взяться за выполненіе возложенныхъ на него щекотливыхъ порученій. Руководясь данными ему инструкціями, Бернадоттъ дѣйствительно сразу же потребовалъ самымъ высокомѣрнымъ тономъ упраздненія въ Австріи всѣхъ бурбонскихъ орденовъ и предложилъ, чтобы вѣнскій Дворъ вычеркнулъ въ своемъ альманахѣ фамилію Бурбоновъ, значившуюся тамъ цар-

ствующей еще во Франціи. Ко всему этому Бернадоттъ до такой степени щеголялъ трехцвѣтнымъ флагомъ и республиканскими кокардами, что вызвалъ величайшее негодованіе у всѣхъ противниковъ революціи. Такой неосторожный образъ дѣйствій французскаго посла повелъ въ концѣ концовъ къ тому, что вѣнская чернь чуть не разнесла домъ посольства. Убѣдившись, что въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ относятся несочувственно къ проектамъ возстановленія Польши и раздѣла Турціи, Бернадоттъ просилъ, чтобы его отозвали, и вернулся въ Парижъ, доведя и въ самомъ дѣлѣ отношенія между Франціей и Австріей чуть не до открытаго разрыва. Прибывъ въ апрѣлѣ 1798 года, онъ, вскорѣ послѣ того, женился на невѣсткѣ Жозефа Бонапарта, Дезире Клари, успѣвшей уже утѣшиться послѣ смерти предшествовавшаго своего жениха, генерала Дюфо.

Тѣмъ временемъ Пруссія была фактически парализована. Сіейсу хотя и не удалось побудить берлинскій Дворъ къ союзу съ директоріей, но во всякомъ случаѣ онъ предотвратилъ присоединеніе Пруссіи къ числу враговъ Франціи. Берлинскому Двору обѣщали, что революціонная пропаганда въ Германіи будетъ прекращена. Взамѣнъ того Пруссія согласилась соблюдать по прежнему строжайшій нейтралитетъ и признать Цизальпинскую республику. Современные историки строго порицали это рѣшеніе берлинскаго кабинета, утверждая, будто Пруссія фактически предавала себя въ жертву Наполеону, дозволяя ему разгромить въ концѣ Австрію. Намекали даже, что прусскимъ государственнымъ дѣятелямъ слѣдовало бы глядѣть на цѣлый вѣкъ впередъ и заключить уже сто лѣтъ тому назадъ союзъ съ Савойскимъ домомъ, бывшимъ тогда единственною либеральной монархической династіей въ Европѣ. Само собой разумѣется, что при томъ положеніи вещей, какое существовало въ 1798 году, подобная политическая комбинація представлялась немыслимой.

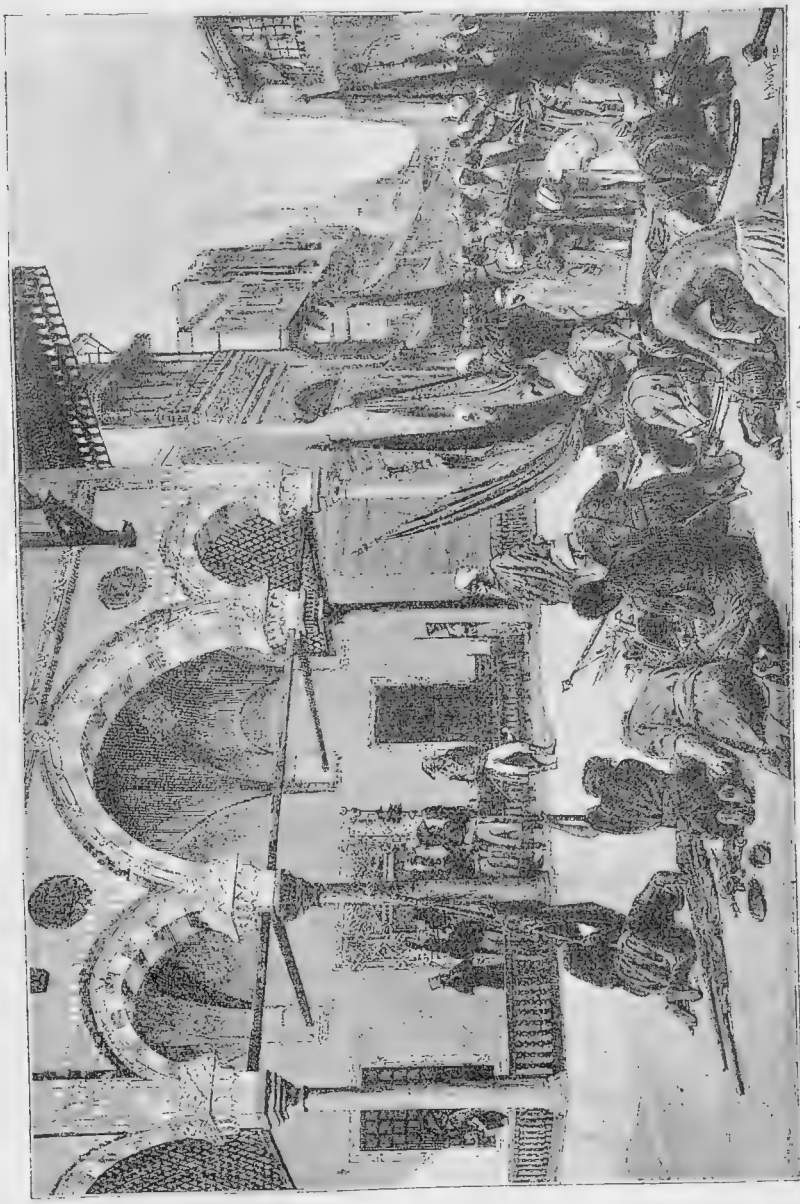
Итакъ, весною 1798 года все предвѣщало скорое наступленіе страшной бури, долженствовавшей разразиться противъ Франціи. Утверждаютъ, будто Бонапартъ умышленно подстроивалъ всю эту бурю и подготовилъ во всѣхъ подробностяхъ будущія событія. Если разсматривать каждую группу означенныхъ событій въ отдѣльности, то, съ точки зрѣнія довѣрчивыхъ почитателей Бонапарта, дѣйствительно, можетъ показаться, что она была результатомъ его интригъ. Принимая, однако, въ разсчетъ всю сложную совокупность событій, становится совершенно невѣроятнымъ, чтобъ даже такой человѣкъ, какъ Бонапартъ, могъ обладать демонической геніальностью, необходимой для выполненія подобной задачи. Несомнѣнно, что разразившаяся буря оказалась для Наполеона какъ нельзя болѣе полезной. Она съ торжествомъ вынесла его наверхъ, и онъ очень ловко воспользовался выгодами неустойчивсти европейскихъ учрежденій, подрытыхъ въ корнѣ революціонными вѣяніями и дышавшихъ, если можно такъ выразиться, уже на ладонъ. Чтобы дополнить картину Европы 1798 года, надо принять во вниманіе сорокатысячную армію Ожеро, стоявшую у подошвы Пиринейскихъ горъ. Ар-

мія эта находилась въ полной готовности перейти черезъ границу по первому сигналу и освободить Испанію отъ царствовавшихъ тамъ Бурбоновъ. Роль подобныхъ непрошенныхъ освободителей удавалась французамъ въ другихъ странахъ, но въ Испаніи они потерпѣли фіаско. Это объясняется отсутствіемъ на Пиринейскомъ полуостровѣ той подготовки, которая обусловливала успѣхъ революціонной пропаганды въ другихъ странахъ. Изумительное повѣствованіе о преобразованіяхъ и переворотахъ въ Италіи, а также въ западной и сѣверной Европѣ, могло бы показаться лживымъ вымысломъ, если бы не воспоминанія о предшествовавшемъ еще болѣе радикальномъ переворотѣ, произведенномъ въ тамошнемъ населеніи броженіемъ умовъ, характеризовавшимъ XVIII столѣтіе. Броженіе это почти не коснулось Испаніи, Россіи и восточной Европы. По этой-то причинѣ предположенія Бонапарта относительно возстановленія Польши и раздѣла Турціи не замедлили устранить рознь, существовавшую передъ тѣмъ между Россіей и Австріей. Обѣ упомянутыя державы были сравнительно въ слабой лишь степени затронуты современнымъ идеализмомъ и руководствовались единственно только династическими соображеніями. Всюду въ другихъ странахъ Наполеонъ обнаруживалъ словно волшебное могущество, въ Россіи же и въ Австріи оно утрачивало все свое обаяніе. Относительно культуры и интеллигенціи Англія оказывалась на сто лѣтъ впереди, Россія же и Австрія,—на сто лѣтъ позади Бонапарта. Очутившись между двумя противоположными силами невѣжества и просвѣщенія, онъ былъ раздавленъ ими, наконецъ, словно двумя жерновами: верхнимъ и нижнимъ.

Проектъ экспедиціи въ Египетъ.

Міровая соціальная жизнь въ широкомъ значеніи этого слова обусловливалась, какъ извѣстно, торговыми, идейными и религіозными сношеніями между Востокомъ и Западомъ. Кратчайшимъ путемъ для этихъ сношеній служили моря: Чермное и Средиземное. Египетъ занимаетъ господствующее положеніе на большой дорогѣ упомянутыхъ международныхъ сношеній. Со временъ Крестовыхъ походовъ Франція и Англія соперничали другъ съ другомъ изъ-за преобладающаго вліянія и господства въ странахъ, прилегающихъ къ означенной большой дорогѣ. Петръ Дю-Буа предлагалъ еще въ XIV столѣтіи Филиппу Красивому овладѣть Египтомъ. Лейбницъ пытался отвлечь Людовика XIV отъ Германіи, выставляя ему на видъ блестящія выгоды того же предпріятія. Въ 1738 году д'Аржансонъ совѣтовалъ прорыть Суезскій каналъ. Графъ Шуазель въ свою очередь тоже разработывалъ проектъ занятія Египта. Французская республика унаслѣдовала завоевательныя стремленія Филиппа Красиваго и Людовика XIV, хотя и въ нѣсколько иной формѣ. Бонапартъ, въ двойственной своей роли ученика Рейналя и замѣстителя революціи, былъ преисполненъ такими же идеями и стремленіями. Какъ уже упомянуто, онъ изучалъ въ молодости „Философскую и политическую исторію обѣихъ

Индій". Поэтому-то онъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ, еще до заключенія Кампо-формійскаго мира, назвалъ Европу горкой, насыпанной



Подчиненіе мамелюковъ Бонапарту (Съ картины Бурдена).

кротомъ, по сравненію съ Востокомъ, обладающимъ шестисотмилліоннымъ населеніемъ. У Рейналя и Плутарха онъ читалъ про Александра Македонскаго и съ юношескимъ увлеченіемъ востор-

гался примѣромъ этого великаго завоевателя. Оттуда же онъ почерпнулъ убѣжденіе, что городъ Александрія, подъ надлежащимъ управленіемъ, непремѣнно достигнетъ такого блестящаго развитія, при которомъ далеко оставитъ за собою Лондонъ, Парижъ, Константинополь и Римъ. Наполеонъ всегда оставался при этомъ мнѣніи, которое высказывалъ даже на островѣ Св. Елены, присовокупляя, что если бы его не остановили подъ Акрой, то онъ основалъ бы новую Восточную имперію. Не подлежитъ сомнѣнію, что, предпринимая экспедицію въ Египетъ, директорія отчасти руководилась политическими видами Бонапарта, но она являлась въ несравненно большей степени отраженіемъ охватившаго къ этому времени всю Францію инстинктивнаго сознанія, что настала уже какъ разъ пора овладѣть Египтомъ. Талейранъ обратилъ вниманіе французскаго Института на осуществимость такого предпріятія, а депеши французскаго консула въ Каирѣ, Магаллона, были полны указаній на способы и средства къ его осуществленію. Весной 1798 года всѣ приготовленія директоріи оказывались уже законченными. Подъ верховнымъ контролемъ Талейрана изготовили мотивированное ссылками на исторію оправданіе политической стороны предпріятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ было завершено въ Тулонѣ и другихъ портахъ снаряженіе судовъ, войскъ и матеріальной части для предполагавшейся экспедиціи.

Чтобы оправдать означенную экспедицію въ глазахъ султана и всей Европы, имѣлось въ виду заявить, что Египетъ фактически не принадлежалъ уже Турціи. Мамелюки, насильственно присвоившіе себѣ власть въ странѣ фараоновъ, держали эту страну въ позорномъ рабствѣ. Такимъ образомъ Франція, по обыкновенію, принимала на себя роль освободительницы. Надлежало позаботиться, однако, о томъ, чтобы Блистательная Порта убѣдилась такими доводами. Съ этою цѣлью всѣ недовольные элементы въ Оттоманской имперіи, гдѣ начинался уже процессъ разложенія, подвергались въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ тщательной подготовки со стороны самого Бонапарта и его агентовъ, прямо или косвенно подстрекавшихъ къ возстанію. Затѣмъ дано было понять великому визирю, что, вслучаѣ какой-либо попытки помѣшать освободительнымъ стремленіямъ Франціи въ долинѣ Нила, у него въ тылу вспыхнетъ серьезнѣйшій бунтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Порту поощряли отнестись къ французамъ, вслучаѣ ихъ вторженія въ Египетъ, какъ къ союзникамъ, готовымъ помочь подавленію возстанія на берегахъ Нила и Дуная. Бонапартъ рѣшился на крупную игру и, вѣроятно, разсчитывалъ, вслучаѣ успѣха, опереться на Турцію, какъ на союзницу противъ Россіи и Австріи, или же, по меньшей мѣрѣ, пріобрѣсти для Франціи соотвѣтственную долю наслѣдства „больного человѣка“. Иначе нельзя себѣ объяснить, какъ могъ онъ оставить Францію совершенно безпомощною противъ ея враговъ на материкѣ Европы,—какъ онъ рѣшился затратить всѣ сокровища, награбленныя въ Италіи и Швейцаріи, на приготовленія къ египетской экспедиціи, — какимъ образомъ лучшіе генералы и наиболѣе отличив-

шіеся въ бояхъ полки были назначены къ отправленію въ Египетъ въ то время, когда противъ Франціи, очевидно, собиралась въ Европѣ грозная буря. Лицомъ къ лицу съ этою бурей французское государственное казначейство оказывалось безъ денегъ. Изъ Италіи вывели всѣ лучшія войска, а имѣвшіеся еще обстрѣленные боевые полки изъ арміи Гоша и Моро разбросали на пространствѣ между Рейномъ и Пиринейскими горами. Собранная въ сѣверныхъ французскихъ департаментахъ армія, предназначавшаяся для экспедиціи противъ Англіи, была временно осуждена на бездѣйствіе. Предполагалось высадить ее въ Великобританіи, вслучаѣ, если удастся нанести англійскимъ интересамъ въ Леванѣ достаточно тяжкіе удары для того, чтобы Англія сочла необходимымъ принять серьезныя мѣры для ихъ огражденія и такимъ образомъ раздѣлить свой флотъ. Генералъ Бонапартъ, осмотрѣвъ въ февралѣ мѣсяцѣ берега Падекале и Ламанша, нашелъ слишкомъ рискованной попытку высадиться въ Англіи ввиду громадности собраннаго тамъ британскаго военнаго флота. Ему казалось, во всякомъ случаѣ, предпочтительнѣе затратить лѣто на снаряженіе въ Брестѣ достаточно сильной эскадры, подъ прикрытіемъ которой можно было бы осенью вторгнуться въ Ирландію. Тѣмъ не менѣе, въ связи съ египетской экспедиціей можно задать себѣ два вопроса, на которые біографія Наполеона не даетъ категорическаго отвѣта: Добровольно-ли принялъ Бонапартъ начальство надъ египетской экспедиціей, или же его принудила къ этому директорія? Каковы были истинныя намѣренія этого великаго искателя приключеній на случай, если, за время отсутствія лучшихъ его войскъ въ Африкѣ, возгорится на материкѣ Европы война, неизбѣжность которой онъ какъ нельзя лучше сознавалъ?

Обсуждая фактическія данныя, состоящія въ связи съ этими вопросами, надо заключить, что самъ Бонапартъ пришелъ къ убѣжденію въ невозможности открыто захватить себѣ въ данную минуту власть. Членомъ директоріи сдѣлаться было нельзя, такъ какъ на основаніи конституціи подобный постъ дозволялось занимать лишь по достиженіи сорокалѣтняго возраста. Онъ не рѣшился послѣдовать совѣтамъ Барраса и захватить хотя бы временно диктатуру въ свои руки. Дѣло въ томъ, что въ директоріи происходили иногда весьма бурныя засѣданія, на которыхъ выяснилось, что ея члены изъ якобинцевъ ни подъ какимъ видомъ не допустятъ осуществленія такого плана. Сцены, разыгрывавшіяся на этихъ засѣданіяхъ, держались нельзя сказать чтобы въ строжайшей тайнѣ. О нихъ говорили во всѣхъ парижскихъ кофейняхъ, вслѣдствіе чего столичная чернь начала подозрительно поглядывать на Бонапарта. Она пребывала во временномъ спокойствіи, которое въ данную минуту опасно было бы нарушить даже роялисту, задумавшему государственный переворотъ. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что среднее сословіе въ Парижѣ припоминало себѣ еще роль, которую игралъ Бонапартъ при усмиреніи возстанія парижскихъ секцій. Надо полагать, что для самого Бо-

напарта выяснилась необходимость внести нѣкоторыя измѣненія въ государственную французскую конституцію, прежде чѣмъ можно будетъ помышлять объ осуществленіи личныхъ честолюбивыхъ замысловъ, очевидно, принявшихъ у него уже къ тому времени опредѣленную форму. Въ письмѣ къ Талейрану, отъ 19 сентября 1797 года, Бонапартъ изложилъ то, что онъ называлъ полнымъ кодексомъ политическихъ своихъ воззрѣній. Загадочное поведеніе Наполеона и упомянутые таинственные намеки, высказанные въ рѣчи, произнесенной по случаю празднованія Кампо-формійскаго мира, если ихъ разсматривать въ связи съ этою программой, подтверждаютъ предположеніе, что Талейранъ, Баррасъ и Сіейсъ подготовляли тогда новую конституцію, которою имѣлось ввиду воспользоваться въ томъ случаѣ, если весенніе выборы приведутъ къ усиленію численности роялистовъ въ народномъ представительствѣ и вызовутъ рѣшительное столкновеніе между властями: исполнительной и законодательной. Въ означенномъ своемъ письмѣ къ Талейрану Бонапартъ отзывается о всѣхъ предшествовавшихъ французскихъ конституціяхъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и Сіейсъ. По его словамъ, самъ Монтескье, при всей своей талантливости, не создалъ ничего дѣйствительно солиднаго. Трудъ его представляется только стройнымъ систематическимъ изложеніемъ прочитаннаго и видѣннаго за время путешествій. Что касается до англичанъ, то у нихъ наблюдается величайшая путаница въ функціяхъ различныхъ государственныхъ властей. „Принимая во вниманіе историческій ходъ развитія, легко усмотрѣть причину, по которой палата общинъ обладаетъ исключительнымъ правомъ устанавливать государственные налоги. На какомъ основаніи, однако, та же палата оказывается уполномоченной объявлять войну и заключать миръ? Вообще, Великобританія представляетъ собою государство, вся конституція котораго сложена изъ разнообразнѣйшихъ привиллегій, такъ что производитъ впечатлѣніе, чернаго потолка съ золотымъ бордюромъ. Франція находится въ совершенно иныхъ условіяхъ: привиллегіи здѣсь отмѣнены, и вся власть непосредственно исходитъ отъ державнаго народа. Чего ради, при такихъ условіяхъ, законодательная власть во Франціи стала бы исключительно пользоваться правами, принадлежащими правительству во всей его совокупности? Между тѣмъ, всѣ французскія конституціи страдали за послѣднее время какъ разъ этимъ недостаткомъ,—говоритъ Бонапартъ и продолжаетъ:—верховная власть, какъ мнѣ кажется, должна быть естественно распредѣлена между двумя руководящими органами, одинъ изъ которыхъ, пользуясь верховнымъ правомъ контроля, не управляетъ самъ непосредственно. То, что мы называемъ теперь исполнительной властью, обязано было бы представлять на разсмотрѣніе этого органа наиболѣе существенныя мѣропріятія, касающіяся, если можно такъ выразиться, исполнительнаго законодательства. Такой законодательный органъ былъ бы въ дѣйствительности верховнымъ совѣтомъ націи. Онъ завѣдывалъ бы всѣми правительственными функціями, которыя возлагаются нашей конституціей на законодательныя собранія“. По мнѣнію Наполеона,

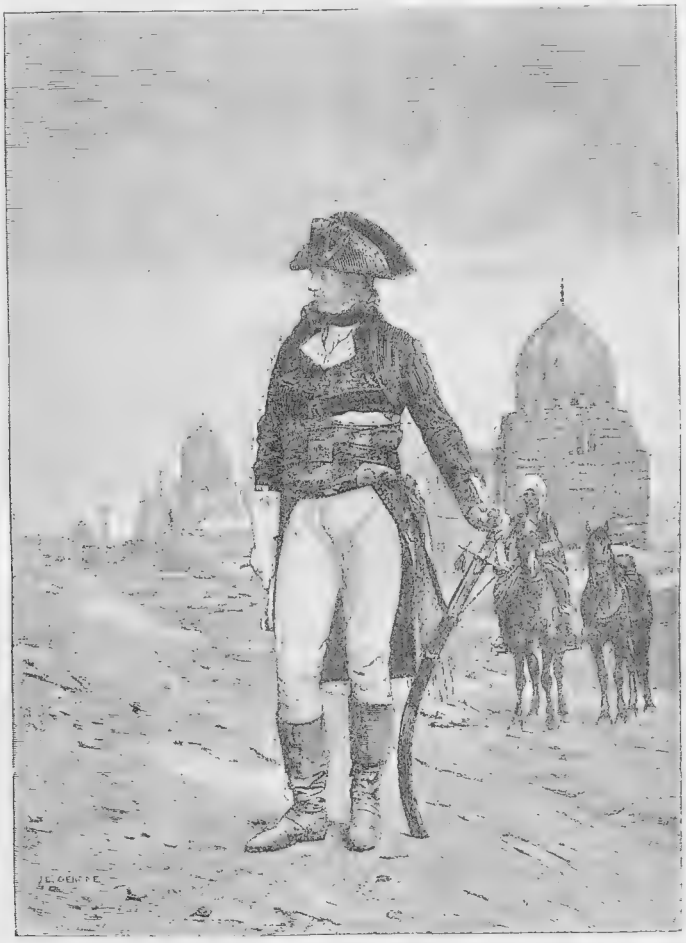
верховный законодательный совѣтъ долженъ быть достаточно многочисленнымъ и состоять исключительно изъ людей, съ отличіемъ занимавшихъ уже общественныя должности. Этотъ совѣтъ можетъ издавать органическіе законы и вводить въ нихъ надлежащія измѣненія, но дѣятельность эта не должна уподобляться печенію блиновъ, какъ въ настоящее время, когда самыя важныя мѣропріятія рѣшаются въ какіе-нибудь два или три дня. Необходимо, чтобы законопроекты обсуждались всесторонне въ продолженіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ. Подобная законодательная власть, занимающая въ республикѣ совершенно опредѣленное положеніе, при которомъ для нея устраняется возможность всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, можетъ относиться ко всему окружающему съ величественнымъ спокойствіемъ, не всматриваясь и не вслушиваясь въ суматоху, происходящую вокругъ. Она не станетъ заваливать насъ ежегодно цѣлыми тысячами новыхъ уставовъ и законоположеній, которыя, очевидной своей нелѣпостью подрываютъ себя сами и дѣлаютъ то, что французы, не смотря на имѣющійся у нихъ сводъ законовъ болѣе чѣмъ въ 300 томовъ, чувствуютъ себя тѣмъ не менѣе націей, не имѣющей надлежащихъ законовъ". Спрашивается, слѣдуетъ-ли объяснить эту выходку ребяческими увлеченіями идеалистической политики, которой дѣйствительно придерживались до тѣхъ поръ всѣ французскія законодательныя собранія, или же надо усмотрѣть въ ней намекъ на желательность, чтобы верховный законодательный совѣтъ проявлялъ полностью всю свою власть черезъ посредство какого-нибудь одного лица, облеченнаго исполнительною властью, напримѣръ, хотя бы черезъ посредство самого Бонапарта? Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ самый проектъ, хотя и существенно измѣненный, имѣлъ большое вліяніе на организацію государственныхъ имперскихъ учрежденій.

За отсутствіемъ достаточныхъ фактическихъ доказательствъ можно уяснить себѣ экспедицію въ Египетъ лишь съ помощью довольно сложныхъ соображеній. Самъ Наполеонъ, при отплытіи изъ Тулона, публично заявилъ, что экспедиція эта представляла собой правое крыло арміи, предназначенной дѣйствовать противъ Англіи. Въ тоже самое время она гармонировала съ старинной французской политикой и съ восточнымъ романтизмомъ, составлявшимъ выдающуюся черту темперамента у самого Бонапарта. Кромѣ того, она доставляла ему практически шансы выжидать съ честью для себя, чѣмъ именно разрѣшится положеніе дѣлъ въ Парижѣ. Самъ Бонапартъ въ бесѣдѣ съ Бурьеномъ сказалъ, что не знаетъ, когда именно наступитъ для него время вернуться туда: „черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или же черезъ шесть лѣтъ?" Фактически экспедиція въ Египетъ оказывалась какъ бы якоремъ, заброшеннымъ съ надвѣтренной стороны и съ помощью котораго можно было удержаться на высотѣ достигнутаго уже положенія. Посольство Бернадотта въ Вѣну привело къ тому, что австрійскіе уполномоченные на раштаттскомъ конгрессѣ отказались отъ предположенной уступки Франціи всего лѣваго берега Рейна. Очевидно, что въ Европѣ все шло къ составленію новой коаліціи противъ фран-

цузской республики. Наполеонъ объявлялъ Іосифу: „Я ѣду на Востокъ, обезпечивъ себя по возможности средствами къ достиженію успѣха. Если Франція будетъ во мнѣ нуждаться,—если число людей, думающихъ одинаково съ Талейраномъ, Сіейсомъ и Редереромъ возростетъ,—если возгорится война, въ которой Франція потерпитъ неудачу,—тогда я вернусь, болѣе чѣмъ теперь увѣренный, что на моей сторонѣ окажется общественное мнѣніе. Если же, напротивъ того, республика будетъ воевать успѣшно,—если у нея найдется генералъ, знающій толкъ въ политикѣ и способный сосредоточить на себѣ лично надежды французскаго народа,—ну, что жь! Въ такомъ случаѣ мнѣ все же, быть можетъ, удастся на Востокѣ оказать сравнительно еще большія услуги, чѣмъ онъ“.

Судя по всему, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, непосредственно предшествовавшихъ отплытію экспедиціи въ Египетъ, отношенія между Бонапартомъ и директоріей были до чрезвычайности натянутыми. Говорятъ, будто въ одномъ изъ засѣданій директоріи, когда зашла рѣчь объ угрожавшемъ внѣшне-политическомъ положеніи, Бонапартъ предложилъ свои услуги привести дѣло снова въ порядокъ. Онъ изъявилъ готовность вернуться въ Раштаттъ и дать производившимся тамъ переговорамъ надлежащее направленіе. Предложеніе это не было принято, такъ какъ директора рѣшили отправить Нефшато въ Раштаттъ, въ качествѣ уполномоченнаго. Бонапартъ по обыкновенію пригрозилъ выходомъ своимъ въ отставку. „Ну, такъ что же, подайте просьбу. Вотъ вамъ перо. Вамъ и въ самомъ дѣлѣ полезно будетъ отдохнуть“,—сказалъ Ревбель. Мерленъ выхватилъ, однако, перо изъ рукъ Ревбеля. Видя такое неуваженіе къ своему авторитету, взбѣшенный Бонапартъ вышелъ изъ комнаты, бормоча сквозь зубы: „Груша еще не созрѣла“. Непосредственно затѣмъ, въ частной бесѣдѣ съ Наполеономъ, Баррасъ сказалъ ему: „Повѣрьте доброму моему совѣту. Уѣзжайте какъ можно скорѣе изъ Франціи“. Понятно, что въ засѣданіяхъ директоріи, считавшей, что ей самой пришла на умъ такая блестящая политическая комбинація, какою казалось тогда косвенное нападеніе на Англію со стороны Востока, представлялся удобный случай къ постояннымъ столкновеніямъ съ Наполеономъ. Диктаторскія замашки побѣдоноснаго главнокомандующаго, который, по словамъ Талейрана, въ дѣйствительности самъ выработалъ эту комбинацію, но теперь находился въ перѣшимости относительно того, какимъ именно путемъ надлежитъ ее осуществить, такъ какъ геніальному его уму представлялись не одинъ и не два, а по крайней мѣрѣ, съ полдюжины различныхъ путей, должны были до чрезвычайности раздражать членовъ директоріи, смутно сознававшихъ, что Бонапартъ смотритъ на нихъ, какъ на какихъ-то маріонетокъ. Во всякомъ случаѣ судьба рѣшила, что экспедиція будетъ направлена въ Египетъ. Приготовленія къ ней велись въ такой тайнѣ, что даже французы до послѣдней минуты находились въ недоумѣніи относительно ея назначенія и численности войскъ, долженствующихъ принять въ ней участіе. Англія одно время была

до такой степени введена въ заблужденіе, что ея правительство чуть не сдѣлало пагубный промахъ. Она сосредоточила всѣ свои морскія силы въ Ламаншѣ, ограждая входъ въ Средиземное море лишь малочисленною эскадрой и не оставивъ на этомъ морѣ фактически никакихъ вооруженныхъ силъ.



Бонапартъ въ Каирѣ. (Съ картины Жерома).

Высадка въ Египетъ.

Тѣмъ временемъ въ Тулонѣ закончено было снаряженіе самаго многочисленнаго флота, какой Франція когда-либо имѣла на морѣ. Прикрытіемъ для четырехсотъ тяжело нагруженныхъ транспортовъ должны были служить пятнадцать линейныхъ кораблей, пятнадцать фрегатовъ, семь корветовъ и тридцать военныхъ судовъ

меньшихъ размѣровъ. Даже и посвященные въ дѣло немало изумились, узнавъ, что экспедиціонная армія будетъ состоять не изъ 25.000, какъ это первоначально предполагалось, а изъ 40,000 человѣкъ, являвшихся, такъ сказать, лучшимъ цвѣтомъ вооруженныхъ силъ республики. Изъ дивизіонныхъ генераловъ отправлялись въ Египетъ въ числѣ прочихъ: д'Илье, Вобуа, Дезе, Клеберъ, Мену, Ренье и Дюгуа; изъ бригадныхъ—Ланнъ, Даву, Мюратъ и Андреосси; изъ полковниковъ—Мармонъ, Жюно, Лефевръ-Депуеттъ и Бессьеръ. Величайшей новинкою была, однако, тщательно организованная и снаряженная комиссія изъ сотни, или даже болѣе, ученыхъ, предназначавшаяся, по революціонному французскому обычаю, для собиранія сокровищъ цивилизаціи древнихъ фараоновъ и Птоломеевъ, чтобы обогатить таковыми парижскія коллекціи. Комиссія эта обладала наилучшими въ то время научными средствами для производства изслѣдованій и открытій. Свѣдѣнія ея членовъ были во всякомъ случаѣ весьма почтенными, а взятая ею съ собой библіотека представляла собою странное смѣшеніе древнихъ классиковъ съ послѣдователями современнаго романтизма, средневѣковой схоластики съ новѣйшимъ атеизмомъ. Гомеръ и Виргилій стояли рядомъ, а съ Оссіаномъ и Тассо, „Элоиза“ Руссо—возлѣ „Страданій молодого Вертера“. Въ спискѣ книгъ политическаго содержанія значились: сочиненія Монтескье, Веды, Коранъ и Библія. Каролина Бонапартъ на прощанье подарила своему брату маленькую карманную библіотеку, въ которой, между прочимъ, находились: „Опыты“ Бекона, „Вліяніе страстей“ г-жи Сталь и „Философскія видѣнія“ Мерсье. Любопытные, которымъ довелось осматривать впослѣдствіи эти книги, убѣдились, что ихъ тщательно перечитывали и что на нѣкоторыхъ страницахъ сдѣланы были даже помѣтки. Въ часы досуга великій одинокій геній читалъ у Бенона, что человѣкъ, властвуя надъ другими, утрачиваетъ собственную свою свободу, — соглашался съ г-жею Сталь, какъ тяжело сохранять пріобрѣтенія, достигнутыя честолюбіемъ, и у Мерсье обращалъ особенное вниманіе на судьбы мечтателя, уроженца Востока, которому удалось временно прославить себя блестящими успѣхами, какъ-бы для того лишь, чтобы окончить затѣмъ свои дни въ изгнаніи и безславномъ забвеніи.

При всемъ томъ отплытіе египетской экспедиціи изъ Тулона, послѣдовавшее 19 мая 1798 года, являлось самымъ блестящимъ торжествомъ, какое приходилось до тѣхъ поръ переживать Бонапарту. Жозефина не производила уже болѣе впечатлѣнія вѣтреной креолки. Блестящіе успѣхи мужа и отвѣтственное положеніе, которое ей самой приходилось занимать за послѣдніе два года, превратили ее, повидимому, въ любящую и разсудительную супругу, нѣжно прощавшуюся теперь съ мужемъ. Передъ Бонапартомъ, послѣ сравнительно кратковременнаго перерыва, открывалась опять блестящая карьера. Онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ г-жѣ Ремюза, что въ минуту отплытія изъ Тулона думалъ, будто навсегда прощается съ Франціей. Умъ его былъ полонъ мечтами о восточномъ великолѣпіи,—грезами объ имперіи, раскинувшейся

на трехъ материкахъ,—о могуществѣ и власти, затмевавшихъ собою все, что могла представить западная Европа. Такія мечты и грезы опьяняютъ воображеніе и могутъ даже совершенно расшатать умы обыкновеннаго пошиба. Съ другой стороны, однако, при

Бонапартъ передъ Сфинксомъ.
(Съ картины Жерома).

всей фантастичности означенныхъ грезъ и мечтаній, нельзя отрицать, что нынѣшняя британская имперія является сама по себѣ фактическимъ ихъ осуществленіемъ. Армія Бонапарта, разсматриваемая въ массѣ, навряд-ли интересовалась идеальными, или вообще отдаленными результатами рискованной экспедиціи, въ ко-

торую отправлялась. Зато она какъ нельзя лучше поняла рѣчь, сказанную ей главнокомандующимъ передъ посадкой на суда. Напомнивъ о богатой добычѣ, пріобрѣтенной въ Италіи, Наполеонъ безъ дальнихъ обиняковъ обѣщалъ, что на этотъ разъ каждый солдатъ вернется на родину съ капиталомъ, достаточнымъ, чтобы купить три гектара пахатной земли. Матросы и солдаты въ одинаковой степени отнеслись съ восторгомъ къ призыву возстановить свободу на равнинахъ океана, подобно тому, какъ это было уже сдѣлано на равнинахъ Ломбардіи. Они смутно предусматривали уже слѣдовавшую затѣмъ прокламацію, объявленную лишь по выходѣ въ море. Тамъ имъ сообщалась уже конечная цѣль экспедиціи и предсказывался блестящій ея успѣхъ, если только они станутъ уважать женъ, имущество и вѣру мусульманъ.

Дѣйствительно, экспедиція, направившаяся прежде всего изъ Тулона въ Мальту, была весьма сангвинически настроена и не давала себѣ ни малѣйшаго отчета объ угрожавшихъ ей опасностяхъ.

Географическое положеніе острова Мальты дѣлаетъ его въ надлежащихъ рукахъ цитаделью Средиземнаго моря и оплотомъ христіанства противъ невѣрныхъ. Воинствующіе монахи, которымъ была ввѣрена ея защита, съ теченіемъ времени утратили прежнюю свою доблесть. Французскіе агенты, не жалѣя денегъ, тщательно подготовили тамъ первый успѣхъ экспедиціи Бонапарта. Мальтійскіе рыцари обнаружили такую робость передъ французскимъ главнокомандующимъ, что, показавъ лишь видъ будто намѣрены сопротивляться его требованіямъ, отворили безъ выстрѣла ворота своей почти неприступной крѣпости. Поспѣшно снабдивъ ее гарнизономъ и установивъ на островѣ Мальтѣ французскую администрацію, Бонапартъ отплылъ оттуда и, 30 іюня, весь его флотъ благополучно сталъ на якорь передъ Александріей. Почти безъ всякихъ потерь войска высадились на берегъ, а военнымъ судамъ поручено было крейсеровать по сосѣдству, съ тѣмъ чтобы уничтожить англійскую эскадру, если таковая появится въ виду.

Извѣстія о производившихся въ Тулонѣ колоссальныхъ приготовленіяхъ убѣдили, наконецъ, англійское адмиралтейство, что британскому преобладанію на Средиземномъ морѣ угрожаетъ серьезная опасность. Нельсонъ съ небольшой своею эскадрой заблаговременно отплылъ изъ Кадикса, такъ что прибылъ къ французскому прибрежью раньше выхода экспедиціоннаго флота изъ Тулона. Неожиданно разразившаяся буря заставила его покинуть наблюдательную свою позицію и укрыться за островомъ Сардиніей, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока не получилъ подкрѣпленія. Французскіе корабли были такъ загромождены войсками и различными припасами, что Нельсонъ съ своими немногочисленными, но удобоподвижными судами могъ бы нанести жестокое пораженіе громадному непріятельскому флоту, или даже разгромить его въ конецъ. Благодаря полученнымъ имъ тѣмъ временемъ подкрѣпленіямъ, онъ разсчитывалъ съ полной увѣренностью въ

успѣхъ преградить французамъ путь. Данныя ему инструкціи строжайше предписывали во что бы ни стало завязать сраженіе съ непріятелемъ и уничтожить его флотъ. Вернувшись въ Тулонъ, Нельсонъ убѣдился, что французы отъ него ускользнули и тотчасъ же направился со всей эскадрой къ Сициліи. Уяснивъ себѣ, нако-

Бонапартъ въ битвѣ при Пирамидахъ.
(Съ литографіи Беланжа).

нецъ, что цѣлью непріятельской экспедиціи служилъ, вѣроятно, Египетъ, онъ поспѣшно прошелъ южнѣе острова Крита и прибылъ къ Александріи, но къ величайшему своему разочарованію не нашелъ тамъ на рейдѣ ни одного французскаго судна. Думая, что какъ-нибудь ошибся въ своихъ разсчетахъ, Нельсонъ безъ всякаго промедленія отплылъ оттуда къ берегамъ Сиріи. Та-

кимъ образомъ, онъ, при всемъ желаніи встрѣтиться съ экспедиціей Бонапарта, разошелся съ нею въ пути. Французскій главнокомандующій, узнавъ невдалекѣ отъ острова Крита, что сильный англійскій флотъ пустился за нимъ въ погоню, пошелъ въ сѣверномъ направленіи черезъ Кандійское море, въ то время какъ Нельсонъ избралъ болѣе южный прямой путь. Такимъ образомъ счастье видимо благопріятствовало пока французской экспедиціи.

Обитатели большихъ египетскихъ городовъ далеко не отличаются воинственностью. Еще менѣе воинственной оказывается наиболѣе многочисленная часть населенія страны фараоновой, порабощенные, безправные земледѣльческіе рабочіе или феллахи. Сильнѣйшимъ ихъ оружіемъ является восточное равнодушіе, которое можно уподобить крѣпости, выстроенной изъ глины. Вмѣсто того, чтобы обрушиваться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, стѣны такой крѣпости безслѣдно поглощаютъ попавшіе въ нихъ снаряды. Александрія сдалась французамъ послѣ слабаго сопротивленія, не причинившаго имъ почти никакого вреда. Бонапартъ, имѣвшій всегда привычку говорить въ самомъ примирительномъ духѣ, издалъ къ народу прокламацію, которая и была переведена однимъ изъ французскихъ ученыхъ на туземный языкъ. Она отличалась краткостью и ясностью изложенія, но при всемъ томъ не произвела сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на умы. Египетъ находился тогда въ такомъ положеніи, подобнаго которому тщетно стали бы искать въ исторіи. Слѣдуя традиціямъ восточнаго деспотизма, Саладинъ вздумалъ организовать отрядъ тѣлохранителей, преданныхъ только ему одному и не связанныхъ никакими иными нравственными узами. Дѣти, купленныя въ Грузіи, или въ другихъ кавказскихъ странахъ, получали, подобно турецкимъ яныча-

Адмиралъ Брюей д'Эгалье.
(Съ портрета, находящагося въ Версальскомъ музеѣ).

рамъ, съ ранней молодости исключительно военное воспитаніе и впослѣдствіи, верхомъ на великолѣпнѣйшихъ арабскихъ лошадяхъ, составляли и въ самомъ дѣлѣ самую надежную часть его арміи. Съ теченіемъ времени этотъ отрядъ, набранный изъ храбрыхъ и сравнительно неглупыхъ людей, преобразовался въ военную касту, дѣлившуюся на 24 роты и не признававшую никакихъ властей, за исключеніемъ своихъ капитановъ, которые носили восточный титулъ беевъ. Подчиненные этихъ беевъ назывались у европейцевъ мамелюками и представляли собою нѣчто въ родѣ рыцарскаго сословія, управлявшаго съ деспотической властью страной фараоновъ Не ставя ни въ грошъ номинальную и верховную власти султана, они даже и не думали подчиняться его предписаніямъ. Бонапартъ въ первомъ отдѣлѣ своей прокламаціи изобразилъ всѣ дурныя стороны тиранніи мамелюковъ, а во второмъ отдѣлѣ, призывая народъ оказать содѣйствіе французамъ, являвшимся въ роли освободителей отъ этой тиранніи, увѣрялъ: „Мы, вѣдь, тоже истинные мусульмане! Не мы-ли уничтожили папу, проповѣдовавшаго войну съ мусульманами? Не мы-ли уничтожили мальтійскихъ рыцарей за то, что эти безумцы воображали себѣ, будто Богъ повелѣвалъ имъ воевать съ мусульманами? Трижды счастливы тѣ, кто на нашей сторонѣ! Они будутъ преуспѣвать въ своемъ благосостояніи и на своихъ мѣстахъ. Счастливы и остающіеся нейтральными. Имъ будетъ дано время понять насъ и присоединиться къ намъ. Но горе, трижды горе тѣмъ, кто возьмется за оружіе въ пользу мамелюковъ и вздумаетъ сражаться съ нами! Никакой надежды на спасеніе для нихъ не будетъ. Они осуждены на погибель!“ Контрастъ между этой прокламаціей и тѣмъ, что ея авторъ говорилъ въ Италіи о католической церкви, свидѣтельствуетъ о степени его чистосердечія въ обоихъ случаяхъ.

Лордъ Нельсонъ.
(Портретъ писанъ Фугеромъ въ Вѣнѣ 1800 г.).

Походъ въ Египетъ, изъ Александріи въ Каиръ, являлся для французскихъ солдатъ тяжкимъ испытаніемъ. Небо надъ ними казалось раскаленною печью; ноги вязли въ горячемъ пескѣ. Маленькіе конные партизанскіе отряды, неожиданно появлявшіеся изъза невысокихъ холмовъ, цѣпи которыхъ тянулись по обѣ стороны дороги, постоянно тревожили французовъ своими нападеніями. Съ фронта никто не рѣшался задерживать наступленіе арміи Бонапарта, кромѣ незначительныхъ отрядовъ полунагихъ феллаховъ, разбѣгавшихся при первыхъ же встрѣчахъ. Не смотря на это, 10 іюля, уже въ виду Нила, когда надо было ожидать, что главнѣйшія трудности уже побѣждены, главнокомандующій тщетно старался успокоить свои войска, и заставить умолкнуть возгласы ихъ негодованія и недовѣрія.

Три дня спустя, французы были аттакованы близъ Шебрекета авангардомъ мамелюковъ, подъ начальствомъ старшаго ихъ бея Мурада. Безпорядочныя нападенія превосходно вооруженной и роскошно снаряженной конницы мамелюковъ разбивались о сомкнутые ряды французскихъ ветерановъ, не производя на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Артиллерія Мурада тоже вынуждена была въ самомъ непродолжительномъ времени умолкнуть. Старыя ржавыя турецкія пушки хотя тщательно наводились на канонерскія лодки французовъ, подымавшіяся вверхъ по теченію, но не причиняли имъ почти никакого вреда. Непріятель вынужденъ былъ отступить и сосредоточилъ на этотъ разъ всѣ свои силы, чтобы дать французамъ отпоръ передъ Каиромъ, на укрѣпленной позиціи подъ Эмбабе. 21 іюля Бонапартъ, построивъ, какъ и прежде, свои войска въ каре по шести человѣкъ въ глубину, приказалъ имъ двигаться такъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь отступленія къ югу и останавливаться развѣ лишь на мгновенье, встрѣчая аттаку непріятельской конницы. „Солдаты! — вскричалъ Бонапартъ. — Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ вершинъ этихъ пирамидъ!“ Французы не встрѣтили въ этомъ бою сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія со стороны непріятеля. 5,000 всадниковъ и такое же число вооруженныхъ феллаховъ стояли за слабыми земляными укрѣпленіями. Мурадъ-бей съ своею конницей устремился съ отчаяннымъ мужествомъ на каре, подъ начальствомъ Дезе, но стальная стѣна штыковъ заставила его повернуть назадъ, чтобы столь же безуспѣшно разбиться о каре генераловъ Ренье и Дюгуа, встрѣчавшихъ его нападенія съ такимъ же хладнокровіемъ и спокойствіемъ. Другой вождь мамелюковъ, Ибрагимъ, отступалъ на западъ за рѣку Нилъ, а Мурадъ направился къ югу. Плохо обученная пѣхота мамелюковъ разсыпалась и бѣжала въ безпорядкѣ, какъ стадо испуганныхъ овецъ. Каиръ очутился въ рукахъ французовъ.

Такъ называемая битва при Пирамидахъ всегда будетъ пользоваться незаслуженной романтической славой. Она въ свое время привела къ сравнительно важнымъ результатамъ. Мысль о томъ, что Востокъ и Западъ сражаются другъ съ другомъ подъ тѣнью памятниковъ сѣдой древности, принадлежащихъ къ числу самыхъ старинныхъ, дошедшихъ до насъ произведеній цивилизованнаго

человѣческаго ума, привела въ восторгъ „великую націю“ и окружила новымъ блескомъ лавры Бонапарта въ воображеніи народа, обладающаго такимъ пристрастіемъ ко всему грандіозному. Между тѣмъ, французы потеряли въ бою при Пирамидахъ всего 30 человѣкъ убитыми и 120 ранеными. Въ дѣйствительности это была простая стычка, болѣе рѣшительная, чѣмъ подъ Шебрекетомъ и, пожалуй, болѣе кровопролитная, но, въ сущности, единственно только стычка.

Отправивъ генерала Дезе преслѣдовать Мурадъ-бея, Бонапартъ занялъ Каиръ, уладивъ тамъ все необходимое для обезпеченія правильной администраціи края и выступилъ оттуда съ значительными силами противъ Ибрагимъ-бея, который, вслѣдствіе этого, долженъ былъ покинуть Египетъ и удалиться въ сирійскую пустыню. Дивизія Клебера заняла къ тому времени Даміетту, такъ что все египетское прибрежье Средиземнаго моря оказалось въ рукахъ французовъ. Самъ Бонапартъ съ дивизіей Мену вернулся въ Каиръ.

Счастье, благопріятствовавшее до тѣхъ поръ египетской экспедиціи, неожиданно ей измѣнило. Англійскій адмиралъ Нельсонъ розыскалъ французскій флотъ, стоявшій на абукирскомъ рейдѣ и совершенно не ожидавшій непріятельскаго нападенія. Болѣе трети всего числа матросовъ находилась на берегу, а суда вытянулись въ одну линію, такъ какъ, по мнѣнію французскаго адмирала Брюейа, позицію ихъ нельзя было обойти. Англичане рискнули, однако, произвести такое обходное движеніе и послѣ тридцатичасового упорнаго боя уничтожили три четверти французскаго флота. Адмиралу Брюейю удалось, по крайней мѣрѣ, загладить славною смертью сдѣланный имъ промахъ. Необходимо замѣтить, что Бонапартъ, узнавъ о рѣшеніи адмирала остановиться на абукирскомъ рейдѣ и о занятой имъ тамъ позиціи, тотчасъ отправилъ своего адъютанта съ предписаніемъ, чтобы французскій флотъ отплылъ немедленно къ острову Корфу. Къ несчастью для французовъ, адъютантъ, который везъ это приказаніе, былъ убитъ по дорогѣ арабами. Контръ-адмиралъ Вильневъ, съ правымъ крыломъ французскаго флота, не имѣвшимъ возможности принять никакого участія въ сраженіи, благополучно ушелъ, не преслѣдуемый англичанами, суда которыхъ значительно пострадали во время боя.

Наполеонъ пользуется благопріятнымъ случаемъ.

Планъ завоеваній на Востокѣ не удается.—Абукиръ и бѣгство Бонапарта изъ Египта.—„Возвращеніе героя“.—Бонапартъ пользуется случаемъ.—Низверженіе конституціи.

Планъ завоеваній на Востокѣ не удается.

Узнавъ объ уничтоженіи великолѣпнаго флота адмирала Брюейа, которое отрѣзало ему самому путь отступленія изъ Египта, Бонапартъ объявилъ: „Въ такую именно минуту и выказываютъ себя въ

полномъ блескѣ крупные характеры". Въ другой разъ онъ воскликнулъ: „Англичане заставятъ насъ совершить болѣе великіе подвиги, чѣмъ мы первоначально предполагали". Вообще, то обстоятельство, что Бонапартъ очутился въ Египтѣ отрѣзаннымъ отъ цивилизованнаго міра не только не ослабило обычную его дѣятельность, но даже какъ будто ее удвоило. Онъ продолжалъ выставлять себя защитникомъ и возстановителемъ оттоманской власти, а потому, для поддержанія этой фикціи, полумѣсяцъ и трехцвѣтныя знамена развѣвались всюду рядомъ, а въ мечетяхъ предписывалось поминать на молитвѣ одновременно Францію и Турцію. Главнокомандующій и вся его армія выказывали величайшее уваженіе къ Корану и его предписаніямъ. Мену и многіе другіе генералы и офицеры открыто признавали себя послѣдователями Ислама. Чтобы смягчить опасенія, которыя могли бы возникнуть въ народѣ, рѣшено было на первое время сохранить всѣ существующія учрежденія, придавъ имъ только новую жизненную энергію. Предположенныя реформы должны были производиться по мѣрѣ того, какъ возрастающее умственное развитіе народныхъ массъ станетъ вызывать въ нихъ настоятельную потребность. Съ особеннымъ уваженіемъ предписывалось относиться къ мусульманскому браку и солдатамъ строго запрещались безнравственныя сношенія съ женщинами. Собственное поведеніе Бонапарта шло, однако, въ разрѣзъ съ этимъ запрещеніемъ. Въ перехваченномъ письмѣ Наполеона къ его брату Жозефу высказывается сомнѣніе въ вѣрности Жозефины, или, собственно говоря, полнѣйшее убѣжденіе въ ея невѣрности. Придя къ такому убѣжденію, самъ Наполеонъ пустился во всѣ тяжкія, такъ что его поведеніе вызывало скандалъ даже среди собственныхъ его приближенныхъ, не придававшихъ серьезнаго значенія нравственности въ отношеніяхъ между обоими полами. Въ бесѣдахъ съ туземцами Бонапартъ всегда говорилъ возвышеннымъ цвѣтистымъ слогомъ, приличествовавшимъ, по его мнѣнію, роли божественнаго посланца, которую онъ розыгрывалъ. Однажды, осматривая усыпальницу въ пирамидѣ Хеопса, Наполеонъ объявилъ сопровождавшему его муфтію, что искренно исповѣдуетъ Исламъ и произнесъ убѣжденнымъ тономъ формулу этого исповѣданія. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что онъ одинаково благосклонно относился ко всѣмъ элементамъ египетскаго населенія: къ туркамъ, коптамъ, грекамъ и арабамъ. Всѣмъ имъ предоставлена была соотвѣтственная доля участія въ мѣстномъ управленіи. Устроено было нѣсколько типографій. Французскіе ученые, до извѣстной степени смущенные и разочарованные сравнительною бѣдностью того, что было ими найдено, организовались въ Египетскій институтъ и принялись за изученіе всевозможныхъ улучшеній въ промышленности, земледѣліи и государственномъ хозяйствѣ. Армія тоже не была оставлена безъ вниманія. Взятые въ плѣнъ мамелюки и другая молодежь, пригодная къ военной службѣ, были зачислены въ французскіе баталіоны, гдѣ не замедлили пріобрѣсти надлежащій навыкъ къ военной дисциплинѣ. Даже кочующіе бедуины удостоились лестнаго вниманія побѣдителя и начали отно-

ситься все съ большимъ довѣріемъ къ его обѣщаніямъ. Образъ дѣйствій Наполеона Бонапарта вполнѣ согласовался съ его проектомъ произвести на Востокѣ религіозную и политическую революцію (долженствовавшія идти рука объ руку другъ съ другомъ). Имѣлось въ виду, пользуясь религіознымъ фанатизмомъ мусульманъ, побудить ихъ къ содѣйствію французамъ, уничтожившимъ яко бы уже христіанство въ Европѣ. Талейранъ обѣщалъ отправиться въ Константинополь, чтобы служить тамъ представителемъ той же идеи. Онъ не сдержалъ, однако, своего обѣщанія и остался въ Парижѣ. Политическій и религіозный глава Ислама, турецкій султанъ, равно какъ и вѣрующіе мусульмане, не были ни на минуту введены въ заблужденіе коварными заявленіями Бонапарта.

Зная какъ нельзя лучше, что мирныя предложенія встрѣчаютъ особенно благопріятный пріемъ въ самый разгаръ ожесточенной войны, Бонапартъ выказывалъ желѣзную свою руку въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась къ этому надобность. Такъ онъ съ безпощадною суровостью подавилъ вспыхнувшее было энергичное возстаніе. Домашній очагъ и семейная жизнь населенія оставались неприкосновенными, но за эту неприкосновенность пришлось платить что слѣдовало. Деньги и драгоцѣнности, гдѣ бы онѣ ни находились, немедленно же конфисковались въ пользу военной казны. Старинныя стѣны города Каира были разрушены, а вмѣсто нихъ выстроены кругомъ города отдѣльные форты ввидѣ башенъ. Малѣйшее сопротивленіе безотлагательно наказывалось и на всемъ протяженіи Египта, занятомъ французами, головы слетали съ плечъ такъ часто и аккуратно, что туземцы совершенно искренно начали признавать за Бонапартомъ титулъ эль Кибиръ (Возвышенный). Изолированное положеніе, длившееся все лѣто, осень и зиму, оказалось бы невыносимымъ безъ такихъ усиленныхъ занятій въ самомъ Египтѣ. За все это время получена была въ Египтѣ изъ Франціи всего одна только оффиціальная депеша, да и то самаго безсодержательнаго характера. Событія, происходившія въ Европѣ, оставались въ теченіи многихъ мѣсяцевъ совершенно неизвѣстными французской арміи, покинутой на произволъ судьбы, въ странѣ фараоновъ. Характернымъ доказательствомъ настроенія, существовавшаго тогда въ Парижѣ, является тотъ фактъ, что сдѣланы были всего лишь двѣ попытки переслать въ Египетъ какія-либо извѣстія. Директоріи не удалось привлечь султана на свою сторону. Письмо отъ самого Бонапарта получено было повелителемъ правовѣрныхъ слишкомъ уже поздно для того, чтобы повліять на его рѣшеніе. При первомъ же извѣстіи о морской побѣдѣ, одержанной Нельсономъ, султанъ пересталъ колебаться и тотчасъ же согласился заключить предложенный ему Россіей союзъ. Единственныя достовѣрныя свѣдѣнія изъ Европы, достигшія до Каира, содержались въ тюкѣ итальянскихъ газетъ, привезенныхъ въ Александрію итальянскимъ судномъ, прорвавшимся черезъ линію блокады. Изъ этихъ газетъ выяснилось, что вторженіе въ Ирландію не удалось вслѣдствіе недоразумѣнія между директоріей и тайнымъ обществомъ соединенныхъ ирландцевъ; что острова Мальта и Корфу на-

ходятся въ блокадѣ,—испанскій флотъ пребываетъ въ многозначительномъ бездѣйствіи, а вся Европа вооружается для возобновленія военныхъ дѣйствій весною въ будущемъ году. Бонапартъ съ своей стороны не щадилъ никакихъ усилій, чтобы доставлять о себѣ извѣстія въ Парижъ. Нѣкоторые изъ многочисленныхъ его депешъ несомнѣнно достигли мѣста назначенія, но сильно запаздывали, такъ какъ по необходимости шли окольными путями. Впрочемъ, самый фактъ затруднительности сообщеній съ Египтомъ въ значительной степени содѣйствовалъ тому, чтобы окружить во Франціи имя Наполеона романическимъ ореоломъ и помогъ созданію легенды блестящихъ подвиговъ французскаго оружія при завоеваніи страны фараоновъ. Легенда эта, очень укоренившаяся въ воображеніи французовъ, до сихъ поръ сохранилась почти полностью.

Директорія съ каждымъ днемъ все больше доказывала свою неспособность бороться съ негодующей Европой, единодушно возставшей противъ революціонныхъ ея посягательствъ. При такихъ обстоятельствахъ слава, которою будто бы покрывали себя французскія войска въ Египтѣ, сіяла тѣмъ болѣе яркимъ блескомъ, стушевывавшимъ послѣдніе остатки подозрѣнія, которые могли бы еще сохраниться въ народномъ сознаніи касательно истинныхъ намѣреній отсутствовавшаго побѣдителя. Настоящая побѣдоносная республика оказывалась за моремъ, поддѣльная же—пребывала въ Парижѣ и заставляла Францію претерпѣвать самыя горькія униженія.

Въ началѣ декабря мѣсяца ходили во Франціи тревожные слухи о смерти Бонапарта, вымышленные, какъ увѣряютъ, англійскими и русскими агентами. Въ самый разгаръ ихъ распространенія они были, однако, опровергнуты полученнымъ прямо съ театра войны египетскимъ бюджетомъ, помѣченнымъ 7 октября. Въ приложенной къ этому бюджету пояснительной запискѣ изображалось самыми яркими красками блестящее положеніе новоприобрѣтенной колоніи, но существеннѣйшей частью депеши Бонапарта являлось требованіе побудить испанскаго адмирала къ надлежащей дѣятельности, выслать на присоединеніе къ нему изъ Бреста французскій флотъ, побить англичанъ и возстановить такимъ образомъ престижъ французскаго оружія на Востокѣ. О самомъ себѣ Бонапартъ писалъ, что вернется, по всѣмъ вѣроятіямъ, весною, въ случаѣ если въ Европѣ возгорится опять война. Тѣмъ временемъ неаполитанцы двинулись на Римъ. Это обстоятельство побудило членовъ директоріи, чувствовавшихъ, что почва у нихъ колеблется подъ ногами, сообразоваться съ совѣтами истиннаго ихъ властелина, хотя они и держали въ секретѣ полученіе этихъ совѣтовъ.

Египетская армія Бонапарта, отдохнувъ и пополнивъ свои ряды, изготовилась въ февралѣ мѣсяцѣ къ наступательному движенію въ Сирію. Наполеонъ разсчитывалъ, что вниманіе англичанъ будетъ отвлечено къ этому времени появленіемъ на Средиземномъ морѣ соединеннаго франко-испанскаго флота. Къ тому

же у него имѣлись свѣдѣнія, что турки, подъ начальствомъ Джеззара-паши, собираются въ Сиріи, и онъ хотѣлъ предупредить вторженіе оттоманской арміи въ Египетъ. Клеберъ съ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ, разсѣявъ конный отрядъ изъ 800 мамелюковъ, отступившій по направленію къ Раманіэ, двинулся впередъ на нѣсколько переходовъ и дошелъ до Эль-Ариша, который и былъ тотчасъ же осажденъ французами. Бонапартъ, пробывъ въ Египтѣ еще нѣсколько дней и узнавъ, что раштаттскій конгрессъ продолжаетъ еще свои засѣданія, такъ что война, не смотря на всю свою неизбѣжность, еще не начиналась, пріѣхалъ 17 февраля 1799 года къ арміи. Три дня спустя турецкій гарнизонъ, состоявшій преимущественно изъ добровольцевъ, положилъ оружіе. Плѣнниковъ освободили, взявъ съ нихъ клятву не сражаться болѣе съ французами, и приказали имъ идти въ Дамаскъ. Другой укрѣпленный городъ, Газа, сдался послѣ непродолжительной ружейной перестрѣлки, причемъ французамъ достались большіе заготовленные тамъ военные запасы. Къ 4 марта войска Наполеона были уже подъ Яффой, занятой четырехтысячнымъ отрядомъ изъ арміи Джеззара-паши. Послѣ трехдневнаго бомбардированія въ городскихъ стѣнахъ пробита была брешь и 2000 турецкихъ войскъ, укрывшихся въ каравансараѣ, сдались подъ условіемъ, что побѣдители оставятъ имъ жизнь. Остальные были перебиты въ страшной рѣзнѣ, послѣдовавшей за штурмомъ. Ни одна изъ французскихъ побѣдъ не ознаменовалась такою разнузданностью, какой запятнали себя побѣдоносныя войска при взятіи Яффы. То, что послѣдовало затѣмъ, оказалось, однако, еще худшимъ. Плѣнныхъ было слишкомъ много, для того чтобы обходиться съ ними общепринятымъ образомъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней французы соблюдали по отношенію къ плѣннымъ условія капитуляціи, но 17 февраля военный совѣтъ единодушно высказался за примѣненіе стариннаго правила, по которому, въ случаѣ штурма, защитники крѣпости не вправѣ разсчитывать на пощаду. Бонапартъ колебался въ продолженіи цѣлыхъ трехъ дней, но 20 числа утвердилъ это рѣшеніе. Немногіе египтяне были отправлены на родину, остальныхъ же плѣнныхъ, вмѣстѣ съ восьмью стами ополченцевъ изъ Эль-Ариша, разстрѣляли на морскомъ прибрежьѣ. Въ донесеніи къ директоріи число умерщвленныхъ такимъ образомъ плѣнныхъ показано въ 1200 человѣкъ, но одинъ изъ очевидцевъ утверждаетъ, будто оно равнялось 3000, а другой — даже 4000. „Мнѣ пришлось строго поступить съ нѣкоторыми вашими воинами, нарушившими военные законы“, — писалъ Джеззару-пашѣ Наполеонъ. Въ другихъ тогдашнихъ своихъ письмахъ Бонапартъ не приводилъ никакихъ извиненій своему поступку и даже не упоминаетъ о немъ. Въ продолженіи цѣлой зимы онъ поступалъ съ жителями Востока по восточному и теперь продолжалъ только дѣйствовать въ томъ же духѣ. Кодексъ христіанской нравственности былъ совершенно чуждъ его душѣ. Такъ, напримѣръ, въ январѣ мѣсяцѣ онъ предписалъ Мюрату, по одержаніи побѣды, надъ враж-

дебнымъ племенемъ, занимавшимъ одинъ изъ оазисовъ въ пустынѣ, умертвить всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ нельзя увезти съ собою. Совершенно такія же приказанія отданы были въ томъ же мѣсяцѣ Бертье по отношенію къ другому враждебному племени. Защитники Наполеона и нѣкоторые изъ новѣйшихъ военныхъ писателей извиняютъ яффское массовое убійство тѣмъ, что въ числѣ разстрѣлянныхъ плѣнныхъ находился также и прежній гарнизонъ Эль-Ариша, который, по военнымъ законамъ, несомнѣнно заслуживалъ смертной казни за нарушеніе принятаго имъ на себя обязательства не сражаться съ французами. У турокъ не было къ тому же французскихъ плѣнныхъ, а потому размѣнъ представлялся немыслимымъ. Между тѣмъ кормить плѣнниковъ было нечѣмъ и присутствіе ихъ въ арміи могло бы только помѣшать дальнѣйшимъ ея успѣхамъ, а поэтому для Наполеона не оставалось будто бы иного выбора, какъ ослабить оборонительныя силы врага упомянутымъ уже массовымъ избіеніемъ. Тѣ, кто считаютъ, что война, будь она справедлива или нѣтъ, оправдываетъ всяческое варварство, способное привести къ быстрому одержанію побѣды, могутъ признать такой образъ мыслей совершенно правильнымъ.

Бонапартъ предвидѣлъ, что встрѣтитъ самое сильное сопротивленіе передъ Сенъ-Жанъ д'Акрой, столицей паши, расположенной на морскомъ берегу, а не въ сторонѣ отъ моря, какъ прочіе сирійскіе города, которыми такъ легко удалось овладѣть. Онъ запасся поэтому осаднымъ паркомъ, который и былъ отправленъ къ берегамъ Сиріи морскимъ путемъ изъ Александріи. Сэръ Сидней Смитъ, командовавшій англійскою эскадрой въ этихъ водахъ, стоялъ на акрскомъ рейдѣ въ то время, когда французская армія прибыла къ берегу. Англійскій адмиралъ началъ было ее обстрѣливать, но съ первыхъ же выстрѣловъ убѣдился, что у французовъ не имѣется при себѣ орудій большого калибра. Справедливо заключивъ отсюда, что они отправили осадную свою артиллерію моремъ, онъ тотчасъ же вышелъ на поиски и дѣйствительно перехватилъ французскіе транспорты. Французскій эмигрантъ Фелиппо, выпущенный изъ парижской военной школы всего лишь двумя днями раньше Бонапарта, посланъ былъ Смитомъ въ Акру завѣдывать обороной этого города, куда доставлены были пушки, предназначавшіяся для бомбардированія его укрѣпленій. При такихъ обстоятельствахъ осада Акры становилась такою трудной задачей, съ какою французамъ до тѣхъ поръ еще не доводилось встрѣчаться. Опираясь на поддержку англійскаго флота, обезпечивавшую обильное снабженіе продовольственными и боевыми припасами, этотъ укрѣпленный городъ могъ бы упорно обороняться даже противъ непріятеля, обладавшаго осадной артиллеріей. Въ данномъ случаѣ, когда такой артиллеріи не было, слѣдовало ожидать, что оборона окажется вполнѣ успѣшной. И дѣйствительно, подъ древними готическими стѣнами города, принадлежавшаго когда-то французамъ-крестоносцамъ, разсѣялись всѣ мечты Бонапарта основать имперію на Востокѣ. 19-го

марта онъ принялся осаждать городъ, разсчитывая единственно только на свою звѣзду. Несмотря на неблагопріятныя условія для аттаки, черезъ девять дней произведенъ былъ въ городской стѣнѣ обвалъ помощью мины, но туркамъ удалось отбить произведенный французами штурмъ. День слѣдовалъ за днемъ, безъ всякихъ существенныхъ инцидентовъ, пока на третьей недѣлѣ осады не получено было извѣстіе о приближеніи изъ Дамаска двадцатипятитысячной арміи подъ начальствомъ Абдуллаха-паши. Клеберъ двинулся ей на встрѣчу и подъ Назаретомъ произошла первая стычка между авангардами. Въ продолженіи восьми часовъ Жюно, съ нѣсколькими стами человѣкъ, непоколебимо выдерживалъ натискъ непріятеля, который въ десять разъ превосходилъ его численностью. Съ прибытіемъ къ Жюно на выручку всей дивизіи Клебера на сторонѣ турокъ остался прежній численный перевѣсъ, такъ какъ на поле сраженія явилась вся ихъ армія. За то и самъ Бонапартъ былъ уже невдалекѣ. Оставивъ подъ Акрой достаточныя силы, для того, чтобъ въ городѣ не могли узнать о выступленіи большей части французскихъ войскъ изъ лагеря, онъ поспѣшно двинулся на помощь Клеберу и, совершивъ усиленный переходъ, прибылъ 16-го апрѣля на Эздрелонскую равнину. Вдали у подошвы Ѳаворской горы виднѣлось облако пыли и дыма, среди котораго дивизія Клебера, казалось, совершенно исчезала въ облегавшихъ ее со всѣхъ сторонъ густыхъ массахъ непріятеля. Направивъ великолѣпную французскую кавалерію на фланги турецкихъ войскъ, главнокомандующій съ своей пѣхотой внезапно ударилъ

Жанъ-Баптистъ Клеберъ.
(Съ картины Герена въ Версальскомъ музеѣ).

на непріятеля съ тыла, пользуясь песчанымъ вихремъ, дувшимъ прямо въ глаза туркамъ, которые вслѣдствіе того и не могли замѣтить его приближенія. При такихъ обстоятельствахъ турецкая армія была разбита на голову и въ совершенномъ безпорядкѣ бѣжала въ горныя ущелья.

Одержавъ эту побѣду, Бонапартъ вернулся въ лагерь подъ Акрой и снова принялся осаждать этотъ городъ. Ему рѣдко случалось обнаруживать такую энергическую стойкую рѣшимость довести дѣло до конца. Не подлежало сомнѣнію, что у него имѣлись на это достаточныя причины. Къ нему прибылъ отъ директоріи другой посланецъ, сравнительно прямымъ путемъ изъ Генуи, съ депешами и газетами отъ февраля мѣсяца. Бонапартъ узналъ такимъ образомъ, что двое австрійскихъ генераловъ, Макъ и Саксенъ, стали во главѣ неаполитанской арміи и собирались идти на Римъ. Одна изъ австрійскихъ дивизій фактически начала уже враждебныя дѣйствія, вступивъ въ Граубюнденъ и такимъ образомъ нарушивъ нейтралитетъ союзной съ Франціей швейцарской республики. Между Россіей, Турціей и Австріей заключенъ былъ союзъ, по которому Россія обязалась послать свои войска на защиту турецкой столицы и пособить завоеванію Италіи австрійцами. Французы въ свою очередь выставили въ поле двѣ новыхъ арміи. Единственный первоклассный французскій полководецъ Моро подозрѣвался въ соучастничествѣ съ Пишегрю, и потому не былъ назначенъ главнокомандующимъ, а получилъ лишь разрѣшеніе состоять при итальянской арміи добровольцемъ. Журданъ, доказавшій, въ качествѣ члена Совѣта Пятисотъ, искренность демократическихъ своихъ воззрѣній, вошелъ благодаря этому опять въ милость и командовалъ арміей на Дунаѣ. Мѣсто Бонапарта въ Италіи долженъ былъ заступить Жуберъ. Что касается до самого Наполеона, то его не стѣсняли никакими инструкціями. Директорія представляла на собственное его благоусмотрѣніе три способа дѣйствій. Онъ могъ или остаться въ Египтѣ, чтобъ завершить организацію этой колоніи, или же двинуться въ Индію, дабы низвергнуть тамъ англійское владычество, или же, наконецъ, идти прямо въ Константинополь и ударить на русскихъ. Тонъ правительственныхъ депешъ свидѣтельствовалъ, что члены директоріи были не на шутку встревожены и озабочены.

Акра съ древнѣйшихъ уже временъ считалась ключемъ Палестины. Взявъ ее, Бонапартъ становился владыкой собственныхъ своихъ и міровыхъ судебъ. Владѣя Палестиной, Индіей и Египтомъ, онъ осуществлялъ свою мечту о монархіи, раскинувшейся на трехъ материкахъ Стараго Свѣта. Во всякомъ случаѣ онъ могъ бы тогда вернуться въ Парижъ, увѣнчанный лаврами, невиданными со временъ крестовыхъ походовъ, и завершить волшебное зданіе военнаго своего владычества надъ Франціей и всей Европой. До конца своихъ дней Наполеонъ думалъ, или дѣлалъ видъ будто думаетъ, что измѣнилъ бы ходъ міровыхъ событій, избравъ себѣ цѣлью завоеваніе Индіи Можно назвать его сооб-

раженія, какъ угодно, фантастическими мечтами или грезами, но не подлежитъ сомнѣнію, что они сами по себѣ были, при тогдашнихъ условіяхъ, осуществимыми. Представляется только неправдоподобнымъ, чтобы утрата Индіи повлекла за собой разгромъ Англіи. Великобританія была и до завоеванія Индіи могущественнымъ государствомъ, а потому могла бы пережить потерю своей Индійской имперіи, хотя эта утрата несомнѣнно оказалась бы для нея тяжкимъ ударомъ. Въ данную минуту паденіе Акры являлось, по всѣмъ вѣроятіямъ, Бонапарту необходимымъ предварительнымъ условіемъ для выполненія любого изъ многоразличныхъ задуманныхъ имъ плановъ.

Осада Акры шла, однако, неудачно. Первый штурмъ, произведенный, какъ уже упомянуто, въ мартѣ мѣсяцѣ, былъ отбитъ, не смотря на отчаянное мужество, выказанное французскими войсками. Извѣстно было, что изъ Константинополя идетъ въ Акру флотъ съ значительными подкрѣпленіями и большими продовольственными запасами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фелиппо возвелъ внутри крѣпостной ограды рядъ новыхъ укрѣпленій и устроилъ на улицахъ баррикады. Французы, въ свою очередь, подвезли тѣмъ временемъ изъ Яффы нѣсколько орудій большого калибра и приготовились къ энергическому продолженію осады. Имъ вскорѣ удалось пробить новую брешь и нѣсколько удальцовъ, ворвавшись сквозь нее, овладѣли башней, которая командовала внѣшними укрѣпленіями и куртиной. Штурмъ былъ, однако, отраженъ. Французы, засѣвшіе въ башнѣ, держались въ ней цѣлыхъ два дня, подъ конецъ были перебиты. Это привело французскую армію въ величайшее негодованіе. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль мая мѣсяца приступы слѣдовали почти безпрерывно одинъ за другимъ. Отчаянный бой постоянно кипѣлъ то на брешахъ, то на баррикадахъ и въ городскихъ улицахъ, въ которыя французамъ удавалось проникнуть раза два. Каждый разъ происходило страшное кровопролитіе, но ни одна сторона не уступала. Вскорѣ во французскомъ лагерѣ появилась чума. Лазареты, устроенные въ Яффѣ и другихъ мѣстностяхъ, переполнились больными и умирающими.

Дивизія Клебера вызвана была 7-го мая для нанесенія рѣшительнаго удара. Подъ двойнымъ огнемъ артиллеріи англійскаго флота и крѣпостныхъ орудій французскія войска устремились на штурмъ и овладѣли не только первой, но и второй линіей укрѣпленій. Выказанное ими геройское мужество оказалось, однако, тщетнымъ. Изъ бойницъ, продѣланныхъ въ каждомъ домѣ, ихъ осыпали цѣлымъ градомъ пуль. Колонны, ворвавшіяся въ городъ, почти достигнувъ уже цѣли, вынуждены были отступить съ страшнымъ урономъ. Три дня спустя вторая столь же отчаянная попытка оказалась столь же безуспѣшной. Вообще осада Акры длилась шестьдесятъ два дня. Французы за это время ходили сорокъ разъ на приступъ, а гарнизонъ произвелъ двадцать шесть вылазокъ. Наполеонъ принесъ подъ Акрой въ жертву своему честолюбію 4.000 солдатъ и четырехъ отличныхъ генераловъ изъ великолѣпной своей арміи.

Дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что въ Акру благополучно прибылъ флотъ съ подкрѣпленіемъ изъ Константинополя. Одновременно получено было извѣстіе, что на островѣ Родосѣ собирается турецкая армія, предназначавшаяся для вторженія въ Египетъ. При такихъ обстоятельствахъ Бонапарту по невѣжлѣ приходилось отступить. Осада Акры была снята 17-го, а отступленіе началось 20-го мая. Въ Яффѣ Бонапартъ прошелъ по лазаретнымъ палатамъ, громко объявляя: „Черезъ нѣсколько часовъ придутъ сюда турки. Кто чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, пусть встанетъ и слѣдуетъ за нами!“

Въ качествѣ человѣка, вѣровавшаго единственно только въ науку, Бонапартъ считалъ самоубійство дѣломъ вполнѣ законнымъ. На этотъ разъ онъ совершенно хладнокровно далъ старшему врачу арміи совѣтъ умертвить больныхъ, намекнувъ ему, что зачумленныхъ все-таки придется покинуть на жертву туркамъ, а между тѣмъ страданія этихъ несчастливцевъ могли бы прекратиться разомъ, если бы каждому изъ нихъ прописать порядочную дозу опіума. Долгое время полагали, что подобная доза была и въ самомъ дѣлѣ дана шестидесяти, или даже большему числу больныхъ, но ложность этого предположенія удостовѣряется тѣмъ, что они были еще въ живыхъ при вступленіи сэра Сиднея Смита въ Яффу. Наполеонъ всегда держался того мнѣнія, что старшій врачъ сдѣлалъ бы доброе дѣло, отравивъ безнадежно больныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрялъ, будто никогда не подавалъ такого совѣта, а въ бытность свою на островѣ Св. Елены говорилъ даже, будто промедлилъ цѣлыхъ три дня отступленіемъ единственно для того, чтобы защитить умирающихъ. Впослѣдствіи онъ съ циническимъ добродушіемъ разсказывалъ самъ, какъ благородный французскій врачъ Деженетъ (который, несмотря на собственное свое убѣжденіе въ заразительности чумы, сдѣлалъ себѣ прививку чумнаго яда, чтобы ослабить панику, начинавшуюся уже между солдатами) отклонилъ поданный ему совѣтъ, возразивъ, что на обязанности врача спасать людей, а не убивать ихъ.

Послѣ девятидневнаго похода по раскаленнымъ пескамъ утомленныя до крайности французскія войска прибыли въ Каиръ. Войска эти обладали такой несравненной энергіей и бодростью духа, что черезъ нѣсколько дней, благодаря отдыху и надлежащей пищѣ, они вполнѣ возстановили свои силы и оказались совершенно свѣжими.

Еще изумительнѣе надо признать тотъ фактъ, что они вскорѣ увѣрили себя, будто и въ самомъ дѣлѣ вернулись, одержавъ надъ врагомъ полную побѣду. Главнокомандующій съумѣлъ убѣдить солдатъ, что если бы этому не помѣшали страшныя жары, свирѣпствовавшія въ Сиріи и благопріятствовавшія развитію чумы и если бы ихъ тылу не угрожала армія, собиравшаяся на островѣ Родосѣ, чтобы ударить на Египетъ,—то они сравняли бы съ землей стѣны города Акры и разрушили бы дворецъ Джеззара-паши Они и теперь возвращались, впрочемъ, съ добычей и отбитыми у турокъ трофеями, долженствовавшими утвердить владычество Франціи надъ сердцами египтянъ. Легкомысленные сангвиники солдаты,

которымъ не хотѣлось и самимъ признавать себя побѣжденными, сперва лишь наполовину вѣрили въ справедливость этихъ заявленій, а вскорѣ затѣмъ пришли къ непоколебимому убѣжденію, что высказанныя Бонапартомъ предположенія являлись несомнѣнными фактами. Бертье дано было приказаніе обставить дѣло такъ, чтобы посланный впередъ генералъ Бойе могъ сообщить съ надлежащей торжественностью туземнымъ властямъ въ Каирѣ о предстоящемъ возвращеніи побѣдоносной французской арміи. Немногихъ сановныхъ плѣнниковъ, жизнь которыхъ была пощажена, а также отбитые у турокъ бунчуки и знамена повелѣвалось препроводить въ каирскую цитадель. При этомъ предписывалось объявить во всеуслышаніе, что еще много такихъ трофеевъ слѣдуетъ за арміей. Носилки раненыхъ французскихъ офицеровъ: Ланна, Дюрока, Круазье и Арриги, надлежало доставлять въ городъ потихонько и неодновременно, а въ разные дни. Инструкціи, данныя генералу Бойэ, сводились къ слѣдующему характерному предписанію: „Вамъ поручается говорить, писать и дѣлать все, что можетъ обезпечить арміи тріумфальное вступленіе въ столицу“. Бонапартъ и его агенты такъ ловко перемѣшивали ложь съ истиной, что совершенно сбили съ толка египтянъ. Не смотря на производившіяся въ различныхъ мѣстностяхъ попытки къ возстанію, Египетъ, вообще говоря, оставался спокойнымъ. Правда, что Мурадъ-бей, бѣжавшій въ Нубію и скрывавшійся тамъ до тѣхъ поръ, пока его не извѣстили о предположенной высадкѣ турецкой арміи въ Египетъ, вскорѣ опять появился съ остатками своей конницы, намѣревалсь оказать посильное содѣйствіе войскамъ султана. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль онъ появлялся въ различныхъ мѣстностяхъ и снова исчезалъ оттуда такъ таинственно, что гнавшимся за нимъ французамъ никакъ не удавалось его схватить. Суевѣріе Бонапарта встревожилось столь скрытнымъ и ловкимъ образомъ дѣйствій этого непримиримаго врага. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ высказалъ нервное свое раздраженіе передъ однимъ изъ подчиненныхъ, выразивъ желаніе, чтобы Мурада преслѣдовали неустанно такъ, чтобы для этого бея не оставалось иного исхода, какъ быть убитымъ, или же загнаннымъ до смерти. „Пусть онъ умретъ такъ или иначе. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вы одинаково меня обяжете“,—сказалъ онъ.

Абукиръ и бѣгство Бонапарта изъ Египта.

Турецкая армія, отплывшая изъ Родоса, состояла всего лишь приблизительно изъ 12,000 человѣкъ. Флотъ, на которомъ она находилась, прибылъ 20 іюля къ Александріи и попытался устроить тамъ высадку. Попытка эта была отражена мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ съ фортовъ, оборонявшихъ рейдъ, а потому флотъ удалился оттуда къ Абукиру, гдѣ попытка произвести высадку увѣнчалась успѣхомъ. Десантныя войска состояли исключительно изъ пѣхоты и артиллеріи. Сознавая невозможность предпринять

что-либо рѣшительное безъ кавалеріи, они тотчасъ же принялись строить укрѣпленія, за которыми разсчитывали держаться до прибытія Мурада. Этотъ романтическій бей, послѣдній изъ мамелюковъ, пользовавшійся европейской извѣстностью, двинулся изъ Нубіи, но дошелъ всего только до каирскихъ пирамидъ. Страною, которою онъ любовался съ вершины пирамиды Хеопса, ему не суждено было уже владѣть. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ присоединиться къ своимъ союзникамъ, они были уже разбиты на голову, а самъ онъ умеръ отъ чумы не задолго до выступленія французовъ изъ Египта. Бывшее могущество Мурада-бея суждено было унаслѣдовать Мегемету-Али и его арнаутамъ.

Къ 24-му іюля турки устроили на Абукирскомъ полуостровѣ двойную линію сильныхъ укрѣпленій. Не только Мурадъ-бей, но также Ибрагимъ-паша, долженствовавшій прибыть изъ Сиріи, еще не появлялись и, за отсутствіемъ кавалеріи, приходилось поневолѣ оставаться въ оборонительномъ положеніи. Впрочемъ, уже самый фактъ присутствія турецкой арміи на египетской территоріи могъ вызвать опасное для Франціи возстаніе. Кромѣ того, слѣдовало ожидать, что къ высадившимся войскамъ прибудутъ новыя подкрѣпленія морскимъ путемъ, или что къ нимъ присоединится, наконецъ, запоздавшая конница. Съ обычною своей быстротой Бонапартъ рѣшился покончить съ турецой арміей однимъ ударомъ. Принявъ мѣры, чтобы задержать Ибрагима-пашу и вынудить Мурада-бея къ поспѣшному отступленію, Наполеонъ вызвалъ Дезе изъ верхняго Египта и поручилъ ему наблюдать за сохраненіемъ порядка и спокойствія на средпемъ теченіи Нила, пока въ Дельтѣ будетъ идти борьба за обладаніе страной фараоновъ. Съ арміей въ 6.000 человѣкъ и 2.000 резервомъ, подъ начальствомъ Клебера, Бонапартъ двинулся на укрѣпленную турецкую позицію подъ Абукиромъ. 25 іюля произошло рѣшительное сраженіе, краткое, но весьма кровопролитное. Непріятель былъ сперва обойденъ на лѣвомъ флангѣ, и все его лѣвое крыло загнано въ море. Вслѣдъ затѣмъ та же участь постигла и правое крыло. Наконецъ пѣхота Ланна бросилась штурмовать редутъ, находившійся въ центрѣ непріятельской позиціи и овладѣла имъ. Къ величайшему своему удивленію она убѣдилась, что Мюратъ съ своей кавалеріей рубитъ уже турокъ позади линіи ихъ укрѣпленій. Оказалось, что лихая французская конница, пренебрегая опасностью, обскакала флангъ укрѣпленныхъ позицій и прорвалась въ тылъ защищавшей ихъ арміи. Въ этотъ моментъ оставалось въ живыхъ всего лишь 3.000 турокъ, засѣвшихъ въ цитадели, устроенной ими на самой оконечности полуострова. 7 августа 1799 года, въ годовщину пораженія французскаго флота подъ Абукиромъ, они положили оружіе. Бонапартъ доносилъ директоріи, что 12.000 турокъ потоплено въ морѣ. Въ депешѣ, посланной въ Каиръ, онъ объявлялъ: „Изъ всей непріятельской арміи, высадившейся въ Египтѣ, не удалось спастись ни одному человѣку“. Французскія войска были теперь вполнѣ убѣждены во всегдашней непобѣдимости своего полководца. Они съ увѣренностью разсчитывали, что онъ съумѣетъ

такъ или иначе отворить двери ихъ тюрьмы и доставить имъ возможность вернуться на родину.

Прошло уже почти полгода со времени послѣднихъ достовѣрныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Парижа. Таково было, по крайней мѣрѣ, убѣжденіе адъютантовъ генерала и его товарищей. Быть можетъ, они были и правы. Всѣ знали, что Бонапартъ безпрерывно посылалъ центральнымъ властямъ въ Парижъ донесенія о положеніи дѣлъ въ Египтѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, также инструкціи, съ которыми этимъ властямъ слѣдовало сообразоваться. Въ перепискѣ Бонапарта упоминается объ отправленіи во Францію шестидесяти судовъ различныхъ наименованій съ письмами и депешами. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ нихъ достигли мѣста назначенія. Увѣренность въ этомъ, а также мудрое согласованіе дальнѣйшаго образа дѣйствій Бонапарта съ конечными его цѣлями привели къ заключенію, что онъ постоянно получалъ отъ своего брата секретныя свѣдѣнія черезъ Геную и Тунисъ. Самъ онъ говорилъ на островѣ Св. Елены: „По возвращеніи моемъ изъ Сиріи въ Египетъ я получалъ извѣстія черезъ Тунисъ“. Жозефъ Бонапартъ въ своихъ мемуарахъ тоже говоритъ, что отправилъ посланца, чтобы передать Наполеону ему грустную повѣсть о положеніи дѣлъ во Франціи. Можетъ быть, что таинственныя вѣсти доходили до Наполеона отчасти и черезъ варварійскія владѣнія, но всего вѣроятнѣе, что онъ получалъ ихъ, главнымъ образомъ, съ англійскаго флота, крейсировавшаго теперь въ виду Александріи и вступившаго въ переговоры съ французами относительно размѣна турецкихъ плѣнныхъ *). По словамъ Мармона, сэръ Сидней Смитъ съ намѣреніемъ обезкуражить противника прислалъ на берегъ цѣлый тюкъ газетъ и объявилъ, что если бы армія Бонапарта рѣшилась на попытку покинуть Египетъ, чтобы согласно желанію директоріи вернуться на родину, то онъ постарается дать знать о себѣ бѣглецамъ. Во всякомъ случаѣ то, что выяснилось теперь Бонапарту, не было ему въ сущности непріятно. Наполеонъ узналъ, что война возгорѣлась, какъ онъ этого, впрочемъ, и ожидалъ,—что французы потерпѣли въ Италіи нѣсколько пораженій, и что эскадра подъ начальствомъ адмирала Брюи послана въ Средиземное море съ порученіемъ разбить англійскій флотъ и перевезти египетскую армію обратно на родину. Безъ сомнѣнія, онъ догадывался, что директорія доказала уже полнѣйшую свою неспособность управлять Франціей при такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Ему не было, однако, извѣстно, что 26 мая директорія отправила къ нему особаго курьера, которому поручено было выразить отъ имени центральнаго правительства надежду, что генералъ Бонапартъ вернется и приметъ начальство надъ арміями республики. Курьеръ этотъ былъ перехваченъ англійскимъ крейсеромъ, а потому не могъ передать Наполеону никакихъ устныхъ,

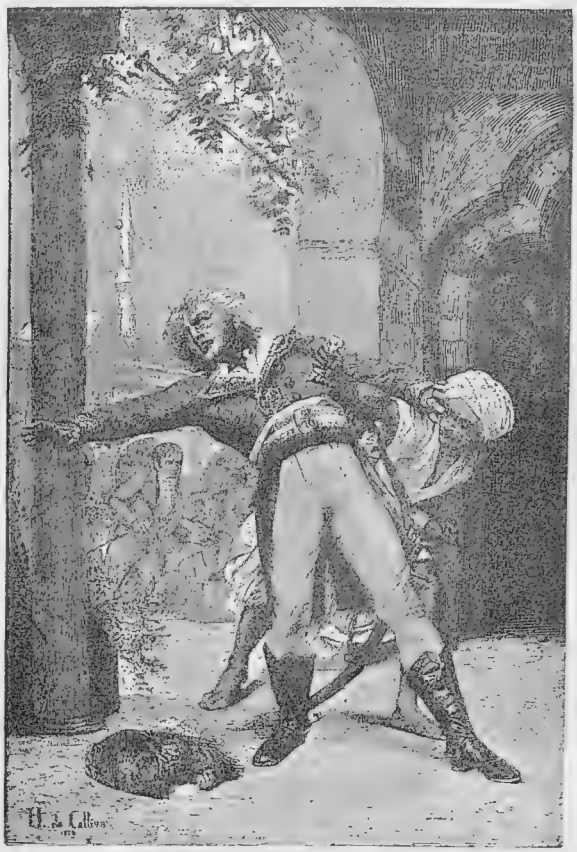
*) Въ комментаріяхъ т. V, стр. 710 заявляется, что первый намекъ на истинное положеніе дѣлъ былъ полученъ въ бесѣдѣ съ Фелиппо на передовыхъ постахъ подъ Акрой.

или письменныхъ заявленій директоріи, но Бонапартъ въ нихъ болѣе и не нуждался. Какъ только онъ убѣдился, что давно предвидѣнный имъ кризисъ дѣйствительно наступилъ, онъ тотчасъ же принялъ окончательное рѣшеніе, на которое дважды уже намекалъ въ своихъ письмахъ въ Парижъ. Онъ объявилъ Мармону, что положеніе дѣлъ въ Европѣ заставляетъ его туда вернуться. Французскія арміи разбиты, и всѣ плоды такъ дорого стоившихъ побѣдъ въ Италіи утрачены. „На кой чортъ всѣ эти бездарности, стоящія у кормила правленія? Онѣ только колеблются, вмѣсто того, чтобы энергически дѣйствовать, или же дѣлаютъ глупости,—говорилъ Бонапартъ.—Они умѣютъ только брать взятки. Я,—я одинъ выносилъ на своихъ плечахъ все и постоянными моими побѣдами вливалъ новыя силы въ это правительство, которое безъ меня не въ состояніи было бы даже поднять голову отъ земли. Неудивительно, если съ моимъ отъѣздомъ все пошло прахомъ. Нельзя, однако, сидѣть сложа руки, пока Францію окончательно разгромятъ. Бѣда могла бы оказаться тогда непоправимой! Извѣстіе о моемъ возвращеніи распространится во Франціи одновременно съ извѣстіемъ объ уничтоженіи турецкой арміи подъ Абукиромъ. Мое присутствіе ободритъ упавшихъ духомъ, возвратитъ арміи утраченную ею увѣренность въ побѣдѣ и воскреситъ въ народныхъ массахъ надежду на счастливое будущее“. Заявленія эти не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ.

Приготовленія Бонапарта къ отъѣзду были вскорѣ окончены. Немногимъ довѣреннымъ лицамъ было сообщено объ истинномъ положеніи дѣлъ. Казалось, повидимому, безчестно покидать египетскую армію въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ она находилась, когда первоначальная ея численность уменьшилась на половину, а боевые запасы и снаряженіе были уже истощены, особенно же принимая во вниманіе, что эту армію окружало враждебное населеніе, религіозный фанатизмъ котораго все сильнѣе разгорался и что возвращенію ея на родину препятствовалъ могущественный и бдительный британскій флотъ, крейсировавшій ввиду египетскаго прибрежья. Бонапартъ ни на минуту не колебался, однако, въ своемъ рѣшеніи. Онъ назначилъ главнокомандующимъ въ Египтѣ Клебера, приказалъ двумъ фрегатамъ приготовиться ночью, съ соблюденіемъ строжайшей тайны, къ выходу въ море и стать на якорь въ одной уединенной бухтѣ прибрежья и, рано утромъ, 22-го августа, сѣлъ на одинъ изъ этихъ фрегатовъ. Съ Наполеономъ отправились во Францію нѣсколько преданныхъ друзей: талантливыхъ генераловъ, какъ, напримѣръ, Мюратъ, Ланнъ, Мармонъ, Бертье и Андріосси и нѣсколько выдающихся ученыхъ, являвшихся вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими дѣятелями, а именно Монжъ, Денонъ и Бертолле. Было условлено, что Жюно и Дезе уѣдутъ изъ Египта нѣсколько позднѣе.

Великій бѣглецъ безъ труда увѣрилъ себя, что совершаетъ геройскій подвигъ, рискуя жизнью для спасенія Франціи, такъ какъ по Средиземному морю сновали взадъ и впередъ англійскіе крейсеры. Разумѣется, онъ могъ руководствоваться при этомъ такими

соображеніями: „Предполагалось устроить въ Египтѣ колонію и эту задачу онъ выполнилъ. Возвращаясь во Францію, онъ пользовался правомъ, которое было ему предоставлено директоріей, и дѣлалъ только то, что было рѣшено уже заранѣе". Ему незачѣмъ было, однако, ждать приговора потомства, чтобы уяснять себѣ недостойность подобнаго образа дѣйствій по отношенію къ египетской арміи. Не подлежало сомнѣнію, что Наполеонъ выказалъ бы себя въ большей степени героемъ, если бы остался въ Египтѣ и раздѣлилъ съ нею послѣдствія проекта, починъ котораго въ такой значительной степени принадлежалъ ему самому. Это нашептывала Бонапарту и собственная его совѣть. Онъ не рѣшался даже проститься съ блестящимъ генераломъ и талантливымъ администраторомъ, котораго оставилъ своимъ замѣстителемъ въ Египтѣ, и, назначивъ ему свиданіе, уѣхалъ нѣсколькими часами раньше. Каирскому туземному Великому совѣту заявили, что Бонапартъ уѣзжаетъ принять начальство надъ своимъ флотомъ и вернется назадъ черезъ три мѣсяца. Клеберу оставлены были инструкціи, разрѣшавшія вступить въ переговоры относительно очищенія Египта, какъ только полторы тысячи французскихъ солдатъ умрутъ отъ чумы. Клеберъ, до чрезвычайности недовольный отъѣздомъ Бонапарта, послалъ въ Парижъ протестъ, составленный въ чрезвы-



Убійство Клебера въ Каирѣ 14-го іюня 1800 г.
(Съ картины Ораса де-Каліаса).

чайно ѣдкихъ и энергическихъ выраженіяхъ. Документъ этотъ былъ, однако, перехваченъ англійскими крейсерами и попалъ впослѣдствіи въ руки самого Наполеона, успѣвшаго къ тому времени уже сдѣлаться Первымъ консуломъ.

На островѣ Св. Елены Наполеонъ утверждалъ, что неудачный исходъ египетской экспедиціи выяснился уже ему съ той самой минуты, какъ Нельсонъ одержалъ подъ Абукиромъ рѣшительную побѣду надъ французскимъ флотомъ. Войско, лишенное возможности пополнять убыль въ своихъ рядахъ, необходимо должно постепенно ослабѣвать и подъ конецъ утратить возможность успѣшно бороться съ непріятелями. Такой пессимистическій взглядъ оказывался, однако, не вполнѣ вѣрнымъ. Весною, въ слѣдующемъ году, 60.000 турокъ были разбиты подъ Геліополемъ, 10.000 храбрецовъ подъ начальствомъ Клебера. Каиръ, воспользовавшійся приближеніемъ турецкой арміи, чтобъ взбунтоваться противъ французовъ, вынужденъ былъ снова имъ покориться въ мартѣ 1800 года, но кинжалъ фанатика пресѣкъ жизнь геніальнаго французскаго полководца. „Ну, что же, однимъ соперникомъ меньше!“, сказалъ Бонапартъ, узнавъ о смерти Клебера.

Сэръ Сидней Смитъ не воображалъ, чтобъ французскій главнокомандующій рѣшился покинуть свою армію, или хотя бы даже послать въ Европу корабль въ такое время года, когда дули какъ разъ противные вѣтры, а потому самъ ушелъ въ Киприъ запастись свѣжей водою. Тѣмъ временемъ оба французскихъ фрегата вышли въ открытое море, надѣясь, что авось и удастся добраться до Тулона, если вѣтеръ вдругъ перемѣнится. Онъ продолжалъ, однако, дуть въ обычномъ направленіи, такъ что фрегаты вынуждены были плыть вдоль африканскаго берега и лишь черезъ три недѣли добрались до высоты Туниса. Тамъ, наконецъ, они встрѣтили благопріятный вѣтеръ и, потушивъ всѣ огни, прошли ночью черезъ проливъ, отдѣляющій Африку отъ Сициліи. Такимъ образомъ они благополучно ускользнули отъ вниманія англійскихъ крейсеровъ, посланныхъ Нельсономъ для наблюденія за этими водами. Держась близъ берега Сардиніи, фрегаты добрались въ началѣ октября мѣсяца до Корсики. Бонапартъ увѣряетъ, что былъ „глубоко взволнованъ при видѣ города, гдѣ родился“. Тѣмъ не менѣе воспоминанія прежняго корсиканскаго патріотизма не въ состояніи были усладить ему вынужденное промедленіе на рейдѣ въ Аяччіо, гдѣ пришлось простоять нѣсколько дней. Онъ оставилъ уже далеко за собою возможность сочувствовать эмоціямъ полуварварскаго корсиканскаго общества и равнодушно относился къ обильнымъ ласкамъ многочисленныхъ пріятелей, толпившихся на палубахъ, чтобы взглянуть на своего великаго соотечественника. Онъ, очевидно, сгоралъ отъ нетерпѣнія какъ можно скорѣе уѣхать. За время пребыванія Бонапарта въ Аяччіо можно привести всего только одинъ фактъ, безспорно дѣлающій ему честь. Черты его лица смягчились выраженіемъ искренней радости, когда онъ ласково отвѣтилъ на привѣтствіе старухи, няньчившей его ребенкомъ. Бонапарту не суждено было

больше навѣщать островъ, служившій ему колыбелью, но ему не разъ еще случалось слышать звуки родного корсиканскаго своего языка. Дѣло въ томъ, что и въ послѣдніе часы жизни Наполеона на островѣ Св. Елены при немъ состоялъ корсиканецъ, старавшійся облегчить его страданія.

Дѣйствительно глубокое и сильное впечатлѣніе произвели на Бонапарта извѣстія о пораженіяхъ, понесенныхъ французами подъ Треббіей и Нови,—о смерти Жубера,—о разрушеніи итальянскихъ республикъ и тщетныхъ попыткахъ Моро держаться подъ прикрытіемъ піемонтскихъ крѣпостей. Всего сильнѣе повліяло на него, вѣроятно, извѣстіе о томъ, что прежняя директорія фактически пала уже 30-го преріаля и что для соблюденія внѣшнихъ приличій избранъ былъ въ ея члены Сіейсъ, посольство котораго въ Берлинѣ увѣнчалось, какъ уже упомянуто, лишь на половину успѣхомъ. Дождавшись, наконецъ, благопріятнаго вѣтра, Бонапартъ отплылъ 8-го октября прямо во Францію, а не въ Италію, куда онъ, по словамъ Бурьена, сперва было намѣревался отправиться, чтобы возстановить тамъ славу французскаго оружія. Внезапно передъ закатомъ солнца показалась на горизонтѣ англійская эскадра. Неужели Фортуна имѣла въ виду и въ самомъ дѣлѣ покинуть своего любимца? Одно время такъ и казалось. Капитанъ корабля, на которомъ находился Бонапартъ, повернулъ свой фрегатъ обратно къ Аяччіо и приготовилъ шлюпку, чтобъ высадить своего пассажира на берегъ, если англичане станутъ подходить слишкомъ близко. Наступившая вскорѣ темная ночь ободрила его до извѣстной степени. Введенные въ заблужденіе расположеніемъ рей на французскихъ фрегатахъ, англичане составили себѣ неправильное сужденіе объ ихъ курсѣ, и пошли сами въ ошибочномъ направленіи, а затѣмъ ночью совершенно потеряли фрегаты изъ вида. Между тѣмъ они повернули прямо къ берегамъ Франціи и на слѣдующее утро Наполеонъ Бонапартъ, высадившись близъ Фрежю, находился уже опять во Франціи. Нѣсколько дней спустя, извѣстіе о прибытіи Бонапарта было получено его сестрами, находившимися тогда какъ разъ въ театрѣ. Онѣ чрезвычайно обрадовались, но, сколько можно судить, не обнаружили ни малѣйшаго удивленія.

Возвращеніе героя.

Какимъ же образомъ, спрашивается, былъ встрѣченъ неудачникъ-распорядитель экспедиціи, обошедшейся такъ дорого и потерпѣвшей въ сущности полное фіаско, генералъ, безцѣльно усѣявшій костями французскихъ солдатъ восточныя пустыни и покинувшій въ странѣ, зараженной чумою, болѣе 20.000 самыхъ лучшихъ солдатъ, которыхъ только могла выставить Франція? Его встрѣтили съ такимъ страстнымъ восторгомъ, который не поддается даже и описанію. На всемъ пути отъ Фрежю черезъ Ліонъ до Парижа народъ совершенно игнорировалъ неудачи возвратившагося къ нему героя. Французы помнили только итальянскія по-

бѣды Бонапарта, благодаря которымъ они, менѣе года тому назадъ, владычествовали въ странѣ, гдѣ теперь ихъ арміи терпѣли пораженія, а самое имя вызывало чувство ненависти и презрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они питали полное довѣріе къ легендамъ о блестящихъ побѣдахъ Бонапарта на романическомъ Востокѣ, подъ Каиромъ и у подножія пирамидъ. Они сопоставляли этотъ ореолъ славы съ униженіемъ и позоромъ, навлеченнымъ на республику неспособностью ея правителей. Неудивительно, если въ Ліонѣ празднества въ честь Бонапарта имѣли, по словамъ Марбо, характеръ торжественнаго юбилея, герой котораго, какъ бы предчувствуя приближавшуюся свою апоѳеозу, шествовалъ, словно сознавая, что онъ превыше простыхъ смертныхъ. Бонапартъ окружалъ себя таинственностію, но тѣмъ не менѣе говорилъ какъ человѣкъ, свыше надѣленный полномочіями судить и рѣшать.

16-го октября онъ пріѣхалъ къ себѣ домой въ Парижъ въ улицу Побѣдъ. Жены не оказалось дома, чтобы привѣтствовать мужа, вернувшагося изъ долгой отлучки. Въ отсутствіе супруга г-жа Бонапартъ сдѣлала свой домъ центромъ блестящаго кружка, въ числѣ членовъ котораго находились талантливѣйшіе представители тогдашняго парижскаго общества. Кружокъ этотъ отличался своей преданностью интересамъ Бонапарта; вербовалъ ему друзей во Франціи; интриговалъ въ его пользу за-границей; старался извлечь для Бонапарта выгоду изъ каждаго политическаго инцидента и организовалъ могущественную партію, убѣжденную, что одинъ только Бонапартъ и можетъ спасти Францію. Члены этого кружка вели веселую или, лучше сказать, разгульную жизнь. Иногда центральный комитетъ кружка уѣзжалъ въ Плонбьеръ, будто бы за тѣмъ, чтобъ отдохнуть, но по всѣмъ вѣроятіямъ отдыхъ этотъ сопровождался занятіями не совсѣмъ невиннаго свойства. Въ этомъ преданномъ Бонапарту веселомъ кружкѣ внезапное извѣщеніе о предстоящемъ пріѣздѣ египетскаго главнокомандующаго вызвало нѣчто вродѣ ужаса. Въ особенности хлопотала Жозефина о томъ, чтобъ выказать пламеннѣйшую любовь, которой на самомъ дѣлѣ не чувствовала къ мужу. Она сочла всего умѣстнѣе выѣхать Наполеону на встрѣчу, но случайно разъѣхалась съ нимъ. Поспѣшно вернувшись домой, она нашла дверь комнаты мужа запертой. Ревнивый Наполеонъ счелъ отсутствіе Жозефины въ такую торжественную минуту изъ дома прямымъ подтвержденіемъ своихъ подозрѣній. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ ея мольбы и слезы оставались тщетными. Наконецъ, по просьбѣ Евгенія и Гортензіи, грозный мужъ смягчился и допустилъ жену передъ свѣтлыя свои очи. Супружеская ссора закончилась примиреніемъ, но оно имѣло скорѣе внѣшній характеръ. Наполеонъ имѣлъ, повидимому, обстоятельныя свѣдѣнія о легкомысленномъ поведеніи Жозефины и примирился съ ней не потому, чтобъ искренно ее простилъ, а преимущественно во избѣжаніе скандала. Во всякомъ случаѣ этотъ инцидентъ послужилъ началомъ охлажденія между генераломъ Бонапартомъ и его супругой.

Къ концу 1799 года положеніе дѣлъ въ Европѣ было до чрез-

вычайности сложно, какъ этого ожидалъ, впрочемъ, Наполеонъ. Англія, которая въ 1797 году обращалась, черезъ посредство Мальмсбюри, въ Лиллѣ къ Франціи съ мирными предложеніями, какъ уже упомянуто, отвергнутыми директоріей, нашла политическое положеніе вполнѣ созрѣвшимъ къ новой коалиціи противъ республи-

Жозефина у дверей комнаты Бонапарта.
(Рисунокъ Папа).

ки. Дѣйствительно, вторая коалиція враговъ Франціи образовалась въ 1798 году, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ Павла I, только что вошедшаго на русскій престолъ. Провозглашеніе Гельветской

республики въ Швейцаріи внесло революцію въ самое сердце центральной Европы и тѣмъ самымъ усилило опасенія династій, царствовавшихъ въ Австріи и Пруссіи. Въ тоже время провозглашеніе римской республики, состоявшееся 18 февраля 1798 года, придвинуло революціонную агитацію къ сѣверной границѣ Неаполитанскаго королевства. Присоединившись къ коалиціи, король Обѣихъ Сицилій сдѣлалъ попытку отразить революцію и занять Римъ своими войсками. Это побудило директорію раздѣлить французскую армію въ Италіи на двѣ части. Одна изъ нихъ, подъ начальствомъ Шампіонне, совершивъ нѣчто въ родѣ увеселительной прогулки, низвергла неаполитанскій престолъ и въ январѣ 1799 года воздвигла на его мѣстѣ Парѳенопейскую республику. Искусно задуманный заговоръ, въ которомъ Люсьенъ Бонапартъ принималъ дѣятельное участіе, доставилъ директоріи поводъ обвинить слабохарактернаго сардинскаго короля въ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Цизальпинская республика завязала съ нимъ ссору; произошли безпорядки, распространившіеся также и на тосканскую территорію. Карлу Эммануилу IV пришлось 9 декабря 1798 года утратить всѣ свои владѣнія на материкѣ, а вскорѣ послѣ того (въ 1799 году) и великій герцогъ Тосканскій, Фердинандъ III бѣжалъ къ своимъ друзьямъ въ Вѣну, оставивъ свое государство въ рукахъ французовъ. Искреннимъ республиканцамъ было, разумѣется, пріятно ласкать себя мыслью, что при этихъ событіяхъ возникали на развалинахъ абсолютныхъ монархій свободныя государства, но, къ несчастію, дѣйствительность вовсе не соотвѣтствовала такимъ сангвиническимъ грезамъ. Каждое изъ такъ называемыхъ свободныхъ государствъ опиралось не на сочувствіе народа, а единственно лишь на французскіе штыки. Какъ только побѣда покинула французскія знамена, учрежденныя французами итальянскія республики утратили всю свою жизненную силу. Извѣстно, что въ разгаръ первой итальянской кампаніи Бонапарта директорія предписала ему раздѣлить свою армію на двѣ части и съ одною изъ нихъ двинуться на Римъ и Неаполь Онъ не выполнилъ тогда этого приказанія, защищая свой образъ дѣйствій, энергически и рѣшительно объяснялъ, что раздѣленіе итальянской арміи въ то время, когда австрійцы стоятъ на Адижѣ, равносильно утратѣ Италіи. Между тѣмъ директорія сдѣлала какъ разъ этотъ промахъ, посылая Шампіонне въ Неаполь. Раздраженная неожиданнымъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, она начала энергически готовиться къ войнѣ, но эти спѣшныя приготовленія оказывались не во всѣхъ случаяхъ цѣлесообразными. Брюнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Голландіи; Бернадоттъ—на среднемъ теченіи Рейна; Журданъ—въ средней Германіи; Массена — въ Швейцарію; Макдональдъ — въ Неаполь, и Шереръ—въ верхней Италіи. На основаніи новаго закона о конскрипціи призваны были подъ знамена 200.000 чел. Означенные конскрипты (слово это было впервые употреблено въ смыслѣ новобранцевъ, отбывающихъ воинскую повинность въ 1798 году) пополнили ряды республиканскихъ армій, которымъ суждено

было сражаться не съ одинаковымъ счастіемъ. Брюнъ и Массена выказали себя искусными вождями и вели войну успѣшно, прочіе же полководцы, назначенные директоріей, потерпѣли жестокія пораженія. Верхомъ сумасбродства надлежало признать назначеніе Шерера на такой важный постъ, какимъ являлось командованіе арміей въ верхней Италіи. Онъ уже и передъ тѣмъ выказалъ полнѣйшую свою неспособность распоряжаться войсками на итальянскомъ театрѣ войны, а на этотъ разъ самымъ блестящимъ образомъ подтвердилъ сложившееся въ арміи убѣжденіе, что онъ не понимаетъ самыхъ основныхъ правилъ военнаго дѣла. Журдана, который къ концу марта мѣсяца былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ подъ Острахомъ и Штокахомъ, смѣнилъ Лемуань, но и ему пришлось немедленно же отступить за Рейнъ. За этими неудачами въ средней Германіи послѣдовали такія же неудачи и въ верхней Италіи. Шереръ, прогнанный сперва за Минчіо, а потомъ за Оліо, былъ разбитъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ подъ Маньяно и добровольно сдалъ тогда начальство надъ войсками Моро. Онъ сложилъ съ себя команду надъ арміей среди общаго негодованія и насмѣшекъ не только со стороны офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ.

Тѣмъ временемъ на раштатскомъ конгрессѣ все еще продолжались переговоры, имѣвшіе, впрочемъ, чисто формальный характеръ. Засѣданія его представляли интересъ главнымъ образомъ благодаря попыткамъ французскихъ уполномоченныхъ застращать своихъ сотоварищей. Это имъ, вообще говоря, удавалось, благодаря имѣвшимся у французскаго правительства неопровержимымъ доказательствамъ того, что Австрія разсчитывала одно время вознаградить себя раздѣломъ Баваріи. На конгрессѣ засѣдало трое французскихъ уполномоченныхъ. Двое изъ нихъ, Роберже и Боннье, были честными сторонниками директоріи, а третій, Дебри, старый пріятель Бонапарта, оставался неизмѣнно ему преданнымъ. Въ качествѣ старшаго уполномоченнаго онъ обращалъ на себя особенное вниманіе и, вслѣдствіе своего тяжелаго, неуступчиваго характера, возбудилъ противъ себя неудовольствіе даже собственныхъ своихъ товарищей, не говоря уже о другихъ делегатахъ. Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій отношенія на конгрессѣ стали до чрезвычайности натянутыми. Успѣхи, одержанные эрцгерцогомъ Карломъ, до такой степени подняли духъ Австріи, что она рѣшилась совершенно прекратить переговоры съ французами. Одинъ изъ императорскихъ делегатовъ уже удалился съ конгресса, показывая видъ, что оскорбленъ образомъ дѣйствій республиканскихъ делегатовъ. Прочіе уполномоченные готовились послѣдовать его примѣру. Зная неизбѣжность войны, какъ французскія, такъ и австрійскія войска начали, съ первыхъ же мѣсяцевъ 1799 года, производить набѣги въ окрестностяхъ Раштатта, при чемъ дѣло доходило у нихъ нерѣдко до вооруженнаго столкновенія другъ съ другомъ. Доставалось также и мирнымъ раштаттскимъ горожанамъ, а иногда и уполномоченнымъ посламъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, австрійскія войска заняли городъ и делегатамъ пред-

писали выѣхать въ опредѣленный срокъ, который, согласно съ дипломатическими обычаями, долженъ былъ назначить себѣ самъ конгрессъ. Французскіе уполномоченные, въ силу полученныхъ имъ изъ Парижа инструкцій, оставались въ Раштаттѣ до самаго истеченія этого срока и выѣхали изъ города лишь въ сумерки 28 апрѣля. Нѣсколько мгновеній спустя, почти у самыхъ воротъ города, они подверглись нападенію со стороны австрійскихъ гусаръ. Всѣхъ троихъ уполномоченныхъ вытащили изъ кареты и начали осыпать бранью и ударами. Робержо и Боннье были убиты въ свалкѣ, а Дебри спасся бѣгствомъ. На слѣдующее утро онъ явился въ Раштаттъ израненный и окровавленный, но всѣ его раны оказались легкими и вскорѣ зажили. Убійство французскихъ уполномоченныхъ является и до сихъ поръ въ исторіи неразрѣшенной загадкой. Многіе утверждаютъ, будто оно было подстроено самимъ Дебри. Его дѣйствительно считаютъ бонапартистскимъ агентомъ, который, подобно Гаре въ Неаполѣ и Гепгенне въ Туринѣ, имѣлъ порученіе вызвать во что бы ни стало анархію, чтобы скомпрометировать такимъ образомъ директорію. Роялисты, ссылаясь на показаніе г-жи Робержо, ѣхавшей въ одномъ экипажѣ съ мужемъ, тогда же категорически утверждали это, а въ наше время тоже самое обвиненіе высказывалось многими писателями, старавшимися умалить славу Наполеона. Существуютъ, разумѣется, обстоятельства, которыя могли бы, въ случаѣ наличности положительныхъ доказательствъ справедливости обвиненія противъ Дебри, послужить для него подтвержденіемъ, но такихъ положительныхъ доказательствъ именно до сихъ поръ и не найдено. Съ другой стороны, даже и сами австрійцы не были въ состояніи представить сколько-нибудь основательную защиту противъ наиболѣе естественнаго предположенія, что нападеніе на французскихъ делегатовъ было произведено по распоряженію высшихъ властей, чтобы выпутаться изъ неловкаго положенія, созданнаго Австріею Кампо-формійскимъ мирнымъ договоромъ и вызвать войну, къ которой она чувствовала себя теперь совершенно готовой. Къ подобнымъ мѣрамъ нерѣдко вѣдь прибѣгали въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и при томъ ни одна Австрія, а многія государства.

Не смотря на то, что Пруссія, ввиду упомянутыхъ уже причинъ, оставалась нейтральной, вторая заключенная противъ Франціи коалиція была значительно могущественнѣе первой. Кромѣ Англіи и Австріи, къ ней принадлежали также Турція и Россія,—Португалія и Неаполь. Франція, лучшія войска и генералы которой находились въ Египтѣ, должна была защищать длинную пограничную линію отъ Голландіи до Неаполя. Оборона этой линіи по необходимости была всюду слабой, такъ что аттакующіе, дѣйствуя съ надлежащей энергіей, могли бы ее прорвать въ любомъ мѣстѣ. Къ счастью для французовъ, они вмѣсто того, чтобы сосредоточиться для натиска въ главномъ пунктѣ, ограничились фронтальными нападеніями по всей линіи. Англо-русская армія двинута была въ Голландію; австрійцы и русскіе дѣйствовали на Рейнѣ, въ Швейцаріи и въ Италіи. Даже Турція выказала не-

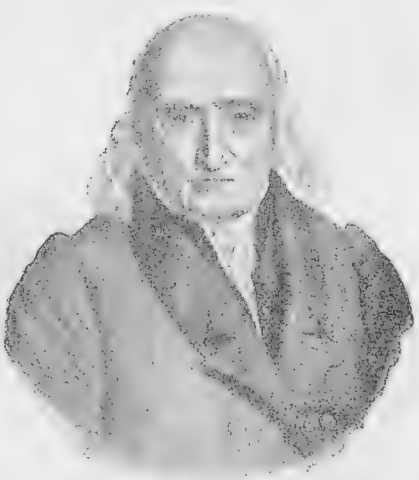
ожиданную энергію въ попыткѣ вытѣснить французовъ изъ страны, которую считала своей собственностью, не смотря на то, что зависимость Египта отъ Порты была за послѣднее время скорѣе номинальной, чѣмъ дѣйствительной. Хуже всего было, однако, то, что вслѣдствіе ложнаго взаимнаго положенія французской республики и католической церкви, во многихъ мѣстностяхъ Франціи существовало недовольство существующимъ порядкомъ вещей, которое, при содѣйствіи англійскихъ эмиссаровъ, вызвало вновь междоусобную войну въ Бретани и Вандеѣ. Для борьбы съ такими грозными усложненіями Франція нуждалась или въ талантливомъ однородномъ правительствѣ, способномъ разсчитывать на искреннюю поддержку народныхъ массъ, или же въ военномъ деспотизмѣ, являвшемся логическимъ результатомъ вандемьерскаго и фруктидорскаго государственныхъ переворотовъ. Однороднаго популярнаго правительства на лицо не оказывалось. Вмѣсто того, чтобы укрѣпить свое положеніе мудрою сдержанностью и самоограниченіемъ, директорія безпрерывно подрывала сама подъ собою почву политикой противозаконныхъ захватовъ власти, подкуповъ и всяческихъ передержекъ, благодаря которымъ ей удалось назначить въ 1798 году своихъ креатуръ народными представителями отъ сорока девяти департаментовъ. Майскіе выборы 1799 года свидѣтельствовали о народномъ недовольствѣ, выразившемся усиленіемъ группы крайнихъ якобинцевъ, составившей въ обоихъ совѣтахъ настолько сильную оппозиціонную партію, что съ ней приходилось по неволѣ считаться.

Народное представительство имѣло возможность при существующихъ обстоятельствахъ произвести значительныя перемѣны въ составѣ исполнительной власти, хотя и нельзя сказать, чтобъ на вполнѣ законномъ основаніи. Пользуясь общимъ недовольствомъ противъ директоріи, которое еще болѣе возросло благодаря памфлету, изданному въ защиту своего образа дѣйствій бывшимъ ея членомъ Карно, удалось достигнуть въ іюлѣ мѣсяцѣ почти совершеннаго ея обновленія. Изъ прежнихъ членовъ остался въ ней одинъ только Баррасъ, пользовавшійся въ то время репутаціей слабохарактернаго интригана. Ревбель, срокъ полномочій котораго истекалъ, не былъ вторично выбранъ, такъ какъ утратилъ свою популярность, навязавъ Шерера въ главнокомандующіе. Кромѣ того, его подозрѣвали во взяточничествѣ, вслѣдствіе упорства въ поддержаніи дружескихъ сношеній съ подрядчикомъ Рапина, который нажился на поставкахъ въ итальянскую армію. Прочіе члены директоріи удалились сами. Мерленъ и Ларевельеръ подали въ отставку, которая и была принята благосклонно, ввиду того обстоятельства, что они, вернувшись къ частной жизни, становились совершенно безвредными уже въ силу своей ничтожности. Трельяръ былъ въ сущности честнымъ и способнымъ государственнымъ дѣятелемъ, но его не оцѣнили по достоинству и, придравшись къ маленькой неправильности во время выборовъ, замѣнили его слабохарактернымъ Гойе, бывшимъ прежде министромъ юстиціи. На мѣсто Ревбеля избрали Сіейса, на котораго возлагались большія надежды какъ на человѣка, способ-

наго выработать для Франціи новую, болѣе удовлетворительную конституцію. Онъ внесъ въ новую сферу дѣятельности прежнія свои привычки къ интригѣ и таинственности; презрительно относился ко всему окружающему и строилъ планы для осуществленія радикальныхъ преобразованій, съ которыми такъ долго носился. Онъ возлагалъ всѣ свои надежды на Жубера, генерала, пользовавшагося большой популярностью и способнаго, какъ думалъ Сіейсъ, быть въ его рукахъ послушнымъ орудіемъ. Остальныя двѣ вакансіи въ директоріи были заняты безвредными посредственностями, какими являлись членъ умѣренной партіи Рожеръ Дюко и радикалъ Муленъ. Произведенная такимъ образомъ, 30 апрѣля, мирная революція имѣла характеръ какъ бы отвѣта со стороны якобинцевъ на государственный переворотъ 18-го фруктидора. Хотя законныя формальности и были при ней соблюдены, но въ дѣйствительности она имѣла такой же нелегальный характеръ, какъ и образъ дѣйствій предшествовавшей директоріи. Такимъ образомъ конституція фактически доказала свою непригодность. Надо было выработать взамѣнъ ея другое государственное уложеніе. Большинство французовъ, видя Фуше во главѣ полиціи, а другихъ сторонниковъ Робеспьера на должностяхъ, которыя они занимали прежде, смутно опасалось за будущность конституціоннаго правленія во Франціи. Казалось, будто возобновятся времена террора, если только не удастся подавить сумасбродные замыслы якобинцевъ хотя бы даже военной силой.

Гдѣ отыскать, однако, генерала, который могъ бы взять на себя роль спасителя отечества? Шампіонне скомпрометировалъ себя тѣмъ, что послѣ взятія Неаполя, 23 января 1799 года, дозволилъ своимъ войскамъ грабить и насильничать безъ всякаго удержа, вслѣдствіе чего его армія пришла въ состояніе полнѣйшей дезорганизаціи. Макдональдъ не безъ труда возстановилъ въ ней порядокъ и дисциплину, но армія его была разбита Суворовымъ въ трехдневномъ бою подъ Требіей. Армія Жубера, заступившаго мѣсто Моро, тоже была разгромлена подъ Нови 15 августа соединенными австро-русскими войсками и самъ ея главнокомандующій убитъ. Мантуя оказалась къ тому времени вынужденной сдаться, но, тѣмъ не менѣе, Моро съ остатками войскъ Жубера упорно держался въ Аппенинскихъ Приморскихъ Альпахъ. Австрійцы, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, побили въ іюнѣ мѣсяцѣ Массену подъ Цюрихомъ; но затѣмъ ушли изъ Швейцаріи, и такимъ образомъ доставили французскому главнокомандующему возможность одержать въ сентябрѣ мѣсяцѣ на томъ же мѣстѣ побѣду надъ русскимъ генераломъ Корсаковымъ. Брюнъ, въ свою очередь, разбилъ 19 сентября подъ Бергеномъ англо-русскую армію герцога Іоркскаго, и принудилъ его заключить въ Алькмаарѣ капитуляцію, въ силу которой эта армія обязалась очистить Батавскую республику. Бернадоттъ, назначенный военнымъ министромъ, подвизался въ этой должности успѣшнѣе, чѣмъ на дипломатическомъ поприщѣ. Онъ и Жозефъ Бонапартъ были женаты на родныхъ сестрахъ, но,

тѣмъ не менѣе, Бернадоттъ не могъ считаться бонапартистомъ по той простой причинѣ, что всегда и вездѣ оставался искреннимъ бернадоттистомъ. Подъ его контролемъ Журданъ выработалъ и провелъ новый законъ о конскрипціи, дозволявшій безъ труда пополнять пробѣлы въ рядахъ арміи. Эта энергическая мѣра являлась естественнымъ слѣдствіемъ закона Карно, по которому всѣ французскіе граждане, способные носить оружіе, были объявлены подлежащими воинской повинности, но призывались подъ знамена лишь въ случаѣ недостатка въ добровольцахъ. Законъ о конскрипціи, изданный 5 сентября 1798 года, предоставлялъ въ распоряженіе военнаго вѣдомства всю молодежь, въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, причемъ оно, разумѣется, могло брать изъ этого запаса именно такое число людей, которое дѣйствительно требовалось. Упомянутый законъ мало чѣмъ отличался отъ дѣйствующихъ теперь почти повсемѣстно въ Европѣ постановленій о воинской повинности и создалъ наполеоновскія арміи, отличавшіяся отъ прежнихъ республиканскихъ тѣмъ, что онѣ пополнялись не добровольцами, а по жребію. Арміи эти, дѣлившіяся на дивизіи, бригады и полубригады, сражались съ такимъ же восторженнымъ мужествомъ, какъ и прежде, потому что французская молодежь усматривала теперь для себя въ войнѣ кратчайшій путь къ славѣ. Обращаясь къ новобранцамъ, Бернадоттъ говорилъ имъ: „Между вами, ребята, безъ сомнѣнія, найдутся и великіе полководцы“. Въ этихъ словахъ высказывалось искреннее убѣжденіе всей тогдашней честолюбивой французской молодежи. Сундуки государственнаго казначейства удалось пополнить съ помощью принудительнаго займа, прикрывавшагося маской добавочныхъ таможенныхъ пошлинъ. Въ добавленіе ко всему изданъ былъ до чрезвычайности суровый законъ о заложникахъ, на основаніи котораго ни въ чемъ неповинные родственники какого-нибудь эмигранта или шуана оказывались отвѣтственными за его поступки.



Л. Ж. Гойе.
(Съ литографіи Дюпре въ музеѣ Карнавале).

Всѣ эти мѣропріятія, а въ особенности законъ о заложникахъ, указывали на существованіе новаго, все болѣе усиливавшагося якобинскаго теченія, которое, располагая большинствомъ въ Совѣтѣ Пятисотъ, имѣло въ самой директоріи своими представителями Гойе и Мулена. Главнымъ его очагомъ служилъ клубъ террористовъ, засѣдавшій въ Берейторской школѣ, гдѣ въ былое время

имѣлъ свои совѣщанія Конвентъ. Люди, которымъ жилось хорошо, какъ, напримѣръ, Талейранъ, Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели и Редереръ, а также философы, въ родѣ Камбасереса, Семонвилля, Бенжамена Констана и даже Дону, возмущались при мысли о возможности возобновленія террора и возлагали всѣ свои надежды на Сіейса и Барраса. Въ виду такой тревожной обстановки многіе задавали себѣ вопросъ: „гдѣ пріискать необходимаго для Франціи въ данную минуту государственнаго дѣятеля?“ Якобинцы по прежнему разсчитывали, что счастливый случай выдвинетъ такого дѣятеля изъ ихъ рядовъ. Что касается до полководца, то они могли по желанію выбрать себѣ таковымъ или хладнокровнаго Журдана, или же пылкаго Ожеро. Программа ихъ заключалась въ томъ, чтобы вернуть республиканскимъ знаменамъ побѣду и укрѣпить въ новой конституціи (какую бы форму она ни приняла) демократическіе принципы. Сіейсъ и его пріятели, разумѣется, обратились бы къ завоевателю Италіи, съ которымъ они уже и прежде состояли въ сношеніяхъ, но онъ находился въ отсутствіи и, кромѣ того, они нуждались въ орудіи, а не въ властелинѣ. Извѣстно, что они сдѣлали попытку столковаться съ Моро, предлагая ему раздѣлить диктатуру съ Бонапартомъ, но онъ сошелся тогда уже съ роялистами и не обнаружилъ достаточной смѣлости и рѣшимости. Утверждаютъ, что если бы Наполеонъ Бонапартъ не вернулся тогда въ Парижъ, то Массена, очень походившій характеромъ на Монка, вѣроятно, сыгралъ бы во Франціи роль этого генерала. Несомнѣнно, что сторонники ограниченнаго монархическаго правленія соглашались въ крайнемъ случаѣ даже на возвращеніе Бурбоновъ, въ качествѣ конституціонной династіи, хотя и питали къ нимъ такое недовѣріе, что Сіейсъ, въ бытность свою посломъ въ Берлинѣ, серьезно помышлялъ пріискать для Франціи короля, напримѣръ, хотя изъ Брауншвейгскаго дома.

Такимъ образомъ Бонапартъ, по возвращеніи въ столицу, увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ хитросплетенною сѣтью побѣдъ и пораженій,—интригъ и заговоровъ, задававшихся прямо противоположными цѣлями. Онъ самъ до тѣхъ поръ объявлялъ себя республиканцемъ. Войска, на преданность которыхъ имѣлось полное основаніе разсчитывать, все еще были убѣждены, что сражаются за дѣло свободы. Спрашивалось: слѣдовало-ли ему разыгрывать этотъ фарсъ дольше и объявить себя солидарнымъ съ якобинцами? Не умѣстнѣе-ли при существующихъ условіяхъ, снять съ себя маску? Наполеону скоро выяснилось, что Парижъ и весь французскій народъ ни въ какомъ случаѣ не потерпятъ возобновленія террора. Въ концѣ концовъ единственно только въ союзѣ съ ними можно было достигнуть прочнаго успѣха. Если противники террора согласятся признать своимъ вождемъ Бонапарта, то его дѣло окажется выиграннымъ. Можно-ли было, однако, разсчитывать на такое согласіе? Спокойные и разсудительные люди, вродѣ барона Пакье, понимали истинное значеніе египетской и сирійской кампаній, но даже они восторгались без-

застѣнчивой дерзостью смѣлаго искателя приключеній. Кромѣ того, такихъ людей было слишкомъ мало, а потому ихъ мнѣнія не могли сколько-нибудь замѣтно вліять на массу. Большинство населенія, относившееся до тѣхъ поръ совершенно равнодушно къ Бонапарту, было теперь убѣждено, что прежняя директорія сослала его и его армію въ Египетъ изъ зависти. Нѣкоторые изъ консерваторовъ видѣли въ немъ мученика, вернувшагося изъ ссылки съ новыми трофеями, добытыми для отчизны. Легендѣ этой никто не противорѣчилъ; напротивъ того, члены семьи Бонапарта, находившіеся теперь, если можно такъ выразиться, въ самомъ водоворотѣ событій, всячески старались ее укрѣпить разными многозначительными намеками. Необходимо замѣтить, что Жозефъ, выбранный за три года передъ тѣмъ въ Совѣтъ Пятисотъ, пользовался тамъ общимъ уваженіемъ. Люсьенъ Бонапартъ тоже былъ, въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ народныхъ представителей. Оба они успѣли значительно измѣниться, — пріобрѣли, по крайней мѣрѣ, внѣшній лоскъ образованности, — много читали, кое-что писали и пользовались репутаціей солидныхъ гражданъ. Благодаря ихъ собственнымъ общественнымъ талантамъ, а также обаянію красавицъ,— ихъ женъ, дома обоихъ братьевъ Наполеона, равно какъ и домъ его супруги, стали весьма вліятельными центрами, куда стекалось лучшее столичное общество. Кружокъ, собиравшійся у Жозефины, отличался болѣе строгимъ подборомъ своихъ членовъ и приписывалъ себѣ нѣчто вродѣ превосходства надъ обоими

Бартелеми-Катринъ Жуберъ.
(Съ портрета Бушо въ Версальскомъ музеѣ).

другими кружками. Всѣ три кружка взаимно ревновали другъ друга, на перерывъ заискивая расположеніе Бонапарта, но всѣ они съ величайшимъ единодушіемъ заботились объ его интересахъ.

Парижане не послѣдовали примѣру ліонцевъ, вышедшихъ на встрѣчу Бонапарта, словно онъ былъ уже царствующимъ ихъ монархомъ. Тѣмъ не менѣе столица очень привѣтливо встрѣтила возвращавшагося героя. Особенно усердно привѣтствовали его недовольные, принадлежавшіе къ разнымъ политическимъ партіямъ, интриговавшимъ въ его пользу и какъ бы подъ личнымъ его надзоромъ. Дѣйствительно Бонапартъ, не медля ни минуты, взялъ въ свои руки всѣ нити этихъ интригъ. Сіейсъ утратилъ со смертью Жубера главную свою поддержку, а вмѣстѣ съ тѣмъ собственный его престижъ былъ до нѣкоторой степени подорванъ пораженіемъ при Нови. Съ помощью Талейрана и Редерера его вскорѣ уломали и, подъ непосредственнымъ контролемъ Бонапарта, былъ пересмотренъ и законченъ тщательно выработанный смѣлый планъ полнаго измѣненія французской конституціи и всего государственнаго управленія, который обсуждался передъ тѣмъ Сіейсомъ и его сторонниками, такъ называемыми реформистами. По наружности планъ этотъ являлся энергическою попыткою устранить радикальные недостатки конституціи III-года республики и организовать мощное конституціонное правительство. Авторъ означеннаго плана обнаружилъ извѣстную практическую сноровку въ подготовкѣ средствъ къ его осуществленію. Размахивая краснымъ знаменемъ террора, онъ, не стѣсняясь, прибѣгалъ къ административному произволу: закрывалъ якобинскія газеты и высылалъ изъ Парижа ихъ издателей. Ввиду такого образа дѣйствій исполнительной власти, Журданъ потребовалъ, чтобъ народное представительство объявило отечество находящимся „въ опасности“, но его призывъ не былъ услышанъ. Вслѣдъ за тѣмъ получились радостныя извѣстія о томъ, что французскія арміи, подъ начальствомъ Массены и Брюна, возстановили прежнюю славу своего оружія, такъ что со стороны Рейна и Альпъ опасность для Франціи была фактически устранена. Нѣсколько дней спустя, уполномоченный директоріи прочелъ въ торжественномъ засѣданіи обоихъ законодательныхъ совѣтовъ депешу, составленную самимъ Бонапартомъ и содержавшую весьма преувеличенную реляцію объ его побѣдѣ подъ Абукиромъ. Обѣ палаты французскаго народнаго представительства были тогда охвачены самымъ бурнымъ восторгомъ. Совѣтъ Пятисотъ, который, въ противоположность Совѣту Старѣйшинъ, все время сочувствовалъ якобинскимъ принципамъ, избралъ въ порывѣ увлеченія Люсьена Бонапарта своимъ президентомъ. Въ директоріи предсѣдательствовалъ Гойе, поддававшійся обаянію Жозефины, частыя посѣщенія которой казались его женѣ очень лестными. Бонапартъ явился къ нему первому съ оффиціальнымъ визитомъ, а на слѣдующій день директорія, въ полномъ своемъ составѣ, приняла главнокомандующаго, покинувшаго, по собственному своему заявленію, «армію,

чтобы вернуться на родину и раздѣлить съ нею угрожавшія опасности», слухи о которыхъ такъ обезпокоивали его въ Египтѣ.

Вскорѣ Бонапартъ сталъ предметомъ величайшаго доброжелательства со стороны какъ правительственныхъ сферъ, такъ и народа. Черезъ нѣсколько дней по его возвращеніи Парижъ пришелъ въ такое же опьяненіе отъ восторга, въ какомъ находилась и вся остальная Франція. „Возвращеніе героя“ стало для всей націи чѣмъ-то вродѣ пароля и лозунга. Послѣднія событія повели къ раздробленію политическихъ партій на мелкія группы. Въ лицѣ Бонапарта у нихъ имѣлся теперь вождь, который никогда не отождествлялъ себя ни съ одною фракціей. Газеты принялись воспѣвать хвалебные гимны его доблестямъ. Низменнымъ посредственностямъ надлежало теперь удалиться отъ кормила правленія. Французскій народъ, жаждавшій великихъ подвиговъ, нашелъ себѣ опять руководителя въ любимцѣ счастья, который одинъ только и могъ ихъ выполнить. Сперва Талейранъ, а за нимъ Сіейсъ и другіе выдающіеся французскіе государственные дѣятели, кончая самимъ Гойе, открыто присоединились къ многочисленной свитѣ почитателей Бонапарта. Неопредѣленное положеніе, въ которомъ чувствовали себя оппортюнисты вродѣ, напримѣръ, Редерера, являвшіеся большинствомъ, было очень тяжело для наиболѣе состоятельныхъ изъ нихъ, а потому и они вскорѣ стали подъ знамя Бонапарта. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельныя лица, симпатіи которыхъ къ Бонапарту казались сомнительными, служили и въ Парижѣ, и въ провинціи предметомъ чрезвычайно искуснаго ухаживанія, зачастую приводившаго къ желаемому результату. Такимъ образомъ удалось, между прочимъ, привлечь и генерала Моро на сторону Наполеона. Вскорѣ полководецъ, потерпѣвшій неудачу въ Сиріи, былъ окруженъ въ Парижѣ еще болѣе вліятельнымъ и почетнымъ Дворомъ, чѣмъ собиравшійся вокругъ него въ Монтебелло, послѣ блестящихъ итальянскихъ его побѣдъ. Самъ Наполеонъ держалъ себя въ Парижѣ приблизительно такъ же, какъ и въ Монтебелло: онъ казался совершенно спокойнымъ, сдержаннымъ и облеченнымъ какою-то таинственностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ откровеннымъ, чистосердечнымъ и добродушнымъ. Онъ посѣщалъ засѣданія французскаго Института, членомъ котораго былъ избранъ, и отдавалъ очевидное предпочтеніе обществу такихъ людей, какъ Вольней, съ которымъ охотно бесѣдовалъ о научныхъ и философскихъ вопросахъ. Вскорѣ начали ходить смутные слухи о томъ, что планы Бонапарта уже созрѣваютъ. О нихъ говорили другъ съ другомъ на ушко, задавая себѣ вопросъ: въ чемъ именно могутъ состоять эти планы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не заставилъ себя долго ждать. «Груша уже созрѣла».

Бонапартъ пользуется удобнымъ случаемъ.

Къ 1 ноября 1799 года Сіейсъ формально сложилъ съ себя руководящую роль. Послѣ совѣщанія съ Бонапартомъ, согласившись, что проектъ выработанной имъ конституціи, который онъ самъ признавалъ совершеннымъ, долженъ быть представленъ сперва не на разсмотрѣніе законодательныхъ совѣтовъ, а предъявленъ особому комитету, Сіейсъ позволилъ себя одурачить и всецѣло уступилъ роль вождя Бонапарту. 6 числа того же мѣсяца данъ былъ въ честь Бонапарта банкетъ въ церкви Св. Сюльпиція. Первоначально предполагалось, что въ устройствѣ этого банкета примутъ участіе оба законодательные совѣта. На самомъ дѣлѣ, однако, распорядителями на немъ оказались немногіе члены Совѣта Старѣйшинъ, который почти сплошь состоялъ изъ бонапартистовъ. Моро присутствовалъ на банкетѣ въ качествѣ почетнаго гостя. Онъ былъ раздраженъ невозможностью выполнить задачи, которыя были возложены на него директоріей, и пріѣхалъ въ Парижъ совершенно скромно, безъ всякаго шума. Бонапартъ, тоже раздраженный, но только своими собственными неудачами, встрѣченъ былъ въ столицѣ, какъ уже упомянуто, общими рукоплесканіями. Оба эти генерала справедливо считались величайшими изъ современныхъ имъ полководцевъ. Во всякомъ случаѣ банкетъ нельзя было считать вполнѣ удавшимся. Оба якобинскіе генерала, Журданъ и Ожеро, блистали своимъ отсутствіемъ, а между тѣмъ, извѣстно было, что они въ дружбѣ съ Бернадоттомъ. Моро, въ свою очередь, казался угрюмымъ и неразговорчивымъ. Единственнымъ сколько-нибудь замѣчательнымъ инцидентомъ былъ провозглашенный Бонапартомъ тостъ: „за согласіе между всѣми французами“. Онъ налилъ себѣ бокалъ вина изъ бутылки, привезенной его адъютантомъ Дюрокомъ. Нечистая совѣсть заставляла Наполеона Бонапарта опасаться отравы на банкетѣ, данномъ въ его честь. Тотчасъ же послѣ банкета, который хотя и оказался не совсѣмъ удачнымъ, но все-таки имѣлъ характеръ почетной овація, Бонапартъ поѣхалъ на совѣщаніе съ Сіейсомъ. Бывшій аббатъ передалъ генералу собственноручно написанный проектъ трехъ мѣропріятій, относительно которыхъ между ними обоими состояло уже напередъ соглашеніе. Починъ революціоннаго движенія надлежало принять на себя, какъ это и предусматривалось въ самой конституціи, Совѣту Старѣйшинъ, въ которомъ бонапартисты располагали большинствомъ. Совѣтъ этотъ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ, необходимый для ниспроверженія конституціи. Слѣдовало прежде всего объявить о существованіи заговора (о сущности и размѣрахъ котораго не упоминалось въ проектѣ), — предписать, чтобы оба Совѣта собрались на засѣданіе въ Сенъ-Клу и, наконецъ, назначить Бонапарта главнокомандующимъ войсками въ Парижѣ. На слѣдующій день, въ чрезвычайномъ засѣданіи обоихъ Совѣтовъ предстояло принять прошенія объ отставкѣ отъ членовъ директоріи Сіейса и Дюко. Надѣялись, что Гойе, Баррасъ и Муленъ послѣдуютъ ихъ

примѣру и не рискнутъ на сопротивленіе. Тогда Бонапартъ, Сіейсъ и Дюко назначены будутъ временно консулами для управленія республикой и введенія во Франціи новой конституціи.

Достаточныя военныя силы были уже на-готовѣ, а потому, въ

Графъ Баррасъ.

(Съ гравюры въ музеѣ Карнавале).

тайномъ совѣщаніи бонапартистовъ, состоявшемся 15 брюмера (7 ноября), было рѣшено, что государственный переворотъ долженъ произойти не позже, какъ черезъ три дня. По выработанной программѣ этого переворота Совѣту Старѣйшинъ надлежало собраться 17 брюмера и созвать на 18 брюмера оба законодательные совѣта въ Сенъ-Клу на чрезвычайныя засѣданія. Дѣло въ томъ, что, на основаніи конституціи, каждый разъ, когда имѣлось въ виду обсу-

ждать какую-нибудь поправку къ государственному уложенію, обоимъ совѣтамъ предписывалось засѣдать внѣ города Парижа. Такой шагъ, какъ созывъ законодательныхъ совѣтовъ въ Сенъ-Клу, долженъ былъ возбудить подозрѣніе среди непосвященныхъ и вызвать на парижскихъ улицахъ, если не безпорядки, то во всякомъ случаѣ очень оживленныя пренія. Всего важнѣе представлялось въ этомъ случаѣ настроеніе войскъ, относительно котораго существовали въ данную минуту лишь гадательныя предположенія. Солдаты питали восторженную преданность къ республиканскимъ принципамъ, а потому слѣдовало избѣгать всякой попытки насилія надъ завѣдомыми республиканцами, засѣдавшими въ Совѣтѣ Пятисотъ. Здѣсь, собственно говоря, и заключалась вся трудность задуманнаго предпріятія. Успѣхъ зависѣлъ всецѣло отъ мгновеннаго инстинктивнаго рѣшенія, которое будетъ принято солдатами,—честными, искренними республиканцами, захваченными врасплохъ. Кромѣ того, существовали еще и другія, менѣе серьезныя трудности. Сіейсъ, понявъ, наконецъ, очевидное намѣреніе Бонапарта пользоваться имъ лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ предстоять въ этомъ надобность, заупрямился. Надо было обращаться съ нимъ очень осмотрительно, чтобы заставить его довести начатое дѣло до конца. Накапунѣ государственнаго переворота заговорщики пережили нѣсколько сутокъ томительнаго страха и опасенія. Талейрану врѣзалась навсегда въ памяти сцена, разыгравшаяся въ его домѣ, на улицѣ Тебу. Однажды вечеромъ, незадолго передъ рѣшительнымъ кризисомъ, онъ бесѣдовалъ тамъ съ посѣтившимъ его Бонапартомъ. Разговоръ затянулся за полночь, когда вдругъ послышался стукъ колесъ экипажа и конскій топотъ сопровождавшаго этотъ экипажъ кавалерійскаго конвоя. Внезапно то и другое смолкло; экипажъ, очевидно, остановился у дверей дома. Бонапартъ и Талейранъ оба поблѣднѣли, замолчали и начали тревожно прислушиваться, вполнѣ убѣжденные, что ихъ сейчасъ арестуютъ. Талейранъ потушилъ свѣчи и выбѣжалъ въ корридоръ, изъ окна котораго можно было видѣть все происходившее на улицѣ. Открывъ окно, онъ уяснилъ себѣ, наконецъ, что какъ разъ у его дверей сломался экипажъ содержателя игорнаго дома, возвращавшійся съ награбленными капиталами изъ Пале-Рояля, подъ конвоемъ конной полиціи. Понятно, что страхъ Талейрана немедленно же разсѣялся. Вернувшись въ комнату, онъ принялся шутить съ Бонапартомъ по поводу пережитаго ими испуга. Надо замѣтить, что ко дню, когда долженъ былъ совершиться государственный переворотъ, все, что только могли предусмотрѣть геніальнѣйшіе въ мірѣ заговорщики, было тщательнѣйше улажено и уравновѣшено. Кажущееся воскрешеніе якобинства было на самомъ дѣлѣ лишь послѣднимъ появленіемъ его призрака. Директорія, утратившая всякій престижъ, чувствовала, что почва колеблется у нея подъ ногами и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала отсутствіе у себя столь необходимаго въ критическую минуту единодушія. Армія, въ глубинѣ души преданная дѣлу республики, была до крайности раздражена умственной и денежной несостоятельностью правитель-

ства. Народныя массы, державшіяся консервативныхъ и роялистскихъ воззрѣній, утратили надежду на возстановленіе законной монархіи и, утомленныя войною, готовы были признать какое угодно прочное правительство. Большинство администраціи, народъ и армія были, при такихъ обстоятельствахъ, расположены сочувственно отнестись къ государственному перевороту. Заговорщики приняли возможныя для нихъ мѣры, чтобы предотвратить проявленія недовольства всюду, гдѣ этого надо было опасаться. Всѣ скрытыя мелкія пружины частныхъ интересовъ пущены были въ ходъ, а тамъ, гдѣ нельзя было разсчитывать на успѣшное ихъ дѣйствіе, рѣшено было прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ.

Первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ.
(Съ картины Энгра въ Лютихскомъ музеѣ).

Всю ночь съ 16 на 17 брюмера комитетъ Совѣта Старѣйшинъ находился въ сборѣ, тщательно пересматривая и заканчивая свои приготовленія. На слѣдующій день, къ 7 часамъ утра, преданное Бонапарту большинство совѣта созвано было на особо важное засѣданіе. Что касается до ненадежныхъ членовъ, то ихъ или вовсе не пригласили, или же назначили имъ въ пригласительныхъ листкахъ болѣе поздній часъ. Какъ только собралось требуемое закономъ число членовъ, Корню, служившій всегда благодарной мишенью для остряковъ, всталъ съ своего мѣста и объявилъ о существованіи страшнаго заговора, угрожающаго законному порядку. Ренье предложилъ тогда, чтобы, согласно съ 102, 103 и 104 статьями конституціи, оба законодательныхъ совѣта собрались къ слѣдующему полудню, но не раньше, во дворецъ Сенъ-Клу на чрезвычайное засѣданіе. Выполненіе этого декрета умѣстнѣе всего поручить генералу Бонапарту, который назначается для этого главнокомандующимъ парижскаго гарнизона, военной охраны народнаго представительства, и національной гвардіи. Ему пред-

писывалось немедленно же явиться въ засѣданіе совѣта и принести установленную присягу. Всѣ эти резолюціи предстояло сообщить законнымъ порядкомъ директоріи и Совѣту Пятисотъ, а также обнародовать во всеобщее свѣдѣніе печатными прокламаціями. Предложеніе Ренье было принято единогласно.

Тѣмъ временемъ, всѣ находившіеся въ Парижѣ генералы, за исключеніемъ Журдана и Ожеро, которые не были приглашены, собрались частью въ квартирѣ Бонапарта, частью предъ его домомъ. Ихъ пригласили явиться въ мундирахъ, чтобы отправиться затѣмъ всѣмъ вмѣстѣ на смотръ. Одинъ только генералъ Бернадоттъ былъ въ партикулярномъ платьѣ. Уступивъ настоянію своего зятя, онъ пришелъ на сходку, но объявилъ, что будетъ повиноваться единственно только законной правительственной власти. Командиръ парижскаго гарнизона, искренній республиканецъ Лефевръ, явился въ мундирѣ, но, встрѣтивъ на пути войска, двигавшіяся безъ его приказанія и, ничего не зная о подготовленномъ уже государственномъ переворотѣ, испытывалъ совершенно естественное удивленіе. Бонапартъ зналъ, однако, хорошо, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и привѣтствовалъ Лефевра вопросомъ: „Неужели вы, сторонникъ республики, дозволите ей погибнуть въ рукахъ этихъ адвокатовъ? Вотъ сабля, которая была со мною въ битвѣ при Пирамидахъ! Позвольте предложить ее вамъ въ знакъ моего уваженія и довѣрія“.

— Мы вышвырнемъ адвокатовъ въ рѣку! — отвѣтилъ храбрый республиканскій генералъ. Бонапартъ, разумѣется, и ожидалъ отъ него подобнаго отвѣта.

Нѣсколько минутъ спустя были получены властныя предписанія Совѣта Старѣйшинъ. Бонапартъ вышелъ на крыльцо и прочелъ ихъ вслухъ. Въ отвѣтъ на это собравшіеся вокругъ него генералы единодушно обнажили шпаги. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе они были уже на коняхъ и, съ Бонапартомъ во главѣ, направились къ Тюльери, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ Старѣйшинъ. Въ первыхъ рядахъ этой кавалькады ѣхали люди, которые успѣли уже прославить свое имя, или которымъ суждено было вскорѣ увѣнчать себя славою: Макдональдъ, Серюрье, Мюратъ, Ланнъ, Андреосси, Бертье и Лефевръ. Проѣздомъ черезъ городъ нетрудно было съ перваго же шага убѣдиться, что заранѣе отданныя приказанія были въ точности выполнены. Войска парижскаго гарнизона стояли подъ ружьемъ на своихъ мѣстахъ, во всѣхъ стратегическихъ пунктахъ, командующихъ столицей. Пріѣхавъ въ Тюльери, Бонапартъ, съ блестящей своей свитой, вошелъ въ залу засѣданія. „Граждане делегаты,—сказалъ онъ,—республика находилась на краю гибели! Вы оказались на высотѣ положенія и спасли ее энергическимъ вашимъ рѣшеніемъ. Горе тѣмъ, кто вздумалъ бы вызывать безпорядки и волненіе! Съ помощью генерала Лефевра, генерала Бертье и другивъ моихъ товарищей по оружію, я ихъ немедленно же арестую. Не къ чему было бы теперь справляться съ прецедентами прошлаго! Никакая историческая эпоха не можетъ сравниться съ концемъ XVIII столѣтія, а тѣмъ болѣе съ

настоящей минутой! Ваша мудрость постановила рѣшеніе, а мы его выполнимъ, если понадобится, силою оружія. Намъ нужна республика, зиждущаяся на истинной свободѣ гражданъ и народнаго представительства. Такая республика у насъ и будетъ! Клянусь въ томъ за себя и за своихъ товарищей по оружію!"—„Мы всѣ клянемся!"—единодушно воскликнули сопровождавшіе его ге-

Бонапартъ въ засѣданіи Совѣта Пятисотъ въ Сенъ-Клу 10-го ноября 1799 года (18 брюмера).

(Съ картины Буше въ Луврѣ).

нералы. Одинъ изъ делегатовъ имѣлъ нескромность замѣтить, что Бонапартъ хотя и поклялся, но его клятва не можетъ разсматриваться, какъ требуемая закономъ присяга въ вѣрности конституціи. Президентъ совѣта поспѣшилъ, однако, заявить, что дальнѣйшія пренія были бы неумѣстными, въ виду состоявшагося уже постановленія прекратить засѣданіе до слѣдующаго полудня.

Тѣмъ временемъ пробило 11 часовъ и члены Совѣта Пятисотъ начали собираться въ свою залу. Люсьенъ Бонапартъ за-

нялъ предсѣдательское кресло и объявилъ засѣданіе открытымъ. Рѣшенія, постановленныя Совѣтомъ Старѣйшинъ, были объявлены среди глубокаго молчанія, которое лишь подъ конецъ стало прерываться многочисленными требованіями объясненія. Съ точки зрѣнія строгой законности и согласно съ буквальнымъ смысломъ конституціи, нижней палатѣ не предоставлялось въ такихъ случаяхъ права высказывать подобныя требованія, а потому президентъ имѣлъ полное основаніе объявить засѣданіе закрытымъ. Народнымъ представителямъ оставалось только демонстративно разойтись среди возгласовъ: „Да здравствуетъ конституція III-го года!“ Несравненно болѣе внушительная и драматическая сцена разыгралась нѣсколько минутъ спустя во дворѣ, гдѣ стоялъ караулъ, долженствовавшій встрѣтить Бонапарта. Пока ихъ возлюбленный полководецъ садился на коня, солдаты привѣтствовали его громкими, дружными ура. Тотчасъ же послѣ того Бонапартъ прибылъ въ главную свою квартиру въ томъ же Тюльерійскомъ дворцѣ, гдѣ и нашелъ всѣхъ главныхъ сообщниковъ въ сборѣ. Министръ полиціи, якобинецъ Фуше, замѣтивъ откуда дуетъ вѣтеръ, явился тоже къ Бонапарту, усердно предлагая ему свои услуги, полезность которыхъ не подлежала никакому сомнѣнію.

Всѣ происшествія этого дня были и въ самомъ дѣлѣ до крайности необычайными. Въ оффиціальномъ „Монитерѣ“ появилась статья, намекавшая, будто якобинцы замышляютъ слить оба законодательныхъ совѣта въ одинъ Конвентъ. Среди уличной черни не обнаруживалось ни малѣйшаго недовольства или волненія; напротивъ того, она съ видимымъ удовольствіемъ глазѣла на стройные ряды войскъ и вовсе не тревожилась необычайными ихъ передвиженіями. Распространенная всюду на улицахъ брошюра Редерера, въ которой указывалась необходимость пересмотра конституціи, читалась, но безъ особеннаго интереса. Бонапартъ, въ качествѣ главнокомандующаго въ Парижѣ и, слѣдовательно, временнаго диктатора, принялъ, какъ это было условлено заранѣе, отъ Сіейса и Дюко прошенія объ отставкѣ для предъявленія ихъ на слѣдующій день обѣимъ палатамъ народнаго представительства, долженствовавшимъ собраться въ Сенъ-Клу. Г-жа Бонапартъ пригласила Гойе и его супругу къ себѣ на завтракъ въ довольно необычайное время, а именно, въ восемь часовъ утра. Ссылаясь на обязанности службы, Гойе уклонился отъ этого приглашенія, а его жена, изумившись при видѣ толпы генераловъ въ блестящихъ мундирахъ, собравшихся на улицѣ передъ дверьми Бонапарта, поспѣшала домой сообщить объ этомъ мужу. Надо полагать, что если бы Гойе поѣхалъ вмѣстѣ съ женою, то ихъ обоихъ удалось бы привлечь на сторону начавшагося движенія, или же, въ противномъ случаѣ, задержать насильственно. Такъ какъ этого не случилось, то Гойе прежде всего рѣшилъ посовѣтоваться съ Баррасомъ и поспѣшно отправился разыскивать своего сотоварища. Этотъ членъ директоріи до такой степени упалъ духомъ, что предпочелъ никому не показываться на глаза,—заперся въ своей ванной и не велѣлъ никого принимать. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ сказать Гойе, чтобы тотъ

на него вполнѣ разсчитывалъ и началъ одѣваться, но прежде, чѣмъ успѣлъ закончить свой туалетъ, былъ вынужденъ объясниться съ Брюи и Талейраномъ, явившимися въ качествѣ посланцевъ отъ Бонапарта. Нечистая совѣсть сдѣлала Барраса мягче воска въ рукахъ Талейрана, который уговорилъ его подать въ отставку и

Водвореніе государственнаго совѣта (Бонапарта, Комбасереса и Лебрена) въ Маломъ Люксембургскомъ дворцѣ (25 декабря 1799 г.).

(Съ картины Кудера въ Версальскомъ музеѣ).

подписаться подъ документомъ, составленнымъ подъ редакціей самого Бонапарта Редереромъ. Въ этомъ документѣ заявлялось, что всяческая опасность для свободы миновала благодаря знаменитому полководцу, которому Баррасъ имѣлъ счастье и честь открыть путь къ славѣ. Все это было улажено такъ быстро, что прежде чѣмъ послѣдній изъ директоровъ, Муленъ, успѣлъ прибыть въ Тюльери, гдѣ Бонапартъ учредилъ свою канцелярію, просьба Барраса объ

отставкѣ и упомянутый документъ были уже получены и директорія, за выходомъ въ отставку трехъ изъ пяти ея членовъ, перестала уже существовать. „Позвольте спросить,—во все услышаніе сказалъ диктаторъ посланцу Барраса,—что сдѣлали вы съ Франціей, которую я окружилъ такою славой? Я оставилъ вамъ побѣду, а нахожу взамѣнъ пораженіе; оставилъ вамъ итальянскіе милліоны, а вижу взамѣнъ ихъ нищету и законы, направленные къ ограбленію народа! Куда дѣвали вы сто тысячъ воиновъ, исчезнувшихъ съ лица родной своей французской земли? Они мертвы, а между тѣмъ они были, вѣдь, боевыми моими товарищами! Такое положеніе не могло продлиться уже само по себѣ. Еще какихъ-нибудь три года и анархія привела бы насъ къ деспотизму. Намъ нужна республика, зиждущаяся на равенствѣ, сознаніи нравственнаго долга и неприкосновенности гражданской свободы, добытомъ нами путемъ политическихъ страданій". Незачѣмъ присовокуплять, что въ числѣ слушателей находился также и газетный репортеръ, поэтъ Арно, благодаря которому рѣчь Бонапарта появилась на другой же день въ газетахъ.

Парижскій главнокомандующій соблаговолилъ, наконецъ, допустить Мулена и Гойе передъ свѣтлыя свои очи. Онъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно радушно и принялся говорить такъ, какъ если бы они тоже имѣли въ виду примкнуть къ движенію, задававшемуся цѣлью „спасти республику". Бонапартъ съ притворнымъ изумленіемъ выслушалъ возраженія обоихъ членовъ директоріи, настаивавшихъ на желательности сохранять уваженіе къ законамъ,—къ конституціи, которой присягалъ самъ Бонапартъ, и къ республиканскимъ арміямъ, начавшимъ уже вновь одерживать побѣды. Бонапартъ остался непоколебимымъ. Онъ пробовалъ дѣйствовать на Гойе убѣжденіями, Мулену же грозно замѣтилъ, что если его родственникъ, Сантерръ (извѣстный демагогъ), попытается на этотъ разъ поднять чернь, то будетъ немедленно же разстрѣленъ. Оба члена директоріи на предъявленное имъ категорическое требованіе подать въ отставку отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ и удалились въ Люксембургскій дворецъ—резиденцію упраздненной теперь уже директоріи. Безъ своего вѣдома и намѣренія они послужили для Бонапарта средствомъ отдѣлаться отъ очень опаснаго соперника, принеся этого соперника въ жертву своимъ личнымъ интересамъ. Въ приказѣ по войскамъ парижскаго гарнизона, отданномъ на этотъ день Ланнъ былъ назначенъ начальникомъ караула въ Тюльери; Серюрье—въ Пуанъ-дю-Журѣ; Мармонъ—въ Военномъ училищѣ; Макдональдъ—въ Версали, а Мюратъ—въ Сенъ-Клу. Что касается до Моро, то ему поручили самый выдающійся постъ, а именно начальника караула въ правительственной резиденціи—въ Люксембургскомъ дворцѣ. Моро разсуждалъ, что если Бонапартъ станетъ государственнымъ дѣятелемъ предстоящей революціи, то его самого лично, безъ сомнѣнія, сдѣлаютъ полководцемъ новаго правительства. Чувствуя себя польщеннымъ почетнымъ назначеніемъ на выдающійся довѣренный постъ, какимъ являлось въ дан-

ную минуту командованіе войсками въ Люксембургскомъ дворцѣ, онъ охотно туда отправился. Исполняя приказанія временнаго своего начальника, Бонапарта, Моро долженъ былъ объявить домашній арестъ членамъ директоріи, Гойе и Мулену, которыхъ не удалось побудить къ добровольному участію въ революціонномъ движеніи. Онъ ограничился тѣмъ, что приставилъ часовыхъ къ дверямъ несговорчивыхъ директоровъ, и какъ уже упомянуто, только выполнялъ отданныя ему приказанія. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе, легкомысліе котораго недаромъ вошло въ пословицу, возложило на одного Моро отвѣтственность за лишеніе свободы представителей законной правительственной власти и вынесло ему строгій приговоръ. Его обвинили въ насильственномъ произволѣ, погубившемъ въ критическій моментъ дѣло свободы, и вліяніе, которымъ онъ до тѣхъ поръ пользовался, разсѣялось мгновенно, словно миражъ.

Жанъ-Жакъ-Режи Камбасересъ, герцогъ Пармскій.

(Съ картины Шопена въ Версальскомъ музеѣ).

Вечеромъ въ тотъ же день явился къ Бонапарту Ожеро, сообразившій, что въ данную минуту благонадежнѣе всего примириться съ прежнимъ своимъ главнокомандующимъ. Онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ освѣдомился шутливымъ тономъ и обращаясь къ Наполеону на ты: „Неужели Бонапартъ не довѣряетъ болѣе своему Ожерошечкѣ?“ Опасенія Ожерошечки наврядъ-ли совер-

шенно разсѣялись, когда ему отвѣтили на этотъ вопросъ совѣтомъ сидѣть самому смирно и передать тоже самое Журдану.

Казалось, что дѣла заговорщиковъ идутъ какъ по маслу. Услужливый Фуше распорядился закрыть городскія заставы, но Бонапартъ былъ до такой степени увѣренъ въ успѣхѣ, что отмѣнилъ это приказаніе. Безмятежное спокойствіе его духа могло сравниться развѣ лишь съ ясною тишиной наступившей звѣздной ночи. На самомъ дѣлѣ, однако, противъ диктатора составленъ былъ ночью контръ-революціонный заговоръ довольно опаснаго свойства. Бернадоттъ видѣлся съ нѣсколькими единомышленниками, въ числѣ которыхъ были и оппозиціонные члены Совѣта Пятисотъ, въ домѣ Саличетти. Онъ условился съ ними на другой день рано утромъ явиться въ генеральскомъ мундирѣ во дворецъ Сенъ-Клу, раньше чѣмъ прибудетъ туда кто-либо другой, и занять этотъ дворецъ своими сторонниками, разсчитывая повліять на ходъ событій въ собственныхъ своихъ интересахъ, являвшихся тогда солидарными съ интересами якобинцевъ. Попытка эта не удалась, потому что Саличетти оказался измѣнникомъ. Онъ давно уже велъ съ Бонапартомъ двуличную игру, но подъ конецъ уяснилъ себѣ, въ чью сторону должна неизбѣжно склониться побѣда и поспѣшилъ заключить миръ, пока это еще оказывалось возможнымъ. Это ему удалось, и Бонапартъ великодушно согласился простить доносчику, изъ-за котораго самъ сидѣлъ когда-то въ тюрьмѣ. Фуше, перешедшій уже на сторону диктатора, получилъ отъ Саличетти обстоятельное извѣщеніе о контръ-революціонномъ заговорѣ. Въ качествѣ министра полиціи, онъ устроился такъ, что, не возбуждая подозрѣній, задержалъ всѣхъ сообщниковъ Бернадотта. Никому изъ нихъ не удалось своевременно явиться на мѣсто и вслѣдствіе этого предположенная контръ-революція потерпѣла фіаско. Въ довершеніе всего обнаружилось въ послѣднюю минуту разногласіе и между друзьями самого Бонапарта. Наиболѣе робкіе изъ нихъ являлись къ нему рано утромъ съ совѣтомъ занять мѣсто въ директоріи. „Да, вѣдь, ея уже нѣтъ!“—возразилъ Бонапартъ. Нѣкоторые изъ его пріятелей отступились отъ предпріятія, остальные же рѣшили держаться первоначальнаго плана, а именно потребовать отсрочки засѣданій обоихъ законодательныхъ совѣтовъ до перваго вантоза (19-го февраля 1800 года) съ тѣмъ, чтобы въ теченіи этого долгаго промежутка времени управленіе Франціей было поручено Бонапарту. Оказалось, однако, что заговорщики не предусмотрѣли двухъ очень важныхъ пунктовъ. Между ними не состоялось никакого соглашенія насчетъ того, какъ поступить въ случаѣ, если Совѣтъ Пятисотъ вздумаетъ заартачиться. Кромѣ того во дворцѣ Сенъ-Клу не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ пріему депутатовъ. Представляется до чрезвычайности страннымъ, что Бонапартъ, всегда и всюду имѣвшій на своемъ лукѣ по крайней мѣрѣ двѣ тетивы, на этотъ разъ, въ самомъ сердцѣ Франціи и въ рѣшающій моментъ для своихъ судебъ, запасся всего только одною. Поздно вечеромъ, удаляясь, чтобы заснуть на нѣсколько часовъ, онъ с лиш-

комъ уже сангвинически выразилъ Буррьену полное свое удовольствіе событіями дня.

Ниспроверженіе конституціи.

Утромъ, 18 брюмера, на парижскихъ улицахъ было очень людно. Всюду слышались оживленные разговоры, но никакихъ безпорядковъ не происходило. Народнымъ представителямъ назначено было собраться къ полудню въ Сенъ-Клу и въ двѣнадцатомъ часу они стали туда направляться, сопровождаемые толпою народа. Бонапартъ съ 8.000 войска находился уже тамъ. По прибытіи во дворецъ, члены обоихъ совѣтовъ нашли, что тамъ ничего еще не приготовлено для ихъ пріема. Двухчасовой промежутокъ времени, употребленный на спѣшныя приготовленія, чуть было не оказался пагубнымъ для бонапартистскаго движенія. Якобинцы начали собираться въ группы, чтобы обсудить положеніе, съ которымъ неожиданно очутились лицомъ къ лицу. У нихъ впервые возникло тогда подозрѣніе, что предстоитъ имѣть дѣло не съ пересмотромъ конституціи, а съ окончательнымъ ея ниспроверженіемъ. Лишь въ два часа пополудни пригласили открыть засѣданія: Совѣта Пятисотъ внизу, въ оранжереѣ, а Совѣта Старѣйшинъ—наверху, въ залѣ Аполлона. Бонапартъ и смутившійся, оробѣвшій Сіейсъ заперлись вмѣстѣ въ одной изъ комнатъ дворца, ожидая тамъ результата подготовленныхъ ими событій. Сіейсъ распорядился на всякій случай, чтобы у воротъ стояла карета, запряженная шестеркой лошадей и намѣревался въ случаѣ неудачи воспользоваться этимъ экипажемъ. Во всѣхъ корридорахъ дворца стояли часовые, а парадныя залы были наполнены офицерами и частными лицами, державшими сторону главнаго заговорщика. Вскорѣ стали получаться тревожныя вѣсти изъ обоихъ законодательныхъ совѣтовъ. Наверху, Совѣтъ Старѣйшинъ, среди сильнѣйшаго возбужденія, постановилъ отложить разсмотрѣніе законопроекта, по которому управленіе государствомъ предлагалось поручить Бонапарту. Предварительно требовалось выяснить, находится-ли исполнительная власть въ надлежащемъ составѣ и всѣ-ли члены директоріи на лицо, такъ какъ лишь въ такомъ случаѣ рѣшенія совѣта могли имѣть законную силу. Началась полнѣйшая анархія, когда секретарь совѣта объявилъ (къ тому же не совсѣмъ правильно), что четверо директоровъ вышли въ отставку, а пятый находится подъ арестомъ.

Какъ разъ въ это мгновеніе Бонапартъ, съ своимъ штабомъ, появился у дверей. То, что происходило тогда въ залѣ засѣданія, привело его въ ужасъ. Мужество полководца принадлежитъ къ иной категоріи съ личною храбростью солдата, ввиду физической опасности. Обѣ эти категоріи не имѣютъ, въ свою очередь, ничего общаго съ дерзкой самоувѣренностью человѣка, идущаго наперекоръ закону. У Бонапарта вообще не хватало такой самоувѣренности въ рѣшительныя минуты. Онъ страшно поблѣднѣлъ, но, сдѣлавъ надъ собой энергическое усиліе, оправился и началъ гово-

рить отрывистыми, хлесткими, краснорѣчивыми фразами. „Мы находимся теперь надъ волканомъ,—сказалъ онъ.—Я не Цезарь и не Кромвель, а простой безхитростный солдатъ, который жилъ спокойно въ Парижѣ и оказался, неожиданно для себя самого, призваннымъ спасать отечество. Если бы я былъ узурпаторомъ, я обратился бы теперь не къ народному представительству, а къ солдатамъ прежней моей итальянской арміи. На обязанности всѣхъ присутствующихъ принять мѣры, необходимыя для спасенія свободы и равенства... (А также и конституціи! воскликнулъ одинъ голосъ).—Стоитъ-ли говорить о конституціи?—возразилъ Бонапартъ.—Вы нарушили ее восемнадцатаго фруктидора, а затѣмъ двадцать второго флоріаля и тридцатаго преріаля. Всѣ фракціи ссылаются на конституцію, и всѣ онѣ ее нарушали. Служа предметомъ общаго неуваженія, она стала непригодной для республики, такъ какъ, очевидно, не можетъ спасти тѣхъ, кто ея и въ грошъ не ставитъ!“ Затѣмъ онъ обратился къ Совѣту Старѣйшинъ съ просьбою облечь его надлежащими полномочіями, обѣщая сложить ихъ съ себя тотчасъ же по устраненіи опасности, въ которой находится теперь государство. „Какая же это такая настоятельная опасность?—спросили его.—Въ чемъ именно она заключается?“—„Ну, что же, если на то пошло, я не стану молчать!—воскликнулъ Бонапартъ.—Знайте же, что Баррасъ и Муленъ предлагали мнѣ стать во главѣ партіи, замышляющей окончательное ниспроверженіе либеральнаго порядка вещей!“ Столь неискусная, грубая ложь вызвала цѣлую бурю негодованія.—Неужели это и былъ заговоръ якобинцевъ, о которомъ вчера предупреждали Старѣйшинъ?—кричали со всѣхъ сторонъ.—Слыханное-ли дѣло, чтобы аристократъ Баррасъ и демократъ Муленъ оказались соучастниками одного и того же заговора? — На Бонапарта сыпались градомъ требованія объясненій.

Тѣмъ временемъ Бонапартъ снова собрался съ духомъ и, вмѣсто всякихъ объясненій, разразился бурными нападками на конституцію и Совѣтъ Пятисотъ, причемъ очень ловко пригрозилъ, что если бы кому-нибудь вздумалось объявить его внѣ закона, то онъ обратится къ гренадерамъ, шапки которыхъ видны отсюда,—къ солдатамъ, штыки которыхъ сверкаютъ здѣсь по сосѣдству. „Вспомните, что я иду подъ сѣнью богини Счастья, сопровождаемый богомъ Войны!“ („Помилуйте, генералъ, вы сами не знаете, что говорите теперь“, шепнулъ ему на ухо Буррьенъ). Президентъ Совѣта Пятисотъ находился въ величайшемъ недоумѣніи. При всемъ желаніи выполнить просьбу Бонапарта, совѣтъ положительно не могъ сдѣлать это при отсутствіи сколько-нибудь благовидной мотивировки. Въ третій разъ обратились къ Бонапарту съ требованіемъ изложить подробности заговора, вызывавшаго необходимость въ принятіи такихъ чрезвычайныхъ мѣръ, но и въ третій разъ у него не хватило надлежащей находчивости, чтобы удовлетворить доброжелательную любознательность совѣта. Онъ не могъ придумать ничего иного, кромѣ нелѣпаго сочетанія именъ Барраса и Мулена, и только присовокупилъ, что истинная опасность заключалась какъ разъ въ совпаденіи программы заговорщиковъ

съ общими желаніями, вслѣдствіе чего сами заговорщики нисколько не хуже несмѣтнаго множества другихъ людей, которые въ глубинѣ души раздѣляютъ ихъ мнѣнія. Раздосадованные соучастники Бонапарта буквально вытащили его тогда изъ залы засѣданія. По его удаленіи, бонапартистское большинство въ Совѣтѣ Пятисотъ благополучно провело заранѣе условленную программу и вотировало довѣріе Бонапарту. На слѣдующій день, по распоряженію „властей“, рѣчь Бонапарта была напечатана, но въ значительно измѣненной редакціи, въ которой представлялась уже значительно менѣе дикой.

Въ нижнемъ этажѣ дворца свирѣпствовала страшная буря. Люсьенъ Бонапартъ ожидалъ, что Совѣтъ Старѣйшинъ быстро покончитъ съ предстоявшей задачей и сообщитъ свое постановленіе Совѣту Пятисотъ. Онъ разсчитывалъ тогда безотлагательно внести предложеніе о томъ, чтобы означенное рѣшеніе было немедленно же одобрено безъ всякихъ преній. Засѣданіе было открыто съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей и началось совершенно спокойно. Депутаты терпѣливо слушали краткую, неясную и во всѣхъ отношеніяхъ слабую рѣчь, въ которой одинъ изъ ихъ сотоварищей, бонапартистъ, разсказывалъ имъ о существованіи заговора. Двухчасовая отсрочка засѣданія дала якобинцамъ время одуматься. Въ данную минуту имъ не представляли на обсужденіе никакихъ особо важныхъ дѣлъ и не сообщили даже объ отставкѣ трехъ членовъ директоріи. Ввиду необходимости какъ-нибудь убить время, внесено было предложеніе о томъ, чтобы каждый депутатъ возобновилъ свою присягу конституціи. Всѣ, не исключая и самого Люсьена, выполнили эту формальность. Во время принесенія присяги начали, однако, раздаваться безпорядочные крики: „Не хотимъ самоуправства! Долой диктаторовъ! Мы всѣ здѣсь люди свободные!“ Крики все болѣе усиливались, такъ что дошли, наконецъ, до ушей гренадеръ, окружавшихъ дворецъ. Въ этотъ критическій моментъ получено было президентомъ заявленіе Барраса о выходѣ въ отставку. Оно было прочитано полностью вмѣстѣ съ документомъ, гдѣ Баррасъ утверждалъ, что съ возвращеніемъ во Францію знаменитаго полководца, которому онъ имѣлъ честь и счастье открыть дорогу

Шарль - Франсуа Лебренъ, герцогъ Піаченцскій.
(Съ портрета Леполя въ Версальскомъ музеѣ).

къ славѣ, и ввиду доказательствъ полнѣйшаго довѣрія законодательной власти къ этому генералу, онъ убѣжденъ, что свободѣ не угрожаетъ болѣе никакой опасности, а потому съ радостью возвращается на стезю частной жизни.

Депутатамъ, или, по крайней мѣрѣ, большинству ихъ было неизвѣстно, что Сіейсъ и Дюко подали тоже Бонапарту прошенія объ отставкѣ. Точно также они не знали объ арестѣ Гойе и Мулена. Въ заявленіи Барраса можно было прочесть, однако, между строкъ, что директорія уже рушилась, или находилась наканунѣ полнаго распаденія. Возникшія уже и передъ тѣмъ подозрѣнія, что подготовляется государственный переворотъ, получили такимъ образомъ вѣсское подтвержденіе. Якобинское большинство Совѣта Пятисотъ пришло въ величайшее смущеніе. Одни предлагали безотлагательно выбрать новую директорію, другіе настаивали на необходимости соблюсти требуемый конституціей срокъ и отложить засѣданіе. Наиболѣе проницательные поняли, что попались въ ловушку и начали объяснять своимъ сотоварищамъ, въ чемъ именно она заключалась.—„Думаю, что изъ числа присутствующихъ нѣкоторые знаютъ, откуда мы пришли и куда идемъ!“—многозначительно замѣтилъ Гранмезонъ. Въ эту критическую минуту двери залы засѣданія распахнулись настежъ и на порогѣ показался Бонапартъ, окруженный гренадерами. Это вызвало невообразимый хаосъ. Депутаты повскакали съ мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ устремились къ окнамъ,—другіе бросились съ угрожающими жестами на встрѣчу генералу, осмѣлившемуся явиться съ вооруженною силой въ залу засѣданія. Многіе принялись кричать: „Объявимъ его внѣ закона!“—и требовать, чтобъ это предложеніе немедленно же было подвергнуто голосованію. Безпорядокъ все болѣе усиливался. „Объявляйте же его внѣ закона! Не надо намъ диктатора! Вонъ его отсюда!“ кричали депутаты. —„Вспомните, дерзновенный,—объявилъ Бонапарту одинъ изъ стоявшихъ возлѣ него,—что вы насильственно ворвались въ святилище закона!“ —„Неужели именно для этого вы и одерживали побѣды надъ врагами Франціи?“—спросилъ другой. Возбужденіе умовъ дошло до того, что раздраженные народные представители перешли отъ словъ къ дѣлу и бросились на Бонапарта съ кулаками. На другой день разсказывали, будто одинъ изъ гренадеровъ, Томе, закрылъ собою Наполеона, причемъ ударъ кинжала, направленный въ грудь генералу, прорѣзалъ вмѣсто того лишь сукно на рукавѣ гренадерскаго мундира. Никто изъ очевидцевъ, достойныхъ довѣрія, не подтверждаетъ, однако, чтобы на самомъ дѣлѣ произошло что-нибудь подобное. Взволнованный до крайности, Бонапартъ, котораго, безъ сомнѣнія, истомили опасенія, естественныя у человѣка, поставившаго рѣшительно все на ставку въ такомъ рискованномъ дѣлѣ, внезапно поблѣднѣлъ и лишился чувствъ. Солдаты подхватили его на руки и вынесли на свѣжій воздухъ, гдѣ онъ тотчасъ же пришелъ въ себя и сѣлъ на коня.

Наступилъ рѣшительный моментъ.—Послушаются-ли солдаты, если имъ отданъ будетъ приказъ употребить насиліе по отноше-

нію къ народнымъ представителямъ?—На лицахъ многихъ генераловъ можно было прочесть тревожныя опасенія. Уже послѣ своего появленія въ Совѣтѣ Старѣйшинъ Бонапартъ выбѣжалъ въ пріемную, гдѣ собрались его генералы, и воскликнулъ: „Надо положить всему этому конецъ!“ За время вторичнаго отсутствія Бонапарта Серюрье, уяснивъ себѣ, что именно требовалось въ данномъ случаѣ, принялся расхаживать взадъ и впередъ передъ фронтомъ войскъ, восклицая: „Тамъ, кажется, собираются убить вашего генерала, но все-таки извольте стоять смирно!“

Безпорядокъ въ Оранжереѣ все еще продолжался. Люсьенъ упорно отказывался голосовать предложеніе объ умѣстности объявить генерала Бонапарта внѣ закона и требовалъ, чтобы его брату позволили объясниться. Такъ какъ никто не слушалъ его возраженій, то онъ покинулъ президентское кресло и, воскликнувъ: „Здѣсь нѣтъ болѣе свободы!“ съ отчаяніемъ выбѣжалъ изъ залы засѣданія. Ему именно и слѣдуетъ приписать сомнительную честь успѣха 18 брюмера. Генералъ Бонапартъ послалъ взводъ солдатъ, чтобы проводить своего брата сквозь толпу. Раздался барабанный бой и команда „Смирно!“ Люсьену подали коня, на котораго онъ и сѣлъ. Затѣмъ, выѣхавъ къ войскамъ, онъ объявилъ въ качествѣ президента Совѣта Пятисотъ, что большинство народныхъ представителей люди порядочные, заслуживающіе всякаго уваженія, но что въ числѣ ихъ имѣется нѣсколько убійцъ, англійскихъ наемниковъ, которые держатъ всѣхъ остальныхъ въ страхѣ. „Ура! Да здравствуетъ Бонапартъ!“—кричали солдаты, но все-таки не выказывали ни малѣйшаго намѣренія очистить штыками Оранжерею. Наполеонъ не отдавалъ имъ никакого приказанія. Въ этотъ критическій моментъ Люсьенъ выхватилъ кинжалъ, приставилъ его къ груди Наполеона и сказалъ: „Клянусь, я поразилъ бы на смерть родного брата, если бы онъ позволилъ себѣ какъ нибудь покуситься на свободу французовъ!“ Войска при этихъ

Ш. М. Талейранъ.
(Съ картины Ари Шефера).

словахъ словно встрепенулись. „Прикажите намъ войти въ залу засѣданія?“—спросилъ Мюратъ, обращаясь къ Наполеону Бонапарту.—„Да,—отвѣчалъ ему генералъ,—и если они будутъ сопротивляться, колите ихъ на смерть! Да, слѣдуйте за мною, я долженъ быть для васъ сегодня божествомъ!“ Къ счастью, эти необдуманныя слова, вырвавшіяся у Бонапарта словно въ истерическомъ припадкѣ, удалось разслушать лишь немногимъ. „Замолчи же, наконецъ,—сказалъ Люсьенъ брату,—ужь не воображаешь-ли ты, что говоришь съ мамелюками?“ Какъ разъ въ это время раздалась команда и гренадеры, предводимые обоими братьями, ѣхавшими на коняхъ, двинулись впередъ. Они не встрѣтили никакого сопротивленія и черезъ нѣсколько мгновеній Оранжерея опустѣла.

Если Бонапартъ не хотѣлъ играть роль Цезаря или Кромвеля, то Сіейсу слѣдовало бы самому, въ качествѣ члена директоріи и главнаго автора конституціи, отстаивать предъ законодательными совѣтами реформу, которую онъ считалъ необходимой. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ, какъ теперь, такъ и прежде, не питалъ къ Бонапарту особенныхъ симпатій. Сіейсу хотѣлось играть руководящую роль и надѣлить Францію такою конституціей, совершенство которой снискало бы ей общее уваженіе, а между тѣмъ, его каждый разъ отодвигали на задній планъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться великолѣпнѣйшимъ случаемъ, представлявшимся ему, какъ законодателю, онъ оробѣлъ и вмѣстѣ съ Дюко, выбравшись изъ дворца, сѣлъ въ карету. Выработанная имъ и, по его мнѣнію, совершенная во всѣхъ отношеніяхъ конституція могла, послѣ всего того, что случилось, опираться лишь на военную силу, подобно только что ниспровергнутому государственному уложенію. Тѣмъ не менѣе, Сіейсъ какъ нельзя лучше понималъ, что Бонапартъ зашелъ уже слишкомъ далеко и что сдѣланный имъ промахъ надлежало исправить. Франція еще не созрѣла для военнаго деспота, подобнаго шведскому королю Карлу XII, посылавшему свой сапогъ, чтобы предсѣдательствовать на сеймѣ, или же выталкивать оттуда въ шею народныхъ представителей. По совѣту Сіейса, розыскали не безъ труда нѣсколькихъ депутатовъ, сторонниковъ Бонапарта, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ своими сотоварищами. Люсьенъ Бонапартъ созвалъ ихъ вечеромъ въ Парижъ на чрезвычайное засѣданіе. Ихъ набралось болѣе пятидесяти, а, по словамъ нѣкоторыхъ достовѣрныхъ и безпристрастныхъ свидѣтелей, число явившихся на засѣданіе достигло до ста двадцати человѣкъ. Такимъ образомъ внѣшнія формы законности были соблюдены, и Франція оказалась какъ будто обладающей обѣими палатами народнаго представительства. Имъ была представлена на разсмотрѣніе новая невозможная и крайне неуклюжая конституція, выработанная Сіейсомъ, который считалъ себя знатокомъ по части государственныхъ наукъ.

Тѣмъ временемъ къ Бонапарту совершенно вмѣстѣ съ самообладаніемъ вернулись также и обычныя иллюзіи. Впослѣдствіи, на островѣ Св. Елены, Наполеонъ утверждалъ, будто служилъ въ то время центральнымъ пунктомъ всѣхъ заговоровъ. По его мнѣ-

нію, означенные заговоры были словно безъ головы, такъ какъ не располагали надлежащею „шпагой“. Онъ одинъ обладалъ полною свободой дѣйствій и могъ стать на ту сторону, которая приходилась ему болѣе другихъ по вкусу. Г-жѣ Ремюза онъ говорилъ: „Это была одна изъ тѣхъ эпохъ моей жизни, когда мнѣ довелось обнаружить болѣе всего искусства и ловкости. Повидавшись съ аббатомъ Сіейсомъ, я обѣщалъ превратить выработанную имъ конституцію изъ набора словъ въ дѣло. Я принималъ у себя вождей якобинской партіи и агентовъ Бурбонской династіи. Я выслушивалъ всѣ совѣты, но самъ совѣтовалъ лишь то, что сообразовалось съ моими интересами. Я старался не мозолить людямъ глаза, зная, что придетъ время, когда любопытство заставитъ ихъ броситься къ моимъ ногамъ. Всѣ и каждый запутывались въ мои сѣти и, когда я сдѣлался главой государства, не было во Франціи ни одной партіи, которая не возлагала бы на меня своихъ надеждъ!“ Г-жа Сталь, вернувшаяся 18 брюмера изъ Швейцаріи въ Парижъ, видѣлась съ Баррасомъ, уѣзжавшимъ къ себѣ на дачу въ Гробуа. Она нашла, что въ французской столицѣ никто не разсуждалъ болѣе объ отвлеченностяхъ: объ учредительномъ собраніи, народѣ, конвентѣ, или же государственныхъ уложеніяхъ. Всѣ толки сосредоточивались на одной личности, а именно на томъ, что говорилъ и дѣлалъ генералъ Бонапартъ. „Собственныя мои чувства,—заявляетъ г-жа Сталь,—были довольно сложными. Если бы дѣло дошло до борьбы, и якобинцы одержали побѣду, я поспѣшила бы уѣхать обратно за-границу, такъ какъ во Франціи кровь опять полилась бы рѣкою“. Тѣмъ не менѣе, при мысли о побѣдѣ, одержанной Бонапартомъ, она почувствовала пророческую грусть. Она не могла сожалѣть объ утратѣ Франціей свободы, которою страна эта на самомъ дѣлѣ никогда не пользовалась. Г-жа Сталь была умѣренной республиканкой и, подобно своимъ единомышленникамъ, испытывала полнѣйшій упадокъ духа, такъ какъ не знала и не могла предложить никакого средства, способнаго въ данную минуту помочь горю. Роялисты, въ свою очередь, какъ нельзя лучше знали, чего именно имъ хотѣлось. Имъ казалось теперь желательнымъ, чтобы во Франціи явился какой-нибудь деспотъ, второй Ришелье, суровый и безсердечный, который сталъ бы управлять желѣзной рукою, такъ какъ это являлось, по ихъ мнѣнію, единственнымъ средствомъ для объединенія французовъ въ сплоченную націю. Въ письмѣ, присланномъ нѣсколько ранѣе изъ Кобленца, главной квартиры эмигрантовъ на берегу Рейна, они заявляли о желательности объединенія всѣхъ властей въ рукахъ энергическаго деспота, талантливаго и непреклоннаго человѣка, ревниво относящагося къ своему господству и дѣйствительно воплощающаго въ себѣ идеалъ самодержавія. Этотъ узурпаторъ долженъ былъ, по мнѣнію роялистовъ, „снискать себѣ блестящую славу и уваженіе грандіознымъ величіемъ своей кромвелевской политики и держать французовъ въ благоговѣйномъ страхѣ, заставляя народъ почитать и благословлять собственное свое рабство“. Что касается до

народа въ массѣ, то онъ былъ до чрезвычайности утомленъ войною и жаждалъ мира, который бы доставилъ ему славу и возможность жить въ свое удовольствіе. Немногіе честные радикалы, отличавшіеся искренними республиканскими доблестями, сошли со сцены вмѣстѣ съ алчными и шумливыми своими сотоварищами. Партія якобинцевъ болѣе не существовала. Всѣ данныя французскія государственныя задачи подверглись радикальнѣйшей перетасовкѣ.

Наполеонъ въ качествѣ опекуна революціи.

Наслѣдникъ директоріи.—Олицетвореніе революціи.—Система деспотизма, прикрывающагося маскою законности.—Политика и стратегія.—Маренго.—Люневилльскій миръ.

Бонапартъ въ качествѣ наслѣдника директоріи.

Послѣ событій 18-го брюмера Бонапартъ вернулся въ Парижъ властелиномъ судебъ Франціи. Верховная власть, какъ исполнительная, такъ и законодательная, находилась частью въ собственныхъ его рукахъ, частью же въ рукахъ его приспѣшниковъ. Большинство французскаго народа не придавало особеннаго значенія насильственному разогнанію палаты народныхъ представителей, которая и сама прибѣгала къ насилію. Точно также находили совершенно естественнымъ, что якобинцы, выказывавшіе постоянно готовность прибѣгать къ содѣйствію штыковъ республиканской арміи, были подъ конецъ ниспровергнуты и разогнаны этими самыми штыками. Вмѣстѣ съ тѣмъ весь французскій народъ присягалъ уже столькимъ конституціямъ, что замѣна прежней конституціи новою представлялась ему довольно безразличной, тѣмъ болѣе, что новая конституція должна была, какъ полагали, оказаться стряпней, изготовленной изъ тѣхъ же самыхъ припасовъ, какъ и прежняя. Судьбы революціи находились, вѣдь, въ рукахъ ея сторонниковъ, а потому никакой принципіальной перемѣны произойти не могло. Талейранъ и роялисты, въ свою очередь, какъ нельзя лучше понимали, что государственный переворотъ 18-го брюмера замѣстилъ олигархію, представительницей которой являлась директорія, могущественной фактической монархіею. Они надѣялись, впрочемъ, что эта револю-

Первый консулъ въ сраженіи подъ Маренго.

ціонная монархія окажется лишь временною и подготовитъ возвращеніе Бурбоновъ во Францію.

Наполеонъ Бонапартъ былъ значительно умнѣе большинства своихъ современниковъ, а потому, понимая самъ какъ нельзя лучше ошибочность обоихъ этихъ воззрѣній, признавалъ необходимымъ соблюдать величайшую осторожность. Поставивъ рѣшительно все на карту, онъ выигралъ и намѣревался воспользоваться своимъ выигрышемъ. Онъ зналъ, что въ послѣднюю рѣшительную минуту счастье чуть ему не измѣнило, въ ушахъ его еще звучали крики: „Измѣнникъ!“ —„Внѣ закона!“— Безъ сомнѣнія, страшный рискъ, которому Бонапартъ подвергся бы вслучаѣ неудачи заговора, произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. При всей своей твердой рѣшительности идти и впредь по тому же пути, онъ все же въ значительной степени отрезвился. Государственный переворотъ вызвалъ въ арміи и народѣ восторженную радость. Наполеонъ предвидѣлъ, что у народа это чувство радости скоро замретъ и не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Хотя г-жа Бонапартъ постоянно нуждалась въ деньгахъ, но уже и передъ тѣмъ ходили слухи, что у ея мужа имѣлось до тридцати милліоновъ франковъ, хранившихся въ различныхъ банкахъ. Разсчитывали, что 18-е брюмера обошлось ему въ полтора милліона франковъ. Вскорѣ не было ужь ни для кого тайной, что каждый солдатъ парижскаго гарнизона получилъ отъ Бонапарта 12 франковъ, новый мундиръ и чарку водки. О суммахъ, которыя были розданы болѣе выдающимся сторонникамъ Бонапарта, даже не рѣшались говорить, понимая, что онѣ, безъ сомнѣнія, оказывались колоссальными. Сторонники конституціонныхъ учрежденій и умѣренные республиканцы чувствовали, что ихъ дѣло и судьбы націи находятся въ опасности. Одни роялисты обрадовались бы, если бы Бонапартъ немедленно же захватилъ всю власть въ свои руки. Самъ онъ понималъ, что народомъ, который въ теоріи все еще восторгается революціей, надлежитъ управлять строго соблюдая внѣшнія формы законности, — путемъ строго конституціонныхъ мѣропріятій.

Вечеромъ, 18-го брюмера, когда собрались остатки обѣихъ палатъ народнаго представительства, Люсьенъ Бонапартъ произнесъ рѣчь о древне-римской республиканской свободѣ, символомъ которой служили пучки розогъ, носимые передъ консулами. Франція несомнѣнно одобритъ воскрешеніе этихъ символовъ, а ея враги будутъ ими обезоружены. Булэ (изъ департамента Мерты) предложилъ тогда учредить временное консульство изъ Бонапарта, Сіейса и Дюко; отсрочить засѣданія обоихъ законодательныхъ совѣтовъ до перваго вантоза (20-го февраля 1800 года); назначить двѣ комиссіи, изъ двадцатипяти членовъ отъ каждаго совѣта, для содѣйствія консуламъ въ предположенныхъ реформахъ и подвергнуть проскрипціи 57 депутатовъ, особенно враждебно отнесшихся къ этимъ реформамъ. Чтобъ сохранить внѣшній видъ законности и строгой послѣдовательности, комиссія отъ Совѣта Старѣйшинъ предложила, а комиссія Совѣта Пятисотъ приняла упомянутыя

реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что новая конституція должна сохранить республику, подтвердить верховныя права народа и обезпечить ему представительное правительство съ надлежащимъ раздѣленіемъ властей, причемъ имущественныя права, свобода и равенство должны быть ограждены отъ всякихъ посягательствъ. Для соблюденія формальностей признано было умѣстнымъ объявить, что директоріи болѣе уже не существуетъ. Всѣ эти мѣропріятія были поочередно вотированы обѣими палатами народнаго представительства; консулы, приведенные къ присягѣ, поклялись въ непоколебимой вѣрности державному народу, единой и нераздѣльной французской республикѣ, свободѣ, равенству и конституціонной формѣ правленія. Постановивъ резолюцію о томъ, что Бонапартъ оказалъ 18-го брюмера важную услугу отчизнѣ, обѣ палаты закрыли утромъ свои засѣданія и разошлись. Съ восходомъ солнца, надъ Парижемъ и Франціей властвовалъ уже деспотъ, казавшійся, повидимому, однако, благодѣтельнымъ. Семья перваго консула переѣхала въ тотъ же день въ назначенный для его резиденціи Люксембургскій дворецъ. Тотчасъ же приступлено было также и къ преобразованію конституціи.

Придуманное Сіейсомъ государственное уложеніе, которое онъ считалъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенствомъ, на самомъ дѣлѣ являлось до чрезвычайности неуклюжимъ правительственнымъ механизмомъ. Тѣмъ не менѣе въ этой конституціи содержалось много такого, что было внесено въ нее самимъ Бонапартомъ и въ достаточной степени согласовалось съ его цѣлями. Она была взята поэтому исходною точкой, но подверглась такимъ передѣлкамъ и преобразованіямъ, что принятая въ окончательной формѣ и провозглашенная конституція оказалась по внѣшности сходной, но по внутреннему содержанію какъ разъ противуположной первоначальному проекту Сіейса. Искусно создавая иллюзію возможности пользоваться ею какъ орудіемъ дѣйствительнаго народнаго контроля надъ центральною властью, она въ своихъ постановленіяхъ замѣчательно ловко сообразовалась съ видами и стремленіями всѣхъ вообще партій, за исключеніемъ якобинской, которая, впрочемъ, потерпѣла полнѣйшій разгромъ. Изъ числа членовъ Совѣта Пятисотъ 62 объявлены были лишенными своихъ полномочій. Остальныхъ, въ награду за уступчивость, которую они подъ конецъ проявили, пригласили, въ интересахъ общественной пользы, занять мѣста посланниковъ, дипломатическихъ агентовъ, или же представителей правительственной власти въ провинціи, причемъ было заявлено, что ихъ положеніе, какъ депутатовъ, нисколько отъ этого не пострадаетъ. Это дѣлалось съ цѣлью удалить изъ Парижа большинство опытныхъ политическихъ дѣятелей, подъ благовиднымъ предлогомъ вознагражденія ихъ за прежнія услуги. Руководящимъ принципомъ Сіейса, положеннымъ въ основу его конституціи, было сохраненіе внѣшнихъ формъ народнаго представительства съ устраненіемъ изъ нихъ внутренняго содержанія. Самъ Сіейсъ выражалъ это формулой: „Довѣріе восходитъ

снизу вверхъ, а власть нисходитъ сверху внизъ". Для достиженія такого результата онъ выработалъ проектъ, почти тождественный съ тѣмъ, который былъ представленъ Бонапартомъ Талейрану три года тому назадъ. Проектъ этотъ и послужилъ схемою новой конституціи. Каждый изъ пяти милліоновъ французскихъ гражданъ обладалъ правомъ голоса. Десятеро гражданъ выбирали всеобщей подачей голосовъ изъ своей среды одного въ кандидаты на должности по мѣстному сомоуправленію. Такимъ образомъ составлялся общинный списокъ именитыхъ лицъ. Эти общинные нотабли выбирали въ каждомъ изъ своихъ десятковъ по одному кандидату на департаментскія должности. Такимъ образомъ получался списокъ департаментскихъ нотаблей. Десятеро изъ нихъ въ свою очередь выбирали одного изъ своей среды кандидатомъ въ народные законодатели и на высшія правительственныя должности. Имена ихъ вносились въ списокъ національныхъ французскихъ нотаблей. Изъ этого списка администрація и сенатъ, пользуясь предоставленною имъ властью, должны были назначать высшихъ должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ получалось народное представительство, соотвѣтствовавшее бонапартовскому идеалу, т. е. глухое, слѣпое и совершенно безпомощное.

Органамъ законодательной власти надлежало быть тоже нѣмыми и безсильными. Съ этой цѣлью законодательную власть распредѣлили между совѣтомъ, трибунатомъ, законодательнымъ собраніемъ и сенатомъ. Совѣту, избиравшемуся исполнительной властью по личному ея усмотрѣнію, предоставлялся починъ новыхъ законопроектовъ. Въ трибунатѣ эти законопроекты могли обсуждаться тремя ораторами, безъ права голосованія. Въ законодательномъ собраніи не дозволялось обсуждать законопроекты, а они поступали прямо на голосованіе. Наконецъ сенатъ, въ которомъ тоже не допускалось гласнаго обсужденія, надѣленъ былъ запретительнымъ правомъ „вето". Всюду, кромѣ сената, засѣданія должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ и обнародованіе ихъ результатовъ подчинялось правительственному контролю. Въ проектѣ Сіейса имѣлось въ виду, что сенатъ назначитъ главу государства, пользующагося титуломъ великаго избирателя, такъ какъ ему будетъ предоставлено право избирать народныхъ представителей изъ упомянутаго уже списка кандидатовъ. Отъ него зависѣло бы также назначеніе всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, не исключая и двухъ консуловъ, долженствовавшихъ имѣть верховный надзоръ надъ администраціей. Бонапартъ объявилъ, что не хочетъ и слышать о великомъ избирателѣ, играющемъ роль „упитанной свиньи" и способномъ только навлечь презрѣніе на всю вообще организацію исполнительной власти. Онъ обратился за совѣтомъ къ Дону и былъ бы несомнѣнно очень радъ, если бы удалось подкрѣпить собственный свой проектъ блестящимъ авторитетомъ этого ученаго. Дону, въ качествѣ искренняго республиканца, желалъ, однако, чтобъ сильная исполнитель-

ная власть соединялась съ мощнымъ и непосредственнымъ выраженіемъ народной воли. Бонапартъ считалъ, съ своей стороны, что именно этого-то послѣдняго и слѣдуетъ избѣгать во что бы ни стало. Поэтому, оставивъ совершенно въ сторонѣ проектъ Дону, онъ предложилъ черезъ одного изъ своихъ сторонниковъ организовать исполнительную власть изъ трехъ консуловъ, первый изъ которыхъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главою государства, Первому консулу предоставлялось выполнять законы и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая и членовъ государственнаго совѣта, вслѣдствіе чего ему фактически принадлежало также и право законодательнаго почина. Вслучаѣ надобности онъ могъ дѣйствовать административнымъ путемъ, т. е. узаконять каждое свое распоряженіе, ссылаясь на административную необходимость. Механизмъ этой центральной деспотической диктатуры пополнялся цѣлою системой префектовъ по образцу королевскихъ интендантовъ въ прежнемъ режимѣ. Система эта являлась краеугольнымъ камнемъ всего зданія. Она была принята и до сихъ поръ сохранилась даже и въ нынѣшней республиканской Франціи. Совѣты мѣстнаго самоуправленія какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи обязывались строго сообразоваться съ выработанной для нихъ программой и были подчинены надзору префекта. Этотъ маленькій диктаторъ назначался и смѣщался съ должности по благоусмотрѣнію центральной власти и по необходимости являлся покорнымъ ея слугою. Рука перваго консула, чрезъ посредство префектовъ, тяготѣла надъ каждой деревушкой, каждымъ селомъ, мѣстечкомъ и городомъ. Фактически даже назначеніе городскихъ мэровъ всецѣло зависѣло отъ его благоусмотрѣнія.

Эта чудовищная, но въ высшей степени искусно составленная конституція была номинально выработана комиссіями обоихъ законодательныхъ совѣтовъ, но въ дѣйствительности не представлялась во всемъ своемъ составѣ на обсужденіе этихъ комиссій и самихъ совѣтовъ. Черезъ шесть недѣль послѣ того, какъ она была закончена, а именно 15-го декабря 1799 года, ее представили на утвержденіе непосредственно самому народу путемъ всеобщаго голосованія, или такъ называемаго плебисцита. Современниковъ поразило обнаруженное при этомъ народными массами равнодушіе, такъ какъ изъ пяти милліоновъ гражданъ, обладавшихъ правомъ голоса, воспользовались этимъ правомъ всего лишь около трехъ милліоновъ. Теперь, сто лѣтъ спустя, могло бы показаться, что весь французскій народъ былъ пораженъ тогда слѣпотою. Каждому гражданину предоставлялось высказаться только за принятіе конституціи, или же противъ нея. Оказалось, что ее одобрило подавляющее большинство всѣхъ голосовъ противъ 1567.

Еще прежде, чѣмъ выяснились окончательные результаты плебисцита, а именно 22 декабря, новая конституція приведена была уже въ дѣйствіе. Трудно выяснить себѣ теперь въ точности составъ собранія, съѣхавшагося въ Люксембургскій дворецъ, чтобы рѣшить, кто именно долженъ быть назначенъ въ консулы. Гово-

рятъ, будто Сіейсъ открылъ засѣданіе объясненіемъ возможности водворенія военнаго деспотизма, вслучаѣ если первымъ консуломъ будетъ лицо военнаго званія. Бонапартъ многозначительно шепнулъ своимъ сторонникамъ, чтобы они разсѣлись по разнымъ мѣстамъ въ залѣ и принялись кричать: „Браво, Бонапартъ“, какъ только увидятъ, что онъ возьметъ Сіейса за руку. Затѣмъ, когда Сіейсъ окончилъ рѣчь, Бонапартъ подошелъ къ нему и съ великодушнымъ, дружескимъ видомъ заявилъ: „Между нами, любезнѣйшій, не должно быть никакого разногласія. Я съ своей стороны подаю голосъ за аббата Сіейса. А вы за кого подаете голосъ?“ Захваченный такимъ образомъ врасплохъ, Сіейсъ пробормоталъ: „За генерала Бонапарта“. Бонапартъ протянулъ ему руку, а Сіейсъ горячо ее пожалъ. Въ тоже мгновеніе раздались отвсюду возгласы: „Браво, Бонапартъ!“ къ которымъ присоединились также и сторонники Сіейса. Такимъ образомъ, хитрый корсиканецъ былъ провозглашенъ первымъ консуломъ, какъ бы съ общаго единодушнаго согласія. Не подлежало сомнѣнію, что Бонапартъ занялъ постъ перваго консула безъ всякаго протеста съ чьей-либо стороны. Обоихъ его товарищей должна была назначить конституціонная комиссія. Она сперва предложила на консульскій постъ Дону, но Бонапартъ, не желая и слышать о такомъ товарищѣ, бросилъ избирательные билетики въ огонь. Тогда Сіейсъ услужливо предложилъ двухъ другихъ кандидатовъ, Камбасереса и Лебрена, которыхъ рекомендовалъ комиссіи, какъ благонадежныхъ людей. Первый изъ нихъ былъ выдающимся законовѣдомъ, а второй—талантливѣйшимъ изъ тогдашнихъ знатоковъ финансоваго дѣла. Ихъ обоихъ назначили консулами, и они дѣйствительно оказали Франціи во времена консульства большія услуги. Сіейсъ уже и передъ тѣмъ былъ хранителемъ секретныхъ фондовъ директоріи, состоявшихъ всего лишь изъ 600.000 франковъ. (Онъ ихъ называлъ „une poire pour la soif“, т. е. грушей для утоленія жажды). Вскорѣ послѣ того онъ получилъ отъ Перваго консула, въ награду за оказанныя услуги, большое помѣстье (Кронь), былъ назначенъ предсѣдателемъ сената и, такимъ образомъ, сошелъ окончательно со сцены политической дѣятельности. Другія высшія должностныя лица получили тоже назначеніе на почетныя должности, не пользовавшіяся ни малѣйшимъ вліяніемъ. „Щука непремѣнно скушаетъ двухъ другихъ рыбокъ“,—сказала г-жа Пермонъ матери перваго консула вскорѣ послѣ того, какъ Наполеонъ былъ назначенъ на этотъ постъ. Madame Mère сдѣлала видъ, будто обидѣлась, но это не помѣшало ея притчѣ оказаться совершенно вѣрной.

Обезпечивъ конституціи вѣсскую санкцію общаго всенароднаго съ ней согласія, Бонапарту надо было сдѣлать еще слѣдующій шагъ и наглядно доказать свою рѣшимость держаться политики общаго примиренія. Эмигрировавшимъ роялистамъ заявили, что они могутъ вернуться и встрѣтятъ радушный пріемъ съ условіемъ признать новую правительственную власть и усилить ея обаяніе своимъ присутствіемъ и изысканными великосвѣтскими

манерами. Амнистія распространялась также и на жертвы фруктидорскаго переворота. Опытный финансовый дѣятель прежняго режима, Годенъ, былъ назначенъ управляющимъ государственнаго казначейства. Умѣренный республиканецъ и, какъ уже упомянуто, весьма талантливый законовѣдъ, Камбасересъ, состоялъ министромъ юстиціи, а Форфэ—морскимъ министромъ. Хлесткая защитительная брошюра Карно страшно скомпрометировала директорію, подорвала ея престижъ и тѣмъ самымъ ускорила ея паденіе. Авторъ этой брошюры былъ приглашенъ вернуться во Францію и занять постъ военнаго министра. Бонапартъ простилъ Талейрану низкую его измѣну наканунѣ египетской экспедиціи. Какъ уже извѣстно, тогда было улажено, что съ отплытіемъ французскаго флота въ Александрію, этотъ ловкій дипломатъ долженъ отправиться въ Константинополь, чтобы повліять на султана и предотвратить сопротивленіе Турціи, столь пагубно отразившееся впослѣдствіи на результатахъ экспедиціи. Въ послѣднее мгновеніе, однако, онъ отказался отъ щекотливой и, пожалуй, даже рискованной задачи, за выполненіе которой онъ было взялся. Вскорѣ послѣ того Талейранъ вынужденъ былъ подать въ отставку, вслѣдствіе скандала, вызваннаго его попыткой получить крупную взятку съ американскихъ пословъ. Ему пришлось держаться въ теченіи нѣкотораго времени въ тѣни, выжидая благопріятнаго случая, который позволилъ бы опять сыграть выдающуюся роль. Трудно отыскать въ исторіи примѣръ болѣе безчестной алчности,—болѣе развратной жизни и болѣе безсовѣстнаго плутовства, но въ тоже самое время должно признать, что Талейранъ былъ самымъ ловкимъ дипломатомъ въ эпоху, когда дипломатія играла выдающуюся роль въ политикѣ. Лучше чѣмъ кто либо изъ современниковъ, за исключеніемъ развѣ Меттерниха, выдвинувшагося, впрочемъ, нѣсколько позднѣе, Талейранъ зналъ придворныя интриги и цѣли стремленій всѣхъ европейскихъ династій. Онъ оказывался для Бонапарта необходимымъ человѣкомъ и былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ тѣ времена судьба сводила людей въ самыя необычайныя сочетанія, такъ, напримѣръ, великій математикъ Лапласъ былъ одно время коллегой Талейрана, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Его непригодность къ этому посту до такой степени, впрочемъ, бросалась въ глаза, что онъ былъ вскорѣ замѣненъ Люсьеномъ Бонапартомъ. Все это, однако, стушевывалось по сравненію съ мастерскимъ шагомъ, примирившимъ католическую церковь съ французской республикой. Папа Пій VI умеръ плѣнникомъ во Франціи и былъ похороненъ безъ всякихъ почестей. Теперь, по предписанію перваго консула, отслужена была по немъ торжественная панихида и католическое духовенство во Франціи избавилось отъ гоненія, которое претерпѣвало до тѣхъ поръ отъ якобинцевъ. Разыгрывая роль философа, первый консулъ утверждалъ, что признаетъ церковь необходимою въ качествѣ одной изъ главнѣйшихъ опоръ могучаго соціальнаго организма и прочнаго правительства. На самомъ

дѣлѣ онъ, будучи человѣкомъ весьма дальновиднымъ и предусмотрительнымъ, сознавалъ, что военное могущество можетъ служить стойкою опорой власти, но что, въ концѣ концовъ, все-таки надо заручиться для нея прочнымъ нравственнымъ фундаментомъ въ сердцахъ многочисленнаго населенія, готоваго благословлять человѣка, который вернетъ имъ учрежденіе, являющееся на землѣ видимымъ выраженіемъ незримой, но вѣчной ихъ отчизны. Бонапартъ съ самаго начала рѣшился заручиться такимъ чувствомъ пламенной благодарности. Неужели этотъ насмѣшникъ надъ религіозными вѣрованіями, признававшій только лишь науку и одно время собиравшійся играть роль мусульманскаго пророка, перемѣнилъ свои убѣжденія? Возможность такого казуса нельзя отрицать. Могучая власть и соединенная съ нею нравственная отвѣтственность пробиваетъ иной разъ кору самаго зачерствѣлаго равнодушія.

Брюмерскій государственный переворотъ является единственнымъ въ своемъ родѣ во французской исторіи. По окончаніи этого переворота въ народѣ не обнаруживалось ни малѣйшихъ слѣдовъ страха и недовѣрія. Радикальная и политическая сторона революціи перестала существовать. Французскіе народные идеалы гражданской свободы воплотились въ Бонапартѣ. Проявился подъемъ народнаго духа и пробудились надежды на счастливое будущее. Такъ единогласно утверждаютъ, по крайней мѣрѣ, всѣ наиболѣе безпристрастные наблюдатели. Одинъ изъ нихъ, даровитый шведъ (Бринкманъ), писалъ 18 ноября, что ни одинъ законный монархъ, при вступленіи своемъ на престолъ, не встрѣчалъ такой готовности къ повиновенію, какую нашелъ Бонапартъ у своихъ согражданъ. Было бы очень странно, если бы такой искусный полководецъ не воспользовался подобнымъ настроеніемъ для того, чтобы создать болѣе удовлетворительное, прочное правительство. „Въ буквальномъ смыслѣ слова, Франція выполнитъ невозможное, чтобы помочь ему въ этомъ,—писалъ Бринкманъ.—За исключеніемъ презрѣнной шайки анархистовъ, весь французскій народъ до такой степени жаждетъ отдохнуть отъ опротивѣвшихъ ему революціонныхъ ужасовъ и безразсудствъ, что считаетъ каждую перемѣну въ своемъ положеніи направленной къ лучшему. Рѣшительно во всѣхъ слояхъ французскаго общества осмѣиваютъ показное геройство демагоговъ. Всюду слышатся заявленія о желательности выгнать ихъ изъ Франціи. Никто не сталъ бы теперь сочувствовать попыткамъ къ осуществленію ихъ обольстительныхъ грезъ. Даже роялисты всѣхъ оттѣнковъ питаютъ къ Бонапарту искреннюю преданность, такъ какъ приписываютъ ему намѣреніе постепенно возстановить прежній порядокъ вещей. Равнодушные къ политическимъ принципамъ относятся къ Бонапарту, какъ къ человѣку наиболѣе способному доставить Франціи внутренній и внѣшній миръ. Просвѣщенные республиканцы хотя и трепещатъ за свои учрежденія, но предпочитаютъ, чтобы государственная власть находилась лучше въ рукахъ одного талантливаго человѣка, чѣмъ цѣлаго клуба интригановъ“.

Ни одно изъ правительственныхъ мѣропріятій Бонапарта не увѣнчалось, впрочемъ, такимъ блистательнымъ успѣхомъ, какъ его финансовая политика, сразу завоевавшая себѣ довѣріе и поддержку капиталистовъ. Безумная расточительность королевскаго Двора истощила Францію при прежнемъ режимѣ, но къ какимъ результатамъ, спрашивается, привело безтолковое хозяйничество якобинцевъ? Во всѣхъ отдѣлахъ государственныхъ финансовъ господствовали: банкротство, хаотическій безпорядокъ и полнѣйшее недовѣріе къ казнѣ. Установленіе новаго порядка вещей до такой степени воскресило довѣріе къ правительству, что возрожденіе государственнаго кредита приняло совершенно неожиданные размѣры, производившіе впечатлѣніе какой-то волшебной перемѣны декорацій. Послѣ брюмерскихъ событій пятипроцентныя облигаціи французскаго государственнаго долга, упавшія передъ тѣмъ до полутора процента номинальной стоимости, немедленно же поднялись до двѣнадцати процентовъ, а вслѣдъ затѣмъ дошли до семнадцати, такъ какъ государственное казначейство аккуратно уплатило причитавшіеся по нимъ проценты. Постановленные директоріей законы о принудительныхъ займахъ были отмѣнены вмѣстѣ съ несимпатичнымъ до крайности закономъ о заложникахъ. Въ систему прямыхъ налоговъ безотлагательно былъ внесенъ порядокъ, обезпечившій правильное поступленіе податей. Изданы были постановленія противъ якобинской агитаціи, затронувшія даже такихъ заслуженныхъ людей, какъ Журданъ. Было заявлено, что безразсудству мечтателей-фантазеровъ положенъ конецъ и что прежняя расточительность должна уступить мѣсто благоразумной бережливости. Взамѣнъ финансовыхъ мѣропріятій, съ помощью которыхъ директорія перебивалась со дня на день, новая конституція установила новую систему основательно выработанныхъ, предусмотрительныхъ бюджетовъ, совершенно возродившихъ государственный кредитъ и благодаря этому оживившихъ производительность не только государственнаго, но и всего народнаго хозяйства. Французскій банкъ, учрежденный въ январѣ 1800 года, установилъ норму для учета первоклассныхъ векселей и облигацій государственнаго казначейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ Франціи для прочнаго основанія денежнаго обращенія, послужившаго видимымъ знакомъ для новой эры благоденствія.

Бонапартъ какъ воплощеніе революціи.

Все это, разумѣется, было только подготовительными мѣропріятіями. Никто лучше, кромѣ новаго диктатора, не сознавалъ тѣсной связи, существующей въ каждомъ государствѣ, между состояніемъ внутреннихъ дѣлъ и международнымъ положеніемъ. Вторая коалиція противъ Франціи была сама по себѣ неособенно прочной. Россія, Австрія, Англія и Турція хотя и задавались общею цѣлью разгромить революціонную Францію, но не были соединены при этомъ узами какихъ-либо иныхъ совмѣстныхъ интересовъ. Напротивъ того, всѣ эти державы, кромѣ Англіи, серьезно опасались,

что, съ достиженіемъ цѣлей коалиціи, утратится равновѣсіе въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Господство надъ Европой, если не надъ всѣмъ вообще міромъ, могло перейти на многіе годы въ руки державы, которая заручится безпорнымъ преобладаніемъ на этомъ морѣ. При такихъ обстоятельствахъ можно было надѣяться, что установившееся во Франціи мощнее правительство поссоритъ своихъ враговъ и такимъ образомъ разстроитъ коалицію. Когда поэтому 15 декабря 1799 года временное консульство закончилось и вступила въ дѣйствіе новая конституція, извѣстная во французской исторіи подъ именемъ уложенія 22 Фримера VIII года республики, утвержденная всенароднымъ голосованіемъ или такъ называемымъ плебисцитомъ, Франція могла надѣяться на окончаніе революціонныхъ войнъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ было до чрезвычайности важно, что конституція эта вступила въ дѣйствіе не въ качествѣ безсодержательной схемы, выработанной кабинетными политиками, а ввидѣ живого, мощнаго организма. Всѣ административные должности оказывались занятыми; правительственный механизмъ работалъ какъ нельзя болѣе исправно и центральная власть находилась въ полной готовности вступить въ сношенія съ прочими европейскими державами. Бонапартъ въ своей прокламаціи объявилъ: „Граждане! Революція прочно укрѣплена теперь на основныхъ сво-

Жанъ-Викторъ Моро.
(Съ портрета Вальбона въ Версальскомъ музеѣ).

ихъ принципахъ. Она завершилась!“ По отношенію къ внутренней жизни Франціи слова эти были чистѣйшей истиной. Подъ знаменами французской революціи никогда не было настоящей свободы или же истиннаго братства. Что касается до равенства, то девизъ этотъ не оказывался вполнѣ фиктивнымъ и французскій народъ дѣйствительно завоевалъ себѣ гражданскую равноправность. Все, что уцѣлѣло изъ революціонныхъ принциповъ, воплотилось для самой Франціи въ Первомъ консулѣ и его благодѣтельныхъ мѣропріятіяхъ, какъ это и выяснилось изъ дальнѣйшаго ряда событій. Воплощеніе революціи въ особѣ новаго монарха стало вскорѣ столь же очевиднымъ и для всей остальной Европы. При этомъ возникалъ самъ собою вопросъ: согласятся-ли уцѣлѣвшія, прежнія династіи принять къ себѣ на Олимпъ Бонапарта, какъ представителя французской національности? Ихъ могла принудить къ этому лишь настоятельная, крайняя необходимость, да и то лишь сравнительно на весьма короткое время.

Передъ новымъ республиканскимъ правительствомъ открывались два пути. Оно могло достигнуть того, чтобы иностранныя державы его признали, хотя бы даже и неохотно, упрочивъ международное положеніе Франціи возстаніемъ внутренняго ея благосостоянія. Французскій народъ вышелъ изъ революціи сплоченною, однородною націей. Можно было содѣйствовать мирному развитію производительныхъ его силъ, на поприщѣ наукъ, искусствъ и промышленности и показать, такимъ образомъ, остальной Европѣ, до какихъ результатовъ въ состояніи достигнуть на этомъ поприщѣ миролюбивое, просвѣщенное и свободное государство и насколько оно можетъ превзойти закоснѣлые, апатичные и приниженные народы, пребывающіе подъ игомъ деспотизма. Другой путь обусловливался возвратомъ къ международному экспансивному характеру революціи. Пользуясь созданной ею великолѣпной военной системой, какъ орудіемъ разрушенія, можно было угрожать существованію старинныхъ европейскихъ династій и принудить ихъ сперва къ почтительному нейтралитету, а затѣмъ, сдѣлать изъ нихъ послушныя орудія ихъ собственнаго преобразованія и освобожденія ихъ подданныхъ. Таковы были альтернативы, представлявшіяся первому консулу при вступленіи его въ должность. Бонапартъ не остановился окончательно на выборѣ какого-либо одного изъ этихъ двухъ путей. Онъ перебрасывался отъ одного изъ нихъ къ другому, отдавая каждый разъ предпочтеніе тому, который представлялся въ данную минуту наиболѣе подходящимъ. Въ результатѣ получилось нѣчто въ родѣ интерференціи, при которой то одно, то другое политическое направленіе выступало явственнѣе, причемъ оба оказывались успѣшными лишь отчасти, но полный успѣхъ являлся для нихъ недостижимымъ. Это именно отсутствіе опредѣленной системы въ политикѣ и должно было, наконецъ, погубить самого Наполеона.

Пользуясь тѣмъ, что французскій народъ временно отказался отъ всѣхъ своихъ державныхъ правъ, которыми такъ дорожили республиканцы, и даже какъ бы пересталъ интересоваться этими

правами, Наполеонъ Бонапартъ, бывшій, самъ того не подозрѣвая, завзятымъ идеалистомъ, принялся за работу. Онъ лично считалъ себя практичнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, руководившимся въ стремленіяхъ и поступкахъ самыми конкретными и наиболѣе удободостижимыми цѣлями. Дѣйствительно, онъ безотлагательно пользовался каждымъ представлявшимся ему удобнымъ случаемъ, а потому являлся образцомъ дѣятелей, которыхъ въ настоящее время называютъ во Франціи оппортюнистами. При всемъ томъ, однако, далеко не послѣднимъ элементомъ необычайнаго его величія оказался постоянно присущій ему идеализмъ. Какъ справедливо замѣтила впервые г-жа Сталь, онъ могъ унаслѣдовать этотъ идеализмъ отъ какого-нибудь отдаленнаго итальянскаго своего предка первыхъ временъ Возрожденія, а затѣмъ, этотъ идеализмъ могъ развиться подъ вліяніемъ Руссо и Рейналя. Каково бы ни было, однако, происхожденіе упомянутаго идеализма, онъ игралъ не послѣднюю роль среди причинъ позднѣйшаго политическаго Возрожденія, результатомъ котораго явилось созданіе новаго современнаго общества, закончившаго собою процессъ, начатый англійской революціей. Именно только этотъ идеализмъ и дѣлаетъ Наполеона однимъ изъ первостепенныхъ по важности элементовъ во всемірной исторіи. Другія характерныя его свойства обезпечили за нимъ первостепенное значеніе въ эпохѣ, которая называется теперь его именемъ.

Достигнувъ власти, Наполеонъ прежде всего позаботился объ арміи. Успѣхъ государственнаго переворота обусловливался, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ значительной степени, между прочимъ, также и участіемъ, которое принялъ въ немъ Моро. Означенное участіе приходится, повидимому, объяснить личными честолюбивыми замыслами этого генерала. Надо полагать, онъ думалъ, что единственный его соперникъ на военномъ поприщѣ, а именно, Бонапартъ, сойдетъ со сцены, сдѣлавшись главою государства. Дѣйствительно, въ планѣ предстоящей кампаніи генералу Моро предоставлялось начальство надъ главною французскою арміей, предназначавшейся для дѣйствій въ Средней Европѣ. Въ составъ ея вошли двѣ арміи: прежняя рейнская и швейцарская, усиленныя значительными подкрѣпленіями. Сама она получила названіе рейнской арміи. Массена, смягчившій блестящими своими побѣдами въ Швейцаріи тяжелое впечатлѣніе, вызванное предшествовавшими пораженіями французскихъ армій въ Италіи, былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, носившими прославленное битвами при Лоди, Арколе, Кастильоне и Риволи имя итальянской арміи. Первый консулъ какъ будто совершенно отказался отъ лавровъ полководца, чтобы всецѣло стать государственнымъ дѣятелемъ. Властолюбивому и завистливому, но благоразумному Моро предоставлено было распоряжаться по собственному усмотрѣнію на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а Массена, выказавшій уже свои блестящія способности на швейцарскомъ театрѣ войны, заступилъ теперь мѣсто прежняго своего побѣдоноснаго главнокомандующаго. Имѣлась, однако, сверхъ того, еще третья армія, о которой обыкно-

венно умалчивали, не хвастаясь ею и не выставляя ее на видъ, такъ какъ она представляла собою просто напросто резервное войско. Она формировалась негласно, спокойно и постепенно, подъ мастерскимъ управленіемъ генерала Бертье, изъ новобранцевъ, зачислявшихся въ кадры, составленные изъ отборныхъ ветерановъ. Отдѣльныя части этой арміи собирались въ различныхъ пунктахъ, оставаясь какъ бы совершенно разрозненными. Такимъ образомъ, организація, обученіе этихъ частей и приведеніе ихъ въ боевую готовность производились совершенно незамѣтно. Большинство упомянутыхъ резервныхъ войскъ оставалось во французскихъ предѣлахъ, наготовѣ къ выступленію въ походъ по первому же приказанію. Главная квартира резервной арміи находилась въ Дижонѣ, но нѣкоторая часть войскъ, входившихъ въ ея составъ, двинута была подъ номинальнымъ начальствомъ Бертье въ Женеву, „чтобы поддержать въ Швейцаріи уваженіе къ французскому имени".

Необходимо замѣтить, что французскій народъ желалъ не войны, а мира. Списокъ превосходныхъ свѣдущихъ администраторовъ, назначенныхъ правительствомъ Перваго консула, самъ по себѣ служилъ уже доказательствомъ, что управленіе внутренними дѣлами во Франціи будетъ идти надлежащимъ порядкомъ. Превосходная реорганизація арміи позволяла въ свою очередь предвидѣть, что предстоящая война закончится для Франціи почетнымъ миромъ. Надлежало, однако, сдѣлать такой шагъ, который поселилъ бы у французовъ убѣжденіе въ томъ, что ихъ первый консулъ одушевленъ самыми миролюбивыми стремленіями. По возвращеніи Бонапарта изъ Египта обстоятельства сложились такимъ образомъ, что ему оказалось нетрудно пріискать разрѣшеніе для этой задачи. Императоръ Павелъ прогнѣвался на Георга III за то, что русскимъ войскамъ, включеннымъ въ Алькмаарскую капитуляцію, оказанъ былъ весьма холодный пріемъ въ Англіи и что ихъ фактически держали какъ бы въ тюремномъ заключеніи на островѣ Гернси. Русскій Государь имѣлъ въ виду стать гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена, и когда, вслѣдъ за тѣмъ, англичане осадили Мальту, онъ былъ готовъ обвинять Великобританію въ измѣнѣ. Еще сильнѣе было, однако, его раздраженіе противъ Австріи. Часть русскихъ войскъ, подъ командой Корсакова, была разбита по винѣ австрійцевъ близъ Цюриха 25 сентября 1799 года. Суворовъ, съ другимъ крыломъ арміи, былъ тогда полнымъ хозяиномъ Піемонта и, сообразно съ предписаніями своего монарха, пригласилъ короля Карла Эммануила IV вернуться изъ Сардиніи въ туринскій дворецъ. Австрійскій эрцгерцогъ Карлъ, одержавъ въ іюнѣ 1799 года побѣду надъ Массеной въ первомъ бою подъ Цюрихомъ, удалился съ своими войсками изъ Швейцаріи въ среднюю Германію, и оставилъ русскихъ на произволъ судьбы. Императоръ Францъ, въ свою очередь, имѣлъ въ виду завладѣть всею сѣверной Италіей, а потому, вовсе не желая возвращенія туда Савойскаго дома, предписалъ Суворову немедленно же отправиться въ Швейцарію на соединеніе съ русскими войсками. Русскій полководецъ нашелъ, что австрійцы не сдѣлали никакихъ приготов-

леній для перехода его арміи черезъ Сенъ-Готардъ. Отсутствіе муловъ для перевозки артиллеріи и обоза до крайности затрудняло его движенія и обусловило въ такой же степени, какъ и энергическія дѣйствія французовъ, неудачу швейцарскаго похода. Самъ Суворовъ приписывалъ эту неудачу равнодушію, или, пожалуй, даже недоброжелательству австрійцевъ. Суворовскія войска, которымъ приходилось переходить черезъ снѣговыя горы и дикія ущелья изъ одной долины въ другую, терпѣли страшную нужду, вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи обозовъ, и понесли большія потери. Положеніе ихъ казалось совершенно отчаяннымъ, когда выяснилось, что Корсаковъ, къ которому они шли на соединеніе, былъ разбитъ и вынужденъ уйти изъ Швейцаріи. Суворовъ, безъ продовольствія, боевыхъ запасовъ и артиллеріи, окруженный со всѣхъ сторонъ побѣдоносными войсками Массены, не безъ труда проложилъ себѣ сквозь нихъ путь на Востокъ въ баварскіе предѣлы. Все это вызвало у императора Павла величайшее негодованіе. Онъ требовалъ, чтобы всѣмъ итальянскимъ государямъ были возвращены ихъ престолы и чтобы, въ доказательство искренности австрійской политики, Тугутъ былъ уволенъ въ отставку. Тѣмъ временемъ до свѣдѣнія русскаго государя дошло, что по взятіи Анконы соединенными австрійскими, русскими и турецкими силами, собственный его штандартъ, поднятый надъ крѣпостью, былъ снятъ и надъ ея стѣнами оставлено одно только австрійское знамя. Восторженный энтузіастъ, жаждавшій снискать себѣ славу царственнаго, великодушнаго рыцаря, призналъ такой поступокъ австрійцевъ кровною для себя обидой и рѣшился въ декабрѣ 1799 года выйти изъ коалиціи. Бонапартъ не преминулъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и тотчасъ же принялся до чрезвычайности ловко ухаживать за императоромъ Павломъ, выказывая къ нему самое лестное вниманіе и такимъ образомъ съумѣлъ достигнуть того, что русскій государь проникся самымъ восторженнымъ сочувствіемъ къ проектамъ и особѣ французскаго перваго консула. Съ выходомъ Россіи изъ коалиціи единственными грозными противниками Франціи остались Англія и Австрія.

Съ притворно безыскусственнымъ простодушіемъ Бонапартъ написалъ королю Георгу III и императору Францу письма, въ которыхъ обращался къ нимъ какъ равный къ равнымъ. Сообщая о вступленіи своемъ въ должность перваго консула, онъ заявлялъ о желательности, въ интересахъ торговли, народнаго благосостоянія и семейнаго счастья, прекратить войну, длящуюся уже цѣлыхъ восемь лѣтъ. Французскій народъ, предполагавшій, что самъ выбралъ Бонапарта главою государства, былъ до чрезвычайности доволенъ какъ простодушной искренностью этого заявленія, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что его первый консулъ позволилъ себѣ говорить съ наслѣдственными европейскими монархами какъ бы по товарищески. Питтъ, ошибочно смотрѣвшій на Бонапарта, какъ на воплощеніе якобинскаго принципа, столь-же ошибочно считалъ Францію совершенно уже истощен-

ной. Англійская армія собиралась тогда произвести высадку на западное прибрежье Франціи. Клеберъ хотя и держался еще въ Египтѣ, но собирался уже подписать капитуляцію, чтобъ, передавъ туркамъ страну фараоновъ, обезпечить себѣ и своей арміи возвращеніе во Францію. Еслибъ удалось поддержать пламя междуусобной войны, снова было возгорѣвшейся во Франціи и обезпечить англичанамъ преобладаніе въ Левантѣ, то англійскій премьеръ получилъ-бы возможность, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, заключить миръ на условіяхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя можно было разсчитывать въ данную минуту. Лордъ Гренвилль отвѣтилъ поэтому Талейрану довольно рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ отказывался отъ всякихъ переговоровъ съ правительствомъ, не обладавшимъ должными гарантіями прочности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до чрезвычайности безтактно и безразсудно намекнулъ, что для французовъ, пока они располагаютъ еще правомъ выбора себѣ правительства, возвращеніе Бурбоновъ могло бы надежнѣе всего обезпечить законную и прочную государственную власть. Этотъ непрошенный совѣтъ далъ Бонапарту поводъ къ хлесткому возраженію, въ которомъ указывалось на Англію, какъ на виновницу войны, свирѣпствовавшей въ 1799 году и собиравшейся возгорѣться снова. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ письмѣ этомъ напоминалось Георгу III, что онъ самъ царствуетъ въ Великобританіи единственно только съ согласія своего народа.

Пренія, происходившія вслѣдъ затѣмъ въ англійскомъ парламентѣ, были тѣмъ интереснѣе, что французскій консулъ оказывался совершенно правымъ въ своихъ заявленіяхъ. Великобританія являлась и на самомъ дѣлѣ главной пружиной коалиціи. Тогдашніе лондонскіе великосвѣтскіе умники открыто говорили, что Англія нажила половину государственнаго своего долга въ борьбѣ противъ Бурбоновъ, а другую половину—въ борьбѣ за возстановленіе ихъ власти. Это и послужило главною темой для возраженій со стороны либеральной оппозиціи. Лордъ Голландъ изъявилъ готовность поручиться за чистосердечіе Бонапарта, но вся палата лордовъ подняла его на смѣхъ. Въ палатѣ общинъ, Уайтбридъ, упомянувъ о прискорбныхъ увлеченіяхъ, до которыхъ дошли французскіе революціонеры, заявилъ, что увлеченія эти слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ негодованію, вызванному противузаконнымъ вмѣшательствомъ другихъ державъ въ французскія дѣла, и добавилъ, что Англія, въ собственныхъ своихъ интересахъ, можетъ заключить миръ, если это ей заблагоразсудится, съ какимъ угодно правительствомъ, хотя бы даже съ правительствомъ узурпатора. Эрскинъ усматривалъ въ англійской политикѣ единственно лишь слѣпое упрямство, вовлекающее народъ въ долги и всяческія бѣдствія. „Что бы вы сказали,—освѣдомился Терней,—еслибъ Бонапартъ, одержавъ побѣду, объявилъ, что можетъ договариваться о мирѣ единственно лишь съ Стюартами?“ Парламентъ и народъ были, однако, расположены продолжать войну. Гренвилль объявилъ въ палатѣ лордовъ, что Бо-

напартъ являлся только новымъ воплощеніемъ революціонной злостности директоріи. Онъ самъ заключалъ мирные договоры и перемирія съ Сардиніей, Тосканой, Моденой и мелкими итальянскими государствами единственно для того, чтобъ нарушать таковыя. Онъ позволилъ себѣ нарушить нейтралитетъ пармскаго герцогства, вовлекъ Венецію въ войну, закончившуюся ея гибелью, уничтожилъ Генуезскую республику и лишилъ свободы Швейцарію, обольстивъ ее лживыми обѣщаніями мира и дружбы. На сторонѣ лорда Гренвилля оказалось подавляющее большинство.

Въ палатѣ общинъ, Каннингъ объявилъ перваго консула узурпаторомъ, который, подобно привидѣнію, носитъ на головѣ что-то похожее на царскій вѣнецъ. Питтъ произнесъ въ свою очередь при этомъ случаѣ одну изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ парламентскихъ рѣчей. Онъ объявилъ, что при существующихъ условіяхъ не слѣдуетъ вдаваться въ политическія соображенія второстепеннаго свойства. Бонапартъ является бичемъ Европы, Англія же служитъ единственнымъ якоремъ спасенія отъ бѣдствій, угрожающихъ обрушиться на всѣ европейскіе народы. Напомнивъ, что самъ противъ воли согласился вступить въ Лиллѣ съ французами въ переговоры, Питтъ замѣтилъ, что эти переговоры были прерваны фруктидорскимъ переворотомъ, душею котораго былъ опять-таки Бонапартъ. Англійское правительство упрекаютъ въ желаніи возстановить во Франціи прежнюю монархію, но эта истощенная и доведенная до отчаянія страна, очевидно, могла бы обрѣсти только подъ властью Бурбоновъ продолжительное спокойствіе, необходимое для возстановленія ея силъ. Питтъ одержалъ еще болѣе блестящій парламентскій успѣхъ, чѣмъ лордъ Гренвиль. Такимъ образомъ, обратившись къ глубоко внѣдрившемуся въ сердца англичанъ негодованію противъ революціонныхъ звѣрствъ, министерство, благодаря ловкой своей инсинуаціи, будто Бонапартъ отстаиваетъ именно эту сторону революціи (что подтверждалось якобы всей его предшествовавшей карьерой), заручилось возможностью пополнить ряды британской арміи и флота и продолжать бѣдственную войну. Англичане ласкали себя, впрочемъ, увѣренностью, что Франція, истощивъ всѣ свои силы, должна будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пасть въ неравной борьбѣ съ коалиціей.

Личное письмо Бонапарта къ императору Францу оказалось, какъ это, безъ сомнѣнія, предвидѣлъ и самъ его авторъ, столь же безуспѣшнымъ. Австрія, которая двуличностью своей политики заставила Россію выйти изъ коалиціи, занимала Ломбардію, Піемонтъ и папскія владѣнія съ твердой рѣшимостью удержать ихъ за собою. Она отвѣтила поэтому вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ вступить въ переговоры о мирѣ на основаніи постановленій Кампо-формійскаго трактата. Во времена директоріи французская демократія принесла много безтактныхъ жертвъ желанію обезпечить себѣ спокойствіе. Между прочимъ, съ этою цѣлью нарушена была ею и свобода печати. Консульскій декретъ, отъ 17 января 1800 года, распространилъ дѣйствіе этой демократической мѣры, запретивъ всѣ политическія газеты, кромѣ тринадцати.

Распоряженіе это номинально являлось военною мѣрой, которую правительство обѣщало отмѣнить тотчасъ же по заключеніи мира. Оно оправдывалось, повидимому, фактической необходимостью. Военные спеціалисты не безъ основанія жалуются на опасныя нескромности, въ которыхъ оказывалась и будетъ всегда оказываться виноватой во время военныхъ дѣйствій свободная и предпріимчивая печать. Властелинъ „въ высокихъ сапогахъ со шпорами“, о которомъ Наполеонъ говорилъ на островѣ Св. Елены, безъ сомнѣнія, и не могъ распорядиться иначе съ печатью. Къ несчастью, единственныя газеты, продолжавшія послѣ того издаваться, сразу же превратились въ чисто оффиціозные органы. Когда, затѣмъ, искусно подобравъ факты, представили французскому народу отчетъ о переговорахъ съ Англіей и Австріей, отчетъ этотъ вызвалъ среди парижанъ и провинціаловъ величайшій воинственный пылъ. Остроумныя ловкія каррикатуры,—хлесткія и ѣдкія статьи, появлявшіяся во всѣхъ газетахъ, не исключая и оффиціальнаго „Moniteur'а“, поддерживали возбужденіе умовъ въ этомъ направленіи. Французы съ удовольствіемъ читали въ своихъ газетахъ статьи, авторы которыхъ приглашали англійскаго короля быть хоть сколько-нибудь послѣдовательнымъ въ своемъ легитимизмѣ и отречься отъ престола въ пользу находящагося еще въ живыхъ законнаго наслѣдника дома Стюартовъ. Забывая недавнее прошлое, французскій народъ былъ готовъ отстаивать во что бы ни стало національную свою честь противъ ожесточеннаго и непримиримаго врага. Французы были убѣждены, что рѣки золота, которыми англичане подкупали до тѣхъ поръ державы на материкѣ Европы, должны въ непродолжительномъ времени изсякнуть, и что въ дѣйствительности истощенной окажется на повѣрку не Франція, а Великобританія. Подъ предводительствомъ человѣка, геній котораго выказалъ себя столь же плодотворнымъ во внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ мѣропріятіяхъ, какъ и въ сферѣ государственнаго хозяйства и военнаго дѣла, французскій народъ, обладавшій великолѣпнымъ правительственнымъ механизмомъ и непоколебимымъ довѣріемъ къ своему вождю, пришелъ къ большей чѣмъ когда-либо увѣренности, что въ концѣ концовъ побѣда въ борьбѣ съ Англіей должна будетъ остаться теперь за нимъ. Убѣжденіе это еще болѣе усилилось послѣ того, какъ Бонапарту удалось временно угасить междуусобную войну на западныхъ французскихъ окраинахъ. Опустошитель Египта и Сиріи одною рукою предлагалъ недовольнымъ западно-французскимъ общинамъ самыя мягкія примирительныя условія, а другою рукой потрясалъ грознымъ мечемъ, угрожая въ своихъ прокламаціяхъ непокорнымъ такими же безпощадно-строгими мѣрами, къ какимъ прибѣгалъ при усмиреніи бедуиновъ. Такая политика произвела желаемое дѣйствіе и заставила французскихъ инсургентовъ смириться. Благодаря этому оказалось возможнымъ уменьшить численность западной арміи. Тѣмъ временемъ въ Батавской республикѣ обнаруживалась самая восторженная преданность къ Франціи, дозволявшая тоже сократить численность

стоявшихъ тамъ войскъ. Первый консулъ получилъ такимъ образомъ въ свое распоряженіе 30.000 прекрасныхъ солдатъ, которыхъ могъ употребить въ любомъ иномъ мѣстѣ.

Одновременно съ этими событіями дѣлались тщательныя приготовленія къ шагу, способному значительно усилить обаяніе Бонапарта, но въ то же самое время являвшемуся очень рискованнымъ, такъ какъ шагъ этотъ, при малѣйшей неловкости, долженъ былъ помѣшать полному успѣху его намѣреній. На основаніи новой конституціи каждому отдѣлу правительственной власти отведено было особое опредѣленное помѣщеніе. Консуламъ предстояло поселиться въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Какимъ образомъ, спрашивается, могъ неограниченный диктаторъ перенести своихъ пенатовъ въ прежнее жилище абсолютной монархіи, не возбуждая къ себѣ общаго недовѣрія? Бонапартъ рѣшилъ прежде всего переименовать Тюльери въ „Правительственный дворецъ“, а затѣмъ посвятить этотъ дворецъ Славѣ. Для украшенія залъ Правительственнаго дворца отовсюду собрали статуи великихъ людей. При этомъ допущено было многозначительное смѣшеніе полководцевъ и государственныхъ дѣятелей всѣхъ временъ и народовъ. Александръ Македонскій, Цезарь, Фридрихъ Великій, Катонъ, Цицеронъ, Брутъ, Мирабо, Марсо, Жуберъ были собраны вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, въ мраморныхъ своихъ изображеніяхъ. Первое мѣсто между ними всѣми отвели, однако, статуѣ Вашингтона, извѣстіе о смерти котораго было только что получено въ Европѣ. Его примѣръ именно и долженствовалъ главнымъ образомъ вдохновлять новаго французскаго властелина. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на умы и воображеніе народа, приказали всей французской арміи носить трауръ по великомъ американцѣ и учредили въ его память ежегодное празднество. Оказаніе такихъ почестей идеальному и, если можно такъ выразиться, типическому республиканцу, почти современнику перваго консула, несомнѣнно являлось со стороны Бонапарта блестящей идеей, вполнѣ согласовавшейся съ лучшими традиціями французской революціи.

Празднованіе памяти Вашингтона назначено было на 9-е февраля 1800 года и вышло очень удачнымъ. Къ тому же времени рѣшено было, для пробужденія народнаго энтузіазма, торжественно перенести взятые подъ Абукиромъ турецкіе бунчуки и знамена въ Домъ Инвалидовъ, устроивъ по этому поводу большой военный парадъ. Оба эти празднества были очень искусно слиты другъ съ другомъ. Въ то время какъ блестящій парадъ напоминалъ о побѣдахъ, одержанныхъ первымъ консуломъ, простая, но весьма внушительная рѣчь искуснаго оратора де-Фонтеня напоминала народу, что безсмертный Вашингтонъ выказалъ въ качествѣ полководца болѣе стойкости, чѣмъ таланта, но что его личность возбуждала въ окружающихъ не энтузіазмъ, а только большое довѣріе. Вашингтонъ принадлежалъ къ числу изрѣдка лишь появляющихся на исторической сценѣ людей, свыше призванныхъ къ власти. Онъ не былъ демагогомъ или пламеннымъ сторонникомъ какой-либо опредѣленной партіи, а по заключеніи мира тотчасъ же сложилъ съ себя мечъ

и превратился въ мудрѣйшаго изъ созидающихъ законодателей. „Да, Вашингтонъ, твои совѣты будутъ услышаны! Ты соединялъ въ своемъ лицѣ воина, законодателя, и администратора! Тотъ, кто въ молодости превосходилъ тебя на поляхъ сраженія, послѣдуетъ твоему примѣру, дабы исцѣлить побѣдоносной своей десницей раны отчизны". Проницательные умы парижанъ, повидимому, не нуждались въ этомъ послѣднемъ заявленіи, чтобы уяснить себѣ нравоученіе всей басни. Когда на другой день появились въ оффиціальной газетѣ блестящая рѣчь Фонтеня и описаніе торжественнаго перенесенія знаменъ, будущій монархъ водворился уже въ прежнемъ жилищѣ Бурбоновъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Леобенѣ Бонапартъ объявилъ освобожденіе Лафайетта и его семьи необходимымъ условіемъ мирнаго договора, можно было ожидать, что это имя, которое такъ часто эксплоатировалось при другихъ обстоятѣльствахъ, будетъ упомянуто на празднествѣ въ честь Вашингтона на ряду съ именемъ американскаго героя. Наполеонъ Бонапартъ соглашался, однако, раздѣлить честь этого дня только лишь съ умершимъ иностранцемъ и не хотѣлъ, чтобы было упомянуто о французѣ, находившемся еще въ живыхъ.

Система деспотизма, прикрывавшаяся конституціонными формами.

Кабинетные политики, выработывающіе государственное уложеніе, не могутъ предусмотрѣть всѣхъ подробностей его примѣненія на практикѣ. Въ противность ожиданіямъ Сіейса новое правительство пріобрѣло съ самаго начала до чрезвычайности личный и какъ-бы самодержавный характеръ. Консульство и министерство были составлены самимъ Бонапартомъ по собственному его усмотрѣнію, причемъ онъ руководствовался въ выборѣ людей замѣчательно вѣрнымъ чутьемъ, которое сдѣлало бы честь главѣ крупнаго промышленнаго или торговаго предпріятія. При назначеніи на должность принимались въ разсчетъ характеръ человѣка; большая или меньшая степень его честности, пригодности къ дѣлу и преданности самому первому консулу. Въ бесѣдѣ съ своимъ братомъ Жозефомъ Наполеонъ высказался слѣдующимъ образомъ: „Какой революціонеръ позволитъ себѣ отнестись съ недовѣріемъ къ порядку вещей, при которомъ Фуше состоитъ министромъ полиціи? Какой дворянинъ не сочтетъ возможнымъ для себя жить подъ эгидою бывшаго отенскаго епископа? Такимъ образомъ Фуше стоитъ у меня на лѣвомъ, а Талейранъ на правомъ крылѣ. Въ промежуткѣ между ними найдется мѣсто для всѣхъ оттѣнковъ политическихъ убѣжденій". Безъ сомнѣнія, Наполеонъ говорилъ совершенно искренно, но тѣмъ не менѣе онъ все же не могъ на всѣхъ угодить. При замѣщеніи множества второстепенныхъ должностей, не всегда удавалось сдѣлать вполнѣ удачный выборъ. Во Франціи найдется еще и теперь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, любителей на должности въ государственной службѣ и между многими тысячами жаждавшихъ мѣста нелегко сдѣлать надлежащій выборъ. Естественно, что зачастую

дѣлались промахи и съ самаго начала консульскаго управленія образовалось множество недовольныхъ изъ числа ожесточенныхъ неудачниковъ. Надлежало замѣстить должности въ сенатѣ, въ законодательномъ собраніи, въ государственномъ совѣтѣ, въ трибунатѣ и во всемъ судебномъ вѣдомствѣ. Было рѣшено не скупиться на содержаніе должностнымъ лицамъ. Жалованье министрамъ положили въ двадцать пять тысячъ франковъ, трибунамъ—въ пятнадцать тысячъ, а законодателямъ—по десяти тысячъ франковъ. Не безъинтересно замѣтить, что первый консулъ назначилъ себѣ самому пятьсотъ тысячъ, а двумъ другимъ консуламъ по стапятидесяти тысячъ франковъ въ годъ.

Новыя должностныя лица принадлежали къ самымъ разнообразнымъ оттѣнкамъ партій и являлись представителями всѣхъ сословій. Такой разношерстный составъ администраціи вызывался, между прочимъ, желаніемъ Бонапарта, чтобы единственнымъ связующимъ звеномъ между отдѣльными ея членами являлся общій для нихъ всѣхъ интересъ сохраненія новаго порядка вещей. Сенатъ предназначался для того, чтобы служить почетнымъ мѣстомъ успокоенія для политическихъ дѣятелей, игравшихъ въ свое время выдающуюся роль, но успѣвшихъ уже съ тѣхъ поръ состариться. Тамъ засѣдали: Монжъ, Бертолле, Вольней и др. Нѣмое законодательное собраніе Бонапартъ наполнилъ людьми, пламенное, но недалекое честолюбіе которыхъ легко удовлетворялось почетной должностью на государственной службѣ и находило себѣ достаточный исходъ въ голосованіи безъ преній. Трибуновъ, прозванныхъ „евнухами законодательства“, избирали изъ числа самыхъ талантливыхъ и умныхъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей. Въ трибунатѣ засѣдали такіе люди, какъ Дону, Бенжаменъ Констанъ и Ж. Б. Сэй. На обязанности ихъ было обсуждать всѣ законопроекты, предлагавшіеся государственными совѣтами, причемъ ожидалось, что строгая логичность ихъ доводовъ и безпощадность критическаго разбора будетъ совершенно безвредно отскакивать отъ скамей, на которыхъ возсѣдали безмолвные ихъ оппоненты. Въ крайнемъ случаѣ, если бы свобода преній и рѣчей оказалась слишкомъ опасной даже и въ учрежденіи, столь отдаленномъ отъ всякой возможности практическаго дѣйствія, то это совершенно излишнее учрежденіе можно было бы упразднить безъ малѣйшей помѣхи для общаго государственнаго механизма. Нѣкоторымъ намекомъ на это служило то обстоятельство, что трибунату было отведено помѣщеніе въ Пале-Роялѣ, который служилъ тогда притономъ для проститутокъ и вертепомъ для азартной игры, бывшей тогда вообще въ модѣ во всѣхъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ европейскихъ странахъ. Во всякомъ случаѣ трибунатъ являлся до конца своихъ дней единственнымъ прибѣжищемъ свободы подъ сѣнью конституціи VIII года.

Какъ уже упомянуто, предполагалось, что полное безсиліе трибуновъ будетъ вознаграждаться самостоятельностью государственнаго совѣта. Въ этомъ учрежденіи засѣдали люди, принадлежавшіе къ тремъ различнымъ категоріямъ, а именно: истинные бонапартисты, какъ Редереръ, Реньо де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели и Булэ изъ Мерт-

скаго департамента; выдающіеся спеціалисты, какъ, напр., Гантонъ, Шапталь и Фуркруа, охотно соглашавшіеся служить первому консулу, и наконецъ, усердные новообращенные изъ роялистовъ и бывшихъ сторонниковъ другихъ партій. Въ большинствѣ случаевъ это были люди очень даровитые. Въ продолженіи нѣкотораго времени они встрѣчали у перваго консула чистосердечную преданность Франціи и ея интересамъ, заставлявшую ихъ быть усердными его слугами. Во всякомъ случаѣ совѣтъ этотъ являлся олицетвореніемъ видовъ самого Бонапарта и пользовался независимостью и самостоятельностью именно только поэтому. Организація апелляціоннаго суда возложена была на сенатъ, который имѣлъ на то законное право въ качествѣ хранителя конституціи. Члены и юрисконсульты верховнаго суда, завершавшаго собою организацію судебнаго вѣдомства, назначались тоже сенатомъ. Остальной личный составъ судебнаго вѣдомства былъ сформированъ изъ людей, которые хотя и не раболѣпствовали передъ консульствомъ, но тѣмъ не менѣе являлись надежными его сторонниками.

До открытія военныхъ дѣйствій, весною 1800 года, всѣ упомянутыя части правительственнаго механизма работали уже настолько отчетливо и правильно, насколько этого можно, вообще, требовать отъ хорошо устроенной машины. Онѣ заимствовали, однако, свое вдохновеніе и энергію отъ индивидуальной личности Наполеона Бонапарта. Государственный совѣтъ былъ только распространеніемъ личнаго его „я“. Сенатъ являлся правительственнымъ орудіемъ; законодательный корпусъ въ такой-же степени отличался молчаніемъ, въ какой трибунатъ щеголялъ широковѣщательной болтливостью, но оба эти учрежденія не могли служить серьезнымъ препятствіемъ къ осуществленію плановъ самого Бонапарта. Подготовлялись весьма важныя законодательныя реформы, клонившіяся къ усиленію централизаціи. Проекты этихъ реформъ изучались въ величайшей подробности предварительно самимъ первымъ консуломъ. Всѣ отрасли администраціи дѣйствовали замѣчательно легко и плавно, но это обусловливалось единственно лишь тѣмъ, что самъ Бонапартъ внимательно слѣдилъ за каждымъ правительственнымъ учрежденіемъ и строго контролировалъ его работу. По особому соглашенію всѣ сношенія Франціи съ иностранными державами обсуждались и рѣшались въ конфиденціальныхъ совѣщаніяхъ главою государства и Талейраномъ. Бывшій отенскій епископъ ни тогда, ни впослѣдствіи не позволялъ себѣ утверждать, чтобы починъ выясненія самой хитросплетенной сѣти дипломатическихъ интригъ, или же, напротивъ того, составленія такой хитросплетенной сѣти исходило когда-либо отъ него. Карно, приставленный къ прежнему своему дѣлу, принялся за него съ прежней геніальностью, такъ что не нуждался ни въ какихъ поощреніяхъ. Тѣмъ не менѣе даже и въ военномъ вѣдомствѣ первому консулу была всегда извѣстна въ подробности вся подноготная относительно каждой отдѣльной части, каждаго полка, батальона,—даже роты, или эскадрона въ пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи. Онъ зналъ тамъ вездѣ число старо-служивыхъ солдатъ и конскриптовъ

и въ то же время имѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія о составѣ и численности національной гвардіи. Такія заявленія могутъ казаться неправдоподобными и преувеличенными, но они подтверждаются до того обильными и вѣсскими свидѣтельскими показаніями, что имъ по неволѣ приходится вѣрить. Все въ совокупности производитъ такое впечатлѣніе, какъ если бы въ Европѣ появилось въ критическій моментъ существо, которое нельзя было признать ни человѣкомъ, ни демономъ, ни ангеломъ. Это былъ человѣкъ съ сверхчеловѣческой выносливостью, сметливостью и способностью къ труду. Онъ напоминалъ ангела безъ совершенства, или же демона безъ зложелательства. Дѣйствительно, то, что совершилъ Бонапартъ, хотя и было внушено ему эгоистическими стремленіями, выполнявшимися сплошь и рядомъ путемъ чрезвычайно опасныхъ мѣропріятій, оказалось въ концѣ концовъ благодѣтельнымъ, созидающимъ и прочнымъ по отношенію не только къ Франціи, но также къ Европѣ и ко всему остальному міру.

Въ первыхъ мѣсяцахъ 1800 года общее положеніе дѣлъ на материкѣ Европы представлялось болѣе чѣмъ когда-либо необычайнымъ. Въ 1799 году директорія, ради финансовыхъ соображеній, окончательно присоединила Бельгію къ Франціи, вслѣдствіе чего бельгійцамъ пришлось платить столь же тяжелые налоги, какъ и французамъ. Этого нельзя было уже отмѣнить, точно также какъ нельзя было отказаться отъ прежней политики директоріи относительно мелкихъ государствъ, номинально считавшихся независимыми, но въ дѣйствительности состоявшихъ подъ французскимъ протекторатомъ. Массена только что произвелъ насильственный заемъ въ Швейцаріи. Съ Генуи потребована была новая военная контрибуція въ два милліона франковъ и, кромѣ того, имѣлось въ виду произвести тамъ тоже насильственный заемъ. Голландія согласилась уплатить 40 милліоновъ франковъ за возвращеніе ей Флессингена. Французское правительство надѣялось занять въ Амстердамѣ еще десять милліоновъ, но ему было въ этомъ отказано. Пруссіи было конфиденціально предложено присоединить къ себѣ вольный городъ Гамбургъ съ его территоріей. Это присоединеніе должно было послужить для нея какъ бы уплатою за вступленіе въ союзъ съ Франціей. Одновременно съ этимъ французскія газеты хвалили монархію Гогенцоллерновъ за отказъ выдать Австріи и Россіи нѣсколькихъ важныхъ политическихъ выходцевъ и предлагали ей дружбу Франціи, съ ежегодной приплатой четырехъ или шести милліоновъ франковъ въ качествѣ субсидіи. Португалія, истощенная продолжительнымъ своимъ союзомъ съ Англіей, искренно желала заключить съ Франціей миръ. Было рѣшено неоффиціально увѣдомить португальское правительство черезъ Талейрана, что оно можетъ купить этотъ миръ, уплативъ десять, или даже только восемь милліоновъ франковъ въ кассу итальянской арміи. Императора Павла I, раздраженнаго противъ Австріи, не трудно было склонить къ дружбѣ съ Франціей ловкими мѣропріятіями, дышавшими самою

утонченною вѣжливостью. Русскіе военно-плѣнные были одѣты въ новые мундиры и отправлены на родину. Первый консулъ призналъ Русскаго Государя гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена и послалъ ему гроссмейстерскій мечъ, увезенный во Францію послѣ овладѣнія островомъ Мальтой. Вскорѣ послѣ того заключенъ былъ миръ между Россіей и Франціей. Заключеніе этого мира совершенно парализовало Турцію, но результаты его этимъ далеко еще не исчерпывались. Императоръ Павелъ поручилъ коммиссіи свѣдущихъ людей разработать въ подробности проектъ соединенной франко-русской сухопутной экспедиціи въ Индію и послѣдующаго затѣмъ раздѣла Азіи между Россіей и Франціей.

Центръ тяжести политическаго положенія на материкѣ Европы лежалъ по прежнему въ Пруссіи. Въ качествѣ наслѣдницы традицій Фридриха Великаго и естественной соперницы Австріи, она считала себя представительницей либеральныхъ германскихъ стремленій. На самомъ дѣлѣ въ Берлинѣ существовала сильная французская партія, сознававшая, что республика, ослабляя могущество Австріи, играетъ, если можно такъ выразиться, Пруссіи въ руку. Молодой прусскій король, Фридрихъ Вильгельмъ III, соединялъ съ робкимъ и осторожнымъ характеромъ значительную степень самомнѣнія. Онъ находился подъ вліяніемъ предвзятой идеи, дѣйствительно представлявшейся на первый взглядъ довольно правильной. Идея эта, которую раздѣлялъ также и первый его министръ, заключалась въ томъ, что Пруссія, соблюдая строжайшій нейтралитетъ, неизбѣжно должна остаться въ выигрышѣ отъ безпощадныхъ войнъ между всѣми прочими европейскими государствами, такъ какъ можетъ собираться съ силами и богатѣть въ то время, когда вся остальная Европа будетъ раззоряться. Король непоколебимо слѣдовалъ этому принципу и, хотя симпатіи прусскаго королевскаго дома всегда склонялись преимущественно на сторону абсолютизма, онъ отказывался отъ союза съ коалиціей, отстаивавшей абсолютизмъ. Фридрихъ Вильгельмъ упрямо держался нейтралитета до тѣхъ поръ, пока не подорвалъ этимъ упрямствомъ свой собственный престижъ. Несомнѣнно, что это упрямство погубило бы также и Пруссію, если бы могущественное пробужденіе національнаго чувства не заставило подъ конецъ ея монарха перейти къ энергической активной политикѣ. Директоріи очень хотѣлось заручиться союзомъ Пруссіи, и она отправила въ Берлинъ Сіейса для переговоровъ по этому поводу. Французскій посолъ заботился не столько о выполненіи даннаго ему порученія, сколько о собственныхъ своихъ интригахъ противъ директоріи. Разработывая проекты замѣны республиканской формы правленія во Франціи монархическою, онъ только еще болѣе убѣдилъ прусскаго короля въ умѣстности для Пруссіи держаться попрежнему политики невмѣшательства. Первый консулъ, въ свою очередь, тоже отправилъ въ Берлинъ двухъ представителей, Дюрока и Бернонвилля, для возобновленія переговоровъ съ цѣлью заручиться активнымъ содѣйствіемъ Пруссіи. Они были приняты очень благосклонно и Бернонвиль счелъ возможнымъ ласкать себя надеждами на успѣшное выполненіе дан-

наго ему порученія, но этимъ надеждамъ суждено было распасться прахомъ.

Пруссія упорствовала въ сохраненіи своего нейтралитета, а мелкія государства, надъ которыми тяготѣлъ французскій протекторатъ, были до чрезвычайности раздражены необходимостью не только содержать расположенныя на ихъ территоріи республиканскія войска, но и уплачивать сверхъ того, французскому правительству значительныя денежныя суммы въ видѣ займовъ и контрибуцій. При такихъ обстоятельствахъ Франціи приходилось фактически одной вести борьбу съ Австріей и Англіей въ предстоящую кампанію. Французскій народъ понималъ это какъ нельзя лучше, но въ виду всего того, что произошло у нихъ послѣ государственнаго переворота, французы были непоколебимо убѣждены, что первый консулъ совершенно искренно обращался къ вѣнскому и лондонскому дворамъ съ мирными предложеніями и что предложенія эти были отвергнуты. Честь Франціи заставляла теперь принудить коалицію къ заключенію мира, почетнаго для республики. Для цѣлей Бонапарта необходимо было поселить такое убѣжденіе въ народныхъ умахъ. Не доказано, чтобы онъ умышленно хлопоталъ объ этомъ, но послѣдующія событія подтверждаютъ справедливость подобной гипотезы. Если она и въ самомъ дѣлѣ вѣрна, то надо признать, что никогда еще интрига не увѣнчивалась столь полнымъ успѣхомъ. Все складывалось такъ, какъ если бы политика насильственныхъ захватовъ и территоріальныхъ присоединеній была навязана ему противъ воли внѣшними усложненіями.

По части внѣшней политики Бонапартъ являлся представителемъ трехъ великихъ революціонныхъ идей. Онъ стремился доставить Франціи господство надъ бассейномъ Средиземнаго моря, а, слѣдовательно, также и надъ Востокомъ, распространить революціонно-либеральную систему на материкѣ Европы путемъ завоеваній и расширенія сферы французскаго протектората и, наконецъ, поставить во главѣ всего цивилизованнаго міра французскій народъ, столь восторженно отзывчивый на восторженныя идеалы и великія дѣянія. Подобныя стремленія существовали и при прежнемъ режимѣ, но Англія препятствовала ихъ осуществленію. При республикѣ они неудержимо раскинулись въ ширь, и она сражалась за нихъ съ пылкимъ упорствомъ, какого никогда не обнаруживала монархическая Франція. Обстоятельство это само по себѣ нисколько неудивительно, такъ какъ осуществленіе подобныхъ стремленій являлось не подъ силу для королевской династіи. Пройдя сквозь горнило революціи, они озарялись теперь мечтами о возрожденіи человѣчества. Англія продолжала по прежнему стоять на пути Франціи въ качествѣ камня преткновенія. Бонапартъ придалъ революціоннымъ стремленіямъ иной видъ и новую интенсивность, сообщивъ имъ несравненно большую опредѣленность. Одержанные имъ успѣхи клонились логически къ осуществленію самаго блестящаго изъ идеаловъ, когда-либо увлекавшихъ поэтовъ, богословъ и государей, а именно—къ созданію вселенской имперіи, долженствовавшей обезпечить человѣче-

ству вѣчный міръ и безостановочное преуспѣяніе. Завоеванія Александра Македонскаго, Цезаря и Карла Великаго, вызывавшіяся частью честолюбіемъ, частью же религіознымъ усердіемъ, сплавили вмѣстѣ различныя племена, народы и учрежденія. Каждый изъ этихъ героевъ оказалъ громадную услугу дѣлу прогресса цивилизаціи, хотя результаты ихъ подвиговъ, непосредственно бросавшіеся въ глаза, являлись скоропреходящими. Такую же попытку предполагалось теперь повторить въ четвертый разъ. Неужели Англіи удастся опять и уже окончательно разбить въ дребезги французскую утопію?

Въ продолженіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ своего управленія первому консулу пришлось имѣть дѣло съ многочисленными и озлобленными врагами. Кромѣ того, многіе ограниченные умы считали правленіе Бонапарта только переходнымъ состояніемъ на пути къ возстановленію прежняго порядка вещей. Такою же мыслью ласкали себя люди, которые, подобно Талейрану, не сознавали, до какой степени невозможнымъ стало возвращеніе Бурбоновъ во Францію. Тѣмъ не менѣе, въ критическую минуту, —въ апрѣлѣ мѣсяцѣ послѣдняго года восемнадцаго столѣтія, вся Франція, не исключая даже и партій, мечтавшихъ воспользоваться Бонапартомъ, какъ орудіемъ для своихъ собственныхъ цѣлей, сознавала, что ея принципы, стремленія и самая участь олицетворены въ великомъ корсиканцѣ. Къ его собственнымъ побужденіямъ, разумѣется, можно отнестись съ порицаніемъ, такъ какъ въ нихъ играло выдающуюся роль эгоистическое честолюбіе. Тѣмъ не менѣе они далеко не исчерпывались сферою одного эгоизма. Несмотря на присущее геніальной, полуварварской и полуцивилизованной натурѣ Бонапарта презрѣніе къ всяческимъ установленнымъ рамкамъ и ограниченіямъ, онъ въ глубинѣ сердца обладалъ яснымъ сознаніемъ, что добро порождается только добромъ и задавался совершенно опредѣленною цѣлью сдѣлать все, что можетъ, дабы озарить возрожденіемъ общества свое собственное возвышеніе. У него лично не было отечества, такъ какъ всѣ его патріотическія стремленія погибли въ неудачной попыткѣ корсиканцевъ возвратить себѣ самостоятельность. Быть можетъ, поэтому именно онъ и придавалъ такъ мало значенія территоріальнымъ границамъ и оказывался не въ состояніи понять могущество національныхъ узъ. Не обладая искренней вѣрой и благочестіемъ, онъ отчасти сознавалъ значеніе религіознаго чувства для отдѣльной личности, но слишкомъ низко цѣнилъ нравственное значеніе могучей вѣры для соціальнаго организма. Будучи превосходнымъ актеромъ, онъ прекрасно понималъ вліяніе драматической фразы или положенія на умы, но часто становился жертвой самообмана, считая, что ему удалось обмануть другихъ, или отвести имъ глаза своею ловкой игрой.

Допуская полную искренность миролюбія внѣшней политики, которымъ такъ щеголялъ первый консулъ, нельзя не признать оба приказа по войскамъ, объявленные раньше, чѣмъ предусматривалась необходимость продолженія войны, прямо про-

тиворѣчащими такой политикѣ. Войскамъ Рейнской арміи заявлялось: „Покорители Голландіи, Италіи и Рейна! Вы заставили разъ уже подписать подъ стѣнами устрашенной Вѣны миръ, почетный для республики. Теперь дѣло идетъ не о защитѣ нашихъ границъ, а о преодолѣніи враждебныхъ государствъ". Въ приказѣ по Итальянской арміи Бонапартъ напомнилъ извѣстный случай, когда въ предшествовавшемъ году цѣлая полубригада положила оружіе передъ непріятелемъ: „Неужели всѣ храбрецы, сражавшіеся подъ Кастильоне, Риволи и Неймарктомъ, умерли?— спрашивалъ первый консулъ.—Они скорѣе согласились бы погибнуть, чѣмъ измѣнить своему знамени, и своимъ примѣромъ увлекли бы также молодыхъ товарищей къ честному исполненію воинскаго долга. Солдаты! Вы жалуетесь на неаккуратную доставку вамъ продовольствія? Что бы вы сдѣлали, если бы вамъ пришлось, подобно четвертой и двадцать второй легкимъ, или же восемнадцатой и тридцать второй линейнымъ пѣхотнымъ полубригадамъ, оказаться среди пустыни безъ хлѣба и воды? Имъ приходилось питаться исключительно только мясомъ лошадей и муловъ. „Побѣда доставитъ намъ хлѣбъ",—говорили они, тогда какъ вы позволяете себѣ покидать свои знамена!" Такія слова, сказанныя такимъ человѣкомъ, оказали бы могущественное дѣйствіе на каждаго солдата, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. Французскіе солдаты были доведены ими до величайшаго возбужденія.

Передъ началомъ военныхъ дѣйствій, въ первые мѣсяцы 1800 года, положеніе воюющихъ сторонъ оказывалось слѣдующее: линія французскихъ позицій въ Италіи тянулась отъ Генуи вдоль берега черезъ Савону къ Тендскому горному проходу. Ее занимала тридцатитысячная армія Массены и, кромѣ того, 10.000 человѣкъ охраняли проходы въ Альпахъ. Передъ этой линіей стояла австрійская армія въ 80.000 человѣкъ, подъ командой Меласа, полководца старой школы, воспитаннаго на уваженіи къ мелочнымъ формальностямъ и традиціоннымъ правиламъ, да, кромѣ того, связаннаго по рукамъ и ногамъ распоряженіями вѣнскаго гофкригсрата. Въ укрѣпленныхъ городахъ Тосканы, Папскихъ владѣній и Піемонта разбросано было еще до двадцати тысячъ французскихъ солдатъ. На Рейнѣ стоялъ Моро съ 120.000 арміей противъ столь же многочисленной австрійской арміи, которою командовалъ генералъ Край, являвшійся еще менѣе способнымъ полководцемъ, чѣмъ Меласъ. Императорская армія была расположена вдоль линіи отъ рейнскихъ водопадовъ до Кинцига, имѣя главную квартиру въ Донау-Эшингенѣ. Лучшій изъ австрійскихъ полководцевъ, эрцгерцогъ Карлъ, оставался не у дѣлъ. Впечатлительный эпилептикъ, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ безпрерывнымъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ вѣнскихъ бюрократовъ въ его распоряженія и временно числился въ отпуску.

Императоръ Францъ и его министры выработали слѣдующій планъ военныхъ дѣйствій: они разсчитывали оттѣснить численно слабѣйшую армію Массены, а затѣмъ, съ помощью англійскаго

флота (прибывшаго въ мартѣ мѣсяцѣ подъ начальствомъ адмирала Кейта), овладѣть Генуей, гдѣ Массена будетъ, безъ сомнѣнія, упорно сопротивляться. Потомъ имѣлось въ виду перейти черезъ Варъ и, соединившись въ Провансѣ съ роялистами, долженствовавшими къ тому времени организоваться подъ начальствомъ Пишегрю, только что бѣжавшаго изъ Гвіаны, заручиться такимъ численнымъ перевѣсомъ, который позволилъ бы австрійской арміи внести войну въ самое сердце Франціи, пока Край будетъ удерживать передъ собою армію Моро.

Политика и стратегія.

Въ новой французской конституціи имѣлась статья, постановлявшая, что первый консулъ не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и главнокомандующимъ войсками. Бонапартъ, еще при обсужденіи этой статьи, замѣтилъ, въ бесѣдѣ съ Міоде Мелито, что она фактически не запрещаетъ первому консулу находиться при арміи. Какъ бы ни было, военный геній Бонапарта имѣлъ теперь впервые случай развернуться во всемъ изумительномъ своемъ величіи. До тѣхъ поръ не смотря на грандіозность одержанныхъ имъ успѣховъ, Наполеонъ оказывался все же въ роли подчиненнаго, обязаннаго выполнять указанную ему часть общаго плана дѣйствій. Если онъ фактически и проводилъ свои собственныя идеи, то это съ его стороны являлось въ сущности нарушеніемъ дисциплины и неповиновеніемъ высшему начальству. Теперь на немъ самомъ лежало веденіе крупной европейской войны, причемъ единственнымъ препятствіемъ оказывались таланты генерала Моро и несговорчивый завистливый характеръ этого полководца. Съ проницательностью истиннаго гепія, Бонапартъ сразу же правильно оцѣнилъ взаимное положеніе Австріи и Франціи на театрѣ военныхъ дѣйствій и, отбросивъ мелочныя подробности, которыя могли бы показаться существенными менѣе талантливому полководцу, привелъ это положеніе къ простѣйшимъ его элементамъ. Разбивъ Края, французская армія могла дойти до Вѣны и предписать Австріи миръ прежде чѣмъ Меласъ успѣетъ что-нибудь сдѣлать въ Италіи. Бонапартъ намѣревался поэтому собрать у Шаффгаузена отдѣльныя части резервной арміи, которую удалось организовать инкогнито, и, подъ прикрытіемъ Рейна, соединиться съ Моро, а затѣмъ, пользуясь громаднымъ превосходствомъ въ силахъ, обойти Края съ лѣваго фланга, отрѣзать ему путь отступленія, ударить на его армію съ тыла, взять ее въ плѣнъ, или же уничтожить. Одержавъ полную побѣду надъ Краемъ, можно было бы перейти съ частью арміи черезъ Альпы и, аттакуя австрійскія войска въ Италіи съ тылу, поставить ихъ въ безвыходное положеніе даже и въ томъ случаѣ, еслибъ имъ удалось передъ тѣмъ одержать верхъ надъ арміей Массены. Эта грандіозная комбинація сама по себѣ уже доказывала геніальность своего автора. Въ ней проведены слѣдующіе пять великихъ стратегическихъ принциповъ: особенно единство наступательнаго движенія по одной операціон-

ной линіи; цѣлью дѣйствія избирается главная непріятельская армія; операціонная линія ведетъ непріятелю во флангъ и въ тылъ; обходъ производится противъ крыла, на которомъ лежатъ непріятельскіе пути сообщенія; наконецъ, собственные пути сообщенія остаются вполнѣ обезпеченными. Принципы эти стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми, которыми руководствовался знаменитый предшественникъ Наполеона, Фридрихъ Великій, но ихъ не удалось ниспровергнуть даже современной военной наукѣ, не смотря на громадныя перемѣны, происшедшія въ матеріальной части военнаго дѣла и въ численности войскъ, которымъ приходится участвовать въ современныхъ рѣшительныхъ бояхъ.

Проектъ Наполеона оказался, однако, слишкомъ грандіознымъ для того, чтобъ его можно было примѣнить при тогдашнихъ условіяхъ. Моро ни за что не хотѣлъ играть второстепенную роль, а Бонапартъ какъ нельзя лучше сознавалъ свое политическое положеніе недостаточно упроченнымъ для того, чтобъ было позволительно ссориться съ такимъ вліятельнымъ соперникомъ. Проектъ Бонапарта былъ выполненъ поэтому лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Теперь же Моро, считая себя самого прекраснымъ полководцемъ, не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія воспользоваться совѣтами перваго консула даже и относительно организаціи переправы черезъ Рейнъ. При такихъ обстоятельствахъ пришлось предоставить Рейнской арміи полную самостоятельность дѣйствій и ограничиться лишь присылкой ей изъ Парижа инструкціи относительно немедленнаго перехода въ наступленіе съ тѣмъ, чтобы отбросить непріятеля въ Баварію, за Лехъ, и прервать прямое его сообщеніе съ Миланомъ черезъ Констанское озеро и Граубюнденъ. Лекурба, съ двадцати тысячнымъ отрядомъ, долженъ былъ наблюдать за верхне-альпійскими горными проходами.

Въ виду необходимости предоставить Моро полную свободу дѣйствій, Бонапартъ рѣшилъ дать резервной арміи иное назначеніе и употребить ее въ Италіи. Было бы опасно предоставить эту армію въ распоряженіе такого талантливаго генерала, какъ Моро, потому что одержанные съ ея помощью успѣхи могли бы, пожалуй, пошатнуть политическое положеніе самого Бонапарта. Первому консулу не хотѣлось, чтобъ единственный серьезный его соперникъ на военномъ поприщѣ могъ возстановить свою репутацію, пострадавшую съ одной стороны вслѣдствіе подозрѣній въ томъ, что Моро участвовалъ въ заговорѣ Пишегрю, а съ другой— вслѣдствіе неожиданно принятаго этимъ генераломъ участія въ государственномъ переворотѣ 18-го брюмера, несогласовавшемся со всѣми его прежними принципами.

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца существованіе арміи, державшейся до тѣхъ поръ въ секретѣ, обнаружилось отданнымъ ей приказомъ идти къ Цюриху и готовиться къ переходу черезъ Альпы. Удачныя дѣйствія Массены въ предшествовавшемъ году передали всю Швейцарію въ руки французовъ. Швейцарская территорія не была уже болѣе нейтральной, а потому имѣлась

полная возможность воспользоваться ею для наступательныхъ операцій противъ непріятеля. Массена получилъ первыя свои инструкціи нѣсколькими днями раньше, чѣмъ Моро. Ему предписывалось сосредоточить итальянскую армію для обороны Генуи и путей, ведущихъ изъ Италіи во Францію. Меласъ, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ излюбленной австрійской системѣ наступленія тремя колоннами для концентрическаго нападенія на противника. Французскому главнокомандующему слѣдовало маневрировать такъ, чтобъ уклониться отъ двухъ изъ этихъ колоннъ и ударить всѣми силами на третью. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Массенѣ было сообщено про новую комбинацію и предписано ограничиваться обороной до тѣхъ поръ, пока резервная армія не перейдетъ черезъ Альпы. „Для полководца, располагающаго меньшими силами, чѣмъ непріятель, военное искусство заключается въ томъ, чтобъ выиграть время“, говорилъ всегда Бонапартъ. Массена, бывшій и самъ талантливымъ полководцемъ, собирался выполнить эту инструкцію, когда, 6-го апрѣля, мужественный старикъ Меласъ аттаковалъ его во главѣ шестидесятитысячной арміи. Французамъ неоднократно удавалось въ частныхъ схваткахъ одерживать верхъ надъ непріятелемъ, значительно превосходившимъ ихъ силами, но тѣмъ не менѣе, черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли, всякое активное сопротивленіе оказалось невозможнымъ и, къ 21-му апрѣля, весь центръ французской арміи вынужденъ былъ укрыться за стѣнами Генуи. Положеніе становилось для французовъ тѣмъ неблагопріятнѣе, что Геную блокировалъ съ моря англійскій флотъ, съѣстныхъ же припасовъ въ городѣ было мало, такъ что при величайшей бережливости ихъ могло хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ. Сюше съ лѣвымъ крыломъ французской арміи, силою въ 10.000 человѣкъ, отступилъ вдоль берега, преслѣдуемый Меласомъ съ 28.000 австрійцевъ, и вынужденъ былъ 14 мая переправиться черезъ Варъ. Оттъ, съ 24.000 человѣкъ, остался осаждать Геную, гдѣ Массенѣ удалось держаться до 4-го іюня. Эта оборона считается одною изъ самыхъ упорныхъ въ военной исторіи.

При директоріи военное министерство хозяйничало за послѣдній годъ такъ плохо, что консульство не имѣло ни малѣйшей возможности безотлагательно исправить всѣ его промахи и упущенія. Армія Моро не была въ достаточной степени снабжена ничѣмъ необходимымъ и ея полководецъ согласился перейти въ наступленіе лишь мѣсяцемъ позже, чѣмъ это было первоначально условлено. Единственно только по настоятельному требованію Бонапарта онъ рискнулъ 25-го апрѣля двинуться впередъ, не смотря на все еще недостаточное снаряженіе своей арміи и принялся за выполненіе собственнаго своего осторожнаго плана переправы черезъ Рейнъ четырьмя колоннами, а не всею арміей вмѣстѣ въ одномъ пунктѣ, какъ совѣтовалъ первый консулъ. Планъ Моро являлся менѣе рискованнымъ чѣмъ планъ Бонапарта, но зато и не обѣщалъ привести къ такимъ блестящимъ результатамъ. Не смотря на свою сложность, онъ былъ выполненъ благополучно.

Дѣлая видъ, будто намѣревается занять Шварцвальдъ, Моро обманулъ Края относительно дѣйствительныхъ своихъ намѣреній и побудилъ его покинуть сильную позицію подъ Донау—Эшингемомъ. Послѣ цѣлаго ряда искусныхъ контръ-маршей, при которыхъ отдѣльныя части французской арміи неоднократно переходили съ одного берега Рейна на другой, вся армія Моро оказалась сосредоточенной къ востоку отъ Шварцвальда, удачно обойдя не только этотъ удобный для обороны горный хребетъ, но также и непріятельскую армію, которая все еще занимала позиціи передъ ущельями этихъ горъ, сквозь которыя, по мнѣнію Края, надлежало пробиваться французамъ армія. Прекрасно обдуманные контръ-марши Моро напоминали искусные ходы хорошаго шахматнаго игрока.

Такъ ловко завязанная партія счастливо закончилась быстрымъ наступательнымъ движеніемъ французовъ, спѣшившихъ нанести ударъ противникамъ, прежде чѣмъ они успѣютъ отступить на новую безопасную позицію. Моро при этомъ разбросалъ свои войска такъ, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля оказался лишь съ 25.000 человѣкъ лицемъ къ лицу съ главною силою австрійцевъ, сосредоточившихся подъ начальствомъ самого Края близъ Энгена. Въ тылу Моро и нѣсколько правѣе находилась въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ дивизія Сенъ-Сира. Разсчитывая на скорое ея прибытіе главнокомандующій аттаковалъ 2 мая непріятеля, значительно превосходившаго его силами. Ожидаемое подкрѣпленіе не прибыло, но тѣмъ не менѣе французы, послѣ ожесточеннаго боя, одолѣли австрійцевъ, хотя и сами понесли большой уронъ. На другой день явился Сенъ-Сиръ. Австрійцы узнавъ, что Штокахъ, съ заготовленными тамъ складами продовольствія, захваченъ уже другой французской дивизіей (подъ начальствомъ Лекурба), отступили къ сѣверо-востоку оттуда, по направленію къ Дунаю. Моро одержалъ блистательный успѣхъ. Путь отступленія къ Тиролю черезъ Швейцарію и Форарльбергъ былъ отрѣзанъ австрійцамъ. Они потеряли три тысячи убитыми и пять тысячъ плѣнными, а также большое количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, какъ нельзя болѣе пригодившихся завладѣвшимъ ими французамъ.

Не смотря на все это Край не падалъ еще духомъ и два дня спустя рѣшился дать французамъ бой подъ Месскирхомъ. Сраженіе было очень упорнымъ и кровопролитнымъ, но оказалось тоже неудачнымъ для австрійцевъ. Побѣда, одержанная французами, была бы, безъ сомнѣнія, еще рѣшительнѣе, если бы Сенъ-Сиръ опять не уклонился съ своею дивизіей отъ участія въ боѣ. Произведенное слѣдствіе выяснило, что этотъ генералъ, выполняя во всей строгости отданныя ему приказанія, не обнаружилъ надлежащаго усердія и доброжелательства при ихъ истолкованіи. Вялость образа дѣйствій Сенъ-Сира не была поэтому поставлена ему въ вину. Вскорѣ послѣ того выяснилось, что австрійцы опять собрались въ значительныхъ силахъ и намѣреваются защищать Биберахъ, гдѣ у нихъ имѣлись большіе про-

віантскіе склады. На этотъ разъ Сенъ-Сиръ выказалъ замѣчательное усердіе: онъ съ самымъ блестящимъ мужествомъ ударилъ прямо въ центръ непріятельскихъ войскъ, значительно превосходившихъ его численностью, и сбилъ ихъ съ позиціи. Воодушевленный побѣдой, онъ призвалъ къ себѣ на помощь другую дивизію, подъ начальствомъ Ришпанса, аттаковалъ главныя силы австрійцевъ, расположившихся на склонахъ Меттенберга, и прогналъ ихъ. Два дня спустя Лекурбъ овладѣлъ Меммингеномъ и взялъ 1.800 плѣнныхъ, вслѣдствіе чего 10 мая австрійцы отступили въ укрѣпленный лагерь подъ Ульмомъ, гдѣ и рѣшились выждать нападенія французовъ. Надо полагать, что еще дня черезъ два Моро прогналъ бы ихъ и оттуда, если бы отъ него не отобрали одну изъ дивизій. Военный министръ Карно лично явился просить объ откомандированіи дивизіи Лекурба въ Италію. Просьбу эту неловко было не уважить.

Бонапартъ предполагалъ сперва воспользоваться слѣдующимъ образомъ резервною арміей въ Италіи. Армія эта, подъ номинальнымъ начальствомъ Бертье, а въ дѣйствительности подъ командою самого перваго консула, должна была соединиться съ дивизіей Лекурба, маневрировавшей въ промежуткѣ между Швейцаріей и правымъ флангомъ арміи Моро. Образовавшую такимъ образомъ массу въ 75.000 человѣкъ имѣлось въ виду двинуть изъ Цюриха черезъ удобный Сплюгенскій перевалъ въ Италію. Присоединивъ къ себѣ тамъ войска Массены, Бонапартъ располагалъ бы тамъ болѣе чѣмъ 100.000 арміей, вполнѣ достаточной, чтобы одолѣть Меласа. Въ дѣйствительности, однако, громадное преимущество силъ, оказывавшееся въ продолженіи всего апрѣля мѣсяца на сторонѣ австрійскаго главнокомандующаго, дозволило ему тѣмъ временемъ отрѣзать всѣ сообщенія Массены и для храбраго французскаго полководца надо было опасаться самаго печальнаго исхода. При такихъ обстоятельствахъ, прежде чѣмъ Моро началъ кампанію, было рѣшено, ради выигрыша времени, перейти съ резервною арміей черезъ Альпы возможно западнѣе. Бертье было поручено тщательно осмотрѣть перевалы сперва черезъ Сенъ-Готардъ и Симплонъ, а затѣмъ, черезъ Большой и Малый Сенъ-Бернаръ (первый изъ нихъ ошибочно считался тогда путемъ, по которому Аннибалъ проникъ въ Италію). Способность такъ легко примѣнять свои планы къ измѣнившимся условіямъ обстановки являлась тоже доказательствомъ геніальности перваго консула. Проектъ наступательнаго движенія на Миланъ былъ вскорѣ оставленъ, такъ какъ наступленіе черезъ Тортону могло скорѣе принудить австрійцевъ къ снятію осады съ Генуи. Къ 9 мая всѣ приготовленія оказывались законченными. Близъ Женевскаго озера собрана была армія въ сорокъ двѣ тысячи человѣкъ не по однимъ только канцелярскимъ спискамъ, а по точнымъ свѣдѣніямъ главнокомандующаго (замѣчаніе самого Бертье). Прибывъ 10 мая въ Лозанну, Бонапартъ нашелъ въ Мартиньи, у подошвы Большого Сенъ-Бернара, Лапна съ 8.000 человѣкъ, продвинувшагося уже на нѣсколько миль

вверхъ по долинѣ Роны. Четыре другихъ дивизіи, общею сложностью въ 25.000 человѣкъ, стояли въ верховьи озера, между Лозанной и Вилльневомъ. Дивизія Шабрана, численностью въ 5.000 человѣкъ, находилась въ Савойѣ, у подошвы Малаго Сенъ-Бернара. Кромѣ того, Тюрро, съ 5.000 человѣкъ, составлявшихъ сперва часть лѣваго крыла Массены, находился у южнаго спуска съ Монъ-Сенисскаго перевала. 15.000 корпусъ, взятый изъ арміи Моро, подходилъ уже, подъ начальствомъ Монсея, къ сѣвѣрному подъему на Сенъ-Готардскій перевалъ.

Къ 13 маю положеніе австрійцевъ и французовъ въ Италіи матеріально не измѣнилось и все еще оказывалось въ пользу Меласа. Массена находился въ Генуѣ, имѣя 12.000 человѣкъ подъ ружьемъ и, кромѣ того, до 16.000 больныхъ и раненыхъ. Его осаждалъ тамъ 24.000 корпусъ Отта. Меласъ съ 28.000 человѣкъ стоялъ на берегахъ Вара въ полномъ убѣжденіи, что французская резервная армія соединится съ находившимся въ Провансѣ 10.000 корпусомъ Сюше и атакуетъ его съ фронта. Пять дней спустя онъ убѣдился въ ошибочности своихъ предположеній и, оставивъ 17.000 корпусъ охранять Ривьеру, поспѣшилъ съ остальными войсками въ Туринъ, куда и прибылъ 25 мая. 10.000 австрійцевъ стояли въ Беллинцонѣ, наблюдая за Сенъ-Готардскимъ переваломъ. 3.000 находились въ долинѣ Доры-Балтеи, чтобы наблюдать за южными спусками съ Сенъ-Бернарскихъ переваловъ; 5.000 были расположены въ долинѣ Доры-Рипаріи и 1.000 въ долинѣ Нуры для обороны спуска съ Монъ-Сенисскаго перевала. 16.000 корпусъ шелъ на присоединеніе къ Меласу изъ Тосканы, гдѣ оставался затѣмъ 3.000 австрійскій отрядъ. Кромѣ того, въ Романьѣ, Истріи и въ укрѣпленныхъ городахъ верхней Италіи разбросано было еще до 16.000 австрійскихъ войскъ.

14-го мая начался маневръ, который спеціалисты признаютъ одной изъ самыхъ смѣлыхъ и блестящихъ комбинацій Бонапарта. Даже и въ настоящее время дорога черезъ Большой Сенъ-Бернаръ доступна на значительномъ протяженіи единственно только для муловъ. Къ тому же, въ маѣ мѣсяцѣ свирѣпствуютъ близъ монастыря и вообще въ верхнихъ частяхъ перевала вьюги и часто падаетъ мокрый снѣгъ съ дождемъ. Въ мирное время перевалъ этотъ представляетъ собою кратчайшій и удобнѣйшій путь на сѣверъ, въ военное же время онъ, благодаря мѣстнымъ своимъ условіямъ, весьма удобенъ для обороняющихся. Первый консулъ, тщательно выработавъ въ общихъ чертахъ стратегическій планъ дѣйствій, благоразумно предоставилъ разработку подробностей талантливымъ своимъ подчиненнымъ. Войска резервной арміи, имѣя впереди дивизію Ланна, взобрались на горныя кручи, перешли черезъ перевалъ и спустились по другую его сторону къ Аостѣ. Мѣстами на ихъ пути лежалъ снѣгъ и кое-гдѣ нельзя было провезти артиллерію на лафетахъ. Приходилось поэтому снимать пушки съ лафетовъ, укладывать ихъ на дровни, изготовленныя изъ лѣса, вырубленнаго въ горахъ, и тащить людьми на кручи. Бонапартъ оставался тѣмъ временемъ назади, въ Лозаннѣ,

такъ какъ присутствіе его въ арміи могло бы повредить успѣху предпріятія. Австрійцы тотчасъ же сообразили бы тогда, что имѣютъ дѣло не съ простою демонстраціей, а съ серьезнымъ и до чрезвычайности опаснымъ для нихъ наступательнымъ движеніемъ.

Переходъ въ верхнюю долину Аосты не представлялъ никакихъ серьезныхъ затрудненій и къ 16-му мая головныя части колонны Шабрана благополучно прибыли туда, въ свою очередь, переваливъ черезъ малый Сенъ-Бернаръ. Каждое предпріятіе имѣетъ, однако, свой критическій моментъ, отъ котораго зависитъ успѣшный исходъ. Нѣсколько ниже Аосты, на обрывистой, почти отвѣсной скалѣ, расположена крѣпостца Бардъ, командующая выходомъ изъ долины. Она оказалась положительно неприступной. Ланнъ вынужденъ былъ остановиться передъ ней и цѣлый день пребывалъ въ нерѣшительности, производя тщательныя рекогносцировки окрестной мѣстности. Бертье писалъ ему, что судьбы Италіи, а можетъ быть даже и самой французской республики зависятъ отъ взятія означенной крѣпостцы. Это оказалось преувеличеніемъ, хотя, впрочемъ, довольно простительнымъ. Французскій авангардъ розыскалъ крутую горную тропинку, пролегавшую сѣвернѣе бардской крѣпостцы черезъ гору Альбаредонъ; оставилъ за собой артиллерію, вскарабкался кое-какъ на эту гору и спустился внизъ къ Ивреѣ. Два дня спустя прибылъ туда самъ Бонапартъ. Узнавъ, что Меласъ покинулъ уже берега Вара, онъ приказалъ саперамъ разработать горную тропу такъ, чтобы по ней можно было провезти орудія. Ланнъ тѣмъ временемъ пытался овладѣть Ивреей, но, не имѣя при себѣ пушекъ, былъ отбитъ, хотя и съ небольшимъ уропомъ. Начальникъ артиллеріи, Мармонъ, не сталъ ожидать, пока саперы проложатъ новую дорогу, а вмѣсто того приказалъ завалить соломой улицы деревушки, лежащей у подножья скалы, на которой построена бардская крѣпостца и, обмотавъ колеса лафетовъ сѣномъ, провезъ темною ночью всю артиллерію мимо крѣпости. Австрійцы хотя и замѣчали, что творится что-то неладное, но въ темнотѣ не могли стрѣлять, тѣмъ болѣе, что и при дневномъ освѣщеніи мѣткая стрѣльба чуть не отвѣсно сверху внизъ была бы довольно затруднительной. Гарнизонъ бардской крѣпостцы держался еще въ теченіе нѣкотораго времени, но къ 1-му іюня сдался за недостаткомъ продовольствія. Иврея была тотчасъ же взята. Трехтысячный австрійскій отрядъ, защищавшій долину, былъ разсѣянъ и передъ смѣлыми искателями приключеній открылся снова доступъ въ плодоносную итальянскую равнину. Многимъ изъ нихъ доводилось уже подъ начальствомъ того же самаго полководца проникнуть въ эту равнину, обойдя защищающіе ее Альпы съ фланга. На этотъ разъ они прорвались прямо черезъ эту грозную ограду. Непріятель отнесся сперва съ недовѣріемъ къ извѣстію о переходѣ значительныхъ французскихъ силъ черезъ Альпы. Затѣмъ онъ пришелъ въ очевидное смущеніе и нерѣшимость. Войска Меласа были до такой степени разбросаны, что ему не представлялось, повидимому, возможности удержать за собою Тортону.

Съ овладѣніемъ этой крѣпостью, французы могли легко подоспѣть на выручку Генуи.

Бонапартъ сразу же выяснилъ себѣ не только затруднительное положеніе австрійцевъ, но также и громадныя выгоды собственнаго своего положенія. Планъ кампаніи тотчасъ же принялъ у него несравненно болѣе грандіозные размѣры и радикально измѣнился. Прежде чѣмъ австрійцы успѣютъ сосредоточить свои войска и предпринять что-нибудь рѣшительное, должно было пройти нѣкоторое время. Бонапартъ рѣшилъ поэтому предоставить Массенѣ держаться еще нѣсколько дней въ Генуѣ, если это окажется возможнымъ, а самъ двинулся къ Милану, чтобы завладѣть Ломбардіей, переправиться затѣмъ черезъ По и принудить Меласа къ бою, отрѣзавъ ему всѣ пути къ отступленію. При такихъ обстоятельствахъ одна битва рѣшала участь Италіи. Въ противоположность этой грандіозной стратегической комбинаціи можно было бы, разумѣется, достигнуть тѣхъ же цѣлей и другимъ способомъ, а именно: предварительно освободить Геную отъ осады, чтобы овладѣть потомъ Миланомъ и прогнать австрійцевъ за Адду, но кампанія могла бы тогда затянуться на продолжительное время. Подобную же геніальность стратегическихъ плановъ Наполеонъ обнаруживалъ также въ 1809 и 1813 годахъ.

Въ концѣ мая мѣсяца всѣ приготовленія къ выполненію новаго плана кампаніи были уже закончены. Каждая изъ колоннъ арміи Бонапарта выполнила возложенную на нее задачу. Тюрро перешелъ черезъ Монъ-Сенисъ и оттѣснилъ выставленный противъ него австрійцами заслонъ. Монсей благополучно перевалилъ черезъ Сенъ-Готардъ и стоялъ уже въ Беллинцонѣ. Отдѣльная колонна, подъ начальствомъ Бетанкура, перешла черезъ Симплонъ и находилась близъ Домо-д'Оссоло. 2-го іюня соединенныя французскія войска благополучно переправились черезъ Тичино. Авангардъ ихъ занялъ Миланъ, откуда австрійскій гарнизонъ отступилъ сперва къ Лоди, а потомъ въ Крему. Мюрату съ кавалеріей было поручено упорно преслѣдовать отступавшихъ австрійцевъ и отогнать ихъ возможно дальше, дабы они не могли помѣшать слѣдующему затѣмъ важному шагу, а именно переправѣ черезъ По. Бонапартъ отпраздновалъ свое возвращеніе въ Миланъ не только возстановленіемъ Цизальпинской республики и блестящими гражданскими пиршествами, но также и благодарственнымъ молебствіемъ, причемъ воспользовался случаемъ выразить глубокое свое уваженіе къ святѣйшему отцу-папѣ и сердечную преданность католической церкви. Онъ позаботился также о надлежащемъ украшеніи большого миланскаго собора. Между статуями святыхъ, украшающихъ міріады башенокъ этого собора, одна изъ лучшихъ является точнымъ воспроизведеніемъ самого Наполеона.

Маренго.

Меласъ узналъ о прибытіи геніальнаго своего противника въ Туринѣ, гдѣ, съ обычной непредусмотрительностью полководцевъ

старой школы, разсчитывалъ сперва дать Бонапарту сраженіе. Зная, что войска Сюше угрожаютъ ему съ запада, а Бонапартъ съ цѣлой арміей—съ востока, Меласъ сообразилъ, однако, что его собственное положеніе легко можетъ оказаться критическимъ. Ему пришло было на мысль двинуться къ Верчелли и выйти въ тылъ Бонапарту, но узнавъ о переходѣ черезъ Сенъ-Готардъ многочисленнаго французскаго корпуса, австрійскій главнокомандующій отказался отъ этого намѣренія и назначилъ сборнымъ пунктомъ для своей арміи укрѣпленный городъ Александрію. Болотистыя низменности, пересѣченныя множествомъ рѣчекъ, дѣлали этотъ городъ, при тогдашнемъ состояніи артиллеріи, почти такой же неприступной крѣпостью, какъ Мантуя. Сосредоточивъ тамъ свои силы, Меласъ принялъ энергичное рѣшеніе прорваться сквозь центръ французской арміи. Тѣмъ временемъ Массена, оборонявшійся съ геройскимъ упорствомъ до послѣдней возможности въ Генуѣ, вынужденъ былъ начать переговоры о сдачѣ. Если бы онъ продержался еще три дня, Отту пришлось бы снять осаду и спѣшить на соединеніе съ Меласомъ, ввиду рѣшительнаго боя, въ моментъ котораго австрійцамъ надлежало употребить всѣ мѣры къ обезпеченію себѣ возможности прорыва сквозь непріятеля, отрѣзавшаго имъ сообщенія съ Австріей. При такихъ обстоятельствахъ Массена безъ труда выговорилъ себѣ чрезвычайно выгодную капитуляцію и 4-го іюня выступилъ изъ Генуи на соединеніе съ Сюше, безъ всякаго обязательства не сражаться съ австрійцами. 6-го іюня Оттъ, въ свою очередь, тоже выступилъ изъ Генуи къ сборному пункту всей австрійской арміи.

Бонапартъ управлялъ изъ Милана переправой своей арміи черезъ По, одновременно въ трехъ пунктахъ, между Піаченцей и Павіей. Ему необходимо было сосредоточить войска, которыя пришлось передъ тѣмъ разбросать, чтобы очистить всю Ломбардію отъ австрійцевъ, оказывавшихъ кое-гдѣ энергическое сопротивленіе. Бонапартъ предусмотрительно устроилъ укрѣпленный лагерь близъ Страделлы и перекинулъ черезъ По пять мостовъ на случай, если бы его войскамъ пришлось потерпѣть пораженіе и отступать. 8-го іюня французы перехватили одного изъ курьеровъ, отправленнаго Меласомъ въ Вѣну, и узнали изъ депешъ, найденныхъ у этого курьера, о сдачѣ Генуи на капитуляцію, а также о дальнѣйшихъ планахъ и намѣреніяхъ Меласа. Французы и австрійцы начали почти одновременно свое наступательное движеніе, причемъ, однако, французскія войска оказались сосредоточенными въ болѣе крупныя массы, отдѣленныя другъ отъ друга сравнительно меньшими промежутками. Оттъ встрѣтился съ Ланномъ подъ Кастеджіо, близъ Монтебелло. Бонапартъ отдалъ приказаніе уничтожить, если возможно, первую же австрійскую колонну, которая появится передъ французскими войсками, „такъ какъ она, по необходимости, будетъ малочисленной“. Въ первой стычкѣ французы оказались, однако, малочисленнѣе непріятеля, а потому должны были податься назадъ, но, благодаря подоспѣвшей къ нимъ на помощь дивизіи Виктора, снова не-

рѣшли въ наступленіе, разбили австрійцевъ и прогнали ихъ за Скривію, съ потерей 4.000 человѣкъ. Меласъ все еще находился къ западу отъ Александріи, въ двухъ переходахъ отъ этой крѣпости. Бонапартъ оставался въ тылу арміи, направляя ея наступательное движеніе, но не давалъ знать личнымъ своимъ присутствіемъ въ передовыхъ войскахъ, гдѣ именно должно состояться окончательное рѣшеніе. Онъ выѣхалъ на передовую линію лишь послѣ того, какъ всѣ приготовленія къ тагому рѣшенію были закончены. Необходимо замѣтить, что самъ Бонапартъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ принциповъ военнаго искусства сосредоточивать на мѣстѣ рѣшительнаго боя, по возможности, всѣ силы до послѣдняго человѣка, такъ какъ нельзя предвидѣть, какое громадное значеніе можетъ имѣть въ рѣшающій моментъ присутствіе или отсутствіе хотя бы даже одного батальона, или роты. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ какъ будто измѣнилъ своему принципу и разбросалъ не менѣе 23.000 человѣкъ во всѣ стороны, частью для того, чтобы отрѣзать австрійцамъ возможность уйти на сѣверъ, востокъ и югъ, частью же для различныхъ иныхъ цѣлей, такъ что у него подъ рукою осталось всего лишь 34.000 человѣкъ. Самоувѣренность перваго консула до извѣстной степени оправдывалась промахами непріятеля, но чуть не обошлась ему очень дорого. Она дошла до того, что Бонапартъ оставилъ, почти въ послѣдній моментъ, Луазона, съ шеститысячнымъ отрядомъ у себя въ тылу, въ Піаченцѣ. Между тѣмъ Меласъ соединился 12-го іюня съ Оттомъ въ Александріи, что представлялось, впрочемъ, съ точки зрѣнія стратегическихъ соображеній перваго консула, неизбѣжнымъ фактомъ. Дезе, котораго Бонапартъ давно уже вызвалъ изъ Египта, прибылъ, наконецъ, 11-го іюня въ главную квартиру французской арміи подъ Страделлой и тотчасъ же былъ назначенъ командиромъ одного изъ трехъ корпусовъ. Двумя другими командовали Викторъ и Ланнъ.

Равнина, на которой расположены Тортона и Алессандрія, орошается двумя небольшими рѣками, Скривіей и Бормидой. Онѣ текутъ почти параллельно другъ другу съ юга на сѣверъ и впадаютъ въ По. Равнину эту перерѣзаетъ множество мелкихъ притоковъ и окаймленныхъ ивами и другими низкорослыми деревьями оросительныхъ каналовъ, отдѣляющихъ другъ отъ друга роскошные фруктовые сады и тучныя нивы. Бонапартъ вообще старался выбирать поля своихъ сраженій по возможности на ровной мѣстности. Тамъ онъ могъ безпрепятственно пользоваться любимымъ своимъ оружіемъ — артиллеріей, которую зачастую собиралъ въ грозныя баттареи на флангахъ, посылая великолѣпную свою кавалерію разъ за разомъ въ аттаки, чтобы прорвать непріятельскій центръ и облегчить рѣшающій штыковой ударъ пѣхоты, подготовленный ружейнымъ огнемъ съ близкой дистанціи. Между Тортоной, лежащей на берегахъ Скривіи, и Алессандріей, расположенной на берегахъ Бормиды, имѣлось много такихъ полей, удобныхъ для битвы. Лучшее изъ нихъ находилось близъ большой дороги, которая, направляясь съ востока, соединяетъ Тортону съ Алессандріей, а за-

тѣмъ идетъ далѣе на западъ, черезъ Асти въ Туринъ. Двѣ другихъ важныхъ дороги идутъ изъ Алессандріи и Тортоны на югъ къ Нови, гдѣ онѣ сливаются въ одну, которая направляется затѣмъ къ Генуѣ. Въ треугольникѣ, составленномъ этими тремя дорогами, всего лишь верстахъ въ пяти отъ Алессандріи, лежитъ деревня Маренго, которая и была занята Викторомъ 13-го іюня. Ланнъ, стоявшій нѣсколько позади, въ Санъ-Джуліано, чтобы поддержать Виктора вслучаѣ если бы Меласъ вздумалъ выступить изъ крѣпости и напасть на него. Дезе отправленъ былъ съ своими войсками южнѣе Маренго къ Нови, чтобы пресѣчь австрійцамъ возможность обходнаго движенія на лѣвомъ флангѣ французской арміи. Бонапартъ находился въ Тортонѣ съ консульской своей гвардіей отборнымъ отрядомъ изъ 1.200 надежныхъ ветерановъ, который онъ организовалъ для личной своей охраны уже въ первую итальянскую кампанію и признавалъ еще болѣе необходимымъ теперь, когда занималъ такой высокій постъ. Онъ считалъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы австрійцы осмѣлились сами аттаковать и вслѣдствіе этой ошибочной увѣренности упустилъ сосредоточить надлежащимъ образомъ свои войска.

Меласъ былъ полководцемъ старинной школы, воевавшей методически и не спѣша, но при всемъ томъ отличался личною храбростью, и сражаясь въ предшествовавшемъ году подъ начальствомъ Суворова, зналъ цѣну энергической рѣшимости на полѣ битвы. Войска, состоявшія подъ его начальствомъ, принадлежали тоже къ числу самыхъ надежныхъ, какія когда-либо удавалось Австріи выставить въ поле. Утромъ, 14-го іюня, онъ началъ переправляться черезъ Бормиду. Австрійскій авангардъ оттѣснилъ передовые посты французовъ къ Маренго, такъ что войска Меласа имѣли возможность развернуться на восточномъ берегу этой рѣки. Виктору приказано было держаться во чтобы ни стало въ Маренго, чтобы выиграть время для сосредоточенія разбросанныхъ французскихъ колоннъ вправо и влѣво отъ его позиціи, долженствовавшей служить центромъ боевой линіи. На ровной мѣстности, служащей полемъ сраженія, прочная кирпичная или каменная ограда деревни, кладбища, или даже большой фермы, которыя такъ часто попадаются въ Ломбардіи, являлась въ тогдашнія времена надежнымъ прикрытіемъ. Зачастую, какъ напримѣръ, въ сраженіяхъ подъ Маренго, Асперномъ и даже Ватерлоо, овладѣніе такой позиціи, или же утрата ея, измѣняли весь ходъ боя. Армія, вооруженная кремневыми ружьями и гладкоствольными пушками небольшого калибра, даже одержавъ верхъ въ открытомъ полѣ, не рѣшалась оставить у себя въ тылу сколько-нибудь значительный непріятельскій отрядъ, занимавшій такую крѣпкую позицію. Этимъ именно обстоятельствомъ и объясняется выдающаяся роль, какую всегда играли фермы и деревни на наполеоновскихъ поляхъ сраженій. Ланну приказано было развернуться вправо отъ Виктора, а Мюрату было предписано поддерживать своей кавалеріей развертываніе боевой линіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, препятствовать обходному движенію, которымъ могли угрожать австрійцы, дви-

гаясь вдоль лѣваго берега Танаро (притока Бормиды, окаймленнаго съ обѣихъ сторонъ ивами и обладавшаго весьма медленнымъ теченіемъ). Еслибъ Дезе успѣлъ вернуться во время, то его корпусъ составилъ бы лѣвое крыло. Тѣмъ временемъ Келлерманъ младшій, съ своими драгунами, долженъ былъ прикрывать открытый лѣвый флангъ Виктора.

Первыя нападенія австрійцевъ были отражены, но съ большимъ трудомъ и съ значительными потерями со стороны французовъ. Къ десяти часамъ утра войска Отта начали напирать на лѣвый флангъ Ланна. Бой становился все жарче и отчаяннѣе, а между тѣмъ отъ Дезе получено было извѣстіе, что онъ не въ состояніи явиться ранѣе четырехъ часовъ пополудни. Бонапартъ послалъ на подкрѣпленіе Ланну небольшой свой резервъ подъ начальствомъ Моланье, но всѣ эти усилія оказались тщетными. Къ полудню французы были выбиты изъ Маренго и боевая ихъ линія оказалась прорванной. Французскія колонны находились въ полномъ отступленіи на востокъ къ Санъ-Джуліано. Первый консулъ былъ въ отчаяніи и, въ качествѣ послѣдняго козыря, двинулъ навстрѣчу аттаковавшимъ австрійцамъ 800 человѣкъ своей консульской гвардіи. Благодаря этому, въ первомъ часу пополудни, отступленіе пріостановилось. Вскорѣ, однако, французы увидѣли себя обойденными съ лѣваго фланга австрійскою кавалеріей и начали снова подаваться назадъ. Бонапартъ слѣзъ съ коня, сѣлъ возлѣ дороги и, помахивая хлыстикомъ, кричалъ пробѣгавшимъ мимо него солдатамъ остановиться и обождать прибытія резервовъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ у него не было. 7000 французовъ, пятая часть всѣхъ войскъ, имѣвшихся подъ рукою у Бонапарта, были къ тому времени, какъ полагаютъ, уже выведены изъ строя. Дезе все еще не появлялся, и Меласъ находился въ полной увѣренности, что одержалъ рѣшительную побѣду. Быть можетъ, если бы бремя семидесяти лѣтъ и легкая рана, полученная въ бою, не надломили силъ храбраго австрійскаго главнокомандующаго, онъ, несмотря на жару, пыль и усталость, заставилъ бы побѣдоносныя свои войска энергически преслѣдовать разбитаго врага и совершенно разсѣялъ бы главныя силы французовъ. Вмѣсто того, Меласъ, уѣхавъ въ Алессандрію, чтобы отдохнуть и собраться съ силами, поручилъ начальнику своего штаба, Цаху, преслѣдовать непріятеля, хотя разстроеннаго, но отступавшаго медленно и упорно отстаивавшаго каждую позицію, сколько-нибудь удобную для обороны. Войска Цаха, построившись въ походную колонну, шли слѣдомъ за французами. Другая, менѣе сильная колонна, подъ начальствомъ Отта, направлялась нѣсколько лѣвѣе, угрожая французамъ обходомъ и такимъ образомъ вынуждая ихъ продолжать отступленіе.

Какъ разъ въ это время (около пяти часовъ послѣ полудня) появился на полѣ битвы Дезе съ передовыми частями своего спѣшно приближавшагося корпуса. Бонапартъ, не медля ни минуты, разослалъ всюду ординарцевъ, которымъ приказано было объявить, что „французская боевая линія строится вновь“. Упавшіе было

духомъ французы снова ободрились. Солдаты, собравшіеся уже бѣжать, вернулись къ своимъ знаменамъ, и армія Бонапарта дѣйствительно выстроилась опять въ боевой порядокъ. Мармону удалось даже собрать батарею въ 18 пушекъ, а Келлерманъ, который такъ долго прикрывалъ своею драгунской бригадой лѣвый флангъ Виктора, внезапно появился опять въ совершенномъ порядкѣ на правомъ крылѣ Дезе. Въ одно мгновеніе ока положеніе дѣлъ измѣнилось. Дезе и Келлерманъ неудержимо рипулись одновременно на головную часть и лѣвый флангъ главной австрійской колонны, которая тотчасъ же оказалась разрѣзанной надвое. Передняя ея половина, состоявшая изъ 6.000 человѣкъ, смѣшалась и положила оружіе. Другая половина тоже совершенно растерялась и бросилась бѣжать. Австрійскимъ офицерамъ съ трудомъ лишь удалось остановить бѣглецовъ на берегу Бормиды и удержать за собою мостъ черезъ эту рѣку до тѣхъ поръ, пока войска Отта не успѣли вернуться и переправиться на другой берегъ. Къ сумеркамъ, остатки арміи Меласа (приблизительно 20.000 изъ 30.000, которыя были передъ тѣмъ сосредоточены въ Алессандріи) находились всѣ опять на лѣвомъ берегу Бормиды, а французы снова занимали Маренго. Неустрашимый Дезе заплатилъ жизнью за эту побѣду.

На слѣдующее утро, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ войска резервной арміи начали переходить черезъ Сенъ-Бернаръ, австрійцы вступили съ первымъ консуломъ въ переговоры. Ихъ главнокомандующій согласился очистить всю сѣверную Италію съ ея крѣпостями, по рѣку Минчіо. Въ рукахъ австрійцевъ должны были остаться единственно только Тоскана и Анкона. Военные писатели-спеціалисты указываютъ часто на побѣду, одержанную Бонапартомъ подъ Маренго, какъ на блистательный примѣръ того, что военное искусство является по премуществу искусствомъ стратегическихъ комбинацій. Порицатели Бонапарта приписываютъ, въ свою очередь, всю честь побѣды Дезе и Келлерману. Потомство присоединится къ сужденію спеціалистовъ, приписывающихъ должное значеніе стратегическимъ комбинаціямъ. Составленіе плана дѣйствій несомнѣнно является первымъ шагомъ къ выполненію таковаго, но въ войнѣ, какъ и во всемъ остальномъ, отъ мысли далеко еще до выполненія. Удачное сраженіе разстраиваетъ армію противника, тогда какъ успѣшно проведенный стратегическій планъ совершенно уничтожаетъ его способность сопротивленія. Когда мысль и выполненіе идутъ другъ съ другомъ рука объ руку, неминуемо получается рѣшающій результатъ. Побѣда, одержанная подъ Маренго, была именно такимъ результатомъ. Начальствуя войсками на полѣ сраженія, Бонапартъ оказывался побѣжденнымъ, но, въ качествѣ главнокомандующаго, онъ несомнѣнно выигралъ сраженіе. Даже если бы Дезе не успѣлъ придти на помощь въ рѣшительную минуту, оно все-таки оказалось бы выиграннымъ, но, разумѣется, въ другомъ мѣстѣ. Французамъ была открыта дорога въ Страделлу. Сообщенія ихъ не были прерваны, и Наполеонъ оказывался, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершенно

правымъ, утверждая, что въ крайнемъ случаѣ переправился бы за По, подъ прикрытіемъ своихъ батарей, черезъ одинъ изъ наведенныхъ пяти мостовъ, на соединеніе съ войсками, остававшимися у него на лѣвомъ берегу и сталъ бы послѣдовательно уничтожать австрійцевъ по мѣрѣ того, какъ они переправлялись бы за нимъ черезъ рѣку. Само собой разумѣется, что эти соображенія не имѣютъ серьезнаго практическаго значенія. Они свидѣтельствуютъ только, что Маренго можетъ служить образцомъ наступательной операціи, задуманной не для того, чтобы выигрывать сраженія, по возможности сберегая собственныхъ своихъ солдатъ, а чтобы уничтожить въ концѣ противника. Если война ведется за правое дѣло, то подобную стратегію надо признать грандіозной и гуманной, если же война неправая, то она во всякомъ случаѣ имѣетъ характеръ безчеловѣчной рѣзни. Утверждать, какъ дѣлаютъ это многіе, что Маренго является грандіозной, но не патріотической военной операціей, значитъ просто напросто не понимать тѣхъ цѣлей, ради которыхъ ведена была война.

Съ этихъ поръ намъ придется различать въ первомъ консулѣ, а впослѣдствіи, также и въ императорѣ Наполеонѣ, если можно такъ выразиться, двѣ личности: государственнаго дѣятеля и полководца. Первая изъ этихъ личностей играетъ всегда выдающуюся роль и стоитъ на первомъ планѣ; вторая же часто стушевывается передъ первою и совершаетъ великіе свои подвиги на ея службѣ. Битва подъ Маренго была однимъ изъ четырехъ рѣшительныхъ сраженій, данныхъ государственнымъ дѣятелемъ, и самъ Наполеонъ зналъ это какъ нельзя лучше. Она дала ему безспорное владычество надъ Франціей. Не было битвы болѣе тщательно объясненной цѣлому народу, какъ сраженіе подъ Маренго. Оно всесторонне комментировалось и современниками, и въ послѣдующія времена. Можно было опасаться, что временная неудача въ этомъ бою затмитъ во мнѣніи несвѣдущихъ людей грандіозность главнаго плана и его выполненія. Надлежало предотвратить возможность всякаго неправильнаго истолкованія. Съ помощью реляцій, а также оффиціальныхъ статей въ газетахъ, бесѣдъ съ репортерами, писемъ изъ арміи и т. п., распространялись въ народѣ свѣдѣнія, приписывавшія всю заслугу блестящей стратегической комбинаціи тому, кому она принадлежала по праву, а именно, самому главѣ государства. Совмѣстно съ побѣдами, одержанными Моро, комбинація эта возстановила французскіе финансы. Моро, занявшій къ тому времени Мюнхенъ, взялъ сразу контрибуцію въ сорокъ милліоновъ франковъ съ южной Германіи. Бонапартъ, въ свою очередь, возстановивъ Лигурійскую и Цизальпинскую республики, обязалъ ихъ ежемѣсячно выплачивать французскому государственному казначейству контрибуціи, долженствовавшія доставить, въ теченіе года, такую же сумму.

Поручивъ Массенѣ главное начальство надъ итальянской арміей, первый консулъ поспѣшилъ въ Миланъ, гдѣ пробылъ лишь столько времени, сколько было необходимо, чтобы отправить въ

Вѣну предложеніе начать переговоры о мирѣ. Оттуда онъ столь же поспѣшно уѣхалъ въ Парижъ. Французы не сразу сообразили, что ихъ глава государства позволилъ себѣ безцеремоннѣйшимъ образомъ нарушить конституцію. Даже и въ то время, когда уже выяснилось намѣреніе перваго консула принять на себя начальство надъ арміей, это не вызвало сколько-нибудь замѣтнаго недовольства. Все ограничилось тѣмъ, что вокругъ Талейрана собрался небольшой кружокъ, обсуждавшій, что именно придется сдѣлать, если смѣлый искатель приключеній будетъ убитъ. Пока въ кружкѣ этомъ обсуждалось, кѣмъ надлежало бы тогда замѣстить Бонапарта: Лафайетомъ или Карно, соображенія эти оказались неумѣстными и несвоевременными. Упомянутый кружокъ отсрочилъ эти совѣщанія на неопредѣленное время, получивъ извѣстіе о скоромъ возвращеніи своего властелина. Путешествіе Бонапарта отъ французской границы и до Парижа было одною непрерывною овацією. Въ каждомъ городѣ ему приходилось проѣзжать подъ тріумфальной аркой. Парижъ былъ готовъ чуть что не боготворить побѣдителя, но, по распоряженію Наполеона, встрѣча, устроенная ему столицей, имѣла сравнительно скромный характеръ. Зато вечеромъ, въ день его возвращенія, 3 іюля 1800 года, весь городъ былъ роскошно иллюминованъ. Всюду только и говорили, что про Аннибала и про Альпы; про солдатъ, которымъ приходилось карабкаться по горамъ, какъ сернамъ, и работать, какъ воламъ; про Сенъ-Бернарскій госпиталь съ гостепріимной его монашеской братіей и умными собаками, пріученными спасать погибающихъ; про страшныя кручи, пропасти и лавины и про завершеніе всѣхъ понесенныхъ арміей трудовъ славною побѣдой, вернувшей сразу французамъ Италію. Понятно, что при этомъ не забывали и о трогательной смерти неустрашимаго красавца Дезе.

Люневилльскій миръ.

Завоеваніе Италіи, совершившееся словно по мановенію волшебнаго жезла, должно было неизбѣжно произвести эффектъ, котораго ожидалъ отъ него первый консулъ. Наступило теперь время упрочить этотъ эффектъ также и другими вѣсскими заслугами передъ Франціей. Сознавая это, побѣдитель подъ Маренго послалъ еще изъ Милана императору Францу письмо, въ которомъ объяснялъ, что въ интересахъ самой Австріи отречься отъ союза съ Англіей и заключить съ Франціей миръ на прежнихъ условіяхъ Кампо-Формійскаго договора. Разстояніе отъ Милана до Вѣны въ тогдашнія времена оказывалось довольно значительнымъ, Австрія, только что договорившаяся объ уплатѣ ей новой субсидіи изъ неистощимыхъ, повидимому, сундуковъ англійскаго казначейства, не могла и помышлять о заключеніи сепаратнаго мира. Вѣнскій кабинетъ долженъ былъ ограничиться поэтому отправленіемъ въ Миланъ дипломатическаго агента, которому дана была инструкція выяснить не согласится-ли Франція на какія-либо уступки, способныя при-

вести къ возстановленію общаго европейскаго мира. Избранная для этого личность принадлежала къ числу появляющихся въ исторіи отъ времени до времени, какъ бы для того только, чтобы оживить серьезность хода событій смѣшными своими промахами и безразсуднымъ донъ-кихотствомъ. Австрійскій дипломатъ графъ

Лун-Шарль-Антуанъ Дезе.
(Съ картины Герэна).

Сенъ-Жюльенъ, присланный въ армію Меласа послѣ сдачи Генуи, былъ избранъ Бонапартомъ, чтобы отвезти въ Вѣну его предложеніе заключить перемиріе между Австріей и Франціей. Предложеніе это, составленное въ самыхъ драматическихъ выраженіяхъ, заканчивалось страстнымъ призывомъ къ миру. Графъ Сенъ-Жюльенъ былъ немедленно отправленъ обратно въ Миланъ съ австрійскими контръ-предложеніями. Соглашаясь на перемиріе, Вѣнскій кабинетъ настаивалъ на желательности болѣе точнаго

опредѣленія условій, на основаніи которыхъ можно было бы начать переговоры о мирѣ, такъ какъ, ввиду измѣнившихся обстоятельствъ и новыхъ обязательствъ, принятыхъ на себя Австріей, условія Кампо-Формійскаго договора оказывались уже невыполнимыми.

Злополучный австрійскій дипломатъ, прибывъ въ Миланъ, узналъ, что Бонапартъ уѣхалъ въ Парижъ. Онъ сразу же превысилъ свои полномочія, отправившись туда слѣдомъ за первымъ консуломъ. На берегахъ Сены его встрѣтили съ величайшимъ радушіемъ и сдали на руки ловкому Талейрану, который рѣшилъ воспользоваться имъ такъ, чтобы французскій народъ могъ считать миръ почти уже обезпеченнымъ. Польщенный тѣмъ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ истолковываетъ въ такомъ широкомъ смыслѣ его инструкціи, невѣжественный дипломатъ сдѣлалъ первый свой промахъ, приступивъ къ переговорамъ о мирѣ. Не прошло и недѣли, какъ онъ подписалъ уже предварительныя статьи, утвержденіе которыхъ немедленно повлекло бы за собою выполненіе завѣтныхъ намѣреній перваго консула, такъ какъ навсегда бы поссорило Австрію съ Англіей. По возвращеніи въ августѣ мѣсяцѣ Сенъ-Жюльена въ Вѣну, Тугутъ страшно разсердился и провелъ нѣсколько ночей безъ сна при одной мысли о томъ, что происходили формальные дипломатическіе переговоры между австрійскимъ уполномоченнымъ и французами безъ вѣдома Великобританіи, въ союзѣ и поддержкѣ со стороны которой Австрія такъ нуждалась. Чтобы засвидѣтельствовать передъ сентъ-джемскимъ кабинетомъ искренность своей политики, австрійское правительство тотчасъ же послало въ Англію обстоятельный отчетъ обо всемъ случившемся, отреклось отъ Сенъ-Жюльена и засадило его въ тюрьму. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно категорически отвергло предварительныя условія, подписанныя Талейраномъ и Сенъ-Жюльеномъ.

Силы Австріи были почти истощены, но, не смотря на это, она собрала новыя войска. Вмѣсто Края, главнокомандующимъ австрійскою арміей въ Германіи назначенъ былъ эрцгерцогъ Іоаннъ. Что касается до Меласа, то его мѣсто заступилъ Белльгардъ, генералъ болѣе молодой, но еще менѣе пригодный командовать войсками. Эрцгерцогъ имѣлъ подъ начальствомъ 80.000-ю армію, не считая резервнаго корпуса подъ командой Кленау. Генералъ Иллеръ съ 30.000-й арміей стоялъ въ Тиролѣ, а у Белльгарда, на Минчіо, сосредоточено было 90.000 человѣкъ. Опытный, ловкій дипломатъ Кобенцель былъ посланъ для возобновленія переговоровъ съ французской республикой. Первый консулъ назначилъ въ свою очередь Жозефа Бонапарта уполномоченнымъ для этихъ переговоровъ. Совѣщанія между обоими уполномоченными происходили главнымъ образомъ въ Люневиллѣ, пограничномъ городѣ, лежащемъ къ юго-востоку отъ Нанси. Продленіе перемирія, необходимаго для того, чтобы вести переговоры, Австрія купила уступкой генералу Моро трехъ крѣпостей. Бонапартъ тѣмъ легче согласился на эту комбинацію, что хотя и былъ до чрезвычайности раздраженъ невозможностью выставить заключеніе мира прямымъ послѣдствіемъ блестящей

маренгской кампаніи, все-таки сознавалъ настоятельную необходимость въ мирѣ. Вскорѣ послѣ того вѣнскія придворныя интриги обусловили паденіе Тугута. Графъ Кобенцель, не смотря на все свое дипломатическое искусство, оказался не въ силахъ скрыть затруднительность положенія Австріи. Чтобы по возможности его замаскировать, Кобенцелю было поручено требовать участія въ дальнѣйшихъ перегозорахъ англійскаго уполномоченнаго и настаивать на необходимости заключенія общаго европейскаго мира. Онъ вскорѣ далъ, однако, понять Талейрану, что достаточныя уступки въ Италіи могли бы побудить Австрію къ заключенію сепаратнаго мира съ Франціей, котораго, повидимому, такъ добивался первый консулъ. Бонапартъ не хотѣлъ согласиться ни на то, ни на другое: онъ не имѣлъ въ виду просить Англію о мирѣ и не разсчитывалъ предлагать Австріи больше того, что уже ей было предложено. При такихъ обстоятельствахъ онъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, рѣшился возобновить военныя дѣйствія, объявивъ, что настроеніе французскаго народа и несговорчивость Австріи оправдываютъ дальнѣйшее веденіе войны Жозефъ Бонапартъ и австрійскій уполномоченный продолжали и послѣ того вести переговоры въ Люневиллѣ, но перемиріе уже прекратилось.

Антуанъ Ришпансъ.
(Съ портрета въ Версальскомъ музеѣ).

Между чистокровными французскими полководцами временъ республики и директоріи болѣе всего прославился Гошъ, столь преждевременно похищенный смертью. Первое мѣсто послѣ него безспорно занималъ Клеберъ. Уяснивъ себѣ безвыходное положеніе французской колоніи въ Египтѣ, онъ, въ началѣ 1800 года, за-

ключилъ въ Эль-Аришѣ договоръ съ сэромъ Сиднеемъ Смитомъ объ очищеніи страны фараоновъ французскими войсками. Въ Лондонѣ, однако, вздумали уклониться отъ утвержденія этой капитуляціи и не приняли своевременно мѣръ къ выполненію ея условій. Тѣмъ временемъ Клеберъ, встревоженный все большимъ усиленіемъ численности турецкихъ войскъ, рѣшился аттаковать, съ французской арміей, въ которой насчитывалось всего лишь 12.000 человѣкъ, турецкаго пашу, стоявшаго подъ Геліополемъ съ 70.000-й арміей. 20 марта 1800 года произошло сраженіе, изумительнѣйшее изъ всѣхъ, когда-либо разыгрывавшихся подъ знойными лучами египетскаго солнца и закончившееся уничтоженіемъ турецкихъ полчищъ. Замѣчательно искусная администрація Клебера въ продолженіи немногихъ мѣсяцевъ, которые ему суждено было еще остаться въ живыхъ, а также солидные труды ученыхъ, участвовавшихъ въ злополучной египетской экспедиціи, несомнѣнно придали ей нѣкоторый блескъ. Неизвѣстно, къ какимъ именно результатамъ могла бы она привести, если бы Клеберъ не палъ отъ кинжала фанатика-мусульманина въ тотъ самый день, когда Дезе былъ сраженъ подъ Маренго австрійскою пулей. Черезъ годъ послѣ того французы, подъ управленіемъ храбраго, но недалекаго Мену, оказались все-таки вынужденными очистить Египетъ. Со смертью Дезе и Клебера, Моро оказывался единственнымъ, остававшимся еще въ живыхъ, великимъ представителемъ революціонныхъ традицій въ военномъ дѣлѣ.

При возобновленіи военныхъ дѣйствій въ Германіи, армія Моро была расположена близъ Мюнхена, вдоль лѣсовъ, окаймляющихъ небольшую рѣку Изаръ. Австрійская армія занимала весьма сильную позицію, прикрываясь другимъ притокомъ Дуная, довольно широкой рѣкою Инномъ. Войска Моро были усилены новыми подкрѣпленіями, которыя довели его армію до 100.000 человѣкъ, и, кромѣ того, отдѣльный двадцатипятитысячный корпусъ, подъ начальствомъ Ожеро, стоялъ на Майнѣ. Въ Парижѣ обращено было вниманіе на все болѣе демонстративную преданность Массены республиканскимъ принципамъ и на чрезмѣрную самостоятельность тона его рѣчей. Его признали виновнымъ въ дурномъ управленіи Италіей и замѣнили генераломъ Брюномъ. Это удаленіе отъ должности имѣло, впрочемъ, характеръ лишь временнаго затменія, надлежавшаго послужить всѣмъ, кому слѣдуетъ, полезнымъ урокомъ. Мюратъ стоялъ въ средней Италіи, для наблюденія за Неаполемъ, а Макдональдъ, съ отдѣльнымъ пятнадцатитысячнымъ корпусомъ, находился въ Граубюнденѣ, на готовѣ двинуться оттуда по первому требованію куда понадобится: на югъ или на сѣверъ.

Какъ уже упомянуто, армія юнаго эрцгерцога занимала за Инномъ весьма сильную позицію. Моро, тщательно изучившій тактическія преимущества своей собственной позиціи на плоской возвышенности, неохотно съ ней разставался и лишь скрѣпя сердце началъ готовиться къ наступленію, тѣмъ болѣе, что погода стояла холодная и сырая. Тѣмъ временемъ его противникъ, горя

желаніемъ отличиться и выказать себя вторымъ Бонапартомъ, двинулъ свои войска тоже впередъ. Въ пылу юношеской самоувѣренности онъ добровольно отказался отъ всѣхъ преимуществъ сильной своей оборонительной позиціи. Французы не смѣли вѣрить глазамъ, когда, 1-го декабря, лѣвое ихъ крыло было сперва остановлено, а затѣмъ оттѣснено назадъ натискомъ, очевидно, главныхъ силъ непріятеля. Ни мало не колеблясь Моро приготовился встрѣтить австрійцевъ на хорошо изученной имъ мѣстности. Вечеромъ на слѣдующій день французы стояли уже въ боевомъ порядкѣ подъ Гогенлинденомъ, въ 25 верстахъ восточнѣе Мюнхена. Моро принялъ надлежащія мѣры для завладѣнія всѣми путями и подступами черезъ сосѣдніе лѣса; австрійцамъ была открыта всего только одна дорога къ Мюнхену, а именно та, на которой имъ предстояла встрѣча съ главными силами французской арміи.

Знаменитое сраженіе подъ Гогенлинденомъ началось утромъ 4-го декабря, въ половинѣ восьмого, аттакою австрійцевъ, направившихъ главный ударъ въ центръ французской арміи. Гренье, Ней и Груши легко отразили этотъ ударъ, въ то время какъ оба крыла французской арміи все болѣе охватывали австрійцевъ, блуждавшихъ по незнакомымъ имъ лѣснымъ дорогамъ и тропинкамъ. Когда обходныя движенія закончились, Ней и Груши, ограничивавшіеся до тѣхъ поръ оборонои, внезапно перешли въ наступленіе. Моро предписалъ имъ прорвать австрійскую боевую линію и соединиться съ Ришпансомъ, который какъ-разъ въ это время ударилъ на австрійцевъ съ тыла. Маневръ этотъ былъ выполненъ какъ нельзя болѣе успѣшно. Къ тремъ часамъ пополудни французы одерживали побѣду на всѣхъ пунктахъ и понесли ничтожный уронъ сравнительно съ потерями австрійцевъ, у которыхъ выбыло изъ строя болѣе 20.000 убитыми и ранеными, не считая плѣнныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они оставили въ рукахъ французовъ большую часть своей артиллеріи и обозовъ. Австрійская армія была такъ разгромлена, что обратилась въ безпорядочное бѣгство, причемъ самъ эрцгерцогъ едва не попался въ плѣнъ. Моро преслѣдовалъ непріятеля съ такою-же энергіей, какую выказалъ передъ тѣмъ въ сраженіи и, черезъ двѣ недѣли, былъ уже невдалекѣ отъ Вѣны, гдѣ, только благодаря согласію эрцгерцога Карла принять въ такой критическій моментъ главное начальство надъ войсками, удалось до извѣстной степени ослабить смущеніе и паническій страхъ. Къ счастью для императора Франца, быстрое наступательное движеніе французскихъ главныхъ силъ оставило корпусъ Ожеро въ опасномъ положеніи, подставляя его подъ фланговой ударъ корпуса Кленау. При такихъ обстоятельствахъ, не смотря на все желаніе затмить оставшагося въ Парижѣ своего соперника на военномъ поприщѣ, Моро не посмѣлъ идти дальше и вынужденъ былъ удовлетвориться сознаніемъ, что одержалъ побѣду, болѣе блестящую, чѣмъ всѣ, которыя доводилось когда либо передъ тѣмъ одерживать Бонапарту. Само собой разумѣется, что кампанія тотчасъ же и закончилась.

Чтобы избавить Ожеро отъ грозившей ему опасности, заключено было въ Штейерѣ, какъ разъ въ день Рождества, перемиріе. Въ Италіи Брюнъ не безъ труда проникъ вверхъ по долинѣ Адижа до Тріента. Ему предстояло тамъ соединиться съ Макдональдомъ, перешедшимъ съ пятнадцати тысячнымъ своимъ корпусомъ черезъ Сплюгенъ въ самый разгаръ зимы. На этотъ подвигъ не было тогда обращено всего вниманія, котораго онъ несомненно заслуживалъ.

Побѣда подъ Гогенлинденомъ сильно повліяла на ходъ люневилльскихъ переговоровъ. 9-го февраля 1801 года Австрія заключила сепаратный миръ съ Франціей. Условія этого мира были сравнительно суровыми и нанесли тяжкій ударъ политикѣ завоеваній и территоріальныхъ пріобрѣтеній, которой, съ незапамятныхъ временъ, держался Габсбургскій домъ. Австрійская граница въ Сѣверной Италіи была установлена по Адижу. Великіе герцоги, Тосканскій и Моденскій, утратили свои владѣнія и получили взамѣнъ того территоріальныя вознагражденія въ Германіи, въ Брисгау. Восточная граница Франціи проведена была по Рейну, начиная отъ его истоковъ до устья. Германскихъ свѣтскихъ государей, владѣнія которыхъ отходили къ Франціи, надлежало вознаградить секуляризаціей духовныхъ имперныхъ княжествъ на лѣвомъ берегу Рейна. Австрія не только утрачивала, поэтому, прежнее вліяніе въ Италіи, но также лишалась въ значительной степени престижа, которымъ обладала до тѣхъ поръ, въ качествѣ одной изъ могущественнѣйшихъ великихъ державъ на материкѣ Европы. Даже ея преобладанію въ Германіи угрожала серьезная опасность, такъ какъ оно поддерживалось на сеймѣ, преимущественно голосами духовныхъ князей. Сокращеніе ихъ числа и вліянія обезпечивало Пруссіи гегемонію въ Германіи. Договоръ былъ подписанъ за Францію Жозефомъ Бонапартомъ. Австрія подписала его не только за себя, но и за всю Германію, въ дѣла которой первый консулъ предоставилъ себѣ право вмѣшательства, чтобы обезпечить выполненіе условій мира.

Условія эти имѣли для Австріи характеръ окончательной утраты прежняго ея положенія въ ряду великихъ державъ, если только она не предпочтетъ возобновить военныя дѣйствія тотчасъ же, какъ только соберется съ силами. Сомнительно, рѣшилась-ли бы она, хотя бы даже и временно, согласиться на такія условія, когда бы дипломатіи перваго консула не удалось окончательно привлечь русскаго государя на свою сторону. Уже въ предшествовавшемъ году французскій посолъ въ Петербургѣ намекалъ на готовность Франція уступить островъ Мальту Россіи. Понятно, что это предложеніе послужило дальнѣйшимъ шагомъ на пути къ усиленію разлада, обнаруживавшагося въ рядахъ коалиціи. Оно было весьма охотно принято русскимъ правительствомъ и, когда 5 сентября 1800 года, англичане, обложившіе Мальту, принудили французскій гарнизонъ сдаться на капитуляцію, и завладѣли островомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на права гроссмейстера Мальтійскаго ордена, императоръ Павелъ увидѣлъ въ этомъ фактѣ явное доказа-

тельство измѣннического образа дѣйствій коварнаго Альбіона. Австрію онъ уже передъ тѣмъ открыто обвинялъ въ измѣнѣ. Россія поэтому не только отказалась отъ союза съ обѣими упомянутыми державами, но организовала, сверхъ того, совмѣстно съ Швеціей, Даніей и Пруссіей, вооруженный нейтралитетъ для противодѣйствія англійскимъ захватамъ на морѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III-й, присоединяясь къ вооруженному нейтралитету, имѣлъ въ виду предъявить такимъ образомъ протестъ противъ стремленій Австріи къ территоріальному расширенію на счетъ Баваріи. Онъ упорствовалъ въ прежней своей политикѣ строгаго невмѣшательства и не хотѣлъ слышать о союзѣ съ Бонапартомъ, но былъ очень радъ ослабленію своей противницы. Русскій государь полагалъ, что Австрія, съ ослабленіемъ своего могущества въ Италіи, утратитъ возможность препятствовать осуществленію видовъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Утверждаютъ, будто первый консулъ обратился къ императору Павлу съ письмомъ, въ которомъ увѣрялъ, что искренно желаетъ возстановить во Франціи Бурбоновъ, а самъ удовлетворится небольшимъ герцогствомъ, или даже княжествомъ въ Италіи, но это представляется мало правдоподобнымъ. Императоръ Павелъ обнаружилъ такую энергію въ своемъ сочувствіи къ первому консулу, что приказалъ торопиться приготовленіями къ совмѣстной франко-русской экспедиціи, долженствовавшей направиться черезъ Хиву и Гератъ, чтобы завоеваніемъ Индіи поразить англійское могущество въ самое сердце.

Это заигрываніе съ Россіей являлось первой удачной попыткой Бонапарта коварнымъ образомъ склонить на свою сторону одну изъ старинныхъ европейскихъ династій. Впослѣдствіи, ему не разъ удавалось вести подобную же игру и съ другими династіями. Въ данномъ случаѣ успѣхъ дипломатіи Бонапарта обезпечилъ заключеніе на материкѣ Европы мира, условія котораго оказывались весьма выгодными для Франціи.

Наполеонъ замѣститель революціи.

Великосвѣтское общество и придворный этикетъ временъ консульства.—Общее умиротвореніе Европы.—Реорганизація Франціи.—Наполеоновскій кодексъ и французскій университетъ.—Приближеніе къ монархическому строю.—Заговоры, контръ-заговоры и пожизненное консульство.—Бонапартъ на порогѣ монархіи.

Великосвѣтское общество и придворный этикетъ временъ консульства.

Въ произвольномъ подраздѣленіи времени, получившемъ наименованіе вѣка, или столѣтія, есть что то такое, что, къ концу каждаго такого періода, могущественно вліяетъ на человѣческое воображеніе, а вслѣдствіе этого и на весь характеръ общественной дѣятельности. Французамъ надоѣла грозная серьезность, характеризовавшая философскія и политическія бури восемнадца-

таго столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они все болѣе поддавались обаянію славы и наслажденій. Это оказывалось справедливымъ для людей всѣхъ сословій и самыхъ различныхъ политическихъ партій, за исключеніемъ сравнительно немногихъ наиболѣе серьезныхъ умовъ, оставшихся въ самомъ ничтожномъ меньшинствѣ. Народныя массы все еще питали ненависть къ королевской власти. Правительство, подъ сѣнью котораго онѣ жили, называлось по прежнему республиканскимъ, а когда являлось желательнымъ пріискать общее выраженіе для всей совокупности національной жизни, ее обозначали въ разговорѣ и въ печати классическимъ терминомъ „имперіи“. Слова „гражданинъ“ и „гражданка“, употреблявшіяся въ качествѣ обращенія, напоминали собою дни грубаго безцеремоннаго установленія равноправности. Они продержались въ теченіе всего періода директоріи, но, во времена консульства, исчезли сперва изъ оффиціальныхъ документовъ, а затѣмъ, не смотря на сопротивленіе немногихъ радикаловъ, всюду уступили мѣсто прежнимъ monsieur и madame.

Первый консулъ Бонапартъ въ мундирѣ конноегерскаго полка.

Подобнымъ же образомъ, прежніе нравы и обычаи великосвѣтскаго общества возродились совершенно спокойно и безпрепятственно по возвращеніи во Францію людей, сроднившихся съ ними съ малолѣтства. Утонченная вѣжливость, связь которой съ монархическимъ строемъ не бросалась болѣе въ глаза, очевидно, не могла грозить опасностью дѣлу свободы. Эти и подобные имъ частные инциденты были симптомами совершенно естественнаго движенія, которое, съ упроченіемъ консульской власти, выдвинуло ей на службу мужчинъ и женщинъ, являвшихся представителями если не величія тогдашней Франціи, то во всякомъ случаѣ ея способностей и талантовъ. За исключеніемъ немногихъ умственныхъ силъ, оставшихся еще въ лагеряхъ непримиримыхъ роялилистовъ и радикаловъ, вся Франція съ беззавѣтнымъ усердіемъ старалась оказать искреннюю поддержку новому порядку вещей. Якобинство, замѣнившее прежнее благородное простодушіе революціи низменнымъ звѣрствомъ, поневолѣ должно было прятаться разныхъ подпольяхъ въ то время, когда Дону, Кабанисъ, Грегуаръ Карно и Лафайетъ оказывались отождествленными съ консульствомъ. По крайней мѣрѣ временно, развѣ очень немногіе сомнѣвались, что при новомъ правительствѣ будутъ достигнуты и упрочены пріобрѣтенія, являвшіяся высшими цѣлями революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе старались скрыть болѣе низменныя ея цѣли во мракѣ забвенія.

Уже въ теченіе трехмѣсячнаго пребыванія Бонапарта въ Люксембургскомъ дворцѣ (съ ноября 1799 по февраль 1800 года) образовался тамъ небольшой кружокъ постоянныхъ посѣтителей, въ которомъ оказывалось много роялистовъ. Впрочемъ, и республиканцы имѣли въ немъ достаточное число представителей. Весьма возможно, что отчасти въ угоду республиканцамъ первый консулъ выдалъ свою сестру, Каролину, замужъ за блестящаго кавалерійскаго генерала Мюрата, отецъ котораго былъ трактирщикомъ въ Кагорѣ. Шестую годовщину смерти Людовика XVI, состоявшуюся уже во времена консульства, вычеркнули изъ списка народныхъ празднествъ, по день взятія штурмомъ Бастиліи (14 іюля) и день провозглашенія республики (22 сентября, или 7-го вандемьера) праздновались по прежнему. Послѣ торжественнаго переселенія семьи Бонапарта въ Тюльерійскій дворецъ, въ февралѣ 1800 года, ничто по наружности не перемѣнилось, но въ дѣйствительности было очень ловко положено начало придворному церемоніалу и этикету, предвѣщавшимъ дальнѣйшія измѣненія. Въ гостиныхъ Жозефины начали все болѣе и болѣе преобладать посѣтители съ громкими аристократическими фамиліями. „Это нельзя сказать, чтобы настоящій Дворъ,—говоритъ княжна Долгорукая въ одномъ изъ своихъ писемъ,—но уже и не лагерь“. Первый консулъ относился все холоднѣе и суровѣе къ людямъ, пытавшимся обращаться съ нимъ фамильярно, какъ равные съ равнымъ, но оставался по прежнему доступнымъ и благосклоннымъ къ простолюдинамъ. Онъ обходился съ ними дружески и очень ласково. „Я получилъ твое письмо, любезнѣйшій товарищъ,—пишетъ онъ одному сержанту.—Знаю твои

Іоахимъ Мюратъ, король Неаполитанскій.
(Съ карандашнаго рисунка Жерара).

заслуги... Ты одинъ изъ храбрыхъ гренадеровъ нашей арміи. Твое имя внесено въ списокъ ста храбрецовъ, которыхъ я приказалъ наградить почетными саблями. Всѣ солдаты твоей полубригады находятъ тебя болѣе всего достойнымъ этой награды. Мнѣ очень бы хотѣлось съ тобой свидѣться. Военный министръ пришлетъ тебѣ предписаніе явиться въ Парижъ...“

Вечеромъ, послѣ битвы при Монтебелло (гдѣ Ланнъ, за пять дней до сраженія подъ Маренго, поколотилъ австрійцевъ), въ которой простой новобранецъ Куанье, не умѣвшій ни читать, ни писать, отличился выдающейся храбростью, онъ былъ представленъ, по распоряженію Бертье, въ десять часовъ вечера первому консулу. Наполеонъ Бонапартъ шутя взялъ своего посѣтителя за ухо и держалъ такимъ образомъ въ продолженіи всей краткой съ нимъ бесѣды. Крестьянскій парень, восхищенный такой фамильярностью со стороны главы государства, увидѣлъ, что его заслуги занесены въ какую-то таинственную записную книжку и былъ отпущенъ съ заявленіемъ, что, безъ сомнѣнія, заслужитъ съ теченіемъ времени переводъ въ гвардію, куда допускаются только ветераны, участвовавшіе по меньшей мѣрѣ въ четырехъ кампаніяхъ *). Неудивительно, что подобное обращеніе Наполеона съ простымъ людомъ производило сильнѣйшее впечатлѣніе на умы французскаго народа и вызывало страстное ему поклоненіе.

Никто не выставлялъ Наполеона Бонапарта джентльменомъ съ колыбели уже проникнутымъ респектабельностью до мозга костей и уваженіемъ къ личности своихъ ближнихъ. Наблюдавшіеся у него припадки лихорадочной чувствительности многіе объясняли истерическимъ темпераментомъ. Въ обществѣ онъ зачастую угрюмо молчалъ. Ему случалось иногда проливать слезы при такихъ обстоятельствахъ, когда это со стороны могло показаться неприличнымъ для мужчины. Въ еще болѣе рѣдкихъ случаяхъ у него обнаруживалось нѣчто вродѣ временнаго умственнаго разстройства. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что у Бонапарта было много природнаго грубоватаго добродушія, и что онъ обладалъ большой, хотя и не особенно развитой чувствительностью. Бурьенъ разсказываетъ, что во время работы Наполеонъ зачастую пѣлъ, но всегда фальшиво. Онъ каждый день трудился отъ двѣнадцати до пятнадцати часовъ, вырабатывая проекты, поражавшіе его секретарей своей грандіозностью. Естественно, что въ часы, которые такой дѣловой человѣкъ проводилъ въ женскомъ обществѣ, отъ него нельзя было ожидать быстрой находчивости и внимательности, нравящихся великосвѣтскимъ дамамъ, считающихъ эти часы конечной цѣлью существованія. Навряд-ли чьей-нибудь репутаціи довелось поэтому такъ сильно пострадать отъ женщинъ, какъ пострадала отъ нихъ репутація Бонапарта. Г-жи Жюно и де-Ремюза въ отзывахъ своихъ о Наполеонѣ не упустили ничего, способнаго выставить грубыя его страсти въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ съ ихъ собственнымъ цѣломудріемъ, или хотя бы даже съ бле-

*) Записки капитана Куанье, стр. 18.

стящимъ внѣшнимъ лоскомъ тогдашняго до чрезвычайности безнравственнаго общества, относившагося съ величественнымъ презрѣніемъ къ старомоднымъ ограниченіямъ, высказаннымъ въ десяти заповѣдяхъ. Г-жа Сталь завязала съ Бонапартомъ долгую и весьма жаркую борьбу. Эта „непонятая“ женщина хотѣла во что бы то ни стало подчинить „корсиканца“ очарованію своихъ прелестей, но, потерпѣвъ постыдное пораженіе, обрушилась на него съ понятнымъ въ подобныхъ случаяхъ негодованіемъ, которому очень ловко служило ея хлесткое перо.

Надо сознаться, впрочемъ, что великій полководецъ и государственный дѣятель, не смотря на всю свою геніальность, не съумѣлъ оцѣнить по достоинству могущество женщины. Ему не суждено было въ отрочествѣ испытать на себѣ въ достаточной степени вліяніе маменекъ, владычицъ сердца и подругъ, которыя, въ обыденной жизни, частью инстинктивно, частью же умышленно, кладутъ свой отпечатокъ на каждое подростающее поколѣніе. Юношескіе годы Наполеона были поглощены политическими интригами, а ранняя его возмужалость, — трудами, выпадающими обыкновенно на долю людей, достигшихъ уже средняго возраста. Революціонныя бури выработали полководца, недостаточно ознакомившагося съ соціальными силами мирнаго времени, которыя, въ концѣ концовъ, берутъ верхъ надъ всѣми прочими. Его женатая жизнь началась въ разгарѣ страсти и честолюбія. Естественному развитію послѣдующихъ дружескихъ отношеній между супругами препятствовали ураганы поперемѣнныхъ припадковъ ревности и физическаго влеченія. Жозефина пользовалась въ обществѣ большимъ, хотя скорѣе поверхностнымъ, успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ, она оказывала могущественную поддержку честолюбивымъ видамъ своего мужа и зачастую покоряла его, дѣйствуя на его чувствительность, но ей не удалось дѣйствовать на его умъ, или же оказаться достойнымъ ему товарищемъ въ какомъ-либо благородномъ предпріятіи. Врожденная грубость такого гиганта, какимъ былъ Наполеонъ, не имѣла, поэтому, случая смягчиться, хотя бы даже внѣшнею полировкой. Общество людей, доводившихъ искусство нравиться и пользоваться наслажденіями жизни, до степени художества,—людей, признававшихъ удовольствіе главной цѣлью существованія, производило въ большинствѣ случаевъ раздражающее, непріятное впечатлѣніе на человѣка, смотрѣвшаго, и во многихъ случаяхъ не безъ основанія, на молодую хорошенькую женщину какъ на орудіе для удовлетворенія физической страсти. Въ качествѣ полководца, Бонапартъ въ каждой женщинѣ видѣлъ мать одного или нѣсколькихъ будущихъ солдатъ. Съ научной точки зрѣнія, семья и дѣти представлялись ему, какъ политическому дѣятелю, простыми данными опредѣленной математической задачи. Наконецъ, въ качествѣ властнаго диктатора, онъ не выносилъ даже мысли о неизмѣнномъ преобладаніи женщины въ законной сферѣ ея вліянія. При всемъ томъ, если вѣрить письмамъ г-жи Ремюза, бывали случаи, когда серьезныя женщины, обладавшія развитымъ сознаніемъ долга, встрѣчали со стороны Наполеона въ высшей степени благосклонное и почтитель-

нѣйшее обхожденіе. Вообще говоря, натура Наполеона находилась до такой степени подъ вліяніемъ грандіозныхъ его проектовъ, что становилась нечувствительной къ женскому очарованію, которому такъ часто подчиняются мужчины. Онъ не терпѣлъ возлѣ себя ни Эгерій, ни Гипатій, ни Клеопатръ, ни Мессалинъ, хотя тогдашнія времена могли бы легко снабдить его самыми соблазнительными образчиками всѣхъ этихъ типовъ.

Періодъ консульства является для Бонапарта временемъ пріобрѣтенія величайшей, наиболѣе заслуженной и самой прочной славы. Новая Франція искренно сочувствовала его дѣяніямъ, а старая Франція, хотя и существовала еще, со всѣми своими пороками, ненавистью и озлобленіемъ, находилась какъ бы подъ спудомъ и должна была оставаться въ такомъ положеніи еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Множество личныхъ и частныхъ мемуаровъ, относящихся къ этому періоду, оказываются въ большинствѣ случаевъ написанными во времена реставраціи, когда, подъ впечатлѣніемъ измѣнившихся чувствъ, или вслѣдствіе желанія угодить новому королю, всѣ мелочные промахи по части этикета, изящныхъ манеръ и умѣнья одѣваться, которымъ авторы этихъ мемуаровъ придаютъ столь неподобающее значеніе, представлялись въ сильно увеличенномъ видѣ. Обрывки болѣе существенныхъ обвиненій, плавающіе въ водянистой массѣ этихъ злостныхъ памфлетовъ, надлежало бы подвергнуть строгому разслѣдованію и притомъ съ точки зрѣнія тогдашняго времени и всей сопровождавшей его обстановки. Въ виду полной невозможности удовлетворительно выполнить такой трудъ, необходимо заранѣе уже примириться съ тѣмъ, что дѣла перваго консула должны сами говорить за него. Надо придавать краснорѣчію фактовъ больше довѣрія, чѣмъ голословнымъ заявленіямъ не только самого Бонапарта, но также его друзей и противниковъ. Онъ не состоялъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ парижскимъ великосвѣтскимъ обществомъ и, безъ сомнѣнія, поступилъ весьма деспотически, изгнавъ оттуда г-жу Сталь,—блестящую, веселую и довольно взбалмошную дамочку, литературныя произведенія которой многіе хвалятъ еще и теперь, въ большинствѣ случаевъ не читая ихъ, однако. Не слѣдуетъ забывать,впрочемъ, что домъ г-жи Сталь служилъ центромъ, гдѣ собирались всѣ сколько-нибудь талантливыя личности, недовольныя первымъ консуломъ. Онъ самъ не умѣлъ цѣнить по достоинству духъ истинной свободы и зачастую впадалъ въ ошибочныя сужденія объ умахъ болѣе нѣжнаго закала, пытавшихся во имя этой свободы заручиться его могущественнымъ содѣйствіемъ и покровительствомъ. Болѣе тонкія душевныя движенія не затрогивали его чувствительность. Онъ зачастую смѣялся надъ „идеологами“. Наполеону нравилось по временамъ общество Жозефины и ея пріятелей, какъ на ея собственной хорошенькой дачѣ въ Мальмезонѣ, которую онъ украсилъ и расширилъ новыми пристройками, такъ и въ блестящихъ залахъ Тюльерійскаго дворца, предоставленныхъ въ ея распоряженіе, но онъ не дозволялъ друзьямъ своей жены вмѣшиваться въ его планы и, по видимому не

забывалъ, что ея собственная нѣжная и ревнивая преданность оказывалась какъ бы результатомъ его могущества и славы. Характеризуя Бонапарта на высотѣ его величія, надо, разумѣется, принять все это во вниманіе. Что же касается до пошлыхъ намековъ, инсинуацій и обвиненій въ недостойныхъ и грязныхъ мысляхъ и поступкахъ, которыми такъ изобилуютъ тогдашніе мемуары и дневники, то ихъ въ большинствѣ случаевъ надо разсматривать въ соотношеніи съ темными личностями самихъ авторовъ этихъ произведеній, а также съ условіями времени и положеніемъ, созданнымъ Бонапарту всею окружающею обстановкой. Вообще же ихъ можно безъ особой помѣхи оставить въ нѣдрахъ забвенья, изъ которыхъ пыталась выдвинуть ихъ злоба.

Общее умиротвореніе Европы.

Какой-то юмористъ совершенно справедливо замѣтилъ, что дальше всего обыкновенно забредешь тогда, когда не ставишь передъ собой вполнѣ опредѣленной цѣли. Всеобъемлющій геній Бонапарта заставлялъ его дѣлать безпрерывно одинъ шагъ за другимъ. Это совершалось, повидимому, безъ всякаго внѣшняго побужденія, а потому онъ и достигъ такихъ громадныхъ результатовъ. Люневилльскій договоръ былъ первымъ крупнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ общаго умиротворенія. Возникалъ вопросъ, какъ поступить съ остальною Италіей, Испаніей и Португаліей, чтобъ обезпечить себѣ преобладаніе въ западной Европѣ. Дабы сохранить Франціи доброжелательство Россіи, ходатайствовавшей за короля обѣихъ Сицилій, въ Люневилльскомъ договорѣ не было упомянуто о возстановленіи Парѳенопейской республики. Фердинанду IV, разумѣется, пришлось очистить папскія владѣнія, возвратить картины и прочую добычу, которую онъ, соображаясь съ тогдашними нравами, вывезъ изъ Рима въ свою столицу, но, тѣмъ не менѣе, его оставили на престолѣ. Понятно, что его обязали закрыть неаполитанскіе порты англійскимъ судамъ и содержать на свой счетъ французскій корпусъ, расположенный подъ начальствомъ Сульта въ Тарентѣ. Слабохарактерность испанскаго правительства и низменныя придворныя интриги довели положеніе дѣлъ въ Испаніи до кризиса. Побѣда, одержанная подъ Маренго, уничтожила въ Мадритѣ вліяніе партіи, враждебной французамъ. Годей, получившій титулъ князя Мира за то, что заключилъ базельскій договоръ, вскорѣ послѣ того назначенъ былъ первымъ министромъ, благодаря вліянію обожавшей его королевы Луизы, Въ качествѣ фаворита королевы и близкаго пріятеля короля, Годей имѣлъ большой успѣхъ при Дворѣ, но тѣмъ не менѣе оказывался весьма неспособнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Въ 1796 году онъ уже въ первомъ Санъ-Ильдефонскомъ договорѣ поставилъ Испанію въ извѣстнаго рода зависимость отъ Франціи. Договоръ этотъ вызвалъ въ Испаніи такое общее негодованіе, что Годею пришлось тогда выдти въ отставку. Благодари вліянію Бонапарта, онъ снова вернулся къ власти, послѣ чего второй

Санъ-Ильдефонскій договоръ обратилъ Испанію въ раболѣпную союзницу консульства. По условіямъ этого договора, отчасти включеннымъ и въ Люневилльскій трактатъ, за Франціей остались не только Парма и островъ Эльба, но ей была уступлена также и Луизіана. Французскія колоніи въ Южной Америкѣ получили значительное территоріальное расширеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ соединенная франко-ирландская армія заставила Португалію окончательно отказаться отъ союза съ Англіей и согласиться на всѣ требованія Бонапарта. Небольшое, но важное по своему положенію португальское королевство обязалось закрыть свои порты англійскимъ судамъ и уплатить Франціи 25 милліоновъ франковъ. Взамѣнъ этого, бывшее Тосканское великое герцогство преобразовано было въ королевство подъ именемъ Этруріи для наслѣдника Фердинанда Пармскаго малолѣтняго Людовика. Этотъ отрокъ былъ принцемъ испанскаго королевскаго дома, такъ какъ доводился правнукомъ Филиппу V и внукомъ царствовавшей въ Испаніи королевѣ. Дочь ея, герцогиня Пармская, покойный мужъ которой былъ тоже испанскимъ принцемъ, долженствовала управлять королевствомъ въ качествѣ регентши за своего малолѣтняго сына. Когда вскорѣ послѣ того, въ парижскомъ театрѣ, одинъ изъ актеровъ продекламировалъ въ присутствіи Бонапарта строфу:

„Я возводилъ, сударыня, на престолъ царей, но самъ не хотѣлъ царствовать“,

весь театръ задрожалъ отъ рукоплесканій. Малолѣтній король былъ привезенъ въ Парижъ, чтобъ фигурировать тамъ въ пріемной перваго консула. Немногіе лишь поняли неприличіе такого маневра, но во всякомъ случаѣ національное тщеславіе французовъ было очень польщено. Великую французскую центральную республику окружала уже толпа мелкихъ республикъ, находившихся у нея въ подчиненіи и покорно выполнявшихъ всѣ ея требованія и желанія. Неужели и монархіямъ предстояло войти въ эту республиканскую систему? Съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣть на эти политическія комбинаціи, надлежало признать ихъ весьма умѣренными, по сравненію съ радикальной, враждебной престоламъ, политикой, которой держалась за три года передъ тѣмъ директорія. Вмѣсто того, чтобъ возстановить Римскую и Пароенопейскую республики, консульство организовало въ Италіи новое королевство для Бурбоновъ. Фактъ этотъ уже самъ по себѣ долженъ былъ показаться для европейскихъ Дворовъ многознаменательнымъ.

Еще знаменательнѣе и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ являлся союзъ, заключенный консульствомъ съ папскою властью. Наиболѣе прочнымъ результатомъ революціи было сплоченіе Франціи въ однородную націю. Между всѣми учрежденіями, воздвигнутыми Бонапартомъ на этомъ фундаментѣ, ни одно не оказалось болѣе прочнымъ и вліятельнымъ, какъ его конкордатъ, возсоединившій французскую церковь съ Римомъ. Гражданская конституція якобинской республики стремилась совершенно вытѣснить римское вліяніе изъ Франціи и создала особую галиканскую цер-

ковь. Вся духовная іерархія этой церкви, къ которой принадлежалъ, между прочимъ, и Фешъ, единоутробный братъ матери Наполеона, поставлена была въ зависимость исключительно только отъ государства. Законы 1790 года уничтожили прежнія границы между епископствами, предоставили народу право выбирать себѣ епископовъ и священниковъ и отмѣнили безбрачіе духовенства. Они встрѣтили въ первое время упорное сопротивленіе, которое въ свою очередь вызвало суровыя гоненія. Однако, уже во времена директоріи общественное мнѣніе стало неблагопріятно относиться къ насилію въ вопросахъ о религіозныхъ и всяческихъ иныхъ убѣжденіяхъ. Во Франціи установилась поэтому фактически свобода совѣсти и вѣроисповѣданій. Что касается до самого Наполеона, то онъ въ молодости пережилъ періодъ самаго смѣлаго невѣрія и написалъ замѣтку, въ которой проводилъ параллель между Христомъ Спасителемъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ, крайне неприличную съ христіанской точки зрѣнія. Въ болѣе зрѣлые годы, на воображеніе его сильно подѣйствовали колоссальные размѣры грандіознаго вліянія папской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе развитое политическое благоразуміе убѣдило его въ могуществѣ этой власти. При такихъ обстоятельствахъ, когда личное честолюбіе начало выдвигаться у Бонапарта на первый планъ, онъ позволилъ себѣ не повиноваться инструкціямъ директоріи и, въ 1797 году, отказался разрушить пошатнувшееся зданіе свѣтской власти папы. На самомъ дѣлѣ, онъ тогда уже убѣдился, что громадное большинство французскаго народа подчиняется опять религіозному авторитету римскаго первосвященника. Несмотря на политику, навязанную Бонапарту фруктидорскимъ государственнымъ переворотомъ, враждебнымъ якобинству, онъ понималъ, что прочное сліяніе всѣхъ элементовъ французскаго народа возможно лишь при условіи полнаго примиренія съ Римомъ.

Вскорѣ послѣ того какъ Бонапартъ занялъ постъ перваго консула, начали распространяться разсказы, свидѣтельствовавшіе, до какой степени растроганнымъ оказывался зачастую этотъ великій мужъ, когда изъ оконъ Мальмезонской его дачи доносился звонъ колоколовъ сосѣдней деревенской церкви, очевидно, воскрешавшій у него воспоминанія о религіи, которую такъ ревностно исповѣдывала родная его мать. Предписанія консульства служить панихиды по скончавшемся въ Валансѣ папѣ Піѣ VI являлись доказательствомъ отзывчивости Бонапарта къ чувствамъ народныхъ массъ. Новый папа, Пій VII, былъ избранъ 13 марта 1800 года въ Венеціи, подъ покровительствомъ Австріи. Бонапартъ не замедлилъ увѣдомить папу, что, на извѣстныхъ условіяхъ, свѣтскія владѣнія его предшественниковъ, за исключеніемъ легатствъ, могутъ быть предоставлены въ его распоряженіе. Папа счелъ умѣстнымъ повременить отвѣтомъ, но послѣ небольшой отсрочки, которая найдена была необходимой для соблюденія приличій, секретарь его святѣйшества, кардиналъ Гонзальви, пріѣхалъ въ Парижъ. Ранѣе половины іюля 1801 года обѣ стороны пришли другъ съ другомъ къ полному соглашенію и заключили между собою договоръ. По-

вѣствованіе о ходѣ переговоровъ, сохранившееся въ мемуарахъ кардинала, свидѣтельствуетъ, что Бонапартъ, по части дипломатическаго искусства, могъ смѣло поспорить съ римскою куріей. Блестящая его способность къ интригѣ созрѣла, благодаря опытности, которую онъ успѣлъ уже пріобрѣсти на дипломатическомъ поприщѣ. Какъ бы ни было, первый консулъ согласился отмѣнить законы 1790 года и оффиціально признать папу главою церкви. Архіепископы и епископы, назначенные правительствомъ, должны были получать утвержденіе отъ святѣйшаго отца-папы и только тогда имѣли право священнодѣйствовать. Взамѣнъ этого папа обязался положить конецъ распрѣ между государствомъ и церковью во Франціи; признать состоявшійся фактъ конфискаціи церковныхъ имуществъ, взамѣнъ ежегодной субсидіи въ 50 милліоновъ франковъ, и примириться съ тѣмъ, что французское духоленство оказывается на положеніи чиновниковъ, получающихъ жалованье отъ казны. Такимъ образомъ религіозная свобода, установленная противъ собственнаго желанія революціоннымъ атеизмомъ, была упразднена однимъ почеркомъ пера. Французскій народъ оказался снова подчиненнымъ контролю папской власти, хотя въ нѣсколько иной, болѣе смягченной формѣ. Съ другой стороны, однако, надежнѣйшая опора притязаній Бурбонской династіи рушилась и существующій во Франціи порядокъ вещей былъ признанъ католической церковью. Какъ заявлялъ потомъ Бонапартъ на островѣ Св. Елены, онъ тогда уже имѣлъ прочную увѣренность въ томъ, что въ виду преобладающаго вліянія, пріобрѣтеннаго Франціей въ Италіи, папа, въ качествѣ мелкаго итальянскаго державца, будетъ во всякомъ случаѣ находиться въ полномъ у него повиновеніи.

Изумленному міру вскорѣ предстояло увидѣть еще болѣе неожиданное зрѣлище. Многовѣковая борьба за преобладаніе между Франціей и Англіей, въ какихъ бы формахъ она ни проявлялась, пребывала всегда ожесточенной и непримиримой. Англійскіе торіи думали, что французская революція дала имъ случай окончательно раздавить, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, Францію до такой степени, до какой лордъ Чэтемъ считалъ это необходимымъ для возможности существованія прочнаго мира. Питтъ младшій унаслѣдовалъ образъ мыслей своего отца, а завоевательная политика республики упрочила политическое его положеніе. При такихъ обстоятельствахъ, съ самаго начала борьбы между Англіей и республиканскою Франціей, британскій народъ питалъ безграничное довѣріе къ управленію и политикѣ своего премьера. Къ несчастію, Питтъ воспользовался народными симпатіями, чтобы удержать за собою власть и послѣ того, какъ собственныя его убѣжденія измѣнились. Хотя война съ Франціей была, вообще говоря, успѣшною для Англіи, многимъ казалось, что она тянется нескончаемо долго. Робкіе умы опасались, что громадныя субсидіи, которыя приходилось выплачивать послѣдовательнымъ европейскимъ коалиціямъ, вмѣстѣ съ колоссальными и зачастую непроизводительными затратами на усиленіе военнаго флота и береговыхъ укрѣпленій въ самой Англіи, должны довести страну до банкротства.

Питтъ вышелъ въ отставку изъ-за вопроса объ эмансипаціи католиковъ въ Ирландіи,—вопроса, въ которомъ не сошелся съ Георгомъ III, упрямымъ и тугимъ на пониманіе королемъ. Смѣнившее его министерство Аддингтона оказывалось весьма популярнымъ, такъ какъ общественное мнѣніе въ Англіи считало его по преимуществу и прежде всего мирнымъ министерствомъ.

Въ 1799 году императоръ Павелъ I, раздраженный коварствомъ Австріи и тиранніей англичанъ на моряхъ, организовалъ вооруженный нейтралитетъ, во главѣ котораго номинально стояла Данія. Упомянутая уже утонченная вѣжливость, которую выказывалъ Бонапартъ въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ государемъ, въ связи съ такими пріятными для Павла I предложеніями, какъ, напримѣръ, признать его гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена, обезпечили консульству сочувствіе и поддержку Россіи. Уже въ началѣ 1800 года прибылъ въ Парижъ довѣренный русскій агентъ съ порученіемъ настоять на томъ, чтобы Бонапартъ объявилъ себя королемъ, послѣ чего, въ дополненіе къ условіямъ заключеннаго уже мира между Россіей и Франціей, надо было окончательно договориться о союзѣ между обоими монархами съ цѣлью разрушенія англійскаго владычества въ Индіи, согласно съ проектами, уже разсмотрѣнными и одобренными русскимъ императоромъ. Вскорѣ состоялось полное соглашеніе, выразившееся въ заключеніи союзнаго договора. Павелъ I выработалъ обстоятельный проектъ нападенія на Индію. Предполагалось отправить туда двѣ арміи. Одна изъ нихъ—русская, сосредоточившись на Дону и въ низовьяхъ Волги, должна была пройти черезъ Хиву и Афганистанъ на Индъ' а оттуда выйти въ долину Ганга; другая—франко-русская, двигаясь по Дунаю, Черному морю, Дону и Волгѣ, должна была выйти въ Каспійское море, высадиться въ Персіи, а затѣмъ войти въ связь съ первою арміей и двинуться вмѣстѣ съ ней въ Индію. Особенно обстоятельно были разработаны всѣ мельчайшія подробности второй экспедиціи, причемъ ея проектъ былъ старательно провѣренъ, исправленъ и пересмотрѣнъ самимъ Бонапартомъ.

Англія отвѣтила на вооруженный нейтралитетъ сѣверныхъ державъ, отправивъ въ Балтійское море могущественный флотъ, явившійся въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 года передъ Копенгагеномъ. Сэръ Питеръ Паркеръ, назначенный вслѣдствіе уваженія къ дипломатическимъ его способностямъ командиромъ этого флота, вступилъ съ датчанами въ переговоры, которые тянулись въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, но не увѣнчались успѣхомъ. Нельсонъ, состоявшій помощникомъ Паркера, открылъ 2 мая огонь по датской столицѣ. Эта энергическая мѣра не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и храбрый адмиралъ былъ очень радъ спасти свой флотъ отъ гибели, заключивъ перемиріе, которое въ сущности оставляло спорный вопросъ нерѣшеннымъ. Тѣмъ временемъ, однако, англичанамъ удалось достигнуть своихъ цѣлей инымъ путемъ. Въ ночь съ 23 на 24 октября Павла I не стало. Вступившій послѣ него на престолъ Александръ I, вмѣсто того, чтобы слѣдовать политикѣ своего отца, тотчасъ же освободилъ англій-

скія суда, заарестованныя въ русскихъ портахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказался отъ унаслѣдованныхъ отъ отца правъ на званіе гроссмейстера Мальтійскаго ордена и на обладаніе островомъ Мальтой. Вооруженный нейтралитетъ распался послѣ того самъ собою, но, въ виду Маренгскаго сраженія и Люневилльскаго мира, Англія осталась одна лицомъ къ лицу съ Франціей, не имѣя болѣе возможности опереться на коалицію державъ на материкѣ Европы.

Смерть Павла I неблагопріятно отразилась на международномъ положеніи Франціи, которое тотчасъ же сдѣлалось тогда опять ненадежнымъ. При такихъ обстоятельствахъ первый консулъ чувствовалъ себя болѣе чѣмъ когда-либо расположеннымъ уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія, высказывавшагося въ пользу общаго мира. Предложенія Аддингтона были сперва встрѣчены довольно холодно. Бонапартъ соглашался на миръ лишь въ случаѣ возвращенія Англіей всѣхъ колоній, захваченныхъ ею въ теченіе долгой войны. Кончина Павла I-го и дружественная англичанамъ политика его преемника совершенно измѣнили взаимное политическое положеніе Франціи и Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получены были извѣстія, что Мену, оставшійся въ Египтѣ главнокомандующимъ послѣ смерти Клебера, поставленъ своей неспоняпностью занимать такой важный постъ въ самое безвыходное боложеніе. Каиръ сдался въ іюнѣ мѣсяцѣ, а сдача Александріи овлялась только вопросомъ времени. Абдаллахъ Іаковъ Мену, какъ сазывалъ себя этотъ генералъ, обратившійся въ мусульманство, не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія у новыхъ своихъ единовѣрцевъ. Ввиду всего этого, консульство признало умѣстнымъ серьезнѣе отнестись къ мирнымъ переговорамъ. Обѣ стороны искренно желали мира, а потому не замедлили придти другъ съ другомъ къ соглашенію, и, 1 октября 1801 года, предварительныя условія мирнаго договора, выработанныя французскими и англійскими уполномоченными, были ратифицированы. Лондонское населеніе встрѣтило извѣстіе это восторженными одобрительными возгласами.

Англія обязалась вернуть всѣ колоніальныя свои завоеванія, за исключеніемъ острововъ Тринидада и Цейлона, а также очистить островъ Мальту и другіе порты, захваченные ею на Средиземномъ морѣ. Франція, въ свою очередь, должна была вернуть Египетъ Блистательной Портѣ, вывести свои войска изъ неаполитанскаго королевства и обезпечить территоріальную неприкосновенность Португаліи. Первый консулъ сперва было намѣревался уничтожить государственную самостоятельность этого королевства, присоединивъ его къ Испаніи.

Черезъ десять дней по заключеніи мира съ Англіей подписанъ былъ секретный договоръ между Россіей и Франціей. Обѣ державы рѣшили дѣйствовать сообща въ дѣлахъ, касающихся Италіи и Германіи. Идея о предоставленіи Франціи постояннаго права вмѣшательства въ германскія дѣла явилась первопачально у Ришелье. Съ другой стороны, всѣ русскіе монархи послѣ Петра Великаго считали необходимымъ обезпечить Россіи такое же право.

Упомянутый секретный договоръ упрочивалъ поэтому политическое положеніе Франціи союзомъ съ Россіей. Съ Турціей заключенъ былъ консульствомъ тоже договоръ, возстановившій прежнія дружескія отношенія между обѣими державами. Баварію удалось успокоить одними обѣщаніями.

На отдаленномъ горизонтѣ показалось было черное облачко, которое могло бы, пожалуй, разразиться войной, если бы Первый консулъ не догадался благоразумно его разсѣять. Соединенные Штаты несли большіе убытки, вслѣдствіе притазаній директоріи эксплоатировать ихъ торговлю во французскихъ интересахъ, подъ предлогомъ благодарности, которую американскіе граждане должны будто бы вѣчно питать къ Франціи. Въ 1793 году, когда составилась первая коалиція противъ Франціи, Вашингтонъ объявилъ, что Соединенные Штаты остаются нейтральными. Завленіе это было встрѣчено въ Парижѣ очень неблагопріятно. Торговый договоръ, заключенный въ слѣдующемъ году Соединенными Штатами съ Англіей, разсматривался французскимъ правительствомъ, какъ нарушеніе обѣщаннаго нейтралитета и Франція сочла умѣстнымъ прервать дипломатическія сношенія съ заатлантической республикой. Дерзость агентовъ и сторонниковъ Франціи въ Соединенныхъ Штатахъ до такой степени запутала вопросъ о международныхъ отношеніяхъ, что онъ сталъ предметомъ распри между политическими партіями и дѣло могло легко дойти до разрыва между двумя республиками, особенно когда разгласилась безцеремонная наглость, съ которой Талейранъ требовалъ съ американскихъ пословъ громадную взятку. Сознавая себя обязанными Франціи, Соединенные Штаты не обнаруживали ни малѣйшаго желанія платить ей дань прямо или косвенно. Признаніе Англіею нейтралитета Соединенныхъ Штатовъ отдало въ ихъ руки всю колоніальную торговлю Франціи, Испаніи и Голландіи. Они фактически придерживались установленнаго вооруженнымъ нейтралитетомъ 1780 года принципа, въ силу котораго всякій товаръ на нейтральномъ кораблѣ признается нейтральнымъ, и готовы были сражаться за этотъ принципъ. Первый консулъ благоразумно призналъ справедливость ихъ требованій и, безъ дальнихъ проволочекъ, заключилъ 30 сентября 1800 года торговый договоръ, временно устранившій всѣ поводы къ недоразумѣніямъ между обѣими республиками.

Реорганизація Франціи.

Возстановленіе общаго мира было всюду встрѣчено съ величайшимъ сочувствіемъ. Аддингтонъ считалъ миръ, окончательная ратификація котораго должна была скоро состояться въ Аміенѣ, не простымъ мирнымъ договоромъ, а искреннимъ примиреніемъ двухъ величайшихъ націй на земномъ шарѣ. Династіи, царствовавшія на материкѣ Европы, полагали, что революція вошла, наконецъ, въ опредѣленное русло и что дальнѣйшаго расширенія либеральной Франціи болѣе уже не послѣдуетъ. Сами французы сердечно

радовались перспективамъ новаго соціальнаго и политическаго строя, достаточно удобнаго для проявленія возродившихся у нихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, и въ тоже время достаточно мощнаго дабы внушать уваженіе внутреннимъ и внѣшнимъ своимъ врагамъ. Созидатели этого строя усердно принялись за работу еще въ то время, когда мѣсто для него не было вполнѣ расчищено. Возрожденіе французскихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, неразрывно связавшее имя Наполеона съ жизнью современной Европы, дѣятельно подготовлялось уже тогда, когда шли еще переговоры о мирѣ.

Въ распоряженіи главы государства имѣлись для этой цѣли два существенныхъ и весьма благопріятныхъ условія: возможность не придавать особаго значенія остаткамъ системъ монархической и революціонной, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительное число талантливыхъ и образованныхъ людей, готовыхъ оказать посильное свое содѣйствіе въ предстоявшемъ трудѣ. Они задавались, какъ и самъ Бонапартъ, стремленіемъ прославить Францію и сдѣлать ее могущественной. Революція, долженствовавшая, по ихъ мнѣнію, ограничиться одною лишь Франціею, представлялась, однако, для нихъ законченной, тогда какъ, по мнѣнію Наполеона, усматривавшаго въ ней общеевропейское движеніе, она была еще въ полномъ разгарѣ. Къ какой бы партіи ни принадлежали сотрудники перваго консула, въ числѣ которыхъ были роялисты, какъ Дюффренъ,—жирондисты, какъ Дефермонъ,—радикалы, какъ Фуркруа, — умѣренные республиканцы, какъ Ранье и Редереръ, или, наконецъ,—прощенные анти-фруктидорцы, какъ Портализъ и Барбе-Марбуа, — всѣ они одинаково ставили конечною цѣлью своихъ трудовъ организацію мощной національной жизни для Франціи. Самъ Бонапартъ и немногія изъ наиболѣе близкихъ къ нему довѣренныхъ лицъ смотрѣли на возрожденіе Франціи единственно лишь какъ на средство къ достиженію дальнѣйшихъ цѣлей. Обозрѣвая политическое положеніе Европы въ брошюрѣ, написанной въ 1801 году, Готривъ объявилъ, что подгнившее зданіе европейскаго равновѣсія, державшееся на противуположности интересовъ наиболѣе могущественныхъ европейскихъ государствъ, ниспровергнуто французскими революціонными войнами. „Въ настоящее время Франція, — говорилъ Готривъ, — благодаря военному и финансовому ея могуществу, а также гуманнымъ принципамъ своего правительства, можетъ съ увѣренностью принять на себя починъ мирной и благодѣтельной федераціи между всѣми народами“. Это являлось въ сущности прежней революціонной программой но только въ нѣсколько иной формѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ условій переустройства Франціи отсюда выработался проектъ, единой европейской имперіи. Съ очищеніемъ Египта французскими войсками разсѣялись мечты Наполеона о завоеваніяхъ на Востокѣ. Мѣсто ихъ заступила греза, центральною фигурой въ которой являлся измѣненный на новый ладъ и озаренный новою славою обликъ Карла Великаго, но уже не германскаго, а исключительно опирающагося на Францію.

Даже и тѣ, кому довелось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тщательно всматриваться въ жизнь и труды Бонопарта, едва могли вѣрить своимъ глазамъ при видѣ того, что ему удавалось теперь выполнять. Казалось положительно неправдоподобнымъ, чтобъ человѣческія силы въ состояніи были одолѣть такую массу работы. Дѣятельность Бонапарта, какъ стратега и полководца, государственнаго мужа и администратора, представлялась уже передъ тѣмъ баснословной. Въ первые годы консульства эта баснословная дѣятельность по меньшей мѣрѣ еще удвоилась. Первый консулъ посвящалъ свое вниманіе самымъ мелочнымъ подробностямъ каждаго изъ отдѣловъ возрождавшагося государственнаго строя, причемъ не оставлялъ тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія до тѣхъ поръ, пока не добивался удовлетворительнаго разрѣшенія возникавшихъ недоразумѣній. Въ теченіе 1801 года талантливѣйшіе наблюдатели, какихъ только можно было пріискать во Франціи, въ большинствѣ случаевъ члены государственнаго совѣта, были командированы въ военные округа, на которые дѣлилась тогда Франція, съ порученіемъ составить о положеніи этихъ округовъ обстоятельные и вѣрные отчеты, которые могли бы послужить основой для законодательства. Изслѣдованія эти охватывали собою финансовое положеніе,—условія пополненія и расквартированія арміи,—состояніе администраціи,—народнаго просвѣщенія,—богоугодныхъ заведеній,—дорогъ и каналовъ,—торговли и промышленности,—характеръ населенія его нравовъ и обычаевъ. Короче сказать, въ программу изслѣдованія входили всѣ элементы, изъ которыхъ слагается народное благосостояніе. Добытыя такимъ путемъ фактическія свѣдѣнія послужили матеріаломъ для работы самого Бонапарта и въ большинствѣ случаевъ оказывались имъ вполнѣ усвоенными. Въ бытность свою первымъ консуломъ Бонапартъ работалъ зачастую по 14 часовъ въ день и никогда не менѣе 10 часовъ. Въ лицѣ своего секретаря, Маре, онъ обладалъ помощникомъ, одареннымъ такою-же неутомимой способностью къ труду. Секретарь этотъ былъ въ состояніи уловить каждую мысль и каждый намекъ Бонапарта, разработать въ подробности каждое отданное имъ приказаніе и привести дѣятельность Перваго консула въ надлежащее согласованіе съ дѣятельностью подчиненныхъ ему правительственныхъ учрежденій. При такихъ обстоятельствахъ, каждый изъ крупныхъ отдѣловъ государственнаго строя, благодаря которымъ создалось существующее до сихъ поръ строго логическое единство французской національной жизни, носилъ на себѣ отпечатокъ колосальнаго ума перваго консула. Въ большинствѣ случаевъ отпечатокъ этотъ до сихъ поръ еще сохранился.

Введя снова римско-католическую церковь въ составъ французскаго государства, Бонапартъ позаботился о назначеніи ея прелатовъ приблизительно по ровну какъ изъ числа признававшихъ, такъ и изъ числа отвергавшихъ гражданскую конституцію республики. Чтобы произвести впечатлѣніе на умы, отслужено было въ соборѣ Парижской Богоматери благодарственное молебствіе по случаю заключенія конкордата. Генералъ Ожеро и нѣкоторые изъ его прія-

телей просили, чтобъ ихъ уволили отъ присутствія на молебствіи, но просьба эта не была уважена. Первый консулъ явился въ соборъ со всею обстановкою прежнихъ королей Бурбонскаго дома: съ блестящею свитой въ придворныхъ каретахъ, запряженныхъ цугомъ,—съ лакеями въ парадныхъ ливреяхъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ церемоніалѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся Наполеонъ Бонапартъ, а не Луи Капетъ. Основательно, или не основательно приписываемое одному старому генералу замѣчаніе, будто во Франціи, благодаря первому консулу, „все оказалось возстановленнымъ въ прежнемъ видѣ, за исключеніемъ двухъ милліоновъ французовъ, умершихъ за дѣло свободы", является совершенно нелѣпымъ. Различіе между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей явственно высказывается между прочимъ и въ послѣдующихъ отношеніяхъ правительства къ церкви; такъ, напримѣръ, священникъ, отказавшійся хоронить по христіанскому обряду балетную танцовщицу, былъ по приказанію Бонапарта отрѣшенъ отъ должности на три мѣсяца, „чтобъ дать ему время поразмыслить о томъ, какъ Іисусъ Христосъ молился за своихъ враговъ". Римскаго папу заставили выслать изъ его столицы лицъ, позволявшихъ себѣ оскорбительно отзываться о первомъ консулѣ. Его святѣйшество намекнуло на желательность получить надлежащее вознагражденіе за утрату Авиньона. Папа находилъ, что первый консулъ могъ бы возвратить ему легатства; разумѣется, не ввидѣ вознагражденія за конкордатъ, что могло бы навлечь на римскую курію подозрѣніе въ продажности, а уступая добровольному порыву великодушнаго сердца, вполнѣ согласующемуся, впрочемъ, съ государственной мудростью и справедливостью. Въ отвѣтъ на это первый консулъ приказалъ съ торжествомъ препроводить въ Римъ смертные останки папы Пія VI, покоившіеся до тѣхъ поръ въ Валансѣ, на общемъ кладбищѣ. Довольно правдоподобнымъ представляется также анекдотъ о томъ, что самъ Бонапартъ, говоря о конкордатѣ, иронически назвалъ его предохранительной прививкой отъ религіознаго увлеченія и объявилъ, что черезъ полстолѣтія во Франціи не останется ни одного вѣрующаго. Какъ извѣстно онъ очень любилъ разсуждать на тему о томъ, что религія, феодализмъ и абсолютизмъ послѣдовательно управляли Европой. Новую эпоху, зарею которой служила революція, Наполеонъ называлъ эпохою представительнаго правительства. Армія открыто высказывала свое презрѣніе къ конкордату. Въ засѣданіи государственнаго совѣта поднялся съ трудомъ лишь сдерживавшійся хохотъ, когда тамъ прочитано было заявленіе о томъ, что папа отмѣнилъ прежній декретъ римской куріи объ отлученіи Талейрана отъ церкви. Духовенству дана была въ народѣ кличка „священной полиціи" и долгое время, въ большихъ городахъ, народъ относился очень саркастически къ публичному богослуженію. Почтеніе, съ которымъ даже невѣрующіе относились къ католической іерархіи до заключенія конкордата, не могло съ тѣхъ поръ возстановиться во Франціи въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Съ другой стороны, однако, не смотря на острый характеръ, какой принимала иногда,

по заключеніи конкордата, борьба, между государствомъ и церковью, она никогда не доходила до такого взаимнаго ожесточенія, какое замѣчалось передъ тѣмъ.

7-го февраля 1800 года (18-го плювіоза VIII года) обнародованы были постановленія, руководящія до сихъ поръ во Франціи департаментской администраціей. Изъ всѣхъ изданныхъ Бонапартомъ законовъ именно этотъ и оказалъ на Францію всего болѣе прочное вліяніе. Фактически воскресивъ существовавшую еще при Бурбонахъ систему правительственныхъ интендантовъ, упомянутый законъ установилъ іерархически-обоснованную и весьма послѣдовательно проведенную централизацію. Съ тѣхъ поръ смѣнилась во Франціи уже не одна форма правленія. Она послѣдовательно перебывала королевствомъ, имперіей и республикой, но ни одно правительство не пожелало отказаться отъ услугъ превосходнаго бонапартовскаго административнаго механизма, который, совмѣстно съ великолѣпной соціальной структурой частной жизни, доводитъ до возможнаго минимума послѣдствія политическихъ переворотовъ и сохраняетъ за Франціей, если можно такъ выразиться, ея самоличность при всякой формѣ правленія. Вся система мѣстной администраціи изображаетъ изъ себя консульство въ миніатюрѣ. Каждый изъ департаментовъ имѣетъ своего префекта, каждый уѣздъ — подпрефекта и каждая община — мэра. Эти должностныя лица назначаются исполнительной властью и подчинены министру внутреннихъ дѣлъ. При каждомъ изъ нихъ состоитъ помощникъ, пользующійся правомъ совѣщательнаго голоса и назначающійся изъ списка выборныхъ департаментскихъ или же общинныхъ нотаблей. Различные совѣты, члены которыхъ частью назначаются исполнительной властью, частью же непосредственно избираются самимъ населеніемъ, въ обыкновенное время единственно только заносятъ въ свои книги присылаемыя имъ свыше предписанія. До введенія этой административной системы происходили грабежи не только на проселочныхъ дорогахъ, но и на городскихъ улицахъ. У самыхъ воротъ Парижа можно было наткнуться на шайку разбойниковъ. Судебныя учрежденія были дезорганизованы, полиція совершенно распущена, а мѣстное управленіе въ большинствѣ случаевъ оказывалось какимъ-то смѣшнымъ фарсомъ. По истеченіи всего лишь двухъ лѣтъ этотъ новый административный механизмъ началъ совершенно правильно дѣйствовать на всемъ протяженіи французской территоріи. Общественное спокойствіе было возстановлено, жизнь и имущество ограждены, промышленности и торговли обезпечено невозбранное пользованіе капиталами, и производительнымъ силамъ народа предоставлена возможность свободнаго развитія, нестѣсняемаго опасеніями административныхъ прижимокъ, или же неувѣренностью въ правахъ собственности. Всѣ эти преимущества, взятыя вмѣстѣ, дѣлали наполеоновскій правительственный строй сноснымъ для тогдашнихъ французовъ, хотя въ настоящее время интеллигентные люди, къ какому-бы сословію они ни принадлежали, понимаютъ, что строй этотъ уничтожилъ политическую свободу въ періодъ консульства и до сихъ поръ сохранилъ пол-

ную возможность служить опаснымъ орудіемъ правительственнаго гнета на народъ.

Замѣчательно, что грандіозная мѣра, проведенная рука объ руку съ этимъ мѣропріятіемъ, обезпечивавшимъ возможность правительственнаго произвола, имѣла характеръ либеральной реформы, въ которой предстояла тогда какъ-разъ самая крайняя необходимость. 18-го января 1800 года (28-го нивоза VIII г.) учрежденъ былъ французскій банкъ. Монархія, желая выпутаться изъ финансовыхъ затрудненій, выпустила множество бумажныхъ денегъ, не принявъ никакихъ мѣръ къ обезпеченію ихъ размѣна. Конвентъ и директорія тоже въ свою очередь запрудили Францію ассигнаціями, обезпеченіемъ для которыхъ должны были, впрочемъ, служить государственныя имущества и конфискованныя помѣстья эмигрантовъ. Война и междуусобныя распри до такой степени подорвали, однако, цѣнность этихъ имуществъ, что въ 1795 году за одинъ франкъ золотомъ платили 75 франковъ бумажными деньгами Въ 1796 году курсъ этотъ дошелъ до 340 франковъ кредитными. Директорія прибѣгала къ принудительнымъ займамъ и принудительному курсу, но мѣры эти не привели къ ожидавшимся отъ нихъ результатамъ. Къ концу управленія директоріи всѣ государственныя имущества, за исключеніемъ небольшого участка оцѣненнаго въ 400 милліоновъ франковъ, перешли въ частныя руки не болѣе какъ за сотую часть дѣйствительной ихъ стоимости. Съ начала и до конца своего существованія революціонныя правительства находились въ рукахъ алчныхъ ростовщиковъ, и финансовыя ихъ операціи служили ареной для самой недостойной спекуляціи. Дѣло дошло до того, что изъ числа французовъ, обладавшихъ въ 1785 году собственностью въ какой бы ни было формѣ, не осталось къ концу столѣтія почти ни одного, который не раззорился-бы въ конецъ. Крупными землевладѣльцами и вообще капиталистами оказывались, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, разные проходимцы весьма сомнительнаго свойства. Обязательства, выданныя кредиторамъ казны, были учтены законнымъ порядкомъ въ одну треть номинальной стоимости, которая и выплачивалась бумажными деньгами, не имѣвшими почти никакой цѣнности. Неудивительно, если при такихъ обстоятельствахъ собираніе податей, хотя бы даже насильственнымъ образомъ, являлось фактически немыслимымъ. Недоимки возросли къ 18-му брюмеру въ общей сложности до 1.100 милліоновъ франковъ. Директорія, а въ продолженіи нѣкотораго времени также и консульство, перебивались кое-какъ со дня на день съ помощью контрибуцій, которыя взимались въ завоеванныхъ государствахъ.

Французскій банкъ оффиціально учреждался для оказанія поддержки промышленности и торговли. Основной его капиталъ былъ опредѣленъ въ 30 милліоновъ франковъ. Изъ этого числа правительство внесло 5 милліоновъ залогами, полученными отъ чиновниковъ, занимавшихъ отвѣтственныя должности. Банкирскія и ссудныя операціи были тогда подчинены строжайшему контролю, —земледѣльческія и мануфактурныя предпріятія встрѣтили над-

лежащее для себя поощреніе благодаря реорганизаціи торговыхъ палатъ и выставокъ, на которыхъ лучшія произведенія удостоивались публичныхъ наградъ. Опытный и талантливый финансистъ Годенъ, въ первый годъ завѣдыванія своего государственнымъ хозяйствомъ, долженъ былъ бороться съ тѣми же трудностями, какъ и непосредственные его предшественники, но ему удалось создать за это время порядокъ, вліяніе котораго обнаружилось уже на слѣдующій финансовый годъ. Повсемѣстно во Франціи вступила въ дѣйствіе новая, справедливая система собиранія налоговъ. Всѣ подати были установлены на сравнительно долгіе сроки и въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, которые были разсчитаны на возрожденіе довѣрія къ правительству. Благодаря честному и бережливому управленію, доходы съ казенныхъ лѣсовъ въ первый же годъ болѣе чѣмъ удвоились. Тщательный пересмотръ таможенныхъ тарифовъ привелъ къ подобнымъ же результатамъ.

Рука объ руку съ этими мѣропріятіями, обезпечивавшими поступленіе государственныхъ доходовъ, шло также и установленіе строжайшаго контроля надъ государственными расходами. Барбе-Марбуа былъ назначенъ государственнымъ казначеемъ, а Молліенъ—директоромъ особаго учрежденія для постепеннаго погашенія государственнаго долга. Въ распоряженіе этого учрежденія была передана приблизительно четвертая часть уцѣлѣвшихъ еще государственныхъ недвижимыхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручили скупать облигаціи государственнаго долга. Цѣнность этихъ облигацій вскорѣ значительно возросла, но правительство своевременно устроило конверсію, съ помощью которой значительно облегчило себѣ уплату процентовъ. Текущій долгъ государственнаго казначейства удалось въ непродолжительномъ времени совершенно погасить. Изъ остававшихся затѣмъ свободныхъ суммъ 120 милліоновъ франковъ были ассигнованы на народное образованіе, а 40 милліоновъ франковъ на выдачу пенсій. Побѣдоносныя французскія арміи стояли по прежнему за границей, и расходы по ихъ содержанію выплачивались государствами, безопасность которыхъ онѣ будто бы обезпечивали своимъ присутствіемъ. Всѣ эти мудро разсчитанныя мѣропріятія оказали на Францію словно магическое дѣйствіе. Подати стали выплачиваться охотно и безнедоимочно, кредитъ повсемѣстно возстановился и капиталисты стали надежнѣйшими сторонниками консульства.

Наполеоновскій кодексъ и французскій университетъ.

Необходимымъ дополненіемъ къ такимъ радикальнымъ преобразованіямъ въ административномъ и государственно-хозяйственномъ строѣ являлось соотвѣтственное обновленіе и упрощеніе свода законовъ. Имя Наполеона, стертое съ чела многихъ его учрежденій, сохранилось до сихъ поръ въ великолѣпной системѣ юриспруденціи, именуемой Наполеоновскимъ Кодексомъ, и въ лѣтописяхъ законодательства можетъ поспорить своимъ

блескомъ съ именемъ Юстиніана. Въ Кодексѣ этомъ сохранена исторически-послѣдовательная связь съ революціей. Незадолго передъ своимъ паденіемъ монархія начала уже сознавать неудобства, обусловленныя разнообразіемъ законовъ и юридическихъ обычаевъ въ различныхъ областяхъ Франціи. На одной окраинѣ государства держалось древнее обычное право германцевъ и норманновъ, тогда какъ на другой—уцѣлѣло почти въ чистомъ видѣ прежнее римское право. Въ промежуточныхъ мѣстностяхъ установилась масса разнообразнѣйшихъ и самыхъ сложныхъ юридическихъ обычаевъ. Революціонное требованіе равенства относилось, между прочимъ, также и къ искорененію упомянутаго разнообразія. Не смотря на лихорадочную дѣятельность, которая характеризовала законодательные труды французской революціи, они ко вступленію въ должность перваго консула остались еще незаконченными, что обусловливалось, между прочимъ, постоянными перерывами, которые вызывались грозными политическими бурями въ Національномъ собраніи и Конвентѣ, а также государственными переворотами во времена директоріи. Тѣмъ не менѣе, время это нельзя было признавать затраченнымъ совершенно непроизводительно по отношенію къ пересмотру французскаго законодательства. Многіе его отдѣлы были подвергнуты всестороннему обсужденію. Между прочимъ, у Камбасереса имѣлся тщательно разработанный проактъ новаго Кодекса. Бонапартъ былъ до такой степени убѣжденъ въ настоятельной необходимости выполнить, наконецъ, обѣщанія, которыя давали всѣ предшествовавшія правительства относительно повсемѣстнаго введенія во Франціи однихъ и тѣхъ же законовъ, что, взявъ въ свои руки бразды правленія, онъ, въ тотъ же вечеръ, поручилъ двумъ комиссіямъ окончательную подготовку полнаго свода законовъ. 12-го августа 1800 года результаты работъ, выполненныхъ этими комиссіями, переданы были на разсмотрѣніе комитета изъ трехъ выдающихся юристовъ: Тронше, Биго де-Преамене и Порталиса, при которыхъ секретаремъ состоялъ Мальвиль. Имъ было предписано составить на основаніи подготовленнаго матеріала проектъ всего Кодекса. Проектъ этотъ былъ написанъ въ четырехмѣсячный срокъ, представленъ на разсмотрѣніе аппеляціонныхъ судовъ, долженствовавшихъ высказать о немъ свое мнѣніе, а затѣмъ внесенъ въ государственный совѣтъ, гдѣ, подъ контролемъ самого Бонапарта, усердно являвшагося на всѣ засѣданія, быстро подвергся окончательному пересмотру. Въ слѣдующемъ же году онъ былъ обнародованъ и введенъ въ дѣйствіе повсемѣстно во Франціи.

Знаменитый Кодексъ Наполеона обязанъ наиболѣе прочными достоинствами историческимъ своимъ основамъ. Онъ представляетъ собою сочетаніе древняго обычнаго права, римскаго права и революціоннаго опыта, причемъ послѣдній элементъ имѣетъ по отношенію къ двумъ другимъ преобладающее значеніе. Проектъ Камбасереса послужилъ фундаментомъ для этого кодекса. Обсужденіе въ комиссіяхъ придало ему болѣе законченную форму, а затѣмъ отдѣльные его параграфы были начисто отдѣланы

и отполированы въ государственномъ совѣтѣ сообразно съ мнѣніями Адріаля, Берлье, Булэ, Камбасереса, Лебрена и Бонапарта. Самъ первый консулъ выработалъ многія радикальныя и весьма вліятельныя постановленія относительно брака, развода и права собственности. Простота, ясность, понятность и цѣлесообразность, характеризовавшія, какъ извѣстно, мышленіе Наполеона, являются выдающимися чертами всего Наполеоновскаго Кодекса. Каждая страница тамъ носитъ отпечатокъ его здраваго смысла и трудолюбія. Съ другой стороны во многихъ мѣстахъ усматриваются также слѣды недостаточной научной обработки грандіознаго его ума. Прусскій юристъ Савиньи счелъ себя вправѣ, ввиду всего этого, объявить Кодексъ Наполеона болѣзненнымъ политическимъ явленіемъ.

Замѣчаніе Савиньи можно признать вѣрнымъ единственно лишь въ томъ смыслѣ, что, какъ въ римской имперіи, такъ и въ наполеоновской Франціи, гражданская свобода развивалась обратно пропорціонально политической свободѣ. Остенъ находилъ Кодексъ Наполеона составленнымъ съ лихорадочной поспѣшностью и утверждалъ, что „обманчивая“ краткость и ясность обусловливается тамъ отсутствіемъ опредѣленій и разъясненій даже для необходимѣйшихъ основныхъ принциповъ. При всемъ томъ эта простота и краткость оказываются однимъ изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ Наполеоновскаго Кодекса. Съ теченіемъ времени онъ, разумѣется, подвергся многимъ измѣненіямъ въ частностяхъ, но сохранилъ характерныя свои особенности и до сихъ поръ съ успѣхомъ примѣняется во Франціи, Италіи, Голландіи, Бельгіи, а частью также въ Германіи. Считая его наиболѣе прочнымъ памятникомъ своихъ трудовъ, Бонапартъ до послѣднихъ дней жизни отстаивалъ преимущества этого свода законовъ и приписывалъ себѣ всю честь его составленія, причемъ несправедливо умалялъ значеніе работы другихъ великихъ умовъ, служившихъ ему въ данномъ случаѣ сотрудниками.

Общій характеръ Наполеоновскаго Кодекса можно уяснить себѣ безъ труда, принявъ во вниманіе нѣкоторыя изъ произведенныхъ имъ реформъ. Все уложеніе распадается на четыре отдѣла, изъ которыхъ первый служитъ введеніемъ, остальные же три обнимаютъ законы о лицахъ, вещахъ и, наконецъ, о собственности и наслѣдствѣ. Такимъ образомъ, система законодательства обнимаетъ сферу субъекта, а именно человѣческое *я*,—объекта, т. е. внѣшній міръ, и отношеній между субъектомъ и объектомъ, т. е.—права собственности. Основнымъ принципомъ Кодекса являлось равенство всѣхъ передъ закономъ; главными цѣлями его служили: внушить уваженіе къ праву собственности и по возможности упростить судебную процедуру. Наслѣдственное дворянство и право первородства были упразднены. Дѣтямъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, предоставлялись одинаковыя права наслѣдства. Съ другой стороны предоставлены были завѣщателямъ значительно болѣе широкія права, ограничивавшіяся, впрочемъ, принципомъ семейной солидарности. Евреи были сравнены въ правахъ со всѣми прочими гражданами. Цѣлый рядъ предусмотрительныхъ весьма благоразумныхъ постановленій, въ сущности не

принадлежавшихъ къ своду законовъ, а имѣвшихъ только характеръ временныхъ мѣропріятій, подрывалъ и упразднялъ многіе старинные еврейскіе обычаи и пресѣкалъ евреямъ возможность уклоняться отъ выполненія гражданскихъ обязанностей, тяготѣвшихъ на другихъ французскихъ подданныхъ. Благодаря этимъ постановленіямъ анти-еврейская агитація во Франціи никогда не имѣла особенно ожесточеннаго характера, какой она зачастую принимала въ сосѣднихъ странахъ. Государство признавало за всѣми вѣроисповѣданіями одинаковыя права и оказывало имъ одинаковую финансовую поддержку, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагало на всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣроисповѣданій, обязательство подчиняться оффиціальной регистраціи и обряду гражданскаго брака. Въ Наполеоновскомъ Кодексѣ признавалась необходимость развода при извѣстныхъ условіяхъ и устанавливались на этотъ предметъ соотвѣтственныя узаконенія. Съ другой стороны, однако, цѣлый рядъ весьма строгихъ и частію даже варварскихъ постановленій крѣпче чѣмъ когда-либо сплотилъ семью во Франціи и сдѣлалъ ее значительно прочнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Наполеонъ создалъ такимъ образомъ для установленнаго порядка вещей непоколебимую твердыню, противъ которой оказались безсильными всѣ бушевавшія съ тѣхъ поръ соціальныя бури. Съ этимъ соглашаются даже и непримиримѣйшіе враги великаго человѣка, желѣзная воля котораго осуществила проекты преобразованія феодальнаго общества, выработанные философами, тогда какъ всѣ направленныя къ этой цѣли попытки агитаторовъ оказались безуспѣшными.

Такимъ образомъ, многочисленный западно-европейскій народъ освободился отъ деспотизма и феодализма, угнетавшихъ его столь долго, уже послѣ того, какъ исчезла жизненная необходимость въ ихъ существованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиненіе многихъ милліоновъ людей, различавшихся языкомъ и происхожденіемъ, одинаковымъ законамъ значительно содѣйствовало процессу сліянія ихъ въ могущественную націю, скрѣпленную единствомъ жизненныхъ условій и мышленія. Прекраснымъ дополненіемъ къ Наполеоновскому Кодексу служили уголовныя уложенія и постановленія по торговому праву, оказывающіяся еще и теперь такими же полезными и удобопримѣнимыми, какъ и въ то время, когда они были изданы. Здѣсь было бы безцѣльно сравнивать относительныя преимущества соотвѣтственныхъ учрежденій въ латинскомъ и тевтонскомъ государственномъ строѣ, или же распространяться о долгой ожесточенной полемикѣ, завязавшейся по этому предмету между французскими и англійскими публицистами. Суть дѣла лежитъ въ сравненіи между порядками, которые Бонапартъ засталъ и которые онъ оставилъ у тѣхъ же самыхъ народовъ. Это сравненіе фактически обезпечиваетъ за нимъ славу одного изъ величайшихъ въ мірѣ соціальныхъ реформаторовъ.

Революція стремилась произвести во всѣхъ отношеніяхъ полнѣйшій разрывъ между новымъ и старымъ порядкомъ вещей, но ни въ какой сферѣ дѣло ея не оказалось болѣе законченнымъ, чѣмъ въ сферѣ народнаго образованія. Королевская Франція обла-

дала блестящимъ спискомъ академій, высшихъ учебныхъ заведеній, университетовъ, техническихъ школъ, гимназій и элементарныхъ училищъ. Уставы и программы учебныхъ заведеній, равно какъ организація академій, не согласовались другъ съ другомъ. Большинство учебныхъ заведеній были учреждены духовенствомъ и состояли въ его завѣдываніи. Кромѣ того, въ нихъ строго соблюдался принципъ раздѣленія учащихся по сословіямъ. Элементарное образованіе находилось непосредственно въ рукахъ духовенства, обучавшаго въ приходскихъ школахъ и въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывалось въ самомъ жалкомъ состояніи. Вообще, при прежнемъ режимѣ, во Франціи имѣлись, правда, великіе ученые и хорошіе профессора, а также существовало нѣкоторое число хорошихъ учебныхъ заведеній и учрежденій, но всѣ они находились въ зависимости отъ королевскаго благоусмотрѣнія, или же отъ римской іерархіи, или же отъ обоихъ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего научная дѣятельность ихъ должна была сообразоваться съ интересами королевской власти и католической церкви. Къ тому же не было никакой общей системы, охватывавшей цѣликомъ народное образованіе, или хотя бы даже отдѣльныя его части.

Стремленіе къ національному единству, оказывавшееся причиною и слѣдствіемъ революціи, проявилось, между прочимъ, также и въ требованіи выработать стройную систему народнаго образованія. Лучшія умственныя силы Учредительнаго собранія и Конвента усердно принялись за эту работу. Въ первый разъ еще въ исторіи было признано, что, послѣ уравненія всѣхъ сословій, единственнымъ обезпеченіемъ соціальнаго порядка въ будущемъ является воспитаніе народныхъ массъ. Исходя изъ этого принципа, выработали грандіозный проектъ народнаго образованія, распредѣленнаго по нѣсколькимъ степенямъ, или разрядамъ. Основою всего этого образованія долженствовала служить элементарная школа. Занею шли: сперва цѣлая система среднихъ и второразрядныхъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ—спеціальное высшее образованіе въ профессіональныхъ факультетахъ, къ которымъ принадлежали также великолѣпный педагогическій институтъ, или такъ называемая Нормальная школа и первоклассный Политехническій институтъ. Вѣнцомъ всего зданія должны были служить музей, французскій университетъ и академія наукъ, или Институтъ. Образованіе признавалось безплатнымъ и обязательнымъ. Наиболѣе существенной чертою всего проекта являлась программа преподаванія въ элементарной школѣ. Кромѣ обученія чтенію, письму и начальной ариѳметикѣ, тамъ должны были проходиться основные элементы полнаго энциклопедическаго образованія. Вся система народнаго просвѣщенія была тщательно устранена изъ подъ вліянія религіознаго элемента. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней не было принято никакихъ мѣръ для обезпеченія женщинамъ хотя бы даже средняго образованія. Французскіе законодатели считали необходимымъ, чтобы дѣвочки, старше восьмилѣтняго возраста, воспитывались дома самими родителями. Одинъ только Кондорсе вѣрилъ въ одинаковость умственныхъ способностей у обоихъ по-

ловъ. Лаканалю удалось провести декретъ, разрѣшавшій открывать смѣшанныя училища, въ которыхъ „дочери республики“ могли бы получать одинаковое образованіе съ ея сыновьями, по скольку это дозволяетъ ихъ полъ; причемъ, однако, рекомендовалось обучать ихъ главнымъ образомъ пряжѣ, шитью, вязанью и другимъ рукодѣліямъ, считавшимся въ то время наиболѣе свойственными занятіями для особъ прекраснаго пола. Нѣкоторыя части этого грандіознаго проекта были уже осуществлены, но тѣмъ не менѣе весь онъ въ совокупности оказывался не подъ силу такому государству, какъ тогдашняя Франція, охваченная революціонною бурей. Талейранъ сократилъ размѣры первоначальнаго проекта, но, тѣмъ не менѣе, къ тому времени, когда директорія пала, во Франціи имѣлось лишь очень немного первоначальныхъ школъ, да и въ нихъ обнаруживался недостатокъ какъ въ преподавателяхъ, такъ и въ ученикахъ. Второразрядныя училища не были подчинены надлежащему контролю. Преподаваніе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣло научный, а въ другихъ—исключительно техническій характеръ. Даже въ Политехническомъ институтѣ, пользовавшемся такою популярностью, насчитывалось сравнительно лишь немного студентовъ. Что касается до Нормальной школы, то она погибла, просуществовавъ кое-какъ лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ. Медицинскій факультетъ остался совершенно такимъ же, какъ и при старомъ режимѣ. Музей былъ въ страшномъ безпорядкѣ и богатыя его коллекціи представляли изъ себя хаосъ, въ которомъ, казалось, нельзя было и разобраться. Французскій университетъ и академія наукъ измѣнились только по внѣшности, а не по существу, и продолжали дѣйствовать, если можно такъ выразиться, въ силу инерціи.

Извѣстно, что Бонапартъ подготовлялся къ роли законодателя чтеніемъ множества книгъ (которыя бралъ преимущественно у Камбасереса), а также изученіемъ докладныхъ записокъ, подготовленныхъ еще членами Конвента. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что, приступивъ къ дѣлу, онъ руководствовался преимущественно своимъ инстинктомъ и глубокимъ знаніемъ человѣческой природы. Это послѣднее играло особенно видную роль при разработкѣ его проекта народнаго образованія. У Наполеона былъ передъ глазами планъ, составленный Талейраномъ, но планъ этотъ послужилъ ему только первоначальною схемой. Первый консулъ не особенно интересовался подготовкою будущихъ ученыхъ, или же интересами преуспѣянія научныхъ знаній. Вмѣсто того желѣзная его воля категорически задалась цѣлью подготовки хорошихъ гражданъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ это слово. Въ тогдашнія хаотическія времена Бонапартъ относился съ глубочайшимъ равнодушіемъ къ всяческимъ идеаламъ и, задаваясь лишь чисто практическими стремленіями, рѣшился дѣлать въ сферѣ народнаго образованія лишь то, что казалось ему наиболѣе существеннымъ и безотлагательно необходимымъ. Быть можетъ, по этому самому онъ и поручилъ окончательную обработку своего проекта не спеціалисту - педагогу съ опредѣленными убѣжденіями и обширной опытностью, а прево-

сходному химику, бывшему одно время членомъ пресловутаго Комитета общественной безопасности и обнаружившему тамъ, въ узкихъ рамкахъ дѣятельности, достаточную пригодность. Такимъ образомъ Фуркруа было поручено окончательное формулированіе мѣропріятій, которыя, по словамъ Редерера, докладывавшаго о нихъ въ законодательномъ собраніи, имѣли характеръ политическаго учрежденія, долженствовавшаго объединить тогдашнее поколѣніе съ наростающимъ,—привязать къ правительству отцовъ черезъ посредство дѣтей и дѣтей черезъ посредство отцовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать всѣхъ гражданъ фактически дѣтьми государства.

Религіозныя корпораціи, до тѣхъ поръ почти полностью удерживавшія въ своихъ рукахъ народное образованіе, не состояли ни въ какой связи съ государствомъ и были лишь очень слабо связаны съ новымъ обществомъ. Напротивъ того, наполеоновская система народнаго образованія замѣчательно искусно направлялась къ тому, чтобы связать молодежь съ политической и соціальной жизнью новой Франціи. Въ каждой общинѣ учреждалась первоначальная школа, въ которую учителя назначались мѣстнымъ мэромъ, причемъ, однако, надзоръ надъ этими школами поручался подпрефекту. Въ главномъ городѣ каждаго департамента, подъ наблюденіемъ префекта, должны были дѣйствовать второразрядныя школы, рядомъ съ которыми могли существовать также и частныя учебныя заведенія, соглашавшіяся подчиняться правительственному контролю и регламентаціи. Непосредственно за второразрядными школами слѣдовали музеи или гимвазіи, гдѣ образованіе должно было имѣть одновременно и классическій и реальный характеръ. Число ихъ было ограниченное и въ нихъ принимались только ученики, окончившіе съ отличіемъ второразрядныя заведенія. Изъ гимназій лучшіе ученики (пятая часть окончившихъ курсъ) принимались въ профессіональныя училища, принадлежавшія къ девяти различнымъ категоріямъ: правовѣдѣнія, медицины, естественной исторіи, технологіи механической и химической, высшей математики, географіи, исторіи и политической экономіи, пластическихъ искусствъ, астрономіи, музыки и теоріи композиціи. Первый консулъ не хотѣлъ и слышать о болѣе широкомъ планѣ народнаго образованія, пока его проектъ не будетъ приведенъ въ исполненіе. Это и было вскорѣ достигнуто благодаря могучему импульсу самого Бонапарта и настойчивости Фуркруа.

Тогда Наполеонъ высказалъ совершенно явственно цѣли, къ которымъ стремился. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ учредилъ французскій университетъ въ нынѣшнемъ его видѣ и такимъ образомъ народное образованіе во Франціи оказалось до такой же степени централизованнымъ, какъ и гражданская администрація. Народное образованіе распредѣлялось на три разряда: первоначальное, среднее и высшее, и было подчинено строжайшему всестороннему контролю центральной инспекціи. Учебныя заведенія всѣхъ трехъ разрядовъ объединялись въ каждомъ изъ территоріальныхъ округовъ въ академіи, во главѣ которыхъ стояли

деканы. Академіи въ свою очередь подлежали контролю верховнаго совѣта народнаго просвѣщенія и президента этого совѣта. Нормальная школа снова возродилась. Гимназистовъ одѣли въ военные мундиры и подчинили строгой дисциплинѣ. Все образованіе тщательно направлялось къ тому, чтобы внѣдрить въ молодые умы понятія, соотвѣтствующія новымъ условіямъ, въ которыя Бонапартъ имѣлъ въ виду поставить французскую жизнь. Французскій университетъ хотя и былъ подчиненъ министерству, но тѣмъ не менѣе пользовался въ сферѣ своей дѣятельности достаточной степенью самостоятельности. Благодаря этому онъ и оказался учрежденіемъ до такой степени прочнымъ, что политическія революціи до сихъ поръ еще не могли его разрушить. Члены университета, вообще говоря, обнаруживали большую преданность своему дѣлу. Здравыя и разумныя ихъ мѣропріятія, не касавшіяся политическихъ вопросовъ, оказывались какъ нельзя болѣе согласными съ духовными стремленіями французскаго народа. Двадцать лѣтъ тому назадъ католическая церковь выхлопотала себѣ разрѣшеніе открывать университетскіе факультеты на свой счетъ и подъ своимъ собственнымъ контролемъ. Съ тѣхъ поръ только и начали обнаруживаться нѣкоторые признаки измѣненія въ организаціи наполеоновскаго университета, въ смыслѣ возврата къ академической свободѣ преподаванія.

Предвѣстники возстановленія монархіи

Возвращеніе сорока тысячъ семействъ эмигрантовъ, воспользовавшихся амнистіей, которая отдала прежнимъ владѣльцамъ всѣ непроданныя еще недвижимыя ихъ имущества, за исключеніемъ большихъ лѣсовъ; реорганизація судебнаго вѣдомства, гражданской администраціи, законодательства, народнаго просвѣщенія и финансовъ подъ эгидою новой конституціи, дѣйствовавшей подъ управленіемъ могучей руки, которая ее выработала,—свидѣтельствовали, что для Франціи и Европы фактически началась уже новая историческая эпоха. Въ тоже время въ общемъ теченіи дѣлъ столь-же явственно обнаруживались стремленія къ такой формѣ правленія, которая обезпечивала бы власть за однимъ лицомъ. Стремленія эти производили мало впечатлѣнія въ народныхъ массахъ, нуждавшихся главнымъ образомъ въ спокойствіи и готовыхъ подчиниться каждому правительству, способному его обезпечить. Недовольство обнаруживалось лишь двумя категоріями людей, принадлежавшихъ, по своимъ убѣжденіямъ, если можно такъ выразиться, къ противуположнымъ полюсамъ. Роялисты находили, что груша для нихъ уже созрѣла, и снова вступили въ переговоры съ Бонапартомъ. Республиканцы, раскаявшіеся въ переворотѣ восемнадцаго брюмера въ тотъ самый день, когда приняли въ немъ участіе, не на шутку встревожились и проявляли свое неудовольствіе вездѣ, гдѣ имѣлись для этого въ ихъ распоряженіи какія-либо средства. Они высказывали его гласно

въ трибунатѣ и молчаливой оппозиціей—въ законодательномъ собраніи.

Къ концу VIII года республики, т. е. въ началѣ 1800 года, появилась брошюра, очевидно оффиціальнаго характера, озаглавленная: „Параллель между Цезаремъ, Кромвелемъ и Бонапартомъ". Она несомнѣнно задавалась цѣлью разсѣять недовѣріе, вызывавшееся у многихъ французскихъ гражданъ честолюбивыми замыслами перваго консула, и раздавалась безплатно всюду во

Англійскій премьеръ Джемсъ Фоксъ.
Съ картины Никеля въ Британской Національной Портретной Галлереѣ.

Франціи. Въ ней заявлялось, что личность Бонапарта стоитъ значительно выше Кромвеля или Монка и можетъ сравниваться единственно только съ Цезаремъ. Въ заключеніе намекалось на умѣстность объявить должность перваго консула наслѣдственною въ семьѣ Бонапарта. Французскій народъ, однако, считая все еще себя свободнымъ, не обнаруживалъ никакими признаками желанія сообразоваться съ совѣтами, высказанными въ упомянутой брошюрѣ. Глава государства въ свою очередь воздерживался отъ всякихъ тревожныхъ манифестацій до тѣхъ поръ, пока въ Лондонѣ не были подписаны статьи предварительнаго мирнаго договора.

Лишь въ январѣ 1802 года онъ созвалъ въ Ліонъ конгрессъ итальянскихъ делегатовъ, на которомъ надлежало выяснить окончательную форму конституціи для вновь реорганизованной Цизальпинской республики. Само собой разумѣется, что было рѣшено воспроизвести наиболѣе существенныя черты французскаго консульскаго режима. При этомъ сдѣлано было, однако, одно весьма многозначительное измѣненіе: взамѣнъ трехъ консуловъ поставленъ былъ во главѣ государства одинъ президентъ.

Когда это было въ принципѣ принято, естественно возникъ вопросъ, кому именно надлежитъ занять этотъ высокій постъ. Послѣ долгихъ интригъ и препирательствъ выборъ единодушно остановился на миланскомъ вельможѣ, герцогѣ Мельци. Прежде, чѣмъ успѣли, однако, обнародовать это рѣшеніе, первый консулъ далъ понять черезъ посредство своихъ агентовъ, что безопасность „итальянской республики“, какъ предстояло съ тѣхъ поръ называться Италіи, которую Альфіери провозглашалъ: „Italia virtuosa, magnanima, libera, et una“, можетъ быть обезпечена лишь въ томъ случаѣ, если республикой будетъ управлять самъ Бонапартъ. Это властное заявленіе было тотчасъ же принято къ исполненію. Услужливая парижская печать объявила, что избраніе Бонапарта въ президенты итальянской республики не представляетъ собою ни малѣйшей угрозы безопасности и спокойствію Франціи, такъ какъ первому консулу, очевидно, нельзя отказаться отъ сдѣланнаго ему итальянцами лестнаго предложенія. Это было бы съ его стороны невѣжливо и даже неблагоразумно. Чтобы перебросить мостъ между двумя своими владѣніями, консулъ-президентъ готовился присоединить Піемонтъ къ Франціи) Русскій императоръ, взявшійся за оружіе, чтобы отстаивать державныя права Савойскаго дома, лежалъ уже въ могилѣ. Генералъ Журданъ могъ поэтому безпрепятственно заявить піемонтцамъ, что ихъ территорія составляетъ особый французскій военный округъ, раздѣленный на шесть префектуръ. Бонапартъ въ свою очередь объяснилъ піемонтскимъ депутатамъ, что присоединеніе ихъ отчизны къ Франціи дѣло вполнѣ естественное и законное, такъ какъ Піемонтъ составлялъ уже въ былыя времена часть французской территоріи. Наполеонъ очевидно намекалъ здѣсь на имперію Карла Великаго. Тотчасъ же послѣ подписанія Аміенскаго договора декретъ французскаго сената объявилъ во всеобщее свѣдѣніе Піемонтъ нераздѣльною частью Франціи.

Чтобы не возбуждать негодованія швейцарцевъ, пришлось отказаться отъ мысли о присоединеніи швейцарскаго кантона Вале къ Піемонту. Нельзя было, однако, возвратить его и Швейцаріи, такъ какъ тамъ шла только что разработанная французами военная дорога черезъ Альпы, великолѣпная широкая Симплонская дорога съ отлогими подъемами и госпиталемъ, служившимъ удобною станціей на вершинѣ перевала. Означенный небольшой кантонъ объявленъ былъ поэтому независимою республикой. Дѣйствовавшая еще въ Генуѣ конституція, по образцу существовавшей во Франціи во времена директоріи, оказывалась, подобно прежъ-

нимъ конституціямъ въ Цизальпинской республикѣ и въ Голландіи, несоотвѣтствующей новому порядку вещей. Французскій посолъ Саличетти предложилъ поэтому генуезскому правительству воспользоваться усовершенствованной конституціей, выработанной въ Парижѣ по новому образцу, и конституція эта была съ благодарностью принята. Малолѣтній этрурійскій король скончался 27 мая 1803 года и опекунами надъ его матерью, вдовствующей регентшей, назначены были французскіе генералы Мюратъ и Кларкъ. Съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, потребовавшимися для того, чтобы смягчить ударъ ,наносимый національному тщеславію, устроена была также и въ Голландіи комбинація, подобная той, которая оказалась такою удачной въ Цизальпинской республикѣ. Успѣхъ ея въ Голландіи обусловливался заключеніемъ Аміенскаго мира, по которому Батавской республикѣ предстояло не только возвратить себѣ номинальную самостоятельность, но также и большую часть своихъ колоній, въ томъ числѣ мысъ Доброй Надежды и главнѣйшія изъ остъ-индскихъ колоній. Взамѣнъ того Голландія должна была ввести у себя новую конституцію, въ сущности тождественную съ французской, хотя подъ нѣсколько иною маской. Глава государства именовался тамъ Великимъ пенсіонеромъ. На эту должность назначенъ былъ извѣстный Шиммельпеннинкъ, преданный почитатель Бонапарта. Французская армія продолжала занимать Батавскую республику, долженствовавшую содержать ее на свой счетъ. Въ Швейцаріи произведены были тоже важныя перемѣны, но только нѣсколько иного свойства, такъ какъ первый консулъ отлично понималъ не-

Викторъ-Эммануилъ Леклеркъ (мужъ олины Бонапартъ).
Съ картины Кинсона въ Версальскомъ музеѣ.

обходимость сообразоваться въ каждомъ данномъ случаѣ съ характеромъ населенія. Гельветская республика была недовольна своей конституціей. Двѣ партіи—уніонисты и федералисты, вели ожесточенную борьбу за преобладаніе. Когда, въ силу Аміенскаго договора, французскія войска были выведены изъ этой республики, не замедлило выясниться, что тамъ можетъ вспыхнуть междуусобная война. Нею немедленно же дано было предписаніе занять съ тридцати-тысячной арміей Швейцарію, а наиболѣе выдающіеся швейцарскіе государственные дѣятели были вызваны въ Парижъ. Въ февралѣ 1803 года они согласились на компромиссъ, извѣстный подъ названіемъ «Акта о посредничествѣ», выработанный Бонапартомъ, который и подписался на немъ въ качествѣ поручителя. Постановленія этого акта были весьма благоразумны, но обусловили для республики, которая впервые тогда была названа Швейцаріей, такую тѣсную связь съ Бонапартомъ, что самое существованіе республики оказывалось какъ бы въ зависимости отъ него. Новыя отношенія между Швейцаріей и Франціей характеризовались тѣмъ, что Швейцарскій союзъ обязался выставлять вспомогательную армію въ 16.000 человѣкъ и что французскій первый консулъ формально принялъ на себя титулъ Великаго посредника швейцарской республики. Въ Швейцаріи всегда существовала партія крайнихъ патріотовъ, негодовавшихъ на утрату отечественной независимости, но тѣмъ не менѣе десятилѣтіе, въ продолженіи котораго швейцарцы находились подъ французскимъ протекторатомъ, пользуясь нейтралитетомъ, который имъ обезпечилъ Бонапартъ, было вѣроятно наиболѣе счастливымъ въ ихъ исторіи. Съ другой стороны, политическое вліяніе Швейцарскаго союза, поскольку вообще о немъ могла быть рѣчь, оставалось всецѣло въ распоряженіи Бонапарта.

Строгая цензура, установленная первымъ консуломъ, уже при самомъ вступленіи его въ должность, для французской печати, оказала ему большія услуги. Изъ семидесяти трехъ постоянно бранившихся одна съ другою продажныхъ газетъ, которыя издавались во времена директоріи, уцѣлѣли всего лишь двѣнадцать органовъ печати. Они вскорѣ обратились въ покорнѣйшихъ слугъ исполнительной власти,—пропагандировали тѣ чувства, которыми надлежало проникнуться публикѣ, и сообщали извѣстія, которыя умѣстно было доводить до общаго свѣдѣнія. Всѣ эти газеты были въ сущности оффиціозными органами Бонапарта. Надо отдать справедливость тому, что онѣ издавались до чрезвычайности искусно, доставляя читателямъ много занимательнаго и поучительнаго по всѣмъ вопросамъ, не касающимся политики. Французскій народъ былъ, впрочемъ, совершенно доволенъ невѣдѣніемъ, въ которомъ его оставляли. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ своемъ порабощеніи и радовался спокойствію, обусловленному созерцаніемъ однихъ только предметовъ, неспособныхъ волновать умы. „Отчего Тацитъ не объяснилъ, какимъ образомъ римскій народъ могъ терпѣть царствовавшихъ надъ нимъ злодѣевъ и безумцевъ, носившихъ императорскій титулъ?“ Вопросъ этотъ оказывается въ высшей сте-

пени естественнымъ также и по отношенію къ обоимъ Наполеонамъ. На него возможенъ всего только одинъ отвѣтъ, котораго именно и не допускало до сихъ поръ большинство историковъ: неминуемо должна была существовать достаточная гармонія между соціальнымъ положеніемъ Рима и характеромъ его правителей, хотя великій римскій историкъ не рѣшился открыто выяснить этотъ фактъ. Тоже самое можно съ увѣренностью утверждать и по отношенію къ французскому народу. Французы восторгались якобинствомъ до тѣхъ поръ, пока и якобинскіе принципы, и самое слово «якобинецъ» не сдѣлались имъ ненавистными. Затѣмъ они бросились въ противуположную крайность полнѣйшаго равнодушія къ политическимъ вопросамъ, при которомъ оказывалась безусловно необходимой заботливая отеческая рука правительства. Никакой произвольный насильственный поступокъ, разумѣется, не могъ смутить націю, свыкшуюся съ терроромъ или хотя бы даже съ революціонными пріемами директоріи. Когда, черезъ три года по установленіи консульскаго правительства, изданъ былъ декретъ, запрещавшій печатаніе и продажу книгъ и брошюръ безъ предварительнаго разрѣшенія цензурнаго комитета, онъ, тѣмъ не менѣе, не вызвалъ противъ себя почти никакого протеста.

Полина Бонапартъ
(была замужемъ сперва за генераломъ Леклеркомъ, а потомъ за княземъ Камилломъ Боргезе).
Съ картины Прюдона.

Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что съ самаго почина мѣропріятій, путемъ которыхъ остатки республики начали преобразовываться въ неясные еще предвѣстники будущей монархіи, противъ нихъ начали раздаваться категорическіе протесты. Обстоятельства складывались, однако, такъ, что этимъ протестамъ можно было не придавать серьезнаго значенія. Такъ, даже въ судебномъ вѣдомствѣ нашелся смѣлый патріотъ Барнабэ, который дерзнулъ объявить брюмерскій переворотъ противузаконнымъ. Нѣкоторые неосторожные люди позволяли себѣ такъ громко высказывать недовѣріе къ первому консулу и заявлять о необходимости низверженія диктатуры, что можно было возбудить правдоподобное на пер-

вый взглядъ обвиненіе въ заговорѣ противъ правительства, по отношенію къ Чераккѣ и Арепѣ, двумъ корсиканцамъ, особенно ожесточенно порицавшимъ геніальнаго своего соотечественника. Услужливая полиція утверждала еще въ началѣ 1800 года, будто ей удалось раскрыть всѣ подробности заговора, но въ дѣйствительности онъ существовалъ лишь въ ея воображеніи. Французскія войска, въ особенности же тѣ, которымъ доводилось сражаться подъ начальствомъ Моро, держались еще республиканскихъ традицій. Такъ, солдаты Рейнской арміи отнеслись съ негодованіемъ и презрѣніемъ къ конкордату. Искренніе республиканцы раздѣляли инстинктивное ихъ убѣжденіе въ томъ, что возстановленіе легальнымъ порядкомъ католической іерархіи угрожаетъ серьезной опасностью существованію республики. Эта іерархія, по существу своему монархическая, необходимо должна была сочувствовать возстановленію монархіи, съ которой была такъ долго связана взаимной солидарностью интересовъ.

Первому консулу было извѣстно, что попытки реакціи слѣдуетъ подавлять въ зародышѣ. Онъ призналъ поэтому умѣстнымъ найти для республиканцевъ-солдатъ занятіе за границей, подобно тому, какъ передъ тѣмъ удалилъ изъ Франціи республиканцевъ, подвизавшихъ на политическомъ поприщѣ. Заключеніе Аміенскаго мира, повидимому, обезпечивало давно желанную свободу на моряхъ, а потому, въ числѣ другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію и преуспѣянію торговли и промышленности, правительство перваго консула рѣшило воскресить торговлю невольниками. Такимъ путемъ имѣлось въ виду доставить Антильскимъ островамъ болѣе значительное населеніе и создать тамъ обширный рынокъ для французскихъ произведеній. Адмиралъ Брюи, отстаивая торговлю неграми, напомнилъ, что у древнихъ народовъ рабовладѣніе оказывалось какъ нельзя болѣе совмѣстнымъ съ любовью къ свободѣ; что негры, предоставленные самимъ себѣ, предпочитаютъ маніокъ и подслащенную воду вину; что такихъ дикарей необходимо обратить въ рабство, дабы привить имъ цивилизованные вкусы, приличествующіе потребителямъ избытковъ французскаго земледѣлія и винодѣлія. Будучи уроженцами жаркаго климата, негры окажутся, безъ сомнѣнія, какъ нельзя болѣе счастливыми, когда ихъ перевезутъ изъ Африки въ Вестъ-Индію. Въ связи съ этой варварской политикой грубаго насилія состояло также возложенное на мужа Полины Бонапартъ, генерала Леклерка, порученіе завоевать островъ Санъ-Доминго, населеніе котораго воспользовалось революціонными теоріями и слабостью республиканской Франціи на моряхъ, чтобы объявить себя независимымъ. Надо полагать, что Бонапартъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ опасности такой экспедиціи. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы заподозрить его въ намѣреніи пожертвовать собственной своей сестрой, такъ какъ онъ принудилъ госпожу Леклеркъ, несмотря на всѣ ея слезы и возраженія, ѣхать вмѣстѣ съ мужемъ. Войска, назначенныя для этой экспедиціи, взяты были преимущественно изъ Рейнской арміи. Многочис-

ленный флотъ, состоявшій изъ тридцати четырехъ линейныхъ кораблей, двадцати фрегатовъ и многочисленныхъ транспортовъ, на которыхъ размѣстилось болѣе двадцати тысячъ солдатъ, отплылъ изъ Франціи 14 декабря 1801 года и въ концѣ января 1802 года благополучно достигъ мѣста своего назначенія.

Проектамъ Бонапарта суждено было на этотъ разъ встрѣтить упорное сопротивленіе со стороны замѣчательнѣйшаго человѣка негритянскаго происхожденія, о какомъ только знаетъ исторія. Этотъ человѣкъ, Тус-сенъ-Лувертюръ, утверждалъ, что его предки были африканскими державцами. Богато одаренный отъ природы, онъ получилъ сверхъ того и превосходное образованіе. Онъ родился въ неволѣ, но, казалось, былъ предназначенъ самой природой къ тому, чтобъ властвовать и постепенно пріобрѣлъ надъ неграми въ Санъ-Доминго такое вліяніе, что они признали его своимъ вождемъ и стали относиться къ нему съ благоговѣйнымъ почтеніемъ и любовью. Вліяніе революціонныхъ ученій на невольниковъ было до такой степени могущественно, что Лувертюръ счелъ возможнымъ побудить ихъ къ возстанію противъ рабовладѣльцевъ. На островѣ возгорѣлась междуусобная война, которую временно подавило вмѣшательство англичанъ. Между непривычными къ климату европейскими солдатами обнаружилась, однако, такая сильная смертность отъ болѣзней, свойственныхъ тропическому климату, что англичанамъ пришлось покинуть Санъ-Доминго, предоставивъ этотъ плодоносный островъ въ полное распоряженіе негровъ. Лувертюръ немедленно же организовалъ

Покушеніе на жизнь перваго консула.

тамъ консульское правительство по образцу устроеннаго во Франціи Бонапартомъ. Управляя съ замѣчательнымъ мужествомъ и необычайной энергіей, онъ ввелъ на островѣ такую степень благоустройства, какой положительно нельзя было тамъ ожидать. Генералъ Леклеркъ, прибывъ на Санъ-Доминго, немедленно же потребовалъ, чтобы Лувертюръ сложилъ съ себя власть и чтобы негры вернулись къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ. Предложеніе это было встрѣчено категорическимъ отказомъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Туссенъ Лувертюръ успѣшно сопротивлялся, но подъ конецъ превосходство силъ, которыми располагали французы, заставило его удалиться въ горы. Его заманили оттуда обманомъ, арестовали и отослали во Францію. Тамъ онъ былъ посаженъ въ замокъ Жу, находящійся въ Франшъ-Конте, гдѣ, вслѣдствіе суроваго климата, здоровье его быстро разстроилось. Онъ умеръ 27 апрѣля 1803 года. За него отмстили французамъ жары и зловредныя испаренія родного его острова. По мѣрѣ того, какъ французскіе солдаты заболѣвали и умирали отъ желтой лихорадки, негры, первоначально упавшіе духомъ, начали ободряться. Вскорѣ началось открытое возстаніе и въ послѣдовавшей затѣмъ вооруженной борьбѣ обѣ стороны запятнали себя самыми варварскими злодѣйствами. Черезъ какихъ-нибудь два года французы утратили всякую надежду удержать за собою Санъ-Доминго. Генералъ Леклеркъ еще въ 1802 году опасно заболѣлъ и уѣхалъ на Черепашій островъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Заступившій его мѣсто генералъ Рошанбо сдался 1 декабря 1803 года съ 8.000 человѣкъ, остававшихся еще въ живыхъ, англійской эскадрѣ. Послѣ того островъ Санъ-Доминго былъ снова предоставленъ на произволъ судьбы и впалъ опять въ полуварварское состояніе. Грандіозный проектъ французской колоніальной политики, опорными пунктами для которой должны были служить Луизіана и Санъ-Доминго, рушился безповоротно. Самая попытка выполненія этого проекта является, однако, сильнѣйшимъ доказательствомъ довѣрія его автора къ прочности мира. Необходимо замѣтить, однако, что Бонапартъ, каково бы ни было въ данномъ случаѣ его разочарованіе, все-таки освободился отъ неудобнаго для него республиканца-генерала и республиканцевъ-солдатъ. Такой результатъ оказывался, безъ сомнѣнія, ничтожнымъ сравнительно съ блестящими ожиданіями, какія возлагались на Санъ-Домингскую экспедицію, но тѣмъ не менѣе все-таки это было лучше чѣмъ ничего.

Заговоры, контръ-заговоры и пожизненное консульство.

Одновременно съ первыми изъ описанныхъ уже событій произведено было покушеніе на жизнь Бонапарта, которое привело къ еще болѣе важнымъ результатамъ, такъ какъ учинило страшный разгромъ въ республиканскихъ рядахъ. Среди сравнительно малочисленныхъ, уцѣлѣвшихъ до тѣхъ поръ якобинцевъ, террористовъ и анархистовъ организовался заговоръ, чтобы умертвить человѣка, внушавшаго имъ такой искренній страхъ. Агенты министра

полиціи Фуше вывѣдали, однако, всѣ планы заговорщиковъ и слѣдили за ними такъ внимательно, что организація заговора хотя и не рушилась, но тѣмъ не менѣе оказалась совершенно несостоятельною. Многіе, въ томъ числѣ и самъ Бонапартъ, думали впослѣдствіи, что хитрый министръ полиціи велъ двойную игру и умышленно приберегалъ шайку заговорщиковъ, чтобы пустить ее въ дѣло, если это понадобится для ея собственныхъ цѣлей. Одновременно съ этимъ существовалъ другой еще болѣе опасный заговоръ. Роялисты давно уже вели съ Бонапартомъ переговоры, начатые еще въ то время, когда только что занималась заря военной его репутаціи. Теперь, достигнувъ верховной власти, онъ одинъ могъ открыть, или же закрыть по своему благоусмотрѣнію Людовику XVIII дорогу на французскій престолъ. Въ первое время Бонапартъ заигрывалъ съ роялистами. Утверждаютъ даже, будто онъ далъ понять претенденту, что его собственное честолюбіе вполнѣ удовлетворится независимымъ княжествомъ въ Италіи. Возбужденныя такимъ образомъ, надежды повели къ усиленію роялистской партіи, но по мѣрѣ того, какъ она становилась многочисленнѣе, въ рядахъ ея начали обнаруживаться все съ большею силою раздоры и несогласія. Партія эта распалась на нѣсколько фракцій, одна изъ которыхъ, наиболѣе сильная и придерживавшаяся особенно строго принциповъ легитимизма, осталась вѣрной проживавшему тогда въ Варшавѣ претенденту, именовавшемуся королемъ Людовикомъ XVIII. Другая фракція, желавшая возвести на престолъ графа Артуа, интриговала въ Англіи въ его пользу, а третья, признавая обоихъ упомянутыхъ претендентовъ слишкомъ слабохарактерными,

Генри-Бенжаменъ Констанъ де-Ребекъ.
Съ картины Валлье въ Версальскомъ музеѣ.

чтобы управлять Франціей, только что пережившей революціонную бурю, благопріятствовала молодому герцогу Энгіенскому и съ каждымъ днемъ усиливалась въ Парижѣ вслѣдствіе перехода въ ея ряды многочисленныхъ сторонниковъ обѣихъ другихъ фракцій.

Вожди партіи герцога Энгіенскаго неутомимо интриговали въ его пользу. Вандейская группа этой партіи организовала изъ своей среды тайный комитетъ, стараніями котораго, вечеромъ 24 декабря 1800 года, была подброшена адская машина передъ каретою перваго консула, ѣхавшаго по узкой улицѣ Сенъ-Никезъ въ театръ слушать оперу. Кучеръ, своевременно замѣтивъ лежавшій на дорогѣ необычайный предметъ, свернулъ въ сторону и такъ быстро проѣхалъ мимо, что находившіеся въ экипажѣ не пострадали отъ ужаснаго взрыва, происшедшаго въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе. Нѣсколько ни въ чемъ неповинныхъ людей было убито, болѣе 60 человѣкъ ранено и болѣе 40 домовъ разрушено, или, по крайней мѣрѣ, сильно повреждено. Первый консулъ и его супруга продолжали свой путь и, блѣдные отъ волненія, появились въ своей ложѣ. Театръ былъ переполненъ публикой, среди которой не замедлила распространиться вѣсть о случившемся. Затѣмъ консульская чета спокойно удалилась. Покушеніе на жизнь перваго консула произвело во всей Франціи словно электрическое сотрясеніе. Французы отнеслись съ самымъ искреннимъ одобреніемъ ко всѣмъ мѣрамъ, какія только сочло нужнымъ принять послѣ того консульское правительство.

Первый консулъ воспользовался представлявшимися ему благопріятными условіями для усиленія своей власти. Коварство жертвы, счастливо избавившейся отъ гибели, несомнѣнно превзошло даже коварство заговорщиковъ, покушавшихся на ея жизнь. Въ преступномъ дѣяніи обвинили сперва радикаловъ, и сенатъ постановилъ сослать сто тридцать наиболѣе безпокойныхъ изъ нихъ на медленную смерть въ тропическихъ мѣстностяхъ, въ родѣ, напримѣръ, Сейшельскихъ острововъ на Индѣйскомъ океанѣ. Фуше, заподозрѣнный въ тайномъ сочувствіи якобинству, былъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ, временно уволенъ отъ должности и лишь четыре года спустя снова вошелъ въ милость. Черакки, Арена и нѣкоторые изъ наиболѣе бойкихъ на языкъ ихъ товарищей были осуждены на смерть и казнены. Вскорѣ, однако, выяснилось, что истинные виновники покушенія были вандейцы. Казалось, что слѣдовало бы при такихъ обстоятельствахъ вернуть изгнанныхъ радикаловъ изъ ссылки, но Бонапартъ объявилъ это немыслимымъ, такъ какъ отсутствіе столь безпокойныхъ элементовъ являлось будто бы наиболѣе надежной гарантіей сохраненія общественнаго порядка. Всего лишь двое дѣйствительныхъ участниковъ въ покушеніи были схвачены и казнены. Во всякомъ случаѣ наиболѣе непристойными послѣдствіями этого покушенія, извѣстнаго подъ названіемъ Нивозскаго заговора, являются паденіе Моро и убійство герцога Энгіенскаго. Эти важныя событія были непосредственно вызваны обстоятельствами, случившимися лишь позднѣе, но тѣмъ не менѣе сокровенною истинною ихъ причиной надо признать при-

нятое тогда первымъ консуломъ рѣшеніе отвадить своихъ враговъ отъ покушеній на его жизнь, поразивъ ужасомъ ихъ собственныя сердца.

Государственный переворотъ 18 брюмера и принятіе конституціи VIII года повело къ измѣненіямъ въ личномъ составѣ управленія, причемъ наиболѣе талантливые дѣятели республики и директоріи были помѣщены въ трибунатъ и законодательное собраніе. Особенно крупные таланты находились въ трибунатѣ и признавали своимъ вождемъ Бенжамена Констана, пріятеля г-жи Сталь. Являясь до извѣстной степени представителями идеализма и нравственнаго мужества революціонныхъ временъ, они очутились въ ложномъ положеніи, въ которомъ не съумѣли выказать надлежащей мудрости и благоразумія. Между прочимъ, они сдѣлали серьезный тактическій промахъ, упорствуя въ нападкахъ на нѣкоторые сомнительные параграфы введенія къ новому своду гражданскихъ законовъ. Это было сдѣлано ими, чтобы выразить свое недовольство все возроставшимъ самоуправствомъ человѣка, котораго они сами неосторожно выдвинули на первый планъ. Они сопротивлялись не только введенію вновь устарѣвшихъ варварскихъ постановленій (какъ, напримѣръ, конфискованіе имущества лицъ, лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія, а также иностранцевъ, умершихъ во Франціи, не пріобрѣтя себѣ тамъ правъ гражданства), но вмѣстѣ съ тѣмъ и многимъ финансовымъ и юридическимъ законодательнымъ мѣрамъ, несомнѣнно благодѣтельнымъ для Франціи. Нѣкоторыя изъ этихъ благоразумныхъ мѣръ были передъ тѣмъ выработаны при ихъ собственномъ содѣйствіи. Между тѣмъ сторонники республиканскихъ трибуновъ вотировали въ законодательномъ собраніи въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ высказывался трибунатъ. Въ результатѣ получилась совершенно нераціональная оппозиція, тормазившая даже и благія начинанія правительства.

На основаніи конституціи, трибунатъ и законодательное собраніе, подобно сенату въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, являлись по существу непрерывными и должны были ежегодно обновляться выходомъ въ отставку пятой части прежняго ихъ состава. Конституція не указывала, какимъ именно образомъ должны были увольняться прежніе члены и назначаться взамѣнъ ихъ новые. Когда наступилъ срокъ обновленія трибуната и законодательнаго совѣта, первый консулъ рѣшилъ во что-бы то ни стало избавиться отъ безпокойныхъ республиканцевъ. Онъ собирался выгнать ихъ насильственнымъ образомъ, или даже совершенно упразднить трибунатъ. Однажды, говоря объ этомъ учрежденіи, онъ публично заявилъ: „Тамъ засѣдаетъ двѣнадцать или пятнадцать метафизиковъ, годныхъ развѣ на то, чтобы ихъ утопить. Они представляются мнѣ чѣмъ-то въ родѣ мерзкихъ насѣкомыхъ, которыя завелись у меня въ платьѣ, но я не позволю имъ загрызть меня, какъ это было сдѣлано съ Людовикомъ XVI. Нѣтъ, я не потерплю ничего подобнаго“. Тѣмъ не менѣе, по предложенію Камбасереса, рѣшено было прибѣгнуть

къ менѣе насильственному способу. Необходимо замѣтить, что сенатъ былъ составленъ такимъ образомъ, что являлся представителемъ отсутствія опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, которое именно и обусловливало возможность политической карьеры Бонапарта. Сенатъ съ самаго начала отличался крайнею робостью, а потому служилъ первому консулу послушнымъ орудіемъ. Между тѣмъ охрана конституціи, равно какъ истолкованіе неясныхъ ея постановленій, возложены были именно на сенатъ, которому не разъ уже случалось навлекать на себя грозный гнѣвъ своего организатора (между прочимъ, когда имѣлось въ виду избрать Дону въ консулы). На этотъ разъ сенату было предписано пополнить обнаружившійся въ конституціи недосмотръ, составивъ списокъ трибуновъ и законодателей, подлежащихъ увольненію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначивъ имъ преемниковъ. Нечего и говорить, что всѣ наиболѣе пламенные и откровенные республиканцы, въ родѣ Дону, Констана и Шенье, оказались забаллотированными, а на ихъ мѣста назначены были люди, не обладавшіе столь независимыми политическими убѣжденіями. Единственной крупной личностью между новоизбранными оказывался Карно. Въ законодательное собраніе были назначены 15 генераловъ и полковниковъ и 25 чиновниковъ гражданскаго вѣдомства.

Не обладая особенной проницательностью, легко было усмотрѣть, что послушный сенатъ, состоящій опекуномъ надъ конституціей и надѣленный правомъ верховнаго ея истолкованія, обезпечивалъ первому консулу возможность дѣлать все, что заблагоразсудится, прикрываясь маской законности. Сенату предоставлено было право узаконять каждую мѣру, „клонящуюся къ огражденію конституціи“. При такихъ обстоятельствахъ казалось, что настало уже время внести въ консульскую власть наслѣдственный элементъ.

Формальная ратификація предварительныхъ условій Аміенскаго мира дала, наконецъ, удобный предлогъ къ шагу, который давно уже представлялся Бонапарту желательнымъ. Первому консулу до такой степени хотѣлось сдѣлать этотъ шагъ, что онъ былъ положительно не въ силахъ скрыть отъ друзей завѣтное свое желаніе. Ратификація мирнаго договора являлась какъ бы закрытіемъ храма Януса,—заключеніемъ всеобщаго міра,—осуществленіемъ давнишнихъ пламенныхъ стремленій Франціи. Популярность Бонапарта, которому Франція была обязана этимъ миромъ, должна была тогда именно достигнуть своего апогея. Несомнѣнно надлежало продлить полномочія перваго консула, какъ въ благодарность за оказанныя имъ услуги, такъ и для упроченія достигнутаго имъ великаго результата. Насколько именно слѣдовало продолжить консульскую власть, оставалось невыясненнымъ, такъ какъ самъ Бонапартъ не высказывался на этотъ счетъ и ограничивался намеками, что приметъ съ благодарностью всякую награду, какою соблаговолятъ его удостоить высшія государственныя власти. Всѣ попытки вывѣдать истинныя его желанія оказались тщетными. Онъ во что бы ни стало хотѣлъ, чтобы желанная награда была предложена ему со стороны и, если можно такъ выразиться,

навязана насильственнымъ образомъ. Въ данномъ случаѣ друзья Бонапарта оказались недостаточно догадливыми и даже надлежаще вышколенный сенатъ не съумѣлъ въ достаточной степени уяснить себѣ свою обязанность. Предположенная награда оказалась по своимъ размѣрамъ слишкомъ уже скромной. Когда Аміенскій мирный договоръ былъ представленъ трибунату, предсѣдатель его предложилъ выразить первому консулу, генералу Бонапарту, народную признательность какимъ-либо осязательнымъ образомъ.

Въ частныхъ бесѣдахъ шла рѣчь о томъ, чтобы подарить Бонапарту дворецъ въ Сенъ-Клу,—ближайшую къ Парижу бывшую королевскую резиденцію, но безкорыстный генералъ объявилъ, что не приметъ ничего отъ народа за все время, пока будетъ оставаться въ должности. Надо было поэтому придумать что-нибудь другое. Резолюція, предложенная трибунамъ, имѣла по существу неопредѣленный характеръ. Ничто не препятствовало поэтому ее принять. Особая комиссія немедленно же передала ее сенату, „дабы это высшее представительное собраніе точнѣе истолковало чувства всего французскаго народа“, которое трибуны могли только высказать въ общихъ выраженіяхъ.

Съ ловкостью, пріобрѣтенной, благодаря привычкѣ къ повиновенію, сенатъ приступилъ къ обсужденію соотвѣтственнаго декрета. Въ качествѣ доказательствъ народной благодарности предложено было объявить Бонапарта пожизненнымъ консуломъ и сдѣлать эту должность наслѣдственной въ его семьѣ. Большинство сената отклонило, однако, оба эти предложенія, утверждая, будто республиканскія убѣжденія перваго консула не дозволятъ ему принять что-либо подобное. Рѣшено было поэтому ограничиться продленіемъ консульскихъ полномочій на десятилѣтній срокъ. Считая себя одураченнымъ своими же собственными клевретами, глава государства пришелъ въ неописанную ярость и чуть было не скомпрометировалъ себя совершенно безповоротно. Ему удалось, однако, овладѣть собою и выразить явившимся къ нему сенаторамъ глубокую свою благодарность. Въ тотъ же вечеръ, однако, собрался во дворцѣ перваго консула семейный совѣтъ, на который были приглашены также и многія довѣренныя лица. На этомъ совѣтѣ кто-то изъ двухъ—или Люсьенъ, или-же „мудрый Камбасересъ“,—посовѣтовалъ обратиться съ воззваніемъ непосредственно къ самому народу. На слѣдующій день, а именно 19 флореаля, первый консулъ явился въ сенатъ и объяснилъ, что уваженіе къ верховнымъ правамъ народа не дозволяетъ ему согласиться на продленіе консульскихъ полномочій безъ разрѣшенія націи. Онъ предложилъ поэтому назначить плебисцитъ по вопросу: „Надлежитъ-ли Наполеону Бонапарту быть пожизненнымъ консуломъ?“ Сенаторъ Редереръ совѣтовалъ присовокупить: „съ правомъ назначить себѣ преемника“, но генералъ Бонапартъ объявилъ, что это было бы посягательствомъ на державныя права народа и собственноручно вычеркнулъ поправку Редерера.

Прошли три мѣсяца, прежде чѣмъ получились изъ всѣхъ де-

партаментовъ свѣдѣнія о результатахъ всеобщаго голосованія. Тѣмъ временемъ трибуны и сенаторы поспѣшили высказаться въ пользу пожизненнаго консульства вообще и въ примѣненіи къ Наполеону Бонапарту въ частности. Вскорѣ начали приходить отовсюду въ Тюльери поздравленія, являвшіяся хотя и преждевременными, но вполнѣ умѣстными, такъ какъ результатъ плебисцита не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Тогда же именно раболѣпныя трибуны и сенатъ окончательно скрѣпили своимъ одобреніемъ административныя распоряженія, въ силу которыхъ разрѣшалась вновь торговля невольниками. На Санъ-Доминго не были тогда еще достигнуты сколько-нибудь рѣшительные результаты, а потому трудно сообразить теперь, какими именно побужденіями руководились люди, являвшіеся представителями самой просвѣщенной страны на материкѣ Европы, формально одобряя такую международную низость.

Несравненно легче уяснить себѣ популярность изданнаго около того же времени закона объ учрежденіи ордена Почетнаго Легіона. Не подлежитъ сомнѣнію, что стремленіе къ общественному неравенству въ свою пользу, т. е. къ отличію, является могущественнѣйшей изъ силъ, способныхъ подстрекать человѣческую энергію. Страсть къ орденамъ, пряжкамъ, лентамъ и тому подобнымъ особымъ отличіямъ является почти всеобщею. У талантливыхъ людей она удовлетворяетъ сознанію одержанныхъ успѣховъ, а у менѣе счастливо одаренныхъ—льститъ тщеславію. Первый консулъ рѣшилъ обратиться за дальнѣйшею поддержкой именно къ этой общечеловѣческой страсти, которая сама по себѣ не могла быть признана безусловно дурною. До тѣхъ поръ каждое созданное Бонапартомъ сколько-нибудь важное новое учрежденіе могло быть безъ особенныхъ хлопотъ обращено въ прочную опору самодержавнаго правительства. Католическое духовенство и эмигранты являлись естественными союзниками Бонапарта. Конституція оказывалась фактически ниспровергнутой. Неудобные сенаторы, трибуны и законодатели были смѣщены съ должностей, или получили инымъ путемъ надлежащія предостереженія; окрестныя же государства, въ томъ числѣ и одно королевство, находились по отношенію къ Франціи въ положеніи сноповъ, преклонявшихся передъ снопомъ Іосифа.

Учрежденіе ордена Почетнаго Легіона являлось само по себѣ мѣрою, которою могло удобно пользоваться каждое правительство, распоряжавшееся пожалованіемъ этого ордена. Докладывая законопроектъ о Почетномъ Легіонѣ, Редереръ объявилъ, что великіе подвиги французскаго народа дѣлаютъ желательнымъ принять мѣры къ дальнѣйшему развитію и поддержанію въ немъ чувства чести. Одна изъ статей конституціи обезпечивала именемъ французскаго народа награду храбрымъ его арміямъ. Рѣшено было воспользоваться этой фразой, чтобы санкціонировать созданіе корпораціи, которая должна была оказаться посредствующимъ звеномъ между народомъ и главой государства, пріобрѣтавшимъ такимъ образомъ таинственное обаяніе, присущее монарху, который

является источникомъ почестей. Республиканцы не преминули замѣтить въ этомъ предложеніи коварный умыселъ и упорно противились даже въ государственномъ совѣтѣ учрежденію ордена Почетнаго Легіона, но оппозиція ихъ оказалась тщетной. Законъ объ учрежденіи этого ордена утвердили 19 мая 1802 года. Одновременно съ этимъ былъ выработанъ его уставъ и утверждены образцы орденскихъ знаковъ. Каждый членъ ордена Почетнаго Легіона долженъ былъ присягнуть, что будетъ противиться попыткамъ возстановленія феодальнаго строя и, благодаря этому, совѣсть республиканцевъ могла успокоиться. Ученые, художники и литераторы начали скоро появляться въ лентахъ и съ розетками Почетнаго Легіона. Народъ рукоплескалъ, а Бонапартъ имѣлъ полное основаніе убѣдиться въ справедливости своихъ воззрѣній. Еще при обсужденіи законопроекта онъ говорилъ: „Вы называете это дѣтскими игрушками. Пусть такъ, но съ помощью этихъ именно игрушекъ легче всего управлять людьми“. Онъ былъ совершенно правъ. Нигдѣ въ монархической Европѣ не гонятся въ настоящее время за орденами съ такою алчностью, какъ за ленточкой Почетнаго Легіона въ республиканской Франціи.

Результаты всенароднаго голосованія выяснились не ранѣе августа мѣсяца. Изъ трехъ милліоновъ поданныхъ голосовъ всего лишь нѣсколько тысячъ высказались въ отрицательномъ смыслѣ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ также и голосъ Лафайета. Благодарность его къ Бонапарту за освобожденіе изъ австрійской тюрьмы проявлялась до сихъ поръ воздержаніемъ отъ всякой открытой оппозиціи желаніямъ своего освободителя. На самомъ дѣлѣ, однако, Лафайетъ былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ представителей уцѣлѣвшаго еще кое-гдѣ во Франціи просвѣщеннаго либерализма. Въ письмѣ къ первому консулу онъ заявилъ теперь, что деспотическая форма правленія будетъ сама по себѣ плохою наградой за все, что выстрадала Франція. Между тѣмъ власть пожизненнаго консула, такъ, какъ она обставлена, фактически равносильна неограниченному произволу, не представляющему никакихъ гарантій для политической свободы. „Для меня лично не подлежитъ сомнѣнію, писалъ Лафайетъ, что такой человѣкъ, какъ вы, который является самымъ выдающимся въ категоріи людей, къ сожалѣнію, рѣдко появляющихся въ исторіи, могъ бы пожелать, чтобы такая революція,—такія побѣды и кровопролитія,—такія страданія и дивные подвиги привели къ иному результату, чѣмъ установленіе правительственнаго произвола“.

Къ означенному произволу сводились въ дѣйствительности всѣ хваленыя гарантіи, съ помощью которыхъ „свобода и равенство должны были оказаться огражденными отъ капризной случайности и неизвѣстнаго будущаго“. По обнародованіи результатовъ плебисцита сдѣлано было еще нѣсколько легкихъ поправокъ въ правительственномъ механизмѣ, долженствовавшемъ служить послушнымъ орудіемъ въ рукахъ такого искуснаго механика, какимъ несомнѣнно былъ первый консулъ. Списки нотаблей были

упразднены и общиннымъ собраніямъ поручили предлагать кандидатовъ на низшія должности. Избирательныя уѣздныя собранія, сравнительно не особенно многочисленныя, назначали кандидатовъ въ трибуны. Подобныя же департаментскія собранія предлагали кандидатовъ въ законодательныя собранія и сенатъ. Всѣ члены этихъ первичныхъ собраній назначались пожизненно. Кругъ дѣятельности трибуната былъ ограниченъ, и ему предстояло съ тѣхъ поръ засѣдать при закрытыхъ дверяхъ. Государственный совѣтъ лишился прежняго своего преобладающаго значенія, такъ какъ былъ учрежденъ немногочисленный тайный совѣтъ, къ которому перешла большая часть его обязанностей. Полномочія сената были расширены до такой степени, что онъ оказывался почти самодержавнымъ. Ему предоставлено было право пріостанавливать дѣйствія конституціи, истолковывать ея статьи, кассировать рѣшенія судовъ, распускать трибунатъ и законодательное собраніе, но, впрочемъ, лишь въ томъ случаѣ, когда это предлагалось правительственной властью. Означенная власть въ лицѣ перваго консула удерживала за собою лишь три прерогативы: право помилованія, право избранія себѣ преемника и, наконецъ, право назначать по своему усмотрѣнію сорокъ сенаторовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, ловкое хозяйничанье упомянутыми прерогативами дѣлало перваго консула неограниченнымъ владыкою Франціи.

Сравнительно лишь очень немногіе благоразумные пожилые республиканцы сообразили, въ какую ловушку они попали. Одинъ изъ нихъ обнародовалъ брошюру, въ которой предлагалъ провозгласить Бонапарта королемъ, если онъ согласится вернуть французамъ настоящее конституціонное правительство. Не трудно было отвергнуть съ презрительнымъ негодованіемъ такую ѣдкую насмѣшку надъ „свободною“ Франціей. Дѣйствительно, французскій народъ въ массѣ чувствовалъ себя совершенно довольнымъ. Революція достигла, наконецъ, своего апогея путемъ воплощенія ея идеаловъ въ лицѣ побѣдоноснаго воина, достаточно могущественнаго, чтобы осуществить ихъ внутри государства и защитить отъ внѣшнихъ враговъ. Границы Франціи расширились. Всюду въ ней водворился порядокъ. Съ внѣшними врагами заключенъ былъ почетный миръ. Владычество (empire) либеральныхъ идей установилось всюду во французскомъ государствѣ (empire), гдѣ существованіе благодѣтельныхъ учрежденій, проникнутыхъ либеральнымъ духомъ, было обезпечено умѣлымъ контролемъ могучей руки, долженствовавшей обратить въ національную привычку смѣлые эксперименты по части государственнаго управленія.

За пожизненнымъ консуломъ стояла очищенная отъ опасныхъ элементовъ и объединенная армія, пополнявшая свои ряды, благодаря системѣ конскрипціи, съ автоматическою правильностью, которая сама по себѣ уже обезпечивала ей высокую степень боевой пригодности. Дитя революціи—французская армія являлась національнымъ учрежденіемъ. Французскій народъ, доставлявшій матеріалъ для этой арміи, и даже сами вооруженные граждане

не понимали, что вліяніе Бонапарта, въ связи съ установленными директоріей и консульствомъ законами о конскрипціи, мало-помалу, но радикально измѣнили ея духъ и характеръ. Отцы, посылая своихъ сыновей подъ знамена, уже не приносили ихъ въ жертву принципу. Провожая новобранцевъ, семьи уже не испытывала подъема духа, вызваннаго сознаніемъ патріотическаго подвига. Все это вошло въ привычку и приняло характеръ обыденнаго явленія. Новобранцы шли на войну ради воинской славы и увы! зачастую также ради добычи. Со времени первой итальянской кампаніи подъ начальствомъ полководца, ставшаго теперь пожизненнымъ главой государства, этотъ послѣдній побудительный поводъ имѣлся всегда на лицо и зачастую признавался совершенно открыто. Вождь, геніальность котораго служила порукой въ томъ, что подъ его начальствомъ можно будетъ удовлетворить столь свойственному французамъ стремленію отличиться, могъ съ увѣренностью разсчитывать на преданность своихъ солдатъ, тѣмъ болѣе, что въ тоже самое время подавалъ имъ надежду наполнить свои карманы деньгами побѣжденныхъ.

Бонапартъ на порогѣ монархіи.

Наполеону Бонапарту исполнилось теперь тридцать четыре года. Въ предшествовавшей своей карьерѣ онъ не былъ маріонеткой, которою двигала судьба по собственному усмотрѣнію, но въ то же время его нельзя было назвать и сознательнымъ творцомъ своей участи. Въ немъ соединялось и то и другое. Когда онъ пытался выступить въ Корсикѣ на сцену политической дѣятельности, его способности и характеръ не успѣли еще вполнѣ выработаться и къ тому же, вслѣдствіе независящихъ отъ него обстоятельствъ, ему не суждено было имѣть успѣха. Во время революціи Бонапартъ хватался за каждую соломенку, способную хотя бы временно обезпечить ему личную безопасность и безбѣдное существованіе. До самой своей женитьбы онъ былъ солдатомъ-авантюристомъ, которому счастье не особенно благопріятствовало. Какъ профессіональное искусство, такъ и замѣчательная изворотливость въ политическихъ интригахъ не обезпечивали ему до тѣхъ поръ возможности заручиться щедротами Фортуны. Онъ обходился поэтому безъ нихъ: бѣдствовалъ, скитался съ мѣста на мѣсто, мечталъ, философствовалъ, наблюдалъ и запасался опытомъ, благодаря которому оказался зрѣлымъ общественнымъ дѣятелемъ въ такомъ возрастѣ, когда большинство его сверстниковъ остаются еще недоразвитыми юнцами. Когда Фортуна начала улыбаться Бонапарту и когда на его долю стали выпадать благопріятные случаи, въ его характерѣ не произошло повидимому, ни малѣйшаго измѣненія. Отличительными его чертами являются по прежнему смѣлая предпріимчивость, не стѣсняющаяся въ выборѣ средствъ при осуществленіи своихъ цѣлей,— энергическая рѣшимость пользоваться благопріятнымъ моментомъ и замѣчательное умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами. Ре-

зультаты оказываются только иными; вмѣсто мякины получается пшеничное зерно и каждый шагъ ознаменовывается успѣхомъ.

Успѣхи эти слѣдуютъ одинъ за другимъ, причемъ каждый послѣдующій какъ бы вытекаетъ изъ предшествовавшаго. Во всей этой непрерывной цѣпи нельзя, однако, усмотрѣть единаго, глубокомысленнаго, заранѣе обдуманнаго плана. Разумѣется, Бонапарту и впослѣдствіи случалось мечтать, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ это въ ранней молодости, когда въ Миллелійскомъ своемъ гротѣ уносился на крыльяхъ смѣлой фантазіи. Вся разница въ томъ, что теперь планы и проекты Бонапарта не оставались уже безплодными мечтами, заранѣе осужденными на гибель, но развивались при условіяхъ, благопріятствовавшихъ ихъ осуществленію. Связь, устанавливавшаяся между ними уже въ силу непрерывной послѣдовательности, позволила многимъ историкамъ утверждать, что у Наполеона Бонапарта существовалъ грандіозный проектъ, съ одной стороны мѣтившій на полученіе императорской короны, а съ другой—восходившій къ временамъ чуть-ли не отрочества. Понятное дѣло, что отрокъ долженъ былъ бы обладать демоническимъ могуществомъ, дабы преопредѣлить заранѣе всѣ мелочныя подробности своего образа дѣйствій въ зрѣломъ возрастѣ. Разумѣется, что такая гипотеза не подтверждается никакими фактическими доказательствами. Все дѣло сводится къ тому, что великій умъ, изощрившійся въ горнилѣ опыта, пользовался представлявшимися ему крупными благопріятными случаями и такимъ образомъ все болѣе расширялъ сферу своей дѣятельности. Подобно всѣмъ истинно геніальнымъ людямъ, Бонапартъ принадлежалъ не къ какому-либо данному вѣку, но ко всѣмъ вообще временамъ и поколѣніямъ. Стихійная его натура пользовалась временемъ, мѣстомъ и условіями обстановки, какъ средствами къ достиженію цѣли, точно также, какъ сдѣлала бы это и тогда, когда бы ему пришлось жить въ другомъ столѣтіи и въ иной средѣ. Во всякомъ случаѣ, достигнувъ по желанію Франціи и при ея соучастничествѣ верховной власти, онъ, независимо отъ того, чѣмъ былъ раньше и чѣмъ сталъ впослѣдствіи, являлся олицетвореніемъ Франціи. При такихъ обстоятельствахъ будущее Наполеона Бонапарта, подобно его прошедшему, оказывается результатомъ взаимодѣйствія двухъ личностей: его собственной,—частной—и національной французской.

И въ прежнія времена и теперь мечтатели, довольствующіеся неопредѣленными красивыми фразами, распространялись на счетъ того, что Бонапартъ, увѣнчавшись лаврами побѣдоноснаго завоевателя, могъ бы посвятить себя всецѣло облагодѣтельствованію человѣчества, управляя съ помощью популярныхъ законовъ великою націей, такъ, чтобы она непрерывно шествовала по стезѣ прогресса, озаренной сіяніемъ новой могучей цивилизаціи. На самомъ дѣлѣ идеальной великой націи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, вовсе не существовало. Именно вслѣдствіе того, что деспотизмъ монархіи и сумасбродное бѣшенство революціи доказали отсутствіе у французскаго народа всяческаго самообладанія; именно

потому, что французы въ массѣ жаждали не добродѣтели, а наслажденія,—стремились не къ самоотреченію, а къ удовольствіямъ,—восторгались не строгостью нравственныхъ принциповъ, а славой,—Бонапартъ оказывался для нихъ какъ разъ наиболѣе подходящимъ человѣкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ нѣкоторое основаніе отвѣтить на просьбу о возвращеніи печатному слову свободы: „Въ слѣдующее же затѣмъ мгновенье у насъ явилось бы тридцать роялистскихъ и столько же якобинскихъ органовъ печати и мнѣ пришлось бы всегда управлять, опираясь лишь на меньшинство“. Многіе серьезные, свободолюбивые современные французскіе государственные дѣятели, имѣли основаніе припоминать себѣ съ сокрушеннымъ сердцемъ это наполеоновское изрѣченіе. Извѣстно, до какой степени непрочнымъ оказывается теперь во Франціи положеніе министерства. Сплошь и рядомъ случается, что дюжина разношерстныхъ политическихъ фракцій въ палатѣ депутатовъ, обладающихъ каждая своими собственными газетами, вступаютъ въ союзъ другъ съ другомъ единственно лишь съ цѣлью низвергнуть министерство. Зачастую оказывается при этомъ, что бразды правленія попадаютъ въ руки меньшинства, неспособнаго ими управлять такъ, что государственныя дѣла идутъ лишь, если можно такъ выразиться, по инерціи. Сравнительная безвредность такихъ продѣлокъ обусловливается тѣмъ, что централизація административнаго механизма французскихъ префектуръ осталась до сихъ поръ почти такою же совершенной, какъ въ то время, когда она была создана Бонапартомъ въ интересамъ самодержавной своей власти. Каждое министерство имѣетъ въ своихъ рукахъ этотъ механизмъ, дѣйствующій съ автоматическою точностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ располагаетъ пожалованіемъ орденами Почетнаго Легіона и раздачею доходныхъ мѣстъ. Поэтому, захвативъ хотя бы даже на короткое время

Жена Люсьена Бонапарта.
(Съ картины Гро въ Луврѣ).

въ свои руки кормило правленія, оно можетъ оказать большія услуги своимъ благопріятелямъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что первый консулъ зналъ какъ нельзя лучше, что онъ дѣлалъ и куда стремился. Заговоры и покушенія на его жизнь серьезно повліяли на его нервы. Онъ все болѣе удалялся отъ общества и замыкался въ тѣсный кружокъ немногихъ приближенныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вводилъ у себя все болѣе строгій этикетъ. Супруга его, Жозефина, продолжала разыгрывать роль представительницы старинной аристократіи. Вокругъ нея въ Тюльерійскомъ дворцѣ собиралось все большее число старинныхъ дворянъ, надѣявшихся, что возвышеніе Бонапарта послужитъ переходною ступенью къ возстановленію Бурбоновъ и возвращенію прежнихъ привиллегій. Эти изящные аристократы и аристократки смѣялись изподтишка надъ всѣмъ, что имъ доводилось видѣть и слышать. Внѣшнія грандіозныя формы монархіи были въ сущности уже возстановлены, но и самъ глава государства и недавніе республиканцы, съумѣвшіе заручиться выгоднымъ положеніемъ при Дворѣ, не обладали свойствами и качествами, нравами, обычаями и воззрѣніями людей, для которыхъ были выработаны соціальныя учрежденія прежней королевской власти. Возвратившіеся эмигранты находили очень забавнымъ, что такой великій человѣкъ, какъ Наполеонъ, любилъ уединеніе и могъ развлекаться разсказами про привидѣнія,—завываніемъ вѣтра, —рѣзкими выходками грубаго остроумія, или же фамильярными бесѣдами съ простонародіемъ. Находили до крайности смѣшнымъ и нелѣпымъ, что его пороки тѣ же, какъ у простыхъ смертныхъ и вмѣсто грандіозной аристократичности выбора, отличаются невзыскательнѣйшей заурядностью. Ловкимъ придворнымъ прежняго режима трудно было удержаться отъ хохота при видѣ того, какъ новички спотыкались и падали на гладко вылощенныхъ полахъ. Старинныя аристократки, какъ, напримѣръ, г-жа де-Ремюза, согласившіяся состоять при консульскомъ дворѣ статсъ-дамами, подвергались неоднократно такому обращенію и оказывались въ такихъ положеніяхъ, которыя были совершенно непредусмотрѣны въ ихъ придворномъ воспитаніи. Все это, разумѣется, было очень забавно.

При всемъ томъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ было далеко не весело. Самъ Бонапартъ казался подавленнымъ собственными своими успѣхами. Побѣждая многоразличныя трудности, сперва непредвидѣнныя его честолюбіемъ, но съ которыми тѣмъ не менѣе приходилось считаться, онъ даже какъ будто оробѣлъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на самомъ дѣлѣ робость была совсѣмъ не свойственна Бонапарту. Ему вовсе не нравилось выѣзжать подъ конвоемъ гвардейской конницы, или же прогуливаться по тѣнистымъ аллеямъ, гдѣ, какъ на Мальмезонской его дачѣ, чуть не за каждымъ деревомъ стоялъ часовой. При всемъ нежеланіи, однако, онъ долженъ былъ подчиниться необходимости и жилъ словно въ клѣткѣ, окруженный чрезвычайно ловко устроенной системой шпіонства. Друзей у него становилось все меньше. Дѣло въ томъ, что первый

консулъ руководствовался циничнымъ афоризмомъ Макіавеля о необходимости держать себя съ друзьями такъ, какъ если бы они съ теченіемъ времени могли обратиться въ враговъ. Необходимо замѣтить, что Наполеону Бонапарту чуждо было понятіе о долгѣ, не только въ практическомъ примѣненіи, но даже и въ теоріи. Искренность, честность и великодушіе принадлежали, по его мнѣнію, къ области Утопіи и казались ему мечтательными вымыслами, не встрѣчающимися въ дѣйствительной жизни. Привлекательныя картины идеальной добродѣтели представлялись Наполеону Бонапарту чѣмъ-то въ родѣ миража въ пустынѣ, т. е. безсодержательными иллюзіями, выдѣлявшими еще рѣзче черствость эгоизма всей окружавшей ихъ реальной среды. Бонапартъ утверждалъ, что алчность, страсти и тщеславіе являются главными пружинами, съ помощью которыхъ предстоитъ управлять государствомъ. Благоразуміе и правосудіе правителей являлись въ его глазахъ лишь необходимымъ обезпеченіемъ для комфорта и матеріальнаго благосостоянія, равно какъ для упроченія тѣхъ суевѣрій, которыя, подъ именемъ вѣроисповѣданія, создаютъ нравственную соціальную силу, потребную для поддержанія общественнаго порядка.

Голландская королева Евгенія-Гортензія и ея сынъ. (Съ картины Жерара въ Версальскомъ музеѣ).

Кружокъ непосредственныхъ приближенныхъ Бонапарта былъ не прочь повеселиться, но зачастую въ немъ возгарались ссоры, обусловленныя взаимною завистью и соперничествомъ. Жозефина во второмъ бракѣ оставалась безплодною, вслѣдствіе чего возникалъ вопросъ, кого именно назначитъ Наполеонъ своимъ наслѣдникомъ: ея-ли дѣтей отъ перваго брака или же собственныхъ своихъ родственниковъ. Вопросъ этотъ хотя и представлялся до нѣкоторой степени преждевременнымъ, но это не помѣшало ему пріобрѣсти довольно острый характеръ. Каждая изъ соперничествующихъ сторонъ старалась создать себѣ партію, и браки по разсчету высту-

пили на первый планъ. Жозефъ Бонапартъ болѣе всѣхъ остальныхъ братьевъ Наполеона содѣйствовалъ искусной своей дипломатіей, обнаруживавшейся не только въ переговорахъ съ иностранными державами, но и въ сферѣ общественныхъ отношеній, сохраненію связи между новымъ порядкомъ вещей и республиканской идеей. Онъ лично питалъ величайшее уваженіе къ генію своего брата и подчинялся ему во всемъ. Красавица-жена Жозефа служила тоже вліятельною опорой бонапартизма. Энергическій и талантливый Люсьенъ Бонапартъ сдѣлался тоже вліятельнымъ человѣкомъ, но, разбогатѣвъ въ бытность свою французскимъ посланникомъ въ Мадритѣ, онъ снова началъ обнаруживать прежнія демократическія свои стремленія къ независимости. Такъ онъ наотрѣзъ отказался жениться на вдовствующей этрурійской королевѣ, а взамѣнъ того вступилъ въ бракъ съ понравившейся ему хорошенькою простою смертной. За этотъ дерзновенный шагъ ему пришлось поплатиться изгнаніемъ. Жозефинѣ удалось выдать замужъ свою дочь Гортензію за Луи Бонапарта, третьяго брата Наполеона. Впослѣдствіи, сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ имѣлъ одно время въ виду объявить сына, родившагося отъ этого брака, наслѣднымъ принцемъ, но, въ первое время, безпрерывныя ссоры между Гортензіей и Луи служили только къ обостренію распри между бонапартистами и богарнистами. При Тюльерійскомъ дворѣ позволяли себѣ не разъ говорить довольно громкимъ шепотомъ, что единственнымъ выходомъ изъ затрудненій, вызывавшихся вопросомъ о наслѣдствѣ, оказывается разводъ между первымъ консуломъ и безплодною его супругой, но тѣмъ не менѣе вопросъ о разводѣ не подвергался еще пока серьезному обсужденію. Гражданскій бракъ консульской четы не былъ освященъ религіознымъ обрядомъ и многіе съ тѣхъ поръ намекали на то, что, обнаруженное Бонапартомъ при обсужденіи свода законовъ стремленіе по возможности облегчить разводъ, вызвано было именно недовольствомъ собственною женою. Жеромъ Бонапартъ находился въ экспедиціонномъ корпусѣ, дѣйствовавшемъ въ Вестъ-Индіи. Прорвавшись сквозь блокаду, устроенную англичанами, онъ прибылъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, влюбился тамъ въ балтиморскую красавицу Елизавету Патерсонъ и женился на ней въ декабрѣ 1803 года. Наполеонъ былъ до такой степени раздраженъ этимъ бракомъ, что отказался признать какъ самый бракъ, такъ и родившагося отъ него ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ своей невѣсткѣ въѣздъ во Францію. Нѣсколько лѣтъ спустя Жеромъ-Наполеонъ покинулъ свою семью и вернулся съ повинною къ вѣнценосному своему брату.

Весь женскій элементъ въ семьѣ Бонапарта отличался большими способностями къ интригамъ. Одна только Лютеція Бонапартъ, носившая титулъ madame Mère, жила спокойно въ собственномъ своемъ домѣ, гдѣ, къ величайшему негодованію Наполеона, продолжала говорить на корсиканскомъ нарѣчіи и копить деньги. Утверждали, будто она всегда считала высокое положеніе своего сына непрочнымъ. Элиза Бонапартъ, въ замужествѣ г-жа Баччіоки,

была очень не глупою свѣтскою дамой и съ помощью Люсьена собрала вокругъ себя маленькій литературный кружокъ, самымъ яркимъ свѣтиломъ въ которомъ былъ Шатобріанъ. Полина, вернувшись съ острова Санъ-Доминго, вышла замужъ за князя Боргезе и сильно себя скомпрометировала частыми измѣнами мужу. Супруга Мюрата, Каролина Бонапартъ, значительно превосходившая умомъ своего мужа, сильно страдала вслѣдствіе сознанія что онъ гораздо ниже ея въ умственномъ отношеніи, но въ то же время искусно пользовалась своимъ положеніемъ въ интересахъ семьи. Изъ всѣхъ родственниковъ перваго консула никто не оказался, однако, до такой степени ему полезнымъ, какъ Фешъ, котораго безъ труда уговорили вступить снова въ духовное званіе. Вскорѣ по заключеніи конкордата Фешъ былъ уже кардиналомъ и ліонскимъ архіепископомъ. Республиканскій календарь номинально еще оставался въ силѣ, но послѣ примиренія церкви и государства празднованіе десятаго дня (декады), введенное при республикѣ, вышло изъ употребленія, такъ какъ церковь вернулась къ празднованію воскреснаго дня. Въ числѣ наиболѣе усердныхъ посѣтителей обѣдни былъ также и первый консулъ. Близкое родство Бонапарта съ кардиналомъ - архіепископомъ, очевидно, могло только еще болѣе упрочить узы сочувствія, которыя питало къ его правительству набожное большинство французскаго населенія.

Князь Камиллъ Боргезе, второй мужъ Полины Бонапартъ.

(Съ картины Жерара въ Версальскомъ музеѣ).

Во Франціи, внѣ Тюльерійскаго дворца, установилось временно нѣчто въ родѣ затишья. Объ якобинствѣ и вообще революціонной закваскѣ не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ возвращены были улицамъ и площадямъ прежнія ихъ наименованія. Подобнымъ же образомъ рѣшительно всѣ вернулись къ костюмамъ прежняго режима, за исключеніемъ обѣднѣвшихъ аристократовъ, которые какъ бы въ

качествѣ протеста продолжали носить панталоны санкюлоттовъ. Впрочемъ, и этимъ аристократамъ удалось вернуть себѣ кое-что изъ прежнихъ своихъ богатствъ. Съ другой стороны, люди, нажившіе себѣ состоянія во время революціи, видѣли въ консульскомъ самодержавіи Бонапарта, прикрывавшемся маскою республиканскихъ принциповъ, ручательство въ томъ, что отъ нихъ не потребуютъ возвращенія награбленнаго имущества прежнимъ владѣльцамъ. И тѣ и другіе были довольны имущественной своей безопасностью. Такимъ образомъ первому консулу удалось, какъ говорится, однимъ камнемъ убить двухъ воробьевъ. Установленная имъ форма правленія угодила заразъ и республиканцамъ, и сторонникамъ монархіи. Первые находили въ ней внѣшніе признаки демократическаго правительства, вторые же понимали, что ея сущность тождественна съ королевскимъ самодержавіемъ и надѣялись, что въ концѣ концовъ консульство приведетъ къ возстановленію во Франціи прежней монархіи и, такимъ образомъ, выполнитъ завѣтное ихъ желаніе. Всюду во Франціи возродилось довѣріе къ прочности существующаго порядка вещей. Общественная жизнь приняла несравненно болѣе приличный и скромный характеръ, смѣнившій собою безобразныя оргіи временъ директоріи. Религія, наука, промышленность и торговля во Франціи какъ будто вошли въ обычную свою колею. Обнаружилось даже возрожденіе искусства и литературы, словно почувствовавшихъ подъ собою прочный фундаментъ органической жизни. Г-жа Сталь усердно хлопотала о томъ, чтобы заручиться извѣстностью и обратить на себя вниманіе сильныхъ міра сего, но Бонапартъ былъ не въ состояніи простить той проницательности, съ которою она и ея пріятели осмѣлились разгадать его характеръ, а потому нашелъ парижскій воздухъ вреднымъ для ея здоровья. Шатобріанъ былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей тогдашняго старинаго французскаго дворянства. Онъ обладалъ блестящими литературными способностями и мощнымъ воображеніемъ, но первые шаги его на литературномъ поприщѣ были не особенно успѣшными. Въ 1797 г. онъ издалъ, однако, надѣлавшій большаго шума „Опытъ о революціяхъ“, гдѣ, пытаясь играть роль миротворца въ борьбѣ противуположныхъ воззрѣній, выступилъ посредникомъ между монархіей и республикой. Сочиненіе это проникнуто духомъ атеизма и философіи Руссо. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этого произведенія авторъ его радикально измѣнилъ свои убѣжденія и, почти немедленно же, принялся писать сочиненіе совершенно противоположнаго характера. „Геній христіанства“, отличавшееся не только литературными достоинствами, но также и благочестіемъ. Оно въ сущности и послужило основой литературной извѣстности Шатобріана. Въ 1801 году Шатобріанъ написалъ, въ промежуткѣ между болѣе серьезными занятіями, прелестный романъ: „Атала или любовь двухъ дикарей“, разсѣявшій всѣ сомнѣнія насчетъ поэтическихъ его дарованій. Въ 1802 году закончена и напечатана его апологія христіанства. Бонапартъ не былъ до тѣхъ поръ лично знакомъ съ Шатобріаномъ, но „Геній христіанства“ до та-

кой степени сообразовался съ политическими видами перваго консула, что при его появленіи многіе предположили со стороны автора предвзятое намѣреніе выступить защитникомъ конкордата. Книга написана очень краснорѣчиво, но, хотя изобилуетъ поэтическими красотами, представляется довольно сухою по внутреннему своему содержанію. Успѣхъ ея оказался поэтому скоропреходящимъ, но, пока онъ длился, вліяніе ея являлось по истинѣ громаднымъ. Шатобріана признавали тогда чуть не полубогомъ а его литературный кружокъ сдѣлался политически-религіознымъ центромъ первостепенной важности. Правительство перваго консула, въ награду за оказанное ему содѣйствіе, назначило Шатобріана дипломатическимъ своимъ агентомъ: сперва въ Римѣ, а потомъ при Вальтелинской республикѣ.

Наполеонъ въ роли конституціоннаго деспота.

Распространеніе революціонной системы.—Натянутыя отношенія между Англіей и Франціей.—Расторженіе Аміенскаго мира.—Паденіе Моро.—Умерщвленіе герцога Энгіенскаго.

Распространеніе революціонной системы.

Первый консулъ имѣлъ полное основаніе полагать, что конституція VIII года доказала фактически свою пригодность не только въ глазахъ самой Франціи, но и всего остальнаго цивилизованнаго міра. Съ помощью ея не только удалось обуздать сумасбродства революціонныхъ насилій, но даже и самое якобинство было совершенно искоренено. При этомъ, политическая свобода во Франціи какъ будто не пострадала, гражданская же свобода была ограждена опредѣленнѣе и внушительнѣе, чѣмъ когда-либо. Франція стояла на высотѣ своей славы и величія, а первый консулъ воспользовался блескомъ достигнутыхъ ею успѣховъ, дабы заключить давно желанный почетный миръ. При такихъ обстоятельствахъ оставалось только обезпечить прочность столь благодѣтельнаго порядка вещей. Необходимо замѣтить, что существовало большое разногласіе относительно возможности достигнуть такого обезпеченія. Европейскіе дипломаты относились съ недовѣріемъ къ Аміенскому трактату. Имъ было извѣстно, что какъ Франція, такъ и Англія обнаруживали во время переговоровъ слишкомъ уже значительную степень осторожности, проходя молчаніемъ многіе весьма щекотливые вопросы. Уже вслѣдствіе одного этого возникала возможность истолкованія нѣкоторыхъ статей трактата обѣими сторонами въ неодинаковомъ смыслѣ. Такимъ образомъ могли возникнуть серьезныя недоразумѣнія, сами по себѣ уже способныя привести къ разрыву. Тѣмъ не менѣе Бонапартъ, сознавая всю натянутость отношеній, долженствовавшихъ при тогдашнихъ воззрѣніяхъ установиться между монархіями и республиками, думалъ, что, не смотря на воинственное

настроеніе династій, общественное мнѣніе окажется достаточно могущественнымъ, дабы воспрепятствовать нарушенію мира. Онъ придавалъ особенную важность возвращенію острова Мальты прежнимъ его владѣльцамъ, рыцарямъ Іоаннитскаго ордена, въ каковомъ случаѣ этотъ островъ оказался бы снова въ сферѣ французскаго вліянія. Для властелина Франціи Аміенскій трактатъ имѣлъ главнымъ образомъ смыслъ изъявленія Англіей готовности отказаться отъ безраздѣльнаго своего владычества на Средиземномъ морѣ. Кажется, онъ даже и не подумалъ о томъ, что другіе могутъ признать соотвѣтственное ослабленіе французскаго вліянія на материкѣ Европы, по меньшей мѣрѣ, столь же существеннымъ условіемъ упомянутаго договора.

Дѣйствительно, въ Аміенскомъ трактатѣ содержались также и на этотъ предметъ довольно категорическія постановленія. Англія не намѣрена была воевать совершенно задаромъ на материкѣ Европы и во всѣхъ почти другихъ частяхъ свѣта. Она оставила за собой острова Тринидадъ и Цейлонъ, являвшіеся блестящими добавленіями къ ея колоніальнымъ владѣніямъ, и удержала за собою право пользоваться морскими портами на мысѣ Доброй Надежды. Испаніи и Батавской республикѣ возвращались всѣ ихъ колоніи, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ острововъ. Оранскій Домъ долженъ былъ получить вознагражденіе за утрату прежняго своего владычества въ Голландіи. Въ восточномъ вопросѣ національное тщеславіе Англіи нисколько не пострадало, хотя Турція оставалась въ тѣхъ же границахъ, въ какихъ была передъ войною. Верховная власть султана была снова признана надъ Іоническими островами и Египтомъ. Великобританія обязалась очистить Египетъ и островъ Мальту, что было равносильно отреченію отъ господства надъ Средиземнымъ моремъ. Франція съ своей стороны должна была очистить Римъ, Неаполь и островъ Эльбу. Таковы были наиболѣе существенныя статьи документа, подписаннаго 27 марта 1802 года Жозефомъ Бонапартомъ, Корнуэльсомъ, Азарой и Шиммельпеннинкомъ за Францію, Великобританію, Испанію и Батавскую республику. Въ трактатѣ этомъ не было упомянуто ни о Піемонтѣ, ни о Гельветской республикѣ, ни о территоріальныхъ измѣненіяхъ въ Германіи, долженствовавшихъ состояться по условіямъ Люневильскаго мира, такъ какъ, на основаніи подписаннаго 8 октября 1801 года договора между Россіей и Франціей, разграниченіе это въ значительной степени зависѣло отъ соглашенія между обѣими означенными державами. Императоръ Александръ I, вступивъ въ мартѣ 1801 года на престолъ, отказался отъ внѣшней политики императрицы Екатерины II и Павла I. Отрекшись отъ вооруженнаго нейтралитета, отстаивавшаго принципъ, что нейтральный флагъ дѣлаетъ нейтральнымъ и самый грузъ, онъ по внѣшности сохранялъ дружескія отношенія съ Бонапартомъ. Тѣмъ не менѣе въ инструкціяхъ своему послу въ Парижѣ Маркову русскій государь объявилъ, что первый консулъ льстилъ покойному императору единственно лишь съ цѣлью воспользоваться имъ какъ орудіемъ противъ Англіи. Бонапартъ, въ свою очередь, согласился бы пре-

доставить право контроля въ Италіи императору Павлу I, изъявлявшему готовность сражаться за „свободу на моряхъ“ и нанести ударъ британскому владычеству въ Индіи, но принимая во вниманіе, что императоръ Александръ сторонился отъ союза съ Франціей, первый консулъ естественно не былъ расположенъ уступить Россіи въ вопросахъ политическаго вліянія въ Европѣ ни единой іоты болѣе того, что оказывалось безусловно необходимымъ для сохраненія мира.

Успѣхъ аміенскихъ переговоровъ въ значительной степени обусловливался личными качествами лорда Корнуэльса и Жозефа Бонапарта. Этотъ послѣдній былъ хорошимъ дипломатомъ и человѣкомъ уступчивымъ, о первомъ же самъ Наполеонъ говорилъ лорду Эбрингтону, навѣстившему его въ 1814 году на островѣ Эльбѣ: „Лордъ Корнуэльсъ по своей высокой честности и благодушію являлся истиннымъ украшеніемъ своей родины“. Едва только былъ подписанъ Аміенскій договоръ, какъ вожди оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ начали уже утверждать, что онъ предоставляетъ Франціи господство надъ материкомъ Европы. Аддингтонъ энергически отрицалъ справедливость этого заявленія. Напомнивъ парламенту убѣжденія Аддисона, что островное положеніе Великобританіи ниспослано ей Свыше именно для того, чтобы она была рѣшительницею судебъ материковой Европы, онъ объяснилъ, что и самъ придерживается этого воззрѣнія. Подстрекаемый выходками оппозиціи, онъ началъ мирный періодъ англійской политики болѣе чѣмъ когда-либо энергическимъ вмѣшательствомъ въ дѣла на материкѣ Европы, тогда какъ въ инструкціяхъ, данныхъ лордомъ Корнуэльсу, усматривалась рѣшимость отказаться, по крайней мѣрѣ, временно, отъ такого вмѣшательства. Англійскіе дипломатическіе агенты въ Батавской, Гельветской, Цизальпинской и Лигурійской республикахъ дѣятельнѣе чѣмъ когда-либо подкапывались подъ французское вліяніе, оказывая всяческое содѣйствіе и поддержку людямъ, желавшимъ ниспровергнуть все, что было сдѣлано тамъ Бонапартомъ. Недовольныхъ оказывалось, впрочемъ, сравнительно мало. Страны эти такъ долго служили яблокомъ раздора между европейскими династіями, что даже революціонная эпоха не могла вдохнуть въ ихъ населеніе особой энергіи. Оно жаждало болѣе всего спокойствія.

Англійская дипломатія нашла себѣ гораздо болѣе благодарную почву въ Германіи. Въ этой странѣ, раздѣленной на множество мелкихъ владѣній, положеніе хотя и казалось на первый взглядъ сходнымъ съ тѣмъ, въ которомъ находились голландцы, итальянцы и швейцарцы, но въ самомъ дѣлѣ сходство это было только внѣшнимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Франція объявила естественной своей границей Рейнъ, простѣйшимъ отвѣтомъ на вопросъ о вознагражденіи свѣтскихъ германскихъ государей за отходившія отъ нихъ земли на лѣвомъ берегу этой рѣки очевидно, являлся возвратъ къ политикѣ, рекомендованной кардиналомъ Ришелье въ концѣ Тридцатилѣтней войны, а именно—секуляризація духовныхъ владѣній и присоединеніе ихъ къ свѣтскимъ

государствамъ. На Раштаттскомъ конгрессѣ, закончившемся объявленіемъ войны и ознаменовавшемся убійствомъ французскихъ уполномоченныхъ, Австрія вынуждена была противъ воли признать эту комбинацію главнѣйшимъ руководящимъ принципомъ, хотя и понимала, что этимъ будетъ нанесенъ тяжкій ударъ ея преобладанію въ Священной римской имперіи. Дѣйствительно, это преобладаніе основывалось единственно лишь на поддержкѣ духовныхъ князей, которые, не будучи связаны династическими интересами, естественно примыкали къ католической державѣ—Австріи, а не къ ея протестантской соперницѣ—Пруссіи. До послѣдняго времени католическія государства въ Германіи отстаивали, вообще говоря, консервативные принципы. Для англійской дипломатіи открывалось тамъ обширное поприще дѣятельности. Она могла выказать во всемъ блескѣ свою ловкость и находчивость, подстрекая другъ противъ друга разныя религіозныя и политическія партіи, равно какъ и соперничествующіе династическіе интересы.

По заключеніи конкордата положеніе Бонапарта относительно католической церкви настолько измѣнилось, что всѣ либеральные католики въ Германіи и значительная часть католиковъ-консерваторовъ могли считать выборъ для себя между Австріей и Франціей почти безразличнымъ. При такихъ обстоятельствахъ Бонапартъ имѣлъ возможность проводить въ Германіи ту самую политику, которая оказалась такою успѣшной въ Италіи,—политику, снискавшую во Франціи одобреніе какъ роялистовъ, такъ и республиканцевъ, и сводившуюся къ совершенно безцеремонному, полному переустройству. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что, въ качествѣ покровителя церкви, онъ могъ идти въ этомъ благодѣтельномъ процессѣ преобразованія лишь до того предѣла, до котораго встрѣчалъ себѣ достаточную поддержку въ общественномъ мнѣніи. Задаваясь такими видами и придерживаясь давнишняго принципа французской политики, признававшаго умѣстнымъ отдѣлить обѣ великія германскія державы отъ Рейна непрерывнымъ рядомъ мелкихъ государствъ, онъ принялся перекраивать германскія государства, передавая города и веси отъ одного державца другому и нисколько не освѣдомляясь при этомъ о желаніяхъ населенія. Тогдашнее положеніе Германіи и способъ обращенія съ нею Бонапарта нагляднѣе всего доказываютъ, до какой степени нарушено было въ Европѣ политическое равновѣсіе, и какъ были ниспровергнуты всѣ прежнія представленія о международныхъ отношеніяхъ. Мелкія государства, самостоятельности которыхъ угрожала гибель, обращались къ Талейрану съ мольбою о спасеніи. Этотъ продажный министръ принималъ взятки отъ всѣхъ, но пощадилъ единственно только тѣхъ, которыя оказались въ состояніи ему заплатить дороже другихъ. Государства, нежелавшія или немогшія дать за себя приличный выкупъ, исчезли съ карты Европы безъ всякаго протеста съ чьей либо стороны, за исключеніемъ низвергнутыхъ ихъ державцевъ. Цѣлыя дюжины развращенныхъ до мозга костей мелкихъ дворовъ, позорившихъ въ тече-

ніе болѣе уже столѣтія германское имя, перестали существовать, не вызывая ни въ комъ желанія носить по нихъ трауръ. Многіе гордые имперскіе города вынуждены были склониться передъ могущественными, феодальными династіями, которыхъ считали передъ тѣмъ своими наслѣдственными врагами. Въ результатѣ получился страшный хаосъ, обусловленный мѣстными мелкими распрями и сосѣдскимъ недоброжелательствомъ, перепутавшимися до нельзя вслѣдствіе неожиданныхъ рѣзкихъ перемѣнъ въ территоріальномъ разграниченіи. Этимъ устранены были въ значительной степени причины, препятствовавшія до тѣхъ поръ Германіи достигнуть такого развитаго національнаго сознанія, какимъ обладали другія болѣе сплоченныя европейскія государства.

Новое территоріальное разграниченіе Германіи, обставленное цѣлымъ рядомъ договоровъ, успѣшно подвигалось впередъ. Императора Александра I удалось склонить къ согласію на это разграниченіе, благодаря щедрой уступчивости, обнаруженной къ его родственникамъ Виртембергскаго Дома. Пруссія получила въ награду за свой нейтралитетъ вмѣсто Клевскихъ земель такія великолѣпныя владѣнія, какъ Гильдесгеймъ, Падерборнъ, Кведлингбургъ и многія другія. Побѣжденная Австрія вынуждена была согласиться на переустройство Италіи и удовлетвориться въ Германіи меньшими территоріальными вознагражденіями, чѣмъ ей слѣдовало бы, казалось, получить по праву, но за то великому герцогу тосканскому отдали Зальцбургъ, Берхтесгаденъ, Бриксенъ, Тріентъ и часть Эйхштедта. Предположенный Австріей раздѣлъ Баваріи не состоялся. Напротивъ того, баварскія владѣнія были увеличены присоединеніемъ Нассау съ окрестною территоріей. Такимъ образомъ оказалось, что Бонапартъ выполнилъ данныя имъ обѣщанія. Герцогства Баденское и Дармштадтское, въ качествѣ пограничныхъ государствъ, были нѣсколько увеличены и усилены. Вообще соглашенія, состоявшіяся между Россіей и Франціей, повели къ ослабленію Австріи, усиленію Пруссіи, расчлененію священной римской имперіи и радикальному измѣненію существовавшей до тѣхъ поръ системы международной европейской политики. Въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ и Дармштадтѣ царствовали родственники русскаго Императора. Онъ счелъ выгоднымъ для себя увеличеніе ихъ могущества; они же, въ свою очередь, видѣли въ первомъ консулѣ властителя, наградившаго ихъ за приверженность къ Франціи и вслѣдствіе этого стали надежными его сторонниками.

Само собою разумѣется, что англійскіе дипломаты на материкѣ Европы были до чрезвычайности изумлены и смущены такимъ безцеремоннымъ переустройствомъ политическаго ея положенія. Неужели Великобританія до такой степени лишилась прежняго своего престижа, что ея традиціонный врагъ могъ безпрепятственно хозяйничать по собственному усмотрѣнію въ Европѣ, въ ущербъ не только славѣ, но даже благоденствію и можетъ быть даже независимости и государственной самостоятельности Англіи?

Упомянутыя измѣненія безостановочно совершались впродол-

женіи всей осени и зимы 1802—1803 гг., причемъ они закончились и были обнародованы въ февралѣ этого года. Необходимо замѣтить, что до тѣхъ поръ о нихъ не было категорически заявлено, и что эти „постановленія имперскихъ делегатовъ“ (какъ ихъ называли изъ вѣжливости) имѣли неоффиціальный характеръ, къ которому неудобно было придраться. Впрочемъ, уже въ сентябрѣ 1802 года, Аддингтонъ сдѣлалъ шагъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что отвѣтственное правительство Англіи рѣшило по своему истолковывать Аміенскій трактатъ, или, лучше сказать, намѣревалось считать нарушеніемъ этого трактата всякое неблагопріятное для Англіи истолкованіе Люневилльскаго договора. Этимъ шагомъ являлось назначеніе британскимъ посломъ въ Парижъ лорда Уйтворта, гордаго непреклоннаго аристократа, отличавшагося большимъ самообладаніемъ. Онъ былъ бы великолѣпнымъ представителемъ Великобританіи при прежнемъ французскомъ королевскомъ дворѣ, но его присутствіе при консульскихъ, якобы республиканскихъ оффиціальныхъ пріемахъ являлось само по себѣ постояннымъ укоромъ новому порядку вещей. Инструкціи этого посла имѣли тоже не особенно миролюбивый характеръ. Въ нихъ высказывалось подозрѣніе, что Франція втайнѣ злоумышляетъ противъ англійскихъ интересовъ. Ему предписывалось обратить особенное вниманіе на страны, которыя французская республика поставила въ подчиненное къ себѣ положеніе. Лордъ Уйтвортъ долженъ былъ протестовать противъ присоединенія Піемонта къ Франціи и противъ отношеній, въ которыя она поставила къ себѣ три новыхъ республики. Онъ былъ уполномоченъ отказать Франціи наотрѣзъ во всякомъ удовлетвореніи относительно острова Мальты и не связывать короля Георга никакими обязательствами касательно дальнѣйшихъ намѣреній его величества по отношенію къ этому острову. Ему предписывалось особенно внимательно слѣдить за французскою политикой относительно обѣихъ Индій (Остъ-Индіи и Вестъ-Индіи). Впродолженіи кратковременнаго своего пребыванія въ Парижѣ, лордъ Уйтвортъ велъ себя сдержанно и осторожно, но понятно, что такой человѣкъ съ такими инструкціями не могъ производить впечатлѣніе посла, задающагося цѣлью упрочить недавно заключенный миръ. Онъ началъ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ доносить въ своихъ депешахъ, что французскій народъ питаетъ чувство презрѣнія къ своему правительству, и что финансы Бонапарта въ высшей степени разстроены. Въ послѣдующихъ донесеніяхъ онъ продолжалъ осмѣивать и осуждать консульское правительство, высказываясь довольно спокойно, но съ сдержаннымъ негодованіемъ, о внѣшней французской политикѣ. Лордъ Уйтвортъ присовокуплялъ, впрочемъ, что для Великобританіи каждый годъ мира несравненно выгоднѣе года войны. Пользуясь миромъ, французскія партіи, заинтересованныя въ ниспроверженіи консульскаго правительства, окрѣпнутъ и соберутся съ силами, тогда какъ означенное правительство, напротивъ того, по самому своему существу ослабѣетъ отъ продолжительнаго бездѣйствія.

Первый консулъ, въ свою очередь, тоже какъ нельзя лучше понималъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Зимою, въ засѣданіи государственнаго совѣта, одинъ изъ его членовъ выразилъ свое удовольствіе по поводу мира съ Англіей. „Неужели подписи великихъ державъ подъ мирными договорами дѣлаютъ ихъ изъ враговъ друзьями?“—возразилъ ему Бонапартъ. На этотъ вопросъ ему, разумѣется, отвѣтили въ отрицательномъ смыслѣ. „Въ такомъ случаѣ можете сами вывести заключенія, необходимо вытекающія изъ этихъ посылокъ,—продолжалъ первый консулъ.—Если враждебныя намъ державы скрываютъ подъ личиною мира войну, чтобы объявить ее впослѣдствіи, когда сочтутъ условія для себя болѣе благопріятными, то чѣмъ скорѣе возгорится эта война, тѣмъ лучше, такъ какъ съ каждымъ днемъ все болѣе ослабѣваетъ воспоминаніе о пораженіяхъ, которыя они претерпѣли, а параллельно съ этимъ забывается и обаяніе одержанныхъ нами побѣдъ. Если намъ теперь же объявятъ войну, то всѣ выгоды окажутся на нашей сторонѣ. Вспомните, что первый консулъ поставленъ въ совершенно иныя условія, чѣмъ государи, царствующіе Божіей милостію и считающіе свои престолы наслѣдственнымъ достояніемъ. Это обстоятельство является въ борьбѣ съ монархіями для насъ невыгоднымъ. Республиканское правительство во Франціи, ненавидимое своими сосѣдями,—вынужденное сдерживать внутри государства недовольныя имъ партіи и въ тоже время внушать уваженіе многочисленнымъ своимъ внѣшнимъ врагамъ,—можетъ найти единственный выходъ для себя въ побѣдоносной войнѣ. Оно должно или одолѣть своихъ враговъ, или же пасть въ борьбѣ съ ними. Я постараюсь сохранить миръ до тѣхъ поръ, пока это окажется возможнымъ для моихъ сосѣдей, но сочту для себя очень выгоднымъ, если меня заставятъ взяться за оружіе, прежде чѣмъ оно успѣетъ заржавѣть... Вникая въ международное положеніе Франціи, я считаю нынѣшній миръ лишь кратковременнымъ перемиріемъ и опасаюсь, что судьба предназначила мнѣ вести почти безпрерывныя войны все время, пока я буду оставаться въ должности“. Не смотря на кажущуюся правдоподобность этого заявленія, надо полагать, что Бонапартъ наврядъ-ли былъ расположенъ тогда высказываться въ подобномъ смыслѣ. Точно также мало довѣрія заслуживаетъ и находящееся въ мемуарахъ Люсьена Бонапарта заявленіе, будто послѣ Аміенскаго мира, не чувство патріотизма, а единственно только личное честолюбіе заставило его брата накликать на Францію новую бѣдственную войну. Напротивъ того, изъ показанія современниковъ, не принимавшихъ личнаго участія въ интригахъ и заговорахъ, а потому имѣвшихъ возможность судить сравнительно безпристрастно о томъ, очевидцами чего они были, приходится вынести совершенно иное впечатлѣніе, а именно, что Бонапарту совершенно искренно надоѣла война и что онъ на самомъ дѣлѣ желалъ сохранить и упрочить европейскій миръ.

Съ другой стороны, впрочемъ, нельзя поручиться за то, каковы были затаенныя личныя желанія перваго консула. Необхо-

димо принять во вниманіе, что позади него стояла сильная армія, жаждавшая войны и томившаяся бездѣйствіемъ, и что эта армія занимала самые выгодные стратегическіе пункты въ Европѣ. Одинъ фактъ существованія такой арміи неминуемо уже создаетъ могущественную партію сторонниковъ войны, а такая партія, въ свою очередь, вліяетъ возбуждающимъ образомъ на главу государства, особенно же если онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является великимъ полководцемъ. Не далѣе какъ въ 1875 году выдающіеся германскіе стратеги едва не одержали верхъ надъ государственной мудростью Бисмарка и чуть не возобновили франко-прусскую войну, чтобы окончательно сломить Францію и устранить для нея на всегда возможность реванша. Подобныя же вліянія могли дѣйствовать по заключеніи Аміенскаго мира и на Бонапарта, но все-таки надо признать недоказаннымъ обвиненіе въ томъ, будто, уже въ 1802 году, Франція являлась несчастною жертвой, а вся Европа— игрушкой честолюбивыхъ замысловъ Бонапарта. Между тѣмъ и сторонники реакціи и радикалы впродолженіе многихъ лѣтъ настойчиво высказывали это обвиненіе. Сопоставляя всѣ имѣющіяся фактическія данныя, приходится заключить, что Бонапартъ не былъ тогда еще убѣжденъ въ необходимости войны для распространенія и упроченія личнаго его вліянія. Сколько можно судить, его мечты о возстановленіи Западной имперіи приняли опредѣленную форму лишь два года спустя. Франція вела тогда уже борьбу за существованіе съ Англіей, управлявшейся тупоумнымъ и сумасброднымъ королемъ, причемъ вся монархическая Европа приняла сторону Великобританіи и вооружилась противъ Бонапарта. Повидимому, онъ тогда только и пришелъ къ убѣжденію, что наступила уже пора объединить западную Европу подъ своею властью, такъ какъ это являлось единственнымъ средствомъ одолѣть Англію и сломить непримиримую вражду старинныхъ европейскихъ династій. То, что было передъ тѣмъ простою мечтою, должно было осуществиться въ дѣйствительности.

Какъ предварительныя условія лондонскаго договора, такъ и самый Аміенскій миръ вызвали первоначально величайшую радость среди англійскихъ промышленниковъ и торговцевъ. Правда, что филантропическія чувства англичанъ были оскорблены послѣдовавшимъ со стороны Франціи оффиціальнымъ разрѣшеніемъ негроторговли, но чувство негодованія временно подавлялось перспективою громадныхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя имѣлось основаніе ожидать отъ давно желаннаго мира. Торговый людъ былъ, однако, до извѣстной степени разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ консульское правительсто немедленно же установило во всѣхъ французскихъ и подчиненныхъ французскому вліянію портахъ энергическія мѣры таможенной охраны, долженствовавшія существенно сократить барыши отъ предполагавшихся попытокъ обхода постановленій строго покровительственной его политики. Набожные англійскіе филантропы считали истиннымъ предназначеніемъ Англіи завоеваніе всемірнаго рынка англійскими товарами и религіозными проповѣдниками. Усердіе миссіонеровъ шло всегда

рука объ руку съ самой безцеремонной навязчивостью торговцевъ. Каждый разъ, когда одна изъ сторонъ религіозно коммерческаго предпріятія терпѣла неудачу, другая сторона считала свои интересы тоже находящимися въ опасности. Поэтому вскорѣ по заключеніи мира общественное мнѣніе въ Англіи начало энергически протестовать противъ торговли неграми. Народныя массы, недавно еще кричавшія ура Бонапарту, принялись снова осыпать его проклятіями. Съ тѣхъ поръ, подъ совмѣстнымъ вліяніемъ многочисленныхъ причинъ, воинственное настроеніе въ Англіи все возрастало. Многія частныя лица фактически убѣдились, что выполненіе условія мирнаго договора, по которому находившіяся во Франціи имущества англичанъ освобождались отъ секвестра, было сопряжено съ нѣкоторыми трудностями. Англійскіе государственные дѣятели начали заявлять, что дальнѣйшее расширеніе федераціи государствъ, во главѣ которой стояла Франція, наноситъ существенный ущербъ британской торговли и промышленности. Преобладаніе англичанъ на морѣ передавало имъ въ руки только лишь сравнительно ничтожную торговлю съ колоніями, тогда какъ несравненно болѣе важная торговля съ европейскимъ материкомъ могла чего добраго оказаться въ иныхъ рукахъ. Король, упрямо державшійся династическихъ воззрѣній, негодовалъ на заключеніе мира съ республикой и считалъ этотъ миръ гибельнымъ для монархическихъ интересовъ, которые онъ отождествлялъ съ интересами народовъ.

Прежде, чѣмъ успѣли высохнуть чернила на подписяхъ подъ Аміенскимъ договоромъ, въ англійской печати начали появляться уже ожесточенные на него нападки. Бонапартъ выговорилъ себѣ право назначить консуловъ въ главные ирландскіе и англійскіе портовые города. Консулы эти были дѣйствительно назначены и прибыли въ Англію, но англійская печать объявила ихъ шпіонами,—военными инженерами, присланными, чтобы снять и отправить въ Парижъ планы съ британскихъ портовъ. Они были вслѣдствіе этого задержаны и не допущены къ исполненію своихъ обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ англійскія власти не сочли нужнымъ препятствовать эмигранту Пельтье издавать въ Лондонѣ на французскомъ языкѣ роялистскую газету „L'Ambigu“, которая самымъ безсовѣстнымъ, но зачастую остроумнымъ образомъ, осмѣивала перваго консула и его правительство. Черезъ два мѣсяца послѣ подписанія мирнаго договора Бонапартъ протестовалъ уже противъ допущенной англійскимъ правительствомъ разнузданности въ печати. Правительство короля Георга въ отвѣтахъ своихъ ссылалось на гарантированную англійскою конституціей свободу печати и утверждало справедливость обвиненій, высказанныхъ англійскими газетами противъ французскихъ торговыхъ консуловъ. Взаимные попреки вскорѣ начали изливаться цѣлыми потоками. Столбцы оффиціальной французской газеты „Moniteur“, въ отместку за оскорбительныя выходки англійской печати, наполнялись столь же оскорбительными выходками по адресу англійскаго правительства и народа. Парижскія газеты принялись изо дня въ день

заявлять, что „Карѳагенъ необходимо разрушить“. Въ Англіи правительственныя сферы были въ правѣ отклонять отъ себя отвѣтственность за то, что говорилось въ газетахъ, тогда какъ Бонапартъ, окончательно уничтожившій во Франціи свободу печати, оказывался вслѣдствіе этого отвѣтственнымъ за каждое слово, появлявшееся въ газетахъ.

Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ первый консулъ облекъ свои неудовольствія въ форму дипломатическаго представленія. Получивъ мягкій по внѣшности, но уклончивый отвѣтъ, онъ обратился въ Лондонъ съ вторичнымъ представленіемъ, въ которомъ жаловался не только на разнузданность англійской печати, но также и на пребываніе въ Англіи эмигрантовъ, завѣдомо принимающихъ участіе въ заговорахъ противъ существующаго во Франціи порядка вещей (причемъ упомянулъ о Жоржѣ Кадудалѣ). Кромѣ того, онъ жаловался на покровительство, оказываемое Англіей принцамъ бывшаго французскаго королевскаго дома. Парламентскій актъ „о чужеземцахъ“ предоставлялъ англійскому правительству право высылки политическихъ эмигрантовъ, но французскому послу объяснили, что въ данномъ случаѣ примѣненіе означеннаго акта было бы противнымъ здравой политикѣ. Тѣмъ не менѣе, сознавая необходимость сдѣлать маленькую уступку французскому правительству, англійскій судъ возбудилъ преслѣдованіе противъ Пельтье за оскорбленіе Перваго консула въ печати. Недовольствуясь осмѣиваніемъ частной жизни и политической дѣятельности Наполеона Бонапарта, остроумный французъ принялся допекать его также каррикатурами, въ числѣ которыхъ было между прочимъ изображеніе сфинкса съ головою Бонапарта и чрезвычайно злыми намеками на неудачную египетскую экспедицію. Когда ему былъ объявленъ строгій выговоръ за такую диффамацію, Пельтье напечаталъ ту же самую каррикатуру, но только безъ головы, вслѣдствіе чего насмѣшка надъ Бонапартомъ пріобрѣла еще болѣе злостный характеръ. На судѣ, благодаря искусству защитниковъ Пельтье, онъ, хотя и былъ формально признанъ виновнымъ, но въ дѣйствительности не понесъ никакого наказанія. Вообще, весь этотъ процессъ имѣлъ характеръ прославленія свободы печати. Чтобы отмстить за это, Бонапартъ далъ ирландскимъ радикаламъ субсидію, съ помощью которой они начали издавать въ Лондонѣ газету, содержавшую самые желчные нападки на Англію и англійское правительство. Матеріалы для этихъ нападковъ въ большинствѣ случаевъ доставлялись прямо изъ Парижа, съ цѣлью противодѣйствовать вліянію англійскихъ газетъ.

Тѣмъ временемъ первый консулъ доказывалъ всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій искренность намѣренія ограничиться одною только чернильной войною. Онъ сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на улучшеніи французской промышленности, выполненіи полезныхъ общественныхъ сооруженій и упроченіи за Франціей колоніальныхъ ея владѣній. Испанія уступила французамъ въ обмѣнъ на Тосканское королевство Луизіану, и первый консулъ предписалъ снарядить экспедицію, чтобы при-

нять эту новую колонію во владѣніе. Онъ не оставлялъ, впрочемъ, безъ вниманія также и торговыя сношенія съ Востокомъ. Искусный дипломатъ Себастіани былъ командированъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ подъ видомъ коммерческаго агента для тщательнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Персіи и въ Левантѣ. Заранѣе уже зная, что присоединеніе Піемонта возбудитъ въ Англіи бурю негодованія, Бонапартъ наводнилъ Ирландію тайными агентами, которые должны были тщательно изучить страну, раздувать въ ней духъ недовольства и по возможности подготовлять народъ къ возстанію. Эти агенты выдавали себя за торговцевъ. Имѣвшіяся у нихъ инструкціи были составлены такимъ образомъ, что англійскіе чиновники не могли усмотрѣть тамъ ничего законопреступнаго. Посылка этихъ агентовъ, а также командировка Себастіани свидѣтельствуютъ единственно лишь о томъ, что Бонапартъ старался обезпечить себѣ возможность нанести Англіи въ крайнемъ случаѣ ударъ въ Ирландіи или же на Востокѣ. То обстоятельство, что онъ впослѣдствіи, во время войны, сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ такую попытку въ Ирландіи, не можетъ служить доказательствомъ того, что у него было намѣреніе вызвать Англію къ войнѣ. Неурядица, возникшая въ Швейцаріи, послужила Первому консулу благовиднымъ предлогомъ занять эту страну тридцатитысячной арміей подъ начальствомъ Нея. Это дѣлалось какъ бы въ интересахъ возстановленія спокойствія и порядка, но въ дѣйствительности имѣло цѣлью пригрозить Пруссіи и Австріи, если бы означенныя державы вознамѣрились протестовать противъ новаго переустройства Европы. На представленія со стороны англійскаго правительства Бонапартъ косвенно отвѣтилъ нотою, отъ 23 октября 1802 года, адресованной къ своему посланнику въ Лондонѣ. Онъ объявлялъ тамъ, что принялъ окончательное рѣшеніе. Если возгорится война, то она будетъ идти на материкѣ и вынудитъ его завоевать Европу. Ему теперь всего лишь 33 года. До сихъ поръ онъ разрушалъ только второстепенныя державы. „Кто знаетъ, сколько времени потребуется на то, чтобы радикально измѣнить карту Европы и возстановить Западную Имперію?“ Французскій посолъ Отто фактически скрылъ эту ноту, понимая, что обнародованіе ея могло бы существенно повредить интересамъ сохраненія мира.

Лѣтомъ 1802-го года Фоксъ съѣздилъ въ Парижъ и вначалѣ сентября мѣсяца представлялся тамъ Бонапарту. Первый консулъ обворожилъ англійскаго государственнаго дѣятеля, хотя и не сказалъ ему ничего совершенно опредѣленнаго. Тѣмъ не менѣе Фоксъ уѣхалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что Бонапартъ искренно желаетъ мира и намѣренъ держаться либеральной политики какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ, поскольку это сообразно съ огражденіемъ спокойствія и порядка. Не смотря на благопріятный докладъ Фокса и на блестящія его парламентскія рѣчи въ защиту Франціи, нападки англійской печати на перваго консула и его политику оставались такими же злобными и ядовитыми, какъ передъ тѣмъ. Къ концу января мѣ-

сяца Талейранъ обратился къ Уйтворту съ новыми представленіями, обострившъ ихъ категорическимъ вопросомъ относительно того, когда именно Англія предполагаетъ очистить Мальту. Уйтвортъ отозвался неимѣніемъ на этотъ предметъ никакихъ инструкцій и ограничился уклончивымъ отвѣтомъ, намекнувъ, что мнѣніе короля Георга объ измѣненіяхъ въ Европѣ, происшедшихъ со времени заключенія мира, можетъ существенно повліять на окончательное рѣшеніе его величества относительно упомянутаго острова. Это было первое оффиціальное заявленіе о томъ, что Англія не намѣрена сдержать свое обѣщаніе. Нѣсколько дней спустя, Себастіани вернулся изъ своего путешествія на Востокъ. Весьма дѣльный и тщательно обработанный его отчетъ объ этомъ путешествіи былъ обнародованъ 30-го января 1803 года въ оффиціальной газетѣ. Обстоятельно разсматривая всѣ слабыя стороны положенія, занятаго Англіей на востокѣ, Себастіани доказывалъ въ своемъ докладѣ возможность возстановить французскія колоніи въ Египтѣ и въ Левантѣ. Въ докладѣ, впрочемъ, имѣлась одна фраза, которую можно было истолковать въ формѣ угрозы, тѣмъ болѣе, что въ ней высказывалась весьма непріятная для англичанъ истина. Себастіани утверждалъ, что шеститысячный французскій отрядъ могъ бы теперь безъ труда завоевать Египетъ. Обнародованіе этого документа въ Англіи вызвало страшную бурю. Многимъ историкамъ угодно было усмотрѣть въ образѣ дѣйствій Бонапарта фактическое объявленіе войны. На самомъ дѣлѣ это было только примѣненіемъ принципа: „долгъ платежомъ красенъ“. Если Англія отказывается очистить Мальту, то пусть же она пойметъ, что обаянію ея на Востокѣ можетъ быть нанесенъ серьезный ударъ. Если бы Бонапартъ намѣревался въ самомъ дѣлѣ нанести этотъ ударъ, то онъ, безъ сомнѣнія, не обнародовалъ бы докладъ Себастіани. Понятно, что англійская чернь была не въ состояніи сообразить это обстоятельство. Во всякомъ случаѣ, по обнародованіи упомянутаго доклада, отношенія между Франціей и Англіей стали до такой степени натянутыми, что вся Европа предусматривала наступленіе кризиса. Франція или Англія, или же обѣ державы вмѣстѣ, должны согласиться на измѣненіе Аміенскаго трактата по отношенію къ острову Мальтѣ, или же война между ними возгорится снова.

Натянутыя отношенія между Англіей и Франціей.

Натянутыя отношенія между обѣими великими западными державами естественно вытекали изъ противуположности ихъ интересовъ, а также изъ того факта, что ни одна изъ враждовавшихъ сторонъ не была еще истощена войною. Вскорѣ по заключеніи Аміенскаго мира, Георгъ III сказалъ: „Миръ этотъ представляется только попыткой и не имѣетъ на самомъ дѣлѣ иного значенія“. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ произведена была двойная попытка:—въ какой степени согласится Бонапартъ умѣрить свое честолюбіе?—насколько изъявитъ Англія готовность отказаться отъ диктатуры своей на моряхъ и властнаго контроля

надъ европейской торговлей?—Вскорѣ выяснилось, что ни одна изъ сторонъ не обнаруживаетъ готовности къ уступкамъ, и что желанный миръ будетъ имѣть характеръ простого перемирія. По прибытіи лорда Уйтворта въ Парижъ, Бонапартъ не замедлилъ убѣдиться, что даже и перемиріе окажется весьма кратковременнымъ. Поэтому онъ отозвалъ изъ Лондона слишкомъ миролюбиваго своего представителя, Отто, и замѣнилъ его въ декабрѣ мѣсяцѣ генераломъ Андреосси. Убѣжденіе перваго консула въ непрочности мира было подкрѣплено въ январѣ мѣсяцѣ упомянутымъ уже заявленіемъ англійскаго посла Талейрану. Миръ, не смотря на свою кратковременность, до такой степени упрочилъ Бонапарту расположеніе французовъ, что онъ счелъ возможнымъ уволить отъ службы трехъ общественныхъ дѣятелей, повидимому, неохотно мирившихся съ самодержавными его замашками. Фуше, Редереръ и Буррьенъ должны были подать въ отставку. Первый изъ нихъ былъ хитрый, неразборчивый въ выборѣ средствъ якобинецъ, заботившійся, однако, преимущественно о личныхъ своихъ интересахъ. Второй, при всей своей мудрости и преданности Бонапарту, являлся слишкомъ смѣлымъ и не всегда удобнымъ совѣтникомъ. Третій—легкомысленный, продажный секретарь перваго консула, зачастую позволявшій себѣ искажать его распоряженія, слишкомъ напиралъ, къ тому же, на прежнія свои товарищескія съ нимъ отношенія по училищу. Почти одновременно съ этимъ Ланнъ снова вошелъ въ милость Бонапарта, и консульская гвардія была значительно усилена. Ввиду предстоявшей борьбы, не за одно лишь преобладаніе, но очевидно на жизнь и на смерть, первый консулъ рѣшился освободиться отъ всякаго лишняго балласта, даже и въ образѣ преданныхъ, но почему-либо неудобныхъ друзей.

Неизбѣжно предстоявшая война не могла въ сущности ограничиться единственно только Англіей и Франціей. Она неминуемо должна была получить характеръ общей войны противъ французскаго преобладанія въ Европѣ, представителемъ котораго являлось распространеніе революціонной федераціи окружавшихъ Францію республикъ, осуществленное Бонапартомъ. Поэтому война оказывалась какъ бы направленной лично противъ перваго консула. Какъ нельзя лучше понимая, что вслучаѣ неизбѣжности войны для него выгоднѣе, если войну эту объявятъ возможно скорѣе, Бонапартъ рѣшился выяснить себѣ, дѣйствительно-ли она неизбѣжна, и сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы привлечь на свою сторону въ еще большей степени симпатіи той части французскаго народа, на поддержку которой онъ теперь больше всего разсчитывалъ. Ему хотѣлось обезпечить себѣ симпатіи средняго сословія, или буржуазіи, которая во время революціи вырвала политическую власть изъ рукъ короля и дворянства. Съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ Бонапартъ выступилъ во Франціи на арену общественной дѣятельности въ качествѣ полководца, дипломата, законодателя и администратора, онъ всячески старался внушить французскимъ буржуа убѣжденіе, что принадлежитъ именно къ ихъ средѣ. По скольку это оказывалось для него воз-

можнымъ, онъ одѣвался, держалъ себя и говорилъ, какъ если бы и въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ буржуа. Онъ щеголялъ своимъ презрѣніемъ къ дипломатическимъ и великосвѣтскимъ обычаямъ, пользуясь ими какъ погремушками лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это являлось необходимымъ для достиженія практическихъ цѣлей и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣивая ихъ публично, когда это оказывалось для него выгоднымъ. Замѣтимъ кстати, что довѣріе Бонапарта къ среднему сословію и рѣшимость доставить таковому возможно болѣе выгодное положеніе, играли важную роль въ грандіозномъ проектѣ общественныхъ сооруженій въ Парижѣ и во всей Франціи, который былъ задуманъ и отчасти выполненъ Наполеономъ. Сооруженіе большихъ каналовъ, улучшеніе дорогъ, щедрыя ассигнованія общественныхъ суммъ на постройку великолѣпныхъ административныхъ зданій, украсившихъ собою провинціальные города, причемъ выполненіе работъ поручалось подрядчикамъ изъ мѣстнаго населенія, тогда какъ общій контроль надъ всѣми этими предпріятіями сосредоточивался въ Парижѣ—все это до чрезвычайности усиливало вліяніе Бонапарта на Францію.

Та же самая система обнаруживалась въ Тюльери какъ въ частной, такъ и въ оффиціальной жизни перваго консула. Бонапартъ позаботился о томъ, чтобы придать частной своей жизни строго-семейный характеръ, выразившійся присутствіемъ въ Тюльери супруги перваго консула и его сестеръ съ ихъ семьями. Во времена консульства и имперіи фавориткамъ Наполеона никогда не дозволялось выставляться на показъ. Первая семья въ государствѣ держалась по отношенію къ супружеской вѣрности той самой внѣшней нормы, которая признавалась обязательной для массы населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бонапартъ не упускалъ случая обнаруживать въ своемъ обращеніи фамильярность, иногда рѣзкую и грубоватую, но бывшую тогда общеупотребительной въ среднемъ сословіи. Онъ щеголялъ также тѣмъ дружескимъ, товарищескимъ обращеніемъ съ простонародіемъ, которое, дѣйствительно, снискало ему большую популярность. Разумѣется, иногда при Тюльерійскомъ дворѣ соблюдался строжайшій церемоніалъ. Въ важныхъ случаяхъ высшіе государственные сановники и дипломатическій корпусъ устанавливались по рангу въ кружокъ, какъ это заведено при Дворахъ съ незапятныхъ временъ. Всѣ эти важныя сановныя особы могли, однако, ожидать такого же обращенія съ собою со стороны перваго консула во время оффиціальныхъ его обходовъ, какого онъ удостоивалъ своихъ родственниковъ, офицеровъ, чиновниковъ и вообще всѣхъ французовъ. Эта фамильярная и безцеремонная манера обращаться доставила Бонапарту желанный случай добиться отъ Англіи категорическаго объясненія. Въ воскресенье, 13-го марта 1803-го года, былъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ парадный пріемъ у перваго консула. Никому, повидимому, не приходило въ голову, что на этомъ пріемѣ произойдетъ что-нибудь особенное. Во Дворцѣ собралось поэтому обычное въ такихъ случаяхъ общество. Въ числѣ другихъ членовъ дипломатическаго корпуса явился

также и лордъ Уйтвортъ, намѣревавшійся представить нѣсколькихъ своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ г-жѣ Бонапартъ. На самомъ дѣлѣ, однако, этому пріему предстояло имѣть характеръ важнаго историческаго событія. То, что произошло на немъ, подверглось, въ несравненно большей степени, чѣмъ какое-либо другое событіе въ жизни Наполеона, злостнымъ искаженіямъ и неправильнымъ толкованіямъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ предшествовавшихъ недѣль въ отношеніяхъ между обѣими державами не послѣдовало существеннаго измѣненія. Въ морскихъ портахъ Франціи вооружались суда, предназначавшіяся, какъ это заявлялось оффиціально и по всѣмъ вѣроятіямъ совершенно искренно, для поддержанія колоніальнаго владычества въ Вестъ-Индіи и въ Америкѣ, а также съ цѣлью упрочить положеніе французскихъ торговыхъ факторій въ Левантѣ и на дальнемъ Востокѣ. Англичане дѣятельно слѣдили, какъ за этими вооруженіями, такъ и за передвиженіями войскъ и столь же тщательно старались истолковывать ихъ въ смыслѣ приготовленій къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Въ пятницу, 17 февраля, Уйтвортъ, въ противность всѣмъ дипломатическимъ прецендентамъ, былъ приглашенъ въ Тюльери, гдѣ, по словамъ самого посла, Бонапартъ принялъ его „съ достаточной сердечностью“. Первый консулъ усадилъ его за столъ въ собственномъ своемъ кабинетѣ и, опустившись въ кресло по другую сторону стола, облокотился на столъ обѣими локтями и принялся совершенно безцеремонно излагать свои взгляды на политическое положеніе. Сознавшись, что его очень раздражаетъ завистливое недовѣріе, выказанное Англіей въ истолкованіи Аміенскаго трактата, Бонапартъ категорически отказывался примириться съ дальнѣйшимъ занятіемъ Мальты и Александріи англичанами, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрицалъ всякое намѣреніе съ своей стороны завладѣть Египтомъ, или же начать войну съ Великобританіей. Обстоятельно разсмотрѣвъ относительное могущество Англіи и Франціи, онъ старался доказать, какую громадную пользу могло бы принести европейскому миру дружеское согласіе между обѣими этими державами и выяснить, что ни одна изъ нихъ не можетъ ничего выиграть, объявивъ другой войну. Въ заключеніе онъ потребовалъ безотлагательнаго очищенія Мальты, предупреждая, что отъ этого будетъ зависѣть война, или миръ. „Еслибъ я въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ воевать,—добавилъ Бонапартъ—то могъ бы безъ всякихъ затрудненій мѣсяцъ тому назадъ овладѣть Египтомъ“. Уйтвортъ отвѣтилъ на это требованіе такими же уклончивыми возраженіями, какія употребилъ уже передъ тѣмъ въ бесѣдѣ съ Талейраномъ. Когда онъ принялся затѣмъ говорить о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Франціей и о расширеніи сферы ея вліянія послѣ заключенія Аміенскаго мира, Бонапартъ, какъ будто разгорячившись, прервалъ его восклицаніемъ: „Должно быть вы имѣете въ виду Піемонтъ и Швейцарію? Это мелочи, которыя выѣденнаго яйца не стоютъ!“ (Употребленное имъ здѣсь выраженіе, говоритъ Уйтвортъ, слишкомъ простонародно и вуль-

гарно, чтобъ могло быть умѣстнымъ въ депешѣ, или же въ устахъ кого бы то ни было, за исключеніемъ развѣ простого извозчика). „Все это можно было предвидѣть еще во время переговоровъ. Теперь вы не имѣете права объ этомъ упоминать“. Самъ Наполеонъ говорилъ о томъ, что раздраженіе у него было всегда болѣе или менѣе дѣланнымъ и никогда не спускалось ниже, какъ до шеи; что же касается до употребленнаго имъ вульгарнаго выраженія, то каждый французскій школяръ несомнѣнно его знаетъ и понялъ бы, что Уйтвортъ поступилъ совершенно правильно, не передавая таковое въ своей депешѣ, потому что въ переводѣ на иностранный языкъ оно пріобрѣло бы несоотвѣтственное значеніе. Англійскій дипломатъ, безъ сомнѣнія, понялъ къ тому же всю основательность соображеній Бонапарта, такъ какъ немедленно затѣмъ повелъ рѣчь о требованіяхъ, которыя въ свою очередь Англія предъявляла Франціи. Первый консулъ извинялся въ томъ, что требованія эти пока еще не выполнены и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически отрицалъ существованіе какого-либо дурного умысла со стороны Франціи. Бесѣда окончилась довольно дружественно. Уйтвортъ прямо заявляетъ, что вынесъ изъ нея единственно только впечатлѣніе объ имѣвшемся у Бонапарта намѣреніи „застращать и напугать“.

Не трудно выяснить, что англійскій дипломатъ вынесъ изъ бесѣды съ французскимъ консуломъ совершенно правильное впечатлѣніе. Британское министерство въ свою очередь рѣшило повидимому отвѣчать угрозами на угрозы. Несмотря на всѣ усилія Фокса, въ парламентѣ обнаруживалось почти единодушное враждебное настроеніе къ Франціи. Правительство еще болѣе разожгло эти враждебныя чувства королевскимъ посланіемъ отъ 8 марта. Преувеличивая до крайности значеніе вооруженій, производившихся во французскихъ и голландскихъ портахъ, посланіе выставляло ихъ достаточной причиной для принятія королемъ энергическихъ мѣръ къ усиленію обороны своихъ владѣній. 10 марта созвано было въ Англіи ополченіе. Извѣстіе о королевскомъ англійскомъ посланіи было получено въ Парижѣ 12 марта. Дюрокъ находился тогда въ Пруссіи въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Къ нему тотчасъ же препроводили копію съ англійскаго манифеста и поручили лично передать Фридриху Вильгельму, что, вслучаѣ войны съ Англіею, Франція должна будетъ занять Ганноверъ. Извѣстно было, что такая оккупація очень не понравится прусскому монарху, а потому имѣлось основаніе надѣяться, что онъ будетъ всячески хлопотать о сохраненіи мира. Не подлежитъ сомнѣнію, что Бонапартъ слѣдовалъ той же системѣ устрашенія, когда, на слѣдующій день по отправленіи своей депеши къ Дюроку и не зная еще, что Англія призвала къ оружію ополченцевъ, онъ подготовилъ на оффиціальномъ пріемѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ сцену съ драматическими эффектами.

Пока придворные собирались на этотъ оффиціальный вечерній пріемъ, первый консулъ проводилъ время въ веселой бесѣдѣ съ женою и сестрами, фамильярно шутилъ съ кавалерами и дамами ихъ свиты

и увлекся даже до того, что принялся играть съ своимъ племянникомъ, малюткой Наполеономъ, сыномъ Луи Бонапарта. Вообще онъ держалъ себя очень непринужденно и даже весело, но, какъ только доложили, что кружокъ уже собрался, онъ тотчасъ же принялъ энергическій рѣшительный видъ, и вышелъ въ пріемную, чтобы начать оффиціальный обходъ. Лордъ Уйтвортъ стоялъ рядомъ съ русскимъ посломъ, графомъ Марковымъ. Первый консулъ освѣдомился у британскаго посла, имѣются-ли у него извѣстія изъ Англіи и, получивъ утвердительный отвѣтъ, завязалъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Итакъ, вы рѣшились воевать?

— Нѣтъ, первый консулъ, мы слишкомъ высоко цѣнимъ благодѣянія мира!—возразилъ посолъ.

— Мы воевали съ вами уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ,—сказалъ на это Наполеонъ. Такъ какъ онъ, повидимому, ждалъ отвѣта, лордъ Уйтвортъ счелъ нужнымъ замѣтить:

— Жаль, что война затянулась такъ долго.

— Для васъ, повидимому, этого еще не достаточно. Вы хотите воевать въ продолженіи еще пятнадцати лѣтъ и, въ самомъ дѣлѣ, принудите меня къ этому,—объявилъ Наполеонъ. Лордъ Уйтвортъ возразилъ:

— Ничто не можетъ быть менѣе этого согласно съ намѣреніями британскаго короля Георга.—Первый консулъ подошелъ тогда къ графу Маркову и кавалеру Азарѣ, стоявшимъ неподалеку отъ англійскаго посла, и сказалъ имъ:

— Англичане хотятъ войны, но если они первые обнажатъ мечъ, то я не буду первымъ, который вложитъ его въ ножны. Они не уважаютъ договоровъ: придется поневолѣ покрыть ихъ траурнымъ крепомъ.

По мнѣнію лорда Уйтворта (изъ депеши котораго заимствованъ весь этотъ разговоръ), предполагалось покрыть траурнымъ крепомъ не Англію, а нарушенные ею трактаты. Бонапартъ продолжалъ свой обходъ и казался чрезвычайно взволнованнымъ всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось при этомъ бесѣдовать. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся опять къ Уйтворту (къ великому неудовольствію посла), возобновилъ разговоръ комплиментомъ лично по его адресу, а затѣмъ продолжалъ:

— Къ чему эти вооруженія? Противъ кого принимаются такія мѣры предосторожности? У меня нѣтъ во французскихъ портахъ ни одного линейнаго корабля, но если вамъ угодно вооружаться, я послѣдую вашему примѣру. Если вы вздумаете начать войну, я буду ее продолжать. Быть можетъ, вамъ удастся уничтожить Францію, но во всякомъ случаѣ вы ее не застращаете!

— Ни то, ни другое не можетъ быть желательнымъ для кого бы ни было. Всѣмъ хотѣлось бы жить съ Франціей въ наилучшемъ согласіи,—возразилъ англійскій посолъ.

— Въ такомъ случаѣ, надо уважать договоры. Горе тому, кто ихъ не уважаетъ, онъ будетъ въ отвѣтѣ передъ всей Европой!—объявилъ первый консулъ.

— Онъ былъ слишкомъ взволнованъ,—замѣчаетъ лордъ Уйтвортъ,—для того, чтобы было умѣстнымъ продолжать этотъ разговоръ, поэтому я ничего ему не отвѣтилъ и онъ удалился въ свои аппартаменты, повторивъ еще разъ свою фразу... Я убѣжденъ, что всѣ присутствовавшіе сознавали крайнюю неумѣстность такого поведенія со стороны перваго консула и обнаруженное имъ при этомъ случаѣ полное отсутствіе приличій или умѣнія себя держать.

Англійскій посолъ привелъ весь этотъ инцидентъ въ своей депешѣ достаточно правильно. Это доказывается, между прочимъ, отправленною въ тотъ же вечеръ депешей Бонапарта къ Андресси, въ которой слова перваго консула приведены почти въ тождественной редакціи.

Таково, значитъ, было на самомъ дѣлѣ „оскорбленіе, нанесенное британскому послу“; этимъ ограничивалась сцена, которую Аллисонъ передаетъ въ такомъ видѣ, какъ еслибы Бонапартъ грозилъ ударить лорда Уйтворта. Таковы были „бранныя рѣчи“ и т. д., выставлявшіяся впослѣдствіи, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, историками въ качествѣ достаточной причины нарушенія Англіей Аміенскаго договора. Безпристрастное изложеніе инцидента, какъ нельзя лучше, выясняетъ истинное его значеніе. Поведеніе Бонапарта, разумѣется, не согласовалось съ обще-принятыми формами придворной вѣжливости. Подобно консульскому посланію къ законодательному французскому собранію, на которое такъ часто ссылались) хотя посланіе это въ дѣйствительности не имѣло сколько-нибудь серьезнаго значенія), сцена, разыгранная Наполеономъ, являлась просто-на-просто попыткой застращать англійское правительство. Впрочемъ, какъ объясняетъ Талейранъ, первый консулъ имѣлъ при этомъ въ виду не только обратить вниманіе всей Европы на политическое положеніе и оправдаться отъ оскорбительныхъ обвиненій, взводимыхъ на него Англіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ предостеречь Англію въ интересахъ мира, а Францію въ интересахъ войны, если бы дѣло дошло до таковой.

Пять дней спустя самъ лордъ Уйтвортъ доноситъ, что довѣренное лицо, которое онъ посылалъ въ Гавръ, не нашло тамъ ничего похожаго на вооруженія, и присовокупляетъ: „Я искренно убѣжденъ, что и въ другихъ французскихъ портахъ нѣтъ и рѣчей о какихъ-либо вооруженіяхъ противъ Англіи“. Онъ объявилъ также, что, судя по нотѣ Талейрана къ французскому послу въ Лондонѣ, Франція вовсе не расположена объявлять войну. Посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ раздѣлялъ тоже этотъ взглядъ. Когда вслѣдъ затѣмъ 4-го апрѣля Бонапартъ снова принималъ дипломатическій корпусъ, онъ выказалъ лорду Уйтворту особенное вниманіе, по крайней мѣрѣ, англійскій посланникъ доноситъ, что имѣлъ полное основаніе остаться довольнымъ обращеніемъ съ нимъ перваго консула.

Депеши лорда Уйтворта обнародовались въ Англіи далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ присылались. Ихъ печатали въ газетахъ съ такими пропусками и передѣлками, при которыхъ онѣ

оказывались какъ нельзя болѣе пригодными для цѣлей министерства, рѣшившагося уже въ то время объявить Франціи войну. Общественное мнѣніе въ Англіи было доведено до крайней степени возбужденія. Переговоры велись въ продолженіе еще нѣсколькихъ недѣль, но единственно только для вида. Англія отказалась передать укрѣпленія на островѣ Мальтѣ неаполитанскому гарнизону, долженствовавшему занять ихъ по условіямъ договора, причемъ сослалась, что не можетъ довѣрять неаполитанскимъ войскамъ и объявила намѣреніе удержать за собою этотъ островъ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ, безъ ущерба для британскихъ интересовъ, передать его неаполитанцамъ. Бонапартъ фактически обнаружилъ готовность къ уступкамъ, объяснивъ, что согласится на занятіе острова Мальты въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ австрійцами или же русскими, но Англія не пошла на этотъ компромиссъ. Франція предложила тогда занять совмѣстно съ Англіей Мальту, но и это предложеніе было отвергнуто. Уйтворту поручено было предъявить взамѣнъ того ультиматумъ, въ которомъ Англія сообщала о непоколебимомъ своемъ рѣшеніи удержать за собою островъ Мальту въ теченіе десяти лѣтъ.

10-го мая обѣ державы отозвали своихъ дипломатическихъ представителей, а 18-го мая Англія формально объявила войну, хотя Вильберфорсъ, протестуя противъ такого рѣшенія, указывалъ, что Бонапартъ, судя по тону его депешъ за послѣднее время переговоровъ, согласился бы признать островъ Мальту независимымъ, или даже оставить означенный островъ на десять лѣтъ въ рукахъ англичанъ. Это было несомнѣнно рѣзкимъ укоромъ по адресу лорда Уйтворта, образъ дѣйствія котораго оказывался далеко не таковымъ, какимъ ему слѣдовало быть въ интересахъ сохраненія мира. Это какъ нельзя лучше сознавали умѣренные и либеральные элементы англійскаго населенія, остававшіеся тогда, къ сожалѣнію, въ меньшинствѣ.

Расторженіе аміенскаго мира.

Прежде, чѣмъ послы обѣихъ державъ успѣли вернуться во свояси, начались уже на морѣ военныя дѣйствія. Англичане захватили множество торговыхъ французскихъ судовъ, не успѣвшихъ, ввиду неожиданнаго объявленія войны, своевременно уйти изъ британскихъ портовъ. Первый консулъ отвѣтилъ на это столь же безцеремоннымъ нарушеніемъ международнаго права. Всѣ англичане, въ возрастѣ отъ 18-ти до 60 лѣтъ, оказавшіеся во французскихъ предѣлахъ, были немедленно же арестованы и посажены въ тюрьму. Впродолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ эти несчастныя жертвы содержались въ тюрьмѣ, какъ военно-плѣнные. Еще за три дня до объявленія войны, Бонапартъ приказалъ наложить амбарго на британскія суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералу Кларку дано было предписаніе закрыть тосканскіе порты англійскимъ кораблямъ. Въ концѣ мая мѣсяца французская армія, подъ начальствомъ Мортье, заняла Ганноверъ, закрыла Бременъ и Гам-

бургъ для британской торговли и заставила эти богатые имперскіе города уплатить значительную денежную контрибуцію. Въ іюнѣ другая армія, подъ начальствомъ Сенъ-Сира, вступила въ неаполитанское королевство, которое передъ тѣмъ, во исполненіе Аміенскаго договора, было очищено французскими войсками и наложило амбарго на британскія суда, грузившіяся въ Тарентѣ, Бриндизи и Отранто. По отношенію къ Ганноверу, Франція не пожелала принять во вниманіе существовавшее въ международномъ правѣ тонкое различіе между Георгомъ III, королемъ въ Великобританіи, и ганноверскимъ курфюрстомъ въ Германіи. Относительно Неаполя консульское правительство выказало неуваженіе къ обязательствамъ, принятымъ по договорамъ, плохо согласовавшееся съ проклятіями, которыя Бонапартъ призывалъ на тѣхъ, кто не выполняетъ таковые. Наконецъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, изданъ былъ знаменитый декретъ о континентальной системѣ, абсолютно воспрещавшій ввозъ англійскихъ товаровъ во Францію и въ страны, находившіяся въ сферѣ ея вліянія. Чтобы ослабить своего врага также и въ другой части свѣта,—усилить морскую державу, враждебную Англіи, и улучшить свои финансы, Бонапартъ протянулъ руку дружбы Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Онъ продалъ имъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ громадную территорію, извѣстную подъ названіемъ Луизіаны. Событіе это, по своему важному значенію, не уступаетъ никакому другому въ лѣтописяхъ американской исторіи. Предоставивъ въ непосредственное распоряженіе Соединенныхъ Штатовъ всю внутреннюю рѣчную систему и впослѣдствіи также и прибрежье Тихаго океана, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенно подготовило возгорѣвшееся въ 1812 году столкновеніе между Соединенными Штатами и Великобританіей, окончательно обезпечившее ихъ торговлѣ полную независимость. Уступка Луизіаны свидѣтельствовала, что Бонапартъ отказался отъ осуществленія грандіознаго своего проекта расширить колоніальное могущество Франціи. Онъ, дѣйствительно, мечталъ было стать твердою ногою въ Вестъ-Индіи и Луизіанѣ на одномъ полушаріи,—заручиться мысомъ Доброй Надежды, Египтомъ и нѣкоторыми частями Индіи—въ другомъ,—устроить промежуточныя морскія станціи на островахъ Св. Елены и Мальтѣ, но выяснившаяся невозможность удержать за собою Санъ-Доминго и очевидное нежеланіе Англіи очистить Мальту разрушили эти воздушные замки и побудили его сосредоточить все свое могущество на усиленіи французскаго вліянія въ Европѣ. Государствамъ, непосредственно соприкасавшимся съ Франціей и находившимся въ сферѣ ея вліянія, пришлось вскорѣ фактически принять прямое или косвенное участіе въ предстоявшей борьбѣ. Голландія обязалась выставить пять линейныхъ кораблей, сто канонерскихъ лодокъ, вспомогательный корпусъ въ одиннадцать тысячъ человѣкъ и продовольствіе на восемнадцати-тысячную французскую армію. Въ вознагражденіе за это Франція обезпечивала за ней всѣ ея владѣнія какъ на материкѣ Европы, такъ и въ колоніяхъ, не исключая и острова Цей-

лона. Швейцарія должна была предоставить въ распоряженіе Бонапарта половину маленькой своей арміи, а вслучаѣ, если бы Франція подверглась нападенію, почти вся эта армія обязана была двинуться на ея защиту. Продажа Луизіаны вызвала настоящій ужасъ въ Испаніи, которая, передъ тѣмъ, не теряла надежды вернуть себѣ эту колонію и выговорила себѣ даже по конвенціи право первой покупщицы на случай, если Франція вздумала бы продавать означенную колонію. Не смотря на обнаружившееся въ Испаніи народное негодованіе, или, быть можетъ, даже вслѣдствіе таковаго, Бонапартъ двинулъ къ испанскимъ границамъ сильную армію. Онъ требовалъ, чтобы, взамѣнъ двадцати пяти кораблей и вспомогательнаго корпуса въ двадцать восемь тысячъ человѣкъ, какъ это было обѣщано въ договорѣ 1796 года, Испанія выплачивала ему денежную субсидію въ размѣрѣ шести милліоновъ франковъ въ мѣсяцъ. „Князь мира“, Годой, бывшій тогда въ Испаніи первымъ министромъ, хотѣлъ было сперва объявить французамъ войну, но ловкій его противникъ пригрозилъ слабохарактерному испанскому королю Карлу IV, что обнародуетъ скандальную связь между Годоемъ и королевой. Несчастный супругъ предпочелъ національное униженіе своему личному и къ концу года всѣ требованія Бонапарта были выполнены. Португалія купила себѣ нейтралитетъ обязательствомъ платить по милліону франковъ въ мѣсяцъ, а Генуя, нѣсколько позднѣе, согласилась выставить шесть тысячъ матросовъ для французскаго флота. Весною 1804 года Англія объявила Испаніи войну.

Другой подготовительной мѣрой со стороны Наполеона было снаряженіе экспедиціи въ Англію. По поводу приготовленій къ этой экспедиціи было очень много говорено и писано, но, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не выяснено, дѣйствительно-ли имѣлъ Наполеонъ ввиду сдѣлать попытку вторженія въ Великобританію. Въ учебникахъ исторіи нерѣдко можно встрѣтить избитую фразу о томъ, что британская имперія сплочена именно тѣмъ, что отдѣлена отъ материка Европы хотя и узкимъ, но бурнымъ морскимъ каналомъ. Правда, что, со временъ англо-саксовъ и до экспедиціи Вильгельма Оранскаго, не разъ происходили удачныя вторженія на англійскую территорію, но, съ возрастаніемъ народнаго своего богатства, Великобританія пріобрѣтала все большую силу сопротивленія, благодаря грознымъ флотамъ, которые дѣлали доступъ къ англійскимъ берегамъ весьма затруднительнымъ. Послѣ Семилѣтней войны враги Англіи начали признавать успѣшное вторженіе фактически неосуществимымъ, но самъ англійскій народъ до сихъ поръ еще относится довольно скептически къ неуязвимости своихъ пенатовъ и отъ времени до времени подвергается припадкамъ паническаго страха. Остроумный вымыселъ, какъ, напримѣръ, „Битва подъ Доркингомъ“, или же возрожденіе проекта устроить тоннель надъ Ламаншемъ, могутъ вызывать такіе лихорадочные приступы опасенія, подъ давленіемъ которыхъ парламентъ изъявляетъ готовность ассигновать какія угодно громадныя суммы на усиленіе флота. Французамъ было хорошо извѣстно существо-

ваніе такихъ опасеній. Въ продолженіи многихъ лѣтъ проектъ высадки въ Англію служилъ для конвента и директоріи благовиднымъ предлогомъ выуживать деньги отъ чиновниковъ и патріотовъ. Возможность его осуществленія служила поэтому постоянною темой самыхъ оживленныхъ преній и препирательствъ. Первый консулъ съумѣлъ какъ нельзя лучше воспользоваться этимъ революціоннымъ, или, точнѣе, традиціоннымъ народнымъ наслѣдіемъ. Несомнѣнно, что приготовленія къ высадкѣ представлялись ему самому по преимуществу дѣла ловкимъ маневромъ, долженствовавшимъ служить для отвода глазъ, но онъ имѣлъ привычку держать на своемъ лукѣ всегда, по крайней мѣрѣ, двѣ тетивы. Весьма вѣроятно, что по временамъ ему самому казалось возможнымъ рискнуть, при извѣстныхъ условіяхъ на высадку въ Англіи. Онъ говорилъ Уйтворту, что для такой высадки имѣется изъ ста шансовъ всего лишь одна вѣроятность успѣха,—никогда не дѣлалъ серьезной попытки къ дессанту и въ своей весьма недипломатичной, но, повидимому, искренней нотѣ отъ 23-го октября къ французскому послу въ Лондонѣ, Отто, даже не упоминалъ о возможности подобнаго дессанта, а напиралъ, главнымъ образомъ, лишь на то, что война съ Англіей побудитъ его къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ въ Европѣ.

При всемъ томъ первый консулъ дѣлалъ серьезныя приготовленія къ экспедиціи и не щадилъ денегъ на эти приготовленія. Ближайшимъ мѣстомъ къ Англіи, гдѣ можно было собрать и обучить многочисленную армію, оказывался городъ Булонь. Въ лагерь, устроенный подъ этимъ городомъ, созваны были лучшіе французскіе войска, чтобы организовать изъ нихъ „Англійскую армію“, въ составъ которой вошли 150.000 старослуживыхъ солдатъ и новобранцевъ, подъ командою Сульта, Нея, Даву и Виктора. Бонапарту впервые еще представлялся случай организовать по собственному своему усмотрѣнію такую могучую боевую машину. Въ результатѣ дѣйствительно получилась армія, превосходнѣйшая изъ всѣхъ существовавшихъ до того времени. Тактическіе пріемы въ ней были усовершенствованы, система организаціи преобразована, снаряженіе упрощено, дисциплина упрочена, энтузіазмъ доведенъ до самаго высшаго своего уровня. Войска, собранныя въ булонскомъ лагерѣ, пріобрѣли великолѣпную боевую подготовку и вмѣстѣ съ тѣмъ были обучены управлять большими плоскодонными лодками и высаживаться изъ нихъ на берегъ съ замѣчательнымъ воинскимъ искусствомъ и точностью, не смотря на бурную погоду и сопротивленіе, которое могли бы встрѣтить на берегу. Часть солдатъ была ознакомлена съ исполненіемъ обязанностей матросовъ на случай, если бы представилась надобность замѣнить таковыхъ на военныхъ корабляхъ. Въ письмѣ къ военному министру Декре, отъ 13 сентября 1805 года, Первый консулъ признается, впрочемъ, что успѣхи, достигнутые имъ въ приготовленіяхъ къ экспедиціи, не могутъ быть признаны особенно блестящими. Большими плоскодонными судами не было почти никакой возможности управлять ввиду сильнаго теченія въ Ламаншѣ. Наполеонъ

добавлялъ, что для успѣха высадки необходимо безвѣтріе, которое длилось бы по меньшей мѣрѣ три дня. Въ концѣ концовъ выяснилось, что подобная высадка можетъ удасться единственно лишь при содѣйствіи сильнаго флота. Тѣмъ не менѣе Бонапартъ какъ нельзя лучше понималъ громадныя преимущества, которыя доставлялъ ему булонскій лагерь. Изъ числа собранныхъ тамъ войскъ, расположенныхъ въ здоровой мѣстности, изобиловавшей продовольствіемъ, можно было, во всякую данную минуту, двинуть неожиданно отъ 80.000 до 100.000 человѣкъ въ Германію.

Извѣстія о приготовленіяхъ Бонапарта къ высадкѣ подѣйствовали на Англію словно электрическое сотрясеніе. Въ постоянной ея арміи числилось уже до 130.000 человѣкъ, въ ополченіи 70.000 и въ резервныхъ войскахъ 50.000 чел. Въ дополненіе къ этимъ вооруженнымъ силамъ были собраны и обучены полчища добровольцевъ, численность которыхъ простиралась въ общей сложности: въ Англіи до 380.000, а въ Ирландіи болѣе 80.000. Для сношеній между судами обсерваціонной эскадры, крейсеровавшей въ каналѣ, и береговыми станціями выработали систему сигналовъ. На вершинѣ каждаго холма устроены были вышки съ маяками, и вся Великобританія обратилась въ военный лагерь. Военный флотъ тоже значительно усилился. Численный составъ экипажей въ немъ возросъ съ 80.000 до 120.000. Сотня линейныхъ кораблей, болѣе ста фрегатовъ и нѣсколько сотъ мелкихъ судовъ: корветовъ, канонерскихъ лодокъ и т. п., были собраны для огражденія британскаго прибрежья. Питту удалось низвергнуть министерство Аддингтона постоянными заявленіями о недостаточности мѣръ, принятыхъ для усиленія государственной обороны. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ самъ ежедневно являлся на ученье во главѣ 3.000 волонтеровъ, собравшихся изъ его помѣстья, или же изъ сосѣднихъ земельныхъ участковъ. Даже великій соперникъ Питта, Фоксъ, на нѣкоторое время отрекся отъ своихъ симпатій къ французамъ. Парламентъ разрѣшилъ правительству выпустить заемъ въ 12.000.000 фунтовъ стерлинговъ, который и былъ немедленно покрытъ подпискою. Вмѣстѣ съ тѣмъ налоги возросли до такой степени, что государственные доходы увеличились вдвое. „Нація торгашей“,—какъ первый консулъ называлъ англичанъ,—стояла такимъ образомъ во всеоружіи, наготовѣ дать отпоръ наслѣдственному своему врагу, и безропотно выносила такіе колоссальные расходы, которые за годъ передъ тѣмъ показались бы ей самой немыслимыми. Вотъ каковы были „легкія препятствія“, помѣшавшія, какъ увѣрялъ Наполеонъ Лась-Казаса на островѣ Св. Елены, осуществленію предположеннаго имъ десанта въ Англію. Очень можетъ быть, что развѣнчанный императоръ и въ самомъ дѣлѣ освоился по прошествіи многихъ лѣтъ съ мыслью, будто все время относился совершенно серьезно къ такому проекту и вѣрилъ въ возможность его осуществленія. Правда, что была выбита медаль, изображавшая на лицевой сторонѣ Геркулеса, который удушаетъ Тритона, и съ бюстомъ перваго консула на оборотной сторонѣ. Сверхъ того, во время

громадныхъ затратъ на приготовленія къ экспедиціи, французская печать усердно распространялась о драгоцѣнныхъ предметахъ искусства, которые могутъ быть вывезены изъ завоеваннаго острова и объ установленіи тамъ французской администраціи. Впослѣдствіи обнаружились, однако, фактическіе вѣсскіе доводы въ пользу того, что проектъ высадки въ Англію служилъ для Бонапарта главнымъ образомъ благовиднымъ предлогомъ организовать могущественную сухопутную армію, которую можно было бы двинуть потомъ, вслучаѣ надобности, противъ Австріи и Россіи. Доводы эти представляются во всякомъ случаѣ гораздо болѣе внушительными, чѣмъ данныя, какъ бы указывающія на существованіе въ дѣйствительности намѣренія переправиться съ цѣлою арміей черезъ Ламаншъ и высадиться въ Англіи.

Революція не доставила французамъ политической свободы, но завершилась подъ властью Бонапарта обезпеченіемъ гражданскихъ правъ. Ввиду естественной ненависти монархическихъ державъ къ движенію, потрясавшему ихъ престолы, позволительно было признавать достиженіе бо́льшихъ результатовъ при существовавшихъ условіяхъ немыслимымъ и утверждать, что, для огражденія пріобрѣтенныхъ уже колоссальныхъ выгодъ, необходима такая мощная политическая централизація, какою являлось правительство перваго консула. На какой бы сторонѣ спорнаго вопроса ни находилась въ данномъ случаѣ истина, достовѣрно, что французскій народъ въ массѣ былъ проникнутъ сознаніемъ, что умѣренно-республиканскіе принципы восторжествовали. Правда, что возобновленіе войны угрожало нанести и дѣйствительно нанесло существенный ущербъ промышленности, торговли и земледѣлію, но, при всемъ томъ, французы были расположены оказать самую восторженную поддержку своему вождю и его мѣропріятіямъ. Даже злѣйшіе враги Бонапарта признавали и до сихъ поръ признаютъ искренность поддержки, которую оказывалъ ему народъ въ 1803 году. Правительство Перваго консула было тогда до такой степени популярнымъ, что позволило себѣ даже назначить дѣвицѣ Робеспьеръ ежемѣсячную пенсію въ размѣрѣ полутораста франковъ. Среди французовъ не обнаруживалось ни малѣйшаго стремленія выражать свои чувства иными путями, чѣмъ чрезъ посредство оффиціозныхъ органовъ. Правительство получало многочисленные адресы съ совершенно искренними обѣщаніями энергической добровольной поддержки. Въ народныхъ массахъ жила еще традиціонная память о безопасности подъ скипетромъ могущественна гомонарха (и въ сущности даже цѣлой династіи, пріобыкшей къ управленію государственными дѣлами). Чувству этому въ достаточной степени удовлетворяло присутствіе пожизненнаго перваго консула и энергическая его дѣятельность, какъ главы государства. Это настроеніе умовъ выразилось весьма многозначительнымъ образомъ въ трибунатѣ, гдѣ одинъ изъ ораторовъ, обращаясь къ Первому консулу, назвалъ его: „Ваше консульское величество!“ Примѣненіе строгой цензуры ко всѣмъ произведеніямъ печати не вызывало ни малѣйшаго неудовольствія, такъ

какъ считалось неизбѣжно-необходимымъ по условіямъ военнаго времени. Книги дозволялось печатать лишь послѣ того, какъ рукопись пробыла у цензора семь дней и была возвращена въ типографію съ помѣткой: „Разрѣшается къ печати". Французскимъ газетамъ воспрещалось сообщать извѣстія, заимствованныя изъ иностранныхъ органовъ печати Помѣщаемыя въ газетахъ статьи и замѣтки подвергались въ цензурѣ самому тщательному просмотру и многочисленнымъ поправкамъ. Когда „Moniteur" и подобные ему французскіе органы печати распространялись насчетъ англійскаго коварства и злоумышленной недобросовѣстности,—когда они изображали Альбіонъ безумно стремящимся къ окончательной гибели, читателямъ это нравилось, и они восторженно одобряли образъ дѣйствій своего правительства. Подобно почтенному меньшинству нынѣшнихъ французовъ, громадное большинство тогдашняго населенія Франціи считало, что подъ управленіемъ Наполеона, отчизна ихъ стояла во всѣхъ отношеніяхъ выше, чѣмъ въ какой-либо другой періодъ исторической своей жизни.

Паденіе Моро.

Народныя массы во Франціи были на сторонѣ Наполеона. Тѣмъ не менѣе уцѣлѣли еще кое-гдѣ немногочисленные, но энергическіе люди, совершенно отчетливо сознававшіе, что одна изъ сторонъ революціи окончательно атрофируется въ ущербъ другой, талантливымъ представителемъ которой являлся Бонапартъ. Не смотря на недовольство Перваго консула, они позволяли себѣ возвышать голосъ. Карно осмѣлился даже протестовать въ трибунатѣ противъ обожанія, съ которымъ большинство относилось къ этому новому воплощенію Октавія Августа, пользовавшемуся внѣшними формами республики для того, чтобъ подмѣнить ее имперіей. Къ этой малочисленной оппозиціонной группѣ принадлежало даже семь или восемь сенаторовъ, не смотря на то, что первый консулъ, состоявшій безсмѣннымъ президентомъ сената, очень внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы туда не могли попасть враждебные ему элементы. Значеніе этой оппозиціонной группы обусловливалось не личнымъ ея составомъ или же непоколебимой ея вѣрностью республиканскимъ принципамъ, а тѣми симпатіями, которыя питали къ ней многіе изъ весьма вліятельныхъ генераловъ. Во время второй итальянской кампаніи Бонапарта, Моро позволилъ себѣ уже выразить неудовольствіе по поводу того, что рейнская армія была ослаблена, какъ разъ въ самый критическій моментъ, откомандированіемъ двадцати пяти тысячъ человѣкъ въ Италію, чтобы обезпечить Бонапарту возможность увѣнчать себя тамъ новыми лаврами подъ Маренго. Впослѣдствіи, въ оффиціальной газетѣ, помѣщено было совершенно ложное заявленіе о томъ, будто жалованье и содержаніе войскамъ, находившимся подъ начальствомъ Моро, приходилось всегда выплачивать изъ государственнаго французскаго казначейства. При тогдашнемъ состояніи общественной нравственности, заявленіе это показалось какъ самому Моро, такъ и его

пріятелямъ, оскорбительнымъ. Несомнѣнно, что оно было и въ самомъ дѣлѣ обнародовано съ цѣлью подорвать репутацію этого полководца. Моро возразилъ на него письмомъ, въ которомъ, ссылаясь на документы, доказывалъ, что получилъ изъ Парижа всего только восемнадцать милліоновъ франковъ, тогда какъ имъ было взято съ Германіи сорокъ четыре милліона контрибуціи, которая и была употреблена на содержаніе войскъ, причемъ оказавшійся избытокъ, въ семь милліоновъ франковъ, былъ розданъ въ награду солдатамъ и офицерамъ сверхъ причитавшагося имъ жалованья. Письмо это задержали въ военномъ министерствѣ и газетамъ было строжайше запрещено о немъ упоминать, хотя Моро разослалъ копіи съ него всѣмъ редакціямъ. Можно представить себѣ, въ какое негодованіе пришелъ авторъ письма, узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ. Если бы онъ и другіе недовольные консульскимъ правительствомъ обнаружили такое же умѣнье интриговать и такую же энергію, какую выказывалъ Бонапартъ, ихъ оппозиція могла бы, дѣйствительно, оказаться для Перваго консула опасною. На самомъ дѣлѣ, однако, они сплошь и рядомъ не успѣвали подготовиться къ столкновеніямъ, которыя сами же вызывали, и не умѣли отражать ловко направленные противъ нихъ удары. Къ тому же за недовольными учредили такой бдительный надзоръ, что каждый ихъ шагъ оказывался заранѣе извѣстнымъ первому консулу и неминуемо долженъ былъ привести къ фіаско. Недовольствуясь этимъ, коварный врагъ принялъ мѣры къ тому, чтобы мало по малу вовлечь ихъ въ свои сѣти, побуждая къ безразсуднымъ поступкамъ и необдуманнымъ заявленіямъ, благодаря которымъ возникла потомъ возможность возбудить противъ нихъ судебное преслѣдованіе.

Разставляя свои ловушки неосторожнымъ противникамъ, правительство Бонапарта не колебалось пользоваться всѣми средствами, какія только попадались ему подъ руку. Полиція слѣдила въ теченіе долгаго времени за попытками нѣкоего аббата Давида достигнуть, въ интересахъ роялистовъ, примиренія между Моро и Пишегрю. Когда, по мнѣнію полиціи перваго консула, прошло уже достаточно времени для того, чтобы Моро успѣлъ себя скомпрометировать, она арестовала Давида и дѣйствительно нашла у него въ числѣ другихъ бумагъ собственноручныя письма Моро. Въ письмахъ этихъ высказывалось сочувствіе и уваженіе къ Пишегрю, но тѣмъ не менѣе они свидѣтельствовали о патріотизмѣ автора, который чувствовалъ себя не въ состояніи забыть измѣну, учиненную бывшимъ его другомъ. Аббата Давида подвергли строгому допросу, но не могли добиться отъ него никакихъ показаній, сколько-нибудь компрометирующихъ Моро. Тогда тайная полиція перваго консула пустила въ ходъ другое лицо, совершенно иного закала, а именно шпіона, обладавшаго необычайнымъ талантомъ къ двоедушію и притворству, короче сказать, одного изъ негодяевъ, столь часто появляющихся изъ мрака въ смутныя времена. Это былъ нѣкто Меге де-ла-Тушъ. Онъ принадлежалъ къ кружку знакомыхъ Бонапарта въ тѣ времена,

когда Наполеонъ жилъ въ Парижѣ еще въ качествѣ искателя приключеній, но, послѣ восемнадцатаго брюмера, перешелъ по внѣшности въ ряды наиболѣе шумныхъ его противниковъ. Фуше одно время покровительствовалъ де-ла-Тушу, но, тѣмъ не менѣе, Меге, вмѣстѣ съ другими ему подобными, изгнали сперва въ Дижонъ, а потомъ на островъ Олейронъ. Меге де-ла-Тушъ исчезъ оттула какимъ-то таинственнымъ образомъ и нашелъ себѣ, повидимому, безъ особеннаго труда, укромное мѣстечко въ Парижѣ. Вскорѣ послѣ того онъ пробрался на островъ Гернси, а оттуда въ Лондонъ. Меге всюду выставлялъ себя врагомъ Бонапарта и, благодаря этому, отчасти вкрался въ довѣріе къ эмигрантамъ. Открыто они остерегались отъ всякихъ съ нимъ сношеній, но втайнѣ онъ успѣлъ заручиться у нихъ такимъ вліяніемъ, что составленный имъ проектъ возрожденія якобинства во Франціи и возбужденія тамъ внутреннихъ смутъ, которыми могли бы воспользоваться Англія и Бурбоны, былъ представленъ черезъ посредство третьихъ лицъ вождямъ французскихъ роялистовъ и нѣкоторымъ изъ членовъ англійскаго правительства, въ томъ числѣ также и Пельгэму.

Жозефъ Фуше, герцогъ Отрантскій.
(Съ картины Дюбюфа въ Версальскомъ музеѣ).

Въ донесеніи своемъ консульскому правительству Меге-де-ла-Тушъ увѣряетъ, будто между агентами англійскаго правительства и французскихъ принцевъ существовало извѣстнаго рода соперничество. Каждая изъ сторонъ хотѣла воспользоваться предстоящей войной въ собственныхъ своихъ выгодахъ. Меге, пользуясь этимъ соперничествомъ, „конфиденціально“ бралъ деньги какъ съ принцевъ, такъ и съ англичанъ. Бурбоны, безъ сомнѣнія, воспользовались бы во всякомъ случаѣ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій для попытки произвести возстаніе, но, очевидно, слѣдуетъ приписать вліянію Меге поспѣшность, съ которою они, уже въ августѣ 1803 года, разослали своихъ эмиссаровъ по всей Франціи, причемъ, разумѣется, особое вниманіе было обращено на Вандею,

всегда отличавшуюся своей приверженностью къ монархіи. Эти эмиссары отплыли на англійскомъ кораблѣ, которымъ командовалъ капитанъ Урайтъ. Въ числѣ ихъ находился Жоржъ Кадудаль, извѣстный шуанскій вождь, который, высадившись 21 августа 1803 года на французскій берегъ, немедленно же отправился въ Парижъ. Тамъ онъ держалъ себя до такой степени неосторожно, что его присутствіе стало вскорѣ извѣстнымъ полиціи. Подозрѣваютъ, что одинъ изъ сотоварищей Кадудаля, нѣкто Керей, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Англіи, былъ на самомъ дѣлѣ тайнымъ агентомъ французской полиціи. Шуанскій вождь тотчасъ же дѣятельно занялся организаціей смѣлаго заговора, цѣль котораго заключалась будто бы единственно въ томъ, чтобы захватить особу перваго консула.

Лица, съ которыми Меге договаривался въ Англіи, поручили ему заѣхать, до возвращенія во Францію, въ Мюнхенъ и заручиться содѣйствіемъ Френсиса Драке, англійскаго резидента при баварскомъ Дворѣ. Меге отплылъ поэтому въ Германію и высадился въ Альтонѣ. Тамошній французскій консулъ былъ „своимъ человѣкомъ“, такъ что ловкій заговорщикъ имѣлъ возможность тотчасъ же вступить черезъ его посредство въ сношенія съ консульскимъ правительствомъ. Одновременно съ этимъ онъ обратился къ проживавшему въ Варшавѣ претенденту, именовавшему себя королемъ Людовикомъ XVIII, съ письменнымъ предложеніемъ услугъ на такихъ же условіяхъ, какія предлагалъ въ Лондонѣ другому претенденту, графу Артуа. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Меге прибылъ въ Мюнхенъ, гдѣ разсказалъ вымышленную исторію про дѣятельность вовсе несуществовавшаго якобинскаго комитета и получилъ отъ великобританскаго представителя не только инструкціи, но также изрядный кушъ денегъ. Повидимому онъ состоялъ также въ сношеніяхъ съ англійскимъ посланникомъ въ Штутгартѣ, Спенсеромъ Смизсомъ.

Вскорѣ послѣ того ловкій шпіонъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ тотчасъ же принялся интриговать самымъ наглымъ образомъ. Трудно отыскать въ лѣтописяхъ исторіи другой подобный примѣръ удачи столь дерзкаго обмана. Бюллетени засѣданій несуществовавшаго якобинскаго комитета, являвшіеся плодомъ чистаго вымысла, пересылались въ Штутгартъ съ письмами, въ которыхъ сообщались тоже лживые, но всего лишь на половину вымышленные отчеты о тайныхъ мѣропріятіяхъ полиціи перваго консула. Каждый отвѣтъ Драке попадалъ въ руки Бонапарта. Обнародованная переписка свидѣтельствуетъ, что самъ первый консулъ съ величайшимъ увлеченіемъ руководилъ всею интригой. Онъ надѣялся разузнать такимъ способомъ имена и адресы находившихся въ Парижѣ роялистскихъ агентовъ и предписывалъ Меге увѣрить англійскаго своего корреспондента въ томъ, что, дѣйствуя сообща, заговорщики могли бы достигнуть своихъ цѣлей однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Имѣя въ виду заручиться такими свѣдѣніями и вывѣдать, быть можетъ, подробности грандіознаго заговора, существованіе котораго французская тайная полиція по-

дозрѣвала, хотя и не имѣла на это достаточнаго основанія, рѣшено было обождать съ оффиціальнымъ сообщеніемъ о заговорѣ Жоржа Кадудаля, который былъ немедленно же обнаруженъ. Въ отвѣтъ на свои письма Меге получилъ отъ англійскаго посланника въ Штутгартѣ деньги, а также инструкцію организовать якобинское возстаніе. Оказывалось, что и Драке и Смизсъ ровно ничего не знали о заговорѣ Кадудаля. Парижская полиція, убѣдившись, что на этомъ пути ничего особеннаго не выгораетъ, повела другую интригу, поручивъ ее человѣку такого же закала, какъ Меге-дела-Тушъ, хотя и не обнаруживавшему въ своемъ негодяйствѣ столь высокой степени художественности. Моро, популярность котораго скорѣе возросла, чѣмъ ослабѣла послѣ арестованія аббата Давида, проживалъ съ тѣхъ поръ въ своемъ помѣстьѣ Гробуа. Вскорѣ послѣ его отъѣзда туда, въ концѣ іюня 1803 года, навѣстилъ его тамъ бывшій офицеръ рейнской арміи, Лажоле, превратившійся въ искателя приключеній и сильно скомпрометированнаго человѣка. Онъ смиренно представилъ генералу рекомендательное письмо, будто бы отъ Пишегрю. Моро отнесся къ своему посѣтителю съ естественнымъ недовѣріемъ, но черезъ нѣсколько дней Лажоле встрѣтился съ нимъ какъ будто случайно въ Парижѣ и завязалъ разговоръ, въ которомъ опять упомянулъ о Пишегрю и его желаніи вернуться во Францію. Моро объявилъ, что лично питаетъ все-таки нѣкоторое расположеніе къ Пишегрю, но вообще высказался о бывшемъ своемъ другѣ и пріятелѣ въ томъ самомъ смыслѣ, какъ это было сдѣлано въ письмахъ, найденныхъ у аббата Давида. Лажоле объявилъ тогда, что съѣздитъ къ Лондонъ переговорить обо всемъ съ Пишегрю. Вмѣсто этого онъ уѣхалъ въ Эльзасъ, гдѣ и про-

Шарль Пишегрю.
(Съ картины барона Штейбена въ Версальскомъ музеѣ).

былъ въ теченіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ Фуше, котораго собирались уже снова назначить министромъ полиціи, повидимому помогалъ своими совѣтами дальнѣйшему разслѣдованію предполагавшагося, широко развѣтвленнаго заговора.

Вслѣдствіе письма Меге къ Людовику XVIII присланъ былъ изъ Варшавы манифестъ, обѣщавшій установленіе конституціонной формы правленія и утвержденіе продажи конфискованныхъ имуществъ. Ловкіе полицейскіе шпіоны съумѣли воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и, съ помощью упомянутаго манифеста, довели нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ еще якобинцевъ чуть не до умопомѣшательства. Эти искренніе республиканцы рѣшились сдѣлать попытку организовать возстаніе противъ консульскаго правительства, выбрали изъ среды своей комитетъ, существовавшій до тѣхъ поръ единственно только въ воображеніи Меге и вступили въ сношеніе съ комитетомъ роялистскихъ агентовъ въ Парижѣ. Означенные два столь разнохарактерныхъ комитета собрались въ общее засѣданіе, на которомъ, безъ вѣдома генерала Моро, выбрали его своимъ вождемъ. Тогда Лажоле вернулся въ Парижъ, откуда нашелъ возможнымъ немедленно же уѣхать въ Лондонъ. Полагаютъ, хотя это и не доказано, что онъ видѣлся съ Фуше, отъ котораго и получилъ подробныя инструкціи. Другого шпіона отправили въ Варшаву. Неизвѣстно, въ чемъ именно заключалось данное ему порученіе, но во всякомъ случаѣ оно осталось безуспѣшнымъ. Что касается до Пишегрю, то онъ давно уже состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Артуа, будущимъ королемъ Карломъ X и какъ нельзя лучше понималъ слабохарактерность этого претендента. Самъ онъ со славою командовалъ республиканскими арміями, но, не сознавая всего могущества идеаловъ, за которые сражались республиканцы, ужаснулся надвигавшейся бури и перешелъ на сторону эмигрантовъ. Долгіе годы, проведенные въ изгнаніи, не сдѣлали его разсудительнѣе по отношенію къ практическому жизненному опыту. Отъ имени Пишегрю нѣсколько разъ подавались первому консулу конфиденціальныя просьбы о помилованіи, но Бонапартъ всегда отвѣчалъ на нихъ категорическимъ отказомъ. Пишегрю, подъ вліяніемъ лживыхъ сообщеній, пришелъ, подобно графу Артуа, къ убѣжденію, что Бонапартъ успѣлъ уже надоѣсть Франціи. Онъ охотно вѣрилъ поэтому росказнямъ Лажоле, въ которыхъ утверждалось тоже самое. Ни малѣйшаго сомнѣнія не возбудило въ немъ также и заявленіе, что его ученикъ въ военномъ дѣлѣ, генералъ Моро, въ письмахъ котораго, перехваченныхъ у Давида, высказывалось сочувствіе къ бывшему своему учителю, относится какъ нельзя враждебнѣе къ Первому консулу. Казалось совершенно естественнымъ, что ненависть къ Бонапарту увлекла Моро въ заговоръ противъ консульскаго правительства и побуждала искать поддержку у всѣхъ враговъ этого правительства, въ томъ числѣ и у такого вліятельнаго человѣка, какимъ Пишегрю считалъ себя самого. Переговоры съ Лажоле привели къ тому результату, что, 14 января 1804 года, приблизительно

черезъ мѣсяцъ послѣ перваго свиданія съ Пишегрю, шпіонъ и его жертва, вмѣстѣ съ главнѣйшими военными вождями эмигрантовъ, прибыли во Францію на англійскомъ кораблѣ подъ командой капитана Урайта и высадились въ укромномъ мѣстечкѣ, среди пустынныхъ Бивилльскихъ утесовъ, въ 12 или 15 верстахъ отъ Діеппа, куда этотъ корабль доставилъ уже одинъ или два транспорта заговорщиковъ. Самъ графъ Артуа, притязанія котораго слегка лишь маскировалось легитимистскимъ титуломъ Monsieur, первоначально принадлежавшимъ дофину, долженъ былъ прибыть нѣсколько позднѣе во Францію съ своимъ сыномъ, герцогомъ Беррійскимъ.

Нѣсколько дней спустя Лажоле явился къ Моро, разсказалъ ему, что Жоржъ Кадудаль находится въ Парижѣ, а Пишегрю

Арестованіе Жоржа Кадудаля.
(Съ картины Ораса де-Калліаса).

прибылъ во Францію. Шпіону удалось безъ особеннаго труда устроить свиданіе между обоими генералами. Нѣсколько дней спустя Жоржъ и Пишегрю явились къ условленному сроку въ назначенное мѣсто. Моро, предчувствовавшій, что Жоржъ Кадудаль тоже явится на свиданье, прошелъ по противоположной сторонѣ улицы и, узнавъ при лунномъ свѣтѣ Кадудаля, преспокойно вернулся домой. Тайная полиція оставалась въ увѣренности, что свиданіе дѣйствительно состоялось, но тѣмъ не менѣе не принимала никакихъ энергическихъ мѣръ и выжидала дальнѣйшихъ послѣдствій. Оба генерала встрѣтились другъ съ другомъ недѣлей позднѣе, но уже тотъ фактъ, что Моро видѣлъ Жоржа Кадудаля въ обществѣ Пишегрю, заставилъ побѣдителя подъ Гогенлинденомъ держаться настороже. Онъ наотрѣзъ отказался принять къ себѣ

Пишегрю, просившаго временнаго убѣжища. Вскорѣ послѣ того Пишегрю просилъ у Моро вторичнаго свиданія. Моро, хотя и очень неохотно, согласился. Они встрѣтились другъ съ другомъ на улицѣ и бесѣдовали тамъ въ присутствіи Лажоле. Безъ сомнѣнія, рѣчь шла о низверженіи Бонапарта, но пріятели Моро увѣряли, будто сдѣланныя этому генералу предложенія оказывались до такой степени неопредѣленными и нелѣпыми, что онъ во всякомъ случаѣ не могъ ихъ принять и, слѣдовательно, нисколько себя не скомпрометировалъ. Какъ бы ни было, Моро повторилъ еще разъ эти отвѣты человѣку, котораго прислалъ ему Пишегрю. Этотъ человѣкъ Роллавъ, пріятель Лажоле, впослѣдствіи показалъ подъ присягой, что Моро не соглашался стать во главѣ движенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что если Пишегрю удастся что-нибудь сдѣлать (въ каковомъ случаѣ всѣхъ трехъ консуловъ и парижскаго губернатора, разумѣется, пришлось бы умертвить, или по меньшей мѣрѣ, арестовать), то онъ употребитъ свое вліяніе въ сенатѣ, чтобы защитить Пишегрю и его сторонниковъ. „Дальнѣйшій мой образъ дѣйствій,—сказалъ Моро,—будетъ совершенно зависѣть отъ общественнаго мнѣнія Франціи“.

Таково было положеніе дѣлъ, когда первый консулъ рѣшился арестовать наиболѣе выдающихся заговорщиковъ и обнародовать заговоръ во всеобщее свѣдѣніе. 1-го февраля 1804 года назначенъ былъ въ помощники генералъ-прокурору Ренье самый искусный изъ полицейскихъ сыщиковъ, имѣвшихся у Фуше, а именно Реаль. Двѣ недѣли спустя, сильный отрядъ полицейскихъ агентовъ, соблюдая величайшія предосторожности, явился рано утромъ къ дверямъ дома Моро. Убѣдившись, что генералъ уѣхалъ въ свое помѣстье, полиція арестовала его бумаги и учредила надзоръ надъ всѣми служащими. Вскорѣ затѣмъ былъ арестованъ при въѣздѣ въ городъ и самъ побѣдитель подъ Гогенлинденомъ. Въ тотъ же вечеръ, на допросѣ у генералъ-прокурора, онъ до чрезвычайности неловко и безтактно вздумалъ отпираться рѣшительно ото всего, такъ что прокурору не трудно было потомъ уличить его во лжи. На слѣдующій день вывѣшены были на всѣхъ перекресткахъ объявленія, въ которыхъ сообщалось, что „пятьдесятъ негодяевъ, изъ числа прославившихся своими звѣрствами во время междоусобной войны, прибыли въ столицу подъ начальствомъ Жоржа Кадудаля и Пишегрю. Они были приглашены сюда человѣкомъ, котораго республиканцы считали до сихъ поръ однимъ изъ своихъ друзей и товарищей, а именно генераломъ Моро, потребованнымъ вчера за это къ отвѣту передъ національнымъ правосудіемъ“, значилось въ этихъ объявленіяхъ. Многіе изъ упомянутыхъ пятидесяти человѣкъ были уже арестованы, но обоимъ вождямъ удалось временно скрыться отъ розысковъ полиціи. Лишь нѣсколько недѣль спустя, доносчикъ, которому парижскій комендантъ Мюратъ уплатилъ за то сто тысячъ франковъ, далъ полиціи указанія, дозволившія арестовать Пишегрю.

Дерзкое поведеніе Жоржа Кадудаля не на шутку встревожи-

ло парижанъ. Изданъ былъ чрезвычайный законъ въ защиту общественной безопасности, по которому въ важныхъ случаяхъ дозволялось постановлять судебные приговоры безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ правительственныхъ указахъ напоминались строгія кары, которымъ подлежатъ виновные въ укрывательствѣ преступниковъ, и назначались награды доносчикамъ. Въ „Moniteur“ появилось описаніе примѣтъ „негодяевъ, которымъ англійское министерство поручило умертвить перваго консула“. Въ непродолжительномъ времени не только Парижъ, но и вся Франція, прониклись чувствомъ глубочайшаго негодованія къ англичанамъ и самимъ заговорщикамъ, и популярность Бонапарта достигла до самой высокой степени. Наконецъ, 9 марта 1804 года, въ семь часовъ вечера, вождь шауновъ былъ схваченъ на улицѣ послѣ упорнаго сопротивленія, во время котораго онъ убилъ одного изъ полицейскихъ агентовъ и серьезно ранилъ другого. Къ этому времени популярнѣйшей картинкой на парижскихъ улицахъ была дешевая гравюра съ изображеніемъ пятидесяти „негодяевъ“, среди которыхъ былъ помѣщенъ очень схожій портретъ Моро.

Таковы фактическія данныя, которыя можно собрать теперь по отношенію къ этому пресловутому заговору. Тайная полиція Перваго консула не стѣснялась прибѣгать къ пыткѣ, чтобы вынудить у нѣкоторыхъ изъ участниковъ показанія, которымъ уже по этому самому нельзя придавать сколько-нибудь серьезнаго значенія. По настояніямъ своей жены, которая въ свою очередь дѣйствовала, какъ увѣряютъ, по совѣту Фуше, переданному черезъ ея пріятельницу, г-жу Рекамье, Моро обратился къ Бонапарту съ письмомъ. Оно, съ нѣкоторой натяжкой, могло быть истолковано въ смыслѣ сознанія виновности и было представлено въ судъ, въ качествѣ компрометирующаго доказательства. Письмо это произвело глубокое впечатлѣніе, хотя въ немъ, собственно говоря, и не содержалось никакихъ самообвиненій. Что касается до Жоржа Кадудаля, то онъ категорически отрицалъ приписываемое ему намѣреніе убить Бонапарта. Жоржъ увѣрялъ, что имѣлъ въ виду только схватить перваго консула въ то время, какъ онъ проѣзжалъ по улицѣ, окруженный своими тѣлохранителями. Тѣмъ не менѣе Кадудаль и многіе изъ соучастниковъ въ его заговорѣ, послѣ долгаго суда, въ высшей степени расположившаго общественное мнѣніе въ пользу Бонапарта, были приговорены къ смертной казни и разстрѣляны. Пишегрю нашли мертвымъ въ тюремной камерѣ. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ лишилъ себя жизни. Единственнымъ указаніемъ на возможность убійства служитъ заявленіе нѣсколькихъ роялистовъ, содержавшихся въ сосѣдней камерѣ, будто они слышали ночью шумъ словно отъ борьбы. Моро до такой степени упалъ въ общественномъ мнѣніи вслѣдствіе того, что его удалось уличить въ сношеніяхъ съ Пишегрю, несомнѣнно участвовавшемъ въ бурбонскомъ заговорѣ, что онъ утратилъ всю свою популярность. Изъ арміи получено было много адресовъ, въ которыхъ съ негодо-

ваніемъ отзывались о немъ, какъ о роялистѣ. Нѣкоторые изъ адресовъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, не вполнѣ самопроизвольными, но масса французскаго народа не нуждалась въ искусственномъ поощреніи для того, чтобы проникнуться самой восторженной преданностью къ главѣ государства, на убійство котораго вторично уже покушались. Первый консулъ нашелъ, что судъ отнесся къ генералу Моро слишкомъ снисходительно. Дѣйствительно, судьи вынесли сперва оправдательный приговоръ, но правительство настояло на пересмотрѣ этого приговора и, при вторичномъ разбирательствѣ дѣла, Моро былъ присужденъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Бонапартъ, разсчитывавшій на смертный приговоръ, настаивалъ, по крайней мѣрѣ, чтобы Моро, взамѣнъ заключенія, удалился изъ Франціи, продавъ имѣвшіяся у него помѣстья. Моро согласился на это и уѣхалъ въ Кадиксъ, откуда отправился съ женою и дѣтьми въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Тамъ онъ поселился на берегу рѣки Делавара и велъ уединенную жизнь до 1813 года, когда, по приглашенію Императора Александра, вернулся въ Европу и выработалъ проектъ кампаніи противъ французовъ. Въ томъ же году, къ концу августа, въ битвѣ подъ Дрезденомъ французское пушечное ядро оторвало ему обѣ ноги. Не смотря на тотчасъ же сдѣланную ампутацію, онъ вскорѣ послѣ того скончался *).

„Я не подвергался серьезной опасности,—писалъ Бонапартъ къ Мельци 6-го марта 1804 года,—такъ какъ полиція внимательно слѣдила за каждымъ шагомъ заговорщиковъ“. Исторія въ своемъ приговорѣ вынуждена признать, что самый заговоръ оказывался въ значительной степени дѣломъ шпіоновъ и полицейскихъ агентовъ перваго консула. Тѣмъ не менѣе вожди заговора несомнѣнно были люди энергичнаго характера, которые не отступили бы ни передъ чѣмъ для достиженія поставленной себѣ цѣли. Бурбонскіе принцы дѣлали видъ, что имъ единственно лишь хотѣлось вызвать въ Парижѣ возстаніе якобинцевъ. Англійскому правительству дѣйствительно только и нужно было возбудить такое возстаніе, но многіе изъ подосланныхъ ими агентовъ, безъ сомнѣнія, не остановились бы передъ убійствомъ. Общественное мнѣніе во Франціи совершенно правильно осуждало крайнія мѣры, къ которымъ позволили себѣ прибѣгнуть Бурбоны, и на нѣкоторое время всѣ три фракціи роялистовъ чувствовали себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи. Онѣ совсѣмъ притихли, сознавая, что ихъ дѣлу нанесенъ такой ударъ, отъ котораго оно наврядъ-ли когда-нибудь оправится. Что касается до независимой умѣренно республиканской партіи, то она съ удаленіемъ генерала Моро въ ссылку какъ будто совершенно исчезла и въ народѣ и въ арміи. Искренній приверженецъ демократическихъ принциповъ и превосходный полководецъ, генералъ этотъ не выказалъ на поприщѣ политической дѣятельности той дальновидности и послѣдовательности, какою отличались его стратегическія соображенія. Дружба заставила Моро въ 1797 году

*) Моро похороненъ въ С.-Петербургѣ. Прим. Ред.

скрыть попавшіяся ему въ руки доказательства сношеній Пишегрю съ роялистами. Честолюбіе побудило его принять участіе въ брюмерскомъ государственномъ переворотѣ, но онъ плохо разсчиталъ послѣдствія этого переворота и не хотѣлъ потомъ съ ними примириться. Недостатокъ энергической рѣшимости привелъ генерала Моро въ разставленную для него ловушку, но онъ все-таки бы изъ нея выпутался, еслибъ не написалъ, по настояніямъ своей молодой жены, письмо къ генералу Бонапарту, которое, какъ уже упомянуто, и послужило главнымъ основаніемъ для постановленія обвинительнаго приговора.

Умерщвленіе герцога Энгіенскаго.

Послѣднія сцены этой запутанной драмы, состоящей изъ заговоровъ и контръ-заговоровъ, убійствъ и покушеній на убійства, коварныхъ измѣнъ и казней, явились достойнымъ финаломъ всей пьесы. Переходныя эпохи вообще характеризуются разнузданностью страстей, безсовѣстностью и насиліемъ. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка снисходительно относились къ такимъ звѣрскимъ проявленіямъ отмщенія, которыя, въ болѣе спокойныя времена, были бы сочтены преступными и непростительными. Англійскій адмиралъ Нельсонъ только что санкціонировалъ юридическое убійство неаполитанскаго адмирала Караччіоли, преступленіе котораго заключалось лишь въ томъ, что, состоя на службѣ Парѳенопейской республики, онъ сражался съ англійскимъ флотомъ. На совѣсти у Австріи лежало убійство французскихъ уполномоченныхъ въ Раштаттѣ. Нѣсколько позже Бурбоны, съ согласія союзныхъ съ ними европейскихъ монарховъ, разстрѣляли маршала Нея за то, что онъ покинулъ ихъ и перешелъ на сторону Наполеона, признаннаго опять всею Франціей императоромъ. Во всѣхъ этихъ поступкахъ проявляется бѣшеная ярость, обусловленная чрезмѣрнымъ возбужденіемъ. Нѣчто подобное такой же демонской непреклонности вызвано было и у Бонапарта возбужденіемъ, въ которое привели его заговоры, завершившіеся паденіемъ Моро и разстрѣляніемъ Жоржа Кадудаля. Самъ Бонапартъ былъ архи-заговорщикомъ, но, подъ вліяніемъ естественнаго самообмана, онъ искажалъ въ собственныхъ своихъ глазахъ не только истинный характеръ заговоровъ, устроенныхъ главнымъ образомъ собственными его шпіонами, но также и значеніе совершившихся фактовъ, въ смыслѣ вліянія ихъ на Францію и остальную Европу. Убѣжденный, что всѣ должны смотрѣть на него, какъ на невинно преслѣдуемаго человѣка, вынужденнаго къ самообороннѣ, и, повидимому, не сознавая, до какой степени скомпрометирована была Кадудалемъ вся роялистская агитація, онъ рѣшился нанести и безъ того уже разгромленнымъ Бурбонамъ ударъ, который ошеломилъ бы ихъ настолько, чтобъ сдѣлать потомъ на много лѣтъ окончательно безвредными.

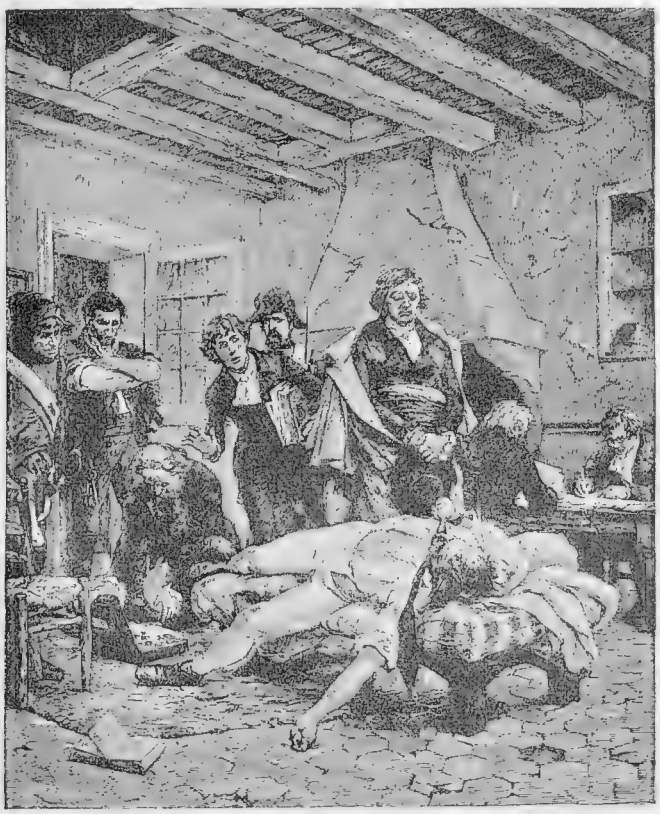
Графъ Артуа и его сынъ, герцогъ Беррійскій, не посмѣли явиться во Францію. Людовикъ XVIII благоразумно проживалъ въ

Варшавѣ. Оба эти претендента на французскій престолъ обладали въ большей степени краснорѣчіемъ, чѣмъ мужествомъ. Даже парижскіе роялисты сомнѣвались въ умѣстности поставить кого-либо изъ нихъ фактически во главѣ предполагавшагося движенія. Сторонники конституціонной монархіи обнаруживали одно время расположеніе собраться вокругъ третьяго бурбонскаго претендента, герцога Энгіенскаго изъ дома Конде, прославленнаго знаменитымъ полководцемъ Людовика XIV, Великимъ Конде. Молодой герцогъ дѣйствительно подавалъ надежды поддержать репутацію знаменитаго своего предка, такъ какъ обладалъ недюжиннымъ умомъ и безстрашнымъ мужествомъ. Ему очень хотѣлось принять личное участіе въ войнѣ противъ революціонной Франціи, и онъ совѣщался какъ съ агентами англійскаго правительства, такъ и съ эмигрантами о наилучшихъ средствахъ къ осуществленію своихъ намѣреній. При всемъ томъ герцогъ былъ совершенно неповиненъ въ заговорахъ и покушеніяхъ на жизнь Наполеона.

Въ продолженіи нѣкотораго времени герцогъ Энгіенскій находился возлѣ самой французской границы, въ баденскомъ замкѣ Эттенгеймѣ, всего лишь въ какихъ-нибудь двадцати пяти верстахъ отъ Страсбурга. Въ замкѣ этомъ жилъ кардиналъ Роганъ съ своей племянницей послѣ того какъ, по заключеніи конкордата, онъ отказался отъ своихъ правъ на страсбургское епископство. Герцогъ былъ уже нѣсколько времени женатъ на племянницѣ кардинала, принцессѣ Шарлоттѣ Роганъ Рошфоръ, хотя объ этомъ бракѣ, вслѣдствіе разныхъ политическихъ соображеній, не было объявлено во всеобщее свѣдѣніе. Поэтому-то, хотя его зачастую и предостерегали объ опасности такого близкаго сосѣдства отъ французской границы, онъ все-таки не соглашался укрыться въ Англіи, гдѣ могъ бы найти себѣ надежный пріютъ. До заключенія Аміенскаго мира, герцогъ состоялъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ недовольными въ Швейцаріи и роялистами въ Эльзасѣ. По расторженіи мира, онъ всячески старался поддержать у этихъ роялистовъ привязанность къ дѣлу Бурбоновъ. Въ мартѣ 1803 года, въ отвѣтъ на манифестъ претендента, именовавшаго себя Людовикомъ XVIII, герцогъ Энгіенскій объявилъ, что пребываетъ ему вѣрнымъ. Когда возгорѣлась опять война между Франціей и Англіей, онъ просилъ разрѣшенія поступить на англійскую службу и содѣйствовать отраженію дессанта, который предполагалъ устроить Наполеонъ. Англійское правительство не было, однако, расположено принять на свою службу кого-либо изъ бурбонскихъ принцевъ.

Послѣ обнародованія варшавскаго манифеста и заявленія о томъ, что герцогъ Энгіенскій пребываетъ вѣрнымъ Людовику XVIII, друзья герцога нашли дальнѣйшее его пребываніе въ Эттенгеймѣ болѣе чѣмъ когда-либо опаснымъ. Не обращая вниманія на ихъ предостереженія, герцогъ жилъ по прежнему въ этомъ замкѣ и усердно занимался разработкой проекта вторженія во Францію черезъ Эльзасъ. Ввиду вѣроятности, что война не замедлитъ

вспыхнуть на материкѣ Европы, герцогъ снова обратился къ англійскому двору, на этотъ разъ черезъ британскаго посланника въ Вѣнѣ, Стюарта, съ просьбою о принятіи его на службу. Онъ изъявилъ желаніе служить на материкѣ Европы, или въ какой-нибудь изъ союзныхъ англичанамъ армій, или въ первыхъ же англійскихъ войскахъ, которыя высадятся въ Нидерландахъ. Тѣмъ временемъ дѣятельность Драке и другихъ англійскихъ ре-



Смерть Пишегрю.
(Съ картины Моро де-Туръ).

зидентовъ при мелкихъ германскихъ дворахъ усилила у герцога рѣшимость навербовать себѣ полкъ во враждебныхъ Бонапарту среднеевропейскихъ государствахъ и назначить тамъ офицерами нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ ветерановъ, сражавшихся когда-то подъ начальствомъ второго Конде, но послѣ Люневилльскаго договора уволенныхъ изъ австрійской службы въ отставку. Извѣстія объ арестованіи Моро и заговорѣ Кадудаля подѣйствовали на герцога словно неожиданный громовой ударъ. Сознавая полную свою

непричастность къ этому заговору, герцогъ, тѣмъ не менѣе, сталъ готовиться къ отъѣзду въ Фрейбургъ (въ Брисгау). Желая, однако, замаскировать неловкость своего положенія, онъ устроилъ у себя въ замкѣ большую охоту и другія празднества, длившіяся цѣлую недѣлю.

Бонапарту хотѣлось сперва захватить графа Артуа, обѣщавшаго, какъ извѣстно, прибыть во Францію. Его усердно разыскивали по всему прибрежью, но, подъ конецъ, убѣдились, что у этого принца благоразумная осторожность одержала верхъ надъ мужествомъ. Разочарованные полицейскіе агенты Бонапарта сосредоточили тогда все свое вниманіе на германской границѣ. Они утверждали, будто въ городѣ Офенбургѣ, куда частенько ѣздилъ герцогъ Энгіенскій, проживали многіе эмигранты, которыхъ на самомъ дѣлѣ тамъ вовсе не было. Они доносили, что молодой принцъ пріѣзжалъ въ Страсбургъ и бывалъ тамъ въ театрѣ. Выставили двухъ гостившихъ въ Эттенгеймѣ совершенно безобидныхъ посѣтителей офицерами, прибывшими изъ Англіи отъ принца Конде. Недовольствуясь этимъ, не въ мѣру усердные агенты объявили одного изъ пріятелей герцога, жившаго съ нимъ по сосѣдству эмигранта, престарѣлаго маркиза де-Тюмери (фамилію котораго нѣмцы выговаривали, надо полагать, не особенно вѣрно)—генераломъ Дюмурье, интриги котораго противъ консульскаго правительства вызывали серьезныя опасенія. Донесенія эти были присланы Бонапарту нѣсколькими днями раньше 9 марта. Почти одновременно съ этимъ первый консулъ получилъ отъ своего агента въ Неаполѣ выдержку изъ письма Дюмурье къ Нельсону, въ которомъ заявлялось о необходимости для англичанъ дѣйствовать противъ французовъ не оборонительно, а наступательно. При такихъ обстоятельствахъ казалось не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что Дюмурье находится какъ разъ на берегахъ Рейна и, вмѣстѣ съ герцогомъ Энгіенскимъ, разработываетъ проектъ вторженія во Францію. Распространялись всевозможные слухи, въ которыхъ истина перемѣшивалась съ небылицами. Выяснилось, что старый заговорщикъ, генералъ Вильо появился опять на югѣ. Говорили, будто герцогъ Беррійскій ѣдетъ въ Бретань, графъ Артуа—находится, быть можетъ, уже въ Парижѣ, а принцъ Энгіенскій и Дюмурье—на западной границѣ. Первый консулъ сознавалъ себя опутаннымъ цѣлой сѣтью заговоровъ. Арестованный Жоржъ Кадудаль показалъ сперва, что дѣйствовалъ по порученію принцевъ, а на послѣдующихъ допросахъ упорно молчалъ. Его слуга, въ свою очередь, объявилъ, что Кадудаль видѣлся при немъ, въ предмѣстьѣ Шальо, съ молодымъ человѣкомъ, производившимъ впечатлѣніе очень знатной особы. Тайная полиція Перваго консула вспомнила, что, въ январѣ мѣсяцѣ, герцогъ Энгіенскій хлопоталъ у французскаго посла въ Вѣнѣ о выдачѣ ему паспорта для проѣзда черезъ Францію. Отсюда она заключила, что празднества въ Эттенгеймѣ служили только маскою, дабы прикрыть отсутствіе самого хозяина, находившагося, безъ сомнѣнія, въ Парижѣ, гдѣ

тогда какъ разъ и происходило таинственное свиданье между Кадудалемъ и таинственнымъ незнакомцемъ. Такова была цѣпь яко бы фактическихъ доказательствъ, убѣдившихъ Бонапарта въ томъ, что герцогъ Энгіенскій дѣйствительно участвовалъ въ заговорѣ на его жизнь. Первому консулу было, правда, извѣстно, что эта драгоцѣнная жизнь не подвергалась серьезной опасности, такъ какъ полиція держала ухо востро, но развѣ такое обстоятельство смягчало само по себѣ преступность затѣянныхъ Бурбонами злоумышленій?

Саварн, герцогъ Ровиго.
(Съ картины Лефевра въ Версальскомъ музеѣ).

Одинъ изъ главнѣйшихъ и наиболѣе дѣятельныхъ принцевъ, руководившихъ заговоромъ, находился тутъ же подъ рукой, близъ самой французской границы. Совершенно естественно, что чувства страха, ненависти и яростнаго негодованія, накопившіяся въ душѣ Бонапарта противъ убійцъ, посягавшихъ на его жизнь, сосредоточились на особѣ герцога Энгіенскаго, на которомъ имѣлась возможность ихъ выместить.

Это желаніе отмстить могло показаться извинительнымъ въ человѣкѣ, но Бонапартъ, какъ первый консулъ, могъ вмѣстѣ съ тѣмъ сослаться и на государственныя соображенія, а какъ полководецъ — могъ считать необходимымъ строгій примѣръ для поддержанія дисциплины. Онъ посовѣтовался, между прочимъ, съ Реалемъ, Фуше и Талейраномъ. Личные ихъ интересы были тогда тѣсно связаны съ безопасностью Бонапарта, а потому они совѣтовали первому консулу прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ и безцеремоннымъ мѣрамъ для пресѣченія заговоровъ и злоумышленій. 10 марта государственный совѣтъ выслушалъ и одобрилъ планъ Бонапарта, причемъ, однако, Лебренъ высказался въ уклончивомъ смыслѣ, а Камбасересъ объявилъ даже выполненіе этого плана нежелательнымъ, утверждая, что оно по-

ведетъ только къ усиленію вліянія Бурбоновъ, которое, въ дан ную минуту, являлось окончательно подорваннымъ. Вечеромъ въ тотъ же день отправленъ былъ къ Рейну экспедиціонный отрядъ подъ начальствомъ Орденера, долженствовавшій занять Эттенгеймъ. Другой отрядъ, подъ командою Коленкура, выступилъ на другой день въ Оффенбургъ. Коленкуру поручено было передать дипломатическую ноту баденскому двору. Онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о предписаніи, данномъ его товарищу. Ему самому было поручено разсѣять эмигрантовъ, сформировавшихъ будто бы въ оружейный отрядъ и потребовать выдачи извѣстной интригантки, баронессы Рейхъ. Орденеру приказано было, въ свою очередь, арестовать герцога Энгіенскаго. Оба отряда безотлагательно двинулись къ Страсбургу. Узнавъ, что баронесса уже арестована, а донесеніе полицейскихъ агентовъ о существованіи вооруженнаго отряда эмигрантовъ въ Оффенбургѣ лишено всякаго основанія, оба генерала приступили къ выполненію подробныхъ инструкцій перваго консула относительно арестованія герцога Энгіенскаго.

12 марта герцога извѣстили объ угрожавшей ему опасности, но онъ былъ не робкаго десятка и вмѣсто того, чтобы немедленно же уѣхать, отправилъ 13 числа довѣренное лицо въ Страсбургъ, дабы развѣдать, дѣйствительно-ли опасность до такой степени настоятельная. 14 марта явился въ Эттенгеймъ французскій шпіонъ; его узнали и послали за нимъ въ погоню, но ему удалось отъ нея ускользнуть и донести, что герцогъ все еще находится въ замкѣ. Пріятели герцога совѣтовали ему не медлить ни минуты отъѣздомъ, но у него назначена была на другой день охота и онъ рѣшился обождать еще денекъ, причемъ, на всякій случай, положилъ на столъ, возлѣ своей постели, заряженные пистолеты. Проснувшись утромъ 15 числа, онъ убѣдился, что домъ окруженъ французскими войсками. Спастись бѣгствомъ не представлялось ни малѣйшей возможности и ему поневолѣ пришлось сдаться. Въ домѣ произведенъ тщательный обыскъ и всѣ бумаги герцога были захвачены. Вечеромъ герцогъ, съ своими друзьями и домочадцами, находился уже въ казематахъ страсбургской цитадели. Немедленно были отправлены въ Парижъ курьеры съ донесеніемъ о случившемся, а баденскому двору препроводили въ Карлсруэ, за подписью Талейрана, формальное заявленіе объ арестѣ герцога. Бонапартъ зналъ уже изъ донесеній, полученныхъ 17 марта отъ Коленкура и Орденера, что про Дюмурье на берегахъ Рейна не было ни слуху ни духу. 19 марта онъ самъ разсмотрѣлъ найденныя у герцога бумаги, которымъ былъ составленъ инвентарь въ присутствіи ихъ хозяина, послѣ чего ихъ безотлагательно препроводили въ Мальмезонъ.

Въ ночь на 18 марта приказанія (отданныя, когда Бонапартъ все еще вѣрилъ донесеніямъ о сношеніяхъ герцога Энгіенскаго съ Дюмурье) немедленно отослать въ Парижъ обоихъ арестантовъ, т. е. герцога и Дюмурье, были получены въ Страсбургѣ. Вслѣдствіе этихъ приказаній, герцога разбудили въ пол-

ночь, усадили въ почтовую телѣжку и повезли во всю прыть къ мѣсту назначенія. Онъ прибылъ въ Парижъ 20 числа, въ одиннадцать часовъ утра, и былъ немедленно заключенъ въ Венсенскій замокъ. Арестованіе герцога Энгіенскаго вызвало при Баденскомъ дворѣ величайшую скорбь и ужасъ. Французскій посланникъ въ Карлсруэ не только отправилъ прямо въ Парижъ письмо съ заявленіемъ, что поведеніе герцога имѣло все время характеръ „невинный и умѣренный", но вмѣстѣ съ тѣмъ лично поѣхалъ въ Страсбургъ къ префекту объяснить, что въ Эттенгеймѣ никогда не было сборища эмигрантовъ, или же заговорщиковъ. Впослѣдствіи Наполеонъ обвинялъ Талейрана въ сокрытіи депеши, полученной отъ посланника. Что касается до префекта, то не выяснено, счелъ-ли онъ нужнымъ донести о томъ, что ему сообщилъ на словахъ Массіа.

12 марта первый консулъ уѣхалъ къ себѣ на дачу въ Мальмезонъ. Очевидно, что въ душѣ его происходила упорная борьба между противуположными чувствами, но эта борьба не обнаруживалась внѣшними признаками. На лицѣ Бонапарта выражалось какое-то ледяное спокойствіе. По временамъ онъ декламировалъ отрывки стиховъ, гдѣ упоминалось о милосердіи, но почти все время совѣщался съ полицейскимъ сыщикомъ, Реалемъ, и своимъ адъютантомъ, Савари, при чемъ было условлено, что герцогъ, до постановленія надъ нимъ судебнаго приговора, останется въ Венсенскомъ замкѣ. Бонапартъ рѣшилъ предать его военному суду, составленному изъ полковниковъ парижскаго гарнизона. Главнымъ обвиненіемъ противъ герцога надлежало выставить тотъ фактъ, что онъ сражался противъ своего отечества. Предписывалось также спросить у герцога на судѣ, зналъ-ли онъ о злоумышленіяхъ на жизнь Перваго консула и разсчитывалъ-ли вступить съ вооруженнымъ отрядомъ въ Эльзасъ, въ случаѣ если бы эти злоумышленія увѣнчались успѣхомъ?

Военный судъ былъ сформированъ по образцу безжалостныхъ судилищъ, созданныхъ революціей и фактически не отмѣненныхъ во времена директоріи, которая, впрочемъ, не считала умѣстнымъ ими пользоваться. Революціонное постановленіе, объявлявшее каждаго француза, который поднялъ оружіе противъ отчизны, измѣнникомъ, достойнымъ смертной казни, тоже не было отмѣнено. Консульское правительство призвало снова къ дѣятельности военно-судныя комиссіи, поручивъ имъ завѣдываніе дѣлами о бѣглыхъ конспиратахъ, заговорщикахъ и шпіонахъ. Еще со временъ революціи эти военно-судныя коммиссіи привыкли руководствоваться при постановленіи своихъ приговоровъ строгимъ или же благодушнымъ настроеніемъ правительственныхъ сферъ. Не трудно было сформировать такую комиссію для постановленія обвинительнаго приговора надъ любымъ изъ враговъ правительства. Въ данномъ случаѣ никто изъ ея членовъ, кромѣ предсѣдателя и докладчика, не зналъ общественнаго положенія подсудимаго. Преваль, избранный въ предсѣдатели, отказался, сославшись на то, что и самъ онъ и его отецъ служили въ королевскомъ французскомъ полку принца

Энгіенскаго и что у него соединяются съ этимъ именемъ воспоминанія, не совмѣстныя съ обязанностью, которую предполагали на него возложить. Прежній якобинецъ, генералъ Гюленъ, не представилъ никакихъ возраженій и былъ назначенъ предсѣдателемъ военно-судной комиссіи. Судить принца Бурбонской фамиліи, участвовавшаго въ злодѣйскомъ заговорѣ и захваченнаго съ поличнымъ, казалось ему какъ нельзя болѣе благодарной задачей. Онъ сразу же понялъ, чего отъ него ожидаютъ, и получилъ конфиденціальное приглашеніе представить судебный приговоръ непосредственно на разсмотрѣніе самого перваго консула.

Въ это время Бонапартъ тщательно разсматривалъ переписку своихъ шпіоновъ съ Драке и лживыя донесенія полицейскихъ агентовъ, несомнѣнно старавшихся раздуть по возможности дѣло. Тщательно изучая эти документы, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимался пересмотромъ мѣръ, принятыхъ на восточной французской границѣ противъ эмигрантовъ и сторонниковъ ихъ, производившихъ въ Швабіи демонстраціи несомнѣнно враждебнаго характера. До вечера 17 марта Наполеонъ находился въ полной увѣренности, что герцогъ Энгіенскій и Дюмурье злоумышляли сообща въ Эттингенѣ. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, онъ все-таки не измѣнилъ предвзятаго уже своего суроваго рѣшенія. Бумаги, захваченныя у герцога, были прочитаны 19 марта, съ явнымъ намѣреніемъ извлечь изъ нихъ доказательства виновности принца. Въ нихъ не нашлось никакихъ указаній на его соучастничество съ Жоржемъ Кадудалемъ, но Бонапартъ выудилъ тамъ двѣ фразы, которыя, разсматриваемыя сами по себѣ, безъ связи съ предшествовавшими и послѣдовавшими фразами, могли показаться достаточными для постановленія смертнаго приговора. Въ одной изъ этихъ фразъ принцъ объявлялъ французскій народъ „жесточайшимъ своимъ врагомъ“, а въ другой сообщалъ, что за время „двухлѣтняго своего пребыванія за-границей ему удалось войти въ сношенія съ французскими войсками, расположенными на Рейнѣ“. Обѣ эти фразы были включены въ допросные пункты, которые долженъ былъ предложить принцу товарищъ прокурора Реаль. Если герцогъ Энгіенскій старался побудить французскія войска къ измѣнѣ республиканскому знамени, то, безъ сомнѣнія, не требовалось никакихъ иныхъ доказательствъ его участія въ заговорѣ.

Госпожа Бонапартъ съ величайшимъ прискорбіемъ узнала о рѣшеніи, принятомъ ея мужемъ. Вообще говоря его распоряженія и намѣренія были сохранены въ строгой тайнѣ, но Жозефина сообщила о нихъ по секрету госпожѣ де-Ремюза, а первый консулъ разсказалъ ихъ своему брату, Жозефу. 20-го марта декретъ объ арестованіи герцога Энгіенскаго и о преданіи его суду былъ подписанъ первымъ консуломъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Оттуда, вскорѣ послѣ полудня, Бонапартъ вернулся въ Мальмезонъ. Въ три часа пополудни Жозефъ засталъ его тамъ, прогуливающимся по парку. Наполеонъ бесѣдовалъ съ Талейраномъ, ковылявшимъ въ припрыжку, чтобы держаться съ нимъ рядомъ. Поздоровавшись съ своимъ деверемъ, Жозефина сказала: „Я ужасно боюсь этого ка-

лѣки. Прервите, если это возможно, ихъ разговоръ. Онъ безъ того затянулся уже слишкомъ долго". Старшій братъ Наполеона сперва было очень искусно взялся за выполненіе своей роли посредника и ходатая. Первый консулъ сначала смягчился было воспоминаніями о собственномъ своемъ отрочествѣ и отрочествѣ своего брата, среди которыхъ неоднократно встрѣчалась симпатичная фигура принца Конде. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ обнаружилось, однако, между братьями разногласіе по поводу женитьбы Люсьена и по вопросу о наслѣдованіи консульской власти, если ее признаютъ наслѣдственною. Въ концѣ концовъ къ Бонапарту вернулась прежняя холодная рѣшимость, убившая послѣднія надежды у тѣхъ, кто разсчитывалъ еще на помилованіе. Жозефина, обладавшая, какъ извѣстно, очень добрымъ сердцемъ, со слезами умоляла мужа пощадить принца, но онъ возразилъ ей: „Оставьте меня въ покоѣ, сударыня! Вы ребенокъ и не понимаете значенія общественнаго долга". Въ пять часовъ пополудни получено было донесеніе о прибытіи герцога Энгіенскаго въ Венсенскій замокъ. Тотчасъ же затѣмъ Савари былъ посланъ въ Парижъ за приказаніями къ парижскому коменданту Мюрату. По прибытіи въ канцелярію Мюрата, откуда только что выѣзжалъ какъ разъ тогда Талейранъ, Савари узналъ, что военно-судная комиссія уже созвана, и что ему поручается стеречь герцога и выполнить приговоръ, который будетъ постановленъ судомъ.

Сцены, разыгрывавшіяся въ эту ужасающую ночь, нельзя описать никакимъ перомъ. Венсенскій замокъ былъ занятъ сильнымъ военнымъ карауломъ, когда, приблизительно за часъ до полуночи, съѣхались туда члены суда. На лицахъ у нихъ выражалось мрачное недоумѣніе и смущеніе, такъ какъ они все еще не знали, кто такой обвиняемый. Это извѣстно было только предсѣдателю комиссіи, генералу Гюлену,—докладчику (аудитору) и Савари, на котораго возлагалась обязанность палача. Въ сосѣдней комнатѣ находился герцогъ Энгіенскій. Блѣдный и утомленный долгимъ своимъ путешествіемъ, онъ доканчивалъ легкій ужинъ, которымъ дѣлился съ своею собакой и, въ бесѣдѣ съ тюремщикомъ, высказывалъ грустныя мысли, на которыя наводила его перспектива долгаго тюремнаго заключенія.—Онъ сталъ бы все-таки чувствовать себя нѣсколько лучше, если бы ему дозволили, по крайней мѣрѣ, ходить на охоту. Отчего бы не разрѣшить ему, напримѣръ, охотиться въ сосѣднемъ лѣсу въ сопровожденіи тюремщика?—Подъ конецъ, однако, утомленіе взяло верхъ, и герцогъ заснулъ. Тюремщикъ Гарель считался человѣкомъ вполнѣ благонадежнымъ. Онъ въ свое время былъ приставленъ, чтобы стеречь Арену съ сотоварищами (которыхъ, какъ извѣстно, казнили по недоказанному обвиненію въ заговорѣ съ цѣлью умертвить Бонапарта). Это былъ человѣкъ угрюмаго характера и якобинецъ въ душѣ. Гарель не противорѣчилъ своему арестанту, но и не счелъ возможнымъ поощрять грустныя его надежды, такъ какъ еще раннимъ утромъ, подъ личнымъ его надзоромъ, вырыта была во рву замка могила.

Въ полночь герцога разбудили и аудиторъ принялся его допрашивать. Товарищъ генералъ-прокурора, Реаль, неизвѣстно по какой причинѣ, отсутствовалъ и допросныхъ пунктовъ, такъ тщательно составленныхъ главою государства, на лицо не оказалось. Предсѣдатель суда, Гюленъ, съ помощью записочки, полученной отъ Мюрата, составилъ самъ довольно неуклюже формулированные допросные пункты. Члены суда намекали обвиняемому на необходимость быть осторожнѣе въ отвѣтахъ, но, несмотря на то, онъ совершенно искренно объявилъ, что получаетъ отъ англійскаго правительства пенсію и что обращался къ англійскимъ министрамъ съ просьбою о принятіи его на военную службу, — что считаетъ свое дѣло правымъ и намѣревался сражаться за таковое, собравъ въ Германіи войска, въ ряды которыхъ принялъ бы также эмигрантовъ и всѣхъ недовольныхъ консульскимъ правительствомъ. Онъ добавилъ, что уже и передъ тѣмъ ему доводилось сражаться противъ Франціи, но категорически отрицалъ всѣ сношенія съ Дюмурье или Пишегрю и объявилъ о полнѣйшемъ своемъ невѣдѣніи относительно злоумышленій на жизнь перваго консула. Затѣмъ его снова пригласили въ военно-судную комиссію, засѣдавшую въ плохо освѣщенной гостиной замка. Къ протоколу, содержавшему вопросные пункты и данные герцогомъ на нихъ отвѣты, ему иронически дозволили приложить просьбу о личномъ свиданіи съ первымъ консуломъ. „Мое имя, положеніе въ свѣтѣ, мой образъ мыслей и ужасное мое положеніе,—сказалъ онъ,—внушаетъ мнѣ надежду, что первый консулъ не откажется выполнить эту просьбу“. Революціонный судъ сдѣлалъ то, что отъ него требовалось. Члены военно-судной комиссіи хорошо знали уставы, сообразно съ которыми дѣйствовали такіе чрезвычайные суды еще во времена конвента. У нихъ не было однако подъ руками формулы приговора, соотвѣтственной безжалостнымъ законамъ, постановленнымъ противъ французовъ, сражавшихся въ непріятельскихъ рядахъ. Они оставили поэтому въ протоколѣ пробѣлъ, который надлежало заполнить впослѣдствіи и постановили, что „приговоръ, опредѣленный закономъ“, имѣетъ быть выполненъ безотлагательно. Исполнивъ свою обязанность, члены суда занялись составленіемъ просьбы къ Первому консулу о помилованіи, когда Савари, войдя въ комнату, освѣдомился о постановленномъ ими рѣшеніи и о томъ, чѣмъ именно они занимаются. Вырвавъ перо изъ рукъ у генерала Гюлена, онъ вскричалъ: „Остальное уже мое дѣло“—и поспѣшно вышелъ.

Пробило два часа утра на 21-ое марта. „Слѣдуйте за мною и призовите къ себѣ на помощь все ваше мужество“, сказалъ герцогу угрюмый Гарель. Спустившись въ ровъ, арестантъ прошелъ тамъ нѣсколько шаговъ, завернулъ за уголъ и, при свѣтѣ факеловъ, увидѣлъ взводъ солдатъ, выстроенный неподалеку отъ вырытой могилы. Когда адъютантъ принялся читать приговоръ, герцогъ на мгновеніе содрогнулся и воскликнулъ: „Боже мой! За что же это?“—Въ слѣдующее затѣмъ мгновенье онъ совладалъ, однако, съ собою. Спокойно оборвавъ съ себя нѣсколько волосъ

и снявъ съ пальца перстень, онъ просилъ передать то и другое его женѣ, принцессѣ Шарлоттѣ. Въ слѣдующее мгновенье раздался залпъ, положившій его тутъ же на мѣстѣ. Савари пришпорилъ коня и помчался въ Мальмезонъ съ донесеніемъ къ первому консулу. У парижскихъ воротъ онъ встрѣтился съ каретою Реаля, который казался ошеломленнымъ и совершенно сбитымъ съ толку тѣмъ, что услышалъ отъ Савари въ отвѣтъ на свои распросы. Реаль былъ уполномоченъ Бонапартомъ руководить всѣмъ дѣломъ въ военно-судной комиссіи. Онъ разсчитывалъ допросить герцога Энгіенскаго и получить отъ него драгоцѣнныя свѣдѣніи. Документы, которые Реаль везъ съ собою, обезпечили бы всей процедурѣ гораздо большую правильность. Наконецъ, кто знаетъ, постановленный уже приговоръ можно было бы, пожалуй, смягчить. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе какъ будто вытекало изъ всего его образа дѣйствій. Товарищъ генералъ-прокурора, повидимому, ужасался собственнаго своего упущенія, которое, если о немъ въ данномъ случаѣ дѣйствительно могла быть рѣчь, приписали недоразумѣнію, а не какому-либо недостатку въ усердіи. Этотъ искусный полицейскій агентъ всегда отличался примѣрной исполнительностью.

Самъ Бонапартъ до конца жизни былъ убѣжденъ, что его жертва была виновна и считалъ герцога Энгіенскаго соучастникомъ въ злодѣйскомъ заговорѣ. Одно время Наполеонъ прибѣгалъ къ недостойнымъ себя уловкамъ, стараясь доказать, будто герцога растрѣляли по недоразумѣнію, но, впослѣдствіи, онъ оправдывалъ свое поведеніе, ссылаясь на государственныя соображенія, и утверждалъ, что казнь герцога Энгіенскаго была дѣломъ самообороны. „На меня со всѣхъ сторонъ нападали враги, возбужденные Бурбонами. За мною охотились съ помощью духовыхъ ружей, адскихъ машинъ и всяческихъ другихъ смертоносныхъ приспособленій. На землѣ не было суда, къ которому я могъ бы прибѣгнуть съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ. Я имѣлъ поэтому законное право защищаться самъ и казнить одного изъ вождей, сторонники котораго покушались на мою жизнь, тѣмъ болѣе, что разсчитывалъ поселить въ сердцахъ у другихъ спасительный ужасъ“. Когда Наполеонъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, одинъ изъ присутствовавшихъ имѣлъ неловкость прочесть вслухъ замѣтку изъ англійскаго журнала, гдѣ его называли убійцей герцога Энгіенскаго. Умирающій приподнялся, потребовалъ свое завѣщаніе и, схвативъ перо, приписалъ собственноручно: „Я приказалъ арестовать и судить герцога Энгіенскаго, такъ какъ это было необходимо для безопасности, благоденствія и чести французскаго народа. Это было сдѣлано въ то время, когда графъ Артуа, по собственному его сознанію, держалъ въ Парижѣ шестьдесятъ убійцъ, долженствовавшихъ меня умертвить. При такихъ обстоятельствахъ я бы и теперь поступилъ совершенно такимъ же образомъ“. При всемъ томъ онъ неоднократно пытался сложить всю отвѣтственность на Талейрана. Такъ, въ бесѣдахъ съ лордомъ Эбрингтономъ, О'Меара, Ласъ-Казасомъ и

Монтолономъ, Наполеонъ утверждалъ, будто Талейранъ всячески старался доказать неумѣстность помилованія, къ которому онъ лично былъ какъ нельзя болѣе расположенъ.

Совершившій это кровавое преступленіе плохо читалъ въ знаменіяхъ времени. Казнивъ герцога, онъ выставилъ себя слишкомъ вѣрнымъ представителемъ революціи, для того, чтобы остаться пригоднымъ для послѣдовавшаго за ней общества. Извѣстіе объ этомъ юридическомъ убійствѣ заставило содрогнуться всѣхъ и каждаго. Императоръ Александръ оказался, однако, единственнымъ изъ европейскихъ монарховъ, осмѣлившимся протестовать противъ злодѣянія. Онъ прервалъ дипломатическія сношенія съ Франціей и наложилъ при дворѣ трауръ, но долженъ былъ этимъ ограничиться, такъ какъ ни одна держава на материкѣ Европы не пожелала присоединиться къ нему, чтобы объявить войну Первому консулу. Пруссія осталась нейтральной и ея король не счелъ умѣстнымъ высказать свое мнѣніе. Австрія вывела свои войска изъ Швабіи и отправила въ Парижъ курьера съ заявленіемъ, что императорское правительство понимаетъ, къ какимъ прискорбнымъ мѣрамъ приходится иногда прибѣгать подъ давленіемъ политической необходимости. Тѣмъ не менѣе, осенью, Россія и Австрія, приглядѣвшись къ положенію дѣлъ во Франціи и уяснивъ себѣ политику Бонапарта, начали сближаться другъ съ другомъ. Династическая политика, безъ сомнѣнія, дѣлала невозможнымъ публичное выраженіе общественнаго мнѣнія, но во Франціи, какъ и повсемѣстно въ Европѣ, оно ощутило нѣчто вродѣ электрическаго сотрясенія. Неужели вѣкъ насилій еще не миновалъ и все сводилось лишь къ замѣнѣ одной тиранніи другою еще болѣе кровожадною? Съ переходомъ изъ XVIII-го столѣтія въ XIX, измѣнился также и уровень нравственныхъ требованій. Тѣ самые люди, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ глядѣли въ нѣмомъ оцѣпенѣніи на ужасы Террора въ Парижѣ и словно даже ихъ ободряли,—встревожились теперь не на шутку мыслью о возможности возобновленія этихъ ужасовъ. Первый консулъ страшно злился и обижался. Многіе изъ самыхъ близкихъ къ нему людей съ самаго начала высказывались противъ суда надъ герцогомъ Энгіенскимъ и онъ болѣзненно чувствовалъ дурно замаскированное ихъ неодобреніе. Все, что онъ могъ сдѣлать, это было воспретить разсужденія о казни герцога, и онъ дѣйствительно прибѣгъ къ этой мѣрѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что Бонапартъ намѣревался достигнуть прямо противуположнаго результата. Онъ хотѣлъ, чтобы позоръ злоумышленій въ убійствѣ палъ на Англію и на Бурбоновъ, но мѣры, принятыя имъ для этого, побудили всѣхъ глядѣть на него самого почти какъ на убійцу. Ришелье могъ безнаказанно казнить Монморанси, но убійство Конде не прошло Бонапарту даромъ. Много лѣтъ спустя онъ продиктовалъ Меневалю: „Заслуженная смерть герцога Энгіенскаго повредила Наполеону въ общественномъ мнѣніи, а въ политическомъ отношеніи не принесла ему ни малѣйшей пользы“. Извѣстно, однако, что толпа отличается крайнимъ непо-

стоянствомъ взглядовъ и что ее легко можно отвлечь отъ серьезныхъ мыслей. Черезъ три дня послѣ разстрѣлянія герцога Энгіенскаго, у Талейрана былъ блестящій балъ, имѣвшій громадный успѣхъ.

Тогдашнее парижское общество дѣйствительно было очень непостояннымъ и вѣтренымъ въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ. Толки о герцогѣ Энгіенскомъ скоро ему надоѣли, а слухи о надвигающейся войнѣ доставляли новыя интересныя темы для разговора. Легкомысленное большинство немного поволновалось и, наговорившись вдоволь, вернулось къ обычнымъ забавамъ и наслажденіямъ. Серьезные люди, искренно желавшіе блага своей родинѣ, до чрезвычайности встревожились и передавали другъ другу на ухо свои опасенія. Оба эти теченія мыслей отзывались и въ народныхъ массахъ, но они были по преимуществу заняты перспективой предстоящаго торжественнаго коронованія — мечтали о блескѣ будущей французской имперіи и о безпредѣльной славѣ, которою должно ее озарить самодержавное владычество Наполеона. Это казалось народнымъ массамъ гораздо болѣе интереснымъ предметомъ для размышленій и разсужденій, чѣмъ всякая иная тема. Нельзя сказать, чтобы французскому народу суждено было всецѣло обмануться въ оптимистическихъ своихъ ожиданіяхъ. Для него наступали времена императорскаго величія; вліяніе французской цивилизаціи распространялось по Европѣ и глазамъ французовъ представлялся ослѣпительный образъ Франціи, вознесенной на высоту славы и обаянія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Библиотека

12p

1 - 20
p